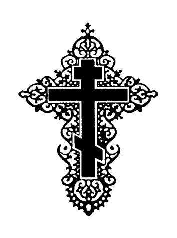
Свт. Димитрий Ростовский
ЖИТИЯ
СВЯТЫХ
IV
ДЕКАБРЬ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.



ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕКАБРЬ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга четвертая. Декабрь. — М.: «Ковчег», 2010. — 832 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-165-8

Подписано в печать 04.05.10. Формат 70×100$^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 52 п. л. Усл. печ. л. 67,08.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз.
Заказ № 1660.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

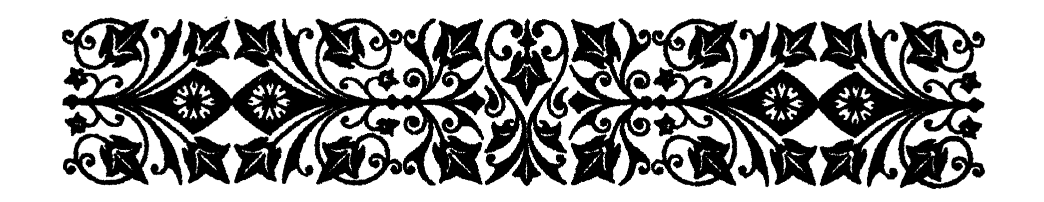
НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо чести́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.



День первый

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА НАУМА

Святой пророк Наум — один из двенадцати так называемых малых пророков — происходил из Галилеи, из селения Елкоша[1].

Главное содержание книги Наума есть пророчество о падении и погибели Ниневии[2], предсказание бедствий, какие праведный Господь наведет на этот город, и самое живое изображение окончательного и совершенного разрушения этого великого и сильно укрепленного города. Пророк Наум предсказывает разрушение Ниневии, как наказание за ее беззакония и особенно за разрушение Израильского царства и за хулу Сеннахирима[3] на Иегову[4]. Таким образом, Наум повторяет то грозное пророчество, которое было изречено на

---

[1] Почему пророк и называет себя *Елкошеянином* или *Елкосеянином* (см.: Наум. 1, 1). По славянскому и другим переводам пророк Наум значится *сыном Елкесиевым*; но большинство толковников (например, блаженный Иероним, святой Кирилл Иерусалимский, Епифаний и другие) принимают еврейское слово *Елкоши* (переведенное по-славянски «сын Елкесиев») за наименование места рождения Наума. По преданию, записанному блаженным Иеронимом, селение Елкоша находилось на севере Галилеи, в царстве Израильском.

[2] *Ниневия* была главным городом ассирийцев, с которыми евреи тогда находились во враждебных отношениях. Ниневия лежала на восточном берегу реки Тигра в Месопотамии. Это был многолюднейший и богатейший город в древнем мире; имел около восьмидесяти четырех верст в окружности.

[3] *Сеннахирим* — царь Ассирийский, сын и преемник Салманассара, разрушившего царство Израильское.

[4] *Иегова* (по-славянски *Сый*, по-русски *Сущий*) — одно из имен Божиих. Оно означает самобытность, вечность и неизменяемость Существа Божия и постоянно употребляется в Священном Писании об одном истинном Боге.

Ниневию пророком Ионою; пророчество Ионы о погибели Ниневии (см.: Иона 2, 2) не было отменено, но лишь отстрочено. Ниневитяне, покаявшись на малое время после проповеди пророка Ионы, видя, что на них не сбылось его пророчество, снова обратились к прежним своим злым делам; этим они снова прогневали Бога и оскорбили Его долготерпение.

Поводом к пророчеству послужило следующее: когда войско Сеннахирима было чудесным образом истреблено под стенами Иерусалима и Сеннахирим с угрозою удалился, евреи, хотя и рады были этому освобождению, но боялись, что Сеннахирим, разгневанный неудачею, снова соберет войско, даже больше прежнего, и снова явится, как угрожал, под стенами Иерусалима. Чтобы успокоить и ободрить народ еврейский, пророк Наум и выступил с своей речью, в которой предсказал уже окончательную погибель Ниневии, которая будет разрушена сильным разливом вод, а сокровища города будут разграблены и истреблены огнем[1].

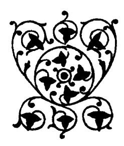
Вся книга пророка Наума представляет собой одно последовательное изложение грозного определения Божия о погибели Ниневии за то, что из нее произошел умысливший зло против Иеговы (то есть Сеннахирим), а Иудейскому царству предсказывается освобож-

[1] Это пророчество о погибели Ниневии *от воды* и *огня* исполнилось буквально. Ниневия, осажденная врагами (Циаксаром, царем Мидийским, и Набопалассаром, царем Вавилонским, около 600 года до Рождества Христова), три года стойко выдерживала осаду, и только разлив реки Тигра, подмывший городские стены, дал возможность врагам, прежде чем ниневитяне успели воздвигнуть новую стену, войти в город и разрушить его до основания (см.: Наум. 3, 14). Царь Ниневийский Сарданапал, отчаявшись в своем спасении и боясь плена, велел сложить в самом дворце большой костер, собрал сюда все свои сокровища и сжег себя вместе со всеми наложницами. Так исполнились грозные слова Наума и другого великого пророка — Исаии (см.: Ис. 30, 33).

дение от ига Ассирии. Затем следует описание осады и самое разрушение Ниневии и, наконец, разъясняется, что Ниневия вполне заслужила такую участь своим идолопоклонством, особенно же своим развратом и волшебством, через которое она порабощала народы. Поэтому никакие средства защиты не спасут ее, и все народы будут радоваться, что избавились от такого жестокого притеснителя[1].

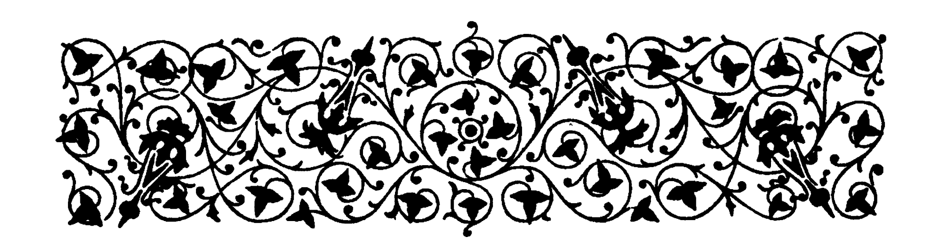
Время служения пророка Наума относится ко второй половине царствования иудейского царя Езекии, то есть к 745–714 годам до Рождества Христова (после разрушения царства Израильского).

О других обстоятельствах жизни пророка ничего не известно. По преданию, он умер на сорок пятом году жизни и был погребен в своей отечественной земле.



---

[1] Кроме пророчества о падении Ниневии в книге пророка Наума можно находить и мессианские черты. «Наум изрекает, — говорит блаженный Феодорит, — гибель Ниневии, ее войску и городу за то, что они, хотя и покаялись после проповеди Ионы, но вскоре забыли о ней и пошли с оружием на Израиля, но, — продолжает он, — есть в книге и пророчество о Спасителе такое: *Поднимается на тебя разрушитель: охраняй твердыни, стереги дорогу, укрепи чресла, собирайся с силами* (Наум. 2, 1) (по-славянски: «взыде вдыхаяй в лице твое»), ибо как в Адама Бог вдунул дыхание жизни, так и Владыка Христос, возобновляя этот образ, *дунул* на апостолов *и говорит им: приимите Духа Святаго* (Ин. 20, 22). Поэтому и под всем сокрушенным царством ассириян, в книге Наума, мы разумеем власть диавола, побежденную Владыкою Христом, а под ликующим Иудою разумеем ликующую о спасении вселенную». — За богослужением Православной Церкви книга пророка Наума не употребляется.



ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО
ФИЛАРЕТА МИЛОСТИВОГО

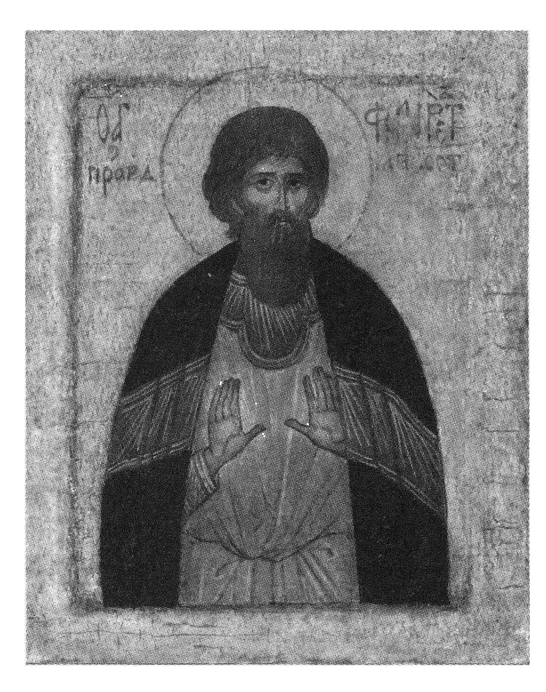
Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут (Мф. 5, 7), — сказал Господь. Это сбылось на блаженном Филарете Милостивом, который за свое великое милосердие к нищим получил от Бога богатое воздаяние и в настоящей жизни, и в будущей — как свидетельствует об этом его блаженная жизнь.

Блаженный Филарет жил в Пафлагонии[1], в селении, называвшемся Амния[2]. Благородные родители его, Георгий и Анна, с детства воспитали его в благочестии и страхе Божием, и жизнь его украшалась целомудрием и всякими другими добродетелями. Достигнув совершенного возраста, Филарет вступил в супружество с благородной и богатой девицей, по имени Феозвою, от которой у него родились трое детей: сын — Иоанн и две дочери — Ипатия и Еванфия. Бог благословил блаженного Филарета, как в прежние времена праведного Иова, и умножением его имущества, и изобильным богатством. Были у него и многочисленные стада и села, плодоносные нивы и изобилие во всем; сокровищницы его были полны всяких земных благ, и многое множество рабов и рабынь служили при доме его. И был известен Филарет как один из знаменитых вельмож той страны. Обладая таким великим богатством и видя, как в то же время многие бедствуют от бедности и крайней нищеты, он чувствовал к ним сострадание и, в умилении души, говорил себе:

---

[1] *Пафлагония* — область на севере Малой Азин, на восток от Вифинии.

[2] *Амния* — селение, расположенное на живописных берегах реки того же имени.



— Неужели так много благ получил я от руки Господней только ради того, чтобы самому одному ими питаться и жить в наслаждении, угождая своему чреву? Не должен ли я разделить дарованное мне Богом великое богатство с нищими, вдовами, сиротами, странниками и убогими, которых Господь на страшном суде перед Ангелами и людьми не постыдится назвать Своими братьями, так как Он говорит: *как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне?* (Мф. 25, 40)[1]. И какую пользу принесут мне в день страшного суда все имения мои, если я, по скупости своей, сохраню их для одного себя, ибо на том суде не получат милости те, кто не оказал милости (см.: Иак. 2, 13). Будут ли мои имения для меня в будущей жизни бессмертною пищею и питием? Послужат ли мне там мои мягкие одежды нетленным одеянием? Нет, этого не будет! Ибо так говорит апостол: *мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести* (1 Тим. 6, 7). Итак, если ничего из нашего земного имущества взять с собою мы отсюда не можем, то гораздо лучше отдать это Богу, как бы взаймы, руками нищих; Бог же никогда не оставит ни меня, ни жены моей, ни детей моих. В этом уверяет меня пророк Давид, говоря: *Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба* (Пс. 36, 25).

Так размышляя в душе, блаженный Филарет стал милостив к нищим, как отец к своим детям: кормил голодных, одевал нагих, принимал в свой дом странников и с любовью доставлял им всякий покой. И был этот праведный человек подобен древнему страннопри-

---

[1] Все, сделанное человеком в земной жизни для ближних или последователей Христовых, Господь относит к Себе и награждает как бы за сделанное Ему Самому.

имцу Аврааму[1] и нищелюбцу Иову[2]. Поэтому невозможно было утаиться под спудом такому светильнику, украшенному делами милосердия, и он прославился по всей стране, как город, красующийся на вершине горы (см.: Мф. 5, 14). В дом его, как в надежное прибежище, спешили приютиться все нищие и убогие. И кто из них чего просил у него: пищи ли, одежды ли, коня, вола, осла или чего-либо другого, — то и доставлял ему Филарет с благожелательною щедростью.

Но вот наступило время, когда Человеколюбец Господь, все устрояющий на пользу человека, допустил и Филарета праведного, подобно древнему угоднику Своему Иову, подвергнуться искушению, чтобы и терпение святого могло проявиться подобно терпению Иова и чтобы он, очищенный искушением, как золото в горниле, явился бы достойным рабом Божиим. Началось с того, что блаженный Филарет стал впадать в нищету: однако это нисколько не изменило его сострадательности и милосердия к нищим и он продолжал раздавать нуждавшимся из того, что оставалось у него.

В то время, по Божию попущению, на ту страну, в которой жил Филарет, напали измаильтяне[3]; подобно вихрю сокрушающему и

---

[1] То есть ветхозаветному библейскому патриарху Аврааму. В своей жизни Авраам представляет нам образец весьма многих и самых поучительных добродетелей, как, например: человеколюбия, кротости, правоты, терпения, миролюбия, великодушия, бескорыстия, гостеприимства, и особенно — благочестия, твердой и непоколебимой веры и упования на Бога, глубочайшего смирения и благоговения пред Ним, совершенной покорности Ему и всецелой преданности в волю Его. — См. кн. Бытия, гл. 11 и далее.

[2] *Иов* — ветхозаветный великий праведник; хранитель истинного откровения и богопочтения в роде человеческом во время усиления языческого суеверия после рассеяния народов; известен своим благочестием и непорочностью жизни; был испытан от Бога всеми несчастьями, среди которых, однако, остался непоколебимым в вере и добродетели. История Иова подробно изложена в книге его имени.

[3] Под *измаильтянами* (то есть потомками Измаила) здесь разумеются арабы — магометане, могущество которых в VIII столетии по Рождестве Христовом было в полном расцвете. Быстрый и необычайный рост магометанского могущества был несчастием для Византии. Магометане вели с греками непрестанные и опустошительные войны. Знаменитый халиф арабский — Гарун-аль-Рашид восемь раз предпринимал опустошительные походы против Византии; от этих набегов прежде всего страдали всегда области Малой Азии, где жил праведный Филарет. При приближении свирепых врагов, жители спешили укрыться в горные ущелья,

пламени пожигающему, они опустошили всю страну и увели в плен множество жителей; уведены были и у Филарета все его стада овец и волов, коней и ослов, и взяты были в плен многие из рабов его. Тогда этот милосердый муж дошел до такого разорения, что у него остались, наконец, только два раба, пара волов, лошадь и корова. Остальное же все имущество Филарета или роздано было бедным его щедрою рукою, или разграблено измаильтянами; селами же его, садами и нивами завладели живущие вокруг земледельцы: одни — просьбами, другие — насилием. И остался у Филарета только тот дом, в котором он жил, да одна нива. Претерпевая такую нищету, лишение и такие напасти, этот добрый муж никогда не скорбел и не роптал и, как второй Иов праведный, ни в чем не согрешил пред Богом, — ни даже словом: «не согрешил устами своими[1]». Но подобно тому, как кто радуется множеству своего богатства, так и он радовался своей нищете, которую вменял за великое сокровище, разумея, что бедность есть более верный путь ко спасению, чем богатство, как и Господь сказал, что *трудно богатому войти в Царство небесное* (Мф. 19, 23)[2].

Однажды, взяв двух своих волов, Филарет пошел возделывать оставшееся у него поле. Работая, он восхвалял и радостно благодарил Бога, что начинает, по заповеди Его святой, в поте лица своего есть хлеб свой (см.: Быт. 3, 19), и что труд спасает его от лености и праздности, — этих учительниц всякому злу.

Вспоминал он и слова апостола, возбраняющего есть ленивому и любящему праздность человеку: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3, 10). И возделывал свою землю блаженный Филарет, чтобы не оказаться ему недостойным есть хлеб свой.

В тот же день возделывал свое поле и один поселянин. И вот внезапно один из волов его заболел и пал. Горько заплакал земледелец и скорбел неутешно, тем более что и волы у него были не свои, — он

в леса, оставляя на произвол судьбы свои дома и хозяйство. Нередко, по уходе врагов, цветущие области обращались в пустыни. Так это именно и было во времена праведного Филарета.

[1] *Во всем этом не согрешил Иов устами своими* (Иов. 2, 10) — то есть не произнес никакой хулы на Бога.

[2] По поводу этих слов Спасителя святой Иоанн Златоуст говорит: «Христос этими словами не богатство порицает, но тех, кои пристрастились к нему».

едва выпросил их у своего соседа для обработки нивы. Тогда вспомнил он о блаженном Филарете и сказал:

— Ах, если бы не обнищал сам этот милостивый нищелюбец! Сейчас пошел бы к нему и получил бы от него, наверно, не только одного, но даже двух волов. Но он и сам теперь в большой нужде, и ему нечем помочь другому, как бы этого ни желало его сердце. Однако же, пойду я все-таки к нему, — он, по крайней мере, пожалеет меня и хотя словом своим утешит меня и облегчит мою тяжелую скорбь и печаль.

Взяв свой посох, поселянин отправился к блаженному Филарету и, встретив его за работою в поле, поклонился ему и со слезами рассказал о своем горе — неожиданной гибели вола. Блаженный Филарет, видя, как огорчен этот человек, сейчас же выпряг из-под ярма одного из своих волов, отдал его поселянину и сказал:

— Возьми, брат, этого вола моего и ступай обрабатывать свою землю, благодаря Господа.

С благодарностию поклонился поселянин блаженному Филарету, принимая его щедрое подаяние, и сказал:

— Господин мой! Велико и достойно удивления твое решение и угодно Богу твое милосердие, но не хорошо разлучать двух волов, трудившихся вместе, и с одним трудно будет обойтись тебе самому.

— Возьми, брат, вола, которого я тебе дарю, — отвечал ему праведник, — и иди с миром; у меня же есть еще вол дома.

Земледелец поклонился блаженному до земли и, взяв вола, отошел, прославляя Бога и благодаря милостивого благотворителя.

Филарет, взяв оставшегося вола и взвалив ярмо на свои плечи, пошел домой. Когда он подходил к воротам своего дома, то жена его, увидев, что вол идет впереди, а муж ее следует за ним с ярмом на своих плечах, сказала ему:

— Господин мой! Где же у тебя другой вол?

Филарет же отвечал ей:

— В то время, как я отдыхал после работы, а волы паслись на свободе, то один из них ушел и заблудился, — или, может быть, кто-нибудь взял его и увел к себе.

Услышав это, жена Филарета сильно огорчилась и поспешила послать своего сына разыскать пропавшего вола. Обойдя много по-

лей, юноша, наконец, нашел своего вола в ярме у того земледельца. Признав вола, он с гневом сказал земледельцу:

— Злой, нечестный человек! Как смел запрячь ты чужого вола и работать на нем? Где и каким образом ты достал этого вола и припряг к своему? Разве это не тот самый вол, который пропал у моего отца? А ты, найдя его, похитил, как волк, и присвоил его себе. Отдай мне вола, а если не отдашь, то ответишь на суде за него, как вор!

Земледелец кротко отвечал ему:

— Не гневайся на меня, юноша, сын святого мужа, и не обижай меня без всякой вины с моей стороны. Ведь отец твой, сжалившись над моей бедой и нищетой, добровольно дал мне этого вола своего, так как мой вол, работая под ярмом, вдруг неожиданно пал.

Услышав это, юноша устыдился своего напрасного гнева. Поспешив домой, он рассказал обо всем этом своей матери. Она же, выслушав его, со слезами воскликнула:

— Горе мне, бедной жене немилостивого мужа!

И рвала на себе волосы и, с криком и воплями прибежав к своему мужу, упрекала его:

— Бесчеловечный ты, с каменным сердцем человек! Зачем ты задумал преждевременно уморить нас голодом? Вот за грехи наши мы уже лишились всего своего имущества, но Господь, милующий и грешников, оставил нам двух волов, чтобы мы, с помощью их, могли прокормить детей наших; ты же, живший прежде в большом богатстве и никогда не работавший своими руками, находясь теперь в нищете, обленился и не хочешь трудиться и возделывать землю, но желаешь сладко почивать в своей комнате. И потому не ради Бога ты отдал своего вола поселянину, но ради себя самого, чтобы не трудиться впрягать его в ярмо, а жить в лености и праздности. Однако же, какой ответ дашь ты Господу, если из-за твоей лености я с детьми твоими погибну от голода?

Взглянув на жену свою, блаженный Филарет с кротостью ответил ей:

— Послушай, что говорит Сам Бог, богатый милостью: *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?* (Мф. 6, 26); ужели не пропитает Он нас, несравненно более дорогих Ему, чем

птицы? Он сторицей обещает воздать тем, которые ради Его и Евангелия раздают свое имущество бедным. Итак, подумай: если за одного вола мы приобретем сто, то зачем нам скорбеть о том воле, которого я во имя Господа отдал нуждающемуся?

Говорил же это милостивый муж не потому, что он утешал себя надеждою на воздаяние сторицею в земной жизни, но для того, чтобы успокоить свою малодушную жену. И она замолкла, не находя возражений на благоразумные слова своего мужа.

Не прошло после того и пяти дней, как и тот вол, которого подарил поселянину блаженный Филарет, наелся ядовитого растения и пал. Это привело в недоумение поселянина, и, снова придя к Филарету, он сказал ему:

— Господин! Согрешил я пред тобою и перед детьми твоими, что разлучил пару волов твоих; верно, потому и не допустил меня праведный Бог получить пользу от вола твоего, ибо он объелся какого-то зелия и издох.

Не промолвив ни одного слова, блаженный Филарет быстро привел своего последнего вола и, отдав его поселянину, сказал:

— Возьми, брат, этого вола и уведи его; я же должен отбыть в дальнюю страну и не хочу, чтобы рабочий вол оставался без меня в дому моем праздным.

Сказал же это блаженный ради того, чтобы человек тот не отказался принять от него и другого вола. Поселянин же, приняв вола, возвратился в дом свой, удивляясь великому милосердию блаженного мужа. Между тем в доме Филарета скоро все узнали о его поступке. Дети принялись плакать вместе с матерью и говорили:

— Поистине немилосерден отец наш и не любит детей своих, потому что расточает наше последнее имущество; только и осталось у нас, что два вола, чтобы нам не умереть с голода, и тех отдал он чужому человеку.

Видя скорбь и слезы детей своих, блаженный Филарет обратился к ним с такими словами:

— Дети! Зачем предаетесь скорби? Зачем терзаете себя и меня? Ужели вы считаете меня жестокосердым? Ужели я в самом деле задумал погубить вас? Успокойтесь: у меня в одном месте, которое неизвестно вам, хранится столько богатства и столько сокровищ, что хватит вам на сто лет жизни, хотя бы вы и ничего не делали и ни о

чем не заботились. Я даже и сам не могу счесть всех тех сокровищ, приготовленных для вас.

Говоря это, праведный Филарет не обманывал своих детей, но поистине прозирал своими духовными очами то, чему предстояло сбыться впоследствии.

Вскоре после этого в ту страну пришло царское повеление, собраться всем воинам в свои полки и выступить против нечестивых варваров, восставших на Греческую империю; при этом требовалось, чтобы всякий воин явился в полном вооружении и с двумя конями. Причислен был к одному из тех полков и один бедный воин, именем Мусилий; у него был только один конь, но и тот, как раз в это самое время, внезапно заболел и пал. Не имея средств купить коня, бедный воин пошел к блаженному Филарету и сказал ему:

— Господин мой! Сжалься надо мною, помоги мне. Знаю я, что ты и сам обеднял до крайности и у тебя самого только один конь. Но, ради милосердого Господа, умоляю тебя, дай мне твоего коня, чтобы мне не попасть в руки тысящника и чтобы не избил он меня жестоко.

Блаженный Филарет сказал ему на это:

— Возьми, брат, моего коня и ступай с миром; но только знай, что не ради страха наказания от тысящника даю я его тебе, а ради милости Божией.

Воин же, взяв коня от святого, ушел от него, славя Бога. И осталось тогда у святого Филарета из всего имущества только корова с теленком, один осел да несколько ульев пчел. Между тем один бедняк из дальней стороны, услышав о Филарете Милостивом, пришел к нему и стал просить его, говоря:

— Господин мой! Дай мне одного теленка из стада твоего, чтобы и мне послужил твой дар в благословение от тебя, потому что мне известно, что даяние твое приносит благословение в дом и всячески обогащает его.

С радостию привел тогда своего единственного теленка блаженный Филарет и отдал его просящему, сказав:

— Господь да ниспошлет тебе Свое благословение, брат, и да даст тебе изобилие во всем, что тебе требуется.

И поклонился Филарету тот человек и ушел от него, уведя с собою теленка. Между тем корова, не видя своего теленка, стала ис-

кать его и, не находя нигде, подняла жалобный рев на весь двор. Все домашние Филарета сильно жалели о корове, особенно же огорчилась жена Филарета. Со слезами она стала упрекать мужа, говоря:

— Долго ли нам все это терпеть от тебя? Кто не посмеется над твоим безрассудством? Вижу ясно я теперь, что ты нисколько не заботишься обо мне, жене твоей, и детей своих заморил ты; а теперь даже не пожалел и бессловесной скотины, кормящей своего теленка, и без милосердия отнял его от матери. Кому же ты этим сделал благодеяние? И дом свой лишил и огорчил, и того, кто выпросил у тебя теленка, не обогатил, потому что и у него теленок без матери погибнет и у нас без теленка своего корова будет тужить и реветь; итак, какая же польза и нам и тому человеку?

Слыша такие слова от жены своей, праведный Филарет отвечал ей с кротостью:

— Вот теперь ты истинную правду сказала, жена моя! Действительно, я не милостив и не милосерд, так как разлучил малого теленка с его матерью; но теперь я лучше поступлю.

И, поспешив вслед за человеком, уведшим теленка, Филарет стал звать его:

— Возвратись, брат, возвратись с теленком; корова без теленка не дает нам покоя, ревет и мычит у ворот дома.

Бедняк, услышав это от Филарета, подумал, что он хочет отнять у него подаренного ему теленка, и сказал сам себе: «Видно, недостоин я получить от этого праведного мужа даже одну эту малую скотину; вероятно, он пожалел о нем и зовет меня, чтобы отнять его у меня». Когда человек тот возвратился к Филарету, теленок, увидав мать свою, побежал к ней, также и мать с радостным мычанием бросилась к нему. Теленок, припав к сосцам ее, долго не отходил от своей матери, и Феозва, жена Филарета, видя это, радовалась, что теленок был возвращен в дом. Блаженный же Филарет, увидев бедняка, печально стоявшего и не осмеливающегося даже выговорить ни слова, сказал ему:

— Брат! Жена моя говорит, что я согрешил, разлучив теленка с его матерью, и это правду она сказала. Поэтому возьми вместе с теленком и корову и ступай с миром; Господь да благословит тебя и да умножит и твое стадо, как некогда и мое!

И взял человек тот корову с теленком и пошел с радостью домой. И благословил Бог дом его, ради угодника Своего Филарета; от данной ему коровы с теленком, через несколько лет, у него было уже больше двух стад волов и коров.

Вскоре после того наступил голод в той стране, и праведный Филарет дошел до последней крайности нищеты; не имея чем прокормить свою жену и детей, Филарет взял осла, который только один остался у него, — и пошел в другую сторону к одному своему другу; взяв у него взаймы шесть мер пшеницы и навьючив ее на осла, он в радости возвратился в дом свой и насытил жену и детей. Когда же Филарет отдыхал у себя дома после дороги, то пришел к нему нищий и просил дать ему одно решето пшеницы.

— Жена! — сказал тогда этот достойный подражатель Авраама, обращаясь к ней в то время, как она сеяла пшеницу, — я хотел бы дать этому нищему одну меру пшеницы.

Жена отвечала ему:

— Подожди, пока насытятся твои дети и твоя жена, и прежде всего дай мне одну меру и твоим детям по мере и также работнице нашей, а что останется сверх того, то отдай кому хочешь.

Он же посмотрел на нее и, засмеявшись, сказал:

— А для меня ничего не оставишь?

— Да ведь ты Ангел, — возразила ему Феозва, — а не человек и в пище не нуждаешься; если бы ты нуждался в пище, то не раздавал бы другим взятую взаймы пшеницу.

Филарет, молча отсыпав две меры пшеницы, отдал их нищему. Тогда жена Филарета окончательно вышла из себя от огорчения и досады и закричала ему:

— Дай нищему уже и третью меру, потому что у тебя много пшеницы.

Филарет отмерил еще меру и отпустил бедняка. Раздраженная на него Феозва разделила оставшуюся пшеницу между собою и своими детьми. Между тем взятая в долг пшеница скоро вышла и Феозве с ее детьми опять пришлось голодать.

Тогда она пошла к соседям, попросила у них полхлеба взаймы, нарвала лебеды, сварила и дала голодным детям и сама напиталась с ними, а старца даже и не вспомнили позвать к своей трапезе.

Между тем о бедственном положении Филарета услышал один из его старинных друзей, человек богатый. Он послал ему четыре воза, нагруженных пшеницею, каждый по десяти мер, и при этом написал ему: «Возлюбленный брат наш, человек Божий! Посылаю тебе сорок мер пшеницы на пропитание тебе и твоим домашним, а когда все выйдет у тебя, тогда пришлю тебе еще столько же; а ты помолись о нас Богу».

Приняв этот дар, Филарет, в чувстве благодарности за милость Господа, пал на землю; затем, поднявшись и простирая руки к небу, произнес:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты не оставил меня, раба Твоего, возложившего на Тебя все упование.

Видя такую милость Божию, жена Филарета успокоилась и с кротостью сказала мужу:

— Господин мой! Отдели мне пшеницы, сколько найдешь нужным, и детям нашим, а также отдай и взятое взаймы у соседей, — себе же возьми свою часть и поступай с ней, как хочешь.

Филарет так и поступил, по словам жены своей, и разделил пшеницу, оставив себе пять мер, которые и роздал бедным в два дня. Это снова привело в негодование Феозву, и она не захотела даже есть с ним вместе, но обедала с детьми отдельно и скрытно от него. Однажды нечаянно застал их за обедом блаженный Филарет и сказал им:

— Дети! Примите и меня к своей трапезе, если не как отца вашего, то как гостя и странника.

Те засмеялись и приняли его к себе; в то время, как они ели, жена его сказала ему:

— Господин мой! Долго ли ты будешь скрывать от нас то сокровище, которое, как ты говоришь, где-то хранится у тебя? Может быть, ты смеешься над нами и дразнишь нас, как неразумных детей, ложными обещаниями? Если же это правда, то покажи нам твое сокровище, — тогда мы возьмем его и купим себе пищи, и опять будем обедать вместе, как было и прежде.

— Подождите еще немного, — отвечал блаженный Филарет, — и в скором времени вам будет показано и дано великое сокровище.

Наконец, святой Филарет дошел до такой нищеты, что не имел уже больше ничего, кроме нескольких ульев с медом, от которого

питался сам, жена его и дети. Но и в такой нужде, если к нему приходили нуждающиеся, то он, за неимением хлеба, делился с ними медом. Домашние его, видя, что они таким образом лишаются и последнего пропитания, потихоньку отправились к пчелам, чтобы обобрать весь оставшийся мед, но они нашли только один улей, из которого и взяли себе весь запас. А на другое утро опять пришел нищий к Филарету и просил у него милостыни. Филарет отправился к улью, но он оказался уже пуст; видя, что нищему нечего дать, блаженный Филарет снял с себя верхнюю одежду и отдал ему. Когда же он пришел в дом в одной нижней одежде, то жена сказала ему:

— Где же твоя одежда? Неужели и ту ты отдал нищему?

— Ходил я около ульев, — отвечал Филарет жене, — там и оставил ее.

Тогда сын его пошел на то место и, не найдя отцовской одежды, сказал о том своей матери. Та, стыдясь видеть мужа в неподобающем виде, перешила ему свою одежду на мужскую и надела на Филарета.

В те времена престол Греческого царства занимала христолюбивая царица Ирина с сыном своим Константином[1]. Так как он достиг уже совершеннолетия, то разосланы были по всему Греческому царству избранные, надежные и благоразумные люди, чтобы отыскать красивую, добродетельную и благородную девицу, которая была бы достойна вступить в брак с юным царем Константином. Посланные мужи, желая успешнее исполнить царское повеление, тщательно обходили все области, города и даже глухие местечки; между прочим, пришли они и в селение Амнию в Пафлагонии.

Приближаясь к нему, они издалека еще увидали красивый и высокий дом Филарета, красотою превосходивший все прочие. Думая, что там живет какой-нибудь знатный и богатый владелец той мест-

---

[1] *Императрица Ирина* — супруга императора Льва IV Хазара, иконоборца. За свое ревностное иконопочитание она потерпела гонение от своего мужа. После его смерти Ирина вступила на престол вместе с малолетним сыном Константином (780 г.). При ней было восстановлено иконопочитание и, по ее настоянию, созван был VII Вселенский собор, на котором провозглашена истина иконопочитания и осуждено иконоборство. [Собор происходил в Никее в 787 году.] Сын Ирины и Льва IV Константин царствовал под именем *императора Константина VI, Порфирородного* — до 797 года. Ирина царствовала и после сына — до 802 года.

ности, они послали туда своих слуг, чтобы те приготовили им там помещение и трапезу. Но один из воинов, сопровождавших царских послов, сказал им:

— Не ходите в тот дом, господа, потому что он, хотя велик и красив снаружи, но внутри пуст, так что в нем нельзя найти не только каких-нибудь удобств, но даже самого необходимого; в нем живет один старец, беднее которого нет никого в этой местности.

Однако царские посланные не поверили словам воина и велели своим слугам идти и исполнить то, что им было поручено.

Блаженный же Филарет, как только увидал подходящих к его дому людей, взял свой посох и вышел к ним навстречу; поклонившись им до земли, он принял их с радостью и сказал:

— Господь, верно, привел вас, господа мои, ко мне, рабу вашему; почитаю великою честию для себя, что удостоился принять таких гостей в моем убогом жилище.

Поспешив затем к своей жене, блаженный сказал ей:

— Дорогая Феозва, приготовь хороший ужин, чтобы угостить почетных гостей, пришедших издалека; они очень понравились мне.

Феозва возразила на это:

— Из чего же мне приготовить хороший ужин? Во всем нашем доме нет ни ягненка, ни даже курицы. Только и могу я сварить лебеду, которою мы сами питаемся, и то без масла; о масле же и о вине я и вспомнить не могу, когда они были в нашем доме.

Но муж снова сказал ей:

— Разведи хотя только огонь и приготовь верхнюю палату, и вымой наш старый обеденный стол из слоновой кости, — Господь же, питающий всякую плоть, даст и нам пищу, которою мы угостим тех мужей.

Феозва принялась исполнять повеление и желание своего мужа. Между тем зажиточные жители того селения, узнав, что царские посланцы остановились в доме Филарета, поспешили принести туда овец, баранов, кур и голубей, хлеб и вино, и вообще все, нужное для принятие стольких гостей. Получив эти приношения, Феозва стала приготовлять из них разные кушанья и устроила ужин в верхней комнате. Сюда и собрались ужинать царские послы и удивлялись и великолепию комнаты в доме совершенно бедного человека, и роскошному обеденному столу из слоновой кости, блистающему зо-

лотом. Но более всего их удивляло сердечное гостеприимство хозяина, который и видом своим, и обращением походил на самого странноприимца Авраама. В то время, как гости сидели за столом, вошел сюда сын блаженного Филарета — Иоанн, похожий на своего отца, и собрались также внуки блаженного, которые и стали усердно прислуживать гостям за столом. Смотря на них, гости любовались их чинным и приличным обхождением и спросили Филарета:

— Скажи нам, честнейший муж, есть ли у тебя супруга?

— Есть, господа мои, — отвечал им Филарет, — а вот эти молодые люди — мои дети и внуки.

И сказали ему послы царские:

— Пусть же придет сюда супруга твоя и приветствует нас.

Феозва пришла. Видя ее, хотя и красивую еще, но уже пожилую женщину, они спросили:

— А есть ли у вас дочери?

— У старшей моей дочери, — отвечал им блаженный Филарет, — есть три девицы — дочери.

Тогда гости продолжали:

— Пусть придут сюда те отроковицы, чтобы нам видеть их; ибо мы имеем повеление от пославших нас царей наших осмотреть всех молодых девиц во всех греческих областях и избрать из них прекраснейшую, достойную царского брака.

Блаженный же сказал:

— Не относится это слово к нам, господа наши и властители, так как мы — рабы ваши, нищие и убогие. Однако же, кушайте теперь и пейте что Бог послал, и будьте веселы, и отдохните от пути, и усните, а завтра — воля Господня да будет!

Утром, когда уже вошло солнце, вельможные гости Филарета пробудились и сказали ему:

— Повели, господин, привести к нам своих внучек, чтобы нам видеть их.

— Как прикажете, господа мои, так и будет, — отвечал им блаженный Филарет. — Однако же, при этом прошу вас, выслушайте меня милостиво, благоволите сами пройти во внутренние покои моего дома, где вы и увидите девиц наших, так как они никогда еще не выходили из бедного дома нашего.

Гости тотчас встали и пошли вслед за Филаретом в его семейные покои; там их встретили три девицы, скромно и почтительно поклонившись при этом гостям. Когда же послы царские увидели при этом, что внучки Филарета — самые красивые из всех девиц, виденных ими во всех греческих областях, то они не могли удержаться от выражений восторженного удивления и сказали:

— Благодарим Господа, давшего нам обрести желаемое, потому что одна из этих девиц будет достойной невестой царю нашему — лучше их нам не найти, хотя бы пришлось пройти всю вселенную.

И, сообразно с ростом царя, они избрали в невесты для него старшую внучку блаженного Филарета, именем Марию, которая была ростом выше других сестер. Довольные успехом своего дела, царские послы пригласили Марию вместе с отцом ее и матерью, дедом и со всеми их ближними — в числе тридцати человек, — и отправились с ними в царскую столицу — Константинополь. Вместе с ними отправились и еще десять избранных в других местах девиц, между которыми была и красивая дочь некоего знатного сановника Геронтия. Во время этого путешествия разумная и смиренная внучка блаженного Филарета обратилась к подругам своим, другим девицам, с такими словами:

— О сестры мои, девицы! Так как мы все собраны здесь по одной и той же причине, — чтобы быть представленными царю, то согласимся между собою, как поступить, когда Царь небесный даст одной из нас царство земное, назначив ее в супруги царю. Так как невозможно всем нам войти на эту высоту, но только одна из нас будет избрана, то пусть вспомнит она в своем царственном величии и не оставит нас своим покровительством.

Дочь вельможи Геронтия ответила на это Марии:

— Пусть будет всем вам известно, что ни одна из вас не может быть избранною в супруги царю, кроме меня, так как я выше всех вас по благородному происхождению и по богатству, и по красоте, и по разуму; при вашей бедности, худородии и простоте как вы можете надеяться войти в царские чертоги, рассчитывая только на красоту своего лица?

Услышав эти безумные и гордые слова, Мария замолчала, но предала себя воле Божией и положилась на молитвы святого старца, деда своего.

Наконец, посольство достигло Константинополя и девицы были препровождены в царский дворец, где о их приезде тотчас было доложено приближенному царя и управляющему всем в его дворце Ставрикию. Прежде всех представлена была Ставрикию дочь Геронтия. Ее гордость не укрылась от зоркого взгляда опытного царедворца, и он сказал ей:

— Ты хороша и красива, девица, но быть супругою царю ты не можешь.

И, щедро одарив ее, отпустил домой. Так сбылись слова Писания: *всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18, 14).

После всех представлена была внучка праведного Филарета, Мария, вместе с матерью, с дедом и со всеми ближними ее. Увидев их, поражены были благородной красотой и благоприличием их и царь, и его мать, и Ставрикий. Немало дивились все и красоте Марии, на лице которой ясно выражены были ее добрые качества: кротость, смирение и страх Божий. Скромно опустив глаза, стояла Мария перед царем, между тем как яркий румянец разлился по ее щекам. И сильно понравилась она царю, и он обручил ее себе в невесту. Вторую же сестру ее избрал себе в невесту один из приближенных к царю вельмож, знатный патриций[1] Константикий, а третья сестра была выдана замуж за правителя лонгобардов[2], чтобы через этот родственный союз утвердить с ним мирные отношения. Во время брачных торжеств веселились и царь, и вельможи царские, и народ, и вся семья блаженного Филарета. Царь искренно полюбил блаженного старца и, приветливо обнимая, целовал его почтенную голову. Похвалив Филарета за благочестие его и всей семьи его, царь окружил их всех большими почестями и одарил серебром, золотом и драгоценными каменьями, роскошною одеждою, большими и красивыми домами и другим имуществом. Почтив блаженного таким образом и облобызав, царь отпустил его с семейством в дарованное им великолепное жилище.

---

[1] Титул *патрициев* принадлежал первоначально лишь детям сенаторов, которые назывались по-латыни patres. Потом это название стало прилагаться ко всем лицам благородного римского происхождения. Но император Константин сделал титул патриция личным достоинством, которое было даруемо высшим чиновникам, но не переходило по наследству.

[2] *Лонгобарды* — один из народов германского племени.

Получив такие богатые дары, жена Филарета и дети его и все домашние его вспомнили слова Филарета, не раз говорившего им, что у него сохраняются в тайном месте сокровища, которые Бог приготовил для них. Припав к ногам святого, они сказали ему:

— Прости нам, владыка и господин наш, в чем так безумно мы все согрешили перед тобой! Прости, что мы осуждали тебя и упрекали за твою щедрую милостыню нищим и убогим. Теперь только мы убедились, что *блажен, кто помышляет о бедном и нищем!* (Пс. 40, 2). Воистину все, что дает человек нуждающемуся брату, дает то Самому Богу, Который сторицею вознаграждает его в сем мире и дарует ему блаженную жизнь в вечности. Вот и ради твоей милостыни к бедным, человек Божий, послал тебе Господь богатую милость Свою, а ради тебя и всем нам.

Блаженный же старец простер руки к небу и воскликнул:

— Благословен Бог, Которому было угодно это. *Да будет имя Господне благословенно отныне и вовек* (Пс. 112, 2).

Обратившись затем к своей семье, Филарет сказал:

— Послушайте совета моего, приготовим хороший обед и умолим прийти к нам на пир царя и владыку нашего со всеми его вельможами.

— Как пожелаешь ты, — отвечали они, — так пусть и будет!

Когда все было готово для пира, то блаженный вышел из дома своего и стал ходить по городу и по окрестностям, разыскивая нищих, прокаженных, слепых, хромых, старых и немощных. Собрав их до двухсот человек, он привел их в свой дом и, оставив сначала перед воротами, пошел один к своим домашним и сказал им:

— Дети мои! Царь приближается со своими вельможами. Все ли у вас готово для угощения?

— Все готово, честный отче, — отвечали они ему.

Блаженный дал знак рукою нищим, и вот, к неописанному изумлению домашних, в дом вошло великое множество нищих и убогих; некоторых из них Филарет посадил за столом, другим же, за недостатком места, пришлось сесть на полу, и между последними поместился и сам домохозяин. Увидев это, поняли домашние Филарета, что, называя царя, он разумел Самого Христа, Который является теперь к ним в дом в образе нищих, а вельможи Царя небесного — это

вся убогая братия, которая много может у Бога своими молитвами. И удивлялись домашние великому смирению своего отца, который, достигнув такой славы и будучи дедом царицы, не забыл своей любви к милостыне и теперь возлежит среди нищих и бедных и как раб служит им. И сказали они:

— Поистине это — человек Божий и истинный ученик Христов, научившийся заповеди Христа, сказавшего: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29).

Повелел также блаженный и сыну Иоанну, — бывшему уже спафарием[1], — а также и внукам своим, быть при обеденном столе и прислуживать возлежащей братии. Призвав, затем, всю свою семью, блаженный сказал:

— Вот, дети мои, вы совершенно неожиданно получили богатство от Бога, как я и обещал вам, уповая на милость Божию. Это обещание исполнилось. Скажите мне, не остается ли еще долга за мной?

Они же, припомнив прежние его слова, заплакали и все единодушно сказали:

— Поистине, господин наш, ты провидишь будущее, как угодник Божий; а мы были безумны, что раздражали тебя, почтенного старца. Поэтому умоляем тебя: не вспоминай грехов нашего неведения!

Блаженный же сказал им:

— Милостив и щедр Господь, воздавший нам сторицею за то немногое, что мы подавали нищим во имя Его; если же вы хотите наследовать и жизнь вечную, то пусть каждый из вас отложит по десяти золотых монет на эту убогую братию, и Господь примет их от вас, как две лепты вдовицы.

От всей души поспешили они исполнить его желание. А блаженный Филарет, достаточно угостив нищих, дал каждому из них по золотой монете и отпустил их.

Через некоторое время блаженный Филарет снова призвал жену свою и детей и сказал:

— Господь наш сказал: *ку́плю де́йте, до́ндеже прииду́* (слав. Лк. 19, 13). И я хочу ку́плю де́ять: хочу продать мою часть имущества, дарованную мне царем; вы же купите у меня эту часть и дайте мне зо-

[1] *Спафарий* — оруженосец, царский телохранитель.

лота, ибо оно нужно мне; если же вы не согласны купить, то я все раздам моим братьям — нищим; мне же достаточно того, чтобы называться дедом царицы.

Они рассмотрели его имущество, оценили его и купили у него за шестьдесят литр[1] золота. Получив это золото, блаженный роздал его нищим. Когда об этом узнали царь и вельможи его, они были весьма обрадованы щедростью Филарета и с тех пор стали давать праведнику много золота для раздачи нищим. Однажды Филарет устроил три ящика, совершенно одинаковых по размерам и внешнему виду, и наполнил один из них — золотыми монетами, другой — серебряными и третий — медными. Надзор за ними поручил он своему верному слуге Каллисту. Когда к нему приходил какой-либо бедняк с просьбой о помощи, то Филарет приказывал Каллисту подавать просителю. Когда же слуга спрашивал, из какого ящика он должен помочь просящему, то святой отвечал ему:

— Из того, из какого тебе Бог повелит, ибо знает Бог нужду каждого, бедного и богатого, и *насыщает все живущее по Своему благоволению* (Пс. 144, 16).

Говорил же это праведный ради того, чтобы показать разницу между бедняками, просящими милостыни. Ибо бывают просители, которые прежде были богаты, но вследствие разных бед и напастей разорились и лишились не только всего имущества, но и самого хлеба; однако, сохранив кое-что из прежней одежды, скрывают под нею нужду свою, стыдясь ее, и только ради крайности просят о помощи. Бывают и другие просители, которые одеваются нарочно в бедную одежду и, скрывая свое богатство, под видом бедности выманивают пособие; этих уже можно назвать лихоимцами и идолослужителями. Имея все это в уме своем, милостивый Филарет говорил:

— Бог знает нужду каждого, и Он, как Ему угодно, так и направляет руку подающего милостыню.

Так и сам этот блаженный нищелюбец, подавая милостыню, влагал руку свою в сокровищницу без рассмотрения, и чтó случайно вынимал из ящика — медь, серебро или золото, то и подавал про-

---

[1] *Литра* — фунт, византийская мера веса, равная семидесяти двум золотникам; в серебре стоила до сорока двух рублей, а в золоте — до пятисот шести рублей. Эту меру нужно отличать от *литра* — меры сыпучих и жидких тел.

сящему. И рассказывал этот почтенный старец с клятвою, призывая Бога во свидетели, что сколько раз он, видя человека в приличном одеянии, опускал руку в ящик, имея в мысли достать медную монету, так как, судя по одежде, не считал такого человека бедным, но, против своего желания, вынимал серебро или золото и давал ему. Иногда же просил помощи у Филарета совсем иной, одетый в рубище, и он уже протягивал руку, желая подать более щедрую милостыню, а между тем рука его как бы сжималась, и он вынимал очень немного. Все же это происходило не случайно, а направлялось промыслом Божиим, которому известны наши настоящие нужды.

Через каждые четыре года блаженный Филарет приходил в царский дворец для посещения своей внучки — царицы, но никогда он здесь не облачался в пурпурную одежду, с золотым поясом. Когда же его принуждали одеваться в такую роскошную одежду, то он говорил:

— Оставьте меня, — я благодарю Бога моего и славлю великое и дивное имя Его за то, что Он воздвиг меня из нищеты и неизвестности на такую высоту. Разве мне мало чести именоваться дедом царицы? И этого уже для меня вполне достаточно.

И в таком смирении пребывал блаженный, что не хотел даже пользоваться никаким саном, ни титулом, именуясь просто Филаретом Амниатским. Так проводя всю жизнь свою в смирении и благотворительности, Филарет приблизился к блаженному концу своей жизни. Извещенный о том от Бога, блаженный Филарет, будучи еще здоровым, тайно ото всех, взял верного своего слугу и отправился с ним в один из цареградских монастырей, называвшийся «Родольфия», где спасались в подвижнической жизни девы-черноризицы. Вручив игумении значительную сумму золота на монастырские нужды, он попросил доставить ему новый гроб и сказал:

— Хочу я, чтобы вы знали, но никому об этом не сообщали, что через несколько дней я покину земную жизнь и переселюсь в иной мир и к иному Царю. И прошу вас о том, чтобы тело мое было положено в этом новом гробе.

И слуге своему запретил он говорить об этом кому-либо, пока он сам не откроет о том. Вскоре после того, раздав все свое имущество нищим и убогим, Филарет заболел в том монастыре и слег в постель.

На девятый день он призвал к себе жену и детей и всю семью свою и сказал им любезно, тихим голосом:

— Да будет вам известно, дети мои, что Царь Святой призывает меня сегодня к Себе, и вот я оставляю вас и иду к Нему.

Они же, не понимая этих слов, но, думая, что Филарет говорит о земном царе, возразили ему:

— Невозможно тебе сегодня идти к царю, так как ты лежишь больной.

Филарет же отвечал им:

— Вот уже готовы те, которые хотят взять меня и представить Царю.

Тогда поняли они, что Филарет говорит им о своем отшествии к Царю небесному, и подняли громкий плач, как в древние времена Иосиф и братия его над отцом своим Иаковом (см.: Быт. 50, 1, 10). Он же, сделав им знак рукою, чтобы они замолчали, стал их поучать и утешать, говоря:

— Дети мои, вы знали и видели, какую жизнь я проводил от юности моей, как и Бог знает, что я не чужим трудом жил, но своим трудом зарабатывал хлеб свой; богатством же, которое мне дал Бог, я не превозносился, но, избежав гордости, возлюбил смирение, ради послушания апостолу, который запрещает: *Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе* (1 Тим. 6, 17), — высоко не думать о себе, не превозноситься. Также, когда я впал в нищету, то не заскорбел и не хулил Бога, но, подобно праведному Иову, благодарил Его, что по любви Своей Он вразумил меня, а видя мое благодарное терпение, снова извел меня из убожества и возвел меня в почетное общение и родство с царями и князьями. Когда же и на такую высоту я был возведен, то всегда в глубоком смирении пребывало сердце мое: *не вознесе́ся сердце мое, ниже́ вознесо́стеся очи мои, ниже́ ходих в великих, ниже́ в дивных паче мене* (слав. Пс. 130, 1)[1]. А богатства, которым одарил меня царь земной, я не употребил на

---

[1] В этом стихе псалма Давид свидетельствует пред Богом, что он ни сердца высокомерного, ни очей надменных не имел, но как был смирен сердцем, так и очами показывал смирение. — *Ходить в великих и дивных* означает то же, что хвалиться великими и славными делами. Псалмопевец смиренно признается, что он, стоя на высокой степени достоинства, утверждался более на смирении, нежели на гордости; и потому ни словами, ни делами не превозносился выше себя.

земные блага, но передал его Царю небесному руками убогих. Так и вас прошу, возлюбленные мои, подражайте данному вам примеру; если же еще больше сделаете добра, то удостоитесь еще большего блаженства. Не дорожите скоротекущим богатством, но посылайте его туда, куда я отхожу теперь. Не оставляйте имения вашего здесь, чтобы не воспользовались им чужие люди или враги, ненавидящие вас. Страннолюбия не забывайте (см.: Евр. 13, 2). Заступайтесь за вдовиц, помогайте сиротам, посещайте болящих и заключенных в темницах. Не чуждайтесь общения с Церковию, чужого не похищайте, никого не обижайте, не злословьте, не радуйтесь скорбям и бедствиям даже врагов. Мертвых погребайте и совершайте память о них во святых церквах; также и меня, недостойного, поминайте в ваших молитвах, пока и сами не перейдете к блаженному вечному житию.

Окончив свое душеполезное научение, блаженный Филарет сказал сыну своему Иоанну:

— Приведи ко мне сыновей твоих — моих внуков.

Когда они пришли, то он им сказал о том, что произойдет с ними в их жизни. Старшему внуку он сказал:

— Ты изберешь себе подругу из дальней стороны и поживешь с нею благочестиво и разумно.

Второму внуку сказал:

— Ты в течение двадцати четырех лет, в чине инока, добре понесешь иго Христово и, Богоугодно пожив, отойдешь ко Господу.

Также и третьему своему внуку блаженный предрек будущее. И все те предсказания блаженного впоследствии сбылись на его потомках. Подобно тому, как в древние времена патриарх Иаков, так и этот блаженный человек, подобно пророку, провидел все будущее и ясно предсказал судьбу своих внуков. Пришли к Филарету вместе с другими и две внучки его, девицы, и сказали ему:

— Благослови и нас, отче!

— И вас благословит Господь, — сказал им Филарет. — Вы проведете жизнь вашу в девстве, отчужденные от этого грехолюбивого мира и не осквернившись плотскими его страстями, и недолго, но богоугодно послужив Господу, удостоитесь принять от Него великие блага!

И сбылись все эти предсмертные слова праведника; ибо обе эти благочестивые девицы поступили в монастырь девический Пресвя-

той Богородицы, бывший в Царьграде, и после двенадцатилетнего подвижничества в девственной чистоте, посте, молитвенном бдении и других иноческих трудах обе, в одно время, с миром почили о Господе.

Помолившись о своей супруге, о детях, о всех родных своих и о всем мире, блаженный Филарет просиял лицом, как солнце и стал радостно воспевать псалом Давидов: *Милость и суд буду петь; Тебе, Господи, буду петь* (Пс. 100, 1). По окончании им псалма, вся комната наполнилась чудным благоуханием (как бы от пролитых благовонных ароматов). После псалма того блаженный стал произносить молитву: *Отче наш, сущий на небесах*, — когда произнес: *да будет воля Твоя!* — то, подняв руки к небу и вытянувшись на одре, предал душу свою Господу; ему тогда было от роду девяносто лет. Однако, и при таких преклонных летах, лицо его не изменилось, но светилось неизъяснимой красотой, как созревшее яблоко.

Услышав о преставлении святого, в монастырь поспешил прибыть царь с царицею и с вельможами своими, и целовали святое лицо Филарета и руки. И плакали все о кончине его и подавали щедрую милостыню бедным в память его[1].

Когда же понесли гроб Филарета к месту погребения, то глазам всех представилось поразительное и трогательное зрелище: к погребению его собралось из разных городов и селений бесчисленное множество нищих и убогих, и все они с воплями и рыданиями, как муравьи, теснились вокруг гроба его, иные — хромая, иные — ползая и взывая:

— О Господи Боже! Зачем Ты лишил нас такого отца и кормильца нашего? Кто без него напитает и оденет нас — нагих и голодных? Кто приютит в доме своем странников? Кто умерших, брошенных на улице, приберет и предаст честному погребению? Лучше бы всем нам умереть прежде него, чем лишиться нам благодетеля нашего!

Видя слезы и слыша вопли этих убогих, умилялись и плакали и сам царь и царица, и вельможи их, шедшие вместе с ними за гробом.

В то время, как несли тело блаженного к приготовленной гробнице, вдруг среди толпы появился один убогий человек, по имени

---

[1] Святой Филарет жил после брака внучки, бывшего в 788 году, четыре года, — следовательно, скончался в 792 году.

Кавококос, который часто принимал милостыню от святого Филарета. От самого рождения своего этот человек был одержим нечистым духом, который много раз повергал его то в огонь, то в воду — во время беснования его в новолуние. Когда услышал этот убогий муж о кончине Филарета и что святое тело его уже несут к месту погребения тотчас поспешил за его гробом. И вот, когда уже он добежал до гроба, то злой дух, бывший в нем, не стерпел такого усердия его к святому и начал мучить его, и возбудил его к хуле на святого; и лаял больной, как собака, и так крепко ухватился за одр, на котором лежало тело усопшего, что невозможно было его оторвать от него. Когда же одр принесли уже к приготовленной могиле, то злой дух, повалив на землю страждущего, вышел из него, и тот встал здоровым, хваля и славя Бога. Весь народ дивился этому чуду и прославлял Бога, даровавшего такую благодать рабу Своему Филарету. После того честное тело его положено было в предназначенном гробе в монастыре девическом, на том самом месте, которое он избрал себе еще при жизни.

Так ублажает Бог милостивого и в настоящей жизни (как мы видели из только что прочитанного), и в будущей (о чем узнаем из дальнейшего).

Один из близких друзей Филарета, человек разумный, благочестивый и Богобоязненный, призывая Бога во свидетели, сообщил с клятвою следующее:

«Однажды, через некоторое время по кончине блаженного Филарета, — рассказывает он, — ночью с ужасом почувствовал я себя перенесенным в какое-то место, которого нельзя и описать; там я увидел какого-то человека, светлого видом, который показал мне огненную реку, протекающую так шумно и грозно, что зрелища этого не мог бы вынести никто из людей. По другую же сторону реки виден был прекрасный рай, полный невыразимой радости и веселия, благоухающий невыразимым ароматом; громадные, красивые и многоплодные деревья колыхались там от тихого ветра и производили чудный шелест. И невозможно даже передать на словах о всех благах того рая, *что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). И там я увидел множество людей в белых одеждах, радующихся и вкушающих плоды тех райских деревьев. Внимательно смотря на тех людей, я увидел одного мужа (то был Филарет, но я не узнал его), об-

леченного в светлую одежду, сидящего на золотом престоле посреди того сада; с одной стороны возле него стояли новопросвещенные дети со свечами в руках, с другой стороны — множество нищих и убогих в белых одеждах, которые теснились вокруг него, так как каждый из них хотел поближе подойти к нему. И вот явился там некий юноша с светлым лицом, но страшный видом, державший в руке своей золотой жезл. Тогда я, хотя со страхом и трепетом, дерзнул спросить его:

— Господи! Кто тот, что сидит на пресветлом престоле посреди тех светлообразных мужей? Не Авраам ли это?

И отвечал мне светлый юноша:

— Это Филарет Амниатский, который за великую свою любовь к нищим и милостыню и за честную и чистую свою жизнь, подобно Аврааму, здесь водворяется.

После того новый этот Авраам, святой и праведный Филарет, посмотрев на меня своим светлым взглядом, начал звать к себе и тихо сказал:

— Чадо, приди и ты сюда, чтобы насладиться теми же благами.

Я же отвечал:

— Не могу, блаженный отче, дойти туда: устрашает и препятствует мне это огненная река: проход через нее узкий и мост неудобен для перехода и множество людей в ней сожигаются огнем; боюсь, чтобы и мне не попасть туда же, — и кто меня тогда извлечет оттуда?

Святой же сказал:

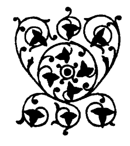
— Не бойся и смело переходи, так как все, которые теперь здесь находятся, пришли сюда тем же путем, и нет иного пути, кроме этого. Так и ты, чадо, без всякого страха переходи к нам, а я помогу тебе.

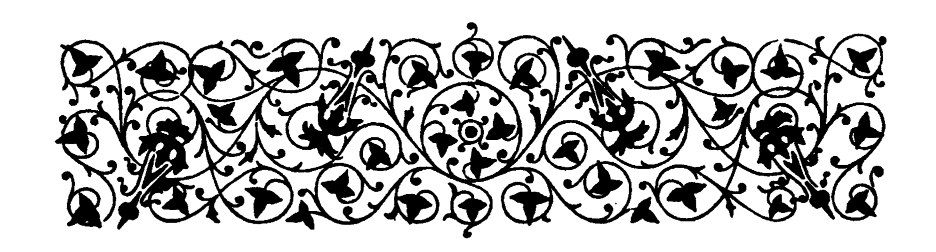
И простер он ко мне руку, призывая меня. Я же, почувствовав смелость, начал благополучно переходить через реку, и когда приблизился к руке святого и коснулся ее, то это чудное видение тотчас исчезло; я проснулся и, горько заплакав, сказал себе: как же перейду я ту страшную реку и как достигну райского селения?»

Эту повесть с клятвою подтверждал один из родственников блаженного Филарета, чтобы мы знали, какой милости удостаиваются от Бога подающие милостыню бедным во имя Его.

Блаженная же Феозва, жена святого Филарета, по погребении честного тела мужа своего, возвратилась из Царьграда в свое отечество, страну Пафлагонскую, и там употребила богатство свое, полученное от царя и царицы, на построение и возобновление храмов Божиих, сожженных персами в прежнее время. Снабдила также она те храмы священными сосудами и одеждами. Учредила еще она там монастыри, странноприимные дома и убежища для нищих и больных, и затем снова отправилась в Константинополь к внучке своей, царице Марии. Здесь, проведя остальное время своей жизни в служении Богу, она мирно почила о Господе и погребена была при могиле своего праведного мужа.

Молитвами их да получим и мы в день суда помилование от Единого щедрого и милостивого Господа нашего Иисуса Христа. Ему же со Безначальным Его Отцом и Святым Духом подобает честь и слава во веки веков. Аминь.





День второй

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА АВВАКУМА

Святой пророк Аввакум был сын Асафата и происходил из колена Симеонова, как повествует о нем святой Епифаний Кипрский в своей книге «О жизни пророков». По преданию, записанному святыми отцами[1], родиной Аввакума было небольшое селение Бетзохар, иначе называемое Вифзахир.

Самое имя — Аввакум[2], — данное ему при рождении, предзнаменовало, что из него выйдет сильный духом подвижник. Придя в возраст совершенный, он, ради славы имени Божия, ревностно выступил на обличение беззаконий своего народа. Сам же он, горя духом о Господе, строго соблюдал заповеди Божии, твердо стоял на пути добродетели, и был удостоен от Господа дара пророческого.

Аввакум пророчествовал и жил после царствования благочестивого иудейского царя Езекии, когда на престоле царствовали нечестивые цари: Манассия, сын Езекии, и потом Амон, сын Манассии[3]. По свидетельству Священного Писания (см.: 2 Пар. 33, 9; 4 Цар. 21, 2–10),

---

[1] Блаженным Епифанием Кипрским, блаженным Феодоритом, блаженным Иеронимом, блаженным Августином и святым Исидором Испалийским.

[2] *Аввакум* с еврейского значит собственно: обнимающий, обхватывающий, а потом — сильный борец, подвижник.

[3] Начало пророческой деятельности Аввакума нужно отнести к тем годам царствования Манассии, когда этот нечестивый царь, взятый в плен Асаргаддоном, смирился и покаялся в заточении. Пророчества Аввакума относятся к периоду времени с 660 года и захватывают собой годы царствования преемника Амона, благочестивого царя Иосии, до 611 года.

в народе иудейском при Манассии были постоянные раздоры и злодейства: сильный угнетал слабого, и негде было искать суда справедливого. Сам царь Манассия был первым гонителем невинных: он пролил весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края и до края (см.: 4 Цар. 21, 16). По преданию, в числе невинных пострадал в это время и святой пророк Исаия, равно как пострадали многие другие обличители неправд и нечестия царя и народа.

Впоследствии царь Манассия, наказанный Богом и взятый в плен ассирийцами, раскаялся и обратился к истинному Богу. Но зло, посеянное им, пустило уже глубокие корни среди народа еврейского; Манассии же наследовал нечестивый сын Амон, подобно отцу своему преданный грубому идолопоклонству.

Пророк Аввакум глубоко скорбел о развращении своих современников. Не находя нигде правды, он изливал свою скорбь, взывая ко Господу:

— Доколе, Господи, я буду взывать — и Ты не слышишь меня, буду вопиять о насилии — и Ты не спасаешь? Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствие? Грабительство и насилие предо мною, и восстает вражда и поднимается раздор. От этого закон потерял силу, и суда правильного нет: так как нечестивый одолевает праведного, то и суд происходит превратный (см.: Авв. 1, 2–4).

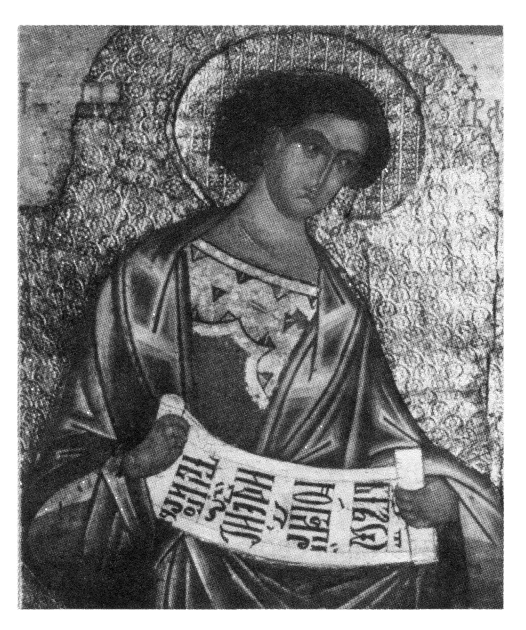
Так взывал пророк ко Господу, видя беззакония людские, и ожидал праведного суда от Самого Бога. В ответ на это Господь возвестил Своему избраннику, что скоро должно наступить наказание за всеобщее нечестие. По повелению Божию, пророк Аввакум предсказал евреям такое страшное событие, которому в его время даже трудно было поверить, — именно разрушение храма и самого Иерусалима и пленение Вавилонское[1].

Пророк ясно указал, что орудиями этого наказания Господь избрал халдеев[2] — народ свирепый и необузданный, который быст-

---

[1] Книга пророка Аввакума, гл. 1, ст. 5–12. Об этом же наказании, за нечестие народа в царствование Манассии и его сына, говорится в четвертой книге Царств, гл. 21, ст. 12–14.

[2] *Халдеи* — по-еврейски: *хасидим*, произошли от Хеседа, сына Нахорова, брата Авраама (см.: Быт. 22, 22). Происходя от семитического корня, халдеи первоначально жили в северной гористой стране Месопотамии, ближе к Армении, на юг от озера Ван. Из этой древней местности халдеи расселились по течению Евфрата, на юг и восток по всей Месопотамии и Вавилонии и вскоре сделались



ро проходит по пространствам земли, чтобы завладеть чужими селениями.

В трепетном ожидании грозного нашествия пророк Аввакум недоумевал: неужели праведный Господь попустит гордым и нечестивым халдеям совершенно истребить избранный народ свой? В надежде, что наказание это будет временным, он ожидал нового откровения от Господа и в своем молитвенном ожидании был подобен стражу, зорко смотрящему вдаль с городской башни[1], чтобы возвестить о приближении врага. Он пламенно молил Господа спасти народ еврейский от рабства Вавилонского, как некогда Он спас его от рабства Египетского, и ждал, что возглаголет ему Господь.

Тогда Господь открыл пророку Своему, что все спасение избранного народа среди этих бедствий заключается в вере, а гордые и необузданные халдеи сами должны будут испытать ту же участь, которую они приготовили побежденным народам (см.: Авв. 2, 4). После того пророк Аввакум, чтобы не повергнуть соотечественников в отчаяние от предстоящего им испытания от Бога, произнес прит-

---

народом господствующим. В период владычества ассириян они с последними сделали многие завоевания и, по отделении Вавилонии от Ассирии, при Набопаласcаре, особенно при Навуходоносоре, победили многие народы и царства. Всюду, при завоеваниях, халдеи отличались крайней жестокостью и воинственностью.

[1] Книга пророка Аввакума, гл. 2, ст. 1. Образ речи взят от обычая устраивать сторожевые башни на горах и высоких местах для того, чтобы стражники благовременно узнавали об опасности для селений, возвещали бы о близости неприятеля, о победе и поражении. Святые пророки были стражи, поставленные Богом как бы на некоторой высоте для наблюдений и возвещения воли Его. На этой *Божественной страже* святой пророк Аввакум, отрешившись от всего земного, бодрствовал духом и пламенно молился Богу об открытии воли Его о Своем народе. Находясь в таком состоянии, он благоговейно ожидал, когда луч света Божия проникнет в его уме, озарит душевные его очи, и что возглаголет ему Господь.

чу на погибель халдеев, возвестив пятикратное горе угнетателям (см.: Авв. 2, 9–19). В этой притче он показал все ничтожество идолов и могущества халдеев, пред величием Бога истинного, шествующего во спасение людей Своих. Пророк, в озарении свыше, предвещал, что Бог грядет для спасения народа Своего *от горы приосененные чащи* (Фарана), для спасения помазанных Своих, и наступит такое время, когда вся земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море (см.: Авв. 3, 13)[1].

Когда Навуходоносор подступал к Иерусалиму, то, по свидетельству предания, пророк Аввакум удалился из города. Зная, что бедствие уже неотвратимо и что сопротивление столь сильному завоевателю будет бесполезно, пророк с горестью оставил свое отечество, чтобы не видеть разорения его и избежать жестокости победителя. По указанию Божию, Аввакум поселился в земле Аравийской, в го-

---

[1] Здесь не только предрекается избавление евреев из плена Вавилонского, но и спасение рода человеческого. Таким образом, это пророчество — мессианского характера. Указывая на южную страну по отношению к Палестине, где и была гора Фаран, покрытая тенистым лесом, Аввакум открыл евреям, что они получат избавление от рабства вавилонского через народ, пришедший с южной стороны. Действительно, Кир, царь Персидский, привел мидян и персов с юга, по отношению к Палестине и, покорив вавилонян, освободил евреев. Но взор пророка провидел избавление еще от другого рабства — греховного рабства всего рода человеческого в его обновлении. По объяснению блаженного Феодорита, Аввакум этими словами «предвозвещает вочеловечение Бога и Спасителя нашего, совершившееся в Вифлееме, который лежит к югу от Иерусалима». Святая Церковь, под *горою приосененною*, разумеет Божию Матерь, как бы некую гору добродетелей, осененную Святым Духом. «Гору Тя, благодатию Божиею приосененную прозорливыма Аввакум усмотрив очима», — воспевает Церковь в каноне. — «Из Тебе изыти Израилеву провозглашаше Святому, во спасение наше и исправление». «Христос грядый явственно Бог наш, приидет и не закоснит, от горы приосененныя чащи, Отроковицы раждающия неискусомужныя, пророк древле глаголет» (четвертая песнь канона в неделю Ваий). «Христе, от Девы прозябл еси, из горы, хвальный, приосененныя чащи» (четвертая песнь на Рождество Христово). Вообще, в основание четвертой песни всех церковных канонов положено пророчество Аввакума о пришествии Господа во спасение людей Своих *спасти помазанныя Своя*. Ввиду такого ясного мессианского значения пророчества Аввакума, Церковь христианская усвоила ему наименование «Богоглаголивого» (пасхальный канон, песнь четвертая, ирмос). — Вышеприведенная молитвенная песнь Аввакума служит основанием четвертой песни церковных канонов, изображающей всемогущество Бога и непостыдную надежду на Него.

роде Остракине[1], и жил здесь добровольным изгнанником до самого удаления врагов из его отечества.

По удалении халдеев он возвратился в землю свою, оплакал бедствие ее и вместе с уцелевшими из народа стал заниматься земледелием. В молитве к Богу за народ свой ожидал он возвращения плененных из Вавилона.

Однажды, во время жатвы, пророк сварил похлебку и, взяв хлеба, пошел в поле, чтобы отнести этот обед жнецам. Но на пути ему предстал Ангел Господень и сказал:

— Отнеси этот обед в Вавилон к Даниилу, в ров львиный.

В это время, действительно, пророк Даниил, живший при дворе царя Вавилонского, по ненависти нечестивых вавилонян, был ввергнут в ров ко львам.

Но Аввакум, не зная города Вавилона, отвечал Ангелу:

— Господи! Вавилона я никогда не видал и рва львиного не знаю.

Тогда Ангел Господень силою духа своего восхитил Аввакума и, подняв его за волосы, перенес в Вавилон и поставил прямо надо рвом, куда ввергнут был Даниил.

И воззвал Аввакум:

— Даниил! Даниил! Возьми обед, который Бог послал тебе.

Даниил же возблагодарил Бога и сказал:

— Вспомнил Ты обо мне, Боже, и не оставил любящих Тебя.

Даниил поднялся и вкусил пищи. Ангел же Господень мгновенно поставил Аввакума на его прежнее место.

После чудесного посещения Даниила, пророк Аввакум возвратился к жнецам своим во время обеда их и никому не сказал о случившемся. Он проразумел, что народ Иудейский возвращен будет Господом из Вавилона в Иерусалим, подобно тому как совершилось чудесное перенесение его в Вавилон и возвращение оттуда. Но это испытание народа Божия длилось семьдесят лет, и Аввакум не дожил до возвращения евреев из плена и умер в старости и погребен был с честью на собственном поле[2].

---

[1] *Остракина* — город на границе Аравии, Палестины и Египта.

[2] Кончина пророка Аввакума последовала приблизительно за шестьсот лет до Рождения Христова. По сказанию церковного историка IV века, Евсевия Кесарийского, гробницу преподобного Аввакума указывали в Кеиле, или в Киле, в колене Иудином. По свидетельству церковного историка V века Созомена, мощи

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ МИРОПИИ

Святая дева Миропия происходила из города Ефеса[1]. Родители ее были христиане. Когда отца ее уже не было в живых, восприяла она святое крещение. Воспитываемая своею матерью в страхе Божием, имела она усердие приходить ко гробу святой мученицы Ермионии[2], одной из дочерей святого апостола Филиппа. Она брала целебное миро, которое истекало от мощей святой Ермионии, и, подавая его больным, исцеляла их.

В то время царствовал Декий[3]. Когда он воздвиг гонение на христиан, мать Миропии переселилась с нею на остров Хиос[4], где у нее было родовое имение. Здесь она пребывала с дочерью, затворившись в доме своем и молясь Богу. Однажды на этот остров прибыл князь Нумериан. По его повелению, был взят, за исповедание Христовой веры, блаженный Исидор[5], муж чудный и благоговейный, по званию воин. Так как он не желал отречься от Христа и отвергал поклонение идолам, то князь, подвергнув его различным мукам, осудил на казнь мечом. Затем тело его было брошено в дебрь на съедение зверям и птицам, в некотором же отдалении была поставлена стража,

---

этого святого пророка, по Божественному Откровению, были обретены вместе с мощами святого пророка Михея в царствование Феодосия II Младшего (408–450 гг.). Тела обоих пророков указаны были Божественным сновидением Зевенху, бывшему в то время епископом церкви Елевферопольской.

[1] *Ефес* — главный город Малоазийской провинции Асии; расположен при реке Каистре, недалеко от Эгейского моря, на западном берегу Малой Азии. Ефес славился как торговый центр. Здесь же был знаменитый языческий храм Артемиды, или Дианы. Христианство проникло сюда еще во времена апостолов: сначала ученики Иоанна Крестителя учили здесь, потом проповедовал Евангелие апостол Павел, написал после к жителям этого города свое послание; затем там проповедовал и жил святой евангелист Иоанн Богослов. Поэтому Церковь Ефесская, по словам святого Иринея, была истинной свидетельницей апостольского предания. В настоящее время, на месте древнего Ефеса, находится бедная турецкая деревушка Айя-Солюк.

[2] Память ее празднуется 4 сентября.

[3] *Декий* — Римский император, царствовал с 249 по 251 год.

[4] *Хиос* — остров в Эгейском море (Архипелаге), против города Смирны.

[5] Память ее — 14 мая.

чтобы христиане не украли тело мученика. Исполненная Божественною ревностью, святая дева Миропия пришла с своими служанками ночью, взяла тайно тело мученика и, с честью совершив погребальные молитвы, похоронила его в особо приготовленном месте.

Узнав, что тело Исидора похищено, князь заключил стражей в оковы и повелел водить их по острову и пытать, объявив, что если они не найдут украденного тела до назначенного времени, то им отсекли головы.

Святая Миропия, увидев муки закованных и влекомых стражей и слыша, что им предстоит смертная казнь, умилилась душою и подумала:

— Если эти стражи терпят муки и будут казнены из-за меня, тайно унесшей тело, то горе мне будет на суде Божием, и мучиться будет душа моя, повинная в убийстве людей тех.

И, неожиданно для всех, она воскликнула к воинам:

— Друзья! Тело погубленного вами взяла я в то время, как вы спали.

Услышав это, воины тотчас взяли ее и представили князю Нумериану, говоря:

— Господин, вот кто украл мертвеца.

Князь спросил святую:

— Правда ли то, что они говорят о тебе?

— Правда, — отвечала святая.

— Как ты смела, проклятая женщина, сделать это? — воскликнул князь.

Миропия отвечала:

— Смела, потому что я презираю и плюю на твое окаянство и безбожие.

От этих слов гордый князь пришел в сильную ярость и тотчас повелел бить ее палками без милосердия. И били ее долго; потом, схватив за волосы, влачили по всему острову и истязали все члены тела; наконец еле живую заключили в темницу. В полночь, когда святая молилась, свет осиял всю темницу и пред нею предстал лик Ангелов, посреди их был святой Исидор, и все они пели Трисвятую песнь. Воззрев на мученицу, Исидор сказал:

— Мир тебе, Миропия, — дошли молитвы твои до Бога, и вот ты будешь с нами и примешь венец, тебе уготованный.

Когда святой Исидор говорил эти слова, святая мученица Миропия с радостью предала дух свой Богу[1]. И наполнилась темница неизреченным благоуханием, от которого стражи темницы пришли в ужас и изумление. Один же из них, хорошо все это видевший и слышавший, поспешил к священнику, подробно ему все рассказал, принял святое крещение и впоследствии сам удостоился мученического венца. Тело святой Миропии христиане взяли и с честию погребли, прославляя Бога.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
АФАНАСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет (Ин. 11, 25). Исполнил Спаситель это слово, сказанное о Лазаре четверодневном, и на преподобном отце нашем Афанасии — затворнике Печерском, желая, чтобы и мы исполнили слово богатого, сказанное о нищем Лазаре: *если кто из мертвых придет к ним, покаются* (Лк. 16, 1).

Этот преподобный Афанасий был иноком в святом монастыре Печерском, проводя святую и Богоугодную жизнь. После долгой болезни он умер. Братия отерли тело его и положили в пелены, как подобает умершему иноку. Усопший лежал не погребенным два дня по причине некоторого замедления. Ночью игумену было явление, и он слышал голос:

— Человек Божий Афанасий два дня лежит не погребенным, а ты об этом не заботишься.

Как только наступило утро, игумен пришел с братиею к умершему, чтобы совершить его погребение — и вдруг они увидели, что он сидит и плачет. Все пришли в ужас, видя, что он жив, и стали его спрашивать, — как он ожил, и что видел или слышал? Он же в ответ говорил только одно:

— Спасайтесь!

---

[1] Кончина святой Миропии последовала около 251 года, при императоре Декии.

Но они стали еще больше упрашивать его, желая услышать от него что-нибудь для них полезное. Тогда он сказал им:

— Если вам я скажу, то вы не поверите и не послушаете меня.

Братия же обещали ему, что они соблюдут все, что он скажет им. Тогда воскресший сказал им:

— Имейте послушание во всем к игумену, кайтесь каждый час и молитесь Господу Иисусу Христу, и Его Пречистой Матери, и преподобным отцам Антонию и Феодосию, чтобы здесь, в этой обители, кончить жизнь свою и удостоиться быть погребенными со святыми отцами в пещере: ибо эти три вещи выше всех добродетелей. И, если кто исполнит все это, как подобает по чину, блажен будет, только бы не возгордился. О прочем не спрашивайте меня, но умоляю: простите меня.

Сказав это, он пошел в пещеру и, затворив за собою двери, пробыл там безвыходно двенадцать лет. Никогда после того он уже не видал солнца, беспрестанно день и ночь плакал; вкушал лишь немного хлеба и воды, и то только через день, и во все это время не сказал никому ни одного слова. Когда же приблизилось время кончины Афанасия, он призвал братию и сказал им все то, что говорил прежде о послушании и покаянии, и почил с миром о Господе, и положен был с честью в той пещере, где подвизался[1].

По своем преставлении преподобный Афанасий посредством чудотворения известил братию о своем блаженном состоянии. Один из иноков, по имени Вавила, страдавший много лет болезнью ног, принесен был к мощам блаженного Афанасия и, прикоснувшись к телу его, тотчас же исцелел, и с того времени до самой своей смерти никогда не страдал никакою болезнью. Об этом явлении своего преподобного исцелителя Вавила так поведал братии, среди которых был и Симон святой, описатель жития этого[2]:

— Когда я лежал и кричал от боли, внезапно вошел блаженный этот Афанасий и сказал мне: приди ко мне, — и я исцелю тебя.

---

[1] Блаженный Афанасий почил о Господе около 1176 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

[2] *Святой Симон* — сначала инок Киево-Печерского монастыря, впоследствии епископ Владимирский († 1226 г.); известен, как автор восьми повестей о восьми печерских иноках, писанных к его другу, печерскому иноку Поликарпу, и «Повести об основании Печерской обители». Память его — 10 мая.

Я хотел было его спросить, каким образом и когда пришел он сюда? Но он вдруг стал невидим. Поверовав явившемуся мне, я попросил, чтобы меня принесли к нему, и вот ныне получил исцеление.

С этого времени уразумели все, что преподобный затворник Афанасий угодил Господу и удостоился блаженства. По его святым молитвам, да сподобимся и мы, воскреснув от смерти греховной, пожить Богоугодно и в покаянии и потом получить жизнь вечную о Христе Иисусе, Жизнодавце нашем, Ему же слава с Богом Отцом, и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
СТЕФАНА,
царя Сербского[1]

Святой Стефан Урош был сын знаменитого сербского государя Стефана Душана[2], который, объединив под своею властью почти все сербские земли и завоевав несколько областей, принадлежавших Греческому царству, провозгласил себя царем сербов и греков. Стефан Урош родился[3] от брака Душана с Еленой, сестрой болгарского царя Александра Асеня. Детство Уроша протекло во время самой кипучей деятельности его отца. Принявший царский титул, в 1346 году Стефан Душан венчался вместе с своею супругою царским венцом, а сына Уроша, которому шел только десятый год, венчал королевским венцом и с титулом краля стал именовать его в грамотах. Таким образом с раннего детства Урош стал кралем «младым» — прозвание, оставшееся за ним навсегда.

По смерти своего родителя, Стефана Душана, последовавшей в 1355 году, Стефан Урош венчался на царство, будучи восемнадцати лет, и должен был принять в свое управление обширное Сербское

---

[1] Житие составлено по старинному сербскому житию, церковной службе, помещаемой в «Сербляке» (печатном сборнике служб сербским святым), и сербским летописям.

[2] *Стефан Душан* правил с 1331-го по 1355 год.

[3] Год рождения его — 1337-й.

царство. Дело это было весьма трудное. Сам Стефан Душан, чтобы управлять многочисленными областями с разнородным населением (сербским, болгарским, албанским и греческим), отдавал их во власть вельмож, получавших от царя, по греческому обычаю, разные титулы — кесаря, деспота и другие. Эти вельможи, пользуясь почти полной самостоятельностью, могли оказывать царю сопротивление, и нужна была твердая рука Душана, чтобы содержать их в повиновении.

Молодой преемник Душана, Стефан Урош, от природы отличался телесною красотою, душевною кротостью и простотою ума. Править обширным государством ему было трудно. По примеру отца, он должен был управлять при посредстве вельмож, но он не имел твердого характера и уменья, чтобы держать их в должном повиновении. Правители разных областей стали руководиться своеволием, а не указаниями царя. Особенную силу в государстве получили вельможи Марняновичи, братья Волкашин, Углеша и Гойко. Волкашин получил от царя сначала титул кесаря, а потом и Сербского краля, так что от своего имени писал и королевские грамоты. Действительной власти Стефан Урош не имел, он довольствовался одним титулом царя. Много пришлось ему испытать горя, нужды и унижения, но он все переносил с кротостью.

Честолюбивым вельможам этого было, впрочем, недостаточно: им хотелось совсем устранить Уроша. Особенно к этому стремился король Волкашин, поддерживаемый своими братьями. Урош, лишенный власти, проживал попеременно в разных сербских городах и областях; одно время он жил у князя Лазаря, правившего, подобно Волкашину, особою областью Подунайскою, но относившегося к Урошу доброжелательно.

По внешности и Волкашин обнаруживал доброжелательность к Урошу и старался успокоивать еще остававшуюся в живых мать его Елену, вдову после Стефана Душана, которая боялась за судьбу своего сына. Желая засвидетельствовать свое расположение к Урошу, Волкашин однажды пригласил его вместе с собой на охоту в горную страну близ Косова Поля. Во время этой охоты Волкашин улучил возможность убить предательски Уроша. Тело ночью тайно было положено в готовую гробницу при храме Успения Пресвятой Богоро-

дицы близ замка Петрича, служившего нередко местожительством Сербских государей[1].

Волкашин показывал, что Урош где-то отстал на охоте и что он не знает о его местопребывании. Пораженные горем мать Уроша Елена и супруга его Анна[2] приняли все меры к розысканию пропавшего царя, но напрасно. Однако нет тайны, которая не стала бы явною. Распространились слухи о ночном погребений кого-то в церкви Успения близ Петрича.

Когда сняли плиту с гробницы, то увидели тело невинно погибшего страдальца, царя Стефана Уроша. Мать и супруга и все окружающие горько оплакали усопшего и торжественно по-царски совершили обряд погребения в той же церкви Успения. Стефан Урош был последним Сербским царем и последним государем из знаменитого рода Неманичей.

Святые мощи царя Стефана Уроша долго почивали в том храме, где он был погребен, но потом, из опасения поругания со стороны мусульман перенесены были православными сербскими переселенцами из Турции в Австрийский Срем, в монастырь Ясак.

Подобно всем Сербским государям, Стефан Урош построил себе задушбину — монастырь Рождества Богородицы в городе Скопле. Церковная служба Стефану Урошу воспевает его, как святого, который «от юности предан был Господу, отечески покоил вдов и сирот, умирял ссоры и утверждал мир, миловал нищих, защищал обижаемых».

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ
ИОАННА, ИРАКЛЕМОНА, АНДРЕЯ и ФЕОФИЛА

Преподобные отцы Иоанн, Ираклемон, Андрей и Феофил, родом из города Оксириха[3], были дети христианских родителей.

---

[1] *Петрич* находился выше Неродимля в *Езерской* платине, то есть горном хребте, отделяющем Подринье, — край, прилегающий к городу Призрену, — от Косова Поля.

[2] Она была дочерью валашского воеводы Александра Бассарабы.

[3] В Среднем Египте, на левом берегу реки Нила.

С юных лет они упражнялись в чтении душеполезных книг, а потом, движимые желанием проводить жизнь богоугодную, удалились во внутреннюю пустыню своей страны[1], где и были наставляемы Богом: там, в пустыне, они встретили одного святого мужа, достигшего уже глубокой старости, и прожили с ним, пользуясь от него духовным назиданием, один год. Когда муж тот умер, они остались в том же пустынном месте и в продолжение шестидесяти лет проводили подвижническое житие, соблюдая строгий пост. Питались они дикими овощами и водою, но и то вкушали только два раза в неделю. В будничные дни они разлучались и каждый уединенно проводил время в окрестных горах и пещерах; в субботы же и воскресные дни они собирались вместе и совокупно воссылали благодарение Богу, причем от Божественного Ангела сподоблялись святого Причащения, и так с миром почили. Об этом поведал великий Пафнутий пустынник (Фиваидский), который сам видел мужей тех и описал их житие[2].

---

[1] То есть *Фиваидскую*. Фиваидская пустыня находилась в Верхнем (Южном) Египте и была излюбленным местом подвигов древних пустынников.

[2] В IV веке.

День третий

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО ПРОРОКА
СОФОНИИ

Святой Софония, один из двенадцати малых пророков[1], сын Хусия, внук Годолия, правнук Амории и праправнук Езекии, происходил, по преданию, из колена Симеонова, из горной страны Саравафа, или Варафа[2]. Он был знатного рода[3] и жил при Иудейском царе Иосии, сыне Амона, за шестьсот слишком лет до пришествия на землю Господа нашего Иисуса Христа. В его время благочестивый царь Иосия, усердно заботясь о восстановлении истинного Богопочитания, почти забытого иудеями, искоренял идолопоклонство в своем народе. Он восстановил в прежнем величии храм Соломона, пришедший в полный упадок, разрушил языческие жертвенники, умертвил идольских жрецов и повелел всем строго соблюдать закон Моисея. Но, несмотря на такую ревность царя к восстановлению истинной веры, трудно было народ, уже укоренившийся в нечестии, обратить к Богу. Иудеи, из страха пред властью царскою, перестали открыто служить идолам, но в сердце своем таили приверженность к языческому нечестию. Поэтому Господь, говорит Священное Писа-

---

[1] Разделение пророков на *больших* и *малых* основывается не на личных, душевных качествах их, а на краткости написанных ими книг.

[2] Колено Симеоново, где находилась гора Саравaф, занимало юго-западную пограничную часть Палестины.

[3] Это можно утверждать на том основании, что Софония перечисляет в начале книги своих предков. По тогдашнему обычаю, это могли делать только люди знатные по происхождению.

ние, — не отложил великой ярости гнева Своего, какою воспылал на Иуду (см.: Цар. 23, 29). Суд Божий над прогневляющим Бога народом уже готов был разразиться. Среди такого нечестия и языческой тьмы Софония сиял благочестием, как светлая звезда ночью. Как истинный израильтянин, он глубоко скорбел о нечестии своего народа, а как страж Господень и созерцатель таин Божиих[1], чистый умом и сердцем, горячо молился об обращении соотечественников на путь истины и спасении их от погибели. И вот, как бы в ответ на эту молитву, «было к Софонии слово Господне» (см.: Соф. 1, 1). Бог, видящий сердца человеческие, избрал его Своим пророком и повелел ему возвестить иудеям грозные кары, которые ожидают их за нечестие и служение богам ложным. Исполняя повеление Господне, Софония пошел по городам и селам иудейским, всюду побуждая народ к исправлению и покаянию. Не пространна была его проповедь, но по силе и глубине напоминала пламенные речи великих пророков Исаии и Иеремии.

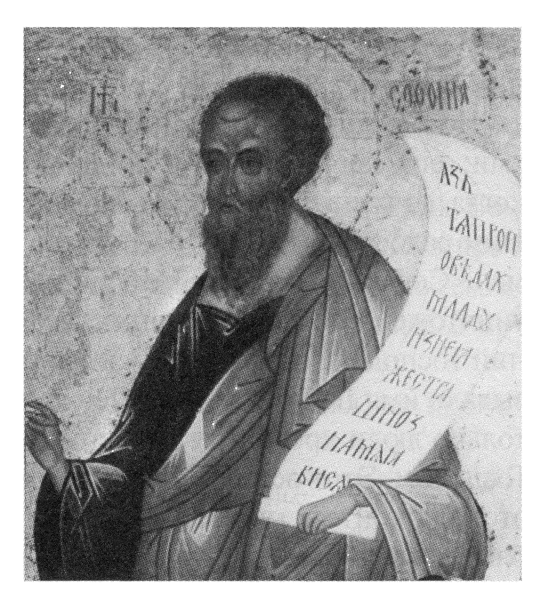
— Вот что говорит Господь, — так начал свое пророчество Софония. — Все истреблю с лица земли: истреблю людей и скот, истреблю птиц небесных и рыбу морскую, и изглажу беззаконных с лица земли. И простру руку Мою на Иуду, и на всех жителей Иерусалима, и уничтожу тех, кто отступает от Господа и не ищет Его. Поэтому, убойтесь все пред лицом Господа: Он готовит жертву, и день ее уже близок. Это будет день гнева, день скорби и стеснения, день смятения и волнения, день тьмы и мрака. Тогда люди будут ходить как слепые, за то, что они погрешили против Господа; и польется кровь их, как песок, и трупы их будут, как навоз (см.: Соф. 1, 2–4, 14–18).

Возвещая такое наказание иудеям, Софония, вместе с тем, предсказывал и близкую гибель языческих народов. «Филистимляне, моавитяне, аммонитяне, эфиопляне, ассирияне[2], — говорил он, —

---

[1] Так толкуется имя Софонии (тайнозритель), происходящее от еврейского глагола «цафа» — наблюдать, сторожить, или же от глагола «цафан», что значит — таить, укрывать.

[2] *Филистимляне* — соседний евреям народ, занимавший западную часть Палестины, по самому берегу Средиземного моря. Они произошли от Каслухима и Кафторима, сынов Мицраима, сына Хама, родоначальника египтян (см.: Быт. 10, 14; Втор. 2, 23; 1 Пар. 1, 12; Иер. 47, 4; Ам. 9, 7). Они — не природные жители Палестины, но пришельцы, переселенцы, как то показывает самое слово *пелиштим* (филистимляне) — странствовать, переселяться. Происходя от каслухеев и кафто-



будут истреблены, их земли подвергнутся опустошению и станут, подобно Содому и Гоморре, поляной, заросшей колючей травой, и вечной пустыней. Это им за величавость их, за то, что они ругались и превозносились над народом Божиим»[1]. Обращаясь, затем, снова к родному Иерусалиму, пророк с прискорбием видит, что он не вразумляется примерами наказания нечестивых языческих народов и остается упорным в своем заблуждении. Иерусалим, по словам пророка, не «приемлет увещания, не слушает гласа, на Господа не надеется и к Богу своему не приближается. Князья его — львы рыкающие, судьи его — волки вечерние, люди — горды, священники оскорбляют святыню и разрушают закон.

реев, которые жили в какой-либо части Северного Египта, филистимляне еще в глубокой древности переселялись сначала на остров Крит, а потом в Палестину. *Моавитяне* — народ семитического племени, потомки Моава, незаконного сына Лота от старшей дочери его (см.: Быт. 19, 30–37). Они занимали гористые, но прекрасные плодоносные земли по восточной стороне Мертвого моря. С запада границей их было Мертвое море, а с Востока — пустыня. *Аммонитяне* — народ, родственный моавитянам, происшедший от Аммона, сына Лота, и его младшей дочери Бен-Амми (см.: Быт. 19, 38). Они жили на восточной стороне Иордана, около гор Галаадских, между реками Иавоком и Арноном. *Эфиопляне,* или *Кушиты,* произошли от Куша, или Хуша, сына Хамова. В древности название эфиопов давалось всем народам смуглого цвета (северо-восточной Африки и Юго-Западной Азии); но потом это название стало усвояться жителям собственно Эфиопии, лежавшей к югу от Египта, между Черным морем, Ливийскою степью и Абиссинскою возвышенностью. *Ассирияне* — народ семитического племени, происшедший от Ассура, сына Сима, сына Ноева. Их царство, одно из самых могущественных во всей Азии, занимало области по реке Тигр, между Арменией, Месопотамией, Мидиею и Вавилониею.

[1] Книга пророка Софонии, гл. 2. Пророчества эти исполнились при Навуходоносоре, царе Вавилонском, который покорил, вместе с иудеями, и моавитян, и аммонитян, и филистимлян. Ассирия же погибла при отце Навуходоносора — Набопаласcаре.

За это, — говорил пророк, — нечестивый город будет разорен, а с ним погибнет и земля Иудейская»[1].

Но Софония не ограничился только печальными предсказаниями; его пророческий взор проникал в те благодатные времена, когда должен был явиться Утеха Израилева и Чаяние языков, а с Ним радость и мир для всей земли. Созерцая наступление этих времен, Софония говорил, что не весь Израиль и не вся земля будут уничтожены в великий день суда Господня. После грозных наказаний Господь даст оставшимся народам уста чистые, чтобы они призывали имя Его и единодушно служили Ему. А от Израиля останутся только люди кроткие и смиренные, которые будут благоговеть пред Господом. Этот остаток Израиля уже не будет творить неправды и за это успокоится, никем из врагов нетревожимый[2]. Указывая на эти благодатные времена, пророк забывает о предсказанных грозных и близких бедствиях и в восторге восклицает:

— Радуйся, дщерь Сионова, проповедуй, дщерь Иерусалима, украшайся и веселись от всего сердца; ибо отъял Господь все неправды твои и избавил тебя от руки врагов твоих; Господь воцарится посреди тебя, и ты не узришь больше зла. В тот день Господь скажет Иерусалиму: дерзай, Сион, и да не ослабеют руки твои, потому что Господь Бог твой в тебе; сильный, — Он спасет тебя и наведет на тебя веселие и обновит тебя в любви Своей (см.: Соф. 3, 14–17).

Святая Церковь видит в этих словах Софонии ясное указание на благодатные мессианские времена вообще и в частности на торжественный вход Господа Иисуса Христа во Иерусалим, когда весь Сион, с ваиями в руках, с восторженными криками: «осанна сыну

---

[1] Наказание действительно не замедлило постигнуть нечестивых. Еще при Иосии вторглись сильные тогда враги египтяне. Царь их, фараон Нехао, в битве при Меггедоне, в долине Ездрелонской (на юге Палестины), разбил иудеев. Благочестивый Иосия пал в этой битве. С этого злополучного дня началось наказание иудеев и исполнение угроз пророческих. Вскоре после смерти Иосии иудеи были порабощены египтянами и обложены тяжкою данью, а потом вавилоняне стали вторгаться в Иудею. В 607 году до Рождества Христова царь их Навуходоносор взял Иерусалим, разрушил его, а народ отвел в плен, где он пробыл семьдесят лет. Так исполнились пророчества о наказании иудеев за нечестие.

[2] Книга пророка Софонии, гл. 3, ст. 9–14. Пророчество Софонии об остатке Израилеве блаженный Феодорит относит к апостолам, которые были кротки и смиренны сердцем.

Давидову», встречал Его как Царя, имеющего быть посреди Своего народа. Поэтому, в Вербное воскресенье и положено читать паремию из книги святого Софонии, именно то место, где пророк говорит о радостном дне, ожидающем Сион.

Так пророчествовал Софония, предсказывая грозные суды Божии, чтобы возбудить грешников к покаянию, и возвещая беспредельные милости Господни — устроение царства Божия на земле во дни Мессии, чтобы надеждою на них утешить и укрепить смиренных.

Он скончался в чаянии всеобщего воскресения и был, по преданию, погребен в своем доме.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА МОЛЧАЛЬНИКА

Молчаливый[1], неумолкающих похвал достойный, святой и преподобный отец наш Иоанн родился в Никополе Армянском[2], от отца Енкратия и матери Евфимии, в четвертый год царствования благочестивого императора Маркиана[3], 8 января, и был просвещен святым крещением. Родители Иоанна были благоверные христиане, и по своему богатству и значению славились во всей Армении; отец его был воеводой и имел большую власть у царя, так как пользовался его полным благоволением: сыном столь славного отца был блаженный Иоанн. Это сказано не для того, чтобы прославлять и похвалять Иоанна за знатность (ибо святые прославляются за добродетели, а не за знатность), но чтобы известно было, от какой славы и до какого смирения дошел этот угодник Божий.

Иоанн был воспитан с своими братьями в добрых примерах и вполне усвоил себе Божественные Писания. Он был еще юн, когда родители его отошли ко Господу, оставив детям своим много име-

---

[1] *Молчальниками,* или *безмолвниками*, назывались преподобные мужи, давшие и исполнившие обет добровольного безмолвия. Из строгих хранителей безмолвия, кроме преподобного Иоанна, известен еще преподобный Исихий, основатель афонского скита исихитов, безмолвствовавший в течение двенадцати лет (память его — 3 октября). О важности подвига словесного воздержания см.: Мф. 1, 36; Еф. 4, 29; 5, 3–4; Иак. 3, 2 и др.

[2] *Армения* — область, находящаяся к западу от Малоазийского полуострова, к югу от Иверии, или Кавказа, к северу от Тигра и Евфрата. *Никополь* — один из главных городов Армении.

[3] *Маркиан*, Восточно-Римский император, царствовал с 450 по 457 год. Следовательно, Иоанн родился в 454 году.

ния. Когда это имение было разделено между братьями, блаженный Иоанн на свою часть построил в городе Никополе церковь во имя Пречистой и Преблагословенной Девы Марии. Отказавшись затем от мира, он, в восемнадцатый год жизни своей, принял иноческий образ и жил при этой церкви с другими десятью иноками, подвизаясь подвигом добрым. В течение всей юности своей он прилагал великое старание, чтобы плоть поработить духу, не быть рабом чрева и не дозволить страстям, особенно гордости, обладать собой. И был он мужем дивным в добродетелях, добрым и искусным наставником и игуменом своим братиям.

Когда Иоанну минуло двадцать восемь лет, скончался епископ города Колонийского[1]. Граждане отправились к митрополиту Севастийскому[2] и просили его о поставлении нового епископа. Во время избрания лица, которое было бы достойно этого сана, у всех на устах было имя Иоанна, игумена Никопольского монастыря, как достойного занять престол Колонийской церкви. Знавшие великое его смирение полагали, что он не пожелает принять епископский сан; поэтому митрополит послал за ним под предлогом некоего церковного дела, и когда святой пришел, то убедил его быть епископом. Тогда его посвятили и возвели на престол Колонийской церкви. Приняв церковное правление, Иоанн не изменил своего иноческого правила и подвигов. Так, он никогда не входил в баню, и даже не омывал тела своего, из опасения, чтобы не только кто из посторонних не видал наготы тела его, но даже чтобы и самому не видеть себя когда-либо нагим: он помнил наготу Адамову (см.: Быт. 3, 7, 10, 11)[3]. Благоугождать Богу постом, молитвами, чистотой телесной и душевной, очищать все свои помышления, смирять в себе всякую гордость, противящуюся разуму Божию, и отдавать разум в послушание Христу (см.: 2 Кор. 10, 5), — вот в чем заключались все попечения Иоанна. Так добродетельно живя, он был и для других примером доброго жития; взирая на него, и прочие исправлялись и начинали жить добро-

---

[1] *Колония* — город в римской Армении.

[2] *Севастия* — главный город Армении, находившийся недалеко от истоков реки Галион.

[3] Сознание наготы явилось у Адама следствием грехопадения; потомкам Адама оно служит вместе с тем напоминанием о грехе праотца и о печальных последствиях этого греха для всего человечества.

детельно. В числе таких был Пергамий, брат его по плоти, муж славный и находившийся в большом почете у царя Зенона, также и у Анастасия, царствовавшего после Зенона[1]. Видя, что брат его, блаженный Иоанн, живет свято, Пергамий умилялся душою и прилагал великое старание, чтобы угодить Богу. Также и племяннику Иоанна Феодору, который впоследствии был в великом почете у благочестивого царя Юстиниана[2], послужило на пользу ангелоподобное житие дяди его. Феодор со всеми домашними своими жил Богоугодно и был так добродетелен, что и сам царь и бояре дивились честному житию его и разуму, правой вере и милосердию. Во всем этом Феодор успел, имея пример непорочного жития в блаженном дяде своем Иоанне.

Десятый год уже епископствовал Божественный и богоносный отец Иоанн, управляя ко благу Церковью Христовой, когда правителем Армении сделался муж сестры его Марии, по имени Пасиник. По наущению беса, он начал смущать вверенную Иоанну церковь и причинять ей зло, а блаженному огорчение: вмешиваясь в церковные дела, он силою извлекал из храмов тех, кто искал там защиты от наказания[3], и не дозволял служителям и строителям Церкви заботиться о церковных делах. Много раз блаженный Иоанн со смирением просил его — не входить в церковные дела и не причинять Церкви зла и насилия. Но правитель оставался неумолимым и не исправлялся; по отшествии же из мира сестры блаженного стал поступать еще хуже. Глубоко болея сердцем о причиняемом Церкви зле, святой вынужден был отправиться в Царьград к царю Зенону и здесь нашел себе поддержку в архиепископе Царьградском Евфимии[4], который своим ходатайством помогал ему у царя.

Видя суету и мятеж мира сего, блаженный Иоанн замыслил оставить епископство и, удалившись во святой град Иерусалим, в безмолвии трудиться для Бога. Совершив Божественную службу, он отпустил бывших с ним пресвитеров и клириков, а сам, тайно от

---

[1] *Зенон*, Греческий император, царствовал с 474 по 491 год; *Анастасий* — с 491 по 527 год.

[2] *Юстиниан Великий* царствовал с 527 по 565 год.

[3] Речь идет о существовавшем в древности праве преследуемых и осужденных искать убежища в церквах.

[4] *Евфимий* — патриарх Константинопольский с 490 по 496 год.

всех, удалился на берег моря, сел на корабль и отплыл в святой град Иерусалим. Придя в первую больницу святого города, при которой был молитвенный дом во имя святого великомученика Георгия, он пребывал здесь некоторое время, под видом нищего. При виде суеты народной, Иоанн сильно скорбел, желал безмолвного места и со слезами молил Бога, да покажет ему место безмятежное, располагающее и удобное ко спасению. Однажды ночью, во время усердной об этом молитвы, взглянул он вверх и увидел внезапно явившуюся пресветлую звезду, наподобие креста; она приближалась к нему, и от сияния звездного услышал он голос: «Если хочешь спастись, следуй за сим сиянием».

Преподобный тотчас радостно пошел и был приведен звездой в великую лавру преподобного и богоносного отца нашего Саввы[1], на тридцать девятом году жизни своей, в бытность Саллюстии патриархом Иерусалимским[2].

Иоанн обрел преподобного Савву во главе ста сорока братий пустынножителей, пребывавших в великой нищете телесной, но во многом богатстве душевном. И принял преподобный Савва блаженного Иоанна и поручил эконому возложить на него монастырские труды, не ведая, какое сокровище Божественной благодати скрывалось в Иоанне. Хотя святой Савва и обладал даром прозорливости, но Бог утаил от него тайну, что Иоанн — епископ, что он оставил для Бога свою епископию и пришел к нему, как простой человек. Пусть никто не дивится тому, что и прозорливые не всегда провидят: ибо они провидят и пророчествуют лишь то, что Бог им открывает, а чего не открывает, о том и не ведают. Поэтому и пророк Елиссей сказал слуге своему о Соманитянке: *оставь ее, душа у нее огорчена, а Господь скрыл от меня и не объявил мне* (4 Цар. 4, 27)[3]. Принятый

[1] Лавра преподобного Саввы Освященного, память которого празднуется 5 декабря, находилась в двенадцати верстах на восток от Иерусалима.

[2] *Саллюстий* — патриарх Иерусалимский с 486 по 494 год.

[3] У одной женщины из Сомана, оказывавшей гостеприимство пророку Елисею, умер сын. Пораженная горем, она отправилась к пророку на гору Кармил. Увидав ее издали, Елисей послал слугу своего Гиезия встретить ее и спросить о здоровье мужа и детей. Когда она подошла и, не говоря ни слова, в великой скорби упала к ногам Елисея, а Гиезий хотел отстранить ее, — Елисей обратился к нему с приведенными выше словами, показывавшими, что пророк видел скорбь женщины, но не знал о причине ее.

в лавру, Иоанн с полной покорностью и усердием исполнял назначаемые ему экономом различные послушания. В то время созидался в лавре странноприимный дом, и блаженный Иоанн был приставлен служить работавшим. Он варил им пищу, носил воду, подавал камни и принимал участие во всех работах, производившихся в здании.

Через два года после прибытия в лавру, Иоанну было поручено принимать странников; и здесь со смирением, кротостью и любовью послужил он ближним. Потом преподобный Савва начал созидать киновию[1] для поступающих в иночество, чтобы те, которые желают отречься мира, сначала наставлялись в киновии, а потом уже принимались в лавру.

— Как плоду предшествует цвет, — говорил святой, — так жизни пустынной должна предшествовать жизнь киновийская; пусть поступающий процветет, как дерево посаженное, начатками трудов в киновии, а плоды совершенных подвигов принесет в лавре.

Лавра преподобного была в пустыне, киновия ближе к миру, и когда созидалась, то блаженный Иоанн опять был приставлен служить при работах. Тогда две службы одновременно нес преподобный трудолюбец: странникам служил в странноприимном доме, а строителям киновии носил на плечах своих хлебы и различные яства; киновия же отстояла от странноприимного дома более, чем на десять стадий[2]. Когда в такой службе он потрудился один год, добре послужив братии, преподобный Савва дал ему келию для безмолвия; в ней блаженный Иоанн прожил три года. Пять дней в неделю он пребывал в келии безвыходно, ничего не вкушал в эти дни и никому не показывался, только с одним Богом имея общение, в субботу же и воскресенье раньше всех приходил в церковь и стоял со страхом и умилением; потоки слез непрестанно исходили из очей его во время Божественной службы, и вся братия дивились такому в

---

[1] *Киновиями* (от греч. κοινός — общий и βίος — жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия не только стол, но и одежду получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а с своей стороны весь свой труд и его плоды представляют обязательно на общую потребу монастыря. Жизнь в этих монастырях не так трудна, как жизнь в пустыне, связанная с полным отречением от всяких удобств.

[2] *Стадия* — мера длины у греков, равняющаяся приблизительно восьмидесяти восьми нашим саженям.

нем дару слез. В те два дня он принимал и пищу с братиею. Через три года блаженный Иоанн был поставлен экономом; трудами и служением его, при благословении Божием, благосостояние Лавры весьма умножилось, ибо Бог во всем споспешествовал ему.

Видя, что Иоанн исполнил ко благу службу эконома, преподобный Савва пожелал поставить его во пресвитера, как инока достойного и достигшего совершенства. Он отправился с ним во святой град Иерусалим, рассказал патриарху Илии[1] (преемнику Саллюстия) о добродетельном житии Иоанна и просил рукоположить Иоанна в пресвитера. Патриарх призвал Иоанна в церковь и хотел рукоположить. Видя, что ему нельзя избежать этого, Иоанн сказал святому патриарху:

— Пречестнейший отче, есть у меня некая тайная речь к твоей святыне; повели мне наедине переговорить с тобой, и если признаешь меня достойным сана пресвитера, то отказываться не буду.

Когда же патриарх отошел с ним в сторону, преподобный Иоанн повергся к стопам богоугодного Илии, заклиная его, да не поведает никому тех слов, которые он будет ему говорить. Патриарх обещал хранить тайну. Иоанн сказал:

— Отче! Я был епископом Колонийским; по множеству грехов моих оставил я епископию, бежал и, будучи крепок телом, осудил себя на служение братиям, чтобы их молитвы помогали немощной душе моей.

Ужаснулся патриарх Илия, услышав это, призвал преподобного Савву и сказал:

— Иоанн поведал мне о сокровенных делах своих, которые препятствуют ему быть пресвитером; пусть отныне он безмолвствует, и никто да не докучает ему.

Так сказал патриарх и отпустил обоих.

Весьма опечалился преподобный Савва. Удалившись от великой лавры своей за тридцать стадий в некую пещеру, он повергся на землю пред Богом со слезами и говорил: «За что, Господи, презрел Ты меня, утаив от меня жизнь Иоанна? Обманулся я, считая его достойным сана пресвитера! Открой мне о нем хотя ныне, Господи: *душа Моя скорбит смертельно* (Мф. 26, 38; Мк. 14, 34). Неужели сосуд, который считал я избранным, святым, потребным и достойным при-

[1] С 494 по 517 год.

нять в себя миро, — пред Твоим величием и непотребен и недостоин?»

Так всю ночь со слезами молился преподобный Савва. Тогда явился ему Ангел Божий и сказал: «Иоанн есть не непотребный, а избранный сосуд, но он — епископ и не может быть поставлен в пресвитера».

Так сказал Ангел и стал невидим. А преподобный Савва радостно поспешил к Иоанну в келию, обнял его и сказал:

— Отче Иоанн! Ты утаил предо мною, какой в тебе дар Божий, но Бог открыл мне его.

— Скорблю об этом, отче, — отвечал Иоанн — я желал, чтобы никто не знал тайны этой, но вы узнали ее. Не могу жить в этой стране.

Савва поклялся Иоанну, что никому не поведает его тайны. От того времени блаженный Иоанн начал безмолвствовать, пребывая в келии. Он не выходил даже в церковь, ни с кем не беседовал, и к нему не входил никто, кроме одного служившего ему послушника. Однажды только, в праздник Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, во имя Которой была освящена лаврская Церковь, когда прибыл в лавру на праздник патриарх Илия, Иоанн вышел из келии своей поклониться патриарху. Патриарх любил Иоанна и весьма почитал его за смирение. Четыре года безмолвствовал Иоанн. Потом преподобный отец Савва отправился в страну Скифопольскую[1] и замедлил там, а блаженный Иоанн, стремясь к уединеннейшему пустынному житию, удалился, на пятидесятом году от рождения своего, в пустыню, называемую Рува[2], и провел в ней девять лет, питаясь травой, которая растет в той пустыне и зовется мелагрия[3]. В первое время своей пустынной жизни, собирая однажды эту траву на пищу себе, Иоанн заблудился в дебрях и стремнинах, не нашел убежища своего и, в изнеможении от ходьбы, упал едва живым; но внезапно, невидимою Божиею силою, как некогда пророк Аввакум

---

[1] *Скифополь* — город, лежавший в шестистах двадцати стадиях от Иерусалима. В то время он был в цветущем состоянии и назывался Воротами рая, городом пальм и маслин. Теперь это — бедная деревня среди бесплодной пустыни.

[2] Иудейская пустыня, в которой спасался Иоанн, разделялась на несколько частей. Внутренняя часть ее у северо-западных берегов Мертвого моря называлась *Рува*.

[3] *Мелагрия* — малоизвестное пустынное растение Палестины горьковатого вкуса.

(см.: Дан. 14, 39)[1], был восхищен и поставлен в убежище своем. Со временем преподобный исследовал пути той пустыни и узнал, что расстояние от убежища его до того места, где он заблудился, составляло пять поприщ[2]. После того пришел к нему один брат и прожил с ним немного времени. Приближался праздник Пасхи и сказал брат старцу:

— Отче, пойдем в лавру, отпразднуем там день Пасхи, и потом возвратимся. Такой великий праздник, а у нас здесь нечего есть, кроме этих мелагрий!

Святой Иоанн не хотел идти, потому что преподобный Савва еще не возвратился в лавру из стран Скифопольских, и на зов брата ответил:

— Брат! Нам не до́лжно уходить отсюда. Будем веровать, что Тот, Кто в течение сорока лет питал в пустыне шестьсот тысяч народа Израильского, — и нас здесь напитает и в праздник Пасхи пошлет нам не только необходимое, но и изобильное. В Писании сказано: *Не оставлю тебя и не покину тебя* (Евр. 13, 5); и в Евангелии: *Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? и потому что Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 31–33). Терпи, чадо, и шествуй путем скорбей; покой телесный и ослабление в мире сем рождают вечную казнь, а умерщвление тела готовит покой бесконечный.

Не послушал брат этих увещаний преподобного, оставил его и ушел в лавру. По его уходе явился к преподобному некий человек, совершенно не известный ему; осел его был навьючен многим добром: были здесь хлебы чистые и теплые, вино и елей, сыры свежие, яйца и ведро меда. Все это пришедший человек положил перед Иоанном и тотчас удалился. Видя в этом Божие посещение, преподобный радостно благодарил Бога. Брат же, ушедший в лавру, сбился с дороги, три дня блуждал по пустыне и непроходимым местам, весьма устал и, голодный и жаждущий, в изнеможении от трудной ходьбы, едва мог найти снова убежище преподобного. Удивился он

---

[1] Пророку Аввакуму было повеление от Бога — доставить пищу Даниилу, томившемуся во рве со львами. Аввакум был чудесно перенесен для этого Ангелом из Иудеи в Вавилон и подобным же образом возвращен в Иудею.

[2] *Поприще* — мера расстояния около версты (шестьсот девяносто саженей).

обилию брашен и питий, ниспосланных от Бога на праздник преподобному; стыдясь своего маловерия, не смея смотреть в глаза святому старцу, он упал к ногам его и просил прощения. Святой простил его и сказал:

— Убедись, брат, что Бог может уготовать трапезу и в пустыне рабам Своим.

В то время Аламундарь, вождь сарацинский[1], подвластный Персии, вторгся в Аравию[2] и Палестину, с великим ожесточением нападая на жителей и захватывая их в плен. Множество варваров рассеялось тогда по пустыне, где пребывал Иоанн, и прошла весть по монастырям, чтобы были готовы встретить нашествие варваров. Отцы великой лавры дали знать о варварах Иоанну Молчальнику и советовали ему возвратиться в лавру и пребывать в его келии. Но блаженный Иоанн, хотя отчасти и боялся варваров, все же не хотел оставить безмолвного своего пребывания в пустыне. Он говорил в себе: «*Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?* (Пс. 26, 1). Если же Господь не защищает меня, ни заботится обо мне, то зачем мне и жить?» И, в таком уповании на помощь Вышнего, он остался на месте своем без колебания. Бог же, пекущийся всегда о рабах Своих и сохраняющий их во всех путях их, пожелал и этого угодника Своего соблюсти здравым и невредимым и послал ему стражем льва великого и страшного, который неотступно днем и ночью стерег его; и сколько раз варвары ни нападали на святого, всегда этот лев с великой яростью устремлялся на них, поражал и обращал в бегство, а блаженный Иоанн благодарил Бога, *ибо не оставит [Господь] жезла нечестивых над жребием праведных* (Пс. 124, 3).

Когда преподобный Савва возвратился в лавру свою, то пришел к блаженному Иоанну в пустыню и сказал ему:

— Вот Господь сохранил тебя от нашествие варваров, дав тебе видимого стража. Но все же ты должен поступить, как и другие люди: собирайся и беги, как и прочие отцы пустынные сделали.

---

[1] *Сарацинами* обыкновенно называются арабские разбойнические племена, кочующие в Аравии. Иногда же этим именем означаются все вообще мусульманские народы.

[2] Аравия занимает обширный юго-западный полуостров Азии, омываемый водами Персидского залива.

Много и другого говорил Иоанну в увещание преподобный и убедил его оставить пустыню. Приведя его в великую лавру, он дал ему келию, — и снова блаженный Иоанн стал жить в лавре, на пятьдесят шестом году от рождения своего.

Кроме святейшего патриарха Илии и преподобного Саввы, никто не знал тайны Иоанна, что он епископ, — а те скрывали ее. Но прошло много времени, и Бог благоволил открыть о том всем братиям. Произошло это так. Прибыл из страны Асийской некий муж, именем Еферий, почтенный саном архиепископа; поклонившись животворящему древу Креста Господня и святым местам и раздав много золота нищим и монастырям, он решил возвратиться в отечество свое, оставил святой град и сел на корабль. После недолгого плавания поднялся в море противный ветер, принудивший Еферия вернуться в Аскалон[1]. Пробыв здесь два дня, он хотел снова начать плавание, но Ангел Господень явился ему во сне и сказал:

— Прежде, чем поплывешь в отечество свое, ты должен возвратиться в святой град и пойти в лавру аввы[2] Саввы, там найдешь авву Иоанна Молчальника, мужа праведного и добродетельного, епископа, для Бога все оставившего и смирившего себя добровольною нищетою и послушанием.

Пробудившись, Еферий возвратился в Иерусалим, пришел в лавру преподобного Саввы и спросил об Иоанне Молчальнике; ему указали келию Иоанна. Он вошел и пробыл у него два дня, моля его и заклиная именем Божиим открыть ему о своем роде, отечестве и епископстве. Усматривая в этом волю Божию, Иоанн рассказал все подробно. С того времени стало известно всей лавре, что Иоанн Молчальник — епископ, и все весьма дивились великому смирению его.

В семидесятый год жития Иоанна[3], 5 декабря преподобный и богоносный отец Савва отошел ко Господу. Не пришлось Иоанну быть при разлучении души от тела Саввы преподобного, и он весьма

---

[1] *Аскалон* — палестинский город с гаванью, лежавший на восточном берегу Средиземного моря, в пятистах двадцати стадиях от Иерусалима.

[2] *Авва* — отец; это наименование присваивалось преимущественно начальникам монастырей.

[3] Преподобный Савва преставился в 532 году.

скорбел о том духом и плакал. Но преподобный Савва явился ему в видении и сказал:

— Не скорби об отшествии моем, отче Иоанне: если телесно я и разлучен с тобою, то духом с тобою пребываю.

Иоанн сказал ему:

— Моли Господа, отче, да возьмет и меня с тобою.

— Ныне этого быть не может, — отвечал Савва, — ибо великое испытание ожидает лавру; Богу же угодно, чтобы ты послужил к укреплению тех, кто за благочестивую веру будет стоять против еретиков.

Это видение и беседа с преподобным Саввою исполнили духовною радостью блаженного Иоанна, сердце же его скорбело о предстоящем испытании. Потом явилось у него желание видеть, как душа разлучается с телом; и когда он молился о том Богу, был восхищен умом в святой Вифлеем[1] и видел преставление жившего при тамошней церкви странника, душу которого Ангелы с сладким пением возносили к небу. Видел это блаженный Иоанн умственными очами. Тотчас отправился он в Вифлеем и нашел тело преставльшегося мужа, лежавшее при церкви, как было открыто ему в видении: муж этот преставился в тот час, в который Иоанн, сидя в келии, видел душу его возносимую Ангелами с песнопением к небу. С любовью обняв тело и облобызав, Иоанн похоронил его на том же месте и возвратился в келию свою.

Два ученика блаженного Иоанна, Феодор и Иоанн, поведали монаху Кириллу, описавшему житие его, следующее:

— По преставлении преподобного Саввы, мы были посланы отцом нашим с одним поручением в Ливиаду[2]. При переходе через Иордан, встретили нас некие люди и сказали: берегитесь, впереди вас лев. Мы же помыслили: силен Бог сохранить нас молитвами отца нашего, по повелению которого путешествуем. Так мы сказали и пошли дальше. Вдруг увидели мы страшного льва, который шел навстречу. Устрашились мы, оставила нас сила наша, так что бежать мы не могли и были как бы мертвые. И вот внезапно явился между нами отец наш преподобный Иоанн, повелевая нам не бояться. Тогда лев, как бы прогнанный ударом бича, бежал от нас, а отец

[1] *Вифлеем* — город, в котором родился Иисус Христос, к югу от Иерусалима.

[2] *Ливиада* — местность на восток от Иордана.

стал невидим. Отдохнув, мы двинулись в путь, невредимые. Исполнив повеленное нам послушание, мы возвратились к отцу, и он при встрече сказал: видите, чада, что я оказался в послушании с вами, да и здесь усердно молил Бога о вас, и Он сотворил с вами милость.

Вот что еще поведал Кириллу один ученик Иоанна. Этот великий воздержник много лет питался одним только хлебом, вместо же соли обыкновенно употреблял пепел, и с пеплом ел хлеб свой. Однажды забыл он затворить оконце келии во время трапезы своей; ученик приник к оконцу и увидел, как Иоанн ел хлеб с пеплом. Опечалился старец, что видели таковое пощение его, ученик же, желая утешить его, сказал: «Не ты один делаешь так, отче, но и многие отцы этой лавры исполняют слово Писания: *Я ем пепел, как хлеб*» (Пс. 101, 10)», — и этим утешил старца.

В то время возникла ересь Оригена. Многие прельщались ею и смущали Церковь Божию, а иные твердо противились ереси, и таковые нашли себе поддержку в преподобном Иоанне Молчальнике, который тогда оставил безмолвие и словом уст своих, как мечом, поражал еретиков, посекая и истребляя хульные учения Оригена. Об этом-то испытании, долженствовавшем постичь лавру, и было предсказано Иоанну Саввою преподобным в видении: ибо немалое гонение от еретиков было на лавру, так что даже многие из отцов-подвижников, заразившись еретическими учениями, впадали в сомнение и колебались умом. Вот ради чего благоизволил Бог, чтобы Иоанн здравствовал в лавре той, к утешению малодушных и укреплению немощных. В то время пришел к нему из Скифопольского округа Кирилл, который впоследствии описал житие его. Кирилл повествует о себе самом так:

— Когда я хотел оставить дом мой и идти к святому граду Иерусалиму, чтобы там в каком-либо монастыре восприять иноческое житие, христолюбивая мать моя заповедала мне, чтобы без совета и повеления блаженного Иоанна не начинал я никаких дел для спасения души моей, «чтобы не поддаться тебе как-нибудь, — сказала она, — ереси Оригена и не пасть в начале подвига твоего». Достигнув Иерусалима, я пришел в лавру святого Саввы, поклонился достоблаженному Иоанну, открыл ему мысль мою и просил у него полезного совета. Он сказал мне:

— Если хочешь спастись, иди в монастырь великого Евфимия.

Отошел я от него и, как юный и неразумный, не послушал повеления его, но, достигнув Иордана, вошел в монастырь, называемый Арундинитский (тростный). Путь мой не был благоприятным; я впал в тяжкую болезнь, овладели мною скорбь и тоска о том, что я — странник и немощен телом. Тогда явился мне во сне преподобный Иоанн и сказал:

— Так как ты ослушался меня, то и наказан этою болезнью. Теперь встань и иди в Иерихон[1]; там в странноприимном доме аввы Евфимия найдешь некоего старого инока, следуй за ним в монастырь Евфимия — и спасешься.

Тотчас пробудившись, я почувствовал себя вполне здоровым и пошел, по повелению святого отца, в Иерихон; там нашел, как он и сказал мне, инока старого, добродетельного и благоразумного, который привел меня в монастырь Евфимия Великого, где я поселился. Часто приходил я и в лавру святого Саввы к преподобному Иоанну и получал от него великую пользу душе моей. Раз я был смущен и обременен помыслами сатанинскими, но когда исповедал их преподобному, то молитвами его святыми немедленно получил облегчение, и мир возвратился в сердце мое.

Так поведал о себе инок Кирилл. Этого-то Кирилла преподобный Иоанн посылал в лавру Сукийскую с книгами к преподобному Кириаку Отшельнику[2].

Однажды Кирилл сидел у оконца келии преподобного Иоанна. И вот пришел некий человек, именем Георгий, ведя сына своего, мучимого бесом, поверг его перед оконцем и сам отошел. Святой Иоанн познал, что лежащий и плачущий отрок одержим духом нечистым; движимый милосердием, он сотворил молитву и помазал его святым елеем, и тотчас дух нечистый оставил отрока, и он с того часа стал здоров.

Авва Евстафий, подвизавшийся после Сергия в пещере преподобного Саввы, муж духовный и благочестивый, поведал о себе:

---

[1] *Иерихон* — один из самых древних городов Палестины — находился в расстоянии 6 часов пути от Иерусалима, на западном берегу Иордана.

[2] Память его — 29 сентября. — Лавра Сукийская (по сирскому наименованию, а по-гречески — Старая лавра) была основана преподобным Харитоном в первой половине IV века и находилась в дикой отдаленной местности в пустыне Иудейской.

— Некогда нашел на меня дух хулы и весьма смущал меня помыслами хульными на Бога и Божественное, и был я в великой скорби. Пришел я к блаженному Иоанну Молчальнику, рассказал ему беду мою и прибег к помощи святых его молитв. Иоанн помолился обо мне Богу и потом сказал мне: «Благословен Бог, чадо мое! Помысл хульный уже не приблизится более к тебе». Слова старца исполнились, ибо с того времени я не испытывал в себе помысла хульного.

Некая женщина родом из Каппадокии[1], по имени Василина, диакониса[2] святой Константинопольской церкви, пришла в Иерусалим с племянником своим, человеком знатным; это был муж поистине добродетельный, хотя держался неправомыслия Севера[3] и потому не находился в общении с святой Кафолической Церковью. Благочестивая диакониса прилагала много старания, чтобы обратить его к благоверию и присоединить к святой Церкви, и усердно просила каждого из святых отцов помолиться о нем Богу. Услышав о святом Иоанне, она пожелала и ему поклониться; когда же узнала, что женщины не входят в лавру, призвала Феодора, ученика

---

[1] *Каппадокия* — самая восточная провинция Малой Азии, родина великих отцов и учителей Церкви: Григория Назианзина, друга его Василия Великого и Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского.

[2] *Диакониса* — с греческого языка: *служительница*. Так назывался особый род служебных лиц в Церкви, учреждение которых восходит ко временам апостольским (Рим. 16, 1; 1 Тим. 5, 3–10). На должность диаконис избирались пожилые (не моложе сорока лет) девственницы или вдовы. Обязанностями их было наставлять обращающихся жен и девиц, как они должны держать себя во время крещения, прислуживать епископу при их крещении и вместо него совершать помазание других частей тела, кроме чела, и так далее, наблюдать за порядком и благочинием среди женщин во время богослужения, посещать больных, бедствующих, заключенных в темницы, служить исповедникам и мученикам, содержимых под стражей, помогать неимущим и тому подобное. При Константинопольской Церкви полагалось до сорока диаконис. Относительно диаконис есть несколько канонических правил, а именно: IV Вселенского собора — правило 15, VI собора — правило 14 и святого Василия Великого — правило 44.

[3] *Север* — патриарх Антиохийский с 512 по 518 год — один из умеренных представителей монофизитской ереси, признававший во Христе только одну природу Божественную, которая будто бы совершенно поглотила в Нем человеческое естество. Но Север, настаивая на единой природе Христа, допускал, однако, в ней различие свойств Божеских и человеческих и признавал, что плоть Христова до воскресения была подобно нашей, тленной.

Иоанна, и просила его, чтобы он пришедшего с нею человека отвел к святому старцу. Она веровала, что Бог молитвами Иоанна смягчит жестокосердие неправомыслящего и сотворит его достойным общения с Кафолическою Церковию. Феодор взял поврежденного ересью мужа, пришел с ним к старцу, поклонился по обычаю и сказал:

— Благослови нас, отче!

Тогда старец сказал ученику:

— Тебя благословлю, но пришедшему с тобою нет благословения.

— Нет, отче, — возразил ученик, — обоих нас благослови.

Старец отвечал:

— Нет, не благословлю другого, пока не отречется он от злого еретического мудрования и не обещается присоединиться к Кафолической Церкви.

Неправомыслящий подивился благодатному прозрению старца; чудо это произвело в нем перемену, и он действительно обещался присоединиться к правоверным. Тогда старец благословил его, боговдохновенными своими наставлениями разрешил все сердечные сомнения его, приобщил его пречистых Тайн и отпустил его с миром, обратив к правоверию. Узнав об этом, благочестивая диакониса Василина прониклась еще сильнейшим желанием видеть своими очами святого старца. Она задумала надеть мужеские одежды, прийти к нему в лавру и исповедать свои помышления. Извещенный Ангелом о намерении Василины, старец послал к ней сказать:

— Знай, что если и так придешь ко мне, как задумала, — все же не увидишь меня; поэтому не трудись, но оставайся на месте, где теперь находишься, я же явлюсь тебе в сновидении, выслушаю, что ты хочешь сказать мне, и сам скажу, что Бог укажет мне возвестить тебе.

Ужаснулась диакониса такой прозорливости преподобного Иоанна, что он издалека провидит помышления человеческие, и осталась, ожидая явления его. В одну из ночей явился ей в сновидении преподобный и сказал:

— Вот Бог посылает меня к тебе; скажи же мне, чего ты хочешь?

Она исповедала ему помышления свои и приняла от него подобающее врачевание душевное. Преподав ей наставление, преподоб-

ный стал невидим, а Василина, пробудившись, воздала благодарение Богу.

Место, где стояла келия преподобного, было каменисто и сухо; жесткость почвы, совершенно лишенной влаги, не позволяла там расти ни дереву, ни траве. Однажды преподобный взял семя смоковное[1] и сказал ученикам своим Феодору и Иоанну:

— Слушайте меня, чада: если, по благодати Божией, семя это даст ростки на этом твердом камне, пустит ветви и принесет плод, то знайте, что Бог дарует мне место упокоения в Царствии небесном.

Сказав это, он посадил семя на камне близ келии своей. Бог же, по изволению Которого процвел сухой жезл Аарона, дал влагу твердому камню и семени смоковному — произрастение, чтобы показать, какую имеет у Него благодать верный раб Его. Из земли выросла смоковница и, понемногу поднимаясь, достигла даже до кровли келии, потом и всю келию покрыла ветвями своими и со временем принесла плод — три смоквы. Сняв их, старец со слезами благодарил Бога, облобызал и вкусил их с учениками. По вкушении смокв тех, начал он приготовляться к кончине, уже будучи в глубокой старости[2]. Прожив всех лет жизни своей сто четыре, он скончался[3] в Господе Спасителе нашем, Ему же слава вовеки. Аминь.

---

[1] *Смоковница* — очень распространенное в Иудее дерево, с широкими листьями, дававшее очень вкусные плоды — смоквы.

[2] Преподобный Иоанн Молчальник скончался в 558 году. Мощи его, как бы живого, видел русский паломник, игумен Даниил, в монастыре Саввы Освященного в начале XII века.

[3] Когда святой достиг глубокой старости, ученик его отворил его келию, чтобы служить ему. «Тогда я, — повествует он, — вошедши к нему и видя страшное чудо с растением, внимательно обдумывал, как оно укоренилось и нет ли трещины в камне, но не мог ее найти, так что в удивлении сказал: *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!* (Рим. 11, 33), ибо долгое время живущие в лавре знают, что ни на открытом, ни на закрытом месте не растет смоковница или какое-либо другое дерево, по причине большого жара и сухости воздуха лавры. Если кто укажет на деревья малой киновии лавры, что при дороге, тот да знает, что они суть дело молитвы блаженного Саввы, нашедшего глубокую землю и обильные воды зимнего потока, равно и дело отцов киновии, доныне во всю зиму напояющих эти деревья водою из потока; притом многие старались над деревьями у потока, где была глубокая земля, и, напояя их в продолжение целой зимы, едва в год могли получить произрастение, по причине сухости и большого жара».

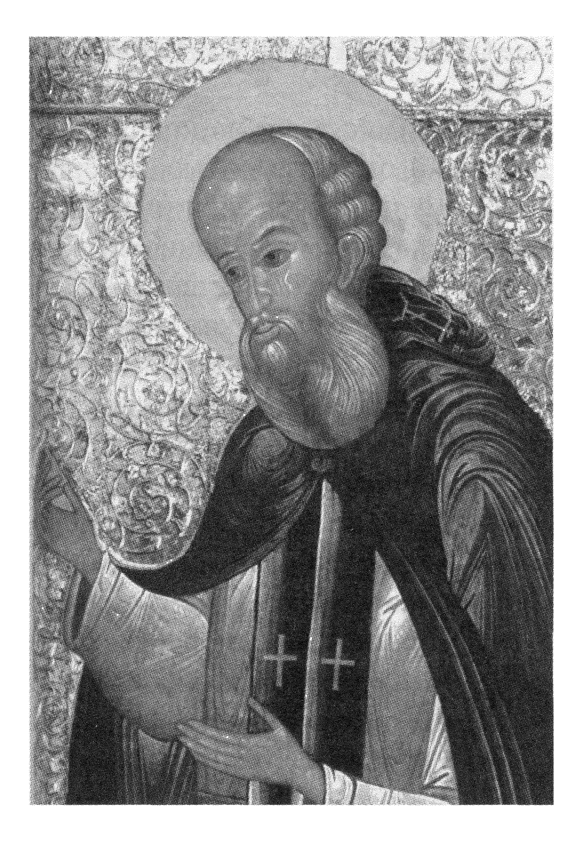
ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО
САВВЫ СТОРОЖЕВСКОГО

Преподобный отец наш Савва с самых юных лет возлюбил Христа и возненавидел мир. Он пришел к преподобному Сергию Радонежскому и принял от него пострижение. В иноческом образе он, стремясь к небесным благам, уготованным от Господа угодившим Ему, с особенною ревностью боролся со страстями и упражнялся в добродетелях. Много испытал он от бесов искушений и соблазнов, но, помощью Божиею, все их победил, непрестанно пребывая в посте, бдении, молитве и других подвигах духовных.

Утвердившись в добродетелях, преподобный Савва стяжал себе добрую славу и уважение князей. Христолюбивый князь Георгий Димитриевич[1] пришел в обитель преподобного к блаженному Савве и упросил его создать в его отчине на удобном месте обитель. Тогда Савва оставил обитель преподобного Сергия и поселился в пустынном месте на горе, называемой Сторожи, в верховьях Москвы-реки, близ Звенигорода, верстах в пятидесяти от царствующего града Москвы; это место он и избрал для будущей обители. Здесь святой Савва жил в совершенном безмолвии и уединении, терпя холод и зной. Недолго, однако, преподобному пришлось жить одному. Молва о его подвигах и святой жизни начала быстро распространяться, и к святому Савве стали приходить отовсюду иноки и миряне, с просьбами руководить ими в духовной жизни. Всех, приходивших к нему, преподобный принимал с любовью, подавая им пример в смирении и иноческих трудах: сам черпал в реке воду, носил ее на своих плечах на высокую гору и исполнял другие необходимые работы. Этим он желал приучить братию к труду, чтобы они не губили своих дней в праздности, которая есть мать всех пороков.

После этого христолюбивый князь Георгий Дмитриевич дал преподобному необходимые средства для сооружения храма, и Савва воздвиг храм в честь честного и славного Рождества Пречистой Богоматери и устроил обитель, чудную и великую, для душеспасительного пребывания в ней иноков.

[1] Князь Звенигородский, младший сын великого князя Московского Димитрия Донского.



Преподобный был добрым пастырем собранного в этой обители стада Христова и, возведя его на духовную пажить, утвердил его во многих добродетелях. Достигнув преклонных лет, святой Савва впал в болезнь и, созвав братию, научил их из Божественных Писаний, убеждая их хранить телесную чистоту, жить в любви между собою, украшаться смирением и непрестанно пребывать в посте и молитвах. После этого преподобный, поставив над ними игуменом одного из своих учеников, заповедал всем братиям пребывать у игумена в послушании и повиновении. Преподав всем мир и последнее целование, святой Савва в добром исповедании предал душу свою в руки Божии 3 декабря[1].

Весть о преставлении святого угодника быстро разнеслась по окрестностям, и все христолюбивые граждане Звенигорода, как знатные, так и простой народ, с великою любовью собрались на погребение почившего святого, неся с собою недужных и больных. Совершив над почившим надгробное пение, с честью похоронили его в созданной им церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Честные мощи преподобного Саввы и доныне источают многие и различные исцеления всем, с верою к ним притекающим, во славу Христа Бога нашего, творящего через Своих угодников и по преставлении их преславные чудеса. Господу нашему слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] В 1407 году.

СКАЗАНИЕ О ЧУДЕСАХ ПРЕПОДОБНОГО САВВЫ

Спустя много лет по кончине святого Саввы игумен его обители Дионисий однажды ночью, совершив обычное правило, лег уснуть. И вот ему явился честной инок, благообразный и украшенный сединами, и сказал ему: «Дионисий, встань скорее и напиши мой образ».

Дионисий спросил старца:

— Кто ты, отче, и как твое имя?

Благолепный старец отвечал:

— Я — Савва, начальник места этого.

Пробудившись от сна, Дионисий немедленно позвал старца, по имени Аввакума, который был один из учеников преподобного Саввы, и спросил, каков был собою блаженный Савва. Аввакум поведал игумену, каков был собою его авва и учитель и в каком возрасте он скончался. Игумен сказал ему:

— Именно таковым явился мне преподобный Савва в эту ночь и повелел изобразить себя на иконе.

Так как Дионисий был сам иконописец, то он поспешил написать икону преподобного Саввы.

В обитель преподобного Саввы был приведен бесноватый, по имени Иуда. Во время совершения молебна святому Савве бесноватый закричал:

— Тяжко мне: я сгораю, — и тотчас же сделался здоров.

Когда его спросили, почему он так сильно закричал, — он сказал:

— Я видел благолепного старца. Он стоял на гробе преподобного Саввы, держал крест и осенил им меня. От этого креста явилось великое пламя и опалило меня всего. Вот отчего я закричал, и этим пламенем отогнан был от меня нечистый дух.

Однажды иноки обители святого Саввы возроптали на своего игумена Дионисия. Они составили на него ложный донос великому князю Иоанну. Князь поверил их клевете и велел игумену немедленно явиться к себе. Узнав об этом, игумен был в великой скорби. И вот ночью во сне ему явился блаженный Савва и сказал:

— Что скорбишь, брат: иди к великому князю и смело говори ему, не предавайся сомнению, ибо Господь Бог будет с тобою и пошлет тебе помощь.

Угодник Божий явился также и некоторым из роптавших на игумена и сказал им:

— Для того ли вы удалились от мира, чтобы в роптании совершать свой подвиг? Вы ропщете, а игумен молится за вас со слезами: что́ одолеет — ваши ли клеветы или молитвы отца вашего?

Когда игумен и братия явились пред князем и объяснились на суде, то клеветники были посрамлены, а игумен с честью возвратился в монастырь.

Один из иноков обители преподобного Саввы долго и тяжко страдал болезнью глаз и совершенно не мог глядеть на свет. Он пришел ко гробу святого Саввы, пал пред ним на колена и со слезами просил исцеления. Свои же больные глаза стал он отирать покровом, лежавшим на гробе святого угодника. Увидев это, другой инок, стоявший тут, начал поносить его, говоря:

— Не получишь ты исцеления, а только запылишь свои глаза еще больше песком.

Инок, припавший с верою ко гробу святого Саввы, получил исцеление, а насмехавшийся над ним брат внезапно поражен был слепотою и услышал голос, говоривший ему:

— Ты получил, чего искал, чтобы через тебя и другие были научены не смеяться и не хулить чудес, проистекающих от угодника Божия.

Тогда ослепленный с великим страхом и рыданием пал пред гробом преподобного Саввы и просил прощения, которое и получил, но не тотчас, а после многих молитв, слез и покаяния.

Однажды, ночью, пришли в монастырь воры, намереваясь обокрасть церковь Пречистой Богородицы. Но когда они устремились к окну над гробом преподобного, вдруг пред ними явилась огромная гора, на которую взойти было совершенно невозможно. Тотчас напал на них страх и трепет, и они ушли с пустыми руками. Все это впоследствии рассказали сами воры, придя в обитель с раскаянием, и остальное время своей жизни провели в покаянии.

После того в обитель пришел некий боярин, Иван Ртищев, неся на одре больного сына своего, Георгия, который от великой слабости не мог уже говорить. Совершив о здравии Георгия молебное пение, иноки влили больному в уста монастырского кваса. Больной тотчас заговорил, вкусил хлеба от трапезы иноков и стал здоров.

Сильно обрадованный исцелением сына, родитель его принес великое благодарение Богу и Его угоднику, святому Савве, и сказал преподобному, как бы живому:

— Преподобный отче! У меня в доме много рабов и рабынь, которые страдают различными недугами; верую, если ты захочешь, то и тех ты можешь исцелить.

Попросив у игумена кваса, боярин возвратился вместе с исцеленным сыном. Когда он прибыл в дом свой, то приказал привести к себе одну из своих рабынь, по имени Ирину, страдавшую глухотою и слепотою, влил ей в уши монастырского кваса и помазал им ее слепые очи. Тотчас Ирина стала видеть и слышать. Все в ужасе дивились величию Божию. Также, призвав одного из своих рабов, Артемия, который семь лет страдал глухотою, боярин влил ему в уши того же кваса, и раб получил исцеление. После этого он привел слепую девицу, именем Кикилию, и она получила исцеление, как только ее очи были помазаны квасом. Но все таковые чудеса совершались не от кваса, а по молитвам преподобного Саввы и по великой вере боярина Ивана. Спустя некоторое время заболел и сам боярин. Употребив то же лекарство, и он получил исцеление.

Игумен обители преподобного Саввы Сторожевского, Мисаил, тяжко заболел и, потеряв всякую надежду на выздоровление, находился при смерти. Однажды пономарь обители, Гурий, шел звонить к утрени. Когда он проходил мимо дверей в церковь, его встретил благолепный старец и стал его спрашивать:

— Как здоровье вашего игумена?

Гурий рассказал ему о болезни игумена. Тогда благолепный старец сказал:

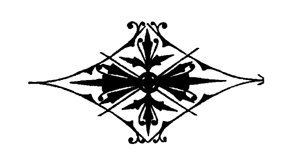
— Иди и скажи игумену, чтобы он обратился с мольбою о помощи ко Пресвятой Богородице и начальнику места этого, старцу Савве, — тогда он выздоровеет; ты же, брат, отвори мне двери, и я войду в церковь.

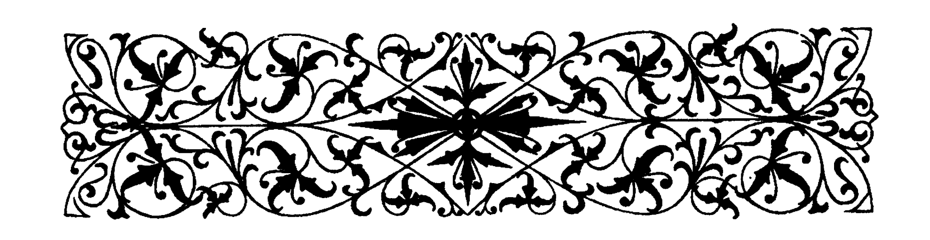
Гурий усумнился и не хотел отворить двери раньше звона, но и не осмелился спросить старца, кто он и откуда. Явившийся старец, не говоря более ни слова, пошел к церковным дверям. Двери тотчас сами отворились, и старец вошел ими в церковь. Гурий в страхе возвратился в келию и стал упрекать своего помощника:

— Почему ты вечером не запер дверей церковных? Сейчас я видел, как неизвестный муж вошел в церковь через открытые двери.

Но помощник Гурия с клятвою утверждал, что он с вечера крепко запер двери в церкви. Тогда они зажгли свечи, поспешили к церкви и нашли, что двери хорошо заперты, так как помощник Гурия действительно с вечера затворил двери и тщательно их запер. По окончании утрени Гурий поведал братии все, что он видел и слышал. Все единогласно решили, что явившийся старец был сам святой Савва. Игумен Мисаил, услышав об этом, приказал нести себя ко гробу преподобного и, усердно прося исцеления, и, по молитвам Пресвятой Богородицы и преподобного Саввы, стал совершенно здоровым.

Много и других чудес и исцелений совершилось от гроба угодника Божия. И ныне они подаются притекающим с верою, благодатью Божиею и по молитвам Пресвятой Богородицы и преподобного Саввы, которому будем молиться и мы, чтобы он уврачевал наши болезни душевные и телесные своим теплым предстательством ко Христу Господу Богу нашему, Ему же слава вовеки. Аминь.





День четвертый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ

В царствование Максимиана[1], нечестивого царя Римского, жил на Востоке, в Илиополе[2], один человек знатного рода, богатый и знаменитый, по имени Диоскор, по происхождению и по вероисповеданию язычник. Он имел дочь Варвару, которую берег как зеницу ока, ибо, кроме нее, не было у него больше детей. Когда она начала приходить в возраст, то становилась весьма красивою лицом, так что во всей той местности не было девицы, подобной ей по красоте, почему Диоскор соорудил для нее высокую и искусно устроенную башню, а в башне устроил великолепные палаты. В них он заключил дочь свою, приставив к ней надежных воспитательниц и служанок, ибо ее мать уже умерла. Сделал он это для того, чтобы такую красоту ее не могли видеть простые и незнатные люди, ибо он полагал, что глаза их недостойны видеть прекрасное лицо его дочери. Живя в башне, в высоких палатах, отроковица находила для себя утешение в том, что с этой высоты смотрела на горние и доль-

---

[1] Имеется в виду *Максимиан Галерий*, зять и соправитель императора Диоклетиана в восточной половине Римской империи и затем его преемник с 305 по 311 год.

[2] Имеется в виду *Илиополь Финикийский* — к северу от Палестины, в Келесирии, в нынешней сирийской области Азиатской Турции, в глубокой древности бывший главным местом почитания языческого финикийского бога Ваала и центральным пунктом для всего восточного язычества, но в конце IV века ставший рассадником христианства; впоследствии город этот был постепенно разрушен.

ные создания Божии, — на светила небесные и на красоту земного мира. Однажды, взирая на небо и наблюдая сияние солнца, течение луны и красоту звезд, она спросила живших с нею воспитательниц и служанок:

— Кто сотворил это?

Также, взглянув на красоту земную, на покрытые зеленью поля, рощи и сады, на горы и воды, спросила:

— Чьей рукой все это создано?

Те сказали ей:

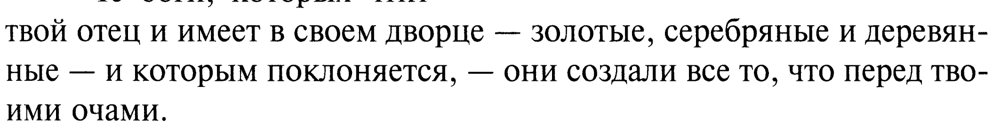
— Все это создали боги.

Девица спросила:

— Какие боги?

Служанки отвечали ей:

— Те боги, которых чтит твой отец и имеет в своем дворце — золотые, серебряные и деревянные — и которым поклоняется, — они создали все то, что перед твоими очами.



Слыша такие слова их, девица усомнилась и рассуждала сама с собою:

— Боги, которых почитает мой отец, деланы руками человеческими: золотых и серебряных сделал мастер золотых дел, каменных — каменосечец, деревянных — резчик по дереву. Как же эти сделанные боги могли создать такое пресветлое высокое небо и такую красоту земную, когда сами не могут ни ходить ногами, ни делать руками?

Размышляя таким образом, она часто и днем и ночью смотрела на небо, стараясь по творению узнать Творца. Однажды, когда она долго смотрела на небо и была объята сильным желанием узнать, кто сотворил такую прекрасную высоту, ширь и светлость неба, внезапно в сердце ее воссиял свет Божественной благодати и открыл

умственные очи ее к познанию Единого Невидимого, Неведомого и Непостижимого Бога, премудро создавшего небо и землю. Она говорила себе:

— Един должен быть такой Бог, Которого создала не рука человеческая, но Сам Он, имеющий собственное бытие, рукою Своею создал все. Един должен быть Тот, Кто простер широту неба, утвердил основание земли и просвещает свыше всю вселенную лучами солнца, сиянием луны и блистанием звезд, а внизу — украшает землю различными деревьями и цветами и напояет реками и источниками. Един должен быть Бог, Который все содержит, всему дает жизнь и обо всех промышляет.

Так отроковица Варвара училась от творения познавать Творца, и сбылись на ней слова Давида: *Размышляю о всех делах Твоих, рассуждаю о делах рук Твоих* (Пс. 142, 5). В таких размышлениях разгорелся в сердце Варвары огонь любви Божественной и распалил ее душу пламенным стремлением к Богу, так что она не имела покоя ни днем, ни ночью, думая лишь об одном, желая лишь одного, чтобы точно узнать о Боге и Создателе всего. Среди людей она не могла найти себе наставника, кто открыл бы ей тайны святой веры и наставил ее на путь спасения, ибо никому нельзя было к ней входить, кроме приставленных служанок, потому что отец ее Диоскор окружил ее бдительною стражею. Но Сам Премудрейший Учитель и Наставник, Дух Святой, внутренним вдохновением невидимо поучал ее тайнам благодати Своей и сообщал уму ее познание истины. И жила девица в своей башне, как одинокая птица на кровле[1], размышляя о небесном, а не о земном, ибо сердце ее не прилеплялось ни к чему земному, не любила она ни золота, ни дорогих жемчугов и драгоценных камней, ни нарядных одежд, ни каких-либо девических украшений, никогда она не помышляла о браке, но вся мысль ее была обращена к Единому Богу, и она пленена была любовью к Нему.

Когда пришло время выдать отроковицу замуж, многие богатые, благородные и знатные юноши, услышав о дивной красоте Варвары, просили у Диоскора руки ее. Взойдя на башню к Варваре, Диоскор стал говорить ей о браке и, указывая ей различных хороших женихов, спрашивал, с кем из них она пожелала бы обручиться. Слыша от отца такие слова, целомудренная девица покраснела лицом, стыдясь

[1] Псаломское изречение. Ср.: Пс. 101, 8.

не только слушать, но и подумать о браке. Она всячески отказывалась от него, не склоняясь на желание отца, ибо считала большим для себя лишением дать увянуть цвету своей чистоты и потерять бесценный бисер (жемчужину) девства. На неотступные увещания отца подчиниться его воле она много ему возражала и наконец объявила:

— Если, отец мой, ты еще станешь говорить об этом и будешь принуждать меня к обручению, то больше уже не будешь называться отцом, ибо я убью себя, и ты лишишься своего единственного детища.

Слыша это, Диоскор пришел в ужас и вышел от нее, не смея больше принуждать ее к браку. Он полагал, что лучше будет обручить ее по доброй воле, а не насильно, и надеялся, что придет время, когда она сама одумается и пожелает выйти замуж. После этого он замыслил отправиться по делам в далекий путь, полагая, что Варвара без него будет скучать, а когда он возвратится, то ему легче будет убедить ее послушаться его повеления и совета. Отправляясь в путь, Диоскор приказал строить при находившейся в саду купальне роскошную баню, а в бане сделать два окна, обращенные на юг. Приставленным же к дочери лицам он приказал, чтобы они не препятствовали ей свободно сходить с башни, куда захочет, и делать все, что ей будет угодно. Диоскор думал, что дочь его, беседуя со многими людьми и видя, что многие из девиц обручены и вступили в брак, и сама пожелает выйти замуж.

Когда Диоскор отправился в путь, Варвара, пользуясь свободою выходить из дома и беспрепятственно беседовать с кем хочет, подружилась с некоторыми христианскими девицами и от них услышала имя Иисуса Христа. Она возрадовалась духом об имени том и старалась точнее узнать от них о Нем. Новые ее подруги поведали ей все о Христе: о Его неизреченном Божестве, о воплощении Его от Пречистой Девы Марии, о Его вольном страдании и воскресении, также о будущем суде, о вечном мучении идолопоклонников и нескончаемом блаженстве верующих христиан в Царстве небесном. Слушая обо всем этом, Варвара ощущала сладость в сердце, пламенела любовью ко Христу и желала принять крещение. Случилось в то время одному пресвитеру прийти в Илиополь под видом купца. Узнав о нем, Варвара пригласила его к себе и тайно научилась от него познанию Единого Создателя всего и Вседержителя Бога и вере в Гос-

пода нашего Иисуса Христа, чего издавна горячо желала. Пресвитер, открыв ей все тайны святой веры, крестил ее во имя Отца и Сына и Святого Духа и, наставив ее, удалился в свою страну. Просвещенная крещением, святая Варвара воспламенилась еще большею любовью к Богу и подвизалась в посте и молитве день и ночь, служа Господу своему, Ему же уневестилась, дав обет сохранять в непорочности свое девство.

Тем временем производилась, согласно приказанию Диоскора, постройка бани. Однажды святая Варвара сошла с своей башни посмотреть на постройку и, увидев в бане два окна, спросила рабочих:

— Зачем вы устроили только два окна? Не лучше ли сделать три окна? Тогда и стена будет красивее, и баня светлее.

Работники отвечали:

— Так велел нам отец твой, чтобы мы устроили на юг два окна.

Но Варвара настоятельно требовала, чтобы они устроили три окна (во образ Святой Троицы). И когда они не хотели этого сделать, боясь ее отца, она сказала им:

— Я заступлюсь за вас перед отцом и отвечу за вас, а вы сделайте то, что я вам приказываю.

Тогда рабочие, по ее желанию, сделали в бане третье окно. Была там, как сказано, купальня, при которой баня и строилась. Купальня эта обложена была тесаными мраморными камнями. Святая Варвара, придя однажды к этой купальне и воззрев на восток, начертала перстом на мраморе изображение святого креста, которое так ясно отпечатлелось на камне, как бы выбито было железом. Кроме того, у той же бани, также на камне, отпечатлелся и след девической ноги ее, из следа этого стала истекать вода, и впоследствии здесь было много исцелений приходящим с верой[1].

---

[1] И баня с тремя окнами, строенными во образ Святой Троицы, и мраморный камень при источнике с изображением креста, и след ног святой Варвары — все это сохранялось в целости до времен Симеона Метафраста, который, после Иоанна Дамаскина, описал страдания этой святой мученицы. В своей истории он говорит об этом так: «До этого дня существует этот источник, исцеляющий всякие болезни у христолюбивых людей, если бы кто захотел сравнить его со струями Иордана или источником Силоамским, или с Вифездою, тот не погрешил бы против истины, ибо и в этом источнике одинаково много чудес совершает сила Христова».

Прохаживаясь однажды по палатам своего отца, святая Варвара увидела богов его, бездушных идолов, стоявших на почетном месте, и глубоко вздохнула о погибели душ тех людей, которые служат идолам. Затем она оплевала лица идолов, говоря:

— Да будут подобны вам все, кто вам поклоняется и от вас, бездушных, ожидает помощи!

Сказав это, она взошла на свою башню. Там она, по обычаю, предалась молитве и посту, всем умом своим углубляясь в богомыслие.

Между тем отец ее возвратился из путешествия. Осматривая домашние постройки, он подошел к вновь выстроенной бане и, увидев в стене ее три окна, начал с гневом бранить слуг и рабочих, зачем они ослушались его приказания и сделали не два, а три окна. Те отвечали:

— Не наша была на то воля, но — твоей дочери Варвары, она нам приказала устроить три окна, хотя мы того не желали.

Диоскор тотчас призвал Варвару и спросил ее:

— Зачем ты велела устроить в бане третье окно?

Она отвечала:

— Три лучше, чем два, ибо ты, отец мой, приказал сделать два окна в соответствие, как мне думается, двум светилам небесным, солнцу и луне[1], чтобы они освещали баню, а я велела сделать и третье, во образ Троичного Света, ибо у неприступного, неизреченного, незаходимого и немерцающего Света Троичного три Окна[2], Которыми просвещается всякий человек, приходящий в мир.

Отец пришел в смущение от новых, поистине дивных, но для него непонятных, слов дочери. Приведя ее к тому месту купальни, где был изображен на камне перстом святой Варвары крест, которого он еще не рассмотрел, Диоскор стал спрашивать ее:

— Что такое ты говоришь? Каким образом свет трех окон просвещает всякого человека?

Святая отвечала:

— Выслушай внимательно, отец мой, и пойми, что я говорю: Отец, Сын и Святой Дух, три Лица Единого в Троице Бога, живу-

---

[1] Финикияне главным образом обоготворяли светила небесные. Главными божествами своими они признавали Ваала, или Молоха, в лице которого обоготворяли солнце, и Астарту, в лице которой обоготворяли луну.

[2] Разумеются три Ипостаси, или Лица, Единого, в Троице славимого, Бога.

щего во свете неприступном, просвещают и оживляют всякое дыхание. Для того я и велела устроить в бане три окна, чтобы одно из них изображало Отца, другое — Сына, третье — Духа Святого, так чтобы и самые стены прославляли имя Святой Троицы.

Затем, указав рукою на крест, изображенный на мраморе, она сказала:

— Я также изобразила и знамение Сына Божия: по благоволению Отца и содействием Святого Духа, для спасения людей, воплотился Он от Пречистой Девы и волею пострадал на кресте, изображение которого ты видишь. Начертала я здесь знамение креста для того, чтобы сила крестная отгоняла отсюда всю силу бесовскую.

Это и многое другое говорила еще премудрая дева жестокосердому своему отцу о Святой Троице, о воплощении и страдании Христовом, о силе креста и прочих тайнах святой веры, чем привела его в страшную ярость.

Диоскор воспылал гневом и, забыв естественную любовь к дочери, извлек свой меч и хотел пронзить ее, но она обратилась в бегство. С мечом в руках Диоскор погнался за ней, как волк за овцою. Он уже настигал непорочную агницу Христову, в то время как путь неожиданно заградила ей каменная гора. Святая не знала, куда убежать от руки и меча отца, или — лучше сказать — мучителя своего; она имела одно только прибежище — Бога, у Которого и просила помощи и защиты, возведя к Нему душевные и телесные очи. Всевышний скоро услышал рабу Свою и предварил ее Своею помощью, повелев каменной горе рассесться перед нею надвое, как некогда перед первомученицей Феклой, когда она бежала от развратников[1]. Святая дева Варвара скрылась в образовавшуюся расселину, и тотчас скала сомкнулась за нею, дав святой свободный путь на верх горы. Поднявшись туда, она скрылась там в одной пещере. Жестокий и упорный Диоскор, не видя перед собою бегущей дочери, удивился. Недоумевая, каким образом она скрылась из глаз его, он искал ее старательно долгое время. Обходя гору и разыскивая Варвару, увидал он на горе двух пастухов, пасущих стада овец. Пастухи эти видели, как святая Варвара поднялась на гору и скрылась в пещере. Подойдя к ним, Диоскор спросил, не видали ли они бежавшей дочери его. Один из пастухов, человек сострадательный,

---

[1] Память первомученицы Феклы празднуется 24 сентября.

видя, что Диоскор исполнен гнева, не захотел выдать неповинную девицу и сказал:

— Я не видал ее.

Но другой, молча, указал рукою на то место, где святая скрывалась. Диоскор устремился туда, а пастуха, который выдал святую, постигла на том же месте казнь Божия: сам он превратился в каменный столп, а овцы его — в саранчу.

Найдя в пещере свою дочь, Диоскор стал безжалостно бить ее, бросив ее на землю, он топтал ее ногами и, схватив за волосы, потащил к своему дому. Затем он заключил ее в тесной, темной хижине, запер двери и окна, приложил печать, поставил стражу и морил заключенную голодом и жаждою. После того Диоскор отправился к правителю той страны Мартиану и рассказал ему все о своей дочери и поведал, что она отвергает их богов и верует в Распятого; он просил правителя, чтобы тот, угрозою различных мучений, склонил ее к вере отца. Затем он вывел святую из заключения, привел к правителю и отдал в его руки, говоря:

— Я отрекаюсь от нее, потому что она отвергает богов моих, и если она не обратится к нам снова и не поклонится им со мною вместе, то не будет мне дочерью, а я не буду ей отцом: мучай ее, державный правитель, как будет угодно твоей воле.

Увидев перед собою девицу, правитель удивился необычайной ее красоте и стал говорить с ней кротко и ласково, восхваляя красоту и благородство ее. Он увещевал ее не отступать от древних отеческих законов и не противиться воле отца, но поклониться богам и во всем слушаться своего родителя, чтобы не лишиться права получить в наследство все его имение. Но святая Варвара, изобличив мудрою речью тщету языческих богов, исповедовала и прославляла имя Иисуса Христа и отрекалась от всей суеты земной, богатства и мирских утех, стремясь к благам небесным. Правитель все еще продолжал убеждать ее не бесчестить своего рода и не губить прекрасной и цветущей юности своей. Наконец, он сказал ей:

— Пожалей себя, прекрасная дева, и поспеши с усердием принести вместе с нами жертву богам, ибо я милосерд к тебе и хочу пощадить тебя, не желая предать такую красоту на муки и раны, если же не послушаешься меня и не покоришься, то заставишь меня, хотя бы против моей воли, жестоко тебя мучить.

Святая Варвара отвечала:

— Я всегда приношу Богу моему жертву хвалы и хочу сама быть Ему жертвою, ибо Он Един есть истинный Бог, Творец неба и земли и всего, что на них, а твои боги — ничто и ничего не создали, как бездушные и бездейственные, они сами — дело рук человеческих, как говорит пророк Божий: *А их идолы — серебро и золото, дело рук человеческих. Ибо все боги народов — идолы, а Господь небеса сотворил* (Пс. 113, 12; Пс. 95, 5). Эти пророческие слова я признаю и верую в Единого Бога, Создателя всего, а о ваших богах исповедую то, что они ложны и что напрасна ваша надежда на них.

Разгневанный такими словами святой Варвары, правитель тотчас повелел обнажить ее. Это первое мучение — стоять нагою перед глазами многих мужей, без стыда и упорно смотрящих на обнаженное девственное тело, — было для целомудренной и чистой девы страданием более тяжким, чем самые раны. Затем мучитель велел положить ее на землю и сильно бить воловьими жилами долгое время, и земля обагрилась ее кровью. Прекратив, по приказанию правителя, бичевание, мучители стали, усиливая ее страдания, тереть раны святой девы власяницею и острыми черепками. Однако все эти мучения, устремившиеся сильнее бури и ветра на храм юного и слабого девического тела, не поколебали крепкой в вере мученицы Варвары, ибо вера была основана на камне — Христе Господе, ради Которого она с радостью терпела такие тяжкие страдания.

После того правитель велел заключить ее в темницу, пока не придумает для нее самых жестоких мучений. Еле живая от тяжких истязаний, святая Варвара со слезами молилась в темнице возлюбленному Жениху своему, Христу Богу, чтобы Он не оставил ее в таких тяжких страданиях, и говорила словами Давида: *Не оставь меня, Господи, Боже мой! Не удаляйся от меня; поспеши на помощь мне, Господи, Спаситель мой!* (Пс. 37, 22–23). Когда она так молилась, в полночь озарил ее великий свет; страх и вместе радость ощутила святая в сердце своем: к ней приближался Нетленный Жених ее, желая посетить Свою невесту. И вот Сам Царь Славы явился ей в неизреченной славе. О, как возрадовалась она духом и какую почувствовала на сердце сладость, когда увидела Его! Господь же, с любовью взирая на нее, сказал ей Своими сладчайшими устами:

— Дерзай, невеста Моя, и не бойся, ибо Я с тобою, Я охраняю тебя, Я взираю на подвиг твой и облегчаю твои болезни. За твои страдания Я уготовляю тебе в Моем небесном чертоге вечную награду, итак, претерпи до конца, чтобы вскоре насладиться вечными благами в Царствии Моем!

Внимая словесам Господа Христа, святая Варвара, как воск от огня, таяла от желания соединиться с Богом и, как река во время разлива, была преисполнена любовию к Нему. Утешив возлюбленную невесту Свою Варвару и усладив ее Своею любовью, Сладчайший Иисус исцелил ее и от ран, так что не осталось и следа их на ее теле. После того Он стал невидим, оставив ее в неизреченной духовной радости. И пребывала святая Варвара в темнице, как бы на небе, пылая, подобно Серафимам, любовью к Богу, славословя Его сердцем и устами и воздавая благодарение Господу за то, что Он не презрел, но посетил рабу Свою, страждущую ради имени Его.

Жила в том городе некая жена, по имени Иулиания, верующая во Христа и богобоязненная. С той поры, как святая Варвара была схвачена мучителями, Иулиания следила за нею издалека и смотрела на ее страдания, а когда святая была брошена в темницу, приникла к окну темницы, удивляясь тому, что такая юная дева, в самом расцвете юности и красоты, презрела отца своего, весь род, богатство и все блага и утехи мира и не пощадила своей жизни, но с усердием положила ее за Христа. Видя же, что Христос исцелил святую Варвару от ран, она пожелала и сама пострадать за Него и стала приготовляться к такому подвигу, молясь Подвигоположнику Иисусу Христу, чтобы Он послал ей терпение в страданиях. С наступлением дня святая Варвара была выведена из темницы на нечестивый суд для нового истязания; Иулиания издали следовала за нею. Когда святая Варвара стала перед правителем, он и бывшие с ним с изумлением увидели, что дева совершенно здорова, светла лицом и прекрасна еще больше, чем прежде, а на теле ее нет никаких следов понесенных ею ран. При виде этого, правитель сказал:

— Видишь ли, девица, как заботятся о тебе наши боги? Вчера ты была жестоко истерзана и изнемогала от страданий, а ныне они совершенно тебя исцелили и даровали тебе здравие. Будь же благодарна за такое их благодеяние — поклонись им и принеси жертвы.

Святая отвечала:

— Что ты говоришь, правитель, будто исцелили меня твои боги, которые сами слепы, немы и бесчувственны? Они не могут даровать ни слепым прозрения, ни немым — слова, ни глухим — слух, ни хромым — способность ходить, они не могут исцелять больных, ни воскрешать мертвых: как же могли они исцелить меня и за что им поклоняться? Исцелил меня Иисус Христос, Бог мой, Который врачует всякие болезни и мертвым подает жизнь, Ему я с благодарностью поклоняюсь и себя приношу Ему в жертву. Но ум твой ослеплен, и ты не можешь видеть этого Божественного Целителя и недостоин того.

Такая речь святой мученицы привела правителя в ярость: он приказал повесить мученицу на дереве, строгать тело ее железными когтями, опалять горящими свечами ребра ее и бить по голове молотом. Святая Варвара претерпевала мужественно все эти страдания. От таких мучений невозможно было бы остаться в живых не только ей, юной отроковице, но даже и сильному мужу, но агницу Христову укрепляла невидимо сила Божия.

В толпе народа, смотревшего на мучения святой Варвары, стояла и Иулиания. Взирая на великое страдание святой Варвары, Иулиания не могла удержаться от слез и сильно плакала. Исполнившись ревности, она возвысила голос из народа и начала обличать немилосердного правителя в бесчеловечном мучительстве и хулить языческих богов. Тотчас она была схвачена и на вопрос о том, какой она веры, объявила, что она — христианка. Тогда правитель повелел мучить ее так же, как Варвару. Иулиания была повешена вместе с Варварою, и ее строгали железными гребнями. А святая великомученица Варвара, видя это и испытывая сама мучения, возвела взор свой горé, к Богу, и молилась:

— Боже, испытующий сердца человеческие, Ты знаешь, что я всю себя принесла Тебе в жертву и отдала себя во власть Твоей всесильной Десницы, стремясь к Тебе и любя Твои святые заповеди. Не оставь меня, Господи, но, милостиво призрев на меня и на сострадальницу мою Иулианию, укрепи нас обеих и дай нам силы совершить настоящий подвиг: *Дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26, 41; Мк. 14, 38).

Так молилась святая, и небесная помощь к мужественному терпению страданий невидимо подавалась мученицам. После этого му-

чытель велел отрезать у обеих сосцы. Когда это было исполнено и страдание мучениц усилилось, святая Варвара, снова возведя очи к Врачу и Целителю своему, возопила: *Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего святого не отними меня. Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня!* (Пс. 50, 13–14).

После таких мучений правитель велел отвести святую Иулианию в темницу, а святую Варвару, для большого посрамления ее, водить нагою по городу, с издевательствами и побоями. Святая дева Варвара, покрываясь стыдом, как бы одеждою, возопила к возлюбленному Жениху своему Христу Богу:

— Боже, одевающий небо облаками и землю мглою, как пеленами, повивающий[1], Ты — Сам Царь покрой наготу мою и сотвори, чтобы очи нечестивых не видели тела моего и чтобы не до конца была осмеяна раба Твоя!

Господь Иисус Христос, взиравший свыше со всеми Своими святыми Ангелами на подвиг рабы Своей, тотчас поспешил к ней на помощь и послал к ней светлого Ангела с светозарною одеждою, покрыть наготу святой мученицы. После того нечестивые не могли уже больше видеть обнаженного тела мученицы, и она обратно была приведена к мучителю. После нее водили по городу, также нагою, святую Иулианию. Наконец, мучитель, видя, что не может отвратить их от любви ко Христу и склонить к идолопоклонству, осудил обеих на усечение мечом.

Диоскор, жестокосердый отец Варвары, так ожесточен был от диавола, что не только не поскорбел, при виде великих мучений своей дочери, но и не постыдился даже быть ее палачом. Схватив свою дочь и держа в руке обнаженный меч, Диоскор повлек ее к месту казни, которое было назначено на одной горе, за городом, а один из воинов вел за ними святую Иулианию. Когда они шли, святая Варвара так молилась Богу:

— Безначальный Боже, простерший небо, как покров, и основавший на водах землю, повелевающий солнцу Своему сиять на благих и злых и изливающий дождь на праведных и неправедных[2], услышь и ныне молящуюся Тебе рабу Твою, услышь, о Царь, и по-

[1] Выражения, заимствованные из Священного Писания: ср.: Пс. 146, 9; Иов. 38, 10.

[2] Выражения Святого Писания: ср.: Пс. 103, 2; 135, 6; Мф. 5, 45.

дай благодать Свою всякому человеку, который будет вспоминать меня и мои страдания, да не приблизится к нему внезапная болезнь и да не похитит его нечаянная смерть, ибо Ты знаешь, Господи, что мы — плоть и кровь и творение пречистых рук Твоих.

Когда она так молилась, послышался с неба голос, призывавший ее с Иулианией в горные селения и обещавший ей исполнение просимого. И шли на смерть обе мученицы, Варвара и Иулиания, с великою радостию, желая скорее разрешиться от тела и предстать пред Господом. Дойдя до назначенного места, агница Христова Варвара склонила под меч свою голову и была усечена руками немилосердного своего отца, и исполнилось сказанное в Писании: *предаст на смерть отец дитя* (Мф. 10, 21; Мк. 13, 12). Святую же Иулианию обезглавил воин. Так совершили они свой подвиг[1]. Святые души их радостно отошли к своему Жениху-Христу, встреченные Ангелами и с любовию принятые Самим Владыкою. Диоскора и правителя Мартиана внезапно постигла казнь Божия. Тотчас по совершении казни тот и другой были убиты грозою, и тела их молния сожгла в пепел.

В том городе жил один благочестивый человек, по имени Галентиан. Взяв честные мощи святых мучениц, он принес их в город, похоронил с подобающею честью и устроил над ними церковь, в которой много было исцелений от мощей святых мучениц, молитвами и благодатию Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же слава вовеки. Аминь.

О ЧЕСТНЫХ МОЩАХ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ

Впоследствии честные мощи святой великомученицы Варвары были перенесены из Греции в Россию, в Киев, когда, после просвещения Русской земли святым крещением, русские князья находились в особенно близких и дружественных отношениях с греческими царями и брали себе в супруги их сестер и дочерей[2]. Во время таких

[1] Блаженная кончина святой великомученицы Варвары и Иулиании последовала в 306 году.

[2] Так святой *равноапостольный князь Владимир* взял себе в жены царевну Анну, сестру греческих императоров Василия и Константина. Его внук, сын Ярослава, *великий князь Всеволод*, который княжил в Киеве, после старшего брата Изяслава

близких и дружественных отношений между греческими и русскими правителями Киев и получил из Греции бесценный дар — целебные мощи святой великомученицы Варвары, как об этом повествует сказание, написанное в 1670 году игуменом Киевского Михайловского Златоверхого монастыря[1], иеромонахом Феодосием Сафоновичем[2], мужем, достойным доверия.

Первою супругою великого князя Киевского Святополка Изяславича[3], нареченного во святом крещении Михаилом, была греческая царевна Варвара, дочь Византийского императора Алексия Комнена[4]. Перед своим отъездом из Царьграда в Россию царевна Варвара упросила своего отца даровать ей мощи святой великомученицы Варвары, которые и привезла с собою в Киев. Муж ее, великий князь Михаил, выстроив в 1108 году в Киеве каменную церковь во имя святого Архистратига Михаила, заступника своего, с честью положил в ней святые мощи великомученицы[5]. Во время нашествия на Русскую землю татарского хана Батыя[6] мощи святой великомученицы были сокрыты церковнослужителями в тайном месте под ступенями каменной лестницы, ведшей на верх храма. Спустя много лет после Батыева погрома честные мощи, по благоизволению Божию, были обретены, вынуты из-под спуда и открыто положены с честью в том же храме.

Ярославича, также имея женой дочь Греческого императора Константина Мономаха, от которой у него родился сын *Владимир Мономах*, впоследствии великий князь Киевский.

[1] Михайловский Златоверхий мужской монастырь, по древнему преданию, построен в первые годы по введении в России христианства первым митрополитом Киевским и всея Руси Михаилом, крестившим киевлян в Днепре на том самом месте, где стоял главный идол Перун. Но, по первым летописным сказаниям, он основан в 1108 году великим князем Киевским Святополком Изяславичем.

[2] *Феодосий Сафонович* — учитель и проповедник Киевский, с 1665 года — игумен Златоверхого Михайловского монастыря.

[3] *Святополк Изяславич* — внук Ярослава Мудрого и правнук святого равноапостольного князя Владимира — княжил в великом княжестве Киевском с 1093-го по 1114 год.

[4] *Алексий I Комнен*, Византийский император, царствовал с 1081-го по 1118 год.

[5] В Златоверхом Михайловском монастыре, где мощи святой великомученицы Варвары почивают и доныне, положенные в 1847 году в богатую сребропозлащенную раку. (Ныне мощи святой находятся во Владимирском соборе. — *Ред.*).

[6] Нашествие Батыя было в 1240 году.

В 1644 году при великом ревнителе Православия Киевском митрополите Петре Могиле[1] Киев посетил канцлер польского королевства Георгий Осолинский. Придя в церковь Михайловского монастыря для поклонения честным мощам великомученицы Варвары, он рассказал следующее:

— Я питаю глубокую веру в помощь святой великомученицы Варвары, ибо многие свидетельствуют, что тот, кто вручает себя ее заступлению, не умрет без покаяния и причастия Божественных Тайн. Я был в Риме и в западных странах и везде спрашивал, где находятся мощи святой великомученицы Варвары, на Западе или на Востоке. Мне сказали, что на Западе не обретается мощей святой великомученицы, нет их также и на Востоке, как утверждают бывшие там, но что они пребывают в здешних странах. Ныне верую, что именно здесь, в Киеве, находятся истинные мощи святой великомученицы Варвары.

Поклонившись с усердною молитвою святым мощам и с благоговением облобызав их, канцлер просил, чтобы ему дана была некая часть этих святых мощей. Ради его великой веры, ему была дана часть перста правой руки святой великомученицы, которую он и принял с великою благодарностью.

В 1650 году, при митрополите Киевском Сильвестре Коссове[2], литовский гетман князь Януш Радзивилл взял приступом город Киев. По его желанию, ему даны были две части мощей святой великомученицы Варвары, взятые от персей и от ребра. Часть от персей великомученицы гетман отдал своей жене, княгине Марии, благочестивой дочери молдовлахийского господаря Василия. Когда же Мария скончалась, то хранившаяся у нее часть мощей досталась Киевскому митрополиту Иосифу Тукальскому[3] и была принесена им в

---

[1] *Петр Могила*, знаменитый поборник Православия, был митрополитом Киевским с 1631-го по 1646 год; известен своею борьбою за Православие с католиками и униатами, устройством киево-братской школы, изданием богослужебных и душеполезных книг, своими проповедями и другими сочинениями.

[2] *Сильвестр Коссов* — митрополит Киевский — святительствовал в Киеве с 1647-го по 1657 год.

[3] *Иосиф Нелюбович* — Тукальский — с 1663 года митрополит Киевский, известный поборник Православия, впоследствии заточен был поляками и скончался в Чигирине.

город Канев[1], а по его смерти была перенесена в город Батурин[2], где и ныне почивает в монастыре святого Николая Чудотворца и, благоговейно почитаемая, источает чудесные исцеления. Другую же часть от ребра великомученицы тот же князь Радзивилл послал в дар Виленскому католическому епископу Георгию Тишкевичу, исполняя его желание и усердные просьбы. Приняв этот дар, епископ хранил его с честью в своей палате в богато украшенном ковчеге. Спустя некоторое время дом епископа сгорел, но ковчег с частью мощей святой великомученицы Варвары остался цел и невредим. Узнав об этом, все пришли в великое изумление и прославили Бога и святую великомученицу Варвару. Весть об этом чуде была принесена в Михайловский монастырь в 1657 году. А за год перед этим, в 1656 году, был в Киеве Антиохийский патриарх Макарий[3]. С великою верою и любовью и со слезами он поклонился честным мощам святой великомученицы и поведал следующее:

— В моей патриархии, недалеко от Антиохии, есть город Илиополь, в котором пострадала святая великомученица Варвара. Когда я там расспрашивал о ее святых мощах, то мне сказали, что с глубокой древности их нет не только там, но и ни в другом каком-либо месте на Востоке, но что они пребывают в Русской земле, которая некоторыми называется страною варварскою. Ныне несомненно верую, что здесь почивают истинные мощи святой великомученицы.

Патриарх усердно просил, чтобы ему дана была часть от этих святых мощей. Его просьба была исполнена Киевским митрополитом Сильвестром, и патриарх принял часть святых мощей с великою радостью и благодарением.

Много чудес и исцелений от святых мощей великомученицы совершилось и совершается в Михайловском Златоверхом монастыре. Чудотворения сильнее громких труб провещевают всему миру и всех уверяют в истинности мощей и благодатной силе, через них действующей. О некоторых из этих чудес предложим здесь краткие повествования.

---

[1] *Канев* — уездный город Киевской губернии на реке Днепре.

[2] *Батурин* — город Черниговской губернии Конотопского уезда.

[3] *Макарий* — патриарх Антиохийский с 1648-го по 1672 год.

Архиепископ Черниговский Лазарь Баранович[1] еще прежде, чем занял епископскую кафедру, с 1640 года, трудился над проповеданием слова Божия. Проповедуя, между прочим, в праздник святой великомученицы Варвары при честных ее мощах, он с глубокою благодарностью и умилением прославил чудо своего исцеления от тяжкой болезни, полученное от тех святых мощей. И, непрестанно прославляя это чудо, поведал о нем в своей книге «Труды праздничные», напечатанной в 1674 году, следующее: «Одержимый тяжкою болезнью, я не обращался ни к какому другому врачу, но прибег с мольбою к мощам святой великомученицы Варвары, с верою пил воду, в которой была омочена рука великомученицы, и чаша этой воды была мне во спасение».

Настоятель Свято-Михайловского Златоверхого Киевского монастыря, иеромонах Феодосий, повествует, что когда он, по благословению Киевского митрополита Сильвестра Коссова, в 1655 году принял начальство над обителью, то в тот год пришел к нему некий гражданин Слуцкий и принес ему сделанную из серебра руку, которую и просил повесить при мощах святой великомученицы Варвары. Когда же пришедшего спросили, для чего он это сделал, он откровенно рассказал следующее:

— Рука моя была поражена тяжкою болезнию и так была скорчена, что я не мог даже разогнуть ее. Страдая такою неисцельною болезнью, я вспомнил о чудесах, проистекающих от честных мощей святой великомученицы Варвары. Я помолился святой великомученице об исцелении моей руки и дал обет идти на поклонение ее святым мощам. И вот, помощию святой Варвары, скорченная рука моя исцелилась, я же, исполняя обет свой, пришел сюда с благодарением и эту серебряную руку, в знак исцеления моей руки, принес к святым мощам великомученицы.

Тот же Феодосий повествует, что в 1660 году во время бывшей тогда междоусобной войны он глубоко скорбел о скудости своего монастыря и об опасностях для здоровья и жизни. Однажды во время сна он увидел, что он стоит при мощах святой великомученицы Вар-

---

[1] *Лазарь Баранович* — архиепископ Черниговский с 1657-го по 1693 год, деятель Русской Церкви, известный своею полемикой с иезуитами и другими сочинениями, а также своей проповеднической деятельностью.

вары и видит, что рака ее полна елея. Святая великомученица ему сказала:

— Не смущайся, я с вами.

Проснувшись, он стал размышлять о бывшем ему видении и, вспомнив, что в Священном Писании елей означает милость[1], сказал себе:

— Рака, наполненная елеем, в коем я видел лежащую великомученицу, является знамением того, что по ее святым молитвам в монастыре не будет больше скудости и бедствий.

Так и случилось на самом деле.

В 1666 году Рождественским постом, в который и празднуется память святой великомученицы, два воина, по имени Андрей и Феодор, задумали похитить находившееся на мощах великомученицы драгоценное украшение. Придя ночью в монастырь, они взломали южные двери Михайловской церкви и устремились к мощам святой Варвары. Когда они приблизились к ее честной раке, внезапно ударил страшный гром, и от раки святой на них посыпались огненные искры. В страхе воры пали на землю как мертвые, и один из них тотчас же оглох, а другой сошел с ума. Придя немного в себя, оглохший, познав на себе кару Божию и святой великомученицы, вывел своего обезумевшего товарища из церкви, затворил опять церковные двери и, ничего не взяв, возвратился домой. Это чудо через семь дней с сокрушением сердца исповедал сам оглохший перед своим духовным отцом, иеромонахом Симеоном, придя в Михайловскую церковь вместе со своим товарищем. Духовник наставил их, насколько мог, принести истинное покаяние и отпустил их с надеждою на помощь и исцеление от святой великомученицы. После того Симеон, приступая к совершению Божественной литургии, пред святым алтарем поведал о случившемся настоятелю своему игумену Феодосию.

В 1669 году, 12 августа, один воин, придя в церковь к честным мощам святой великомученицы Варвары, поклонился им с великим благоговением и, воздохнув, поведал пономарю и многим другим следующее:

— Великого и чудесного заступления святой великомученицы я сподобился. Однажды, находясь в полку, поехал я с другими товари-

[1] Ἔλεος — с греческого значит: «милость, милосердие».

щами на сенокос, и вот напали на нас татары и всех моих товарищей взяли в плен, спасся один только я. Когда я благодарил Бога за свое избавление и сожалел о своих товарищах, явилась мне святая дева Варвара точно в такой же одежде и венце, как она лежит здесь, и сказала мне: «Знай, что я мученица Варвара, которая освободила тебя от татар». И вот я пришел сюда к святым ее мощам, чтобы возблагодарить ее за чудесное заступление, а вам поведать об этом чуде.

В следующем, 1670 году, один киевлянин, по имени Иоанн, бывший сперва простым человеком, а впоследствии и бурмистром, заболел горячкою. Долго страдая этим недугом, он вспомнил о святой великомученице Варваре, подающей чудесные исцеления от своих честных мощей. Не имея силы, по болезни, встать с постели и дойти до церкви, он с верою в исцеление послал в Михайловский монастырь, прося, чтобы ему дали воды, возливаемой на раку святой Варвары. В то же время сам он лежал в таком страшном жару, что язык его ссохся. Домашние советовали ему выпить чего-нибудь, чтобы охладить жар. Но он отвечал:

— Хотя бы мне пришлось и умереть, я не буду пить ничего до тех пор, пока не будет принесена вода от руки святой великомученицы.

Так велика была вера его к святой великомученице. Когда же была принесена от ее святых мощей вода, Иоанн принял ее с радостью и, с верою помолившись, выпил. Тотчас же он крепко уснул, тогда как прежде совершенно не мог спать. И вот во сне он увидал, будто бы он в церкви святого архистратига Михаила, и прекрасная девица говорит ему:

— Знаешь ли ты, кто я?

Когда он ответил, что не знает, девица снова сказала:

— Знай же, что я — мученица Варвара. Много есть людей, которые не веруют, что в Михайловском монастыре почивают нетленные мои мощи. Убедись теперь сам в истинности моих мощей и проповедуй всем, чтобы они веровали этому, в знамение же этого отныне будь здрав.

Сказав это, она сама возлегла в своей, стоящей на украшенном месте, раке, а Иоанн, тотчас же проснувшись, почувствовал себя совершенно здоровым и как бы не болевшим никогда. Возблагодарив Бога и святую Варвару, он поведал не только старшему своему брату — игумену Михайловского монастыря Феодосию, но и всем, о

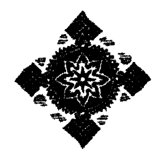
чудесном своем исцелении с помощью святой великомученицы и о свидетельстве ее об истинности ее мощей.

Следует здесь также упомянуть и о левой руке святой великомученицы, с древних лет не находящейся при ее нетленном теле: она была оставлена в Греции. По прошествии многих лет, при Киевском митрополите Петре Могиле, она принесена была в Польшу переселившимся туда греком Мозелем. Он происходил из царского рода Кантакузенов и был искусным учителем врачебной науки. Принесенная им рука была положена в сооруженной им каменной братской церкви в честь Воздвижения Креста Господня, в Волынском городе Луцке. Спустя много лет, при православном епископе Луцком Гедеоне (из рода князей Четвертинских), бывшем впоследствии митрополитом Киевским[1], евреи обокрали Луцкую церковь и ту святую руку, лежавшую в серебряном ковчеге, похитили вместе с прочею церковною утварью и бросили в разожженную винокурную печь, где она, весь день и всю ночь палимая огнем, осталась невредимою. Увидя это, безбожные похитители вынули из разожженной печи чудесно сохраненную святую руку и тайно ночью старались сокрушить ее железными молотами и, после упорных трудов раздробив ее на малые части, снова бросили в ту же горящую печь. Дивными судьбами Божиими, это злодеяние безбожных евреев было вскоре обнаружено тщательным расследованием совершившейся кражи и свидетельством соседей, что они слышали ночью стук молотов. Подвергнутые пыткам, похитители не хотели признаться в своем злодеянии. Тогда допрашивающим пришла благочестивая мысль выгрести из печи пепел и просеять его через решето. Тотчас обнаружились малые частицы сокрушенной руки великомученицы, там же нашли и коралловое украшение, бывшее на той руке, которое не обратилось в пепел, но только от огня побелело. После этого и сами безбожные евреи, вновь подвергнутые пыткам, признались в своем злодеянии. С разрешения епископа Гедеона святая рука великомученицы, сокрушенная злодеями, вложена была, со всеми найденными частицами ее и кораллами, в благолепный ковчег, нарочно для этого устроенный. Этот ковчежец с крестным ходом и свечами в сопровождении всего освященного собора и множества народа с че-

---

[1] *Луцк* — уездный город Волынской губернии. — Гедеон святительствовал в Киеве с 1685-го по 1690 год.

стью был внесен в Луцкую соборную церковь святого Иоанна Богослова. Через несколько лет епископ Гедеон, переселяясь, вследствие гонения на Православие, из Луцка в Малороссию, привез с собою и тот ковчег с раздробленною святою рукою великомученицы Варвары. Когда он возведен был на престол Киевской митрополии, тогда и святую руку ту, в том же ковчеге, с подобающею честью положил в алтаре соборной церкви Киевской митрополии в честь святой Софии — Премудрости Божией, где она и ныне благоговейно почитается[1].



[1] Кроме того, часть мощей святой великомученицы Варвары — палец — хранится в Москве, в церкви имени святой великомученицы, на Варварке; есть также на Афоне некоторые части мощей святой Варвары. — К вышеприведенным чудесам по молитвенному предстательству ее должно присовокупить и чудеса позднейшего времени. Так по чудесному заступлению ее в 1710 году во время более десяти месяцев свирепствовавшей и страшно опустошавшей Киев и всю Малороссию чумы — смертоносная язва не коснулась Златоверхого Свято-Михайловского монастыря, где почивают мощи святой Варвары, и ни один из иноков обители не умер от этой болезни, хотя ворота монастыря и были постоянно открыты для всех желающих молитвенного утешения. То же благодатное и чудесное заступление было явлено святой великомученицей Варварой и в 1770 году, при вторично опустошившей южную Россию чуме, и несколько раз в наше время при холерных эпидемиях. Ежегодно 4 декабря — в день, посвященный празднованию святой великомученице, ее честные мощи торжественно обносятся вокруг церкви Михайловского монастыря при многочисленном стечении народа. В начале XVIII века Киевским митрополитом Иоасафом Кроковским (1708–1718 гг.) составлен акафист святой великомученице Варваре, который и поныне поется пред святыми мощами. По народному верованию, святой великомученице Варваре дана от Бога особая благодать — спасать от неожиданной и напрасной смерти, от мора и других внезапных бедствий. Такое верование основывается отчасти на самом житийном сказании о ней, по которому она молила Бога избавлять от внезапной болезни и нечаянной смерти всякого человека, который будет молитвенно воспоминать ее и ее страдания, отчасти — на вышеприведенных чудесах ее в Свято-Михайловском монастыре во время эпидемических болезней.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ДАМАСКИНА

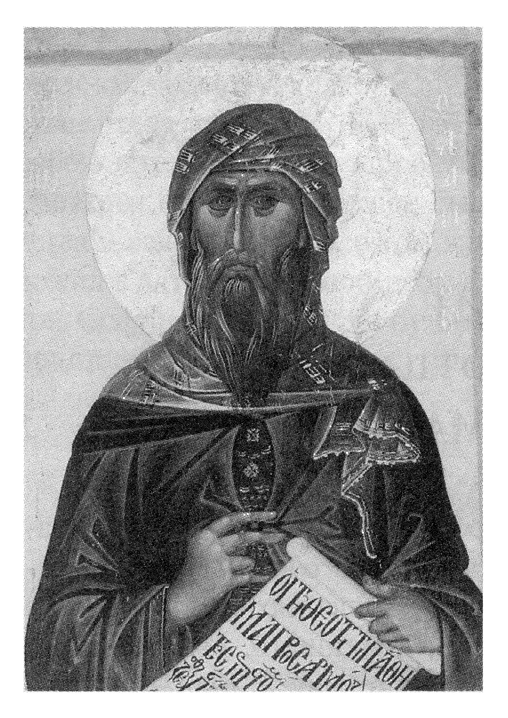
Преподобный Иоанн Дамаскин родился в столице Сирии Дамаске[1] от знатных родителей христиан[2], благочестивая вера которых во Христа, испытанная в скорбях и искушениях, явилась крепче и драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытанного, золота. Тяжкое тогда было время. Сарацины завоевали ту страну и, взяв этот славный город, причиняли всякие беды христианам, одних — убивая, других — продавая в рабство и никому не дозволяя открыто исповедовать Христа. В это время родители Иоанна, покрываемые Промыслом Божиим, были сохранены в безопасности и здравии со всем своим имением; соблюли они и святую веру, ибо Бог даровал им возможность снискать благоволение у сарацин, как некогда Иосифу у египтян (см.: Быт. 41, 37) и Даниилу у вавилонян (см.: Дан. 2, 48), так что злочестивые агаряне[3] не запрещали родителям святого веровать во Христа и от-

---

[1] *Дамаск* — главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших во всем мире; лежит к северо-востоку от Палестины, при реке Бараде, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Антиливана. И в настоящее время Дамаск, входящий в состав Турецкой империи, — один из богатейших городов Азии, с населением свыше ста пятидесяти тысяч жителей.

[2] Святой Иоанн Дамаскин родился около 680 года. Родовое прозвание его было Мансур.

[3] *Агаряне*, или иначе *сарацины*, — аравийские бедуины. Наименование агарян, означавшее первоначально это кочующее племя, впоследствии распространено было христианскими писателями на всех арабов, а затем стало означать вообще мусульман. Агарянами аравийские бедуины назывались от того, что, по еврейскому преданию, они были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой.



крыто прославлять Его святое имя. Кроме того, отца святого Иоанна они поставили городским судьею и начальником народных построек[1]. Живя в таком благополучии, он сделал много доброго для своей единоверной братии: выкупал пленных, заключенных в темницах освобождал от оков и избавлял от смерти и всем страждущим подавал руку помощи. Родители преподобного были в Дамаске среди агарян, как светильники в ночи, как семя во Израили, как искра в пепле. Для того они и сохранены были Богом, чтобы через них возгорелся в Церкви Христовой светильник, ясно светящий всему миру, — блаженный Иоанн Дамаскин. Родив его по плоти, они поспешили сделать его чадом света и через крещение, — что было делом весьма трудным в то время. Агаряне никому не дозволяли принимать крещения, родители же святого беспрепятственно возродили свое дитя крещением и нарекли ему имя, означающее благодать Божию[2]. Отец отрока очень заботился, чтобы он был воспитан в добром учении и научился не сарацинским обычаям, не храбрости воинской, не охоте звериной, не другому какому-либо мирскому искусству, но кротости, смирению, страху Божию и познанию Божественных Писаний. Поэтому усердно просил он Бога послать сыну человека мудрого и благочестивого, который был бы для отрока хорошим учителем и наставником в добрых делах. Родитель святого услышан был Богом и получил желаемое таким образом.

---

[1] Отец святого Иоанна Дамаскина, Сергий Мансур, исправлял при калифе Дамасском Абд-Альмалике (685–705 гг.) должность главного логофета, то есть распорядителя казной, казначея.

[2] *Иоанн*, в переводе с еврейского, значит: *Божия благодать*.

Дамасские разбойники совершали и на суше и с моря частые набеги на соседние страны, захватывали в плен христиан и, приводя в свой город, одних продавали на рынках, других предавали смерти. Однажды случилось им пленить некоего инока, по имени Косма, — благообразного видом и прекрасного душою, происходившего из Италии. Вместе с прочими пленниками они решили продать его на рынке. Те же, которых разбойники хотели усечь мечом, припав к ногам этого инока, со слезами умоляли его помолиться Богу о душах их. Видя, какое почтение воздается иноку обреченными на смерть, сарацины спросили его, каким саном и честью он был почтен в своем отечестве среди христиан.

Он же ответил:

— Я не имел никакого сана, даже не был удостоен священства; я только грешный инок, наученный философии, и не только христианской, но и той, которую измыслили языческие мудрецы!

Сказав это, инок горько заплакал. Невдалеке стоял родитель Иоанна видя плачущего старца и узнав в нем по одежде инока, он подошел к нему и, желая утешить его в скорби, сказал:

— Напрасно, человек Божий, ты плачешь о потере мира, которого ты давно отрекся и для которого умер, как я вижу по твоему виду и одежде.

— Я плачу, — ответил инок, — не о потере мира — для него, как ты сказал, я умер — и не забочусь ни о чем мирском, зная, что есть другая жизнь — лучшая, бессмертная и вечная, приготовленная рабам Христовым, которую надеюсь и я получить при помощи Божией; плачу же о том, что ухожу из этого мира бездетным, не оставив после себя наследника.

Изумился родитель Иоанна словам инока и сказал:

— Отче, ты — инок, посвятивший себя Богу для сохранения чистоты, а не для рождения детей: зачем ты скорбишь о детях?

Инок ответил:

— Ты не понимаешь, господин, сказанного мною: я говорю не о плотском сыне и не о земном наследстве, но о духовном. Я, как сам ты видишь, инок бедный и не имею ничего, но у меня есть большое богатство мудрости, которым я обогатился, с юных лет трудясь при помощи Божией. Я изучил различные человеческие науки: риторику,

диалектику, философию, преподанную Стагиритом и сыном Аристона[1], — знаю землемерие и музыку, хорошо изучил движение небесных тел и течение звезд, так что от красоты творения и его премудрого устройства могу прийти к более ясному познанию Самого Творца; наконец, я хорошо изучил и составленное греческими и римскими богословами — учение о тайнах Православия. Имея сам такие познания, я никому их не преподал, и тому, чему научился, никого не могу теперь учить, ибо не имею ни времени, ни ученика, и думаю, что я здесь умру от меча агарян и явлюсь пред моим Господом как дерево, не принесшее плода, как раб, сокрывший в землю талант господина своего[2]. Вот о чем я плачу и рыдаю. Как отцы по плоти скорбят о том, что, находясь в супружестве, не имеют детей, так и я скорблю и тужу, что не имею ни одного духовного сына, который был бы после меня наследником моего богатства мудрости.

Услышав такие слова, отец святого Иоанна обрадовался тому, что нашел давно желаемое сокровище, и сказал старцу:

— Не печалься, отче: Бог может исполнить желание сердца твоего.

Сказав это, он поспешно пошел к сарацинскому князю и, припав к ногам его, усердно просил отдать ему пленного инока и не получил отказа: ему отдан был князем этот дар, который, действительно, был драгоценнее многих других даров. С радостью родитель Иоанна привел блаженного Косму в свой дом и утешал после долгого страдания, предоставив ему удобство и покой.

— Отче, — сказал он, — будь господином моего дома и соучастником всех моих радостей и скорбей.

И еще прибавил:

— Вот, Бог не только даровал тебе свободу, но и желание твое исполнил. Я имею двух детей: один мой сын по плоти — Иоанн, а другой — отрок, принятый мною вместо сына, родом из Иерусалима,

---

[1] *Стагир* — город на Халкидонском полуострове, где родился греческий философ Аристотель (IV век до Рождества Христова), названный поэтому Стагиритом. *Сыном Аристона* здесь назван греческий философ Платон (IV век до Рождества Христова). *Философия* — наука, занимающаяся исследованием высших вопросов бытия, о Боге, о начале, сущности и законах мира и человека, о предназначении человека и конечных целях существования мира и тому подобное. — *Риторика* и *диалектика* — науки, исследующие законы мышления и способы их выражения.

[2] Евангельское выражение из притчи о талантах. Мф. 25, 15.

сирота с детства, он имеет одно имя с тобою, ибо его тоже зовут Космой. Молю тебя, отче, научи их мудрости и добрым нравам и наставь их на всякое доброе дело, соделай их духовными сыновьями своими, возроди и воспитай учением, и оставь их после себя наследниками того духовного богатства, которого никто не может похитить.

Возрадовался блаженный старец Косма, прославил Бога и стал усердно воспитывать и учить обоих отроков. Отроки же были разумны, усвояли все преподаваемое учителем и успешно учились. Иоанн, как орел, парящий по воздуху, постигал высокие тайны учения, а духовный брат его Косма, как корабль, быстро несущийся при попутном ветре, скоро постигал глубину мудрости. Учась усердно и старательно, приобрели они в короткое время премудрости, изучили грамматику, философию и арифметику, и сделались подобными Пифагору и Диофану[1]; изучили они и землемерие, так что их можно было признать за новых Евклидов[2]. О том, как они усовершенствовались в поэзии, свидетельствуют составленные ими церковные песнопения и стихи. Не оставили они и астрономии, а также хорошо изучили и богословские тайны. Кроме того, они научились добрым нравам и добродетельной жизни и стали вполне совершенными в знании, мудрости духовной и мирской. Особенно преуспевал Иоанн. Ему удивлялся сам учитель, которого он превзошел в некоторых областях премудрости. И был Иоанн великим богословом, о чем свидетельствуют богодухновенные и богомудрые книги его. Но он не гордился такой своей мудростью. Как дерево плодовитое, чем больше возрастит плодов, тем ниже преклоняется к земле ветвями, так и Иоанн, чем более преуспевал в мудрости, тем менее о себе думал и умел укрощать в себе суетные мечтания юности и помышления страстные, душу же свою, как светильник, наполненный елеем, возжигать огнем Божественного желания.

И сказал однажды учитель Косма отцу Иоанна:

— Желание твое, господин, исполнилось: отроки твои хорошо научились, так что и меня уже превосходят мудростью, таким ученикам недостаточно быть равными своему учителю. Благодаря большой памяти и непрестанным трудам они в совершенстве постигли

---

[1] *Пифагор* — знаменитый греческий философ VI века до Рождества Христова; *Диофан* — александрийский математик IV века по Рождестве Христовом.

[2] *Евклид* — математик III века до Рождества Христова.

всю глубину премудрости; Бог же умножил их дарование. Дальше их учить мне не требуется: они сами уже способны учить других. Поэтому умоляю тебя, господин, отпусти меня в монастырь, где я сам буду учеником и научусь высшей мудрости от совершенных иноков. Та мирская философия, которой я научился, посылает меня к философии духовной, которая достойнее и чище мирской, ибо она приносит пользу и спасает душу.

Услышав это, отец Иоанна опечалился, не желая лишиться такого достойного и мудрого наставника. Однако он не осмелился удерживать старца, чтобы не опечалить его, исполнил его желание и, щедро наградив, отпустил с миром. Инок же удалился в лавру преподобного Саввы[1] и, благополучно прожив там до своей смерти, отошел к совершеннейшей Премудрости — Богу. Через несколько лет умер и отец Иоанна. Князь сарацинский, призвав Иоанна, предложил ему стать первым своим советником; Иоанн отказывался, имея другое желание — в безмолвии работать Богу. Однако он принужден был повиноваться и против желания принять начальство и получил он в городе Дамаске власть большую, чем его родитель[2].

---

[1] *Преподобный Савва*, так называемый «Освященный», великий пустынник Палестинский (память его празднуется 5 декабря), ученик и сподвижник преподобных Евфимия и Феодосия Великих, впоследствии подвизался уединенно в пустыне близ Иерусалима, где в 484 году основал в двенадцати верстах от Иерусалима монастырь, известный после под именем лавры Саввы Освященного.

[2] Высшей власти при дворе святого Иоанн Дамаскин достиг при калифе Велиде (705–715 гг.), у которого он был ближайшим советником и министром. Но, приняв на себя обязанности нового звания, он никогда не забывал своего высшего служения — Иисусу Христу и всегда старался быть верным истине Христовой и полезным святой Церкви. Возвещение истины Христовой и обличение лжеучений стало для Иоанна главным делом жизни. И он, с первых же пор своей деятельности, выступил на борьбу с еретиками того времени: с пользовавшимися покровительством в Сирии несторианами, разделявшими человеческое и Божественное естество в Иисусе Христе и учившими, что от Девы Марии родился человек Иисус, с Которым, с момента зачатия Его, соединился Бог-Слово Своей благодатью и обитал в Нем, как в храме, и с монофизитами или яковитами, признавшими во Христе одно Божественное естество, которое будто бы поглотило в Нем человеческое естество. Против последних Иоанн Дамаскин написал довольно пространное, основательное сочинение в защиту чистой, православной веры. Кроме того, он боролся с родившимся из монофизитства монофелитством, признававшим в Христе одну только волю Божественную, и с остатками древних учений гностических, соединенными с лжеучениями манихейскими — с ересью так

В то время в Греции царствовал Лев Исаврянин[1], который зверски, подобно рыкающему льву, восстал на Церковь Божию. Извергая иконы из святых храмов, он предавал их пламени, а православноверующих и поклоняющихся святым иконам немилосердно терзал лютыми мучениями. Услышав об этом, Иоанн возгорелся ревностию благочестия, подражая Илии Фесвитянину и одноименному себе Предтече Христову. Взяв меч слова Божия, он начал им отсекать, как бы голову, еретическое мудрование нечестивого царя; он разослал много посланий о почитании святых икон тем правоверным, которые ему были известны. В этих посланиях, на основании Святого Писания и древнего предания Богоносных отцов, он мудро показал, как нужно воздавать должное поклонение святым иконам. Тех, кому он писал, Иоанн просил показать его послание другим единоверным братьям для утверждения их в Православии. Так стремился святой наполнить всю вселенную богодухновенными своими посланиями[2]. Распространившись по всему Греческому царству, они утверждали православных в благочестии, а еретиков поражали как бы остнами[3]. Слух об этом дошел до самого царя Льва, который, не вынося обличения своего нечестия, призвал к себе единомышлен-

---

называемых «Павликиан», признававших, кроме благого Бога, сотворившего чистого духа и открывшегося в христианстве, еще злое начало — демиурга, сотворившего видимый мир и тело человеческое и открывшегося в иудействе и язычестве. Воплощение Сына Божия, по учению «Павликиан», было только кажущимся; все обряды и внешние учреждения Церкви они отрицали. Наконец, Иоанн Дамаскин написал также апологию против магометанства, которое в то время господствовало в Сирии.

[1] *Лев Исаврянин* царствовал в Византийской империи с 716 по 741 год.

[2] Святой Иоанн Дамаскин написал сочинение в защиту святых икон и послал его в Константинополь, где, между прочим, писал: «Сознавая мое недостоинство, без сомнения я должен бы молчать и только оплакивать грехи мои перед Богом, но видя, что Церковь Божия волнуется жестокою бурею, думаю, что теперь не время молчать, боюсь Бога более, чем государя земного, между тем власть государя так велика, что легко может увлекать народ». Но оскорбительного в этом сочинении по отношению к императору Льву святой Иоанн ничего не сказал. По просьбе друзей своих, Иоанн написал еще одно за другим два послания в защиту святых икон. Послания Иоанна с жаждою читали в Константинополе и в других местах, немощные поддержаны были ими в Православии, а сильные укреплялись в силе.

[3] *Остен, остна, осн* — остроконечная трость, употреблявшаяся для побуждения ослов и волов идти скорее.

ных ему еретиков и повелел им, чтобы они, приняв ложный вид благочестия, отыскали между православными какое-нибудь послание Иоанна, писанное его собственной рукой, и попросили почитать как бы для своей пользы. После многих стараний соучастники этого злобного замысла нашли где-то у верующих одно послание, написанное собственною рукою Иоанна, и, льстиво выпросив, отдали его в руки царю. Царь же поручил искусным писцам, чтобы они, смотря на письмо Иоанна, такими же буквами написали от лица святого послания к нему — царю Льву, как будто писанное собственноручно Иоанном и присланное из Дамаска. Послание же это было таково:

— Радуйся, царь, и я радуюсь твоей державе во имя общей веры нашей и воздаю поклонение и подобающую честь царскому твоему величеству. Извещаю тебя, что город наш Дамаск, находящийся в руках сарацин, плохо охраняется и совсем не имеет крепкой стражи, войско в нем — слабое и малочисленное. Умоляю тебя, будь милостив к этому городу, ради Бога, пошли мужественное твое войско. Показав вид, что оно намеревается идти в другое место, оно может нечаянно напасть на Дамаск, и тогда ты без труда возьмешь город в свое владение, в этом много помогу и я, потому что город и вся страна — в моих руках.

Написав себе от лица Иоанна такое послание, хитрый царь повелел написать от себя сарацинскому князю так:

— Нет ничего лучше, думаю я, как иметь мир и находиться в дружбе, ибо сохранять мирные обещания — весьма похвально и Богу любезно; поэтому и мир, заключенный с тобой, я желаю сохранить честным и верным до конца. Однако некий христианин, живущий в твоем государстве, частыми своими посланиями ко мне побуждает меня нарушить мир и обещает мне отдать город Дамаск в мои руки без труда, если я неожиданно пришлю свое войско. Посылаю тебе одно из тех посланий, которые писал этот христианин, — это убедит тебя в моей дружбе, а в том, кто осмеливается так писать мне, ты увидишь измену и вражду и будешь знать, как казнить его.

Эти два письма нечестивый царь Лев послал с одним своим приближенным в Дамаск к князю сарацин. Приняв и прочтя их, князь призвал Иоанна и показал ему то лживое письмо, которое было написано к царю Льву. Иоанн, читая и рассматривая послание, сказал:

— Буквы в этой хартии несколько походят на письмо моей руки, однако не моя рука писала это, ибо мне никогда и в ум не приходило писать царю Греческому; не может быть, чтобы я своему господину служил лукаво.

Иоанн понял, что это было делом вражеской, злой, еретической хитрости. Но князь, придя в ярость, повелел отсечь неповинному Иоанну правую руку. Иоанн усердно просил князя, чтобы он подождал и дал ему некоторое время для удостоверения своей невиновности и той ненависти, какую питает к нему злой еретический царь Лев, но он не достиг просимого. Сильно разгневанный князь повелел тотчас совершить казнь. И отрубили правую руку у Иоанна — ту руку, которая укрепляла правоверных о Боге; эта рука, обличившая своими писаниями ненавидящих Господа, вместо чернил, которыми писала о почитании икон, была омочена своею собственною кровью. После казни рука Иоанна повешена была на рынке, среди города, а сам Иоанн, изнемогший от боли и потери крови, был отведен в дом свой. При наступлении вечера, узнав, что гнев князя уже прошел, блаженный послал к нему такую просьбу:

— Увеличивается болезнь моя и невыразимо меня мучает; не могу иметь отрады до тех пор, пока усеченная моя рука будет висеть на воздухе; молю тебя, господин мой, прикажи отдать мне мою руку, чтобы я мог похоронить ее в земле, ибо я полагаю, что если она будет погребена, то получу облегчение в моей болезни.

Мучитель внял этой просьбе и повелел снять руку с общественного места и отдать Иоанну. Взяв усеченную руку, Иоанн вошел в свою моленную комнату и, пав на землю пред святою иконою Пречистой Богоматери, изображенной с Богомладенцем на руках, приложил отсеченную руку к суставу и стал молиться со слезами и воздыханием, исходящим из глубины сердечной:

— Владычице Пречистая Мати, рождшая Бога Моего, вот правая моя рука отсечена ради Божественных икон. Ты знаешь, что привело Льва во гнев, поспеши же на помощь и исцели мою руку. Десница Вышнего, воплотившаяся из Тебя, ради молитв Твоих совершает многие чудеса, поэтому молю я, чтобы и мою десницу исцелил Он по Твоему ходатайству. О Богомати! Пусть рука моя напишет то, что Ты Сама позволишь в восхваление Тебя и Сына Твоего, и да поможет своими писаниями православной вере. Ты

можешь все сделать, если захочешь, потому что Ты — Матерь Божия.

Говоря это со слезами, Иоанн уснул и увидел во сне Пречистую Богоматерь, взирающую с иконы на него светлыми и милосердными очами и говорящую:

— Рука твоя теперь здорова, не скорби об остальном, но усердно трудись ею, как обещался Мне, сделай ее *тростью скорописца* (Пс. 44, 2).

Проснувшись, Иоанн ощупал свою руку и увидал ее исцеленною. Он возрадовался духом о Боге Спасителе своем и Его Пренепорочной Матери, что Всемогущий сотворил над ним такое чудо. Восстав и воздев руки к небу, он вознес благодарение Богу и Богоматери. И радовался он всю ночь со всем домом, воспевая новую песнь:

— *Десница Твоя, Господи, прославилась силою* (Исх. 15, 6); десная Твоя рука исцелила мою усеченную десницу и сокрушит врагов, не почитающих честного Твоего и Твоей Пречистой Матери образа, и уничтожит ею, для возвеличения славы Твоей, врагов, уничтожающих иконы.

Когда Иоанн таким образом радовался с домашними и воспевал благодарственные песни, услышали это соседи и, узнав о причине радости и веселия его, очень удивлялись. Вскоре узнал об этом и князь сарацинский и, тотчас призвав Иоанна, приказал показать ему усеченную руку. На суставе, от которого была отсечена рука, оставался наподобие красной нити знак, образовавшийся изволением Богоматери, для очевидного показания бывшего отсечения руки. Увидав это, князь спросил:

— Какой врач и каким лекарством так хорошо присоединил руку к суставу и так скоро исцелил и оживил ее, как будто она и не была отсеченною и мертвою?

Иоанн не скрыл чуда и во всеуслышание сказал о нем:

— Господь мой, Всемогущий Врач, услышав через Пречистую Свою Матерь мою усердную молитву, исцелил Всемогущей Своей силой рану и сделал здоровой руку, которую ты повелел отсечь.

Тогда князь воскликнул:

— Горе мне! Не рассмотрев клеветы, неправедно осудил я и невинно казнил тебя, человек добрый. Прошу тебя, прости нам, что мы так скоро и неразумно осудили тебя, прими от нас прежний сан

твой и прежнюю честь и будь нашим первым советником. С этих пор без тебя и твоего совета ничего не будет совершаться в нашем государстве.

Но Иоанн, упав в ноги князю, долго просил, чтобы он отпустил его от себя и не препятствовал ему следовать за Господом своим с теми иноками, которые отверглись себя и подъяли на себя иго Господне. Князю же не хотелось отпустить его, и он старался убедить Иоанна остаться начальником над домом его и распорядителем всего его государства. И был между ними долгий спор: один другого просил, один другого старался победить просьбой. С трудом Иоанн достиг своего: хотя и не скоро, но все же упросил он князя, и ему дана была свобода делать то, что ему угодно.

Возвратившись в свой дом, Иоанн тотчас роздал свои бесчисленные имения нуждающимся, рабов отпустил на свободу, а сам с соучеником своим Космою[1] отправился в Иерусалим. Там поклонившись святым местам, пришел он в лавру святого Саввы и стал умолять игумена, чтобы он принял его, как заблуждшую овцу, и приобщил к избранному своему стаду. Игумен и вся братия узнали святого Иоанна, потому что он был уже в славе и его знали все, благодаря его власти, почестям и великой премудрости. И радовался игумен тому, что такой человек пришел в смирение и нищету и хочет быть иноком. Приняв его с любовью, игумен призвал одного из братий, наиболее опытного и потрудившегося в подвигах, желая поручить ему Иоанна под начало, чтобы он научил его и духовному любомудрию, и иноческим подвигам[2]. Но тот отказался, не желая быть учителем такого человека, который своею ученостию превосходил многих. Игумен позвал другого инока, но и этот не пожелал; также и третий и четвертый и все прочие отказались, каждый из них сознавался, что он недостоин быть наставником такого премудрого мужа, кроме того, все стеснялись и знатности Иоанна. После всех позван был один простой нравом, но разумный старец; он не отказался быть наставником Иоанна.

---

[1] Соученик и друг Дамаскина Косма, впоследствии епископ Маиумский, один из величайших песнописцев Восточной Православной Церкви. Память его празднуется Церковью 12 октября.

[2] По уставу святого Саввы Освященного, каждый новопоступающий поручаем был для испытания, надзора и вразумления старцу, опытному в духовной жизни. Так поступили и с Иоанном, несмотря на то что его благочестивая жизнь и обширная ученость были известны по всему Востоку.

Приняв Иоанна в свою келию и желая заложить в нем основы добродетельной жизни, старец прежде всего дал ему такие правила: чтобы он ничего не делал по своей воле; чтобы труды и усердные молитвы приносил Богу, как некую жертву; чтобы он проливал слезы из очей, если желает очистить грехи прошедшей жизни, ибо это пред Богом ценнее всякого дорогого фимиама. Сии правила были основанием для тех дел, какие совершаются телесными трудами. Тому же, чтó приличествует душе, старец положил такие правила: чтобы Иоанн не имел в уме своем ничего мирского; не только не представлял в воображении каких-либо неприличных образов, но хранил бы ум свой неприкосновенным и чистым от всякого суетного пристрастия и пустой гордыни; чтобы не хвалился своей мудростью и тем, чему научился, и не думал бы, что может постигнуть все в совершенстве до конца; чтобы не домогался каких-либо откровений и познания сокровенных тайн; не надеялся бы до конца жизни на то, что разум его непоколебим и не может согрешить и впасть в заблуждение; напротив, пусть знает, что помышления его немощны и разум может погрешить, а поэтому пусть старается не допускать рассеиваться помышлениям своим и пусть заботится собрать их воедино, чтобы таким образом ум его просветился от Бога, душа освятилась и тело очистилось от всякой скверны; пусть тело и душа его соединятся с умом и будут три во образ Святой Троицы, и соделается человек ни плотским, ни душевным, но во всем духовным, когда добрым изволением две части человека — тело и душа переменятся в третью и важнейшую, то есть в ум. Такие отец духовный своему духовному сыну и учитель ученику предписал уставы, присоединив еще и следующие слова:

— Не только не пиши никому посланий, но даже и не говори о чем-либо из светских наук. Соблюдай молчание с рассуждением, ибо ты знаешь, что не только наши философы учат молчанию, но и Пифагор завещал ученикам своим долговременное молчание, и не думай, что безвременно говорить хорошее есть благо. Послушай Давида, сказавшего: *молчал даже о добром* (Пс. 38, 3). Какую же он от этого получил пользу? — послушай: *Воспламенилось сердце мое во мне* (Пс. 38, 4), то есть огнем Божественной любви, который возжегся в пророке размышлением о Боге.

Все это наставление старца упало на сердце Иоанна, как семя на добрую землю, и дав росток, укоренилось, ибо Иоанн, живя долгое

время при Богодухновенном том старце, внимательно исполнял все наставления его и слушал приказания его, повинуясь ему нелицемерно, без прекословия и всякого ропота; даже в мыслях никогда не противился он велениям старца. Вот что начертал он в сердце своем, как на скрижалях[1]: «Всякую заповедь отца, по учению апостольскому, до́лжно исполнять без гнева и сомнения» (ср.: 1 Тим. 2, 8). Да и какая будет польза находящемуся в послушании иметь в руках дела, а в устах ропот, исполнять приказание, а языком или умом прекословить, и когда такой человек будет совершенным? Никогда. Напрасно такие люди трудятся и думают, что живут добродетельно; соединяя послушание с ропотом, они носят в глубине своей змия.

Блаженный же Иоанн, как истинный послушник, во всех заповеданных ему службах являлся безропотным.

Однажды старец, желая испытать послушание и смирение Иоанна, собрал много корзин, плетение которых составляло их занятие, и сказал Иоанну:

— Я слышал, чадо, что в Дамаске корзины продаются дороже, чем в Палестине, у нас же не хватает в келии многого самого необходимого, как ты и сам видишь. Итак, возьми эти корзины, пойди скорее в Дамаск и продай их там. Но смотри, не продавай их дешевле назначенной цены.

И назначил старец цену корзинам гораздо выше, чем они стоят. Истинный послушник ни словом, ни в уме не прекословил, не сказал, что те корзины не стоят назначенной цены и что дорога очень дальняя; не помыслил даже того, что ему стыдно идти в тот город, где его все знают и где он был раньше всем известен по своей власти; ничего подобного не сказал он и не помыслил, являя себя подражателем покорному до смерти Владыке Христу.

Сказав: «Благослови, отче» и приняв благословение от своего отца духовного, Иоанн тотчас взял на плечи корзины и поспешил к Дамаску. Одетый в разорванные одежды, ходил Иоанн по городу и продавал на рынке свои корзины. Желающие купить те корзины спрашивали, почем они продаются, и, узнав высокую их цену, бранились и смеялись, оскорбляли и укоряли Иоанна. Знакомые бла-

[1] *Скрижали* — каменные доски, служившие в древности для начертания письмен; на скрижалях были начертаны на Синае десять заповедей закона Божия. В переносном смысле скрижали означают сердце человеческое.

женного не узнавали его, потому что он, некогда носивший златотканые одежды, был одет в рубище нищих, лицо его изменилось от поста, щеки высохли и красота увяла. Но один гражданин, который некогда был у Иоанна слугою, вглядевшись внимательно в лицо его, узнал святого и удивился его нищенскому виду. Сжалившись и вздохнув от сердца, подошел он к Иоанну, как к незнакомому человеку, и дал ему за все корзины цену, назначенную святым, — не потому, что он нуждался в корзинах, а из сожаления к такому человеку, который от великой славы и богатства пришел, ради Бога, в такое смирение и нищету. Взяв плату за корзины, Иоанн возвратился к пославшему его, как бы некий победитель с войны, низвергший на землю послушанием и смирением врага диавола, а с ним и гордость с суетною славою.

По прошествии некоторого времени умер один инок той лавры. Родной брат его, оставшись одиноким после умершего, неутешно плакал по нем. Иоанн много и долго утешал его, но не мог утешить безгранично огорченного и опечаленного брата. Он со слезами начал просить Иоанна, чтобы тот для утешения и ослабления его печали написал для него какую-нибудь умилительную надгробную песнь. Иоанн отказывался, боясь нарушить заповедь старца, который приказал ему ничего не делать без своего повеления. Но сетующий брат не переставал молить Иоанна, говоря:

— Почему ты не смилуешься над моей скорбной душой и не подашь мне хотя бы малого лекарства в моей великой сердечной болезни? Если бы ты был врач телесный и случилась со мною какая-нибудь телесная болезнь, и я просил бы тебя полечить меня, неужели бы, имея возможность врачевать, ты отверг бы меня, и я умер бы от той болезни? Не дал ли бы ты ответа Богу за меня, потому что мог мне помочь и отказался? Теперь же я больше страдаю от сердечной болезни и ищу от тебя самой малой помощи, ты же пренебрегаешь мною. А если я умру от печали, то не дашь ли ты за меня большого ответа Богу? Если ты боишься приказаний старца, то я так скрою у себя написанное тобой, что твой старец не узнает и не услышит об этом.

Иоанн наконец склонился на такие речи и написал следующие надгробные тропари:

— «Кая житейская сладость», «Вся суета человеческая», «Человецы, что всуе мятемся», и прочие, которые и до этого времени поются в церкви при отпевании умерших[1].

Однажды, когда старец ушел куда-то из келии, Иоанн, сидя в ней, пел составленные им тропари. Через некоторое время старец возвратился и, приближаясь к келии, услышал пение Иоанна. Тотчас он поспешно вошел в келию и стал с гневом говорить ему:

— Что так скоро забыл ты свои обещания и, вместо того чтобы плакать, радуешься и веселишься, напевая себе какие-то песни?

Иоанн рассказал причину своего пения и, объясняя, что он был вынужден слезами брата написать песни, стал просить у старца прощения, пав ниц на землю. Однако старец, неумолимый, как твердый камень, тотчас отлучил блаженного от своего сожительства и выгнал из келии. Изгнанный Иоанн вспомнил изгнание Адама из рая, случившееся за непослушание, и горько плакал перед келиею старца, как некогда Адам перед раем. После этого пошел он к другим отцам, которых признавал совершенными в добродетели, и молил их, чтобы они пошли к старцу и упросили его простить ему согрешение. Они пошли и молили старца, чтобы он простил своего ученика и принял в свою келию, но тот остался непреклонным к их просьбам. Один из отцов сказал ему:

— Наложи на согрешившего епитимию[2], но не отлучай от сожительства с тобою.

---

[1] Таковы, например, «Где есть мирское пристрастие», «Помянух пророка вопиюща: аз есмь земля и пепел», «Плачу и рыдаю», и другие, так называемые, «*самогласны*». Все они отличаются необыкновенною трогательностью, естественно и с силою при гробе сынов Адамовых изображаются в них участь сына персти и суета и тленность всего земного, и возносятся к Богу умилительные моления о упокоении усопшего. Все они вошли в последования погребения усопших и употребляются в Православной Церкви до настоящего времени.

[2] *Епитимия*, с греческого, значит: *возмездие*, *наказание*, *запрещение*. Епитимия установлена в Церкви для кающихся в глубокой древности и основывается на словах апостола Павла, который, давая коринфянам совет или правило (канон) прощать грехи кающемуся и принимать его в свое общение, говорит: *довольно таковому запрещение* (ἐπιτιμία), — и присоединяет, что если они примут его в любовь свою, то и он — также. В требнике епитимия называется «каноном (правилом) удовлетворения». Таким образом, по указанию апостола, епитимия состоит в запрещении согрешившему на время иметь общение с Церковью, почему она и есть

Старец сказал:

— Вот какую епитимию налагаю я на него, если он хочет получить прощение за свое непослушание: пусть он очистит своими руками проходы всех келий и вымоет все скверные места в лавре.

Отцы устыдились таких слов и в смущении ушли, дивясь жестокому и непреклонному нраву старца. Встретив их и по обычаю поклонившись, Иоанн спросил, что сказал им отец. Поведав о жестокости старца, они не осмелились сказать про то, что ему назначил старец для испытания, им совестно было передавать о таких повелениях старца. Но Иоанн неотступно просил их сказать, что назначил ему отец, и, узнав, возрадовался сверх их ожидания, принимая с охотою назначенное ему дело. Тотчас приготовив сосуды и орудие для чистки, начал он с усердием исполнять повеление, касаясь нечистот теми руками, которые прежде умащал разными ароматами, и оскверняя нечистотами ту десницу, которая чудесно была исцелена Пречистою Богородицею. О глубокое смирение чудного мужа и истинного послушника! Умилился старец, увидав такое смирение Иоанна, и, придя к нему, обнял его и целовал голову, плечи и руки его, говоря:

— О, какого страдальца о Христе породил я! Вот истинный сын блаженного послушания!

Иоанн же, стыдясь слов старца, пал ниц перед ним, как перед Богом, и, не превозносясь похвальными речами отца, но еще больше смиряясь, молил, чтобы он простил прегрешение его. Взяв Иоанна за руку, старец ввел его в свою келию. Иоанн так обрадовался этому, как будто ему возвратили рай, и жил он со старцем в прежнем согласии.

Спустя немного времени Владычица мира, Пречистая и Преблагословенная Дева, в ночном видении явилась старцу и сказала:

— Зачем ты заградил источник, могущий источать сладкую и изобильную воду, — воду, которая лучше истекшей из камня в пу-

---

наказание. Но в то же время она не имеет значения меры карательной, лишения прав члена Церкви; она является лишь «врачевством духовным». На языке церковных канонов епитимия означает добровольное исполнение исповедавшимся, по назначению духовника, тех или иных дел благочестия (продолжительная молитва, милостыня, усиленный пост, паломничество и тому подобное).

стыне (см.: Чис. 20, 11)[1], — воду, которую желал пить Давид (см.: 2 Цар. 23, 15), — воду, которую обещал Христос самарянке (см.: Ин. 4, 14)[2]? Не препятствуй источнику течь: изобильно потечет он, и всю вселенную протечет и напоит, покроет моря ересей и претворит их в чудную сладость. Пусть жаждущие стремятся к этой воде, и те, которые не имеют сребра чистой жизни, пусть продадут свои пристрастия и подражанием добродетели Иоанна пусть приобретут у нее чистоту в догматах и в делах. Он возьмет гусли пророков, псалтирь Давида, воспоет новые песни Господу Богу и превзойдет Моисея и песни Мариами (см.: Исх. 20)[3]. Ничто в сравнении с ним бесполезные песни Орфея[4], о которых повествуется в баснях; он воспоет духовную небесную песнь и будет подражать Херувимским песнопениям. Все церкви Иерусалимские сделает он как бы отроковицами, играющими на тимпанах, чтобы они пели Господу, возвещая смерть и воскресение Христа; он напишет догматы православной веры и обличит еретические лжеучения: *отры́гнет сердце* его *слово благо, глаголет дела Царе́ва* причу́днейшие (слав. Пс. 44, 2).

Наутро старец, позвав Иоанна, сказал ему:

— О чадо послушания Христова! Открой уста твои, чтобы привлечь дух, и то, что воспринял сердцем, скажи устами; пусть они говорят о премудрости, которой ты научился размышлением о Боге. Открой уста твои не для повествований, а для слов истины, и не для гаданий, а для догматов. Говори к сердцу Иерусалимскому, созерцающему Бога, то есть к умиротворенной церкви; говори не пустые слова, на воздух бросаемые, но те, которые Дух Святой начертал на твоем сердце. Взойди на высокий Синай Боговидения и откровения Божественных Тайн и за великое твое смирение, путем которого ты сошел до последней глубины, взойди теперь на гору церковную и проповедуй, благовествуя Иерусалиму. Крепко возноси голос твой,

---

[1] Здесь говорится о воде, чудесно изведенной Моисеем из скалы ударом жезла.

[2] Господь обещал самарянке воду живую, текущую в жизнь вечную, то есть благодать Святого Духа.

[3] Как известно, песнопения Моисея и Мариами по переходе израильтян через Чермное море вошли в состав многих песнопений Иоанна Дамаскина и, между прочим, послужили основанием первой песни канонов.

[4] *Орфей* — певец, герой греческих мифов, сила пения которого была столь велика, что он приводил в движение деревья и скалы, укрощал диких зверей.

ибо много славного мне сказала о тебе Богоматерь. Меня же, молю, прости за то, что я тебе был препятствием по своей грубости и неведению.

С того времени блаженный Иоанн начал писать Божественные книги и слагать сладкозвучные песнопения. Он составил Октоих, которым, как духовною свирелью, и до этого времени увеселяет Церковь Божию. Первую свою книгу Иоанн начал такими словами: «Твоя победительная десница боголепно в крепости прославися»[1],

[1] Первый ирмос первого гласа в Октоихе. Октоих был одним из первых песненных трудов святого Иоанна Дамаскина. По словам патриарха Иерусалимского Иоанна, святой Дамаскин, непоколебимый исповедник и страдалец за почитание святых икон, воодушевленный чудесным исцелением руки его, отсеченной врагами веры, воспел эту торжественную песнь: «Твоя победительная десница боголепно в крепости прославися», в основание которой положена была победная, благодарственная песнь Моисея при переходе израильтян через Чермное море, — после чего следовали ряды других священных песен, составивших из себя Октоих, или осмогласник (воскресные службы, разделенные на восемь гласов), появление которого произвело перемену во всем составе церковной службы. Еще при жизни святого Дамаскина Октоих его принят был по всему Востоку, а через некоторое время перешел и на Запад; впоследствии Октоих был умножен песнопениями других христианских песнотворцев, но и в настоящем виде службы на воскресные дни в главном своем составе принадлежат святому Иоанну Дамаскину. Октоих содержит в себе службу на каждый день седмицы, совершаемую по одному из осьми гласов, или напевов, чинопоследования вечерни, повечерия, утрени и литургии для будничных дней, а для воскресных, кроме того, — малой вечерни и полунощницы. Пение Октоиха начинается в будни после воскресенья (недели) Всех Святых и оканчивается перед субботою недели Мясопустной; в воскресные же дни начинается с воскресенья, следующего за неделей Всех Святых, и продолжается до пятой недели Великого поста. Не употребляется Октоих при богослужении, кроме указанных промежутков, еще в двунадесятые праздники и в предпразднства их, случающиеся в будни. Октоих придал церковной службе бо́льшую определенность и единообразие. Сообщив церковному пению и правильное единообразие и чувства, достойные христианского служения, святой Дамаскин тем самым положил своим Октоихом преграду господствовавшему до него в церковном пении неустройству. Из многоразличных мелодий он избрал для церковных песнопений преимущественно такие, которые способны выражать чувствования, приличные христианам, и не употреблял те, которые могут возбуждать чувствования, несообразные с важностью христианства. Он ограничился восемью гласами для того, чтобы молящиеся не развлекались разнообразием и частою переменою напевов и чтобы определенное число мелодий, удерживая внимание на достойных и вместе понятых для каждого напевах, возбуждало определенные и достойные качества и утверждало в общем внимании дух и содержание воспеваемых молитв.

это по причине чудесного исцеления своей десницы, возрадовавшись о котором, он так воззвал к Богородице: «От Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь»[1].

Плат, которым была обвита отсеченная его рука, Иоанн, в воспоминание дивного чуда Пречистой Богородицы, носил на своей голове. Написал он и житие некоторых святых, составил празднич-

---

Та же определенность напевов положила конец произвольным вымыслам изысканного, рассеянного, неблагоговейного искусства, а простота напевов осмогласника, выражая смиренную простоту молитвы христианской, располагает душу к такой же молитве и, исторгая ее из шума суеты, как бы возносит к престолу Божию. В то же время восемь гласов как бы указывают на восемь голосов небесной иерархии, непрестанно славословящей Бога: Божию Матерь, Ангелов, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных и праведных, и поэтому пение Октоиха может духовно и таинственно знаменовать немолчное молебное пение по подобию святых, вечно ликующих на небеси пред престолом Божиим. — Музыкальные знаки Октоиха святого Иоанна Дамаскина были крюковые.

[1] Впоследствии эта торжественная песнь в честь и прославление Пресвятой Богородицы вошла в состав литургии Василия Великого в качестве задостойника. Среди других многочисленных песнопений святого Иоанна Дамаскина вообще особенно много им было составлено песнопений в честь Богородицы, под особым благодатным покровительством и заступлением Которой он находился. Таковы, например, его каноны на Благовещение, Успение, Рождество Богородицы, «Милосердия двери отверзи нам», «Преславная Приснодево, Мати Христа Бога, принеси нашу молитву Сыну Твоему», «Все упование мое на Тя возлагаю» и другие. Вообще, как церковный песнопевец, Дамаскин более высок, чем во всех других отношениях, и положительно неподражаем, почему за свои песнопения и назван «Златоструйным», и это имя вполне принадлежит ему: все его песнопения заслуживают наименования песней образцовых; во всех них видно замечательное одушевление, свойственное высокому певцу. Из шестидесяти четырех составленных им канонов самый возвышенный, торжественный и светлорадостный — канон на святую Пасху. Святым Иоанном Дамаскиным составлена и вся Пасхальная служба, после которой в образцах человеческого творчества нельзя найти другой песни, более полной чувствованиями столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Каноны на Рождество Христово, Богоявление Господне, Вознесение Господне со стихирами приближаются к пасхальному. Воскресные службы его столько же превосходны по поэтической силе, сколько и по догматическому содержанию. Дамаскиным же написан прекрасный тропарь «Пречистому Твоему образу покланяемся, Благий». Замечательны также его антифоны и песни надгробные — образцовые и трогательные песни кающейся души. Дамаскиным же составлено было много стихир и других церковных песнопений. Вообще Иоанн Дамаскин — такой песнописец, выше которого ни прежде, ни после не было в Церкви.

ные слова и разные умилительные молитвы, изложил догматы веры и многие таинства Богословия; писал он и против еретиков, в особенности против иконоборцев; составил и другие душеполезные сочинения, которыми и до этого времени верные питаются, как духовной пищей, и из которых пьют, как из сладкого ручья[1].

К таким трудам преподобного Иоанна поощрял блаженный Косма, который рос с ним и учился у одного учителя. Он побуждал его к писанию Божественных книг и составлению церковных песней и сам помогал ему. Впоследствии Косма был поставлен Иерусалимским патриархом во епископа Маиумского. После этого тот же патриарх, призвав преподобного Иоанна, посвятил его во пресви-

---

[1] Кроме своих песнопений, святой Иоанн Дамаскин прославился своими богословскими сочинениями, которые дают ему почетное место между великими отцами Церкви. Тщательное изучение философии греческого ученого Аристотеля образовало в нем мыслителя отчетливого, точного в своих понятиях и словах. Святой Иоанн первый из отцов Церкви изложил в стройном, систематическом порядке богословское учение Православной Церкви, в чем его неотъемлемая слава. В своих сочинениях Дамаскин является догматиком и полемиком, историком и философом, оратором и поэтом церковным. Трем главнейшим своим сочинениям: диалектике, книге о ересях и изложению веры, совершенно различным по предмету, он дал одно общее название — «Источник знания». Важнейшим из них является «Изложение православной веры», составляющее стройно и последовательно изложенное систематическое учение о созерцательных истинах Откровения, служившее образцом для богословов восточных и западных. Кроме того, в таком же строгом порядке святым Иоанном написаны «Священные параллели» — сличение изречений Святого Писания об уставах веры и благочестия с изречениями отцов и учителей Церкви; предметы здесь расположены по алфавиту для того, чтобы быть ближе к общему разумению; «Руководство» — объяснение важнейших богословских выражений, неправильное понимание которых в древности было причиной ересей; несколько небольших сочинений по догматике: «О правильном размышлении» — с объяснением учения шести Вселенских соборов; «О Святой Троице», «Об образе Божием в человеке», «О природе человека» и прочее. Между сочинениями святого Иоанна против еретиков первое место занимают три слова его против порицающих иконы; ему же принадлежит апология против магометан и сочинения против несториан, монофизитов, монофелитов и манихеев. Далее до́лжно отметить краткие толкования на послания апостола Павла, обширное воспоминание о святом мученике Артемии и его проповеди, например на Преображение Господне, Рождество и Успение Богородицы, слово об усопших в вере, наставление о восьми злых помыслах и так далее. Наконец, важную услугу Дамаскин оказал чину богослужения, пересмотрев и дополнив устав Иерусалимский, составленный преподобным Саввою Освященным, и составив месяцеслов.

тера. Но Иоанн не хотел долго оставаться в мире. Уклоняясь от мирской славы, возвратился он в обитель преподобного Саввы и, уединившись в своей келии, как птица в гнезде, прилежно занимался писанием Божественных книг и делом своего спасения. Собрав все написанные им прежде книги, Иоанн опять прочитал их и тщательно исправил в них то, что считал нужным исправить, особенно в словах и речах, чтобы в них ничего не оставалось неясным. В таких трудах, полезных для себя и важных для Церкви Христовой, и в подвигах иноческих Иоанн провел много времени и достиг совершенного иночества и святости. Угодив Богу, он отошел ко Христу и Пречистой Его Матери[1], и ныне, поклоняясь Им не в иконах, но созерцая Лица Их в небесной славе, молится о нас, чтобы и мы сподобились того же Божественного созерцания, святыми его молитвами и благодатью Христа, Ему же с Препетой и Преблагословенной Его Матерью да будет честь, слава и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ИОАННА ПОЛИВОТСКОГО

Святой Иоанн с юных лет воздерживался от усладительной для вкуса пищи и уклонялся от мирских удовольствий, украшая свою жизнь более всего постом, целомудрием и милосердием; потому и удостоился он поставления во епископа Поливотского[2], пройдя, впрочем, прежде того в законном порядке все церковные степени. Когда, таким образом, ему поручено было высшее управление и попечение о людях, он усилил и свои подвиги, к прежним трудам присоединяя новые труды. В то время император Лев Исаврянин[3], недостойно занявший царский престол, начал хулить святые иконы: преподобный отец сильно обличал такое нечестие царя и

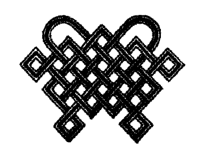
---

[1] Святой Иоанн Дамаскин скончался около 777 года, ста четырех лет от роду, и был погребен в лавре Саввы Освященного подле раки святого основателя лавры. При императоре Византийском Андронике II Палеологе (1282–1328 гг.) святые мощи его перенесены были в Константинополь.

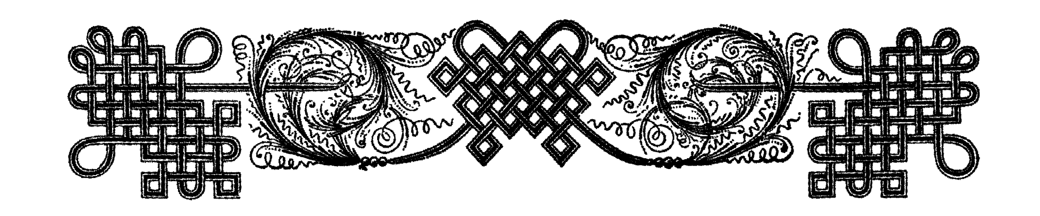
[2] В асийской Фригии, в VIII веке.

[3] Царствовал с 717 по 741 год.

своим исповеданием веры сохранил паству от еретического заблуждения — иконоборства. В его же время однажды агаряне осадили город Амморию[1], но были с помощью Божиею отражены; все христиане, попавшие в плен к неприятелю, тогда получили свободу попечениями этого святого мужа. Тело его и доселе сохраняется нетленно, в день Пятидесятницы всякий раз вынимается оно из раки и, по облачении в архиерейские одежды, сначала переносится к святому престолу и поставляется прямо, а потом возводится на горнее место и там оно пребывает, поддерживаемое двумя иереями все время, пока совершается Божественная служба. О чудесах же, совершаемых преподобным отцом, об исцелениях им бесноватых и уврачеваниях недужных невозможно, по множеству их, и передать письменно.



[1] Во Фригийской области.



День пятый

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО САВВЫ ОСВЯЩЕННОГО

Преподобный Савва родился в тридцать первый год царствования Греческого императора Феодосия Младшего[1], в стране Каппадокийской, в селе, называвшемся Муталаска, которое зависело от Кесарии[2]; оно сначала было неизвестно, но впоследствии рождением в нем Саввы прославилось больше Армафема, в котором вырос Божественный пророк Самуил (см.: 1 Цар. 1, 1 и далее). Родителями блаженного Саввы были Иоанн и София, люди благородные и благочестивые. Когда ребенку минуло пять лет, они отправились в Александрию[3], ибо Иоанн находился на службе царской и имел высокий воинский сан. По Божию провидению, Савва был оставлен вместе с родительским имением у брата его матери Ермии. Но так как жена у Ермия была злая и сварливая, то отрок много терпел и, наконец, ушел к брату своего отца Григорию, жившему в другом селе, называвшемся Сканда[4]. Вследствие этого возникла вражда между дядями

---

[1] *Феодосий II*, или *Младший*, внук Феодосия Великого, Византийский император, царствовал с 408 по 450 год. Рождение преподобного Саввы Освященного относится к 439 году.

[2] *Каппадокия* — восточная область Малой Азии. *Кесария* — главный город Каппадокии. *Муталаска* — ныне Таласи — селение в восьми верстах от Кесарии.

[3] *Александрия* — приморский город в Африке на северном берегу Египта, ведший обширную торговлю и бывший оплотом языческой учености, а затем средоточием христианского богословия.

[4] Селение *Сканда* отстояло от Муталаски на три стадии, то есть немногим более половины версты (римская стадия равнялась примерно восьмидесяти семи саженям).

Саввы. Родители его долго оставались в Александрии, а Ермий с Григорием ссорились между собою, и каждый из них хотел не столько иметь у себя отрока, сколько попользоваться имуществом его отца. Блаженный отрок, еще с юного возраста отличавшийся зрелым разумом, видя раздоры и свары своих дядей, отказался от всего имущества и, удалившись в монастырь Флавианов[1], отстоявший от Муталаски на три с половиной версты, принял на себя ангельский образ восьми лет от роду; живя там, он вскоре изучил псалтирь и прочие книги Священного Писания, преуспевал в добрых делах и во всем следовал иноческому уставу. Немного времени спустя дяди блаженного Саввы помирились между собой, пришли к нему в монастырь и начали соблазнять его, советуя уйти из-за стен святой обители и, взяв себе жену, жить в отцовском имении. Но он, желая оставаться в доме Божием, а не жить в селениях грешников[2], и любя монастырскую жизнь более мирской, не послушался своих дядей и отверг их соблазнительное предложение:

— Как от змей, — говорил он, — убегаю я от тех, которые советуют мне сойти с пути Божия, боюсь, чтобы мне не растлить беседами их злыми благие обычаи (ср.: слав. 1 Кор. 15, 33), и и не навести на себя проклятие, которым пророк проклинает уклоняющихся с прямого пути: *прокляты уклоняющиеся от заповедей Твоих* (ср.: Пс. 118, 21).

С такими словами он отослал от себя дядей своих ни с чем, а сам стал подвизаться еще с большим усердием, умерщвляя свое тело трудами и воздержанием и порабощая его духу.

Когда был побежден этот змий, который имением и женитьбою соблазнял его уйти из обители, как из райского селения, — другой искуситель стал искушать святого — бес чревообъядения. Однажды, работая в монастырском саду, Савва увидел прекрасное яблоко, вися-

[1] Ныне монастырь святого Иоанна Предтечи, в деревне Зиндзедере, на краю скалы.

[2] Псаломское выражение. См. псалом 83, ст. 11.

щее на дереве; не утерпел он, сорвал яблоко и хотел съесть его раньше положенного времени и обычного благословения. Но, вспомнив, что этим плодом змий в раю ввел в грех первого человека (см.: Быт. 3), Савва удержался, не стал есть его и осуждал сам себя, говоря:

— Красив был для взора и приятен для вкуса и тот плод, который умертвил Адама.

И, бросив яблоко на землю, он растоптал его ногами, попирая с ним вместе и помысл свой и, более того, сокрушая главу бесу чревообъядения, — и дал себе обет не есть яблок всю жизнь. С тех пор он всякое плотское вожделение побеждал воздержанием, мало ел, мало спал, постоянно пребывал в трудах, и руки его простирались только на молитву или на работу.

И вскоре святой, несмотря на свою юность, сравнялся добродетелью со всеми старцами, бывшими в том монастыре.

Случилось некогда одному из тамошней братии, который имел послушание печь хлебы, промокнуть от дождя; а так как время было зимнее, солнце не светило и ему негде было просушить одежду, то он положил ее в хлебную печь на дрова и забыл о ней. Немного времени спустя братия собрались печь хлебы и затопили печь, не зная, что пекарь положил туда посушить одежду. Когда дрова уже сильно разгорелись, пекарь вспомнил о своей одежде и очень горевал о ней. Был тут и блаженный Савва: увидев печаль брата, он не подумал о себе и, осенив себя крестным знамением, вошел в топившуюся печь. И, о чудо! как некогда отроки в печи вавилонской не сгорели (см.: Дан. 3) по своей вере, так и отрок Савва за свою любовь к брату вышел из печи невредимым с нетронутой огнем одеждой брата в руках, и его собственная одежда также осталась неопаленной.

Братия, увидав это чудо, ужаснулись и говорили друг другу:

— Каков будет этот отрок в будущем, если он от юности уже сподобился от Бога такой благодати!

В том монастыре блаженный пробыл десять лет, восходя от силы в силу и от славы в славу. Потом захотелось ему пойти в Иерусалим поклониться святым местам и посетить отцов, живших там в окрестной пустыне, воспользоваться их беседою и найти там и себе место для пустынножительства. Он обратился к архимандриту с просьбой отпустить его в святой град с молитвой и благословением. Но тот не хотел его отпустить, говоря:

— Нехорошо тебе, такому юному, странствовать, полезнее быть на одном месте.

Но Бог, все устрояющий на пользу, повелел архимандриту не удерживать Савву.

— Отпусти Савву послужить Мне в пустыне, — открыл Он архимандриту в видении.

Тогда, призвав блаженного, архимандрит дал ему благословение и отпустил его с молитвою в путь. Он же, направляемый десницею Всевышнего, пришел в Иерусалим на восемнадцатом году от роду, в конце царствования Маркиана[1] и патриаршества Ювеналия во святом граде. Он прибыл в монастырь святого Пассариона в зимнее время, был принят архимандритом Елпидием и поручен руководительству некоего старца Каппадокийского. У него Савва провел зиму, мечтая о безмолвной жизни пустынника, к чему давно стремился душою. Услышав о Евфимии Великом[2], сияющем добродетелью и чудесами в пустыне, находящейся на восток от Иерусалима, Савва захотел видеть его. Испросив у начальствующих благословение, он отправился в путь и, прибыв в лавру великого Евфимия, пробыл там несколько дней, ожидая, когда можно будет увидеть его, так как преподобный не всегда приходил в собор, а один или два раза в неделю и в известные дни. Когда наступила суббота, Савва увидел преподобного Евфимия, шедшего в церковь, и припал к нему с усердной просьбой принять его в свою лавру. Но Евфимий, видя его юность, отослал его в монастырь, находившийся еще далее от Иерусалима, под начало к блаженному Феоктисту[3], повелевая ему заботиться об этом юном монахе, — и про-

[1] *Маркиан* — Византийский император, царствовал с 450 по 457 год. *Святой Ювеналий* — патриарх Иерусалимский с 420 по 458 год. Удаление преподобного Саввы Освященного в монастырь аввы Пассариона последовало в 456 году. *Преподобный Пассарион* — основатель одной из иерусалимских обителей, епископ и наставник преподобного Евфимия Великого, подвизался в первой половине V века. Память его совершается 11 августа и в субботу Сырной седмицы.

[2] Память *преподобного Евфимия Великого*, скончавшегося в 473 году, празднуется 20 января. Им основаны две обители в пределах иерихонских: первая, которую Евфимий передал в управление друга своего и сподвижника преподобного Феоктиста, находилась в четырнадцати верстах от Иерусалима, на северо-востоке; вторая была основана преподобным Евфимием в четырех верстах от первой и состояла под его собственным управлением.

[3] Память *преподобного Феоктиста*, спостника преподобного Евфимия Великого, празднуется 3 сентября; преподобный Феоктист преставился в 467 году.

рочествовал о нем, что он в скором времени, благодатью Христовой, просияет в иноческом житии более многих других, будет славным образцом для всех палестинских отшельников и воздвигнет лавру большую, чем все лавры в той стране.

Принятый Феоктистом в монастырь, Савва весь предался Богу и исполнял все монастырские службы безропотно и послушно, со смирением и усердием. Будучи способен и весьма ревностен к совершению Божественного служения, он прежде всех входил в церковь и выходил из нее после всех. При великих душевных силах, он и телом был велик и силен, — почему, когда все монахи рубили в пустыне только по одной связке прутьев для корзин и носили в киновию, то Савва рубил и носил по три. Сверх этого, иногда носил он и воду, и дрова и, таким образом, старался всем услужить. Был он довольно долгое время смотрителем над лошаками, исправлял и другие различные должности, и все это исполнял неукоризненно и беспорочно, так что отцы киновии удивлялись столь великому усердию и услужливости юного Саввы.

Тогда диавол, желая воспрепятствовать ему, измыслил следующее. Был в том монастыре один брат, родом из Александрии, по имени Иоанн. Этот брат получил известие о смерти своих родителей. И вот диавол внушил ему неподобающую для инока мысль позаботиться об устройстве оставшегося после родителей имения, и он докучал игумену Феоктисту частыми просьбами отпустить его в Александрию и, кроме того, отпустить с ним и Савву, потому что он, как человек сильный телом, мог ему оказать большую помощь в дороге. Феоктист уступил настойчивым просьбам инока и отпустил его на родину, а с ним отпустил, согласно его просьбе, и Савву, и так они отправились. Когда они прибыли в Александрию и стали хлопотать по устройству оставшегося после умерших имения, родители блаженного Саввы, Иоанн и София, случайно бывшие там (ибо отец Саввы по своей военной должности часто бывал посылаем в Александрию по царскому повелению), узнали его. Тогда блаженному Савве представился новый подвиг и явилась борьба больше первой, когда дяди его влекли из монастыря в мир, от монашества к женитьбе: родители Саввы то слезными просьбами, то ласковыми и заманчивыми словами еще более склоняли его снять черные одежды и надеть светлые, жить по их примеру и поступить в военную службу.

Блаженный же, поняв, что он встретился с родителями и был узнан ими по вражескому наваждению, упорно сопротивлялся своему природному чувству. Он сдержал в себе естественную любовь к родителям, отверг их настойчивые мольбы и слезы и, непоколебимый в своем добром решении, отвечал родителям:

— Боюсь Сказавшего: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 37–38). Как же я могу предпочесть вас Богу, суетную вашу жизнь — кресту своему, военную службу мирскую — воинству духовному? Если и земные цари карают воинов, убежавших из полков, то тем более Царь небесный не пощадит тех, которые вписались в Его славное воинство и потом убегают из избранного полка.

В заключение блаженный Савва прибавил еще:

— Если вы будете продолжать уговаривать меня покинуть прекрасное воинствование Христово, то я не буду более называть вас своими родителями.

Тогда Иоанн и София, увидев, что сердце сына их непреклонно, перестали его уговаривать и с горькими рыданиями, скрепя сердце, отпустили его, а при расставании просили его взять с собою на дорогу, что только ему ни потребуется, и давали сорок золотых монет; он же ничего не хотел брать, однако, чтобы не оскорбить совсем своих родителей, взял только три монеты, и те, возвратившись, отдал в руки игумену Феоктисту.

К концу десятого года пребывания Саввы в монастыре преподобный Феоктист преставился; на его место преподобным Евфимием поставлен был один добродетельный инок, по имени Марин; но и он через два года умер, после чего место настоятеля занял один добродетельный инок, по имени Лонгин. Блаженному Савве в то время минуло тридцать лет от роду. Он обратился к игумену Лонгину с просьбой позволить ему для более уединенной жизни затвориться в пещере, бывшей около монастыря, к югу на одном утесе. Лонгин донес об этом желании его великому Евфимию. Евфимий, много наслышавшись о непорочной жизни Саввы, о его посте и молитвах, кротости и смирении и о других его богоугодных делах, написал Лонгину:

— Не запрещай Савве подвизаться так, как он хочет.

Сначала повелено было блаженному пребывать в пещере пять дней в неделю, а потом, по его просьбе, ему разрешили и пятилетнее в ней пребывание. Жизнь его в пещере проходила так: пять дней он постился, не вкушая ничего и не выходя из пещеры; занимался же он там плетением корзин, которых он плел по десяти в день, — а в устах и в мысли у него постоянно были молитвы к Богу. С наступлением субботы, рано утром, он выходил из пещеры в монастырь, неся с собою пятьдесят корзин; в субботу и воскресенье он участвовал в общей молитве и, подкрепив свое тело пищей, вечером в воскресенье опять уходил в пещеру, захватив финиковых ветвей, сколько нужно было их для сплетения пятидесяти корзин. В таких трудах и посте пробыл он в той пещере пять лет, после чего Великий Евфимий взял его с собою на пустыннические труды, как совершенного инока, который, несмотря на свои молодые годы, сравнялся с отцами, состарившимися в добродетелях. Евфимий называл его поэтому молодым старцем: будучи молод телом, он был сед своею духовною мудростью и стар своею непорочною жизнью. 14 января вышел вместе с ним Великий Евфимий из лавры, взяв с собою еще блаженного Дометиана[1], и отправились они в большую пустыню Руву[2] на весь Великий пост до Вербного воскресенья.

Однажды старец захотел пройти через всю пустыню, лежащую выше Мертвого моря, на юг и пришел с обоими учениками своими, Дометианом и Саввою, в безводную местность. Палил зной, и блаженный Савва устал, изнемог от жажды и упал, не будучи в состоянии идти дальше. Евфимий сжалился над ним и, отойдя от него на такое расстояние, на какое можно бросить камень, стал молиться так:

— Господи Боже, дай воду в этой безводной земле, чтобы утолить жажду изнемогающему брату.

Кончив молиться, он копнул три раза землю попавшейся ему палкой, и тотчас потекла ключевая вода. Савва вкусил воды и укрепился,

---

[1] Память *преподобного Дометиана Палестинского* совершается в субботу Сырную.

[2] *Пустыня Рува* находилась у северо-западных берегов Мертвого моря, между этим последними, нынешнею Иерусалимскою дорогою и лаврою преподобного Саввы Освященного.

и с тех пор получил Божественную силу терпеть жажду в пустыне. Когда наступило Вербное воскресенье, они вернулись в лавру.

Спустя немного времени преподобный и богоносный Евфимий преставился; это было при патриархе Иерусалимском Анастасии[1]. По преставлении Евфимия и по смерти некоторых других старейших отцов лавры Савва, видя, что уставы монастырские изменяются, ушел в восточную пустыню около Иордана, которую в то время, как светлая звезда, просвещал своей жизнью преподобный Герасим[2]. Блаженному Савве был тридцать пятый год от роду, когда он поселился в пустыне один, упражняясь в посте и непрестанных молитвах и соделывая ум свой чистым зеркалом Божественных предметов. Тогда диавол начал строить против него козни. Однажды в полночь, когда святой после трудов спал на земле, диавол обратился в множество змей и скорпионов и, приблизившись к Савве, хотел устрашить его. Он же тотчас встал на молитву, произнося слова псалма Давидова: *Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем... на аспида и василиска наступишь* (Пс. 90, 5, 13). При этих словах бес со своими устрашениями тотчас исчез. Через несколько дней диавол обратился в страшного льва и кинулся на святого, как бы желая его съесть; бросаясь, он пятился назад, опять бросался и опять пятился назад. Видя, что зверь то бросается, то отступает, преподобный сказал ему:

— Если у тебя есть от Бога власть съесть меня, то чего же ты пятишься назад? Если же — нет, то зачем ты трудишься понапрасну? Ибо силою Христа моего я осилю тебя, лев!

И тотчас бес, явившийся в зверином виде, отбежал с позором. С этих пор Бог покорил Савве всех зверей и змей, и стал он ходить между ними, как между кроткими овцами.

Ходя по пустыне, Савва встретил однажды четырех сарацинов[3], очень голодных и усталых; он велел им сесть и высыпал им из своей одежды коренья, называемые мелагрией, которыми сам питался, и тростниковую сердцевину[4]. Они поели и подкрепились и, заметив

---

[1] В 473 году. *Анастасий I* — патриарх Иерусалимский с 458 по 478 год.

[2] Память преподобного Герасима, иже на Иордане, совершается 4 марта. Скончался он в 475 году.

[3] *Сарацины* — иначе арабы, обитавшие в Аравийском полуострове и в Сирии, частью и в Палестине.

[4] *Мелагрия* — малоизвестное пустынное растение Палестины горьковатого вкуса. — Под *тростником* здесь следует разуметь так называемый тростник бла-

место, где находился Савва, ушли; а через несколько дней они пришли к нему с хлебом, сыром и финиками в благодарность за его доброту, что в день голода он накормил их. Савва умилился и со слезами произнес в душе своей:

— О горе, душа моя! Эти люди за малое благодеяние, один раз им оказанное, так благодарны! Что же делаем мы, получаем ежечасно неизреченные дары Божии и бываем неблагодарны, живем в лености и нерадении, не исполняя Его святых повелений!

После того пришел к Савве один добродетельный монах, по имени Анф[1], который раньше долго жил с преподобным Феодосием[2]; он полюбил блаженного Савву, привязался к нему и стал жить с ним. Однажды напали на них агаряне[3] и послали вперед одного из своей среды убить их; но, по молитве преподобных отцов, вдруг разверзлась земля и поглотила агарянина, а остальные агаряне, увидев это чудо, испугались и бежали.

Через сожителя своего Анфа блаженный Савва познакомился потом с преподобным Феодосием, и они возымели большую любовь друг к другу. В конце четвертого года пребывания в пустыне святой Савва, во время своих странствий по пустыне, взошел однажды на один высокий холм[4], где блаженная царица Евдокия, супруга царя Феодосия Младшего, приняла некогда с радостью душеполезное поучение от Великого Евфимия[5]. Там Савва провел ночь в обычных молитвах. И было ему видение. Он увидел светлого Ангела Божия,

---

говонный — растение, отличающееся ароматическим и приятным, но горьким на вкус корнем. Оно употреблялось обыкновенно для составления благовоний фимиама, для богослужений, а также целебных ароматических масел и мазей; но пустынники свежие побеги и мягкую сердцевину этого растения употребляли и в пищу.

[1] Память его — 12 декабря.

[2] *Преподобный Феодосий Великий*, киновиарх Палестинский, начальник и устроитель иноческого общежития на Востоке; скончался в 529 году.

[3] *Агаряне*, иначе *сарацины*, — аравийские бедуины. Агарянами они назывались от того, что, по еврейскому преданию, были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой. Наименование это, означавшее первоначально это кочующее племя, впоследствии распространено было христианскими писателями на всех арабов, а затем стало означать вообще мусульман.

[4] Холм этот — нынешний Мунтар.

[5] Императрица Евдокия, жена Феодосия Младшего, скончалась в 460 году в Иерусалиме.

показывавшего ему долину, по которой когда-то протекал поток на юг от Силоама[1], и сказавшего:

— Если ты хочешь пустыню эту населить подобно городу, то обратись к восточной стороне этого потока, и ты увидишь пред собою пещеру, которая никем не была занята; взойди и поселись в ней. Кто дает *скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему* (Пс. 146, 9), Тот и о тебе будет промышлять.

Когда видение исчезло и наступил день, Савва сошел с того холма, при помощи Божией, нашел пещеру, которую показал ему в видении Ангел, и поселился в ней. Тогда ему было сорок лет от роду. В этом году скончался патриарх Иерусалимский Анастасий, оставив после себя на святительской кафедре Мартирия[2]; в том же году царь Зенон, убив мучителя Василиска, возвратил себе царскую власть[3].

Пещера, в которой поселился преподобный Савва, имела очень неудобный вход; поэтому он повесил веревку, по которой и спускался из пещеры, чтобы ходить за водою к озеру, называемому Ептастом и отстоявшему от пещеры на пятнадцать стадий[4]. Живя в этой пещере, преподобный питался сначала травами, растущими около нее. Бог же, повелевший Савве там поселиться, послал ему и пищу через людей, варваров[5], как некогда через воронов — Илии пророку в Хорафе (см.: 3 Цар. 17, 5–6). Немного времени спустя проходили мимо четыре сарацина, нашли пещеру преподобного Саввы и хотели влезть в нее, но не могли: так неудобен был вход в нее. Увидев их сверху, блаженный подал им веревку, чтобы они по ней вошли к нему. Войдя в пещеру, сарацины ничего не нашли у Саввы; они удивились его жизни и благочестию и, склонившись к милости, решили

---

[1] *Силоам* — источник, или водоем Силоамский, и устроенная при нем купальня Силоамская находились на юго-восточной стороне Иерусалима при подошве гор Сион и Мориа.

[2] Это было в 478 году. *Мартирий* — патриарх Иерусалимский с 478 по 486 год.

[3] *Зенон* — византийский император с 474 по 491 год. В 475 году Василиск отнял у него императорскую власть и царствовал до конца 477 года, когда был заключен Зеноном в крепость, где и умер голодною смертью со всем своим семейством.

[4] *Ептаст*, в переводе с греческого значит «Семиустное». пятнадцать стадий — около четырех верст.

[5] То есть диких иноплеменников, каковыми в настоящем случае были кочующие сарацины.

приносить ему пищу. Так они часто приходили к нему и приносили хлеб, сыр, финики и другую пищу. И пробыл преподобный один в пещере пять лет, беседуя с одним только Богом и побеждая невидимых врагов своими неустанными молитвами. Потом Бог благоволил вверить ему души многих и сделал его наставником и пастырем словесных овец. А именно, по прошествии пяти лет безмолвного пребывания его в пещере, стали приходить к нему многие из разных мест, желая жить при нем; он же принимал всех охотно и указывал каждому удобное место для жительства. Они построили себе келии и жили богоугодно, смотря, как на образец, на добродетельную жизнь преподобного Саввы. В короткое время собралось к нему до семидесяти братий; из них выдавались следующие: Иоанн, бывший потом игуменом новой лавры[1], Иаков, построивший потом лавру на Иордане, так называемую Пиргион[2], Фирмин и Севириан, из которых один устроил лавру в Махмасе[3], а другой — монастырь в Варихе, Иулиан, строитель лавры на Иордане, называвшейся Несклерава[4], и многие другие святые мужи, имена которых написаны в книгах жизни вечной; над всеми ими настоятельствовал преподобный Савва. Каждому приходящему к нему он давал приличествующее место, на котором находилась небольшая пещера и келия. Благодатью Божиею, число подвижников, ревнующих о равноангельском житии, возросло до семидесяти человек и всех их начальником, путеводителем и пастырем был Савва. Он вознамерился построить башню на горе, которая была бы оплотом их обители, собрал своих учеников и начал строить ее, и она послужила основанием его великой лавры.

Когда, таким образом, число братии стало умножаться и начала устраиваться лавра[5] на холме, на северной стороне потока, преподоб-

---

[1] Здесь разумеется преподобный Иоанн Молчальник, епископ Колонийский, память которого празднуется 3 ноября.

[2] Такое наименование монастырь получил от своих укрепленных башен, от греческого слова πύργος — башня, крепость. *Пиргион* значит — монастырь с башнями.

[3] Нынешний *Михмас*.

[4] Монастырь в Варихе, или Карпарвариха, — ныне Бени-Наим, к югу от Хеврона. Все эти иноческие обители были расположены в пустыне по течению реки Иордан, неподалеку от него.

[5] Нынешняя лавра преподобного Саввы Освященного. — Что касается наименования обители его лаврою, то значение его представляется в следующем

ный построил небольшую церковь в долине, посреди высохшего потока, и когда к нему приходил кто-нибудь из посвященных в сан пресвитера, он просил того отслужить святую литургию, сам же, по смирению своему, не хотел принять посвящение и никого из братии не возводил в степень священства. Так как источник был далеко от того места, то воды не хватало. И вот, в одну ночь святой молился, говоря:

— Господи Боже сил! Если есть на то воля Твоя, чтобы населилось место это во славу пресвятого Твоего имени, призри на нас, рабов Твоих, и даруй нам воду для утоление жажды нашей!

Во время этой молитвы послышался святому какой-то голос от потока; он посмотрел туда и, при свете полной луны, увидел дикого осла, который копал ногой землю и, прикладывая губы к яме, пил воду. Преподобный тотчас сошел вниз и начал сам копать на том месте, где видел осла; покопав немного, Савва нашел ключевую воду, и образовался там обильный источник, достаточный для всей лавры и никогда не уменьшавшийся[1].

Еще в другую ночь, когда Савва ходил около потока и пел Давидовы псалмы, явился на краю пропасти, бывшей на запад от потока, огненный столп, утвержденный в земле, вершиною же своею касающийся неба; и стоял святой на молитве до утренней зари. На рассвете пошел он на то место, где видел столп, и нашел большую чудную пещеру, вроде церкви, устроенную Божиею, а не человеческою рукою; вход в нее был с юга, и от солнечных лучей в ней достаточно было света. Украсив ту пещеру, Савва устроил там церковь и велел братии каждую субботу и воскресенье собираться в нее для богослужения: он сам переселился туда, устроил себе келию близ этой неру-

---

виде. Лавра — с греческого — часть города, переулок — собственно ряд келий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе, обнесенный оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келии, собираясь вместе для Богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и затем в Падеотипе. В настоящее время имя лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

[1] Списатель жития преподобного Саввы монах Кирилл, описывавший жизнь Саввы со слов его учеников, прибавляет к этому: «Посему даже и доныне находится вода посреди лавры: она доставляет великое утешение отцам, и ни зимою не умножается, ни летом не умаляется, хотя почти все ее черпают».

котворной церкви, на высоком утесе, и сделал тайный ход в церковь; входя через него в церковь, он пребывал в молитве день и ночь.

Число братии ежедневно увеличивалось — их собралось около полутораста, — келии уже строились по обеим сторонам потока. В то же время отцы завели и рабочий скот, как для строения лавры, так и для других потребностей. Ибо Савва заботился, чтобы все необходимые вещи были в лавре и чтобы по этой причине братия не принуждены были выходить из лавры в мир и соприкасаться с мирским мятежом и суетой. Иноки же, добре пасомые преподобным, приносили плоды, достойные своего звания, и тело свое соделывали духовным прежде того нетления, которое получить надеемся в будущей жизни. Но освящение упомянутой пещеры, то есть той созданной Богом церкви, Савва отлагал, не желая принять рукоположение в сан пресвитера и считая, по своему смирению, желание быть причисленным к клиру началом и корнем честолюбивых мыслей. На возвышавшейся над церковию высокой и утесистой скале преподобный Савва построил себе башню и внутри пещеры, как в раковине, найдя скрытный путь, ведущий к башне, удалялся в нее для совершения правила и подвигов постнических. Увеличивалась и слава преподобного Саввы, и много золота приносили ему боголюбивые люди, а он употреблял золото на построение лавры. Также и святейший патриарх Иерусалимский Мартирий весьма любил Савву и почитал и посылал ему необходимое.

Блаженный Мартирий скончался на восьмом году своего патриаршества, а после него престол принял Саллюстий[1]; преподобному Савве шел тогда сорок восьмой год жизни. В это время явились в лавре некоторые иноки развращенные, плотоугодники, *не имеющие духа* (Иуд. 1, 19), — как сказано в Писании, которые издавна несправедливо обвиняли святого и всячески его огорчали. Так часто среди пшеницы вырастают плевелы и терн в винограде, так и из числа апостолов один оказался предателем[2], и у Елисея был неверный ученик Гиезий (см.: 4 Цар. 5, 20–27)[3]. Эти развращенные братия, лучше

[1] *Саллюстий* — патриарх Иерусалимский с 486 по 494 год.

[2] То есть Иуда Искариотский.

[3] Получив обманом два таланта серебра и две перемены одежды за исцеление Неемана пророком Елисеем от проказы, Гиезий сам был наказан за корыстолюбие проказою и удален от пророка.

сказать — лжебратия, замыслили зло на святого и пошли во святой град к патриарху с просьбой поставить им игумена. На вопрос, откуда они, они отвечали:

— Мы живем при одном пустынном потоке.

Таким ответом они хотели скрыть имя блаженного Саввы, так как знали, что имя его славно и все с любовию помнят о нем.

Много раз спрашивал их патриарх и добивался ответа, откуда они. Они против воли сказали, что они от потока, который зовется по имени некоего инока Саввы. Патриарх спросил:

— Где же Савва?

Они же, не отвечая на вопрос, начали клеветать на блаженного, говоря, что это — простой, неискусный человек, что он не может руководить такою многочисленною братиею, не может, по своей грубости и невежеству, управлять такою лаврой. Они прибавили к своей клевете и то еще, что Савва ни сам не хочет принять посвящение и никому из братий не позволяет. При этой клевете их перед патриархом случилось быть одному честному и достопамятному мужу, по имени Кирику, пресвитеру преславной церкви Воскресения Христова и хранителю животворящего Креста Господня. Услышав клевету, он спросил:

— Вы приняли Савву на то место или Савва вас принял?

Они отвечали:

— Савва принял нас, но он груб и не может управлять нами, когда мы умножились.

Тогда Кирик сказал им:

— Если Савва смог собрать вас в том пустынном месте, то тем более он может, с помощью Божиею, и пасти вас.

Они ничего не могли ответить на это и замолчали. А патриарх, отложив испытание до утра, тотчас послал за святым Саввою, с честью приглашая его, как будто по какому-то другому делу. Прибыл блаженный, а патриарх ничего не сказал ему о клеветниках, и клеветникам не сказал ничего и не обличал их, но тотчас посвятил преподобного Савву, хотя и против его воли, в пресвитера[1]. Посвятив его, он сказал клеветникам:

---

[1] Отсюда он и получил наименование «Освященного», то есть, по нынешнему словоупотреблению, *иеромонаха:* ибо в те времена монахи и игумены вообще в редких случаях принимали священство.

— Вот вам отец ваш и игумен вашей лавры, избранный свыше Богом, а не людьми. Я только утвердил Божественное избрание.

Сказав это, патриарх взял с собою святого Савву и иноков тех и отправился в лавру, освятил созданную Богом церковь, благословил всю лавру и, наказав всей братии повиноваться своему игумену блаженному Савве, возвратился назад.

Когда блаженному Савве шел пятьдесят третий год от роду, воцарился, по смерти Зенона, Анастасий[1]. В тот же год пришел в лавру один богоугодный муж, родом армянин, по имени Иеремия, с двумя учениками Петром и Павлом. Преподобный Савва весьма обрадовался им, дал им ту пещеру, в которой сначала жил сам, когда один был на потоке и позволил им в малой церкви совершать молитвенное правило по-армянски по субботам и воскресеньям; так мало-помалу умножились армяне в лавре. В то же время пришел в лавру и преподобный отец наш Иоанн, прозванный Молчальником; он был епископом в городе Колонах, но, ради Бога, оставил свою епископию и, скрыв свой сан, трудился в лавре, как простой инок.

Преподобный Савва подражал святому Евфимию Великому, который каждый год обыкновенно уходил в пустыню 14 января и проводил там весь Великий пост. В подражание ему, так же поступал и преподобный Савва в том же месяце январе, но не в тот же день, потому что ожидал двадцатого числа, чтобы совершить в лавре память Великого Евфимия; по совершении ее, он уходил в пустыню и, удалившись от людей и приближаясь к Богу Богомыслием и молитвами, оставался там до Вербной субботы.

Однажды, по обычаю, вышел он из лавры и, ходя около Мертвого моря, увидал маленький пустынный остров[2]; он пожелал на нем провести дни поста и пошел к нему; но зависть бесовская помешала ему, и он упал в какую-то встретившуюся на пути яму, из которой, как бы из темной печи, выходил дым и огонь. Савва опалил себе лицо и бороду, повредил и другие части тела, и сильно захворал. Когда он возвратился в лавру, братия узнали его только по голосу: так было опалено его лицо. И лежал он многие дни без голоса, до-

---

[1] *Анастасий I Дикор*, или *Фракиец*, — Византийский император, царствовал с 491 по 518 год.

[2] Это — единственный остров на Мертвом море, недалеко к западу от устья Иордана.

коле Божественная сила не сошла на него свыше и не исцелила его и не даровала ему власть на нечистых духов. Борода же его не выросла уже потом такою, как была прежде, стала небольшою и редкою, а он благодарил Бога за уменьшение бороды, чтобы не тщеславиться ему красотою ее.

На другой год опять по обычаю ушел он в пустыню, вместе с учеником своим Агапитом. Через несколько дней Агапит лег на песок от утомления и голода и уснул, а блаженный Савва в некотором отдалении стоял от него и молился; вдруг явился огромный лев, остановился над спящим Агапитом и начал его обнюхивать с ног до головы. Увидев льва над учеником, блаженный Савва испугался, как бы он не съел спящего, и тотчас прилежно помолился о своем ученике, чтобы Бог сохранил его от зверя. Бог услышал Своего раба, заградил пасть льву, и лев, не причинив никакого вреда Агапиту, как бы ударяемый кнутом, побежал в пустыню. Убегая, он ударил хвостом по лицу спящего; тот проснулся, затрепетал при виде льва и побежал к святому отцу, а Савва стал поучать его не предаваться долгому сну, чтобы не сделаться когда-нибудь пищей зверям, особенно невидимым.

В один из следующих годов блаженный таким же образом по обычаю с тем же учеником ходил по пустыне к северу от Иордана и нашел в одной горе пещеру, а в ней прозорливого отшельника. Когда он сотворил молитву и приступил к беседе, отшельник с удивлением спросил:

— Что заставило тебя, чудный Савва, прийти к нам? Или кто тебе показал место это? Вот, тридцать восемь лет я здесь, по милости Божией, и не видал ни одного человека: как ты пришел сюда?

Блаженный же Савва отвечал:

— Бог, открывший тебе мое имя, показал мне и место это.

После душеполезной беседы они облобызались, и Савва с своим учеником ушел в пустыню. Приближалось время возвращения в лавру, и сказал Савва ученику:

— Пойдем, брат, простимся с рабом Божиим в пещере.

Придя, они нашли его коленопреклоненным, лицом к востоку; они подумали, что он молится, и долго ждали. День стал склоняться к вечеру, и Савва, видя, что старец все не встает с молитвы, сказал: «Благослови нас, отче».

Но ответа не было.

Савва подошел поближе к нему и увидел, что он скончался. Тогда Савва обратился к ученику со словами:

— Приди, чадо, предадим погребению тело святого: для этого нас сюда Бог и послал.

Совершив над почившим обычное надгробное пение, они погребли его в той же пещере, загородили вход камнем и возвратились в лавру.

В тот год, когда была освящена созданная Богом церковь, умер в Александрии родитель блаженного Иоанн, пользовавшийся большою властью в Исаврийском округе[1], а блаженная мать его София, уже весьма состарившаяся, распродав все свое имущество, пришла в Иерусалим к сыну своему Савве со множеством денег. Он принял ее и убедил постричься в монахини; немного пожив в иноческом образе, она преставилась ко Господу. Принесенные же ею деньги Савва истратил на монастырские нужды и на постройку странноприимных домов; один он построил при Иерихоне[2], а другой — в лавре с тем, чтобы в первом помещались путники из мирян, а в другом — иноки. Во время постройки странноприимного дома в лавре преподобный Савва послал одного брата с монастырским скотом в Иерихон, чтобы оттуда привезти лесу на постройку. На обратном пути было очень знойно, и иноку сильно захотелось пить, а так как воды нигде не было, ибо местность та была пустынная и безводная, то он упал на землю в изнеможении от жары. Тогда он вспомнил святого старца и произнес:

— Господи Боже аввы моего Саввы, не оставь меня!

И тотчас явилось над ним облако, испустило росу и прохладило его и скот, везший бревна; и шло это облако над ним до самой лавры, осеняя его и прохлаждая от зноя. Это произошло по молитвам святого отца его Саввы, имя которого он призвал в своей беде.

Однажды во время поста преподобный Савва захотел взойти на гору Кастеллийскую, отстоящую к северу от лавры на двадцать стадий[3]; гора была недоступна для людей и страшна своим опасным и неудобным входом и ужасами, случавшимися на ней: много бесов гнездилось на той горе и пугало проходивших различными явлени-

---

[1] *Исаврия* — небольшая гористая область на юге Малой Азии.

[2] *Иерихон* — город на западном берегу Иордана, недалеко от Иерусалима.

[3] *Кастеллий* — нынешний Хирбет Мирд, в расстоянии около трех с половиной верст от лавры Саввы Освященного.

ями. Преподобный же, избрав, по слову псалмопевца, Вышнего прибежищем себе (см.: Пс. 90, 9), взошел на ту гору, окропил ее со всех сторон елеем, взятым из лампады от святого креста, и, оградив себя крестным знамением, как необоримою стеною, жил там все время Великого поста. Но сначала каждый день ему приходилось бороться с бесами; они нападали на него то в виде зверей, то, обратившись в гадов, то в птиц, испускали крик, вопль и шум, так что преподобный, как человек, устрашился и думал было сойти с горы. Но Кто некогда укрепил Антония Великого в такой же борьбе с бесами[1], Тот, явившись и этому святому, повелел быть смелым, надеясь на силу крестную. И жил блаженный без страха, молитвою и крестным знамением прогоняя далеко от себя все ужасы, наводимые бесами. В конце Великого поста, когда святой ночью стоял на молитве об очищении этого места от гнездившихся в нем нечистых духов, бесы вдруг начали против него последнюю и самую страшную борьбу: многое множество их явилось, — как обыкновенно являются они, в образах зверей, гадов, птиц, — и напало на святого с громким криком; казалось, вся гора тряслась. Но святой нимало не испугался, а продолжал молиться Богу. Тогда бесы закричали:

— О горе! Что мы терпим от тебя, Савва! Мало тебе было заселить долину при потоке, мало тебе было пещеры и скалы: ты и пустыню, через которую проходил, сделал обитаемой! Ты и сюда пришел в наше жилище, чтобы изгнать нас отсюда! Вот, мы уже уходим отсюда, не можем противиться тебе, потому что тебе помогает Бог!

И тотчас, с рыданием и воплем, громким говором и страшным шумом, они, в виде воронов, улетели с горы в ту ночь. Недалеко от той горы ночевали пастухи с своими стадами; они видели, как бесы летели прочь от горы, слышали их вопль и пришли к преподобному Савве сказать об этом. Он же, возблагодарив Бога за изгнание бесов, по прошествии дней поста возвратился в лавру справлять вместе с братией наступающий праздник Воскресения Христова. По прошествии дней праздника, взяв нескольких из братий, он пришел опять в Кастеллий и стал очищать место и строить келии; во время работы они нашли под холмом большой дом со сводом, прекрасно выложен-

[1] То есть Господь Иисус Христос, Который, среди жесточайших искушений, явился преподобному Антонию Великому в виде светлого облака и укреплял его, ободряя Божественным гласом, что Он всегда с ним.

ный хорошим камнем и удобный для житья; они очистили и украсили этот дом, сделали его церковью и освятили. Так устроил здесь преподобный киновию. Во время устройства этой киновии однажды вышла вся пища. И вот Ангел Господень явился в видении настоятелю киновии близ святого Вифлеема[1], по имени Маркиану, и сказал:

— Вот ты, Маркиан, сидишь покойно, у тебя есть все, что нужно, а раб Божий Савва трудится в Кастеллии с братиею из любви к Богу, и нет у него необходимой пищи и питья, и некому принести ему то, что нужно. Итак, без отлагательства пошли им пищи, чтобы они не изнемогли от голода.

Маркиан тотчас навьючил скот различной пищей и послал ее в Кастеллий к преподобному Савве; преподобный же, приняв присланное, возблагодарил Бога, промышляющего о рабах Своих.

Устроив киновию, Савва собрал туда достаточное число братии и поручил ее одному пустыннику Павлу, жившему долгое время с учеником его Феодором. Но Павел через некоторое время преставился, все же управление принял на себя Феодор. Он привел в монастырь своего брата Сергия и другого Павла, своего дядю, которые после начальствовали в Кастеллии, а потом были епископами в Аиле и Амафунте[2].

Основав в Кастеллии киновию, преподобный Савва употреблял всевозможное старание населить ее мужами добродетельными, в подвигах и искушенными иноками; мирским же людям, желавшим постричься, а также безбородым юношам он не позволял жить ни в Кастеллийской киновии, ни в лавре; для них он построил еще маленькую киновию на северной стороне и дал им опытных наставников, чтоб поучать начинающих правилам монастырской жизни. Начинающие прежде всего должны были выучивать Псалтирь и весь чин молитвенного пения, а также узнать весь иноческий устав, затем приучаться к подвигам и трудам, соблюдать свой ум от мирских суетных воспоминаний и противиться злым помыслам, обуздывать свою волю и быть послушными, кроткими, смиренными, молчаливыми, бодрыми и осторожными, охранять себя от соблазнов вражеских. Кто

---

[1] *Вифлеем* — небольшой городок в колене Иудином, в двух часах пути к югу от Иерусалима, — место Рождества Христова.

[2] *Амафунт* — город на острове Кипре, ныне Палео-Лимиссо. *Аила* — крайний южный город Палестины, находившийся в глубине залива Красного моря, ныне — развалины близ Акабы.

успешно усваивал себе эти начала иноческой жизни, того преподобный переводил в большую киновию или в лавру, а некоторых из начинающих, особенно помоложе, он отсылал к преподобному отцу Феодосию, который тогда уже оставил Кафисматную церковь и устроил монастырь в тридцати пяти стадиях на запад от лавры[1]. Оба они, Савва и Феодосий, были во всем единодушны и согласны друг с другом; поэтому иерусалимляне называли их новой апостольскою двоицею, подобною двоице Петра и Павла. Им было вверено начальство над всеми монашествующими. Это произошло следующим образом. По смерти блаженного архимандрита Маркиана собрались все иноки из лавр и монастырей, из гор и пустынь в епископский дом к патриарху Саллюстию, который был тогда болен, и, по общему согласию, представили ему Феодосия и Савву, чтобы он поставил их архимандритами и начальниками всех монастырей, находящихся около святого града, потому что эти святые мужи были пустынники, не имели никакого имущества, украшены были и жизнью и словом и исполнены Божественных даров. С того времени преподобный Феодосий начальствовал над общежительными монастырями, а преподобный Савва — над отцами-отшельниками.

Когда, по преставлении патриарха Саллюстия, вместо него на престол был возведен Илия[2], в то время блаженный Савва торговал одну землю, прилегавшую к его лавре; он хотел на ней построить келии для приходящих издалека иноков. Владелец же просил много золота, а у старца в то время было только ползлатицы[3]; однако, возложив надежду на Бога, в Которого с любовью глубоко верил, Савва сказал продававшему:

— Возьми, брат, теперь это в задаток до утра, а если утром я не отдам всей суммы, то пусть я лишусь задатка.

---

[1] *Кафисматная* церковь, в переводе с греческого значит «Седалищная»; была устроена одной благочестивой вдовой в честь Пресвятой Богородицы на месте, называемом «Ветхое седалище», в окрестностях Иерусалима. Место это получило свое наименование от «Седалища», или возвышения, устроенного на нем Константином Великим, где долгое время потом совершался обряд Воздвижения Креста Господня. В это время преподобный Феодосий Великий оставил эту церковь и устроил общежительный монастырь, в котором подвизалось около семисот человек братий. Монастырь находился от лавры преподобного Саввы в расстоянии шести слишком верст.

[2] *Илия II* — патриарх Иерусалимский с 494 по 517 год.

[3] *Златица* — золотой, червонец.

Ночью, уже под утро, стоял святой на молитве; вдруг вошел какой-то незнакомец и, дав ему в руки сто семьдесят золотых монет, тотчас ушел, не сказав, кто он и откуда. Удивившись промыслу Божию и возблагодарив Бога, преподобный отдал деньги продавцу и построил вторую гостиницу для помещения братии, приходящей из дальних стран. Также и для Кастеллийской киновии он купил два страннноприимных дома, один — во святом граде, близ башни Давида[1], а другой — в Иерихоне.

В то время пришли в лавру два родные брата, родом из Исаврии, по имени Феодул и Геласий, как бы вторые Веселеил и Елиав, искусные строители скинии (см.: Исх. 31, 2–6), которых Бог послал к преподобному Савве; при помощи их, он окончательно отстроил лавру. Он пристроил еще келий, построил больницу и пекарню, купель при потоке и большую церковь во имя Пречистой Богородицы; ибо та нерукотворенная церковь, которую Бог указал преподобному огненным столпом, стала уже тесна и во время службы не могла вмещать всей братии, которой собралось уже очень много; поэтому близ нее Савва построил другую церковь, больше и просторнее, во имя Пречистой Богоматери; ее освятил патриарх Илия. В эту церковь Пресвятой Богородицы Савва велел собираться на славословие Божие, а в Богоявленскую церковь перевел армян и учредил там всенощное пение в воскресенья и в большие праздники.

Некоторые из братий-армян следовали тогда суетному еретическому учению Петра, по прозванию Фуллона[2]: к ангельскому трисвятому пению они прибавляли слова:

---

[1] *Башня Давидова* лежит на северном углу Сиона, где последний горной цепью соединяется с северными холмами, близ Яффских ворот, где ныне цитадель ель-Калаа, состоящая из нескольких башен различной величины и неправильного вида.

[2] Во время распространения монофизитской ереси (во второй половине V века), утверждавшей, что в Иисусе Христе пребывало тайно одно естество Божеское, поглотившее природу человеческую, некто *Петр Фуллон*, он же Кнафей, что значит *валяльщик сукна*, так как в молодости он занимался этим ремеслом (Фуллон — латинское название валяльщика, а Кнафей — греческое), еще будучи пресвитером (впоследствии он был лжепатриархом Антиохийским), прибавлял к Трисвятому («Святый Божий, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас») — «распныйся за ны». Так как он был монофелит (то есть признавал во

— Распныйся за ны, помилуй нас.

Чтобы уничтожить это заблуждение среди братии, блаженный Савва велел армянам петь Трисвятое не по-армянски, а по-гречески. Так они и пели всю службу по-армянски, а Трисвятое по-гречески, и, таким образом, те ошибочные слова Фуллона к Трисвятому армянами уже не прибавлялись.

Так хорошо управлял всем Савва. Но опять те клеветники, о которых было говорено выше, по наущению бесовскому, позавидовали его доброму управлению и с ненавистью восстали на него. Они привлекли на свою сторону до сорока братий, неопытных в монастырской жизни, развращенных нравом и неблагоразумных, и причиняли святому много неприятностей. Тогда Савва, браннолюбивый с бесами, но кроткий в отношении к людям, уступая их несправедливому гневу, оставил лавру, ушел в страну Скифопольскую[1] и остановился в пустыне при реке, называемой Гадаринской[2]. Найдя львиную пещеру, он вошел туда и, помолившись, лег спать на львином логовище, ибо настала ночь. В полночь пришел лев и, найдя на своем логовище спящего старца, схватил его зубами за одежду и потащил из пещеры, чтобы тот уступил ему его место. Преподобный проснулся, однако не испугался, увидев страшного льва, но тотчас, встав, начал совершать полуночные молитвы, а лев вышел и ждал, пока он совершит положенные молитвы. Окончив полунощницу, старец сел опять на том же месте, где лежал лев, а лев вошел опять и, схватив зубами за край одежды, стал тащить из пещеры святого отца. Тогда старец сказал льву:

— Зверь! Пещера просторна, нам обоим ее хватит, и мы можем

Христе не две, но одну волю Божественную), то этой прибавкой хотел выразить, что в страданиях Спасителя страдало не только Его Божество, но даже и вся Святая Троица. Последователи Петра составили особую секту феопасхитов, сильно волновавшую православный мир. Впоследствии эта прибавка, к соблазну православных Церкви Восточной, проникла вследствие недоразумений и непонимания греческих терминов и словоыражений и в оставшуюся верной Православию Армянскую церковь, где и доселе употребляется при богослужениях.

[1] *Скифополь*, ныне *Бейсан*, — город палестинский, лежал на большой древней караванной дороге из Дамаска в Египет, шедшей по восточной стороне Геннисаретского озера, переходившей через Иордан и тянувшейся дальше по направлению к Египту. Скифополь находился в расстоянии ста верст от Иерусалима.

[2] В Заиорданье, близ нынешнего Мкеса при реке Ярмуке, ныне шериат ель-Менадире, недалеко от города Гадары при Геннисаретском озере.

жить оба вместе: один Творец нас создал. Если же ты не хочешь быть со мной вместе, то ты лучше уйди отсюда: я достойнее тебя, потому что создан рукою Божиею и почтен Его образом.

Услышав это, лев устыдился старца и ушел.

Узнали скифополитанцы и гадаринцы, что блаженный живет в той пещере, и начали приходить к нему. В числе их был юноша, по имени Василий, который оставил мир, постригся у преподобного отца Саввы и стал жить с ним. Услышали о пострижении Василия разбойники и подумали, что он много золота принес с собой в пещеру к преподобному Савве, так как этот юноша был из благородных и богатых. Ночью разбойники напали на них, но ничего не нашли у них и, подивившись их нестяжательности, ушли. И вдруг видят: навстречу им идут два больших, страшных льва. Они подумали, что это Бог их наказывает за то, что они осмелились напасть на рабов Его. И закричали они зверям громким голосом:

— Заклинаем вас молитвами отца Саввы, уйдите с дороги, не встречайтесь нам!

Услышав имя святого Саввы, львы отбежали, как будто их прогнали бичом. Разбойники же, удивившись этому чуду, возвратились к преподобному и рассказали о том, что случилось, раскаялись в своих злых делах, перестали заниматься разбоем и начали жить своими трудами.

Когда разнеслась молва об этом происшествии, то многие начали приходить к Савве: ибо он в немногие дни построил себе и келию. Но как скоро Савва увидел, что мирские люди начали его беспокоить, то, как птица, ищущая уединения и безмолвия, тайно удалился в другое пустынное место; братию же поручил Господу, поставив над нею игумена. Довольно долго пробыв в безмолвии, преподобный возвратился опять в лавру, надеясь, что недовольные перестали роптать и злобствовать; но оказалось, что они не исправились, а продолжали пребывать в своей злобе, и стало их еще больше, всего человек до шестидесяти. Он оплакивал их, как погибших, и отечески увещевал их: дерзости их он противопоставил долготерпение, ненависти — любовь, и слова свои одушевлял духовною мудростью и искренностью; но потом, видя, что они еще более укрепляются во зле, поступают бесстыдно и не хотят идти путем смирения, оставил лавру

и удалился в страну Никопольскую[1]; там он поселился под так называемым Рожковым деревом[2]. Савва питался плодами того дерева и укрывался под его ветвями. Владелец той местности, узнав о Савве, пришел к нему и построил ему на этом месте келию, и через несколько дней, благодатию Христовою, собрались к преподобному братия; так образовалась на том месте киновия. Блаженный Савва жил там, а ненавистники его в лавре распустили слух между братиею, что Савва съеден в пустыне зверями; они отправились к блаженному патриарху Илии и сказали:

— Отец наш во время странствований по пустыне около Мертвого моря растерзан львами; просим твою святыню дать нам игумена.

Блаженный же Илия, зная жизнь Саввы с юности, сказал инокам:

— Я не верю вам, ибо знаю, что Господь правосуден. Он не презрит стольких добрых дел отца вашего и не попустит ему быть съедену зверями; идите лучше, поищите отца вашего или сидите у себя в келиях и молчите, пока Бог не откроет его.

И так возвратились враги Саввы со стыдом.

Наступил праздник обновления храма Воскресения Господня в Иерусалиме[3], и собрались все палестинские епископы и игумены; пришел и преподобный Савва с несколькими братиями из Никопольского монастыря. Патриарх очень обрадовался, увидав его, и наедине стал уговаривать опять возвратиться в лавру. Он же отказывался, говоря, что свыше его сил — управлять и заботиться о таком множестве братий, и просил прощения. Но патриарх сказал:

— Если не исполнишь моей просьбы и совета, то не являйся мне на глаза: не могу я терпеть, чтобы трудами твоими владели другие.

Тогда блаженный Савва, хотя и против желания своего, открыл патриарху о причине своего ухода из лавры:

---

[1] Нынешний *Амвас*, по дороге из Ромл в Иерусалим.

[2] *Рожковое дерево*, или *рожечник*, весьма известное в Сирии и на Востоке, имеет шероховатый и толстый ствол с пепельно-серой корой и множеством кривых развесистых сучьев и ветвей, покрытых толстыми листьями; плоды его известны у нас в сушеном виде под именем цареградских стручков.

[3] *Память Обновления или Освящения храма Воскресения Христова* в Иерусалиме, созданного Константином Великим в 335 году на Голгофе, празднуется Церковью 13 сентября. Этот праздник в Иерусалиме совершался и доныне совершается с особою торжественностью и привлекает в Иерусалим множество паломников.

— Пусть не буду я повинен в ссорах и расколах братии, — прибавил он и рассказал о восстающих на него ненавистниках.

Ослушаться патриарха Савва не мог и повиновался: Никопольскому монастырю он поставил игуменом своего ученика, пришедшего вместе с ним из Никополя, а сам отправился в свою лавру. Патриарх послал с ним следующий указ к братии:

— Объявляю вам, братиям о Христе, что отец ваш Савва жив, а не съеден зверями, как вы слышали и рассказывали: он пришел ко мне на праздник, и я удержал его, считая несправедливым делом, чтобы он оставил свою лавру, которую устроил с помощью Божиею своими трудами, убедил возвратиться в нее. Итак, примите своего отца радушно и с должною честью и повинуйтесь ему во всем, так как не вы избрали его, а он вас собрал. Если же некоторые из вас, гордые и непокорные, не захотят смириться и покоряться ему, тем мы повелеваем тотчас уйти из лавры: не подобает этому отцу не занимать своего места.

Когда это послание было прочтено в лавре посреди церкви, враги Саввы, ослепленные злобой, подняли крик и смятение, обвиняя неповинного и чистого сердцем святого отца; одни укоряли его, бранили, злословили, другие, взяв свои одежды и вещи, собирались уйти из лавры, а некоторые, схватив топоры и ломы, устремились к келии, которую построил сам преподобный Савва, в неистовстве разорили ее до основания, побросали дерево и камень вниз, в поток, и ушли в Сукийскую лавру[1]. Игумен же той лавры Аквилин, человек богоугодный, зная о злобе их, не принял их и прогнал из своей лавры. Тогда они пошли к Фекойскому потоку[2], там построили себе келии и поселились. Так были вырваны эти плевелы из лавры, а оставшиеся братия, как пшеница, были плодом, угодным Богу, и, умножаясь, беспрепятственно приносили Богу чистоту сердца. Прошло немного времени, и услышал святой Савва, где находятся ушедшие из лавры и о том, что они терпят большую нужду; тогда он навьючил много

---

[1] *Сукийская лавра* была основана преподобным Харитоном (память его — 28 сентября) во внутренней пустыне Иудейской, при пещере, где он сначала подвизался в уединении, к югу от Вифлеема; ныне — могарет Харейтун. Сукийская лавра — Сирское ее наименование, по-гречески же она именовалась *Старой лаврой.*

[2] Фекойский поток протекал по Фекойской пустыне, составлявшей часть великой пустыни Иудейской, к югу от Сукийской лавры.

пищи на лаврских лошадей и ослов и отправился с этим к ним, с одной стороны желая утолить их гнев, с другой — помочь им в их нужде. Некоторые же из них, увидев, что блаженный Савва идет к ним, стали говорить:

— Ну, и сюда пришел этот лицемер!

И другие злословия произносили они в гневе и ярости. Он же, незлобивый, с любовью посмотрел на них, сказал им доброе слово и утешил пищею. Увидев их тесноту, нужду и беспорядок, — ибо они были, как овцы без пастыря, — он уведомил обо всем патриарха и просил его позаботиться о них. Патриарх поручил их ему, дав на постройку литру золота[1] и еще много необходимого. Савва отправился к ним, пробыл у них пять месяцев, построил им церковь, пекарню и устроил новую лавру[2]; туда из старой лавры он перевел одного из опытных отцов, по имени Иоанна, человека прозорливого, имевшего дар пророческий, и поставил им его игуменом. После этого он возвратился в свою лавру.

Иоанн начальствовал над этой новой лаврою семь лет и преставился ко Господу[3]. Перед кончиной он предсказал будущее о новой лавре; он прослезился и сказал окружавшим его:

— Вот, наступают дни, в которые жители места этого отпадут от правой веры и в гордости возмечтают о себе, но дерзость их разрушится, и величие их внезапно падет, и они будут изгнаны.

После Иоанна игуменом был Павел, родом римлянин; он был весьма прост сердцем и сиял Божественными добродетелями, но начальствовал только шесть месяцев и, не стерпев несогласий, бежал в Аравию, где и скончался в монастыре Севириановом[4]. Узнав о бегстве Павла, Савва поставил в игумена новой лавре ученика своего Агапита. Агапит нашел, что некоторые из братий держатся учения Оригенова[5]: оно было, как яд аспида в их устах (см.: Пс. 139, 4) и как

---

[1] *Литра* — фунт, византийская мера веса, равная семидесяти двум золотникам; в золоте она стоила до пятисот шести рублей.

[2] Ныне хирбет ел-Кусеир, при соединении потоков воды Мухта ел-Жусс и вади Муаллен. Основание этой обители относится к 507 году.

[3] Это было в 514 году. По сказанию списателя жития преподобного Саввы Освященного, инока Кирилла, этот Иоанн был чудотворец. Память его совершается в субботу Сырную.

[4] Иначе — в монастыре в Варихе, или Карпарварихе.

[5] В своих сочинениях Ориген придерживался некоторых неправославных мыс-

труд и болезнь под языком (слав. Пс. 9, 28). В числе их первым был некоторый палестинец, по имени Нонн, который казался истинным христианином, с виду благочестивым, внутри же полон был языческих и иудейских лжеучений и пагубных ересей: Манихейской[1], Дидимовой, Евагриевой[2] и Оригеновой. Найдя таких братий, Агапит из

лей, не высказывая их, однако, как непреложные истины; но крайние последователи его учения, настойчиво проповедуя и распространяя их, смущали православных и волновали Церковь Христову. Так, Ориген неправо мыслил о Христе: развивая неправославное учение о предсуществовании душ и полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, он далее высказывал, что один из этих сотворенных духов с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным словом и стал его тварным носителем, и что это, будто, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества, будто бы, немыслимо. Далее, Ориген в неправославном смысле понимал и крестную смерть Христову, представляя ее чем-то духовно повторяемым в духовном мире и имеющим там действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком многое действию обыкновенных сил, которыми одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например о том, что диавол может спастись, и в толковании Святого Писания слишком многое преувеличенно понимал в мистическом, таинственном смысле, уничтожая через то истинный исторический смысл Писания.

[1] *Манихейство* — ересь, которая образовалась в Персии под влиянием попытки объединения христианства с началами персидской религии Зороастра, проповедовавшей дуализм, то есть существование от века двух самостоятельных начал, или царств, — доброго и злого. Основатель манихейства, Манес (жил в III веке), сначала был языческим магом, потом, приняв христианство, сделался даже пресвитером, но вскоре был отлучен от Церкви за свою склонность к языческой персидской религии. По его учению, Христос есть лишь светлый эон (дух), происшедший от Отца света через истечение; одна половина Его была поглощена материей и составила душу видимого мира, так называемого страждущего Иисуса, вторая, с помощью другого эона, Животворящего Духа, освободилась от материи и поместилась в солнце; это — так называемый бесстрастный Иисус. Воплощение Христа, по учению манихеев, есть сошествие с солнца бесстрастного Иисуса для освобождения страждущего Иисуса, светлые частицы которого сатана, будто бы, собрал и, для большего удобства обладания ими, заключил в лице человека. По этому учению, воплощение Христа было только призрачным (докетизм). В нравственном отношении оно проповедовало борьбу с материей, для освобождения от нее света, через постепенное умерщвление в себе плоти. Ересь манихеев была особенно распространена в IV и V веках.

[2] Дидим и Евагрий не были собственно еретиками, хотя в своем учении и придерживались некоторых неправославных мнений. *Дидим* — древний замеча-

боязни, как бы и другие не заразились теми же ересями, сообщил о них патриарху и, по его совету, изгнал их из обители. Через пять лет Агапит преставился. После него игуменство вручено было некоему Маманту. Нонн же со своими единомышленниками, услышав о смерти Агапита, возвратился в новую лавру, но боялся Саввы и скрывал яд своей ереси. А преподобный Савва в это время нашел одну пещеру в десяти стадиях от своей старой лавры, на север, около Кастеллии, и занят был постройкой там обители, которую назвал пещерною[1]. Ему помогал своими средствами пресвитер святого Сиона Маркиан со своими сыновьями: Антонием и Иоанном. Этот Иоанн был патриархом в Иерусалиме после Илии[2].

На горе, где царица Евдокия построила башню[3], в восточной пустыне, жили два инока, державшиеся ереси Нестория[4]. Преподобный Савва весьма скорбел о них, что отступили они с правого пути, и с великим прискорбием переносил их близкое присутствие рядом с тремя его монастырями. В это время явилось ему такое видение: ему казалось, что он находится в церкви святого Воскресения, в со-

---

тельнейший богослов IV века, — несмотря на свою слепоту, был одним из величайших ученых своего времени и более пятидесяти лет заведовал знаменитым Александрийским огласительным училищем. По своим знаниям в грамматике, риторике, диалектике, географии, астрономии, в Святом Писании и Богословии он был чудом века. В то же время он был строгим подвижником. Дидим боролся против ариан и манихеев. Но он был ревностным последователем Оригена, за что и подвергся нареканиям; при этом он придерживался некоторых неправославных мнений Оригена. — *Евагрий* — ученик Дидима-Слепца, диакон при святом Григории Богослове, позднее египетский подвижник и пустынник. Это был муж весьма ученый и строгий; он в иноческих подвигах писал много полезного, преимущественно аскетические сочинения; но потерял многое в мнении многих за свое уважение к Оригену.

[1] Ныне — Бир ел-Кетар.

[2] Патриаршествовал в Иерусалиме под именем Иоанна III с 517 по 524 год.

[3] Это была самая высочайшая гора по всей восточной пустыне. Ныне — Мунтар.

[4] *Несторий*, бывший одно время патриархом Константинопольским с 428 по 431 год, учил, что от Девы Марии родился человек Иисус, с которым, с момента зачатия Его, соединялся Бог Слово Своей благодатью и обитал в нем, как в храме; поэтому Пресвятую Деву он называл Христородицей, а не Богородицей. Таким образом Несторий разделял в Христе Божественное и человеческое естество. Ересь Нестория была осуждена Церковью на III Вселенском (Ефесском) соборе в 431 году.

брании народа, среди которого он увидел тех двоих несториан. Когда пришло время причащения, все братия беспрепятственно приступали к Божественным Тайнам и причащались; когда же эти два еретика хотели приступить к причастию, внезапно явились грозные воины, отгоняющие их от причащения и изгоняющие их из церкви. Блаженный стал просить воинов оставить этих двух иноков в церкви с братиею и позволить им причаститься. Воины же отвечали:

— Нельзя позволить причаститься им Божественных Тайн, ибо они — явные иудеи и не признают Христа Богом, а Пречистую Деву Марию — Богородицей.

После этого видения блаженный еще больше восскорбел, жалея о погибели их душ; много потрудился он, постясь и молясь о них Богу, чтобы Он просветил их светом познания истины. И часто ходил он к ним, уча и наставляя, прося и увещевая, пока, наконец, благодатью Божиею не привлек их вновь в Православную Церковь Христову: так заботился он о спасении человеческих душ. Он увел их с того холма и отдал в монастырь Феодосиев, а холм, вместо них, отдал одному из своих учеников, Иоанну Византийцу: там, с помощью Божиею, через некоторое время устроился монастырь.

Был в великой лавре один монах, по имени Иаков, родом из Иерусалима, дерзкого и гордого нрава. Он сговорился с несколькими подобными ему иноками и, в отсутствие блаженного Саввы, который тогда проводил время Великого поста по своему обычаю в пустыне, в совершенном безмолвии, — ушел из лавры и начал строить себе монастырь при вышеупомянутом озере Гептастоме, желая сравняться с преподобным Саввою. Когда же отцы лавры начали негодовать на это и препятствовать его делу, он обманул их и сказал, что святой отец ему то приказал. Возвратившись из пустыни и узнав о поступке Иакова, Савва пошел к нему и стал уговаривать его оставить свой замысел, говоря, что не будет пользы в том, что происходит от дерзости и высокомерия; но тот не внимал старцу и не слушался его слов. Тогда святой сказал ему:

— Если не послушаешься, смотри, как бы тебе не подвергнуться наказанию.

С этими словами он ушел в свою келию. А на Иакова напал ужас и трепет; он сильно заболел и лежал шесть месяцев, будучи почти не в состоянии сказать ни слова. Отчаявшись уже в жизни, он велел не-

сти себя к блаженному Савве, чтобы попросить прощения перед смертью. Савва, увидев его, обратился к нему с отеческим наставлением, потом подал ему руку и поднял его с постели. Иаков встал здоров, как будто и не хворал совсем. Причастив его Пречистых Тайн, Савва дал ему есть. Иаков уже не возвращался к своей новой стройке.

Между тем патриарх Илия, услышав о происшедшем, повелел разрушить постройку Иакова. Святой же Савва, взяв из лавры несколько сильных иноков, пришел на место, отстоявшее от разрушенного строения к северу около пяти стадий, построил часовню и келии вокруг нее и, поставив там настоятелями некоторых иноков из великой лавры, по имени Павла и Андрея, поселил там также и других братьев и основал на этом месте лавру, наименовав ее семиустною[1]. Возвратившись в великую лавру, он посылал братиям, находящимся в упомянутом месте, святые дары и благословенные хлебы и имел великое попечение об этом месте.

По прошествии некоторого времени упомянутый Иаков определен был на послушание служить в гостинице странникам. Небрежно относясь к своей службе, он однажды сварил слишком много бобов, больше чем нужно было; бобов осталось от обеда столько, что и на другой день с избытком бы хватило на обед, но он выбросил остаток за окно, в поток; и это он делал не один раз, а много. Увидев это, преподобный Савва сошел незаметно в поток, собрал выброшенные бобы, принес в свою келию и посушил немного на солнце. Немного спустя преподобный сварил эти бобы и, приготовив из них кушанье, позвал к себе Иакова обедать. За обедом старец сказал Иакову:

— Прости меня, брат, что я не угостил тебя так, как хотел, и, может быть, не угодил тебе кушаньем; не умею хорошо готовить.

Иаков же сказал:

— Право, отче, ты прекрасно приготовил эти бобы, я давно не едал такого кушанья.

Старец отвечал:

— Поверь мне, чадо, что это те самые бобы, которые ты высыпал в поток; знай же, что кто не может горшка бобов приготовить в меру, чтобы ничего не пропало даром, тот не может заведовать монастырем и управлять братиею. Так и апостол говорит: *кто не умеет управ-*

[1] По имени озера Гептастома, или Семиустного.

лять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? (1 Тим. 3, 5).

Услышав это, Иаков устыдился и своего прежнего любоначалия и своей нерадивой службы, раскаялся и просил прощения.

Этого Иакова в его келии искушал бес телесной похотью и нечистыми помыслами: долго не прекращалось это искушение, и не мог более терпеть Иаков: он взял нож и оскопил себя. Когда началось сильное кровотечение и страшная боль, он начал звать на помощь живших поблизости братий. Пришли братия и, увидев, что случилось, насколько могли, стали унимать лекарствами его боль; и через долгое время едва могли его вылечить. Дошло это и до преподобного Саввы, и выгнал старец из лавры Иакова, уже выздоровевшего от раны, как страшного преступника. Тот пошел к преподобному Феодосию, рассказал ему о своей беде и об изгнании и умолял попросить за него преподобного Савву, чтобы он опять принял его в монастырь в келию. Феодосий, уступая просьбам брата, пошел к блаженному Савве и просил за изгнанного брата. По просьбе такого великого отца и друга своего Савва принял Иакова, наложив на него заповедь: ни с кем не разговаривать, кроме прислуживающего ему, не иметь общения с братией, даже не выходить из своей келии, и, сверх того, отлучил его от причащения Пречистых и Божественных Тайн. Так пребывал Иаков в молчании, творя плоды достойные покаяния, изливая многие слезы перед Богом, пока не было свыше даровано ему прощение, и блаженному Савве возвещено было Божественным откровением, что Иакову прощен его грех. Однажды преподобный Савва увидел в видении светоносного мужа, стоящего неподалеку, и какого-то мертвеца, который лежал в ногах у Иакова и о воскресении которого молился Иаков; и послышался голос свыше:

— Иаков! Услышаны твои молитвы, прикоснись к мертвецу и подними его.

И когда Иаков по этому приказанию коснулся мертвого, тотчас мертвый воскрес; а светоносный муж сказал Савве:

— Вот, мертвец воскрес, — и ты разреши узы, возложенные на воскресившего.

Увидев это, Савва тотчас послал за Иаковом, снял с него епитимию, разрешил ему входить на собор и вместе с братией причащаться

Пречистых Тайн. Через семь дней после своего прощения Иаков отошел к Господу.

В великой лавре были два брата по плоти, по имени Занн и Вениамин, и единодушно пребывали в смиренном служении Богу, украшенные Божественными добродетелями. Оба они единодушно просили святого Савву, чтобы он дал им ту пустынную келию, которую он сам себе построил в расстоянии около пятнадцати стадий от лавры к Ливии[1]. Зная, что они — истинные делатели Божии, старец согласился на их просьбу и дал им ту келию. Итак, они имели у себя одну келию пустынную, а другую в лавре свою. При пустынной келии они своими трудами основали, при помощи великого аввы своего, киновию; ибо он доставлял им потребное для издержек и прочие нужные вещи. Когда в этом месте умножились братия, — Савва попечением своим построил церковь, освятил ее и ввел в киновию правила других своих киновий.

И был преподобный отец наш Савва подобен чудному древу, от которого произрастают прекрасные ветви; так, образцом святой жизни своей и прилежными молитвами к Богу он увеличивал в своей лавре число святых отцов и подвижников, и были они святы, как и он, по Писанию: *если корень свят, то и ветви* (Рим. 11, 16). Из этих святых ветвей следует помянуть блаженного старца Анфима, из Вифинии, проводившего жизнь во многих иноческих подвигах. В начале своего пребывания в лавре он построил себе небольшую келию по ту сторону потока на восточной стороне, против столпа преподобного Саввы, и пробыл в ней тридцать лет. В старости он обессилел, впал в болезнь и лежал на постели. Видя его таким дряхлым и больным, блаженный Савва хотел взять его в одну из келий около церкви, чтобы там можно было братии навещать его и ходить за ним без труда; но он просил оставить его умереть там, где поселился сначала. Таким образом он был оставлен в своей келии больным. Однажды ночью преподобный Савва, по обычаю своему встав на молитву прежде утреннего пения, услышал какие-то прекрасные голоса, как будто многие пели; он подумал, что поют утреню в церкви, и удивлялся, как это без него и без его обычного благословения по-

---

[1] Нынешний дейб ес-Сенне против бейт Саур ел-Атика, на левой стороне дороги из Иерусалима в лавру преподобного Саввы Освященного.

ют утреню. Но, подойдя сейчас же к церкви, он никого не нашел там, и двери ее были заперты; он возвратился, удивляясь, что за голоса он слышал, и вдруг опять услышал то же прекрасное пение; пели же они следующее: *пройду в место селения дивна даже до дóму Божия, во гласе радования и исповéдания, шума празднующаго* (слав. Пс. 41, 5).

Поняв, что эти дивные голоса слышались с той стороны, где была келия блаженного Анфима, Савва догадался, что Анфим преставился. Тотчас разбудив церковника, он приказал ударить в било, чтобы собралась братия; взяв с собой нескольких из братии, он пошел в келию к старцу со свечами и ладаном. Войдя внутрь, они никого не нашли, только лежало мертвое тело блаженного Анфима, душа же его с ангельским пением отошла ко Господу. Они взяли честное тело, принесли в церковь и, отпев, погребли со святыми отцами.

Один брат из Феодосиева монастыря, человек сильный, по имени Афродисий[1], был послал по делу; в пути рассердился он на лошака, на котором вез пшеницу, и сильно ударил его; лошак от удара упал и издох. За это Афродисий был изгнан преподобным Феодосием из его обители. Тогда он пришел к преподобному Савве и рассказал ему о своем поступке, прося его совета. Преподобный Савва дал ему келию и сказал:

— Живи в келии своей, в другую келию не переходи, из лавры не выходи, обуздывай свой язык, умеряй требования чрева своего и спасешься.

Афродисий, приняв эту заповедь, ни в чем не преступал ее и в продолжение тридцати лет не выходил из лавры, не имел у себя ничего, даже какого-либо сосуда для пищи и кровати, спал на древесных ветвях, покрываясь рогожей, в пищу брал себе остатки вареной непитательной пищи из овощей. Ночной плач его мешал спать живущим. Наконец он удостоился дара предвидения, ибо за неделю предузнал день своей кончины. После этого он просил Савву отпустить его в обитель блаженного Феодосия. Преподобный послал с ним двух братий и велел сказать Феодосию:

— Вот, общего нашего брата Афродисия, которого я некогда принял от тебя человеком, я посылаю к тебе ныне по благодати Христовой Ангелом.

[1] Память преподобного Афродисия Палестинского — 24 декабря.

Феодосий с любовью принял его, простил и отпустил с миром; Афродисий же возвратился к святому Савве и, после непродолжительной болезни, почил о Господе.

Часто приходили к преподобному жители города Медава[1], лежащего на другой стороне Иордана, почерпали у него весьма великую пользу душевную и приносили ему в лавру хлеб в зернах и овощи и получали от него благословение. Среди них был один почетный муж, по имени Геронтий; он прибыл в святой град и заболел. Желая отправиться на Елеонскую гору помолиться, он упал с лошади, расшибся и разболелся еще больше, так что не надеялся остаться в живых. Преподобный Савва помазал его святым елеем и исцелил. Однажды, обедая с сыном Геронтия Фомою, Савва обратил уксус в хорошее вино, когда вдруг вина не оказалось. Случилось так, что сваренные для рабочих тыквы оказались горькими; Савва крестным знамением сделал их сладкими. Некогда шел преподобный из Иерихона к Иордану с юным учеником своим, и встретилось им много горожан, а среди них красивая девушка. Когда они прошли мимо, старец, желая испытать ученика, сказал:

— Какова девушка, чтó прошла? Мне показалось, она слепа на один глаз.

Ученик отвечал:

— Нет, оба глаза ее видят.

— Ты ошибся, — сказал старец, — девушка с одним глазом.

Но ученик настаивал, говоря, что у ней здоровые глаза. Старец спросил:

— Как же ты узнал?

— Я, отче, — отвечал ученик, — внимательно смотрел на ее лицо и видел, что у ней оба глаза видят.

Тогда сказал ему старец:

— Если ты так внимательно смотрел на ее лицо, то как же ты не вспомнил о заповеди в Священном Писании: *Не пожелай красоты ее в сердце твоем, [да не уловлен будешь очами твоими,] и да не увлечет она тебя ресницами своими* (Притч. 6, 25)? Знай же, что отныне не будешь со мной в келии, так как не хранишь своих глаз, — и отослал его в наказание в Кастеллий.

После того, как он прожил там некоторое время и довольно на-

---

[1] Ныне — Медеба в Заиорданье.

учился всемерно наблюдать за своими глазами и бдеть над своими мыслями, Савва принял его снова в лавру и дал ему келию.

Однажды, когда преподобный был в пустыни, так называемой Рува, встретился ему на пути лев с занозой в лапе и, упав к ногам святого, стал с ревом показывать ему свою лапу, как бы прося вылечить его. Святой вынул занозу из лапы льва и тем облегчил ему боль; после этого лев стал ходить за святым и служил ему. Был тогда при старце ученик, по имени Флаис, и имели они осла. Когда Савва посылал ученика за каким-либо делом, то приказывал льву стеречь осла; лев брал в зубы повод и так водил осла пастись, а вечером, напоив его, приводил опять к старцу. По прошествии нескольких дней Флаис был послан за каким-то делом и по бесовскому наваждению впал в нечистый грех; в то же время лев на пастбище съел осла. Флаис понял, что за его грех лев съел осла, чтобы обличить его, и боялся показаться старцу. С горем он ушел в какое-то село, и старец долго искал его, наконец нашел, привел к себе и, затворив в клети, наложил на него покаяние. Он принес сердечное покаяние и многими слезами очистился от своего греха, при помощи молитв святого старца, который весьма заботился о спасении душ человеческих.

Подобает воспомянуть попечение Саввы о благосостоянии Церкви Божией во время поездок его по делам церковным в Царьград; посылаем же он был туда по следующему поводу. Царь Анастасий, еретик, отвергал IV Вселенский собор святых отцов в Халкидоне[1] и произвел в то время большую смуту в Церкви. Он изгнал Евфимия, патриарха Цареградского[2], и гневался на Флавиана Антиохийского[3] и Илию Иерусалимского, которых тоже хотел изгнать, так как они не одобряли его ереси. Желая склонить царя к умиротворению Церкви, Илия послал к нему игуменов палестинских пустынь, среди которых был и Савва, с такою письменной просьбой:

«Избранных рабов Божиих, благих и верных пустынножителей, а с ними и Савву, главу всей пустыни и всей Палестины светильника, с молением посылаем к вашей державе. Ты же, о царь, приняв их

---

[1] На этом соборе осуждена была ересь Евтихия (монофизитская), признававшая во Христе одно Божественное естество и утверждавшая, что человеческое естество в Иисусе Христе при ипостасном соединении поглощено Божественным.

[2] *Евфимий* — патриарх Константинопольский с 490 по 496 год.

[3] *Флавиан* — патриарх Антиохийский с 506 по 512 год.

труды и старание, прекрати вражду в Церкви и не позволяй умножаться злу: мы знаем, что ты печешься об угождении Богу, давшему тебе царский венец».

Игумены прибыли в Константинополь, и когда входили в царские палаты, то Савва шел позади всех. Сторожа, стоявшие у дверей, увидев его в худой и заплатанной одежде, приняли его за нищего и не пустили войти. Царь, приняв с честью пришедших к нему отцов и прочитав послание патриарха, спрашивал, кто из них Савва, которого так хвалит патриарх в своем послании? Отцы огляделись вокруг и говорили, что он шел вместе с ними, но они не знают, где он остался. Тотчас царь велел его искать, и его насилу нашли стоящим где-то в углу и читающим псалмы Давидовы. Когда его вели к царю, тот увидел идущего перед ним светоносного Ангела и, догадавшись, что Савва человек Божий, почтил его, встав с престола, а затем велел всем сесть. Во время продолжительной беседы блаженный Савва подвизался больше всех отцов, бывших там, боговдохновенными словами увещевая царя умиротворить Церковь и обещая ему за то от Бога победу над врагами. Мало успеха имели присланные отцы и были отпущены домой, а преподобный Савва остался, пока не убедит царя и не примирит его с патриархом Илиею. Преподобный перезимовал в Византии, часто бывая у царя и беседуя с ним о Православии и об Иерусалимском патриархе. Ему позволен был беспрепятственный доступ во дворец; он мог, когда хотел, входить и уходить, без всяких задержек и расспросов со стороны сторожей, и за это время убедил царя не гневаться на патриарха и даровать мир палестинским церквам. Затем он возвратился в Иерусалим, богато одаренный царем на дорогу. Он получил от царя до двух тысяч золотых монет, которые принес к себе, и разделил между своими монастырями, а известную часть послал в Муталасское селение, где родился, чтобы в отцовском доме построили церковь во имя святых мучеников Космы и Дамиана.

Блаженный патриарх Илия, приобрев, благодаря святому Савве, мир для палестинских Церквей и для себя, недолго пожил в спокойствии: еретики не переставали наговаривать царю и восстановлять его против Церкви Христовой и ее пастырей, чтоб досадить им. Поэтому царь назначил собор в Сидоне[1], поставив во главе его двух

[1] Это было в конце 511 года. — *Сидон* — древнейший город Финикии, на берегу Средиземного моря, недалеко от горного хребта Ливана с прекрасной гаванью.

епископов, разделявших зловерие Евтихия и Диоскора[1], а именно: Сотериха, епископа Кесарии Каппадокийской, и Филоксена Иерапольского[2], с тем, чтобы на том соборе прокляли собор Халкидонский, а Флавиана и Илию низложили с престолов. Так и случилось: собрался беззаконный собор, и нечестивцы с помощью царя изгнали с бесчестием блаженного Флавиана, патриарха Антиохийского, не пожелавшего присоединиться к их собору, а вместо него престол принял нечестивый Север и много бед причинил православным, не желавшим иметь с ним общения. Он послал свое исповедание веры, принятое на соборе, и к Илие Иерусалимскому[3]; тот же, не приняв еретических правил, отослал их обратно. Узнав об этом, царь весьма разгневался на блаженного Илию и велел тотчас послать Северово исповедание веры в Иерусалим с несколькими клириками и значительным отрядом войска, чтобы силою принудить патриарха Иерусалимского согласиться на принятие правил Сидонского собора. Когда они прибыли в Иерусалим, произошло большое смятение, и патриарх находился в большом затруднении. Тогда преподобный Савва собрал всех иноков из своих монастырей и, войдя во святой град, разогнал присланных служителей Севера и войско, самого же Севера с его единомышленниками предал перед всеми анафеме. Еретики возвратились со стыдом к пославшим их, рассказывая о великой смелости православных и о своем позоре. Тогда царь, в несказанном гневе, послал в Иерусалим Олимпия, епарха[4] палестинского,

---

Христианство появилось в Сидоне весьма рано, и еще при земной жизни Иисуса Христа у Него было там много учеников. Впоследствии Сидон был несколько раз разрушаем, потом восстановляем и, наконец, окончательно упал; в настоящее время известен под именем Саиды, с 10 000 жителей, преимущественно мусульман.

[1] Представители и ересиархи монофизитов: *Евтихий* — настоятель и архимандрит одного из Константинопольских монастырей, *Диоскор* — с 444 по 451 год Александрийский патриарх.

[2] Самые ревностные и изуверные последователи монофизитства, особенно Иерапольский епископ Филоксен, по прозвищу Ксенайя, силой заставивший местное население, через преданных ему шаек фанатических монахов, принять монофизитскую ересь, причем православный Антиохийский патриарх был замучен до смерти.

[3] В 513 году.

[4] *Епарх* — областеначальник. Палестинские епархи пользовались бо́льшей властью сравнительно с другими и назывались иначе еще *игемонами* (греческое наименование), или *прокураторами* (римское).

с большим войском и велел, без всякого закона и суда, царской властью, свергнуть патриарха Илию с престола. Олимпий пришел с большой военной силой и тотчас исполнил царское повеление, сверг патриарха без суда и послал в заточение в Аилу, а на его место возвел Иоанна[1], сына пресвитера Маркиана, который обещался проклясть Халкидонский собор и иметь общение с Севером. Узнав об этом, блаженный Савва снова, как в первый раз, собрал свое духовное воинство и, как воевода, пошел во святой град, но уже не застал там епарха Олимпия; тот совершил повеленное ему злодеяние и радостный возвратился к царю. Весьма скорбел блаженный об изгнании невинного Илии и плакал о нем. Видя, что новый патриарх Иоанн еретически мудрствует, Савва горячо убеждал его не иметь общение с Севером, а защищать Халкидонский собор и стоять за него до последней капли крови; если же он не сделает этого, то, как еретик, будет проклят всеми отцами-пустынниками. Иоанн устыдился, а вместе с тем и побоялся стольких Боговдохновенных отцов, пришедших вместе со святым Саввою, отвергся Севера и всей его ереси, принял Православие, утвержденное на Халкидонском соборе, — и успокоились святые отцы.

Вскоре стало известно царю, что новопоставленный патриарх Иоанн отвергает Сидонский собор, а принимает Халкидонский. Царь разгневался на Олимпия и лишил его сана за то, что избрал такого патриарха, а вместо Олимпия поставил епархом всей Палестины некоего Анастасия и послал его в Иерусалим, чтобы он или склонил патриарха Иоанна к общению с Севером, или свергнул его с престола. Анастасий пришел и, тотчас схватив патриарха, заключил его в темницу. Патриарх просил епарха смилостивиться над ним, обещаясь исполнить все приказания, с тем только, чтобы не казалось, что он исполняет царскую волю по принуждению, и обещался в следующее воскресенье перед всем народом в церкви проклясть Халкидонский собор, а Сидонский прославить и вступить в общение с Севером. Патриарх был выпущен из темницы и тайно послал к преподобным отцам Савве и Феодосию, чтобы они постарались собрать всех отцов и прийти к нему в день воскресный в церковь. Случилось тогда быть в Иерусалиме на богомолье и Ипатию, цар-

[1] Патриаршествовал под именем Иоанна III с 517 по 524 год.

скому родственнику; в день воскресный пришли оба настоятели Савва и Феодосий, а вместе с ними до десяти тысяч черноризцев[1]. В церкви[2], куда пришли и епарх Анастасий и Ипатий, царский родственник, со своими воинами, и сошлось множество народа, патриарх вошел на амвон вместе с Саввою и Феодосием; тогда весь народ с черноризцами закричали патриарху:

— Прокляни еретиков и утверди Халкидонский собор!

Патриарх ободрился и сказал громким голосом:

— Кто думает одинаково с Евтихием, Несторием, Севером и Сотерихом, да будет анафема!

Также и блаженный Феодосий с преподобным Саввою громко воскликнули:

— Кто не принимает четырех соборов, как четырех евангелистов, да будет проклят!

Увидев это, епарх Анастасий испугался множества черноризцев и народа, поспешно вышел из церкви и бежал в Кесарию. А родственник царский поклялся отцам, что пришел не утверждать Северово учение, а поклониться святым местам и присоединиться к святой Кафолической Церкви. И дал он преподобным отцам Савве и Феодосию много золота, чтобы они разделили между пришедшими с ними черноризцами. После этого преподобные отцы от лица всего собора написали царю следующее: «Господь наш Иисус Христос, Царь всех вечный и Бог, по Своей благости отдал в вашу власть скипетры земного царства, чтобы через вас подать истинные блага мира всем Церквам и особенно матери Церквей — святому Сиону; все знают, что в этой Церкви началось великое таинство правой веры и распространилось до конца земли. Мы, жители этих Божественных мест, приняли его от святых апостолов, сохранили целым и невредимым до этого дня и сохраним вовеки Христовой благодатью, не давая противникам отклонить нас от правого пути, не поддаваясь их скверным и суетным речам. В этой непорочной и ненарушенной вере и вы, царь, воспитались и возросли, — и мы дивимся теперь,

---

[1] Это было в начале 517 года.

[2] В храме святого первомученика и архидиакона Стефана, к северу от нынешних Дамасских ворот. Храм этот был избран для этого случая архиепископом, вследствие своей обширности, так как соборная церковь не могла вместить множества собравшихся.

как во дни вашего царствования в святом граде Иерусалиме произошли такой мятеж и такое волнение, что они не миновали даже служителей, Божиих пресвитеров и иноков, возлюбивших от юности добродетель и избравших себе кроткую жизнь в безмолвии; на глазах у иудеев и других неверных их влекут от самого святого Сиона по городским улицам и изгоняют в неплодные места. Их даже принуждают творить неподобающее правой вере, так что приходящие сюда для молитвы, вместо пользы для души, получают вред и возвращаются с соблазном. Молим, поэтому, вашу державу, избавь нас от стольких зол, виновник которых Север, которому отдана, по грехам нашим, Антиохийская Церковь, на погибель души его же самого и всем Церквам на соблазн. Как нам, иерусалимлянам, можно теперь поучаться вере без соблазна? Как будто мы, бывшие для всех отцами и наставниками в слове благочестия, теперь только, так поздно, познали правое исповедание! Да разве мы не знаем, что новоявленное мнимое исправление правой и здравой веры, завещанной отцами, не исправление на самом деле, а развращение и порча и принимающим его готовит в награду погибель души? Не потерпим никакой прибавки к исповеданию веры, сверх установленного тремястами восемнадцатью святых отцов Никейских и тремя другими бывшими потом Вселенскими соборами[1], и никакой перемены, но готовы за это положить души наши и принять бесчисленные, если бы можно было, смерти. Мир же Божий, превосходящий всякий ум[2], пусть да сохранит святую нашу веру и поднятую против нее бурю да усмирит к святой Своей славе и к украшению вашего же царства».

Получив такое послание святых отцов, царь сильно разгневался и решил изгнать из пределов иерусалимских патриарха Иоанна с обоими игуменами: Саввою и Феодосием. Но промысл Божий не попустил совершиться этому злодеянию. Случилась в то время война с какими-то варварами, и поэтому царь отложил до времени гонение на церковь и на преподобных отцов и стал готовиться к войне с варварами.

После несправедливого изгнания святого патриарха Илии, по праведному суду Божию, случился голод и засуха и великий неуро-

---

[1] Имеются в виду соборы: I (Никейский) в 325 году, II (Константинопольский) в 381 году, III (Ефесский) в 431 году и IV (Халкидонский) в 451 году.

[2] Выражение апостола. См.: Флп. 4, 13.

жай во всей Палестине, как во дни пророка Илии (см.: 3 Цар. 17; Иак. 5, 17–18): затворилось небо и не давало дождя, и пересохли источники воды: сверх того, появилась во множестве саранча, покрыла всю землю и истребила всю траву на полях и листья на деревьях. Такая казнь Божия продолжалась до пяти лет, и многие умерли от голода и жажды. И говорили жители Иерусалима, что Бог наказывает Палестину голодом за несправедливое изгнание патриарха Илии. В то время блаженный Савва созвал настоятелей семи построенных им монастырей и не велел им заботиться ни о чем плотском, напоминая им евангельские слова: *не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 31–33). И питаемы были они всемогущим промыслом Божиим.

Однажды перед воскресением эконом великой лавры сказал преподобному:

— Нельзя, отче, ударить в било в эту субботу и воскресенье к Божественной службе, потому что не только отцам нечего предложить есть, когда они соберутся, но даже для святого приношения не найдется хлеба: так обнищали мы.

Святой же отвечал:

— Я не оставлю службы из-за недостатка в пище: достоин веры Тот, Кто не велел заботиться о завтрашнем дне и может пропитать нас во время голода; пусть церковник пошлет продать в город сосуд или одежду и купить нужное для святой литургии.

Так отвечал святой эконому и, возложив надежду на Бога, ждал. И еще до наступления воскресенья вдруг приходят к нему какие-то отроки, посланные Божиим промыслом, ведя с собою тридцать ослов, навьюченных хлебом, пшеницею, вином и маслом и разною другою пищей, и отдали все это преподобному. Он возблагодарил Бога и сказал эконому:

— Что скажешь, брат, — не следует ли нам запретить ударить в било в эту субботу и воскресенье, потому что нечего предложить собравшимся отцам?

Эконом подивился великой вере святого и великому промыслу Божию о них и просил прощения за свое неверие.

После этого преподобный пожелал посетить святейшего патриарха Иерусалимского Илию в изгнании; Савве было тогда восемьдесят лет[1]. Он взял с собой двух игуменов, Стефана и Евфалия, и отправился. Увидев Савву и пришедших с ним, Илия обрадовался и удержал их у себя несколько дней. Все те дни он выходил из своей келии в девятом часу[2], так как от отпуста вечерни до девятого часа он никому не показывался, но, затворив двери, пребывал в безмолвии, а в девятом часу выходил к ним, обедал с ними и наслаждался духовными беседами; после же вечернего отпуста он опять уходил в свою безмолвную келию. Однажды, девятого июля, он не вышел к ним, как обыкновенно. Они прождали его весь день и не вкусили пищи. В шестом часу ночи[3] патриарх вышел с заплаканными глазами и сказал им:

— Вы вкушайте; мне же нет времени, я занят одним делом.

На их заботливый вопрос, отчего он так долго не шел и о чем он так плачет, он, тяжело вздохнув и заплакав, сказал святому Савве:

— Отец блаженный, увы, сейчас скончался царь Анастасий, через десять дней и мне подобает оставить эту жизнь и судиться с ним перед страшным судом Божиим.

Так и случилось: через десять дней святейший патриарх Илия преставился[4], немного похворав перед своей кончиной; преподобный Савва похоронил его с честью и возвратился в свою лавру. О смерти же царя Анастасия рассказывается, что в ту ночь, когда было о нем явление патриарху Илии, загремел гром и молния ударила в царскую палату; она гнала царя с места на место, от одного угла к другому, наконец настигла его в одном углу и убила. Так злой и погиб злою смертью.

По смерти нечестивого царя Анастасия на престол вступил благочестивый Юстин[5] и разослал во все концы своего царства повеле-

---

[1] Это было в 518 году.

[2] По еврейскому счислению, оставшемуся и в христианской богослужебной практике, девятый час равнялся трем часам пополудни.

[3] В двенадцатом.

[4] 20 июля 517 года.

[5] *Юстин* — Византийский император с 518 по 527 год. Когда означенное определение Юстина было привезено в Иерусалим, то собралось бесчисленное множество монахов и мирских, прибыл также святой Савва, и много епископов, и 6 августа, в праздник Преображения Господня, определения четырех (Вселенских)

ние, чтобы возвратить из изгнания православных и чтобы каждый из них получил опять свой сан и свое место, определения Халкидонского собора были бы вписаны в святые книги, и пусть в Церкви Христовой воцарился бы мир. Когда это царское повеление достигло святого града Иерусалима, все весьма возрадовались, а патриарх Иоанн просил преподобного Савву пойти в Кесарию и Скифополь[1], объявить это царское послание и вписать в церковные книги определение Халкидонского собора. Хотя преподобный был уже слаб телом от старости и изнурен многими иноческими подвигами, однако для Церкви Христовой не отказался исполнить это приказание, не поленился предпринять столь трудный путь, но отправился вместе с некоторыми другими начальствующими иноками и был встречен в Кесарии святым Иоанном Хозевитом[2], который был тогда там иерархом. В Скифополе преподобный был с честью принят митрополитом Феодосием и всеми гражданами и сотворил там чудеса. Он пророчествовал об одном знатном самарянине Сильване, восстававшем на христиан, что он сгорит от огня посреди города, — о чем будет сказано ниже; исцелил кровоточивую женщину и бесноватую отроковицу и, принеся, таким образом, много пользы Церкви, возвратился в Иерусалим.

К концу четвертого года бездождия в Палестине, при большом недостатке в воде, братия хотели разойтись и просили святого отпустить их. Упрекнув их за нетерпение, святой повелел им надеяться на Бога, и на третий день появилось над лаврою дождевое облако, пошел дождь и наполнились водою рвы лаврские; дождь этот был только в лавре, а в окрестных местах не было ни капли росы. Тогда пришли к старцу игумены из окрестных монастырей и сказали:

— В чем мы согрешили против тебя, отче, что ты позабыл о нас и испросил от Бога дождя только своей лавре?

соборов, по замечанию списателя жития преподобного Саввы Освященного, внесены были в священные постановления.

[1] Здесь разумеется Кесария Палестинская.

[2] Память *святого Иоанна Хозевита*, епископа Кесарийского, совершается Церковью 3 октября. Наименование «Хозевита» он получил от лавры Хузивской, в которой он провел бóльшую часть своего иноческого жития (в пустынной дикой местности между Иерусалимом и Иерихоном).

Он ласково утешал их и обнадеживал, что и у них в монастырях не иссякнет вода, пока не даст Бог дождя всей Палестине. Настал пятый голодный год; воды настолько не хватало, что в святом городе нищие умирали от жажды: от засухи и бездождия иссякли источники, пересохли колодези, пруды и ручьи. Патриарх Иоанн горько скорбел и, посещая те места, которые когда-то были болотистыми и сырыми, приказывал копать рвы и колодези, чтоб найти воду, но воды не находили. На месте Силоамского источника с большим трудом много рабочих прокопали до сорока саженей — и не нашли воды, патриарх в отчаянии оплакивал общее бедствие всего города. Был месяц сентябрь, и приближался праздник обновления. Узнав, что преподобный Савва своей молитвой свел дождь на лавру, патриарх послал за ним и просил помолиться Богу, чтобы Он помиловал людей Своих и не истребил посредством голода и жажды. Преподобный же Савва отказывался, говоря:

— Кто я такой, чтобы прекратить гнев Божий? Я сам грешен.

Патриарх же еще сильнее умолял его. Тогда преподобный сказал:

— Ради послушания я пойду в келию и буду молить Бога о благости; если пройдет три дня и не будет дождя, то знайте, что не услышал меня Бог; молитесь и вы, чтобы моя молитва дошла к Богу.

С этими словами он ушел. На следующее утро был страшный зной; множество рабочих копали весь день в вышеупомянутом рве, а вечером оставили все свои сосуды и корзины, надеясь опять с утра прийти на работу. Наступила ночь, и подул ветер с юга, разразилась гроза, и всю ночь шел ливень, так что наполнились водостоки и отовсюду текли потоки. В то место, где копали, натекла вода, и земля, которую с таким трудом и так долго вынимали изо рва, сразу ушла на свое место, покрыла сосуды и корзины, и сровнялось то место с землею, так что нельзя было узнать, где копали; все водоемы святого города, по молитвам преподобного Саввы, наполнились водою, и все в радости благодарили Бога.

На восемьдесят шестом году жизни преподобного Саввы скончался патриарх Иоанн, оставив себе преемником добродетельного мужа, Петра Елевферополита[1]. Потом через три года царь Юстин,

[1] Патриарх Иерусалимский Иоанн скончался в 524 году. Преемник его, патриарх Петр, патриаршествовал с 524 по 544 год. Елевферополитом он назван по своей родине — городу Елевферополю в Южной Палестине.

по старости и болезни, оставил престол, поручив царство племяннику Юстиниану[1]. Патриарх Петр любил преподобного Савву и почитал его, как и прежние патриархи, и часто посещал его в пустыне. У патриарха была сестра, по имени Исихия, женщина благочестивая и добродетельная. Она впала в жестокую болезнь, так что врачи отчаялись излечить ее. Тогда патриарх просил святого Савву прийти в дом больной и помолиться о ней. Он пришел и троекратно осенил больную крестным знамением, и она тотчас встала, славя Бога.

В начале девяноста первого года жизни преподобного Саввы скончался святой авва Феодосий[2]. В это время самаряне[3], жившие в Палестине, отпали от власти царя Греческого, выбрали себе царя из своего племени, по имени Юлиана, восстали против христиан и причинили много зла: захватили много церквей и сожгли их, нападали на села и города, избили множество христиан, особенно в Неапольских пределах[4], где местного епископа Самона схватили и убили мечом, а бывших с ним пресвитеров разрубили на части и, смешав с мощами святых мучеников, сожгли. Узнав об этом, царь послал против самарян большое войско, и царь самарянский Юлиан был убит в битве; тогда же и Сильван, погибель которого предсказал преподобный Савва, был пленен христианами и сожжен в Скифополе посреди города. Сын его Арсений отправился в Царьград и вскоре — неизвестно каким образом — добился царского расположения, был в большом почете при дворе и, войдя в доверие к царю, стал клеве-

---

[1] Юстин еще при жизни своей, по причине старости и телесной слабости, по согласию всего Сената, при рукоположении от Константинопольского патриарха Епифания, возвел на императорский престол своего племянника Юстиниана, еще ранее того управлявшего государственными делами. Юстиниан царствовал с 527 по 565 год.

[2] В 529 году, 12 января.

[3] *Самаряне* — жители Самарии, срединной области Палестины, на запад от Иордана, получившие свое имя от столичного города Самарии. Самаряне представляли собой враждебную иудеям секту, признававшую из священных книг лишь одно Пятикнижие Моисеево за истинное Откровение Божие, отвергавшую все прочие книги Писания и иудейские предания и утверждавшую некоторые неправильные мысли о Мессии, об Ангелах, о воскресении мертвых и будущей жизни и так далее.

[4] *Неаполис* — ныне *Наблус* — древний *Сихем*, город в долине между горами Гаризин, где был храм Самарянский, и Гевал, в прекрасно цветущей доныне местности.

тать и взводить ложные обвинения на палестинских христиан (сам он держался самарянского нечестия), будто бы они были виновны в восстании самарян и в отпадении их от подданства царю. Царь поверил клевете самарянина Арсения и разгневался на палестинян. Узнав об этом, патриарх Иерусалимский Петр и подвластные ему епископы просили блаженного Савву взять на себя труд отправиться в Царьград, чтобы смягчить гнев царя и попросить его о многих нуждах церковных и гражданских. Преподобный Савва, хотя и был уже очень стар, однако поспешил отправиться, ставя нужды Церкви выше своего покоя. Узнав о его прибытии, благочестивый царь Юстиниан и Константинопольский патриарх Епифаний[1] послали ему навстречу знатных лиц. Когда же он входил к царю, Бог открыл глаза царю Юстиниану, как некогда Анастасию: и увидел он благодать Божию, светло блиставшую над головой преподобного Саввы, испускавшую солнечные лучи и окружавшую его голову, как венцом. Испугавшись, он встал с престола и с поклоном просил благословения; потом, взяв преподобного за голову, с любовью и радостью облобызал его и просил старца, чтобы он и царицу его Феодору сподобил своего благословения. Когда царица увидела преподобного Савву, то поклонилась ему и сказала:

— Помолись за меня, отче, чтобы мне иметь детей.

Старец же сказал:

— Бог, Владыка всех, да сохранит ваше царство.

Царица снова сказала:

— Помолись, отче, Богу, чтобы Он разрешил мое неплодие и даровал мне родить сына.

Старец опять сказал:

— Бог славы да соблюдет царство ваше в благоверии и подаст победу над врагами.

В третий раз царица просила старца о разрешении ее неплодия и услышала то же, что и раньше, и была смущена. Когда преподобный вышел от царицы, бывшие с ним отцы спросили его:

— Почему, отче, ты огорчил царицу и не согласился помолиться о ней?

Старец отвечал им:

---

[1] *Святой Епифаний* — патриарх Константинопольский с 520 по 535 год. Память его — 25 августа.

— Поверьте мне, отцы, не выйдет из ее чрева плод, чтобы не напитаться ему Северова учения и не возмутить больше Анастасия Церковь Христову.

Этими словами преподобный дал понять, что царица втайне держалась ереси. Царь внял просьбе преподобного, гнев свой с палестинских христиан перенес на самарян и издал закон, чтобы самаряне не устраивали собраний, чтобы дети их лишались наследства после родителей, наконец, чтобы зачинщики их восстания были казнены смертью. Тогда и Арсений — самарянин — скрылся, так как царь приказал казнить его, а после он прибег к святому Савве, упал в ноги и просил у святого крещения, чтобы, таким образом, избавиться от царского гнева и избежать смерти; и крещен был он сам и все домашние его.

Царь, желая показать свое благоволение и угодить преподобному Савве, велел ему просить у себя, что ему требуется, и взять золота на нужды своих монастырей, сколько хочет. Преподобный же, не богатства желая для себя, а пользы христианам, упросил царя сложить взимаемые для царя дани в Палестине, так как люди разорены самарянской войной, восстановить на царский счет сожженные самарянами церкви, построить в святом городе странноприимный дом, чтобы приютить христиан, приходящих издалека на поклонение Гробу Господню, соорудить там же больницу для странников и приставить к ним врачей, довершить постройку церкви Пресвятой Богородицы, основанной патриархом Илиею, заложить город в пустыне ниже его монастырей и поставить там сторожевые войска для защиты от варварского нашествия; больше же всего он просил царя постараться искоренить в своем царстве ереси Ария, Нестория и Оригена и других еретиков, волнующих Церковь Божию, — а за все это он обещал царю от Бога снова присоединение к Греческому царству Рима и Африки — тех стран, которые потеряли прежние цари. Царь согласился на все это и повелел исполнить просьбу святого, стараясь сам о том, чтобы желание преподобного во всем было как можно скорее приведено в исполнение. Когда царь обсуждал с своими советниками и казначеями просьбу святого, преподобный, отойдя немного, стал читать Давидовы псалмы, совершая час третий. А один из его учеников, по имени Иеремия, подошел к нему и сказал:

— Честный отче, что же ты отошел от царя, когда он так старается об исполнении твоей просьбы, и стоишь в стороне?

Сказал ему старец:

— Чадо, они свое дело делают, а мы — свое.

После этого царь дал святому письменное удостоверение и отпустил его с миром. Бог воздал царю в тысячу раз за оказанную блаженному Савве милость и за исполнение его просьбы. Сбылось пророчество старца: через некоторое время царь действительно одержал две славные победы над врагами, приобрел Рим и Африку и обоих царей: Виттига Римского[1] и Гелимера Карфагенского[2], он увидел приведенных пленниками в Царьград. Преподобный же Савва возвратился в Иерусалим и, по просьбе патриарха и епископов опять отправился в Кесарию и Скифополь объявить царский указ[3]; там он увидел маленького отрока Кирилла (составителя этого жития), назвал его своим учеником и предсказал о нем, что он будет иноком в его лавре.

Вскоре по возвращении оттуда Савва заболел; узнав об этом, патриарх Петр пришел его навестить и, увидев, что в келии у старца ничего нет, даже самого необходимого при его болезни, кроме небольшого количества стручков и старых фиников, взял его и на носилках перенес в свою епископию и сам заботился о нем, служа ему своими руками. По прошествии нескольких дней преподобному Савве было некое Божественное видение, возвещавшее ему о скором его преставлении.

Он рассказал о виденном патриарху и просил отпустить его в лавру, чтобы скончаться в своей келии. Патриарх, всячески желая

---

[1] *Виттиг* — один из последних королей Остготского государства в Италии, основанного Теодорихом Великим в 493 году. Виттиг царствовал с 537 по 538 год. Остготское королевство было завоевано знаменитыми полководцами византийского императора Юстиниана Велизарием и окончательно Нарзесом в 554 году.

[2] *Гелимер* — последний король Вандальского государства в Северной Африке, на месте древнего Карфагена. Вандальское королевство было разрушено и завоевано Византийским полководцем Велизарием в 534 году. Взятый в плен, Гелимер отослан был в Константинополь, где сопровождал Велизария в его триумфальном шествии.

[3] Царский указ касался, главным образом, уничтожения ересей Арианской, монофизитской, Несториевой и Оригеновой и самарянских лжеучений и об утверждении Православия.

угодить ему, отослал его в келию со всем необходимым для покоя больного. Старец лег в своей келии, призвал всех отцов и братий, простился с ними в последний раз и поставил вместо себя игуменом некоего достойного мужа, по имени Мелита, завещав ему сохранить нерушимо все монастырские предания. Четыре дня он ничего не ел и ни с кем не говорил. В субботу вечером он попросил Пречистых Тайн и, причастившись, сказал последнее слово:

— Господи, в руки Твои предаю дух мой!

Так скончался он 5 декабря, прожив девяносто четыре года, и перешел в нестареющую жизнь, в сопровождении Ангелов Божиих и святых мучеников[1].

По всем пределам Иерусалимским разнеслась весть о кончине преподобного, и собралось изо всех лавр и монастырей бесчисленное множество иноков; прибыл и патриарх с епископами и гражданскими начальниками. Отпев, погребли с честью тело его между обеими церквами, на том месте, где некогда преподобный видел огненный столп[2]. А что душу его святую проводили на небо Ангелы и мученики, узнали из следующего. Жил в святом городе один художник серебряных дел, родом из Дамаска, по имени Ромул, первый из диаконов, служащих при святой Гефсимании; он сам рассказал, как во время кончины преподобного отца Саввы воры подкопались под его дом и украли много серебра, и его собственного и чужого, бывшего у него, всего до ста литр[3]. В тяжкой печали Ромул пришел в церковь святого мученика Феодора и в течение пяти дней плакал

---

[1] Преподобный Савва Освященный преставился в 532 году.

[2] О мощах преподобного Саввы списатель его жития, инок Кирилл, много времени спустя писал: «Тело его до настоящего дня сохранилось во гробе в целости и нетлении. Это я сам своими глазами видел в прошедший индиктион. Когда открыли драгоценный гроб, чтобы положить в него останки блаженного Кассиана, то я сошел в него, чтобы поклониться мощам Божественного старца, и увидел, что они были целы и нетленны». Мощи преподобного Саввы, как живого, видел в его лавре русский паломник начала VII века, игумен Даниил. Обитель его доселе стоит у потока Кедрона, около тринадцати верст на восток от Иерусалима, и пользуется широкой известностью на Востоке и славой строгой, подвижнической жизни своих иноков. Впоследствии мощи преподобного Саввы перенесены были латинянами в Венецию, где ныне почивают в церкви святого Марка.

[3] *Литра* — византийская мера веса, равная семидесяти двум золотникам, стоила в серебре до сорока двух рублей; таким образом сто литр серебра равнялись слишком тысяче рублей.

и возжигал свечу перед алтарем. В пятую ночь он уснул и увидел святого мученика Феодора, который спросил его:

— Что с тобой, брат? Что ты так тужишь и плачешь?

Он отвечал:

— У меня пропало серебро, и мое и чужое, воры меня обокрали, потому я плачу и тужу, и молюсь, но без успеха; ты не услышал меня.

Святой же сказал:

— Поверь мне, брат, меня не было здесь в эти дни; нам, всем мученикам, повелено было собраться встретить святую душу преподобного Саввы, вышедшую из тела, и проводить ее на место упокоения; а теперь не плачь, а пойди на такое-то место (он назвал место) и найдешь украденное.

Ромул тотчас встал, взял некоторых своих знаемых, пошел с ними на указанное место и нашел все так, как было сказано святым Феодором в явлении.

Нельзя умолчать и о некоторых других чудесах, бывших по кончине преподобного. Два страннолюбивых брата имели виноградник и часто давали приют братиям, приходившим к ним из лавры блаженного Саввы; они заболели какою-то тяжкою болезнью в самое время сбора винограда, так что отчаялись получить и вино и остаться в живых. Они верили в небесное предстательство преподобного Саввы и часто поминали его, призывая на помощь; святой же скоро услышал их молитву, явился каждому отдельно и сказал:

— Я помолился Богу о вашем здоровье, Он дал вам по просьбе вашей; вставайте и идите на свою работу.

Придя в себя, они почувствовали себя здоровыми, прославили Бога и благодарили святого. С тех пор каждый год — в тот день, когда совершилось это чудо, они справляли большой праздник.

Некая благочестивая и добродетельная женщина, по имени Гинара, обещалась пожертвовать две завесы на украшение церквей в Кастеллий и в пещеру, но, по лености ткачихи, те завесы долго не были готовы. Гинара очень печалилась об этом. Тогда ей явился преподобный Савва и сказал:

— Не скорби, завтра дело пойдет успешно, ибо приношение твое будет угодно.

Он явился также и ткачихе и с гневом упрекал ее за леность. Наутро одна другой рассказала виденное, и работа вскоре была готова.

Эконом великой лавры нанял сарацинских верблюдов для перевозки от Мертвого моря купленной пшеницы. Когда верблюды пришли с пшеницею в лавру, один из них сошел с дороги направо, упал с берега с ношею в поток и лежал в болоте. Хозяин верблюда, сарацин, воскликнул:

— Отче Савва, помоги и не дай погибнуть моему верблюду!

И тотчас, в одно мгновение, он увидел честного старца, сидящего на верблюде; он побежал другим путем, сошел в поток и нашел своего верблюда невредимым, но сидевшего на нем уже не видел. Пшеница также оказалась цела. С тех пор каждый год этот сарацин приходил в лавру для поклонения гробу преподобного Саввы.

Однажды последователи Оригена, собравшись из разных мест под начальством некоего Леонтия, намеревались внезапно напасть на великую лавру и разогнать правоверное стадо преподобного Саввы, а лавру разорить всю до основания. Заготовив для этого множество ломов и других железных орудий, а также и оружие, они пошли целым полчищем в великой ярости. Был второй час дня, и вдруг нашла на них в пути тьма и туман; весь день они проблуждали и не нашли лавры, но забрели в непроходимые места, где застигла их ночь; с трудом, на следующий день они очутились близ монастыря святого Маркиана[1]. Поняв, что им ничего не удастся, они разошлись каждый к себе с позором; и сбылись на них слова Исаии пророка: *Опустошение и гибель на стезях их... Осязаем, как слепые стену, и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень* (Ис. 59, 7, 10). Бог же хранил лавру ради угодника Своего, преподобного Саввы, славно в ней потрудившегося. Его святыми молитвами и нас да сохранит от всех зол Преблагой Единый в Троице Бог Отец, Сын и Святой Дух, Ему же слава вовеки, аминь[2].

---

[1] Киновия святого аввы Маркиана находилась около Вифлеема.

[2] Преподобный Савва Освященный написал первый устав последования церковных служб, известный под именем Иерусалимского и принятый всеми палестинскими монастырями. По свидетельству Симеона Солунского, «Божественный отец наш Савва изложил устав, приняв его от преподобных Евфимия и Феоктиста (бывших первыми наставниками Саввы в подвигах пустынных), а они приняли от бывших прежде них и от исповедника Харитона», скончавшегося в 270 году, то

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ
КАРИОНА МОНАХА
и сына его
ЗАХАРИИ

Жил в Египте[1] один человек, по имени Карион. У него было двое детей, которых он оставил своей жене, а сам ушел в скит[2] и стал иноком. Через некоторое время случился голод в Египте; жена Кариона, натерпевшись нищеты, пошла к скиту, неся с собою детей, одного — мальчика, по имени Захарию, другую — девочку, и села под деревом на берегу источника. В ските был обычай: если придет какая женщина для беседы с иноком, то они должны были разговаривать издали, через реку. И эта женщина через реку сказала Кариону:

— Вот ты — инок, а теперь большой голод: кто же прокормит твоих детей?

Карион сказал жене:

— Возьми ты себе ребенка женского пола и уходи, а мне пусть останется мальчик.

И взял себе Карион ребенка Захарию, воспитал его в скиту, и все знали, что это — его сын. Когда отрок вырос, произошло из-за него неудовольствие среди иноков. Услышав об этом, Карион сказал Захарии:

есть короче по преданию апостольскому. Впоследствии устав Саввы Освященного обогащен был многими необходимыми и важными дополнениями, согласно требованиям благочестия; еще позднее он затерялся и был возобновлен Софронием, патриархом Иерусалимским.

[1] *Египет* — северо-восточная страна Африки, по реке Нилу.

[2] *Скит* — египетское слово — значит весы, испытание сердца. Другие производят от греческого σκύτος — кожа, каковое словопроизводство указывает на то, что первоначальные скитники-подвижники не имели правильно устроенных домов, а довольствовались устройством кожаных прикрытий из шкур диких зверей. Скитом назывался особый вид иноческих обителей в смысле отдельных келий для одиноких отшельников. Это имя, прежде всего, прилагалось к известной местности, в расстоянии двадцати пяти–тридцати верст от горы Нитрийской, в северо-западной части Египта.

— Встань и уйди отсюда, потому что из-за тебя ропщут на меня отцы.

Захария же отвечал:

— Я твой сын; куда я пойду от тебя?

Тогда они оба, отец Карион с сыном, взяли и ушли в Фиваиду[1], и прожили там в келии несколько дней. Но и там поднялся ропот, и они опять вернулись в скит, хотя братия и здесь не переставала роптать. Тогда Захария пошел к озеру с вредной водой, погрузился до ноздрей в воду и пробыл так час; после этого он стал похож на прокаженного, и отец с трудом узнал его. Когда он пришел к святому причащению, то святому пресвитеру Исидору было откровение о Захарии, и тот сказал ему:

— Чадо, в прошлое воскресенье ты пришел причаститься, как человек, а теперь, как Ангел.

Когда же Карион готовился преставиться к Богу, то сказал братии:

— Многие труды исполнил я, подвизаясь более сына моего Захарии, но не дошел до такой степени смирения и безмолвия, как он.

И преставился старец. После этого сказал отец Моисей[2] Захарии:

— Скажи же, что сделать мне, чтобы спастись?

Захария бросился ему в ноги, говоря:

— Тебе ли спрашивать меня, отче?

А старец сказал ему:

— Поверь мне, чадо Захария, я видел Духа Святого, сошедшего на тебя, потому я и спросил тебя.

Тогда Захария снял клобук со своей головы, положил его у ног, растоптал его и сказал:

— Если не сотрется человек вот так, не может быть иноком.

Когда Захария готовился преставиться, Моисей спросил его:

— Что видишь, брат?

Он же отвечал:

— Не лучше ли молчать, отче?

---

[1] *Фиваида* — область знаменитого в древности египетского города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь Верхний (Южный) Египет. Пустыня Фиваидская была одним из самых излюбленных мест подвижничества древнехристианских иноков.

[2] Здесь разумеется преподобный Моисей Мурин, память которого празднуется 28 августа.

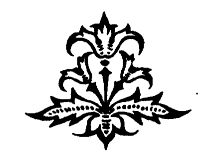
Тогда Моисей сказал:

— Да, чадо, молчи.

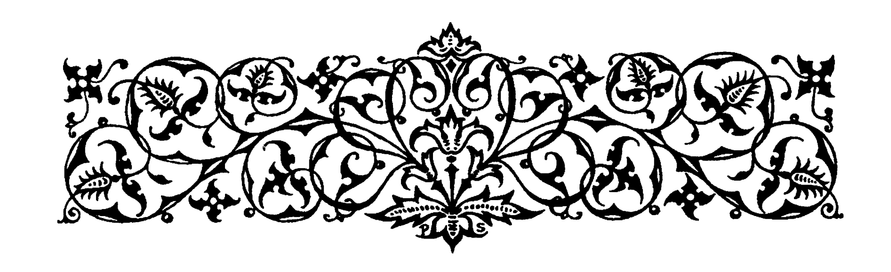
В самый же час его кончины отец Исидор, посмотрев на небо, сказал:

— Радуйся, чадо мое Захария, тебе отверзлись врата Царствия небесного!

И тогда Захария предал душу свою Богу[1] и был погребен честными отцами в скиту.



[1] Преподобный Захария скончался в конце IV века по Рождестве Христовом.



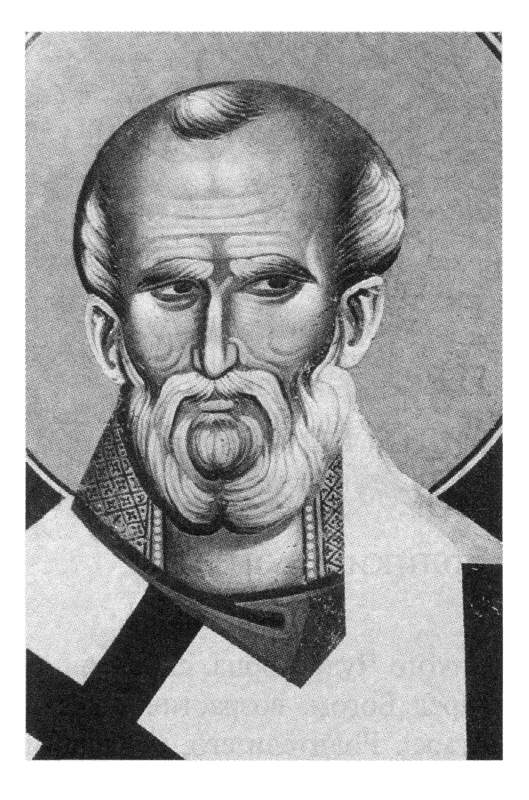
День шестой

ЖИТИЕ
СВЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА
НИКОЛАЯ,
архиепископа Мирликийского

Святителя Христова Николая, великого Чудотворца, скорого помощника и изрядного ходатая пред Богом, возрастила страна Ликийская. Он родился в городе Патаре[1]. Родители его, Феофан и Нонна, были люди благочестивые, знатные и богатые. Эта благословенная чета, за свою богоугодную жизнь, многие милостыни и великие добродетели, как корень святой, удостоилась произрастить святую ветвь и, как *дерево, посаженное при потоках вод,* принесли *плод свой во время свое* (Пс. 1, 3). Когда родился этот благословенный отрок, ему дали имя Николай, что значит *победитель народов*. И он, по благословению Божию, воистину явился победителем злобы, на благо всему миру. После его рождения матерь его Нонна тотчас же освободилась от болезни и с того времени до самой своей кончины оставалась неплодною. Этим сама природа как бы засвидетельствовала, что у жены этой не могло быть другого сына, подобного святому Николаю: он один долженствовал быть первым и последним. Освященный еще в утробе матери богодухновенною благодатью, он явил себя благоговейным почитателем Бога ранее, чем увидел свет, стал творить чудеса прежде, чем начал питаться молоком матери, и был постником прежде, чем привык вкушать пищу. По своем рождении,

---

[1] *Патара* был приморским торговым городом в Малоазийской провинции Ликии (ныне —Анатолии). Основан финикиянами; ныне в развалинах.



еще в купели крещения он три часа простоял на ногах, никем не поддерживаемый, воздавая этим честь Пресвятой Троице, великим служителем и предстателем Которой он должен был явиться впоследствии. В нем можно было узнать будущего чудотворца даже по тому, как он приникал к сосцам матери; ибо он питался молоком одной правой груди, знаменуя тем будущее стояние свое одесную Господа вместе с праведными. Свое изрядное постничество он проявил в том, что по средам и пятницам вкушал молоко матери только один раз, и то вечером, по совершении родителями обычных молитв. Отец и мать его весьма этому удивлялись и провидели, каким строгим постником будет сын их в своей жизни. Навыкнув от младенческих пелен такому воздержанию, святой Николай всю свою жизнь до самой кончины проводил среду и пятницу в строгом посте. Возрастая с годами, отрок возрастал и в разуме, совершенствуясь в добродетелях, которым был научаем от благочестивых родителей. И был он, как нива плодоносная, принимающая в себя и возращающая доброе семя поучения и приносящая каждый день новые плоды благонравия. Когда пришло время поучаться Божественному Писанию, святой Николай силою и остротою своего ума и помощию Святого Духа в малое время постиг многую премудрость и успел в книжном учении так, как подобает доброму кормчему Христова корабля и искусному пастырю словесных овец. Достигнув совершенства в слове и учении, он показал себя совершенным и в самой жизни. Он всячески уклонялся суетных друзей и праздных бесед, избегал разговоров с женщинами и даже не смотрел на них. Святой Николай хранил истинное целомудрие, чистым умом всегда созерцая Господа и усердно посещая храм Божий, следуя псалмопевцу, гла-

голющему: *Желаю лучше быть у порога в доме Божием* (Пс. 83, 11). В храме Божием он проводил целые дни и ночи в богомысленной молитве и чтении Божественных книг, поучаясь разуму духовному, обогащаясь Божественною благодатью Святого Духа и созидая в себе достойное для Него жилище, по словам Писания: *вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16). Дух Божий поистине обитал в сем добродетельном и чистом юноше, и, служа Господу, он горел духом. В нем не замечалось никаких привычек, свойственных юности: по своему нраву он был подобен старцу, почему все уважали его и удивлялись ему. Старый человек, если выказывает юношеские увлечения, для всех служит посмешищем; наоборот, если юноша имеет нрав старца, то от всех с удивлением почитается. Неуместна в старости юность, но достойна уважения и прекрасна в юности старость.

Был у святого Николая дядя, епископ города Патары, соименный племяннику, который в честь его и был назван Николаем. Этот епископ, видя, что его племянник преуспевает в добродетельном житии и всячески устраняется от мира, стал советовать его родителям, чтобы они отдали своего сына на службу Богу. Те послушались совета и посвятили Господу свое чадо, которое сами приняли от Него как дар. Ибо в древних книгах о них повествуется, что они были неплодны и уже не надеялись иметь детей, но многими молитвами, слезами и милостынями испросили себе у Бога сына, и теперь не пожалели принести его в дар Даровавшему его. Епископ, приняв этого юного старца, имеющего *седину мудрость и возраст старости, житие нескверно* (слав. Прем. 4, 9), возвел его в пресвитерский сан. Когда он рукополагал святого Николая во священника, то, по внушению Святого Духа, обратившись к народу, бывшему в церкви, пророчески сказал:

— Я вижу, братия, новое солнце, восходящее над землею и являющее собою милостивое утешение для скорбящих. Блаженно то стадо, которое удостоится иметь его у себя пастырем, ибо этот добре упасет души заблуждших, пропитает их на пажити благочестия и явится милосердым помощником в бедах и скорбях.

Это пророчество впоследствии действительно исполнилось, как будет видно из дальнейшего повествования.

Приняв пресвитерский сан, святой Николай прилагал труды к трудам; бодрствуя и пребывая в непрестанной молитве и посте, он,

будучи смертен, старался подражать бесплотным. Проводя такое равноангельское житие и день ото дня все более процветая красотою души, он был вполне достоин управлять Церковью. В это время епископ Николай, желая идти в Палестину на поклонение святым местам, вручил управление Церковью племяннику своему. Этот иерей Божий святой Николай, заступив место своего дяди, заботился о делах Церкви так же, как и сам епископ. В это время его родители преселились в вечную жизнь. Получив в наследство их имение, святой Николай роздал его нуждающимся. Ибо он не обращал внимания на скоропреходящее богатство и не заботился о его умножении, но, отрекшись от всяких мирских желаний, со всем усердием старался предать себя Единому Богу, взывая: *К Тебе, Господи, возношу душу мою* (Пс. 24, 1); *Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой* (Пс. 142, 10); *На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты — Бог мой* (Пс. 21, 11).

И была рука его простерта к нуждающимся, на которых она изливала пребогатую милостыню, как многоводная река, изобилующая струями. Вот одно из многих дел его милосердия.

Жил в городе Патаре некий муж, знатный и богатый. Придя в крайнюю нищету, он потерял прежнее свое значение, ибо жизнь века сего непостоянна. Этот человек имел трех дочерей, которые были очень красивы собою. Когда уже он лишился всего необходимого, так что нечего было есть и не во что одеться, он, ради своей великой нищеты, замыслил отдать своих дочерей на любодеяние и обратить свое жилище в дом блуда, чтобы таким образом добывать себе средства к жизни и приобретать и себе и дочерям одежду и пищу. О горе, к каким недостойным мыслям приводит крайняя нищета! Имея эту нечистую мысль, муж этот хотел уже исполнить свое злое намерение. Но Всеблагой Господь, не хотящий видеть человека в погибели и человеколюбно помогающий в бедах наших, вложил благую мысль в душу угоднику Своему, святому иерею Николаю, и тайным вдохновением послал его к погибающему душою мужу, для утешения в нищете и предупреждения от греха. Святой Николай, услышав о крайней бедности того мужа и Божиим откровением узнав о его злом намерении, пожалел его и решил своею благодетельною рукою извлечь его вместе с дочерьми, как из огня, из ни-

щеты и греха. Однако он не пожелал оказать свое благодеяние тому мужу открыто, но задумал подать ему щедрую милостыню тайно. Так святой Николай поступил по двум причинам. С одной стороны, он хотел сам избежать суетной человеческой славы, следуя словам Евангелия: *Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми* (Мф. 6, 1), с другой стороны, он не желал оскорбить мужа, бывшего некогда богачом, а теперь пришедшего в крайнюю нищету. Ибо он знал, как тяжела и оскорбительна милостыня для того, кто от богатства и славы перешел в убожество, потому что она напоминает ему о прежнем благоденствии. Поэтому святой Николай счел за лучшее поступить по учению Христа: *У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6, 3). Он так избегал человеческой славы, что старался утаить себя даже и от того, кому благодетельствовал. Он взял большой узел золота, пришел в полночь к дому мужа того и, бросив этот узел в окно, сам поспешил возвратиться домой. Утром муж тот встал и, найдя узел, развязал его. При виде золота, он пришел в великий ужас и не верил своим глазам, потому что ниоткуда не мог ожидать такого благодеяния. Однако, перебирая монеты пальцами, он убедился, что пред ним в самом деле золото. Возвеселившись духом и удивляясь этому, он плакал от радости, долго размышлял о том, кто бы мог оказать ему такое благодеяние, и ничего не мог придумать. Приписав это действию Божественного промысла, он непрестанно благодарил в душе своего благодетеля, воздавая хвалу пекущемуся о всех Господу. После этого он выдал замуж старшую свою дочь, дав ей в приданое чудесно дарованное ему золото. Святой Николай, узнав о том, что муж этот поступил по его желанию, возлюбил его и решил сотворить такую же милость и второй дочери, намереваясь законным браком оградить и ее от греха. Приготовив другой узел золота, такой же, как и первый, он ночью, тайно от всех, через то же окно бросил его в дом мужа. Встав поутру, бедняк опять нашел у себя золото. Снова он пришел в удивление и, пав на землю и обливаясь слезами, говорил:

— Боже милостивый, Строитель нашего спасения, искупивший меня самою кровию Твоею и ныне искупающий златом дом мой и моих детей от сетей вражиих, Сам Ты покажи мне слугу Твоего ми-

лосердия и человеколюбивой Твоей благости. Покажи мне того земного Ангела, который сохраняет нас от греховной погибели, чтобы я мог узнать, кто исторгает нас от угнетающей нас нищеты и избавляет от злых мыслей и намерений. Господи, по Твоей милости, тайно творимой мне щедрою рукою неизвестного мне Твоего угодника, я могу отдать замуж по закону и вторую свою дочь и тем избежать сетей диавола, который хотел скверным прибытком умножить и без того великую мою погибель.

Помолившись так Господу и возблагодарив Его благостыню, муж тот отпраздновал брак второй своей дочери. Уповая на Бога, отец питал несомненную надежду, что Он и третьей дочери подаст законного супруга, снова даровав тайно благодетельствующею рукою потребное для этого золото. Чтобы узнать, кто и откуда приносит ему золото, отец не спал ночи, подстерегая своего благодетеля и желая его видеть. Немного прошло времени, как ожидаемый благодетель явился. Христов угодник Николай тихо пришел и в третий раз и, остановившись на обычном месте, бросил в то же окно такой же узел золота, и тотчас поспешил к своему дому. Услышав звон золота, брошенного в окно, муж тот насколько мог быстро побежал вслед за угодником Божиим. Догнав его и узнав, потому что нельзя было не знать святого по его добродетели и знатному происхождению, муж этот пал ему в ноги, лобызая их и называя святого избавителем, помощником и спасителем душ, пришедших в крайнюю погибель.

— Если бы, — говорил он, — не восставил меня твоими щедротами Великий в милости Господь, то я, несчастный отец, давно уже погиб бы вместе с своими дочерьми в огне Содомском. Ныне же мы спасены тобою и избавлены от ужасного грехопадения.

И еще много подобных слов говорил он святому со слезами. Едва подняв его с земли, святой угодник взял с него клятву, что он во всю свою жизнь никому не поведает о том, что с ним было. Сказав ему еще многое на пользу, святой отпустил его в дом свой.

Из многих дел милосердия угодника Божия мы поведали только об одном, чтобы было известно, насколько он был милостив к нищим. Ибо недостало бы нам времени, если бы повествовать подробно о том, как он был щедр к нуждающимся, сколько голодных он напитал, сколько одел нагих и скольких выкупил у заимодавцев.

После этого преподобный отец Николай пожелал отправиться в Палестину, чтобы видеть и поклониться тем святым местам, где Господь Бог наш, Иисус Христос, ходил пречистыми Своими стопами. Когда корабль плыл около Египта и путники не знали, что их ожидает, находившийся среди них святой Николай предвидел, что вскоре поднимется буря, и возвестил об этом своим спутникам, сказав им, что он видел самого диавола, вошедшего в корабль с тем, чтобы всех их потопить в глубине морской. И в тот самый час неожиданно небо покрылось облаками, и сильная буря подняла страшное волнение на море. Путники пришли в великий ужас и, отчаявшись в своем спасении и ожидая смерти, молили святого отца Николая помочь им, погибающим в пучине морской.

— Если ты, угодник Божий, — говорили они, — не поможешь нам своими молитвами ко Господу, то мы тотчас погибнем.

Повелев им мужаться, возложить надежду на Бога и без всяких сомнений ожидать скорого избавления, святой стал усердно молиться Господу. Тотчас море успокоилось, настала великая тишина, и всеобщая скорбь превратилась в радость. Обрадованные путники воздали благодарение Богу и Его угоднику, святому отцу Николаю, и вдвойне удивлялись — и предсказанию его о буре, и прекращению скорби. После того одному из корабельщиков нужно было подняться на верх мачты. Спускаясь оттуда, он оборвался и упал с самой высоты на средину корабля, убился до смерти и лежал бездыханным. Святой Николай, готовый на помощь прежде, чем ее потребуют, тотчас воскресил его своею молитвою, и тот встал как бы пробудившись от сна. После этого, подняв все паруса, путники продолжали благополучно свое плавание, при попутном ветре, и спокойно пристали к берегу Александрии. Исцелив здесь многих больных и бесноватых и утешив скорбящих, угодник Божий, святой Николай, снова отправился по намеченному пути в Палестину.

Достигнув святого града Иерусалима, святой Николай пришел на Голгофу, где Христос Бог наш, простерши на кресте Свои пречистые руки, соделал спасение роду человеческому. Здесь угодник Божий излил от горящего любовью сердца теплые молитвы, воссылая благодарение Спасителю нашему. Он обошел все святые места, везде творя усердное поклонение. И когда ночью он хотел войти в святую

церковь[1] на молитву, замкнутые церковные двери отверзлись сами собою, открывая невозбранный вход тому, для кого были отверсты и небесные врата. Пробыв в Иерусалиме довольно долгое время, святой Николай намеревался удалиться в пустыню, но был остановлен свыше Божественным гласом, увещевавшим его возвратиться на свою родину. Господь Бог, все устрояющий на пользу нашу, не благоволил, чтобы тот светильник, который по воле Божией должен был светить Ликийской митрополии, оставался сокрытым под спудом, в пустыне. Придя на корабль, угодник Божий уговорился с корабельщиками, чтобы они доставили его в родную страну. Но они замыслили обмануть его и направили свой корабль не в Ликийскую, а в иную страну. Когда они отплыли от пристани, святой Николай, заметив, что корабль плывет по другому пути, пал корабельщикам в ноги, умоляя их направить корабль в Ликию. Но они не обратили на его мольбы никакого внимания и продолжали плыть по намеченному пути: не знали они, что Бог не оставит Своего угодника. И вдруг налетела буря, повернула корабль в другую сторону и быстро понесла его по направлению к Ликии, угрожая злым корабельщикам совершенною погибелью. Так носимый Божественною силою по морю, святой Николай прибыл, наконец, в свое отечество. По своему незлобию он не сотворил никакого зла своим злокозненным врагам. Он не только не разгневался и ни одним словом не упрекнул их, но с благословением отпустил их в свою страну. Сам же он пришел в обитель, основанную его дядею, Патарским епископом, и названную святым Сионом, и здесь для всей братии оказался желанным гостем. Приняв его с великою любовью, как Ангела Божия, они наслаждались его богодухновенною речью и, подражая добрым нравам, которыми украсил Бог Своего верного раба, назидались равноангельным его житием. Найдя в этом монастыре безмолвное житие и тихое пристанище для богомыслия, святой Николай надеялся и остальное время своей жизни провести здесь неисходно. Но Бог указывал ему иной путь, ибо не хотел, чтобы такое богатое сокровище

---

[1] Это была небольшая церковь на Сионской горе, единственная в то время во всем городе Иерусалиме, населенном язычниками и носившем название Элии Капитолины. Церковь эта, по преданию, была построена в том доме, где Господь Иисус Христос установил таинство причащения и где потом было Сошествие Святого Духа на апостолов.

добродетелей, которым должен обогатиться мир, пребывало заключенным в обители, подобно сокровищу, закопанному в землю, но чтобы оно было для всех открыто и им совершалась духовная купля, многие души приобретающая. И вот однажды святой, стоя на молитве, услышал глас свыше:

— Николай, если ты желаешь удостоиться от Меня венца, иди и подвизайся на благо миру.

Услышав это, святой Николай пришел в ужас и стал размышлять о том, чего желает и требует от него глас этот. И снова услышал:

— Николай, не здесь та нива, на которой ты должен принести ожидаемый Мною плод; но обратись и иди в мир, и да будет прославлено в тебе имя Мое.

Тогда святой Николай уразумел, что Господь требует от него оставить подвиг безмолвия и идти на служение людям для их спасения.

Он стал размышлять, куда ему направиться, в отечество ли свое, город Патару, или в иное место. Избегая суетной славы среди своих сограждан и опасаясь ее, он замыслил удалиться в другой город, где бы его никто не знал. В той же самой Ликийской стране был славный город Миры, бывший митрополиею всей Ликии[1]. В этот город и пришел святой Николай, водимый Божиим промыслом. Здесь он не был известен никому; и пребывал он в этом городе, как нищий, не имея, где приклонить главу. Только в доме Господнем и находил он себе приют, имея в Боге единственное пристанище. В то время скончался архиерей того города Иоанн, архиепископ и первопрестольник всей Ликийской страны. Поэтому в Миры собрались все епископы Ликии, чтобы избрать на освободившийся престол достойного. Много мужей, почитаемых и благоразумных, было намечено в преемники Иоанну. Среди избирающих было большое несогласие, и некоторые из них, подвигнутые Божественною ревностью, сказали:

— Избрание епископа на этот престол не подлежит решению людей, но есть дело Божия строения. Нам подобает совершить молитву, чтобы Сам Господь открыл, кто достоин принять такой сан и быть пастырем всей Ликийской страны.

Добрый этот совет встретил всеобщее одобрение, и все предались усердной молитве и посту. Господь, исполняющий желание боя-

[1] *Миры* (ныне *Мири*, у турок — *Дембре*) были главным городом древней Ликии и находились близ моря, на реке Андрак, у устья которой была гавань Андриаке.

щихся Его, внимая молитве епископов, так открыл старейшему из них Своих благую волю. Когда епископ стоял на молитве, пред ним явился светлообразный муж и повелел ему ночью отправиться к дверям церковным и наблюдать, кто прежде всех войдет в церковь.

— Этот, — сказал Он, — и есть Мой избранник; примите его с честью и поставьте во архиепископы; имя мужу этому Николай.

О таком Божественном видении архиерей возвестил прочим епископам, и они, слыша это, усугубили свои молитвы. Удостоившийся откровения епископ стал на том месте, где было ему указано в видении, и ожидал прихода желанного мужа. Когда настало время утренней службы, святой Николай, побуждаемый духом, пришел к церкви прежде всех, ибо он имел обычай вставать в полночь на молитву и раньше других приходить к утренней службе. Как только он вошел в притвор, епископ, удостоившийся откровения, остановил его и просил сказать свое имя. Святой Николай молчал. Епископ снова спросил его о том же. Святой кротко и тихо ответил ему:

— Имя мое — Николай, я раб твоей святыни, владыка.

Благочестивый епископ, услышав такую краткую и смиренную речь, уразумел как по самому имени — Николай, — предсказанному ему в видении, так и по смиренному и кроткому ответу, что пред ним тот самый муж, которому Бог благоволил быть первопрестольником Мирской церкви. Ибо он знал из Священного Писания, что Господь призирает на кроткого, молчаливого и трепещущего пред словом Божиим. Великою радостью он возрадовался, как бы получив некое тайное сокровище. Тотчас взяв святого Николая за руку, он сказал ему:

— Следуй за мною, чадо.

Когда он с честью привел святого к епископам, те исполнились Божественной сладости и, утешаясь духом, что обрели указанного Самим Богом мужа, повели его в церковь. Молва о том разнеслась повсюду, и быстрее птиц к церкви стеклось бесчисленное множество народа. Епископ, удостоившийся видения, обратился к народу и воскликнул:

— Приимите, братия, своего пастыря, которого помазал Сам Дух Святой и которому Он вручил попечение о душах ваших. Не человеческим собранием поставлен он, но Самим Богом. Ныне мы имеем

того, кого желали, и нашли и приняли, кого искали. Под его правлением и наставлением мы не лишимся надежды, что предстанем пред Богом в день Его явления и откровения.

Весь народ воздавал благодарение Богу и радовался неизреченною радостью. Не перенося человеческих похвал, святой Николай долго отрекался принять священный сан; но уступая усердным мольбам собора епископов и всего народа, вступил на архиерейский престол против своей воли. К этому его побуждало Божественное видение, бывшее ему еще прежде смерти архиепископа Иоанна. Об этом видении повествует святой Мефодий, патриарх Константинопольский. Однажды, говорит он, святой Николай ночью увидел, что пред ним стоит Спаситель во всей Своей славе и подает ему Евангелие, украшенное золотом и жемчугом. По другую сторону себя святой Николай увидел Пресвятую Богородицу, возлагающую на его рамена святительский омофор. После этого видения прошло немного дней, и Мирский архиепископ Иоанн скончался.

Вспоминая это видение и видя в нем явное благоволение Божие и не желая отказать усердным мольбам собора, святой Николай принял паству. Собор епископов со всем церковным клиром совершили над ним посвящение и светло праздновали, веселясь о дарованном Богом пастыре, святителе Христовом Николае. Таким образом Церковь Божия приняла светлого светильника, который не остался под спудом, но был поставлен на подобающем ему архиерейском и пастырском месте. Удостоенный этого великого сана, святой Николай право правил слово истины и мудро наставлял свою паству в учении веры.

В самом начале своего пастырства угодник Божий так говорил себе:

— Николай! Принятый тобою сан требует от тебя иных обычаев, чтобы ты жил не для себя, но для других.

Желая научать своих словесных овец добродетелям, он не скрывал уже, как прежде, своего добродетельного жития. Ибо прежде он проводил свою жизнь, втайне служа Богу, Который Един только ведал его подвиги. Теперь же, по принятии им архиерейского сана, жизнь его стала открыта для всех, не по тщеславию пред людьми, но ради их пользы и умножения славы Божией, чтобы исполнилось слово Евангельское: *Так да светит свет ваш пред людьми,*

чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного (Мф. 5, 16). Святой Николай по своим добрым делам был как бы зерцалом для своего стада и, по слову апостола: *будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12). Он был нравом кроток и незлобив, смирен духом и избегал всякого тщеславия. Одежды его были просты, пища — постническая, которую он всегда вкушал только один раз в день, и то вечером. Весь день он проводил в приличных его сану трудах, выслушивая просьбы и нужды к нему приходящих. Двери его дома были открыты для всех. Он был добрым и доступным для всех, сиротам он был отец, нищим — милостивый податель, плачущим — утешитель, обиженным — помощник и всем — великий благодетель. В помощь себе в церковном управлении он избрал двух добродетельных и благоразумных советников, облеченных пресвитерским саном. Это были известные во всей Греции мужи — Павел Родосский и Феодор Аскалонский.

Так святитель Николай пас вверенное ему стадо словесных Христовых овец. Но завистливый змий лукавый, никогда не престающий воздвигать брань на рабов Божиих и не переносящий процветания среди людей благочестия, воздвиг гонение на Церковь Христову через нечестивых царей Диоклетиана и Максимиана[1]. В то самое время от этих царей вышло повеление по всей империи, чтобы христиане отверглись от Христа и поклонялись идолам. Тех, кто не повиновался этому повелению, было предписано принуждать к тому темничным заключением и тяжкими муками и, наконец, предавать смертной казни. Эта дышащая злобою буря, по усердию ревнителей тьмы и нечестия, вскоре достигла и Мирского града. Блаженный Николай, бывший в том граде руководителем всех христиан, свободно и дерзновенно проповедовал Христово благочестие и был готов пострадать за Христа. Поэтому он был схвачен нечестивыми мучителями и заключен вместе со многими христианами в темницу. Здесь он пробыл не малое время, перенося тяжкие страдания, пре-

---

[1] *Императоры Диоклетиан и Максимиан* (с 284 по 305 год) были соправителями: первый — царствовал на Востоке, второй — на Западе. Воздвигнутое Диоклетианом гонение отличалось особенною жестокостью. Оно началось в городе Никомидии, где в самый день Пасхи было сожжено в храме до двадцати тысяч христиан.

терпевая голод и жажду и тесноту темничную. Своих соузников он питал словом Божиим и напоял сладкими водами благочестия; утверждая в них веру во Христа Бога, укрепляя их на нерушимом основании, он убеждал быть твердыни в исповедании Христа и усердно страдать за истину. Тем временем христианам снова была дарована свобода, и благочестие воссияло, как солнце после темных туч, и наступила как бы некая тихая прохлада после бури. Ибо Человеколюбец Христос, призрев на Свое достояние, истребил власть нечестивых, низринув с царского престола Диоклетиана и Максимиана и удалив ревнителей эллинского нечестия. Явлением Своего Креста царю Константину Великому, которому Он благоволил вручить Римскую державу, *воздвиг* Господь Бог людям Своим *рог спасения* (Лк. 1, 69). Царь Константин, познав Единого Бога и на Него возложив всю надежду, сило́ю честного Креста победил всех своих врагов и, повелев разорить идольские капища и восстановить христианские храмы, рассеял суетные надежды своих предшественников. Он освободил всех, заключенных за Христа в темницах, и, почтив их, как мужественных воинов, великими похвалами, возвратил этих исповедников Христовых, каждого в свое отечество. В то время и город Миры снова принял своего пастыря, великого архиерея Николая, удостоившегося венца мученического. Нося в себе Божественную благодать, он, как и прежде, исцелял страсти и недуги людей, и не только верных, но и неверных. Ради великой благодати Божией, в нем пребывавшей, многие прославляли его и удивлялись ему и все любили. Ибо он сиял чистотою сердца и был наделен всеми дарами Божиими, служа Господу своему в преподобии и правде. В то время еще много оставалось эллинских капищ, к которым нечестивые люди привлекаемы были диавольским внушением, и многие из мирских жителей пребывали в погибели. Архиерей Бога Вышнего, одушевленный ревностию Божиею, прошел по всем этим местам, разоряя и обращая в прах идольские капища и очищая свое стадо от скверны диавольской. Так ратоборствуя с духами злобы, святой Николай пришел в храм Артемиды[1], который был очень велик и богато украшен, представляя собою приятное для бесов жилище. Святой Николай разорил этот храм

---

[1] *Артемида* — иначе *Диана* — известная греческая богиня, олицетворявшая собой луну и считавшаяся покровительницей лесов и охоты.

скверны, сровнял высокое его здание с землею и самое основание храма, бывшее в земле, разметал по воздуху, ополчившись более на бесов, нежели на самый храм. Лукавые духи, не перенося пришествия угодника Божия, испускали скорбные вопли, но, побежденные молитвенным оружием непобедимого воина Христова, святителя Николая, должны были бежать из своего жилища.

Благоверный царь Константин, желая утвердить Христову веру, повелел созвать в городе Никее Вселенский собор. Святые отцы собора изложили правое учение, предали проклятию Арианскую ересь и вместе с нею самого Ария[1] и, исповедуя Сына Божия равночестным и соприсносущным Богу Отцу, восстановили мир в святой Божественной Апостольской Церкви. Среди трехсот восемнадцати отцов собора был и святитель Николай. Он мужественно стоял против нечестивого учения Ария и вместе со святыми отцами собора утвердил и предал всем догматы православной веры. Инок Студийского монастыря Иоанн повествует о святителе Николае, что одушевленный, подобно пророку Илие, ревностью по Боге, он посрамил этого еретика Ария на соборе не только словом, но и делом, ударив в ланиту. Отцы собора вознегодовали на святителя и за его дерзкое деяние постановили лишить его архиерейского сана. Но Сам Господь наш Иисус Христос и Преблагословенная Его Матерь, взирая свыше на подвиг святителя Николая, о дерзновении его благоволили и похвалили его Божественную ревность. Ибо некоторым из святых отцов собора было такое же видение, которого удостоился и сам святитель еще прежде своего поставления на архиерейство. Они видели, что с одной стороны святителя стоит Сам Христос Господь с Евангелием, а с другой — Пречистая Дева Богородица с омофором, и подают святителю знаки его сана, которых он был лишен. Уразумев из этого, что дерзновение святителя было угодно Богу, отцы собора перестали упрекать святителя и воздали ему честь, как великому угоднику Божию[2]. Возвратясь с со-

---

[1] *Арий* отвергал Божество Иисуса Христа и не признавал Его единосущным Богу Отцу. Созванный равноапостольным царем Константином, I Вселенский собор состоялся в 325 году под председательством самого императора и ввел в церковное употребление Символ веры, впоследствии дополненный и законченный на II Вселенском соборе, бывшем в Константинополе в 381 году.

[2] По свидетельству А. Н. Муравьева, в Никее доселе сохраняется, даже среди турок, предание об этом. В одной из бойниц этого города показывают темницу святого Николая. Здесь он, по преданию, был заключен за то, что поразил на со-

бора к своему стаду, святитель Николай принес ему мир и благословение. Своими медоточивыми устами он преподал всему народу здравое учение, пресек в самом корне неправые мысли и умствования и, обличив ожесточенных, бесчувственных и закоренелых в злобе еретиков, прогнал их от Христова стада. Как мудрый земледелец очищает все, находящееся на гумне и в точиле, отбирает лучшие зерна и оттрясает плевелы, так благоразумный делатель на гумне Христовом, святитель Николай, наполнял духовную житницу добрыми плодами, плевелы же еретической прелести развевал и далеко отметал от пшеницы Господней. Поэтому-то святая Церковь и называет его лопатою, Ариевы плевельные учения развевающую. И был он поистине свет миру и соль земли, ибо житие его было светло и слово его было растворено солью премудрости. Этот добрый пастырь имел великое попечение о своем стаде, во всех его нуждах, не только питая его на духовной пажити, но заботясь и о телесной его пище.

Однажды в Ликийской стране был великий голод, и в городе Мирах ощущался крайний недостаток в пище. Сожалея о несчастных людях, погибающих от голода, архиерей Божий явился ночью во сне одному купцу, находившемуся в Италии, который нагрузил житом весь свой корабль и намеревался плыть в другую страну. Дав ему в залог три золотых монеты, святитель повелел ему плыть в Миры и продавать там жито. Проснувшись и найдя в руке золото, купец пришел в ужас, удивляясь такому сну, который сопровождался чудесным явлением монет. Купец не решился ослушаться повеления святителя, отправился в город Миры и распродал свой хлеб его жителям. При этом он не скрыл от них о бывшем ему во сне явлении святого Николая. Приобретя такое утешение в голоде и слушая рассказ купца, граждане воздавали Богу славу и благодарение и прославляли своего чудесного питателя, великого архиерея Николая.

В то время в великой Фригии поднялся мятеж. Узнав об этом, царь Константин послал трех воевод с их войсками умиротворить мятежную страну. Это были воеводы Непотиан, Урс и Ерпилион. С великою поспешностью они отплыли из Константинополя и остановились в одной пристани Ликийской епархии, которая называ-

---

боре Ария, и содержался в узах, доколе не был оправдан свыше по небесному суду, который ознаменовался явлением Евангелия и омофора, как это пишется на иконах святителя (Письма с Востока, СПб., 1851, ч. 1, 106–107).

лась Адриатским берегом. Здесь был город. Так как сильное морское волнение препятствовало дальнейшему плаванию, то они стали в этой пристани ожидать тихой погоды. Во время стоянки некоторые воины, выходя на берег для покупки необходимого, многое брали насилием. Так как это случалось часто, то жители того города озлобились, вследствие чего на месте, называемом Плакомата, происходили между ними и воинами споры, раздоры и брань. Узнав об этом, святитель Николай решил сам отправиться к тому городу, чтобы прекратить междоусобную брань. Услышав о его пришествии, все граждане вместе с воеводами вышли ему навстречу и поклонились. Святитель спросил воевод, откуда и куда они держат путь. Они сказали ему, что посланы царем во Фригию подавить возникший там мятеж. Святитель увещевал их держать своих воинов в повиновении и не позволять им притеснять людей. После этого он пригласил воевод в город и радушно угостил их. Воеводы, наказав провинившихся воинов, утишили волнение и удостоились благословения от святого Николая. Когда это происходило, пришли из Мир несколько граждан, сетуя и плача. Припав к ногам святителя, они просили защитить обиженных, рассказывая ему со слезами, что в его отсутствие правитель Евстафий, подкупленный завистливыми и злыми людьми, осудил на смерть трех мужей из их города, которые ни в чем не были повинны.

— Весь наш город, — говорили они, — сетует и плачет и ожидает твоего возвращения, владыка. Ибо, если бы ты был с нами, то правитель не осмелился бы сотворить такой неправедный суд.

Услышав об этом, архиерей Божий душевно восскорбел и, в сопровождении воевод, тотчас отправился в путь. Достигнув места, называемого «Лев», святитель встретил некиих путников и спросил их, не знают ли они чего об осужденных на смерть мужах. Они отвечали:

— Мы оставили их на поле Кастора и Поллукса, влекомых на казнь.

Святитель Николай пошел быстрее, стремясь предупредить неповинную смерть тех мужей. Достигнув места казни, он увидал, что там собралось множество народа. Осужденные мужи, со связанными назад руками и с закрытыми лицами, уже преклонились к земле, протянули обнаженные шеи и ожидали удара меча. Святитель ви-

дел, что палач, яростным и безобразным видом являющий свою свирепость, извлек уже свой меч. Такое зрелище приводило всех в ужас и скорбь. Соединив с кротостью ярость, святитель Христов свободно прошел среди народа, без всякой боязни вырвал из рук палача меч, бросил его на землю и затем освободил осужденных мужей от уз. Все это он сделал с великим дерзновением, и никто не смел его остановить, потому что слово его было властно и в действиях его являлась Божественная сила: он был велик пред Богом и всеми людьми. Избавленные от смертной казни мужи, видя себя неожиданно возвращенными от близкой смерти к жизни, проливали горячие слезы и испускали радостные вопли, а весь народ, собравшийся там, воздавал благодарение своему святителю. Прибыл сюда и правитель Евстафий и хотел подойти к святителю. Но угодник Божий с презрением отвернулся от него, и когда тот упал ему в ноги, то оттолкнул его. Призывая на него мщение Божие, святой Николай грозил ему мучением за неправедное правление и обещал сказать о его действиях царю. Обличаемый своею совестью и устрашенный угрозами святителя, правитель со слезами просил милости. Каясь в своей неправде и желая примирение с великим отцом Николаем, он слагал вину на городских старейшин, Симонида и Евдоксия. Но ложь не могла не открыться, ибо святитель хорошо знал о том, что правитель осудил на смерть невинных, будучи подкуплен золотом. Долго умолял правитель простить его, и только тогда, как он с великим смирением и со слезами признал свой грех, Христов угодник даровал ему прощение.

При виде всего происшедшего, прибывшие вместе со святителем воеводы удивлялись ревности и благости великого Божия архиерея. Удостоившись его святых молитв и приняв от него благословение на свой путь, они отправились во Фригию, чтобы исполнить данное им царское повеление. Прибыв на место мятежа, они быстро подавили его и, исполнив царское поручение, возвратились с радостью в Византию. Царь и все вельможи воздали им великую хвалу и почести, и они удостоились участия в царском совете. Но злые люди, завидуя такой славе воевод, возымели к ним вражду. Замыслив на них зло, они пришли к правителю города Евлавию и клеветали на тех мужей, говоря:

— Не добро советуют воеводы, ибо, как мы слышали, они вводят новшества и замышляют зло против царя.

Чтобы склонить правителя на свою сторону, они дали ему много золота. Правитель донес царю. Услышав об этом, царь без всякого расследования повелел заключить тех воевод в темницу, опасаясь, как бы они не бежали тайно и не исполнили бы своего злого умысла. Томясь в заключении и сознавая свою невинность, воеводы недоумевали, за что их бросили в темницу. Спустя немного времени клеветники стали опасаться, что их клевета и злоба обнаружатся и они могут пострадать сами. Поэтому они пришли к правителю и усердно его просили, чтобы он не оставлял так долго жить тех мужей и поспешил бы осудить их на смерть. Запутавшись в сетях златолюбия, правитель должен был довести обещанное до конца. Он тотчас отправился к царю и, как вестник зла, предстал пред ним с унылым лицом и скорбным взором. Вместе с тем желал он показать, что он весьма заботится о жизни царя и верно ему предан. Стараясь возбудить царский гнев на неповинных, он стал держать льстивую и хитрую речь, говоря:

— О царь, ни один из заключенных в темницу не желает раскаяться. Все они упорствуют в своем злом умысле, не переставая строить против тебя козни. Поэтому повели немедленно предать их мукам, чтобы они не предупредили нас и не довершили свое злое дело, которое замыслили против воевод и тебя.

Встревоженный такими речами, царь тотчас осудил воевод на смерть. Но так как был вечер, то казнь их отложена до утра. Узнал об этом темничный страж. Пролив наедине много слез о таком бедствии, грозящем неповинным, он пришел к воеводам и сказал им:

— Для меня было бы лучше, если бы я не знал вас и не наслаждался бы приятною беседою и трапезою с вами. Тогда я легко перенес бы разлуку с вами и не скорбел бы так душою о пришедшей на вас напасти. Настанет утро, и нас постигнет последняя и ужасная разлука. Я уже не увижу дорогих мне лиц ваших и не услышу вашего голоса, ибо царь повелел вас казнить. Завещайте мне, как поступить с имением вашим, пока есть время и смерть еще не помешала вам выразить вашу волю.

Свою речь он прерывал рыданиями. Узнав о своей ужасной судьбе, воеводы разодрали свои одежды и рвали на себе волосы, говоря:

— Какой враг позавидовал жизни нашей? Ради чего мы, как злодеи, осуждены на казнь? Что сотворили мы такого, за что надлежало бы предать нас смерти?

И призывали они по именам своих сродников и друзей, поставляя Самого Бога во свидетели, что они не сделали никакого зла, и горько плакали. Один из них, по имени Непотиан, вспомнил о святителе Николае, как тот, явившись в Мирах преславным помощником и благим заступником, избавил трех мужей от смерти. И воеводы стали молиться:

— Боже Николая, избавивший трех мужей от неправедной смерти, призри ныне и на нас, ибо от людей не может быть нам помощи. Пришла на нас великая беда, и нет никого, кто бы избавил нас от напасти. Голос наш прервался прежде исшествия из тела душ наших, и язык наш пересыхает, сожигаемый огнем сердечной скорби, так что и молитву мы не можем принести Тебе. *Скоро да предварят нас щедроты Твои, ибо мы весьма истощены* (Пс. 78, 8). Завтра хотят нас умертвить, поспеши же к нам на помощь и избави нас неповинных от смерти.

Внимающий молитвам боящихся его и, как отец, изливающий щедроты на чад своих, Господь Бог послал осужденным на помощь святого своего угодника, великого архиерея Николая. В ту ночь во время сна предстал пред царем святитель Христов и сказал:

— Встань скорее и освободи томящихся в темнице воевод. На них тебе наклеветали, и они страдают невинно.

Святитель подробно объяснил царю все дело и прибавил:

— Если ты меня не послушаешь и их не отпустишь, то я воздвигну на тебя мятеж, подобный бывшему во Фригии, и ты погибнешь злою смертью.

Удивившись такому дерзновению, царь стал размышлять, как этот муж осмелился войти во внутренние покои ночью, и сказал ему:

— Кто ты такой, что смеешь угрожать нам и державе нашей?

Тот отвечал:

— Мое имя — Николай, я архиерей Мирской митрополии.

Царь пришел в смущение и, встав, стал размышлять, что значит это видение. Между тем в ту же ночь святитель явился и правителю Евлавию и возвестил ему об осужденных то же, что и царю. Воспря-

нув от сна, Евлавий убоялся. Пока он размышлял об этом видении, пришел к нему посланный от царя и рассказал ему о том, что царь видел во сне. Поспешив к царю, правитель поведал ему свое видение, и оба они удивлялись тому, что видели одно и то же. Тотчас царь повелел привести воевод из темницы и сказал им:

— Какими волхвованиями вы навели на нас такие сны? Явившийся нам муж сильно гневался и угрожал нам, похваляясь вскоре навести на нас брань.

Воеводы с недоумением обратились друг к другу, и, ничего не зная, смотрели друг на друга умиленным взором. Заметив это, царь смягчился и сказал:

— Не бойтесь никакого зла, поведайте истину.

Они со слезами и рыданием отвечали:

— Царь, мы не знаем никаких волхвований и не замышляли никакого зла против твоей державы, да будет в том свидетелем Сам Всевидящий Господь. Если же мы тебя обманываем и ты узнаешь о нас что-нибудь дурное, то пусть не будет никакой милости и пощады ни нам, ни роду нашему. От отцов наших мы научились чтить царя и прежде всего быть верными ему. Так и теперь мы верно охраняем твою жизнь и, как свойственно сану нашему, неуклонно исполняли твои поручения нам. С усердием служа тебе, мы смирили мятеж во Фригии, прекратили междоусобную вражду и свое мужество достаточно доказали самым делом, как о том свидетельствуют те, кому это хорошо известно. Твоя держава прежде осыпала нас почестями, ныне же ты с яростию вооружился на нас и безжалостно осудил на мучительную смерть. Итак, царь, мы думаем, что страдаем только за одно к тебе усердие, за него мы осуждены и, вместо славы и почестей, которые мы надеялись получить, нас постиг страх смерти.

От таких речей царь пришел в умиление и раскаялся в поругании мужей тех. Ибо вострепетал он пред судом Божиим и устыдился своей царской багряницы, видя, что он, будучи для других законодателем, готов был сотворить суд беззаконный. Милостиво взирал он на осужденных и кротко с ними беседовал. С умилением слушая его речи, воеводы вдруг увидели, что рядом с царем сидит святитель Николай и знаками обещает им прощение. Царь прервал их речь и спросил:

— Кто этот Николай и каких мужей он спас? Расскажите мне об этом.

Непотиан рассказал ему все по порядку. Тогда царь, узнав, что святой Николай — великий угодник Божий, удивился его дерзновению и великой его ревности в защите обидимых, освободил тех воевод и сказал им:

— Не я дарую вам жизнь, а великий служитель Господень Николай, которого вы призывали на помощь. Идите к нему и принесите ему благодарение. Скажите ему и от меня, что я исполнил твое повеление, да не гневается на меня Христов угодник.

С этими словами он вручил им золотое Евангелие, золотое кадило, украшенное каменьями, и два светильника и повелел все это отдать в Мирскую церковь. Получив чудесное спасение, воеводы тотчас отправились в путь. Прибыв в Миры, они радовались и веселились тому, что снова сподобились видеть святителя. Они принесли святому Николаю великое благодарение за его чудесную помощь и воспевали: *Господи! кто подобен Тебе, избавляющему слабого от сильного, бедного и нищего от грабителя его?* (Пс. 34, 10).

Они роздали щедрую милостыню нищим и убогим и возвратились благополучно домой.

Таковы дела Божии, которыми Господь возвеличил Своего угодника. Слава о них, как на крыльях, пронеслась повсюду, проникла за море и распространилась по всей вселенной, так что не было такого места, где бы не знали о великих и дивных чудесах великого архиерея Николая, которые он сотворил благодатью, дарованною ему от Всемогущего Господа.

Однажды путники, плывя на корабле из Египта в Ликийскую страну, подверглись сильному морскому волнению и буре. Паруса были уже изорваны вихрем, корабль содрогался от ударов волн, и все отчаялись в своем спасении. В это время они вспомнили о великом архиерее Николае, которого они никогда не видали и только слышали о нем, что он — скорый помощник всем, призывающим его в бедах. Они обратились к нему с молитвою и стали призывать его на помощь. Святитель тотчас явился пред ними, вошел в корабль и сказал:

— Вы призывали меня, и я пришел на помощь к вам; не бойтесь!

Все видели, что он взял кормило и стал управлять кораблем. Подобно тому, как некогда Господь наш Иисус Христос запретил ветру

и морю (см.: Мф. 8, 26), святитель тотчас повелел буре прекратиться, памятуя слова Господни: *верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит* (Ин. 14, 12).

Так, верный слуга Господа повелевал и морем и ветром, и они были ему послушны. После этого путники при благоприятном ветре пристали к городу Мирам. Выйдя на берег, они пошли в город, желая видеть того, кто избавил их от беды. Они встретили святителя на пути в церковь и, узнав в нем своего благодетеля, припали к его ногам, принося ему благодарение. Дивный Николай не только избавил их от беды и смерти, но и проявил заботу об их душевном спасении. По своей прозорливости он усмотрел в них духовными своими очами грех любодеяния, который удаляет человека от Бога и отклоняет от соблюдения заповедей Божиих, и сказал им:

— Чада, умоляю вас, поразмыслите в себе и направьте сердца ваши и мысли на благоугождение Господу. Ибо, хотя бы мы и утаились от многих людей и нас считали праведными, но от Бога утаиться ничто не может. Поэтому потщитесь со всяким усердием сохранять святыню души и чистоту тела. Ибо как говорит Божественный апостол Павел: *Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог* (1 Кор. 3, 16–17).

Поучив тех мужей душеполезными речами, святитель отпустил их с миром. Ибо святитель нравом своим был, как чадолюбивый отец, и взор его сиял Божественною благодатью, как у Ангела Божия. От его лица исходил, как от лица Моисея, пресветлый луч, и тем, кто только взирал на него, была великая польза. Тому, кто был отягчаем какою-либо страстью или душевною скорбью, довольно было обратить свой взор на святителя, чтобы получить утешение в своей печали; и тот, кто беседовал с ним, уже преуспевал в добре. И не только христиане, но и неверные, если кому из них приходилось слышать сладкие и медоточивые речи святителя, приходили в умиление и, отметая укоренившуюся в них с младенческих лет злобу неверия и воспринимая в свое сердце правое слово истины, вступали на путь спасения.

Великий угодник Божий прожил много лет в городе Мирах, сияя Божественными совершенствами, по слову Писания: *Как утренняя звезда среди облаков, как луна полная во днях, как солнце, сияющее над*

храмом Всевышнего, и как радуга, сияющая в величественных облаках, как цвет роз в весенние дни, как лилии при источниках вод, как ветвь ливана в летние дни (Сир. 50, 6–8). Достигнув глубокой старости, святитель отдал долг человеческой природе и, после непродолжительной телесной болезни, добре скончал временное житие. С радостью и псалмопением он перешел в вечную блаженную жизнь, в сопровождении святых Ангелов и встреченный ликами святых. На его погребение собрались епископы Ликийской страны со всем клиром и иноками и бесчисленное множество народа из всех городов. Честное тело святителя с честью было положено в соборной церкви Мирской митрополии 6 декабря[1]. От святых мощей угодника Божия совершалось множество чудес. Ибо его мощи источали благовонное и целебное миро, которым помазывались больные и получали исцеление. По этой причине к его гробу притекали люди со всех концов земли, ища исцеления своим болезням и получая его. Ибо тем святым миром исцелялись не только телесные недуги, но и душевные, и были прогоняемы духи лукавые. Ибо святитель не только при своей жизни, но и по своем преставлении вооружался на бесов и побеждал их, как побеждает и ныне.

Некоторые богобоязненные мужи, жившие при устье реки Танаиса, слыша о мироточивых и целебных мощах святителя Христова Николая, почивающих в Мирах Ликийских, задумали плыть туда морем на поклонение мощам. Но лукавый бес, некогда изгнанный святителем Николаем из капища Артемиды, видя, что корабль готовится плыть к этому великому отцу, и гневаясь на святителя за разрушение капища и за свое изгнание, замыслил воспрепятствовать этим мужам совершить намеченный путь и тем лишить их святыни. Он обратился в женщину, несущую сосуд, наполненный елеем, и сказал им:

— Я желала бы принести этот сосуд ко гробу святителя, но очень боюсь морского путешествия, ибо опасно для слабой и страдающей болезнью желудка женщины плыть по морю. Поэтому умоляю вас, возьмите этот сосуд, принесите его ко гробу святого и вылейте елей в лампаду.

---

[1] Год кончины святителя Николая в точности неизвестен: по одним, угодник Божий умер в 341 году, а по другим, год его кончины полагается между 345–352 годами.

С этими словами бес вручил боголюбцам сосуд. Неизвестно, с какими бесовскими чарованиями смешан был тот елей, но он был предназначен для вреда и погибели путников. Не зная гибельного действия этого елея, они исполнили просьбу и, взяв сосуд, отчалили от берега и целый день плыли благополучно. Но поутру поднялся северный ветер, и плавание их стало затруднительно. Бедствуя много дней в неблагополучном плавании, они потеряли терпение от продолжительного морского волнения и решили возвратиться назад. Они уже направили корабль в свою сторону, как перед ними явился святитель Николай в небольшой ладье и сказал:

— Куда плывете, мужи, и почему, оставив прежний путь, возвращаетесь назад? Вы можете утишить бурю и сделать путь удобным для плавания. Вам препятствуют плыть диавольские козни, потому что сосуд с елеем дан вам не женщиною, а бесом. Бросьте сосуд в море, и тотчас плавание ваше станет благополучно.

Услышав это, мужи бросили бесовский сосуд в пучину морскую. Тотчас из него вышел черный дым и пламя, воздух наполнился великим смрадом, море разверзлось, вода закипела и заклокотала до самого дна, и водяные брызги были подобны огненным искрам. Находившиеся на корабле люди пришли в великий ужас и от страха кричали, но явившийся им помощник, повелев им мужаться и не страшиться, укротил бушующую бурю и, избавив путников от страха, сделал путь их в Ликию безопасным. Ибо тотчас на них повеял прохладный и благовонный ветер, и они с веселием благополучно доплыли до желанного города. Поклонившись мироточивым мощам скорого помощника и заступника своего, они принесли благодарение всесильному Богу и совершили молебное пение великому отцу Николаю. После этого они возвратились в свою страну, везде и всем рассказывая о том, что было с ними на пути.

Много великих и преславных чудес сотворил на земле и на море великий этот угодник. Он помогал сущим в бедах, спасал от потопления и выносил на сушу из глубины морской, освобождал из плена и приносил освобожденных домой, избавлял от уз и темницы, защищал от посечения мечом, освобождал от смерти и подавал многим многие исцеления: слепым — прозрение, хромым — хождение, глухим — слух, немым — дар слова. Он обогатил многих, бедствующих в убожестве и крайней нищете, подавал голодным пищу и всем являлся во всякой

нужде готовым помощником, теплым заступником и скорым предстателем и защитником. И ныне он также помогает призывающим его и избавляет их от бед. Чудес его исчислить невозможно точно так же, как невозможно и описать все их подробно. Этого великого чудотворца знает Восток и Запад, и во всех концах земли известны его чудотворения. Да прославится в нем Триединый Бог — Отец и Сын и Святой Дух и его святое имя да похваляется устами всех вовеки. Аминь.

ЧУДЕСА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ,
бывшие по кончине его

Много чудес сотворил святитель Николай, не только при жизни, но и по смерти. Кто не удивится, слыша о дивных чудесах его! Ибо не одна страна и не одна область, но вся поднебесная исполнилась чудес святого Николая. Иди к грекам, и там дивятся им; иди к латинам — и там им изумляются, и в Сирии восхваляют их. По всей земле дивятся святителю Николаю. Приди в Русь и увидишь, что нет ни града, ни села, где бы во множестве не было чудес святого Николая.

При Греческом царе Льве и при патриархе Афанасии совершилось следующее преславное чудо святого Николая[1]. Великий Николай, архиепископ Мирский, в полночь явился в видении некоему благочестивому старцу, нищелюбивому и страннолюбивому, именем Феофану, и сказал:

— Пробудись, Феофан, встань и иди к иконописцу Аггею и вели ему написать три иконы: Спаса нашего Иисуса Христа Господа, сотворившего небо и землю и создавшего человека, Пречистой Госпожи Богородицы и молитвенника за род христианский, Николая, архиепископа Мирского, ибо мне подобает явиться в Константинополе. Написав эти три иконы, представь их патриарху и всему собору. Иди скорее и не ослушайся.

Сказав это, святой стал невидим. Пробудившись от сна, боголюбивый тот муж Феофан устрашился видения, тотчас пошел к иконописцу Аггею и молил его написать три великих иконы: Спаса Христа, Пречистой Богородицы и святителя Николая. Изволением милостивого Спаса, Пречистой Его Матери и святого Николая, Аггей

[1] Это было в половине VIII века, при царе Льве Исаврянине.

написал три иконы и принес их Феофану. Тот взял иконы, поставил их в горнице и сказал жене:

— Сотворим трапезу в доме своем и помолимся Богу о своих прегрешениях.

Она согласилась с радостью. Феофан пошел на рынок, купил пищи и пития на тридцать златников и, принеся домой, устроил для патриарха трапезу благолепно. Затем он пошел к патриарху и просил его и весь собор, чтобы он благословил дом его и вкусил брашна и пития. Патриарх согласился, пришел с собором в дом Феофана и, войдя в горницу, увидел, что там стоят три иконы: на одной изображен Господь наш Иисус Христос, на другой — Пречистая Богородица, а на третьей — святой Николай. Подойдя к первой иконе, патриарх сказал:

— Слава Тебе, Христе Боже, создавшему всю тварь. Достойно было написать образ этот.

Затем, подойдя ко второй иконе, сказал:

— Хорошо, что написан и этот образ — Пресвятой Богородицы и молитвенницы за весь мир.

Подойдя к третьей иконе, патриарх сказал:

— Это образ Николая, архиепископа Мирского. Не следовало бы изображать его на такой великой иконе. Ведь он был сын простых людей, Феофана и Нонны, происходивших из поселян.

Призвав господина дома, патриарх сказал ему:

— Феофан, не вели писать Аггею образ Николая в таком большом размере.

И велел он вынести образ святителя, говоря:

— Неудобно ему стоять в ряд со Христом и Пречистою.

Благочестивый муж Феофан, вынеся с великою печалью икону святого Николая из горницы, поставил ее в клети на почетном месте и, избрав от собора клирошанина, мужа дивного и разумного, именем Каллиста, упросил его стать пред иконою и величать святого Николая. Сам же он весьма был опечален словами патриарха, велевшего вынести из горницы икону святого Николая. Но в Писании сказано: *прославлю прославляющих Меня* (1 Цар. 2, 30). Так сказал Господь Иисус Христос, Которым, как увидим, прославится сам святитель.

Прославив Бога и Пречистую, патриарх сел за стол со всем собором своим, и была трапеза. После нее патриарх встал, возвеличил

Бога и Пречистую и, выпив вина, веселился вместе со всем собором. Каллист же в это время славил и величал великого святителя Николая. Но вот недостало вина, а патриарх и сопровождавшие его хотели еще пить и веселиться. И сказал один из собравшихся:

— Феофан, принеси еще вина патриарху и сделай пир приятным.

Тот отвечал:

— Нет больше вина, господин мой, а на рынке уже не торгуют, и купить его негде.

Запечалившись, он вспомнил о святом Николае, как тот явился ему в видении и велел написать три иконы: Спасителя, Пречистой Богоматери и свою. Тайно войдя в клеть, он пал пред образом святителя и говорил со слезами:

— О святой Николай! Рождение твое чудно и житие свято, ты исцелил много недужных. Молю тебя, яви ныне чудо у меня худого, прибавь мне вина.

Сказав это и благословившись, он пошел туда, где стояли сосуды от вина; и молитвою святого чудотворца Николая те сосуды были полны вином. Взяв вино с радостью, Феофан принес его к патриарху. Тот выпил и похвалил, говоря:

— Не пивал я такого вина.

И говорили пившие, что Феофан сохранил лучшее вино к концу пира. А тот утаил предивное чудо святого Николая.

В веселии патриарх и собор удалились в дом при святой Софии. Утром пришел к патриарху некий вельможа, именем Феодор, из села, называвшегося Сиердальским, от Мирского острова, и молил патриарха, чтобы тот поехал к нему, ибо единственная дочь его одержима бесовским недугом, и прочел над главою ее святое Евангелие. Патриарх согласился, взял Четвероевангелие, вошел со всем собором в корабль и отплыл. Когда они были в открытом море, буря подняла сильное волнение, корабль опрокинулся, и все упали в воду и плавали, вопия и моля Бога, Пречистую Богородицу и святого Николая. И умолила Пречистая Богородица Сына Своего, Спасителя нашего Иисуса Христа, о соборе, чтобы священнический чин не погиб. Тогда корабль выпрямился, и, милостью Божиею, весь собор снова вошел в него. Утопая, патриарх Афанасий вспомнил свой грех пред святым Николаем и, вопия, молился и говорил: «О святитель великий Христов, архиепископ Мирский, чудотворец Николай! Согрешил я пред

тобою, прости и помилуй меня, грешного и окаянного, спаси меня от пучины морской, от горького этого часа и от напрасной смерти».

О преславное чудо! — высокоумный смирился, а смиренный чудно возвеличился и честно прославился.

Внезапно явился святой Николай, шествуя по морю как по суше, приблизился к патриарху и взял его за руку со словами:

— Афанасий, или тебе понадобилась в бездне морской помощь от меня, происходящего из простых людей?

Он же, едва в состоянии открыть уста свои, истомленный, сказал, горько плача:

— О святой Николай, святитель великий, скорый на помощь, не вспоминай моего злого высокоумия, избавь меня от напрасной этой смерти в пучине морской, и я буду славить тебя все дни жизни моей.

И сказал ему святитель:

— Не бойся, брат, вот избавляет тебя рукою моею Христос. Ты же не греши больше, чтобы не случилось с тобою худшее. Войди в корабль свой.

Сказав это, святой Николай взял патриарха из воды и поставил его на корабль, со словами:

— Ты спасен, иди опять на свое служение в Константинополь.

И стал святой невидим.

Увидев патриарха, все возопили: «Слава Тебе, Христе Спасе, и Тебе, Пречистая Царица Госпожа Богородица, избавившие нашего господина от потопления».

Как бы пробудившись от сна, патриарх спросил их:

— Где я, братия?

— На своем корабле, господин, — отвечали те, — и мы все невредимы.

Заплакав, патриарх сказал:

— Братия, согрешил я пред святым Николаем, воистину велик он: ходит по морю, как по суше, взял меня за руку и поставил на корабль; поистине он скор на помощь всем, призывающим его с верою.

Корабль быстро приплыл назад к Константинополю. Выйдя из корабля со всем собором, патриарх со слезами пошел в церковь святой Софии и послал за Феофаном, веля ему тотчас принести ту чудную икону святителя Николая. Когда Феофан принес икону, патриарх пал пред нею со слезами и сказал:

— Согрешил я, о святой Николай, прости меня, грешного.

Сказав это, он взял икону на руки, с честью облобызал ее вместе с соборянами и отнес в церковь святой Софии. На другой день он заложил в Константинополе каменную церковь во имя святого Николая. Когда церковь была построена, сам патриарх освятил ее в день памяти святого Николая. А святитель исцелил в тот день сорок недужных мужей и жен. Затем патриарх дал на украшение церкви тридцать литр злата и много сел и садов. И устроил он при ней монастырь честен. И многие приходили туда: слепые, хромые и прокаженные. Прикоснувшись к той иконе святого Николая, все они уходили здоровыми, славя Бога и чудотворца Его.

В Константинополе жил некий муж, именем Николай, кормившийся рукоделием. Будучи благочестивым, он положил завет никогда не проводить дни, посвященные памяти святителя Николая, без воспоминания об угоднике Божием. Это неослабно соблюдал он, по слову Писания: *Чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих* (Притч. 3, 9), и всегда твердо это помнил. Так он достиг глубокой старости и, не имея сил работать, впал в нищету. Приближался день памяти святого Николая, и вот, размышляя о том, как ему поступить, старец сказал жене своей:

— Настает день чтимого нами великого архиерея Христова Николая; как же нам бедным, при нашей скудости, отпраздновать день этот?

Благочестивая жена отвечала мужу своему:

— Ты знаешь, господин мой, что настал конец жизни нашей, ибо и тебя и меня постигла старость; если даже и ныне пришлось бы окончить нам жизнь, ты не изменяй твоего намерения и не забывай о твоей любви к святому.

Она показала мужу ковер свой и сказала:

— Возьми ковер, пойди и продай его и купи все необходимое для достойного празднования памяти святого Николая. Другого ничего у нас нет, а этот ковер нам не нужен, ибо мы не имеем детей, которым его можно было бы оставить.

Услышав это, благочестивый старец похвалил жену свою и, взяв ковер, пошел. Когда он шел по площади, где стоит столп святого

царя Константина Великого, и миновал церковь святого Платона, его встретил всегда готовый на помощь святой Николай, во образе честного старца, и сказал несшему ковер:

— Друг милый, куда ты идешь?

— Нужно мне на рынок, — отвечал тот.

Подойдя ближе, святой Николай сказал:

— Доброе дело. Но скажи мне, за сколько ты хочешь продать ковер этот, ибо я хотел бы купить твой ковер.

Старец сказал святому:

— Ковер этот был в свое время куплен за восемь златников, теперь же я возьму за него, сколько ты мне дашь.

Святой сказал старцу:

— Согласен ли ты взять за него шесть златников?

— Если ты даешь мне столько, — сказал старец, — я возьму с радостью.

Святой Николай опустил руку в карман своей одежды, вынул оттуда злато и, дав шесть великих златников в руки старцу, сказал ему:

— Возьми это, друг, и дай мне ковер.

Старец с радостию взял злато, ибо ковер стоил дешевле этого. Взяв ковер из рук старца, святой Николай удалился. Когда они разошлись, присутствовавшие на площади сказали старцу:

— Не привидение ли ты видишь, старец, что ты один разговариваешь?

Ибо они видели только старца и слышали его голос, святой же был невидим и неслышим для них. В это время святой Николай пришел с ковром к жене старца и сказал ей:

— Муж твой — мой старинный друг; встретив меня, он обратился ко мне с такою просьбою: любя меня, отнеси этот ковер моей жене, ибо мне нужно отнести одну вещь, ты же сохрани его, как свой.

Сказав это, святитель стал невидим. Видя честного мужа, сияющего светом, и взяв от него ковер, женщина от страха не смела спросить, кто он. Думая, что муж ее забыл слова, сказанные ею, и свою любовь к святому, женщина разгневалась на своего мужа и сказала:

— Горе мне бедной, муж у меня законопреступный и исполнен лжи!

Говоря эти слова и подобные им, она не хотела и глядеть на ковер, горя любовью к святому.

Не ведая о случившемся, муж ее купил все необходимое для празднования дня памяти святого Николая и шел к хижине своей, радуясь продаже ковра и тому, что ему не придется отступить от своего благочестивого обычая. Когда он пришел домой, разгневанная жена встретила его злыми словами:

— Отныне уйди от меня, ибо ты солгал святому Николаю. Истинно сказал Христос, Сын Божий: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62).

Сказав эти слова и подобные им, она принесла ковер к мужу своему и сказала:

— Вот возьми, меня же ты больше не увидишь; ты солгал святому Николаю, и поэтому потеряешь все, чего достиг празднованием его памяти. Ибо написано: *Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем* (Иак. 2, 10).

Услышав это от жены своей и видя свой ковер, старец удивлялся и не находил слов ответить жене своей. Долго стоял он и понял наконец, что святой Николай сотворил чудо. Вздохнув из глубины сердца и исполнившись радости, он поднял руки свои к небу и сказал:

— Слава Тебе, Христе Боже, творящему чудеса через святого Николая!

И сказал старец жене своей:

— Ради страха Божия, скажи мне, кто тебе принес ковер этот, муж или женщина, старец или юноша?

Жена ему отвечала:

— Старец светлый, честны́й, одетый в светлые одежды, принес нам ковер этот и сказал: муж твой — друг мне, поэтому, встретив меня, он упросил донести ковер этот к тебе, возьми его. Взяв ковер, я не смела спросить пришедшего, кто он, видя его, сияющего светом.

Слыша это от жены, старец дивился и показал ей оставшуюся у него часть злата и все купленное им для празднования дня памяти святого Николая: яства, вино, просфоры и свечи.

— Жив Господь! — воскликнул он. — Муж, купивший у меня ковер и снова принесший в дом к нам, убогим и смиренным рабам, воистину есть святой Николай, ибо говорили видевшие меня в беседе с ним: не привидение ли ты видишь? Они меня одного видели, а он был невидим.

Тогда оба, старец и жена его, воскликнули, вознося благодарение Всемогущему Богу и хвалу великому архиерею Христову Николаю, скорому помощнику всем, призывающим его с верою. Исполнившись радости, они тотчас пошли в церковь святителя Николая, неся злато и ковер, и поведали в церкви о случившемся всему клиру и всем, бывшим там. И все люди, услышав рассказ их, прославили Бога и святого Николая, творящего милосердие с рабами своими. Затем они послали к патриарху Михаилу[1] и поведали ему все. Патриарх повелел дать старцу пособие от имения церкви святой Софии. И сотворили они праздник честен, с вознесением хвалы и песнопениями.

Жил в Константинополе благочестивый муж, именем Епифаний. Был он очень богат и почтен великою честью от царя Константина[2] и имел много рабов. Однажды он захотел купить отрока в слуги себе и 3 декабря, взяв литру злата в семьдесят два златника, сел на коня и поехал на рынок, где купцы, приезжие с Руси, продают рабов. Купить раба не удалось, и он возвратился домой. Сойдя с коня, он вошел в палату, вынул из кармана злато, которое он брал на рынок, и, положив его где-то в палате, забыл о месте, куда его положил. Это ему случилось от исконного злого врага, диавола, который непрестанно воюет с родом христианским, чтобы умножить грех на земле. Не терпя благочестие мужа того, он задумал ввергнуть его в бездну греха. Утром вельможа призвал отрока, служившего ему, и сказал:

— Принеси мне злато, которое я тебе дал вчера, мне надо ехать на рынок.

Услышав это, отрок испугался, ибо господин не давал ему злата, и сказал:

— Ты не давал мне злата, господин.

Господин сказал:

— О злая и лживая голова, скажи мне, куда ты положил злато, данное тебе мною?

Тот, не имея ничего, клялся, что не понимает, о чем говорит его господин. Вельможа разгневался и приказал слугам связать отрока, бить его без милосердия и заковать в оковы.

---

[1] *Михаил Керулларий* — с 1043-го по 1058 год.

[2] Разумеется *Константин Мономах*, царствовавший с 1042-го по 1060 год.

Сам же сказал:

— Решу его участь, когда пройдет праздник святого Николая, — ибо праздник этот должен был быть на другой день.

Заключенный один в храмине, отрок со слезами возопил ко Всемогущему Богу, избавляющему находящихся в беде:

— Господи Боже мой, Иисусе Христе, Вседержитель, Сын Бога Живого, живущий во свете неприступном! Вопию к Тебе, ибо Ты знаешь сердце человеческое, Ты — Помощник сиротам, Избавление находящихся в беде, Утешение скорбящим: избавь меня от неведомой мне этой напасти. Сотвори милостивое избавление, чтобы и господин мой, избавившись от греха и неправды, причиненной мне, прославил Тебя с веселием сердца, и чтобы я, худой раб Твой, избавившись от этой напасти, неправедно постигшей меня, вознес Тебе благодарение за человеколюбие Твое.

Говоря со слезами это и подобное этому, прилагая молитву к молитве и к слезам слезы, отрок возопил к святому Николаю:

— О честны́й отче, святой Николай, избавь меня от беды! Ты знаешь, что я невинен в том, что говорит господин на меня. Завтра настанет твой праздник, а я нахожусь в великой беде.

Настала ночь, и утомленный отрок уснул. И явился ему святой Николай, всегда скорый на помощь всем, призывающим его с верой, и сказал:

— Не тужи: Христос избавит тебя мною, рабом Своим.

Тотчас спали с ног его оковы, и он встал и вознес хвалу Богу и святому Николаю. В тот же час святитель явился и господину его и упрекал его:

— Зачем неправду сотворил ты рабу своему, Епифаний? Ты виноват сам, ибо ты забыл, где положил злато, отрока же мучил без вины, а он верен тебе. Но так как ты не сам замыслил это, а тебя научил исконный злой враг диавол, то я и явился, чтобы не иссякла любовь твоя к Богу. Встань и освободи отрока: если же ослушаешься меня, то тебя самого постигнет великое несчастье.

Затем, указывая перстом место, где лежало злато, святой Николай сказал:

— Встань, возьми свое злато и освободи отрока.

Сказав это, он стал невидим.

Вельможа Епифаний пробудился в трепете, дошел до места, указанного ему в палате святым, и нашел злато, положенное им самим. Тогда, одержимый страхом и исполненный радости, он сказал:

— Слава Тебе, Христе Боже, Надежда всего рода христианского; слава Тебе, Надежда безнадежных, отчаявшихся скорое Утешение; слава Тебе, показавшему светило всему миру и скорое восстание падших во грехе, святого Николая, который исцеляет не только телесные недуги, но и душевные соблазны.

Весь в слезах, пал он пред честным образом святителя Николая и сказал:

— Благодарю тебя, отче честны́й, ибо ты спас меня, недостойного и грешного, и пришел ко мне, худому, очищая меня от грехов. Что я тебе воздам за то, что ты призрел на меня, придя ко мне?

Сказав это и подобное этому, вельможа пришел к отроку и, видя, что оковы спали с него, впал еще в больший ужас и весьма упрекал себя. Тотчас он велел освободить отрока и всячески успокоил его; сам же всю ночь бодрствовал, благодаря Бога и святого Николая, избавившего от такого греха. Когда зазвонили к утрене, он встал, взял злато и пошел с отроком в церковь святого Николая. Здесь он с радостию поведал всем, какой милости удостоил его Бог и святой Николай. И все прославили Бога, творящего таковые чудеса угодниками Своими. Когда отпели утреню, господин сказал в церкви отроку:

— Чадо, не я грешный, но Бог твой, Творец небу и земли, и святой угодник Его, Николай, да освободят тебя от рабства, чтобы и мне когда-нибудь была прощена неправда, которую я, по неведению, сотворил тебе.

Сказав это, он разделил золото на три части; первую часть он дал в церковь святого Николая, вторую роздал нищим, а третью дал отроку, говоря:

— Возьми это, чадо, и ты не будешь должен никому, кроме единого святителя Николая. Я же буду заботиться о тебе, как чадолюбивый отец.

Возблагодарив Бога и святого Николая, Епифаний удалился в дом свой с радостию.

Однажды в Киеве, в день памяти святых мучеников Бориса и Глеба, множество людей стеклось из всех градов и сел на праздник святых мучеников. Некий киевлянин, имевший великую веру к святому Николаю и к святым мученикам Борису и Глебу, сел в ладью и поплыл к Вышгороду, поклониться гробу святых мучеников Бориса и Глеба[1], взяв с собою свечи, фимиам и просфоры — все необходимое для достойного празднования. Поклонившись мощам святых и возрадовавшись духом, он отправился восвояси. Когда он плыл по реке Днепру, жена его, державшая на руках ребенка, задремала и уронила ребенка в воду, и тот утонул. Отец стал рвать волосы на голове своей, восклицая:

— Горе мне, святой Николай, для того ли я имел великую веру к тебе, чтобы ты не спас мое дитя от потопления! Кто будет наследником моего имения; кого научу я творить в память тебя, заступника моего, светлое торжество? Как поведаю твое великое милосердие, которое ты излил на весь мир и на меня бедного, когда утонуло дитя мое? Я хотел воспитать его, просвещая его чудесами твоими, чтобы по смерти хвалили меня за то, что плод мой творит память святому Николаю. Но ты, святитель, не мне только даровал печаль, но и себе, ибо вскоре должно прекратиться самое воспоминание о тебе в доме моем, ибо я стар и жду кончины. Если бы ты хотел спасти дитя, ты мог бы спасти его, но ты сам попустил утонуть ему и не избавил единородное чадо мое от морской пучины. Или ты думаешь, что я не ведаю чудес твоих? Им нет числа, и язык человеческий не может передать их, и я, отче святой, верую, что тебе все возможно, что ты захочешь сотворить, но беззакония мои превозмогли. Теперь я понял, терзаемый печалью, что, если бы я сохранил заповеди Божии непорочно, мне бы вся тварь покорялась, как Адаму в раю, до грехопадения. Ныне же вся тварь восстает на меня: вода потопит, зверь растерзает, змий поглотит, молния сожжет, птицы исклюют, скот рассвирепеет и потопчет все, люди умертвят, хлеб, данный нам в пищу, не насытит нас и, по воле Божией, будет нам в погибель. Мы же, одаренные душою и разумом и сотворенные по образу Божию, не исполняем, однако, как надлежит, волю Творца своего. Но не прогне-

[1] Мощи святых Бориса и Глеба находились тогда еще в Вышгороде Киевском. Чудо, о котором идет речь, было между 1087-м и 1091 годом.

вайся на меня, святой отче Николае, что я столь дерзновенно говорю, ибо я не отчаиваюсь в своем спасении, имея тебя помощником.

Жена же его терзала свои волосы и била себя по ланитам. Наконец, доехали они до города и скорбные вошли в дом свой. Настала ночь, и вот скорый на помощь всем призывающим его, архиерей Христов Николай совершил дивное чудо, какого не было в прежнее время. Ночью он взял из реки утонувшее дитя и положил на хорах храма святой Софии, живым и невредимым. Когда настало время утренней молитвы, вошел в церковь пономарь и услышал детский плач на хорах. И долго он стоял в раздумье:

— Кто это пустил на хоры женщину?

Он пошел к заведовавшему порядком на хорах и начал выговаривать ему; тот говорил, что ничего не знает, но пономарь упрекал его:

— Ты уличен на деле, ибо дети кричат на хорах.

Заведовавший хорами испугался и, подойдя к замку, увидал его нетронутым и услышал детский голос. Войдя на хоры, он увидал перед образом святого Николая ребенка, всего вымокшего в воде. Не зная, что и думать, он поведал об этом митрополиту. Отслужив утреню, митрополит послал собрать людей на площадь и спросить их, чье дитя лежит на хорах в церкви святой Софии. Все граждане пошли в церковь, дивясь, откуда это взялось на хорах дитя, мокрое от воды. Пришел и отец ребенка, чтобы подивиться чуду, и, увидав, узнал его. Но, не веря себе, он пошел к жене своей и рассказал ей все по ряду. Она же тотчас стала укорять мужа своего, говоря:

— Как это ты не понимаешь, что это — чудо, сотворенное святым Николаем?

Поспешно пошла она в церковь, узнала дитя свое, и, не трогая его, пала пред образом святого Николая и молилась, с умилением и слезами. Муж ее, стоя вдали, проливал слезы. Услышав об этом, все люди стеклись посмотреть на чудо, и собрался весь город, славя Бога и святого Николая. Митрополит же сотворил честны́й праздник, какой творится в день памяти святого Николая, прославляя Святую Троицу — Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

День седьмой

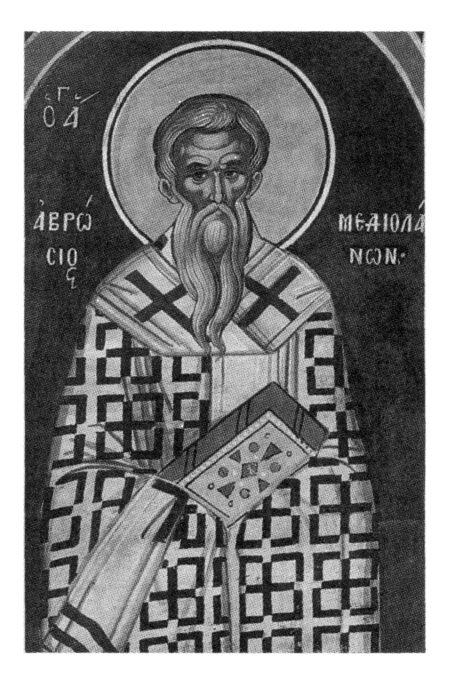
ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
АМВРОСИЯ,
епископа Медиоланского

Святой Амвросий был сыном вельможи Амвросия, римского наместника Галлии[1] и других западных стран. Из любви к сыну своему этот вельможа назвал его тем же именем, какое носил сам.

Еще в младенчестве святого было предзнаменование того, какую духовную сладость доставит он некогда Церкви Христовой. Однажды среди дня спеленатый младенец Амвросий лежал на открытом воздухе и спал, с открытыми устами. Вдруг прилетел рой пчел, сел на младенца и покрыл все лицо его и уста, и можно было видеть, как пчелы входили в уста младенца, и выходили оттуда, оставляя на языке у него свой мед. Кормилица, видя это, хотела согнать пчел, так как боялась, что они причинят вред ребенку. Но отец Амвросия, на глазах у которого произошло это, остановил кормилицу, так как хотел видеть, чем окончится это чудо. И вот, немного времени спустя, пчелы поднялись и полетели вверх, пока не исчезли из глаз. Отец младенца изумился и сказал:

---

[1] Под именем *Галлии* в древнем мире известна была обширная страна, обнимавшая собой, кроме нынешней Франции, еще и Бельгию, часть Нидерландов, Зарейнские области Германии и большую часть Швейцарии. Сверх того, отец святого Амвросия Медиоланского, по имени также Амвросий, был наместником также Испании. У него были и другие дети, старше Амвросия, — дочь Марцеллина и сын Сатир, Западною Церковью также причисленные к лику святых. — Амвросий Медиоланский родился около 340 года в городе Трире, где жили тогда его родители.



— Если дитя это вырастет, то будет великим среди людей.

Так еще в младенческие годы раба Своего Господь показывал уже, что над ним сбудутся слова Писания: *сóтове медóвни словеса добрая, сладость же их исцеление души* (слав. Притч. 16, 24). Ибо рой пчел изображал те усладительные поучения и писание святого Амвросия, которыми созидал он духовные соты, веселящие сердца людей и поднимающие их от земли к небу. Когда он стал подрастать и жил в Риме с матерью, уже вдовою, давшею Богу обет девства, случилось ему однажды увидать, что у епископа целовали руку. После этого, играя в доме родительском, он протянул руку свою домашним со словами:

— Целуйте, ибо и я также буду епископом[1].

Эти слова говорил через него Дух Святой в предзнаменование будущего, но взрослые, не понимая того, что благодать Божия, жившая в отроке, предуготовляет его к святительскому сану, останавливали его, как будто он говорил речи необдуманные.

По смерти родителя святого Амвросия мать его переселилась в Рим и дала ему и старшему брату его Сатиру самое высокое образование, а сестра его — девственница развила в нем любовь к девству[2].

Изучив искусство красноречия, Амвросий стал и сам известным оратором, обладавшим силою убеждения. Защищал он обиженных, помогал несчастным, обличал поступавших несправедливо, содействовал выяснению на суде правды. За его мудрость главный начальник города Рима — Проб взял его к себе, в качестве советника. Затем Амвросий был назначен наместником Римских областей — Ли-

---

[1] По выражению составителя жития святого Амвросия, диакона и секретаря его Павлина, в этом случае «в нем говорил дух Господень, который приуготовлял его к священству».

[2] В Риме, недалеко от Капитолия, доселе еще показывают дом, в котором воспитывался святой Амвросий. Дом обращен в церковь и монастырь дев его имени.

гурии[1] и Эмалии[2]. В это время в городе Медиолане[3] умер епископ Авксентий, бывший арианином и занимавший архиерейский престол после православного епископа Дионисия, который умер в заточении. Между православными и арианами происходили большие раздоры и несогласия, так как каждая сторона хотела возвести на освободившийся в Медиолане престол епископа своего вероисповедания. Смуты и волнение не прекращались среди жителей Медиолана. Узнав об этом, начальник города Рима — Проб дал Амвросию поручение отправиться в Медиолан и усмирить возникший там мятеж, причем сказал ему:

— Отправляйся туда и действуй не как судья, а как епископ[4].

Прибыв в Медиолан, Амвросий вошел в храм, где происходили выборы, и со всею силою красноречия стал убеждать народ, чтобы привести споривших к согласию и миру. Вдруг грудной младенец, еще не умевший говорить, закричал из среды народа:

— Амвросий — епископ!

Услышав это, весь находившийся в церкви народ подхватил слова младенца и начал громко и единодушно восклицать:

— Амвросий — епископ! Амвросий — епископ!

Так, действием благодати Божией младенец, которому не настала еще пора говорить, провещал, и обе противные стороны, как правоверные, так и ариане, пришли к миру и согласию и пожелали только иметь епископом Амвросия, хотя он еще не был просвещен святым крещением, а только был оглашен.

Слыша восклицания народа, Амвросий вышел из храма и, чтобы выказать себя недостойным столь великого сана, сев на месте судии,

---

[1] *Лигурия* — страна, границы которой на западе со стороны Галлии составляли: река Варус и приморские Альпы, на юго-востоке со стороны Италии — река Макра, на севере — река Падус, на юге — Лигурийский залив. Таким образом эта страна обнимала нынешнюю Южную Францию, пограничную с Италией, и часть северо-западной Италии, Ниццу, Геную, Южный Шемонт и западную часть Пармы и Шаченцы.

[2] *Эмилия* — провинция Галлии, расположенная между Лигурией и Фламинией, приблизительно в средней части нынешней Северной Италии.

[3] *Медиолан* — древний город так называемой Цизальпинской Галлии, или нынешней Северной Италии, — центр процветания наук и искусств; ныне — главный город Итальянской области Ломбардии, с многочисленным населением.

[4] Эти слова как бы пророчески предзнаменовали будущее славное святительское служение святого Амвросия в этом городе.

стал, против своего обыкновения, без всякого милосердия терзать преступников. Он делал это с той целью, чтобы граждане, видя его немилосердие, возненавидели его и не захотели иметь епископом. Но народ не переставал кричать, что желает иметь Амвросия епископом. Амвросий всячески отказывался, объявлял, что он — великий грешник и до сих пор еще не крещен, но все отвечали ему на это:

— Грех твой будет на нас, — ибо они знали, что святое крещение очищает человека от всех грехов.

Амвросий в смущении возвратился домой и задумал оставить свою должность и избрать себе житие нищего странника, как это делали тогда многие из греческих философов, но ему помешали в исполнении этого намерения. Тогда он изобрел другую хитрость, чтобы избежать епископского сана, а именно: приказал открыто приводить к себе в дом распутных женщин, чтобы жители Медиолана, видя это, возымели к нему отвращение и отказались бы от него, как от блудника. Но народ еще усиленнее заявлял:

— Пусть будет твой грех на нас, только прими крещение и епископство.

Видя, что невозможно уклониться от желания всего народа, Амвросий решил из города укрыться. Ночью, тайно от всех, он вышел из города и полагал, что идет к другому городу Тицину[1] и что далеко уже ушел по этой дороге, но когда рассвело, то оказалось, что он находится у ворот того же самого города Медиолана, называемых Римскими. Это произошло потому, что Бог, Который готовил в Амвросии для Своей Кафолической Церкви как бы стену против врагов, воспрепятствовал его бегству и Своею силою возвращал его с задуманного пути. Когда граждане Медиолана узнали о этой попытке, то стали стеречь Амвросия, чтобы он не убежал; вместе с тем послали они императору Валентиниану Старшему[2] с просьбою, чтобы он повелел Амвросию принять на себя сан епископа. Император возрадовался тому, что лица, назначаемые им на светские должности, удостаиваются избрания в великий духовный сан. Обрадовался и главный начальник

---

[1] *Тицин* — древний город в Цизальпинской Галлии, на главной дороге из Рима в Галлию, — ныне Павия, значительный город Северной Италии при реке Тичино, недалеко от впадения ее в По.

[2] *Валентиниан I*, или *Старший*, — император Западной Римской империи, царствовал с 364 по 375 год.

Рима — Проб, ибо исполнилось его предсказание, которое сделал он Амвросию, посылая его в Медиолан, а именно: Проб сказал ему, чтобы, увещевая народ к взаимному согласию, он поступал не как судья, но как епископ. Пока жители Медиолана ожидали возвращения посланных к императору и ответа царского, Амвросий опять бежал и скрылся в поместье одного сановника, по имени Леонтий. Но когда пришло царское повеление, то Леонтий объявил о местопребывании Амвросия и привел его в Медиолан к народу. Так невозможно было нигде утаиться тому, кого Бог соблаговолил поставить на степень святительства, как *город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14) и как *свечу на подсвечнике* (Мф. 5, 15), и сделать пастырем словесных Своих овец. Тогда Амвросий, убедившись в том, что Богу благоугодно, чтобы он был епископом, повиновался царскому повелению и желанию народа. Однако он не захотел принять крещение от арианского епископа, но пожелал быть крещенным от православного, так как весьма остерегался еретической веры арианской. Приняв святое крещение, он прошел в семь дней все степени церковные, а на восьмой был возведен в епископский сан[1], к невыразимой радости всего народа. При рукоположении его присутствовал сам император, как повествует о том Феодорит[2], и радостно произнес:

— Благодарю Тебя, Всесильный Господи, Спаситель наш, что тому человеку, которому поручал я телесную жизнь подданных, Ты вверил души и тем показал, что мое суждение о нем было справедливо.

По прошествии нескольких дней случилось, что святой Амвросий в прямодушной беседе с императором обличал неправильные действия городских судов. Император ответил ему:

---

[1] Это было 7 декабря 374 года. Святому Амвросию в это время было всего тридцать четыре года. Посвящение Амвросия одинаково одобрили епископы как Восточной, так и Западной Церкви, считая его дело исключительным. Правда, это рукоположение не было строго каноническим, но канон Никейского собора делал исключение, когда наречение обусловливалось высшим Божественным указанием, как это и было в настоящем случае. Святой Василий Великий, в ответ на извещение его о посвящении Амвросия, написал письмо, в котором благодарил Бога за избрание. «Бог, соделавший пророка из пастуха Амоса, — пишет вселенский учитель в этом письме, — теперь соделал епископа из Амвросия, человека благородного происхождения, высокого сана, возвышенного характера и изумительного красноречия, который тем не менее презрел все эти земные отличия, чтобы приобресть Христа... Мужайся же, о муж Божий».

[2] *Феодорит, епископ Киррский*, — церковный историк V века.

— Давно мне известна правдивая смелость твоей речи; поэтому я не только не препятствовал твоему избранию во епископы, но и сам содействовал ему. Итак, исправляй наши погрешности, как велит Божественный закон, и исцеляй неправды душ наших.

В начале своего епископства Амвросий просил Римского папу Дамаса[1], чтобы тот прислал ему в помощь рассудительного мужа по собственному выбору. Папа послал к нему священника Симплициана. Этого священника Амвросий почитал, как отца, и слушался его советов[2]. Заведование домашними своими делами Амвросий поручил своему брату Сатиру[3], а сам всецело посвятил себя делам церковным, ежедневно совершал богослужение и поучал народ Священному Писанию[4].

---

[1] *Дамас I* — Римский папа с 366 по 384 год; известен в истории Церкви своими ревностными трудами в защиту Православия в борьбе с арианством и другими ересями.

[2] Святой Амвросий слушал устные наставления этого Симплициана, которого любил, как своего отца, который имел огромное влияние на образование Амвросия в деле веры и впоследствии сделался его преемником по епископской кафедре в Медиолане (Милане). Кроме того, Амвросий ревностно читал и изучал творения знаменитого Оригена, Дидима, святого Василия Великого, с которым находился в близком дружественном общении, святого Григория Богослова и других выдающихся отцов и учителей Церкви. По словам блаженного Августина, впоследствии епископа Иппонийского и знаменитого учителя Церкви, обращенного из язычества в христианство святым Амвросием, последний сидел в своем доме в течение коротких промежутков непрерывных занятий, устремив свои глаза на книгу и забывая обо всем, что происходило вокруг него. При таких ревностных занятиях, обладая высокими способностями и знанием светских наук, особенно же греческой литературы, Амвросий оказал в короткое время удивительные успехи и в христианской науке.

[3] *Сатир* среди этих трудов и скончался — по одним в 378 году, по другим позднее (Римская Церковь чтит его в святых 17 сентября, равно как и сестру святого Амвросия Марцеллину под 17 июля). — Сам же Амвросий, немедленно по вступлении на епископскую кафедру, освободился от всякого мирского попечения должным распределением своих имений. Серебро и золото он предоставил в пользу бедных, имение были отданы Церкви, причем сестре своей он предоставил пожизненное пользование ими.

[4] Усвоив своим умом и сердцем Святое Писание и истины святой веры, Амвросий с великим усердием стал проповедовать народу, не оставляя его ни в один воскресный и праздничный день без поучения и пользуясь всяким случаем к тому, а иногда не один раз в день восходил на церковную кафедру; слово его было удобопонятно для слуха, голос его тих, и потому в храме, во время его проповеди,

Святой Амвросий прилагал большие заботы и к улучшению клира церковного. Живя среди них, он сам подавал им пример, как соединять строгую подвижническую жизнь с обязанностями пастыря Церкви. Он был мужем великого воздержания, долгих бдений и трудов; ежедневно он умерщвлял свою плоть постом, который прерывал только по субботам и воскресеньям и в праздники знаменитейших мучеников. Он прилежал молитве днем и ночью и не уклонялся от труда писать книги своею рукою, если не был удерживаем от этого болезнью телесною. Будучи строг к себе, он был добр, ласков и доступен ко всем. Бедные находили в нем защитника и друга. Он радовался с радующимися и плакал с плачущими. Если кто, впав в грех, исповедовал ему падение свое, он так плакал, что и того возбуждал к слезам.

Заботясь о клире, святой Амвросий покровительствовал инокам и любил обитель их, находящуюся близ Медиолана. Он заботился также об учреждении женских монастырей, и едва прошло три года после его посвящения, как девственницы[1] прибыли в Медиолан из Плаценции[2], Болоньи[3] и даже Мавритании[4].

царствовала удивительная тишина, и народ, любивший префекта Амвросия, еще более слушал слова епископа Амвросия. Особенную ревность также он имел в деле наставления оглашенных ко святому крещению.

[1] В древней Церкви, еще до появления женских иноческих обителей и в первое время их существовал особый класс дев, посвящавших себя всецело служению Богу и дававших обет девства. Такие лица назывались девственницами, и они пользовались в Церкви большим уважением и считались ее украшением. Они собирались все для подвигов безмолвия, Богомыслия и молитвы в частных домах под руководством опытных в духовной жизни стариц — наставниц. Весьма часто Церковь поручала их руководству и надзору наиболее уважаемым из диаконис. Общины девственниц во времена святого Амвросия Медиоланского были в полном развитии, и сама Марцеллина, сестра его, была девственницей, ибо иноческие женские обители в то время только что стали возникать.

[2] *Плаценция* — ныне Пиаченца — римская колония в Цизальпинской Галлии (нынешней Северной Италии) на правом берегу Пада, неподалеку от впадения его в Требию. Значение ее основывалось, главным образом, на том, что она лежала на дороге из Медиолана в Парму.

[3] *Болонья* — главный город итальянской провинции того же времени, основана в глубокой древности и доселе имеет большое значение, как один из центров итальянской образованности и торговли, благодаря своему выгодному географическому положению на дороге из Северной в Среднюю Италию.

[4] *Мавритания* — ныне Фец, Марокко и западная часть Алжирии — римская провинция на севере Африки.

По прошествии нескольких лет Амвросий поехал в родной свой город Рим. Там застал он в живых сестру свою и одну рабыню из давнишних слуг дома; мать же его уже скончалась. Когда они целовали его руку, Амвросий слегка улыбнулся и сказал рабыне:

— Вот ты и целуешь епископскую руку, как я тебе когда-то говорил.

Так исполнилось предсказание самого Амвросия, о котором было упомянуто раньше, а именно, что он еще ребенком протягивал свою правую руку домашним и говорил:

— Целуйте, ибо и я буду епископом.

Во время пребывания Амвросия в Риме одна уважаемая женщина, жившая за рекою Тибром[1], попросила его совершить Божественную литургию в ее доме[2]. Узнав об этом, другая женщина, расслабленная, приказала нести себя туда, — и в то время, как святитель Божий молился, прикоснулась к краю его ризы, поцеловала ее и тотчас же стала здоровою. И разнесся слух об этом чуде по всему Риму.

По смерти императора Валентиниана Старшего скипетр Западной Римской империи перешел к сыну его Грациану[3]. Когда тот готовился к войне против готов[4], то выразил святому Амвросию желание, чтобы он письменно изложил для него исповедание святой веры. Святитель Амвросий написал для императора книги[5] о вере, предсказал ему победу над врагами и благословил его знамена, на кото-

---

[1] *Тибр* — река, на которой стоит Рим, вытекает из Апеннинской горной цепи на северо-востоке древней области Италии — Этрурии.

[2] Во времена святого Амвросия Медиоланского допускалось еще, по обычаю времен апостольских, совершение литургии в частных домах. Святые апостолы, как видно из книги Деяний апостолов (гл. 20, ст. 7–8), собирались для совершения Евхаристии в горнице. Христиане времен гонений не могли иметь общественных храмов, а собирались в частных домах, в подземных пещерах — катакомбах, при гробах мученических. Церковный историк Евсевий передает о том следующее свидетельство святого Дионисия Александрийского: «Во время гонения всякое место, как то: поле, корабль, гостиница, темница — были нам хвалебным вместилищем».

[3] *Грациан*, старший сын и преемник императора Валентиниана I, с 367 года — соправитель отца, царствовал с 376 по 388 год.

[4] *Готы* — многочисленный народ германского племени, обитавший за Дунаем и разделявшийся на остготов (восточных) и вестготов (западных).

[5] Сочинение святого Амвросия Медиоланского «О вере» состояло из пяти книг.

рых было начертано имя Христово. И одержал Грациан славную победу над готами по молитвам угодника Божия и его благословению.

Жена умершего Валентиниана Старшего, мачеха Грациана, Юстина, была арианкой, ненавидела святого Амвросия и причиняла ему зло. Так, когда в Сирмии[1] умер епископ, Юстина отправилась туда, желая возвести на епископский престол единоверца ее — арианина. Туда же прибыл и святой Амвросий, ибо город тот принадлежал к его пастве. Пренебрегая женским гневом, он старался о том, чтобы во епископы был избран один благочестивый муж, по имени Анемий. В один из дней, когда все собрались в храм и святой Амвросий занял свое место на амвоне, царица Юстина, находившаяся там же, подослала одну арианку, научив ее схватить епископа за одежду, столкнуть его с места и привлечь туда, где стояли женщины, чтобы те избили Амвросия своими женскими руками и выгнали из церкви. Но когда эта бесстыдная женщина с дерзостью подошла к святому Амвросию, чтобы исполнить то, что было ей приказано, то святой сказал ей:

— Хотя и недостоин я носимого мною сана, однако не следует тебе поднимать руку ни на кого из Божиих иереев; страшись суда Божия, чтобы тебя не постигло неожиданное несчастье.

Эти слова святого Амвросия действительно исполнились над тою дерзкою женщиною: на следующее утро она внезапно умерла, и святой Амвросий сам же похоронил ее, воздавая добром за зло. Устрашенные этим чудом, ариане и царица Юстина не посмели более препятствовать тому, чтобы святой Амвросий посвятил во епископа мужа православного. Таким образом, Амвросий без сопротивления посвятил во епископа того именно, кого желал, после чего возвратился в Медиолан.

Случилось раз, что другие два арианина, из постельничих царя Грациана, выразили желание иметь всенародное состязание по вопросам веры со святым Амвросием; предметом состязания должно было быть воплощение Господа Иисуса Христа. В назначенное время святой Амвросий с народом ожидал их в церкви. Он был готов состязаться с ними, так как имел в себе Духа Божия. Но упомянутые ариане, по гордости своей и из желания нанести обиду святому, не пришли на спор, а сели, вместо того, на коней и уехали из города в

[1] *Сирмий* — древний главный город в Нижней Паннонии у реки Саввы, притока Днепра, в нынешней Иллирии.

поле. Когда они доехали до возвышенного места, то лошади их внезапно испугались, и ариане, упав с горы, убились до смерти. Святитель же Амвросий, ничего не зная об этом случае, долго ожидал их и, наконец, видя, что они не являются, взошел на амвон и произнес к народу известное свое поучение, начинающееся словами: «Стараюсь, братия, отдать то, что должен, но не нахожу своих вчерашних заимодавцев» (и так далее, как это значится в сочинении святого Амвросия — о воплощении Господа Иисуса Христа).

Вскоре после того Грациан был предательски убит в Галлии возмутившимся против него военачальником Максимом[1]. Императорский престол в Риме занял тогда Валентиниан Младший со своей матерью Юстиною; но так как полководец Максим овладел уже Испаниею и Галлиею, то сопротивляться ему было невозможно; поэтому арианка Юстина была вынуждена обратиться ко святому Амвросию, чтобы тот отправился к Максиму с просьбою о пощаде и испросил бы у него мир для ее юного сына. Добрый пастырь отправился к мятежнику, ибо готов был и жизнь свою положить за овец своих словесных.

Своими мудрыми и смиренными речами Амвросий так убедил Максима, что последний не двинулся в тот год на Италию, а остался в Галлии.

Но Юстина за такой труд святителя Божия отплатила ему неблагодарностью: не переставая враждовать против него, она послала к Амвросию требование от имени своего сына, чтобы он отдал во владение арианам соборную Медиоланскую церковь со всеми сокровищами, в ней находившимися. Но святой Амвросий с мужеством воспротивился царскому повелению. Он ответил:

— В том, что мне принадлежит, я не отказываю царю, я готов за него и жизнь свою положить, но того, что принадлежит Богу, дать не могу; — да и царю брать того нельзя.

После этого прислан был Юстиною, от имени императора, отряд войска, которому дано было приказание отнять храм силою, а епископа из него выгнать. Народ, услышав об этом, сбежался к церкви, затворился внутри ее, вместе с святым своим епископом Амвросием, и не впускал туда воинов. Три дня пробыли верующие заключенными в храме, воспевая и славословя Бога. Они стойко сопротивля-

[1] Это было в 383 году.

лись арианам и не дозволили им изгнать епископа и отнять церковь. А святой Амвросий, отвечая на требование посланных от царя, повторял:

— Не выйду я добровольно из церкви и не оставлю ее, не выдам изменнически волкам обители овец Христовых и не позволю тем, которые произносят хулы на Бога, завладеть церковию Божиею. Если дано изволение меня убить, то пусть буду я здесь, в стенах храма, пронзен мечом или копьем: я готов такую смерть принять охотно и с любовью.

Царица Юстина, когда донесли ей обо всем этом, устыдилась, а вместе с тем и испугалась мужественного сопротивления православных и не осмелилась более возбуждать открыто борьбы против Церкви. Но, стыдясь своего поражения, она послала тайно наемного убийцу в дом к Амвросию, чтобы умертвить святителя. Злодей проник с обнаженным мечом в спальню епископа и уже поднял руку, чтобы ударить мечом святого мужа, как вдруг рука его омертвела, так что он не мог опустить ее. Его схватили, и он признался в том, от кого и с какою целью был он послан. Святой Амвросий, по своему незлобию, исцелил его омертвевшую руку и отпустил его с миром[1].

В это время[2] Бог открыл в видении угоднику Своему Амвросию о мощах святых мучеников Протасия и Гервасия[3], почивавших в земле. Когда эти святые мощи были подняты, то от них истекло много

---

[1] Это было в 385 году перед праздником Пасхи. Другой подобный же случай повторился в следующем, 386 году, когда Юстина убедила Валентиниана издать закон в пользу ариан и потом около Пасхи воздвигла столь жестокое гонение на святого Амвросия, что он, заключившись в церкви и простершись пред алтарем, просил о помощи свыше. Народ, боясь, чтобы его не взяли силою, окружил его и днем и ночью молился с ним в храме. Святитель Божий занимал в это время народ чтением Святого Писания, изъяснением его и пением псалмов и гимнов. С этого времени и вошло в Медиоланской церкви введенное в употребление святым Амвросием в Западной Церкви, по примеру Восточной, так называемое антифонное пение, то есть пение на два лика. Между тем воины, посланные Юстиной, стали впускать в храм народ, а выходить из церкви не дозволяли. Они так поражены были пением православных, что сами снаружи вторили ему. В это время возглашаемы были и возвышенные гимны самого Амвросия во славу Пресвятой Троицы. Молитвы верных были услышаны, и святитель оставлен при своей пастве.

[2] В том же 386 году.

[3] Память святых мучеников Протасия и Гервасия совершается Церковью 14 октября.

чудес. Так, один слепец, по имени Север, лишь только прикоснулся к одежде мучеников, тотчас прозрел; также изгонялось много нечистых духов из одержимых ими людей.

Между тем, в царском дворце многие ариане, вместе с царицею Юстиною, насмехались и глумились над благодатью Божиею, дарованною Господом нашим Иисусом Христом святой Церкви в прославлении Своих мучеников. Ариане уверяли, будто Амвросий нанимает людей за деньги, чтобы те притворялись бесноватыми, приводит их к гробнице мучеников и делает вид, как будто эти мнимые бесноватые исцелились, а затем распространяет в народе славу о таких ложных чудесах.

В то время, как эти придворные вели между собою подобные нечестивые разговоры, внезапно, по Божию попущению, напал на одного из них бес и стал мучить его. Мучимый человек испускал страшные вопли и кричал:

— Да будет то же, что и со мною, со всеми хулящими святых мучеников, а также с неверующими в Троическое Единство, Которому научает веровать Амвросий!

Все присутствовавшие при этом пришли в ужас, но, вместо того чтобы раскаяться и уверовать, схватили мучимого человека и утопили, бросив его в озеро. Другой раз случилось, что некто, принадлежавший к числу этих нечестивых ариан, вошел в храм, когда святой епископ Амвросий поучал в нем народ. И увидел этот арианин, что Ангел Божий шепчет что-то на ухо Амвросию. Этим видением обнаруживалось, что святой епископ возвещает народу речи, внушенные ему Ангелом. Увидев это, арианин немедленно присоединился к Православию и, по благодати всемогущего Бога, сделался защитником той веры, которую раньше преследовал.

Между тем царица Юстина не переставала враждовать против святителя и, в старании своем погубить его, нашла себе помощника в лице одного вельможи, по имени Евфимий. Она уговорила его, подкупив подарками, чтобы он тайным образом захватил Амвросия и отвез в какую-нибудь далекую страну в заточение. Стараясь осуществить желание царицы, Евфимий построил себе дом вблизи от храма, чтобы удобнее ему было выбрать подходящее к тому время и схватить святителя Божия. Он приготовил особую колесницу, на которой хотел везти святого Амвросия в изгнание, но, судом Божиим,

злоба его обратится на его голову, и злодейство его упало на его темя (Пс. 7, 17). А именно в тот самый день, в который Евфимий намеревался схватить святого Амвросия, неожиданно получено было повеление императора, чтобы Евфимий немедленно был отправлен в изгнание. И повезли его в изгнание на той самой колеснице, которую он, нечестивый, приготовил для изгнания святителя Амвросия.

Когда мятежник Максим вновь начал свои военные действия против Италии, Юстина поспешила примириться с Амвросием и стала, вместе с сыном своим, умолять его, чтобы он снова отправился умолять мятежника. Не помня зла, святой Амвросий поехал к Максиму, но на этот раз не имел никакого успеха в своем ходатайстве пред этим бесчувственным и гордым бунтовщиком. Видя его непреклонность, святой Амвросий обнаружил такую смелость, что пред всеми предал его проклятию, как убийцу, коварством погубившего невинного своего государя, и отлучил его от святой Церкви. Максим вторгся в Италию и брал город за городом. Юный император не мог воспротивиться ему и бежал, вместе со своею матерью, в Фессалонику[1], в Грецию к восточному императору — Феодосию Великому[2], чтобы просить у него помощи. Феодосий собрал войско, двинулся против Максима и победил его. Максим был убит[3]; его смерть была возмездием за неповинную кровь императора Грациана. Однако императрице Юстине не суждено было дождаться этой счастливой победы, так как она, вскоре по прибытии своем в Грецию, умерла. Сын же ее — Валентиниан послушался увещаний императора Феодосия и присоединился к Православию.

После смерти Юстины случилось однажды, что один волхв был предан суду и пыткам. Во время истязаний он кричал, что его больше мучает Ангел хранитель святого Амвросия, чем сами палачи. Когда его спросили, за какое же преступление наказывает его Ангел, кудесник сознался в следующем:

---

[1] *Фессалоника*, или *Солунь*, — значительный древний город Македонии у Солунского, или большого Фермейского, залива. Фессалоника была средоточием христианской общины, основанной святым апостолом Павлом. Ныне Салоники, после Константинополя первый торговый город в Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[2] *Феодосий Великий* — император Восточной Римской империи, впоследствии присоединивший под свою власть и Западную; царствовал с 379 по 395 год.

[3] В 388 году.

— Когда была жива императрица Юстина, то я намеревался своим волхвованием возбудить в населении Медиолана вражду против епископа этого города — Амвросия. С этой целью в полночь я взобрался на крышу церкви и там приносил жертвы бесам; но, чем более я старался о том, чтобы посредством злых козней сделать Амвросия ненавистным народу, тем более на моих глазах росли любовь и привязанность этого народа к своему пастырю и тем более преуспевала эта паства в православной кафолической вере. Видя безуспешность своих усилий, я стал посылать бесов в дом к Амвросию, чтобы они умертвили его, но злые духи возвестили мне, что не только к епископу, но даже к дверям дома его они не могут приблизиться, так как из дверей его выходит огонь и опаляет их.

Вот что объявил волхв во время пыток, ибо воистину страшен был бесам Амвросий. Так, однажды, некие люди повели одержимого нечистым духом отрока к святому Амвросию; не успели они дойти с ним до Медиолана, как злой дух вышел из бесноватого и пришел он к архиерею Божию исцеленным. Отрок этот довольно долго оставался при святом Амвросии. Затем он удалился из Медиолана, направляясь к себе на родину, и вот на том самом месте, где прежде оставил его демон, лукавый враг опять напал на отрока и стал его мучить. Когда заклинатели[1] спросили злого духа, почему не мучил он отрока в Медиолане, то демон ответил:

— Я боялся Амвросия и потому, не доходя до Медиолана, бежал прочь от отрока и поджидал его на том самом месте, где оставил его; увидав его возвращающимся назад, я снова вошел в него.

По смерти мятежника Максима прибыл в Медиолан император Феодосий; святитель же Амвросий находился в то время в Аквилее[2].

---

[1] В древнейшей христианской Церкви существовала особая низшая церковная должность заклинателей. Эта обязанность изгонять злых духов из одержимых ими возлагалась на низших церковнослужителей с той целью, чтобы показать презрение Церкви Христовой к суетной силе диавола. Заклинатели должны были произносить запретительные или заклинательные молитвы также и над оглашенными, то есть приготовлявшимися к принятию таинства святого крещения. Ныне эти заклинательные молитвы, предшествующие таинству святого крещения, читаются самим священником, совершающим крещение. В требнике Петра Могилы имеется особое последование об изгнании нечистых духов из одержимых ими.

[2] *Аквилея* — значительный торговый город на реке Натисоне, недалеко от берега Адриатического моря.

И произошло тогда следующее событие. В одном из городов Востока христианами была предана огню еврейская синагога за то, что евреи нанесли оскорбление инокам. Когда правитель Востока довел об этом до сведения императора, тот немедленно повелел, чтобы епископ того города построил для евреев новую синагогу. Святой Амвросий, узнав об этом повелении, послал императору письмо (так как лично не мог немедленно к нему ехать); в этом письме он доказывал императору несправедливость его постановления и просил его отменить свой указ и не отдавать христиан на поругание евреям. Но Феодосий оставил письмо Амвросия без внимания. Тогда архиерей Божий, вернувшись в Медиолан, всенародно обличил императора в церкви во время проповеди. Обратившись к нему, Амвросий сказал ему от лица Божия следующее:

— Я вывел тебя из ничтожества и сделал царем. Я предал в твои руки врага твоего и покорил тебе все его полчища. Я даровал царский престол твоему потомству. Я сделал то, что ты без труда одержал победу, а ты даешь повод к торжеству надо Мною моим врагам.

Император Феодосий, тронутый этими словами, переменил свое решение и отменил повеление о восстановлении христианами еврейской синагоги.

В то же время случилось другое происшествие: народ в Фессалонике возмутился против правителя своего Ботериха[1] и умертвил его. Император, в сильном гневе, послал войско в тот город, и умерщвлено было тогда до семи тысяч его жителей; при этом многие безвинно погибли от острия меча, так как воины, при нападении своем на город, вовсе не искали виноватых в убийстве правителя, а убивали на улицах всех, и старых, и юношей, и даже младенцев.

Когда Амвросий услышал об этом, то чрезвычайно опечалился и вознегодовал на царя праведным гневом за такое безрассудное кровопролитие. И вот однажды в праздничный день, когда император торжественно шествовал в церковь, архиерей Божий безбоязненно вышел к нему, загородил ему вход во храм и стал обличать его в несправедливом убийстве следующими словами:

— Не надлежит тебе, царь, приступать к святому причащению, вместе с верными христианами, после того, как ты сделался виновником таких убийств и не принес в том покаяния. Как же ты при-

---

[1] *Ботерих* — правитель Фессалоники, друг императора Феодосия Великого.

мешь тело Христово руками[1], обагренными неповинною кровью, или как станешь пить кровь Господню теми устами, которыми отдал повеление о жестоком избиении людей?

— Ведь и Давид согрешил, — возразил ему император, — он совершил убийство и прелюбодеяние, однако не был лишен милосердия Божия.

Но святитель отвечал Феодосию:

— Если ты подражал Давиду в его грехах, то подражай ему и в покаянии.

Император возвратился в свой дворец смущенным, скорбя о грехе своем. И вскоре он принес то покаяние, которое наложил на него святитель Амвросий: он каялся открыто, как простолюдин, повергался ниц перед церковью и стоял вместе с прочими кающимися, проливая обильные слезы. Между тем наступил праздник Рождества Христова, и Феодосий в слезах сидел во дворце, размышляя, что слугам и нищим открыт храм Божий, а ему и в такое время он недоступен: некто Руфин, министр, пользовавшийся особенным благоволением царя, узнав о причине слез его, побежал к святому Амвросию, чтобы склонить его к снятию с царя епитимии. За ним пошел в храм и сам Феодосий. Святитель Божий сначала принял его сурово и, зная раздражительный характер его, потребовал, чтобы он издал закон, по которому бы приговоры суда о лишении жизни или имуществ утверждались спустя тридцать дней. Царь изъявил согласие, и был принят в храм. Он показал здесь знаки глубокого раскаяния: терзал руками свои волосы, ударяясь челом и обливая помост потоками слез. После того Амвросий допустил, наконец, императора до святого причащения. Император вошел, было, в алтарь, так как думал причащаться вместе с священнослужителями; но святой Амвросий выслал к нему архидиакона с приказанием ожидать причащения пред алтарем, вместе с прочими мирянами, «ибо, — сказал святитель, — порфира сообщает лишь царское, а не священническое достоинство». Император со смирением выслушал повеление епископа и вышел из алтаря. «В Царьграде существует такой обычай, — заметил он, — чтобы цари

---

[1] В то время и миряне, когда приобщались Святых Христовых Тайн, получали тело Христово в руки. Смотри Житие преподобной Феоктисты Лезвийской под 9 ноября.

причащались вместе с священниками в алтаре». Но после этого Феодосий ждал времени причащения вместе с остальным народом в церкви. Впоследствии, когда император Феодосий находился уже в Царьграде, то он не вошел причащаться в алтарь и на вопрос патриарха Нектария[1], почему он не по царскому обычаю, а вне алтаря, с простым народом ожидал причащения, со вздохом ответил:

— Не знал я различия между царем и епископом, а теперь знаю, научившись от учителя правды — Амвросия, который один заслуживает того, чтобы называться епископом.

Слава об епископе Амвросии распространялась повсеместно. Так в Медиолан пришли из Персии два весьма ученых мудреца. Много наслышавшись о премудрости святого Амвросия, они захотели убедиться в ней и подготовили, поэтому, много вопросов, которые предложили ему на разрешение. Долго беседовали они с ним и дивились глубине его богословствования и высоте ума. Они засвидетельствовали пред царем, что из-за одного Амвросия предприняли столь далекий путь от востока к западу, так как желали видеть его и насладиться его премудростью.

После того, как император Феодосий вернулся из Италии в Константинополь, а Валентиниан Младший внезапно, по наущению начальника своих телохранителей — Арбогаста, был умерщвлен в городе Виенне[2], на императорский престол был возведен Евгений[3], который только по имени был христианином, по внутренним же своим наклонностям являлся идолослужителем и любителем языческих суеверий и волхвований. Он, желая понравиться римским властям (а в Риме еще много было идолопоклонников и служителей бесов), приказал открыть идольские храмы и совершать бесовские жертвоприношения. Когда он приближался к Медиолану, то святой Амвросий, не желая видеть такого императора, который лицемерно

---

[1] *Святой Нектарий* патриаршествовал в Константинополе с 381 по 397 год.

[2] *Виенна* — ныне *Виенн* — древняя римская колония и потом столица различных государств, основанных германскими племенами; расположена на левом берегу Роны. В настоящее время город богат остатками римских древностей.

[3] *Евгений* — незнатного происхождения — был секретарем императора Валентиниана II, по умерщвлении которого был возведен Арбогастом на престол. Но Феодосий Великий выступил с своим войском против Арбогаста, победил его и велел казнить Евгения.

выдавал себя за христианина, а в сущности был безнравственным нечестивцем, удалился из Медиолана в Бононию[1], а затем, во Флоренцию, лежащую в Тускии[2]; не злобы неправедного властелина боялся он, а гнушался свиданием с ним. Он безбоязненно писал к нему, увещевал и угрожал ему судом Божиим, однако не успел усовестить бесчувственного сердцем Евгения. Во Флоренции угодник Божий пробыл некоторое время и жил в доме одного благочестивого и правоверного мужа, по имени Децента, у которого сын, малолетний отрок Пансофий, был мучим нечистым духом. Святой Амвросий исцелил отрока молитвою и возложением рук. По прошествии нескольких дней неожиданно отрок этот занемог и умер; мать его, женщина благочестивая, полная веры и страха Божия, отнесла сына в комнату Амвросия, и так как святителя не было там, то положила свое детище к нему на постель и ушла. Святой Амвросий, возвратившись в комнату, которую занимал, увидел, что отрок умерший лежит у него на постели. Тогда он затворил за собою двери и стал на молитву, а затем, подобно пророку Елисею (см.: 4 Цар. 4, 32–35), подошел к постели, наклонился над отроком и дунул на него. Отрок воскрес, и Амвросий отдал его матери живым.

Между тем Евгений выступил из Медиолана в поход против императора Феодосия. Выходя из города, нечестивый Евгений похвалился, что когда вернется с победою, то обратит храм Медиоланский в конюшню, а клириков опояшет мечами (отправит на военную службу. —*Ред.*). Однако той чрезвычайной злобе, которою дышали эти угрозы, суждено было остаться бессильною: побежденный императором Феодосием Евгений бесславно погиб. Святитель Божий торжественно встретил благочестивого императора Феодосия, как победителя, но Феодосий, припав к ногам святого Амвросия, приписывал свою победу его молитвам.

---

[1] *Бонония* — весьма известный город в Верхней Италии, в Цизальпинской Галлии, на так называемой Эмилиевой дороге; ныне — *Болонья*, главный город итальянской провинции того же имени, известный своею образованностью и обширною торговлею, с весьма многочисленным населением.

[2] *Туския* — иначе *Этрурия* — древняя область Средней Италии на западе, граничившая между Тирренским морем и Апеннинскими горами, на север от Рима. — *Флоренция*, на реке Арне, населенный город Италии, славящийся развитием наук и искусств.

Немного времени спустя император Феодосий мирно скончался[1]; царствовал он богоугодно и перешел в нескончаемое Царство Христово, а земное царство получили после него сыновья его: Аркадий[2] — на Востоке, Гонорий[3] — на Западе. Во время царствования Гонория были обретены святым Амвросием мощи мучеников Назария и Келсия[4], о чем пресвитер Павлин[5] передает следующее.

В то время Амвросий перенес в церковь святых апостолов мощи святого мученика Назария, которые найдены были в загородном саду. Мы увидели во гробе, где лежали мощи мученика, кровь, как будто бы она только что вытекла; голова с волосами и бородою сохранилась в таком нетлении, как будто она только что положена была во гроб, а лицо мученика было такое светлое, как бы сейчас только омытое. И что же в этом удивительного, когда Сам Господь в Своем Евангелии дал такое обетование: *у вас и волосы на голове все сочтены* (Лк. 12, 7)? Ощутили же мы такое благоухание, которое превосходило всякие ароматы. После перенесения мощей святого мученика Назария на колесницу мы тотчас перешли со святым Амвросием к мощам святого мученика Келсия, которые лежали в той же местности. От владельцев этого сада мы узнали, что им было от предков заповедано, чтобы они не покидали этого места, а сохраняли бы у себя из рода в род, так как великие сокровища положены здесь. И поистине велики эти сокровища, которых *ни моль*, ни ржавчина *не истребляет и воры не подкапывают и не крадут* (Мф. 6, 20). Хранитель их — Господь, а место для тех, для которых жизнь — Христос и смерть — приобретение (см.: Флп. 1, 21), есть водворение на небесах. Когда же внесены были мощи святых мучеников в церковь апостолов, то святитель Амвросий сказал народу поучение. В это время кто-то из народа, имевший в себе нечистого духа, громко закричал:

— Меня мучает Амвросий!

---

[1] В 395 году. Святой Амвросий почтил память Феодосия Великого словом.

[2] *Аркадий* — император Восточной Римской империи, царствовал с 390 по 408 год.

[3] *Гонорий* — император Западной Римской империи, царствовал с 390 по 423 год.

[4] Память их празднуется 14 октября.

[5] *Пресвитер Павлин* — ученик и секретарь святого Амвросия Медиоланского, впоследствии написавший его житие по просьбе ученика его, блаженного Августина, епископа Иппонийского.

Но святой, обратившись в его сторону, сказал:

— Онемей, диавол! Не Амвросий, а вера мучеников тебя мучает, а также твоя зависть, так как ты видишь, что люди восходят туда, откуда ты низвержен. Амвросий же не умеет надмеваться гордостью.

После этих слов святого Амвросия бес замолк, повергнув одержимого им человека ниц на землю.

Слух о святом Амвросии дошел до царицы маркоманов[1] — Фритигильды, и она послала просить святого, чтобы Амвросий научил ее вере во Христа. Амвросий написал ей подробное наставление в вере христианской и убедил ее в истине христианства. Фритигильда обратила к вере во Христа и своего супруга, а также уговорила его заключить мирный договор с Римской империей. Сильно желала Фритигильда увидать своего наставника — святого Амвросия и с этим намерением отправилась после того в Медиолан, но уже не застала в живых святителя, отшедшего незадолго пред тем ко Господу.

Святой Амвросий был мужем великого воздержания и трудолюбия, полным духовной бодрости; постился он постоянно, кроме суббот, воскресных и праздничных дней и дней памяти мучеников. Он пребывал в непрестанной молитве и днем, и ночью; делами занимался он с прилежанием и даже собственноручно писал книги, если не был удерживаем от этого болезнью телесною. Он был преисполнен попечительной заботливости о всех церквах епархии и столь много трудился для выполнения возложенных на него Богом обязанностей, что после его смерти пять епископов едва могли совладать с этой работой. Не поддается также никакому описанию попечительность его о нищих, убогих и находившихся в плену: он тратил на них все свои последние средства. Тотчас после принятия епископского сана Амвросий роздал все принадлежавшее ему золото, серебро и остальное имущество на украшение храмов Божиих, на прокормление нищих и сирот и на выкуп пленных; только незначительную часть своего состояния он отделил на содержание своей сестре, себе же не оставил ничего, чтобы, освободившись от всякого имущества, удобнее следовать за Христом, Господом своим, Который обнищал нас ради, чтобы мы обогатились Его нищетой

---

[1] *Маркоманы* — германское племя, обитавшее в Богемии и нередко производившее опустошительные набеги на пограничные провинции Римской империи.

(см.: 2 Кор. 8, 9). Угодник Божий Амвросий *для всех сделался всем* (1 Кор. 9, 22), радовался с радующимися, плакал с плачущими. Если кто приходил к нему, чтобы исповедать грехи свои, то Амвросий сам так плакал над ним, что даже окаменевшего сердцем грешника приводил в сокрушение и возбуждал к умилению и слезам.

Когда святой Амвросий достиг престарелого возраста, то предузнал отшествие свое к Богу и сказал своему клиру:

— Я только до Пасхи останусь с вами.

Вышеупомянутый пресвитер Павлин, описавший житие святого Амвросия, рассказывает еще о следующем событии, которому сам был очевидцем. «Незадолго до своей болезни святой Амвросий, был занят толкованием на псалом 43, а я, — говорит Павлин, — записывал со слов его то, что он объяснял, так как сам Амвросий по старости и слабости не мог уже писать много. Как вдруг, взглянув на него, увидел я огонь наподобие щита вокруг его головы; этот огонь, постепенно свиваясь, вошел в уста его; тогда лицо Амвросия сделалось белым, точно снег. Это видение привело меня в такой ужас, что я от страха не мог писать, но затем лицо Амвросия приняло опять обычный свой вид. Я сообщил об этом достоуважаемому диакону Кастулу, а последний, сам исполненный благодати Божией, объяснил мне, что это я видел Духа Святого, сошедшего, в виде огня, на нашего епископа, как некогда сошел Он на святых апостолов».

Полководец Стилихон[1], услышав о том, что Амвросий смертельно болен, воскликнул:

— Италия погибнет, если умрет этот святитель!

И послал к больному святителю уважаемых граждан медиоланских — таких, о которых знал, что святой Амвросий их любит, — чтобы они умоляли святого испросить себе у Господа продление земной жизни на пользу других. Амвросий отвечал на это:

— Не так я жил среди вас, чтобы мне стыдиться жить далее; но не боюсь я и смерти, ибо мы имеем Всеблагого Господа.

В то время, как Амвросий лежал на одре болезни, в значительном расстоянии от его постели, у дверей комнаты, сидели диаконы

[1] *Стилихон* — знаменитый полководец Западной Римской империи при дворе Гонория, несколько раз спасавший ее от падения, — родом вандал, но впоследствии, несмотря на свои услуги государству, вследствие придворных интриг, убитый по приказанию Гонория за мнимую измену.

Кастул, Полемий, Венерий и Феликс. Они беседовали между собою, но говорили шепотом и так тихо, что разговор их слышен был только для них самих. Рассуждали они о том, кому быть епископом после Амвросия; при этом упомянули пресвитера Симплициана. Вдруг святой Амвросий, лежавший далеко от них, поднял голос и три раза, как будто вел с ними беседу, повторил: «он стар, но бодр»; этими словами он назначил, чтобы пресвитер Симплициан, после его смерти, принял на себя епископство.

Во время болезни своей святой Амвросий, находясь в молитве, увидел Господа нашего Иисуса Христа, Который шел к нему, улыбаясь с любовью, являя ему светлое Свое лицо; Амвросий поведал об этом сидевшему тогда подле него епископу Лавдийскому[1] Вассиану. Когда приблизилось время разлучения души святого Амвросия от тела, то епископ церкви Верцелльской[2] Гонорат, отдыхавший в верхней части дома, услышал три раза голос свыше, который говорил ему:

— Вставай скорее и поспеши к Амвросию, он сейчас отойдет.

Тогда пресвитер встал, взял с собою пречистые Тайны и спустился вниз к больному. Святой Амвросий помолился, причастился Божественных Даров и предал святую свою душу в руки Господа своего на рассвете дня святой Пасхи[3]. Святое тело его было положено в

---

[1] *Лавд* — город в Северной Италии, между Медиоланом и Кремоном. Ныне — *Лоди Веккио*.

[2] *Верцеллы* — город недалеко на запад от Медиолана.

[3] Это было 4 апреля 397 года. Святой Амвросий скончался пятидесяти семи лет. Жизнеописатель его, пресвитер Павлин, присоединяет к этому, что многие крещенные тогда (в пасхальную ночь) дети, после того как вышли из воды, видели Амвросия — одни сидящим на кафедре, другие показывали пальцем своим родителям на него, как на ходящего, но те, видя, не видали его, не имея очищенных очей; многие говорили, что они видели звезду над телом его. Церковь совершает память его 7 декабря, в день поставления его в епископа, потому, вероятно, что день кончины его совпадает с днями поста или пасхальными. — Святой Амвросий Медиоланский оставил после себя множество сочинений; одни из них относятся к изъяснению Священного Писания, в других раскрываются догматы святой веры, в некоторых преподаются высокие нравственные наставления и так далее. Таковы его толкования на Евангелие Луки, шесть книг на шестоднев, пять книг о вере, изъяснение Символа веры, книга о воплощении, три книги о Святом Духе, книга о таинствах, две книги о покаянии, учение о воскресении, изложенное в двух книгах о смерти своего брата и в двух словах на смерть императоров Валентиниана и Феодосия Великого, об удалении от мира, о девстве, о вдовцах,

большой Медиоланской церкви, а душа его предстала с Ангелами престолу Святой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, Ему же слава вовеки, аминь.

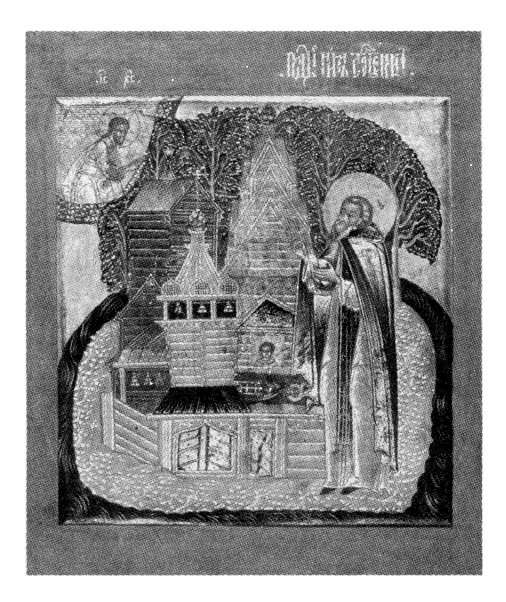
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СТОЛОБЕНСКОГО, Новгородского чудотворца

Преподобный Нил родился в одном селении Новгородской области, Деревской Пятины[1], Жабенского погоста[2]. Кто были родители его — неизвестно; известно только, что он был пострижен в одном из монастырей Псковской области, называемом «Кры-

о патриархе Иакове и о блаженной жизни, об Илие и посте с похвалами воздержанию, о патриархе Иосифе, как образце целомудрия и других добродетелей и так далее. Между всеми сочинениями Амвросия три книги его «О должностях» (пресвитеров церковных) занимают первое место. Весьма важны также труды святого Амвросия для устройства богослужения; он устроил чин как литургии, так и других служб для своей Церкви, распространявшийся по всей Северной Италии. Чин этот соблюдается в Милане и доселе, и Миланская литургия и поныне отличается от Римской многими особенностями, которые обнаруживают в Амвросии явное желание сближения с обрядами Церкви Восточной. В чине службы святой Амвросий ввел следующее: 1) лекционарий, где означил начала и окончание чтений из Евангелия, Апостола и пророков; 2) чин совершения Евхаристии с молитвами и предисловиями; 3) антифонарий, бывший вполне нововведением, принятым с Востока. Святой Амвросий написал как ноты, так и гимны для антифонария. Между подлинными гимнами святого Амвросия следует отметить особенно гимн: *Тебе, Бога, хвалим.* Эта благодарственная, торжественная песнь, доселе повторяющаяся при каждом торжественном благодарении Господу, была составлена святым Амвросием по одержании совершенной победы над арианами.

[1] *Пятины* — так назывались пять частей, на которые делилась Новгородская область. Они носили названия: Вотская, Шелонская, Обонежская, Деревская и Бежецкая.

[2] Что ныне в Валдайском уезде, Новгородской губернии. Погост этот и ныне находится в Новгородском округе; в память же того, что преподобный Нил был родом из этого погоста, в нем и теперь есть придельный храм во имя преподобного Нила.



пец»[1]. Из этого монастыря он ушел в пустыню в Ржевский уезд и там поселился близ реки Черемхи[2]. Питался он здесь травами и желудями с дуба, проводя время в посте и молитве. Этого не мог выносить диавол, и потому вооружился на святого с великой злобой, чтобы отогнать его от того места. Диавол устрашал Нила различными привидениями, являясь перед ним в виде зверей и всяких гадов, которые устремлялись на преподобного с диким свистом и воплем. Но святой молитвами, как мечом, отгонял все эти искушения и злые козни врага, ограждая тело свое знамением крестным и молясь непрестанно Богу. Такое житие Нил проводил тринадцать лет, проводя время во многих подвигах и трудах пустынных.

Однажды после долговременной молитвы Нил уснул и услышал голос, повелевавший ему:

— Нил! Выйди отсюда и иди на остров Столобенский; там ты можешь спастись.

Получив это повеление, преподобный исполнился великой радости, потому что видел, что Господь не презрел его молений. Нил начал расспрашивать об острове христолюбивых людей, приходивших к нему. Те поведали ему, что остров тот находится на озере Селигере, в семи верстах от города Осташкова, Тверской губернии. Преподобный отправился туда, достиг острова и был радостно поражен его красотой. Обошел весь тот остров, Нил увидел, что он очень удобен для уединения, и поэтому возрадовался духом и возвеселился. На

---

[1] Монастырь этот упразднен; на его месте находится ныне погост, называемый «Рожек».

[2] Река *Черемха*, или *Серемха*, находится в Валдайском уезде и принадлежит Ниловой пустыни. Доныне часовня и келия его, окруженные группою вековых деревьев, остаются памятником пребывания преподобного Нила на реке Черемхе, составляя предмет благоговейного уважения для окрестных жителей.

острове том была гора и большой лес. Взойдя на гору, Нил сотворил молитву и сказал:

— Здесь покой мой, здесь вселюсь во век века (см.: Пс. 131, 14).

И возблагодарил Бога за указание ему этого места. Здесь в горе он выкопал себе пещеру, в которой прожил первую зиму; после же устроил там келию и часовню. Нил проводил на острове жизнь в великих подвигах и молитвах, в посте и трудах; пищею ему служили злаки и ягоды, росшие на острове, а также овощи и плоды от земли, которую он возделывал своими руками. Но диавол и здесь не переставал вооружаться на святого, и устрашал его всевозможными видениями. Так, однажды диавол явился с целым полчищем бесов и окружил келию преподобного, когда тот совершал в ней молитву свою; оцепив келию веревками, диавол с неистовым криком грозил стащить ее в озеро, но святой молитвою своею отогнал бесовское полчище.

Бессильною же осталась и ненависть против святого Нила людей, а только послужила к большему его прославлению. Однажды нечестивые жители, обитавшие близ Столобного острова, вознамерились согнать святого с острова, и для этого нарубили дров и зажгли лес, думая, что огонь дойдет до его келии и сожжет ее. Видя это, святой стал на молитву и со многими слезами молился об избавлении от напасти. Милосердый Господь не оставил моление раба Своего, уповающего на Него, и сохранил его по благодати Своей: пламень внезапно погас, как только дошел до горы. Преподобный же, увидев скорую милость Божию, возрадовался духом, а враги его со стыдом возвратились домой.

Однажды, когда преподобный находился на работе вне келии, разбойники напали на святого и с угрозою требовали от него, чтобы он отдал им свое сокровище; святой же сказал им:

— Все мое сокровище — в углу келии; войдите туда и возьмите его.

В углу же том была икона Богородицы с Предвечным Младенцем. Разбойники вошли в келию и внезапно ослепли; тогда они со слезами стали умолять святого о прощении; преподобный помолился Богу и разбойники прозрели. После этого святой обратился к ним с наставлением о душевном спасении и запретил им кому-либо

передавать о случившемся с ними; они тогда умолчали, но после кончины святого Нила рассказали обо всем.

За свои подвиги и терпение напастей преподобный Нил приял дар прозревать тайные дела людей и согрешающих направлять на путь истины.

Один человек пришел к святому, будучи в плотской нечистоте. Святой обличил его о том грехе и, наказав не творить этого, отпустил с миром. С того времени человек тот пришел в страх Божий и, пожив богоугодно, скончался.

Богобоязненные жители, занимавшиеся близ острова рыболовством, почитая святого, посылали ему на пропитание рыбу от своего улова. Однажды они послали к нему с рыбою одного из своих товарищей. Святой, провидя духом своим, что рыбарь осквернил себя прелюбодеянием, закрыл пред ним оконце келии и не принял от него рыбу. Рыбарь, возвратясь к товарищам, поведал им о случившемся. Они послали другого к преподобному с рыбою, и преподобный с радостью принял от него рыбу и, благословив, отпустил.

В другое время один человек хотел было на острове нарубить лесу для постройки дома, но вдруг загремел страшный гром и послышался голос, воспрещавший рубить лес. Однако тот не убоялся этого и стал нагружать деревьями воз, но лошадь не могла сдвинуть его с места. Увидев это чудо, человек тот со страхом ушел, обещаясь никогда более не делать того.

Преподобный подвизался на острове Столобном двадцать семь лет и прежде кончины своей ископал в земле (в часовне) своими руками место для погребения и поставил там гроб. Приходя туда на всякий день, он плакал над тем гробом, говоря себе:

— Се покой мой, се жилище мое!

Когда, наконец, святой почувствовал приближение кончины своей, то молил Господа удостоить его причастия святых Тайн. По молитве святого желание его исполнилось. На остров прибыл игумен Никольского монастыря Сергий и причастил Нила святых Тайн. После этого преподобный, войдя в келию, сотворил обычные молитвы и, взяв кадильницу, окадил святые иконы и всю келию; потом, опершись руками на деревянные костыли, на которых он

обычно отдыхал от телесной усталости[1], преставился ко Господу в 1554 году, 7 декабря[2].

Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА АФИНОДОРА

Святой мученик Афинодор, из Сирской Месопотамии[3], с юных лет проводил иноческое житие. По доносу он был схвачен и приведен к правителю страны Елевсию, пред которым и исповедал Христа, за что тогда же и осужден был на жестокие мучения: его растягивали между двух столбов и все члены тела его опаляли горящими свечами; подкладывали ему под мышки раскаленное железо, а ноздри его проткнули заостренными спицами; потом распростерли его на разожженной медной доске, которая, однако, чудесным образом охладилась; потом его бросили в раскаленного медного вола и подвергали его многим другим истязаниям, но святой мученик оставался невредимым, избавляемый заступлением Ангелов. Такие чудные явления расположили и неверных обратиться к Божественной вере: святой Афинодор привел ко Христу сначала пятьдесят язычников, а потом и еще тридцать. За это осудили его на усечение мечом;

---

[1] Эти «крюки», или костыли, были вбиты в стены келии преподобного Нила; они служили ему вместо кресел; опираясь на них, он и пользовался кратковременным отдыхом.

[2] На месте подвигов преподобного Нила, в 1594 году, иеромонахом Германом основан Нилов Столобенский монастырь. — Обретение мощей преподобного Нила совершилось 1667 года, 27 мая, каковой день и постановлено праздновать каждогодно. Ныне святые мощи преподобного почивают в серебряной раке. При мощах преподобного хранятся: келейная его Владимирская (так называемая Селигерская) икона Богоматери, а также известная по чудесам схима его, лежавшая в земле сто двенадцать лет. 27 мая, в день открытия мощей, каждый год бывает крестный ход из города Осташкова в Нилову пустынь, при многочисленном стечении народа.

[3] *Сирская Месопотамия — Междуречье* — обширная страна между реками Тигром и Евфратом, от Армении, Палестины и Финикии до Персидского залива.

но как только палач приступил к своему делу, то споткнулся и упал как мертвый, а рука его с мечом отторглась от плеча. После того уже никто не дерзнул приблизиться ко святому, и он, помолившись, предал дух свой Господу Богу[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПАВЛА ПОВИННИКА[2]

Родители преподобного Павла имели достаточное состояние и с малолетства заботливо обучали сына своего Священному Писанию. Когда святой достиг совершеннолетия, у него явилось стремление оставить мирскую жизнь. И вот он поступил в одну из иноческих обителей своего города, где принял святой ангельский чин и, подвизаясь во всех добродетелях, достиг такого совершенства, что превзошел всех братий своего монастыря, и соделался сокровищницею добродетелей, так что приял дар творить великие и дивные знамения.

Однажды преподобный Павел, вместе с другими братиями, варил в кузнице смолу. Когда смола растопилась и закипела, то, клокоча, начала переливаться через края котла. Блаженный, не имея подле себя ничего, чем бы можно было промешать кипящую смолу, обнажил свою руку, опустил ее в котел и промесил смолу, и тотчас клокотание прекратилось. Рука святого осталась цела и невредима, и сам он не изменился в лице и ничем не пострадал. Видя то, братия ужаснулись, и одни из них признали его человеком Богоносным, другие же отнеслись к тому с большим недоверием. Сам же Павел считал себя прахом и пеплом и называл себя псом смердящим. Через некоторое время ему поручено было иное послушание. В это время настоятель монастыря созвал братию и провел с ними много дней в молитве и посте. После этого они воззвали к Богу:

— Господи, хотя мы и недостойны этого, но открой нам, сколько возможно для нашего вразумления, что такое есть брат наш Па-

---

[1] Около 304 года.

[2] *Повинник* — то же, что *послушливый*, — наименование, данное преподобному Павлу за его глубокое смирение и полное отречение от своей воли.

вел? — какой меры духовного совершенства достиг он и чего он удостоен?

Бог, исполняющий желание боящихся Его, исполнил их прошение. В одну ночь во время сна братия, мановением Божиим, восхищены были в рай, исполненный красоты. В то время как они удивлялись этому преславному чуду, вдруг пред ними явился там инок Павел. Братия приветствовали его и просили объяснить, чтó значит это явление. Павел с великим смирением отвечал:

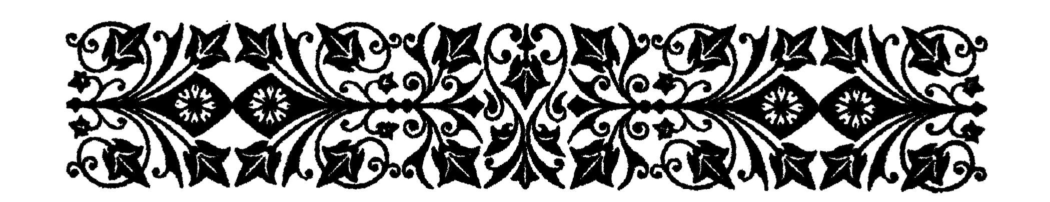
— То, что вы видите, есть рай Божий, и все это случилось для вас, братия, ибо в своих усердных молитвах вы пожелали достигнуть этого места, куда пришел и я. Возьмите же отсюда себе, кто чтó хочет, чтó кому нравится и желательно, и идите с миром; а на дело, к которому я был приставлен в монастыре, назначьте другого, потому что меня более уже не увидите.

Простившись с Павлом, братия удалились, взяв с собою из святого рая, кто — цветок, кто — веточку, иной — прекрасную листву, иной — траву.

Пробудившись от сна и собравшись вместе, братия поведали друг другу видение и радостно славили Бога, при этом один показывал цветок, взятый из рая, другой говорил: «А вот я взял пальмовую ветку», иной сообщал о неземном благоухании, другой держал в руках прекрасную листву: и все воздавали хвалу Богу.

Блаженный Павел после того пошел в Иерусалим; посетив там святые места и помолившись, отправился оттуда на остров Кипр. Там он взошел на высокую гору и много лет подвизался духовно, проводя жизнь в уединении. А так как слух о его святой жизни распространился в той окрестности и многие начали приходить к нему, то он удалился оттуда и поселился в Византийских пределах. Проводя Богоугодную жизнь, здесь он сподобился услышать, как в древности Боговидец Моисей, глас Божий, призывавший его: *взойди на сию гору... и умри на горе, на которую ты взойдешь* (Втор. 32, 48–50).

И взошел блаженный Павел, по Божию повелению, на одну из гор, называемую Паригория, и через некоторое время почил о Господе.



День восьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПАТАПИЯ

В Египте на реке Ниле был город, называвшийся Фивы[1]. В этом городе родился блаженный Патапий. Родители его были христиане и воспитали своего сына в благочестии и страхе Божием. Достигнув совершеннолетия, он презрел суету мира сего и, оставив дом свой, родителей и друзей, принял иночество. Удалившись в пустыню Египетскую, он жил для Бога, подвизаясь в посте, молитвах и многоразличных отшельнических трудах. Когда о нем узнали и многие стали приходить к нему и прославлять его за добродетельную жизнь, он восскорбел, что безмолвие его нарушается и что его хвалят уста человеческие. Оставив Египет, он пришел в Константинополь. Здесь он затворился в келии, устроив ее близ Влахерн[2], при городской стене, и пребывал в безмолвии, как бы в пустыне, никем неведомый, кроме Единого Бога, беседуя только с Богом в непрестанной молитве. Но как не может укрыться город, стоящий на вершине горы[3], так не может находиться в неизвестности и человек добродетельный, достигший совершенной святости. Сам Бог прославляет прославляющих Его и исполнившихся благодати Его и открывает другим на пользу. Так и этот муж, совершенный в святости и обильно наделенный благодатью чудотворения, открываемый и прославляемый Бо-

---

[1] *Фивы* — древняя столица Верхнего (Южного) Египта.

[2] *Влахерны* — местность в Константинополе на западном углу города; во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями.

[3] Евангельское выражение. Мф. 5, 14.

гом, скоро был обретен, как сокровище, сокрытое на поле[1]. Ибо один христианский юноша, будучи слеп от рождения, руководимый Самим Богом, пришел к келии преподобного отца Патапия и просил блаженного помолиться Богу о даровании ему зрения, чтобы видеть все творение Божие и от него приходить в совершеннейшее познание Самого Творца и прославлять Его. Преподобный, видя его веру, умилосердился над ним и сказал:

— Во имя Иисуса Христа, дающего слепым свет, а мертвым — жизнь, прозри.

И тотчас раскрылись у слепорожденного глаза, и он стал видеть, и прославил и возблагодарил Бога. Юноша был известен многим; поэтому видя, что он прозрел, все удивились и стали спрашивать, как это случилось; он же не скрыл имени чудотворца и благодетеля своего, через которого получил от Бога исцеление. Слава об этом чуде и о преподобном пронеслась в народе, и с тех пор многие стали приходить к Патапию, испрашивая его молитв.

Один знатный византиец страдал водянкой, и все тело его опухло. Много тратил он на врачей денег, ища от них исцеления и не получая. Услышав о святом Патапии, он повелел нести себя к нему и со слезами просил святого, чтобы он исцелил его телесную немощь целебною благодатию Божиею. Безмездный врач сначала усердно помолился о нем Богу, затем осенил его крестным знамением и помазал святым елеем, и потом вся вода, отягчавшая его тело, вытекла естественными путями, вся внутренность его очистилась, и он стал совершенно здоров.

Другой юноша страдал от злого беса, который гонял его по горам и пустыням, то повергая в огонь и воду, чтобы погубить его, то низ-

[1] Выражение Евангельской притчи. Мф. 14, 44.

вергая его с высоких и крутых гор, чтобы разбить и сокрушить все тело его. Он и погубил бы юношу, если бы укрепляющая сила Божия не предохраняла его от постоянной злобы врага и совершенной гибели. Однажды бес, со страшной быстротой гоня этого юношу на берег моря, с целию потопить его в пучине, встретил на пути преподобного Патапия, вышедшего для этого из своей келии, по Божию повелению, чтобы освободить творение, созданное по образу Божию, от рабства диавольского. Увидев блаженного еще издали, бес устремился к нему, вращая глазами, испуская пену, скрежеща зубами и грозя избить его. Приблизившись к святому, он закричал:

— О горе! И здесь снова Патапий! Что мне делать, куда деваться, где жить мне после стольких трудов? Едва обрел я себе жилище, и вот теперь меня силою гонят из него. Поистине страшен ты, Назарянин[1], и власть Твоя повсюду и над всеми. Куда мне идти? Если я пойду в пустыню, или в город, или куда-либо еще, — ты там прежде меня и прогоняешь меня одним крестным знамением и единым твоим именем. Я побежден, сокрушен и изгнан!

Говоря это, нечистый бросил юношу на воздух, а чудотворец Патапий, изобразив в воздухе перстом крестное знамение, запретил духу, говоря:

— Изыди, нечистый дух, и удались в пустыню; так повелевает тебе через меня Христос, силу Которого ты невольно исповедал.

Как только святой произнес это, бес поверг юношу на землю и вышел из него через уста, как дым. Придя в себя, юноша плакал от радости и приписывал свое избавление от нечистого духа прежде всего Богу, а также и преподобному Патапию.

У одной женщины болела грудь. Признанная врачами безнадежною, она пришла к преподобному, когда болезнь ее усилилась и в ране появились во множестве черви. Припав к ногам его, она с рыданием и усердной мольбой просила его об исцелении. Святой, осенив язву крестным знамением, тот час же исцелил ее.

Совершив множество других чудес, преподобный отец наш Патапий приблизился к блаженной своей кончине и в глубокой старости отошел к Богу, Которому угождал всю свою жизнь[2]. Погребен он

---

[1] Разумеется Господь наш Иисус Христос, Которому евреи, а вслед за ними язычники усвоили это наименование.

[2] Преподобный Патапий скончался в начале VII века. У святого Андрея Крит-

был с честию в церкви святого Иоанна Предтечи, во славу Христа Бога нашего, во святых Своих прославляемого, Ему же со Отцом и Святым Духом подобает честь и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

СОСФЕНА, АПОЛЛОСА, КИФЫ, ТИХИКА, ЕПАФРОДИТА и КЕСАРЯ

Святые апостолы Сосфен, Аполлос, Кифа, Тихик, Епафродит и Кесарь принадлежали к лику семидесяти апостолов, избранных Господом Иисусом Христом для благовестия Христова, спустя некоторое время после избрания и послания на проповедь двенадцати апостолов (см.: Лк. 10, 1–24).

Апостол Сосфен во время пребывания апостола Павла в Коринфе[1] был начальником иудейской синагоги[2]. Во время возмущения, произведенного здесь против апостола требовавшими его осуждения, когда проконсул Галлион[3], находя это дело неподсудным себе, прогнал обвинителей от судилища, прогнявшие их и с ними и

ского есть два слова на день Патапия и сказание о чудесах и успении его. Жизнь его написана святым Андреем вследствие явления ему Патапия во сне, так как святой Андрей, сначала слыша много чудесного о Патапии, с пренебрежением и недоверием относился к этому.

[1] *Коринф* — древнейший, знаменитый и богатый город древней Греции — в Ахаии, на Коринфском перешейке, соединяющем Пелопоннес (Южную Грецию) со Средней Грецией, в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном углу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морями. Начало христианства в Коринфе положено апостолом Павлом. — В настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто и имеющего лишь около пяти тысяч жителей.

[2] *Синагоги* (с греческого — собрания) — места религиозных собраний иудеев, представлявшие собой открытые здания для совершения общественного богослужения и поучений, для решения спорных церковных вопросов, ведения судебных дел; эти здания служили также местами собраний для прений, школами для детей и библиотеками.

[3] *Галлион* — римский проконсул (наместник) Ахаии при императоре Клавдии, брат римского философа Сенеки.

Свв. апп. Сосфен, Аполлос, Кифа и Кесарь

все эллины, бывшие там, схватили Сосфена, как начальника синагоги, и били его пред судилищем (см.: Деян. 18, 12–17). Но впоследствии он обращен был апостолом к вере во Христа и стал его сотрудником в деле благовествования Христова. Впоследствии Сосфен был епископом в Колофоне[1].

Апостол Аполлос происходил из Александрии и был муж красноречивый, ученый и сведущий в Писаниях. Наставленный сначала только в начатках учения Христова, он, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, но знал лишь одно крещение Иоанново, не имея познаний о возрождающей силе христианского крещения. В непродолжительном времени, когда Аполлос с своею проповедью о Христе достиг Ефеса, Акила и Прискилла[2], узнав о нем, с любовью приняли его и преподали ему подробное наставление в учении Господнем. Потом, когда он вознамерился идти в Ахаию, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его, и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатью; ибо он сильно опровергал иудеев, всенародно доказывая Писанием, что Иисус — Христос (см.: Деян. 18, 24–28). После того Аполлос много потрудился в Коринфе над обращением язычников (см.: Деян. 19, 1; 1 Кор. 3, 6). В Коринфе любовь к нему учеников произвела даже некоторое разделение в Церкви, которое потом обличено было апосто-

---

[1] *Колофон* — древний город Лидии, в северо-западной части Малой Азии. В недавнее время открыты развалины этого города.

[2] *Акила* — еврей, родом из Понта, *Прискилла* — жена его; жили, занимаясь деланием палаток; в христианство обращены апостолом Павлом и были его верными учениками, много содействовавшими успехам Евангелия. Впоследствии они переселились в Коринф, а оттуда — в Ефес. Акила причислен к лику семидесяти апостолов.

лом Павлом: *когда один* (из вас) *говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы? Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возращающий* (1 Кор. 3, 4–7).

Во время написания первого послания апостола Павла к Коринфянам Аполлос находился вместе с ним в Ефесе и хотел прийти к ним, когда будет удобно (см.: 1 Кор. 16, 14).

Впоследствии Аполлос был в Крите[1] и еще позднее был епископом Кесарии[2].

Апостол Кифа, вместе с другими апостолами много потрудившийся в деле благовествования Христова, был епископом в Колофоне.

Апостол Тихик происходил из Малой Азии и был учеником святого апостола Павла, который в своих посланиях называет его возлюбленным братом и верным в Господе служителем и сотрудником (см.: Кол. 4, 7; 6, 21). Во время третьего апостольского путешествия святого апостола Павла, когда он возвращался из Македонии и Греции в Иерусалим, Тихик сопутствовал ему, разделяя труды его (см.: Деян. 20, 1–5). Потом он был с апостолом Павлом и в Риме во время первого его заключения, откуда Павел посылал его с посланиями от себя к Ефесянам (см.: Еф. 6, 21) и Колоссянам с другими церквами (см.: Кол. 4, 7–9, 16), чтобы известить их о себе и утешить сердца их; его же посылал он для исполнения своих поручений на

---

[1] *Крит* — большой остров Средиземного моря в восточной части его, к югу Эгейского моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря. Первые начала христианства положены были очевидцами события Сошествия Святого Духа на апостолов, ибо при этом были и критяне (см.: Деян. 2, 11); потом христианство было здесь утверждено и распространено апостолом Павлом. — В XVII веке Крит перешел во владение турок.

[2] *Кесария* — город палестинский, на восточном берегу Средиземного моря. Начало христианства здесь было положено святым апостолом Петром обращением сотника Корнилия со всем домом его (см.: Деян. 10). По разрушении Иерусалима Кесария была главным городом Палестины и местопребыванием епископа, которому подчинен был Иерусалим, пока, наконец, на IV Вселенском Халкидонском соборе (451 год) Иерусалим сделался независимой патриархией. — В настоящее время от древней Кесарии не осталось даже и развалин.

Крит (см.: Тит. 3, 12). Тихик был при апостоле и во время вторичного заключения его в Риме, и в другой раз апостол посылал его оттуда в Ефес (см.: 2 Тим. 4, 12). Впоследствии святой апостол Тихик был епископом в Колофоне после апостола Сосфена.

Апостол Епафродит был одним из ближайших сотрудников и сподвижником святого апостола Павла. Во время пребывания апостола в узах в Риме святой Епафродит был послан от Церкви Филиппийской с пособием для святого Павла. Усердие это было весьма приятно для апостола потому, главным образом, что, свидетельствуя о любви к нему филиппийцев и искреннем их участии в его скорби, ручалось за их усердие к самой вере (см.: Флп. 4, 10–17). К прискорбию апостола, Епафродит, находясь у него, впал в опасную болезнь; но Господь не восхотел к печали апостола приложить новую печаль: больной выздоровел и обратно отправлен был к филиппийцам с трогательным посланием от апостола. Впоследствии святой Епафродит был епископом Адриаки[1].

Апостол Кесарь, много также потрудившийся в деле проповеди евангельской, был епископом Диррахии[2].

Добре упасши стадо Христово, все эти святые апостолы с миром предали души свои Господу и ныне, предстоя пред престолом Божиим в вечном веселии, приемлют от Бога воздаяние за многочисленные свои подвиги и труды[3].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ, в Африке от ариан пострадавших

Эти святые мученики жили во времена Зенона, царя Греческого[4], когда Африкой правил, по смерти отца своего Гензериха,

---

[1] *Адрия*, или *Адриака*, — город во Фракии при Черном море, недалеко от Филипп, города Македонского, лежавшего на границе с Фракией.

[2] *Диррахия* — город в Беотии, древней области Средней Греции.

[3] Вместе с этими святыми апостолами Церковь воспоминает в этот день и апостола Онисифора, память которого 7 сентября. В церковной службе ныне воспеваются все семь святых апостолов.

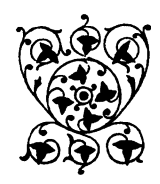
[4] *Зенон* — Византийский император с 474 по 491 год.

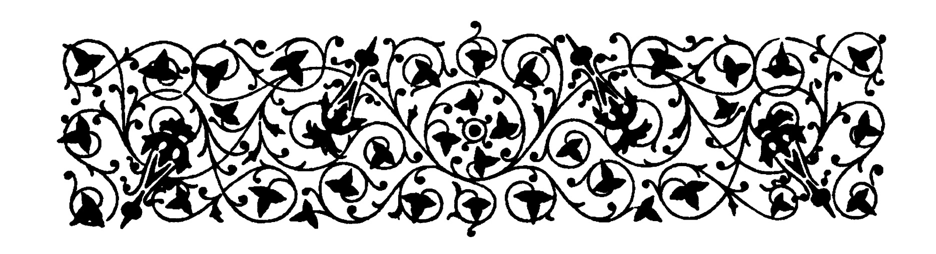
Гуннерих[1], арианин по вере. По совместному совещанию с единомышленными ему епископами — арианами Кириллом и Вилимандисом — он воздвиг на православных столь жестокое гонение, что превзошел времена Диоклетиана и Максимиана. По всем подвластным ему городам и странам он разослал пятнадцать тысяч воинов, повелев им изгонять отовсюду всех православных иереев. В это время православные собрались как-то в одну церковь и совершали там тайно Божественную службу. Узнав об этом, варвары тайно, обнажив мечи, усекнули всех верующих, воспевающих и славящих Бога. Так они действовали, исполняя повеление Гуннериха внезапно убивать всех, не крещающихся в арианское крещение. Те, которые не могли перенести мучений, искали спасение в бегстве, оставляя дома свои и села; те же, которые были тверды в православной вере, добровольно предавали себя на мучение. Таким образом триста человек, утвердившихся в истинной вере и отказавшихся мудрствовать по-ариански, было усечено мечом. Священники же были воспламенены еще большею ревностью о Православии и за то пострадали еще более: два из них были сожжены; шестидесяти же красноречивейшим из них были вырезаны языки от самого корня. После того они рассеялись по всей земле греческой. И вот на них явилась великая чудодейственная сила Божия: лишенные языков, они дерзновенно проповедовали, ясно говоря и рассевая лжеучения арианские, так что все видевшие и слышавшие их приходили в изумление. И они исповедали пред вандалами Сына Божия единосущным Отцу.

В то же время в Риме жена градоначальника римского Сунильда, недугствовавшая арианскою ересью, принуждала жену некоего вельможи римского, по имени Анфису, принять арианское крещение, но не могла убедить ее и в ответ слышала лишь, что она «водою и духом» крещена епископом Медиоланским Амвросием. Тогда Сунильда в гневе сожгла святую Анфису. Муж святой мученицы пришел в

[1] *Гензерих* — король и основатель Вандальского королевства в Северной Африке. *Гуннерих*, сын его, царствовал с 477 по 485 год. — Вандалы — народ германского племени, пришедший с берегов Балтийского моря, после перешедший в Паннонию, на правый берег Дуная, затем завладевший Пиренейским полуостровом и, наконец, обосновавшийся в Северной Африке.

страх, добровольно пошел и крестился ариевым крещением. Вскоре после этого он, желая покататься, сел на коня; но, во время поездки, когда он находился против градской церкви, вдруг на него ниспала молния и зажгла его; он был низвержен с коня и сгорел. Так совершился над ним суд Божий прежде будущего, вечного огня геенн-ского.





День девятый

ЗАЧАТИЕ СВЯТОЙ БОГОПРАМАТЕРИ **АННЫ**, когда зачала святую Богородицу

Господь наш и Бог, желая создать для себя одушевленную церковь и святой дом для пребывания Своего, послал Ангела Своего к праведным Иоакиму и Анне. От них Он восхотел приуготовить по плоти Матерь Свою и предвозвестил о зачатии бесчадной и неплодной Анны и о рождении ею Девы. Так зачата была святая Дева Мария и рождена, по обетованию от Бога, хотя и через плотское соединение. Ибо только один Господь и Бог Иисус Христос родился от Пресвятой Девы Марии без мужа и без брака, неизреченно и несказанно, от Духа Святого, как Он один только знает, совершенный Бог и совершенный родился Человек. Господь воспринял совершенно все для домостроительства Своего воплощения, подобно тому, как изначала Он сотворил и соделал и самое человеческое естество. Говорили же некоторые, будто Пресвятая Дева родилась через семь месяцев —

и родилась без мужа, но это несправедливо. Она родилась действительно через девять месяцев и путем человеческого соединения. Совершается же празднество в честь Зачатия в пречестном храме Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, что в *Евораниях*, близ святой великой церкви[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ ПРОРОЧИЦЫ
АННЫ,
матери пророка Самуила

Святая и блаженная Анна пророчица происходила из города Армафема, находившегося в нагорной стороне удела сынов Ефремовых[2], и состояла в супружестве с Елканою, мужем из колена Левиина[3]. Так как она была неплодна и не рождала детей, то

---

[1] Подробное сказание о зачатии и рождении Пресвятой Богородицы находится в житии святых Богоотец Иоакима и Анны, в Минеях-Четиих под 9 сентября. Веселие праведных Богоотец Иоакима и Анны в храме Иерусалимском и живая благодарность их Богу, разрешившему их неплодство и отнявшему от них поношение между ближними, и было собственно началом празднования Зачатия. В Зачавшейся не только Ее праведные родители, но и весь мир имел верный залог искупления, потому что зачатие Ее было по особенному благодатному смотрению Божию. Но начало собственно церковного празднования Зачатию Богородицы с точностью определить трудно, по недостатку письменных памятников, но можно с доверенностью полагать, что это празднование началось с древних времен; ибо все обстоятельства жизни Богоматери для христиан древних и православных были важны и священны. Преподобный Андрей Критский в VII веке на день Зачатия Богоматери написал канон и беседу. День Зачатия отнесен к 9 декабря, потому что этот день бывает за девять месяцев до дня Рождества Богородицы. В Константинополе празднество в честь Зачатия Богородицы в этот день было совершено в Евораниях, по другому чтению — Уранах, близ храма святой Софии. Здесь храм Богородицы построен был одним сенатором еще при Константине Великом.

[2] *Армафем*, иначе *Рама*, — город в области Цуф, прилегавший к уделу колена Вениаминова. В этом городе имел свой дом Самуил, когда был судиею Израильского народа; здесь он и проживал тогда и помазал Саула на царство (см.: 1 Цар. 7, 17; 9, 5–27; 10, 1–2).

[3] Колено Левия не имело своего удела; левиты жили среди других колен (см.: Втор. 18, 1–2).

Елкана, муж ее взял себе другую жену — Феннану, которая рождала ему детей, и он радовался с нею. Огорчаемая поношением бесчадства[1] не только от соперницы своей — Феннаны, но и от мужа, хотя и любившего ее, и от соседей и родственников, Анна сильно скорбела и много молилась Богу, ревностно исполняя заповеди закона Божия; каждое утро и каждый вечер возносила она свои святые приношения, чтобы Господь избавил ее от этого поношения и даровал ей чадородие. Елкана каждогодно со всем семейством своим ходил в положенное законом время из своего города в Силом[2], чтобы рукою первосвященника Илия[3] приносить жертву Господу Богу Вседержителю[4]. И вот однажды после жертвоприношения Богу Елкана, разделяя между членами своей семьи остатки жертвы, одну часть роздал Феннане и ее сыновьям и дочерям, а другую отдал Анне, так как он любил ее более Феннаны, хотя у нее и не было детей: от этого завистию и досадою исполнилось сердце Феннаны, а для Анны это послужило источником новых, еще больших, огорчений и оскорблений. Смущаемая завистливыми укоризнами, она плакала и не ела и не находила отрады в утешениях своего любящего мужа (см.: 1 Цар. 5, 8); лицо ее огорчилось, и она не знала, что делать. По окончании жертвенной трапезы Анна, отпустив мужа с семейством, одна поспешила к скинии и, повергшись на землю, излила пред Богом сердечную скорбь свою и дала следующий обет:

---

[1] Чадородие у евреев знаменовало благословение Божие, а бесчадство, наоборот, почиталось знамением неблаговоления Божия и поношения среди людей.

[2] *Силом* — город в колене Ефремовом, почти в средине земли Обетованной, по эту сторону Иордана. Здесь, по переходе через Иордан и по завоевании земли Обетованной, поставлена была скиния Моисеева (походный храм Иудейский); здесь евреи молились, справляли свои праздники и имели свои совещания. Ныне остались одни развалины древнего города.

[3] *Илий* — первосвященник и вместе судья израильский, из рода Ифамара, младшего сына Ааронова, первый соединивший в своем лице и духовную, и светскую власть. Он имел кроткий характер, внушавший к нему любовь и доверие, и нелицемерное правосудие, за которое народ благословлял его; но доброта его доходила до слабости, что особенно обнаружилось в его отношениях к своим сыновьям — Офни и Финеесу, которые, будучи священниками, позволяли себе разные бесчиния в скинии, почему Господь, после неоднократного вразумления, наказал их позорною смертью в плену.

[4] Согласно закону Моисееву (см.: Исх. 23, 17).

— Господи Саваоф! Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей, вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы Твоей и дашь рабе Твоей дитя мужеского пола, то я отдам его Господу в дар на все дни жизни его.

Между тем, как Анна молилась так долгое время, первосвященник Илий, сидевший у дверей скинии, обратив на нее внимание и заметив, что уста ее двигаются, а голоса не слышно, сказал ей:

— Доколе ты будешь пьяною? Вытрезвись от вина твоего и иди от лица Господня!

— Нет, господин мой, — отвечала Анна, — я жена, скорбящая духом, вина я не пила; но изливаю душу мою пред Богом, не считай рабы твоей негодною женщиною, ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе.

Тогда Илий сказал:

— Иди с миром, и Бог Израилев исполнит прошение твое.

И Бог действительно не отверг моление Анны, и не только устами Илия сподобил, таким образом, даровать ей плод, но и сподобил родившегося потом от нее сына пророческого дара.

Восприяв с несомненною верою обетование Божие, Анна с радостью возвратилась к мужу своему, и через некоторое время зачала и родила Самуила[1], бывшего впоследствии пророком и руководителем народа Израильского. Когда младенец вскормлен был грудью, Анна в надлежащее время взяла его с собою и пошла в сопровождении мужа в Силом. Там она опять поверглась пред Господом Богом, воздавая Ему благодарение. По принесении жертвы, отец и мать подвели Самуила к первосвященнику Илии, и Анна сказала ему:

— Господин мой! Я — та женщина, которая здесь при тебе стояла и молилась Господу об этом дитяти, и исполнил Господь прошение мое, чего я просила у Него; и я отдаю его Господу на все дни жизни его — служить Господу.

Илий благословил Анну и сказал:

— Да подаст Господь тебе детей вместо Самуила.

Возрадовалась Анна и, поклонившись пред святилищем, в избытке сердца воспела молитвенную песнь: *возрадовалось сердце мое в*

---

[1] С еврейского языка: «услышанный Богом», «испрошенный от Бога».

Господе; вознесся рог мой в Боге моем; широко разверзлись уста мои на врагов моих, ибо я радуюсь о спасении Твоем[1] (1 Цар. 2, 1).

После этого Елкана с благочестивою супругою своею возвратились в Армафем; Самуил же остался при скинии служить Господу. Впоследствии Анна имела еще трех сыновей и трех дочерей и уже в глубокой старости переселилась в вечные обители[2].

---

[1] Эта чудно-возвышенная, полная пророческого созерцания таин Промыслительного домостроительства, проникнутая глубоким смирением песнь изложена во второй главе первой книги Царств и читается так: «Возрадовалось сердце мое в Господе; вознесся рог мой в Боге моем; широко разверзлись уста мои на врагов моих, ибо я радуюсь о спасении Твоем. Нет столь святого, как Господь, ибо нет другого, кроме Тебя; и нет твердыни, как Бог наш. Не умножайте речей надменных; дерзкие слова да не исходят из уст ваших; ибо Господь есть Бог ведения, и дела у Него взвешены. Лук сильных преломляется, а немощные препоясываются силою; сытые работают из-за хлеба, а голодные отдыхают; даже бесплодная рождает семь раз, а многочадная изнемогает. Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит; Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Из праха подъемлет Он бедного, из брения возвышает нищего, посаждая с вельможами, и престол славы дает в наследие; ибо у Господа основания земли, и Он утвердил на них вселенную. Стопы святых Своих Он блюдет, а беззаконные во тьме исчезают; ибо не силою крепок человек. Господь сотрет препирающихся с Ним; с небес возгремит на них. [Господь свят. Да не хвалится мудрый мудростью своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатством своим, но желающий хвалиться да хвалится тем, что разумеет и знает Господа.] Господь будет судить концы земли, и даст крепость Царю Своему и вознесет рог Помазанника Своего».

Имя *Мессии* произнесено в первый раз; оно соответствует наименованию Царя, и означает *Помазанника*, получившего свыше особенные дары Святого Духа. Царем-*Мессиею*, или *Христом*, здесь назван Тот обетованный Избавитель, Которого Иаков, в благословении Иуде, предрек под именем Примирителя, Которому должны покориться народы (см.: Быт. 4, 10), и Сам Бог в беседе с Моисеем нарек *Пророком* из среды братьев его (см.: Втор. 18, 18–19).

Песнь праведной Анны положены в основание 3-й песни всех канонов.

[2] За тысячу сто лет до Рождества Христова.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО СТЕФАНА НОВОСИЯТЕЛЯ[1]

Преподобный Стефан родился и воспитание получил в Константинополе. Родители его, Захария и Феофания, отличались благочестием и добродетелями христианскими; жили они недалеко от святого храма первомученика архидиакона Стефана. Феофания, мать преподобного, еще во время беременности им, соблюдала строгое воздержание относительно пищи: до самого рождения его она вкушала только хлеб с овощами и воду, в своей матерней утробе уже приуготовляя подвижника. И как только родился младенец, у него на груди обнаружилось прекрасное изображение креста, которое было видимым знамением того «распятия плоти со страстями и похотями» (см.: Гал. 5, 24), какое проявил он в последующей своей жизни. Воздержание он начал соблюдать еще в младенческих пеленах, когда питался грудью своей матери: он не принимал молока матери, если она предлагала ему кормление по принятии обильной пищи. И это случалось многократно и продолжалось тогда по два и по три дня, так что родственники святого младенца, наблюдая то, недоумевали и сокрушались. Но это нисколько не вредило здоровью дитяти. Младенец был крещен, возрастал и был отнят от груди матерней. Достигнув отроческого возраста, он охотно и с прилежанием занялся книжным учением, соблюдая повиновение своим родителям. Когда же архиерейскую кафедру занял святой Мефодий[2], то, по устроению Божию, благочестивый Захария, отец Стефана, удостоен был сана пресвитерского с причислением к клиру великой Константинопольской церкви; в то же время и богомудрый Стефан принял пострижение и поступил в число клириков той же церкви и, между прочим, предсказал скорую кончину своему родителю. На восемнадцатом году, по смерти своего отца, преподобный Стефан подъял на себя подвиг затворничества; уединясь в церкви святого и верховного апостола Петра, он пребывал там в непрестанной молитве и питался только овощами. Здесь он вскоре получил в своем

---

[1] *Новосиятелем* преподобный Стефан назван потому, что сиял, подобно древним подвижникам, святой жизнью.

[2] *Святой Мефодий* — патриарх Константинопольский с 842 по 846 год.

подвиге ободрение свыше: однажды ночью явился к нему апостол Христов и сказал:

— Мир тебе, чадо. Да будет тебе во благо это начало добродетельного жития твоего и да укрепит тебя в том Господь.

Прожив так три года, Стефан сподобился еще видения священномученика Антипы[1], который, явившись ему, сказал:

— Мир тебе, чадо; будь внимателен к себе; не оставлю тебя.

Это внушение расположило преподобного еще более усилить свой подвижнический труд в молитве и посте; с этого времени он только однажды или дважды в неделю вкушал овощи, и притом без соли. Проводя так жизнь, Стефан достиг высокой степени нравственной чистоты, удостоился сана святительского и совершил многие чудеса.

В двенадцатом году царствования благочестивого царя Василия[2] и сороковом — жизни Стефана произошло великое землетрясение, от которого церковь святого Антипы, при которой в то же время обитал преподобный, разрушилась совершенно. И удалился преподобный с того места и поселился в одной гробовой пещере и провел в ней двенадцать лет. В это время все волосы на голове его и на бороде, а равно и зубы выпали и все тело его пришло в расслабление, так как в пещере той была большая сырость; и преподобный дошел до крайней степени умерщвления плоти своей. Изнурив таким образом плоть свою, он потом вышел из пещеры, но и после того постелью ему служила простая доска, покрытая жестким рубищем. Потом он принял ангельский схимнический образ и только в Господские праздники, по совершении Божественной службы, вкушал по одному небольшому овощу и немного воды. Так питаясь, этот блаженный гражданин отечества небесного, в продолжение пятидесяти лет проходил свой тесный, подвижнический путь жизни и на семьдесят третьем году всего жития[3] своего, а лучше сказать — умерщвления плоти своей, предал дух свой Богу.

---

[1] *Священномученик Антипа*, епископ Пергама Асийского, скончался в 95 году; память его (11 апреля) была особо чтима в Царьграде, куда при Феодосии Великом (379–395 гг.) был перевезен из Пергама тот бык, в котором сожжен был святой Антипа.

[2] Василия Македонянина, то есть в 879 году.

[3] В 912 году.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **СОФРОНИЯ**, архиепископа Кипрского

Преподобный Софроний был сыном христианских богомудрых родителей, живших на острове Кипре. Он получил хорошее образование, но предпочтительно занимался Писаниями святых отцов, день и ночь поучаясь в законе Божием; вместе с тем и жизнь свою он благоустроял по заповедям Господним. И настолько он преуспевал в благочестии и добрых делах, что удостоился от Господа дара чудотворения и совершил много чудес. По смерти епископа Кипрской церкви, святого Дамиана, священным собором и всем народом Софроний избран был и поставлен на его место. Заняв святительскую кафедру и приняв управление своею родною Церковью, преподобный явил себя истинным отцом своей паствы: печаловался о вдовицах и убогих, помогал сиротам и беспомощным, защищал притесняемых и обижаемых. И так пожив и благоугодив Богу, с миром скончался[1].

[1] В VI веке.

День десятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
МИНЫ, ЕРМОГЕНА и ЕВГРАФА

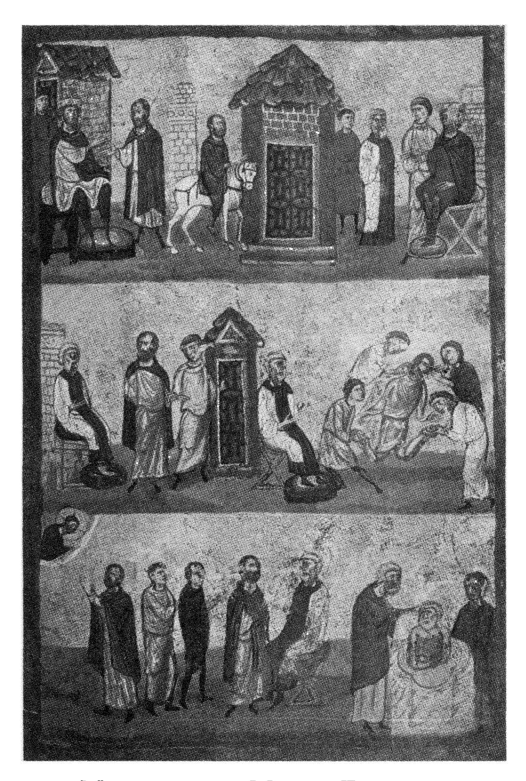
После того как римские цари Диоклетиан и Максимиан добровольно отказались от царства, не имея сил истребить на земле святую веру Христову, на престол вступили: в Риме — Максентий[1], на Востоке — Максимин[2], а в Галлии — Константин[3], который потом уверовал во Христа и просветил вселенную светом веры Христовой. Гонение на христиан не прекращались и при них, особенно на Востоке, где как будто земля и море колебались и возмущались, восставая на умножавшуюся Церковь Христову. Но чем более Церковь Христова была гонима, тем более она возрастала и процветала, будучи обагрена мученическою кровью, подобно лилии, растущей среди терния. Нечестивый же царь Максимин был сильным ревнителем своего многобожного нечестия и великим ненавистником и гонителем христианского благочестия. Ему было донесено, что вся Александрия, славнейший в Египте город, возмутилась, вследствие умножения христиан и происшедшего между ними и язычниками волнения. Не имея возможности сам идти туда и имея нужду остаться в Византии, Максимин послал вместо себя одного из своих вельмож, человека благоразумного, в греческих науках сведущего, искусного оратора, по имени Мину, родом афинянина. Ему он поручил

---

[1] С 305 по 312 год.

[2] *Максимин Дака* — император восточной половины империи с 305 по 313 год.

[3] *Константин Великий* был императором и царем Галлии с 306 по 312 год, когда ему, после поражения Максенция, покорилась Италия и другие страны.



Мучения свв. Мины, Ермогена и Евграфа

усмирить происшедшее в Александрии возмущение и восстановить нарушенный порядок: христианство в городе истребить, а нечестивую их отеческую веру утвердить и обратившихся из язычества ко Христу вновь возвратить к нему. Мина по виду казался готовым поддерживать веру царя и исполнять его злочестивую волю; в душе же он был истинным христианином и хранителем заповедей Божиих, но до времени скрывал свою правую веру, дожидаясь Божественного призыва к подвигу и мученическому венцу.

Получив приказание царя, он быстро прибыл в Александрию и без труда усмирил там возмущение: мудрыми убеждениями он примирил обе противные стороны — христиан и язычников, и позволил каждому невозбранно исповедовать свою веру; исправив, затем, несправедливые постановления в законах, Мина обо всем письменно донес царю. Немедленно же решил он пред всеми исповедать и свою веру во Христа, которую он скрывал доселе, — намереваясь и другим явить образ благочестия и быть причиной их спасения и самому выступить на подвиг мученический. Он так говорил сам в себе:

— Если я отдам себя на мучение в иное время, то буду вознагражден только я один; ныне же я могу и других привести к мученическим венцам.

Поэтому Мина начал открыто прославлять имя Иисуса Христа и учить святой вере, убеждая неверных не одними только словами, но и делами, ибо ему свыше ниспослан был дар исцелять болезни посредством призывания имени Христа и осенением святого креста. Однажды, когда Мина шел посреди города и народ следовал за ним,

случилось ему увидать по дороге множество калек, хромых, слепых, убогих, глухих и бесноватых. Помолившись Богу, чтобы Он явил силу Свою через посредство его рук, для обращения к вере языческого народа, он призвал имя Христово; налагая затем руки свои на больных, он творил на каждом из них знамение святого креста, и тотчас все получили исцеление: слепые — прозрели, немые — заговорили, хромые — вскочили, как бы олени, и бесноватые освободились от нечистых духов. При виде этого народ пришел в изумление, и многие уверовали во Христа; а святой Мина, научив их истинной вере, присоединил к Церкви христианской.

Некоторые же из ослепленных неверием и злобою язычников, которым приятны были бесовские праздники, проводимые ими в объядении, пьянстве и блуде, не любили честной и воздержной жизни; будучи сами сынами злобы, ненавидя свет и не желая переносить поругание своих богов и уничижение праздников в честь их, они тайно уведомили царя, что Мина, как сам верует в распятого Галилеянина[1], так и весь народ александрийский развратил этою верою, и что уже храмы древних богов опустели. Узнав об этом, царь весьма разгневался и, созвав своих вельмож и советников, начал жаловаться им на Мину, что он сделал противное его приказанию, и, вместо того, чтобы уничтожить в Александрии христианство, распространил его, а эллинов[2], преданных древним отеческим законам, обратил в новую, Галилейскую веру[3]. Вельможи советовали царю послать туда кого-нибудь такого, который сумел бы восстановить все нарушенное Миной, и самого его убедить или принудить снова обратиться к языческим богам; избрать же для всего этого вельможи посоветовали кого-либо особенно преданного царю и верно ему служащего, который бы старался сохранить и в точности исполнить все ему приказанное. Когда они начали советоваться между собою и подыскивать такого человека, то наиболее подходя-

---

[1] То есть Иисуса Христа, Которому язычники присвоили это наименование, ошибочно полагая, что Он родился в Назарете Галилейском, в котором Он провел все Свое детство.

[2] *Эллинами* до Христа назывались *греки*, а в Священном Писании этим именем называются язычники вообще — как греки, так и другие народы, потому что многие из них говорили по-гречески.

[3] То есть в веру Христову.

щим для этой цели показался всем начальник города, по имени Ермоген — человек знатный и уважаемый; его и согласились все послать, как могущего исполнить все то, что будет ему приказано царем. И тотчас же Максимин послал Ермогена в Александрию, дав ему из Византии военный отряд, чтобы он подверг Мину суду, а город очистил от христианского, как он думал, заблуждения. Ермоген был родом точно так же из Афин; рожден и воспитан он был в эллинском нечестии, но характера был доброго и мягкого; хотя он не знал Христа, истинного Бога, однако чтил Его делами, христианам только приличными, *не имея закона, по природе законное* творил (Рим. 2, 14).

Когда Ермоген плыл с войском в Египет, на пути туда однажды ночью во сне явились ему три пресветлых мужа и сказали ему:

— Знай, Ермоген, что ни одно, хотя бы самое малое, доброе дело не бывает презрено Богом; поэтому и твои добрые дела Бог принимает, и твое путешествие, предпринятое с намерением погубить многих христиан, Он обратит в источник твоей славы и награды на небесах. Итак, не забудь наших слов, ибо через это путешествие ты узнаешь истинного и вечного Царя. А мы пошлем тебе такого человека, который сделает тебя другом Того Благословенного Царя, и ты удостоишься от Него такой чести, какой нынешний твой владыка оказать тебе не может.

Пробудившись ото сна, Ермоген со страхом и изумлением начал обдумывать виденное им и недоумевал относительно того, что должно случиться с ним; и надеялся он получить какую-то высшую почесть, но при этом от царей, временно царствующих на земле, а не от Царя Вышнего, Которого он еще не знал, так как духовные очи его еще не были просвещены.

Пробыв несколько дней в долговременном плавании, Ермоген пристал к берегу у города Александрии и со славой вступил в город, при звуках тимпанов и труб, а весь народ встретил и сопровождал его с честью до царских чертогов. Когда настал вечер и народ разошелся, пришел к Ермогену блаженный Мина, желая наедине побеседовать с ним об истинном Боге и святой вере, зная, что совет в таком случае лучше слушается и скорее принимается, если же что-нибудь сказано будет при этом неприятного, то и это легче переносится, нежели при народе.

Войдя к Ермогену, Мина сказал:

— Слава Единому великому Богу, промышлением Которого ты пришел сюда!

Ермоген же, услышав о Едином Боге и увидав нескольких стоявших здесь царедворцев, тотчас же велел схватить Мину под стражу, опасаясь быть оклеветанным пред царем в том, будто он принимает царского врага в особой беседе. И сказал он, обращаясь к предстоящим:

— Завтра узнает этот тайный единомышленник Галилеян, какой я друг врагам царя, и уразумеет, один ли бог или их много.

Утром, когда приготовлено было на площади место для суда и собралось множество народа, Ермоген сел на судейском месте, окруженный оруженосцами, и велел привести на суд к себе святого Мину.

Воин Христов предстал пред ним с светлым лицом, с душою небоязненною, — пламенея ревностью по Боге. И сказал ему судья:

— Мина! Всякому человеку приличествует почитать царей и богов царя и быть благодарным за их благодеяния, а ты не почитаешь ни богов, ни царей, забыв их благодеяния.

Святой отвечал:

— Судия! До тех пор приличествует выражать благодарность своим благодетелям, пока это полезно — как благодетельствующему, так и благодетельствуемому. Когда же это обоим приносит вред, тогда надлежит отвергнуть как вредное благодеяние, так и благодетеля. Почитать царей — дело святое, ради их власти и начальствования; но когда цари неправильно и неблагочестно почитают Бога, Который есть начало всего, и не воздают Ему надлежащей чести, тогда чтить царей несправедливо; особенно же не следует безрассудно почитать их богов, пока не исследуем сначала, настолько ли они могущественны, как могуществен истинный Бог. Безначальны ли, бесконечны ли и бессмертны ли они? И если им недостанет при этом хотя какого-нибудь одного свойства, их надо презирать; ибо как могут они быть богами, будучи несовершенными? Итак, с добрым намерением и с чистым сердцем надлежит испытать, кто есть воистину Бог. Когда я, как и сам ты, судья, знаешь об этом, был в Афинах, то соблюдал законы отцов; с юности покинув родителей, я с великим желанием и усердием прилежал книгам и с немалым тру-

дом прошел все эллинское, на лживых баснях основанное, учение. Узнав же, что и у христиан есть некоторые книги, я пожелал прочитать и их. И когда я читал их, то почувствовал такую сокрытую в них душевную пользу, что невозможно то и выразить; сопоставив христианские писания с эллинским учением, я нашел их имеющими между собою великую разность и как бы друг против друга направленными: в первых усмотрел я силу и правду, в последнем же — заблуждение и обман. Ибо то, что заключается в христианских писаниях, являет силу Христову, приличествующую Богу; эллинские же сочинения представляют Бога обладающим человеческими немощами, страстями и похотями, исполненным лжи, возмущения, невоздержания и бесстыдства; они описывают богов ведущими междоусобные брани, побежденными и ранеными со стороны даже смертных людей; исполнены сочинения эти и множеством всякого иного зла, лжи и басней. Вообще чтение христианских писаний приводит ко спасению через познание истины, еллинские же сочинения ведут к несомненной погибели, ниспадению в нечестие и в скверные страсти и заблуждение. Но хотя христианские писания столь спасительны, я не тотчас решился последовать их учению, но задумал испытать силу Христову на деле, чтобы научиться истине на собственном опыте. И когда я встретил одного расслабленного, призвал над ним имя Христово, то больной тотчас же выздоровел. А я, познав Единого всесильного Бога, отрекся эллинского заблуждения и, приняв святое крещение, предал себя Христу. С того времени и доныне я скоро и легко исцеляю тяжкие болезни и неисцельные страдания, одним только Богом врачуемые, — исцеляю через призывание одного только имени Христова. Свидетелем же всего мною сказанного является весь этот народ, стоящий кругом этой площади, и никто не может сказать, что слова мои лживы и обманчивы, так как все сказанное мною можно испытать на деле и вам самим.

Пока святой говорил это и многое иное о Христе Боге, окружавший народ прилежно слушал его от третьего часа до седьмого и желал еще слушать речи его, и тем более не желал видеть его страдания. Наконец весь народ, как бы едиными устами, воззвал к Ермогену:

— Не трудись больше, добрый судия! Ибо мы все — свидетели чудес, силой Христовой им сотворенных; ни одного ложного слова

не сказал он, и нет обмана в устах его. И если бы ты сам здесь был в то время, то и ты познал бы истину и убедился, что не следует чтить иного бога, кроме Того, Которого проповедует Мина.

Ермоген, видя смелость народа и поняв, что все, слушая учение Мины, приклоняются ко Христу, побоялся подвергнуть его мукам; будучи же не в состоянии что-либо возразить против истины, устыдился и велел отвести его в темницу, а сам, встав, со скорбью ушел в свои покои, народ же разошелся по домам, восхваляя святого Мину.

Будучи затворен в темнице, святой воспевал:

— Ты спас нас от врагов наших и посрамил ненавидящих нас, открыл уста мои в притче и произнес гадания из древности (ср.: Пс. 43, 8; 77, 2).

Между тем Ермоген от печали и тревоги не ел и не спал ночью, так как боялся и царя, и народа: народа — чтобы он не произвел из-за Мины шума и беспорядка; и еще более — царя, чтобы тот не прогневался на него, если он не подвергнет Мину мучительной смерти. И снова утром, сев на судилище и приготовив орудия для пытки, он велел привести святого связанным и сказал ему:

— Скажи мне, нечестивец, на что надеясь, ты дерзнул возмутить народ не повиноваться царю, без стыда хулить богов и почему увещал их слушаться твоих лживых речей и принимать какую-то твою странную веру?

На это святой возразил:

— Не я возбуждаю народ не повиноваться нечестивому царскому приказанию, а ревность Божия, ибо народ ревнует о Господе Своем, Которого познал в знамениях и чудесах. Если же я и отзывался худо о богах царя твоего пред народом, то ведь всякому человеку, имеющему правильный взгляд и здравое суждение о деле, подобает не любить и ненавидеть то, что он увидит и признает ложным; истину же до́лжно любить и почитать. А истина для людей, относительно которой нет никакого сомнения, есть Сам Христос!

Судия отвечал на это:

— Безумец, это тебе так кажется, что истина есть Христос, но я тебе сейчас же покажу, что не следует поклоняться Распятому и что ложно все, вчера тобою сказанное: если я отсеку или сожгу один из членов твоего тела, — ты, поклоняющийся Христу, можешь ли этот

отсеченный или сожженный член снова сделать здоровым! И если ты сделать этого не в силах, то какое ты подашь исцеление другим?

Тогда святой снова сказал:

— Желаю, о судия, чтобы ты подверг меня за Христа всяким мучениям, и надеюсь, что тогда и ты, презрев эту временную славу, которую теперь имеешь, будешь одним из тех, над которыми царствует Христос мой.

Будучи разгневан этими словами, судия приказал отрезать у Мины ступни ног, содрать кожу с голеней его и в таком виде поставить его пред собою, чтобы, мучимый болью от ран, он не мог уже отвечать ему на вопросы о богах. Святой же, когда срезано было мясо с ног его, став на самые оголенные кости, запел: *Моя нога стоит на прямом пути; в собраниях благословлю Господа* (Пс. 25, 12). И хотя из ног его обильно текла кровь, однако мученик с радостным лицом и мужественно переносил страдания; язык же его витийствовал еще свободнее, прославляя Единого истинного Бога и обличая безбожие. Судия, увидев это, приказал отрезать Мине язык; и когда слуги намеревались исполнить приказание, святой сказал мучителю:

— Если ты не только вырежешь мне язык, но и выколешь глаза, то и этим меня не победишь, ибо светильник ногам моим — закон Христов (ср.: Пс. 118, 105); я надеюсь даже, что после того, как ты отрежешь язык мой, то и сам поведаешь величие Христа моего.

И действительно, когда у Мины урезан был язык и кровь текла из уст его, — и тогда святой не изменил своему мужеству, но взором показывал, что готов страдать за Христа всеми членами тела своего.

Тогда судия приказал выколоть ему глаза, и когда это было исполнено, святой наклонил свою голову, стараясь хотя этим выразить благодарность Богу за то, что Он сподобляет его перенести за Него такие мучения. И снова он ввержен был в темницу, а судия ушел с площади, говоря:

— Завтра я отдам тело его на съедение птицам.

Святой лежал в темнице, изнемогая от ран и будучи едва жив от страданий. Ночью же, в третьем часу, вдруг озарил темницу свет, как бы молния, и явился Сам Христос Господь. Приблизившись к тому месту, на котором лежал мученик, Он прежде всего исполнил сердце святого радости и мужества, затем уврачевал ему язык, просветил

глаза, исцелил ноги и как бы воздвиг и воскресил его из мертвых, соделав всего его здравым и невредимым. Затем Он сказал мученику:

— Внимай, Мина! Я — Иисус Христос, за Которого ты страдаешь. Пришел Я посетить тебя, хотя и прежде был недалеко от тебя, взирая на твой подвиг и ожидая, чтобы твою любовь ко Мне познали судьи и власти; но так как они уже познали ее, то отныне Я буду явно защищать тебя. Ермогена же, враждующего на Меня и не любящего имя Мое, ты завтра увидишь смирившимся и умоляющим тебя, а вскоре он будет и другом твоим в подвиге: ибо вместе с тобою будет он страдать, вместе получит и венец, так как несогласно с Моею благостью, чтобы многие добрые дела его погибли из-за его неведения.

Сказав это, Спаситель дунул на Мину Святым Своим Духом и исполнил его неизреченной радости.

Между тем Ермоген, лежа на постели, размышлял о происхождении и родине святого Мины, о его премудрости и мужестве и о его прежней славе, когда он имел у царя большую силу и для многих испрашивал царские милости. Размышляя обо всем этом, он называл себя окаянным за то, что подверг мучениям такого человека; предполагая же, что тот уже умер от тяжких страданий, он плакал о нем и решил с честью похоронить его тело.

Когда настал день и собрался народ со всего города Александрии, Ермоген снова сел на место судии и послал стоящих перед ним воинов вынести из темницы на площадь тело мученика. Отправившись, воины нашли темницу, которая ранее была весьма мрачна, наполненной небесного света, а около святого увидели двух прекрасных и светлых мужей, подобных воинам и готовых к защите и отражению врагов; Мину же святого нашли не только живым, но и совершенно здоровым, ясно видящим, хорошо говорящим и поющим: *Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной* (Пс. 22, 4). От изумления они стояли молча, как немые; удостоверившись вполне, что они видят не привидение, но самую действительность, совершаемую силою Божией, они воскликнули:

— Велик Бог христианский!

И тотчас же они уверовали во Христа и не возвратились к пославшему их. А судья, долго прождав с народом тех воинов, сму-

тился и послал еще больше воинов, приказав им принести тело мученика, так как он думал, что тот уже умер. Но и эти, увидев то же, что и первые, уверовали во Христа и присоединились к ним. Святой же, узнав от воинов, что весь город собрался на площадь и что судия сидит уже на судилище, сам пошел к судье и народу, сопровождаемый воинами, уверовавшими во Христа. Приближаясь к площади, он запел: *Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3). И тотчас все устремили на него глаза свои и изумлялись, видя его живым и здоровым — ходящим, видящим и говорящим, хотя еще вчера он был полумертв, ослеплен и без языка. И все единогласно воскликнули:

— Велика сила Христова, самую смерть побеждающая! Блажен ты, город Александрия, через посредство одного этого человека понявший обольщение бесовское и познавший истину Христову: воистину это — власть и сила Божия! Радуйся, проповедник и подвижник Единого истинного Бога и Спасителя! Радуйся!

Судия еще более изумился этому новому и дивному происшествию и, боясь, чтобы народ не восстал на него, хотел уйти с площади. Но народ закричал ему:

— Не уходи, досточтимый судия, и не завидуй городу за такое его счастье, что он сегодня узнает Единого истинного Бога и пойдет путем правды к свету истины.

Тогда судья, сделав народу знак умолкнуть, приказал святому подойти к нему и стать поближе, ибо он все еще считал видимое им за обман, не имея в себе познания о Христе. Он внимательно глядел на святого и ощупывал его руками, действительно ли это Мина и действительно ли исцелился он от ран. Удостоверившись, что все это действительно так, Ермоген удивился и от изумления молчал. Затем, едва придя в себя, он проговорил:

— Скажи мне, человече, что это за удивительные и неожиданные совершаются происшествия? Твой ли только Бог или и другой какой-либо может это сделать?

Отвечая на это, святой сначала подробно изложил учение о Безначальном Боге, затем — о создании человека и его грехопадении, потом о воплощении Христа, о искуплении рода человеческого, о крестном и добровольном страдании, и наконец, в заключение речи, присоединил:

— Бог, будучи благ и милостив, сошел для спасения людей на землю и никому не желает погибели и лишения вечных благ. Как мать печется о сыне своем, претерпевая причиняемые им скорби и обиды, побеждаемая естественною к нему любовию, и не сердится на него, если он сделает что-либо неподобающее, так как он делает то по неведению и без всякого умысла и потому терпеливо дожидается его совершеннолетия и развития, желая видеть его мужем совершенным и между людьми почитаемым и уважаемым; так и Бог наш, создавший нас, заботится о нас и, как любящий отец, переносит все злое, по неведению нами совершаемое, побеждаемый Своею благостью. Он ничего так не желает, как того, чтобы мы унаследовали славу Его, возросли в мужа совершенного, в меру возраста духовного. Видя же вас погубляемых диаволом, не приходящих к познанию истины, прогневляющих Его своими идолослужениями и почитанием ложных богов, Он сожалеет о вашей погибели. В то же время заботясь о вас, как о Своих детях, Бог теперь обличил вас через меня и победил заблуждение ваше и неразумную ревность вашу, как это признают и все, на меня взирающие. Для того, чтобы каждый из вас признал во мне силу Христову, я, человек, уже достигший старости, вчера изувеченный, лишившийся всех телесных сил и почти мертвецом вверженный в темницу, — вот я ныне стою пред вами целым и невредимым, и как бы снова сегодня рожденным и явившимся в мир этот еще более здоровым. И если кто хочет узнать, кто есть истинный Бог, тот да верует, что Он есть Тот, Который возвратил мне и язык, и глаза, и ноги, и совершенное здоровье; пусть тот верует в Того, Кто изначала сотворил этот мир и все, что в нем, и даровал жизнь твари. Пойми это и ты, судия, и не будь незнающим Того, Кто заботится о тебе и ждет твоего обращения. Надлежит и тебе обратиться ко Христу, как мне извещено об этом от Него Самого. Радуйся же, что ты придешь ко Всеблагому и Вечному Царю и вместе со мною приобщишься мученическому подвигу!

Судия, как человек, имевший добрую и восприимчивую к благодати душу, начал, отчасти из слов святого, отчасти же из совершившегося чуда, познавать истинного Бога, после того как Божественный свет коснулся его сердечных очей. Теперь вспомнил он и о том видении, которое видел, плывя на корабле, и почувствовал, что Бог

хочет причислить его к Своим верным рабам и друзьям. Поэтому он, подобно получившему какое-нибудь великое приобретение, возрадовался и сомневался лишь относительно того, как может он быть достойным милости Бога, после того как столь долгое время пребывал в нечестии.

Когда он размышлял об этом, Божественная благодать, призывающая его к истине, удостоила его дивного видения: он, вместе с друзьями своими, увидел двух мужей, стоящих около святого Мины, светлых как молния, имеющих крылья и держащих венец над главою мученика. Увидев их, он весьма испугался и стал спрашивать друзей своих, бывших с ним, видят ли и они то, что видит он; те сказали, что и они видят то же самое. Тогда Ермоген, встав с седалища своего и показав рукою на святого, громогласно воззвал к народу:

— Воистину — это слуга Бога истинного, и велик тот Бог, почитанию Которого он учит нас; ибо Он чудесно подает с небес помощь рабам Своим, защищает их и дает им возможность одолевать своих противников. Безумен был я до настоящего дня, сам предаваясь служению бесам и стараясь привести к ним и вас, желающих право веровать во Христа.

Сказав это, он хотел припасть к ногам мученика, но, видя ангельское видение, боялся приблизиться. Когда же Ангелы стали невидимы, Ермоген подошел к святому Мине, обнял его честные ноги и стал целовать их, говоря:

— Молись за меня, истинный слуга Божий, молись, прошу тебя во имя той самой истины, которую ты проповедуешь, молись, чтобы и мне, недостойному, сподобиться стать служителем твоего Бога, — и если я сподоблюсь Его благодати, то начну каяться в прежнем моем заблуждении и безумии.

Святой сказал ему на это:

— Радуйся, светлый епарх, и не сомневайся в милости Божией. Ибо я знаю, что Он благоутробен и милосерд, и надеюсь, что Он не только не отринет тебя, приходящего к Нему, но и впишет имя твое в книгу жизни; принимая твою усердную веру в Него, открыл Он мне о тебе, что желает, чтобы и ты прославил мученичеством Его Божественное имя.

Сказав это, святой вспомнил, что народ весь день пребывает голодным; ибо все позабыли о пище, видя происходящее и удивляясь

ему, так что никто не хотел уходить с площади при виде дивного чуда того и внимая сладкословесным речам исповедника Христова. Припомнив это, святой и сам ушел с площади и народу велел расходиться, обещая утром опять прийти на площадь, еще подробнее говорить о святой вере и научить их тому, что им нужно делать. Ермоген же не отлучался от святого Мины, но всю ночь провел с ним, наставляемый к познанию истинного Бога и тайнам веры Христовой.

Утром на площади собралось столько народа из Александрии, что их не могла вместить и вся площадь. Когда святой Мина с Ермогеном стали подходить к площади, великое множество эллинов, встречая их, единодушно взывало:

— Все мы веруем в проповедуемого тобою Бога, Ему Единому обещаемся служить, а всего нашего прежнего заблуждения отрицаемся.

В ответ на это святой благодарил Бога, обращающего к Себе ожесточенных язычников и наставляющего заблудших на путь истины. Восхвалял он их скорое обращение к Богу и утешал богомудрыми наставлениями, поучая возлагать свои надежды на благодать Божию, которой они будут сподоблены во святом крещении. Войдя на площадь и став на ней, святой, обращаясь ко всему народу, сказал:

— Бог да усовершит вас Своим знамением и да соделает вас расположенными ко всякому доброму делу!

После этого он велел каждому из них спрашивать о Боге и поучаться, кто чему хочет. Судия со всем народом ответил на это:

— Святейший человек Божий! Нет у нас никакого сомнения относительно твоего Бога. Все мы с очевидностью познали Его и потому веруем всему, тобою сказанному, и об одном только просим, чтобы соединиться с Богом через крещение.

Некоторые же из народа, видя Ермогена, обращающимся ко Христу, прибавили:

— Воистину нет лицеприятия у Бога, ибо и эллину дал Он познать Себя и помиловал его за великую щедрость к нищим.

В скором времени пришли в Александрию из окрестных мест и пустынь епископы[1]: одни — для того, чтобы посетить своих словес-

[1] В это время, вследствие гонений, епископы Церкви, смотря по нуждам ее, не всегда оставались среди своих пасомых, а иногда, для их же блага, чтобы не лишить их своего духовного руководства, укрывались по пустыням, лишь изредка

ных овец, другие — желая видеть подвиги мучеников, и собралось их около тридцати человек. Когда была приготовлена вода, святой Мина повелел Ермогену преклонить главу свою пред епископами. А они, возливая воду на его главу, сказали:

— Получает баню возрождения Ермоген, во имя Отца и Сына и Святого Духа[1].

Так был крещен пред всем народом судия, и все люди прославляли Христа Бога. Крестилось и множество народа, и была во всем городе великая радость, так как верующие люди веселились о Господе Боге своем.

Через несколько дней Ермоген был поставлен епископом города Александрии, — все свое имение он роздал при этом нуждающимся. Вместе со всем своим духовным стадом он крепко вооружился на диавола: в короткое время разорил бесовские капища, уничтожив идолов, а на месте их основал церкви и крестил бесчисленное множество эллинов, обращал их ко Христу. Призыванием имени Христова и осенением Его святого креста, он исцелял всякие болезни и изгонял из людей нечистых духов; он учил всех людей благочестию и чистоте, смирению и любви, кротости и другим добродетелям, подавая пример стаду и своим собственным житием.

Когда все это происходило, некий жестокосердный эллин, по имени Рустик, один из членов царского синклита[2], отправившись к царю, рассказал ему обо всем случившемся в Александрии: о том, как епарх Ермоген, последуя учению Мины, стал христианином, и о том, как весь народ александрийский последовал за Ермогеном и

являясь для назидания паствы и укрепления ее. Но когда надлежало укрепить падающий дух пасомых собственным примером, тогда святители предавали себя мучениям истязателей.

[1] Этот вид святого крещения (через обливание, а не погружение) не был обычным в древней Церкви, он употреблялся (и доселе употребляется) лишь в тех исключительных случаях, когда нельзя достать потребное количество воды, особенно для большого числа людей, как в настоящем случае, и при других подобных крайних затруднениях. — Выражение «получает баню возрождения» совершенно равнозначаще с обычным выражением «крещается». Оно заимствовано из послания апостола Павла к Титу (гл. 3, ст. 5) и означает ту мысль, что вода крещения, омывая тело, вместе с тем возрождает человека и духовно, уничтожая его грехи, подобно тому как баня телесная омывает нечистоту телесную.

[2] *Синклит* — правительство воинское и гражданское из самых важных и влиятельных советников и сановников.

Миною, приняв ту же самую веру. Царь Максимин, услышав об этом, сильно разгневался не только на Ермогена и Мину, но и на весь город Александрию; немедленно собравшись, он отправился в Александрию, взяв с собою десять тысяч вооруженных воинов. Прибыв в город, он тотчас же схватил Мину и Ермогена, и как только было приготовлено место для суда, приказал собраться на площадь всем жителям города, а сам занял место судьи. Когда святые приведены были к нему на суд, и притом, по приказанию его, обнаженными, мучитель, увидав их, громко воскликнул:

— О боги! Чтó это значит, что те, которым оказана была с нашей стороны особенная честь, добровольно отвергли ее, а избрали себе жизнь презренную и недостойную и стали по виду своему как бы какие-нибудь скоморохи?

Затем он начал говорить Ермогену:

— Скажи мне, несчастный, для чего я поручал тебе власть над всей этой землей и морем? Не для того ли, чтобы и сам ты оставался верным нашим богам и нам, а Мину, совратившегося в заблуждение, возвратил бы к отечественной религии? Ты же не только не вернул его от заблуждения, но и сам стал единомышленником его.

Когда гордый царь так гневался и пылал мщением, Всеблагой небесный Царь милостиво призрел с высоты на рабов Своих, ибо внезапно к ним явились Ангелы, вселяя в них мужество, приготовляя к страданиям и повелевая не страшиться царского гнева, так как конечное торжество будет на их стороне. Тогда Ермоген в ответ царю сказал:

— Царь! Если ты хочешь с терпением выслушать меня, почему я добровольно отверг то, что представляется тебе верхом благополучия, и предпочел сделаться как бы неразумным нищим, поруганным и лишенным чести, то есть стать христианином и быть готовым идти за Христа на огонь, меч, на зубы звериные, и даже желать смерти за Него более, чем жизни, — я открою тебе, но только слушай.

Царь сказал ему на это:

— Если ты будешь говорить мне истину, я стану тебя слушать, но остерегайся говорить ложь вместо правды.

И Ермоген начал повествовать пред ним следующим образом:

— Царь! Я имел пламенное желание преследовать христиан и их учение, чтить же богов языческих и повиноваться твоей воле — ты

это знаешь, ибо ты сам послал меня в этот город для того, чтобы соблазнами или угрозами возвратить к древней вере Мину премудрого. Для этого ты и послал меня сюда с столь великою воинскою силою, так что даже и сам ныне пришел с меньшею силою. Все жители этого города пусть будут свидетелями моими пред тобою в том, каким я был вначале, когда ласкательством, угрозами и всеми другими средствами старался отвратить Мину от христианства; не знал я, неразумный, что встретил человека бесстрашного и мужественного, всегда готового к ответу и с сердцем, жаждущим лучше терпеть муки и все лютейшие страдания, нежели отречься от Христа. Когда я увидел, что он не соглашается поклониться богам, не боится власти, не страшится мук, не слушается увещаний, то я подверг его мукам, потому что поведение его казалось мне оскорблением для богов, тем более что и народ сочувствовал ему, разделяя все его мудрование о вере. Сначала я велел отрубить ему ступни у ног до самых костей, потом отрезать язык и выколоть глаза; а когда он обессилел от ран и едва уже дышал, я велел бросить его в темницу. Говоря по истине, я тяжко болел за него душою, как за своего согражданина, что погиб такой премудрый и красноречивый человек. Утром я велел вынести тело его, полагая, что он уже умер. И вдруг вижу его живым — вижу, что он даже сам идет ко мне, смотрит глазами и говорит языком. Увидав его, я подумал, что это привидение, и потому закрыл глаза свои, чтобы не видеть и подобие того, кто был врагом богов. Но когда потом я встал со своего места и вместе с прочими начал внимательно рассматривать явившегося, то, не доверяя одним только своим глазам, а и руками осязая — я убедился, что это действительно был Мина. И я тотчас же был побежден истиною, имея неложным своим свидетелем — совесть. Впрочем, царь, вот сам он стоит пред тобою! Вот и народ, видевший мучение его: пусть он засвидетельствует пред тобою, или же ты сам разузнай, как хочешь: действительно ли это чудо. Итак, скажи мне, — заклинаю тебя твоими богами, — если бы кто-нибудь увидел, подобно мне, Христа, так внезапно исцеляющего и оживляющего человека и проявляющего в таком чуде Свою силу, тот понял бы, что это — Бог Единый истинный. Он есть Единый Творец первого человека и обещал верующим в Него вечное Царство на небесах. Если бы кто-нибудь увидел все это и постиг, неужели бы он отвергся такого Бога и не захотел назваться другом

Его? И неужели бы отвергся он такой благодатной силы, чтобы быть в состоянии, подобно Самому Богу, слепым давать зрение, хромых исцелять, горы переставлять, мертвых воскрешать, — и всякий сотворенный предмет передвигать одним своим словом или одним мановением руки своей — имея при этом надежду на вечное блаженство и Царство небесное? Неужели кто оставил бы такового Бога и пренебрег таким блаженством, а предпочел бы почитать ваших богов и быть начальником и царем. Какого мнения ты был бы о таком человеке? Не показался ли бы он тебе безумцем и невеждою, не имеющим никакого понятия о том, что такое добро и истинная польза? Потому-то, царь, и я отверг все заблуждение, ваши басни и ваших мерзких богов и все временные суетные блага, и обратился к Единому истинному Богу, пожелав лучше показаться в глазах ваших безумцем, как сам ты назвал меня, и терпеть злополучие, чем считаться премудрым и избранным между вами. Итак, о нас ты все уже слышал теперь. Если же ты хочешь постигнуть силу Христову, то немедленно испытай это на деле: придумай для нас какое-нибудь величайшее мучение; если же ты не можешь придумать его, то позволь мне самому указать тебе виды всевозможных мучений и привести их на память пред тобою: ведь я немалое время был судьей и мучителем, и потому являюсь в этом деле чрезвычайно искусным. Отдай нас на съедение зверям, низвергни нас с горы в пропасть, брось в море, закопай живыми в землю, усеки мечом, сожги огнем, каждому отдельному члену нашего тела придумай соответствующее мучение, потому что и я, когда был ослеплен нечестием, делал все это со святым Миной, моим светильником, в познание истины меня приведшим.

В то время, как святой Ермоген столь безбоязненно говорил пред царем, народ дивился его дерзновенной и мужественной речи и подтвердил, что чудо, бывшее со святым Миной, действительно совершилось на глазах у всех. Царь же ни одного слова не мог сказать в ответ Ермогену. Зная же, что если бы он и вступил с Ермогеном в какое-нибудь продолжительное словопрение, то был бы только пристыжен, а боги унижены, — приказал сейчас же отсечь ему руки до плеч, а ноги до колен, и бросить их в огонь на глазах у мученика, чтобы сам он видел, как будут гореть члены его тела. Но мученик, подняв немного голову, при виде рук и ног своих в огне, сказал:

— Как блажен я, что Бог ныне принимает в жертву и приношение Ему те самые руки мои, которые я некогда воздвигал с мольбою к богам ложным, и те самые ноги, которыми я ходил по пути заблуждения!

Затем чрево его было пронзено копьем, и оттуда выпали все внутренности его, а остатки его еле дышащего тела палачи бросили, по приказанию царя, в реку. Что касается до святого Мины, то царь боялся испытывать его на словах, чтобы не быть пристыженным его дерзновенным повествованием о тех чудесах, о которых он уже достоверно слышал, и чтобы не отторгнуть через это от веры в богов своих и остаток единоверных себе людей. Поэтому он прямо, без всяких расспросов, приказал отвести Мину в мрачную темницу и повесить там, связав руки, а к ногам привязать весьма большой камень; это сделал царь с тою целью, чтобы умертвить Мину насильственною смертью после продолжительного висения и после того, как все суставы его тела будут растянуты от сильнейшей тяжести. Святой же Мина, терпя все это, имел на устах своих слова псалма: *призри на страдание мое и на изнеможение мое* (Пс. 24, 18), и слова апостола: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

Потом, когда все суставы тела святого мученика были исторгнуты со своих мест и все тело его стало вытянутым, как струна, и мучения от этого чрезвычайно усилились, он умолк. Но Бог, проявляющий дивную силу Свою во святых Своих, не только не оставил страстотерпцев во время их мучений, но и сотворил с ними поразительное чудо: по Его Божественному мановению, как только святой Ермоген, едва живой, был брошен в реку, тотчас же явились святые Ангелы: они вынули его из воды и вынесли на берег; отсеченные руки и ноги его исцелили и сделали его совершенно здоровым и невредимым, как будто он только родился сейчас новым человеком. С наступлением же ночи они повели его к святому Мине, который висел в темнице и был едва жив; освободили там и святого Мину от оков и, исцелив его, стали утешать их обоих ожидающим их на небесах воздаянием, что там для них уже приготовлены венцы и Сам Подвигоположник ждет, пока они мужественно окончат свой подвиг. Так укрепляя их на страдание, Ангелы пробыли с мучениками до самого утра.

Как только настал день, царь весьма рано приказал собраться всему народу на площадь. Придя затем и сам, он сел на своем престоле и, зная, что уже весь город верует во Христа, раздваивался в мыслях своих, думая сам про себя: «Нехорошо и оставить горожан без наказания, но бесполезно и всех наказывать смертью». Поэтому, притворившись как бы ничего не знающим о их вере во Христа, он начал к народу такую речь:

— Я знаю, что все вы и жертвы приносите и поклоняетесь нашим великим богам, а царям своим оказываете во всем надлежащее повиновение со страхом; но так как с самого начала вы не восстали против этих мерзких людей, которые дерзнули распространять учение Распятого и не побили их камнями до нашего к вам пришествия, то через это вы навлекли на себя великий гнев богов. Хотя я сам никому из вас не желаю впасть ни в какую, попускаемую богами, беду, тем не менее не могу оставить вас и без всякого наказания; а поэтому, отомщая вам за прогневание богов, повелеваю отнять от города вашего давнишнюю честь его, так чтобы никто из вас не мог отныне ни получить высшего сана, ни удостоиться высокой власти. Знайте же и то, что Распятый не только никого не избавляет от бедствий, а, наоборот, доводит верующих в Него еще до всевозможных несчастий и позорной смерти. А что все сказанное мною истинно, — пусть свидетелями в этом будут два вчерашних волхва, Ермоген и Мина, которые до мучения своего обещали мертвых воскрешать, а быв же по вине своей наказаны мною тяжелыми мучениями, и себе самим не были в состоянии помочь. Итак, где же сила этого обольстителя, Христа?

В то время, как царь говорил эти вздорные речи и хулил имя Христово, весь народ негодовал и роптал между собою, замышляя что-то новое против самого царя. Но едва лишь глашатаи дали знак народу замолчать и только что царь снова захотел обратиться к народу с речью, как внезапно предстали пред царя святые Мина и Ермоген. Все с удивлением обратили свой взор на них и воскликнули как бы одним языком и одними устами:

— Воистину один есть только Бог — Бог христианский!

Увидев их, царь был поражен великим изумлением и ужасом.

В это время один из стоявших среди народа, по имени Евграф, человек, сведущий в греческих науках и сам бывший одним из писа-

рей в то время, когда святой Мина по званию судьи правил городом, этот Евграф, видя святых мучеников живыми и здоровыми, исполнился Божественной ревности и, осенив себя крестным знамением, с дерзновением вышел на средину площади и стал пред царем, говоря ему:

— Царь! И я — христианин, не признающий твоих повелений; вот я — пред тобою и не щажу своего тела для Христа; не думай победить меня угрозами или ласкою; и не только меня одного, но и никого из нас, христиан, ты не в силах победить: ибо для нас пребывание с вами равносильно смерти, а умереть за Христа — значит поистине приобрести жизнь. Ты пришел в наш город, как лев, желая поглотить стадо Христово и истребить святую веру идолопоклонством, но мы презираем твою ярость, готовы идти на смерть за благочестие и смеемся над тобой, как над льстивой лисицей.

Услышав это, царь распалился гневом и, быстро встав с престола, бросился на него; выхватив у одного из предстоявших пред ним меч, он своими руками рассек святого Евграфа и от великого гнева начал рубить его на части. Святой же, будучи рассекаем, продолжал, пока мог, укорять мучителя за безбожие и вместе с тем благодарить Бога за то, что идет к Нему ранее других, и что умирает не от одного усечения, но вследствие многочисленных ран, вселяющих в него надежду на многие венцы от Бога. Так предал он свою душу в руки Божии, будучи рассечен посреди площади.

Царь же, снова сев на своем престоле, обратился к святым мученикам Мине и Ермогену и сказал:

— Клянусь силою богов моих, что никогда еще я не видал таких чародеев, как эти! Неудивительно, что простой народ слушает их, ибо они, прельщая невежд своим хитрым чародейством, отторгают их от своих богов и внушают им решимость умирать за Распятого. А поэтому я сейчас же изобличу вас окаянных, — привидения ли вы, только глаза затмевающие, или же на самом деле обновленные тела.

На это святые отвечали:

— Так как ум твой несмыслен, душа ослеплена и сердце ожесточено, то от этого и действительный предмет кажется тебе привидением; ибо не являешься ли ты на самом деле слепотствующим, если не веришь делу, сияющему светлее самого солнца? Если ты сомнева-

ешься, то испытай со всем тщанием, действительно ли это мы; а если ты в гневе угрожаешь, то снова испытай нас посредством мучений и ран и познай, что мы суть плоть, а не привидение. Если ты хочешь привлечь нас к себе через обещание временных благ, то знай, что если бы ты отдал нам и самое царство свое, которое почитается у вас драгоценнее всего, то и им ты нас не соблазнишь. Итак, произнеси над нами твой окончательный приговор и знай, что ты ничем нас не победишь.

Царь, видя, что это — не привидения, но живые люди, ибо многие осязали их руками и удостоверялись, что тела их исцелены от ран, — приказал отсечь им головы, а сам, встав, удалился в свои палаты, будучи пристыжен, что ничем не мог одолеть воинов Христовых. Когда же святых повели на место казни, то за ними пошел и весь народ; они же, возведя очи свои к небу, долго стояли так, моля Бога, чтобы Он даровал Церквам и всему христианству мир и тишину и чтобы никто, просящий у них помощи, не возвращался, не получив ее; затем, обняв друг друга и простившись друг с другом, они преклонили свои честные головы под меч и были усечены воином.

А так как великий Мина, еще будучи живым, просил царя о том, чтобы его тело было погребено в Византии (что он еще раз заповедал исполнить тем верным, которые стояли около него пред его кончиною), то царь Максимин приказал сделать железный ковчег и, положив в него тела святых мучеников, бросить их в море, чтобы христиане не имели возможности почитать их. Сам же, видя народную молву и большой ропот народа на него, спешно ушел из города и направился к Византии, опасаясь, как бы не поднялся против него бунт.

Между тем железный ковчег с мощами святых мучеников не потонул в море, но, управляемый в водах силою Божиею, предварил самого царя и быстро доплыл до Византии, несясь как бы с быстротою летящей птицы. Епископу же Византийскому было ночью некоторое Божественное видение, повелевавшее ему немедленно идти к морскому берегу и с честию взять ковчег с мощами святых. Епископ в ту же ночь, созвав свой клир и некоторых именитых людей из числа верующих горожан, вышел с ними к морю; и увидели все они свет, сходящий с неба на море в виде столпа и спускающийся в какую-то лодку; в лодке той сидели два светоносных мужа и плыли к берегу, на котором стоял епископ с клиром.

Когда плывшие приблизились к берегу, стоявшие на берегу увидели, что это плывет не лодка, а ковчег, управляемый на воде двумя светоносными Ангелами, которые тотчас же стали невидимыми, как только поставили ковчег на берегу. Епископ с народом, приняв ковчег с радостью и узнав, что он железный, весьма удивились тому, что столь великая тяжесть железа не потонула в пучине морской, но, как легкое дерево, плавало по водам. Облобызав честные мощи святых мучеников, они поместили их до времени в тайном месте.

Царя же Максимина, бывшего еще в пути, постигло Божие наказание: уже давно будучи душевно слепым, он лишился и телесных очей, при этом он сам рассказал своим домашним и друзьям, что был наказан чьими-то невидимыми руками; через несколько дней после этого и умер он, окаянный.

Епископ по смерти царя с великим почетом похоронил мощи святых мучеников у городской стены, да будут они как бы стражами городу, хранителями для плавающих по морям и врачами для одержимых болезнями во славу великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ГЕМЕЛЛА

Святой Гемелл происходил из области Пафлагонской[2]. Услышав, что император Юлиан Отступник[3] находится в городе галатийском Анкире[4], он отправился туда и, представ пред царем, безбояз-

[1] Святые мученики прияли мученическую кончину около 313 года. — Обретение мощей святого мученика Мины (в IX веке) празднуется 17 февраля. Святой Мина, за свое красноречие, известен еще под именем *Калликелада* (Красноглаголивого). — В IX веке Иосиф Песнописец написал канон в честь этих мучеников, где говорится и об исцелениях от мощей их.

[2] *Пафлагония* — древняя область Малой Азии, на южном берегу Черного моря.

[3] *Император Юлиан* царствовал с 361 по 363 год. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачей своей жизни восстановление язычества, почему и известен под именем *Отступника*.

[4] *Анкира* — главный город Малоазийской области Галатии, — ныне *Ангора*, значительный город Малой Азии с тридцатитысячным населением. Галатия за-

ненно обличал его в вероотступничестве и вражде против святой христианской веры. Юлиан пришел в сильный гнев и подверг его жестоким мучениям. Гемелла опоясали железным поясом, до того раскаленным, что от него отлетали горящие искры и из тела мученика лилась кровь. В таком виде он был отправлен в город Едес[1], куда прибыл и сам вероотступник. Когда святой мученик приведен был в этот город, ему растерзали раскаленными железными кольями плечи, в голову же его были вбиты железные гвозди; потом растянули его на земле и от ног до головы содрали с него кожу. Наконец он был распят, и ноги его были пригвождены ко кресту. Так скончался этот многострадалец, вознося благодарение Богу[2].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ФОМЫ ДЕФУРКИНА[3]

Преподобный Фома родился в Вифинии[4]. Родители его были простого звания и жили в довольстве. Но Фома уже с юных лет отвращался от всяких житейских, суетных удовольствий и обнаруживал сильную склонность к иноческому житию. Увлекаемый примерною жизнью некоего инока, подвизавшегося в одном из окрестных монастырей, он привязался душевно к святой обители; с малолетства привык он соблюдать пост и, охотно занимаясь свойственным детскому возрасту книжным учением, изучил Псалтирь, апостольские писания и всю церковную службу. Таким образом, первоначальная жизнь Фомы протекала мирно, в благочестии, и добрые семена, посеянные в его душе, успели укорениться для дальнейшего возрастания. Когда же Богобоязненный отрок достиг совершенного возраста, то, облекшись в иноческую одежду, с непоколебимою твер-

---

нимала самую средину Малоазийского полуострова; Анкира же находилась на северо-западной окраине провинции.

[1] *Едес* — город Киликии, юго-восточной области Малой Азии.

[2] Мученическая кончина святого Гемелла последовала около 361 года.

[3] Это было прозвище, данное преподобному Фоме.

[4] *Вифиния* — северо-западная область Малой Азии, лежавшая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива.

достью вступил на подвиг духовной брани со врагом спасения. И настолько утвердился и усовершился он душою своею в добродетельном житии, что его духовная красота явно обнаруживалась пред всеми.

В то время один из византийских вельмож, по имени Галоликт, основал при реке Сагарисе новый монастырь и просил епископа той области собрать в этот монастырь мужей достойнейших и разумных. Начальником этой новой обители был избран и поставлен преподобный Фома, как инок опытный, утвердившийся в духовной жизни и крепкий хранитель воздержания. Сообщено было об этом и собору епископов с объяснением, что Фома уже много лет подвизался в духовном делании и что все его почитают сосудом, исполненным различных добродетелей, хотя сам он, по смирению своему, и старался скрывать то́ от других.

Между тем такое неожиданное поставление блаженного Фомы начальником обители, по навету диавола, попущением Промыслителя Бога, дало повод к некоторому раздору. Огорченный этим, Фома, обвиняя себя, говорил себе с укоризною:

— Что я мечтаю о себе!

И уразумев, что настало время исполнения сердечных его желаний, простившись с братией и исповедав пред ними скорбь сердца своего и преподав им духовное утешение, он удалился из монастыря для безмолвия в одну пустыню. Оставшись без начальника, как овцы без пастыря, иноки пожелали возвращения преподобного; они отправились на поиски и долго искали его, пока не дошли до той самой пустыни, где поселился преподобный, в безмолвии перенося и зимнюю стужу и солнечный зной, вменяя первую в тепло, а второй — в прохладу. И умоляли они преподобного возвратиться в монастырь, а чтобы утишить скорбь его, говорили:

— Зачем ты изнуряешь себя столь суровым житием? Подумай: ведь мы созданы из персти земной и уже по этому самому носим в себе немощь, так что нам не по силам совершенно отрешиться от свойственной нам немощи.

Но Фома остался непреклонен и только, уступая желанию монахов, позволил им устроить для себя небольшую келию. Когда она была устроена, преподобный вошел в нее и, преклонив колена на землю, произнес:

— Да будет это благоугодно Тебе, Господи; пришедших же к моему недостоинству мужей сподоби возвратиться.

Иноки удалились, оставив своего вождя духовного в пустынном уединении. Но после того, как бы по нарочитому извещению, к святому подвижнику начали со всех сторон приходить благочестивые люди — миряне, желавшие принять иноческое пострижение, и просили преподобного, чтобы он позволил им жить у него в послушании. Всех таковых, как приходящих на служение Господу, он облекал в монашескую одежду, и двоих, как первых учеников Христовых, нарек именами апостолов, — одному дав имя Иоанна, а другому Петра, и с ними возносил усиленнейшие молитвы Богу.

Но для виновника зла — диавола нестерпимо было видеть свои козни и злоумышления побежденными. И вот они навели на преподобного, прежде всего, комаров в таком множестве, что блаженный не мог даже говорить: комары нападали на него, и когда он лежал, и когда вставал на молитву, — набиваясь ему в рот, они проникали даже до гортани. И скудная пища и все, что было в келии святого, всегда наполнялось множеством комаров. Три года продолжалась такая напасть, но преподобный не только без ропота и воздыханий претерпевал это, но еще благодарил Бога, испрашивая себе отпущение грехов. Потом, когда, по воле Божией, нападение комаров прекратилось, появились большие мухи, которые кусали преподобного и как бы острыми стрелами пронзали его, изнуренное воздержанием, тело. Миновала и эта напасть, продолжавшаяся так же три года. Но после того на преподобного напали муравьи, которые заползали к нему и в глаза, и в ноздри, но он, как крепкий дуб, оставался непоколебим в подъятом им подвиге терпения. Видя такую твердость блаженного старца, переносившего эти девятилетние напасти, как бы мимолетные, однодневные, искуситель напал на него еще с большею, неистовейшею злобою. Зная, что человеку, от создания почтенному образом Божиим, присуще по природе отвращение к змее, как орудию первого греха (см.: Быт. 3, 1–6, 14–15), коварник, чтобы разрушить душевный мир преподобного и вселить в его сердце чувство озлобления, равно как и у его сподвижников, наслал на него множество змей. Это многим может показаться невероятным, но то не было каким-либо только привидением. Змеи являлись не в воображении преподобного Фомы, но на самом деле подползали, окру-

жали его, и не однажды, или дважды, а постоянно. И не один год или два года, но целых одиннадцать лет святой окружаем был ими, и ни разу не произнес он ропота. От змей не свободно было и ложе его; они гнездились и там во время его отдыха. Но, охраняемый промышлением Божиим, преподобный оставался невредим от них.

Однажды блаженный отец совершал Божественную бескровную службу; служение приближалось к концу, и вот откуда-то выполз громадный змей и, как кольцом, опоясал собою всю церковь, в которой совершалось священнодействие. Прислуживавший преподобному инок вышел пред тем из церкви, чтобы принести потребную при священнодействии теплоту, а змей, сначала как бы опоясавший собою церковь, в это время свернулся у порога церковного, представляя собою огромный клубок. И вот произошло дивное чудо: совершавший богослужение преподобный, удивляясь, почему не подается по обычаю своевременно теплота, оглянулся и увидел чудовище, лежащее у порога, а прислуживавшего инока стоящим в трепетном ужасе, и, исполнившись Духа Святого, сказал брату:

— Входи и не бойся.

Сам же продолжал святое дело. Ободренный отеческим повелением инок, как бы на крыльях, перескочил через змея и вошел в церковь. По окончании Божественной службы блаженный старец в священном облачении подошел к порогу, где лежало чудовище, и сказал:

— Если это появление твое здесь, змей, означает кончину твою помощию Бога моего, то следуй за мною.

Змей схватился зубами своими за край одежды святого и последовал за ним; Фома же отошел от церкви на расстояние полета стрелы из лука и, зайдя в дебрь, где была глубокая яма, остановился и начал молиться; ко многим молитвам он присоединил и такую:

— Боже, давший власть верующим в Тебя наступать на змей и скорпионов, благоволи, Господи, и мне меньшему наступить на гортань змея, по слову Твоему! (см.: Лк. 10, 19).

Как только преподобный произнес эту молитву, змей тотчас поднялся с места и низвергся в пропасть; с ним осыпались и края этой пропасти, так что на том месте образовалась заравненное место. Возблагодарив Бога, старец возвратился в свою келию. А затем по-

следовало и новое дивное чудо: змеи, гнездившиеся под келиею преподобного и столько лет устрашавшие его, при виде его святого лица, как бы спасаясь от огненного опаления, внезапно все ушли в то место, где погиб и змей-чудовище. Там, волею Божиею, их погибло многое множество и птицы нападали на них и поедали.

С того времени святой Фома, освободившись от искушения и напастей, получил от Бога дар исцелений и прорицаний, но вместе с тем еще с большим старанием заботился он о своем духовном совершенствовании, устремляя свое внимание особенно на соблюдение подвига безмолвия. А так как к нему беспрестанно приходили искавшие наставлений и вынуждали его нарушать безмолвие, то он начал обыкновенно удаляться в нагорное место своей пустыни; предызбранные же им, приближенные ученики, по его завету, руководствовали и братию и приходящих: Иоанн распоряжался при совершении молитв и служб церковных, а Петр назидал по благодатному дару прозорливства. И хотя все это так устроилось, но духовная сила отеческого наставничества не была ослаблена тем, потому что во всем проявлялось одно произволение — всех окормляла воля старца-отца, любовью которого все окрылялись и направлялись на путь спасения.

Когда, таким образом, в уединенной обители все шло установившимся порядком, однажды благочестивый греческий царь Лев, сын Василия[1], имея в сердце своем некое недоумение, изложил о том в письме и, запечатав его своею царскою печатью, отправил оное с нарочитым послом к преподобному старцу, желая получить от него разрешение своего недоумения. Царский посол отправился, и едва приблизился он к порогу келии блаженного отца, последний, выходя ему навстречу, подал свое запечатанное письмо и сказал:

— Приими это, брат, и возвратись к пославшему тебя.

Такое обстоятельство привело посланного в ужас, и он, недоумевая, возразил:

— Какой же ответ я дам пославшему меня касательно его письма, когда ты даже и в руки не взял царского писания?

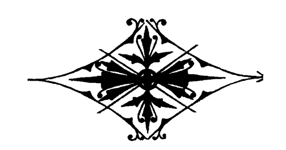
На это преподобный отвечал ему:

— Довольно, чадо: так хочет Бог.

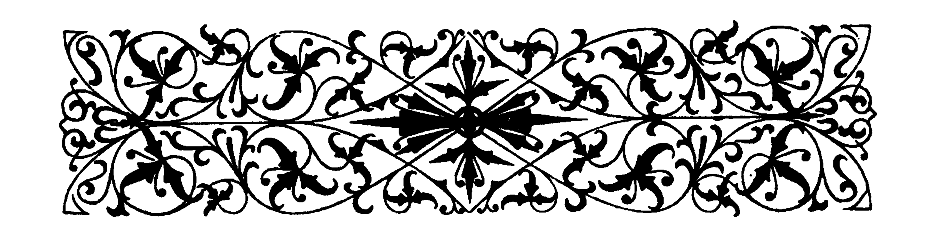
---

[1] *Лев VI Мудрый*, сын Василия Македонянина. Византийский император, царствовал с 886 по 911 год.

Приняв от святого Фомы послание, посланный возвратился и рассказал царю о случившемся и весьма удивил его. Когда же царь прочитал ответ старца и нашел в нем разрешение своего недоумения, то выразил настойчивое желание лично видеть преподобного. Но Фома чуждался мира и по своему смиренномудрию уклонился от представления царю. Об этом, впрочем, уже только впоследствии, и притом кратко, сообщено было одним из учеников его. Всякий, кто имел какую-либо душевную потребность, безбоязненно, не смущаясь дальностью расстояния и времени, обращался к преподобному и получал ожидаемое духовное утешение, а равно и телесное здоровье. И так много лет и многих руководствуя в духовной жизни, достигнув глубокой старости, преподобный отец, после непродолжительной болезни, предал дух свой Богу[1].



[1] Преподобный Фома Дефуркин скончался в X веке.



День одиннадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ДАНИИЛА СТОЛПНИКА

Преподобного отца нашего Даниила Столпника, эту ветвь райскую, возрастила Месопотамия[1]. Он родился в селе, называемом Вифара и лежавшем около города Самосат[2], от христианских родителей Илии и Марфы. Мать его была неплодна и не рождала, и через это переносила немало неприятностей и укоризн как от своего мужа, так и поношений со стороны родственников и родственниц. Однажды в полночь, находясь в сердечной горести, она потихоньку вышла из своего дома и, простерши руки к небу, обратилась к Богу с такою многослезною молитвою:

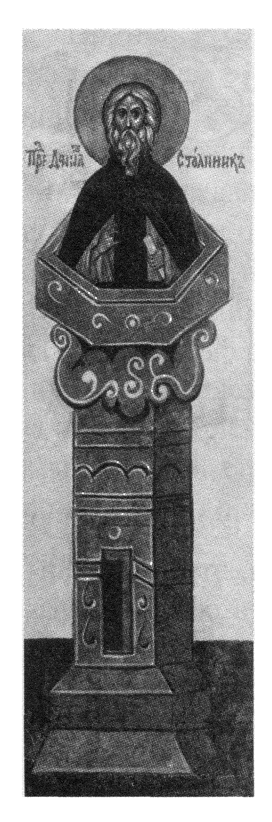
— Господи Царю! Ты изначала создал мужа и жену и сказал им: плодитесь и размножайтесь. Ты даровал Сарре на старости Исаака (см.: Быт. 1, 28), Анне — Самуила (см.: 1 Цар. 1, 20), Елисавете — Иоанна (см.: Лк. 20, 60). Умилосердись же и над моим таким же несчастием и, милостиво призрев на меня, разреши мое неплодство, сними с меня позор и дай плод моему неплодному чреву, чтобы я могла данное Тобой принести в дар Тебе, как некогда Анна принесла Тебе Самуила.

Помолившись так сокрушенным своим сердцем и духом смиренным, Марфа вернулась к себе в дом и одна лишь заснула, как уви-

---

[1] *Месопотамия* (в переводе с греческого — междуречье) — страна, лежащая между реками Тигром и Евфратом. Здесь именно, по библейскому сказанию и преданию других народов, находился рай, обиталище первозданных людей.

[2] *Самосаты* — главный город сирийской провинции Коммагены, на западном берегу реки Евфрата.



дала во сне два больших и весьма светлых светильника, похожие видом на блюдо, постепенно спускающиеся с неба на ее голову. Утром, встав, она рассказала о видении своему мужу и родным, и они, всякий по-своему, старались объяснить ей ее сон. Между тем этот дивный сон был предзнаменованием того, что от нее родится сын, который сиянием добродетелей своих затмит как бы самые звезды. Вскоре после этого Марфа зачала во чреве своем и родила сына; рождением этим она освободилась от причинявшего ей такую скорбь своего неплодства. Столь знаменательно было начало жизни блаженного Даниила на земле, и так чудесно появился на свет тот, кто стал впоследствии поистине сыном света.

До пяти лет отрок рос без имени, потому что родители не хотели сами дать сыну своему имя, но желали, чтобы тот, кто родился по дару от Бога, от Бога же получил себе и имя. Поэтому они привели его в один монастырь, принеся сюда и дары Богу, и просили игумена наречь имя их сыну. Игумен, вдохновленный Богом, отвечал, что его надо назвать тем именем, которое откроет Сам Бог. Смотря на отрока, он велел подать себе книгу из алтаря церковного и, разогнув ее, нашел в ней некоторые слова святого пророка Даниила. Поняв из этого, что так благоволил сделать Сам Бог, чтобы имя этого пророка дано было и отроку, он назвал его Даниилом. Это же было предзнаменованием того, что отрок этот будет подобен великому пророку, как по имени, так и по благочестию. Родителям хотелось, чтобы их сын тотчас же был посвящен на служение Богу при этом монастыре, но игумен не согласился на это, потому что отрок был еще слишком мал. Поэтому родители возвратились с ним домой, по промышлению Божию, чтобы отрок этот впоследствии избрал доброе житие не по желанию других, а по своему разумению и добровольно. Но и по младенческому возрастанию этого отрока можно было судить о том, что из него выйдет муж совершенный, — дерево доброе со дня своего насаждения давало уже признаки последующего плодоношения; уже

бо добродетели сень повсюду следовала за ним, ходящим во свете благодати Божией.

Когда отроку исполнилось двенадцать лет, он ушел из дома отца своего, никому не сказав о своем уходе и намерении, а между тем он решил уже совсем покинуть ради Христа своих родителей, родину, сродников и друзей и направился в монастырь, находившийся на расстоянии двадцати стадий[1] от его родного села. Упав на колени пред игуменом, Даниил умолял его о принятии в число братии и пострижении в ангельский образ[2].

Но игумен, ссылаясь на слабость сил и юношеский возраст просящего, ответил Даниилу, что он, как совсем еще юный отрок, не в состоянии будет выносить тех многих трудов иноческих, нелегких для людей совершеннолетних, каковы, например, непрестанные бдения, земные поклоны, посты, телесное целомудрие и совершенное отречение от своей воли и от всякого плотского желания. А поэтому он советовал отроку вернуться обратно к родителям и пробыть там некоторое время, а не браться за такие труды, которые превосходят его юные силы.

— Я для того и пришел сюда, — отвечал Даниил игумену, — чтобы жить для Христа и умереть для мира; если бы даже от совершеннейших иноческих подвигов мне пришлось и умереть, то все же это несравненно лучше, чем уйти отсюда ни с чем и — скажу словами Евангелия: возложив руку свою на плуг и озираясь назад, возвратиться (ср.: Лк. 9, 62).

Игумен снова долго увещевал Даниила отказаться от своего намерения, но и от него услышал много возражений. Наконец, будучи не в состоянии отговорить Даниила от его намерения и усмотрев в нем твердую решимость и искреннюю любовь к Богу, игумен созвал братию и советовался с нею, можно ли принять в монастырь столь юного отрока. Братия, удивляясь мужеству отрока и твердости его духа и усматривая в нем призвание Божие, соизволили принять его в сожительство с собою. Даниил же, пламенея духом, преуспевал в добродетели и жизни по Боге.

---

[1] *Стадия* — около восьмидесяти восьми сажен, двадцать стадий — три с половиной версты.

[2] Так называется пострижение в иноческий чин, ибо главное назначение иночества — уподобление бесплотным силам через молитву и подвижничество.

Между тем, по прошествии некоторого времени, родители Даниила узнали, что он находится в том монастыре. Они возрадовались, но вместе с тем и удивлялись тому, что столь юный отрок сам себя отдал на служение Богу. Отправившись к нему и увидев его еще не постриженным и ходящим среди иноков еще без иноческого одеяния, они стали просить игумена о том, чтобы он постриг их сына на их глазах и облек бы его в одежду иноческую. В воскресный день, после совещания с братией, игумен постриг Даниила в иноческий чин, причем не велел родителям приходить к сыну часто. После этого они с радостью возвратились в свой дом; блаженный же Даниил преуспевал и укреплялся духом, возрастая не только летами, но и добродетелями.

Началом досточудного этого жития и источником всех происшедших отсюда последствий было следующее. Сердце Даниила воспылало Божественною любовию, и он возымел непреодолимое желание поклониться святым местам, где пострадал за нас Господь наш Иисус Христос, где Он был погребен и воскрес и откуда Он вознесся на небеса. Вместе с тем он горел духом увидать великого подвижника того времени — святого Симеона Столпника[1]. Придя к игумену, он открыл пред ним свое желание и просил отпустить его в избранное им путешествие. Игумен на этот раз удержал Даниила; но потом, сам имея надобность, ради нужд церковных, идти в Антиохию[2], взял с собою Даниила и еще несколько человек из братии.

---

[1] Память его празднуется Церковью 1 сентября.

[2] *Антиохия Сирийская* — один из древних и богатейших городов Сирии, столичный ее город; лежит при реке Оронте, верстах в десяти от впадения ее в Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра; основана за 300 лет до Рождества Христова Селевком Никатором и названа так по имени Антиоха, отца его. Для христианской Церкви Антиохия имеет особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства и как мать христианских церквей из язычников. Знаменитая церковь Антиохийская насаждена первоначально святыми апостолами Павлом и Варнавою, а впоследствии утверждена еще и апостолом Петром. В Антиохии было немало замечательных соборов пастырей Церкви во время еретических (арианских и несторианских) распрей. Церковь Антиохийская издревле пользовалась особенными преимуществами, наравне с церквами: Александрийской, Иерусалимской, Константинопольской и Римской; настоятели ее имели и до настоящего времени имеют титул и преимущества патриарха. В настоящее время Антиохия находится под турецким владычеством и представляет собой небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до десяти тысяч жителей.

Когда они дошли до селения, называемого Тиланиссой, в недалеком расстоянии от которого подвизался святой Симеон Столпник, то отправились к его столпу. Видели они суровость той местности, высоту столпа и узнали, что, несмотря ни на что, этот подвижник терпит на столпе своем и зимний холод, и летний зной, и ветры и дожди. Некоторые неразумные думали, что святой претерпевает все это из тщеславия; но блаженный Даниил не только удивлялся его терпению, но и сам побуждался к подражанию ему. Когда пришедшие иноки, стоя внизу, окликнули, святой Симеон, взглянув на них сверху, велел приставить лестницу и, если хотят, войти к нему. Тогда и обнаружилось, кто как относится к преподобному: один сказался больными ногами, другой отказался за старостью, а иные уклонились и еще по некоторым другим немощам; Даниил же, ступив на лестницу, быстро взошел по ней и с радостью приветствовал великого Симеона. И не напрасны оказались труды его, ибо сначала он выслушал от подвижника наставление и подвигся через это еще более к добродетельной жизни; затем Даниил сподобился благословения, подаваемого от него через возложение рук, и, наконец, услышал от него о своей будущей жизни. Подвижник, обращаясь к нему, пророчески говорил:

— Мужайся, чадо, и да укрепится сердце твое, ибо тебе предстоит подъять на себя ради Христа трудно переносимые подвиги; но Сам же Христос будет для тебя во всем и Помощником: Он укрепит и утешит твой дух.

После такой, исполненной любви, довольно продолжительной беседы со святым блаженный Даниил сошел вниз, а затем возвратился в монастырь.

Через некоторое время, когда игумен того монастыря отошел ко Господу, братия принуждала Даниила принять после него игуменскую власть, но он, указав им вместо себя другого, начал сам искать безмолвие, говоря сам себе:

— Вот, Даниил, ты стал свободен и наступило время, для исполнения того, к чему ты прежде так стремился; поэтому иди по желанному пути и исполни свое намерение.

Так решив, Даниил вышел тайно из монастыря и пришел в ту ограду, которая была около столпа святого Симеона; пробыв здесь четырнадцать дней, он хотел уже уйти. Но святой Симеон, любя Да-

ниила, посоветовал ему остаться с ним; Даниил же, имея сильное желание видеть святые места в Иерусалиме и уйти во внутреннюю пустыню на подвиг безмолвия, пошел в путь по направлению к Палестине. В Палестине в то время происходили войны: самаряне восстали против христиан, — и оттого дорога по той местности была небезопасною. Все это Даниил знал, но всем этим он пренебрег и с твердым намерением и безбоязненным сердцем, не страшась смерти, начал путь свой, весь объятый одним только сильнейшим желанием совершить свой путь, издавна намеченный. Пройдя довольно значительное расстояние, он встретил некоего почтенного инока, преклонного годами, благообразного на вид, с седыми волосами, по всему похожего на преподобного Симеона Столпника. Обняв Даниила, старец спросил его по-сирийски, куда он идет. Даниил отвечал, что если Бог благословит, то ко святым местам. Старец сказал:

— Верно сказал ты, — если Бог благословит; теперь же знай наверняка, что твое настоящее путешествие не с Божиего благословения. Разве ты не слышал про мятежи и распри в Палестине?

Даниил отвечал:

— Слышал, но я надеюсь на Бога: Он будет мне помощником, и потому я думаю, что со мною не случится ничего худого; а если и случится что-нибудь такое, то я не боюсь: ибо *живем ли или умираем, — всегда Господни* (Рим. 14, 8).

Но старец в ответ на это привел Даниилу слово пророческое: *не даждь во смятение ногѝ твоея́, нижѐ воздремлет храняй тя* Ангел (слав. Пс. 120, 3). Даниил же, возражая старцу, высказал готовность даже и умереть за Христа во время этого путешествия.

Тогда старец с гневом отвернул от него лицо свое и произнес:

— Бог не повелел нам безвременно подвергать себя смерти и как бы поневоле идти на верную смерть, когда изрек: *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23).

Даниил начал склоняться к совету старца и сказал ему:

— Если, отче, тебе представляется так, я готов возвратиться назад.

Старец же отвечал:

— Я советую тебе не совсем оставить свое решение, а указываю лишь на то, что было бы неразумно идти тебе туда в настоящее неблагоприятное время. Теперь же иди в Византию, по обилию свя-

тынь представляющую собою второй Иерусалим, благодать которого ныне почивает на ней по повелению Божию; там ты можешь посетить очень многие церкви и насытиться созерцанием многих святынь. Если же решишься посвятить себя подвигу безмолвия — в верхней ли Фракии или при самом устье моря, — то это будет для тебя спасительно и Бог поможет тебе в этом. Впредь, возлюбленный, не следует думать, что ты можешь найти Бога в Иерусалиме, а не в Византии; ибо Бог не ограничен никаким пространством.

Пока они таким образом беседовали друг с другом, солнце начало закатываться, и встретился им на пути монастырь, к которому для ночлега нужно было свернуть с дороги; они и направились к этому монастырю. Старец сказал Даниилу:

— Иди ты впереди, а я пойду следом за тобою.

Даниил подумал, что старцу нужно зачем-либо остановиться, и он пошел вперед, и, придя ко вратам монастырским, сел подождать старца. Но так как старец не являлся, то Даниил подумал, что он пошел для ночлега в другое место. Войдя в монастырь, он приветствовал игумена и братию и вкусил предложенной ему пищи. Когда затем он заснул, то снова явился ему во сне тот старец и снова стал советовать ему: исполнить то, что он говорил ему во время пути, и поскорее направиться к Византии. Пробудившись ото сна и никого около себя не видя, Даниил размышлял, кто это явился ему: человек или Ангел. А был то Симеон, великий столпник. После такого видения Даниил, совершив утренние молитвы и пожелав мира обитавшим в монастыре том инокам, направился к Византии.

Дойдя до морского берега, преподобный вошел в церковь святого Архистратига Михаила, Воеводы сил небесных, и пробыл в ней семь дней. Здесь он услышал о том, что в Анапле[1] есть один пустой идольский храм, в котором живет много нечистых духов, так что никому нельзя было проходить мимо того места: плывущих они потопляли в воде, а на проходящих нападали, как разбойники, и убивали. Услышав об этом, святой решил идти туда и жить там, вспоминая о Великом Антонии[2], который претерпел много зла от бесов и,

---

[1] *Анапл* — предместье Константинополя.

[2] Здесь разумеется преподобный *Антоний Великий*, первый учредитель монашеского жития, преставившийся в 356 году; память его празднуется Церковью 17 января.

наконец, с помощью Божиею победив их, сподобился великих почестей. Поэтому Даниил отправился в пустой храм[1], вооружась одним непобедимым оружием святого Креста и вместе с тем воспевая: *Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться?* (Пс. 26, 1). И прежде борьбы полчище бесовское пришло уже в ужас. А этот духовный воин, обходя углы храма, ограждал их крестным знамением, каждый раз преклоняя колена и молясь Богу. Когда настал вечер, пришел начальник бесов и начал бросать в святого камнями; затем послышался страшный рев и вопли, поднялся шум; но Даниил, безбоязненно стоя на молитве, говорил: *Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться* (Пс. 26, 3). Таким образом провел он первую и вторую ночи. В третью же ночь увидал он множество бесов в виде величайших исполинов, с мрачными лицами, страшных, как людоеды, скрежещущих зубами, пламенеющих гневом на святого и говорящих:

— Кто тебе, несчастный, посоветовал прийти сюда, где мы, давно обитая, являемся хозяевами этого места?

Говоря это, они устремились на Даниила: одни — желая бросить его в море, другие — усиливаясь побить его камнями; однако ни один из них не осмелился приблизиться к святому. Святой же, вспомнив слова Господа: *сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста* (Мк. 9, 29), поступил так: затворив все входы храма, он оставил одно только небольшое окошко, а сам начал поститься и молиться. В непродолжительное время все бесовское полчище силою Божиею прогнано было оттуда, и народ стал проходить мимо того места без всякой опасности. Это сделалось известным повсюду, и многие из окрестных жителей стали приходить к святому Даниилу, изумляясь, что в том самом месте, где было обиталище бесов, днем и ночью раздается славословие Божие. Но диавол, ненавидя добро и не желая видеть себя побежденным от святого, внушил некоторым из клириков зависть, — и они начали говорить между собой:

— Откуда это он пришел сюда, и все идут к нему и повсюду прославляют его? Пойдем, — наговорим на него патриарху, чтобы он удалил его отсюда.

---

[1] Это было в царствование Византийского императора Льва I, во второй половине V века.

Отправившись к патриарху Цареградскому Анатолию[1], они наклеветали ему на святого. Но патриарх отвечал им:

— Зачем вы клевещете на человека, о котором не знаете, откуда он и какова его жизнь? Если он проводит жизнь праведную, то и нам должно сделаться подражателями его святости; а если он живет нечестиво, то, без сомнения, заслуживает изгнание. Однако же надлежит не тотчас подвергнуть его изгнанию, но после тщательного предварительного рассмотрения.

Будучи пристыжены таким ответом патриарха, клеветники должны были замолчать.

Диавол же, видя неуспех коварства своего, начал досаждать святому сильнейшими, чем прежде, привидениями и ужасами, как бы устремляясь на него со всем своим воинством: то пытаясь утопить его в море, то похваляясь убить его. Но диаволу не удалось нисколько повредить святому. Став на молитву, Даниил взывал к Богу:

— Господь мой Иисус Христос, в Которого я верую, Тот потопит вас самих в пропастях ада.

Едва произнес он это, раздались крики и вопли, как бы плачущих, и святой увидел бесов летящими, как летучие мыши, и удаляющимися от того места. Но и после этого бесы не переставали причинять святому огорчение; они снова стали возбуждать против него клеветников, которые, придя к патриарху, сказали:

— Владыка! Даниил — волшебник и обманщик; он обольщает народ волшебством, и потому мы не можем выносить его.

Патриарх, призвав Даниила, спросил его, кто — он, откуда, зачем пришел в эти страны и как верует в Бога. Даниил тотчас же исповедал свою православную веру, затем сказал о своей стране и происхождении, а также и о том, что он пришел в Византию, будучи призван откровением Божиим. Услышав это, патриарх встал и обнял его, почитая, как человека Божия, и потом отпустил его с миром. Через несколько дней патриарх тот впал в тяжелую болезнь; тотчас же, призвав к себе Даниила, он просил его помолиться Богу, чтобы ему, патриарху, исцелиться. Как только святой помолился, патриарх тотчас же встал здоровым; безмездный же врач за исцеление просит у патриарха только того, чтобы он простил тех, которые оклеветали его пред патриархом. Патриарх сказал:

---

[1] *Анатолий* — патриарх Константинопольский с 449 по 458 год.

— Как не простить тех, которые сделались виновниками столь великого добра, что я сподобился и видеть тебя, и получить исцеление через тебя?

Патриарх просил святого пребывать вместе с ним, но Даниил предпочел быть отпущенным на свое место и, придя туда, снова затворил за собою двери, оставив лишь небольшое отверстие для приходящих к нему.

По прошествии девяти лет такого тяжкого жития Бог восхотел призвать преподобного на совершеннейший подвиг. Ему последовало для этого особое Божие откровение: он видел в видении стоящий перед собою столп, высотою превосходивший облака; на верху столпа стоял преподобный Симеон и с ним два светлых юноши; и слышит он голос столпника, который говорил с высоты столпа:

— Даниил! Войди сюда ко мне.

Даниил будто бы отвечал:

— Господин! Как же войти мне на такую высоту?

Тогда преподобный Симеон приказал сойти к нему двум юношам и, взяв Даниила, привести его к нему. Юноши тот час же исполнили приказанное и поставили его пред Симеоном. Преподобный же, обняв Даниила, громогласно воззвал к нему:

— Мужайся, Даниил! Будь великодушен и крепок! Стой твердо и мужественно!

Когда святой Симеон говорил это, голос его казался голосом грома, и от этого голоса Даниил пробудился. Видение это предуказывало то, что и Даниилу надлежит, подобно святому Симеону Столпнику, взойти на столп и приблизиться к нему телом и душою.

В это время пришел из Антиохии к царю ученик преподобного Симеона Столпника Сергий и принес ему кукуль[1] преподобного Симеона, присланный в дар царю на защиту его от всякого зла. Но так

---

[1] *Кукуль* — в переводе с греческого капюшончик, шапочка — первоначально был общемонашеским головным покровом, служившим символом безмолвия, чистоты и незлобия, молчаливого пребывания в богомыслии и тщательнейшего к себе внимания; иногда на кукуль нашивался крест. Впоследствии, как и теперь, кукуль стал принадлежностью исключительно одних схимников, принявших великую схиму. Он употребляется вместо клобука, который в первоначальном пострижении в монашество возлагается на камилавку и отличается от клобука тем, что кругом покрывает голову и плечи; наглавник его — остроконечный с пятью крестами.

как душа царева была направлена на земные попечения и он весь поглощен был мирскими занятиями, то Сергий надумал уйти от него и вернуться назад; и захотелось ему побывать в монастыре Неусыпающих[1]. Когда он вместе с другими плыл мимо того места, где подвизался преподобный Даниил, некоторые вспомнили о нем — в каком терпении проводит он жизнь свою, а также и то, что он получил от Бога дар исцелять недуги и прогонять бесов. Услышав об этом, Сергий велел кораблю пристать к берегу и отправился к преподобному Даниилу. Тот принял его с любовию, и Сергий, после довольно продолжительной беседы убедившись в том, что на Данииле почивает дух Симеона, как дух Илии на Елиссее (см.: 4 Цар. 2, 15), отдал ему тот дар, который он нес с собою, то есть кукуль Симеона, ибо ему, Даниилу, он приличествовал более, чем кому-либо иному.

После этого во сне Сергий видел трех юношей, пришедших к нему и говорящих:

— Встань, Сергий, и скажи Даниилу, что время жития его в том храме уже окончилось; пусть он, Сергий, передаст о своем видении Даниилу.

Пробудившись, Сергий поведал об этом Даниилу, а тот, поняв, что Бог повелевает ему подражать житию преподобного Симеона, попросил Сергия отправиться в пустыню и подыскать для него удобное место, где бы можно поставить столп. Сергий, обойдя один холм, по указанию Божию, пришел к тому месту, где надлежало построить столп; остановившись здесь для отдыха от тяжелого пути, он увидал такое видение. Над ним пролетел белый голубь, и Сергий старался поймать его. Вдруг он слышит с неба голос:

— Не думаешь ли ты изловить голубя сетями? Его нужно ловить руками.

Но голубь улетел в вышину и после этого стал невидим. Поняв из этого, что Бог указывает ему здесь место к устроению столпа, Сер-

[1] Общежительный монастырь так называемый *Неусыпающих* был основан в конце IV века преподобным Александром; сначала он находился в глубоком уединении при реке Евфрате, но впоследствии был перенесен в Константинополь. Чиноположение и иноческое житие насельников этого монастыря отличалось особой строгостью. Свое наименование монастырь получил от того, что братия его, разделяясь на двадцать четыре чреды по числу двадцати четырех часов дня и ночи, непрерывно на два лика славословили Господа, поя протяжно псалмы Давидовы, так что богослужение в этом монастыре совершалось непрерывно и никогда не прекращалось.

гий возвратился к Даниилу и передал ему о всем, что он видел и слышал. Обрадованный Даниил упросил друга своего, некоего Марка, устроить ему столп. Марк, при помощи Божией, быстро выстроил столп. Когда окончена была постройкою и крыша его, преподобный Даниил вышел ночью из того храма, чтобы никто о нем не знал, и, придя к столпу, помолился Богу:

— Слава Тебе, Христе Боже, что Ты сподобляешь меня такой жизни! Ты знаешь, Господи, что Тобою я утверждаюсь и, на Тебя надеясь, восхожу на этот столп. Итак, приими жертву мою, укрепи меня на подвиг и приведи в исполнение мое начинание.

Так помолившись, он взошел на столп и начал жить в безмолвном уединении между небом и землею для Единого Бога, устраняясь всего земного и приближаясь телом и душою к горнему. Но диавол, всегда завидующий рабам Божиим, начал и здесь досаждать святому, восставив против него владельца того места, по имени Геласия. Этот последний, узнав, что в его владении устроили без его согласия столп и что на нем стал жить, без его ведома, какой-то инок, пришел в сильный гнев и уведомил об этом царя и патриарха Геннадия[1], преемника Анатолиева. Царь не обратил на это никакого внимания, патриарх же не только велел свести его со столпа, но хотел даже наказать его, предоставив Геласию с позором удалить его со столпа. Геласий, в ярости, направился уже приводить свое желание в исполнение, но Бог, предотвращая его от злого намерения, ниспослал внезапно в ясный день дождь и большую грозу, гром и молнию. Геласий, однако, не устрашился и не оставил своего злого решения; сердце его пылало злобою, ибо сам диавол возбуждал в нем ярость. Подойдя к столпу, Геласий начал с досаждением и укоризнами кричать на святого, чтобы он тотчас же сошел со столпа, угрожая в противном случае насильственно свергнуть его вниз. Некоторые из сопровождавших Геласия останавливали его, говоря:

— Оставь его, ведь он не делает тебе никакого зла; да и столп этот не на твоей земле; нет тебе от этого и никакого ущерба, а, наоборот, тебе же лучше иметь такого соседа, который бы молился за тебя.

Но Геласий не послушал их и с гневом приказал святому раз навсегда оставить столп. Когда святой стал сходить вниз и спустился

[1] *Святой Геннадий* — Константинопольский патриарх с 458 по 471 год.

уже на шестую ступеньку, все увидали, что ноги его стали как бы бревна и затекли от непрестанного дневного и ночного стояния. Тогда все сжалились над ним, и даже сам Геласий склонился на милость и стал просить его опять войти на свое место и простить, что он, Геласий, дерзнул оскорбить его. После того Геласий устроил для святого еще более высокий столп и с тех пор стал оказывать ему почет, и пред самим царем прославлял добродетельность преподобного мужа.

Однажды пришел к святому из Фракии[1] один старый и почтенный человек и привел с собою своего единственного бесноватого сына; положив его у столпа, отец со слезами умолял святого сжалиться над ним и помиловать его:

— Вот, — говорил он, — тридцатый уже день, как он, одержимый бесом, непрестанно упоминает твое, угодник Божий, имя.

Преподобный же, будучи милосердым, отвечал ему:

— Если ты веруешь, что Господь мой Иисус Христос исцелит через меня сына твоего, да будет тебе по вере твоей!

После этого он велел напоить бесноватого святым елеем. Когда это было исполнено, бес поверг его на землю и, сильно потрясая, воскликнул: «выхожу, выхожу», — и затем действительно вышел. Отец же, видя сына здоровым, отдал его в монастырь, где и стал он искусным иноком. Затем явился другой человек, по имени Кир[2], муж разумный и красноречивый. Этот, имея дочь, по имени Александру, мучимую бесом, тоже привел ее к святому. И как только святой помолился Богу и возложил руки на бесноватую, бес тотчас же вышел из нее, и она стала здоровой. С тех пор Кир стал питать большую любовь и усердие к преподобному. Однажды он привел к святому жену своего воина, тоже бесноватую, и та, по молитвам блаженного, получила исцеление; за это Кир, из чувства благодарности, написал на столпе святого стихи следующего содержания:

— Здесь твердо стоит муж, обуреваемый отовсюду: но ни ветров не боится, ни непогоды; пища его — манна небесная, бескровная.

---

[1] *Фракия* в древности обнимала собой нынешнюю восточную часть Венгрии, Трансильванию, Бессарабию, Молдавию, Валахию, Болгарию, Сербию и восточную часть Румелии.

[2] *Кир* — знаменитый поэт и песнописец христианский, градоначальник Константинополя при императоре Феодосии Младшем (в первой половине V века), впоследствии епископ Смирнский.

Отрасль Симеонова две стены столпом двойным подкрепляет, прославляя Сына Матери, не познавшей брака.

Греческий царь, Лев Великий[1], не имевший, но желавший иметь сына-наследника, просил преподобного Даниила исходатайствовать ему от Бога получение желаемого. Преподобный, будучи и сам сыном молитвы, ибо он рожден был по молитвам своей матери, подавал уже молитвами своими милость Божию и другим иметь детей. Поэтому и в этот раз, помолившись Богу, он предсказал царю, что на будущий год у него родится сын. Это предсказание действительно и сбылось. Царь, радуясь о рождении сына, в благодарность за такие молитвы святого, соорудил ему третий столп.

Когда слава о святом Данииле распространилась повсюду, пришла к нему царица Евдокия, супруга царствовавшего ранее Феодосия Младшего[2]; она просила Даниила сойти со столпа и идти в ее область, где имелось, по ее словам, много пустынных мест. Блаженный, похвалив ее добрую мысль и усердие, однако не пожелал уйти оттуда, где повелел ему жить Господь; благословив царицу, он отпустил ее с миром, а сам взошел на высочайший столп, который устроен был Геласием.

В это время некоторые еретики, бывшие в Византии, склонили большими деньгами одну блудницу, по имени Вассиану, идти к святому и соблазнить на худое дело — или его самого, или кого-нибудь из его учеников. Она, бесстыдная и нечистая, отправилась к целомудренному и святому, воображая, что блаженный прельстится с первого же взгляда на нее и возымеет желание согрешить с нею: ибо она была одета в вытканные золотом одежды и убрана различными украшениями. Придя, она притворилась больною и жила на поле, которое было против столпа, около ограды словесных овец доброго пастыря; притворилась же больною с тою целью, чтобы принести душевный вред если не самому святому, то, по крайней мере, его ученикам. Пробыв там немалое время и видя, что не имеет никакого успеха, ибо никак не смогла прельстить того, ум которого не прилепился к земле, но всегда пребывал с Богом горé, она ушла ни с чем. Потом, придя к нанявшим ее еретикам, она, несчастная, солгала,

---

[1] *Святой Лев I* — император Византийский с 457 по 474 год.

[2] С 408 по 450 год.

будто Даниил, соблазнившись ею и сильно возжелав ее красоты, велел ученикам привести ее к себе на столп; «Но я, — прибавила она, — не согласилась на это; они же, боясь, чтобы это нечестивое желание их не стало известно народу, задумали меня убить, и я едва вырвалась из их рук и убежала».

Так лгала на святого несчастная блудница, а еретики распространяли слова ее в народе, клевеща на неповинного и чистого Даниила, с целью отвратить от него народ. Но суд Божий постиг лживую и скверную клеветницу: на нее внезапно напал злой дух и начал мучить; тогда невольно она созналась, что подговорена была еретиками. Так посрамлены были хулители угодника Божия. А народ, схватив ее, привел к святому и просил его избавить ее от мучения бесов. Тогда Даниил, будучи истинным учеником Христа, завещавшего любить врагов и повелевающего прощать согрешающим до седмижды семидесяти раз (см.: Мф. 18, 21–22), не заплатил ей за зло злом, но сделал ей, злоумышленнице своей, добро: он, сотворив за нее молитву пред Богом, велел ей дать выпить святого елея, и та, получив исцеление, начала целовать столп святого, открыто исповедуя пред всеми грех свой и прося прощения. С этого времени она начала проводить целомудренную жизнь, оставив жизнь греховную.

Преподобный не только имел от Бога власть изгонять бесов и исцелять недуги, но не лишен был и дара пророчества, то есть предвидеть и предсказывать будущее. Провидев гнев Божий и наказание, имеющее постигнуть город, он послал известить об этом патриарха Геннадия и царя Льва и советовал раза два на неделе совершать молебствие для того, чтобы предотвратить праведный гнев Божий. Но на совет блаженного не обратили никакого внимания, а потому за грехи свои и на самом деле они увидали исполнение его пророчества, как об этом будет сказано ниже. В то время царь, подвигнутый Духом Божиим, предписал патриарху отправиться к великому Даниилу и посвятить его в пресвитеры. Патриарх с клиром своим отправился и, достигнув столпа, сказал преподобному, что давно уже он желал увидеть его, но так как был отягощен церковными делами, то не мог исполнить этого.

— Теперь же, — сказал он, — я пришел повидать тебя и сподобиться твоих молитв и беседы.

Потом патриарх просил у него позволения поставить лестницы и допустить его к себе. Но святой ответил ему:

— Напрасно пославший тебя к нам возложил на тебя столь большие труды.

Когда святой произнес это, патриарх удивился и ужаснулся, как он мог узнать, что пришествие его, патриарха, было недобровольное, а подневольное, ибо он не пошел бы к нему, если бы не был убежден к тому царем. Долго патриарх с бывшими при нем упрашивал святого приказать приставить лестницы, чтобы взойти им к нему, но тот всячески отказывал. Между тем была жара, солнце сильно пекло, и патриарх, видя изнеможение многих от зноя и жажды, повелел архидиакону, стоя внизу, начать обычные при посвящении молитвы. Молясь сам и читая те молитвы, которые положены при посвящении во священника, он посвятил святого Даниила в пресвитеры, хотя тот и находился от них высоко на столпе. Весь же собравшийся народ воскличал: «аксиос»[1]. После этого блаженный Даниил, усматривая в этом изволение Божие, велел приставить к столпу лестницы и получил из рук патриарха священническое облачение, причастился с ним Пречистых и Божественных Тайн и, помолившись за всех пришедших к столпу, отпустил всех с миром. Царь, узнав, что преподобный Даниил принял посвящение, возрадовался и поспешил ко столпу. Сняв с себя царское одеяние, он со смирением взошел к преподобному на столп и припал к его ногам. Увидев же, что от долгого стояния ноги преподобного отекли и загнили, он подивился его великому терпению и, получив благословение, с радостью возвратился домой. Между тем наступило время исполниться пророчеству святого, которое изречено было им относительно гнева Божия, имевшего постигнуть тот город. В месяце сентябре, на память святого мученика Маманта[2], которая обыкновенно торжественно праздновалась в Византии, в то время, когда в церкви его имени начиналось с вечера всенощное бдение, вдруг поднялся в огромном столичном городе сильнейший пожар; пожар этот быстро достиг таких размеров, что охватил едва не весь город, начиная от приморской стены, называемой корабельной, продолжаясь до торга Константинова и доходя

[1] *Аксиос* (ἄξιος) с греч. — «достоин» — возглас, которым обозначается согласие верующих на посвящение рукополагаемого.

[2] Память его празднуется 2 сентября.

даже до Юлианова берега[1], окружив таким образом всю середину города; великий гнев Божий постиг население: ибо огонь истребил не только множество больших домов с имуществом, красивых дворцов и святых храмов, но и людей без числа; одни были превращены огнем в пепел, другие опалены до половины; у третьих повреждены были руки или ноги, глаза или голова. И никак нельзя было потушить пожара; чем более старались тушить, тем более разрасталось пламя: то Бог наказывал людей Своих за грехи. Так Константинополь погибал от огня почти равного тому, от которого некогда погиб город Содом (см.: Быт. 19, 24–25). Тогда-то и вспомнили пророчество преподобного Даниила, когда он предсказывал об этом наказании и призывал народ к молитве и покаянию; и отправились к нему с слезною просьбою, чтобы он умилостивил Бога своими молитвами и угасил огненное пламя. Святой со слезами укорял их, что они не слушали его тогда, когда он предсказывал им о настоящем несчастии, и не выполнили советы его — по дважды на неделе совершать общественные молебны. Затем, подняв руки к небу, он с умилением помолился Богу за город и жителей, а после молитвы объявил, что пожар прекратится через семь дней. Так действительно и случилось. И сам царь убоялся гнева Божия и, вместе с царицей, пришел к преподобному, прося у Бога милосердия по ходатайству преподобного.

По прошествии лета наступила столь холодная осень, что трудно описать ее суровость. Однако же она не только не могла одолеть мужественного подвижника, но и сама была им побеждена: в течение четырех дней казалось, как будто с неба низвергаются целые реки; некоторые горы от множества потоков были размыты, села потоплены; все время дули сильные противоположные ветры, как бы борясь между собой; вихри же и бури были настолько сильны, что силою их сломаны были те железные крюки, на которых держались два столпа преподобного. А преподобный терпеливо стоял на высоте, в то время как столп колебался, и сам он шатался на нем от ветра, как бы ветка на дереве; ученики же святого снизу взирали на него со слезами, опасаясь, как бы он не умер от такого холода или не упал бы вместе со столпом на землю. Но надежда преподобного Даниила на Господа оставалась непоколебимою, и он продолжал

[1] Местности, получившие наименование по императорам: святому равноапостольному Константину Великому и его двоюродному брату Юлиану Отступнику.

безбоязненно стоять на столпе, утверждаясь на нем, как на каменном основании. Ибо чего было бояться смерти тому, для которого земная жизнь представлялась узами и темницей, а смерть — разрешением и свободой, и который повторял слова Давидовы: *выведи из темницы*, то есть из тела, *душу мою* (Пс. 141, 7)? Чем более сильный холод преподобный переносил, тем более с горячими молитвами обращался он к Господу. И действительно, воззвал праведник и Господь услышал его[1], и, как некогда из ладьи (см.: Мф. 8, 26), так и теперь с вышнего неба, запретил ветрам, и вдруг наступила величайшая тишина и ведро.

Когда, после этого, прибыл царь к святому, чтобы посмотреть, не принесли ли ему какого-нибудь вреда бывшие дожди и ветры, и когда увидал сломанными железные крюки, то приказал как можно лучше укрепить столпы и возвратился от преподобного, получив от него благословение. Дорогой же случилось с ним следующее: лошадь, на которой он сидел, чего-то испугавшись, вскочила на дыбы и, упав назад, сбросила с себя царя, так что и венец с головы его далеко отскочил и разломился, а жемчуг и драгоценные камни с венца рассыпались. Конюхом царским был некто Иордан, по вере арианин; видя падение с лошади, он испугался, что на него падет за это вся ответственность и он будет казнен. Поэтому вернувшись назад, он пришел к преподобному и со слезами просил его ходатайства пред царем, причем отрекался от ереси арианской и просил присоединить его к Православию. Преподобный, присоединив его к благочестивой вере, написал царю, что так как Иордан отрекся арианского зловерия и присоединился к христианскому правоверию, то он достоин помилования. На это царь отвечал святому:

— Виновником моего падения был не кто иной, как сам же я, ибо я имел дерзновение сесть на коня еще на твоих глазах, не отойдя пешком подальше от твоего святого столпа; поэтому и на Иордана не только не гневаюсь, но и радуюсь тому, что мое падение с лошади стало для него причиной восстания от падения душевного.

В последующее затем время царь относился к святому с таким уважением, что не только сам почитал его, но и в глазах других представлял его, как носителя небесной силы; так например, когда одному правителю иноплеменного царства, по имени Губазию, при-

---

[1] Выражение Пс. 33, 18.

шлось прибыть для заключения перемирия к Льву, царю греческому, то царь привел его к преподобному Даниилу Столпнику и, указывая на него, сказал:

— Вот чудо в моем царстве!

Губазий же, удивившись терпению преподобного, стал кланяться не только самому святому, но и столпу, на котором он стоял, и со слезами говорил:

— Благодарю Тебя, Царь небесный, что меня, пришедшего к царю земному, Ты сподобил увидать мужа небесного и его жилище.

Вернувшись в свою страну, Губазий часто вспоминал о преподобном в кругу своих приближенных и посылал к нему письма, с просьбою о его святых молитвах для защиты своего царства. И был преподобный предметом великого удивления для всех — как ближних, так и дальних, своих и пришельцев, царей и простых, греков, римлян и иноплеменников, кои приходили к нему, как к Ангелу Божию, а отходя, призывали его на помощь себе, — и все они получали просимое по его святым молитвам.

Мужественное терпение преподобного, с которым он, стоя на столпе, переносил все перемены воздуха, достаточно засвидетельствовано вышесказанными дождями и бурями; но, чтобы не опустить из внимания чего-либо достойного памяти святого, припомним еще следующее.

Однажды стояла чрезвычайно суровая зима, дули сильнейшие ветры, гораздо более нестерпимые, чем те, о которых говорилось выше: был и снег, и лед, и морозы; а преподобный не только не имел над своим столпом никакой крыши, но лишился даже от ветра и того кожаного кукуля, который был на его голове и который унесен был ветром далеко в пустыню. Так стоял добровольный мученик целую ночь, перенося суровость зимы и лютость мороза. Днем же поднялась такая сильная вьюга, что ученики святого не могли ни глаз своих поднять к столпу, ни оказать святому какой-либо помощи. По прошествии дня наступила еще более суровая ночь, а затем опять такой же день и такая же ночь, и лишь на третий день буря несколько утихла. Тогда только, приставив лестницы, ученики поднялись на столп к преподобному и нашли его всего, с ног до головы, обледеневшим, еле дышащим и едва отогрели его, обтирая тело теплой водой и губкой. Придя в себя, преподобный сказал ученикам:

— Зачем вы хлопочете около меня? Зачем вы разбудили меня от сладкого сна? Я только что заснул с молитвой на устах; однако благодарю вас, дети мои, что вы имеете заботу обо мне, отце вашем.

Христолюбивый царь, узнав об этом, долго упрашивал святого со слезами и кланяясь ему в землю, чтобы он позволил пристроить над столпом хоть какую-нибудь крышу.

— Пощади себя, — говорил он ему, — если не для себя, то хотя для нашей пользы, чтобы не умереть тебе преждевременно и не оставить нас сирыми.

Видя слезную просьбу царя, преподобный позволил устроить крышу над своим столпом, но не для своего облегчения, а ради усердной просьбы царя, который имел к святому такую любовь и уважение, что приводил всех приходивших к нему послов и великих князей к столпу преподобного, — то сам лично, то со своими придворными вельможами. Приходившие же удивлялись столь великому мужеству преподобного отца, с которым он переносил днем и ночью и стужу, и жар, и обыкновенно уходили от него с чувством духовного умиления и с великою духовною пользой для себя.

Через некоторое время Гензерих, король Вандальский, объявил войну против греков и подошел к Александрии с многочисленным войском. Греческий император, смущенный этим нашествием иноземцев, пришел с своим синклитом к преподобному Даниилу Столпнику, желая получить помощь от его святых молитв. Провидя будущее, преподобный предсказал царю, что Гензерих не только не возьмет Александрии, но и во всех своих замыслах потерпит неудачу и вернется домой без всякого успеха. Все предсказанное преподобным действительно сбылось, и в благодарность за это благочестивый царь пожелал устроить при столпе преподобного келии для помещения в них его учеников; преподобный же просил царя соорудить, вместо того, церковь во имя преподобного Симеона Столпника и перенести в нее из Антиохии святые мощи его. Царь немедленно устроил в честь преподобного Симеона церковь на северной стороне от столпа Даниилова и при церкви — странноприимный дом, а затем, согласно желанию преподобного Даниила, перенес в новоустроенный храм с подобающею честью честные мощи святого Симеона. Преподобный Даниил был глубоко обрадован этим и по случаю перенесения мощей обратился к народу с надлежащим поучением.

Нравом своим преподобный был незлобив и ко врагам своим относился с любовию. Однажды некто поносил святого, а когда слушавший его народ возмутился этим, он, показывая ему печеную рыбу, говорил:

— Вот что ест ваш постник!

Когда, после этого, и сам он и жена его с детьми поели этой рыбы, то они сейчас же впали в сильный недуг, от которого преподобный исцелил их своею молитвою, не памятуя зла и не воздавая обидой за обиду. В благодарность за столь великую к ним милость незлобивого отца они соорудили из серебра его изображение, на котором они были представлены лежащими у ног преподобного, и были подписаны имена их; икону эту они поставили в церкви святого Михаила Архистратига небесных сил.

При своем незлобии преподобный Даниил имел еще великий дар столь благодатного слова, что слушатели от его наставлений приходили в глубокое умиление и очень многие получали от них великую духовную пользу, исправляя свою жизнь. При царском дворе находился один именитый воин, по имени Едрань, по происхождению галатянин, отличавшийся здоровьем и воинскими доблестями. Придя к блаженному Даниилу и услышав его душеполезные поучения, он пришел в сердечное умиление, немедленно же отрекся от мира и вместе с двумя своими друзьями присоединился к ученикам преподобного. Услышав об этом, царь весьма сожалел о нем, как о храбром воине, и послал уговорить его вернуться к нему во дворец. Но тот пренебрег вниманием царя:

— *Какая польза человеку*, — сказал он, — *если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26).

После этого, приняв постриг от руки преподобного, он стал подражателем ему в воздержании, вкушая пищи лишь столько, сколько нужно для того, чтобы не умереть с голоду; равным образом и спал он очень мало и то — стоя или несколько присаживаясь на привешенную веревку. Впоследствии, за свою добродетельную жизнь, он приобрел любовь царя, и тот навещал его, когда приходил к преподобному Даниилу. Прожив таким образом довольно продолжительное время, он с миром преставился. После того подражателем жития этого подвижника, в иночестве Тита, был слуга его Антоний.

Спустя некоторое время царь Лев выдал дочь свою Ариадну замуж за Зенона Исаврянина[1], которого и послал с войском против варваров, вторгшихся во Фракию. Перед походом Зенон отправился к преподобному Даниилу Столпнику, и святой предсказал ему весь исход войны, с которой он вернется невредимым и затем после тестя своего, царя Льва, получит царский скипетр, но, по зависти родных, лишится царской власти, а потом снова получит ее. Все это в свое время и сбылось. Когда Зенон воцарился после смерти Льва и процарствовал три года, то против него восстал Василиск[2], брат Верины, жены покойного царя Льва. Удалив Зенона, он захватил престол Греческий и, будучи приверженцем ереси Евтихия, возбудил большую смуту в Церкви Христовой, отвергая собор Халкидонский[3] и распространяя еретическое учение. Тогда Акакий, патриарх Константинопольский[4], собрав православных епископов, хотя и с боязнью противился царю, но не имел никакого успеха. Поэтому он послал нескольких епископов к преподобному Даниилу с слезною просьбою сойти со столпа и явиться к ним в столицу на помощь Церкви воинствующей.

Преподобному весьма не хотелось сходить с своего места, хотя бы и на малое время; однако, видя нужду Церкви и будучи призываем к тому же и Божественным голосом свыше, сошел со столпа и явился в город к патриарху и находившимся при нем епископам. С честию встречен был он епископами и принят был ими с несказанною радостью. Услышав о прибытии преподобного и не желая встречаться с ним, царь удалился из города в свое поместье, находившееся около столицы, но преподобный последовал за ним и туда. Но так как он не имел возможности дойти туда сам, ибо от продолжительного стояния ноги его отекли и покрылись многочисленными ранами, то его понесли на руках верующие. По дороге попался им навстречу один прокаженный человек. Увидев преподобного, он начал с рыданием просить его об исцелении; сжалившись над ним, преподобный помолился о нем и велел ему омыться в находив-

---

[1] Впоследствии император Византийский — с 474 по 491 год.

[2] Царствовал с 474 по 477 год.

[3] *Собор Халкидонский* — IV Вселенский собор; происходил в 451 году; на нем осуждена ересь Евтихия, иначе — монофизитская, признававшая во Христе лишь одно Божеское естество, будто бы поглотившее собой естество человеческое.

[4] *Акакий* патриаршествовал с 471 по 489 год.

шемся возле море. Тот омылся и вышел совершенно чистым и здоровым. Слух об этом чуде тотчас же повсеместно распространился, и к преподобному стало стекаться множество народа с больными, которые, по молитвам преподобного, и получали исцеление. Окруженный таким множеством народа, собравшегося к нему ради чудес, преподобный приблизился к царскому дворцу, находившемуся в поместье. Один готфянин, нагнувшись сверху через окно и увидев святого несомого на руках, засмеялся и сказал:

— Вот еще новый анфипат![1]

Едва он произнес это, как тотчас подвергся наказанию Божию: он внезапно упал сверху на землю и разбился до смерти. Царь же, узнав о прибытии святого, распорядился не пускать его к себе; и святой удалился, отряхнув прах от своих ног (см.: Лк. 9, 5). Но затем царь тотчас же послал за преподобным, испугавшись, как бы за непочтение к святому с ним, царем, не случилось какого-либо несчастия, и просил преподобного вернуться к нему. Но он не только не послушал царя, но предсказал еще о его погибели.

— Прогневляющий Царя небесного, — сказал он, — приумножает себе обильные бедствия и собирает гнев на день суда.

Сказав это, он отправился в путь свой. Едва гонцы, возвратившись, успели передать царю слова преподобного, как вдруг тотчас же упал во дворце один из столбов; царь и все присутствовавшие весьма испугались: так даже и неодушевленный предмет, по повелению Божию, засвидетельствовал непреложность пророчества преподобного и своим падением ознаменовал близость низвержения царя с престола. Возвращаясь в город, преподобный Даниил исцелил по дороге двух бесноватых юношей и дочь вдовы; змия, нечаянно обвившегося около своей ноги, он удалил одним своим словом, не получив от этого никакого вреда. В самом же городе к Даниилу приступила одна почтенная женщина, по имени Ираида, которая была неплодной; омывая слезами ноги его, она просила преподобного разрешить ее неплодство своими молитвами; святой предсказал ей о рождении ею сына и даже самое имя его. «Ты, женщина, — сказал он ей, — родишь сына и назовешь его Зеноном».

Между тем царь стал искать случая, как бы ему помириться и испросить у преподобного прощение, потому что его весьма устрашило

---

[1] *Анфипат* — областеначальник, иногда — правитель города.

падение столба во дворце во время донесения ему ответа Даниилова. Сперва он умолял об этом преподобного через почтенных лиц неискренно, потому что сердце его не переставало стремиться к беззакониям. Потом он явился к преподобному лично, упал перед ним на колени и просил о прощении. Но преподобный, провидя своими духовными очами злые его помышления, обличил его в этом, сказав присутствовавшим:

— Это смирение и раскаяние его притворно; в нем под овечьей одеждой скрывается жестокость волка; но вы скоро увидите над ним правосудный гнев Божий, ибо всемогущая десница Всевышнего низлагает с престолов людей надменных.

После всех этих событий преподобный возвратился на свой столп, а спустя немного времени Василиск действительно был низвергнут с престола, как и предсказал преподобный. Зенон же снова получил скипетр царский и, видя исполнение предсказания преподобного, пришел вместе с женою своей поклониться ему.

Последующее время своей жизни преподобный безотлучно провел в стоянии на столпе, совершив множество чудотворений. Но, по своему смиренномудрию и во избежание прославления среди людей, он приписывал силу чудотворения не своей собственной добродетельности, а молитвам преподобного Симеона, и поэтому всех приходивших к нему больных он отсылал в церковь Симеонову к его святым мощам. Один золотых дел мастер принес к преподобному своего сына, хромого от рождения, не имевшего возможности даже ступить на ноги, но ползавшего по земле, подобно червям, на чреве; отослав его в церковь преподобного Симеона, блаженный Даниил велел возложить мощи святого Симеона на ноги хромого отрока, и как только это сделали, хромой вскочил и сам дошел до столпа Даниилова, радуясь и славя Бога.

Другой человек, возвращаясь с Востока, попал в руки разбойников. Весьма сильно избив его, сокрушив ему колена и ограбив его, они удалились, оставив его еле живым. Проходившие мимо его путешественники, увидев его, изнемогающего от ран, сжалились над ним и перенесли его в город Анкиру[1]. Епископ того города, приложив по

[1] *Анкира* — ныне Ангора, древний город Галатии (небольшой срединной области Малой Азии), — ныне столица одной из областей Малой Азии с тридцатью тысячами жителей.

отношению к больному все свои попечения, вызвал к нему самых опытных врачей и вылечил его от ран. Тем не менее, и поправившись от ран, тот не мог ходить, потому что ноги его были сильно повреждены, и хотя все раны на них зажили, но достаточной для хождения силы не было. Лишившись употребления ног, больной стал просить епископа отнести себя к преподобному Даниилу. Его положили неподвижным, как бревно, в повозку и повезли в таком виде к столпу этого безмездного врача. Даниил, отослав хромого в церковь преподобного Симеона, велел помазать его елеем, взятым от святых мощей, и этим тотчас же исцелил его: голени и ступни у него внезапно окрепли, он сам поднялся на ноги и стал ходить, воссылая благодарение Богу и Его святым угодникам — Симеону и Даниилу.

Один испанский сотник имел такую глубокую веру в преподобного, что всякий раз, как кто-нибудь из его слуг, родных и знакомых, заболевал, он писал преподобному и просил его исцелить заболевшего. Когда, затем, к нему приносили от преподобного ответное письмо, он возлагал его на больного, и больной тотчас же получал исцеление. Одна нищая, имея двенадцатилетнего сына, немого от рождения, принесла его к столпу преподобного и, поставив его около столпа, ушла. Преподобный, увидев отрока со столпа, велел своим ученикам взять его, чтобы он жил между ними. Ученики же, думая, что отрок молчит, наученный матерью, притворяясь немым ради бедности и с целью более легкого снискания себе пропитания, причиняли ему немало зла, заставляя его то страхом, то побоями что-нибудь проговорить; иногда же они кололи его, во время сна, чем-нибудь острым или ударяли колючими ветвями, чтобы, внезапно пробудившись, он произнес какое-нибудь слово. Но когда они окончательно убедились в его немоте, то донесли об этом преподобному; он велел помазать язык немого святым елеем, и когда в воскресенье за святой литургией диакон приготовлялся читать святое Евангелие, а присутствовавшие по обычаю воспевали: «Слава Тебе, Господи!» — то и отрок отчетливо и громко произнес: «Слава Тебе, Господи!» И с этого времени он стал хорошо говорить.

Достигнув глубокой старости, преподобный приблизился к своей блаженной кончине; провидя ее, он предсказал об этом своим ученикам и написал им следующее завещание:

— Чада и братия мои! Ибо вы для меня действительно и чада — потому, что духовно я породил вас, и братья, — потому, что общий всем нам Отец Бог, и к общему нашему Отцу я и отхожу. Но я не оставляю вас, моих возлюбленных, плачущих о разлуке со мной сиротами, а поручаю заботу о вас Отцу вашему, Который вместе с вами создал и меня. Поэтому Он, все сотворив разумом и премудростью, а затем преклонив небеса и сойдя на землю, претерпел смерть, и, воскресши нас ради, — да будет с вами, как премудрый охранитель вас от диавола. Как Господь, Он будет сохранять вас в послушании Его святой воле, а как Отец ваш — Он будет призывать вас к Себе с милосердием и с распростертыми объятиями всякий раз, как вы будете согрешать и падать. Как предавший Себя на смерть за нас, Он да соединит вас взаимным единодушием и да привлечет вас к Своему небесному Отцу. Стремитесь к смирению, будьте послушны, любите странноприимство, посты, бдение, нищету и особенно блюдите первейшую и главнейшую заповедь — заповедь любви, а также все то, что свойственно людям благочестивым; блюдите веру истинную, чуждайтесь еретических лжеучений и ни в чем не отпадайте от матери вашей — святой Церкви. Если все это исполните, будете совершенны в добродетели.

Написав своим духовным детям такое духовное завещание, преподобный велел его прочитать им, а они плакали, готовясь к разлуке с ним.

За три дня до блаженной кончины преподобного, в полночь, некоторые из наиболее достойнейших учеников его сподобились видеть, как Даниила явились посетить все святые угодники — пророки, апостолы, мученики; приветствовав его, они повелели ему удостоиться Божественных Тайн. Когда же настал самый день кончины преподобного, то прибыл патриарх Евфимий[1], преемник Акакия, вместе со всем своим клиром; вышеупомянутая же богобоязненная женщина Ираида, у которой по молитвам Даниила разрешилось неплодие, приготовила все необходимое к досточестному погребению святого. В это время случился тут один бесноватый человек, который, стоя у столпа, говорил, что видит Ангелов и много святых, шествующих с неба к преподобному, и даже называл по именам тех свя-

---

[1] *Святой Евфимий* — патриарх Константинопольский с 490 по 496 год.

тых, которых он видел. Преподобный же и богоносный отец наш Даниил, радуясь о кончине своей, предал честную и святую душу свою в руки Божии, будучи восьмидесяти лет и трех месяцев от роду[1].

Немедленно по преставлении Даниила вышеупомянутый бесноватый избавился от мучения диавольского. Когда преподобный скончался, на небе появились против столпа его три креста звездных, или, лучше сказать, три звезды крестообразных, которые и днем, при свете солнечном, сияли с неизреченною силою и были видны они до тех пор, пока не было погребено святое тело преподобного мужа там же, у столпов его. Вместе с ним положены были и мощи святых трех отроков Вавилонских — Анании, Азарии и Мисаила, согласно предсмертному завещанию преподобного, для того чтобы приходящие для поклонения к его могиле воздавали честь не его мощам, а мощам тех святых отроков. Так смиренный во время жизни своей остался смиренным и по кончине, уклоняясь от человеческого прославления, но Сам Бог прославил прославляющего Его, как на земле пред людьми чудесами, так и на небе пред Ангелами Своими, будучи Сам прославляем всею тварью вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
НИКОНА
Сухого, Печерского

Помните узников, как бы и вы с ними были в узах (Евр. 13, 3), — так заповедал узник в Господе, святой апостол Павел. Следуя этой заповеди, воспомянем о чудесах блаженного узника Никона, в судьбах которого с несомненностью проявилась сила Господа, освобождающая от оков узников Своих.

Блаженный Никон был родом из города Киева и происходил от знатных родителей; придя в Печерский монастырь, он прежде всего

[1] Преподобный Даниил Столпник преставился 11 декабря в 489 или 490 году. На столпе он подвизался более тридцати лет. Мощи его видел в Константинополе в 1200 году русский паломник, инок Антоний.

добровольно предал разум свой и всего себя в послушание Христу и стал опытным иноком. Затем, во время нашествия злочестивых половцев[1], он был пленен ими одновременно со святым Евстратием Печерским[2], уведен из монастыря в их страну и содержался там в заключении. Один христолюбивый гражданин города Киева явился туда для выкупа пленных, но блаженный Никон уклонился от этого человека; христолюбец тот подумал, что он поступает так потому, что сам имеет в Киеве богатых родственников, которыми и желает быть выкупленным. Выкупив многих пленников, человек тот возвратился в Киев и рассказал о блаженном Никоне. Узнав это, родственники его прибыли к половцам для выкупа Никона с большими сокровищами, но блаженный Никон сказал им:

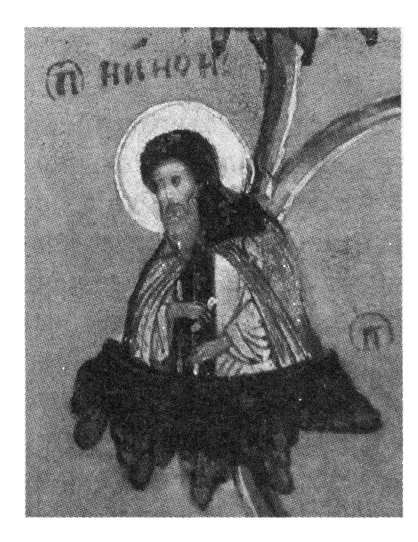
— Не тратьте для меня понапрасну достояния вашего: если бы Господь желал моей свободы, то Он не предал бы меня в руки этих беззаконников: Он Сам отдает в плен тех, кого хочет. А мы *неужели доброе будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?* (Иов. 2, 10).

Родственники укорили блаженного, но принуждены были, не выкупив его, вернуться назад со всем множеством захваченного достояния. После этого пленившие блаженного и другие половцы, видя, что они не достигли своей цели, стали немилосердно мучить раба Божия. И целых три года блаженный непрестанно был утесняем ими, связываем, окован по рукам и ногам, мучим огнем, терзаем ножами, томим голодом и жаждой, лишаем пищи в течение одного, двух, трех и более дней; летом по три дня держали его под палящими лучами солнца, а зимою выбрасывали на снег и на мороз. Все это нечестивые половцы причиняли ему с той целью, чтобы он выкупил себя; но блаженный Никон за все лишь благодарил Господа и непрестанно молился Ему. Через некоторое время он объявил своим мучителям, что Христос даром освободит его из их рук и что он получил уже об этом извещение.

---

[1] Это нашествие половцев на Киев под предводительством хана Боняка произошло в 1096 году. — Половцы — кочевой народ тюркского племени, пришедший во множестве в южно-русские степи из Закаспийских степей во второй половине XI века и с того времени до двадцатых годов XIII века производивший постоянные опустошительные нападения на Русь, особенно южную.

[2] Память *преподобного Евстратия Печерского* — 28 марта.



— Явился мне, — говорил он, — брат мой Евстратий, которого вы предали жидам на распятие[1]; за это они осуждены будут вместе с отцами своими, некогда кричавшими: «кровь Его на нас и на детях наших»[2]. Вы же, нечестивые, будете мучиться вместе с Иудою, предавшим Господа на крестные страдания. Явившийся же мученик сказал мне, что на третий день, по молитвам святых отцов Антония и Феодосия и прочих Печерских угодников, я буду возвращен в обитель Печерскую.

Услышав это, половчанин, взявший преподобного в плен, подумал, что он хочет убежать, а потому подрезал ему жилы под коленами, чтобы он не мог уйти, и, кроме того, стал бдительнее стеречь его. И вот на третий день, в шестом часу дня, в то самое время, когда вся стража окружала преподобного с оружием в руках, блаженный узник стал невидим, а стерегшие его услышали только его голос, воспевавший: «Хвалите Господа с небес!»

Так чудесно и ни для кого невидимо святой перенесен был в Печерскую церковь Пресвятой Богородицы в то самое время, когда на Божественной литургии стали петь запричастный стих. И тотчас вокруг него собралась вся братия и стала вопрошать его, каким образом он попал сюда. Сначала он хотел было скрыть это дивное чудо, но все окружавшие его, видя его связанным тяжелыми цепями, с неизлечимыми ранами, гнойными струпьями, покрывшими все тело его, а особенно при виде крови, струившейся из разрезанных голеней, всячески заставляли его поведать истину. Поэтому, вопреки своему желанию, он, наконец, рассказал им все как было,

[1] Преподобный Евстратий был продан половцами одному херсонскому еврею, который со своими единоверцами, посредством страшных мучений, заставлял его отречься от Христа, но, не успев в том, распял его на кресте, на котором святой мученик и предал Богу душу, пронзенный копьем еврея.

[2] Имеются в виду евреи, требовавшие от Пилата смерти Спасителя (см.: Мф. 27, 25).

но не позволял снять оковы с рук и ног своих. На это игумен сказал ему:

— Брат! Если бы Господь желал этих уз твоих, то не освободил бы тебя от плена, а потому покорись нашей просьбе.

После этого, сняв с преподобного оковы, братия перековали их на вещи, необходимые для алтаря.

Спустя немного времени, когда уже с половцами заключен был мир, прибыл в Киев тот самый половчанин, который держал блаженного Никона в плену. Прибыв в Киев, он вошел в Печерский монастырь. Увидав здесь своего бывшего пленника, блаженного Никона, он узнал его и рассказал о нем все подробно игумену и братии и уже не возвратился обратно в страну свою, но, умилившись от всего происшедшего, принял святое крещение и вместе с другими своими родичами — половцами, также пришедшими в Киев, сделался иноком и вместе с ними окончил жизнь в покаянии в том же Печерском монастыре, служа пленнику своему — блаженному Никону.

Было много и других удивительных чудес этого блаженного и святого отца нашего Никона, из которых мы упомянем о следующих.

Однажды, когда блаженный был еще в плену, разболелись пленники от голода и недостатка до такой степени, что едва не умерли; будучи вместе с ними, блаженный запретил им хотя что-либо вкушать из пищи нечестивых и молитвою своею подал всем им выздоровление и возможность невидимо ни для кого освободиться от заключения.

В другой раз, когда блаженный еще был в плену, расхворался сам пленивший его половчанин; совсем приближаясь уже к смерти, он завещал своим женам и детям распять плененного им Никона над своею могилою. Но блаженный этот пленник, провидя своими духовными очами, что на конце своей жизни половчанин этот покается, помолился о нем и исцелил его, избавив, таким образом, и себя от смерти телесной и того половчанина не только от телесной, но и от духовной.

Этот блаженный Никон называется «сухим» потому, что он истек кровью, сгнил от множества ран и высох от мучений, так что мог сказать о своей крепости, в плену потерянной, словами пророка Давида: *и́зсше, яко скудель, крепость моя* (слав. Пс. 21, 16), *кости моя, яко сушило, сосхо́шася* (слав. Пс. 101, 4). Что можем сказать об

этом и мы, удивляясь его замечательной силе, не телесной, а той, которая свойственна бесплотным силам небесным, как не словами апостола: *сокровище сие мы носим в глиняных* (слав. — скудельных) *сосудах* (2 Кор. 4, 7). Поистине узник этот, чудесно освобожденный от оков, при всей своей телесной немощи, горел огнем любви к Богу, светясь своими добрыми и богоугодными делами. Потому и освобожден он был от телесных оков[1] и, за сухость увядающую в этой жизни, получил от Бога после смерти никогда не увядающее нетление своего тела, в котором и доныне пребывает оно в пещере; духом же своим он удостоился *наследия нетленного, чистого, неувядаемого, хранящегося на небесах* (1 Пет. 1, 4), при источнике жизни вечной и получил неувядаемый венец славы. Этим венцом, по молитвам преподобного угодника Божия Никона, да сподобимся быть увенчанными и мы от Царя славы Христа Бога, Которому слава со безначальным Его Отцом и с Пресвятым, и благим, и животворящим Духом теперь и всегда и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АКЕПСИЯ и АИФАЛА

Святые мученики Акепсий и Аифал происходили из Персии, где они и пострадали. Акепсий был сначала языческим жрецом в городе Арбеле[2], но потом, услышав о вере Христовой, решился обратиться к христианскому епископу, надеясь получить исцеление от постигшей его в то время болезни. Епископ преподал ему наставление в вере и жизни христианской и исцелил его своими молитвами от недуга. После этого Акепсий возвратился в Арбелу, явился среди своих сограждан проповедником и учителем благочестия, будучи посвящен в сан пресвитера. Об этом было донесено областеначальнику, который вызвал к себе этого нового благовестника Христова и приказал отрезать ему ухо и заключить в темницу.

[1] Блаженная кончина преподобного Никона Сухого Печерского последовала в начале XII века.

[2] Город в Персии, — нынешний *Эрбил*, в Малой Азии.

Святой же Аифал был диаконом Арбельской церкви. Схваченный за исповедание Христа, он жестоко был избит и старейшиною жрецов отправлен был к Акепсию в темницу. Потом оба святые снова приведены были к правителю страны и еще раз исповедали пред ним свою веру во Христа и за то приговорены были к отсечению глав.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
МИРАКСА

Святой мученик Миракс был родом египтянин; родился он в городе Тенестии[1] от христианских родителей, был крещен и воспитан в истинном благочестии. Но, по своему юношескому легкомыслию, он поддался влиянию врага всего доброго (диавола) и, явившись к Амиру[2], отрекся от Христа. Сняв с себя пояс[3] и поправ святой крест, он взял в руку воинский меч и отчаянно громким голосом воскликнул:

— Я — агарянин и отныне более уже не христианин.

Через такое отступничество Миракс заслужил себе почет и уважение у Амира и его приближенных. И много времени прошло с той поры, как легкомысленный юноша, увлекшись суетною славою, перестал и думать о своем спасении. Между тем родители, скорбя о падении сына, не отчаивались и усердно молили Бога о возвращении на путь благочестия совратившегося отступника. И молитва их не осталась бесплодною. Господь призрел на прилежные прошения родителей, внял их непрестанным молитвам: благодать Божия озарила сердце Миракса, и он раскаялся. Пришел он после того к своим родителям и сказал:

---

[1] *Тенестия*, или *Теннес*, на севере от Таниса, приморский город на пути из Аравии в Александрию.

[2] *Амир* сарацинский был, как можно думать, *Амвру*, посланный Омаром в 639 году для завоевания Египта и взявший в 641 году Александрию. *Амиром*, или *Эмиром*, назывались и вообще правители Египта.

[3] Поясу христиане всегда усвояли символическое значение благодатной силы, укрепляющей их в борьбе с духовными врагами (см.: Еф. 4, 14).

— Досточтимые и любезные мои родители! — постигло меня помрачение ума, и я совершил столь ужасное дело; но вот ныне я горько скорблю о том и молюсь, чтобы стать мне снова христианином и быть с вами.

На это родители отвечали ему:

— Мы, чадо, со времени твоего совращения в агарянство[1] много слез пролили о тебе и беспрестанно молили Бога, чтобы Он даровал тебе познание истины и возвратил тебя ко Христу. И ныне благодарим Его благость и щедроту, что не отверг Он немощных молитв наших. Но, как и сам ты понимаешь, сын наш возлюбленный, мы опасаемся принять тебя, боясь гнева Амира, чтобы из-за тебя и нас не постигла какая-либо напасть. Поэтому, если хочешь облегчить свою совесть, обременяемую страшным падением, обрести милость у Бога, нашу безопасность сохранить и о всех своих ближних быть ходатаем, то иди к Амиру и, что́ исповедал нам здесь тайно, поведай там явно как бы без нашего ведома. Господь да устроит о тебе все по Своей благой воле! Иди же, чадо наше возлюбленное, и мы, хотя и недостойны милости Бога нашего, надеемся, что Он, Благий, услышит молитву нашу.

Миракс внял словам своих родителей и, ободрившись духом, с упованием на действенность их молитвы, решился тогда же поступить по совету отца и матери: взяв в руки пояс, он тотчас же отправился к Амиру и его советникам агарянским. Став пред Амиром и его приближенными, Миракс опоясался и, осенив себя честным Крестом и облобызав его, начал громко восклицать:

— Господи, Христе мой, помилуй и спаси меня!

Такое дерзновение его привело всех в ужас. Амир схватил Миракса и спросил:

— Что такое стало с тобою?

На это он ответил:

— Я пришел в себя после постигшего меня диавольского помрачения и возвратился ко Христу Богу моему, стал опять христианином, как был и прежде. И вот я «пришел в себя»[2], чтобы исповедать

[1] То есть *магометанство* (то есть агарян — собственно потомков Агари от сына ее Измаила — арабов, впоследствии усвоено было всем вообще магометанам).

[2] Выражение евангельской притчи о раскаявшемся блудном сыне (см.: Лк. 18, 17).

пред тобою и твоими советниками и пред всеми Господа Христа и поведать вам всем, что вас и веру вашу я проклинаю.

Выслушав это, Амира велел посадить Миракса в темницу и, продержав его там три дня без пищи, подверг суду. На суде Миракс опять исповедал Христа и, избитый за то, посажен был снова в темницу. Через три дня он опять приведен был в судилище и был избит еще более. По прошествии шести дней мученик снова приведен был в судилище и опять безбоязненно исповедал Христа и за то бит был бичами из воловьих жил по язвам, образовавшимся на теле его от прежних побоев. После того Амир осудил его на смерть через усечение главы. И взяли святого исповедника слуги Амировы и, посадив с собою в корабль, отплыли с ним от берега на девять поприщ. Там помолился он Богу, и голова его была усекнута, и он брошен был в море[1]. Что потом случилось с телом мученика — выплыло ли оно из моря — осталось неизвестным; но честная глава его вышла из моря и обретена была благочестивыми христианами, которые и взяли ее, как многоценный дар на хранение. Когда же донесено было о том Амиру, то почитатели святого дали выкуп в сто златниц и, получив дозволение невозбранно хранить обретенную главу мученика, устроили серебряный ковчег и в нем положили ее с подобающею честью. С того времени и доселе эта глава святого страдальца источает благовонное миро и подает всякие исцеления во славу Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, утверждая веру в тех, в которых могло бы зародиться сомнение или соблазнительное какое-либо недоумение о святом мученике.

[1] Около 640 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ЛУКИ,
Нового Столпника

Преподобный Лука Столпник жил при Греческом царе Романе[1] и при Константине Порфирородном[2], зяте царя Романа и сыне царя Льва Мудрого[3]. Патриаршескую кафедру занимал тогда Феофилакт[4], сын царя Романа. В то время на Греческую империю сделали нападение болгары[5] и Лука, по царскому повелению, взят был в ополчение и принимал участие в защите отечества от врагов. Во время сражения в греческом войске произошло замешательство и многие тысячи его были истреблены; но Лука, промышлением Божиим, остался невредим. После того он принял монашество и, преуспевая в иноческом житии, удостоился поставления в пресвитера. Ревнуя о высшем духовном совершенстве, он обложил тело свое железными веригами и, взойдя на столп, соблюдал столь строгое воздержание, что в продолжение шести дней недели не принимал никакой пищи и только в седьмой день вкушал приносимую просфору и немного овощей: так на столпе провел он три года. Потом, призываемый Божественным внушением, пошел он на гору Олимп[6], оттуда перешел в Константинополь и, чтобы не нарушать своего обета молчальничества, вложил себе в рот камень, и, наконец, удалился в город Халкидон[7]. Там он также вошел на столп и, прославляемый многими чудесами, провел на нем сорок пять лет. Так совершив благочестно путь земной жизни, святой Лука отошел в обители небесного Отца[8].

---

[1] *Роман I Лакапен*, царствовал с 919 по 944 год.

[2] *Константин VII Порфирородный*, царствовал с 912 по 959 год.

[3] *Лев VI Мудрый*, царствовал с 886 по 911 год.

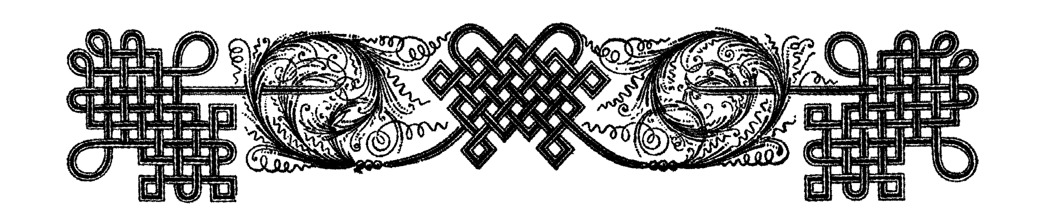
[4] *Феофилакт* — патриарх Константинопольский с 933 по 956 год.

[5] Болгарский царь Симеон, умерший в 927 году, воевал с греками и едва не сокрушил Греческую империю в 917 году.

[6] В Вифинии, северо-западной области Малой Азии.

[7] *Халкидон* — город в Малой Азии, на берегу Константинопольского пролива, против Константинополя.

[8] Около 970 года.



День двенадцатый

ЖИТИЕ

СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО

СПИРИДОНА ТРИМИФУНТСКОГО

Родиною дивного Спиридона был остров Кипр[1]. Сын простых родителей и сам простодушный, смиренный и добродетельный, он с детства был пастырем овец, а придя в возраст, сочетался законным браком и имел детей. Он вел чистую и богоугодную жизнь, подражая: Давиду — в кротости, Иакову — в сердечной простоте и Аврааму — в любви к странникам. Прожив немного лет в супружестве, жена его умерла, и он еще беспрепятственнее и усерднее стать служить Богу добрыми делами, тратя весь свой достаток на принятие странников и пропитание нищих; этим он, живя в миру, так благоугодил Богу, что удостоился от Него дара чудотворения: он исцелял неизлечимые болезни и одним словом изгонял бесов. За это Спиридон был поставлен епископом города Тримифунта в царствование императора Константина Великого и сына его Констанция[2]. И на епископской кафедре он продолжал творить великие и дивные чудеса.

Однажды на острове Кипре было бездождие и страшная засуха, за которою последовал голод, а за голодом — мор, и множество лю-

---

[1] *Кипр* — большой остров в восточной части Средиземного моря, к югу от Малой Азии.

[2] Святой равноапостольный *Константин Великий* царствовал в западной половине Римской империи с 306 года и полновластным государем всей империи с 324 по 337 год. *Император Констанций*, сын его, царствовал на Востоке с 337 года и один — в обеих половинах империи — с 353 по 361 год.

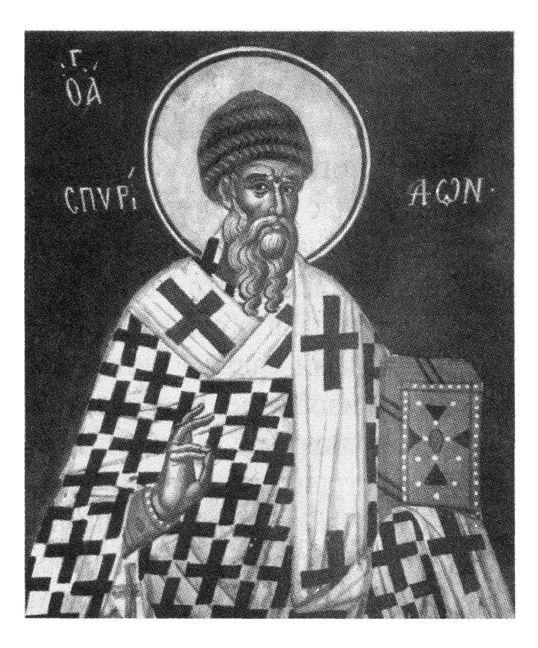
дей гибло от этого голода. Небо заключилось, и нужен был второй Илия, или подобный ему, который бы отверз небо своею молитвою (см.: 3 Цар. 17): таким оказался святой Спиридон, который, видя бедствие, постигшее народ, и отечески жалея погибающих от голода, обратился с усердною молитвою к Богу, и тотчас небо покрылось со всех сторон облаками и пролился обильный дождь на землю, не прекращавшийся несколько дней; святой помолился опять, и настало вёдро. Земля обильно напоена была влагою и дала обильный плод: дали богатый урожай нивы, покрылись плодами сады и виноградники, и, после голода, было во всем великое изобилие, по молитвам угодника Божия Спиридона. Но через несколько лет за грехи людские, по попущению Божию, опять постиг страну ту голод, и богатые хлеботорговцы радовались дороговизне, имея хлеб, собранный за несколько урожайных лет, и, открыв свои житницы, начали продавать его по высоким ценам. Был тогда в Тримифунте один хлеботорговец, страдавший ненасытною жадностью к деньгам и неутолимою страстью к наслаждениям. Закупив в разных местах множества хлеба и привезя его на кораблях в Тримифунт, он не захотел, однако, продавать его по той цене, какая в то время стояла в городе, но ссыпал его в склады, чтобы дождаться усиления голода и тогда, продав подороже, получить больший барыш. Когда голод сделался почти всеобщим и усиливался со дня на день, он стал продавать свой хлеб по самой дорогой цене. И вот, пришел к нему один бедный человек и, униженно кланяясь, со слезами умолял его оказать милость — подать немного хлеба, чтобы ему, бедняку, не умереть с голоду вместе с женою и детьми. Но немилосердный и жадный богач не захотел оказать милость нищему и сказал:

— Ступай принеси деньги, и у тебя будет все, что только купишь.

Бедняк, изнемогая от голода, пошел к святому Спиридону и, с плачем, поведал ему о своей бедности и о бессердечии богатого.

— Не плачь, — сказал ему святой, — иди домой, ибо Дух Святой говорит мне, что завтра дом твой будет полон хлеба, а богатый будет умолять тебя и отдавать тебе хлеб даром.

Бедный вздохнул и пошел домой. Едва настала ночь, как, по повелению Божию, пошел сильнейший дождь, которым подмыло житницы немилосердного сребролюбца, и водою унесло весь его хлеб. Хлеботорговец с своими домашними бегал по всему городу и умолял



всех помочь ему и не дать ему из богача сделаться нищим, а тем временем бедные люди, видя хлеб, разнесенный потоками по дорогам, начали подбирать его. Набрал себе с избытком хлеба и тот бедняк, который вчера просил его у богача. Видя над собою явное наказание Божие, богач стал умолять бедного брать у него задаром столько хлеба, сколько он пожелает.

Так Бог наказал богатого за немилосердие и, по пророчеству святого, избавил бедного от нищеты и голода.

Один известный святому земледелец пришел к тому же самому богачу и во время того же голода с просьбою дать ему взаймы хлеба на прокорм и обещался с лихвою возвратить данное ему, когда настанет жатва. У богача, кроме размытых дождем, были еще и другие житницы, полные хлеба; но он, недостаточно наученный первою своею потерею и не излечившись от скупости, — и к этому бедняку оказался таким же немилосердным, так что не хотел даже и слушать его.

— Без денег, — сказал он, — ты не получишь от меня ни одного зерна.

Тогда бедный земледелец заплакал и отправился к святителю Божию Спиридону, которому и рассказал о своей беде. Святитель утешил его и отпустил домой, а наутро сам пришел к нему и принес целую груду золота (откуда взял он золото, — об этом речь после). Он отдал это золото земледельцу и сказал:

— Отнеси, брат, это золото тому торговцу хлебом и отдай его в залог, а торговец пусть даст тебе столько хлеба взаймы, сколько тебе сейчас нужно для пропитания; когда же настанет урожай и у тебя будет излишек хлеба, ты выкупи этот залог и принеси его опять ко мне.

Бедный земледелец взял из рук святительских золото и поспешно пошел к богатому. Корыстолюбивый богач обрадовался золоту и тотчас же отпустил бедному хлеба, сколько ему было нужно. Потом го-

лод миновал, был хороший урожай, и, после жатвы, земледелец тот отдал с лихвою богачу взятый хлеб и, взяв от него назад залог, отнес его с благодарностью к святому Спиридону. Святой взял золото и направился к своему саду, захватив с собою и земледельца.

— Пойдем, — сказал он, — со мною, брат, и вместе отдадим это Тому, Кто так щедро дал нам взаймы.

Войдя в сад, он положил золото у ограды, возвел очи к небу и воскликнул:

— Господи мой, Иисусе Христе, Своею волею все созидающий и претворяющий! Ты некогда Моисеев жезл на глазах у царя Египетского превратил в змия (см.: Исх. 7, 10), — повели и этому золоту, ранее превращенному Тобою из животного, опять принять первоначальный вид свой: тогда и этот человек узнает, какое попечение имеешь Ты о нас, и самым делом научится тому, что́ сказано в Святом Писании, — что *Господь творит все, что хочет* (Пс. 134, 6)!

Когда он так молился, кусок золота вдруг зашевелился и обратился в змею, которая стала извиваться и ползать. Таким образом, сначала змея, по молитве святого, обратилась в золото, а потом также чудесно из золота опять стала змеею. При виде этого чуда, земледелец затрепетал от страха, пал на землю и называл себя недостойным оказанного ему чудесного благодеяния. Затем змея уползла в свою нору, а земледелец, полный благодарности, возвратился к себе домой и изумлялся величию чуда, сотворенного Богом по молитвам святого.

Один добродетельный муж, друг святого, по зависти злых людей, был оклеветан пред городским судьею и заключен в темницу, а потом и осужден на смерть без всякой вины. Узнав об этом, блаженный Спиридон пошел избавить друга от незаслуженной казни. В то время в стране было наводнение и ручей, бывший на пути святого, переполнился водою, вышел из берегов и сделался непереходимым. Чудотворец припомнил, как Иисус Навин с ковчегом завета посуху перешел разлившийся Иордан (см.: Нав. 3, 14–17), и, веруя во всемогущество Божие, приказал потоку, как слуге:

— Стань! Так повелевает тебе Владыка всего мира, чтобы я мог перейти и спасен был муж, ради которого я спешу.

Лишь только он сказал это, тотчас поток остановился в своем течении и открыл сухой путь — не только для святого, но и для всех,

шедших вместе с ним. Свидетели чуда поспешили к судии и известили его о приближении святого и о том, что́ совершил он на пути, и судия тотчас же освободил осужденного и возвратил его святому невредимым.

Провидел также преподобный и тайные грехи людские. Так, однажды, когда он отдыхал от пути у одного странноприимца, женщина, находившаяся в незаконном сожительстве, пожелала умыть, по тамошнему обычаю, ноги святому. Но он, зная ее грех, сказал ей, чтобы она к нему не прикасалась. И это он сказал не потому, что гнушался грешницей и отвергал ее: разве может гнушаться грешниками ученик Господа, евшего и пившего с мытарями и грешниками? (см.: Мф. 9, 11). Нет, он желал заставить женщину вспомнить о своих прегрешениях и устыдиться своих нечистых помыслов и дел. И когда та женщина настойчиво продолжала стараться прикоснуться к ногам святого и умыть их, тогда святой, желая избавить ее от погибели, обличил ее с любовию и кротостию, напомнил ей о ее грехах и побуждал ее покаяться. Женщина удивлялась и ужасалась тому, что самые, по-видимому, тайные деяния и помыслы ее не скрыты от прозорливых очей человека Божия. Стыд охватил ее, и с сокрушенным сердцем упала она к ногам святого и обмывала их уже не водою, а слезами, и сама открыто созналась в тех грехах, в которых была обличена. Она поступила так же, как некогда блудница, упоминаемая в Евангелии, а святой, подражая Господу, милостиво сказал ей: *прощаются тебе грехи* (Ин. 5, 14), и еще: *вот, ты выздоровела; не греши больше.* И с того времени женщина та совершенно исправилась и для многих послужила полезным примером.

До сих пор говорилось только о чудесах, какие совершил святой Спиридон при жизни; теперь до́лжно сказать и о ревности его по вере православной.

В царствование Константина Великого, первого императора — христианина, в 325 году по Рождестве Христовом в Никее собрался I Вселенский собор — для низложения еретика Ария, нечестиво называвшего Сына Божия тварью, а не Творцом всего, и для исповедания Его Единосущным с Богом Отцом. Арий в его богохульстве поддерживали епископы значительных тогда Церквей: Евсевий Никомидийский, Марис Халкидонский, Феогний Никейский и дру-

гие. Поборниками же Православия были украшенные жизнью и учением мужи: великий между святыми Александр, который в то время был еще пресвитером и вместе заместителем святого Митрофана, патриарха Цареградского[1], находившегося на одре болезни и потому не бывшего на соборе, и славный Афанасий[2], который еще не был украшен и пресвитерским саном и проходил диаконское служение в Церкви Александрийской; эти двое возбуждали в еретиках особое негодование и зависть именно тем, что многих превосходили в уразумении истин веры, не будучи еще почтены епископскою честью; с ними вместе был и святой Спиридон, и обитавшая в нем благодать была полезнее и сильнее в деле увещания еретиков, чем речи иных, их доказательства и красноречие. С соизволения царя, на соборе присутствовали и греческие мудрецы, называвшиеся перипатетиками[3]; мудрейший из них выступил на помощь Арию и гордился своею особенно искусною речью, стараясь высмеять учение православных. Блаженный Спиридон, человек неученый, знавший только Иисуса Христа, *притом распятого* (1 Кор. 2, 2), просил отцов позволить ему вступить в состязание с этим мудрецом, но святые отцы, зная, что он человек простой, совсем незнакомый с греческою мудростью, запрещали ему это. Однако святой Спиридон, зная, какую силу имеет премудрость свыше и как немощна пред нею мудрость человеческая, обратился к мудрецу и сказал:

— Философ! Во имя Иисуса Христа, выслушай, чтó я тебе скажу.

Когда же философ согласился выслушать его, святой начал беседовать.

---

[1] *Святой Митрофан* — патриарх Константинопольский с 315 по 325 год. *Святой Александр* — преемник его, патриаршествовал с 325 по 340 год.

[2] *Святой Афанасий Великий* — архиепископ Александрийский, ревностный и замечательнейший защитник Православия во время арианских смут, стяжавший себе имя «Отца Православия»; на I Вселенском соборе препирался с арианами еще в сане диакона. Память его — 18 января.

[3] *Перипатетиками* назывались последователи Аристотелевой философии. Эта философская школа (направление) появилась в конце IV века до Рождества Христова и просуществовала около восьми столетий; это философское направление впоследствии имело последователей и среди христиан. Свое наименование перипатетики получили от того, что основатель этой школы Феофраст подарил школе сад с алтарем и крытыми ходами (перипатон — колоннады, крытые галереи).

— Един есть Бог, — сказал он, — сотворивший небо и землю и создавший из земли человека и устроивший все прочее, видимое и невидимое, словом Своим и Духом; и мы веруем, что слово это есть Сын Божий и Бог, Который, умилосердившись над нами заблудшими, родился от Девы, жил с людьми, пострадал и умер ради нашего спасения и воскрес и с Собою совоскресил весь род человеческий; мы ожидаем, что Он же придет судить всех нас праведным судом и каждому воздаст по делам его; веруем, что Он одного существа с Отцом, равной с Ним власти и чести... Так исповедуем мы и не стараемся исследовать эти тайны любопытствующим умом, и ты — не осмеливайся исследовать, как все это может быть, ибо тайны эти выше твоего ума и далеко превышают всякое человеческое знание.

Затем, немного помолчав, святой спросил:

— Не так ли и тебе все это представляется, философ?

Но философ молчал, как будто ему никогда не приходилось состязаться. Он не мог ничего сказать против слов святого, в которых видна была какая-то Божественная сила, во исполнение сказанного в Священном Писании: *Царство Божие не в слове, а в силе* (1 Кор. 4, 20).

Наконец, он сказал:

— И я думаю, что все действительно так, как говоришь ты.

Тогда старец сказал:

— Итак, иди и прими знамение святой веры.

Философ, обратившись к своим друзьям и ученикам, заявил:

— Послушайте меня! Пока состязание со мною велось посредством доказательств, я выставлял против одних доказательств другие и своим искусством спорить отражал все, что́ мне представляли. Но когда, вместо доказательств от разума, из уст этого старца начала исходить какая-то особая сила, — доказательства бессильны против нее, так как человек не может противиться Богу. Если кто-нибудь из вас может мыслить так же, как я, то да уверует во Христа и вместе со мною да последует за этим старцем, устами которого говорил Сам Бог.

И философ, приняв православную христианскую веру, радовался, что был побежден в состязании святым на свою же собственную пользу. Радовались и все православные, а еретики потерпели великое посрамление.

По окончании собора, после осуждения и отлучения Ария, все бывшие на соборе, а равно и святой Спиридон, разошлись по до-

мам. В это время умерла дочь его Ирина; время своей цветущей юности она в чистом девстве провела так, что удостоилась Царства небесного. Между тем к святому пришла одна женщина и, с плачем, рассказала, что она отдала его дочери Ирине некоторые золотые украшения для сохранения, а так как та в скором времени умерла, то отданное пропало без вести. Спиридон искал по всему дому, не спрятаны ли где украшения, но не нашел их. Тронутый слезами женщины, святой Спиридон вместе с своими домашними подошел к гробу дочери своей и, обращаясь к ней, как к живой, воскликнул:

— Дочь моя Ирина! Где находятся украшения, вверенные тебе на хранение?

Ирина, как бы пробудившись от крепкого сна, отвечала:

— Господин мой! Я спрятала их в этом месте дома.

И она указала место.

Тогда святой сказал ей:

— Теперь спи, дочь моя, пока не пробудит тебя Господь всех во время всеобщего воскресения.

На всех присутствовавших, при виде такого дивного чуда, напал страх. А святой нашел в указанном умершею месте спрятанное и отдал той женщине.

По смерти Константина Великого империя его разделилась на две части. Восточная половина досталась старшему сыну его Констанцию. Находясь в Антиохии, Констанций впал в тяжкую болезнь, которую врачи не могли исцелить. Тогда царь оставил врачей и обратился ко Всемогущему целителю душ и телес — Богу, с усердною молитвою о своем исцелении. И вот в видении ночью император увидел Ангела, который показал ему целый сонм епископов и среди них особенно — двоих, которые, по-видимому, были вождями и начальниками остальных; Ангел поведал при этом царю, что только эти двое могут исцелить его болезнь. Пробудившись и размышляя о виденном, он не мог догадаться, кто были виденные им два епископа: имена и род их остались ему неизвестными, а один из них тогда, кроме того, не был еще и епископом. Долгое время царь был в недоумении и, наконец, по чьему-то доброму совету собрал к себе епископов из всех окрестных городов и искал между ними виденных им в видении двоих, но не нашел. Тогда он собрал епископов во второй раз и теперь уже в большем числе и из более отдаленных обла-

стей, но и среди них не нашел виденных им. Наконец, он велел собраться к нему епископам всей его империи. Царское приказание, лучше сказать, прошение достигло и острова Кипра и города Тримифунта, где епископствовал святой Спиридон, которому все уже было открыто Богом относительно царя. Тотчас же святой Спиридон отправился к императору, взяв с собою ученика своего Трифиллия[1], вместе с которым он являлся царю в видении и который в то время, как сказано было, не был еще епископом. Прибыв в Антиохию, они пошли во дворец к царю. Спиридон был одет в бедные одежды и имел в руках финиковый посох, на голове — плетеную пальмовую митру, а на груди у него привешен был глиняный сосудец, как это было в обычае у жителей Иерусалима, которые носили обыкновенно в этом сосуде елей от святого креста. Когда святой в таком виде входил во дворец, один из дворцовых служителей, богато одетый, счел его за нищего, посмеялся над ним и, не позволяя ему войти, ударил его по щеке; но преподобный, по своему незлобию и памятуя слова Господа (см.: Мф. 5, 39), подставил ему другую щеку; служитель понял, что пред ним стоит епископ, и, сознав свой грех, смиренно просил у него прощения, которое и получил.

Едва только святой вошел к царю, последний тотчас узнал его, так как в таком именно образе он явился царю в видении. Констанций встал, подошел к святому и поклонился ему, со слезами прося его молитв к Богу и умоляя об уврачевании своей болезни. Лишь только святой прикоснулся к голове царя, последний тотчас же выздоровел и чрезвычайно радовался своему исцелению, полученному по молитвам святого. Царь оказал ему великие почести и в радости провел с ним весь тот день, оказывая великое уважение к своему доброму врачу.

Трифиллий тем временем был крайне поражен всей царской пышностью, красотой дворца, множеством вельмож, стоящих перед царем, сидящим на троне, — причем все имело чудный вид и блистало золотом, — и искусной службе слуг, одетых в светлые одежды. Спиридон сказал ему:

— Чему ты так дивишься, брат? Неужели царское величие и слава делают царя более праведным, чем другие? Разве царь не уми-

---

[1] *Трифиллий*, впоследствии епископ Левкусийский, или Ледрский, причислен к лику святых; память его —13 июня.

рает так же, как и последний нищий, и не предается погребению? Разве не предстанет он одинаково с другими страшному судии? Зачем то, что́ разрушается, ты предпочитаешь неизменному и дивишься ничтожеству, когда должно прежде всего искать того, что́ невещественно и вечно, и любить нетленную небесную славу?

Много поучал преподобный и самого царя, чтобы памятовал о благодеянии Божием и сам был бы благ к подданным, милосерд к согрешающим, благосклонен к умоляющим о чем-либо, щедр к просящим и всем был бы отцом — любящим и добрым, ибо кто царствует не так, тот должен быть назван не царем, а скорее мучителем. В заключение святой заповедал царю строго держать и хранить правила благочестия, отнюдь не принимая ничего противного Церкви Божией[1].

Царь хотел возблагодарить святого за свое исцеление по его молитвам и предлагал ему множество золота, но он отказывался принять, говоря:

— Нехорошо, царь, платить ненавистью за любовь, ибо то, что́ я сделал для тебя, есть любовь: в самом деле, оставить дом, переплыть такое пространство морем, перенести жестокие холода и ветры — разве это не любовь? И за все это мне взять в отплату золото, которое есть причина всякого зла и так легко губит всякую правду?

Так говорил святой, не желая брать ничего, и только самыми усиленными просьбами царя был убежден — но только принять от царя золото, а не держать его у себя, ибо тотчас же роздал все полученное просившим.

Кроме того, согласно увещаниям этого святого, император Констанций освободил от податей священников, диаконов и всех клириков и служителей церковных, рассудив, что неприлично служителям Царя Бессмертного платить дань царю смертному. Расставшись с царем и возвращаясь к себе, святой был принят на дороге одним христолюбцем в дом. Здесь к нему пришла одна женщина-язычница, не умевшая говорить по-гречески. Она принесла на руках своего мертвого сына и, горько плача, положила его у ног святого. Никто не знал ее языка, но самые слезы ее ясно свидетельствовали о том, что она умоляет святого воскресить ее мертвого ребенка. Но святой,

[1] Нужно заметить, что император Констанций благоволил к еретикам — арианам.

боясь суетной славы, сначала отказывался совершить это чудо; и все-таки, по своему милосердию, был побежден горькими рыданиями матери и спросил своего диакона Артемидота:

— Чтó нам сделать, брат?

— Зачем ты спрашиваешь меня, отче, — отвечал диакон: — чтó другое сделать тебе, как не призвать Христа — Подателя жизни, столь много раз исполнявшего твои молитвы? Если ты исцелил царя, то неужели отвергнешь нищих и убогих?

Еще более побуждаемый этим добрым советом к милосердию, святитель прослезился и, преклонив колена, обратился к Господу с теплою молитвою. И Господь, через Илию и Елисея возвративший жизнь сыновьям вдовы сарептской и соманитяныни (см.: 3 Цар. 17, 21; 4 Цар. 4, 35), услышал и молитву Спиридона и возвратил дух жизни языческому младенцу, который, ожив, тотчас же заплакал. Мать, увидев свое дитя живым, от радости упала мертвою: не только сильная болезнь и сердечная печаль умерщвляют человека, но иногда то же самое производит и чрезмерная радость. Итак, женщина та умерла от радости, а зрителей ее смерть повергла, — после неожиданной радости, по случаю воскрешения младенца, — в неожиданную печаль и слезы.

Тогда святой опять спросил диакона:

— Чтó нам делать?

Диакон повторил свой прежний совет, и святой опять прибег к молитве. Возведя очи к небу и вознеся ум к Богу, он молился Вдыхающему дух жизни в мертвых и Изменяющему все единым хотением Своим. Затем он сказал умершей, лежавшей на земле:

— Воскресни и встань на ноги!

И она встала, как пробудившаяся от сна, и взяла своего живого сына на руки.

Святой запретил женщине и всем присутствовавшим там рассказывать о чуде кому бы то ни было; но диакон Артемидот, после кончины святого, не желая умолчать о величии и силе Божиих, явленных через великого угодника Божия Спиридона, поведал верующим обо всем происшедшем.

Когда святой возвратился домой, к нему пришел один человек, желавший купить из его стада сто коз. Святой велел ему оставить установленную цену и потом взять купленное. Но он оставил стои-

мость девяноста девяти коз и утаил стоимость одной, думая, что это не будет известно святому, который, по своей сердечной простоте, совершенно чужд был всяких житейских забот. Когда оба они находились в загоне для скота, святой велел покупателю взять столько коз, за сколько он уплатил, и покупатель, отделив сто коз, выгнал их за ограду. Но одна из них, как бы умная и добрая раба, знающая, что она не была продана своим господином, скоро вернулась и опять вбежала в ограду. Покупатель опять взял ее и потащил за собою, но она вырвалась и опять прибежала в загон. Таким образом до трех раз вырывалась она у него из рук и прибегала к ограде, а он силою уводил ее, и, наконец, взвалил ее на плечи и понес к себе, причем она громко блеяла, бодала его рогами в голову, билась и вырывалась, так что все видевшие это удивлялись. Тогда святой Спиридон, уразумев, в чем дело, и не желая в то же время при всех обличить нечестного покупателя, сказал ему тихо:

— Смотри, сын мой, должно быть, не напрасно животное это так делает, не желая быть отведенным к тебе: не утаил ли должной цены за него? Не потому ли оно и вырывается у тебя из рук и бежит к ограде?

Покупатель устыдился, открыл свой грех и просил прощения, а затем отдал деньги и взял козу, — и она сама кротко и смирно пошла в дом купившего ее впереди своего нового хозяина.

На острове Кипре было одно селение, называвшееся Фриера. Придя туда по одному делу, святой Спиридон вошел в церковь и велел одному из бывших там, диакону, сотворить краткую молитву: святой утомился от долгого пути тем более, что тогда было время жатвы и стояла сильная жара. Но диакон начал медленно исполнять приказанное ему и нарочно растягивал молитву, как бы с некоею гордостью произносил возгласы и пел, и явно похвалялся своим голосом. Гневно посмотрел на него святой, хотя и добр был от природы, и, порицая его, сказал: «замолчи»! — И тотчас же диакон онемел: он лишился не только голоса, но и самого дара слова, и стоял, как совершенно не имеющий языка. На всех присутствовавших напал страх. Весть о случившемся быстро разнеслась по всему селению, и все жители сбежались посмотреть на чудо и пришли и ужас. Диакон упал к ногам святого, знаками умоляя разрешить ему язык, а вместе с тем умоляли о том же епископа друзья и родственники

диакона. Но не сразу святой снизошел на просьбу, ибо суров был он с гордыми и тщеславными, и, наконец, простил провинившегося, разрешил ему язык и возвратил дар слова; при этом он, однако же, запечатлел на нем след наказания, не возвратив его языку полной ясности, и на всю жизнь оставил его слабоголосым, косноязычным и заикающимся, чтобы он не гордился своим голосом и не хвалился отчетливостью речи.

Однажды святой Спиридон вошел в своем городе в церковь к вечерне. Случилось так, что в церкви не было никого, кроме церковнослужителей. Но, несмотря на то, он велел возжечь множество свечей и лампад и сам стал пред алтарем в духовном умилении. И когда он в положенное время возгласил: «Мир всем!» — и не было народа, который бы на возглашаемое святителем благожелание мира дал обычный ответ, внезапно послышалось сверху великое множество голосов, возглашающих: «И духу твоему». Хор этот был велик и строен и сладкогласнее всякого пения человеческого. Диакон, произносивший ектении, пришел в ужас, слыша после каждой ектении какое-то дивное пение сверху: «Господи, помилуй!» Пение это было услышано даже находившимися далеко от церкви, из которых многие поспешно пошли на него, и, по мере того, как они приближались к церкви, чудесное пение все более и более наполняло их слух и услаждало сердца. Но когда они вошли в церковь, то не увидали никого, кроме святителя с немногими церковными служителями, и не слышали уже более небесного пения, от чего пришли в великое изумление.

В другое время, когда святой также стоял в церкви на вечернем пении, в лампаде не хватило елея и огонь стал уже гаснуть. Святой скорбел об этом, боясь, что, когда погаснет лампада, прервется и церковное пение и не будет, таким образом, выполнено обычное церковное правило. Но Бог, исполняющий желание боящихся Его, повелел лампаде переполниться елеем через края, как некогда сосуду вдовицы во дни пророка Елиссея (см.: 4 Цар. 4, 2–6). Служители церковные принесли сосуды, подставили их под лампаду и наполнили их чудесно елеем. — Этот вещественный елей явно служил указанием на преизобильную благодать Божию, которой был преисполнен святой Спиридон и напояемо было им его словесное стадо.

На острове Кипре есть город Кирина. Однажды сюда прибыл из Тримифунта святой Спиридон по своим делам вместе с учеником своим, Трифиллием, который был тогда уже епископом Левкусийским, на острове Кипре. Когда они переходили через гору Пентадактил и находились на месте, называемом Паримна (отличающемся красотою и богатою растительностию), то Трифиллий прельстился этим местом и пожелал и сам, для своей церкви, приобрести какое-либо поместий в этой местности. Долго он размышлял об этом про себя; но мысли его не утаились от прозорливых духовных очей великого Отца, который сказал ему:

— Зачем, Трифиллий, ты постоянно думаешь о суетном и желаешь поместий и садов, которые на самом деле не имеют никакой цены и только кажутся чем-то существенным и своей призрачной ценностью возбуждают в сердцах людей желание обладать ими? Наше сокровище неотъемлемое — на небесах (см.: 1 Пет. 1, 4), у нас есть *храмина нерукотворенная* (2 Кор. 5, 4), — к ним стремись и ими заранее (через богомыслие) наслаждайся: они не могут переходить из одного состояния в другое, и кто однажды сделается обладателем их, тот получает наследие, которого уже никогда не лишится.

Эти слова принесли Трифиллию великую пользу, и впоследствии он своею истинно христианскою жизнию достиг того, что сделался избранным сосудом Христовым, подобно апостолу Павлу, и сподобился бесчисленных дарований от Бога.

Так святой Спиридон, сам будучи добродетельным, направлял к добродетели и других, и тем, кто следовал его увещаниям и наставлениям, они служили на пользу, а отвергавших их постигал худой конец, как это видно из следующего.

Один купец, житель того же Тримифунта, отплыл в чужую страну торговать и пробыл там двенадцать месяцев. В это время жена его впала в прелюбодеяние и зачала. Вернувшись домой, купец увидел жену свою беременною и понял, что она без него прелюбодействовала. Он пришел в ярость, стал бить ее и, не желая с нею жить, гнал ее из своего дома, а потом пошел и рассказал обо всем святителю Божию Спиридону и просил у него совета. Святитель, сокрушаясь душевно о грехе женщины и о великой скорби мужа, призвал жену и, не спрашивая ее, действительно ли она согрешила, так как о грехе

свидетельствовали уже самая беременность ее и плод, зачатый ею от беззакония, прямо сказал ей:

— Зачем осквернила ты ложе мужа своего и обесчестила его дом?

Но женщина, потеряв всякий стыд, осмелилась явно солгать, что она зачала не от кого-то другого, а именно от мужа. Присутствовавшие вознегодовали на нее еще более за эту ложь, чем за самое прелюбодеяние, и говорили ей:

— Как же ты говоришь, что зачала от мужа, когда его двенадцать месяцев не было дома? Разве может зачатый плод двенадцать месяцев и даже более оставаться в чреве?

Но она стояла на своем и утверждала, что зачатое ею дожидалось возвращения своего отца, чтобы родиться при нем. Отстаивая эту и подобную ложь и споря со всеми, она подняла шум и кричала, что ее оклеветали и обидели. Тогда святой Спиридон, желая довести ее до раскаяния, кротко сказал ей:

— Женщина! В великий грех впала ты, — велико должно быть и покаяние твое, ибо для тебя все-таки осталась надежда на спасение: нет греха, превышающего милосердие Божие. Но я вижу, что в тебе прелюбодеянием произведено отчаяние, а отчаянием — бесстыдство, и было бы справедливо понести тебе достойное и скорое наказание; и все-таки, оставляя тебе место и время для покаяния, мы во всеуслышание объявляем тебе: плод не выйдет из чрева твоего, пока ты не скажешь истины, не прикрывая ложью того, что и слепой, как говорится, видеть может.

Слова святого в скором времени сбылись. Когда женщине наступило время родить, ее постигла лютая болезнь, причинявшая ей великие мучения и удерживавшая плод в ее чреве. Но она, ожесточившись, не захотела признаться в своем грехе, в котором и умерла, не родив, мучительною смертию. Узнав об этом, святитель Божий прослезился, пожалев, что он судил грешницу таким судом, и сказал:

— Не буду я больше произносить суда над людьми, если сказанное много так скоро сбывается над ними на деле.

Одна женщина, по имени Софрония, благонравная и благочестивая, имела мужа — язычника. Она не раз обращалась к святителю Божию Спиридону и усердно умоляла его постараться обратить

ее мужа к истинной вере. Муж ее был соседом святителя Божия Спиридона и уважал его, а иногда они, как соседи, бывали даже друг у друга в домах. Однажды собралось много соседей святого и язычника; были и они сами. И вот, вдруг святой говорит одному из слуг во всеуслышание:

— Вон у ворот стоит вестник, присланный от работника, пасущего мое стадо, с вестью, что весь скот, когда работник заснул, пропал, заблудившись в горах: ступай, скажи ему, что пославший его работник уже нашел весь скот в целости в одной пещере.

Слуга пошел и передал посланному слова святого. Вскоре затем, когда не успели еще собравшиеся встать из-за стола, пришел от пастуха другой вестник — с известием, что все стадо найдено. Слыша это, язычник был несказанно удивлен тем, что святой Спиридон знает происходящее за глазами, как совершающееся вблизи; он вообразил, что святой есть один из богов, и хотел сделать ему то, чтó и некогда жители Ликаонии сделали апостолам Варнаве и Павлу[1], то есть привести жертвенных животных, приготовить венцы и совершить жертвоприношение. Но святой сказал ему:

— Я — не бог, а только слуга Божий и человек, во всем подобный тебе. А что я знаю то, чтó совершается за глазами, — это дает мне мой Бог, и если и ты уверуешь в Него, то познаешь величие Его всемогущества и силы.

Со своей стороны и жена язычника Софрония, улучив время, стала убеждать мужа отречься от языческих заблуждений и познать Единого истинного Бога и уверовать в Него. Наконец, силою благодати Христовой, язычник был обращен к истинной вере и просвещен святым крещением. Так спасся *неверующий муж женою верующею*[2] (1 Кор. 7, 14), как говорит святой апостол Павел.

---

[1] Жители ликаонского города Листры (в Малой Азии) приняли апостолов Павла и Варнаву, после исцеления апостолом Павлом хромого от рождения, за языческих богов — Зевса и Гермеса (см.: Деян. 14, 13).

[2] Апостол Павел в этом месте разумеет собственно то, что нечистота язычника-отца как бы изглаждается чистотой матери — христианки и не передается родившимся от такого брака детям. Но при этом само собой разумеется, что брак с христианкой (или христианином) для язычника (или язычницы) есть естественная ступень к полному освящению, то есть к принятию им самим веры Христовой.

Рассказывают также о смирении блаженного Спиридона, как он, будучи святителем и великим чудотворцем, не гнушался пасти овец бессловесных и сам ходил за ними. Однажды воры ночью проникли в загон, похитили несколько овец и хотели уйти. Но Бог, любя угодника Своего и охраняя его скудное имущество, невидимыми узами крепко связал воров, так что они не могли выйти из ограды, где и оставались в таком положении, против воли, до утра. На рассвете святой пришел к овцам и, увидев воров, связанных силою Божиею по рукам и по ногам, своею молитвою развязал их и дал им наставление о том, чтобы не желали чужого, а питались трудом рук своих; потом он дал им одного барана, чтобы, как он сам сказал, «не пропал даром их труд и бессонная ночь», и отпустил их с миром.

Один тримифунтский купец имел обычай брать у святого взаймы деньги для торговых оборотов, и когда, по возвращении из поездок по своим делам, приносил взятое обратно, то святой обыкновенно говорил ему, чтобы он сам положил деньги в ящик, из которого взял. Так мало заботился он о временном приобретении, что и не справлялся даже никогда, правильно ли уплачивает должник! Между тем купец много раз уже поступал таким образом, сам вынимая, с благословения святого, из ковчега деньги и сам опять вкладывая туда принесенные обратно, и дела его процветали. Но однажды он, увлекшись корыстолюбием, не положил принесенного золота в ящик и удержал его у себя, а святому сказал, что вложил. В скором времени он обнищал, так как утаенное золото не только не принесло ему прибыли, но и лишило успеха его торговлю и, как огонь, пожрало все его имущество. Тогда купец опять пришел к святому и просил у него взаймы. Святой отослал его в свою спальню к ящику с тем, чтобы он взял сам. Он сказал купцу:

— Ступай и возьми, если сам ты положил.

Купец пошел и, не найдя в ящике денег, воротился к святому с пустыми руками. Святой сказал ему:

— Но ведь в ящике, брат мой, не было до сих пор ничьей другой руки, кроме твоей. Значит, если бы ты положил тогда золото, то теперь мог бы опять взять его.

Купец, устыдившись, пал к ногам святого и просил прощения. Святой тотчас же простил его, но при этом сказал, в назидание ему, чтобы он не желал чужого и не осквернял совести своей обманом и

ложью. Так, неправдою приобретенная прибыль есть не прибыль, а в конце концов — убыток.

В Александрии созван был однажды собор епископов: патриарх Александрийский созвал всех подчиненных ему епископов и хотел общею молитвою ниспровергнуть и сокрушить все языческие идолы, которых там было еще очень много. И вот, в то время, когда приносились Богу многочисленные усердные молитвы, — как соборные, так и частные, — все идолы и в городе, и в окрестностях пали, только один особо чтимый язычниками идол остался цел на своем месте. После того как патриарх долго и усердно молился о сокрушении этого идола, однажды ночью, когда он стоял на молитве, явилось ему некоторое Божественное видение и повелено было не скорбеть о том, что идол не сокрушается, и скорее послать в Кипр и призвать оттуда Спиридона, епископа Тримифунтского, ибо для того и оставлен был идол, чтобы быть сокрушенным молитвою этого святого. Патриарх тотчас же написал послание к святому Спиридону, в котором призывал его в Александрию и говорил о своем видении, и немедленно направил это послание в Кипр. Получив послание, святой Спиридон сел на корабль и отплыл в Александрию. Когда корабль остановился у пристани, называемой Неаполем, и святой сходил на землю, — в ту же минуту идол в Александрии с его многочисленными жертвенниками упал и разбился, почему в Александрии и узнали о прибытии святого Спиридона. Ибо, когда патриарху донесли, что идол пал, патриарх сказал остальным епископам:

— Друзья! Спиридон Тримифунтский приближается.

И все, приготовившись, вышли навстречу святому и, с честию приняв его, радовались о прибытии к ним такого великого чудотворца и светильника мира.

Церковные историки Никифор[1] и Созомен[2] пишут, что святой Спиридон чрезвычайно заботился о строгом соблюдении церковного чина и сохранении во всей неприкосновенности до последнего слова книг Священного Писания. Однажды произошло следующее.

---

[1] *Никифор Каллист* — церковный историк, жил в XIV веке. Его «Церковная история», в 18 книгах, доведена до смерти византийского императора Фоки († 611 г.).

[2] *Созомен* — церковный историк V века, написал историю Церкви от 323 до 439 года.

На острове Кипре было собрание епископов всего острова по делам церковным. Среди епископов находились святой Спиридон и упоминавшийся выше Трифиллий — человек, искусившийся в книжной премудрости, так как в молодости своей он много лет провел в Берите[1], изучая писание и науки. Собравшиеся отцы просили его произнести в церкви поучение народу. Когда он поучал, пришлось ему помянуть слова Христа, сказанные Им расслабленному: *встань и возьми одр твой* (Мк. 2, 12). Трифиллий слово *одр* заменил словом *ложе* и сказал: *встань и возьми ложе твое.* Услышав это, святой Спиридон встал с места и, не вынося изменения слов Христовых, сказал Трифиллию:

— Неужели ты лучше сказавшего «одр», что стыдишься употребленного Им слова?

Сказав это, он при всех вышел из церкви. И так поступил он не по злобе, хотя сам был совсем неученым: пристыдив слегка Трифиллия, кичившегося своим красноречием, он научил его смирению и кротости. К тому же святой Спиридон пользовался (среди епископов) великою честью, как самый старший летами, славный жизнью, первый по епископству и великий чудотворец, а потому, из уважения к лицу, всякий мог уважать и его слова.

На преподобном Спиридоне почивала столь великая благодать и милость Божия, что во время жатвы в самую жаркую пору дня его святая глава оказалась однажды покрытою прохладною росою, нисходившею свыше. Это было в последний год его жизни. Вместе с жнецами он вышел на жнитво (ибо был смиренен и работал сам, не гордясь высотою своего сана), и вот, когда он жал свою ниву, внезапно, в самый жар, оросилась глава его, как это было некогда с руном Гедеоновым (см.: Суд. 6, 38), и все, бывшие с ним на поле, видели это и дивились. Потом волосы на главе у него вдруг изменились: одни сделались желтыми, другие — черными, иные — белыми, и только Сам Бог знал, для чего это было и что предзнаменовало. Святой осязал голову рукою и сказал бывшим при нем, что приблизи-

[1] *Берит* — нынешний *Бейрут* — древний город Финикии на берегу Средиземного моря; особенно процветал в V веке и славился своей высшей школой риторики, поэзии и права; ныне — главный административный город Азиатско-Турецкой Сирии и важнейший пункт Сирийского побережья с населением до восьмидесяти тысяч жителей.

лось время разлучения души его с телом, и стал поучать всех добрым делам, и особенно — любви к Богу и ближнему.

По прошествии нескольких дней святой Спиридон во время молитвы предал свою святую и праведную душу Господу[1], Которому в праведности и святости служил всю свою жизнь, и был с честью погребен в церкви святых апостолов в Тримифунте[2]. Там и установлено было совершать ежегодно память его, и при гробе его совершаются многочисленные чудеса во славу дивного Бога, прославляемого во святых Его, Отца и Сына и Святого Духа, Которому и от нас да будет слава, благодарение, честь и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **АЛЕКСАНДРА**, епископа Иерусалимского

Святой священномученик Александр, доблестно подвизавшийся и пострадавший за веру Христову, принадлежал к многочисленным ученикам, которых знаменитейший учитель Церкви III века

---

[1] Святой Спиридон скончался около 348 года.

[2] Честные мощи святого Спиридона, благодатью Божией, сохранились нетленными, и, что особенно замечательно, кожа плоти его имеет обычную человеческим телам мягкость. В Тримифунте мощи его покоились до половины VII века, когда, по причине набегов варваров, они были перенесены в Константинополь. В конце XII или в самом начале XIII века, по свидетельству Новгородского архиепископа Антония, странствовавшего по святым местам, честная глава святителя находилась в церкви святых апостолов в Константинополе, а рука и мощи его покоились под алтарем храма еврейской Богородицы Одигитрии. Русские же паломники XIV и XV веков: Стефан Новгородец (1350 г.), диакон Игнатий (1389 г.), дьяк Александр (1391–1395 гг.) и иеродиакон Зосима (1420 г.) видели святые мощи Спиридона и лобызали их в Константинопольской церкви святых апостолов. В 1453 году, 29 мая, один священник Георгий, по прозванию Калохерет, отправился с мощами святителя в Сербию, а оттуда в 1460 году — на остров Корфу. В первой половине XVIII века русский паломник Барский видел их на этом острове, в городе того же имени в храме святого Спиридона, мощи были в полном составе, кроме десной руки, которая находится в Риме в церкви во имя Божией Матери, называемой «Новой», близ площади Пасквино.

Климент Александрийский[1] собирал около себя в Александрии, и находился в тесной дружбе с Оригеном[2]. В начале III века святой Александр был сделан епископом во Флавии, в Каппадокии[3]. В гонение Септимия Севера[4] за ревность о вере Христовой он претерпевал заключение в темнице, в которой томился несколько лет. По освобождении из заключения святой возымел желание поклониться святым местам в Иерусалиме[5], где был встречен народом и пустынниками, извещенными свыше о его прибытии, и, по ясному небесному откровению, избран соправителем престарелого патриарха Иерусалимского Наркисса[6]. В течение целого поколения — тридцать восемь лет святой Александр мудро управлял Иерусалимскою Церковию[7]. Он был известен своею любовию к просвещению.

При Иерусалимской церкви он устроил на свой счет значительную библиотеку из книг Священного Писания и существовавших в то время творений христианских писателей[8]. В гонение Декия свя-

---

[1] *Климент Александрийский* — один из замечательнейших и знаменитейших христианских ученых первых веков († в 217 году), катехет (учитель) знаменитого Александрийского, так называемого «Огласительного», училища, по своему положению в центре всемирной образованности и учености принявшего характер богословско-ученого образовательного заведения, привлекавшего в свои стены массы образованных слушателей.

[2] *Ориген* — ученик Климента Александрийского, знаменитейший христианский учитель III века, первоначально бывший выдающимся из преподавателей Александрийского огласительного училища. Святой Александр впоследствии, когда управлял уже Иерусалимскою Церковью, по уважению и дружбе к Оригену, позволил ему говорить поучение в своем присутствии в церкви Иерусалимской и за это позволение мирянину поучать в церкви в присутствии епископа подвергся осуждению Димитрия, епископа Александрийского, врага Оригенова, но святой Александр указал ему на пример других церквей, после он даже рукоположил Оригена в пресвитера, через что опять возгорелся спор между ним и Димитрием.

[3] *Каппадокия* — обширная область в восточной части Малой Азии. *Флавия* — один из городов Каппадокии.

[4] Около 209–210 года. — *Септимий Север* — Римский император, царствовал с 193 по 211 год.

[5] Это было в 212 году.

[6] Наркисс патриаршествовал около 196 года и потом вторично в 212 году.

[7] С 212 по 250 год.

[8] Этой библиотекой, между прочим, пользовался в свое время (в IV веке) и знаменитый церковный историк Евсевий, который и сохранил в своей истории сведения о жизни святого Александра Иерусалимского.

той Александр был вытребован в Кесарию Палестинскую[1] на суд и там вторично исповедал Христа. Брошенный в темницу, он пробыл там довольно продолжительное время и там же предал дух свой Господу[2].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА РАЗУМНИКА

Святой мученик Разумник[3] родом был римлянин и в юношеском возрасте был отдан своими родителями епископу римскому для обучения Божественным книгам. И так как с обучением книгам он обнаружил и добрый нрав, то возведен был в должность церковного чтеца. Проходя эту должность, он многих учил благочестию и истинной вере, языческое же богопочтение обличал и порицал поклонявшихся идолам. Когда же донесено было о том царю и святой Разумник приведен был к нему для допроса, то и пред царем он с дерзновением исповедал Христа. За это он был подвергнут жестоким мучениям, и так как остался непоколебимым и не отвергся от Христа, то, после долгих мучений, осужден был на усечение главы. Так скончался святой Разумник[4].

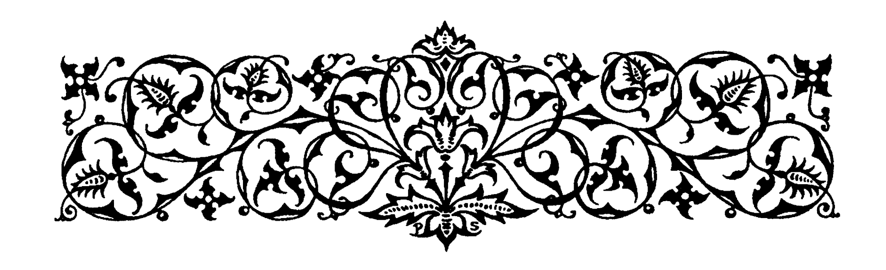
---

[1] *Кесария Палестинская* — на восточном берегу Средиземного моря, один из богатейших и великолепнейших городов Палестины; получила свое наименование в честь Кесаря (Октавия) Августа от царя Иудейского Ирода, строившего повсюду города и храмы в честь Кесаря и украсившего Кесарию. Ныне — на месте прежнего великолепного города расстилается совершенная пустыня с одними грудами развалин.

[2] Святой Александр Иерусалимский преставился в 251 году.

[3] У римлян он называется Синезий, у греков — Синетос (Συνετός), то есть, разумный.

[4] Разумник был чтецом при папе Сиксте (257–258 гг.); пострадал же при царе Аврелиане (270–275 гг.). — Мощи его в 830 году перенесены из Рима в остров и аббатство Рейхенау.



День тринадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
МАРДАРИЯ, ЕВГЕНИЯ, ЕВСТРАТИЯ, АВКСЕНТИЯ, и ОРЕСТА

В царствование императоров Диоклетиана и Максимиана язычество господствовало во всей Римской империи и было как бы всеобщее взаимное соревнование в служении идолам, в особенности, — когда по всем городам и селениям рассылались императорские указы начальникам областей и судьям, повелевавшие приносить в определенные дни и праздники обильные дары и жертвы богам. Этими указами тем, кто усердно служит богам, обещалась царская благодарность, почести и высшие места в государстве; отказавшимся же поклониться идолам грозило сначала отнятие имущества, а затем, после всевозможных мучений, — и смертная казнь. Гонение на христиан разлилось повсюду, и везде начальники областей и вообще власти старались стереть совсем с лица земли веру Христову.

Между тем императоры были извещены, что вся Армения и Каппадокия[1] противятся их повелениям — и, единодушно веруя в рас-

---

[1] Здесь разумеется так называемая *Малая Армения* — римская область между верховьями рек Евфрата и Галаса, называвшаяся так в отличие от Великой Армении — обширной горной страны к западу от Малоазийского полуострова между рекою Курою и верховьями Тигра и Евфрата, управлявшейся от II до V века до Рождества Христова царями из своего племени. — *Каппадокия* — весьма обширная область в средине восточной части Малой Азии к западу от верховьев реки Ев-

Свв. мчч. Евстратий, Евгений, Авксентий, Мардарий и Орест

пятого Христа и в крепкой на Него надежде, намереваются будто бы отпасть от Римской империи.

Раздраженный этим известием, император Диоклетиан созвал всех своих вельмож и три дня с утра до вечера совещался с ними, как бы совсем искоренить христианство. Затем он прежде всего удалил от власти начальников Армении и Каппадокии, как неопытных и неискусных правителей вверенных им областей, не сумевших привести народ к повиновению. На их места он выбрал двух греков, Лизия и Агриколая, людей суровых и жестоких, которых и поставил над обеими областями, поручив: Лизию — наблюдение и охранение границ, а Агриколаю — общее управление всею епархиею. Им были также подчинены и все войска в обеих областях.

фрата; некогда была одним из значительных государств Азии, но потеряла самостоятельность и в конце концов вошла в состав Римской империи, как ее провинция (в 17 или 18 году по Рождестве Христовом). Каппадокия граничила с Малой Арменией, и последняя прежде долгое время причислялась к первой.

Когда оба новые правителя прибыли на место своего назначения, началось беспощадное истребление людей всякого возраста, без всякого расследования, по одной только пустой клевете завистливых врагов на кого-нибудь из христиан: каждый день христиан разыскивали, схватывали и предавали для казни кровожадным правителям, как бы плотоядным зверям. Лизий, имевший пребывание в городе Саталионе[1], как только находил где-либо христиан — мужчин или женщин, — после многих пыток и мучений, отсылал их связанными и под крепкою стражею к Агриколаю, чтобы не дать им умереть на родине и быть погребенными, по христианскому обычаю, родственниками и знакомыми, и они, убитые на чужой стороне, как бы пропадали без вести. Точно так же делал и Агриколай, посылая христиан, схваченных в Севастии[2], к Лизию в Саталион, так как оба начальника были в великой дружбе и полном согласии между собою и оба, поступая описанным способом, имели в виду одну цель — причинить христианам еще бóльшую муку, убивая их вне их отчизны.

В это время в Саталионе жил некто Евстратий. Он был известен всем своим согражданам, как первый в городе по благородству происхождения и по сану, — он занимал должность военачальника, — и в то же время отличался благочестием, богобоязненностию и безупречною жизнию. Видя непрестанное великое гонение христиан, он скорбел душою и печалился. Горько вздыхая и плача, проводя время в посте и молитве, взывал он к Господу нашему Иисусу Христу о том, чтобы Господь оказал милость рабам Своим и, умилосердившись над людьми Своими, спас их от бед и отвратил угрожающую им гибель. Вместе с тем Евстратий и сам желал войти в подвиг святых мучеников и удостоиться быть участником их страданий; но, при мысли о многоразличных мучениях и жестокости мучителей, он испытывал страх. В конце концов он, однако, решился на следующее. Он отдал свой пояс верному слуге и велел отнести его в церковь Араваркийскую, откуда и сам он был родом и где пресвитером в то время был Авксентий, засвидетельствовавший уже свою верность истинному Богу. Евстратий сказал своему слуге, чтобы он тайно положил пояс в алтаре, а сам спрятался в церкви и смотрел, кто первый из пришедших возьмет пояс: если возьмет пресвитер

---

[1] *Саталион*, иначе *Сатала*, — город в Армении.

[2] *Севастия* — город в Армении, на северо-восток от Малой Азии.

Авксентий, придя на молитву, то слуга, ничего ему не говоря, должен воротиться домой; если же ранее захочет взять кто-нибудь другой, то слуга ни в каком случае не должен допускать этого и должен принести пояс назад. Послав слугу с таким приказанием, Евстратий решил в душе так: «Если пояс возьмет сам пресвитер, то это будет знаком того, что Сам Бог благоволит, чтобы я предал себя на мучение за Христа; если же захотел бы взять кто-нибудь другой, то это будет означать, что мне не дóлжно предавать себя на мучение, а следует тайно хранить святую веру». — В непродолжительном времени слуга возвратился и поведал своему господину, что как только он положил пояс в алтаре, тотчас же пришел пресвитер Авксентий, как будто кто нарочно прислал его и, вошедши в алтарь, взял пояс. Услышав это, Евстратий был весьма обрадован; лицо его сияло радостью, чему весьма удивлялся один из его друзей, по имени Евгений.

Вскоре после того блаженный Авксентий был схвачен вместе с другими, допрошен на суде, мучим и заключен в темницу, где и содержался в узах. Затем среди города на возвышении снова было устроено место для суда, и Лизий, надменно сев на судейском кресле, приказал привести узников на допрос. Святой Евстратий, пришедши в темницу, просил всех заключенных в узах за Христа помолиться о нем, ибо и сам он, по его словам, намеревался в тот же день разделить с ними их подвиг. Тогда все святые узники, преклонив колена, помолились о нем Богу. Когда они окончили молитву, воины, под предводительством Евстратия, повели их из темницы на суд. Когда воинский отряд остановился, по обычаю, пред судиею, Лизий приказал приводить к себе на суд — по одному тех, которые были уже на первоначальном допросе. Когда начался суд, Евстратий сказал:

— По указу императорскому, изданному ранее и теперь на суде опять прочтенному, все христиане, где бы они ни находились и какое бы положение в государстве ни занимали, подлежат суду: по этому указу приведен сюда Авксентий — муж, давно уже известный своим происхождением и благочестивой жизнью, а теперь еще более прославившийся мужеством и твердостью, с какими объявил себя рабом Христа, Царя небесного. Находясь в этом суде, он уже подвизался подвигом бессмертия и изобличил твое, судия, безбожие, свидетельствуя словом и делами и доблестно перенося мучение.

С того дня он, как злодей, заключен был в темницу, а сегодня ты приказал привести его на допрос вместе с его святою дружиною: и вот, все они стоят вместе со мною, непоколебимо твердые духом и готовые посрамить и разрушить все коварные замыслы, которым научает тебя против них отец твой — диавол!

Услышав это, Лизий пришел в смущение от неожиданной смелости Евстратия. Грозно смотря на него и задыхаясь от гнева, он воскликнул грозным голосом:

— Никогда еще мне не случалось производить более строгий суд, чем сегодня, когда этот гнусный нечестивец осмеливается разглагольствовать предо мною! Пусть же с него снимут пояс и воинское одеяние, и да будет известно всем, что он лишается сана, какой имел доселе, а затем пусть обнаженный и связанный веревками по рукам и ногам и повергнутый на землю, он продолжает свою речь!

Слуги поспешно исполнили приказание Лизия, и тогда он сказал Евстратию:

— Не раскаешься ли ты в своем пагубном намерении? Тогда ты приобретешь мое расположение и совершенно избежишь наказания. Во всяком случае, ранее пыток объяви мне свое имя и отечество и открой нам свою веру.

Святой отвечал:

— Я родился в городе Аравраке и имя мое — Евстратий, а на моем отечественном языке Кирисик. Я — раб Владыки всего — Бога-Отца и Сына Его Господа Иисуса Христа и Святого Духа, и поклоняться Единому в Троице Богу и веровать в Него научился от младенческих пелен.

Лизий сказал:

— Пусть воины скажут, сколько лет он находится на военной службе?

Воины ответили:

— Вот уже двадцать седьмой год, как он начал службу, когда был еще совсем юношею.

Тогда Лизий сказал святому:

— Евстратий! Ты сам видишь, какую беду принесло тебе твое ослушание: оставь же теперь твое безумство, одумайся и не губи своей чести и сана, приобретенных трудами стольких лет воинской

службы; признай милость и могущество богов и склони к себе кротость царскую и человеколюбие суда!

— Мерзким бесам и глухим идолам — произведению рук человеческих, — отвечал святой, — никто из имеющих здравый рассудок никогда не находил нужным поклоняться, ибо в Писаниях наших говорится: *боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес* (Иер. 10, 11).

Судия сказал:

— Уже не тот ли имеет здравый рассудок, кто поклоняется Богу Распятому, подобно вам, впавшим в полное заблуждение?!

— Если бы твои духовные чувства, — отвечал ему святой Евстратий, — не были извращены служением суете и если бы душа твоя не погружена была вся в помыслы о земном, то я доказал бы тебе, что этот Распятый есть истинный Спаситель и Господь и Создатель всей твари, прежде век сущий во Отце и по Своей неизреченной мудрости ожививший через возрождение нашу омертвелость.

При этих словах судия прервал речь святого и сказал:

— Да будет этот дерзкий повешен на веревках и пусть под ним разожгут костер из пакли, а сверху бьют его по плечам одновременно тремя палками: посмотрим, насколько тогда он будет красноречив!

Когда это было исполнено, святой долгое время был мучим, поджигаемый снизу и жестоко избиваемый сверху. Но и среди таких страданий он не испустил ни одного восклицания от боли, не изменился лицом и, казалось, страдал не он, а кто-то другой, так что сам мучитель пришел в изумление. Наконец, Лизий велел приостановить истязание и с злобною улыбкою сказал святому:

— Как думаешь, Евстратий, — не хочешь ли, — я несколько облегчу боль от нанесенных тебе ран?

И он тотчас велел принести соленую воду, смешанную с уксусом, и обильно поливать на обожженные места и в то же время крепко растирать тело мученика острыми черепками. Но страдалец мужественно вынес и эту муку, как будто ему совсем не было больно. Мучитель думал даже, что святой Евстратий посредством какого-либо волхвования делает себя нечувствительным к боли.

Тогда святой Евстратий сказал ему:

— Подвергая меня таким мучениям, вопреки своей же воли, оказал мне благодеяние, так как этими мучениями ты разогнал окру-

жавшую меня тьму, происходившую от плотского дебельства моей души, и сделал самовластный ум победителем давно уже досаждавших мне искушений. Ты дал мне возможность одолеть все нападавшие на меня прилоги страстей, которые смущали мой дух. Ты сохранил мне нетронутою никакими искушениями внутреннюю твердость духа — залог бессмертной жизни, где собрано для всех верующих богатство нетленное, и указал мне краткий и бесстрастный путь, которым я могу достигнуть и в этом бренном теле жизни ангельской, а в вечности — блаженства небесного. Теперь я знаю, что я — церковь Бога Живого и Святого Духа, живущего во мне (ср.: 1 Кор. 3, 16). Итак, *удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего, услышал Господь моление мое; Господь примет молитву мою* (Пс. 6, 9–10). Поистине, *моя душа будет радоваться о Господе, будет веселиться о спасении от Него. Все кости мои скажут: «Господи! кто подобен Тебе, избавляющему слабого от сильного, бедного и нищего от грабителя его?»* (Пс. 34, 9–10). Поспеши же, слуга диавола, постарайся не оставить ни одного из имеющихся в твоем распоряжении орудий мучения, пытай меня, как золото в горниле, или же и еще сильнее, но ты не найдешь во мне столь почитаемого тобою нечестия, которому ты служишь самым делом. Служение ложным богам, овладевшее тобою и твоим безумным царем, достойно омерзения.

Мучитель возразил:

— Мне думается, что от сильной боли повредился у тебя разум, оттого и говоришь ты так много нелепостей. Если бы твой, как ты говоришь, Бог мог сделать тебя бессмертным, то он избавил бы тебя и от этих ран. Итак, перестань обольщаться несбыточными надеждами и поторопись воспользоваться доставляемою тебе мною возможностью избавления.

— Хочешь ли, — отвечал Евстратий, — ты, ослепленный всеми своими чувствами, убедиться в том, что для моего Бога нет ничего невозможного? Слушай и смотри на меня, которого ты думаешь умертвить и погубить посредством придуманных тобою истязаний!

И вот, в то время как все с великим вниманием взирали на святого, внезапно струпья спали с его тела, как бы чешуя, и он сделался совершенно здравым, не имея на теле даже никакого следа от ран. И все, при виде такого чуда, прославили Единого истинного Бога, а

Евгений, друг, согражданин и сотоварищ Евстратия по службе, воскликнул громким голосом:

— Лизий! И я — христианин и проклинаю твою веру и отказываюсь повиноваться, как и господин мой Евстратий, царскому указу и тебе!

Разгневанный Лизий велел тотчас же схватить Евгения и поставить посреди суда и сказал ему:

— Допрос всех их требует много времени и труда, а между тем я должен теперь заняться другими общественными делами. Поэтому я повелеваю этого чародея и волшебника Евстратия, а равно и Евгения, который сегодня оказался его единомышленником, накрепко заковать в цепи и бросить в тюрьму вместе с другими христианами, где и держать под стражею до следующего допроса.

Сказав это, Лизий встал с своего места и прекратил суд. Святые же, обрадованные смелостью и терпением Евстратия и явленным на нем спасительным чудом Господа нашего Иисуса Христа, были отведены в темницу. Когда они туда прибыли, то все единогласно воспели псалом, начинающийся словами: *се что добрó или́ что краснó, но еже жити братии вкупе* (слав. Пс. 132, і), и, совершив молитву, сели, а святой Евстратий поучал их и приготовлял к предстоящему подвигу.

Так окончился день. Ночью Лизий приказал сопровождавшим его воинам готовиться в путь, так как он собирался идти в город Никополь[1]. В то время как воины приготовлялись к отправлению, сам Лизий отправился к темнице, велел вывести к себе Евстратия и, лицемерно улыбаясь, сказал ему:

— Здравствуй, дорогой Евстратий!

Святой ответил:

— Всемогущий Бог, Которому я служу, да вознаградит тебя достойно за твое приветствие, судия!

— Об угождении Богу и заботься, — сказал Лизий, — а теперь возьми эти сапоги и обуйся и с веселием отправляйся с нами в путь.

Сапоги же эти были железные и подбитые длинными и острыми гвоздями. Их крепко привязали к ногам святого ремнями, а Лизий

---

[1] *Никополь* — часто встречающееся в древней истории наименование городов. Здесь разумеется город в Малой Армении на границе Понта при Ликусе, притоке Ириса, — ныне *Эндерес*.

запечатал узел своим перстнем и велел вести за собою святого, связанного вместе с другими узниками, и во всю дорогу бить и понукать его, чтобы шел скорее. Сам Лизий с своими воинами отправился вперед. Через два дня они пришли в город Араврак — на родину Евстратия и Евгения.

Когда они приблизились к Аравраку, все жители вышли им навстречу, желая посмотреть на блаженного Евстратия, но никто из друзей и знакомых не осмелился подойти к нему из боязни быть схваченным, так как известно было, что Лизий уже отдал такое приказание. Между прочим по дороге к Аравраку жил некто Мардарий, человек незнатного происхождения и небогатый, но вполне довольный своим положением. Когда проводили Евстратия и других христиан, он занят был устройством крыши на своем новом доме. Взглянув на проводимых мимо святых узников, он узрел между ними, как бы светлую звезду, святого Евстратия и, немедленно слез с крыши вниз, сказав своей жене по-армянски:

— Видишь ли, жена, одного из начальников этой страны, известного своим родом и богатством и удостоенного почестей за воинскую службу? Видишь ли, как он пренебрег всем и идет, чтобы быть жертвой, угодной Богу? Блажен тот, кто и в этой жизни был славен, и у Владыки нашего Христа получит великую награду и будет удостоен неизреченного блаженства вместе с Ангелами.

Благочестивая женщина отвечала мужу:

— Возлюбленный супруг мой! Что препятствует и тебе идти тем же путем, каким идет он, и вместе с ним сподобиться святой кончины, чтобы быть заступником на небесах мне и нашим малым детям и всему твоему роду?

Мардарий сказал ей:

— Дай мне обувь, и я пойду в вожделенный путь.

Она с радостью исполнила его просьбу. Мардарий, обувшись, одевшись и опоясавшись, обнял двух своих сыновей младенцев и, став лицом к востоку, начал молиться.

— Владыка Боже Отче Вседержитель, Господи Иисусе Христе и Святой Дух, — говорил он, — Едино Божество и Едина Сила! Помилуй меня, грешного, умилосердись и будь хранителем этой рабе Твоей и обоим младенцам этим, — Ты, Заступник вдов и хранитель

сирот! И я, Владыка, с великою радостию и сердечным желанием иду к Тебе[1].

Затем он поцеловал детей и сказал:

— Будь здрава, жена, и не скорби, не плачь, а радуйся и веселись, ибо тебя и детей наших и душу мою я вручаю Всемогущему и Всеблагому Богу нашему.

С этими словами он поспешно вышел из дому, а жена провожала его с радостью. Мардарий направился к одному именитому араваракинскому гражданину Мукарору, человеку богатому и знатному, приветствовал его и сказал:

— Вот, я иду к твоему другу и родственнику Кирисику и, если Богу угодно будет, буду ему спутником и вместе с ним понесу подвиг мученический. Будь, после Бога, заступником моей жене и моим детям в этой жизни, а я, если найду милость у Бога, помогу тебе в тот день, когда все мы предстанем пред Ним, и ты получишь себе награду.

— Иди с миром, чадо, — отвечал ему благочестивый Мукарор, — окончи добрый путь и не беспокойся ни о чем: я буду отцом твоей жене и твоим младенцам.

Тогда Мардарий простился с Мукарором, пошел и нагнал святых уже около самого города. Громко воззвал он к Евстратию:

— Господин Кирисик! Как овца приходит к своему пастырю, так и я пришел к тебе, желая сопутствовать всем вам. Прими же меня и причисли к своей святой дружине и приведи меня, хотя и недостоин я того, к подвигу мученическому, чтобы сделаться мне исповедником Господа Иисуса Христа.

Затем еще громче он воскликнул:

— Слушайте, слуги диавола, слушайте! И я — христианин, как и господин мой Евстратий.

Тотчас же воины схватили его и, связав, вместе с остальными христианами бросили в темницу, о чем и известили Лизия, который

---

[1] Эта молитва святого мученика Мардария читается в заключение третьего часа и на полунощнице, в следующем виде: «Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный Иисусе Христе, и Святый Ду́ше, едино Божество, едина Сила, помилуй мя грешнаго, и и́миже ве́си судьба́ми спаси мя недостойнаго раба Твоего, яко благословен еси во веки веков, аминь».

тотчас же открыл суд. Воины, по обычаю, стали приводить христиан из темницы. Приведен был, между прочими, и Авксентий — нагой и связанный по рукам веревками; прочие же христиане стояли около и смотрели.

Судия сказал святому:

— Авксентий! Избавь нас от труда, а себя от мучений, скажи: не оставил ли ты свое тщетное и пагубное для тебя неповиновение и не возвратился ли к нашим милостивым богам?

— Выслушай немного, Лизий, — отвечал святой Авксентий: — клянусь той Истиной, Которая выше всего и все провидит, что мой ум неизменно будет знать Единого Бога и только Ему я буду поклоняться, хотя бы ты нанес мне бесчисленные раны и обрек меня на мучения, большие прежних. Хотя бы ты и умертвил меня посредством меча или огня, но ни в каком случае не будешь в силах изменить мои мысли. Итак, лучше делай, что хотел.

Тогда мучитель изрек следующий смертный приговор:

— Авксентий, который, после многих мучений, до сих пор остается при своем безумстве, пусть лишен будет жизни через заслуженную им казнь посредством усечения мечом. Исполнение этого приговора должно быть совершено в глухом лесу, чтобы его презренное тело не могло быть погребено подобающим образом. А тот, который дерзнул недавно присоединиться к узникам, пусть будет выведен сюда на средину, сейчас же получит почесть, которой он добивается.

Пока воины освобождали Мардария от веревок, он говорил святому Евстратию:

— Господин мой Кирисик! Умоляю тебя, молись за меня Богу и научи меня, что мне отвечать губителю, чтобы как-нибудь не обольстил этот жестокий мучитель меня, простого и некнижного человека.

Святой Евстратий сказал ему:

— Повторяй, брат мой Мардарий, неизменно только одно: «я — христианин», «я — раб Христов», и больше ничего не отвечай, чтобы он ни стал тебе говорить или с тобою делать.

Когда воины привели Мардария пред Лизия, они сказали:

— Вот — узник, взятый недавно.

Лизий сказал:

— Пусть он назовет нам свое имя, отечество, занятие, место жительства и скажет, какой он веры.

— Я — христианин, — отвечал Мардарий, и на все вопросы истязателей о его имени и отечестве, продолжал восклицать:

— Я — христианин! Я — раб Христов!

Более от него не могли ничего добиться. Лизий, видя его непоколебимость, приказал провертеть ему ноги железными кольями и, продев веревки, повесить его вниз головою, потом колоть и опалять все его тело раскаленными железными гвоздями. Долго висел и был мучим Мардарий и, наконец, воскликнул:

— Господи! Благодарю Тебя, что Ты сподобил меня этих благ! Того лишь я и желал, чтобы быть спасенным Тобою и к этому стремился: приими же душу мою в мире.

Произнесши это, он умер.

Когда тело Мардария убрали с места мучения, Лизий сказал:

— Пусть введут Евгения из Саталы[1], который осмелился войти сюда во время допроса Евстратия. Я не утверждаю, что он — христианин, как болтают сами они, но нахожу, что он человек весьма вредный.

Когда Евгений предстал пред судом, служители сказали:

— Вот Евгений.

Судья сказал:

— Скажи мне, гнусный человек, какой злой бес научил тебя и толкнул на такую дерзость, что ты осмелился без всякого стыда упрекать нас, считая за ничто строгость настоящего суда?

Святой Евгений отвечал:

— Мой Бог, ниспровергающий почитаемых тобою бесов, — вот Кто дал мне силу и даровал смелость и свободу слова, для того, чтобы я посмеялся над тобою презренным, пес смердящий, сосуд сатаны, который будет вместе с тобою предан на погибель.

Мучитель вскричал:

— Вырезать ему его ругательский язык, отрубить обе руки и перебить ему голени, чтобы он смирнее вел себя с нами!

Во время этого истязания и святой Евгений предал дух свой Богу.

Вскоре после этого Лизий отправился однажды за город производить смотр войскам. Во время смотра, когда все воины показывали свое уменье владеть оружием, один из них, по имени Орест,

---

[1] *Саталион*, иначе *Сатала*, — город в Армении.

высокого роста и видной наружности, должен был, по своему чину, представиться Лизию. Увидев его, Лизий похвалил его, назвал «настоящим воином» и велел ему бросить копьем в цель. Когда Орест наметил в цель и замахнулся копьем, золотой крест, бывший у него на груди, от сотрясения выпал наружу, и это было замечено всеми и самим Лизием. Орест тотчас же был призван к Лизию, который, взяв у него с груди крест и держа его, спросил:

— Что́ это такое? Неужели и ты из числа почитателей Распятого?

— Я — раб Распятого, Владыки моего и Бога, — отвечал Орест, — и это знамение Его ношу на себе для отогнания всех угрожающих мне зол.

— Пусть и этот прекрасный воин, — сказал тогда Лизий, — будет связан вместе с состоящими под судом Евстратием и будет ему сопутствовать до Никополя, где в свое время им будет учинен допрос.

По прибытии Лизия в Никополь великое множество воинов из стоявшего в этом городе полка явились к нему и все единогласно восклицали:

— Лизий! И мы — воины Господа нашего Иисуса Христа: делай с нами что хочешь!

Лизий сначала пришел в смущение. Он боялся, как бы явившиеся не замыслили чего-нибудь против него. Но, увидев, что они, снимая с себя пояса, сами себя предают, как бы беззащитные овцы, велел всех их схватить, связать и бросить в тюрьму. В то же время он стал раздумывать, как бы подвергнуть казни всех объявившихся и вместе не вызвать какого-либо возмущения со стороны их сограждан или родственников; больше же всего он боялся Евстратия, а именно — того, как бы этот христианин во время своих мучений не сотворил опять чуда, подобного прежнему, и тем не только утвердил бы в вере христиан, но и язычников не отвратил бы от служения идолам и обратил в свою веру. Поэтому Лизий решил отослать наутро святых Евстратия и Ореста в город Севастию[1] к правителю Агриколаю.

Так он и распорядился с наступлением дня, причем отправил к Агриколаю следующее письмо:

---

[1] *Севастия* — город в Армении, на северо-восток от Малой Азии.

— Великолепнейшему Агриколаю правителю Лизий вождь желает здравствовать. Божественные императоры наши, не зная во всей вселенной никого, кто бы мог лучше тебя распознавать неизвестное, дали тебе власть управлять этими странами, ибо знают, что ты дни и ночи проводишь в устроении общественных дел и что сон скорее одолеет никогда не спящие звезды, чем твои глаза, до тех пор, пока будет совершено то, что ты стараешься исполнить для общей пользы. Одним словом, так как только в тебе одном они находили великие достоинства, то и почтили тебя тою великою честью, какою ты теперь пользуешься. Потому и я, будучи свидетелем стольких превосходных качеств в тебе, посылаю к тебе этого узника Евстратия, одержимого недугом христианства, тем более что сам я не мог придумать ничего, что могло бы отвратить его от его заблуждений: удостоенный мною почетной должности в подчиненном мне войске, он сделался тем надменнее и причинил нам много огорчений. Хотя я и прибегал к угрозам, однако он в своем высокомерии предсказывает будущее, подкрепляя себя своими чарами. И хотя он видел других, подвергавшихся мучениям, однако не только не оставил своей дерзости, но и самые мучения почитал скорее за благополучие, чем за мучение. Его-то и с ним Ореста, имеющего такой же образ мыслей, посылаю на твой премудрый суд, исполняя повеления императорские.

С этим письмом и с написанным допросом святых мучеников воины, захватив с собою святых, отправились в путь. Во время пути святые Евстратий и Орест пели: *Потеку путем заповедей Твоих... вразуми меня, и научусь заповедям Твоим* (Пс. 118, 32, 73).

Затем Евстратий сказал:

— Брат Орест! Скажи мне, как скончался святой Авксентий и на каком месте?

Святой Орест сказал:

— После объявления судиею приговора он умолял воинов, которые уводили его с суда, позволить ему пойти повидаться с тобою и в последний раз облобызать тебя, но никто не хотел исполнить его желание, так как время было обеденное и рабы чрева спешили как можно скорее исполнить приказанное им и потому Авксентия тотчас же повели в лес, на место, называемое Орория. Дорогою святой пел псалом: *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем*

(Пс. 118, 1), и прочее — до конца. Затем он преклонил колена, помолился, простер руки, как бы принимая какое-то приношение, и, сказав: «аминь», осмотрелся кругом, и увидев меня, — я стоял вблизи, — подозвал к себе и сказал:

— Брат Орест! Скажи господину Евстратию, чтобы он помолился обо мне, и что он скоро соединится со мною, и я его ожидаю.

Затем ему отсекли голову, причем от места казни отогнаны были все, кого подозревали в принадлежности к христианам. Святое тело его ночью было тайно взято пресвитерами араврактинскими. Но они не могли найти его главы и стали плакать и молиться Богу, чтобы Он указал им главу святого мученика. И, по устроению Божию, на одном дубе закаркал ворон; пресвитеры пошли на его голос и нашли главу святого, лежащею на развесистых ветвях того дерева, где сидел ворон. Взяв ее, пресвитеры приложили ее к телу и снесли на чистое и чтимое место и там погребли.

Услышав это, Евстратий заплакал и, помолившись Богу, сказал Оресту:

— Постараемся и мы, брат, пойти вслед за святым Авксентием.

По прошествии пяти дней святые были приведены в Севастию, и правитель Агриколай, получив письмо Лизия, отдал узников под самую крепкую стражу. На другой день он восшел в присутствии народа на судебном месте на площади и велел привести к себе христиан, а прежде суда приказал прочитать во всеуслышание письмо, присланное Лизием, и первоначальный допрос узников. После прочтения письма он сказал:

— Не думай, Евстратий, что и здесь тебя ожидают такие же мучения, какие ты претерпел от Лизия; лучше заранее окажи повиновение императорским повелениям и принеси жертвы богам, чтобы тебе не погибнуть лютою смертью.

Святой Евстратий спросил его:

— О судия! Имеют ли законы силу и для царей или нет?

— Да, — отвечал правитель, — так как и цари соблюдают законы.

— Итак, — продолжал Евстратий, — для одного тебя законы суть нечто только написанное, а не обязательное на деле?

— К чему ты, нечестивая глава, говоришь это? — сказал правитель. — Кто и когда осмелился в чем-нибудь противиться законам?

Святой Евстратий отвечал:

— В законах империи мы читаем следующее: насилия не до́лжно совершать ни словом, ни делом, и народ должен быть управляем преимущественно посредством увещания. Необходимо что-нибудь из двух: или чтобы начальствующий увещал подчиненного, желая получить от него до́лжное, или — чтобы подчиненный, уже ранее наставленный в чем до́лжно, свободно и добровольно исполнял повеление закона, и, кроме того, в законах находится еще следующее место: повелеваем, чтобы судия судил, соединяя строгость с милосердием, так, чтобы судимые не чувствовали к нему ненависти и не враждовали против него, будучи устрашаемы угрозами, и чтобы никто не осмеливался нарушать закон, надеясь на его снисходительность. — Так ли написано, судия, или нет?

— Да, — отвечал правитель.

— Прошу тебя, — сказал тогда святой, — сохранить такой порядок судопроизводства и для меня.

— И для тебя, и для всех, — отвечал правитель, — законы необходимо соблюдать ненарушимо со всем до́лжным к ним уважением.

— Итак, прошу тебя, — заметил святой, — пусть твоя строгость будет соединена с милосердием и ты, как мудрейший из всех, благоволи больше выслушивать увещание, чем увещать сам, разумно обсуждая всякий предмет. В противном случае, без всяких рассуждений и законов — мучь, убивай, делай что хочешь.

— Говори смело и свободно что хочешь, — отвечал правитель, — суд будет основан более на увещании, чем на страхе.

Святой Евстратий спросил:

— Каким богам прикажешь принести жертву?

— Сначала Зевсу, — отвечал правитель, — а потом Аполлону и Посейдону[1].

— От каких же мудрецов, или бытописателей, или пророков слышали вы, что до́лжно кланяться Зевсу и прочим мнимым богам?

[1] *Зевс*, или *Юпитер*, — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей. *Аполлон* — один из наиболее почитаемых древними греками и римлянами языческих богов, считавшийся богом солнца и умственного просвещения, а также общественного порядка, охранителем закона и божеством прорицания будущего. *Посейдон (Нептун)* почитался братом Зевса и полновластным повелителем морей, рек и всех источников и водовместилищ.

— От Платона, Аристотеля, Гермеса[1] и других философов, — сказал правитель, — и если бы ты знал их, то чтил бы их память, Евстратий, как мужей боговдохновенных и дивных.

— Мне не безызвестны их учения, — отвечал святой Евстратий, — так как я занимался ими с юных лет и хорошо изучил эллинские науки и искусства; и если прикажешь, то начнем сперва с Платона.

Правитель стал ссылаться на сочинение Платона «Тимей»[2], из которого будто бы ясно видно, что Платон усердно почитал языческих богов и богинь[3]. Евстратий, на основании того же сочинения премудрого Платона, доказал, что он явно и сильно осуждал самого Зевса, которого язычники считают властителем богов и людей, неба и земли, и утверждал, что Бог — источник и виновник всякого блага, каковым, по языческим басням, Зевс отнюдь не был; при этом, святой указывал на различные басни язычников, в подтверждение приводя также и слова знаменитейших языческих поэтов, как то: Гомера и Эсхила[4].

---

[1] *Платон* — знаменитый греческий философ IV века до Рождества Христова, ученик знаменитого и славного философа *Сократа*. Замечательно то, что в своих философских воззрениях Платон, особенно в учении о Боге, творении мира и загробной жизни, близко подходит к христианскому учению. — *Аристотель* — известный греческий философ, ученик и современник Платона, воспитатель Македонского царя Александра Великого; ум его обнимал все известные древнему миру науки. — *Гермес,* так называемый *Трисмегист* (то есть *трижды величайший)*, — вымышленный автор известного древнего философского языческого, так называемого теософического, учения, возникшего в III веке по Рождестве Христовом; представлялся язычниками мудрым мужем, получающим высшее Божественное откровение и через трех сыновей сообщающим его людям.

[2] *«Тимей»* — одно из выдающихся сочинений Платона, в котором он в форме беседы с Тимеем — учеником знаменитого, уважаемого философа Пифагора, которого он отыскал для того, чтобы познакомиться с учением последнего, излагает свои собственные мысли о многих высших вопросах бытия.

[3] Агриколай ссылался при этом на то, что премудрый Платон нарочито ходил в Пирею (в Фессалию) на поклонение одной языческой богине; но хотя мнение и верование Платона не были чужды языческих заблуждений, — во всяком случае, общий характер их далеко возвышался над ними и иногда даже довольно близко подходил к христианскому учению.

[4] *Гомер* — знаменитый древнейший народный поэт Греции, о личности которого сохранились лишь одни баснословные сказания, — автор двух величайших поэм древнеклассической литературы: «Илиады» и «Одиссеи», в которых ярко

— Я терплю твою дерзость, — сказал на это правитель, — только потому, что сам люблю рассуждать. Итак, скажи мне, как можете вы признавать Богом Того, Которого ты чтишь, как Бога, когда Он был человек, который был осужден и пригвожден ко кресту?

Святой отвечал:

— Если ты согласен терпеливо выслушать меня, то я спрошу тебя сначала о некоторых предметах, о которых я собирался тебя спросить, а затем уже изложу тебе по порядку все, о чем ты меня спрашивал.

— Даю тебе право, — сказал правитель, — говорить решительно все, чего бы только ты ни пожелал.

— Всякий человек, — продолжал Евстратий, — обладающий здравым умом, должен представлять себе Бога, как праведного, непостижимого, неописанного и неисповедимого, неизменного и превышающего все сущее Своими Божественными свойствами. Не так ли думаешь и ты, премудрый судия?

— Да, думаю так, — ответил судия.

— К этому нужно прибавить, — заметил святой, — и то, что в Боге нет никакого недостатка или несовершенства, но что Он — совершен во всем?

— Несомненно так, — согласился Агриколай.

— Итак, что же? — продолжал Евстратий далее. — Не признать ли нам, что существуют еще и другие некоторые боги, имеющие совершенное и нетленное Божественное естество? Но это было бы нелепо, потому что если им чего-либо, хотя бы самого малого, недоставало из совершенства и свойств Божественных, то они, думаю, уже недостойны быть почитаемы людьми за богов: в Боге нет никакого недостатка, как сказано нами ранее, и Ему должны веровать и поклоняться все люди.

Агриколай сказал:

— Действительно, так.

— Итак, что же? Быть может, эти боги суть самые свойства нетленного и бессмертного естества и, будучи только различными проявлениями единого существа, сходятся все как бы в одной точке — в Божестве? Но тогда пусть они называются не различными богами,

---

отобразились верования древних греков. — *Эсхил* — древнейший из великих греческих трагических писателей, стяжавший своими произведениями заслуженную всемирную славу.

бо́льшими и ме́ньшими, а Единым Богом, Который один только по Своему несравненному всемогуществу и имеет имя Божества, а не как думаете вы, — что один Бог живет на небе, другой — на земле, третий — в море. — Не так ли, судия?

Правитель Агриколай, не в силах будучи возразить что-нибудь на это, долго молчал и, наконец, мог только сказать:

— Оставь свои доказательства и многоречивые возражения и отвечай только на то, о чем тебя спрашивали: как можете вы почитать за Бога — Распятого?

— Я начну, — отвечал святой, — словами вашего стихотворца Гезиода[1]: вначале был Эреб и Хаос[2] — то есть мрак и водная бездна. Когда же Бог привел мир в порядок и прекрасное бытие, создав его не из существовавшей уже ранее материи, но приведя к бытию из небытия, то Он сотворил человека по образу Своему и по подобию (см.: Быт. 1). Но злой ангел[3], облеченный властию над сонмом других ангелов, по своей воле отступил от Сотворившего его, возгордился и был лишен своего достоинства и изгнан с неба Богом (см.: Иов. 4, 18; 2 Пет. 2, 4; Иуд. 1, 6). Человека же Бог поселил в раю и дал ему заповедь о том, чтобы, пользуясь всеми благами рая, он не прикасался к одному только известному дереву и не вкушал его плодов (см.: Быт. 2). Такой подвиг Бог назначил ему для того, чтобы человек не преступил заповеди Божией и не последовал бы внушению диавола, во всем строящего человеку козни, посрамил бы врага, завидующего его великой чести, и мог соделаться бессмертным, не подлежащим тлению. В противном случае человек не мог долее жить в раю и должен быть изгнан вон и, прожив на земле известное время, умереть.

---

[1] *Гезиод* — знаменитый древнегреческий поэт, который, по всеобщему мнению древних, жил одновременно с Гомером или даже раньше его. В оставшихся отрывках его произведений сохранилось много языческих басней и сказаний о богах древних греков.

[2] *Хаос*, по верованию древних греков, был зияющим неизмеримым мировым пространством, существовавшим прежде всего, — темным животворным первоисточником всякой жизни в мире, породившим *Эреба* — первичный мрак и Ночь, и через первого впоследствии День, после чего уже возникли земля (Гея), небо (Уран) и так далее. Все это древние представляли в образе божеств; но и в этих своих верованиях, затемненных грубыми языческими суевериями, они несколько подходят к истинному учению о сотворении мира.

[3] То есть диавол, сатана.

И вот злобный диавол, вооружившись из зависти против человека, употребил в дело все свое коварство и через змия прельстил жену первого человека и его самого довел до нарушения заповеди, за что изгнан был Богом из рая и присужден на труд в поте лица и на истление (см.: Быт. 3). Таким образом всезлобный диавол одержал победу и похвалялся тем, что покорил человека, вследствие его греха, своей власти. И когда впоследствии род человеческий умножился, мучитель — диавол старался поработить себе всякую душу. После того как большинство людей впали в беззакония, Бог наказал мир потопом, но сохранил при этом праведного мужа Ноя, доблестно боровшегося против злобного диавола, не побежденного им и спасшегося в ковчеге вместе с женою и детьми (см.: Быт. 6–8). Восстановив после потопа в первоначальном виде землю, Бог поселил на ней Ноя, как бы ее нового обитателя (см.: Быт. 9). Прошло много лет, люди опять размножились и снова возросло всякое беззаконие среди них, и все они отягощались грехами и, после смерти, содержались в оковах ада, увлекаемые в погибель лукавым диаволом. Тогда Создатель наш Бог умилосердился и, не восхотев оставить без помощи дело рук Своих, сначала даровал премудрость эллинам, чтобы они познали всесильного Бога и преодолели противника своего диавола. Но они, хотя, по-видимому, несколько и образумились и как будто приблизились к пути истинного богопочтения, однако в каком-то затмении только рассуждали на словах, а на деле опять впадали в заблуждение своих предков, побежденные верою в ложных богов, и, блуждая далеко от истинного пути, уклонились в еще большее нечестие. Но и при этом великая сила милосердия Божия не дала людям пасть окончательно, и Бог дал им закон, послал пророков и многоразличными способами указал путь спасения народу еврейскому. Несмотря на то, люди становились все хуже и опять повторяли грехи праотцов своих и за свои грехи подлежали смерти. Наконец, Господь наш Бог-Слово благоизволил понести одинаковый с нами подвиг и, сделавшись подобным нам во всем, кроме греха, явил нам победу над противником — диаволом: Он уничижил Себя, приняв образ раба, родился от Девы, оставаясь неизменным по Божеству, и был Агнцем, чтобы лишить силы хищного волка — диавола. Воспользуемся теперь, судия, одним сравнением, приличным моему повествованию. Положим, что ты, будучи правителем этого

города, увидел, что медведь или другой какой-нибудь сильный зверь напал на жителей города, и ты послал своего раба убить его, а раб, исполняя твое приказание, вышел бы против зверя, но, будучи неискусен и недостаточно силен, не в состоянии был бы побороть его и, пораженный им, пал мертвым и был бы съеден: неужели ты решился бы приказать другому такому же неискусному и малосильному рабу вступить в борьбу со зверем? И неужели ты, если бы был крепок и силен и умел, как следует, вступить в борьбу с зверем, сам не вышел бы против него, как искусный и храбрый борец, и не убил его, и вышел бы именно не как господин, а совершенно так же, как и простой раб, только — умеющий бороться? Примером же своим ты, конечно, научил бы остальных рабов своих одолевать и убивать сильных зверей в случае встречи с ними. Точно так же и Господь наш, Спаситель всех, когда рабы Его в борьбе с диаволом пали побежденные и уничтоженные, Сам уничижил Себя, но неизреченному милосердию Своему, воплотился через Пречистую и Пренепорочную Деву и принял образ раба и во всем уподобился нам, кроме греха, и, выступив на общественное служение, как бы прикрылся от злобного диавола Своим вольным и премудрым смирением и победил его, так как он напал на Него, Господа, как на простого человека, и Своими спасительными крестными страданиями сокрушил всю силу врага, научая и нас, — взирая на Его подвиг, бороться с диаволом таким же образом и преодолевать силу диавольскую. Он Сам принял на Себя наши грехи, а нам даровал Свое бесстрастие, воскресил содержавшихся в аду и дал нам возможность быть чадами Божиими, имеющими в Нем непобедимую опору и надеющимися на небесные венцы за подвиги. Мы бываем побеждаемы в теле, но побеждаем духом, подлежим тлению и смерти и в то же время — нетленны и бессмертны: поэтому мы удаляемся от вашего невоздержания и животной жизни и стремимся к жизни равноангельской и бытию вечному. Мы не смотрим вниз, как бы животные, а взираем на небо и, находясь во плоти, подражаем в жизни бесплотным. Мы знаем, что дух наш беспрестанно борется с плотию, своею мудростию и умеренностию отклоняем себя от привязанности к этому смертному телу и, усиленно отвергая его сладострастие и похотливые стремления, постоянно приучаемся восходить мыслью к небу и терпением и воздержанием умерщвлять наши земные члены.

Мы питаемся размышлениями о Пречистом Господе нашем, вера наша — непоколебима. Такие и еще большие блага даровал нам Бог, Сам облекшийся в плоть человеческую. А вы, как всем известно, поработили себя плоти и потому называете богами тех, которые, по вашим же сказаниям, совершали нечистые и бесстыдные деяния, строите им капища и воздаете почести. Вы чуждаетесь общения с небом и всегда находитесь в беспокойстве — не только из страха какого-нибудь бедствия, но и потому, что усиленно стремитесь к временному благополучию и наяву грезите, как во сне. Вы умираете не только телом, но и душою, и предаете себя на вечную погибель; мы же от Господа нашего Иисуса Христа научены, что плоть наша, истлевшая по всеобщему закону тления и смерти и обратившаяся в прах, опять оживет, соединившись с душою, и получит природу нетленную. — Все это я сказал тебе вкратце для того, чтобы ты, научившись истине от меня, отказался от своих ложных богов.

Правитель Агриколай терпеливо дослушал до конца премудрую речь святого Евстратия и потом сказал:

— Мы не имеем права обсуждать решение и желание императоров и должны только повиноваться их законам и исполнять их повеления. Поэтому оставь ненужное многоглаголание и ступай и принеси жертву богам; если же нет, то ты примешь такие муки, о которых никогда и не слыхивал.

Святой Евстратий ответил:

— Тогда зачем же ты доставил нам столько напрасного труда и давно уже не начинал мучить нас?

После того мучитель велел принести железный одр, раскалить его до последней степени и сначала положить на него святого Ореста; святому же Евстратию сказал:

— Тебе следует сперва посмотреть ожидающие тебя мучения на нем, а потом ты и сам уже подвергнешься им.

Между тем святой Орест, приблизившись к раскаленному одру, почувствовал страх и, глядя на святого Евстратия, сказал:

— Молись за меня, потому что страх овладевает мною.

— Не падай духом, брат Орест, — отвечал ему святой Евстратий, — ибо все это только кажется страшным и мучительным; на самом же деле ты не почувствуешь никакой телесной боли, если только возляжешь смело на одр и с надеждою на Бога, так как Сам

Господь будет нам помощником и защитником. Вспомни твердость духа святого Авксентия и прочих святых и не будь ниже их: здешние мучения оканчиваются скоро, а на небе нас ожидает награда вечная!

Услышав это, святой Орест смело и твердо поднялся на раскаленный одр, и, встав на него, ознаменовал себя крестным знаменем и тотчас же лег на раскаленное ложе. Затем он громким голосом воскликнул:

— Господи Иисусе Христе! В руки Твои предаю дух мой!

И он предал Господу святую свою душу, а святой Евстратий возгласил:

— Аминь!

Немедленно после этого Агриколай приказал отвести святого Евстратия в темницу. Здесь Евстратий, помолившись, по обычаю, Богу, призвал бывшего с ним раба и сказал ему:

— Принеси, сын мой, хартию, и составим завещание, потому что надеюсь, что завтра и я предстану Владыке моему — Христу.

Когда хартия была принесена, он написал завещание, в котором высказал желание, чтобы тело его было перенесено в Араврак и чтобы никто не дерзал брать что-либо от его останков, но чтобы все тело в целости было положено на месте, называемом Аналикозора, вместе с святыми Авксентием, Орестом, Мардарием и Евгением, ибо святые эти заклинали Евстратия, чтобы после их кончины тела их были в нетронутом виде положены вместе с его телом. Все имения свои святой Евстратий завещал на содержание служителей церковных, а движимое имущество приказал разделить поровну: во-первых, нищим и убогим, а во-вторых, своим сестрам; всех же рабов своих велел отпустить на свободу и всем им назначил награды.

Написав завещание, святой целый день постился, а всю следующую ночь провел в молитве. В эту ночь к нему, при помощи данного стражам золота, пришел блаженный Власий, епископ Севастийский[1], скрывавшийся в то время по причине гонения на христиан. Он слышал о великой премудрости Евстратия и о том, как он посрамил правителя вместе с его богами. Войдя в темницу, он пал на землю и поклонился святому, говоря:

[1] Память его совершается 11 февраля.

— Блажен ты, сын мой Евстратий, что всемогущий Бог так укрепил тебя. Умоляю тебя, помяни и меня в молитвах своих.

— Не кланяйся мне, отец духовный, — отвечал святой Евстратий, — но, помня дарованный тебе сан, от нас, мирян, ожидай должного тебе поклонения.

Затем они сели, и Евстратий сказал епископу:

— Так как, по изволению Божию, завтра в третий час дня я, как мне ясно было открыто, предстану Владыке моему Христу, то возьми это завещание мое и прочти его.

Когда епископ прочел его, святой попросил его и пришедших с ним клириков подписаться под завещанием и взял с епископа клятву, что он сам возьмет тела: его, Евстратия, и святого Ореста, предаст их погребению в назначенном в завещании месте и постарается исполнить все остальное написанное, обещая ему за его труды и заботы награду от Господа нашего Иисуса Христа в будущей жизни. Вместе с тем святой Евстратий умолял епископа сподобить его причащения Божественных Тайн, так как он со времени самого взятия на мучение не причащался этой святыни. Когда принесено было все потребное для служения и совершена бескровная Жертва, Евстратий приступил и принял святые Тайны. И внезапно в темнице воссиял свет, подобный молнии, и послышался голос:

— Евстратий! Доблестно подвизался ты. Итак, шествуй и восходи на небеса принять венец свой!

Голос этот слышали все, бывшие там, и все пали ниц на землю от страха. И всю эту ночь епископ провел с святым Евстратием, услаждаясь беседою с ним; а когда занялась заря, ушел, обещаясь исполнить в точности все, написанное в завещании.

Когда наступило утро, Агриколай сел на судейском кресле на обычном месте среди города и приказал привести святого Евстратия. Когда же Евстратий явился, правитель вызвал его к себе и сказал ему тайно от других:

— Призываю, Евстратий, во свидетели всевидящую правду, что я сильно скорблю о тебе сердцем, — что ты не хочешь повиноваться императорскому повелению. Но, по крайней мере, хотя только для вида, перед народом, притворись, что ты — одной с нами веры, и только наружно поклонись богам; а про себя веруй и молись твоему Богу, и Он простит тебе то, что ты совершил не по своей воле, а по

принуждению. Не желай погибнуть, как какой-нибудь злодей, ты, человек столь ученый и мудрый. Если бы мне самому не угрожала от этого опасность, я бы от тебя и того не потребовал. Я предал смерти многих твоих единоверцев и ни над одним из них не сжалился, а тебя чрезвычайно жалею и щажу, и из-за тебя всю эту ночь провел без сна и в великой скорби.

— Не заботься об этом, — отвечал святой Евстратий, — и не навлекай на себя беду из-за меня, а делай то, что́ повелено тебе твоими царями. Я же ни лицемерно, ни другим каким-либо образом, не поклонюсь твоим богам, а буду исповедовать Бога моего пред всеми и среди всех буду восхвалять Его. Будь уверен, что муки, каким ты меня подвергаешь, для меня блаженство, и, если хочешь, испытай это на деле.

Правитель закрыл лицо руками и долго плакал, так что это заметил и весь окружавший его народ. И все поняли, что ему жалко невинного Евстратия, и громко заплакали. Великое рыдание слышалось во всем городе. Наконец, святой Евстратий сказал судие:

— Всевышний Бог да уничтожит злую хитрость отца твоего — сатаны! Ибо сатана придумал этот плач на искушение мне, чтобы поставить мне препятствие на пути к ожидающей меня награде. Делай, что задумал, ибо я — раб Владыки Христа и не покорюсь повелению императоров и гнушаюсь мерзости идолов: мерзки мне и они сами, и те, которые им поклоняются!

Агриколай увидел непоколебимую преданность Евстратия вере христианской и его великую любовь ко Христу и едва мог произнести следующее окончательное решение о нем:

— Евстратия, оказавшего неповиновение повелению императоров и не пожелавшего принести жертву богам, повелеваю сжечь, чтобы он за свое упорство погиб в огне.

Сказав это, он встал и поспешно удалился в преториум[1].

Когда святого повели на сожжение, он во всеуслышание молился так:

— Величаю и превозношу Тебя, Господи, за то, что призрел Ты на смирение мое и не оставил меня в руках вражиих, но спас от бед душу мою! И ныне, Владыка, да покроет меня рука Твоя и да приидет на

[1] Так называлось в древности внутреннее помещение военачальника в лагере, а также судии.

меня милость Твоя, ибо мятется душа моя и болит при исходе своем из окаянного моего и скверного этого тела. Да не встретит ее никогда лукавый умысел супостата и не запнет ее во тьме за неведомые и ведомые грехи, совершенные мною в этой жизни! Милостив будь ко мне, Владыка, и да не увидит душа моя мрачного вида лукавых демонов, но да приимут ее Ангелы Твои светлые и пресветлые! Прославь имя Твое святое и Твоею силою возведи меня на Божественный Твой суд. Когда я буду судим, да не приимет меня рука князя мира сего, чтобы низвергнуть меня, грешника, в глубину ада; но предстань мне и будь мне Спасителем и Заступником, ибо эти телесные мучения суть радости для рабов Твоих. Помилуй, Господи, оскверненную страстями жизни этой душу мою и приими ее, очищенную покаянием и исповеданием. Ибо Ты — благословен во веки веков. Аминь[1].

Когда святой окончил молитву и печь была уже раскалена, он сотворил крестное знамение и вошел в нее, воспевая и говоря:

— Господи Иисусе Христе! В руки Твои предаю дух мой!

Так он скончался. Огонь не повредил его святого тела и даже не тронул ни одного волоса на нем. Умер он 13 декабря. Блаженный же Власий, епископ Севастийский, взял мощи святых Евстратия и Ореста и исполнил все, что было написано в завещании мученика[2], славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Которому слава и держава вовеки. Аминь.

---

[1] Эта предсмертная молитва святого Евстратия принята в церковное употребление и читается на полунощнице субботней, в следующем виде: «Величая величаю Тя, Господи, яко призрел еси на смирение мое, и не́си мене затворил в руках вражиих, но спасл еси от нужд душу мою. И ныне, Владыко, да покрыет мя рука Твоя, и да приидет на мя милость Твоя: яко смятеся душа моя, и болезненна есть во исхождении своем, от окаяннаго моего и сквернаго телесе́ сего; да не когда лукавый сопостата совет сря́щет, и препне́т ю во тьме, за неведомыя и ведомыя в житии сем бывшия ми грехи. Милостив буди ми, Владыко, и да не узрит душа моя мрачнаго взора лукавых демонов, но да приимут ю Ангели Твои светлии и пресветлии. Даждь славу имени Твоему святому, и Твоею силою возведи мя на Божественное Твое судище, внегда судитися ми, да не приимет мя рука князя мира сего, еже исторгнути мя грешника во глубину адову; но предстани ми и буди ми Спас и Заступник, телесная бо и сия мучения, веселия суть рабом Твоим. Помилуй Господи осквернившуюся страстьми́ жития сего душу мою, и чисту ю покаянием и исповеданием приими́, яко благословен еси во веки веков, аминь».

[2] Святые мученики Евстратий, Авксентий, Евгений, Мардарий и Орест скончались в начале IV века. Впоследствии в родном их городе Аравраке, где были

ЧУДО СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ ПЯТОЧИСЛЕННЫХ

Близ Константинополя был монастырь, называемый Олимпом, в котором была устроена церковь во имя святых пяти мучеников: Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста. И издавна утвердился обычай, чтобы на праздник в память святых мучеников приходили в этот монастырь император и патриарх и жертвовали, сколько нужно, на пропитание инокам. Ибо основателем монастыря было заповедано, чтобы монахи его не занимались ни сельскими работами, ни возделыванием винограда, но, предавшись совершенно предстательству святых мучеников, заботились бы только о своем спасении. И так как иноки строго хранили эту заповедь основателя, то святые мученики никогда не переставали заботиться о нуждах монастырских. Но милость Божия обычно бывает неразлучна с испытанием, чтобы сделалось более очевидным то, что надеющиеся на Бога и взыскующие Его *не лишатся всякого блага* (ср.: Пс. 33, 11) более, чем полагающиеся на свое богатство.

И вот общий Промыслитель о всех Бог, желая еще более прославить посвященное страстотерпцам Его место и посетить Своею милостию в лишениях и скорбях подвизающихся здесь их почитателей, устроил так, что во время праздника поднялась с моря страшная буря и был сильный дождь и холод, так что из города на праздник никто не прибыл. Иноки обители, отпев вечерню и канон, были в унынии, так как им было совершенно нечего есть, и даже укоряли святых мучеников, говоря пред их иконою:

— Наутро мы уйдем отсюда и разойдемся кто куда искать себе пропитания.

Когда наступили сумерки, привратник пришел к игумену и сказал:

— Благослови, отче, привести к тебе человека, прибывшего от царя с двумя нагруженными верблюдами.

погребены честные мощи их, в честь их сооружена была церковь, и от мощей их творились чудеса. Перед вратами Цареградскими была обитель в честь этих мучеников, по имени Олимп. Здесь каждогодно служил патриарх в день памяти их. В настоящее время мощи их почивают в Риме, в церкви святого Аполлинария Равеннийского.

Игумен дал благословение, и к нему вошел какой-то благолепный муж и сказал:

— Царь прислал вам съестных припасов и вина.

Иноки, сотворив молитву, внесли присланное, и все ели и пили, а оставшееся отложили про запас. И еще не успели они разойтись по келиям, привратник опять вошел и сказал, что прибыл посланный от царицы, который и был введен и объявил игумену, что царица прислала им отборной рыбы и десять золотых монет. Посланный не успел еще окончить своих слов, как опять вошел привратник и доложил, что явился человек от патриарха. Когда нового посланного ввели, он отдал игумену церковные сосуды, говоря: «Патриарху благоугодно завтра служить здесь литургию»[1].

Игумен, обратившись к пришедшим, сказал:

— Чтó Богу угодно, то Он и сотворит. А вы — переночуете здесь или сейчас же уйдете?

Они отвечали:

— Если нам найдется место, то останемся здесь до утра.

Игумен велел поместить их в церковном притворе и, отпуская их на ночь, спросил их имена. Прибывший от царя назвал себя Авксентием, от царицы — Евгением, а принесший сосуд от патриарха — Мардарием.

Во время пения утрени в церковь вошли два мужа. После кафизм[2] игумен велел читать, что положено, о страданиях святых мучеников, но иноки говорили:

— Не будем читать: ведь никто не пришел из города на праздник.

Тогда неизвестный муж, вошедший в церковь, сказал:

— Дайте мне книгу, я прочту.

Ему дали, и, когда он дошел до того места, где написано: «Евстратий был обут в железные сапоги с острыми гвоздями», — он вздохнул и ударил в церковный пол жезлом, который был у него в

[1] В бедной Олимпской обители, конечно, не было всего нужного для благолепного служения патриаршего, и патриарх, если желал служить там, естественно, должен был посылать туда церковные сосуды, облачения и прочее от себя.

[2] *Кафизмы* входят в непременную принадлежность утреннего богослужения и состоят из чтения псалмов с присоединением кратких славословий. Вся Псалтирь, содержащая в себе сто пятьдесят псалмов, разделяется на двадцать кафизм, из которых каждая делится на три славы. Это разделение произошло в древние времена.

руке, — и воткнувшийся в пол жезл произрастил от себя ветви и превратился в дерево.

Стоявшие сзади поняли, кого они видят, и спросили:

— Для себя ли ты сделал это, Евстратий?

— Нет, — ответил он. — Бывшие страдания мои ничтожны в сравнении с наградой за них; сделано же это для того, чтобы праздник наш не остался без приходящих из города.

И лишь только он сказал это, все пять стали невидимы. А игумен, придя из церкви, нашел монастырский погреб полным хлеба и рыбы, и все опустевшие сосуды — полными вина. О совершившемся чуде поспешили известить царя и патриарха, которые прибыли в обитель и все прославили Бога и восхвалили святых Его мучеников. Обращенный же в дерево жезл разделили и раздавали на благословение, и в день тот были многие исцеления недужных по молитвам святых страстотерпцев.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЛУКИИ

Когда слава святой мученицы Агафии[1] распространилась по всей Сицилии[2] и жители Сиракуз[3] стекались в Катану[4] на поклонение святому гробу мученицы, случилось одной девице, по имени Лукии, благородного происхождения и пользовавшейся уважением у всех сиракузян, пойти на праздник вместе с другими и с матерью своею Евтихиею, которая страдала кровотечением уже четыре года и не могла исцелиться никаким врачебным средством. Во время со-

[1] Святая мученица Агафия скончалась в гонение Декия в 251 году. В последующие времена от мощей ее совершались многие чудеса. Память ее празднуется Церковью 5 февраля.

[2] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря у южных берегов Апеннинского полуострова (Италия).

[3] *Сиракузы* — одна из первых греческих колоний на восточном берегу острова Сицилия, впоследствии самый большой и богатый город острова.

[4] *Катана* — древний город на восточном берегу острова Сицилия; в настоящее время процветающий образованностью и торговлей, многолюдный город более чем со стотысячным населением.

вершения церковной службы при гробе мученицы читалось то Евангелие, в котором воспоминается кровоточивая женщина, исцелившаяся от прикосновения к краю одежды Христовой (см.: Мк. 5, 27). Во время чтения Евангелия Лукия сказала своей матери:

— Если ты веришь, матушка, тому, что читается, то верь и тому, что святая Агафия, пострадавшая за имя Христово, удостоилась предстоять Тому, за Чье имя она пострадала. Итак, прикоснись ко гробу ее с верою, и ты исцелишься.

Когда, по окончании церковной службы, народ разошелся, мать с дочерью пали пред гробом святой мученицы и со слезами начали умолять ее о помощи. Долго молились они, и, наконец, Лукия уснула и во сне увидела святую мученицу Агафию посреди Ангелов, украшенную драгоценными камнями. Она сказала Лукии:

— Сестра моя Лукия, дева Господня! Зачем просишь ты от меня того, что́ сама можешь подать сейчас же? Твоя вера помогает твоей матери, и она уже здорова. И как мною славится город Катана, так тобою будут красоваться Сиракузы, ибо ты в своем девстве уготовала Христу благоугодное жилище.

Лукия тотчас пробудилась, в трепете встала и сказала матери:

— Матушка, матушка! Ты исцелилась! Умоляю же тебя именем той святой, которая исцелила тебя своими молитвами: не напоминай мне больше никогда о женихе (она уже была обручена) и не желай видеть смертного плода от моего грешного тела; но все, что ты назначила дать мне для выхода замуж за смертного человека, отдай мне, чтобы идти к Бессмертному Жениху Христу Господу, Хранителю моего девства.

Мать отвечала ей:

— Заботливо охраняя все, что́ осталось от твоего отца в течение девяти лет, я скорее увеличила, чем уменьшила твое наследство; а что приобрела сама и еще могу приобрести, все это также в твоем распоряжении. Но похорони сначала меня, и тогда уже поступай со всем имением как тебе угодно.

— Послушай, матушка, моего совета, — сказала ей Лукия. — Не особенно угоден Богу отдающий Ему то, чего не может унести с собою или употребить в свою пользу. Но если ты хочешь совершить дело, действительно угодное Богу, то отдай Ему то, что́ можешь употребить для себя. Когда ты будешь умирать, тебе уже не будет нужно

ничего из земного, и то, чтó ты имеешь дать тогда, уже не в силах будешь унести того с собою: поэтому пока ты жива и здорова, отдай Христу свое имение и все, чтó хотела дать мне, начни теперь же отдавать Ему.

Так Лукия повторяла матери каждый день, пока не началось, наконец, раздаяние имущества и ежедневное употребление его на нужды убогих людей. О продаже имений, драгоценной утвари и камней узнал жених Лукии и, опечаленный этим, стал допытываться у кормилицы своей невесты:

— Чтó это значит, — спрашивал он, — что я слышу о внезапной продаже поместий и драгоценностей?

Кормилица, женщина разумная, отвечала:

— Твоя невеста узнала, что продается одно наследственное имение, ценою до тысячи златниц и более, которое она желает купить для тебя и потому продает некоторые вещи, чтобы собрать столько денег.

Жених поверил ее словам и, думая, что дело идет о вещественной покупке, ничего не возражал и даже сам располагал невесту и ее мать к продаже имущества. Но как только он узнал, что все роздано нищим и убогим, вдовам и сиротам и истрачено на странников и служителей Божиих, тотчас же пошел и донес градоначальнику Пасхазию про свою невесту, что она — христианка и, следовательно, противница повелений царских[1].

Пасхазий вызвал к себе Лукию и сначала словесно убеждал ее принести жертву идолам.

Блаженная Лукия отвечала ему:

— Живая жертва и *чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях* (Иак. 1, 27). За последние три года я ничего и не делала, как только приносила жертву Живому Богу. Теперь мне уже нечего приносить

[1] То есть указов Римских императоров о том, чтобы все римские граждане приносили жертвы языческим богам.

Ему и я приношу Ему самое себя, и пусть творит Он с Своею жертвою, что угодно Ему.

— Эти слова, — заметил Пасхазий, — можешь рассказывать подобным тебе христианам, а мне, наблюдающему за исполнением царских законов, напрасно об этом говоришь.

— Ты царским законам следуешь, — отвечала Лукия, — а я повинуюсь законам Божиим; ты царей боишься, а я Бога боюсь; ты царей не хочешь прогневать, а я тщательно оберегаюсь прогневать Бога; ты царям стараешься угодить, а я желаю благоугодить Единому Христу. Итак делай, что тебе кажется полезнейшим, я же буду делать то, о чем знаю, что это послужит мне на пользу.

— Ты прожила свое наследие и растратила вместе с твоими сожителями, — сказал Пасхазий, — а потому и сама говоришь, как блудница.

— Наследство свое я поместила в хорошем месте, — ответила ему Лукия, — и никогда не позволяла себе принимать растлителей души и тела.

Пасхазий спросил:

— А кого ты называешь растлителями души и тела?

Лукия отвечала:

— Вы — растлители души, о которых апостол говорит: *тлят обычаи бла́ги беседы злы* (слав. 1 Кор. 15, 33): вы внушаете душам людей прелюбодеяние[1], чтобы они, оставив небесного Жениха, то есть Создателя своего, последовали диаволу через служение бессильным и бездушным идолам. А растлители тела суть те, которые временные удовольствия предпочли вечному блаженству и преходящие наслаждения ставят выше радостей бесконечных.

Пасхазий сказал:

— Твои разглагольствования прекратятся и замолкнут, когда дело дойдет до истязаний и ран.

Лукия отвечала:

— Слова Божии не умолкнут никогда.

— Да разве ты — Бог? — возразил Пасхазий.

---

[1] Под прелюбодейством на языке церковном разумеется не только беззаконный союз мужа с чужою женою, срамные действия, противные седьмой заповеди, скверные помыслы, но иногда (как и здесь главным образом) и нечестие и идолопоклонство.

— Я — раба Божия, — сказала Лукия, — и потому говорила Божии слова, как и Сам Он сказал: *ибо не вы будете говорить* (пред царями и правителями), *но Дух Отца вашего будет говорить в вас* (Мф. 10, 20).

Пасхазий сказал:

— Так неужели и в тебе Дух Святой и не Он ли говорит через тебя?

Лукия отвечала:

— Апостол говорит, что ведущие чистую жизнь суть храмы Божии и Дух Божий живет в них (см.: 1 Кор. 3, 16).

Пасхазий сказал:

— Так вот, я прикажу отвести тебя в непотребный дом, чтобы Дух Божий отступил от тебя, когда ты будешь осквернена.

— Без произволения Духа никогда не может быть осквернено тело, — отвечала Лукия. — Если даже ты положишь мне на руку фимиам и насильно бросишь его этой рукой на идольский жертвенник, то Бог только посмеется тебе при виде этого, ибо Он осуждает нас за помыслы и произвольные деяния, а не за действия, которые нас другие принуждают делать насильно; и насильственное лишение девства Он только попускает, как попускает искушения, разбой, язычество. Поэтому, если ты и прикажешь надругаться надо мною, то этим только увеличишь награду за мою чистоту.

— Я велю до смерти бесчестить тебя, — сказал Пасхазий, — если ты не послушаешься царского повеления.

Лукия отвечала:

— Я уже сказала тебе, что мою волю ты никогда не склонишь к согласию на грех; все, что́ ты можешь сделать с моим телом, — все это презирает раба Христова.

Тогда Пасхазий, этот развратный и неправедный судия, призвал к себе содержателей непотребных домов и отдал им святую, говоря:

— Созовите народ, и пусть над ней ругаются до тех пор, пока не умрет.

Когда святую повлекли на поругание, Бог придал ей такую тяжесть, что ее невозможно было сдвинуть с места. Множество людей, по распоряжению мучителя, влекли ее и старались стронуть ее с места; но все старавшиеся изнемогли и покрылись потом, а дева Господня стояла непоколебимо. Принесли веревки и, опутав ее ими по

рукам и по ногам, опять старались изо всех сил влечь ее, но она оставалась неподвижною, как бы гора. Пасхазий смутился и не знал, чтó делать. Он созвал гадателей, чародеев и всех идольских жрецов и велел им совершать волхвования кругом Лукии, чтобы подвинуть ее, но они ничего не достигли: она стояла, как бы пригвожденная к земле, и нельзя было сдвинуть ее ни на один шаг. Приведено было множество пар волов, которые должны были сдвинуть ее и влечь, и она все-таки оставалась неподвижною.

Наконец, Пасхазий спросил ее:

— Чтó за волшебство ты совершаешь?

— Это не волшебство мое, — сказала она, — а сила благодати Божией.

— Какая же причина того, что тебя, слабую отроковицу, не может сдвинуть тысяча человек?

— Если ты приведешь хотя бы десять тысяч человек, то и они почувствуют, что Дух Святой говорит мне: *Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся* (Пс. 90, 7).

Сильно мучился в своей нечестивой душе жалкий судия. На него напало смятение.

— Что ты мучаешься, — спросила его святая дева, — и чем смущаешься? Ведь ты испытал уже, что я действительно — храм Бога Живого, итак, веруй в это. Если же еще не убедился, то продолжай свое.

Пасхазий пришел в еще большее негодование и смущение, видя, как посмеивается над его ухищрениями святая. Он велел развести кругом нее громадный костер и поливать на нее смолу, серу и кипящее масло. Но она, ограждаясь именем Господа нашего Иисуса Христа, осталась неподвижна и невредима и говорила мучителю:

— Я молила Господа нашего Иисуса Христа, чтобы этот огонь не имел власти надо мною и, чтобы посмеялись над тобою надеющиеся на Христа, — просила продолжения моих мучений, чтобы верующих избавить от страха мук, а неверующих лишить возможности ругаться над христианством.

Тогда некоторые из приближенных Пасхазия, желая вывести его из тяжелого и недоуменного положения, велели ударить святую мечом в гортань и затем вместе с Пасхазием удалились домой. Однако святая, как ни была сильно ранена, не потеряла сил и беседовала с народом, говоря:

— Благовествую вам, что Церкви Божией даруется мир, ибо Диоклетиан отказался от царства, а Максимиан ныне умер. И подобно тому как город Катана имеет своею заступницею пред Богом сестру мою о Боге, святую Агафию, — так знайте и об этом городе, что ему дана в защиту Богом я, если только вы, исполняя волю Его, будете этому веровать.

Когда Лукия с пронзенною мечом гортанью говорила эти слова, неожиданно пред ее глазами провели Пасхазия, закованного в железные узы. Дело в том, что сицилийцы тайно от своего правителя послали в Рим донос о том, как немилосердно разорял Пасхазий страну, отнимая у жителей их достояние при помощи всяких насилий. И вот в настоящее-то время из Рима пришел приказ, чтобы Пасхазий в оковах был приведен туда для суда над ним: там он, после допроса, был осужден на смерть и казнен через усечение мечом. Когда его в оковах вели мимо святой, она еще была жива и, раненная смертельно, стояла, однако, не трогаясь, и жизнь не оставляла ее до тех пор, пока не пришли священники и она не причастилась Пречистых и Животворящих Тайн Христовых, — и только тогда, когда все, по окончании причащения, произнесли: «Аминь», святая мученица предала свою чистую душу в руки Господа[1]. Ее с честью погребли на месте мучения, и над ее мощами воздвигнута была церковь во имя ее и во славу Бога, Единого в Троице, Отца, и Сына, и Святого Духа, Ему же слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
АРСЕНИЯ ЛАТРСКОГО

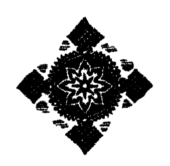
Преподобный Арсений родом был из Константинополя от знатных и благочестивых родителей. Он приобрел благоволение царя и сделан был военачальником и патрицием[2] Киверриот-

---

[1] Святая мученица Лукия прияла мученическую кончину в 304 году. Мощи ее из Сиракуз сначала перенесены в Италию, потом в Мец (прежде значительный французский город в Лотарингии; ныне — первоклассная крепость в немецкой Лотарингии); часть мощей, бывшая в Царьграде, перенесена в Венецию.

[2] *Патрициями* называлось высшее сословие в Римской и после Византийской империи, соответствующее нашему родовитому дворянству.

ским[1]. Однажды ему случилось плыть с войском по морю, но поднялась страшная буря, и корабли с плывшими на них все потонули; один лишь он спасся. После того Арсений отрекся от мира, принял иночество и предал всего себя молитвенным подвигам, удручая плоть свою постом, непрестанными бдениями и тяжелыми веригами. После немалых подвигов в одной пустынной местности он пришел на гору Латру в Малой Азии[2], где умертвил молитвою и крестным знамением смертоносного аспида[3], потом переселился в монастырь Келливарский[4], где сделан игуменом, но из него удалился в одну пещеру, откуда молитвою прогнал заходивших диких зверей. К нему собрались братия, которыми он руководил спасительным примером собственного жития и душеполезными наставлениями. Целую неделю преподобный обыкновенно затворялся в своей тесной келии в глубоком безмолвии и уединении; в воскресные же дни поучал братию и принимал пищу. Столь тяжкими и многотрудными своими подвигами и добродетельною жизнию он достиг такого совершенства, что питаем был Ангелом, жезлом своим превратил горькие воды в сладкие и, сотворив многие другие чудеса, скончался мирно среди братии[5].



---

[1] В Карии — юго-западной области Малой Азии.

[2] Гора *Латра* — собственно Латмос, горная цепь в Карии, отделяющая береговую полосу у Средиземного моря от внутренних областей Малой Азии близ городов Милета и Амисона, наименование Латрос, что значит «гора службы», получила от того, что здесь находилось одиннадцать православных монастырей, управлявшихся в средние века одним архимандритом. Под турецким владычеством монастыри были уничтожены.

[3] *Аспид* — особый вид змеи, яд которой весьма силен и часто смертоносен.

[4] В Карии, на юго-западе Малой Азии.

[5] Время жизни преподобного Арсения Латрского точно неизвестно; приблизительно предполагают его между VIII–X веками.

День четырнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФИРСА, ЛЕВКИЯ, КАЛЛИНИ́КА, ФИЛИМОНА, АПОЛЛОНИЯ
и прочих с ними

Святые мученики Фирс, Левкий и Каллиник родились в Вифинской области[1], а воспитались в городе Кесарии[2]. Пострадали они за Христа в царствование императора Декия[3] следующим образом.

Один из областных правителей, по имени Кумврикий, прибыл в Кесарию из Никомидии[4] и ревностно утверждал здесь идолопоклонство, усердно заботясь об идольских капищах и жертвах и о всем, что было приятно врагу человеческого рода — диаволу. К тому же он принуждал и всех местных жителей, одних привлекая ласкою, других устрашая угрозами. Между тем в числе кесарийских граждан был некто Левкий, человек честный, разумный, ученый и благородный. При виде совершающихся беззаконий он сильно болел душою и разгорался все более ревностию по Боге. Наконец, он не в силах был таить долее горевший в душе его пламень ревности и не захотел бо-

---

[1] *Вифиния* — провинция Римского государства, на северо-западе Малой Азии.

[2] Здесь разумеется *Кесария Палестинская*.

[3] Царствовал с 249 по 251 год по Рождестве Христовом.

[4] *Никомидия* — город в Вифинии. Позднее, во времена Диоклетиана и Константина Великого, был местопребыванием Римских императоров.

лее скрывать исповедуемую им истинную веру. Неожиданно явился он к правителю и сказал:

— Зачем, Кумврикий, вооружаешься ты, несчастный, на свою собственную душу, почитая бесчувственных и глухих идолов, и увлекаешь за собою к тому же печальному заблуждению множество других людей? Такие люди представляются более бесчувственными, чем камни и деревья, ибо не хотят познать своего истинного Бога и Спасителя и не желают ходить во свете, покинув тьму заблуждений.

Безумный правитель, не вынося высказываемой ему истины, пришел в ярость от этих слов и тотчас же, без всякого допроса, велел подвергнуть Левкия биению. Но Левкий, добровольно принимая мучения, благодарил Бога и тем привел мучителя в еще бóльшую ярость, за что и был подвергнут истязаниям до тех пор, пока не обессилели бившие. Тело его, сокрушенное побоями, изнемогло, и он молился о полном освобождении своем от тела, желая преставиться ко Господу. Исполнению этого желания способствовал сам правитель, который велел вывести мученика за город и отсечь ему голову. Когда мучители вели святого на казнь, он шел без всякого страха и смущения, ничем не обнаруживая в лице своем боли и муки, но весь сиял радостью и блаженством, как будто его вели не на казнь, а на венчание. Далеко за городом ему отсекли голову, и он отошел на небеса принять за подвиг свой венец нетленный.

Слух о жестокости Кумврикия скоро распространился по всем окрестным странам, и христиане стали скрываться из страха пред его свирепостью. Но блаженный Фирс (хотя он и не был еще крещен, а только состоял в числе оглашенных), вооружившись ревностью по Боге, явился к мучителю и сказал: «Радуйся, светлейший правитель!»

И когда тот отвечал ему взаимным приветствием, Фирс продолжал:

— Можно ли каждому пред вами, судиями, говорить — чтó он хочет, или же дóлжно дожидаться вашего приказания и без того не произносить ни одного звука?

Правитель, как бы забыв, чтó он сделал с Левкием, отвечал:

— Можно, и до этого дня эта свобода говорить не отнималась ни у кого, особенно если предстоит сказать что-либо, клонящееся к общей пользе.

Тогда Фирс сказал:

— Чтó же можно сказать полезнее того, чтó полезно для души? И вот, я вижу, что ты многих утесняешь и лишаешь спасения, отвлекая их от истинной веры и по злобе своей привлекая к служению идолам. Через это ты на свою душу разжигаешь всю геенну огненную. Поэтому я решился смело и свободно говорить с тобою и узнать от тебя, ради чего ты поставил законом — оставив Создателя неба и земли и всех людей, — поклоняться делу рук человеческих, как бы говоря дереву: «ты мой отец» (как обличает идолопоклонников и святой пророк Иеремия — см.: Иер. 2, 27) и камню: «ты меня родил»? И ради чего вся забота твоя — о том, чтобы убедить всех людей (если бы это было возможно) разделить с тобою твой пагубный образ мыслей?

На это правитель сказал:

— Твоя несвоевременная и неуместная речь показывает, что ты заражен христианством. Впрочем, предоставь эти суетные вопросы и их ложные решения тем людям, которые занимаются в школах и не преданы попечениям о делах народных, а теперь повинуйся императорскому приказанию и принеси жертву богам. Если же не исполнишь этого, то получишь от нас возмездие за свои слова — в приготовленных для тебя мучениях.

— Так как вы — разумные создания Божии, — отвечал святой, — то вам не дóлжно совершать что-либо неразумно и без тщательного расследования. Но если ты хочешь повиноваться безумному повелению твоего царя, то делай, что тебе повелено.

Кумврикий сказал:

— Я думаю, что тебя делает таким заносчивым наша снисходительность. Но, видя, что ты человек рассудительный и умный, я советую тебе оказать послушание и тем избежать мучений. Итак, ступай к жертвеннику и воздай должное богам, ибо таким образом ты получишь прощения прежней своей вины, сделаешься другом великого царя и всю остальную жизнь свою проведешь с нами в великой чести.

— Много размышлял я о настоящем деле, — отвечал блаженный, — и не думай, что ты застал меня неподготовленным и не обдумавшим всего заранее. Ведь я сначала долгое время обсуждал все сам с собой и после тщательного исследования убедился, что ваши боги суть бездушные идолы и храмы их — нечисты; и я посмеялся

над ними и избрал чистую и истинную христианскую веру. Итак, не медли исполнить то, что тебе приказано царем относительно нас, христиан.

Эти слова святого привели мучителя в ярость, и он тотчас же велел некоторым из своих слуг, отличавшимся силою, крепко бить святого кулаками, а затем — привязать к его рукам и ногам ремни и тянуть его изо всех сил в разные стороны. Когда это было сделано, члены тела его выходили и вырывались из суставов, но мученик терпеливо и с светлым взором переносил это. Мучитель приказал выколоть ему гвоздями глаза, перебить челюсти и выбить зубы медными молотками. Святой же и среди мучений смеялся над мучителем и тем еще более раздражал его. Кумврикий приказал растопить олово, приготовить железный одр и положить на нем мученика лицом вниз, а сам призвал своих волхвов и увещателей, чтобы они обольстили мученика словами. Они стали уговаривать святого, чтобы он, хотя бы только на время и наружно, оказал повиновения правителю.

— Через это, — говорили они, — ты избавишься от лютых мучений и получишь многие блага, а твой Бог простит тебя, зная немощь человеческой природы, и не прогневается, будучи, как мы слышали, благ и многомилостив.

Мученик отвечал:

— Потому-то я и терплю муки за Бога моего, что Он благ и многомилостив: ибо, если вы, хотя и слышите о бесконечных мучениях, вас ожидающих, однако не обращаетесь от заблуждений на путь истинный, то почему же мне не претерпеть мужественно временных страданий, воздаянием за которые будет Царство небесное?

После таких слов мученика его стали поливать кипящим оловом. Но принесенное в котле олово мгновенно разлилось потоком, обожгло и погубило многих из язычников, стоявших около. Святой же встал с ложа невредимым и совершенно здравым, и глаза его снова стали видеть по-прежнему. При виде этого чуда, все пришли в ужас, и сам правитель был крайне изумлен. Однако, хотя ему и до́лжно было бы познать Того, Кто сотворил все бывшее, он по своей вине пребывал в ослеплении ума; так сбылись над ним слова Писания: *Ты видел многое, но не замечал; уши были открыты, но не слышал* (Ис. 42, 20). — И еще более разгневался он на мученика и, назвав его волхвом и чародеем, подверг его еще большим мучениям. Но святой

все переносил мужественно; и слышан был свыше некий укрепляющий подвижника глас, которым язычники были приведены в великий страх, а верующие утверждены в вере.

Убоявшись продолжать мучения во стыд себе, мучитель велел связать мученика и бросить в темницу, а сам отправился домой, раздумывая, какими бы еще более жестокими мучениями истязать Фирса. Между тем святой в темнице усердно молился, чтобы Бог сподобил его святого крещения. И вот внезапно, по благодати Божией, ночью узы его развязались и темничные двери открылись сами собою. Выйдя из темницы, святой отправился к епископу Кесарийскому, скрывавшемуся тогда от гонения. Епископ, увидев мученика, тотчас же пал к его ногам, ибо слышал уже о его мужестве и терпении и чрезвычайно почитал его. Но мученик, подняв епископа и сам припадая к его ногам, говорил:

— Не делай этого, честнейший отче! Не предвосхищай поклонения, которое должен воздать тебе я, ибо не благословить пришел я, а принять благословение.

Епископ сказал ему:

— Тебе до́лжно благословить нас, как явно показавшему великую силу добродетели и облекшемуся в светлейшую ризу Духа через то, что ты претерпел столь лютые муки.

— Затем я и пришел сюда, — отвечал мученик, — чтобы облечься в ризу нетления, возродившись водою и Духом, ибо я еще не сподобился святого крещения. И так исполни немедля желание мое и соверши надо мною крещение.

Епископ тотчас же крестил Фирса, который, выйдя из купели, воскликнул:

— Господи Иисусе Христе, Боже мой, сподобивший меня возродиться водою и Духом! Дай и мне через страдания сподобиться крещения, которым крестился Ты, и, испив Твою чашу страданий, быть причастником Твоей смерти.

Затем, побеседовав с епископом и простившись с ним, Христов страдалец возвратился в темницу, причем ему предшествовал чудесный свет, а вслед за ним шли святые Ангелы, как ясно видели некоторые из достойных. В темнице он проводил время в обычных молитвах.

В это время один сановник, по имени Сильван, родом перс, человек жестокий и немилосердный, желая показать себя благожелателем и единомышленником императора, просил последнего даровать ему, Сильвану, власть исследовать, действительно ли исполняют царские повеления мучители, поставленные для погубления христиан. Получив эту власть, он прибыл в Никею[1] и Кесарию, всюду принося жертвы идолам и запечатлевая идольские праздники христианскою кровью. Ему, между прочим, доложено было и относительно великого Фирса, что он не может быть побежден[2] никакими мучениями и в то же время изумляет людей знамениями и чудесами. Тотчас же Сильван приказал привести его к себе, а сам стал совершать жертвоприношения главному языческому богу Зевсу. На следующий день он вместе с Кумврикием сел на судейском месте и, призвав Фирса, сначала велел прочитать во всеуслышание прежний его допрос, а затем сказал мученику:

— Не думай, Фирс, что ты будешь страдать по-прежнему: ты примешь еще более жестокие мучения, если останешься при своем упорстве.

Мученик отвечал:

— Тот, Кто дал мне силы перенести все прежние муки, Господь мой Иисус Христос и ныне предстоит предо мной, избавляя меня из ваших рук, ибо Ему Единому я служу и Его Одного признаю за Бога, а ваших языческих идолов и богов считаю полным заблуждением. Впрочем, если ты желаешь склонить меня к принесению жертвы не принуждением и насилием, а благоразумным советом, добровольно, то скажи: кому и как должен я принести жертву? А я, увидев справедливость твоих слов, охотно покорюсь и не буду напрасно противиться истине.

Тогда Сильван взял святого за руку и сказал:

— Пойдем в храм, и там тебе будет показано, кому ты должен будешь принести жертву.

Когда они пришли в храм Аполлона, находившийся вблизи, Сильван, указывая рукою на идола, сказал:

---

[1] *Никея* — город в западной части Вифинии; здесь были I и VII Вселенские соборы (325 и 787 гг.).

[2] То есть невозможно заставить его принести жертву идолам.

— Вот — бог, которого мы почитаем, и если ты, Фирс, помолишься ему, принеся жертву, то приобретешь себе великого хранителя и получишь благодать у прочих богов.

Мученик сказал:

— Смотри же, какую я ему принесу жертву и как буду умолять его.

И когда все со вниманием обратили на него взоры, он, воздев руки и возведя очи к небу, призвал неисповедимую силу Божию; внезапно загремел гром, и идол Аполлона упал на землю и рассыпался в прах. Святой же мученик, обратившись к стоящим около, сказал:

— Смотрите: ваши боги суть только создание человеческое и не могут вынести даже имени истинного Бога.

Сильван, пришедший в ярость, сказал на это:

— Я твое волшебство вконец уничтожу и истреблю.

И тотчас он велел острыми железными гребнями терзать тело мученика до костей, так что плоть святого кусками отпадала на землю, а мучитель говорил:

— Где же Бог — помощник твой, Которого ты чтишь и на Которого надеешься?

Мученик отвечал:

— Неужели ты не видишь действующую во мне силу Христову, явно укрепляющую меня против ваших нападений? Каким образом земное и немощное тело могло бы перенести такие муки, если бы не была подаваема ему Божественная помощь свыше?

Тогда Сильван приказал принести огромный котел, наполнить его водою и развести под ним огонь. Когда котел сильно закипел, мученика связали по ногам веревкою и опустили вниз головою в кипящую воду. Но святой призвал имя Христово, и котел распался, вода разлилась, а сам он остался невредим. Мучитель был посрамлен и пришел в ярость; но так как у него были еще и другие общественные дела, то он велел отвести мученика в темницу.

Вскоре Сильван вместе с Кумврикием отправился в приморский город Апамею[1], приказав вести за собою и святого — связанного.

---

[1] *Апамея* — город в Вифинии, в четверти часа пути от южного берега Кианийского залива, с гаванью.

Приблизившись к городу, он остановился и, призвав к себе мученика, сказал:

— Здесь, Фирс, или дай обещание принести жертву богам и ты останешься жив, или же ты лютым образом будешь лишен жизни.

Святой в ответ сказал ему то же самое, что говорил и раньше, и при этом прибавил в заключение:

— Скорее души ваши исторгнутся у вас.

Мучители еще более разгневались на Фирса, велели влечь его с побоями в город и там бросить за его, как они говорили, волшебства в море, чтобы он принял мучительную погибель и даже не удостоился по смерти обычного погребения. Но не успели они еще войти в город, как начало исполняться пророчество мученика: Сильван внезапно обессилел, а Кумврикий заболел лихорадкою, и на четвертый день оба они жалким образом окончили жизнь. Говорят, что даже земля не принимала их нечистых тел до тех пор, пока не помолился о том святой мученик. И оставался святой в Апамее двадцать три дня, находясь в узах, до прибытия нового правителя.

Прибыл новый правитель, по имени Вавда, характером и злобою к христианам подобный своим предшественникам. Рассмотрев дела прежних правителей и узнав о мученике Фирсе, он призвал его на допрос. Святой оказался по-прежнему непоколебим в вере христианской и по-прежнему отказался повиноваться нечестивым требованиям языческим. Вавда приказал зашить его связанным в мех и бросить в море за тридцать стадий[1] от берега. Но мех внезапно разорвался, узы развязались, и видно было множество светоносных мужей, ходивших по морю, которые, взяв мученика, вывели его на сушу. При виде этого, слуги правителя в страхе побежали к нему и рассказали о случившемся. Тогда он сам пошел на берег и, найдя там мученика, который стоял один, сказал ему:

— Правда, удивительны ваши христианские волшебства и чары, если и само море повинуется вам, как я вижу, и если вы у самих законов природы отнимаете силу. Но, несмотря на то, никакие волшебства не помогут вам и будут для вас только причиною еще более жестоких мучений и лютой смерти.

[1] *Стадия* — мера длины, равная приблизительно восьмидесяти восьми саженям; тридцать стадий — немного более четырех верст.

Мученик отвечал:

— Долго ли ты останешься ослепленным и, подобно своим богам, не будешь видеть, имея очи? Как может кто-либо волхвованием поработить себе законы природы? Кто из ваших волхвов или из почитаемых вами богов, в которых все суть обольщение волшебное и обман, — кто из них сделал так, чтобы человек, брошенный в море, был поднят руками Ангелов и, невредимый и здоровый, ходя по морю, как посуху, вышел на землю?

Правитель велел схватить мученика, связанного вести за собою и при этом крепко бить палками, а сам отправился в Кесарию. Жители Кесарии, узнав, что к ним идет новый правитель и ведет с собою святого мученика Фирса, все вышли из города, как будто для встречи правителя, на самом же деле — чтобы посмотреть на страдальца Христова, которого все хотели видеть. Как только все вступили в город, мученик тотчас же был брошен в темницу. Правитель долго раздумывал, какому бы роду казни подвергнуть мученика, и, наконец, решил отдать его на съедения зверям, находя эту смерть наиболее мучительною. Он велел собрать самых свирепых зверей всякого рода и морить их голодом, чтобы они стремительнее бросились растерзать осужденного.

Когда в течение тридцати дней звери были подготовлены, мучитель собрал весь народ ко храму Зевса и принес ему торжественное жертвоприношение. Затем велел вывести из темницы Фирса, осужденного на съедение зверям.

Между тем святого, по тайному приказанию правителя, посещали в заключении многие друзья и знакомые и умоляли его смиловаться над самим собою и избежать страшной смерти, исполнив то, чего от него требовали.

— Таким образом, — говорили они, — ты избавишься от погибели, удостоишься почестей и сделаешься угоден царю.

Но святой был, по слову Давида, *как глухой, не слышащий, и как немой, который не открывает уст своих* (Пс. 37, 14). Когда же его привели к правителю, который в то время приносил жертвы, тот сказал ему:

— Мы были слишком милостивы, дав тебе столько времени на размышление. Итак, если желаешь себе пользы, то теперь, когда видишь все свое отечество приносящим жертвы великому богу Зевсу, — приступи и ты и принеси жертву, чтобы тебе избавиться от погибели.

Если же нет, то когти и зубы зверей растерзают тебя, и никто не поможет тебе и не избавит тебя от беды.

Мученик сделал вид, что он согласен, и сказал:

— Я давно уже решил принести жертву вместе с своими согражданами. Но как бы не прогневался Аполлон, если я, миновав его, принесу жертву одному только Зевсу.

Услышав это, правитель обрадовался и сказал:

— Принеси жертву одному только Зевсу, а я тебе порукою в том, что ни один из остальных богов не разгневается на тебя.

Мученик на глазах у всех приблизился к идолу Зевса, и, когда сотворил про себя молитву истинному Богу, сделалось страшное землетрясение, и идол Зевса упал на землю. Язычники в страхе разбежались, и один только мученик остался в храме. Исполненный ярости, мучитель велел вести святого на съедение зверям.

На зрелище это сошлось множество народа, и когда выпустили на святого зверей, казалось, что он стоит среди зверей не один, а с какими-то другими тремя лицами; и звери ходили кругом него и кротко ласкались к нему, как будто давно знали его. Он же, воздев руки кверху, сказал:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что прославил Ты во мне имя Твое святое и явил на мне милость Твою, заградив предо много уста зверям, как некогда пред Даниилом, рабом Твоим. Ты, Владыка, как тогда, так и ныне творящий чудеса, сотвори так, чтобы дикие звери эти ушли каждый в свое жилище, не причинив вреда никому из находящихся здесь!

Затем, помолившись, он сказал зверям:

— Во имя истинного Бога, возвратитесь в пустыню, каждый в свое логовище, откуда вы выведены, и не причиняйте никому вреда.

И тотчас звери убежали, причем двери раскрылись пред ними сами собою. Все присутствовавшие в страхе разбежались, кто куда мог, боясь вырвавшихся зверей, которые, однако, сами стремительно бросились бежать в пустыню. При виде этого чуда, многие из язычников обратились ко Христу.

Вавда, не зная, что делать, повелел опять связать святого и бросить его в темницу. Но через несколько дней, отправляясь в город Аполлонию, отстоявший недалеко от Кесарии, велел и Фирса вести туда вслед за собою. Прибыв в Аполлонию, Вавда устроил там в храме

Аполлона всенародный праздник. Храм же этот был наполнен идолами. Приведя туда Фирса, Вавда велел больно бить его пред идолами палками. Но святой, терпеливо перенося удары, как будто они наносились ему не в действительности, а во сне, молился Богу, иссушающему бездны и ниспровергающему горы единым мановением.

— Да будет на мне, — говорил он, — рука Твоя, Господи, не удали помощи Твоей от меня, но призри на меня и защити меня, чтобы не постыдиться мне, ибо я Тебя призвал.

Когда он помолился таким образом, внезапно произошло землетрясение в городе, правителя постигла болезнь, руки бивших святого ослабели, и многие идолы попадали на землю и валялись, разбитые в куски. А Фирс, полный радости по Боге, смеялся над идолами и над мучителем и говорил:

— Что же ты не поможешь своим богам, валяющимся в таком бесчестии на земле и просящим у тебя помощи, но оставляешь их, брошенных, на глазах у всех — на посмешище тем, кто не ослеплен?

Хотя правитель и страдал от тяжкой болезни, но злоба его сохранилась во всей силе, и потому он сказал:

— Волхвования мерзкого Фирса делают для меня жизнь тяжелее смерти!

В это время в Аполлонии находился языческий жрец Каллиник. Видя с самого начала чудеса, совершаемые святым мучеником Фирсом, он стал сознавать бессилие своих богов. Приемля в свое сердце семя истинной веры, он говорил в себе:

— Боже, Фирсом проповедуемый, творящий дивные и славные чудеса! Ты и меня, как новоизбранного воина, приими и укрепи и утверди против восстающих на истину Твою!

Так беседуя тайно с Богом, он явился к правителю и хитроумно посмеялся над ним.

— Светлейший правитель, — сказал он, — человек тот, претерпевая жестокие мучения, низверг на землю и уничтожил величайшего бога Зевса, солнценосного Аполлона сокрушил уже в третий раз и самого Геркулеса[1], непобедимого в брани, низложил — не руками, не оружием, не мечом, а одним только словом и призыванием Христа,

[1] *Геркулес* — по верованию древних греков, один из богатырей греческих, отличавшийся необычайной силой и мужеством, совершивший множество подвигов и по смерти сделавшийся полубогом.

претерпевшего крест и смерть. Итак, если угодно твоему могуществу, восстановим бога Геркулеса, помогающего некоторым в бедах, и будем умолять его, чтобы, припомнив свое прежнее мужество, он пришел и помог так сильно обиженным Зевсу — отцу и Божественному Аполлону: ибо сами они, мне кажется, спят крепким сном.

Правитель, не поняв насмешки, сказал:

— Так как я болен, то ступай один, умоляй за нас богов и возбуди их скорее против этого чародея Фирса.

Каллиник же продолжал:

— Но я думаю, что велика сила Бога, низвергшего их, и боюсь, что наши боги не в силах будут помочь даже и себе самим.

Тогда правитель, поняв наконец истинный смысл слов Каллиника, сказал:

— Ужели и ты, Каллиник, обольщен волшебством этого чародея?

Каллиник, не желая ни продолжать начатый разговор, ни скрывать долее свою веру, тотчас же отправился домой, остриг волосы на голове и бороду, снял одежды своего сана и, принеся все это к правителю, бросил к его ногам.

— Возьми, правитель, — сказал он, — мои волосы и одежды, оскверненные смрадом и дымом жертв, пролитием крови и диавольскими таинствами: вместе с ними я отвергаю свое прежнее заблуждение и начинаю новую жизнь, ибо я — уже христианин.

Правитель был чрезвычайно удивлен этой неожиданною переменою в Каллинике.

— Что с тобою, Каллиник, — говорил он, — разве чудеса этого чародея возымели над тобою такую силу, что даже твою благородную душу — душу служителя богов, получившего от них многие милости, отвратили от веры отцов и вовлекли в окончательную погибель?

Каллиник сказал:

— В перемене моей более всего виновен сам Геркулес, который, совершив, как рассказывается о нем, столько побед, теперь не мог противостоять одному слову этого мужа и пал столь жалким образом, показывая, что смеха достойны те басни, которые известны у людей о нем и о прочих богах.

— Вовсе нет, — возразил правитель, — но ты прельстился волшебством Фирса и надеешься, что и сам ты посредством чар будешь творить такие же чудеса. Однако ни тому волхву, ни тебе христиан-

ские волшебства не принесут пользы, если ты не раскаешься и не воздашь по-прежнему чести богам.

Каллиник, желая явным образом посрамить неразумие правителя и твердо надеясь, что и с ним, Каллиником, будет Бог, как и с Фирсом, сказал:

— Так как ты, правитель, в настоящее время болен, а меня считаешь обольщенным чарами, то обратимся, если тебе угодно, к великому Асклепию[1] и вместе помолимся ему о твоем выздоровлении: тогда ты узнаешь, что я не обольщен никаким волшебством.

Правитель, не уразумев, как следует, слов Каллиника и думая, что жрец снова возвращается к своим богам, тотчас пошел с ним в храм. Когда они вошли туда, Каллиник начал молиться в душе, говоря:

— Господи Иисусе Христе, познанный мною, как Бог истинный через раба Твоего Фирса и без числа мною прогневанный и, несмотря на то, не отвергший меня! Восстань ныне в помощь мне и яви во мне силу Твою!

Когда он так говорил про себя, послышался некий глас свыше, укрепляющий его и призывающий к подвигу. И он, исполнившись дерзновения и призвав имя Христово, стал поносить идола Асклипия, и тотчас идол, как бы сверженный сильною рукою, упал к его ногам. Тогда Каллиник, взглянув на правителя, сказал ему с насмешкой:

— Видишь сам, что бог твой не может встать, если ты сам не поднимешь его. Убедись же, что это — не волшебство, а действие через меня силы Божественной.

Но правитель, хотя в душе скорбел о том и сожалел Каллиника, однако велел заключить его в темницу, а наутро издал смертный приговор ему и Фирсу в таких словах:

— Каллиника, отпавшего от служения богам и от их почитания и приставшего к христианской лжи, повелеваю умертвить мечом; Фирса же, гордящегося своими чудесами и прельстившего ими окаянного Каллиника, повелеваю положить в деревянный ящик и перепилить пилою.

Каллиник немедленно был выведен воинами на казнь. Он испросил себе времени на молитву и, после продолжительной мо-

---

[1] *Асклипий (Эскулап)* — греческий врач, живший в глубокой древности; по верованию греков, он по смерти, подобно Геркулесу, причислен был к сонму богов.

литвы, был усечен мечом. Затем, когда мучители положили святого Фирса в ящик и взяли пилу, чтобы перепилить его, то пила сделалась в руках их необычайно тяжелою, так что они едва могли поднять и водить ею, а между тем на дереве ящика она была так легка, что не оставалось даже следа от ее зубьев. Долго, до пота трудились мучители, но ничего не добились; наконец, ящик внезапно открылся, и святой вышел из него с светлым лицом, и сердце его было полно неземной радости. Стоявшие вокруг пришли в ужас, и никто не смел коснуться святого, ради совершившегося чуда. И был слышан глас свыше, призывавший мученика к небесной награде. Уразумев, что наступил конец подвига, святой воздвиг руки, а вместе и ум свой к небу и воскликнул:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что Ты меня недостойного принимаешь, как наследника благ Твоих, и поставляешь меня в числе благоугодивших Тебе. Приими же ныне в миру душу мою и введи ее во святые обители Твои к неизреченному блаженству, Тобою даруемому!

Затем, осенив себя крестным знамением, Фирс предал в руки Божии святую душу свою. Таким образом, тот, которого не могли умертвить многочисленные жестокие мучения и истязания, окончил жизнь свою естественною смертью.

По прошествии многих лет воцарился жестокий Диоклетиан[1], и опять повсюду разослан был императорский указ о том, чтобы все принимали участие в полонении идолам, а отказывающиеся предавались бы смерти. В то время в Фиваиде[2] правителем был некто Арриан. Стараясь в точности исполнить нечестивое повеление жестокого царя, он, во время пребывания своего в городе Антиное, схватил двух знатных христиан, Аскалона и Леонида, и, после различных мучений, предал их смерти. Затем он велел схватить всех присутствовавших там христиан и, разложив перед ними орудия пытки, сказал:

— Вот, двоякая участь ожидает вас: принесите жертвы богам, и тогда вы останетесь целыми и свободными, если же откажетесь повиноваться, то будете преданы на мучения и даже на смерть.

---

[1] Римский император, царствовавший с 284 по 305 год.

[2] *Фиваида* — область в южной части Египта.

Лишь только правитель сказал это, тотчас тридцать семь мужей, смело и единодушно выступив вперед, изъявили готовность скорее умереть, чем повиноваться безбожному повелению. Но, после многочисленных пыток, один из них, по имени Аполлоний, церковный чтец, от вида многоразличных мучений, пришел в ужас, и то трепетал при мысли о предстоящих мучениях, то боялся погубить свою душу, отпав от Христа. Он стал раздумывать, как бы ему избегнуть и жертвы идолам, и лютых мучений — так, чтобы и душу спасти от власти диавола, и тело избавить от рук мучителей. В то время, как он колебался таким образом, около него стоял один язычник, по имени Филимон, служивший музыкантом у правителя. Заметив его, Аполлоний подозвал к себе и пообещал ему четыре золотых монеты, если он, под видом его, Аполлония, принесет жертвы, прикрывшись его одеждою, чтобы не быть узнанным. Филимон согласился: оделся в одежду Аполлония и, прикрыв лицо, пошел к жертвеннику. Но Бог, дивно промышляющий о спасении всех людей, восхотел привлечь к себе через Аполлония Филимона, а через Филимона — Аполлония. И когда Филимон в одежде Аполлония приближался к идольскому жертвеннику, в сердце его воссиял свет благодати Господней, и отверзлись его духовные очи к познанию истины. Осенив себя крестным знамением, как христианин, он стал пред правителем. Последний спросил окружающих:

— Кто это?

Они ответили ему:

— Один из христиан.

Правитель велел ему принести жертву, но он громогласно воскликнул:

— Не принесу! Я — христианин, раб Христа, Бога Живого.

Правитель сказал:

— Разве ты не видал недавно, какие мучения претерпели Аскалон и Леонид и какою лютою смертию они погибли?

Филимон, под видом Аполлония, отвечал:

— То самое именно, что Аскалон и Леонид, пострадавшие недавно за Христа, оставили нам пример мужественного терпения, это и было для меня побуждением безбоязненно идти на муки. К этому побудило меня еще то чудо, которое совершилось на твоей ладье,

когда ты хотел переехать через реку, а ладья остановилась посреди реки, на самой глубине, и не могла дойти до берега — за то, что ты не хотел назвать Христа Богом[1].

Тогда правитель велел призвать музыканта Филимона, надеясь, что он своею игрою на флейте очарует и смягчит дух христианина, легко даст другое направление его мыслям и склонит его к жертвоприношению идолам. Не знал он, безумный, что пред ним и есть сам Филимон и что он говорит своим настоящим голосом, так как ранее правитель слышал только игру его на различных инструментах, а теперь услышал его ясную речь, внушенную ему Духом Святым. Филимона между тем всюду искали и не нашли. Призвали брата его Феона и стали спрашивать, где находится Филимон. Он же, узнав брата в одежде Аполлония, но не зная ничего о происшедшем, сказал:

— Вот Филимон стоит перед вами.

Правитель приказал открыть лицо стоящего и, увидев Филимона, начал громко смеяться, думая, что Филимон сделал это в насмешку над христианами и для того, чтобы потешить присутствующих. Затем он велел Филимону сбросить чужую одежду и идти вместе с ним к жертвеннику. Но Филимон объявил, что он — действительно христианин, и стал смеяться над языческими богами. Судия был чрезвычайно удивлен этим и, смотря на Филимона, воскликнул:

— Во имя благополучия народа римского, — правда ли то, что ты сейчас делаешь и говоришь, Филимон, или это придумано тобой в насмешку над христианами?

Филимон отвечал:

— Клянусь не римским благополучием, а своим собственным спасением и Владыкою моим Царем Христом, что я не смеюсь над христианами, а заявляю о действительной перемене, происшедшей в моем сердце, и исповедую мою веру во Христа и утверждаю, что за это исповедание я готов умереть не один раз, а тысячи.

---

[1] Об этом чуде подробнее сообщается в Минеях-Четьих под 20 мая, когда отдельно празднуется память святого мученика Аскалона. Чудо состояло в том, что, по молитве Аскалона, лодка с правителем дважды, силой Божией, останавливалась, не допуская его переехать через реку, когда он не соглашался исполнить требования святого — исповедать Единого истинного Бога; и только тогда, когда Арриан подписал это на бумаге, хотя и против воли, лодка двинулась с места, и правитель переплыл на другой берег.

Эти слова привели правителя в бешенство, и он, обратившись к окружающим, спрашивал их, нужно ли убить Филимона немедленно за то, что он всенародно поносил богов, или дать ему время на размышления и раскаяние. Народ, любивший Филимона за его прекрасную игру на флейте, умолял правителя не губить утехи всего города. Тогда правитель сказал Филимону:

— Смотри, как любит тебя народ: тебя называют «общей утехою». Итак, хотя бы из благодарности за это, соверши привычное для тебя дело — принеси жертву богам, хранителям города. Вот, наступает великое празднество, на котором и тебе следует на трубах и свирелях воздать хвалу богам и тем возвеселить самого себя и усладить наш слух.

— Этот праздник ваш, — сказал Филимон, — приводит мне на память праздник, совершаемый на небе, а звуки труб возбуждают во мне желание услышать ангельские песнопения. Знай же, что ты напрасно трудишься, стараясь отвратить меня от моего исповедания: таким путем ты не только не добьешься никакого успеха, но, напротив, возбудишь в моем сердце еще большее стремление ко Христу.

Правитель сказал:

— Но если ты даже и претерпишь, как обещаешься, все муки за Христа, — что́ приобретешь ты этим, когда ты — не вполне христианин, так как не принял подобающего по их закону крещения?

Услышав это, Филимон воскликнул:

— О, какой огонь духовный возгорелся в сердце моем! Правитель! Какою благодарностию обязан я тебе за то, что ты, хотя и против своего желания, облагодетельствовал меня, вспомнив о святом крещении!

Сказав это правителю, он вышел на средину собрания и громко возгласил:

— Если между вами есть иерей христианский и если он ради истинной веры пренебрегает мучениями, то умоляю его: пусть идет скорее сюда и преподаст мне святое крещение!

Видя, что все одержимы страхом и никто не отваживается подойти к нему и объявить себя христианским священником, он болел сердцем и, наконец, с горячими слезами воззвал к Богу:

— Боже мой, Господи Иисусе Христе, милостиво призревший на меня и воззвавший меня из глубины заблуждения! Не оставь меня

без святого крещения, но, каким ведаешь образом, пошли мне иерея и воду, чтобы я крестился, как и прочие христиане!

Тотчас после его молитвы спустилось сверху облако и, окружив трижды, оросило его дождем, знаменуя тем над ним святое крещение, и затем опять поднялось кверху. Все пришли в изумление; ослепленный же злобою правитель сказал, что это — волшебство и помрачение очей.

Потом святой помолился о том, чтобы все его свирели и трубы, отданные им Аполлонию в то время, как оба они менялись между собою одеждами, были сожжены, и чтобы таким образом не оставалось никакой памяти о его суетном искусстве, и никто из язычников не мог бы уже сказать:

— Вот трубы Филимона.

И действительно, огонь, сшедший с неба, зажег и уничтожил их все на глазах у Аполлония.

Между тем приближался час страданий и для самого Аполлония, так как брат Филимона Феон, явившись к правителю, подробно рассказал ему о том, как Аполлоний одел Филимона в свою одежду, и, заставив его, вместо себя, пойти на подвиг исповеднический, сделался виновником его погибели. Немедленно был приведен и Аполлоний, и правитель Арриан, посмотрев на него с великим гневом и угрозою, сказал:

— Что это такое, негоднейший из людей? Что сделал ты с нами, со всем городом и с этим жалким человеком? Ты, из гордости презирая богов и законы, а по трусости уклоняясь от мучений, обменялся с ним одеждами и каким-то волшебством извратил его сердце и лишил весь город его великой утехи. Если ты боялся мук, то тебе следовало бы прийти ко мне и открыть мне свою душу, и я, по закону человеколюбия, простил бы тебе все и оставил бы тебя жить на свободе и беспечально.

На эти слова правителя Аполлоний отвечал:

— Хорошо и правильно поступаешь ты, укоряя и злословя меня, и я против этого не буду говорить ничего: я и сам считаю себя виновным — но не в том, что я сделался причиною столь великих благ для Филимона, а в том, что не себе первому исходатайствовал я эти блага — и не в том, что он явился в моей одежде, а в том, что сам я скрылся под его одеждою. Но так как оба мы волею Божиею обле-

клись в ризу спасения[1], то знай за несомненное, что ни Филимон, ни Аполлоний никогда не принесут жертвы вашим богам; и если я ранее боялся мучений, то теперь, с помощью Бога моего, явлю тем бо́льшее мужество.

Разгневанный этими словами, мучитель велел, связав Аполлония, оставить его в этом положении для более жестоких мучений, а пока приказал трем воинам бить Филимона по лицу и глазам. Народ, увидя, как бьют Филимона, вознегодовал и кричал воинам, чтобы они перестали. После того правитель сказал Филимону:

— Пожалей себя, Филимон, или же, по крайней мере, пожалей народ, который терзается из-за тебя сердцем. Тебе до́лжно размыслить о том, что если народ так возмущен, видя это малое твое мучение, то что будет, когда тебя подвергнут еще большим мукам? Принеси жертву, Филимон, и вознагради себя за настоящее страдание имеющими последовать затем наслаждениями, так как мы будем пиршествовать в храме Сераписа[2] и предадимся всяким наслаждениям.

— Мне уготована вечеря на небе, — отвечал Филимон и затем, обратившись к народу, сказал:

— Зачем скорбите, видя, как меня бьют? Разве не били нас приближенные правителя, когда я был еще среди вас флейтистом? Иногда они делали с нами и хуже, а вы громко смеялись: почему же не потешаетесь теперь? Но знайте, что в то время, как вы скорбите, Ангелы радуются за меня, видя меня христианином и чтителем истинной веры.

Мучитель, видя непреклонность Филимона, велел просверлить голени ему и Аполлонию, связать их веревками и влачить мучеников по всему городу. Затем Филимон был повешен на масличном дереве, и в него стреляли из лука, но стрелы не касались его, а одна из них отскочила к правителю и выколола ему правый глаз. Лишившись глаза и чувствуя сильнейшую боль, он изрыгал многие хулы и злословия на Христа и христиан, но, наконец, вынуждаемый болью, велел отвязать мученика и умолял его исцелить ему глаз. Но святой отвечал:

---

[1] То есть оба уже крещены: один — обычным, а другой — чудесным образом.

[2] *Серапис* — языческое божество древнего Египта. Почитался богом умерших душ и призывался как спаситель от болезни и смерти, и поэтому многими отождествлялся с Асклипием.

— Сейчас я не стану исцелять тебя для того, чтобы ты не вздумал приписывать полученное тобою благодеяние волшебству. Но когда я разлучусь с телом — ибо конец мой близок — ты придешь на мою могилу и, взяв с нее земли и приложив к глазу, призовешь имя Христово, и тотчас он исцелится.

После того, по приказанию правителя, обоим мученикам, Филимону и Аполлонию, отсекли головы, и честные тела их были положены близ святых мучеников Аскалона и Леонида. А мучитель, глаз которого болел невыносимо, пришел, хотя и против своего желания, к могиле святых и, взяв земли с нее, согласно с словами Филимона, приложил к своему больному глазу и сказал:

— Во имя Твое, Иисусе Христе, ради Которого эти мученики добровольно пошли на смерть, возлагаю землю на око мое, и если, исцелившись, я буду видеть, то и сам исповедую, что нет иного Бога, кроме Тебя.

Как только он сказал это, тотчас же получил двойное исцеление — глаза и души: глазом он увидел солнце, а душою узрел светлейшую солнца Правду, и пошел, радостно восклицая:

— Я — христианин!

Это он исповедал при многих свидетелях и принял святое крещение со всем своим домом, а тридцать шесть христиан, содержавшихся за Христа в узах, отпустил с миром. Затем, взяв плащаницы[1] и драгоценные благовония[2], он со множеством народа и двумя епископами пришел на могилу святых мучеников и с честью совершил погребения их.

Между тем слух о том, что Арриан из язычника сделался христианином и не хочет уже более приносить жертвы богам, достиг до Диоклетиана. Император послал в Кесарию четырех протикторов[3], которым приказал привести Арриана, желая сам расследовать, правду ли о нем говорят. Протикторы, взяв Арриана, торопили его скорее отправиться в путь, но он умолял их позволить ему сходить ко гробу святых мучеников, и так как они не соглашались, то он дал

---

[1] *Плащаница* — большая полотняная ткань, в которую завертывалось тело умершего.

[2] Благовониями (маслами) умащалось на Востоке тело усопшего, как это сделали, например, Иосиф и Никодим с пречистым Телом Господа.

[3] *Протиктор* — оруженосец.

им восемьдесят золотых монет и был, наконец, отпущен ими на могилу. Придя туда, он пал ниц и умолял святых мучеников помочь ему в подвиге. И вот из гроба послышался голос Филимона, говоривший:

— Мужайся, Арриан, и не бойся, ибо Сам Господь призывает тебя к Себе и ведет к подвигу и готовит тебе венец мученический, — и участниками в твоем подвиге и воздаянии за него ты будешь иметь тех самых четверых протикторов, которые пришли взять тебя.

Услышав этот голос, Арриан пришел в ужас и, вернувшись домой, вдохновленный благодатию Господнею, предсказал своим домашним о времени и образе своего мучения. Он призвал своих слуг и сказал им:

— Вы пойдете с нами до Александрии, а затем меня поведут к императору, и, при помощи Божией, я совершу свой подвиг. В восьмой день месяца Фаменофа[1] я буду зашит в мех и брошен в море. А вы в одиннадцатый день того же месяца, в шестом часу, выйдите на берег: там найдете вы мое тело, вынесенное на сушу дельфинами, возьмете его и положите с прочими мучениками.

Затем Арриан отправился в путь с протикторами и, прибыв к царю, сначала был принят им ласково. Но вскоре, после его прибытия, для императора приготовлена была баня, пред зданием которой стояла статуя Аполлона, и царь, отправляясь туда, взял с собою и Арриана. После мытья, выходя из бани и приближаясь к статуе, император сказал Арриану:

— Принеси жертву великому богу Аполлону, и пойдем с веселым сердцем на вечерю.

Арриан отвечал ему:

— Как могу я сделать это после столь великих и многих чудес, совершенных Христом, истинным Богом, которые суть не басни, а несомненная истина? Свидетели их — мои глаза: как же могу я принести жертву бездушному и бесчувственному идолу?

Разгневанный царь велел тотчас же связать Арриану руки железными цепями, привязать к ногам большие камни, бросить его в глубокую яму и, засыпав землею и камнями, сровнять насыпь с землею. На верху же засыпанной ямы он велел поставить свой трон и сел на нем, приказав воинам играть около себя на трубах, и говорил:

---

[1] *Фаменоф* соответствовал нашему месяцу марту.

— Посмотрим, придет ли его Христос и освободит ли его из ямы.

Потом он пошел во дворец, вошел в свою опочивальню и увидел железо и камни, которые были навязаны на Арриане висящими над своей постелью, а самого Арриана лежащим на постели.

При виде этого император пришел в ужас и смятение и подумал, что кто-нибудь из своих же изменил ему и строит тайные козни. Но святой Арриан сказал ему:

— Не смущайся: никто не изменял тебе и не восставал против тебя; но я — действительно Арриан, ввергнув которого в яму ты говорил: «Посмотрим, придет ли его Христос освободить его». И вот, Христос освободил меня и повелел мне лечь на твоей постели.

Изумленный Диоклетиан долго стоял молча и, наконец, едва опомнившись, в страхе и смятении громко воскликнул:

— О лукавое волшебство! Никто до сих пор не видал ничего подобного!

И многое другое говорил и кричал он и, наконец, приказал завязать святого в мех с песком и бросить в море на глубоком месте. Между тем четверо упомянутых протиктора, старейшим из которых был Феотих, явились к императору и объявили себя христианами. Они также были завязаны в мехи с песком и брошены в море вместе с Аррианом; дельфины[1] же, приняв на себя их тела, отнесли их на Александрийское взморье, где слуги Арриана, по его завещанию, ожидали их на берегу. Они взяли из воды тела своего господина и четверых протикторов и с честью погребли их все вместе[2], славя Бога-Отца и Сына и Святого Духа, Которому и от нас да будет слава вовеки. Аминь.

[1] *Дельфины* — морские животные из семейства млекопитающих.

[2] Святые мученики пострадали около 287 года. За стеной Константинополя около 397 года был построен Флавием Кесарием великолепный храм Фирсу, и в нем были его мощи. Потом он являлся в видении царице Пульхерии, повелевая положить около него мощи святых сорока мучеников Севастийских (память их 9 марта), которые были сокрыты в земле и, по его указанию, открыты в 450 году. Другой храм был построен ему императором Юстинианом Великим, — недалеко от так называемого рынка Феодосия.

День пятнадцатый

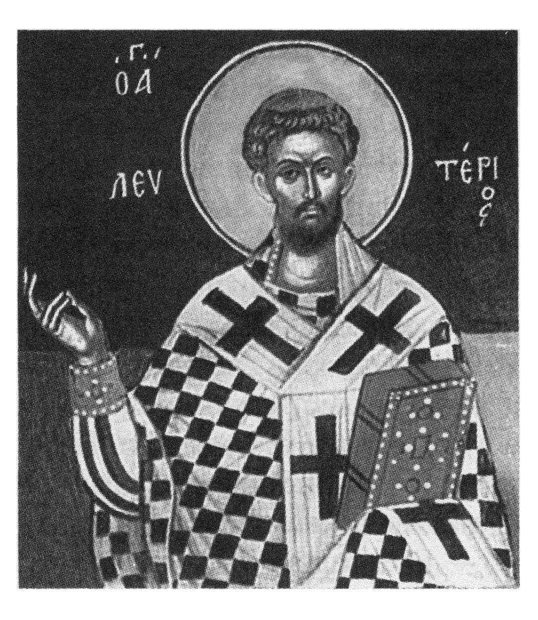
СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ЕЛЕВФЕРИЯ
и матери его
АНФИИ

Во время царствования Елия Адриана[1], бывшего ревностным идолослужителем, воссиял, как бы светлая звезда, дивный Елевферий. Родился он в Риме от знатных и богатых родителей. Отец святого Елевферия три раза был назначаем военачальником, матерь же его стала достойною еще большей чести и славы, так как, просвещенная святым апостолом Павлом, приняла от него крещение и была наречена Анфией. Она назвала сына своего Елевферием и стала воспитывать его в строгом благочестии; когда же он стал приходить в возраст, она руками папы Римского Анаклета[2] посвятила его Богу как дар, воистину достойный Господа. Архиепископ, видя, что Елевферий — отрок благонравный, принял его в свой клир, и когда ему минуло пятнадцать лет, посвятил его во диакона, а потом на восемнадцатом году рукоположил во священника; когда же святому наступило двадцать лет, архиепископ Никита назначил его епископом

---

[1] *Адриан* — римский император, царствовал с 117 по 138 год по Рождестве Христовом. Он хотя и не воздвигал на христиан особого, продолжительного гонения, но был ревностным служителем языческого нечестия, и при нем пострадало много мучеников христианских.

[2] *Святой Анаклет* — папа Римский с 79 по 91 год.



Иллирика[1]. Здесь святой епископ воссиял как светильник на свещнице и светил светом слова Божия, приводя многих к познанию Единого Господа. Но ненавистник — диавол не мог этого снести и с яростью восстал на святого с своею убийственною злобою.

Он внушил злочестивому царю Адриану восстать против истины и начать преследовать христиан, и прежде всего — убить Елевферия; он также хотел уничтожить и всех лучших учителей благочестия — как лучшие плоды славы Христовой. И вот царь с грозным посланием отправляет некоего воеводу Филикса силою привести на царский суд Елевферия. Филикс, дойдя до Иллирика, улучил время, когда добрый пастырь в храме Господнем питал паству свою поучительным словом и, окружив церковь воинами, вторгнулся внутрь храма, дыша яростью и злобно взирая. Увидя же Елевферия изливающим поток чистого учения и сладкогласно поучающим слушающих, он стал и сам внимательно прислушиваться и удивляться проповедуемой им силе Христовой, и тотчас же, переменив ярость на кротость, имея ниву сердца своего способною к приятию семени слова Божия, стал как бы овцою и из гонителя учеником Христовым; как бы забыв все прежнее, он из разбойника стал добрым и верным рабом Христа. Презрев повеление царское, он припал к ногам святого епископа, и после того уже не отходил от учителя своего, просвещаясь его проповедию и утверждаясь во благочестии.

Так Филикс от языческого нечестия обратился ко благочестию и уже не помышлял возвратиться к пославшему его. Святой же Елевферий, желая пострадать за святую веру Христову, торопился в путь. Шел с ним и Филикс, но уже не как воевода, ведущий узника, но

[1] *Иллирик*, или *Иллирия*, обнимала все восточное прибрежье Адриатического моря с лежащими за ним местностями (теперешняя Далмация, Босния и Албания).

следовал за святым, как агнец за пастырем. Когда же во время пути они пришли к источнику, Филикс стал как бы вторым евнухом Кандакииным и, как тот от апостола Филиппа (см.: Деян. 8, 30–39), принял крещение от Божественного Елевферия и совлекся тьмы идолобесия, как бы некоей гнилой одежды.

Потом Филикс вместе с Елевферием отправились в путь.

Когда они пришли в Рим, христиане узнали, что Филикс присоединился к Церкви Христовой; он же рассказал им все о Елевферии. И вот Елевферий, по повелению царскому, предстал пред судилищем. Он мужественно и безбоязненно пришел сюда, позванный как бы не на суд, а на праздник. Царь, взглянув на него, увидел, что он был еще юношею, благообразным и одаренным всеми естественными дарованиями, и сказал ему:

— Елевферий! Ты, оставив отеческую веру и ни во что вменив почитания наших богов, почитаешь некоего нового Бога, Который не только при всех умер, но и умер лютейшею смертию.

Елевферий на эти слова ничего не хотел отвечать, — подражая Христу, Который среди страданий ничего не говорил пред Пилатом и ничего не отвечал Ироду. Тогда царь снова проговорил:

— Отвечай же, зачем ты стал столь безумным, что присоединился к безумной христианской вере? Повинись мне и принеси жертву нашим непобедимым богам. Если ты послушаешь меня и исполнишь это, я почту тебя великою честию; если же не исполнишь, осужу тебя на тяжкие муки.

Елевферий же призвал Господа, сказавшего: *не заботьтесь, как или что сказать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить* (Мф. 10, 19; Лк. 21, 15), — и отвечал:

— Как могу я служить таким богам или согласиться с теми, кто им служит? Не лучше ли мне посоветовать вам отступить от них? Но так как вы не хотите послушать меня, то нужно плакать о вашем безумии, ибо вы, будучи одарены от Бога разумом, стали хуже деревьев и каменьев, потому что стали их считать своими богами, оставив истинного Бога, премудростию Своею создавшего всю вселенную: ибо небо и земля — дело рук Его, а мы из того, что Он создал, — самое лучшее и благороднейшее творение. Между тем мы заблуждаемся в неведении, ходя как бы в ночи, и, не зная, что угодно или неугодно Господу, поднимаем брань против Него. А тех, кто по-

истине наши враги и супостаты, — говорю о диаволах, — о какое безумие считать их своими господами и богами и возносить им почести и жертвы! Я же прилепился Господу моему и всегда буду верен Ему и послужу Христу моему; все же ваше, — почести ли то или бесчестия и муки, я считаю детскою игрою или детскою угрозою. *Для меня*, как говорит мой учитель — святой Павел, — *мир распят, и я для мира* (Гал. 6, 14), и умереть за Христа — для меня наслаждение и блаженство.

Тогда царь, исполнившись гнева, велел принести медный одр и подложить под него множество горячих углей, а на самый одр возложить нагим мученика, и до тех пор поддерживать огонь, пока он не погибнет. Когда был приготовлен одр, мученик сам лег на него всем телом. Собравшийся же на это зрелище народ стал укорять мучителей за эти пытки и говорил:

— Зачем этот честный, благородный и известный своею мудростью муж так жестоко погибает, как какой-либо злодей?

Бог же свыше облегчал страдания мученика, который радовался, как бы охлаждаемый росою и как бы почивая на цветущих розах. Тогда царь, укротив немного свою ярость, — повелел снять с одра тело мученика, думая, что он уже умер. Мученик же встал с одра живым и здоровым, нисколько не поврежденным от огня; веселый и ликующий — он воспевал: *Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царь [мой], и благословлять имя Твое вовеки и веки... Род роду будет восхвалять дела Твои и возвещать о могуществе Твоем* (Пс. 144, 1, 4).

Так прославив Бога, Елевферий еще дерзновеннее предстал пред мучителем и сказал:

— О царь, смотри на меня, кого ты считал сожженным огнем, и познай проповедуемого мною Христа Бога, познай и немощь своих богов.

Царь же, вменив эти дерзновенные и свободные слова мученика за бесчестие для себя и считая себя побежденным, стал изобретать еще бóльшие муки. Итак, на середину снова была вынесена железная решетка; под нею был зажжен огонь, сверху же ее поливали маслом, и, таким образом, она была в сильном пламени. Но лишь только на эту решетку положили мученика, огонь тотчас же погас, угли остыли, железная же решетка стала холодною, как будто она была

облита не маслом, а водою, и, таким образом, сохранила мученика целым. Но что же? Угасла ли вместе с этим ярость царя? Нисколько. Объятый лютой яростью, он не стал лучшим: как бы слепой, он имел только одно намерение — мучением святого угодить своим богам, которые были в сущности бесами и человекоубийцами.

Потом царь велел принести сковороду, растопить на ней воску, смолы и сала и поджигать ее на сильном огне, чтобы снова положить на нее святого. Когда все это было исполнено и сковорода разожглась и воск кипел, мученик встал на нее, намереваясь перенести все эти муки. Но царь сказал ему:

— Елевферий, находясь между смертью и жизнью, поспеши избрать себе полезное. Ведь я очень забочусь, чтобы ты не погиб лютой смертью, и люблю тебя, как своего родного сына. Не хочу также — клянусь в том богами, — чтобы муж столь благородный, столь благонравный, красноречивый и прекрасный сам себя безрассудно подвергал погибели, — и не из-за чего-либо другого, как только из-за гордой, суетной и бесполезной непокорности.

Мученик же, стоя пред царем, стал говорить ему с дерзновением; отвечая на хитрое ласкательство его, он поносил его, называя его волком, нападающим на овец Христовых. И при этом прибавил:

— Что бы ты ни делал, — ты не убедишь меня оставить моего стояния в благочестии.

Тогда Адриан, придя в ярость, оставил слова и приступил к делу. Он снова повелел положить его на сковороду. Когда это было исполнено, совершилось то же, что и прежде: огонь претворился в росу, и прохладный ветер стал охлаждать святого мученика. Адриан же, видя, что все делается вопреки его воле, не знал, что предпринять, и, сидя, стал раздумывать. В это время находился здесь городской епарх, по имени Корив; это был человек богоизбранный: он уже отчасти был знаком с христианским учением, знал, как воевода Филикс стал христианином, и вообще, как бы некое семя, уже принял в сердце свое начатки христианской веры, но, все еще следуя языческому нечестию, весьма потворствовал царю.

Увидев царя весьма смущенным и не знающим, что делать с мучеником, он посоветовал ему, чтобы он повелел разжечь медную печь, испещренную острыми железными прутьями, и ввергнуть в нее Елевферия. Когда печь была накалена, мученик, возведя свои

телесные и душевные очи горе́ и весь ум вперив на небо, исполнился неизреченной радости и произнес:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе Боже мой, что Ты сподобил меня столь великих благ, что препоясал меня силою Своею и укрепил меня на эти страдания за святое имя Твое. И ныне призри с небес и виждь, как совещаются против меня ненавидящие меня, и избавь душу мою от их козней и от мужей кровей[1], ибо Ты благ; сохрани меня, да все знают Тебя — Единого Бога по всем концам вселенной.

Потом, подобно святому первомученику Стефану, который молился о побивающих его камнями, Елевферий стал так молиться за мучителей своих:

— О Премилосердый Владыка: коснись сердца их, дай познать им святое имя Твое и да познают Тебя — Единого истинного Бога и оставят пагубное поклонение идолам, ибо Ты благословен вовеки, аминь.

Когда мученик так молился, Корив внимательно прислушивался к словам его молитвы, и тотчас же сердце в нем согрелось, приняв в себя начатки благочестия, как горящие угли, и он изменился добрым изменением. Он приступил к царю и сказал:

— Зачем неповинно, как за какое-нибудь злодеяние, подвергается Елевферий таким мукам? И за какую вину предается такой лютой смерти?

Царь, услышав эти неожиданные слова Корива, возмутился сердцем и, яростно взглянув на него, сказал:

— Ты ли это, всем нам известный Корив? Что сделалось с тобою? Или ты прельстился золотом, взятым у матери его, и это так неожиданно тебя изменило? Разве тебе недовольно моих даров, богатства, славы, чести и имений, которые тебя сделали славным по всему Риму? Или ты желаешь бо́льшего от меня? Это для тебя невозбранено. Вот все мои сокровища перед тобой открыты: почерпай обеими руками, сколько тебе угодно, но не позволяй быть тайно подкупленным женщиной за ничтожное золото.

Корив же, воодушевившись благим намерением и просвещенный молитвою мученика, воскликнул:

---

[1] *Мужи кровей* — выражение псалмопевца (Пс. 5, 7; 54, 54; 58, 3 и так далее), обозначающее людей кровожадных и свирепых.

— Да будет золото твое тебе в погибель, ибо от него возгорится огонь вечный! Зачем же самовольно ты так ослепляешься и хочешь поколебать то, что непоколебимо? Ведь ты хорошо знаешь, что ни один из твоих богов не может сохранить от огня здесь стоящих, а Бог, Которого почитает Елевферий, соделал его крепче огня и выше всякой иной муки.

Услышав эти слова, мучитель воспламенился неизъяснимою яростью (поистине большая дружба родит иногда и великую ненависть). Он приказал в эту же ночь бросить епарха в ту самую печь, которую тот посоветовал приготовить для Елевферия. Когда Корив был уже около печи, он воскликнул мученику Елевферию:

— Помолись за меня и вооружи меня тем же оружием Христовым, которым ты вооружил и воеводу Филикса.

А потом, будучи назнаменован крестным благословением от мученика, он был ввержен в печь, но остался в ней невредимым, и через час вышел из нее, славя Бога. Наконец, Адриан, изнемогая в своей ярости, повелел Кориву отсечь главу, — и так он приял свою мученическую смерть и в малое время приобрел сокровище, для многих столь вожделенное.

В ту же ночь и Елевферий был ввержен в печь; в ней его стали влачить по острым железным прутьям, но огонь, как и прежде, погас, печь остыла, а железные острия переломились, как будто воздавая честь телу мученика; все это, обличая душевную слепоту мучителя, привлекало близ стоящих к познанию Господа, творившего столь преславные чудеса.

Тогда все стоявшие здесь воскликнули:

— Велик Бог христианский, проповедуемый Елевферием!

И снова мучитель был в великом недоумении, что делать, и повелел мученика отвести в темницу. Сам же, собрав советников своих, весь день совещался, как бы погубить Елевферия. А святой мученик Елевферий томился в темнице от голода; но Тот, Кто некогда питал Даниила через Аввакума и Илию через ворона (см.: Дан. 14, 37; 3 Цар. 17, 6), — Этот и Елевферия не допустил умереть от голода. Господь питал его ангельскою пищею, посылая ее в темницу при помощи голубя. Наконец, мучитель велел привести диких волов и привязать к ним мученика, чтобы, влачимый и терзаемый ими, он был таким образом умерщвлен.

В то время, как все это происходило, Ангел Господень, сойдя с неба, отвязал святого от волов и, восхитив его из рук мучителей, возвел его на одну гору, находящуюся недалеко от города: это было пустынное место, и в нем находилось множество зверей. Но святой мученик Елевферий, воссылая хвалу Господу, жил с ними, как бы с овцами: мимо его проходили львы, медведи даже ласкались к нему; как будто зная голос его, они, как рабы за господином, всюду следовали за ним, служа и охраняя его. Но через некоторое время о святом узнали охотники на зверей; дошла об этом весть и до Адриана. Тогда он послал воинов схватить Елевферия. Когда воины нашли святого, звери устремились на них, как бы на врагов господина своего, и едва не растерзали их, но Елевферий запретил им это и повелел удалиться в пустыню. Сам же, с радостью, идя с воинами на казнь, как бы на званый пир, беседовал с ними о Царствии Божием и о геенне огненной, уготованной идолопоклонникам.

На пути Елевферий просветил их учением Христовым и крестил, а с ними и других — до пятисот уверовавших. По приходе в Рим он был осужден на съедение зверям. Когда святого привели на место казни, на него сначала выпустили львицу, а потом льва; но они, как овцы, были кротки и стали лизать его ноги; и как они могли коснуться его, когда, по Божию повелению, в пустыне так много зверей служили ему, как господину своему? Увидя это, весь народ воскликнул:

— Велик Бог Елевфериев!

Другие же порицали святого мученика, называл его волхвом и чародеем, но их внезапно постигла казнь Божия: некоторые из этих хулителей онемели. Мучитель же, не зная, что более делать, повелел усечь мечом главу святого. И когда это было исполнено, матерь Елевферия Анфия, которая все время с радостью смотрела на подвиг своего сына, обняв его мертвое тело, стала лобызать его. Ликуя и благодаря Бога, что приятая от нее кровь излилась за Христа, она и сама, усеченная мечом, пала мертвою над телом сына своего. Верующие же из Иллирика, находившиеся здесь, и римские, взяв святые тела угодников Божиих, с честью погребли их, прославляя Господа, Которому да будет слава вовеки[1]. Аминь.

---

[1] Святой священномученик Елевферий и мать его Анфия пострадали около 120 года. Мощи священномученика Елевферия в настоящее время находятся в

ЖИТИЕ СВЯТОГО СТЕФАНА ИСПОВЕДНИКА, архиепископа Сурожского

Преподобный отец наш Стефан родился в Каппадокии Великой[1] от христианских родителей, которые воспитали его в добром наказании. С детского возраста он отличался благонравием, удаляясь от обычных детских забав. Семи лет родители отдали его для обучения грамоте; он оказался способным к учению и в скором времени хорошо навык в Божественном Писании. Когда же ему исполнилось пятнадцать лет, он удалился из своего отечества и пришел в Царьград, желая там докончить свое образование. Это было при царе Феодосии Адрамитене[2] и святом патриархе Германе[3]. Там святой Стефан продолжал усердно учиться и, обучившись философским наукам, превзошел мудростью многих — даже самих учителей, — так что все удивлялись его премудрости.

Услышав о Стефане, святой Герман, патриарх Цареградский, призвал его и, благословив, спросил, из какой он страны. Стефан все рассказал ему о себе. Полюбив его благонравие, премудрость и смирение, патриарх оставил Стефана жить у себя. Несколько лет прожил блаженный Стефан у патриарха, служа святой Церкви и живя в воздержании и чистой совести. Потом он, тайно от всех, ушел из Царьграда и, придя в некоторый монастырь, принял там иноческое пострижение и подвизался в добродетелях. Затем, возжелав безмолвнейшего жития, удалился из монастыря и, найдя

Риме, в церкви мученицы Сосанны. В конце IV столетия был сооружен при императоре Аркадии храм во имя его в Константинополе близ Ксиролофа (Василием Патрикием). Святым Иосифом песнописцем составлен в честь святого мученика канон, в восьмой песни которого говорится, что рака его изливает реки исцелений и чудес.

[1] *Каппадокия* — самая восточная провинция Малой Азии, родина великих отцов и учителей Церкви: Григория Назианзина, друга его Василия Великого и Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского.

[2] *Феодосий III Адрамитен* — Византийский император с 715 по 716 год.

[3] *Святой Герман* был патриархом Константинопольским с 715 по 730 год. Память его празднуется 12 мая.

уединенное и никому не известное место, прожил там довольно времени, работая Богу в посте и молитвах.

В то время преставился епископ, который был в городе Суроже[1], и вот жители Сурожа пришли в Царьград к святейшему патриарху Герману, прося для Сурожа епископа. И когда происходило рассуждение о поставлении епископа, явилось несогласие, так как одни желали одного, другие — другого. Сурожане же просили царя и святейшего патриарха дать им епископа, могущего хорошо управлять Церковью. «Ибо, — говорили они, — умножились ереси в городе нашем».

Однажды, когда святой Герман ночью стоял на молитве, явился ему Ангел Господень и сказал:

— Завтра пошли в то пустынное место, где живет избранник Божий Стефан: его поставь епископом для Сурожа, ибо он хорошо может пасти Христово стадо и привести еретиков к истинной вере. Я же и к нему послан от Бога, с повелением, чтобы он ни в чем не ослушался тебя.

— О господин, — сказал патриарх, — как я узнаю место, где живет избранник Божий Стефан?

Тогда Ангел, взяв одного из слуг патриарха, показал ему местопребывание святого, а слуга, возвратившись, поведал это патриарху.

К святому же Стефану, который в то время в скрытом месте своем молился Богу, явился тот же Ангел Господень в белой одежде, — и убоялся святой Стефан и в трепете пал от страха на землю.

Взяв святого за руку, Ангел успокоил его, сказав:

— Я — Ангел Господень и послан от Христа Спасителя возвестить тебе радость и повелеть идти в город Сурож, чтобы ты научил людей Христовой вере. Завтра патриарх призовет тебя и, посвятив, пошлет туда архиепископом, ты же не ослушайся его, да не прогневаешь Бога.

Затем, преподав ему мир, Ангел восшел на небо.

---

[1] *Сурож*, или *Сугдея*, — древний греческий город на южном берегу Крыма, ныне *Судак* — поселок Таврической губернии.

На другой день патриарх послал со слугою двух пресвитеров — за святым Стефаном, и те с великою честию привели его к патриарху.

С радостию встретил патриарх святого Стефана и, посвятив, поставил его архиепископом Сурожа и отпустил на корабле в порученную ему епархию.

Прибыв в город Сурож и вступив на архиепископский престол, святой Стефан стал поучать людей от Божественного Писания и в продолжение пяти лет крестил весь город Сурож и все его окрестности.

В то время в Царьграде воцарился Лев Исаврянин и воздвиг иконоборство[1], будучи научен этому двумя евреями. Сначала он повелел святые иконы ставить высоко, говоря:

— Кто чист, пусть целует их.

Потом повелел поднимать иконы на воздух, поясняя, что не следует пригвождать иконы к стене. И многое другое предпринимал окаянный против почитания святых икон. Святой патриарх Герман много увещевал его, чтобы он оставил свое злое начинание, беседуя об этом на основании священных книг[2]. Придя в ярость от увещаний, иконоборец открыто явил яд свой, который дотоле скрывал в сердце своем, и усиленно начал изгонять святые иконы, хулить их и бесчестить.

Затем Лев разослал по всему городу и по многим окрестным местам указы, чтобы все так же поступали со святыми иконами, и говорил:

— Если кто будет мне противиться, того я буду мучить различными муками и предам смерти.

В царствующем граде тогда можно было видеть различные мучения православных христиан. Патриарха же Германа злочестивый царь послал в заточение, а вместо него поставил патриархом Анастасия, родом сириянина, который был единомышленником с ним в его ереси.

---

[1] *Византийский император Лев*, род которого происходил из малоазиатской области Исаврии, царствовал с 717 по 741 год. Против иконопочитания он выступил особенно в 726 году. Это вызвало народное восстание против него.

[2] При этом патриарх Герман отказался подписать повеления императора против иконопочитания, говоря, что не может вводить что-нибудь новое в делах веры без Вселенского собора.

Затем царь и патриарх отправили послов своих в Сурож к святому архиепископу Стефану с злочестивым повелением не поклоняться иконам и кресту. Святой Стефан отвечал послам:

— Да не будет этого; не допущу я людей своих отступить от закона Христова: не слушаю повеления ни царя, ни окаянного патриарха.

Ночью он пришел к послам на корабль и вместе с ними прибыл в Царьград.

Облачившись в одежды своего святительского сана, святой Стефан предстал пред царем. Царь спросил его:

— Кто ты?

Святой же отвечал:

— Я — архиепископ Сурожский Стефан.

И сказал царь:

— Видишь ли собор этот, восседающий со мною в великой чести? Они пожгли и порубили иконы: и ты послушай меня, и будешь в такой же великой чести с нами.

Святой Стефан отвечал:

— Да не будет этого. Хотя бы ты меня и сжег, или рассек на части, или какими-нибудь другими муками замучил, — за иконы и за Крест Господень все готов претерпеть.

Затем святой сказал царю:

— Мы в книгах нашли некоторое пророчество, что в Царьграде явится злочестивый царь, иконоборец, сжигающий святые иконы. Но да не сотворит этого Бог в твое царствование!

— А нашли ли вы имя царя того? — спросил царь.

— Имя его — Конон, — отвечал Стефан.

И сказал царь:

— Справедливо, Стефан, ты нашел мое имя, ибо отец и мать назвали меня Кононом.

И сказал Стефан:

— О царь! Да не совершится это в твое царствование! Если же ты совершишь это, то будешь предтечею антихриста!

Услышав это от святого, окаянный царь железною перчаткою избил его лицо, уста и зубы, восклицая:

— Как смел ты назвать меня предтечею антихриста?

И повелел царь схватить Стефана за волосы и за бороду, бить, влачить по земле и ввергнуть в темницу. Влекомый мучителями, свя-

той воссылал благодарения Богу и был ввергнут в темницу, где находились и иные святители. Затем царь снова повелел привести к себе Стефана.

— Как дерзнул меня назвать так Сурожский епископ! — говорил он. — С побоями притащите его сюда.

Святой предстал пред царем с семью епископами.

Держа в руках своих икону Господа, Богородицы и Иоанна Предтечи, царь сказал святому:

— Почему ты назвал меня предтечею антихриста?

Святой отвечал:

— Потому, что ты творишь дела его; я уже сказал это и опять повторяю тебе то же.

Тогда царь плюнул на икону, стал топтать ее и сказал Стефану:

— Сделай и ты то же самое с этой иконой.

Святой же, прослезившись, сказал:

— Враг Божий, недостойный царства! Как не ослепли твои безумные очи и не отсохли беззаконные твои руки? Да отымет вскоре Бог царство твое и да прекратит жизнь твою.

Услышав это, царь во гневе повелел бить святого Стефана. Потом привязали его к хвосту коня и повлекли в темницу; святой же воздавал благодарения Богу. Все заключенные в темнице молили Бога, и, по молитве святых, вскоре умер нечестивый царь и воцарился сын его Константин Копроним. Супруга его, слыша о добродетелях и чудесах святого Стефана, просила мужа своего — царя Константина — отпустить святого на престол свой. В то же время родился у царя сын, и святой Стефан крестил его. Наградив Стефана дарами, царь с великою честью отпустил его к пастве своей. Снова получил добрый пастырь престол свой и продолжительное время добре пас порученное ему стадо Христово. Затем, провидя свое к Богу отшествие, поставил он вместо себя архиепископом для Сурожа клирика своего Филарета и преставился к Богу в жизнь вечную, 15 декабря[1].

Был в Суроже один человек, по имени Ефрем, — слепой от чрева матери своей, которому святой Стефан помогал пищею, питьем и одеждой. Услышав о смерти своего благодетеля, он заплакал, говоря:

---

[1] Святой Стефан скончался около половины VIII века.

— Кто теперь будет заботиться обо мне? Ведите меня, чтобы я мог облобызать святые ноги его.

И когда он был приведен к телу преставившегося святого Стефана, с плачем и рыданием припал к ногам его — и тотчас прозрел. Этим чудом известил Бог об угоднике Своем, что он причтен со святыми к лику чудотворцев и исповедников. Святое же тело его святителями и всем сурожским народом со многими слезами было с честью предано погребению, во славу всеми славимого и превозносимого Бога, вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПАВЛА ЛАТРСКОГО

Преподобный Павел Латрский происходил из города Элея[1], от благородных родителей. В раннем возрасте лишившись отца своего, он воспитывался в обители святого Стефана во Фригии[2]. Затем, похоронив в непродолжительном времени и мать, он, будучи еще отроком, посвятил себя всецело на служение Богу в одном монастыре, находившемся на горе Латре[3] недалеко от Милета. Умерщвляя плоть свою, святой подвижник никогда не ложился на постель или рогожину, а склонившись на дерево или камень, предавался непродолжительному сну. Часто, для преодоления сна, он вешал два больших камня на спину и ходил до утрени вокруг монастыря, или, удалившись на берег протекавшего неподалеку ручья, под тенью де-

[1] *Элей* — город в Мизии — северо-западной области Малой Азии близ Пергама.

[2] *Фригия* — большая область Малой Азии, обнимавшая первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того, позднее причислявшийся к Мизии южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Геллеспонта (Дарданеллы).

[3] Гора *Латра* — собственно Латмос, горная цепь в Карии, отделяющая береговую полосу у Средиземного моря от внутренних областей Малой Азии близ городов Милета и Амисона, наименование Латрос, что значит «гора службы», получила от того, что здесь находилось одиннадцать православных монастырей, управлявшихся в средние века одним архимандритом. Под турецким владычеством монастыри были уничтожены.

рева предавался слезной молитве и богомыслию. Не довольствуясь и этими подвигами, чтобы всецело предаться Христу, преподобный Павел удалился на безмолвие в пещеру; потом вошел на высокую гору и поселился на ней. Один пастух, случайно обретший преподобного в его уединении, доставлял ему пищу. Преуспевая в духовном совершенстве, Павел стяжал от Бога дар прозревать в мир невидимый и творил чудеса. Слава о дивных подвигах и святом житии преподобного привлекла к нему многих подвижников, которые, поселившись у подошвы скалы, устроили монастырь. Император Константин Порфирородный[1] часто писал к нему, прося его молитв и советов; Петр, царь Болгарский, и папа Римский[2] почитали его за Богоугодную жизнь. Тяготясь, что безмолвие его нарушается многочисленными посетителями, преподобный Павел дважды удалялся на остров Самос[3], где им была основана лавра и восстановлены три монастыря, разоренные агарянами. По вторичном возвращении в Латр, он предсказал час своей кончины. Потом сошел с горы и, благословив братию, с миром предал дух свой Господу[4].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЕЛЕВФЕРИЯ КУВИКУЛЯРИЯ[5]

Святой Елевферий был родом из Византии и жизнь свою блистательно украсил цветами благочестия. Воспитание он получил при царском дворе, где вскоре достиг почетного положения. В это время он превосходил всех богатством и славою; но при всем том он не увлекался земной суетою. Памятуя о нетленном и вечном, а все земное вменяя в ничто, Елевферий предпочитал *быть у порога в доме Божием,*

---

[1] *Константин VII Порфирородный* — Византийский император, царствовал с 912 по 959 год.

[2] Здесь разумеется *папа Агапит II*, занимавший Римскую кафедру с 946 по 955 год.

[3] *Самос* — один из главных островов Эгейского моря (Архипелага), вблизи западного берега Малой Азии.

[4] Преподобный Павел Латрский скончался 15 декабря 955 года.

[5] *Кувикулярий* — царский постельничий.

нежели жить в шатрах нечестия (Пс. 83, 11), обращая свой внутренний, умный взор к Богу, он ежедневно упражнялся в пении священных песней и украшал жизнь свою всякими добродетелями. Невыносимо было видеть это для врага-душерастлителя[1], и он внушил одному из рабов блаженного оклеветать пред царем господина своего.

Раб этот, явившись к царю, донес ему:

— Господин мой принял крещение, соорудил церковь[2] и, веруя в Распятого, поносит царские указы; приобрел он много священных изображений, совершает службы христианскому Богу и постом, со слезами и земными поклонами, изнуряет свое тело.

Выслушав этот донос раба на господина, царь сильно разгневался и призвал к себе святого; но, когда святой явился, он, скрывая свою злобу, повел как бы мирную речь и сказал:

— Елевферий! Как это так случилось, что ты отдалился, оставил нас и пренебрегаешь нашей любовью к придворным вообще, и даже особенным к тебе моим вниманием?

На это святой ответил:

— Царь! Меня заставляют поступать так различные недуги тела моего.

Тогда царь сказал:

— Почему же ты один наслаждаешься в своем поместье благорастворенным воздухом? Нельзя ли и нам посетить тебя и насладиться вместе с тобою благами загородной жизни?

Блаженный не обратил особенного внимания на эти царские слова и не придал им надлежащего значения. К вечеру он удалился в свое любимое имение и, затворившись, по обычаю, в отдельной комнате, предался богомыслию, а когда уснул, то во сне увидел глубокую, как бы колодезь, пропасть, в которую сошел он, и увидел там прекрасную церковь. Объятый трепетом от такого видения, Елевферий наутро опять отправился к царю. Царь опять начал прельщать его ласковою речью, стараясь поколебать его веру во Христа. Но, напрасно потратив слова и будучи не в состоянии совратить святого, царь приказал отсечь ему голову мечом, честное же тело его бросить на съедение собакам и птицам. Так блаженный Елевферий предал дух свой Богу. Тело же его, брошенное в небрежении, взял

[1] То есть диавола.

[2] В своем имении на азиатском берегу Босфора, в Вифинии, при реке Сангаре.

некоторый, священнического чина, христианин и, помазав его елеем и покадив фимиамом, предал погребению в нарочитом месте[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПАРДА ОТШЕЛЬНИКА

Святой Пард[2] был родом римлянин и в юности своей занимался извозным промыслом. Однажды он отправился со своими верблюдами в Иерихон и там устроился при гостинице. И вот в одно время, попущением Божиим, по действу врага рода человеческого, по недосмотру Парда, попал под ноги верблюдам малый отрок: он был раздавлен ими и умер. Это несчастие сильно опечалило Парда, и он, удалившись на гору Арион, постригся там в монахи и постоянно сокрушался, с рыданием повторяя:

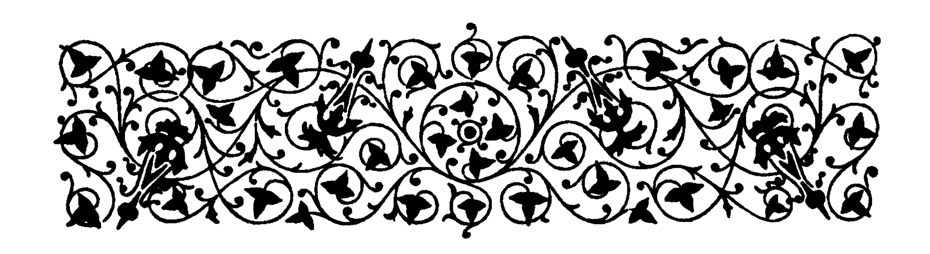
— Я погубил отрока и должен быть осужден, как убийца.

Недалеко от того места, где жил Пард, в долине обитал лев, и святой отец ходил в его логовище, толкал зверя рогатиною, чтобы тот, рассвирепев, растерзал его. Но лев не причинял ему никакого вреда. Тогда старец, видя, что не достигает своей цели, решил лечь спать на том пути, по которому лев ходил к реке на водопой, надеясь, что зверь, проходя и увидя его, растерзает, и, таким образом, пострадав здесь, он избавится от мучения в будущем веке за убийство отрока. Как решил поступить святой, так и сделал: лег на пути, сняв с себя одежду и положив ее подле себя. И вот лев, проходя тою тропою, перескочил, как бы человек, через святого, молча и не прикоснувшись к нему. Тогда уразумел старец, что Господь простил ему грех тот, и возвратился в свое местожительство на горе и оставался там во все годы последующей жизни своей и до самой смерти своей всегда и всем являл собою образец мужа благонравного.

---

[1] Местом погребения святого Елевферия признается его имение в Вифинии. Святой мученик пострадал при Максимиане в начале IV века.

[2] Преподобный Пард подвизался в VI веке, в Палестине.



День шестнадцатый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО ПРОРОКА
АГГЕЯ

Святой пророк Аггей происходил из колена Левиина[1] и родился в плену вавилонском[2]. Еще будучи в юношеском возрасте, он возвратился из Вавилона во Иерусалим и пророчествовал здесь со святым пророком Захариею[3] тридцать шесть лет. Оба они жили за пятьсот слишком лет до воплощения Христова. Святой Аггей был современником построения второго Иерусалимского храма, воздвигнутого на месте первого — Соломонова. Построение этого храма было предпринято по возвращении из плена вавилонского Зоровавелем, предводителем иудеев, отпущенных на родину царем персидским Киром, который назначил его правителем иудеи. Сооружение храма было сопряжено с большими трудностями, ибо этому препятствовали самаряне, участие которых в построении храма было отклонено иудеями, желавшими сохранить чистоту и неприкосновенность богослужения от всего нечистого, языческого. Самаряне подкупили начальников некоторых персидских областей, и те клеветали на

---

[1] *Левий* — третий сын Иакова от Лии.

[2] Царь халдеев Навуходоносор в 587 году до Рождества Христова взял Иерусалим и разрушил его. Лучшие граждане с семьями (от четырнадцати до восемнадцати тысяч человек) были отведены пленниками в столицу халдеев — Вавилон. В пленении вавилонском иудеи пребывали до 538 года, когда царь мидян и персов Кир, ниспровергнувший Халдейское царство, возвратил пленных иудеев (около сорока тысяч мужей) на родину.

[3] *Захария*, один из двенадцати так называемых малых пророков; память его празднуется 8 февраля.

иудеев пред двором персидским. Но главным препятствием к успешному сооружению храма было то, что прежнее горячее усердие иудеев охладело. Они устремили свою деятельность на другое, занялись строением и украшением собственных домов, полагая, что еще не приспело время строить дом Божий, представляли они и иные предлоги для оправдания своей беспечности. И вот в это время посылает Господь к иудеям пророка Аггея с обличением и угрозами, а также и обещанием высшей помощи и славным пророчеством о превосходстве и величии второго храма пред первым. С помощию Божиею и при содействии пророков Аггея и Захарии Зоровавель преодолел козни врагов и бездеятельность иудеев, и храм, начатый в 520 году до Рождества Христова, был окончен в 516 году, в шестое лето правления царя персидского Дария. *Руки Зоровавеля*, — сказал Господь через пророка, — *положили основание дому сему; его руки и окончат его, и узнаешь, что Господь Саваоф послал Меня к вам* (Зах. 4, 9). Всех речей пророка Аггея, относящихся к сооружению храма, — четыре (см.: Агг. 1, 2–15; 2, 1–9, 10–19, 20–23)[1]. В них пророк возбуждает иудеев к строению обличением их беспечности и нерадения о доме Божием и указанием безуспешности от этого в делах их, бесплодия земли и других наказаний Божиих; он возбуждал их также безопасностью и благовременностью строения, уверением присутствия и покровительства Божия в этом деле, величием и превосходством нового храма, необходимостью его для них и обещанием им благословения Божия за исполнение воли Господа. Величественно изображает пророк будущую славу этого храма и утверждение незыблемого царства на земле, царства Христова: *так говорит Господь*

[1] Аггей был одним из двенадцати так называемых малых пророков; книга его, состоящая из двух глав, занимает десятое место в ряду книг этих пророков.

Саваоф: еще раз, и это будет скоро, Я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы, и придет Желаемый всеми народами, и наполню дом этот славой, говорит Господь Саваоф. Мое серебро и Мое золото, говорит Господь Саваоф. Слава последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Господь Саваоф; и на месте сем Я дам мир (Агг. 2, 6–10). И еще было слово Господне к пророку: *скажи Зоровавелю, правителю Иудеи: потрясу Я небо и землю; и ниспровергну престолы царств, и истреблю силу царств языческих, опрокину колесницы и сидящих на них, и низринуты будут кони и всадники их, один мечом другого. В тот день, говорит Господь Саваоф, Я возьму тебя, Зоровавель, сын Салафиилев, раб Мой, говорит Господь, и буду держать тебя как печать, ибо Я избрал тебя, говорит Господь Саваоф* (Агг. 2, 21–24).

По кончине своей святой Аггей с честию был погребен близ священнических гробов, ибо происходил из священнического рода. Был он мужем, совершенным в добродетели, и, как славный и великий пророк, был любим и чтим всеми. Имя его, в переложении с еврейского языка на русский, значит праздник или празднующий[1].

Изображается святой Аггей старцем с благообразным лицом, обрамленным круглою бородою, глава его частию была лишена волос.

ЖИТИЕ БЛАЖЕННОЙ ЦАРИЦЫ
ФЕОФАНИИ

Блаженная Феофания родилась в Царьграде и происходила из царского рода. Родители ее — Константин, имевший сан иллюстрия[2], и мать Анна, живя в честном супружестве, долгое время были бесплодны, почему всегда скорбели о том, что не имели детей. Сильно желая иметь плод своего супружества, они молились Пречистой Владычице нашей Богородице и, часто приходя в Ее всечест-

[1] Имя пророка Аггея встречается еще в Священном Писании, в надписании некоторых псалмов (137, 145, 146), в первой книге Ездры (1, 5, 6, 14) и в послании святого апостола Павла к Евреям (гл. 12, ст. 26).

[2] Так назывались в Византии высшие сановники при царском дворе.

ный храм, бывший в Форакии[1], в прилежном молении изливали пред Нею сердца свои.

— Да разрешится, — молились они, — о Госпожа мира, бесплодие наше Твоим милосердием, и да приимем по ходатайству Твоему от Создателя чадородие!

И так как они просили с верою, то и получили просимое благодатию Той, к Которой усердно обращались с молитвою: они прияли разрешения своего бесплодия и родили дитя женского пола, которое назвали Феофаниею.

С шестилетнего возраста Феофанию стали обучать грамоте и наставлять на всякое доброе дело. Еще в детские лета ее можно было видеть ясные знамения будущих ее великих добродетелей и святости. Видя ее благонравие и ум, родители Феофании очень радовались и надеялись впоследствии утешаться ее благочадием. Поэтому они искали юношу, подобного ей по знатности рода, благонравию и уму, чтобы сочетать ее по закону браком, так как она уже приходила в возраст и больше сверстниц своих была украшена всеми дарованиями.

В это время царь Василий Македонянин[2] выискивал прекрасную и добродетельную девицу для сочетания браком с сыном своим Львом Мудрым[3]. Найдя Феофанию лучшею всех других девиц, он сочетал ее браком с сыном своим, уже объявленным наследником престола. Царский брак был совершен при всеобщей радости и ликованиях.

Спустя некоторое время лукавый враг посеял плевелы в доме царском между отцом и сыном, и восстал с гневом великим отец на сына. Взяв его с супругою его Феофаниею, он заключил их в темницу и приставил крепкую стражу. Это совершилось по тайной злобе и хитрому коварству Феодора Сантаварина, епископа Евхаитского, — волхва, которого царь Лев не любил.

Дело началось так: когда умер первенец царя Василия и старший брат царя Льва — Константин, царь Василий скорбел о нем и безутешно плакал, ибо очень любил его. Тогда вышеупомянутый волхв,

---

[1] *Форакия* — местность в Константинополе.

[2] *Василий I Македонянин* — Византийский император, царствовал с 867 по 886 год.

[3] *Лев VI Мудрый*, преемник Василия Македонянина, царствовал с 886 по 911 год.

видя царя в великой печали и желая его утешить, посредством своих волхвований показал царю умершего сына его Константина живым — сидящим на коне и едущим к нему навстречу. Обняв руками сына и с любовию облобызав его, царь снова потерял его из виду, ибо волшебное привидение и мечтание исчезло. Удивился царь и ужаснулся и, сочтя видение за действительность, стал очень почитать Сантаварина и, считая его своим искренним другом, во всем его слушался. Юный же Лев, будучи благоразумен и богобоязлив, возгнушался тем волхвом и, ненавидя его, как врага Божия, презирал. Феодор же, думая, чем бы отомстить царю Льву за такое презрение, измыслил следующую коварную хитрость. Выбрав удобное время, он наедине приступил к царю Льву и, притворившись доброжелательным и расположенным к нему, сказал:

— Вот ты молод и ездишь с отцом своим на охоту. На всякий случай нужно тебе тайно носить небольшой меч для того, чтобы иметь возможность иногда употребить его на зверя, иногда же подать его в нужное время отцу, или, на тот случай, если бы какой домашний враг, которых отец твой имеет немало, неожиданно и внезапно напал на отца твоего, — тогда бы ты, тотчас вынув тайно носимый меч, мог поразить врага и сохранить жизнь отца своего.

Послушавшись этого коварного совета врага своего и не подозревая его лукавства, Лев стал тайно носить в сапоге небольшой меч, когда ходил с отцом своим на охоту или еще куда-нибудь.

После этого лукавый Сантаварин сказал тайно царю Василию:

— Сын твой Лев хочет внезапно убить тебя, чтобы царствовать одному. Доказательством его злого умысла послужит тебе следующее: когда ты отправляешься на охоту и он с тобой, то он носит спрятанный в сапоге при ноге меч, приготовленный для того, чтобы в удобное время внезапно ударить тебя и убить. Если хочешь в том убедиться, испытай на деле — ступай на охоту, взяв и его с собой, и, когда придешь на поле, вели осмотреть, что он имеет в сапоге.

Вскоре царь Василий, взяв юного царя, сына своего, отправился на охоту и, будучи на поле, повелел осмотреть, что имеет царь Лев в сапоге, и там найден был спрятанный небольшой обоюдоострый меч. И воспылал тотчас Василий пламенем неизреченной ярости и гнева на сына своего, считая за правду поведанное Сантаварином, будто сын хотел убить его.

— Для того он и меч приготовил, — сказал он.

Лев же, будучи ни в чем не виновен, уверял, что носил меч не для смерти отца, а для сохранения жизни его. Но, сильно разгневанный, отец, не желая слушать ни единого его слова, тотчас заключил его, а также и супругу его, блаженную Феофанию, в некотором, бывшем в царских палатах, тайном помещении и приставил к ним крепкую стражу. Так лукавый волхв Сантаварин отомстил царю Льву; самым же ужасным при этом было то, что, по внушению того же Сантаварина, отец хотел сыну выколоть и вынуть очи. И это дело непременно бы совершилось, если бы патриарх и весь синклит не удержали царя.

Более трех лет безвинный царь Лев и блаженная Феофания, не сделавшие никакого зла, пробыли в заключении. Там они ни в чем ином не упражнялись, как только в молитве и посте, скорбя о своем заключении и призывая Всевидящего Бога во свидетели своей невинности. Несколько раз синклит хотел просить царя за сына, но не находил удобного времени. Наконец, выпал случай, когда можно было обратиться с таковой просьбой. Это произошло так. В царской палате была птица, попугай, наученная произносить человеческим голосом некоторые слова и этим забавлявшая царя и других, кто слышал попугая. Однажды царь, совершая праздник святому пророку Илии, созвал к себе на царский обед всех своих придворных и, устроив пиршество, приглашал всех радоваться и веселиться с собою. Птица же та, часто говоря по-человечески, повторяла, неизвестно наученная ли кем или случайно, такие слова:

— Увы, увы, господин Лев!

Слыша это, все обедавшие придворные сидели в смущении, оставив пищу и питье. Видя же придворных в смущении, ни вкушающих, ни пьющих, царь спрашивал, почему они столь печальны. Тогда они, сочтя время удобным, встали в слезах и сказали:

— Если не имеющая разума птица скорбит о своем, невинно страждущем, господине, — и рыдая и отыскивая его, говорит: «Увы, увы, господин Лев!» — как же мы, разумные и словесные твари, несомненно знающие, что сын твой, а наш господин, страдает невинно, по злобе и по клевете терпит твой отеческий гнев, — как можем мы веселиться, есть и пить?! Не еще ли более мы должны скорбеть? О царь! Если сын твой в чем-либо согрешил против тебя, отца сво-

его, и задумал поднять на тебя руку, дай нам его сюда, — мы на части рассечем его. Если же он ни в чем неповинен, — как нам несомненно известно, — то зачем ты мучаешь кровь свою?

От таких слов царь пришел в умиление и, подвигнутый сердцем и естественною жалостью, тотчас повелел вывести царя Льва из заключения, остричь выросшие у него во время заключения волосы и, одев в царские одежды, с честию привести к себе. Когда это было исполнено, царь поднялся в слезах, — обнял сына, стал лобызать его и возвратил ему прежний царский сан.

Пожив после этого немного времени, царь Василий заболел и умер, оставив царскую власть сыну своему. Лев же, по смерти отца, схватив волхва Сантаварина, повелел бить его, выколоть глаза и послал в заточение в город Афины[1].

Так обратилась злоба волхва на собственную его голову. Этот Сантаварин был по вере манихей, по учению — волхв, по виду — христианин, по сану — епископ, а царем Василием считался святым — ради чудес его, творимых волшебством.

Между тем блаженная Феофания, вступившая после своего заключения в царскую жизнь, прилежно заботилась о своем душевном спасении, за ничто считая царскую славу и презирая, как сор и сон, сладость и суету житейскую. Она непрестанно, и днем, и ночью, имела на устах своих псалмы, духовные песни и молитвы и всю жизнь свою проводила, угождая Богу и взыскуя Его делами милосердия. Она не заботилась о царском украшении своего тела, и если совне бывала одета с некоторым благолепием, то под одеждою, на теле, носила грубую власяницу, которою была умерщвляема плоть ее. Жизнь ее была постническая — она питалась простым хлебом и сушеною зеленью; обильные яства трапезы совершенно были изгнаны ею.

Поступившие в ее руки богатства и драгоценности были раздаваемы ею нуждающимся бедным и убогим, сиротам и вдовицам, драгоценные одежды и вещи отдавались им же. Бедные келии монашествующих и монастыри обновлялись ею и обогащались имениями

---

[1] *Афины* — столица древнегреческого государства, славилась своими постройками, произведениями искусств, развитием торговли и промышленности, и особенно школами и философскими училищами. Афины находились на восточном выступе Средней Греции при Архипелаге.

и всем нужным. Таковы были усердия и попечения о всех той христолюбивой царицы! На слуг и рабынь своих она смотрела, как на братьев и сестер, и никого не звала простым именем, — но всех почитала званием в Господе, уважая имя, чин и должность каждого. И не изрекла она языком своим клятвы, и не вышло никакое гнилое слово из уст ее — ни ложь, ни клевета и вообще никакое непотребное слово. Ко всем она относилась с любовию — плакала с плачущими, радовалась с радующимися. Хотя постель ее и была устлана виссоном[1] и украшена золотыми украшениями, но она не спала на ней, а положив на полу худую рогожу, покрывавшую острые кости и зубы животных, ложилась спать на нее и такое свое ложе на всякую ночь, по изречению пророка Давида, омочала слезами (см.: Пс. 6, 7) и после очень непродолжительного сна тотчас вставала на славословие Божие. От столь суровой, исполненной всяких лишений жизни Феофания впала в великую телесную болезнь, однако не изнемогала душою от непрестанной молитвы, не переставала поучаться в Божественном законе, читая священные книги и исполняя прочитываемое. Все ее попечения были направлены к тому, чтобы помогать обидимым, заступаться за вдов, заботиться о сиротах, утешать скорбящих, отирать слезы плачущим, — и была она матерью для всех, не имеющих крова и помощи. Живя в миру, она отвергла все мирское; пребывая в супружестве, она возлюбила благое иго Христово и, взяв крест на плечо, понесла его и, таким образом, угодила Богу.

Предчувствуя исход души своей из тела, блаженная Феофания повелела, чтобы все приходили к ней для прощания. Затем, дав всем конечное и последнее целование, она переселилась от царства земного к небесному и предстала к Царю славы, украшенная, как царскою багряницею[2], многими своими добродетелями. Поэтому причтена она к лику святых, добродетелями Богу угодивших, а честное тело ее было с честию предано погребению[3].

---

[1] *Виссон* — драгоценная, тонкая и мягкая, блестящая льняная ткань.

[2] *Багряница* — торжественная одежда багряного цвета, царская порфира — необходимая принадлежность Византийских царей и знак их царского достоинства.

[3] Блаженная царица Феофания скончалась около 893 года. Она погребена в церкви Всех святых, построенной ее мужем, близ храма Святых апостолов, где после был устроен женский монастырь. Русский паломник Стефан Новгородец в 1342 году называет этот монастырь монастырем святого Константина, а иеро-

Муж Феофании, царь Лев Мудрый, еще при жизни ее, видя ее великую святость и почитая ее не как супругу, но как госпожу свою и ходатаицу пред Богом, задумал заблаговременно построить храм во имя ее. Святая же, узнав об этом, не только не соизволила этому, но и строго запретила делать это. Поэтому начатый уже строиться во имя ее храм был переименован во имя всех святых и тем же царем, по совету со всею Церковью, в первую неделю по Пятидесятнице был установлен праздник всех святых. Царь говорил:

— Если Феофания — святая, то пусть и ее память празднуется вместе со всеми святыми, во славу от всех святых славимому Богу!

Ему и от нас да будет слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА МАРИНА

Святой Марин жил в царствование Карина[1] и, будучи благороден по происхождению, несмотря на свой юный возраст, носил звание синклитика, или сенатора[2]. Как христианин, он был схвачен и понуждаем принести жертву идолам. Но так как он не покорялся и не исполнял этого требования, то его повесили и рубили мечами, потом положили на огонь. После того бросили его на раскаленную сковороду и затем в кипящий котел; но, по благодати Божией, Марин при всех этих пытках оставался невредим. Тогда выпустили на святого диких зверей, львов и медведей, но и те не тронули его. Между тем, озлобление язычников еще более усиливалось против твердого исповедника веры Христовой: они решили было насильно ввести его в идольское капище и заставить принести жертву. Святой же в это время сказал:

диакон Зосима (1420 г.) — монастырем Филостратоса; оба в нем видели мощи святой царицы Феофании с мощами мученика Климента Анкирского, память которого празднуется Церковью 23 января. В настоящее время мощи Феофании почивают в патриархии Константинопольской.

[1] *Карин* — Римский император с 282 по 283 год.

[2] *Синклитиками* назывались одни из самых важных царских советников и сановников, составлявшие собой синклит (царский совет).

— Хочу принести жертву богам.

Слыша такое заявление мученика, царь и все окружавшие его обрадовались. Но Марин, войдя со всеми в капище, обратился с молитвою к Господу Иисусу Христу, и идолы упали и сокрушились. Огорчился царь, пораженный такою неожиданностью, и немедленно приказал отсечь голову мученику. Так святой Марин предал дух свой Господу; мощи же его благочестно погребены были богобоязненными христианами[1].

---

[1] Святой Марин пострадал около 283 года.

День семнадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРОРОКА
ДАНИИЛА
И С НИМ СВЯТЫХ ТРЕХ ОТРОКОВ
АНАНИИ, АЗАРИИ и МИСАИЛА

Святой пророк Даниил происходил из рода царского, из колена Иудина. В юных летах он был взят в плен Навуходоносором[1] и вместе с царем иудейским Иоакимом был отведен из Иерусалима в Вавилон[2]; там он еще в юности прославился Божественными даро-

---

[1] *Навуходоносор* — сын Набополассара, царь Вавилонский (с 607 по 564 год до Рождества Христова), один из знаменитейших завоевателей, о которых говорит история. Он разбил войско египетского царя Фараона Нехао и положил конец египетскому могуществу в Азии (см.: Иер. 46, 2; 4 Цар. 24, 7). Потом он обратил внимание на данника его, царя Иудейского, Иоакима. После краткой осады взяв Иерусалим, он оставил Иоакима царем, сделав его своим данником; взял часть сосудов из храма и отправил в Вавилон, также велел выбрать красивых и даровитых отроков из царского и княжеского рода и переселил в Вавилон, чтобы там воспитать их для служения при дворе. И так как Иоаким, через три года, отрекся от покорности ему, то он снова сделал нападение на Иудею и переселил из нее более трех тысяч иудеев (597 г.), а в следующем году взял в плен и самого царя (Седекию) и заключил в оковы (см.: 2 Пар. 36, 6).

[2] *Вавилон* — один из древнейших городов мира; построен Нимродом, сыном Хуша, потомком Хамовым, который город этот сделал столицей своего царства (см.: Быт. 10, 6–10). От имени этого города и вся земля эта стала называться Вавилонской или Вавилонией. Она называется также землей халдеев (см.: Иер. 24, 5; Иез. 12, 13) — от господствующего здесь племени халдеев, с давних времен пришедших сюда с севера, с гор Армении, и давших свое имя земле этой. Земля эта

ваниями, — в особенности же, когда мудро обличил неправедных и беззаконных судей и избавил от смерти неповинную Сусанну.

В то время иудеи, находившиеся в плену вавилонском, имели двух старцев — судей, избранных разбирать случающиеся между ними распри. В определенные дни старцы эти собирались в дом некоторого знатного и богатого мужа Иоакима и там разбирали распри среди народа Иудейского.

У Иоакима была жена, по имени Сусанна, дочь Хелкия, — очень красивая и богобоязненная. Родители ее были люди праведные и воспитали дочь свою во всех правилах закона Моисеева. Старцы же те были люди беззаконные: под видом суда они творили неправду, так что исполнилось на них слово Писания: *беззаконие вышло из Вавилона от старейшин-судей* (Дан. 13, 5).

Эти-то старцы видели Сусанну, ежедневно входящую в сад мужа своего и выходящую оттуда, и в них родилась похоть к ней. И извратили они ум свой и уклонили глаза свои, чтобы не смотреть на небо и не вспоминать о праведных судах; однако не открывали друг другу о страсти своей, так как стыдились в том признаться. Каждый из них искал удобного времени, для удовлетворения своей страсти. И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видеть Сусанну, и говорили друг другу:

— Пойдем домой, потому что — час обеда, — и, выйдя, расходились друг от друга, но возвратившись, снова приходили на то же самое место и, когда допытывались друг у друга о причине того, признались в похоти своей. Тогда они вместе назначили время, когда бы могли найти ее одну.

Однажды, когда они выжидали удобного дня, Сусанна вошла, как всегда, с двумя только служанками и захотела мыться в саду, потому что было жарко. И не было там никого, кроме двух старцев, которые спрятались и сторожили ее. Сусанна сказала служанкам:

находилась в плодоносной равнине Сеннаарской, в бассейне рек Тигра и Евфрата. Вавилон был расположен здесь по обеим сторонам Евфрата, в пятнадцати милях от Багдада, в сорока — от Персидского залива и в ста тридцати — от Иерусалима. Богатства стекались в Вавилон со всех сторон, — и, таким образом, он принадлежал к величайшим, знаменитейшим и богатейшим городам Востока. По смерти Навуходоносора, царство Вавилонское быстро стало клониться к упадку. Ныне на месте древнего Вавилона остаются только развалины.

— Принесите мне масла и мыла и заприте двери сада, чтобы мне помыться.

Они так и сделали, как она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что приказано было им, и не видали старцев, потому что они спрятались. И вот, когда служанки вышли, встали оба старца, и приблизились к Сусанне, и сказали:

— Вот, двери сада заперты, и никто нас не видит, а мы имеем похотение к тебе. Поэтому согласись с нами и побудь с нами. Если же не так, то мы будем свидетельствовать против тебя, что с тобой был юноша и ты поэтому отослала от себя служанок твоих.

Тогда застонала Сусанна и сказала:

— Тесно мне отовсюду: ибо если я сделаю это, смерть мне; а если не сделаю, то не избегну от рук ваших. Лучше для меня не сделать этого и впасть в руки ваши, нежели согрешить пред Богом.

И закричала Сусанна громким голосом; закричали также и оба старца против нее. И один побежал и отворил двери сада.

Когда же находившиеся в доме услышали крик в саду, вскочили боковыми дверями, чтобы видеть, что случилось с Сусанною. И когда старцы сказали слова свои, слуги ее чрезвычайно были пристыжены, потому что никогда ничего такого о Сусанне говорено не было.

И было на другой день, когда собрался народ к Иоакиму, мужу ее, пришли и оба старца, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти. И сказали они пред народом:

— Пошлите за Сусанною, дочерью Хелкия, женою Иоакима, — и послали.

И пришла она, и родители ее, и дети ее, и все родственники ее. Сусанна была очень нежна и красива лицом. И эти беззаконники приказали открыть лицо ее (так как оно было закрыто), чтобы насытиться красотою ее. Родственники же и все знающие ее плакали. А оба старца, встав посреди народа, положили руки на голову ее. Она же в слезах смотрела на небо, ибо сердце ее уповало на Господа. И сказали старцы:

— Когда мы ходили по саду одни, вошла эта женщина с двумя служанками, и затворила двери сада, и отослала служанок. И пришел к ней юноша, который скрывался там, и лег с нею. Мы, находясь в углу сада и видя такое беззаконие, побежали к ним и увидели их вместе, но юношу не могли удержать, потому что он был сильнее нас, и, отворив двери сада, он выскочил. Но эту мы схватили и допрашивали: кто был тот юноша? Но она не захотела объявить нам. Об этом мы свидетельствуем.

И поверило им собрание, как старейшинам народа и судиям, и осудили Сусанну на смерть. Тогда возопила Сусанна громким голосом и сказала:

— Боже вечный, ведающий сокровенное и знающий все, прежде бытия их! Ты знаешь, что они ложно свидетельствовали против меня, и вот я умираю, не сделав ничего из того, что эти люди злостно выдумали на меня.

И услышал Господь голос ее.

Когда она ведена была на смерть, Бог возбудил Духом Святым молодого юношу, по имени Даниила. И он закричал громким голосом:

— Чист я от крови ее!

Тогда обратился к нему весь народ и сказал:

— Что это за слово, которое ты сказал?

Тогда Даниил, став посреди них, сказал:

— Так ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не исследовав и не узнав истины, осудили дочь Израиля? Возвратитесь на суд, ибо эти старцы ложно против нее засвидетельствовали.

И тотчас весь народ возвратился, и сказали старцы Даниилу:

— Садись посреди нас и объяви нам, потому что Бог дал тебе старейшинство.

И сказал Даниил народу:

— Отделите их друг от друга подальше, и я допрошу их.

Когда же они отделены были один от другого, Даниил призвал одного из них и сказал ему:

— Состарившийся в злых днях! Ныне обнаружились грехи твои, которые ты делал прежде, производя суды неправедные, осуждая невинных и оправдывая виновных, тогда как Господь говорит: невинного и правого не умерщвляй (см.: Втор. 25, 1). Итак, если ты видел эту женщину, скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом?

Он сказал: «Под мастиковым»[1].

Даниил сказал:

— Точно солгал ты на твою голову, ибо вот, Ангел Божий, приняв приговор от Бога, рассечет тебя пополам.

Удалив его, Даниил приказал привести другого и сказал ему:

— Племя Ханаана, а не Иуды! Красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. Так поступали вы с дочерьми Израиля, и они из страха имели общение с вами; но дочь Иуды не потерпела беззакония вашего. Итак, скажи мне: под каким деревом ты застал их разговаривающими между собою?

Он сказал:

— Под зеленым дубом[2].

Даниил сказал ему:

— Точно ты солгал на твою голову, ибо Ангел Божий с мечом ждет, чтобы рассечь тебя пополам, чтобы истребить вас.

Тогда все собрание закричало громким голосом и благословило Бога, спасающего надеющихся на Него, и восстало на обоих старцев, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали. И поступили с ними так, как они злоумыслили против ближнего, по закону Моисееву, и умертвили их; и спасена была в тот день кровь невинная. А Хелкия и жена его прославили Бога за

---

[1] В славянском «под терновым» — греческое «схинос» (мастиковое дерево).

[2] Славянское «под черемухой» — греческое «мринос» (так называемый каменный дуб).

дочь свою Сусанну с Иоакимом, мужем ее, и со всеми родственниками, потому что не найдено было в ней постыдного дела.

И Даниил стал велик пред народом с того дня и потом — ради мудрости своей и бывших в нем Божественных дарований[1].

В то время Навуходоносор, царь Вавилонский, сказал Асфеназу, начальнику евнухов своих, чтобы он из пленных сынов Израиля, из рода царского и княжеского, привел отроков, у которых нет никакого телесного недостатка, красивых видом и понятливых для всякой науки и смышленых и годных служить в чертогах царских, и чтобы научил их книгам и языку халдейскому. И назначил им царь ежедневную пищу с царского стола и вино, которое сам пил, и велел воспитывать их три года, по истечении которых они должны были предстать пред царя. Между ними были из сынов Иудиных Даниил и с ним три других отрока, также царского рода: Анания, Азария и Мисаил. И переименовал их начальник евнухов: Даниила — Балтасаром, Ананию — Седрахом, Мисаила — Мисахом и Азарию — Авденаго[2]. Даниил вместе с тремя товарищами своими положил в сердце своем не оскверняться яствами со стола царского и вином, какое пьет царь, и потому просил начальника евнухов о том, чтобы не оскверняться им. Бог даровал Даниилу милость и благорасположение начальника евнухов, который сказал Даниилу:

— Боюсь я господина моего, царя, который сам назначил вам пищу и питье; если он увидит лица ваши худощавее, нежели у отроков — сверстников ваших, то вы сделаете голову мою виновною пред царем.

Тогда сказал Даниил Амелсару, которого начальник евнухов приставил к Даниилу, Анании, Азарии и Мисаилу:

— Испытай рабов твоих в течение десяти дней; пусть дают нам в пищу овощи и воду для питья. И потом пусть явятся пред тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как знаешь.

Он послушался их в этом и испытывал их десять дней. По истечении же десяти дней лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами. Тогда

---

[1] Это сказание о Сусанне находится в главе тринадцатой книги пророка Даниила и относится к неканоническим местам Библии.

[2] Переименованы они были в знак зависимости своей от Навуходоносора.

Амелсар брал их кушанье и вино для питья и давал им овощи. И даровал Бог четырем этим отрокам, знания и разумения всякой книги и мудрости, а Даниилу еще даровал разуметь и всякие видения и сны. По окончании тех дней, когда царь приказал представить их, начальник евнухов представил их Навуходоносору. И царь говорил с ними, и из всех отроков не нашлось подобных Даниилу, Анании, Азарии и Мисаилу, — и стали они служить пред царем. И во всяком деле мудрого уразумения, о чем ни спрашивал их царь, он находил их в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов, какие были во всем царстве его[1].

Во второй год царствования своего Навуходоносор видел сон, и возмутился дух его, и сон удалился от него. И велел царь созвать тайноведцев, гадателей, чародеев и халдеев[2], чтобы они рассказали царю сон его. Они пришли и стали пред царем. И сказал им царь:

— Сон снился мне, и тревожился дух мой; желаю знать этот сон.

И сказали халдеи царю:

— Царь! Вовеки живи! Скажи сон рабам твоим, и мы объясним значение его.

Отвечал царь и сказал халдеям:

— Слово отступило от меня; если вы не скажете мне сновидение и значение его, то в куски будете изрублены, и дома ваши обратятся в развалины.

---

[1] Сказание о воспитании при царском дворе Даниила, Анании, Азарии и Мисаила находится в книге пророка Даниила, гл. 1, ст. 3–20.

[2] *Обаятели* (русское — *тайноведцы*), *волхвы* (русское — *гадатели*), *чародеи, халдеи*. Это различные наименования людей мудрых, обладавших высокими и обширными знаниями, особенно знанием тайных сил природы, священных письмен (иероглифов), а также в области астрономии и медицины. Главным занятием их было изучение природы, наблюдение за явлениями небесными, толкование снов, угадывание будущего; вместе с тем они были большей частью и жрецами. Таковы волхвы, современные Иосифу (см.: Быт. 41, 8) и Моисею (см.: Исх. 7, 11), и волхвы, приходившие на поклонение Иисусу Христу (см.: Мф. 2, 1–2). Сюда же можно относить Валаама (см.: Чис. 22, 5) и Симона (см.: Деян. 8, 1). Многие из них были людьми мудрыми и учеными в лучшем смысле этого слова и даже удостаивались иногда особенных откровений от Бога, как, например, Валаам и волхвы, приходившие на поклонение Иисусу Христу, а другие несомненно к научным занятиям присоединяли и низкое ремесло волшебства, ворожбы, заклинания, разные обманы и тому подобное. Поэтому-то, вероятно, они и называются между прочим обаятелями и чародеями.

Халдеи отвечали царю и сказали:

— Нет на земле человека, который мог бы открыть это дело царю, и потому ни один царь, великий и могущественный, не требовал подобного ни от какого тайноведца, гадателя и халдея. Дело, которого царь требует, так трудно, что никто другой не может открыть его царю, кроме богов, которых обитание не с плотью.

Царь страшно разгневался на это и приказал истребить всех мудрецов вавилонских. Когда вышло повеление убивать мудрецов, стали разыскивать Даниила и товарищей его, чтобы умертвить их. Тогда Даниил обратился с советом и мудростию к Ариоху, начальнику царских телохранителей, которому было повелено убивать мудрецов вавилонских, и спросил его о причине этого грозного повеления царя. Тогда Ариох рассказал все дело Даниилу. Даниил вошел и упросил царя дать ему время, для того чтобы представить истолкование сна. Получив просимое, Даниил возвратился в дом свой и рассказал обо всем Анании, Азарии и Мисаилу, товарищам своим, чтобы они просили милости у Бога об этой тайне, чтобы он, Даниил, и товарищи не погибли с прочими мудрецами вавилонскими. И тогда открыта была тайна Даниилу в ночном видении, и Даниил прославил Бога. После этого Даниил пошел к Ариоху, которому царь повелел умертвить мудрецов вавилонских, и сказал ему:

— Не убивай мудрецов вавилонских; введи меня к царю, и я открою значение сна.

Ариох немедленно привел Даниила к царю и сказал ему:

— Я нашел человека из пленных сынов иудейских, который может открыть царю значение сна.

Царь сказал Даниилу:

— Можешь ли ты сказать мне сон, который я видел, и значение его?

Даниил отвечал царю:

— Тайны, о которых царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадатели. Но есть на небесах Бог, открывающий тайны, — и Он открыл царю Навуходоносору, что́ будет в последние дни; по снисхождению же к нашему смирению, Он и нам открыл сон твой, ибо я узнал о нем не по особенной своей мудрости, но по откровению милосердого Бога. Сон твой и видения главы твоей на ложе твоем были такие. Ты, царь, на

ложе твоем думал, что́ будет после этого (то есть кто будет после тебя царствовать), — и Открывающий тайны показал тебе, что́ будет. Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан; в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его железные, ноги его — частью железные частью — глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались, как прах на летних гумнах, и ветер унес их и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великой горой и наполнил всю землю. Вот сон твой, царь. А значение его таково: голова золотая — это ты и бывшие прежде тебя цари вавилонские. Серебро — означает, что после тебя восстанет другое царство, ниже твоего. После этого будет третье царство — медное, которое будет владычествовать над всею землею[1]. Затем восстанет царство четвертое, которое будет крепко, как железо, ибо как железо разбивает и раздробляет все (и медь, и серебро, и золото), так и оно будет все раздроблять и сокрушать. А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из железа, а частью из глины горшечной — это значит, что царство то будет разделено и отчасти в нем будет твердость железная, но будет нечто и рыхлое. Что же касается до смешения железа с глиною, то это значит, что они попытаются войти в общение посредством брачных союзов; но не соединятся друг с другом, точно так же, как железо не скрепляется глиной[2]. Во

---

[1] Это царство не называется у пророка по имени, но, по мнению толковников (блаженный Иероним), это царство — Македонское, которое хотя уступало в блеске предыдущим, подобно тому как медь уступает золоту и серебру, за то превосходило их силою, насколько медь прочнее золота и серебра. Такое понимание подтверждается и другими местами книги преподобного Даниила, где первым царством после Мидо-Персидского указывается именно царство греческое, сменившее его (гл. 8, ст. 21–22; гл. 11, ст. 2–4).

[2] Под четвертым царством следует разуметь царство Сиро-Египетское. Контекст речи дает основания разуметь здесь то именно царство, которое в историческом порядке следовало за Македонским и предшествовало мессианскому царству, а таковым было Сиро-Египетское. Царство Македонское, как известно, по смерти своего основателя Александра Великого, распалось на четыре: Сирийское, Фра-

дни этих царей Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится. Оно раздробит и разрушит все эти царства, а само останется навеки, и власть над ним не перейдет к другому народу. Вот что означает сон, и истолкование его верно[1].

Тогда царь Навуходоносор пал на лицо свое и поклонился Даниилу и велел принести ему дары и благовонные курения. И сказал царь Даниилу:

— Истинно Бог ваш есть Бог богов, Господь над господами, и Владыка царей, когда ты мог открыть эту тайну[2].

Тогда возвысил царь Даниила и дал ему много больших подарков, и поставил его над всей областью вавилонской, и главным начальником над всеми мудрецами вавилонскими. Также и товарищей Даниила — Ананию, Азарию и Мисаила — по просьбе Даниила, почтил великими почестями, сделав начальниками страны вавилонской[3].

кийское, Македонское и Египетское. Эти царства, выделившиеся одно из другого, существовали параллельно друг другу, подобно ногам статуи, никогда не соединяясь друг с другом. На эту особенность четвертого царства и указывает несоединимость железа с глиною. Другая, указанная пророком черта, которая ближе всего подходит к царству Сиро-Египетскому, это особенная враждебность этого царства в отношении к народу Божию (гл. 7, ст. 21–25; гл. 11, ст. 28). Действительно, история показывает, что злоба языческих царей к евреям достигла особенного ожесточения в период зависимости от царей сирийских и египетских. Особенно же враждебно было царство Сирийское, а из царей его — Антиох Епифан.

[1] Камень, отпавший от горы без содействия рук и разбивший истукана, — это, по учению Церкви, — Христос, Сын Божий, Который родится от Чистой и Неискусобрачной Девы, без мужа. Он, сокрушив и разрушив все временные царства, воздвигнет царство, которое не сокрушится вовеки, и царство это будет духовное.

[2] Сон, виденный Навуходоносором, не был простым сновидением, но был откровением ему воли Божией. В такой же форме получали откровения от Бога другие языческие цари, например Авимелех, царь Герарский (см.: Быт. 20, 3), фараон, царь Египетский (см.: Быт. 41, 1–9), Елифаз, царь Феманский (см.: Иов. 4, 12–18). Что языческие цари получают небесное откровение, это не должно казаться странным. Языческие цари, управлявшие судьбами народов, были исполнителями воли Божией, орудиями всемогущества Божия, от Бога получали свое высокое звание, Богом же невидимо были руководимы и поддерживаемы в своих действиях (см.: Ис. 44, 28 и другие). Этим-то и объясняется, почему они удостаивались иногда непосредственных откровений от Бога.

[3] Сказание о сне Навуходоносора и изъяснении этого сна пророком Даниилом находится в его же книге: гл. 2, ст. 1–49. (Из второй главы читается паремия на Рождество Христово: ст. 31–36; 44–45.)

В восемнадцатый год плена вавилонского Навуходоносор, царь вавилонский, сделал золотого истукана, вышиною в шестьдесят локтей, шириной в шесть локтей, и поставил его на поле Деире, в области Вавилонской[1]. И послал царь Навуходоносор собрать сатрапов[2], наместников, воевод, верховных судей, казнохранителей, законоведцев, блюстители суда и всех областных правителей, чтобы они пришли на торжественное открытие истукана, который поставил царь Навуходоносор. И собрались сатрапы, наместники, военачальники, верховные судьи, казнохранители, законоведцы, блюстители суда и все областные правители на открытие истукана и стали пред ним. На том же поле Навуходоносор устроил и раскаленную огнем печь — для погубления тех, кто не стал бы повиноваться его царскому повелению. Тогда глашатай громко воскликнул:

— Объявляется вам, народы, племена и языки! В то время, как услышите звуки трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, который доставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас будет брошен в печь, раскаленную огнем.

Поэтому, когда все народы услышали звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, то пали все народы, племена и языки и поклонились золотому истукану.

В это самое время приступили некоторые из халдеев и донесли царю на Ананию, Азарию и Мисаила, сказав:

— Богам твоим они не служат и золотому истукану, который ты поставил, не поклоняются.

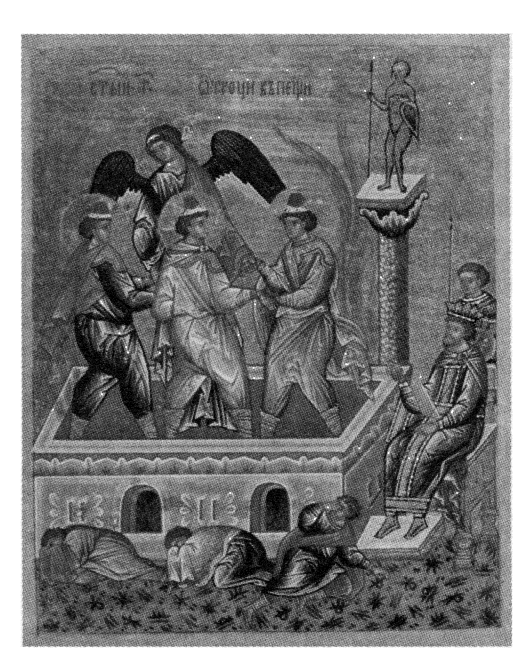
Тогда царь, призвав их, стал спрашивать, правда ли то, что говорят про них? Они же отвечали:

— Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, Он нас избавит. Если же и не будет этого, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, который ты поставил, не поклонимся.

---

[1] Какое значение усвоялось этой статуе, у пророка не сказано: может быть, это был идол одного из богов, которым служили вавилоняне, а может быть, эта статуя была поставлена в честь самого Навуходоносора.

[2] *Сатрапы* — высшие верховные сановники при персидском дворе, управлявшие отдельными областями царства.



Три отрока в пещи огненной

Тогда Навуходоносор исполнился ярости и повелел разжечь печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали ее и бросить в нее связанными Ананию, Азарию и Мисаила. Воля царя была исполнена в точности: мужи эти были скованы и во всей одежде брошены в средину раскаленной печи. При этом, так как повеление царя было весьма строго и печь была раскалена чрезвычайно, то даже исполнители этой казни погибли от огня. А эти три мужа — Анания, Азария и Мисаил, будучи скованы и ввержены в самую средину пламени, не только не потерпели никакого вреда, но и свободно ходили посреди пламени, воспевая Бога и благословляя Господа. А между тем слуги царя, ввергшие их, не переставали разжигать печь нефтью, смолою, паклею и хворостом; и поднимался пламень над печью на сорок девять локтей; и вырывался, и сожигал тех из халдеев, которых достигал около печи. Но Ангел Господень сошел в печь вместе с Азариею и бывшими с ним. И выбросил пламень огня из печи, и сделал, что в средине печи был как бы шумящий влажный ветер, и огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им, и не смутил их. Тогда эти трое, как бы одними устами, воспели в печи, и благословили и прославили Бога:

— Благословен Ты, Господи, Боже отцов наших, и хвальный и превозносимый вовеки — и прочее[1].

---

[1] Эта хвалебная песнь находится в той же книге: гл. 3, ст. 52–90; песнь эта служит основанием седьмой и восьмой песней церковных канонов. Сказание о трех отроках в пещи вавилонской в богослужебных песнопениях нашей Церкви понимается как прообраз нетленного пребывания Спасителя во гробе. Поэтому-то глава третья из книги пророка Даниила и читается в церкви — на вечерне в Великую субботу.

Навуходоносор царь, услышав, что они поют, изумился и поспешно встал, и сказал вельможам своим:

— Не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными?

Они в ответ сказали царю:

— Истинно так, царь!

На это он сказал:

— Вот я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда, и вид четвертого подобен Сыну Божию.

Тогда подошел Навуходоносор к устью печи, раскаленной огнем, и сказал:

— Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего, выйдите и подойдите!

Тогда Анания, Азария и Мисаил вышли из среды огня. И, собравшись, сатрапы, наместники, военачальники и советники царя усмотрели, что над телами мужей этих огонь не имел силы: волосы на головах их не опалены, одежды их не изменились и даже горелым от них не пахло. И поклонился пред ними царь Богу, и сказал:

— Благословен Бог Седраха, Мисаха и Авденаго, Который послал Ангела Своего, и избавил рабов Своих, надеявшихся на Него. И от меня дается повеление, чтобы из всякого народа, племени и языка — кто произнесет хулу на Бога Седраха, Мисаха и Авденаго, был изрублен в куски и дом его обращен в развалины, ибо нет иного Бога, Который мог так спасать рабов Своих.

После того царь почтил трех отроков еще бóльшею честию, возвысив их над всеми и удостоив начальства над прочими иудеями в его царстве[1].

Между тем Навуходоносор, благоденствуя на престоле своем, очень возгордился и, спустя немного времени, увидал другой сон, который предзнаменовал его падение и смирение.

Он увидел во сне дерево посреди земли. Большое это было дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли. Листья его были прекрасны, и плодов на нем множество, так что можно было бы всем прокормиться от него; под

---

[1] Это чудо с очевидностью свидетельствовало для Навуходоносора и его вельмож, оклеветавших пред ним праведников, равно свидетельствует и для всех во все времена, что для охраняемых Богом праведников, надеющихся на Него, не страшны никакие опасности (ср.: Ис. 43, 2; Пс. 90, 1–7 и другие).

ним находили тень полевые звери, в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть. И вот, низшел с небес Бодрствующий и Святой. Воскликнув громко, Он сказал:

— Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него, и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте в земле, и пусть он, в узах железных и медных, среди полевой травы орошается небесною росою, и с животными пусть обитает в траве земной. Сердце человеческое отнимется от него, и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь времен.

Этот сон смутил царя, и он, снова собрав всех мудрецов вавилонских, гадателей и чародеев, поведал им сновидение свое, чтобы они объяснили ему его значение. Но никто не мог этого сделать, доколе не был призван Даниил, на котором почивал Дух Божий. Услышав сон царя и подумав, Даниил сказал:

— Господин мой! Твоим бы ненавистникам этот сон, и врагам твоим значения его. Дерево, которое ты видел, это — ты, царь, возвеличившийся и укрепившийся, и величие твое возросло и достигло до небес, и власть твоя — до краев земли. Но вскоре ты потеряешь царство: тебя отлучат от людей, и обитание твое будет с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола; росою небесною ты будешь орошаем, и так пройдет семь лет, доколе ты не познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет. А что повелено было оставить главный корень дерева, — это значит, что царство твое останется при тебе до тех пор, пока ты не познаешь власть небесную. Поэтому, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным, — может быть, Бог и простит твои преступления.

Так объяснил святой Даниил сон царю, и сбылось все сказанное им.

По прошествии двенадцати месяцев, расхаживая по царским чертогам в Вавилоне, царь сказал:

— Это ли не величественный Вавилон, который построил я в доме царства силою моего могущества и в славу моего величества!

Еще речь эта была в устах царя, как с неба раздался голос:

— Тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя! И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями; травой будут кормить тебя, как вола, и семь времен[1] пройдут над тобой, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его кому хочет.

Тотчас же слово это исполнилось над Навуходоносором: ум его затмился, и он впал в неистовство. Тогда оковали его цепями; и так как он не мог быть спокоен под кровлею дворца, то его оставили под открытым небом, и отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росою небесною, так что волосы у него выросли как у льва, и ногти как у птицы. По окончании семи лет, в продолжение которых никто другой не смел занять его царство, Навуходоносор возвел глаза свои к небу, и разум его возвратился к нему; и благословил он Всевышнего, восхвалил и прославил Присносущего, Которого владычество — владычество вечное и Которого царство — в роды и роды. «И все, живущие на земле — ничего не значат, — размышлял царь, — по воле своей Он действует как в небесном воинстве, так и среди живущих на земле; и нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: что ты сделал?» В то время возвратился к царю разум его, и к славе царства его возвратились к нему сановитость и прежний вид его; тогда взыскали его советники его и вельможи его, и восстановлен он был на царство свое, и величие его еще более возвысилось[2].

И жил Навуходоносор, хваля, благословляя и прославляя Царя небесного. Царствовал он всего сорок три года и скончался в мире. По смерти Навуходоносора царство Вавилонское наследовал сын его Евильмеродах. Он освободил из дома темничного пленного царя Иудейского — Иехонию, содержимого там в оковах. И беседовал с ним дружелюбно и поставил престол его выше престолов царей, которые были у него в Вавилоне; переменил темничные одежды его, и он всегда обедал у него, во все дни жизни своей (см.: 4 Цар. 25, 27–30; Иер. 52, 31–34).

По смерти Евильмеродаха воцарился зять Навуходоносора Набонид, сделавший соправителем своим сына своего, Валтасара. В его

[1] То есть лет.

[2] Сказание о наказании Навуходоносора за его гордость находится в книге пророка Даниила, глава четвертая.

царствование пророк Даниил удостоился многих видений, в которых, под образом различных зверей, было указано на последующих царей и царства, на антихриста, кончину века и страшный суд[1].

— Видел я, — говорит Даниил, — что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело как снег, и волосы главы Его, как чистая во́лна; престол Его, как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели на судилище, и раскрылись книги[2].

И иные страшные и ужасные откровения были им видены, о чем достаточно записано в его книге[3].

---

[1] Видение Даниила о большой брани (10–12 гл.), по объяснению самой книги, относится к Антиоху Епифану — этому злейшему врагу иудеев и означает гонения его на иудеев и конечную погибель его самого. По мнению некоторых толкователей, это пророчество, в некоторых частностях своих неприложимое к Антиоху Епифану, прообразовательно говорит об антихристе, его гонениях против верующих и погибели. И апостол Павел, предсказывая явления в мир антихриста, изображает его чертами (см.: 2 Фес. 2, 4), сходно с теми, какие у пророка Даниила усвояются Антиоху (гл. 8, ст. 9–12; гл. 11, ст. 28–31; 36–39).

[2] Книга пророка Даниила, гл. 7, ст. 9–10. *Ветхий днями*, то есть *Вечный* (следовательно, Бог). — Подобное человекообразное представление невидимого, беспристрастного и страшного суда Божия над грешниками находится и в Апокалипсисе святого Иоанна Богослова (см.: Откр. 4, 1–4 и другие).

[3] Самое ясное и точное мессианское пророчество заключается в третьем пророческом видении Даниила (9 гл.) о *семидесяти седминах*, имеющих пройти со времени издания указа о построении второго храма (в 453 году до Рождества Христова) до явления Христа и совершения Им Нового Завета. По смыслу данного Даниилу Архангелом Гавриилом объяснения, со времени указа Кира должно пройти семь седмин до создания храма; после следующих шестидесяти двух седмин убит будет Помазанник, утвердится Новый Завет и упразднятся жертвы и затем мерзость запустения станет *на месте святом*. Черты, какими обрисован здесь этот Помазанник, вполне приличествуют именно Иисусу Христу (ср. гл. 7, ст. 24–27 с Деян., гл. 20, ст. 43; Евангелие от Луки, гл. 3, ст. 24; Евангелие от Матфея, гл. 11, ст. 16; Евангелие от Луки, гл. 24, ст. 25–27; гл. 21, ст. 20). Под *седминами* можно разуметь только семилетия; ибо только при таком понимании их, между пророчествами Даниила и позднейшей историей будет полное соответствие. Именно семь первых седмин вполне соответствуют сорока девяти годам, протекшим от указа Кира до окончания построения города и храма Иерусалимского; следующие шестьдесят две седмины равны четыремстам тридцати четырем годам, которые в соединении с сорока девятью годами первой седмины — четыремстам восьмидесяти трем годам вполне соответствуют периоду до явления Иисуса Христа на дело

В одно время царь Валтасар сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и пред глазами их пил вино. Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, дед его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них вино царю, вельможам его, женам и наложницам. Тогда принесены были золотые и серебряные сосуды и пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино и славили идолов, золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных, а Бога Вечного, имеющего власть над ними, не прославили. В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали на стене чертога царского, на которую падал свет от светильника, и царь видел кисть руки, которая писала. Тогда царь изменился в лице своем; мысли смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое. Сильно закричал царь, чтобы привели обаятелей, халдеев и гадателей, и сказал царь мудрецам вавилонским:

— Кто прочитает написанное и объяснит мне значение его, тот будет облечен в багряницу, и золотая цепь будет на шее у него, и третьим властелином будет в царстве[1].

И вошли все мудрецы царя, но не могли прочитать написанного и объяснить царю значение его. Царь Валтасар чрезвычайно встревожился, и вельможи его смутились. Тогда в палату пиршества вошла царица — бабка Валтасара, жена Навуходоносора, и поведала ему о Данииле, имеющем в себе Духа Божия, который во дни деда его Навуходоносора был поставлен начальником над всеми мудрецами, чародеями, халдеями и гадателями — за великий разум и премудрость его и уменье объяснять сны и видения. Тогда введен был Даниил, и царь сказал ему:

— Ты ли Даниил, один из пленных сынов Иудейских, которых дед мой, царь Навуходоносор, привел из Иудеи? Я слышал о тебе,

---

служения роду человеческому, в пятнадцатый год Тиверия. По пророчеству, убиение Христа должно совершиться в половине последней седмины, то есть через три с половиной года после того явления, как действительно и было то по сказанию евангелистов. После этой полседмины должна наступить *мерзость запустения на месте святом*, то есть разрушения Иерусалима, что в свою очередь, указывая на слова Даниила, предсказал и Спаситель (см.: Мф. 24, 15); так действительно и совершилось все это при разрушении Иерусалима Титом и Веспасианом.

[1] То есть первым после царей Набонида и Валтасара.

что Дух Божий в тебе, и свет, и разум, и высокая мудрость найдена в тебе. Итак, прочитай мне написанное на стене перстами невидимой руки и объясни значение его, чего не могли сделать многие мудрецы, волхвы и гадатели, приходившие ко мне. Итак, если можешь прочитать написанное и объяснить мне значение его, то облечен будешь в багряницу, и золотая цепь будет на шее твоей, и третьим властелином будешь в моем царстве.

Тогда отвечал Даниил и сказал царю:

— Дары твои пусть останутся у тебя, и почести отдай другому; а написанное я прочитаю царю и значение объясню ему.

Сказав это царю, святой Даниил сначала начал напоминать ему о деде его Навуходоносоре, как тот за свою гордость был наказан Богом — потерял образ человеческий, был отлучен от людей и питался травою. Далее Даниил стал обличать царя за гордость его, что он, позабыв о наказании Божием деда своего, не смирил сердца своего пред Господом, но вознесся против Господа небес и сосуды храма Его осквернил винопитием на пиршестве с вельможами и наложницами своими. Обличал он его также и за то, что тот, славя богов золотых и серебряных, медных, железных, каменных и деревянных, которые ничего не видят, не слышат и не понимают, не прославил Бога, в руках Которого дыхание его и вся судьба его. Обличив во всем этом царя, Даниил обратился к написанному и начал читать. И вот что было написано: *мене, текел, фарес*. Написанное же Даниил объяснил так: *мене* — значит исчислил Бог царство твое и положил конец ему; *текел* — ты взвешен на весах и найден очень легким; *фарес* — разделено царство твое и дано мидянам и персам. Услышав это, царь, согласно обещанию своему, почтил Даниила, хотя и беспокоился духом из-за печального предсказания. И облекли Даниила в багряницу, возложили златую цепь на шею его, и царь возвестил о нем, чтобы он был третьим властелином в царстве его.

Предсказание Даниила сбылось. В ту же самую ночь Валтасар, царь Вавилонский, был убит, а Дарий Мидянин вместе с Киром Персидским принял царство, будучи шестидесяти двух лет[1].

Во время своего царствования Дарий поставил в царстве сто двадцать сатрапов, а над ними трех князей, из которых один был

---

[1] Сказание о пире Валтасара, о погибели его и падении царства Вавилонского находится в книге пророка Даниила, гл. 5.

Даниил; эти сатрапы должны были давать им отчеты, чтобы царю не было никакого обременения. Даниил превосходил прочих князей и сатрапов, потому что в нем был высокий дух, и царь помышлял уже поставить его главою над всем царством.

Тогда князья и сатрапы начали искать предлога к обвинению Даниила по управлению царством; но никакого предлога и погрешностей не могли найти, потому что он был верен. И эти люди сказали:

— Не найти нам предлога против Даниила, если мы не найдем его против него в законе Бога его.

Тогда эти князья и сатрапы приступили к царю и так сказали ему:

— Царь Дарий! Вовеки живи! Все князья царства, наместники, сатрапы, советники и военачальники согласились между собою, чтобы сделано было царское постановления и издано повеление: кто в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога или человека, кроме тебя, царь, того бросить в львиный ров, на съедение. Итак, утверди, царь, это определение и подпиши указ, чтобы он был неизменен, как закон Мидийский и Персидский, и не был нарушаем.

Царь Дарий, не поняв лукавого намерения их, подписал указ и это повеление. Даниил, узнав, что подписан такой указ, пошел в дом свой; окна же в горнице его были открыты против Иерусалима, и он три раза в день преклонял колена, и молился своему Богу, и славословил Его, как это делал он и прежде того. Тогда эти люди подсмотрели и нашли Даниила молящимся и просящим милости пред Богом своим. Потом пришли и напомнили царю о его повелении:

— Не ты ли, царь, подписал указ, чтобы всякого человека, который в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога или человека, кроме тебя, царь, бросать в львиный ров?

Царь отвечал и сказал:

— Это слово твердо, как закон мидян и персов, не допускающий изменения.

Тогда отвечали они и сказали царю, что Даниил, из пленных сынов Иудеи, не обращает внимания ни на царя, ни на указ, им подписанный, но три раза в день молится своими молитвами. Царь, услышав это, сильно опечалился, и положил в сердце своем спасти Даниила, и даже до захождения солнца усиленно старался избавить его. Но те люди приступили к царю и сказали ему:

— Знай, царь, что по закону мидян и персов никакое определение или постановление, утвержденное царем, не может быть изменено.

Тогда царь повелел привести Даниила и бросить его в ров львиный; при этом царь сказал Даниилу:

— Бог твой, Которому ты неизменно служишь, спасет тебя!

После того принесен был большой камень и положен на отверстие рва, и царь запечатал его перстнем своим и перстнем вельмож своих, чтобы враги Даниила не сделали ему чего-либо хуже: ибо злым людям он доверял не больше, чем лютым зверям. Затем царь пошел в свой дворец, лег спать без ужина, и даже не велел вносить к нему пищи, и сон бежал от него.

Бог же заградил уста львов, и они не сделали никакого вреда Даниилу.

Поутру царь встал на рассвете и поспешно пошел ко рву львиному. И воскликнул царь громким голосом:

— Даниил, раб Бога живого! Бог твой, Которому ты неизменно служишь, мог ли спасти тебя от львов?

Тогда Даниил сказал царю:

— Царь! Вовеки живи! Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред Ним чист; да и пред тобою, царь, я не сделал преступления.

Тогда царь чрезвычайно возрадовался о Данииле и повелел вывести его изо рва; и поднят был Даниил изо рва, и никакого повреждения не оказалось на нем. И приказал царь, и приведены были те люди, которые обвиняли Даниила, и брошены в львиный ров, как они сами, так и дети их и жены их; и еще не достигли они до дна рва, как львы овладели ими, и сокрушили все кости их. После того царь Дарий написал всем народам, племенам и языкам, живущим по всей земле:

— Мир вам да умножится! Мною дается повеление, чтобы во всякой области царства моего трепетали и благоговели пред Богом Данииловым; потому что Он есть Бог живой и присносущий, и царство Его несокрушимо, и владычество Его бесконечно. Он избавляет и спасает, и совершает чудеса и знамения на небе и на земле; Он избавил Даниила от силы львов[1].

---

[1] Сказание о чудесном спасении Даниила во рву львином находится в книге пророка Даниила, гл. 6.

И был Даниил в великой чести у царя Дария как никто более, и царь объявил его своим самым первым другом. В такой же чести были три товарища Даниила: Анания, Азария и Мисаил.

Иудейский историк Иосиф Флавий повествует о Данииле, что он, как первый сановник, имел великую власть в царстве Персидском, и что в городе Экбатанах[1] он построил знаменитую башню, которая во времена означенного историка, спустя несколько сотен лет после постройки, казалась новою, как будто бы сейчас была построена. В этой башне погребались цари мидийские и персидские, а охранение ее было поручено одному из иудейских священников.

После царя Дария царь Кир также имел святого Даниила в великой чести, ибо сделал его наперсником своим и посредником между народом. И жил Даниил вместе с царем и был славнее всех друзей его.

Был у вавилонян идол, по имени Вил[2], и издерживали на него каждый день двадцать больших мер пшеничной муки, сорок овец и вина шесть мер. Царь чтил его и ходил каждый день поклоняться ему; Даниил же поклонялся Богу своему. И сказал ему царь:

— Почему ты не поклоняешься Вилу?

Он отвечал:

— Потому что я не поклоняюсь идолам, сделанным руками человеческими, но поклоняюсь живому Богу, сотворившему небо и землю и владычествующему над всякою плотию.

Царь сказал:

— Не думаешь ли ты, что Вил не живой Бог? Не видишь ли, сколько он ест и пьет каждый день?

Даниил, улыбнувшись, сказал:

— Не обманывайся, царь; ибо он внутри глина, а снаружи медь, и никогда не ел и не пил.

Тогда царь, разгневавшись, призвал жрецов своих и сказал им:

— Если вы не скажете мне, кто съедает все это, то умрете. Если же вы докажете мне, что съедает это Вил, то умрет Даниил, потому что произнес хулу на Вила.

---

[1] *Экбатаны* — главный город Мидии и летняя резиденция персидских, а впоследствии парфянских царей. Город был очень древний, славился своим укрепленным замком и необыкновенною роскошью.

[2] *Вил*, или *Бел* (финикийский — *Ваал*), — название главного вавилонского бога солнца.

И сказал Даниил царю:

— Да будет по слову твоему.

Жрецов Вила было семьдесят, кроме жен и детей. И пришел царь с Даниилом в храм Вила, и сказали жрецы Вила:

— Вот, мы выйдем вон, а ты, царь, поставь пищу, и, налив вина, запри двери, и запечатай перстнем твоим. И если завтра ты придешь и не найдешь, что все съедено Вилом, то умрем мы, или же умрет Даниил, который солгал на нас.

Они не обращали на это внимания, потому что под столом сделали потаенный вход, и им всегда входили, и съедали пищу. Когда они вышли, царь поставил пищу пред Вилом, а Даниил приказал слугам своим, и они принесли пепел, и посыпали весь храм в присутствии одного царя, и выйдя заперли двери, и запечатали царским перстнем, и ушли. Жрецы же, по обычаю своему, пришли ночью с женами и детьми своими, и все съели и выпили.

На другой день царь встал рано и Даниил с ним и спросил царь:

— Целы ли печати, Даниил?

— Целы, царь, — отвечал тот.

И как скоро отворены были двери, царь, взглянув на стол, воскликнул громким голосом:

— Велик ты, Вил, и нет никакого обмана в тебе!

Даниил, улыбнувшись, удержал царя, чтобы он не входил внутрь, и сказал:

— Посмотри на пол и заметь, чьи это следы?

— Вижу следы мужчин, женщин и детей, — сказал царь.

И, разгневавшись, царь приказал схватить жрецов, жен их и детей, и они показали потаенные двери, которыми они входили, и съедали, что́ было на столе. Тогда царь повелел умертвить их, а Вила отдал Даниилу, и он разрушил его и храм его[1].

Был на том месте большой дракон, и вавилоняне чтили его.

И сказал царь Даниилу:

— Не скажешь ли и об этом, что он медь? Вот он живой, и ест и пьет; ты не можешь сказать, что этот бог не живой; итак, поклонись ему.

Даниил сказал:

---

[1] Сказание о Виле и драконе находится в 14 гл., ст. 3–23; сказание это относится к неканоническим местам книги.

— Господу Богу моему поклоняюсь, потому что Он Бог живой. Но ты, царь, дай мне позволение, и я умерщвлю дракона без меча и жезла.

Царь сказал:

— Даю тебе.

Тогда Даниил взял смолы, жира и волос, сварил это вместе и, сделав из этого ком, бросил его в пасть дракону, и дракон расселся. И сказал Даниил:

— Вот ваши святыни!

Когда же вавилоняне услышали о том, сильно вознегодовали и восстали против царя, и сказали:

— Царь сделался иудеем: Вила разрушил и убил дракона, и предал смерти жрецов.

И придя к царю, сказали:

— Предай нам Даниила, иначе мы умертвим тебя и дом твой.

И когда царь увидел, что они сильно настаивают, принужден был предать им Даниила. Они же бросили его в ров львиный, и он пробыл там шесть дней. Во рве было семь львов, и давалось им каждый день по два тела и по две овцы; в это время им не давали этой пищи, чтобы они съели Даниила. Но Бог, как и прежде, заградил уста львов, — и Даниил во рве сидел с ними, как с кроткими агнцами.

Был в Иудее пророк Аввакум, который, сварив похлебку и накрошив хлеба в блюдо, шел на поле, чтобы отнести это жнецам. Но Ангел Господень сказал Аввакуму:

— Отнеси этот обед, который у тебя, в Вавилон к Даниилу, в ров львиный.

Аввакум сказал:

— Господин! Вавилона я никогда не видал и рва не знаю.

Тогда Ангел Господень взял его за темя и, подняв его за волосы, поставил в Вавилоне над рвом силою духа своего. И воззвал Аввакум, и сказал:

— Даниил! Даниил! Возьми обед, который Бог послал тебе.

Даниил сказал:

— Вспомнил ты обо мне, Боже, и не оставил любящих Тебя.

И встал Даниил, и ел; Ангел же Божий мгновенно поставил Аввакума на его место.

В седьмой день пришел царь, чтобы поскорбеть о Данииле, и, подойдя ко рву, взглянул в него, и вот, Даниил сидел. И воскликнул царь громким голосом и сказал:

— Велик ты, Господь Бог Даниилов, и нет иного, кроме Тебя!

И приказал вынуть Даниила, а виновников его погубления бросить в ров, — и они тотчас были съедены в присутствии его[1].

Даниил и три друга его достигли до глубокой старости.

Святой Кирилл Александрийский и некоторые другие повествуют, что по смерти Навуходоносора и прочих царей, у которых были в чести Даниил и его товарищи, воцарился другой царь, по имени Камбиз[2]. Узнав об их вере и будучи ими обличен в своем нечестии, он повелел отсечь голову сначала Анании. Азария же, подставив одежду свою, принял ее. Отсеченную же голову Азарии принял Мисаил, голову же Мисаила, подставив одежду, принял Даниил. Наконец, отсекли голову и Даниилу. Говорят, что по усечении их каждая голова пристала к своему телу и Ангел Господень, взяв тела святых, отнес их на гору Гевал[3] и там они были положены под камнем. Через четыреста же лет, на день воскресения Господа нашего Иисуса Христа, вместе с некоторыми другими и эти воскресли и, явившись многим, снова почили[4]. Память их святыми отцами положено совершать за семь дней до Рождества Христова, потому что и они происходили из колена Иудина, от которого ведет свой род и Спаситель наш и таким образом приходится по плоти сродником этих святых.

Молитвами этих святых да устроит в мире житие наше Христос Бог наш, Которому слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[5].

---

[1] Сказание о шестидневном пребывании Даниила во рву львином находится в четырнадцатой главе книги пророка, ст. 28–42.

[2] *Камбиз* — царь Персидский, сын Кира (529–522 гг.), отличался жестокостью.

[3] *Гевал* — гора в колене Ефремовом, на северной стороне города Сихема.

[4] По свидетельству евангелиста Матфея, при смерти Господа нашего Иисуса Христа *гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град и явились многим* (Мф. 27, 52–53).

[5] Святая царица Елена принесла мощи пророка Даниила в Царьград и положила их близ церкви святого Романа. Их видели русские паломники: Антоний — в 1200 году, Стефан Новгородец — в 1342 году, дьяк Александр — в XIV веке и иеродиакон Зосима — в 1420 году. Гроб его доселе показывают в Сузах, столице Персидского царства; он чтится даже и язычниками.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ДАНИИЛА ИСПОВЕДНИКА

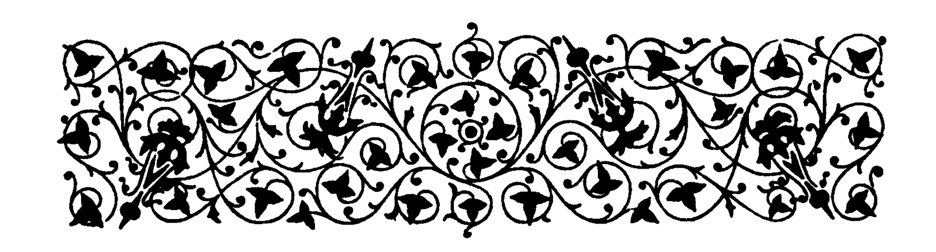
Преподобный Даниил был сначала владетелем одного острова, по имени Ниверты, иначе Веррои, находившегося близ Гадира[1]. Пользуясь счастливым положением своего владения на главном в то время пути морского плавания, Даниил приобрел много богатства; но, как воспитанный в христианском благочестии он предпочитал служить Богу, нежели маммоне (см.: Мф. 6, 24), вожделениям человеческим, — а наконец и от всего отказался, все почитая за сор, чтобы приобрести Христа (см.: Флп. 3, 8), оставил он власть и имущество детям, а сам удалился в Рим и там принял монашество. Из Рима он отправился в Константинополь, где беседовал с царями Романом и Константином[2], у которых испросил дозволения посетить Иерусалим. В Иерусалиме, поклонившись святым местам, Даниил принял от тамошнего патриарха Христодула[3] великую схиму с именем Стефана, но там же ему пришлось перенести много и досаждений и даже побоев от нечестивых сарацин. Оттуда он прошел в Египет; здесь он схвачен был и посажен в темницу, в которой томился, испытывая и голод, и жажду, и всякие злострадания, с посаженными вместе с ним двумя священниками, в продолжение шести месяцев. После того приснопоминаемый святой представлен был Амиру Египетскому, который возложил на него тяжелые оковы и принуждал отречься от Христа; но святой остался непоколебим и, не обинуясь, с дерзновением исповедал, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, за что́ и подвергся многим и разнообразным страданиям, изнемогая от которых Он и умер. О кончине своей Даниил получил предвозвещение от Бога.

---

[1] *Гадира* — Кадикс на юге Испании, близ Гибралтара.

[2] *Роман I Лакапен* — Византийский император с 917 по 944 год. *Константин VII* — византийский император с 912 по 959 год, царствовавший одновременно с Романом.

[3] *Христофор*, или *Христодул*, был патриархом Иерусалимским с 947 по 967 год.



День восемнадцатый

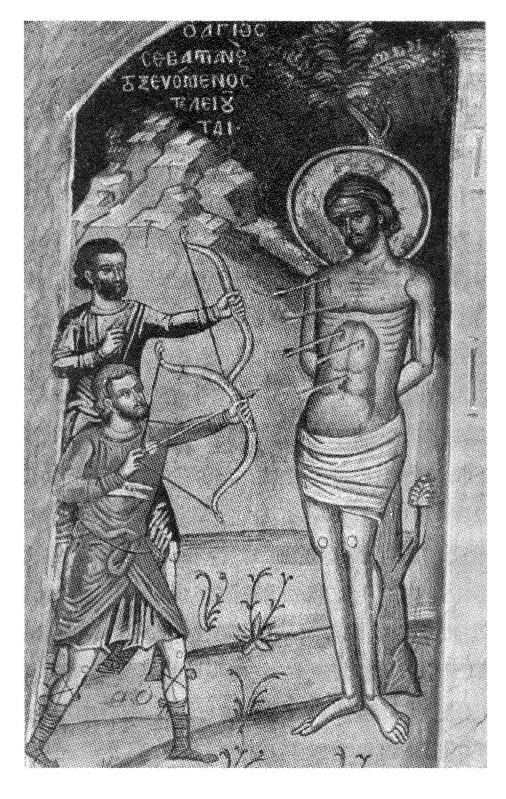
ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ святого мученика СЕВАСТИАНА и дружины его

Святой Севастиан родился в городе Нарбоне[1], а воспитание и обучение наукам получил в Медиолане[2]. Нечестивые цари, Диоклетиан и Максимиан[3], так полюбили его, что вручили ему начальство над дворцовой стражей и повелели ему всегда предстоять пред лицом их, ибо он был муж храбрый и умный, исполнен премудрости, правдив в словах, справедлив в суде, предусмотрителен в совете, на службе и во всех порученных ему делах верен и мужествен, и изо всех выделялся своею добродетелию и честностию. Воины его почитали как отца, а все придворные очень любили и уважали его, — ибо он отличался истинным благочестием. Как и следовало, — кого Бог ущедрил Своими дарами, того и все люди любили и почитали! Все время он прилежно работал Христу, молился и исполнял Его святые заповеди. Однако все это он делал тайно, чтобы не-

[1] *Нарбон* — ныне *Нарбонна* — цветущий, торговый город древних галлов, впоследствии (в начале II века) ставший римской колонией, в юго-восточной Галлии при реке Атаке; ныне довольно незначительный город Франции, недалеко от Лионского залива, на канале того же имени, соединяющем Средиземное море с Атлантическим океаном.

[2] *Медиолан* — ныне *Милан* — значительный город древней Цизальпинской Галлии, или нынешней Северной Италии.

[3] *Диоклетиан* и *Максимиан* — соимператоры Римской империи, царствовавшие с 284 по 305 год.



честивые цари не узнали о его вере во Христа. Скрывал же он в себе, под образом земной власти, воина Христова не потому, что боялся мук или любил почести и богатство и страшился лишиться его, но только для того, чтобы помогать христианам, которые в то время были жестоко гонимы и мучимы. Тех из них, которым он не мог испросить освобождения от уз и мучений или облегчить их страдания, он укреплял, советуя и убеждая мужественно положить жизнь свою за Господа, кровию Которого они искуплены, и пролить кровь свою, в чаянии вечной награды, после временных мучений. Так старался он приобрести Богу души, которые диавол хотел отторгнуть от Него и похитить себе, чтобы погубить их. Он поступал, по слову Писания: укреплял опущенные руки и расслабленные колена верных (ср.: Ис. 35, 3–4), малодушных же, сомневающихся и боящихся мук посредством увещаний утверждал в мужестве и возбуждал к подвигу. Видя пред собою многих святых, подвизавшихся добрым подвигом, претерпевших страдания, сохранивших среди жестоких мучений веру Христову и получивших по отшествии из этой жизни венцы вечной жизни, Севастиан и сам воспламенел желанием пострадать за Христа и ожидал, когда Господь укажет ему удобное для того время. И вот, наконец, настал тот час, в который он не мог более скрывать горящего в нем огня Божественной любви и ревности и объявил всем, кто он: свет не мог долее скрываться во тьме.

В то время два честных и благородных мужа, Маркелин и Марк, родные братья, были взяты за исповедания имени Христова и долго сидели в темнице; к ним часто приходил блаженный Севастиан и утешал их, беседуя о святой вере и убеждая отказаться от скоропре-

ходящих земных благ и не бояться мучений. Они послушались его здравого совета, мужественно перенесли наносимые им мучителями раны и, пребывая непоколебимыми в вере, были осуждены на усечения мечом. Но в то самое время, когда они, готовые умереть, склонили головы под меч, вышло повеление отпустить их домой к родителям, женам и детям. Еще живы были престарелые родители их, Транквиллин и Маркия. И родители, и все домашние просили римского правителя Агреста Хроматия продлить жизнь Маркелину и Марку на тридцать дней, в течение которых они могли бы уговорить этих братьев и склонить к поклонению языческим богам, ибо родители их, и жены, и все родственники их были язычники. Когда просимое время было дано, родители, жены, дети, родственники и друзья окружили Маркелина и Марка и с рыданием стали просить пощадить себя и их и, оставив свое намерение, сделать угодное царям. Отец, указывая на свои седины, старость и болезнь телесную, просил, чтобы они до его смерти не изменяли своей веры и похоронили бы его по обычаю; он уже ожидал скорой смерти и не мог ходить сам, а был всегда поддерживаем или переносим другими. Мать, указывая на грудь свою, которою вскормила их, требовала от них должного уважения и сыновнего повиновения, просила пощадить жизнь свою для нее и не отдавать себя на добровольную смерть. Маленькие дети простирали к ним руки, припадали к ногам и со слезами просили не оставлять их сиротами. Другие же дети, которые были еще в пеленах и не умели говорить, одним видом своим напоминали о сиротстве и возбуждали в родителях жалость. Жены говорили о своем вдовстве и, проливая горячие слезы, умоляли не губить их с собою, избрав себе смерть, а их подвергая различным бедствиям вдовьей жизни. Родные же убеждали не наносить такого бесчестия дому своему и всему роду и унижения от соседей, предавая себя позорной смерти. И все плакали и рыдали. Да и что оставалось делать тем непобедимым по своему святому дерзновению мужам? Ни одно мучение не могло их поколебать так, как эти искушения; их побеждала естественная любовь к престарелым родителям, женам, детям и родственникам, сокрушала жалость; и они начали сомневаться и колебаться, как трость от ветра, и таять сердцем, как воск от огня. Они и сами плакали вместе с родными и уже почти готовы были уступить их мольбам и отречься от святой веры.

Тогда святой Севастиан, находившийся в то время там, видя, что они готовы отречься и погубить свои души, сжалился над ними и, сознавая, что настало время и для его исповедания, чтобы и другим помочь, и самому пойти на подвиг страдания, встал посреди присутствовавших и, повелев всем замолчать, начал говорить:

— О доблестные воины Христовы! О искуснейшие ратники Божия воинства! Вот вы через свое великодушие уже приблизились мужественно к торжеству, а теперь хотите из-за нечестивых обольщений своих ближних сложить с себя венец вечный. Не делайте этого, но научите ныне Христовых воинов своим подвигом мужеству, — научите их вооружаться более верою, чем железом; не бросайте знамени ваших побед ради женских слез и не давайте ослабы низложенной под вашими ногами главе врага, чтобы он, получив опять силу, не начал с вами борьбу; ибо, если и прежнее его восстание было яростно, то, снова раздраженный, он придет в еще бо́льшую ярость. Воздвигните же над земными пристрастиями славную хоругвь вашего подвига и не оставляйте ее ради бесполезных детских слез. Те, которых вы видите плачущими, возрадовались бы теперь, если бы знали то, что вы знаете, ибо они думают, что жизнь существует только на земле, и когда она кончится и тело умрет, то не останется ни одной части души живой. Если бы они знали, что есть другая жизнь — бессмертная и безболезненная, в которой царствует непрестающая радость, то непременно пожелали бы войти в нее с вами и, презирая временную жизнь, старались бы получить вечную. Настоящая жизнь скоропреходяща и так непостоянна и неверна, что даже люди, привязанные к ней, теряют в нее веру. От самого начала мира она погубляла всех надеющихся на нее, желавших ее обманула, над всеми, гордящимися ею, насмеялась, всем солгала, никого не оставила в надежде твердым и в уповании непосрамленным, и оказалась весьма лживою. О, если бы эта ложь была только в мечте, а на самом деле не вводила бы в горькие заблуждения! Но еще хуже то, что эта временная жизнь приводит своих приверженцев ко всякому беззаконию: чревоугодников услаждает объядением и пьянством, сластолюбивых вовлекает в любодеяния и во всякие скверны, вора научает красть, раздражительного — сердиться, лжеца — обманывать; она разлучает мужа с женой, сеет вражду между друзьями, ссору между кроткими, неправду между справедливыми, соблазн посреди

монашествующих; она отнимает правосудие у судей, целомудрие у чистых, искусство у художников, и у всех добрые нравы. Вспомним и самые лютые деяния, в которые она вводит своих приверженцев: когда брат убивает брата, или сын отца, или друг умерщвляет друга — кто научает этому? На что надеются, когда совершают такие беззакония? Не ради ли этой, так много любимой, жизни ненавидят люди друг друга, стараясь каждый устроить себе лучшее существование? Зачем разбойник убивает путника, богатый притесняет бедного, гордый обижает смиренного и виноватый преследует невинного? Поистине, все это зло делают те, кто работает настоящей жизни и желает долгое время пребывать в любви к ней и наслаждаться ею. Она же, научая злу своих приверженцев и служителей, предает их дщери своей — вечной смерти, в которую были ввергнуты и первые люди, потому что, хотя и были созданы для получения вечной жизни, но прельстились жизнью временной и работали чревоугодию, сластолюбию и похоти очей (см.: 1 Ин. 2, 16), отсюда же они ниспали во ад, ничего не взяв с собой из благ земных. И эта-то земная жизнь, возлюбленные друзья, так прельщает вас, что вы хотите своими неправедными советами возвратить к ней друзей ваших, которые идут к вечной жизни! Она научает вас, почтенные родители, чтобы вы своими безумными рыданиями отвлекли сыновей ваших, идущих к небесному воинству, нетленной славе и милости Вечного Царя. Она убеждает вас, целомудренные жены святых, чтобы вы своими ласками развратили умы мучеников, отторгли их от доброго намерения и убедили приять вечную смерть — вместо жизни, рабство — вместо свободы. Если они последуют вашим советам, то недолго поживут вместе с вами, а потом им надо будет разлучиться с вами, — и разлучиться так, что вы не можете увидеть друг друга иначе, как в месте вечного мучения, где пламень пожигает души неверных, где адские змеи поедают уста богохульных, где аспиды терзают грудь идолопоклонников, где слышится горький плач, тяжелые вздохи и непрестанное рыдание в муках. Дайте же им избежать этих мучений и сами постарайтесь избавиться от них, не препятствуйте им шествовать опять к уготованному им венцу небесному. Не бойтесь: они не разлучатся с вами, а, напротив, приготовят вам на небесах светлые обители, где вы, вместе с ними и с детьми вашими, будете наслаждаться вечными благами. Если вы даже любуетесь

здесь красивыми зданиями, то тем более вы будете любоваться красотой тех горних обителей, в которых трапезы блестят чистым золотом, где чертоги сделаны из драгоценных камней, украшены жемчугом и сияют славою, где сады вечно цветут неувядаемыми цветами, где плодоносные поля орошаются сладкими потоками, где воздух всегда благорастворен, живой ветер обвевает чувства неописуемыми благовониями, где немеркнущий день, незаходимый свет и непреходящая радость; и нет там ни воздыханий, ни плача, ни скорби, ни какого-либо несовершенства, не видно ничего греховного, не ощущается никакого зловония, не слышится никакого печального, плачевного и страшного голоса, но видится одно лишь прекрасное, обоняется все ароматное и слышится одно радостное; там, не умолкая, поют ангельские и архангельские лики, согласно славящие Бессмертного Царя[1]. И как такую жизнь можно презирать, а к временной прилепляться? Ради ли богатств? — но они скоро исчезают. А те, кто хочет вечно иметь их у себя, пусть послушают, что возвещают им их богатства: «Вы так нас любите, — говорят они, — как будто никогда не расстанетесь с нами. Когда вы будете умирать, мы не можем идти за вами, пока же вы живы, мы можем сопутствовать вам, если только вы велите нам или пошлете нас перед собой». Пусть будут вам примерами лихоимный заимодавѐц и трудолюбивый земледелец: первый — дает человеку взаймы золото, чтобы получить от него вдвое больше, второй сеет в землю различные семена, чтобы собрать их сторицею; должник отдает своему заимодавцу золото вдвойне, а земля возвращает сеятелю зерна сторицею. Не удвоит ли много раз Бог ваши богатства, если только вы вверите их Ему? Туда посылайте и сокровища ваши, и сами старайтесь прийти. Какая польза от этой временной жизни? Если бы кто-нибудь прожил хотя бы и сто лет, то когда настанет последний день, не покажется ли ему, что всех прошедших годов и всех житейских удовольствий как будто бы никогда и не было? Не остается ли от этого только некоторое

---

[1] Такими же образными чертами изображается рай и в богослужебных песнопениях, в других минейночитейных сказаниях (например, видение рая святым Андреем Юродивым) и в творениях святых отцов Церкви, например Ефрема Сирина, причем последний присоединяет, что все эти черты и образы райского блаженства, носящие характер чувственных описаний, нужно понимать в духовном смысле и что будущее блаженство не может быть описано на человеческом языке и недоступно человеческим чувствам и земным ощущениям.

воспоминание, как бы следы странника, пробывшего с нами один день? О, поистине только человек безумный, не познавший истинных благ, может не возлюбить будущую прекраснейшую жизнь! Поистине только неразумный может бояться потерять скоропреходящую жизнь, чтобы получить вечную, в которой наслаждения, богатства и радость начнутся, чтобы не кончиться, но вечно пребывать. Кто не хочет быть служителем вечной жизни, тот и эту временную жизнь губит напрасно, получает вечную смерть и пребывает связанным во аде, где — неугасающий огонь, постоянная скорбь, вечные муки, где живут злые духи, у которых мышцы — змеиные головы, глаза испускают огненные стрелы, зубы велики как у слонов, угрызают они, как жало скорпиона, голоса подобны реву львов, самый вид которых наводит великий страх, производит лютую болезнь и горчайшую смерть. Не страшно ли умереть в таких ужасах и муках? Но еще страшнее, что для того живут, чтобы непрестанно умирать, ради того не истлевают, чтобы мучиться без конца, ради того бывают целы, чтобы вечно быть снедаемыми змиями, и съеденные члены опять обновляются, чтобы служить пищею ядовитым змиям и неусыпающим червям. О друзья, о родители, о славные жены святых! Не желайте эту святую двоицу от бесконечной жизни низводить в такую страшную вечную смерть; не отторгайте их от радости к рыданиям; не советуйте идти от света в тьму; не призывайте от сладкого покоя в горькую муку. О святая двоица, Маркелин и Марк! Не дайте прельстить себя хитрому врагу, наносящему вам такое искушение через ваших домашних, не ввергайте себя в бесконечное мучение, не вдавайтесь в руки бесов, не прельщайтесь любовью к временной жизни, красотами видимого мира и суетными житейскими удовольствиями, не дайте победить себя мольбами родителей, рыданиями жен, слезами детей, ласками родных и друзей. Вспомните слова Господа: *враги человеку — домашние его* (Мф. 10, 36), которые разлучают нас с Богом, не друзья нам, а враги, и любовь их к нам не истинна, но ложна, потому что они лишают нас столь великого блага, отнимают у нас любовь Божию и Царство небесное, уготованное любящим Бога. Не допускайте исторгнуть из рук ваших той награды, ради которой так потрудились; ибо вы уже истинно как бы в руках держите приготовленное для вас благо, вы уже стоите у дверей небесного чертога. Вот ныне для вас сплетены уже венцы, и Подви-

гоположник Христос ждет, чтобы увенчать вас и прославить перед святыми Ангелами. Се настал уже конец вашего пути: не обращайтесь же назад, как жена Лота, чтобы не сделаться бездушным столпом (см.: Быт. 19, 26), ибо тем погубите свои души. Не соблазняйтесь слишком сильною любовью к родителям, женам и детям, чтобы не сделаться недостойными Христа, сказавшего: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37). Не будьте такими неразумными, чтобы, начав духом, окончить плотью (ср.: Гал. 3, 3). О, да подаст мне Христос Бог мой пролить мою кровь за Него перед вами, чтобы вы видели мое страдание, и моя смерть могла бы послужить для вас примером, как полагать души за вашего и моего Бога.

Когда святой Севастиан поучал такими и многими другими наставлениями, внезапно осветил его Божественный свет и лицо его просветилось, как лицо Ангела, и неверующие испугались славы лица его. Некоторые же видели семь Ангелов, облекавших блаженного Севастиана в светлую одежду, и Прекраснейшего Юношу, благословлявшего его, со словами:

— Ты всегда будешь со Мною.

Все это происходило в доме протоскриниария[1], по имени Никострата, у которого Маркелин и Марк были под стражею. Жена Никострата, именем Зоя, которая уже шесть лет была немою от сильной болезни, но разум и слух имела невредимыми, слышала и поняла все, сказанное Севастианом, и, видя сияние вокруг его лица, упала к ногам его, знаками умоляя разрешить язык ее. Блаженный Севастиан сказал:

— Если я действительно — истинный раб Христов и истинно все то, что от меня услышала и чему уверовала эта жена, то да повелит Господь мой открыться устам ее и разрешиться языку, как некогда у пророка Захарии, отца Иоанна Предтечи (см.: Лк. 1, 64).

Сказав это, он осенил крестным значением уста той женщины, и она тотчас же громко проговорила:

— Блажен ты, и благословенно слово, сказанное тобой, и блаженны верующие через тебя во Христа, Сына Бога Живого, ибо я

---

[1] *Протоскриниарий* — придворный казнохранитель, имевший большую силу при епархе (правителе области), почему ему оказывалось особенное царское доверие и поручались разные ответственные обязанности.

видела сошедшего к тебе с неба Ангела, державшего перед тобой открытую книгу, по которой ты читал все сказанное тобой. Благословенны верующие всему, сказанному тобой, и да будут прокляты все сомневающиеся хотя бы в одном слове, слышанном от тебя. Как восходящая заря изгоняет тьму и дает свет очам, так свет слов твоих изгнал мрак моего неведения и ослепления, осиял меня светлым днем истинной веры и отверз после шестилетней немоты уста мои для восхваления Бога.

Увидя такое чудо, все присутствовавшие уверовали во Христа. Никострат, муж Зои, видя такую силу Христа, также припал к ногам святого, прося прощения в том, что, по повелению царя, держал в узах Маркелина и Марка и, сняв с рук их железные оковы, обнимал им колена, умолял их уйти на свободу и говорил:

— О, если бы я мог быть так счастлив, чтобы за ваше освобождение потерпеть узы! Пролив свою кровь за вас, я омыл бы мои грехи и, избежав вечной смерти, получил бы ту жизнь, о которой нам благоволил возвестить Бог устами Севастиана.

Когда же Никострат просил святых уйти в свои дома, они ему сказали:

— Чаши нашего страдания мы тебе оставить не хотим; щедр и милостив Господь Христос наш, ибо дарует всем, приходящим и просящим у Него, Свою небесную милость; Он силен и тебя сподобить такой же чаши, если ты искренно ее желаешь. Ибо если вам, неверовавшим, был дан свет познания истины, то тем более ныне, когда вы уверовали, дастся все, чего ни попросите, потому что благодать Божия всегда готова подавать людям просимую помощь, особенно тем, которые веруют в Него без всяких сомнений. Ваша вера началась с сегодняшнего поучения, и в один час вы научились тому, чему едва ли кто мог научиться в целый год, и ничто вас, как мы видим, не удерживает по вере в Господа нашего быть готовыми к смерти за Него — ни родители, ни дети, ни богатство. Внезапно вы презрели то, что всегда любили, и ищете того, чего никогда не знали; вы пошли неведомым путем и тотчас пришли ко Христу, и желания ваши уже устремлены к небу, так как вы не ищете на земле никакого утешения. О, какой великой похвалы достойно это дело! О, сколь достоин подражания такой пример добродетели! Еще не соединились вы со Христом водою крещения, еще не видели начала войны,

а уже поднимаете оружие за Царя истинного и, освобождая от уз воинов Его, становитесь сами узниками и не боитесь отдать себя на убиение за осужденных.

Все умилились сердцем своим и плакали, раскаиваясь в прежнем неведении и в том, что хотели отклонить от доброго подвига воинов Христовых. Марк же сказал:

— Научитесь, о возлюбленные родители, и вы, жены, и вы, друзья! Научитесь мужественно противостоять врагу, взяв щит веры, которым можете угасить разожженные стрелы лукавого (см.: Еф. 6, 16). Пусть восстают и вооружаются на нас слуги диавольские, — пусть терзают наши тела, какими хотят муками: могут они убить тело, но душу, воинствующую за веру, победить не в силах. На убиение же и растерзание тела не будем обращать внимания: раны, полученные за царя, приносят славу воинам. Разъяряется же на нас диавол мучительным для него самого гневом, ибо и сам мучится, видя наше терпение; он причиняет нам различные мучения и угрожает разнообразными смертями, чтобы, устрашив, отторгнуть нас от доброго подвига; где же муки не имеют успеха, там он действует лестью: обещает жизнь, чтобы отнять жизнь; обещает богатство, чтобы привести к убожеству; дает славу, чтобы исполнить стыда; обещает беспечальную жизнь, чтобы ввергнуть нас, вместо того, в беду и вечную скорбь. Таковы ухищрения его нападений, таковы его коварные намерения — тело избавить от мук, а душу умертвить грехами. Пойдем же против него: презрим плоть, чтобы помочь душе. Что нам бояться смерти временной, если мы надеемся жить вечно? К чему жалеть эту жизнь, надеясь получить лучшую? Пусть боятся смерти те, кто не надеется увидеть будущей жизни. О, как много служителей этой жизни погубил нечаянный случай: или молния поразила, или потопило море, поглотила пропасть, заклал меч! И эту-то жизнь несчастные потеряли со скорбию, а другой не обрели! Пусть же они и рыдают о этой жизни, пусть они и трепещут смерти; нам же какая печаль от смерти? Какая забота о этой жизни нам, ожидающим вечной блаженной жизни, уготованной для нас Христом, — полной благ, невиданных очами, неслыханных человеческим слухом и непостижимых умом?

Когда святой Марк говорил так, все исполнились желанием будущей жизни, настоящею же стали гнушаться; все возгорелись лю-

бовию ко Христу, мир же начинали ненавидеть, и благодарили Бога, что Он просветил тьму их, отверз их умственные очи и избавил их от погибели, показав путь спасения. Таким образом те, которые пришли отвратить святых мучеников от Христа, сами были обращены ко Христу, и надеявшиеся погубить других, спаслись сами, а Никострат с женой своей настоятельно просил святого, говоря:

— Не буду есть и пить, если надо мной не будет совершено таинство христианской веры.

— Измени службу твою, — отвечал Севастиан, — и начни служить более, как Христов протоскриниарий, нежели как епархов; послушай моего совета, собери всех, кого имеешь в узах и темницах, я же призову иерея Божия, и ты, вместе со всеми уверовавшими, сподобишься от него святых таинств. Если диавол старается отторгнуть от Христа святых рабов Его, то как должны заботиться мы, чтобы, отторгнув от диавола тех, которых он хочет погубить, обратить их к нашему Создателю!

Никострат возразил:

— Может ли святыня быть дарована злодеям и осужденным на смерть преступникам?

Севастиан отвечал:

— Спаситель наш пришел в мир ради нас грешных и даровал таинство крещения, которым отнимаются от людей грехи и беззакония и подается Божественная благодать. В самом начале твоего обращения принеси этот дар Христу, позаботься о спасении других, и будет тебе в награду мученический венец, сплетенный из неувядаемых цветов многих добродетелей.

Услышав это, Никострат пошел к комментарисию[1] Клавдию и велел ему прислать к себе в дом всех осужденных и содержимых в узах. Когда все это было сделано и окованные железом узники собрались, святой Севастиан обратился к ним с поучительным словом спасения и, найдя, что они приуготовлены к вере Христовой и способны к принятию Божественной благодати, велел освободить всех от уз, пошел к пресвитеру святому Поликарпу, скрывавшему свое звание из-за гонения, и рассказал ему все происходящее. Возблагодарив за

---

[1] *Комментарисий* — начальник над тюрьмами в Римской империи и делопроизводитель при судебных процессах, производивший предварительные расследования над обвиняемыми, особенно над христианскими мучениками.

это Бога, святой Поликарп пошел с Севастианом в дом Никострата и, обратившись ко всему собранию верующих, сказал:

— Блаженны все вы, слышавшие слово Господа нашего Иисуса Христа, говорящего: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 28–30). Вам же, братия, которых омоет вода крещения и, освятив, сотворит возлюбленными сынами Бога, необходимо покаяние, чтобы получить прощение прежних грехов. Теперь же, когда вы являете такое усердие ко Христу, Богу нашему, что, веруя в Него, готовы умереть за Него, и от чего сначала хотели отвратить других, теперь сами желаете того, — вы получили уже прощение и победу над невидимым врагом. Силен Христос Господь наш изводить свет из тьмы и из отверженных сосудов творить избранные; так сотворил Он из Савла Павла, из отступника — апостола и из гонителя — учителя. Так и вас сегодня призвал Он от язычества в Церковь Свою, из неверных сотворил верными рабами Своими и из врагов Своими друзьями. Об обращении вашем плачет и рыдает все сонмище бесов, сынов тьмы; все же лики святых небесных Ангелов, сынов света, радуются и веселятся о вашем просвещении. Итак, пусть каждый из вас напишет свое имя и подаст мне. Принятию же крещения пусть предшествует пост: поститесь до вечера; когда же вещественный свет зайдет, невещественный воссияет вам в крещении.

Все исполнились радости, и каждый стал готовиться к крещению. Когда все это происходило, пришел Клавдий комментарисий к дому Никострата и позвал его к епарху, говоря:

— Узнав, что ты собрал к себе в дом всех узников, епарх разгневался и велел призвать тебя; подумай, как ответишь ему.

Никострат же, когда пришел в дом епарха и тот спросил его об узниках, отвечал:

— По повелению твоей светлости, я взял под стражу в мой дом двоих христиан, Маркелина и Марка, и, чтобы более устрашить их, присоединил к ним других тяжко окованных и крепко связанных узников, чтобы, смотря на них, они и себе ожидали такого же страдания, и, таким образом, повиновались бы вашему повелению.

Начальник похвалил его и отпустил, говоря:

— Ты получишь большую награду от их родителей, если они, обратившись через тебя к единомыслию с нами, будут отпущены целыми и здравыми.

Возвращаясь с Клавдием домой, Никострат начал ему повествовать о святом Севастиане, что он — друг царя, христианин, искусен в Божественном учении, утверждает в вере христианские сердца и называет настоящую жизнь временною и скоропогибающею, а после смерти возвещает другую жизнь — лучшую и вечную; потом он рассказал, как просветилось лицо Севастиана небесным светом и как он исцелил от шестилетней немоты его жену, так что она стала говорить ясно. Услышав это от Никострата, Клавдий сказал:

— Мои два малолетние сына очень больны: у одного — водяная болезнь, а у другого — по всему телу раны; попрошу его исцелить сыновей моих: не сомневаюсь, что тот, кто разрешил немоту твоей жены, может исцелить и моих детей.

Сказав это, Клавдий поспешно пошел в дом свой, взял обоих детей на руки и отправился с ними в дом Никострата. Там он упал к ногам святых Божиих Севастиана и Поликарпа, говоря:

— Верую без всякого сомнения, всем сердцем, что Христос, Которого вы почитаете, есть истинный Бог; принес же я сюда этих больных моих отроков для того, чтобы вы спасли их от смерти!

Божественные мужи сказали ему:

— Все, кто имеет какую-либо болезнь, получат исцеление сегодня же, в то самое время, как только войдут во святую купель.

Клавдий снова говорил, что верует во Христа и хочет быть христианином. Все они стали готовиться ко святому крещению, писали свои имена и подавали пресвитеру. Первый подал свое имя Транквиллин, отец Маркелина и Марка, после него шесть его друзей: Аристон, Крискентиан, Евтихиан, Урван, Виталий и Иуст, потом Никострат с братом своим Касторием и Клавдий комментарисий, после него два его сына Симфориан и Феликс, Маркия, мать Маркелина и Марка, Симфороса, жена Клавдия, Зоя, жена Никострата, и весь дом Никострата — до тридцати трех душ обоего пола, и, наконец, все приведенные из темницы, числом шестнадцать. И было всех приготовившихся ко крещению шестьдесят четыре человека, и все были крещены святым Поликарпом. Восприемником от купели был святой Севастиан, для женщин были восприемницами Беатриса и

Лукина. Прежде всех были введены в купель дети Клавдия, и тотчас же исцелились от своих болезней, так что на теле их не осталось и следов от бывших язв. После них привели Транквиллина; он был не только немощен от старости, но и болен ломотою рук и ног, так что его едва могли носить на руках; сильно страдал он, когда с него снимали перед крещением одежды. Святой Поликарп спросил его:

— Веруешь ли, не сомневаясь, что Единородный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, имеет власть дать тебе здоровье и отпустить грехи?

Транквиллин отвечал:

— Верую, что Христос — Сын Божий и Бог все может, но я от Его благости ищу только прощения грехов, о телесной же болезни не забочусь.

Все стоявшие около прослезились от радости и молили Господа, чтобы Он показал плод веры его. Когда началось крещение и Транквиллин был спрошен: «Веруешь ли в Бога Отца, Сына и Святого Духа?» и когда он отвечал: «Верую», то не успело еще слово то сойти с его уст, как освободились от болезненных уз руки и ноги его, утвердились его ступни и колена, вся немощь старости отступила от него, *обновилась, подобно орлу, юность* его[1] (Пс. 102, 5), — и он воскликнул:

— Ты — Единый истинный Бог, Которого не знает этот окаянный мир!

После него все остальные крестились по одному. И в продолжение шестнадцати дней, которые остались от данного Маркелину и Марку времени, ночью и днем прославляли они Бога церковными песнями и псалмами, утверждались в вере и готовились к мученическому подвигу за имя Христово.

Когда приближался конец тридцатидневному сроку, епарх города Рима Агрестий Хроматий призвал к себе Транквиллина, отца Маркелина и Марка, и спросил его о сыновьях, — согласились ли они отступить от христианства.

Транквиллин отвечал:

---

[1] Этим выражением показывается здесь, что старец Транквиллин, после исповедования веры Христовой, стал силен и бодр, как бы юноша. Сравнение этого обновления с обновлением орла может основываться на живучести, зоркости, силе и высоте полета орла.

— Не нахожу слов, чтобы благодарить тебя за твои благодеяния: если бы ты, по своей кротости, не остановил и не отдалил на столько дней смертный приговор моих сыновей, то и я лишился бы их, и сыновья мои лишились бы отца. Все родные, любящие друзья и, думаю, что и твоя светлость порадуется со мной, так как мертвым дана жизнь, скорбным веселие, печальным возвратилась радость.

Тогда епарх, думая, что сыновья Транквиллина хотят поклониться богам, сказал:

— Приходите в последний день, и пусть сыновья твои произведут должное каждение фимиама богам.

Услышав это, Транквиллин сказал:

— О светлейший муж! Если бы ты справедливо рассудил о том, что случилось со мною и сыновьями моими, то мог бы понять, как велико и сильно имя христианина.

Епарх сказал:

— Не беснуешься ли ты, Транквиллин?

— До сих пор я бесновался и телом и душою, — отвечал Транквиллин, — но как только уверовал во Христа, тотчас же получил здоровье души и тела.

— Как вижу, — сказал епарх, — я не для того отдалил казнь твоим сыновьям, чтобы ты отвратил их от их заблуждения, но чтобы они тебя склонили к своему заблуждению!

Транквиллин отвечал:

— Умоляю твою светлость рассудить, какие дела следует называть заблуждением.

Епарх сказал:

— Скажи сам, что до́лжно называть заблуждением.

— Первое заблуждение, — отвечал Транквиллин, — заключается в том, чтобы оставить путь жизни и идти путем смерти.

— Который же путь смерти? — спросил епарх.

— Не думаешь ли ты, — отвечал Транквиллин, — что путь смерти — это называть божествами смертных людей и поклоняться их изображениям из дерева и камня?

Епарх возразил:

— Разве не боги те, которым мы поклоняемся?

Транквиллин отвечал:

— Поистине, не подобает считать богами тех, о которых написано в ваших же книгах, что они во грехах рождены, имели неправедных, злых и беззаконных родителей, сами жили неправедно, беззаконно и лживо и во грехах умерли. Не было ли Бога на небесах даже прежде того времени, когда над критянами царствовал Крон, который поедал плоть своих сыновей? Или Крит имел своего царя, а небеса не имели Бога? Много заблуждаются те, кто думает, что Дий, сын Крона, который был человеком, находившимся во власти злобы и плотской похоти, обладает громом и мечет молнии. Кого только он не гнал, если и отца своего не пощадил, и какими грехами не осквернился, если родную сестру свою взял себе в жены? На торжищах, на улицах, в домах и везде говорится и повествуется в книгах о том, как нечестивая Гера тщеславится тем, что она сестра и жена Дия[1]. Не веришь ли ты, светлейший муж, что заблуждаешься, почитая богов, исполненных таких злодеяний, за которые римские законы осуждают человека на казнь и смерть? А ты таковых почитаешь и, оставляя Всесильного, царствующего на небесах Бога, говоришь камню: «Ты бог — мой» и дереву: «Помоги мне!»

Епарх сказал:

---

[1] Древние греки веровали, что раньше почитаемых ими богов в мире владычествовали другие: Крон и прочие титаны — полубоги-полулюди, которым греки приписывали более человеческие свойства. *Крон*, или *Сатурн*, по их верованиям, был младшим титаном, сыном *Урана* (неба) и *Геи* (земли), царствовал на острове Крите и потом присвоил себе владычество над всем миром; сочетавшись браком с сестрой своей Реей, имел от нее нескольких сыновей и дочерей; но так как ему было предсказано от Геи, что он будет свергнут с трона своими детьми, то он проглатывал их тотчас по рождении, за исключением Зевса, спасенного Реей, который впоследствии сверг Крона и заставил его извергнуть проглоченных им детей. *Зевс*, или *Дий*, почитался греками отцом богов и людей, могущественным и грозным властителем неба и всей вселенной, посылающим на землю громы и молнии. *Гера*, по верованию греков, была высшей богиней, супругой и вместе сестрой Зевса, похвалявшейся своим высоким достоинством и супружескими правами. Но, кроме того, греческие мифы приписывают Зевсу плотскую связь со многими другими второстепенными богинями и даже с женами человеческими. В таких же грубо чувственных чертах изображаются и другие греческие боги и богини, которым греки усвояли все человеческие свойства, страсти и пороки. Вообще в религии древних греков и римлян все содействовало развитию нечестия, все указывало образцы для преуспеяния в нем.

— С тех пор, как начали хулить богов и отвращаться от поклонения им, царство Римское подвергается многим бедствиям.

— Неверно это, — сказал Транквиллин, — прочти десять книг Ливия[1], и ты узнаешь, что в один день погибло более сорока двух тысяч человек из римского войска, приносившего жертву бесам; разве для тебя тайна, что франки взяли Капитолий и посмеялись над римской силой[2]? Прежде, когда люди еще не начинали познавать истинного Бога, город Рим потерпел множество бедствий, неслыханные пленения и различные убийства; теперь же, когда верующие почитают невидимого истинного Бога, Римское царство пребывает безмятежно и не посрамлено, потому что Бог ради избранных Своих оградил его миром. Впрочем, вы не признае́те столь милосердого Бога и все благодеяния, посылаемые Создателем, приписываете Его созданию!

Таким образом, во время их беседы начался разговор о Христе Иисусе, и Транквиллин рассказал, как и для чего Сын Божий сошел на землю, не оставляя небес, и принял плоть, чтобы спасти человеческую душу от погибели. И все, что сам Транквиллин узнал от святых Севастиана и Поликарпа и чему еще более научен был благодатию Господнею, вразумляющею верующего человека, он передал епарху, причем Сам Господь помогал ему говорить и подавал мудрость, на которую не мог возражать его противник. Рассказал он и то, как, болея долгое время ломотою в руках и ногах, внезапно исцелился благодатию Христовою в то самое время, когда всем сердцем уверовал в Него. Епарх, давно страдавший сильною ломотою в ногах, велел предстоявшим взять и отвести Транквиллина, как будто для того, чтобы на другой день допросить его; ночью же тайно послал за ним, призвал его к себе и, предлагая ему дары, просил назвать то средство, которым он исцелился. Транквиллин же сказал:

---

[1] Здесь разумеется *Тит Ливий* — величайший римский историк конца I века до Рождества Христова и начала I по Рождестве Христовом. История его состоит из ста сорока двух книг, из которых до нас дошло только тридцать пять.

[2] *Капитолий* — внутренняя крепость Рима. Под франками разумеются галлы, обитавшие в Цизальпинской Галлии (Северной Италии). Нашествие галлов было во второй половине IV века до Рождества Христова и окончилось первоначально полным поражением римлян и разорением Римской республики, от которой она долгое время не могла оправиться.

— Пусть знает твоя честь, что Бог наш сильно гневается на тех, кто хочет продать или купить Его благодать. Если же ты хочешь исцелиться от болезни твоей, веруй во Христа Сына Божия — и исцелишься, как и меня видишь исцеленным, ибо я страдал даже тогда, когда меня носили, и все жилы и суставы мои одиннадцать лет были скованы несказанною болезнию, так что другие люди подносили к устам моим пищу; когда же я уверовал во Христа Бога, тотчас получил исцеления и теперь цел и здоров благодатию истинного Спаса моего.

Епарх сказал:

— Прошу тебя, приведи ко мне того, кто был посредником твоего выздоровления, и если он мне подаст исцеление, то и я сделаюсь христианином.

Транквиллин тотчас пошел и призвал святого Поликарпа. Святой Севастиан также был призван и научил епарха Агрестия Хроматия и сына его Тивуртия святой вере в Господа Христа и сокрушил более двухсот бывших у него в доме идолов: деревянные сжег, каменные разбил, золотые и серебряные рассек на части и отдал нищим.

Когда идолы сокрушались и раздроблялись, епарху явился пресветлый юноша и сказал:

— Господь наш Иисус Христос, в Которого ты уверовал, послал меня даровать здоровье всем твоим членам.

Тотчас Хроматий почувствовал себя здоровым и быстро встал, желая припасть к ногам явившегося и облобызать их, но тот сказал:

— Смотри, не прикасайся ко мне, ибо ты не омыт святым крещением от идольского смрада.

Сказав это, он стал невидим.

Тогда Хроматий с сыном своим Тивуртием припали к ногам святых и громко восклицали:

— Един есть истинный Бог наш, Господь Иисус Христос, Единородный Сын Всесильного Бога, Которого вы, о добрые учители, проповедуете!

Святые советовали Хроматию под предлогом болезни сложить с себя сан епарха, чтобы не производить судов, на которых он должен истязать, судить и мучить христиан, и не посещать нечестивых зрелищ, но освободиться от всего для получения духовной премудрости. Так он вскоре и сделал.

Когда Хроматий приступал к крещению, то на вопрос: «Веруешь ли во Единого Бога?» — отвечал: «Верую», и на вопрос: «Отрекаешься ли от идолов?» — сказал: «Отрекаюсь».

После этого иерей спросил его:

— Отрекаешься ли от всех грехов твоих?

Хроматий сказал иерею:

— Об этом нужно было в начале спросить меня: я облекусь снова в мои одежды и не приму святого крещения до тех пор, пока не отрекусь от грехов моих; примирюсь с тем, с кем имел вражду, и возлюблю тех, на кого гневался; кто же на меня гневается, у тех испрошу прощения. Должникам моим прощу все долги, если же сам я у кого взял что-либо силой, тому возвращу сугубо. После смерти жены моей я имел двух наложниц, их отдам замуж, наградив брачными дарами; освобожу рабов и рабынь, устрою по воле Бога все мои служебные и домашние дела и тогда скажу с дерзновением: «Отрекаюсь от всех грехов моих и приму святое крещение».

Святым угодны были эти слова Хроматия, и крещение было отложено до того времени, когда он исполнил все, обещанное им.

После этого Агрестий Хроматий с сыном Тивуртием и со всем домом своим крестился во имя Отца и Сына и Святого Духа, так что число новопросвещенных простиралось до одной тысячи четырехсот лиц обоего пола.

В то время было сильное гонение на христиан; они не могли ни купить пищи, ни почерпнуть воды, так как везде на площадях, на улицах, около колодезей, при источниках и потоках, по повелению нечестивых, были поставлены небольшие идолы и при них бдительная стража для того, чтобы всякий желающий купить что-нибудь съестное или почерпнуть воды сначала поклонился стоящему там идолу. Так придумали нечестивые, чтобы удобнее было узнавать христиан и брать их для мучения. При виде этого, все верующие опечалились, потому что без поклонения идолам невозможно было достать пищи и питья, и решили лучше терпеть голод и жажду, чем поклоняться идолам. Тогда Хроматий велел всем верующим в Риме тайно брать пищу и питье из его дома, так как был очень богат, и в доме его собирались все верующие для славословия Бога.

В то время епископом в Риме был родственник Диоклетиана блаженный Гаий[1], родом из Далматии; он совершал литургию в доме Хроматия и причащал Божественных Тайн новообращенных христиан. От жестокого гонения Хроматий должен был уехать из Рима в Кампанию[2], в свои имения, потому что боялся, что в Риме откроется его вера во Христа; там же он мог жить, не опасаясь этого, и свободнее исповедовать святую веру. Он объявил всем христианам, что желающие укрыться от гонения и жить спокойно могут идти в его имение, и обещал давать им нужное пропитание. Необходимо было, чтобы с Хроматием и идущими с ним христианами отправился кто-нибудь из двоих: или Севастиан, или Поликарп — для утешения и укрепления верных. По этому поводу между обоими святыми был благочестивый спор, ибо каждый из них желал остаться в Риме для получения мученического венца. Во время их спора святейший епископ Гаий сказал:

— Если вы оба, желая умереть за Христа, предадитесь в руки мучителей, то лишите людей Христовых духовного утешения; поэтому, думаю я, что ты, брат Поликарп, как имеющий сан священства и исполненный Божественной премудрости, должен идти вместе с господином Хроматием, чтобы верных утешать учением, а сомневающихся укреплять и питать Божественными таинствами.

Услышав это, святой Поликарп повиновался повелению епископа и ушел из Рима вместе с Хроматием и другими христианами. В воскресный день, совершив святую литургию, епископ сказал верующим:

— Господь наш Иисус Христос, зная немощь нашего естества, показал верующим в Него два пути: один — путь мученичества, другой же — исповедничества; кто не может идти путем мученичества, пусть идет путем исповедничества. Кто из вас желает идти с нашими духовными чадами Хроматием и Тивуртием, тот пусть идет, кто же хочет остаться с нами здесь в городе, пусть остается: никакое расстояние не может разлучить соединенных благодатию Христовою;

---

[1] *Святой Гаий* был папой Римским с 283 по 296 год, в котором пострадал за веру Христову 11 августа.

[2] *Кампания* — приморская область древней Италии, к югу от Рима, на западном берегу Апеннинского полуострова.

если я не увижу вас телесными очами, то моим духовным очам вы всегда будете предстоять.

Когда епископ говорил эти слова, Тивуртий воскликнул:

— Умоляю тебя, отче, позволь мне не уходить отсюда, ибо очень желаю, если бы то было возможно, хотя бы тысячу раз быть убитым за Бога, лишь бы получить от Него жизнь вечную и неотъемлемую!

Радуясь его вере и такой ревности к Богу, епископ прослезился и молил Бога, чтобы все остающиеся с ним возмогли подвизаться подвигом добрым и сподобиться мученической славы. С святейшим епископом остались Маркелин и Марк с отцом их Транквиллином, святой Севастиан, прекрасный телом и еще прекраснейший душою юноша Тивуртий, протоскриниарий Никострат с братом Касторием и женой Зоей, и Клавдий с братом Викторином и сыном Симфорианом, исцеленным от водяной болезни; только эти остались в Риме, остальные же все ушли с Хроматием и Поликарпом.

После их отшествия святейший епископ поставил Маркелина и Марка во диаконы, отца их Транквиллина посвятил во пресвитера, а святого Севастиана, как носящего оружие, поставил защитником церкви. Так как они не имели такого тайного места, где бы можно было совершать Божественные службы, то пребывали в палатах одного царского сановника, по имени Кастула. Дом этот был избран как потому, что Кастул с своими домашними был тайным христианином, так и потому, что изданный о поклонении идолам закон, распространяясь всюду, совсем не следил за живущими в царских палатах, ибо никто не мог и подумать, чтобы вера христианская могла проникнуть сюда; поэтому святые могли удобно скрываться с Божественными службами у Кастула. Там они проводили дни и ночи в молитвах, слезах и посте, все претерпевая и прося Бога сподобить их мученического венца. К ним тайно приходили мужи и жены, видевшие подаваемые ими исцеления, ибо, молитвами святых, больным подавалось здоровье, слепым возвращалось зрение и изгонялись из людей нечистые духи, ради чего многие тайно принимали от святых христианскую веру.

Однажды святой Тивуртий шел по дороге и, увидав человека, упавшего с крыши своего дома и разбившегося, и плачущих о нем родителей и домашних, исцелил его своею молитвою, и тотчас че-

ловек тот со всем своим домом уверовал во Христа и принял крещение.

Наконец, настало время страдания святых, и первою пошла на страдальческий подвиг блаженная Зоя, жена Никострата. Она была взята нечестивыми надсмотрщиками в то время, когда молилась при гробе святого апостола Петра, и была приведена на суд, где ее принуждали принести жертву идолу языческого бога Арея[1]. Она не повиновалась, за что и была ввержена в мрачную темницу, где ее в течение шести дней морили голодом; затем Зоя была изведена из темницы и умерла, повешенная за волосы над смрадным дымом, исходившим от горящего навоза, тело же ее было брошено в реку Тибр.

Святая явилась в видении святому Севастиану и известила его о своей кончине. Севастиан рассказал об этом Транквиллину, который воскликнул:

— Жены идут прежде нас к венцу! Отчего же мы живем?

И пошел на то же самое место, ко гробу апостола; там нечестивые убили его камнями и бросили в реку Тибр. Никострат же, Касторий, Клавдий, Викторин и Симфориан были взяты в то время, когда ходили по берегу Тибра, отыскивая тела святых, и приведены к епарху города Фавиану. В течение десяти дней епарх старался ласками, угрозами и мучениями склонить их к жертве идолам; не успев в этом, он велел привязать им на шеи большие камни и утопить в море. Святого же юношу Тивуртия тайно предал язычникам один лжехристианин, по имени Торкват, уподобившись волку в овечьей одежде. Они взяли Тивуртия и, связав, привели вместе с Торкватом на суд к тому же Фавиану. На суде Торкват тотчас же открыл свою хитрость, что он только назвался христианином, в душе же исполнен нечестия, и свидетельствовал против Тивуртия, обличая его в том, что тот называл римских богов бесами. Святой же Тивуртий явил себя на суде истинным и мужественным исповедником имени Иисуса Христа. Судия сказал ему:

— Не наноси посрамления своему славному роду; ты — сын столь славного отца, избрал себе такую тяжкую и поносную жизнь

[1] *Арей* (римский *Марс*), по верованиям древних греков и римлян, был богом войны.

христианскую, за которой следуют бесчестия и муки, смерть и бесславие.

Святой Тивуртий отвечал:

— Премудрый муж и римский судия! Ты говоришь, что я наношу бесчестие моему роду тем, что не хочу почитать и признать за богов сладострастную Венеру[1], кровосмесителя Дия, лживого Ермия[2] и чадоядца Крона; я же говорю, что увеличиваю честь моего рода тем, что почитаю Единого истинного, царствующего на небесах, Бога, поклоняюсь Ему и называюсь Его рабом. Угрожаешь ли ты мне мучением? Но разве нам, христианам, страшно пострадать за нашего Бога? Усечением ли меча? Так мы, освободясь от плотской темницы, получим небесную свободу. Огнем ли? Но мы угасили в теле бóльший пламень похоти, а этого огня не убоимся. Изгнанием ли? Но Бог наш везде, и где мы с Богом, там место наше.

Тогда Фавиан велел принести горящих углей, чтобы поставить на них святого босым, и сказал:

— Или возложи на эти уголья каждение богам, или войди на них сам босыми ногами.

Осенив себя крестным знамением, святой Тивуртий стал босыми ногами на горящие уголья и, топча их, ходил по ним, как по мягким благоухающим цветам.

— Оставь твое неверие, — сказал он судии, — и убедись, что истинен есть Бог мой, повелевающий стихиям[3] и всему созданию. Если ты можешь, во имя твоего Дия, положи руку свою в кипящую воду

---

[1] *Венера* (греческая *Афродита*), дочь Зевса и Дианы, — языческая богиня любви и красоты; в период упадка Римской империи, к которому относится страдание мученика Севастиана и дружины его, считалась богиней и нечистого сладострастия, возбуждающей плотские похоти; изображалась на статуях в бесстыдно обнаженном виде, и в честь ее совершались буйные празднества, сопровождавшиеся безнравственными обрядами.

[2] *Ермий* — иначе *Гермес* (римский *Меркурий*) — почитался древними греками и римлянами сыном Зевса и Маии, глашатаем богов, гонцом, исполняющим волю Зевса, посредником между богами и людьми, а также богом разнообразных открытий, изобретений и ремесл, богом промышленности и торговли, которые будто бы только тогда и доставляют богатство, когда идут рука об руку с хитростью и обманом, даже кражей и ложной клятвой, лишь бы все это прикрывалось известного рода благовидностью; отсюда Гермес — иногда покровитель даже кражи и обмана, одобряющий всякого рода ложь и клятвопреступления.

[3] *Стихия* — основное вещество всех тел, например огонь, земля, воздух, вода.

и посмотри, будет ли она невредима; я же во имя Господа моего Иисуса Христа хожу по огню, как по орошенным цветам: видишь ли, как всякое создание покоряется нашему Создателю.

Судия сказал:

— Кто не знает, что ваш Христос научил вас волшебствам!

— Умолкни, окаянный, — сказал святой, — и не осмеливайся твоими ядоносными устами произносить с хулой это великое и страшное имя! Не оскорбляй слух мой хулой на имя Бога моего!

Фавиан разгневался на него и осудил на смерть. Тивуртий был отведен версты за три от города на Лавиканскую дорогу[1], и там, во время молитвы его Богу, усекли его мечом. Один христианин похоронил его на месте кончины, и людям, приходившим к могиле Тивуртия, подавалась его молитвами благодать Господня.

После этого тот же мнимый христианин Торкват известил нечестивых о Кастуле, Маркелине и Марке. Святой Кастул после троекратного допроса, повешения и мучения был брошен в ров, где и скончался, засыпанный живым землею. Маркелина же и Марка Фавиан поставил на одном пне, прибив их ноги железными гвоздями, и сказал:

— До тех пор будете стоять так, пока не поклонитесь богам.

Они же, пригвожденные к одному дереву, пели: *Се что добрó или́ что краснó, но еже жи́ти братии вкупе* (слав. Пс. 132, 1). Так стояли они, молясь Богу день и ночь, утром же были прободены в ребра копьями. Так приняли они конец своему мучению.

После страданий и кончины этих святых был взят под стражу и святой Севастиан, и епарх донес о нем царю Диоклетиану. Призвав его к себе, Диоклетиан сказал:

— Я считал тебя за первого при моем дворе; ты же, замышляя против меня, стал врагом мне и моим богам, и до сих пор скрывал свою злобу.

Святой Севастиан отвечал:

— Я всегда молил Христа о твоем здоровье и просил мира всему Римскому царству; поклоняюсь же Царю небесному, так как вижу, что несправедливо поклоняться камню и искать от него помощи: очевидно, что это изобретение безумных.

Разгневанный Диоклетиан велел вывести его за город и пронзить его стрелами посреди поля, привязав нагим к дереву. Когда Сева-

[1] Эта дорога шла на юго-восток от Рима в город Беневент.

стиан был поставлен, как бы целью для стрельбы, множество воинов стали со всех сторон пускать стрелы в его святое тело, так что пронзили ими все его тело. Думая, что Севастиан уже умер, они ушли, оставив его привязанным к дереву со стрелами в теле. Жена святого мученика Кастула, по имени Ирина, придя ночью, чтобы взять и похоронить тело святого Севастиана, нашла его живым и принесла в дом свой, где святой через несколько дней излечился от ран и стал совершенно здоровым. Пришедшие к нему тайно христиане уговаривали его уйти из Рима, как это сделали многие веровавшие, чтобы опять не попасть в руки язычников. Он же, помолившись Богу, пошел и встал на ступенях Гелиогабала[1]; увидя здесь царей, которые шли мимо, он сказал:

— Жрецы ваших богов, цари, смущают вас своими нечестивыми волхвованиями, ложно рассказывая вам о христианах, что они враги Римскому государству; знайте же, что христиане делают много полезного для вас, ибо, не переставая, молятся о вашем царствовании и о здравии всего римского воинства, и молитвами их преуспевает этот город.

Когда святой Севастиан говорил это, Диоклетиан взглянул на него и сказал:

— Ты ли Севастиан, которого мы недавно велели убить стрелами?

Святой отвечал:

— Господь мой Иисус Христос благоизволил воскресить меня, чтобы я пришел к вам и перед всеми людьми был свидетелем вашей неправды, обличая вас в том, что вы несправедливо воздвигаете гонения на христиан.

Диоклетиан велел взять его и вести на ипподром[2]; там святой страстотерпец, громко прославляя Христа и обличая идолов и римское заблуждение, был убит палками. С радостным восклицанием отошел он к Подвигоположнику Христу, для того, чтобы принять венец победы за свой подвиг. Святое же тело его нечестивые бро-

---

[1] *Гелиогабал* — Римский император, царствовал с 218 по 222 год по Рождестве Христовом. Он построил себе, как богу, храм на одном из холмов Рима, Палатинском, рядом с императорским дворцом. Ступени Гелиогабала — ступени его храма.

[2] *Ипподром* — ристалище, место, где происходил бег коней, состязания с дикими зверями и так называемых гладиаторов друг с другом, что было любимым развлечением римлян. Сюда же цари-мучители выводили христиан на съедение диким зверям.

сили ночью в глубокий грязный ров[1], чтобы кто-либо из христиан не нашел и не взял его. Но святой явился в видении благочестивой Лукине и сказал ей:

— Дойди до грязного рва близ цирка, там найдешь ты мое тело висящим на перекладине; возьми его, отнеси в катакомбы[2] и погреби при входе в пещеру, у пути апостольского.

Блаженная жена тотчас взяла своих рабов и, придя в полночь к означенному рву, благоговейно взяла тело мученика и с честью похоронила его на указанном месте[3], вознося хвалу Христу Богу нашему, Которому слава вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **МОДЕСТА**, архиепископа Иерусалимского

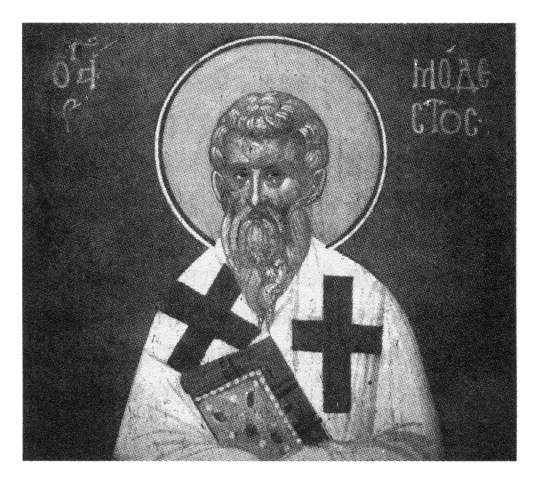
Святой Модест родился в городе Севастии[4] от благочестивых и богобоязненных родителей. С юных лет он почувствовал сер-

[1] Тело святого Севастиана было брошено в ров, предназначенный для стока городских нечистот, называвшийся клоакой Максима и находившийся около ристалища, называвшегося: «Циркус Максимус», то есть Величайший цирк. — Кончина святого мученика Севастиана последовала 18 ноября 287 года.

[2] *Катакомбами* назывались подземные ходы и пещеры, которые были вырыты первыми христианами в окрестностях Рима (также в Неаполе, Сиракузах и во многих других городах) для погребения усопших. Ранее назывались они иначе, и впервые имя катакомб утвердилось за местом погребения святого Стефана в IV веке. В стенах этих ходов были сделаны выемки, куда и полагались тела усопших без гроба и затем замуровывались камнями. Реже в них строились отдельные гробницы. Освещались катакомбы лампадами и отверстиями в потолке. Сюда к могилам родных, друзей, святых и мучеников сходились верующие праздновать дни их памяти, воссылать к Богу общие молитвы и совершать таинство Евхаристии, соединявшееся с общей вечерей, в подражание вечери Иисуса Христа. Мраморные плиты над могилами святых и мучеников служили престолом при совершении таинства Евхаристии.

[3] Мощи священномученика Севастиана почивают в загородной церкви его имени в Риме.

[4] Здесь разумеется *Севастия Каппадокийская*, на востоке Малой Азии, на границе с Арменией.



дечное влечение к Господу и, отрекшись от мира, проводил строгое иноческое житие. Впоследствии он был настоятелем обители Феодосиевой в Палестине[1]. В это время Персидский царь Хозрой сделал опустошительное нашествие на Сирию и Палестину[2]. С персами соединились и евреи, в числе сорока тысяч человек, с целью истребить всех христиан палестинских. Жестокость врагов имени Христова излилась на Иерусалим и его окрестности во всей своей силе: погибли многие тысячи иноков и клириков, опустошены и сожжены были все храмы, в том числе храм святого Гроба Господня, патриарх Захария[3] со множеством народа и святым Крестом Господним отправлены в плен в Персию. Иудеи откупили у персов несколько тысяч христиан и предали смерти. Число всех умерщвленных христиан простиралось до девяноста тысяч человек. Святой Модест в это тяжкое время избег погибели, и, по окончании нашествия, за отсутствием патриарха, ему поручено было, с именем блюстителя патриаршей кафедры, управлять Палестинскою Церковию. Первым делом святого Модеста было собрать остатки избиенных в обители святого Саввы Освященного[4] иноков и с честью положить их в усыпальницу. Потом он со всею ревностью принялся за восстановления поруганных святых мест. Не опасаясь ни злобы иудеев, ни своеволия персидских властей, святой восстановил храм святого Гроба и храмы Голгофский и Вифлеемский, в чем весьма много

---

[1] Обитель преподобного Феодосия Великого, начальника общежительного иноческого жития, находилась в Палестине; подле нее, по преданию, провели ночь волхвы, шедшие из Вифлеема на поклонение Воплотившемуся Господу Иисусу. Обитель основана около IV века.

[2] *Хозрой II*, царь Персидский, царствовал с 590 по 628 год по Рождестве Христовом. Нашествие его на Сирию и Палестину было в 614 году.

[3] *Святой Захария* патриаршествовал в Иерусалиме с 609 по 633 год, в том числе в плену у персов был с 614 по 628 год.

[4] Об обители святого Саввы Освященного смотри в житии Саввы Освященного под 5 декабря.

помог ему Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский[1]. Находившийся в плену у персов блаженный Захария, патриарх Иерусалимский, утешал святого Модеста и паству письменными известиями о себе и увещаниями быть твердыми в вере. Через четырнадцать лет патриарх Захария вместе с крестом Господним возвратился из плена[2], но, истомленный скорбями, скончался в том же году. По его кончине, на патриаршую кафедру был возведен святой Модест[3]. Не более пяти лет управлял святой Модест Иерусалимскою Церковию в сане патриарха. Добре управляя вверенною ему паствою, святой Модест творил многие дивные чудеса и исцеления. Достигнув престарелых лет, святой Модест, на девяносто седьмом году своей жизни, с миром предал дух свой Господу и переселился в вечные небесные обители[4].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ФЛОРА,
епископа Амийского

Святой Флор жил в царствование Греческих императоров Иустина, Тиверия и Маврикия[5]; отец его носил то же имя — Флор, а мать называлась Евфимиею; родители дали ему хорошее образование. Потом он поступил на царскую придворную службу и удостоился звания патриция[6]; женился и имел детей. Когда жена его

---

[1] *Святой Иоанн Милостивый*, патриарх Александрийский, патриаршествовал с 609 по 620 год. Память его празднуется Церковью 12 ноября. — Щедрость святого Иоанна Милостивого святому Модесту и палестинским храмам и обителям выразилась, между прочим, в том, что он прислал в распоряжение его тысячу золотых монет, тысячу пудов железа, тысячу овец, тысячу кулей пшеницы и так далее.

[2] Это было в 628 году, при Византийском императоре Ираклии и при преемнике побежденного им Хозроя, персидском царе Сироесе.

[3] В 633 году.

[4] 18 декабря 634 года.

[5] Императоры Византийские: Иустин II — с 565 по 578 год; Тиверий — с 578 по 582 год; святой Маврикий — с 582 по 602 год.

[6] *Патриций* — довольно высокий чин византийской служебной иерархии, дававший право на звание синклитика или сенатора.

умерла, а потом умерли и дети от оспы, он сильно опечалился и, находя в таких обстоятельствах своей жизни указание промысла Божия на то, что ему нужно озаботиться о своем спасении, оставил царскую придворную службу и поселился в Анапле[1]. Проводя там благочестивую жизнь, Флор удостоился поставления во епископа в город Аминс[2]. Как добрый пастырь овец Христовых, он добре пас порученное ему стадо, поучал пасомых в православной вере и наставлял их соблюдать волю Божию и хранить заповеди, и так скончался о Господе[3].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
МИХАИЛА СИНКЕЛЛА

Преподобный Михаил был родом из Иерусалима. Родители его, люди благочестивые, дали ему прекрасное образование. Он в совершенстве знаком был с древнегреческою литературою, хорошо изучил также и христианских писателей богословов и с молодых лет посвятил себя иноческой жизни. По смерти его отца мать его и сестры постриглись в одном из монастырей. Проводя добрую и богоугодную жизнь при строгом соблюдении воздержания, Михаил удостоился пресвитерского сана. По своей скромности и горячей любви к богомыслию он удалился было в уединенное место, куда приходили к нему Феодор и Феофан исповедники[4], для совместных богословских занятий; но патриарх Иерусалимский[5], желая воспользоваться его дарованиями для нужд церковных, вызвал его оттуда и возвел в звание синкелла[6]. Потом ему дано было еще поручение осо-

---

[1] *Анапл* — предместье Царьграда.

[2] Город *Аминс* — или *Амис* — в Каппадокии, восточной области Малой Азии.

[3] В начале VII века.

[4] *Феодор* и *Феофан* — так называемые *Начертанные* — родные братья-близнецы носили тогда сан иеромонахов; память первого — 27 декабря, память второго — творца канонов — 11 октября.

[5] Патриарх Иерусалимский Фома I.

[6] *Синкелл* — член патриаршего совета, заведовавшего делами церковного управления. Синкеллы исполняли разные поручения патриархов, были непосред-

бой в то время важности. В Риме тогда возгорелись оживленные прения по поводу иконоборческой ереси[1]; споры эти велись не только частно, в домах, но и публично, на улицах города, и сопровождались народными волнениями. Папа Римский обратился с просьбой к патриарху Иерусалимскому Фоме о содействии искоренению ереси и утверждению православной веры, по соборному святоотеческому преданию, и предложил ему несколько вопросов об этом. По этой просьбе папы от патриарха Иерусалимского послан был для умиротворения церкви и обличения ереси синкелл Михаил с его сотрудниками Феодором и Феофаном и другими просить царя — иконоборца Льва Армянина[2], чтобы он удержался от гонений на Православие. Но Лев подвергнул его пыткам и послал в заточение. Хотя впоследствии он был освобожден из этого заточения, но в царствование императора Феофила иконоборца[3], который, совершенно отвергнув поклонение святым иконам, воздвиг жестокое гонение на Церковь Божию, преподобный Михаил с своими сподвижниками подвергся новым мукам. За исповедание истины Феодор и Феофан подверглись следующему поруганию: по повелению нечестивого царя на их лицах разожженными железными клеймами были отпечатлены — *начертаны*[4] ругательные слова; отобрана была и находившаяся при них переписка патриарха Иерусалимского с папою Римским, хотя они и старались ее скрыть от гонителей правой веры. Но преподобные и преславные отцы нисколько того не устрашились и в

ственными свидетелями их жизни, находившимися постоянно при них и после смерти нередко их преемниками.

[1] *Иконоборческая ересь* явно обнаружилась при императоре Льве Исаврянине (717–741 гг.), который был первым гонителем святых икон; ему наследовали императоры-иконоборцы Константин Копроним (741–775 гг.) и Лев IV Хазар (775–780 гг.). Ересь эта осуждена была II Никейским, VII Вселенским собором (787 г.) в царствование Константина Порфирородного, когда управляла делами, по малолетству царя, его мать — Ирина; но и после соборного осуждения ересь эта еще долго существовала, до окончательного восстановления иконопочитания в 842 году.

[2] *Лев Армянин*, царствовал с 813 по 820 год. Преподобный Михаил синкелл послан был в Константинополь в 817 году. Еще ранее он заявил себя ревностным поборником Православия в борьбе с другими еретиками того времени, как то: павликианами, монофизитами и несторианами.

[3] *Феофил* царствовал с 829 по 842 год.

[4] Поэтому они названы *начерта́нными*.

своих убеждениях не поколебались, но, как твердые адаманты[1], воспротивились требованиям иконоборца и мужественно защищали православное учение. Многократно они вели пространные беседы о православной вере и произносили речи против иконоборца — царя, за чтó и осуждены были им на изгнание. Блаженный Михаил сначала заключен был в дворцовую тюрьму, вместе с учеником своим и сподвижником Иовом, где на него возложены были тяжкие оковы, а потом, с тем же Иовом, сослан был в один монастырь (Павеиадский) в ссылку. За все это время много было пролито святым горьких слез; страдания надломили его здоровье, тело его сгорбилось; но духом исповедник оставался непоколебимо тверд. Когда же, по смерти Феофила, воцарилась супруга его царица Феодора[2] с сыном своим Михаилом и иконопочитание было окончательно утверждено[3], а ревнители православного учения возвращены из ссылок и восстановлены в прежних должностях, правительница Феодора предложила исповеднику православной веры Михаилу занять кафедру Константинопольского патриарха, вместо низложенного патриарха иконоборца Иоанна Грамматика[4], но он уклонился от этого, и патриархом поставлен был известный поборник Православия, святой Мефодий[5]; Михаил же, в звании синкелла, получив в свое заведование Великий Константинопольский соборный храм, успокоился после понесенных им тяжких испытаний. Благочестиво и богоугодно дожил он до восьмидесятипятилетнего возраста и с миром отошел ко Господу[6].

---

[1] *Адамант* (алмаз) — камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая оттого вреда. Это название в церковной литературе придается многим отцам и учителям Церкви, прославившимся твердостью своей веры и характера.

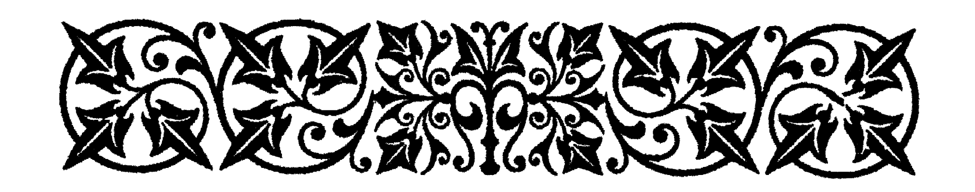
[2] Феодора царствовала с 849 по 855 год, а Михаил, прозванный «пьяным», — с 855 по 867 год.

[3] Восстановление иконопочитания состоялось на Константинопольском соборе 842 года, и в память этого торжества Православия тогда же был установлен в Церкви особый «Чин Православия», совершаемый и ныне в первый воскресный день святой Четыредесятницы.

[4] *Иоанн VII*, прозванный за свою ученость Грамматиком, патриаршествовал с 832 по 842 год.

[5] *Святой Мефодий I* патриаршествовал с 842 по 846 год.

[6] Преподобный Михаил Синкелл преставился 18 декабря около 845 года. Святые мощи его в Константинопольском монастыре *Пантократора* видели русские



День девятнадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ВОНИФАТИЯ

Некогда в Риме проживала одна женщина, по имени Аглаида; отец ее Акакий был некогда начальником города. Будучи молодой и красивой, обладая богатыми имениями, доставшимися по наследству от родителей, и пользуясь свободной жизнию без законного мужа, она, побеждаемая страстию немощной плоти, проводила дни свои в любодеянии и грехах. Она имела у себя верного раба, который был управителем над домом и имениями ее, он был молод и красив. Звали его Вонифатием, — и Аглаида жила с ним в нечистой связи, удовлетворяя свое плотское вожделение. И нет стыда говорить об этом, так как далее речь будет о блаженном и чудном изменении их жизни, ибо когда святым воздается похвала, то не умалчивается и об их прежних грехах, чтобы показать, что не все с юных лет были благи и праведны, а имели, подобно другим, растленное естество, но истинным покаянием, доброй в себе переменой и великими добродетелями прославились своею святостью. Об этом повествуется в Житиях святых для того, чтобы и мы, грешные, не отчаивались, но поспешили бы к скорому исправлению, зная, что при помощи Божией и после грехов возможно быть святыми, если только сами того пожелаем и для того потрудимся. И действительно, пре-

---

паломники: Стефан Новгородец — в 1342 году и иеродиакон Зосима — в 1420 году. После преподобного Михаила Синкелла осталось несколько сочинений, лучшее из которых — «Исповедание веры»; прочие его сочинения представляют собой несколько похвальных слов и несколько песнопений, между прочим — на восстановление иконопочитания.

красно то, услаждающее сердце, повествование, в котором мы слышим, что грешник, по-видимому, не имеющий надежды на спасение, становится сверх ожидания святым, и притом мучеником Христовым, подобно святому Вонифатию, который во время любострастной жизни служил греху, а потом сделался исповедником, доблестным подвижником и славным страдальцем за Христа. Вонифатий во время своей распутной жизни был рабом греха, однако имел некоторые, достойные похвалы, добродетели: он был милостив к нищим, любвеобилен к странникам и сердоболен ко всем находящимся в несчастии: одним — оказывал щедрые милостыни, другим — с любовью доставлял успокоение, иным — с сочувствием оказывал помощь. Имея твердое желание исправиться, Вонифатий часто молился Богу, чтобы Он избавил его от диавольских сетей и помог ему сделаться господином над своими вожделениями и страстями. И Господь не презрел создания Своего и не дал такому, отчасти добродетельному человеку еще более погрязнуть в злом вожделении, не попустил милосердным его делам и дальше пачкаться нечистыми грехами, но благоизволил устроить так, что нечистые дела его были омыты пролитием крови его, и через это самое душа его сделалась как бы царскою багряницей, и он увенчался венцом мученическим. Это совершилось следующим образом.

В то время было сильное гонение на христиан, глубокая идольская тьма покрывала весь Восток, и много верующих было мучимо и убиваемо за Христа. Госпоже Вонифатия Аглаиде явилась спасительная мысль и сильное непреодолимое желание иметь в своем доме мученические мощи. Не имея из своих слуг никого вернее и исполнительнее Вонифатия, она позвала его, открыла ему свое желание и наедине сказала:

— Ты сам знаешь, брат о Христе, сколь многими грехами осквернены мы, совсем не заботясь о будущей жизни и спасении; как же мы предстанем на страшный суд Божий, на котором должны по своим делам быть осуждены на тяжкие мучения? Но от одного благочестивого мужа я слышала, что если кто имеет у себя мощи мучеников Христовых и чтит их, тот получает помощь ко спасению и в доме того грех не умножается, так что таковой может даже достигнуть того вечного блаженства, какого сподобились святые мученики. Теперь многие, говорят, совершают подвиги за Христа и, отдавая тела свои на мучения, получают мученические венцы. Послужи мне: ныне наступило время показать тебе, действительно ли ты имеешь любовь ко мне. Скорее ступай в те страны, где воздвигнуто гонение на христиан, и постарайся принести мне мощи одного из святых мучеников, чтобы с честию положить их у себя и построить храм тому мученику и всегда иметь его своим хранителем, защитником и постоянным ходатаем пред Богом.

Выслушав Аглаиду, Вонифатий с радостию согласился на ее предложение и выразил полную готовность идти в путь. Госпожа дала ему много золота, потому что нельзя было взять мученических тел без подарков и золота: нечестивые мучители, видя сильную любовь и усердие христиан к мощам, не отдавали их даром, но продавали по дорогой цене и, таким образом, приобретали себе большие доходы. Вонифатий взял у своей госпожи много золота, частью на выкуп мученических мощей, а частью на раздачу милостыни нищим, приготовил также много различных благовоний, полотна и всего, что потребно было для обвития честных мученических тел. Взяв с собою еще много рабов, помощников и коней, он собрался в путь. Выходя из дому, он, смеясь, сказал своей госпоже:

— А что будет, госпожа, если я не найду никакого тела мученика и мое тело, замученное за Христа, принесут к тебе, — примешь ли ты его тогда с честию?

Аглаида, рассмеявшись, назвала его пьяницей и грешником и, укоряя его, сказала:

— Ныне время, брат мой, не для глумления, а для благоговения. Тебе следует во время пути тщательно охранять себя от всякого бесчинства и глумления: святое дело должно совершать честно и благочинно, и в пути этом тебе следует пребывать в смирении и воздержа-

нии, помни, что ты собираешься служить святым мощам, до которых мы не только коснуться, но даже и взглянуть на них недостойны. Иди с миром, Бог же, зрак раба принявший и за нас кровь Свою проливший, да простит грехи наши и пошлет тебе Ангела Своего и направит тебя на добрый и благополучный путь.

Вонифатий принял к сердцу приказание своей госпожи и отправился в путь, размышляя в уме о том, к чему он должен будет прикасаться своими оскверненными, грешными руками. Вонифатий стал сокрушаться о своих прежних грехах и начал поститься: не есть мяса, не пить вина, а усердно и часто молиться, придя в страх Божий. Страх же — отец внимания, а внимание — матерь внутреннего покоя, от которого рождается начало и корень покаяния. Так Вонифатий насадил в себе корень покаяния, начав со страха Божия, внимания к себе и рассмотрения своей совести; и в нем возникло желание к совершенному житию — от поста, воздержания и непрестанных молитв.

Когда Вонифатий достиг Малой Азии и вошел в знаменитый киликийский город Тарс[1], в нем тогда при царе Диоклетиане и соправителе его Максимиане было воздвигнуто жестокое гонение на христиан, и верующие подвергались тяжким мучениям. Оставив рабов с конями в гостинице, он повелел им отдохнуть, а сам, не отдыхая, тотчас же пошел видеть страдания мучеников, о которых раньше слышал. Придя на место мучения, Вонифатий увидал множество собранного народа, смотрящего на производимые христианам мучения. Всем им была объявлена лишь одна вина: христианская вера и благочестивая жизнь, но муки на них были налагаемы неравные и неодинаковые: один висел вниз головою, а на земле под ним был разведен огонь, другой был крестообразно привязан к четырем столбам, иной — лежал перепиленный пилой, иного мучители строгали острыми орудиями, иному — выкалывали глаза, другому — отсекали члены тела, иного надевали на кол и, подняв от земли, утверждали кол в земле, так что он проходил ему до шеи, у иного — кости были сломаны, у иного — руки и ноги были отсечены, и он, подобно клубку, катался по земле, но во всех было единое терпение и на всех лицах

[1] *Киликия* — юго-восточная римская провинция Малой Азии. — *Тарс* — большой и населенный город этой провинции, в южной части ее, в плодоносной равнине, при реке Кидне, недалеко от него впадающей в Средиземное море, — доселе довольно значительный торговый город.

было видно духовное веселье, потому что, перенося нестерпимые для человека мучения, они укрепляемы были благодатию Божиею. Блаженный Вонифатий с вниманием смотрел на все это, то удивляясь мужественному терпению мучеников, то желая себе такого же венца, потом, исполнившись Божественной ревности и став посреди того места, начал обнимать всех явивших себя мучениками, которых было уже человек двадцать, и, в слух всех, громко воскликнул:

— Велик Бог христианский! Велик Он, ибо помогает рабам Своим и укрепляет их в столь великих муках!

Произнеся это, он снова подошел к мученикам и стал с любовию целовать их ноги, а у тех, которые не имели ног, остальные части тела; обнимая мучеников, прижимал он их к груди, называя их блаженными, потому что, претерпев мужественно кратковременные муки, они тотчас получат вечный покой, отраду и бесконечное веселие; при этом Вонифатий молился о себе, чтобы и ему быть другом мучеников в таком же подвиге и причастником венца, который они получают от Подвигоположника — Христа. Весь народ устремил свои взоры на него, особенно судья, который мучил святых страдальцев. Видя перед собою в лице Вонифатия пришлеца и незнакомого человека, он спросил: кто он и откуда? И тотчас приказав схватить его и привести к себе, спросил:

— Кто ты?

— Христианин! — отвечал святой.

Но судия хотел знать его имя и происхождение. Отвечая на это, святой сказал:

— Первое и самое любимое мое имя — христианин, пришел же сюда я из Рима, а если хочешь узнать и то имя, которое мне дано от родителей, то меня зовут Вонифатием.

— Итак, Вонифатий, — сказал судья, — приступи к нашим богам, пока я не растерзал твоей плоти и костей, и принеси им жертву. Тогда ты удостоишься многих благ, умилостивишь богов, избавишься от грозящих тебе мук и от нас получишь много даров.

В ответ на это Вонифатий сказал:

— Не следовало бы мне даже и отвечать на твои слова, но я снова скажу то, что уже много раз повторял: я — христианин, и только это ты услышишь от меня, а если не желаешь слышать этого, то делай со мной, что тебе угодно!

Когда Вонифатий произнес эти слова, тотчас судия повелел раздеть его, повесить вверх ногами и сильно бить. И святой был биен так сильно, что от тела его отпадали целые куски мяса и обнажались кости. Он же, как бы не чувствуя страданий и не заботясь о получаемых ранах, устремлял лишь глаза свои на святых мучеников, видя в их страданиях пример для себя и утешаясь дружеством их, что удостоился вместе с ними страдать за Христа. Потом мучитель повелел немного ослабить ему муки и, пытаясь снова убедить его словами, сказал:

— Вонифатий, это начало мучения пусть послужит тебе увещанием, чтобы тебе избрать лучшее: вот ты испытал нестерпимые страдания, образумься же, окаянный, и принеси жертву, не то немедленно подвергнешься еще большим и лютейшим страданиям.

Святой возразил:

— Зачем повелеваешь мне непристойное, о безумный? Я не могу и слышать о твоих богах, а ты повелеваешь мне принести жертву им!

Тогда судия, в сильном гневе, повелел вонзить ему острые щепки под ногти на руках и ногах, но святой, возведя очи и ум к небу, молча, терпел. Затем судия придумал новое мучение: он повелел растопить олово и влить в рот святому. Когда олово растоплялось, святой, воздев к небу руки свои, молился:

— Господи Боже мой, Иисусе Христе, укрепивший меня в перенесенных мною муках, пребу́ди и ныне со мною, облегчая мои страдания. Ты — единственное мое утешение: даруй же мне явное знамение того, что Ты помогаешь победить мне сатану и этого неправедного судью: ради Тебя, как Сам Ты знаешь, я страдаю.

Окончив эту молитву, Вонифатий обратился и к святым мученикам с просьбою, чтобы они своими молитвами помогли ему претерпеть страшную муку. Мучители, приступив к нему, открыли ему рот железными орудиями и влили олово ему в горло, но не причинили вреда святому. Присутствовавшие при мучениях, увидев такую жестокость, содрогнулись и стали восклицать:

— Велик Бог христианский! Велик есть Царь — Христос! Все веруем в Тебя, Господи!

Так восклицая, все обратились к находящемуся вблизи идольскому капищу, желая уничтожить его, на судию же громко негодовали и бросали в него камнями, чтобы убить его. Судия, встав с су-

дейского места, со стыдом убежал в свой дом, а Вонифатия повелел держать под стражей.

Утром, когда волнение утихло и народное восстание прекратилось, судия снова явился на судейское место и, призвав Вонифатия, хулил имя Христово и глумился над тем, как распят был Христос. Святой, не терпя хулений на Господа своего, сам произнес много досадительных для судии слов, в свою очередь ругая бездушных богов и обличая ослепление и безумие поклоняющихся им, и тем самым еще более разгневал судию, который немедленно повелел растопить котел смолы и бросить в него святого мученика. Но Господь не оставил Своего раба: внезапно сошел с неба Ангел и оросил мученика в котле, когда же смола вылилась, то вокруг образовалось сильное пламя, которое попалило многих стоявших около нечестивых язычников. Святой же вышел здоровым, не получив от смолы и огня никакого вреда. Тогда мучитель, видя силу Христову, испугался, как бы ему самому не пострадать, и повелел тотчас усечь Вонифатия мечом. Воины, взяв мученика, повели его на усечение. Святой же, выпросив для себя некоторое время для молитвы, обратился к востоку и молился:

— Господи, Господи Боже! Сподоби меня милостей Твоих и будь мне помощником, чтобы враг за мои грехи, безумно содеянные, не преградил путь к небу, но приими с миром мою душу и вчини меня вместе с святыми мучениками, пролившими за Тебя кровь и сохранившими веру до конца; стадо же, приобретенное Твоею честною Кровию, людей Твоих, Христе, близких мне, избавь от всякого нечестия и языческого заблуждения, ибо Ты благословен и пребываешь вовеки!

Так помолившись, Вонифатий преклонил голову под меч и был усечен, от раны его истекла кровь вместе с молоком. Неверные, видя чудо это, обратились тотчас ко Христу — числом около пятисот пятидесяти человек и, оставив мерзких идолов, присоединились к верным. Такова была кончина святого Вонифатия, который, отправляясь из дому в путь, предсказал, смеясь, своей госпоже то, что действительно доказал и совершил на деле[1].

Между тем друзья Вонифатия и рабы Аглаиды, пришедшие с ним для отыскания мощей, не зная ничего о случившемся, сидели в гостинице и ожидали Вонифатия. Видя, что он к вечеру не возвраща-

---

[1] Святой мученик Вонифатий пострадал и скончался 19 декабря 290 года.

ется, они удивлялись, не видя его и всю ночь, а также и утром на другой день, начали мыслить в себе и говорить о нем дурно (как после сами рассказывали), предполагая, что он где-нибудь напился и проводит время с блудницами.

— Вот, — говорили они, смеясь, — как наш Вонифатий пришел отыскивать святые мощи!

Но так как он не возвращался и в другую ночь и на третий день, то они начали недоумевать, и искали его, ходя по всему городу и расспрашивая о нем. Случайно, или, лучше сказать, по Божию усмотрению, они встретили человека, который был братом комментарисия[1], и спросили его, не видел ли он одного человека, странника, пришедшего сюда. Тот ответил, что вчера некоторый чужестранный муж, пострадав за Христа на месте мучений, осужден был на смерть и усечен мечом.

— Не знаю, — говорил он, — тот ли это, кого вы ищете? Скажите, каков он видом?

Они описали внешний вид Вонифатия, что он невелик ростом, имеет рыжие волосы; передали также и о других приметах его лица. Тогда человек тот сказал им:

— Наверное, это и есть тот, кого вы ищете!

Но они не поверили, говоря:

— Не знаешь ты того человека, которого мы ищем.

И, беседуя между собой, вспоминали прежний характер Вонифатия, ругались над ним и говорили:

— Разве пьяница и распутник будет страдать за Христа?!

Но брат комментарисия настаивал на своем.

— По наружности такой, как вы говорите, человек вчера и третьего дня действительно был мучим на суде, — сказал он, — впрочем, что же препятствует вам? Идите — и сами увидите тело его, лежащее на месте, где он был усечен.

Они отправились следом за тем человеком, пришли на место мучения, где стояла военная стража, чтобы тела мучеников не были похищаемы христианами. Шедший впереди человек показал им на лежащего усеченного мученика и сказал:

[1] *Комментарисий* — начальник над тюрьмами в Римской империи и делопроизводитель при судебных процессах, производивший предварительные расследования над обвиняемыми, особенно над христианскими мучениками.

— Не тот ли это, кого вы ищете?

Когда они увидали тело мученика, тотчас же начали узнавать друга своего, а когда голову его, лежавшую отдельно, приложили к туловищу, совершенно удостоверились, что это — Вонифатий, и весьма удивились, а вместе с тем стали чувствовать и стыд, потому что думали и говорили о нем дурно, боялись и того, чтобы не постигло их наказание за то, что осуждали святого и смеялись над его жизнию, не зная его сердечных помышлений и доброго намерения.

Когда они смотрели на лицо святого и были в сильном изумлении, вдруг увидели, что Вонифатий понемногу стал открывать глаза и милостиво смотрит на них, как на своих друзей, уста улыбаются, лицо светится, как будто показывая вид, что он прощает им все их прегрешения против него.

Они ужаснулись и вместе обрадовались и, проливая теплые слезы, плакали над ним, говоря:

— Раб Христов, забудь грехи наши, что мы неправедно осуждали твою жизнь и безрассудно ругались над тобой!

Затем они отдали нечестивым пятьсот золотых монет и взяли тело и голову святого Вонифатия, помазав благовонными мастями, повили их чистыми плащаницами и, положив в ковчеге, отправились к себе домой, везя тело мученика госпоже своей. Когда они приближались к Риму, Ангел Божий явился во сне Аглаиде и сказал:

— Готовься принять того, кто был раньше у тебя слугой, ныне же стал нашим братом и сослужителем, прими того, кто был рабом у тебя, а теперь будет твоим господином, и благоговейно почитай его, потому что он — хранитель души твоей и защитник твоей жизни.

Она, проснувшись, ужаснулась, взяв тотчас же несколько почтенных церковных клириков, вышла навстречу святому мученику Вонифатию, которого раньше посылала в путь как раба, а по возвращении приняла его в дом свой благоговейно со слезами как господина. И вспомнила она то пророчество, которое изрек святой, отходя в путь, и благодарила Бога, устроившего так, что святой Вонифатий за свои и ее грехи стал жертвою, благоприятною Богу. В имении своем, отстоявшем от Рима в пятидесяти стадиях[1], Агла-

[1] *Стадия* — мера длины в восемьдесят восемь саженей; следовательно, пятьдесят стадий равняются без малого девяти верстам. Голову святого Вонифатия видел впоследствии в Константинополе в 1200 году русский паломник Антоний.

ида построила чудный храм во имя святого мученика Вонифатия, и в нем поставила святые мощи, уже после того как многие чудеса стали совершаться по молитвам мученика: истекали многоразличные исцеления больным, изгонялись из людей бесы, и многие молящиеся у гроба святого получали исполнение своих прошений.

После и сама блаженная Аглаида, разделив все свое имение нищим и убогим, отреклась от мира, и, прожив еще восемнадцать лет в великом покаянии, с миром умерла и присоединилась к святому мученику Вонифатию, будучи положена рядом с его гробом[1].

Так эта двоица святых, чудесно изменив прежнюю свою жизнь, получила добрый конец, один, кровью омыв свои грехи, удостоился мученического венца, другая же слезами и суровою жизнию очистила себя от плотской скверны; и оба явились оправданными и непорочными перед Господом Иисусом Христом, Которому слава вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ВОНИФАТИЯ МИЛОСТИВОГО,
епископа Ферентийского

Святой Вонифатий[2] был родом из Тускийской области[3], в Италии. Он еще с детства отличался любовью к нищим: когда ему приходилось увидеть кого-нибудь раздетым, то он снимал с себя одежду и одевал ею нагого, поэтому приходил он домой то без хи-

Над храмом святого Вонифатия в Риме, построенного ему еще Аглаидою, после сооружен более обширный храм во имя святого Алексия, человека Божия, и мощи обоих святых в 1216 году перенесены из нижней церкви в новую верхнюю, в ризнице которой в настоящее время честные головы их хранятся отдельно.

[1] По римским актам святых мучеников и Греческому синаксарю святогорца Никодима, Аглаида после подвигов удостоилась даже дара чудес и изгнания демонов, она причислена к лику святых, и память ее празднуется вместе со святым мучеником Вонифатием.

[2] Святой Вонифатий Милостивый жил в VI веке.

[3] *Туския*, иначе *Этрурия*, — древняя область Средней Италии, расположенная между Тирренским морем и Апеннинскими горами, на севере от Рима.

тона, то без свиты[1], и мать его, сама бывшая бедной вдовой, часто сердилась на него и говорила:

— Напрасно ты так поступаешь, одевая нищих, сам будучи нищим.

Однажды она вошла в свою житницу, в которой на весь год заготовлен был хлеб, и нашла ее пустою: Вонифатий, сын ее, тайно раздал все нищим, и начала мать плакать, ударяя себя по лицу и восклицая:

— Горе мне, где я возьму пищи на весь год и чем буду кормить себя и семью свою?

Вонифатий, придя к ней, начал утешать ее; когда же и после сильного плача не мог успокоить ее речами, то стал умолять ее выйти на время из житницы. Когда мать вышла, Вонифатий, затворив дверь в житнице, упал на землю и стал молиться Богу, — и тотчас житница наполнилась пшеницею. Вонифатий, возблагодарив Бога, призвал свою мать; когда она увидала житницу полною хлеба, то утешилась и прославила Бога. С того времени она не запрещала более сыну раздавать нищим сколько он хочет, так как видела в нем столь великую веру, по которой он не беднеет от подаяния и, сколько сам попросит у Бога, получает. Мать Вонифатия имела в своем доме кур, которых похищала лисица, причиняя тем убыток бедной вдове. Однажды отрок Вонифатий, стоя у своих дверей, увидал, как лисица, по обыкновению, пришла, похитила птицу и убежала в гору. Сожалея об огорчении матери, он побежал в храм, пал на землю и в молитве жаловался перед Богом на лисицу, говоря:

— Господи, неужели благоугодно Тебе, чтобы я не мог питаться от трудов матери? А вот, между тем, лисица приходит и похищает пищу нашу!

После молитвы Вонифатий возвратился домой и увидал ту же самую лисицу, пришедшую к ним на двор и принесшую в пасти похищенную птицу, она пустила ее живою перед Вонифатием, а сама

[1] *Хитон* — греческое название нижней одежды (рубашки) у восточных народов, *свита,* или *свитка*, — верхняя простая грубая одежда.

тотчас издохла. Так Бог слушает надеющихся на Него и в малых вещах, имея о нас великое промышление, чтобы мы, получая от Него малое, надеялись получить, по возможности, и большее.

Святой Вонифатий был впоследствии поставлен епископом в городе Ферентине[1], и о его многих чудесах повествует пресвитер Гавденций, который был слугою святого и видел своими глазами все совершаемое им. Ферентийская епископия находилась в большой бедности, которая людям благочестивым служит охранительницей смирения; епископ не имел на свое пропитание никакого церковного имущества, кроме одного дохода с виноградника, принадлежавшего церкви. Однажды был большой град и побил все лозы с ягодами, так что осталось лишь немного кистей винограда на некоторых лозах. Блаженный Вонифатий, войдя в виноградник, увидел, что все побито, и начал благодарить Бога, что в такой своей бедности начал терпеть еще большую нищету. Когда же наступило время созревания винограда, Вонифатий, по обыкновению, поставил сторожа и повелел оставшиеся кисти винограда бдительно охранять. В один день он велел пресвитеру Констанцию, своему внуку, вымыть все имевшиеся в епископском доме сосуды и бочки для вина и, по обычаю, засмолить. Пресвитер, услышав это, весьма удивился тому, что он, не имея вина, приказывает приготовить винные сосуды. Не осмеливаясь спросить, для чего нужно готовить сосуды, но, исполняя приказание, он сделал все по обычаю. Вонифатий, войдя в виноградник и собрав кисти винограда, снес их в точило[2] и повелел всем оттуда выйти, а сам остался с одним отроком, которому велел все эти немногочисленные кисти выжать в точиле. Когда вино понемногу начало течь из точила, святой взял его в сосуд и разлил понемногу во все приготовленные кувшины, чтобы благословить их, разделив все вино так, что сосуды едва омочились вином. Таким образом, Вонифатий благословил все сосуды, призвал пресвитера и велел созвать нищих, чтобы, по обычаю, пришли и взяли нового вина, находящегося в сосудах. Тогда вино в точиле на-

---

[1] *Ферентин* — город в древней Этрурии, в Италии, ныне развалины Ференто.

[2] *Точило* — яма, в которой давили созревший виноград для приготовления вина из его сока, давили виноград или посредством особого снаряда, или же просто ногами.

чало умножаться, так что все принесенные сосуды нищих наполнились. Святой, видя, что всем пришедшим достало вина, велел отроку выйти из точила; хранилище же с вином затворил, приложил печать и ушел в церковь. Через три дня Вонифатий призвал пресвитера Констанция и, помолившись, отворил дверь в винное хранилище, и увидел, что все сосуды и кувшины, в которые для благословения понемногу было налито вина, переполнены пенистым вином, так что оно лилось через края, даже земля напиталась вином, и если бы епископ немного замедлил войти в хранилище, то вся бы земля была покрыта вылившимся вином. Когда пресвитер, видя это, весьма удивился, святой запретил ему говорить кому-либо об этом, боясь и избегая суетной человеческой славы. В другой раз, когда праздновалась память святого мученика Прокла[1], один благородный муж из того же города, по имени Фортунат, просил святого Вонифатия, по совершении службы святому мученику, прийти в дом его и преподать благословение, святой не отказал ему, потому что Фортунат просил его об этом с верою и истинною любовию. Вонифатий, совершив Божественную службу, пришел на трапезу к Фортунату. Прежде чем он, по обычаю, помолился перед трапезою, один из скоморохов стал перед дверями с обезьяною и заиграл на кимвалах[2]. Святой, услышав звуки кимвал, рассердился и сказал:

— Увы, мертв есть этот нечестивец, поистине мертв, я пришел обедать и еще не успел открыть уста для обычного восхваления Бога, как он предупредил меня, пришел с обезьяною и заиграл на кимвалах!

При этом он присовокупил:

— Пойдите, дайте ему есть и пить, но знайте, что он мертв.

Нечестивый же тот человек, взяв хлеб и вино, хотел было выйти из ворот, но тотчас же большой камень сзади внезапно упал и ударил его по голове, скоморох упал на землю и полумертвым был отнесен на руках в свой дом, а на другой день, как предсказал свя-

---

[1] Память святого мученика Прокла празднуется Церковью 12 июля.

[2] *Кимвал* — древний ударный музыкальный инструмент, состоящий из металлической тарелки, посреди которой прикреплялись ремень или веревка для надевания на правую руку. Кимвал ударяли о другой кимвал, надетый на левую руку, отчего и получался звук.

той, умер. Так должно благоговеть перед святыми угодниками Божиими и почитать их, ибо они суть храмы Божии и Бог пребывает в них. Когда святой прогневается, вместе с ним гневается и живущий в нем Бог, и тогда святой может одним словом покарать оскорбившего его. В другой раз тот же пресвитер Констанций, внук святого, продал своего коня за двадцать золотых монет и, положив их в ковчежец[1], ушел по своему делу. Неожиданно случилось, что много нищих пришли к епископу и с назойливостью приступали к нему, прося чем-нибудь помочь им. Святой, не имея ничего, чтобы дать им, скорбел в душе, не желая отпустить нищих с пустыми руками; вспомнив же про деньги Констанция, взятые за коня, пошел в комнату, где был его ковчежец, и, благочестной ради нужды, открыл его, взял золотые монеты и отдал их бедным. Когда пресвитер возвратился, и увидел ковчежец открытым, и не нашел в нем денег, то сильно оскорбился, поднял большой шум и стал с гневом кричать:

— Невозможно мне жить здесь!

На его голос сошлись все бывшие в епископском доме, пришел и сам епископ и стал утешать его, уговаривая добрыми словами. Он же с досадой отвечал святому:

— Все у тебя живут хорошо, один я не имею места и не могу пожить спокойно, отдай мне мои деньги, и я уйду от тебя.

Епископ пошел в храм Пречистой Богородицы, надел на себя фелонь[2] и, подняв кверху руки и возведя глаза к небу, молился, чтобы Господь послал ему откуда-нибудь столько золотых монет, сколько он взял у пресвитера, чтобы отдать их ему и смягчить гнев его. Святой, молясь, обратил глаза на себя и увидел на фелони внезапно явившиеся двадцать золотых монет, которые лежали между рук, поднятых кверху, и так блестели, как будто только что были сделаны и вынуты из огня. Возблагодарив Бога, епископ вышел из церкви и бросил деньги на одежду гневающемуся пресвитеру, сказав:

---

[1] *Ковчежец* — ящик небольшого размера.

[2] *Фелонь* — одно из священнических облачений, риза. В древности фелонь надевалась при совершении богослужений — как священниками, так и епископами. Ныне в нее облачаются лишь одни пресвитеры.

— Вот, возьми деньги, о которых ты скорбел, и да будет тебе известно, что по смерти моей за свою скупость ты не будешь епископом этой церкви!

Действительно, так и было: пресвитер для того и деньги копил, чтобы получить епископство, но слово, сказанное Божиим человеком, не бывает тщетно, и Констанций окончил свою жизнь в пресвитерском сане.

Некогда два готфянина шли в город Равенну[1] и, как странники, с любовию были приняты святым Вонифатием в епископском доме. Когда они уходили, Вонифатий, провожая их, сам налил вина в деревянный сосуд и дал им на дорогу в знак благословения. Сосуд был мал, так что вина должно было хватить только на один обед. Они взяли и ушли, и в потребное время пили вино из этого сосуда, и, однако, вино в сосуде нисколько не убавлялось, и сосуд всегда оставался полным. Пробыв несколько дней в Равенне, странники возвратились назад и пришли опять к святому, благодаря его за благословение, и принесли ему сосуд с тем же вином, извещая, что во всю дорогу нигде другого вина не пили, однако вино в сосуде все-таки не истощилось.

Не до́лжно умолчать и о том, что рассказывает один из клириков той страны, муж честны́й.

— Некогда святой Вонифатий, — говорит клирик, — вошел в свой огород и увидел такое множество гусениц, что весь огород был покрыт ими, и вся зелень должна была погибнуть. И сказал святой гусеницам: «Заклинаю вас именем Господа нашего Иисуса Христа, уйдите отсюда и не смейте больше есть этих овощей», — и тотчас все множество гусениц, по слову угодника Божия, вышло из виноградника, так что не осталось ни одной.

Господь Бог, прославляющий святых Своих и исполняющий желание боящихся Его, да будет и Сам прославляем в них вовеки. Аминь.

---

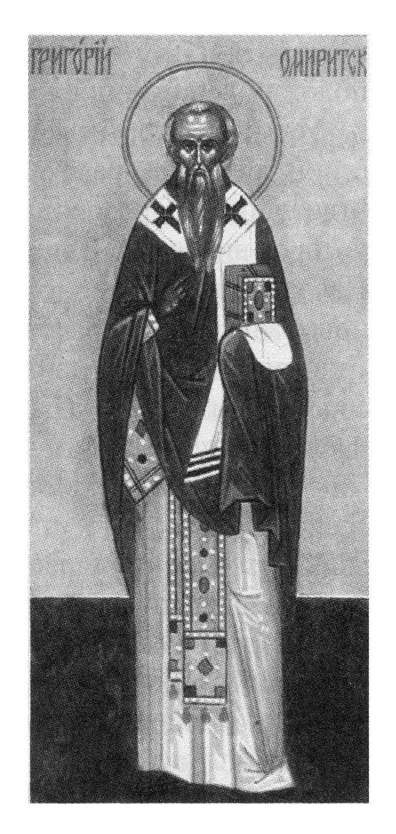
[1] *Равенна* — город с гаванью при Адриатическом море, находился на северо-восточном берегу Апеннинского полуострова. Император Август сильно укрепил его, и он считался оплотом Италии. Императоры Западной Римской империи, начиная с Гонория, имели здесь свое местопребывание. Равенна существует доселе и представляет главный цветущий город итальянской области того же имени.

ЖИТИЕ СВЯТОГО **ГРИГОРИЯ**, архиепископа Омиритского

Святой Григорий первоначально подвизался в городе Медиолане, где, по Божественному избранию, светил на свещнице церковного служения в чине диаконском; впоследствии другие города и села имели его проповедником имени Христова и искоренителем идольской лести. Григорий был сыном благочестивых родителей Агапия и Феодотии, воспитан в благочестии и страхе Божием и, от юности исполненный благодати Божией, был чудотворцем и целителем. Господь приуготовлял его для служения в сане архиерейском, о чем и возвещал ему через откровения и прозорливых отцов. Когда Григорий пришел в Медиолан к одному отшельнику, то тот предсказал ему все будущее, ибо был прозорлив, он предвидел и самый приход к себе Григория, когда тот был еще за тридцать поприщ[1] от него, о чем отшельник и сказал своему слуге. Был там еще другой старец схимник[2], для Бога удалившийся от мира и живший в горах. Григорий, узнав о старце, пошел к нему. Когда он приближался к горе, где жил этот отец, то увидел огненный столп в воздухе и от страха упал на землю. Затем, ободрившись, встал и пошел посмотреть, что это за огненное видение. Издали ему казался пламень, но когда он подошел ближе, то увидел отшельника, идущего к нему, который, приблизившись, поцеловал его и назвал Григорием, хотя никогда и не был с ним знаком. Григорий жил у этого великого старца два дня и здесь сподобился дивных видений. В полночь он видел этого богоносного мужа, простиравшего в молитве руки, поднявшегося от земли и стоявшего в воздухе. Григорий дивился этому видению, ста-

[1] *Поприще* — мера расстояния, оно равнялось нашим шестистам девяноста саженям. Тридцать поприщ составляют расстояние приблизительно в сорок одну версту.

[2] *Схимник* — монах, восприявший схиму. *Схима* — слово греческое, означает образ, вид, сан. Схимой называется высшая ступень монашества, соединенная с новыми, строжайшими обетами самоотвержения и служения Христу — есть совершеннейшее отчуждение от мира, желание разрешиться и со Христом быть (см.: Флп. 1, 2).



рец же утром, призвав его к себе, тихим и кротким голосом сказал:

— Иди, друг и брат! И выслушай, что я поведаю тебе, для того ты и пришел ко мне, чтобы узнать все, что мне открыто о тебе. Ты увидишь Рим, помолишься в церкви святого мученика Вонифатия и Аглаиды[1], и оттуда тебе до́лжно отплыть в Александрию[2], затем в Эфиопии[3] проповедовать слово истины и прийти в Омиритский город Награн[4], который завоеван Омиритским царем жидовином Дунааном и нуждается в проповедовании апостольского учения; там, совершив великие и славные дела, умрешь и переселишься в обители праведных. Однако много трудов ты должен будешь принять от живущих в Омирите непокорных иудеев и многих из них обратишь к Богу, имея Его благим Помощником, умудряющим и наставля-

---

[1] См. о них 19 декабря, а о церкви в честь их на стр. 487—488, прим. 1.

[2] *Александрия* — приморский город в Африке на северном берегу Египта, ведший обширную торговлю и бывший оплотом языческой учености, а затем средоточием христианского богословия.

[3] *Эфиопия* — страна в Африке, соответствует нынешней Абиссинии. Она находилась в верховьях реки Нила и граничила с фиваидской областью Египта на севере, с Ливией — на западе, с южной Эфиопией — на юге и с Аравийским заливом и Красным морем — на востоке. Столичный город этой страны — Авксумы. В первые века христианства Эфиопия была могущественной империей, ей принадлежала и часть Аравии. Светом христианства жители Эфиопии были просвещены в IV веке Эдесием и Фрументием.

[4] *Омириты* — жители южной Аравии, обитавшие близ Аравийского залива. В первые века христианства Аравию населяли одиннадцать различных племен, из которых только два: омириты и савеи — исповедовали христианскую веру. Остальные племена, находясь в постоянных сношениях с иудеями, держались большей частью иудейского закона. Омириты были просвещены христианством Феофилом Индийским, вторым епископом эфиопской столицы Авксумы. — *Награн*, или *Анагран*, — обширный и многолюдный город на берегу Аравийского залива, жители которого все без исключения исповедовали христианскую веру.

ющим тебя. Там же патриархом Александрийским ты будешь рукоположен во архиепископский сан.

Услышав это, блаженный Григорий стал говорить, что он недостоин того, что предсказывает ему старец, и пожелал еще остаться у отшельника. Прозорливый муж рассказал Григорию и то явление, которое видел сам Григорий. Он видел верховных апостолов Петра и Павла, возложивших омофор[1] на рамена Григория, что предзнаменовывало благодать архиерейства, которую должен будет получить Григорий. Много дивился блаженный Григорий этой дивной прозорливости старца, от которого не скрылось и то, что он сам видел наедине, и сказал:

— Слава Богу, действующему так в любящих Его, да будет воля Господня!

Через два дня старец отпустил его от себя, с любовию облобызал его, и Григорий ушел, жалея о разлуке с таким Божественным мужем, горя к нему пламенем любви и постоянно вспоминая о нем. Григорий пришел оттуда прежде всего в Карфаген[2] и долгое время жил там, проповедуя слово Божие и исцеляя всякие болезни. Затем, по Божию повелению, отправился он в Рим и помолился в храме святого мученика Вонифатия и Аглаиды. Когда он пришел ко гробу святого апостола Петра и со слезами упал на землю, то ему было видение: пред ним виднелись отверстые небесные двери и сиял необыкновенный свет. И вот святой апостол Петр, имея в правой руке

---

[1] *Омофор* (греческое «раменоносник») — одно из семи архиерейских облачений, возлагаемое на рамена (плечи) и спускаемое спереди и сзади, притом имеющее четыре креста. В символическом смысле омофор являет заблудшую овцу, то есть человечество, обретя которое Господь взял на рамена Свои и сочетал его со Своими овцами, то есть Ангелами. Крестами же показует архиерей свое произволение последовать Страстям Христовым: как Он носил на раме крест Свой и распялся, так и архиерей взимает на рамена свои крест Христов, не отрицаясь злострадания: ибо крест — есть символ злострадания.

[2] *Карфаген* — древнейшая, знаменитая колония финикиян, на севере Африки, достигшая в древней истории высшей степени могущества и разрушенная в 146 году до Рождества Христова, на развалинах древнего Карфагена, при первых Римских императорах, возник новый Карфаген, который существовал с большим блеском в продолжение весьма долгого времени. В Карфагене весьма сильно был развит языческий греко-римский культ, и как прямые последствия его в продолжение долгого времени держались суеверия, чародейства и были развиты так называемые «магические искусства».

ключ, вышел из небесных дверей, направился к нему с великою славою и сияющим лицом и сказал, глядя на него светлым взором:

— Я пришел сюда, чадо Григорий, по милости Господней, прежде же этого с прочими апостолами я был в Награне, омиритском городе, предстоя страждущим за Господа нашего Иисуса Христа от Дунаана жидовина и укрепляя каждого из них в благочестии. При Божией помощи, все они воспротивились воле законопреступного еврея, твердо подвизались в благочестии, пострадали за истину и теперь находятся на небесах с отцами, которые сподобились бессмертной чести. Я пришел сюда посетить этот город; Павел же брат, поборник Церквей, расстался со мной в Иерусалиме и ушел в Персию. Ты же, чадо, проходя добрый путь, постарайся угодить Господу, постоянно поучаясь в законе Его, зная, что жизнь и красота этого мира проходят подобно сну и тени; ты будешь блаженным, если так, как начал, совершишь свой путь; ходя в воле Господней, ты многих приведешь к страху Божию. Вот уже готовится тебе престол на небесах от Самого Владыки, и ты получишь воздаяние вместе с нами.

Сказав это, апостол отошел, и видение окончилось. Григорий, придя в себя, опять упал на землю, называя себя окаянным и грешником. После долгой молитвы он ушел в свое жилище и в эту ночь во сне увидел святого апостола Павла, подающего ему сосуд с елеем: это было предзнаменованием предназначенной ему благодати священства и архиерейства. Григорий, во сне взяв этот елей из апостольских рук, тотчас проснулся, обрадовался и запел: *Излилось из сердца моего слово благое*, ибо *Бог помазал меня елеем радования* (Пс. 44, 2, 8).

После этого он вышел из Рима и пошел в Александрию, постоянно обращаясь сердцем к Богу, все более и более совершенствуясь в добродетелях и исполняясь Божественной премудрости и разума и Божественных великих дарований.

В то время, когда царствовали благочестивые цари: в Греции — Иустин[1], а в Эфиопии — Елезвой, Дунаан, царствовавший в Омиритской стране, воздвиг гонение на христиан и старался истребить из своего царства самое имя Христово. Он хитростию овладел славным городом Награном, где были верующие во Христа, и погубил бесчисленное множество христиан: одних — сжег на огне, других —

[1] *Иустин I*, Византийский император, царствовал с 518 по 527 год.

усек мечом, а благочестивого князя Арефу[1] со знатнейшими гражданами убил. Услышав об этом, благочестивые цари Иустин и Елезвой весьма сожалели о неповинно пролитой крови христиан; Иустин написал к Елезвою[2], уговаривая его идти войной против нечестивого Дунаана, чтобы отомстить за невинно пролитую кровь. Достохвальный царь Елезвой, исполнившись ревности, собрал все свое войско и пошел войной на нечестивого царя Дунаана[3]. Во время этой великой войны Елезвой, при помощи Божией, разбил полки Дунаана и все его войско уничтожил вконец, а его самого с родственниками усек мечом. Овладев царством Дунаана, Елезвой стал ревностно очищать его от еврейских и языческих заблуждений, распространяя в нем славу имени Господа нашего Иисуса Христа. Многие из евреев и находившихся в Омиритах язычников пожелали креститься, но у них не было ни епископа, ни священника, ни диакона, ни одного клирика, потому что весь церковный чин иерархии был истреблен Дунааном. Тогда блаженный Елезвой обратился с просьбою к Александрийскому патриарху. Подробно рассказав ему о том, как Бог помог восстановить христианство в Омиритской стране, царь умолял, чтобы патриарх выбрал мужа — умного, добродетельного, знающего Священное Писание — и, рукоположив его во епископа, прислал к ним в Омиритскую область со всем необходимым для церкви. Когда это послание пришло в Александрию, то патриарх со всеми христианами возрадовался Божией помощи, посланной свыше христианам против нечестивых, и начал тщательно искать достойного человека, чтобы, посвятив его во епископа, скорее послать к Елезвою. Много мужей было приводимо к патриарху, но ни один из них не показался ему достойным святительского сана. Тогда патриарх ночью обратился с пламенной молитвой к Богу, чтобы Сам Господь выбрал и указал ему человека, достойного проходить такое служение. Во время молитвы явился патриарху в видении святой апо-

---

[1] Память святого мученика Арефы празднуется 24 октября.

[2] Император Византийский принял горячее участие в судьбе жителей города Награна ввиду того, что этот город, как покоренный в 25 году по Рождестве Христовом римским полководцем Элием Галлом, находился под покровительством Римских императоров.

[3] Царь Эфиопский считал своим долгом выступить на защиту христиан — омиритов потому, что самое христианство они приняли из Эфиопии и, по всей вероятности, находились в церковной зависимости от Авксумской митрополии.

стол Марк, повелевая ему найти диакона Григория, недавно пришедшего в Александрию и проживающего у некоего Леонтия, посвятить его во епископа и послать к Елезвою, так как именно для этого Господь и привел Григория сюда. Утром патриарх сейчас же послал разыскать дом Леонтия и, найдя его, призвал к себе жившего там Григория и расспросил его, кто он и откуда? Потом патриарх, рассказав ему о своем видении и сообщив о нужде Церкви, стал побуждать его принять святительский сан. Григорий же, вспомнив слова отшельника, который в Медиолане предсказал ему, как он восприимет сан архиепископа через рукоположение Александрийского патриарха, прослезился и сказал:

— Да будет воля Господня: делай, владыко, как хочешь, по повелению Господнему.

Патриарх тотчас посвятил Григория в сан пресвитера, а затем рукоположил и во архиепископа. При этом произошло дивное чудо: во время службы и посвящения лицо Григория изменилось, сделалось световидным, как огонь, светясь благодатию Святого Духа, от одежд же его исходил дым благовонного мира и аромат, который своим благоуханием наполнил весь храм. Это происходило в продолжение всей службы, глаза всех устремлялись на святого Григория, и все дивились такому чуду. Видели это и послы Елезвоя, удивляясь этому, и после передали о всем виденном царю. После рукоположения и духовной беседы с патриархом святой Григорий был отпущен с послами Елезвоя, — имея с собою подобающий сану клир и все необходимое для устроения Церкви. Скоро они достигли Эфиопии, а затем и Омиритской страны. Царь Елезвой весьма обрадовался приходу Григория, а еще более, когда узнал, что Григорий был избран Божественным Откровением и что благодать Святого Духа чудесно проявилась на нем во время хиротонии[1]. Он встретил Григория с большою честию, любезно принял его и отдал всю область в его распоряжение. Обходя с Григорием города в Омиритской стране, царь строил новые храмы, украшал гробницы святых мучеников, убитых за Христа нечестивым Дунааном, и приводил неверных ко крещению. В городе Награне Елезвой поставил князем сына мученика Арефы и построил там великолепный храм в

[1] *Хиротония* — рукоположение, посвящение в какую-нибудь священную степень.

честь Воскресения Христова, другой храм — в честь Пречистой Богородицы, третий — во имя святого мученика Арефы и пострадавших с ним, недалеко от того дома, где некогда жил святой мученик. И в других городах построено было много церквей, которые Григорий сам освящал и поставлял сюда пресвитеров и диаконов, вручая им добрую паству овец Христовых. Блаженный царь Елезвой почти тридцать шесть месяцев после смерти Дунаана оставался в Омиритской земле, и все добре здесь устроив, пожелал возвратиться на свой престол в Эфиопскую страну. Созвав со святым Григорием всех вельмож, князей, бояр, советников, он стал советоваться с ними, какого бы мужа благоверного, разумного, кроткого и богобоязненного избрать и помазать на Омиритское царство. Все советники отвечали царю:

— Кого ты знаешь и кого тебе Бог откроет, того и поставь, так как у нас нет ни одного подобного тебе разумом и достойного царского венца.

Тогда царь, обратившись к архиепископу, сказал:

— Это дело твое, честны́й отец и наш учитель! Вот перед твоим лицом все князья, вельможи, воины, малые и большие, кого ты хочешь, призови и во имя Господа нашего Иисуса Христа помажь на царство, мы же все, пришедшие из Эфиопии, если Бог благоволит, желали бы возвратиться к себе.

Святой архиепископ отвечал:

— Хорошо ты рассудил, благочестивый царь: как твое сердце находится во власти Божией, так и слово твое дано тебе от Бога. Хорошо всегда о всяком деле сначала вопрошать Отца небесного, Который на небе, и как Он велит, так и делать.

Сказав это, блаженный встал со своего места, немного отошел от них и, обратясь на восток, опустился на колена. Возведя глаза и ум на небо и воздев руки кверху, он усердно и долго молился, чтобы Бог, знающий жизнь и мысли каждого, указал им достойного на царство мужа. Во время молитвы архиепископа вдруг невидимая сила Господня подняла на воздух некоего мужа, по имени Аврамий, и поставила его перед царем Елезвоем. Все с ужасом долго восклицали:

— Господи, помилуй!

Архиепископ же сказал:

— Вот, кого вы требовали помазать на царство, его и оставьте здесь царем, мы будем с ним единомысленны, и Бог нам поможет во всем.

И великая радость была у всех о таковом Божием усмотрении. После этого царь Елезвой взял явленного Богом мужа Аврамия, повел его в храм Пресвятой Троицы, который находился в царствующем городе Афаре, надел на него царскую порфиру[1] и возложил на главу его диадему[2], затем святым Григорием было совершено над ним помазание и принесена была бескровная жертва за царей и всех людей, и оба царя причастились Божественных Тайн из рук архиепископа. По окончании торжества все присутствовавшие восклицали:

— Многая лета Елезвою, царю Эфиопскому! И Аврамию, Христолюбивому царю Омиритскому, — многая лета!

И снова обоим вместе повторили:

— Елезвою и Аврамию, благочестивым и Боголюбивым царям, — многая лета!

И пели многолетие по три раза. Потом все возгласили:

— Григорию, святейшему архиепископу нашему, наставнику и учителю, — мирные, здравые и многие лета, всему христианскому воинству и всем верующим людям — многие лета!

Затем, войдя в царские палаты, все веселились и пировали, радуясь о Господе Боге Спасителе своем и о благочестивых царях своих.

Елезвой оставался еще тридцать дней в Омиритской земле, поучая и наставляя нового царя благочестию и справедливо устроять и управлять царством и во всем слушаться святейшего архиепископа Григория, своего отца духовного. Избрав из эфиопского войска пятнадцать тысяч храбрых мужей, Елезвой оставил их новому царю для помощи и защиты царства и возвратился в Эфиопию. Здесь, спустя немного времени, оставив свое земное царство, он удалился в пустыню, где близ одного монастыря затворился в темной келии и не выходил из нее до самой смерти, принимая пищу через окно от живущих там монахов, и так, после царского сладкого жития, прожив

---

[1] *Порфира* — пурпуровая дорогая одежда, обычно составлявшая верхнюю, торжественную одежду государей.

[2] *Диадема* — повязка, которую древние цари носили на голове, — царский венец.

довольное время в подвигах, отошел в Царство небесное[1]. Столь знатный и богатый царь такой оставил всем пример смирения и добровольной нищеты! По его смерти был рассказан монахами такой случай. Один юный брат, посылаемый из монастыря на послушание, часто заходил в харчевню, где, упиваясь вином, впадал в грех нечистой плотской страсти. И вот однажды, совершив обычный грех и возвращаясь через пустыню в монастырь, он зашел в непроходимое место, и здесь устремился на него большой змей, чтобы ужалить. Инок бросился бежать и уклонялся туда и сюда, желая избавиться от змея, но змей быстро настигал его. Когда же инок, наконец, был так стеснен, что уже бежать было некуда, змей устремился, чтобы пожрать его, но тут инок, вспомнив о блаженном царе Елезвое, обратился к змею и сказал:

— Молитвами праведного и святейшего Елезвоя — отойди от меня.

Змей, как бы устыдившись святого имени Елезвоя, остановился и, Божиим повелением, получив человеческий голос, сказал иноку:

— Как я могу тебя пощадить, когда Ангел Божий явился мне и повелел съесть тебя за твою нечистоту и грехи, так как ты, дав обет работать Господу в чистоте, оскверняешь грехом свое тело и тем прогневляешь Святого Духа?

Инок, услышав змея, говорившего человеческим голосом и обличавшего его дела, оставался безмолвным, трепеща и с клятвою умоляя змея пощадить его. Змей сказал ему:

— Зачем ты заклинаешь меня? Ты сам прежде поклянись мне, что больше не исполнишь своего плотского желания, и тогда я оставлю тебя.

Инок стал клясться, говоря:

— Клянусь Богом, живущим на небе, и молитвами честного царя Елезвоя, что не прогневаю больше Господа моего, Которого ныне я прогневал плотскою нечистотою.

Как только инок произнес это, внезапно огонь упал с неба и попалил перед ним змея. Объятый страхом и трепетом, пошел инок в свой монастырь, и уже больше не грешил, но окончил свою жизнь в чистом покаянии.

[1] Кончина блаженного Елезвоя, царя Эфиопского, последовала около 553–555 года. Память его совершается Церковью 24 октября.

Во время царствования благочестивого царя Аврамия архиепископ Григорий, поставив во многих городах епископов, мужей ученых и красноречивых, посоветовал царю, чтобы тот иудеям и язычникам, находившимся в его стране, повелевал креститься или, в противном случае, предавал их смертной казни. По издании царского повеления об этом множество евреев и язычников с женами и чадами из боязни смерти стали приступать к святому крещению. Тогда старейшие и искуснейшие в законе евреи, собравшись ото всех городов, составили тайное собрание, совещаясь, что им предпринять, и рассуждали между собою:

— Если мы не крестимся, то, по приказанию царя, будем убиты и мы и наши жены и дети.

Одни из них говорили:

— Чтобы не умереть нам преждевременною смертью — исполним волю царскую, но втайне будем держаться веры нашей.

Другие же советовали не лицемерно, но явно держаться своего еврейского закона, чтобы, избежав человеческой руки (как говорили они), не впасть в руки Отмстителя — Бога и, еще хуже, не погибнуть. Некоторые возражали:

— Мы видим, что Бог наш не требует нас к этому подвигу, ибо благочестивого царя нашего Дунаана и все войско его он предал в руки Елезвоя, а что нам делать, мы не знаем.

Иные говорили:

— Если мы желаем и сохранить наш закон и остаться невредимыми, то уйдем тайно по одному из этой страны, каждый взяв свое, чтобы с телом не погубить и своей души.

Другие возражали:

— Если мы пожелаем убежать, то нас увидят христиане и смертью погубят.

И все недоумевали, что им делать. Был же среди них один мудрейший законоучитель, по имени Ерван, знавший весь Ветхий Завет и весьма красноречивый, он сказал им:

— Все вы напрасно говорите, и тем, что вы предлагаете, нельзя воспользоваться, если же желаете послушать меня, то пойдемте вместе со мною к царю и архиепископу Григорию и скажем, чтобы они назначили от себя учителей, каких хотят, для состязания с нами в вере и законе. Если они одолеют нас, то мы добровольно сделаемся

христианами, если же будут обличены в своих заблуждениях, то сами увидят, что несправедливо побуждают нас отступить от нашего закона. Испытаем их и узнаем, какова их вера? Если истинная, то уверуем, что Мессия уже пришел, а мы того не знали. Если же окажется ложной их вера, то нам станет ясно, что мы умираем для Бога и с усердием примем смерть.

Когда Ерван это произнес, то все убоялись и сказали:

— Мы видим, что ты помогаешь христианам, разве ты не знаешь, что наша вера истинная: как мы оставим ее?

Ерван отвечал:

— Ни одного лукавого слова я не сказал вам, братия, но знайте, что так или иначе вы принуждены будете креститься. Если вы не послушаете меня, то я невиновен буду перед каждым из вас, так как, если и не испытаете через прение веру их, то все же вы должны будете принять ее без испытания и поступите так, как они велят, если же вы не примете их веры, то они убьют вас.

Все, услышав это, послушались Ервана и, написав прошение, отослали его царю. Царь, прочитав его, сильно разгневался и уже хотел всех их предать смерти, но удержался, не желая ничего предпринимать без совета Григория, которому и отдал прошение. Блаженный, прочитав его, сказал:

— Хорошо и похвально говорят иудеи, что лучше веровать добровольно, по убеждению, чем насильно. Оставь их, царь, пусть они сначала поспорят с нами, а потом как хочешь, так и поступай с ними.

Царь соизволил на совет святителя, и евреям дано было на приготовление к прению сорок дней, чтобы они нашли у себя учителей, каких пожелают, и без боязни приходили на прения. По истечении срока собралось бесчисленное множество евреев, имея с собою немало мудрейших раввинов[1], сведущих в законе и приготовившихся к прениям. Прения о вере состоялись в столичном городе Афаре, в присутствии царя со всем его синклитом, архиепископа со всем церковным клиром и многочисленного христианского народа, пришедшего послушать прения. На него явились и евреи со своими книжниками, учеными и учителями. Иудеи поставили перед епископом Ервана, как главного оратора, хорошо знающего закон и пророче-

[1] *Раввин* — иудейский учитель.

ские книги и искусного в философии. Когда, по данному знаку, наступило молчание, началось собеседование и прения между архиепископом и Ерваном[1].

Сущность прения была такова: после долгого молчания, во время которого все приготовились внимать беседе, святой архиепископ Григорий начал говорить мудрому еврейскому учителю Ервану и всему их собранию так:

— Когда прошла ночь и воссияло Солнце правды, зачем вы препираетесь, противясь Его свету и не веруя в Него?

Ерван сказал:

— Если Солнце правды воссияло и мы противимся, как ты говоришь, свету Его, веруя в истинного Бога, то тем более вы, как язычники, содержащие чуждое учение, противитесь свету правды, укоряя Божественный закон, данный нам от Бога.

Архиепископ отвечал:

— Мы от язычников, но чье мы — создание и творение?

Ерван отвечал:

— Явно, что — Божие создание и творение.

Архиепископ сказал:

— Если же мы, как и вы, творения Божии, то какое же бóльшее превосходство приобрели вы, чем мы?

Ерван возразил:

— То, которое имеем сравнительно с египтянами.

— Хорошо, что ты вспомнил о египтянах, — отвечал архиепископ, — покажи же свое превосходство перед ними!

Ерван сказал:

— Разве ты не читал о великих чудесах в Египетской земле, в Чермном море, в пустыне, которые Бог творил через Моисея, по выходе Израиля: потопил египтян, а Израиля спас?

Архиепископ отвечал:

— Никакого нет различия между вами и египтянами, ибо их Бог потопил в море, а вас за вашу злобу погубил на земле. Перейдя Чермное море, как посуху, вы потонули на пристани, в страданиях окончив жизнь в пустыне, ибо больше чем из шестисот тысяч людей

---

[1] Об этих прениях, — как пишет святой Димитрий, — в Минеях-Четьих Макария находится особая книга, которая у него не изложена, вследствие многочисленности речей, предложенных вопросов и ответов и вообще по обилию чтения.

только двое, Халев и Иисус Навин, удостоились видеть Обетованную землю (см.: Чис. 14, 24. 30; Чис. 26, 65; Чис. 32, 1; Втор. 1, 36). Чем же вас Бог почтил перед египтянами?

Ерван спросил:

— А кому послал Бог в пустыне манну?

Архиепископ сказал:

— А тебе что лучше кажется: мясо, которое вы ели в Египте, или манна, посланная в пустыне?

Ерван отвечал:

— Ясно, что манна лучше.

Архиепископ возразил:

— Зачем же вы обратились мыслию назад, пожелав свиного мяса в котлах и чесночного луку и всякой египетской пищи (см.: Чис. 11, 5), а манну возненавидели?

После этого начались прения о Пресвятой Троице.

Ерван говорил:

— Каким образом христиане исповедуют трех Богов: Отца, Сына и Святого Духа, когда Бог сказал при Синае: *Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть, и кроме Его нет иного Бога* (Втор. 6, 4)? Противно закону, следовательно, поступают христиане, почитая не Единого Бога, а Трех?

Архиепископ, возражая, говорил, что Единого Бога мы почитаем, Творца всех, только в трех Лицах — Отца, Сына и Святого Духа, во едином же Божестве, и в доказательство приводил эти слова Давида: *Словом Господа сотворены небеса, и Духом уст Его — все воинство их* (Пс. 32, 6). Смысл этого изречения, — изъяснял Григорий, — таковой: Господь есть Бог-Отец, слово Его есть Бог-Сын, Дух уст Его — есть Бог Дух Святой: так открываются три Божественные Лица, Божество же едино, ибо Сын и Дух соестествен, собезначален, соприсносущен и сопрестолен Отцу. Также о кресте и смерти Господа приводились святым Григорием против евреев ветхозаветные писания, пророчества и предсказания, как то: *и будет жизнь твоя висеть пред тобою* (Втор. 28, 66), придем и вложим ядовитое древо в пищу его (см.: Иер. 11, 19), — и о том, что ковчег Ноя был прообразом креста, о саде Савека, в котором агнец заменил при жертвоприношении Исаака (см.: Быт. 22, 13), о жезле Иосифа, на конец которого поклонился Иаков (см.: Быт. 47, 31), о крестообразном благословении Иаковом

сыновей Иосифа (см.: Быт. 48, 13–15), о жезле Моисея, разделившем море (см.: Исх. 14, 11–29), о поднятии рук вверх Моисеем для победы над амаликитянами (см.: Исх. 17, 8–14), о медном змее, повешенном в пустыне (см.: Чис. 21, 4–9), о древе, усладившем горькие воды в Мерре (см.: Исх. 15, 22–26), и многие другие таинственные предсказания, находящиеся в законе. И продолжались прения до вечера, каждая из обеих сторон сильно спорила, и одна другой давала возражения, однако победителем во всех рассуждениях явился архиепископ, потому что через него говорил Святой Дух, как сказано в Писании: *не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас* (Мф. 10, 20). Так как настал вечер, а прения еще не окончились, то царь встал со своего седалища, также и архиепископ, и собрание разошлось, отложив беседу до утра. Евреи же окружили Ервана, радуясь, обнимая и целуя его, восхваляя за то, что он достаточно сильно возражал против христиан. На это Ерван говорил им:

— Молитесь, чтобы истинный Бог помог нам, так как вы сами видите, какой архиепископ хитрый человек и как трудно одолеть его.

Они же ободряли его, чтобы он без боязни и смело говорил с ним. Утром снова собралось собрание, и когда царь и архиепископ явились и пришли также евреи с Ерваном, тогда вновь начались прения, но ни в тот день, ни в третий, ни в четвертый, ни даже и пятый — прения не были окончены. Во все эти дни на прениях присутствовал царь со всем синклитом, в сладость слушая говорящих и радуясь о Богом дарованных премудрости и разуме святейшего архиепископа своего. И действительно, было что слушать и что запоминать, когда толковались многие пророческие изречения изъяснялись многие таинственные места Писания. В беседе о воплощении Иисуса Христа и о Пречистой Деве архиепископом приводились слова пророка Исаии: *се, Дева во чреве приимет и родит Сына* (Ис. 7, 14). На возражение Ервана, что Мария родила только простого человека, а не Бога, архиепископ отвечал такими словами: *и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог* (Мф. 1, 23).

Ерван говорил:

— Как женское чрево вместило страшное величие Божества?

Архиепископ отвечал:

— Так же, как жилище Авраама вместило Бога под Мамврийским дубом, когда Он пришел вкусить с Авраамом (см.: Быт. 18).

Ерван возразил:

— Как же огонь Божества не сжег женское тело?

Архиепископ отвечал:

— Как огонь не сжег купины в Синае (см.: Исх. 3, 2–4), так и Божество не повредило девственной утробы: Дева родила, и Девою пребыла.

Ерван возразил:

— Рождение от Девы было призрачное, а не на самом деле, потому что невозможно, чтобы при рождении не повредиться утробе, и ясно для всех, что это неверно.

Архиепископ отвечал:

— В то время, когда Аввакум вошел к Даниилу в львиный ров, а двери рва были заперты и запечатаны печатью, скажи мне, как он вошел и вышел, не отворив дверей и не повредив печатей? (см.: Дан. 14, 30–40).

По окончании прений, на третий день, Ерван покушался бежать, но прочие евреи удерживали его, говоря:

— Если ты оставишь нас, мы все погибнем. Останься еще, всячески возражая, — неужели Бог не поможет нам? Если же мы и будем побеждены в прении, то имеем другие способы сопротивления, в которых нас не смогут победить.

Когда Ерван начал во время прения укорять христиан в том, что они поклоняются иконам, и стал называть иконы — идолами, а кланяющихся им — идолопоклонниками и противниками Божиего закона, и говорил, что Бог заповедал не делать кумиров и всякого подобия[1], — тогда архиепископ спросил его:

— Когда во дни Ноя был потоп, каким образом он спасся?

Ерван отвечал:

— Ковчегом, сделанным из дерева.

Архиепископ возразил:

— Мог ли Бог без ковчега спасти Ноя от потопа или не мог, как ты думаешь?

Ерван отвечал:

— Думаю, что мог, потому что сказано, что у Бога все возможно.

[1] Вторая заповедь Десятисловия.

Архиепископ возразил:

— А если Бог мог, то зачем же потребовался ковчег для спасения праведного? Не следует ли из этого, чтобы Ной за свое спасение принес благодарение ковчегу, а не Богу?

Ерван отвечал:

— Нет — подобает воздавать хвалу Богу, а не бездушному творению.

Архиепископ сказал:

— Однако ты веруешь, что бездушным творением — ковчегом устроил Бог спасение Ною. Так и нам Бог ниспосылает через эти видимые иконы благодать Свою, ибо, хотя они и бездушны, однако назначены для нашего спасения. Взирая на иконы, мы возносимся умом к первообразному и подъемлемся на Богоугодную ревность: изображаем же мы не идола, а Господа Иисуса Христа по человечеству, а не по Божеству, которое неописуемо. И как Ной о своем спасении в ковчеге принес благодарение Богу, создав жертвенник, так и мы благодарим Христа Бога, написуя образ Его, чтобы плотским созерцанием Его избавляться от мысленного потопа. Мы как бы другим ковчегом признаем Его человечество, через которое Он понес наши грехи и, освятив нас Своим Божеством, вознес на небо. Того, Кто был зрим телесными очами, мы пишем красками, изображая пречистое подобие Его человечества, и, под видом телесного подобия, поклоняемся вместе и Божеству Его, и почитаем в Нем, подобающим поклонением, равно Отца и Святого Духа.

Ерван же, продолжая хулить святые иконы, говорил:

— Удивляюсь я вашим христианским басням, гласящим, что Бог посылает Свою благодать иконам, написанным на стенах и досках, никогда не ходившим и не говорившим.

Архиепископ в опровержение спросил:

— Скажи мне, Ерван, зачем Бог дал милоти[1] Илии Свою благодать, которой не дал Елиссею, и предпочел бездушную милоть живому пророку, так как пророк не мог сам перейти через Иордан, но разделил воды милотью и прошел посуху, и какого чуда не мог совершить Елиссей, то могла сделать бездушная милоть (см.: 4 Цар. 2, 13–15)? Почему не Моисею, совершавшему чудеса в Египетской

[1] *Милоть* — овечья кожа, овчина; верхняя одежда, мантия, плащ.

земле, но его жезлу Бог даровал чудодейственную силу, и превратил им воду в кровь, разделил море и совершил многие другие, страшные и славные чудеса? Кроме того, скиния[1], Ковчег Завета[2], золотая стамна[3] с манною[4], скрижали и жезл Ааронов, жертвенник, кадильница и семисвещник — все они не имели ли Божией благодати, хотя и были мертвыми, сделанными из видимых и осязаемых вещей человеческими руками? Однако осеняемы были Божией славой, наполняемы и окружаемы облаком и недоступны были никому, кроме священников и левитов, и никто не мог касаться их, так как они были Божественны и святы. Если же так было в Ветхом Завете, то зачем удивляться в Новом Завете благодати, подаваемой святым иконам?

Ерван снова возразил:

— В псалмах сказано: *их идолы — серебро и золото, дело рук человеческих* (Пс. 113, 12): поэтому и иконы ваши суть идолы, ибо сделаны руками человеческими.

Архиепископ возразил:

— Я ничего не возражаю против того, что идолы язычников, не знающих Бога, — суть идолы, так как они являются подобием тех, которые безбожно во всяких сквернах провели жизнь: волхвы, чародеи, убийцы, любодеи, и все они от такой жизни погибли злою смертию; на память о них некоторые и сделали идолов, а последующий род, прельщенный и ослепленный сатаною, обратил их в богов и кланяется им. Вы то же делали, поклоняясь истуканам, приносили им в жертву сыновей и дочерей, проливали неповинную кровь, кровь ваших сыновей и дочерей, которых приносили в жертву ханаанским

---

[1] *Скиния* — походный храм евреев, построенный ими во времена странствования по пустыне, по повелению и указанию Господа и существовавший у них до построения Соломоном великолепного храма в Иерусалиме.

[2] *Ковчег Завета* — ящик, сооруженный Моисеем по повелению Господа и находившийся в скинии. Ковчег Завета составлял святыню еврейского народа. Он был устроен из кедрового дерева и окован, как внутри, так и снаружи, чистейшим золотом. В нем хранились скрижали (каменные доски), на которых были написаны заповеди Десятисловия, золотой сосуд с манной, которой питались евреи во время странствования по пустыне, и жезл Аарона, давший цветы.

[3] *Стамна* — сосуд, имевший форму кувшина.

[4] *Манна* — чудесная пища, которую Бог сниспосылал с неба евреям во время их сорокалетнего странствования по пустыне.

истуканам, которые суть идолы. А что мы теперь пишем изображения святых Божиих, то это не идолы, а честные иконы. Мы напишем образ тех, которые знали Бога, веровали в Него, угодили Ему правдою, были мужами честными, святыми и возлюбленными Богом, и совершили Божиею благодатию множество чудес. Они воскрешали мертвых, исцеляли больных, слепых, хромых, расслабленных, очищали прокаженных, изгоняли бесов, кончина их была честна и память вечна и славна: *честна́ пред Господем смерть преподобных Его,* и *память праведнаго с похвалами,* и *в память вечную будет праведник* (слав. Пс. 115, 6; Пс. 111, 6).

Когда Ерван опять так злословил, что иконы ничем не отличаются от идолов, архиепископ сказал:

— Твоя одежда, Ерван, и скиния — обе сделаны из шерсти и льна, а равную ли они имеют силу? Твой жезл и жезл Аарона прозябший имеют ли одинаковую честь? Кувшин, который дома у тебя и стамна (сосуд) с манной — равны ли они? Ящик, в который ты кладешь потребное для тела, и Ковчег Завета — равную ли имеют славу? Огонь и елей, который ты возжигаешь в доме для освещения, сравнишь ли ты с золотым семисвещником? Дом, в котором живешь, и храм, построенный Соломоном, — уподобишь ли один другому? Никоим образом, но несравненно больше почитаешь все это, потому что на тех пребывала иногда Божественная благодать. Таким образом уразумей и то, что иное есть идол — образ скверного лица, низверженного в ад, и иное есть икона святого угодника Божия, от которой изливается нам Божественная благодать Господня по молитвам на ней изображенного.

Ерван говорил и об Ангелах, что они бесплотны, как написано: *творишь Ангелами Своими духов* (Пс. 103, 4), и что, тем не менее, христиане, не стыдясь, пишут их на иконах, придавая бесплотным духам плотское изображение. На это архиепископ отвечал:

— Ты не знаешь, что говоришь, ибо мы от вас же самих научились писать Ангелов.

Ерван возразил:

— Никогда у нас не было этого.

Архиепископ спросил:

— Ты изучил весь Ветхий Завет и не узнал этого?

Ерван возразил:

— Клянусь Господом, что не знаю, чтобы когда-нибудь у нас были написаны и почитаемы изображения Ангелов!

Архиепископ сказал на это:

— Поистине, вы начали это дело: когда Соломон построил храм Богу, то не сделал ли над святилищем Херувимов славы, осеняющих алтарь? А также и над первыми дверями святилища и над вторыми не поставил ли Херувимов? Да и в скинии, устроенной Моисеем, — разве не было изображений Херувимов над Ковчегом Завета, а также и на завесах не вышиты ли были лица Херувимов, и все эти изображения Ангелов не были ли вместе со скиниею и храмом чтимы вами? Если же вы, изобразив бестелесные существа, почтили их, то зачем укоряете нас, изображающих и почитающих лиц тех святых, которые во плоти угодили Богу.

Это и многое подобное этому говорилось в четвертый день прения; когда же наступил вечер и царь с архиепископом встали со своих мест, то собрание разошлось, в ожидании, что утром прения будут окончены и возможно будет видеть торжество победителя. Евреи радовались за Ервана, что он хорошо отвечал и задавал вопросы архиепископу, и, ободряя его, говорили ему:

— Ты хорошо подвизаешься, не бойся, но еще крепче стой, ибо мы видим, что Бог с тобой, не страшись сердцем, так как, видно, царь вас обоих с удовольствием слушает.

Ерван же отвечал к ним:

— Братия, тот муж, как я вижу, много превосходит меня разумом и искусством говорить, и мне невозможно победить его; вы сами слышали, как все мои рассуждения, опровергнув и посрамив, он сделал ничтожными.

Утром же очень рано, когда мудрейшие евреи вновь пришли к Ервану, он сказал им:

— Братия, по правде вам скажу, что я буду побежден архиепископом, потому что ночью в видении я увидел Моисея и Иисуса, о Котором у нас был спор. Я видел их как бы стоящих на кровле какого-то святилища и беседующих, и я видел Моисея кланяющимся Иисусу и держащим свои руки пригнутыми к груди, как бы имея их связанными, и со страхом предстоящим перед Иисусом, как перед своим Господом Богом. Я изумился этому и, когда откры-

лись уста мои, сказал: «Господине Моисей, хорошо ли то, что ты делаешь?» Он же, обратившись, остановил меня, говоря: «Перестань, не грешу я, поклоняясь моему Владыке, так как я не из подобных тебе и исповедаю моего Творца и Господа. Зачем ты затрудняешь праведного архиепископа, противясь истине? В наступающий же день ты будешь побежден им и поклонишься, как и я, Господу Иисусу Христу». — Это я видел, братия, а чтó значит, не знаю, однако я буду продолжать возражать архиепископу, настаивая на нашем законе до тех пор, пока Сам Бог устроит так, как захочет.

Многие, услышав это, усомнились и были в недоумении. Когда же настал день и устроился собор, явился царь с синклитом, архиепископ с клиром, и стеклось множество народа, — предстал и Ерван с помогавшими ему законоучителями, и опять начались прения, как и в прежние дни. Один ученый нотарий[1] архиепископа, которого он привел с собою из Александрии, будучи скорописцем, присутствуя там, записывал все речи, произносимые и архиепископом, и Ерваном. При помощи Святого Духа, действовавшего в устах архиепископа, сторона противных побеждалась, наша же о Господе препобеждала. Архиепископ во всех рассуждениях являлся победителем, а Ерван ослабевал, ослабевали и помогавшие ему еврейские законоучители, однако злоба ослепила их, ушами они плохо слышали, и глаза их закрыты были от истины. И нужно было, чтобы после слов святителя последовала сила веры и чудо, которое бы обличило ожесточенных злобою и устыдило бы неверие их, что действительно и случилось следующим образом.

Когда Ерван в прениях уже окончательно побеждал, то вскричал:

— Зачем мы теряем время в долгих рассуждениях! Я разрешу эти прения. Если хочешь, архиепископ, чтобы я веровал в Иисуса, что Он истинный Бог, покажи мне Его живого, чтобы я видел Его, говорил с Ним, и тогда я признаю, что вы, христиане, одолели и победили нас.

Когда Ерван сказал это, собрание евреев закричало:

---

[1] *Нотарий* — скорописец; этим именем назывались как императорские секретари, которые вели протоколы самых важных государственных совещаний, так и секретари патриархов.

— Умоляем тебя, учитель, не прельщайся, чтобы тебе не стать христианином, мужайся больше и крепись в истине, ты же знаешь, что нет ничего более истинного, как Единый Бог отцов наших.

Ерван с гневом сказал им:

— Что вы говорите пустое? Слышите, если Он уверит меня, что Тот, о Котором предсказали пророки, существует, то чего же еще хотите ожидать?

Архиепископ, видя, что он говорит искренно, а не льстиво, сказал ему:

— Ерван, великое ты вносишь искушение и выше сил твое прошение, потому что ты просишь не людей, но Бога, однако для того, чтобы уверовал ты и находящиеся с тобою и чтобы утвердились сердца верующих, Бог силен и это сотворить. Только скажи окончательно, как ты желаешь, чтобы я уверил тебя?

Ерван отвечал:

— Умоли твоего Владыку, если Он есть на небе, как ты говоришь, пусть сойдет сюда и явится мне, чтобы я беседовал с Ним, и клянусь Господом, что тотчас уверую в Него и крещусь.

Когда Ерван произнес это, то все множество евреев закричало:

— Действительно, архиепископ, докажи нам на деле истинность слов твоих, покажи нам твоего Христа, чтобы мы, не имея что отвечать, со страхом уверовали в Него.

И все с криками пристали к святому Григорию, чтобы он показал им Христа осязательно, если Он жив по Своем распятии и смерти. Потом евреи стали говорить между собою:

— Если архиепископ покажет нам Христа своего, то что нам делать? Горе нам, против желания мы должны будем сделаться христианами.

Другие же говорили:

— Если он покажет Христа, то почему не уверовать в Него?

Некоторые же так говорили:

— Как возможно показать Того, Кто, как убитый человек, умер, и столько лет прошло со дня Его смерти? Где же найдется тело и дух Его, когда все кости и жилы в гробе давно рассыпались?

Архиепископ, рассуждая о важности дела и видя их сильное настояние, всею душою своею положился на Господа и размышлял про себя, что если он не умолит Владыку Христа об исполнении просьбы

их, то тогда сильно восторжествует сторона противная, евреи явятся победителями, а христиане как бы побежденными, и будут враги насмехаться и поносить христиан. И с надеждою сказал еврейскому сонмищу:

— Если пожелает Христос, то я буду иметь возможность показать Его вам. Но вы хорошо знаете, что если я вам покажу Его и вы не пожелаете уверовать в Него, то тотчас меч погубит всех вас; если же я, по недостоинству своему, не возмогу показать вам Господа Своего, то дальше поступайте по своей воле.

Евреи, услышав это, сделались печальными и вместе с тем радостными: печальными потому, что боялись, что если он им покажет Христа, то они должны будут, против желания, веровать в Него; радостными же — в надежде, что он не покажет Христа им, и тогда они свободно останутся в своей вере. Но приятны были слова архиепископа Ервану и с ним находящимся мудрейшим законоучителям, они говорили между собою:

— Невозможно, чтобы человек, убитый нашими отцами, умерший и запечатанный во гробе, украденный своими учениками, спустя пятьсот лет мог быть живым.

Святой Григорий, зная слова Господа, сказанные в Евангелии: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас* (Мф 17, 20), и храня их в уме, имея притом непоколебимую веру в Бога и крепко уповая на Него, встал со своего места и отошел немного — на более удобное для молитвы место. Царь же со всем народом изумлялся и дивился такому великому дерзновению к Богу и вере архиепископа, что он осмеливается на такое страшное дело, и со страхом ожидали, что произойдет. Святитель, отойдя немного от собрания, осенил себя крестным знамением и стал на молитву. Смиренно преклонив колена и весь устремившись к небу, он долго и громко молился во всеуслышание всех присутствовавших, вспоминая все тайны воплощения Бога Слова и всю жизнь Христа среди людей, начиная с рождества — до вольных страданий, креста, смерти, тридневного воскресения и вознесения на небо. И наконец сказал:

— Яви Себя, Владыко, живым этим окаменелым и ослепленным злобою людям, яви рада Твоего святого имени, и пусть они глазами увидят Твое животворное человечество, в Которое Ты облекся нас

ради и с Которым вознесся на небо, чтобы, увидев Тебя, они уверовали в Тебя — истинного Бога и в пославшего Тебя — Отца и Святого Духа.

Когда он оканчивал молитву и все со вниманием смотрели на него, вдруг сделалось землетрясение и послышался гром страшный с востока, так что поколебалась земля, и все упали от страха. Когда же все, оправившись от страха, понемногу встали и подняли глаза к востоку, то увидели, что разверзлось небо и светлое облако с огненным пламенем и солнечными лучами спускалось оттуда на землю. Среди облака виден был Муж, прекраснейший всех сынов человеческих, Господь наш Иисус Христос, невыразимо сияющий лицом и светящий молниевидными одеждами. Особенным движением, ступая по облаку, Он приближался к земле и стал вверху против архиепископа на облаке, привлекая глаза и сердца всех к Себе Своею красотою, которую язык высказать не может. От страха Его славы, на которую смотреть невыносимо, как некогда на Фаворе ученики, так пали все ниц на землю — и царь с вельможами, и весь народ от мала до велика, иудеи же, объятые великим трепетом, бросаясь туда и сюда, устремились бежать, так как озарение Божественного света опалило их, и слава Господа, видеть которую они не могли, великим страхом поколебала их. Но не могли они ни бежать, ни даже двинуться с места, потому что невидимая сила держала их. Архиепископ же, укрепленный свыше, громко воззвал к Ервану:

— Ерван, вот Тот, о Ком много словесных сказаний ты слышал, смотри на Него и уверуй, что Един Свят, Един Господь, Иисус Христос в славу Бога Отца, аминь.

Ерван же помертвел и не мог ничего ответить. И слышен был глас Господень:

— Ради молитвы епископа исцеляет вас Распятый вашими отцами.

Услышав этот глас, все еще более затрепетали и упали на землю, объятые ужасом. И как некогда Савл, по пути в Дамаск, когда его облистал свет с неба и раздался голос свыше, упал на землю и с открытыми глазами ничего не видел (см.: Деян. 9, 3–8), так ослепли и они, хотя глаза их были открыты, однако они ничего не видели, а

только скорбели и горько рыдали. После совершившегося слышен был перед лицом Господним какой-то Божественный шум и светлое облако, бывшее под стопами Господа, скрыло Его от глаз всех, оно постепенно сгущалось со всех сторон вслед Его, когда Он поднимался выше, до тех пор, пока Божественная слава не исчезла в небе и все виденное не скрылось от глаз. Царь и все христиане дерзновенно долгое время вслед Господа взывали:

— Господи, помилуй!

Честны́й же архиепископ лежал лицом на земле, со слезами вознося за людей моление Господу. После этого все собравшиеся на собор: царь с синклитом и народ, стали почитать архиепископа Григория с особенным уважением и благоговением, изумляясь его святости и силе молитвы. Евреи же спрашивали друг друга:

— Брат, видишь ли что-нибудь?

И отвечал каждый:

— Ничего не вижу.

И все воскликнули к Ервану:

— Учитель, что нам делать?

Ерван отвечал:

— Одни ли вы ослепли, увидев Бога христианского, или христиане также пострадали?

Христиане, слыша это, сказали:

— Мы, благодатию Христа, хорошо видим, и наши глаза теперь здоровее, чем были, вы же одни слепы за ваше неверие. *Бог отмщений Господь, Бог отмщений, не обинулся есть* (слав. Пс. 93, 1), Он уничтожил зрение ваше, так как вы, будучи недостойными, видели Его.

Тогда Ерван со всеми евреями стал умолять со слезами архиепископа, чтобы он исцелил их ослепленные глаза и преподал святое крещение. Архиепископ спросил их: искренно ли они веруют в Господа Иисуса Христа? И все засвидетельствовали, что веруют с убеждением. Сейчас же архиепископ и бывшие с ним епископы и пресвитеры огласили их и приступили к совершению таинства крещения. Когда евреи входили в святую купель[1], тотчас с глаз их отпадала как бы некая чешуя, и все прозревали и телесными и духовными очами, *сердцем верующе к праведности, а устами исповедующе ко спа-*

[1] *Купель* — сосуд, употребляемый при совершении таинства крещения.

сению (Рим. 10, 10), и все были крещены во имя Отца и Сына и Святого Духа, начиная с Ервана, у которого сам царь был восприемником от купели и которому дано было в святом крещении имя — Лев, царь присоединил его к своему синклиту, сделав его патрицием[1], как человека умного и достойного чести. Ерван сильно раскаивался в своем первоначальном заблуждении и с ужасом изумлялся, непрестанно вспоминая в уме явление Господа.

— Как это, — говорил он, — жив Господь Иисус Христос, Которого наши отцы распяли и погребли и Который, как мы думали, мертв?

И со слезами восклицал:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живого! Прости мне, что я согрешил в своем неведении.

Святого же архиепископа Ерван почитал как Ангела Божия и не желал разлучиться с ним. Так Омиритская страна просветилась светом святой веры; по всем городам и селам были крещены не только иудеи, но и язычники. И была радость великая по всей стране; вместе с людьми и Ангелы радовались о таковом обращении и покаянии душ человеческих, и прославляем был Бог, желающий всем людям спасения.

Потом святой архиепископ Григорий посоветовал царю, чтобы он повелел иудеям не жить вместе, но селиться с христианами, чтобы они не устраивали тайных собраний и совещаний. Царь издал такой закон:

— Пусть никто из евреев не берет своей дочери мужа из еврейского рода, но чтобы брал в зятья из христиан, и сын еврея — чтобы не брал невесту из еврейских дочерей, но чтобы искал христианскую, если же кто осмелится нарушить закон, тот подлежит усечению мечом.

Архиепископ сделал это для того, чтобы еврейский народ, смешавшись с христианами, через несколько лет совсем забыл древнюю ветхозаветную веру и обычаи. Везде была тишина и полное умирение, и благочестие светилось повсюду, царь с архиепископом усердно трудились перед Богом, совершая всенощные славословия Владыке Христу, заботясь о спасении человеческих душ и управляя

[1] То есть причислил к высшему сословию, соответствовавшему нашему родовитому дворянству.

царством милостиво и правдиво. Благочестивый царь Аврамий, прожив в Омиритской стране тридцать лет, умер, извещенный о дне своей смерти святым Григорием, и был с честью погребен в городе Афаре. Немного спустя после смерти царя святой отец наш Григорий, соблюдя свое стадо, утвердив веру на основании апостолов и пророков и сотворив много знамений и чудес во славу Божию, кончил свою жизнь 19 декабря и с честью положен был в том же городе в усыпальнице великой церкви[1]. Вся Омиритская страна рыдала о нем, а всего более крещеные иудеи, потому что он был отцом добрым и милостивым, приятным для людей и угодным для Бога, перед Которым святой Григорий и предстал в числе других святых иерархов, славя с ними Отца, Сына и Святого Духа, вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ИЛИИ, ПРОВА и АРИСА

Святые Илия, Пров и Арис происходили из Египта. Они исповедовали христианскую веру и по ревности к славе Божией посещали страдальцев за Христа, заключенных в темницах, утешая их среди мучений и вылечивая их от ран. Однажды они пошли в страну Киликийскую[2] и при входе в город Аскалон[3] у самых городских ворот задержаны были свирепыми неверными стражами, которые сочли их за соглядатаев (шпионов. — *Ред.*) и представили к князю Фирмилиану. На допросе перед князем они объявили себя христианами и за то подверглись жестоким мучениям. Святой Арис первый подвергся многочисленным пыткам и предан был на сожжение огнем. Затем истязан был святой Пров и усечен мечом. Наконец, после многих мучений, усечен был мечом также и святой Илия[4].

---

[1] Святой Григорий скончался около 552 года.

[2] *Киликия* — юго-восточная береговая область Малой Азии.

[3] *Аскалон* — древний город филистимский, в Палестине, при Средиземном море.

[4] Все эти мученики пострадали в 308 году.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ПОЛИЕВКТА и ТИМОФЕЯ

Святой мученик Полиевкт был родом из Кесарии[1], где он с большим успехом проповедовал о Христе, обращая многих неверующих от идолослужения в святую веру христианскую. За свою проповедь он был схвачен и ввергнут в темницу. После непрестанных увещаний отречься от Христа он был раздираем по всему телу железными когтями, затем разбили ему челюсть и бросили в раскаленную печь.

В то же время в Мавритании[2] с успехом проповедовал веру Христову диакон Тимофей. За это он предан был многим и тяжким страданиям. Он был ввержен в темницу, томим голодом и жаждою и, выведенный из заключения, после тщетных увещаний принести жертву идолам взошел с молитвою на приготовленный для него пылавший костер и предал дух свой Богу. Мощи его положены были верующими с честью в области Мавританской[3].

---

[1] Здесь разумеется *Кесария Каппадокийская*, в восточной части Малой Азии.

[2] *Мавритания* — римская побережная провинция на севере Африки.

[3] Святые мученики Полиевкт и Тимофей диакон пострадали в начале IV веке.

День двадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ИГНАТИЯ БОГОНОСЦА

В то время, как Траян вступил на Римский престол[1], епископом в Антиохийской Церкви был святой Игнатий, Богоносец по своему прозванию и делам, принявший епископию после святого Евода, преемника апостола Петра[2]. Об этом Божественном Игнатии Богоносце рассказывается, что когда он был младенцем[3], а Господь Иисус Христос жил на земле с людьми и учил народ о Царствии Божием, однажды родители Игнатия, стоя среди народа, слушали словеса Божии, исходящие из уст Спасителя, имея при себе и свое дитя. Взглянув на них, Господь позвал к Себе отрока Игнатия, поставил его среди народа, обнял его и, взяв на руки, сказал:

---

[1] *Император Траян* царствовал с 98 по 117 год.

[2] В те времена *Антиохия*, великолепная столица Сирии, была величайшим городом после Рима в пределах Римской империи и имела около двухсот тысяч жителей. Она была поприщем проповеднических трудов святых апостолов Петра и Павла, а по смерти их ее коснулась и деятельность святого апостола Иоанна в Малой Азии. Теперь Антиохия представляет собой бедный городок Антакиэ в Азиатской Турции, лежащий верстах в десяти от моря. — Святой апостол Петр управлял Антиохийской Церковью с 47 по 67 год, преемник его, святой апостол Евод, — по 68 год, святой Игнатий Богоносец — с 68 по 107 год.

[3] О месте и времени рождения святого Игнатия и о его первоначальном воспитании нет определенных сведений. Родом он был сириец, его имя *Нуроно* означает «огненный», то же значит и *Игнатий* — имя, считающееся производным от латинского слова ignis — огонь.

— *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство небесное; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает* (Мф. 18, 3, 5; Мк. 9, 37; Лк. 9, 48).

Так святой Игнатий и был назван Богоносцем, потому что он был носим руками Воплощенного Бога, а также и потому, что он носил Бога в сердце своем и в устах[1], будучи сосудом, подобным святому апостолу Павлу, сосуду избранному, чтобы носить имя Божие перед народами и царями. Он был сначала учеником святого Иоанна Богослова[2], вместе со святым Поликарпом, епископом Смирнским[3]. Затем советом всех святых апостолов он был поставлен епископом в Антиохии, где ранее, чем в других местах, появилось имя христианское[4]. Приняв управление Церковью, он не щадил сил своих для проповеди благочестия, являя во всем апостольскую ревность. Этот святой иерарх установил в

---

[1] Название *Богоносец* (θεοφόρος), которое придавали святому Игнатию другие и сам он употреблял о себе в посланиях, по его собственному объяснению, означало человека, «имеющего Христа в сердце». Сказание о том, что Иисус Христос держал святого Игнатия на руках, встречается впервые у Симеона Метафраста, откуда перешло и в Четьи-Минеи святого Димитрия.

[2] Святой *Григорий Двоеслов* пишет о святом Игнатии, что он был также слушателем апостола Петра, другие — апостола Павла. Святым Иоанном Златоустом святой Игнатий назван «общником апостолов и в речах и в том, что неизреченно» (смотри сорок вторую беседу о святом Игнатии).

[3] Поставленный святым апостолом Иоанном во епископа Смирнского, святой Поликарп находился в тесной дружбе со святым Игнатием и делил заботы его о церквах Божиих, а по смерти его остался «вождем целой Азии». Память святого Поликарпа празднуется 23 февраля.

[4] В Деян. 11, 26 сказано об апостолах Варнаве и Павле, что, когда они прибыли в Антиохию, *целый год они собирались в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами.*

церкви петь Божественные песни на два лика или хора, подобно ликам ангельским, ибо, сподобившись Божественного откровения, он видел, как ангельские лики пели попеременно: когда один пел, то другой молчал, когда же пел другой, то первый слушал, когда один кончал песни, другой начинал, таким образом ангельские лики прославляли Святую Троицу, как бы передавая друг другу песнопения. Получив такое откровение, святой Игнатий установил этот порядок священных песнопений сначала в своей Антиохийской Церкви, а отсюда этот прекрасный чин был принят и во всех Церквях[1]. Этот Богоносный архиерей был добрым правителем церковных чинов, совершенным служителем Христовых таинств[2], а после и мучеником, отданным на съедение зверям, о чем будет сказано далее.

В тяжелой войне со скифами[3] царь Траян одержал победу. Полагая, что он стал победителем врагов при помощи своих языческих богов, Траян пожелал за это возблагодарить их повсеместными жертвами, чтобы и в будущее время боги благополучно устроили его войны и царствование. Тогда воздвиглось сильное гонение на христиан. Царь узнал, что христиане не только не желают принести жертвы языческим богам, но и хулят их, обличая их ложность, и потому повелел повсюду убивать христиан, не повинующихся его повелению. Когда же этот царь отправился на другую войну — против армян и парфян, то пришлось быть ему в Антиохии, и тут ему донесли на святого Игнатия Богоносца — что Христа, осужденного Пилатом на смерть и распятого на кресте, он почитает как Бога и устанавливает законы о сохранении девства, о презрении к богатству и всему,

---

[1] Об этом свидетельствует церковный историк Сократ. Это так называемое антифонное пение, употребляемое и ныне на церковных богослужениях и состоящее из ветхозаветных псалмов или известных их частей, исполняемых попеременно двумя хорами, стих за стихом.

[2] В продолжение сорокалетнего правления церковью святой Игнатий был, по словам святого Иоанна Златоуста, образцом добродетелей. В гонение Домицианово (95–96 гг.) он, как пишут ученики его, «кормилом молитв и поста, неутомимостью в учении, ревностью духа противодействовал волнению, чтобы не потонул кто-либо из малодушных или неопытных...» Во время бедствий и после того «священник Божий просвещал душу каждого объяснением Писания».

[3] Это было в 106 году.

что приятно в жизни[1]. Услышав об этом, Траян призвал святого и перед всем своим синклитом сказал ему:

— Ты ли, называемый Богоносцем, противишься нашему повелению и развращаешь всю Антиохию, ведя ее вслед своего Христа?

Божественный Игнатий отвечал:

— Да, это я.

Царь спросил:

— Что значит название твое — *Богоносец*?

Святой отвечал:

— Носящий Христа Бога в душе своей есть Богоносец.

— Итак, — спросил царь, — ты носишь Христа твоего в себе самом?

Святой отвечал:

— Действительно, ношу, потому что написано: ***вселюсь в них и буду ходить*** (2 Кор. 6, 16).

Царь сказал:

— Что же мы, по твоему мнению, не носим всегда наших богов в памяти и не имеем их помощниками против врагов?

Богоносец отвечал:

— Горько мне, что ты называешь идолов богами, потому что Един есть Бог истинный, Создатель неба, и земли, и моря, и всего, что в них находится, Един Господь Иисус Христос, Сын Божий Единородный, и Царству Его не будет конца. Если бы ты познал Его, царь, то порфира твоя, и венец, и твой престол были бы еще более могущественными.

— Игнатий! — сказал царь. — Оставь то, что ты говоришь, и послушай лучше моих слов: если желаешь сделать мне угодное и быть в числе моих друзей, то принеси с нами жертву богам и тотчас же будешь у нас первосвященником великого Дия[2] и назовешься отцом синклита.

Святой отвечал:

---

[1] Начиная отсюда, рассказывается о мученическом подвиге святого Игнатия. Подробные сведения об этом сохранились в записках о его мученичестве, написанных очевидцами — спутниками, сопровождавшими его из Антиохии в Рим. По общему мнению, это были диаконы — Филон и Агафонид, о которых святой Игнатий упоминает в посланиях к смирнянам и филадельфийцам.

[2] *Дий*, он же *Зевс*, и *Юпитер*, — главный языческий бог греков и римлян.

— Какая польза мне быть первосвященником Дия, когда я — архиерей Христа, Которому всегда приношу хвалу и стараюсь всецело принести себя в жертву, чтобы иметь в себе подобие добровольной Его смерти?

Царь сказал:

— Кому ты хочешь принести себя в жертву? Тому ли, кто был пригвожден ко кресту Понтийским Пилатом?

Святой отвечал:

— Пусть я буду жертвою Тому, Кто пригвоздил ко кресту грех, сокрушил начальника греха диавола и крестом победил всю его силу.

Царь сказал:

— Мне думается, Игнатий, что ты не имеешь здравого ума и правильного рассуждения: ты не прельстился бы так христианскими писаниями, если бы хорошо понимал, какое благо повиноваться царской воле и приносить со всеми жертвы богам.

Богоносец, еще с бóльшим дерзновением, сказал:

— Если ты отдашь меня на съедение зверям, или распнешь меня на кресте, или предашь мечу или огню, то я все-таки никогда не принесу жертвы бесам. Не боюсь я смерти и не ищу временных благ, но желаю одних вечных и всячески стремлюсь только к тому, чтобы прийти ко Христу Богу моему, благоизволившему умереть за меня.

Тогда участвовавшие в синклите, желая обличить Игнатия в заблуждении, сказали:

— Вот, ты говоришь, что твой Бог умер, как же мертвый может помогать кому-нибудь, а тем более умерший позорной смертию? Наши же боги действительно бессмертны и считаются бессмертными.

Богоносец отвечал:

— Господь мой и Бог, Иисус Христос, нас ради вочеловечился и для нашего спасения добровольно принял распятие на кресте, смерть и погребение, потом воскрес в третий день, низверг и низложил силу врага, вознесся на небеса, откуда сходил, чтобы восстановить нас из падения и опять ввести в рай, из которого мы были изгнаны, и даровал нам благ больше, чем мы имели прежде. А из почитаемых вами богов ни один не сотворил подобного, так как они были людьми злыми, беззаконными и сотворившими много пагубного, они

безумным людям оставили только какое-то ничтожное представление о своем божестве. Когда же потом спало с них покрывало лжи, обнаружилось, чем они были и как позорно окончили свое существование.

Когда святой Игнатий сказал это, то царь с синклитом, боясь, чтобы он еще более не посрамил богов их, велел отвести его в темницу. Сам же царь всю ночь не спал, размышляя, какою бы казнью лишить жизни Игнатия, и придумал осудить его на съедение зверям, считая эту смерть самою лютою. Утром он объявил об этом синклиту, все согласились, но посоветовали ему — предать Игнатия зверям не в Антиохии, чтобы он не прославился среди своих граждан, приняв за свою веру мученическую кончину, и чтобы другие, глядя на него, не укрепились в христианстве. Поэтому и сказали, что его следует в оковах отвести в Рим и там предать зверям, там для него, измученного долгим путем, казнь будет еще тяжелее, и из римлян никто не узнает, кто он был, подумают, что погиб один из злодеев, и не останется по нем никакой памяти. Этот совет был угоден царю, и он изрек смертный приговор Игнатию, чтобы он в Риме во время праздника, при собрании всего народа, был отдан зверям на растерзание. Так святой был осужден нечестивыми, как бы в *позорище* (зрелище. — *Ред.*) Ангелам и людям (см.: 1 Кор. 4, 9).

Богоносный Игнатий, услышав о себе такой приговор, воскликнул:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоил меня засвидетельствовать совершенную любовь к Тебе и благоволил связать меня железными узами так же, как апостола Твоего Павла.

С радостью возложил он на себя оковы, как будто прекрасное ожерелье из жемчугов, — драгоценное украшение, с которым он желал воскреснуть в будущей жизни[1]. Царь с войском пошел на войну, а Божественный страдалец, закованный в тяжелые оковы, был отдан десяти жестоким и немилосердным воинам и отправлен в Рим. Выходя из Антиохии, он усердно помолился за Церковь и вручил свое стадо Богу. Все верующие плакали о нем и горько рыдали, а иные, привязанные к нему горячею любовию, пошли за ним в путь. В Селевкии, при морской гавани, неподалеку от Антиохии, святой Игнатий сел с воинами на корабль, который должен был проходить вдоль

[1] Смотри послание святого Игнатия к ефесянам.

берегов Малой Азии[1], и после долгого и опасного плавания прибыл в Смирну. Тут Игнатий встретил и приветствовал святого Поликарпа, Божественного апостола, епископа Смирнского, своего соученика, и с ним утешался богодухновенною беседою, радуясь о своих узах и красуясь своими оковами. Ибо что могло быть для него лучшим украшением, как не эти вериги, в которые он был закован за Господа своего? Виделся он также и с прочими епископами, пресвитерами и диаконами, которые стекались к нему из асийских Церквей и городов, желая видеть его и слышать из уст его Божественные слова. Словом и примером утверждая христиан в вере, увещевая всего более беречься возникавших и распространявшихся тогда ересей и строго держаться апостольских преданий, святой Игнатий умолял Поликарпа и вообще всю Церковь помолиться за него, чтобы скорее ему сделаться пищею зверей и предстать перед лицом Господа, к Которому стремилась его душа. Видя, что они смущены и не желают его смерти и разлучения с ними, Игнатий испугался, что и те верующие, которые находятся в Риме, также смутятся, не стерпят того, чтобы он отдан был зверям, и сделают ему какую-нибудь преграду, подымут, может быть, руки на тех, которым велено отдать его на съедение зверям, и этим затворят ему открытую дверь мученичества и желаемой смерти. Поэтому он решил послать им просьбу помолиться о нем, чтобы не пресекался путь его страданий, но чтобы скорее он был растерзан зверями и перешел к возлюбленному своему Владыке.

Писал он так:

— Игнатий, он же и Богоносец, епископ святой Божией Церкви в Антиохии, помилованной величием Всевышнего Отца и Единого Сына Его Иисуса Христа, Церкви, возлюбленной и просвещенной по воле Того, Которому благоугодно все, совершившееся по любви Иисуса Христа, Бога нашего, — Церкви, председательствующей в столице области римской, богодостойной, достославной, достоблаженной, достохвальной, достовожделенной, чистой и первенствующей в любви, Христоименной, Отцеименной, которую и приветствую во имя Иисуса Христа Сына Отчего, — тем, которые по плоти и духу соединены между собою во всякой заповеди Его, нераздельно полу-

---

[1] Это объясняется тем, что осужденных отправляли не на особом, нарочитом корабле, а на таком, который представлялся случайно и, плывя по своим надобностям, останавливался в том или другом месте.

чили полноту благодати Божией, чистым от всякого чуждого цвета[1], желает премного радоваться во Иисусе Христе, Боге нашем. — По молитве к Богу я получил то, о чем много просил, чтоб увидеть ваши богодостойные лица. Связанный за Христа, я надеюсь целовать вас, если воля Божия удостоит меня достигнуть конца. Начало положено хорошо: сподоблюсь ли благодати — беспрепятственно получить мой жребий? Ибо я боюсь вашей любви, чтобы она не повредила мне, потому что вам легко то, что хотите сделать, а мне трудно достигнуть Бога, если вы пожалеете меня. Желаю, чтобы вы угождали не людям, но Богу, как вы и благоугождаете Ему. Ибо ни я уже не буду иметь такого удобного случая достигнуть Бога, ни вы — ознаменовать себя лучшим делом, если будете в покое. Если вы не будете беспокоиться обо мне, я буду Божиим, если же окажете любовь плоти моей, то я должен буду снова вступить на поприще[2]. Не делай для меня ничего более, как чтобы я был заклан Богу теперь, когда жертвенник уже готов, и тогда составьте любовию хор и воспойте хвалебную песнь Отцу во Христе Иисусе, что Бог удостоил епископа Сирии призвать с востока на запад. Прекрасно мне сойти на запад от мира к Богу, чтобы в Нем мне взойти на востоке. Вы никогда никому не завидовали и других учили тому же. Желаю, чтобы вы подтвердили делом, что преподаете в своих наставлениях[3]. Только просите для меня у Бога внутренней и внешней силы, чтобы я не говорил только, но и желал, чтобы не назывался только христианином, но и был на самом деле. Если я действительно окажусь им, то могу и называться им, и только тогда могу быть истинно верным, когда мир не будет более видеть меня. Ничто видимое не вечно: *видимое временно, а невидимое вечно* (2 Кор. 4, 18). Бог наш Иисус Христос является в большей славе, когда Он во Отце. Христианство — не в молчаливом убеждении, но в величии дела, особенно когда ненавидит его мир. Я пишу Церквам и всех извещаю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. Умоляю вас: не оказывайте мне неблаговременной любви. Оставьте меня быть пищей зверей и посредством их достигнуть Бога. Я — пшеница

---

[1] То есть лжеучения.

[2] То есть на поприще этой жизни, поприще борьбы.

[3] Святой Игнатий говорит здесь о славе умереть за Христа.

Божия: пусть измелют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым. Лучше понуждайте этих зверей, чтобы они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела, чтобы по смерти не быть мне кому-либо в тягость. Тогда я буду поистине учеником Христа, когда даже тела моего мир не будет видеть. Молитесь о мне Христу, чтобы я посредством этих орудий сделался жертвою Богу. Не как Петр и Павел заповедую вам. Они — апостолы, а я — осужденный: они — свободные, а я — доселе еще раб. Но если пострадаю, — буду отпущенником Иисуса и воскресну в Нем свободным. Теперь же в узах своих я учу не желать ничего мирского или суетного. На пути из Сирии до Рима, на суше и на море, ночью и днем я уже борюсь со зверями, будучи связан с десятью леопардами, то есть с отрядом воинов, которые от благодеяний, им оказываемых, делаются только злее[1]. Оскорблениями их я больше научаюсь, но этим не оправдываюсь. О, если бы не лишиться мне приготовленных для меня зверей! Молюсь, чтобы они с жадностию бросились на меня. Я желаю, чтобы они тотчас же пожрали меня, а не так, как они некоторых побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотят, — я их, раздражив, принужу. Простите мне, я знаю, что мне полезно. Теперь только начинаю быть учеником Христовым. Ни видимое, ни невидимое — ничто не удержит меня прийти к Иисусу Христу. Огонь и крест, скопище зверей, рассечения, расторжения, раздробление костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки диавола пусть придут на меня, — только бы достигнуть мне Христа. Никакой пользы не принесут мне удовольствия мира, ни царства века этого. Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26). Его ищу, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего. Я имею в виду выгоду: простите мне, братья! Не препятствуйте мне жить, не желайте мне умереть. Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому свету: явившись туда, буду человеком Божиим. Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего. Кто сам имеет Его в себе, тот пусть поймет, чего желаю, и окажет сочувствие мне, видя, что за-

---

[1] Намек на подарки, которые делали стражам Игнатия христиане для смягчения строгости.

нимает меня. Князь века сео хочет обольстить меня и разрушить мое желание, устремленное к Богу. Пусть же никто из вас, там находящихся, не помогает ему. Лучше будьте моими, то есть Божиими. Не будьте такими, которые призывают Иисуса Христа, а любят мир. Зависть да не обитает в вас. И если бы даже лично стал я просить вас о другом, не слушайте меня: верьте больше тому, о чем пишу вам теперь. Живой пишу вам, горя желанием умереть. Моя любовь распялась, и нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая[1], говорящая во мне, взывает мне изнутри: «Иди к Отцу». Нет для меня сладости в пище тленной, ни в удовольствиях этой жизни. Хлеба Божия желаю, хлеба небесного, хлеба жизни, который есть плоть Иисуса Христа, Сына Божия, родившегося в последнее время от семени Давида и Авраама. И питие Божие желаю, — крови Его, которая есть любовь нетленная и жизнь вечная. Не хочу более жить жизнью человеков. А это исполнится, если вы захотите. Захотите же, прошу вас, чтобы и вы снискали себе благоволение. Кратким письмом прошу вас. Поверьте мне, Иисус Христос — неложные уста, которыми истинно глаголал Отец, — откроет вам, что я говорю истину. Молитесь о мне, чтобы я достиг. Не по плоти я написал вам это, но по разуму Божию. Если пострадаю, значит, вы возлюбили, если же не удостоюсь, — вы возненавидели меня. Поминайте в молитве вашей Церковь Сирийскую: у нее, вместо меня, пастырь теперь Бог. Один Иисус Христос будет епископствовать в ней и любовь ваша. А я стыжусь называться одним из ее членов, ибо недостоин того, как последний из них и как изверг. Но если достигну Бога, то по милости Его буду чем-нибудь. — Приветствует вас дух мой и любовь Церквей, принимавших меня во имя Иисуса Христа не как прохожего[2]. Ибо даже и те Церкви, которые не находились на пути моего плотского странствования, выходили навстречу мне в город. Пишу вам это из Смирны через достоблаженных ефесян. При мне же вместе со многими другими Крок — вожделенное для меня имя. Тех же, которые во славу Божию отправились прежде меня из Сирии в Рим, думаю, вы уже знаете: скажите им, что я близко. Все они достойны Бога и вас: вам надобно во всем успокоить их. — Я написал вам это

---

[1] Вода живая, то есть Дух Святой, возбуждающий и укрепляющий в мученической смерти. См.: Ин. 4, 10; Ин. 7, 3.

[2] То есть с такой любовью, как бы Игнатий был их собственный епископ.

за девять дней до сентябрьских календ[1], то есть 23 августа[2]. Укрепляйтесь до конца в терпении Иисуса Христа. Аминь.

Это послание Игнатий отправил с некоторыми из ефесских христиан, сопровождавших его, которые отправились в Рим кратчайшим путем[3]. Через некоторое время и сам святой вышел из Смирны, в сопровождении воинов, и прибыл в Троаду. Здесь он получил радостную весть, что гонение утихло в Антиохии и Церкви возвращен мир. Помня во всех молитвах своих о своей осиротевшей Церкви, он просил всех верующих молиться о ней: чем сильнее была его радость о спокойствии его паствы, тем благодушнее он шел навстречу смерти. В таком расположении души он писал послания к филадельфийцам (в Килисирии) и смирнянам, побуждая христиан принять деятельное участие в радостном событии Антиохийской Церкви, и в особенности он писал к святому Поликарпу, епископу Смирнскому, прося его отправить кого-нибудь из клира в Антиохию для утешения тамошней Церкви и поручая ему написать к другим Церквам, чтобы и они сделали то же[4]. Из Троады святой Игнатий отплыл

[1] Так считалось по римскому календарю.

[2] В 107 году.

[3] Из Смирны в Рим было два пути: один — морской через Архипелаг и Средиземное море, другой — сухопутный, через Македонию. Игнатий был веден последним путем, ефесские же христиане могли отправиться на корабль и доставить послания Игнатия в Рим ранее его прибытия. Но и сухим путем им естественно было прибыть в Рим ранее Игнатия, удрученного старостью и замедлившего в Смирне. Из Смирны святой Игнатий отправил три послания к ефесянам, магнезийцам (город Магнезия близ Меандра в Ионии) и траллийцам (в Азии), приславшим в Смирну для приветствия святого узника своих епископов с пресвитерами и диаконами. В этих посланиях святой Игнатий благодарит Церковь за оказанную ему любовь, увещевает их паству блюсти единение духа и повиноваться епископам и пресвитерам и предостерегает от ложных учителей — христиан иудействующих, почитавших христианство только дополнением к иудейству, и докетов, отвергавших истину рождения, страдания и воскресения Спасителя и вообще не признававших в Нем ничего человеческого.

[4] Итак, всех посланий святого Игнатия сохранилось семь. Написаны они были первоначально на греческом языке, впоследствии же переведены на сирский, армянский, позже на славянский и в недавнее время на русский языки. Содержание этих посланий главным образом состоит из увещаний христиан к соблюдению внутреннего и внешнего единства Церкви, почему справедливо можно назвать святого Игнатия учителем *единения*, как и сам он сознавал себя *человеком, предназначенным к единению* (в послании к филадельфийцам). Затем большинство их направлено против современных лжеучений.

в Неаполь (в Македонии), пешим прошел Филиппополь и Македонию, посещая на пути храмы, уча в них, наставляя и ободряя немощную братию, а также повелевая всем бодро и трезвенно проводить жизнь. Пройдя Епир, святой Игнатий в Епидамне опять сел на корабль и поплыл в Италию через моря Адриатийское и Тирренское. Когда увидел он издали Путеолы (город в Кампании), он хотел здесь сойти на землю, чтобы прийти в Рим тем же путем, которым некогда апостол Павел шел на подобный же подвиг. Но сильный ветер не допустил корабль до берега, и святой Игнатий в одни сутки прибыл в гавань Порт, недалеко от Рима. Воины спешили в Рим, чтобы поспеть к зрелищам, которые уже приближались к концу[1]. Между тем распространился слух о прибытии антиохийского епископа и собравшиеся христиане встречали его, полные радости и вместе глубокой скорби. Некоторые надеялись уговорить народ, чтобы он отказался от кровавого зрелища смерти праведного мужа. Но Игнатий умолял из любви к нему не делать этого и, преклонив колена вместе с присутствовавшими братьями, молился Сыну Божию о церквах, о прекращении гонения и о сохранении взаимной любви между братьями — верующими. Затем святой Игнатий был отведен в Рим и отдан с царским предписанием городскому епарху. Тот, увидя Игнатия Богоносца и прочитав царское письмо, тотчас велел приготовить зверей. Наступил праздничный день, и святой был приведен на место осуждения; весь город собрался на это зрелище, потому что везде прошел слух, что епископ Сирский будет отдан зверям. Поставленный на арене, святой обратился светлым лицом к народу, мужественною душой хвалясь и благоволя о той бесчестной смерти, которую он принимает за Христа, и громко сказал:

— Римские мужи, взирающие на настоящий мой подвиг! Вы знаете, что не ради какого-нибудь злодеяния я принимаю казнь и не за какое-нибудь беззаконие осужден на смерть, но ради Единого моего Бога, любовью к Которому я объят и к Которому я сильно стремлюсь. Я — его пшеница и будут смолот зубами зверей, чтобы быть для Него чистым хлебом.

---

[1] Эти зрелища и игры были так называемые *сатурналии*, продолжением и заключением которых служили *сигиллярии*; они продолжались семь дней, начиная с 17 декабря, в память золотого века, бывшего, по мнению римских язычников, во время царствования бога их Сатурна.

Как только святой сказал это, на него были выпущены львы. Тотчас набросившись, они растерзали святого и съели, оставив только твердые кости. И исполнилось желание святого, чтобы звери были гробом его, и Бог допустил совершиться этому по желанию угодника. Он мог бы заградить уста львов перед ним, как перед святым пророком Даниилом во рву и перед святою Феклою также во время казни, ради славы Своего святого имени, однако не сотворил этого, изволив лучше исполнить желание и прошения раба Своего, чем прославить всемогущую Свою силу. Такова была кончина святого Игнатия Богоносца, таков его подвиг, такова его любовь к Богу.

Когда окончилось зрелище, бывшие в Риме верующие, которым святой писал из Смирны, и некоторые из пришедших с ним собрали оставшиеся кости мученика и, неутешно плача о нем, положили их с честью в особенном месте, вне города, 20 декабря 107 года[1].

— Мы, видя это собственными глазами, — так повествуют описатели мученичества святого Игнатия, — всю ночь провели дома в слезах и с коленопреклонением и молитвою просили Господа утешить нас о случившемся. Когда потом мы немного заснули, некоторые из нас увидели, как святой Игнатий вдруг явился к нам и обнимал нас, другие видели его молящимся за нас, иные же — облитым потом, как бы после великого труда, и предстоящим Господу. С радостию увидев это и сопоставив сонные видения, мы воспели хвалу Богу, подателю благ, ублажили святого мужа и заметили день и год его кончины для того, чтобы, собираясь в день его мученичества, иметь нам общение с подвижником и доблестным мучеником Христовым.

---

[1] В Четьих-Минеях святого Димитрия Ростовского вслед за житием святого Игнатия помещено следующее повествование. «О святом Игнатии Богоносце некоторые повествуют и сие. Когда его вели на съедение зверям и он непрестанно имел на устах имя Иисуса Христа, нечестивые вопросили его, зачем он то имя непрестанно повторяет. Святой отвечал, что имеет в сердце своем имя Иисуса Христа начертанным и исповедует устами Того, Кого в сердце всегда носит. Когда святой был пожран зверями, при оставшихся его костях изволением Божиим сохранилось его сердце, не тронутое зверями. Найдя его, неверные вспомнили слова святого Игнатия и разрезали сердце его надвое, желая убедиться, истинно ли сказанное им. И нашли они на обеих внутренних сторонах разрезанного сердца надпись золотыми письменами: „Иисус Христос". Так святой Игнатий был Богоносец по имени и в действительности, всегда нося в сердце своем Христа Бога, богомысленным умом как тростью написанного».

Узнав о кончине святого Игнатия, о его мужественном великодушии и о том, как он без боязни и с радостью шел на смерть за Бога своего Христа, царь Траян сожалел о нем. Услышав же о христианах, что они люди добрые, кроткие, живут воздержно, любят чистоту, удерживаются от всяких дурных дел, ведут беспорочную жизнь и ни в чем не противны его царству, но только не имеют многих богов, а чтут Единого Христа, Траян не велел искать их для казни, но позволил им жить в покое. После этого честные останки святого Игнатия Богоносца были со славою перенесены в Антиохию[1] на защищение града, на исцеление болящим и на веселье всему стаду этого пастыря, во славу Бога, в Троице Единого, от всех славимого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ФИЛОГОНИЯ,
епископа Антиохийского

Блаженный Филогоний с раннего возраста с усердием изучал Божественные книги и, с помощию Божиею, в совершенстве ознакомился с ними; полагая же для себя руководственным правилом святое учение, он просиял святостию своей жизни. Филогоний имел жену и дочь и, будучи адвокатом, постоянно посещал судилище: здесь всегда защищал он людей обижаемых, подавая им руку помощи и выступая против утеснителей вдов и сирот, нищих и убогих. И просиял он добродетельным житием своим. По смерти супруги своей возведен был он на архиерейскую кафедру[2]. В то время в Церкви христианской было большое неустройство: хотя гонения на христиан от язычников тогда прекратились[3], но над Церковию раз-

[1] Перенесение мощей святого Игнатия празднуется 29 января.

[2] Филогоний, после смерти жены своей, народом насильно был взят с судебного места и за справедливость поставлен епископом в 318 году.

[3] Последние гонения на христианскую веру были при императорах Максимиане и Галерии (305–311 гг.) и Ликинии (307–324 гг.). И в это время Филогоний, по своей любви к истине и справедливости, с успехом защищал Христову веру и

разились еще более свирепые бури, то есть начались еретические волнения. Филогоний, будучи епископом, как добрый пастырь, добре стоял на страже своей паствы и своею мудростию пресекал те смуты, разбирая и опровергая еретическое хитрословесие. За это его почтил похвалою и святой Иоанн Златоуст[1], который и сообщает о нем с большею подробностию. Так, проводя благочестивую ангельскую жизнь, святой Филогоний, управив богоугодно врученным им стадом духовным, с миром преставился в преславные обители Отца небесного[2].

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ДАНИИЛА,
архиепископа Сербского

Святой сербский архиепископ Даниил жил при сербских кралях Стефане Уроше II Милутине[3], Стефане Уроше III Деченском[4] и Стефане Душане[5] в самое славное время древней Сербии. Он происходил из знатного властелинского рода, был сыном богатых родителей[6], которые имели большую семью из сыновей и дочерей, умерших, впрочем, еще во время детства Даниила. Будучи ребенком, Даниил просил родителей отдать его учителю для книжного учения, но, огорченные смертью прочих детей, отец и мать не хотели расста-

---

гонимых христиан и явил себя исповедником. Когда же гонимая вера восторжествовала над язычеством со времени равноапостольного Константина, то новые козни врага Христовой Церкви, диавола, породили ересь Ария. Но Филогоний, избранный народом в епископы и от юности получивший хорошее образование, ревностно обличал ложные еретические мудрования.

[1] Похвальное слово Филогонию произнес святой Иоанн Златоуст в 386 году.

[2] Скончался в мире около 323 года.

[3] Милутин правил с 1262-го по 1320 год.

[4] Святой Стефан Деченский правил с 1320-го по 1331 год, житие его смотри под одиннадцатым числом ноября.

[5] Стефан Душан правил с 1331-го по 1346 год с титулом Сербского краля, а с 1346 года — с титулом царя сербов и греков, умер в 1355 году.

[6] Год и место рождения и мирское имя Даниила неизвестны.

ваться с сыном. Однако мальчик настоял на своем: он упросил одного родственника помочь ему и тайно от родителей ушел с ним к учителю. Учитель знал, чей мальчик приведен к нему, и старательно принялся за его обучение. Ребенок обнаружил необыкновенные способности и прилежание, так что скоро превзошел своих сверстников и товарищей в училище, сам стал в состоянии учить других.

Родители сначала очень горевали, но когда узнали, где находится сын и как успевает, то примирились и во всем положились на волю Божию.

Между тем у юноши стало развиваться стремление к целомудрию, чистоте, посту, бдению и молитве — к таким добродетелям, каковыми отличаются мужи крепкие, его стала занимать жизнь подвижническая. Он искал встречи с иноками, воздавал им должную честь и вступал в беседы об иноческой жизни, так что вскоре у него самого возгорелось желание стать иноком, и он молил Бога о сподоблении его иноческого чина. Уже в это время, много слыша о чудесах во святом граде Иерусалиме и на святой горе Афонской, он горел желанием посетить эти святые места. Но для этого не наступило еще время.

Когда Даниил достиг зрелого возраста, Сербский краль Стефан Урош Милутин, слыша о его достойных качествах, призвал его к своему двору, полюбил и приблизил к себе. Несмотря, однако, на свое знатное происхождение и близость к государю, Даниил не возгордился, но и при дворе держал себя смиренно и ни на минуту не оставлял мысли об иноческой жизни.

Благочестивый краль Милутин нередко совершал богомольные путешествия по своей земле, посещая церкви и монастыри, поклоняясь святыням и раздавая богатую милостыню. В одно из таких путешествий в свите краля находился и Даниил. Во время остановки в

монастыре Святой Троицы в Сопочанах[1] Даниил, всегда любивший беседу с иноками, встретил одного такого инока, который вполне отвечал его желаниям. Он нашел в этом иноке хорошего себе советника и помощника, согласившегося пособить молодому вельможе принять иноческое пострижение.

Когда краль Милутин и свита окончили богомолье в Сопоче, когда все отдались после трудов отдыху, благочестивый юноша, при помощи названного инока, тайно ночью удалился из монастыря. Новый его руководитель привел его в Кончульский монастырь святого Николая на реке Ибре; игуменом этого монастыря, Никодимом, беглец от царского двора и пострижен был в иноческий чин с именем Даниила.

Давно жаждавший иночества, Даниил, сподобившись принять оное, с великою ревностью стал выполнять иноческие обеты; ревностно посещая с другими вместе церковные службы и в течение дня неся все монастырские труды, Даниил ночью наедине предавался бдению, богомыслию и непрестанной молитве. Молитва, слезы умиления и покаяния, пост и другие подвиги скоро сделали его образцом для других иноков. Слава его подвигов распространилась и за пределы монастыря. Скоро он стал известен тогдашнему Сербскому архиепископу Евстафию II[2], который захотел вызвать Даниила к себе, нуждаясь в просвещенных и благочестивых духовных лицах. Не раз Евстафий звал к себе Даниила, но, привыкнув к монастырской жизни, которой давно желал, вельможный инок не хотел расстаться с местом своего пострижения, так что архиепископ вынужден был обратиться к кралю Милутину, чтобы сам государь приказал монаху явиться к архиепископу.

Принятый благосклонно Евстафием, Даниил вскоре посвящен был им в иеромонахи и удержан архиепископом при его дворе, который находился в монастыре Жиче[3].

---

[1] *Сопоча*, *Сопочане* находятся при истоках реки Рашки, в трех часах езды от Нового Пазара в Старой Сербии, теперь от Троицкого монастыря, задушбины Неманичей, остались одни развалины.

[2] *Евстафий II* был Сербским архиепископом с 1286-го по 1304 год.

[3] *Монастырь Жича* (Житьча, Жидьча), существующий до настоящего времени, находится на правом берегу реки Ибра, недалеко от впадения ее в сербскую Мораву, в пределах теперешнего Сербского королевства.

Находясь и при архиепископе, Даниил продолжал подвижническую жизнь, ни в чем не нарушая монашеского обета. Но вместе с тем Даниил исполнял разные поручения архиепископа и служил по делам управления Церковию. Даниил отличался красотою лица и прекрасным голосом и имел «дар от Господа вещати смысленно и разумно пред царями», по пророку Исаии.

Издавна Даниил желал видеть святую Афонскую гору. Еще первый сербский государь, святой Стефан Неманя, отец первого сербского архиепископа святого Саввы, основал на Афоне сербский Хиландарский монастырь, в котором и подвизался Стефан, в иночестве Симеон Неманя, равно как и сын его святой Савва. Хиландарский монастырь на Афоне стал поэтому навсегда самой драгоценной святыней для сербов. Краль Милутин возобновил его; вместо древней небольшой обители он создал дивный монастырь, который находился невдалеке от морского берега. По просьбе тогдашнего игумена Кириака Милутин для защиты монастыря на самом берегу моря построил пирг, или укрепленную башню, с церковию Спаса — для защиты монастыря от морских разбойников.

Упомянутый игумен Кириак вскоре умер. Архиепископ Евстафий и краль Милутин, заботясь об избрании достойного преемника, для совета созвали духовный собор, который единодушно остановился на иеромонахе Данииле. И вот давно жаждавший видеть святую Афонскую гору, Даниил назначается прямо игуменом знаменитого уже и тогда и особенно важного для сербов Хиландарского монастыря.

Время, в которое угодно было Богу возвести Даниила на игуменство в Хиландаре, было трудное и тяжелое не только для святой горы Афонской, но и для всего царства Греческого. В то время двигались уже турки-османы на Царьград; не только теснили в Азии, но пытались проникнуть через море и в Европу. Цари греческие употребляли все меры для защиты христиан от неверных. Кроме своих сил, они всячески старались отыскать и постороннюю помощь. Так и Сербский краль Милутин помогал царю Греческому Андронику Старшему против турок в Азии. Потом царь Греческий вынужден был прибегнуть к наемным войскам, к испанским каталонцам. Эти сборные из разных народностей наемные войска не сдержали договора,

скоро вошли в связь с турками и из помощников и защитников скоро обратились в лютых врагов православного христианского царства. Они грабили, разоряли и жгли жилища по всему Балканскому полуострову. По берегам греческих морей свирепствовали морские разбойники, особенно венецианские. Как сухопутные враги — каталонцы, так и морские — преимущественно венецианцы, не оставили в покое и святую гору Афон. Преувеличенные слухи о богатствах Афонских монастырей привлекали хищников, которые, не давая никакой пощады населению, не разбирая ни звания, ни возраста, пленяли, убивали и грабили.

От этих разбойников, хотя и христиан, но латинян, не избавилась и сербская Афонская Хиландарская лавра.

В такое-то тяжелое время святой Даниил был назначен на игуменство в Хиландаре.

Краль Милутин и архиепископ Евстафий отпустили Даниила с богатыми дарами для святой Хиландарской лавры. Давно жаждавший подвизаться на Афоне, святой Даниил с радостью стал осуществлять свои давние надежды. Он всею душою предался иноческим подвигам, твердо поборая все искушения, которые многоразлично метал на пути его спасения враг диавол. Пример игумена и его красноречивые наставления и поучение поддерживали и распространяли в монастыре благочестие, единомыслие, порядок и взаимную любовь.

Но сверх духовных подвигов игумену Даниилу пришлось совершать и подвиги внешней борьбы — защиты обители от упомянутых разбойников, которые опустошили и разорили всю святую гору. В крепкий и благоустроенный Хиландарский монастырь сбежались многие монахи и простые окрестные жители, женщины и дети, ища здесь крова и пропитания.

Все монастырские запасы отданы были на пропитание бедствовавшего населения, но и они истощились. Всюду кругом распространялся голод. Люди и даже скот в опустошенной стране гибли от голода. Ввиду невыносимого бедствия сами монахи Хиландарского монастыря стали разбегаться, ища спасения, но и они попадали в рабство к врагам или умирали голодною смертию. Только непоколебимый в твердости игумен Даниил не падал духом. Три с полови-

ной года он отсиживался в укрепленной обители. Не раз враги подступали к воротам монастыря, ломились в него, но без успеха удалялись, обещая снова возвратиться. Даниил неутомимо защищался с бывшими в монастыре людьми и с постоянною молитвою к Господу Богу.

Ввиду грозившей страшной опасности, заботливый и предусмотрительный игумен, взяв обещание от укрывавшихся в монастыре людей в том, что они будут защищать монастырь, решил спасти его сокровища и помочь беде удалением на время к своему покровителю, Сербскому кралю Милутину.

Дав значительную сумму золота оставшимся в монастыре, Даниил вместе с несколькими людьми из братии забрал священную утварь и драгоценности, даже монастырский скот, и отправился в Сербию сквозь земли, занятые и опустошенные неприятелями. По милости Божией, среди всевозможных опасностей, он благополучно пробрался в тогдашнюю сербскую столицу, в город Скопье. Краль Милутин с радостью принял игумена Даниила и уговаривал его остаться у него до тех пор, когда минует опасность. Но Даниил, отдав Милутину на сохранение монастырские сокровища и скот, ушел обратно, готовый все перетерпеть, даже мученичество.

На обратном пути снова встретились разные опасности со стороны разбойников и врагов. В одном месте напал на него один владетель и хотел схватить его и ограбить, но бывшие с Даниилом люди одолели благополучно нападавших, связали врага, повели с собой и отпустили только за пределами его владений.

Возвратившись в Хиландарский монастырь, игумен Даниил прежде всего позаботился о том, чтобы на будущее время защитить и охранить обитель от врагов, которые продолжали свирепствовать на Афоне и в окрестных землях. Снабдив деньгами нескольких надежных людей, он отправил их для закупки хлеба в морских пристанях и для найма вооруженных людей для защиты монастыря. Обеспечив таким образом защиту монастыря, сам Даниил удалился в Афонский монастырь Русик к своему духовному отцу для духовной беседы, а вместе и ради безопасности, так как враги искали случая захватить Хиландарского игумена в свои руки. Нашлись два изменника в Хиландарском монастыре, которые пришли в Русик, чтобы обманом выдать своего

игумена врагам. Но предусмотрительный и прозорливый Даниил сумел обезоружить их, хотя враги, осадив Русик, пытались сжечь его и захватить Даниила. Но Бог спас Даниила от этой опасности: враги завели между собою ссору и неожиданно ушли от монастыря.

Возблагодарив Бога за избавление от угрожавшей опасности, Даниил со своими духовными детьми и спутниками отправился на берег моря в Афонский же монастырь Ксиропотам, который также устроен был и обеспечен святым Саввою, архиепископом сербским. Здесь Даниил вписал себя и своих родителей в синодик для поминовения и, проведя несколько дней в молитве, возвратился в свой монастырь Хиландарский.

Между тем внешние враги, причинявшее слишком три года страшные бедствия и опустошения, постепенно стали оставлять Афонскую гору, и на ней понемногу стал водворяться покой. В укрощении и рассеянии этих врагов помогал Греческому царю Андронику и Сербский краль Милутин.

После восстановления мира и спокойствия на Афоне Даниил, так неутомимо и усердно защищавший и охранявший сербскую святыню, решился, ради безмолвной и уединенной подвижнической жизни, оставить игуменство в Хиландаре, передав его ученику своему Никодиму, и удалился в Афонский монастырь Карею. Там находилась келия святого Саввы для безмолвной и уединенной жизни по правилам святого Саввы, по которым он, иночествуя здесь, сам совершал моления, нощные стояния, поклоны и псалмопения. Поселившись в этой келье, Даниил всецело отдался духовным подвигам, слава о которых распространилась по всей горе Афонской, так что к нему стали многие приходить за духовным утешением и наставлениями.

В то время, когда Даниил подвизался в Карейском уединении, на его родине в Сербии возникла война: против краля Милутина восстал брат его Драгутин, желавший при помощи короля Венгерского отнять у Уроша Милутина сербский престол для своего сына Урошица. Милутин находился в большой опасности. Боясь вторжения врагов, он собрал свои сокровища в Баньском монастыре, но не имел надежного человека, которому мог бы поручить их хранение. Тогда за смертью епископа Баньская кафедра сиротствовала. И вот

краль Милутин вспоминает деятельного Даниила, бывшего игумена Хиландарского, и отправляет к нему в Карею одного посла за другим, призывая к себе. Преданный уединенным подвигам, Даниил долго отказывался, но неотступные просьбы краля заставили его согласиться, и вот он является к кралю Милутину. Краль изъясняет свои тяжелые обстоятельства и, вручая собранные в Баньском монастыре сокровища, просит Даниила взять их под свою охрану и предлагает ему занять епископскую Баньскую кафедру. Даниилу очень не хотелось расставаться с уединенной жизнью на святой горе, но краль Милутин наконец убедил его согласиться на помянутое предложение, обещая снова отпустить его на святую гору, когда окончится благополучно война.

Когда краль Милутин благополучно вышел из затруднений вследствие восстания брата Драгутина, Даниил стал опять проситься на святую гору, и как ни уговаривал краль остаться в Сербии, он все-таки опять удалился в любимый Хиландарь, где, поселившись в помянутом прежде пирге, или башне, снова предается подвигам уединения. Как всегда, так особенно теперь, он предается чтению и изучению книг Божественного Писания.

Святого Даниила давно влекло желание посетить святой град Иерусалим и поклониться христианским святыням. И вот теперь он полагал, что, наконец, настало благоприятное время для исполнения своего намерения. Он стал готовиться к путешествию в Иерусалим.

Узнав об этом, Сербский краль Милутин очень опечалился: он не желал, чтобы Даниил совсем оставил его, он нуждался в нем, как в человеке, на которого можно положиться и который может дать и полезный совет и оказать услуги иного рода. Краль стал уговаривать Даниила отложить свое намерение и, вместо путешествия в Иерусалим, возвратиться в Сербию, где предстоят ему разные дела и почести. Даниил уступил настояниям краля. Баньская епископия была упразднена, сделана игуменством, а Даниил оставлен был на жительство при сербском архиепископе Савве III, который отвел ему в своем доме келию, как будущему своему преемнику: ибо Милутин, уговаривая Даниила возвратиться в Сербию, обещал ему в будущем архиепископский Сербский престол святого Саввы.

Савва III вскоре после того умер. На его место, однако, по неизвестным причинам избран был не Даниил, а его ученик хиландарский игумен Никодим, Даниил же получил епархию Холмскую[1].

20 октября 1320 года скончался благочестивый Сербский краль Стефан Урош II Милутин, правивший Сербией тридцать лет, расширивший ее пределы и доставивший ей большую славу. Даниил был извещен о болезни краля и присутствовал при его кончине и погребении, которое совершалось в задушбине Милутина, в Баньском монастыре святого Стефана, где Даниил ранее был епископом.

На Сербский престол вступил сын Милутина, святой Стефан Урош III Дечанский[2].

Сейчас же после своей коронации он вызвал и приблизил к себе епископа Даниила, которого с юных лет привык любить и ценить как мудрого советника в течение многих лет при его отце, а особенно как своего помощника и защитника в тяжелых несчастиях. Заступничеству и ходатайству Даниила Стефан Дечанский был обязан своим освобождением из заточения в Царьграде и окончательным примирением с отцом.

Даниил, таким образом, стал теперь постоянным учителем, советником и помощником Сербского краля. В начале правления Стефана Дечанского встретились затруднения, как внутри страны, так и извне. Нужно было новому кралю защищаться против врагов внутренних, его соперников, поднявших восстание, именно против двоюродного брата Владислава, сына краля Драгутина, и против брата родного по отцу Константина. Нужно было также охранять себя и Сербию и от врагов внешних. Болгарский царь Михаил удалил от себя жену свою Неду, сестру Стефана Дечанского, и искал сближения и союза с греками против сербов. Стефану Дечанскому приходилось и оружием защищаться, и прибегать к мирным соглашениям и переговорам. Для таких переговоров не было тогда человека более способного, чем епископ Даниил, обладавший разнообразным житейским опытом и необыкновенным красноречием, особенно же уменьем говорить перед царями. И вот, по просьбе и

---

[1] *Епархия Холмская*, или Захолмская, находилась в нынешней Герцеговине.

[2] 6 января 1321 года, смотри житие святого Стефана Дечанского 11 ноября.

поручению краля Стефана Дечанского, Даниил выполняет с полным успехом посольство к Болгарскому царю Михаилу и Цареградскому царю Андронику Младшему.

Исполняя разные поручения своего государя, Даниил не мог забыть своей любимой святой горы Афонской и при всякой возможности и теперь уходил туда, но долго там оставаться ему не приходилось уже. Так, по выполнении упомянутых посольств, он удалился было снова на Афон, но смерть Сербского архиепископа Никодима, последовавшая 13 мая 1323 года, заставила его вернуться в Сербию. Созванный кралем собор духовенства и властителей единогласно, 14 сентября того же года, провозгласил Даниила «архиепископом всех сербских и поморских земель». Ему было тогда пятьдесят лет.

Заняв архиепископский престол, Даниил всеми силами своей души предался заботам о благе церкви своей так горячо любимой родины. Прежде всего, конечно, он обратил внимание на церковное благоустройство, как внутреннее, так и внешнее. Как муж просвещенный, он старался среди духовенства поднять просвещение посредством поощрения книжного учения, распространения школ и книг.

В богослужении и жизни церковных людей он заботился о введении строгого чина, порядка и благолепия. Много забот приложено было им к тому, чтобы церкви имели нужные книги; много было введено в церковное употребление и таких книг, которых ранее у сербов еще не было.

Архиепископ Даниил в течение своей долгой жизни приобрел большой опыт в делах строительства и хозяйства. Заняв высшее место в управлении Сербской Церковью, он применил к делу свои обширные познания и опыт. При сочувствии сербского краля, он имел полную возможность, при своей горячей ревности, заняться внешним благоустройством церквей сербских: он возводил новые великолепные храмы, восстановлял и перестраивал старые, украшал их извне и внутри, снабжал церковною утварью, священными одеждами и книгами, украшал иконами и стенной живописью. Для построения и украшения храмов он добывал нужные, часто дорогие материалы как в самой Сербии, так и за ее пределами, выписывая

как мастеров, так и самые предметы, например — из Адриатического приморья колокола для церквей.

Особенно много трудов и забот он положил на устройство и украшение церквей в двух архиепископских кафедральных монастырях, в Жиче и Печи. В одном месте, в знак благодарения за избавление его от опасностей, которым он подвергался в своих многоразличных странствованиях по Сербии и за ее пределами, он построил великолепный храм в честь Богоматери, именуемой Одигитрии цареградской, с двумя приделами — в честь Иоанна Предтечи и святого Арсения, архиепископа Сербского, и тут же — маленькую церковь во имя святого Николая Чудотворца. Украсив ее великолепно внутри и снаружи, снабдив всем необходимым, он установил, чтобы в этом храме совершали богослужения греческие монахи по греческим книгам и по чину греческих монастырей. В другом месте к ранее существовавшим церквам святых апостолов и святого Димитрия и им построенной Богородичной церкви он пристроил общую припрату, или трапезу, по подобию храмов греческих, из драгоценных материалов и с различными украшениями изнутри и извне, а вблизи пирг, или укрепленную башню, с церковью наверху во имя святого Даниила Столпника.

В разных местах Сербии, как то: в крепости Магличе, в местечках Елице, Лизице и других, архиепископом Даниилом было или вновь построено, или возобновлено много церквей, монастырей и других зданий, принадлежавших церкви.

Кроме возведения церковных и других зданий, Даниил везде при монастырях и церквях заботился об устройстве и разведении огородов, садов, виноградников и вообще хозяйства для обеспечения различных церковных учреждений.

Время управления архиепископа Даниила было лучшим временем как внутреннего, так и внешнего процветания Сербской церкви, много памятников старины от того времени сохранилось и доныне.

При Стефане Дечанском Даниил был постоянным и главным советником. Когда возгорелась война между Сербией и Болгарией и когда Стефан Дечанский вместе со своим сыном Стефаном Душаном отправился в поход, Даниил оставлен был попечителем кралевского семейства и главным правителем страны. На имя архиепи-

скопа Даниила краль посылал известия с поля брани, и архиепископ учреждал молебствие о даровании победы, а когда в битве при Вельбужде сербы одержали решительную победу над болгарами, Даниил назначил благодарственные молебствия по всей Сербской земле. Краль Стефан Дечанский, в знак благодарности Господу Богу за дарованную победу, на сокровища, которые достались ему, как военная добыча после поражения болгар, решил создать себе задушбину, великолепный храм Вознесения Господня в Дечанах. В избрании места и построении этого драгоценного художественного храма принял самое деятельное участие архиепископ Даниил; он был не только ктитором, строителем монастыря, но и вкладчиком: он на свои средства отстроил одну частицу храма, как свою собственную задушбину[1].

Немного времени спустя после торжеств победы над врагами архиепископу Даниилу пришлось пережить тяжелые обстоятельства сербской внутренней смуты, в которой благочестивому кралю Стефану Дечанскому суждено было погибнуть мученическою смертию от убийц, действовавших не без ведома сына его Стефана Душана[2].

Стефан Душан, сделавшись единовластным кралем Сербии, силою оружия распространил пределы государства и приобрел новую славу для Сербии и Сербской Церкви. Он принял титул царя сербов и греков по завоевании некоторых греческих областей, а Сербского архиепископа возвел в сан Сербского патриарха. Это было в 1346 году, но архиепископ Даниил до этих событий не дожил: он мирно скончался 20 декабря 1337 года.

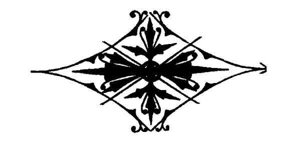
Святой архиепископ Даниил знаменит не только как благочестивый подвижник, церковный и государственный деятель, но и как просвещенный книжный человек и писатель. Его ученик, написавший его житие, свидетельствует о необыкновенной начитанности Даниила, его любви к книжному чтению и просвещению других, о его заботах о распространении книг в Сербии не только в новых списках прежних книг, но и в составлении и переводе книг

---

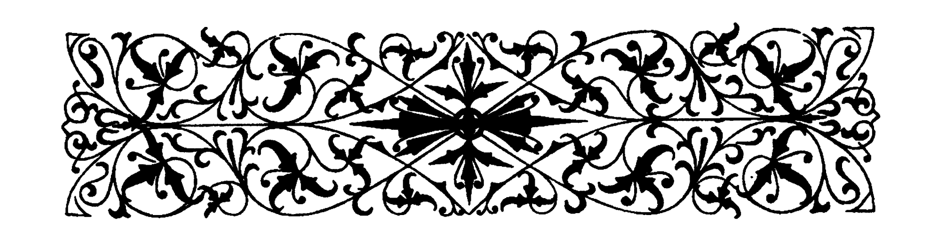
[1] Подробнее обо всех этих делах смотри в вышеуказанном житии святого Стефана Дечанского 11 ноября.

[2] Смотри то же житие.

новых. Как в том, так и в другом деле трудился неутомимо всю жизнь сам Даниил. Как писатель, он оставил после себя обширный и драгоценный труд — «Житие кралей и архиепископов Сербских». Даниил горячо любил свою родину и позаботился о том, чтобы подвиги и деяния прежних кралей и архиепископов, из коих многие причислены к лику святых, не остались в забвении[1]. Своим примером и заботами Даниил много содействовал развитию сербской письменности в его время, особенно в любимом им Хиландарском монастыре, долго служившем средоточием сербского духовного просвещения.



[1] Этот труд Даниила, называемый иногда то «Родословом», то «Цароставником», напечатан с позднейшими дополнениями, к которым принадлежит и житие Даниила, написанное Даничичем, одним из его учеников.

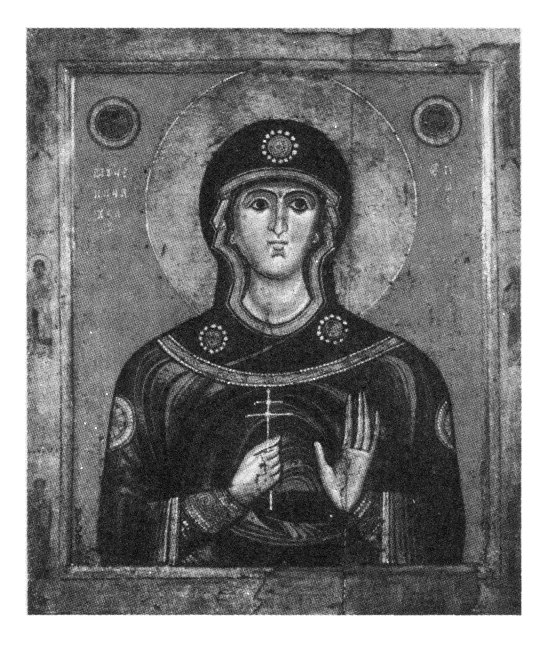


День двадцать первый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ИУЛИАНИИ ДЕВЫ
и других с нею

В царствование нечестивых царей римских: на Востоке — Диоклетиана и на Западе — Максимиана, в византийском городе Никомидии[1] господствовало идолослужение. В это время там жил один богатый и знатный человек, по имени Африкан, весьма приверженный языческому нечестию; у него была дочь, по имени Иулиания. Когда Иулиания начала приходить в возраст и цвести красотою, и в то же время проявлять ум и добронравие, один из царских сановников, по имени Елевсий, предупреждая других женихов, заранее обручился с нею, совершение же брака было отложено до совершеннолетия. Между тем, Иулиания, услышав евангельскую проповедь о Христе, уверовала в Него и стала тайной христианкой. При виде неба, земли, моря, огня, она искала Того, Кто создал все это, и от создания научилась познавать Создателя, как говорит святой апостол Павел: *невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1, 20). И размышляла она в душе своей: «Един есть истинный Бог, которому должно поклоняться! Бездушные же идолы — не боги, но жилища бесов». С этих пор она стала усердно предаваться молитве и чтению Божественных книг, поучаясь в законе Господнем день и ночь — тайно от отца своего, который, как ревностный язычник, был дру-

[1] *Никомидия* — город в Вифинии. Позднее, во времена Диоклетиана и Константина Великого, был местопребыванием Римских императоров.



гом бесов и врагом христиан. Мать же Иулиании, хотя тоже была язычница, но не отвергала и христианской веры. Впрочем, особенно она не заботилась ни о той, ни о другой вере, — ни идолам не служила усердно, ни Христа не почитала, и потому не обращала внимания на то, какой веры держится ее дочь. Итак, при нерадении матери, блаженная Иулиания легко могла скрыть от отца свою веру во Христа и упражняться в молитве и чтении Божественных Писаний. Исполненная в сердце своем любви к Богу и утвержденная в благочестии, она помышляла, как бы ей отказаться от того, с кем она была обручена, и избегнуть брака с нечестивым, девство свое соблюсти нерушимым от идолопоклонника и тело сохранить чистым от слуги бесовского.

Поэтому, когда стало приближаться время брака, Иулиания послала к своему жениху Елевсию сказать:

— Не готовься напрасно к браку, да будет тебе известно, что я не соглашаюсь идти за тебя замуж, если ты не сделаешься епархом страны этой.

Так поступила святая, в уверенности, что Елевсию невозможно достигнуть этого сана, и таким образом думала избегнуть брака с ним. Но Елевсий, плененный любовию к ней, начал тщательно домогаться сана епарха, — то посредством усиленных просьб, то посредством богатых даров, то через сильных ходатаев, — умоляя царя почтить его тем саном. И по прошествии многого времени, истратив много имения, он, хотя и с трудом, при помощи беса, достигнул желаемого, ибо диавол, желая помешать доброму намерению святой девы, помог Елевсию. Сделавшись епархом, он тотчас послал к своей невесте сказать:

— Радуйся, Иулиания, что имеешь меня женихом, удостоенным славы, ибо я — епарх! Итак, готовься к браку.

Иулиания, видя, что посредством вымышленного предлога она не избегла сетей Елевсия, явно открыла то, что долго скрывала в сердце своем, и через посланных отвечала ему так:

— Хорошо, что ты удостоен епаршества; но если не поклонишься Богу моему и не будешь служить Господу Иисусу Христу, Которому я служу, то ищи себе для брака другую, ты мне неугоден, ибо я не желаю иметь мужем того, кто не исповедует единую со мной веру.

Услышав это, Елевсий удивился перемене в своей невесте и сильно разгневался. Призвав отца ее Африкана, он стал спрашивать его:

— Почему дочь твоя и от богов наших отказывается, и мною гнушается?

При этом Елевсий сообщил Африкану обо всех словах ее, переданных через послов.

Услышав об этом, Африкан был в недоумении, удивляясь такому неожиданному обстоятельству, и не менее епарха сильно разгневался на Иулианию, так как и сам был ревностным почитателем своих скверных богов. Возвратившись домой, он сначала кротко и отечески начал спрашивать дочь свою:

— Скажи мне, дочь возлюбленная и сладкий свет очей моих, почему ты отвращаешься от брака и отказываешь в руке епарху?

Иулиания, не желая даже слышать об этом, отвечала:

— Перестань, отец! Ибо клянусь надеждою моею — Господом моим Иисусом Христом, что Елевсий не вступит со мной в брак, если сначала не примет веры моей, ибо что за брак — телом быть соединенными, духом же разделенными, и враждовать друг против друга?

Тогда отец Иулиании, вне себя от гнева, воскликнул:

— Безумствуешь ты, окаянная, или любишь мучения?

— Мучения за Христа я люблю, — отвечала святая дева.

— Клянусь великими богами — Аполлоном и Артемидой[1], — воскликнул Африкан, — что зверям и псам отдам я тело твое на съедение.

---

[1] *Аполлон* — один из наиболее почитаемых древними греками и римлянами языческих богов, считавшийся богом солнца и умственного просвещения, а также общественного порядка, охранителем закона и божеством прорицания будущего. *Артемида* — иначе *Диана* — известная языческая богиня у греков, олицетворяла собой луну и считалась покровительницей лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с большим великолепием и блеском.

Святая отвечала:

— Так зачем же медлишь? Пусть придут псы, пусть придут звери, и пусть будет для меня — если это возможно — вместо одной много смертей, ибо я буду радоваться, несколько раз умирая за Христа и получая от Него каждый раз воздаяние.

Тогда отец, желая склонить ее хитростию к своему желанию, оставил гнев и ласково начал беседовать с нею, прося и уговаривая ее не ослушаться его. Она же, исполненная доброго упования, возражала и безбоязненно говорила:

— Неужели и ты подобен глухим богам своим, ибо имеешь уши и не слышишь? Не сказала ли я тебе с клятвою, что не может быть у меня общения с Елевсием, если сначала он не согласится поклониться Христу моему?

Услышав это, отец запер ее в комнате. Затем снова вывел ее оттуда и добрыми и ласковыми словами со слезами начал склонять святую к почитанию богов и к любви к Елевсию. Но мужественная дева снова воскликнула:

— Не принесу жертвы богам, не поклонюсь истуканам, не полюблю нечестивого Елевсия! Христу Единому поклоняюсь, Христа почитаю, Христа люблю!

Тогда отец, разгневавшись, схватил Иулианию и начал бить без пощады: бросив на землю, влачил ее за волосы, топтал ногами, — не как родитель, но как мучитель, нисколько не являя родительской жалости и, в своей лютой ярости и неудержимом гневе, забыв естественную любовь к дочери. И бил он ее до тех пор, пока сам не устал, так что блаженная дева едва осталась жива. После этого он отослал ее к ее жениху — епарху Елевсию, чтобы он делал с ней, что хочет. Тот же, будучи презираем ею, исполнен был против нее великой ярости: дыша гневом и скрежеща на нее зубами, он считал великим для себя бесчестием, что она возгнушалась им и отвергла любовь его. Поэтому он очень обрадовался, что она была отдана в руки его, и что он получил власть над нею. И вот он задумал судить ее публично (ибо был епарх), будто бы за непочитание богов, а на самом деле — совершая мщение за ее презрение к нему. Воссев на судейском месте, он повелел привести к допросу агнцу Христову.

Когда святая дева Иулиания предстала на суд перед своим женихом Елевсием и, как заря, воссияла красотою лица своего, то все об-

ратили на нее свои взоры, удивляясь красоте лица ее. Елевсий, лишь только взглянул на нее, тотчас смягчился, и гнев его обратился в любовь. Сначала он не мог сказать ей ни одного жестокого слова, но начал мирно и ласково беседовать, будучи охвачен желанием обладать девицею. Он сказал ей:

— Поверь мне, прекраснейшая девица, что если ты изберешь меня своим мужем, то будешь освобождена от всех, ожидающих тебя, тяжких мук, хотя бы даже и не согласилась принести жертвы богам. Я не буду тебя принуждать к этому, — только согласись на брак со мною.

На это невеста Христова отвечала:

— Никакое слово, ни мука, ни самая смерть не заставят меня соединиться браком с тобою прежде, чем ты не сделаешься христианином и не примешь святого крещения.

— И это я сделал бы, возлюбленная, — отвечал Елевсий, — если бы не боялся царского гнева: ибо когда царь узнает об этом, то лишит меня не только этого высокого сана, но вместе с ним и самой жизни.

Святая сказала:

— Если ты так боишься своего царя — смертного, временного, имеющего власть только над телом, а не над душою, то как я могу не бояться Царя Бессмертного, имеющего власть над всеми царями и владычествующего над всяким дыханием и над душою, и как могу соединиться супружеским союзом со врагом Его?! Если бы кто из твоих рабов вступил в дружбу со врагом твоим, приятно ли это было бы для тебя и не разгневался ли бы ты за это на раба своего? Итак, не обманывайся, не пустословь, надеясь убедить меня. Если хочешь, обратись и ты к Богу моему, если не сделаешь этого, то убей меня, брось в огонь, покрой ранами, предай зверям и подвергни каким угодно мукам, но я не послушаюсь тебя, ибо ты противен мне, супружество с тобой для меня все равно, что дружба с бесами, и брак с тобой — то же, что гроб смердящий, положенный перед глазами моими.

Услышав это, Елевсий воспламенился гневом и изменился в лице своем, ибо такова нечистая любовь, когда ее презирают и гнушаются ею. Он повелел обнажить Иулианию и крестообразно растянуть, привязав веревками за руки и за ноги, и затем жестоко бить сухими жилами и прутьями. И была святая бичуема шестью воинами — дол-

гое время, пока не устали сами мучители. Она же, хотя и была по естеству — сосуд немощный, мужественно претерпевала мучения.

Приказав воинам прекратить бичевание, епарх сказал Иулиании:

— Это, Иулиания, только начало твоих мучений, несравненно же большие ожидают тебя, если ты не принесешь жертвы великой Артемиде.

Но мученица, желая лучше переносить мучения, чем слушать Елевсия, все еще надеявшегося склонить ее к исполнению его воли, отвечала:

— О, поистине ты безумен и безрассуден! Почему ты еще не мучаешь меня? Чего еще ждешь? Я более готова терпеть мучения, чем ты готов мучить меня.

Тогда святая была повешена за волосы и висела так немалую часть дня, так что кожа на голове ее отстала от тела, лицо вспухло и брови оттянулись вверх. Елевсий же, имея, по любви к ней, еще некоторую надежду, ласково убеждал ее пощадить себя. Когда ласковые слова его и просьбы не возымели никакого успеха, он еще более разгневался и повелел сильно раскаленным железом опалять бока ее и поджигать другие части тела, затем, связав руки ее и пронзив острым железом бедро ее, еле живую ввергнул ее в темницу.

Находясь в темнице, святая Иулиания лежала, поверженная на земле, и взывала к Богу:

— Господи Боже мой, всемогущий, непобедимый в силе и крепкий в делах! Отыми от меня скорби эти и от постигнувших меня болезней избави, как избавил Даниила от львов, Феклу — от огня и зверей! Отец мой и мать моя оставили меня, — Ты же, Господи, не отступи от меня, но, как некогда сохранил израильтян, прошедших через море, и потопил их врагов, так и меня ныне сохрани. Восставшего же против меня Елевсия, а с ним и сатану, который старается воспрепятствовать мне в спасении, сокруши, о непобедимый Царь!

Когда Иулиания так молилась Богу и молитва была еще на устах ее, невидимый враг — диавол, преобразившись во образ светлого Ангела, видимым образом явился к ней и сказал:

— Вот, Иулиания, ты терпишь тяжкие муки, а еще более тяжкие и воистину нестерпимые приготовил для тебя Елевсий. Когда ты будешь выведена из темницы, тотчас принеси жертву богам, ибо не сможешь более переносить сильной лютости мук.

Святая спросила:

— Кто ты?

Диавол отвечал:

— Я — Ангел, и поскольку Бог много заботится о тебе, то послал меня к тебе, ибо Он желал, чтобы ты послушалась епарха и от многих мучений не погибло бы тело твое. Господь милосерд и простит тебе это ради немощи измученной плоти твоей.

Услышав это, мученица удивилась и смутилась, ибо видела, что явившийся — с виду Ангел, а по речам — враг. Поэтому, вздохнув из глубины сердца, со слезами на глазах, сказала:

— Господь мой, Создатель вселенной, Которого Единого хвалят небесные силы и трепещет множество бесов! Не презри меня, страждущую ради Тебя, чтобы враг мой не смешал когда-либо сладость с горечью и не подал мне. Поведай мне, кто тот, который говорил мне такие слова? Кто тот, который называет себя рабом Твоим?

Так взывала святая, и тотчас же была услышана, ибо с неба раздался голос:

— Дерзай, Иулиания! Я — с тобой! С пришедшим же к тебе делай что хочешь: Я даю над ним тебе власть и силу, — и от него самого узнай, кто он и зачем пришел к тебе.

Вслед за этим произошло следующее чудо: тотчас разрешились оковы и упало железо от ее бедер, и тогда святая встала с земли здоровою и крепкою телом, а диавол, удерживаемый силою Божиею, стоял и не мог бежать, будучи связан невидимыми узами. Святая мученица схватила его, как раба неключимого, и, как будто допрашивая на суде, стала спрашивать, кто он, откуда и кем послан. Диавол же, хотя и исполнен был лжи, однако, будучи принужден мучащей его силой Создателя, начал — хотя и против воли — говорить истину.

— Я, — сказал он, — диавол, один из первых князей тьмы и послан отцом моим сатаною искусить и обольстить тебя, ибо мы великую приняли муку от молитв твоих и от твоего девического целомудрия и мужественного терпения. Я — тот, который некогда посоветовал в раю Еве преступить на погибель заповедь Божию. Я внушил Каину убить брата своего Авеля. Я научил Навуходоносора поставить на поле Деире золотого истукана. Я прельстил иудеев поклоняться идолам. Я премудрого Соломона сделал безумным, возбудив в нем страсть к женам. Я Ироду внушил избиение

младенцев, а Иуде — предать Учителя и самому удавиться. Я подвиг евреев побить камнями Стефана, подвигнул Нерона — распять вниз головою Петра и усечь мечом Павла.

Услышав это, святая Иулиания сотворила новое чудо, ибо другие положила на него узы и раны (кроме невидимых, которыми диавол был связан Богом), так как, связав, стала бить его. И что удивительно — бесплотного и невещественного духа святая могла связать вещественными узами и бить! Ибо сила Божия, удерживающая его не дающими возможности бежать узами и наказывающая, хотя невидимо, но действительными ранами, отдала его во власть возлюбленной невесте Своей. И терпел бес боль от рук девицы, как от рук Божиих, ибо вместе с вещественным бичеванием бес получал и невещественную язву — ту, от которой воистину получает мучение род бесовский.

— Увы мне, — восклицал он, — что мне теперь делать и как убежать?! Многих прельстил я и подвергнул бедствиям, а теперь сам прельщен и впал в беду. Многих подвергнул я ранам, а ныне сам связан девическими руками и уязвляюсь ими. Многих поработил себе, а ныне самого меня держат, как пленника и раба. О отец мой — сатана! Зачем ты послал меня сюда? Неужели не знал, что ничего нет сильнее девства и крепче молитв мученических?

Так святая Иулиания всю ночь мучила беса, а поутру епарх повелел, если она жива, вывести ее из темницы. Святая, идя, влекла за собою и диавола и бросила его в попавшуюся на дороге кучу навоза. Затем она предстала перед Елевсием, озаряемая прежнею красотою и благообразием лица и здоровая всем телом, как будто бы никогда не испытывала никакой муки. Удивившись, мучитель сказал ей:

— Скажи мне, Иулиания, когда и каким образом ты научилась такому волхвованию? И каким искусством ты так скоро исцелилась от ран, так что даже и следа от них на тебе не найдешь?

Святая отвечала:

— Ни с каким искусством волшебства я незнакома, но меня исцелила неизреченная и всемогущая сила Божия, которая не только тебя, но и отца твоего — сатану устыдила, а меня соделала гораздо сильнее обоих вас. И ты, и господин твой — диавол у меня под ногами, ибо я связала владыку твоего, которому ты работаешь, и мучения твои сделала как бы небывшими. Так Христос мой уничтожил

здесь вашу силу, а там — тебе, отцу твоему и слугам вашим уготовал огонь вечный и страшный тартар, тьму кромешную и наполненное червями неусыпающими место, которое ты вскоре и получишь.

Тогда мучитель, услышав из уст святой об огне вечном, тотчас повелел приготовить великий огонь временный, и была сильно разожжена печь и брошена туда святая. Она же, стоя невредимо в пламени огненном, молилась там к Господу и испустила из очей своих слезы, — и вдруг эти малые слезы стали как бы двумя великими источниками и угасили весь огонь.

Весь народ никомидийский весьма был поражен этим чудом, и уверовало во Христа мужей около пятисот, а жен — сто тридцать. Все они, как бы едиными устами, воскликнули:

— Един есть Бог, Един — Тот, Которого прославляет мученица Иулиания, и мы веруем в Него, а от языческого идолопоклонства отказываемся. Мы — христиане! Да придет на нас меч, да придет огонь, да придет любая самая лютая смерть, — мы готовы вместе с Иулианиею умереть за Единого истинного Бога!

Когда они так восклицали во всеуслышание, епарх немедленно повелел привести вооруженных воинов и, отделив всех уверовавших от собравшегося на зрелище народа, усечь мечом, что и было исполнено. А они все с радостию преклоняли под меч головы свои и умерли за Христа, принимая крещение в собственной крови своей. После этого мучитель, дыша неукротимою яростию, повелел раздеть святую и бросить в сильно кипящий котел и долго варить, как бы некую пищу. Но котел этот был для святой как бы теплой баней после трудов, ибо нисколько не вредил ее телу, а только омывал, как бы в купели, ибо к ней сошел Ангел Господень и сохранил ее невредимою. Огонь же из печи устремился на стоявших около и сделал то, что было некогда с печью вавилонской, — всех, кого достиг, сжег. После того котел лопнул, и мученица вышла из него невредимою. Народ с удивлением окружил ее, как бы высокую башню, ибо действительно святая стала выше всех ростом.

Видя все это, мучитель недоумевал, что бы ему еще предпринять, так как все мучения его не достигли цели. Считая себя осмеянным и посрамленным девицею, он начал рвать на себе волосы, царапать лицо, рвать на себе одежды и от сильного гнева произносить многие

хульные и поносные слова на своих богов, — что, служа им, он не мог победить одну девицу. Затем он осудил святую мученицу Иулианию на усечение мечом.

Диавол же, который был связан святою в темнице, снова явился и, стоя вдали (ибо еще боялся святой мученицы и помнил об ударах, нанесенных ею) видимым образом — в виде человека, — радовался ее осуждению на смерть и торопил воинов поскорее взять и предать ее смерти. Когда святая дева грозным оком взглянула на него, он тотчас затрепетал и воскликнул:

— Ох, горе мне! Хочет меня эта немилостивая дева снова схватить своими руками!

И, воскликнув это вслух всех, диавол исчез.

Воины, взяв мученицу, повели ее на усечение, и шла святая в радости и веселии, как будто на брак, спеша к брачному чертогу. Совершив молитву, она преклонила под меч святую главу свою и была усечена мечом. Так она сочеталась с своим возлюбленным Женихом — Христом Господом, за Которого с радостию пострадала[1].

Некоторая римлянка, по имени София, бывшая в то время по какому-то своему делу в Никомидии и возвращавшаяся назад — в Рим, взяла с собой тело мученицы Христовой Иулиании. Принеся его в свой дом, она впоследствии построила благолепную, достойную таковой мученицы, церковь во имя Иулиании и с честию положила в ней святые мощи ее.

Елевсия же вскоре постигла казнь Божия: когда он плыл по морю, поднялась буря, разбила корабль, и все бывшие в корабле потонули. Сам же Елевсий, — на большую для себя беду и мучение, — спасся от потопления и приплыл на некоторый остров, где и был растерзан псами.

Так с позором погиб нечестивый, получив достойное возмездие по делам своим — за убиение невинной и святой девы Иулиании.

Таковы были мученический подвиг невесты Христовой Иулиании и страдальческая кончина ее.

Обручена она была Елевсию на девятом году от рождения своего, на восемнадцатом же году кровью своею сочеталась с Женихом Бес-

[1] Святая Иулиания девица и с нею пятьсот мужей и сто тридцать жен пострадали в 304 году.

смертным, положив за Него душу свою и ныне веселится в небесном чертоге со Христом Господом, от всякого создания славимым в бесконечные веки. Аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ПЕТРА,
митрополита Киевского и всея России

Святой Петр, митрополит Киевский и всея Руси, родился в земле Волынской[1], от благочестивых христианских родителей[2]. Когда он был еще в утробе матери, на рассвете одного воскресного дня мать его видела такое видение: ей представилось, будто она держит на руках своих агнца, посреди рогов которого выросло густолиственное дерево, имеющее множество плодов и цветов, посреди ветвей его было множество свечей — светящих и издающих благоухание.

Проснувшись, мать недоумевала о чудном видении, но впоследствии Господь оправдал видение, обогатив Своими дарами ее сына.

Семи лет от рождения святой Петр был отдан в обучение Божественному Писанию, но сначала он учился плохо, о чем немало печалились родители его. Это же было ради того, чтобы он более от Бога, нежели от людей получил книжную премудрость. И действительно, святой Петр получил ее таким образом.

Однажды он увидел во сне, что к нему пришел некий муж в святительских одеждах и сказал ему:

— Чадо, отверзи уста твои!

Когда Петр сделал это, явившийся прикоснулся правою рукою к языку его и, благословив его, исполнил сладости гортань его.

Проснувшись, отрок никого не видел, но только ощутил в сердце своем как бы некую сладость и веселие.

---

[1] *Волынь* — юго-западная часть России.

[2] Родители святого Петра были люди состояния достаточного и принадлежали к сословию боярскому или же купеческому, почему святой Петр впоследствии и имел возможность построить на свои средства монастырь.

С этого времени святой Петр стал быстро понимать, чему учил его наставник, в скором времени он изучил все Священное Писание и превзошел в учении всех сверстников.

Когда Петру исполнилось двенадцать лет, он ушел в близкий к месту его рождения монастырь, и принят был в число братии; там нес он монастырские послушания, носил в поварню воду и дрова, мыл братии власяницы, и ни зимою, ни летом нисколько не оставлял своего правила. Прежде всех приходил он к церковной службе и уходил последним, в церкви стоял с благоговением, прилежно слушая Божественное Писание, никогда не прислоняясь к стене, — наставнику своему всегда оказывал послушание и с готовностию служил братии в смирении и молчании. По воле настоятеля, он был произведен в диакона, а потом и в пресвитера. Научился он писать и святые иконы[1] и, когда писал, всем умом и мыслию удалялся от земного и, исполняясь богомыслия, ревностно стремился к добродетельному житию.

После довольно продолжительного пребывания в том монастыре, по благословению настоятеля, святой Петр удалился в одно пустынное место и устроил себе обитель при реке Рате[2]. Здесь построил он церковь во имя Спаса нашего Иисуса Христа, и в короткое время собралось к нему сюда много братии.

Святой был добр и незлобив и считал себя самым последним из всех; поучал всех с кротостию, усердно подавал милостыню, никогда не отпуская без помощи просящего нищего и странника, так что слух о его добродетельном житии дошел до князя. Поэтому всеми он был почитаем, и все принимали от него слово наставления.

---

[1] По свидетельству древнего жития, святой Петр обучился искусству иконописания в такой степени, что стал «иконник чуден». Памятниками этого доселе служат находящиеся в Московском большом Успенском соборе две иконы Богоматери, им написанные: Успения Божией Матери и другая, по его имени, нарочито известная под именем Петровской.

[2] Это место было расположено на север от столицы Галичско-Волынского княжества — Львова; река Рата протекает в нынешней австрийской восточной Галиции и впадает с левой стороны в верхний Западный Буг. — Монастырь святого Петра, построенный во имя Спаса (Преображенский), в настоящее время не существует, на его месте стоит теперь село с приходской церковью также во имя Спаса.

В то время прибыл на Русь из Константинополя митрополит Максим[1], поучая народ богопреданному учению. Явившись к нему с своею братиею для получения благословения, святой Петр поднес ему икону Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, которую сам написал. Святитель же Божий благословил его и братию и, приняв святую икону, берег ее у себя в великой чести.

Спустя немного времени — когда преставился святитель Максим, — некто Геронтий[2] дерзнул восхитить святительство, взять святительскую одежду, ризницу и пастырский жезл, а также и ту икону, которую написал Петр и поднес святителю Максиму, и отправился в Константинополь, желая сделаться русским митрополитом.

Тогда князь страны Волынской[3] стал предлагать блаженному Петру, — то сам прося, то склоняя через бояр — идти в Константинополь для посвящения на престол Киевской митрополии, ибо Геронтию никто не сочувствовал за его дерзость, с каковою он без совета и избрания поспешил восхитить святительский сан: *не дверью входил, но перелазил инде* (Ин. 10, 1).

Блаженный же Петр долго не хотел и отказывался, но, наконец, будучи упрошен князем, боярами и собором святителей, отправился, а князь послал о нем послание к святейшему патриарху и ко всему его собору, высказывая желание видеть Петра на святительском престоле.

Когда Геронтий отправился по морю в Константинополь, плавание для него оказалось неблагоприятным: поднялась сильная буря, противные ветры и волны, так что он на пути замедлил немало времени. Для блаженного же Петра был на том же море тихий и попутный ветер и он, точно во сне, переплыл море.

---

[1] Святой Максим, грек по происхождению, управлял Русской Церковью с 1283-го по 1304 год.

[2] Один из игуменов Владимирских.

[3] Здесь разумеется Галицко-Волынский князь Юрий Львович, который негодовал на самоволие Геронтия тем более, что на Волыни недовольные удалением кафедры из Киева в дальний Владимир желали видеть митрополита где-либо на юге; особенно же князь Юрий хотел, чтобы митрополия была в Галиче. Князь Юрий был могущественный, владея всею Галициею, он именовался даже царем Руси.

В это же время Геронтию явилась в видении вышеупомянутая икона Пресвятой Владычицы, Которая сказала ему:

— Напрасно ты, старец, трудишься, ибо не достанется тебе святительский сан, которого ты ищешь. Но тот, который написал меня — Ратский игумен Петр — служитель Сына Моего и Бога и Мой, будет возведен на престол святительский и право упасет людей своих, за которых Сын Мой — Христос Господь — пролил кровь Свою, от Меня воспринятую, и богоугодно пожив, в старости доброй с радостию отойдет к Владыке всех.

Геронтий в страхе проснулся и поведал всем о видении.

Наконец, святой Петр достиг Константинополя; патриархом Константинопольским был тогда Афанасий — муж дивный, украшавший своими добродетелями престол вселенский[1]. Когда Петр пришел к патриарху, храм наполнился благоуханием; просвещенный свыше патриарх уразумел, что такое благоухание было ради пришествия Петра, и с радостию благословил его. Затем, узнав о причине его прибытия, патриарх созвал собор святителей и они учинили обычное рассмотрение дела. Петр был признан достойным святительского сана, будучи предуказан к этому прежде своего рождения.

И так патриарх, во время совершения Божественной службы, посвятил этого дивного Петра на святительское служение[2], при этом лицо угодника Божия, во время посвящения, так просияло, что все дивились и говорили:

— Воистину человек этот пришел к нам по повелению Божию, — и все исполнились духовной радости.

Спустя несколько дней прибыл в Константинополь и Геронтий и (хотя и против воли) рассказал обо всем, что с ним случилось. Патриарх же, взяв у него святительские одежды, честную икону, пастырский жезл и церковную утварь — все отдал в руки истинному пастырю — Петру.

Затем святейший патриарх, достаточно наставив в течение многих дней святого и блаженного Петра и благословив его, с честью отпустил из Константинополя.

---

[1] *Афанасий II* — патриарх Константинопольский с 1303-го по 1311 год.

[2] Святой Петр был поставлен в митрополиты всея Руси в 1308 году, на третий год после кончины митрополита Максима.

Святой Петр, прибыв в свою митрополию, преподал всем мир и благословение и прилежно поучал врученное ему Богом стадо, переходя с одного места на другое[1].

Но лукавый враг не вытерпел этого и измыслил против святого Петра козни, внушив некоторым не признавать его святителем. Впрочем, из таковых потом многие раскаялись, приняли святителя и, покорившись ему, получили от него прощение.

Спустя некоторое время лукавый враг возбудил зависть к святому Петру в Андрее, епископе Тверском[2], который, не обуздывая языка своего, стал распространять о праведнике ложные изветы и, написав много ложных и хульных слов, послал к святейшему патриарху Афанасию. Удивился патриарх и счел это невероятным, однако послал одного из церковных клириков в землю Русскую, и тогда созван был собор в городе Переяславле[3]. На соборе том присутствовали епископ Ростовский Симеон, преподобный Прохор, игумен Печерский, князья, бояре, священники, иноки и великое множество других. Когда призван был на собор Тверской епископ Андрей, стали расследовать дело, и когда выступили против Петра лжесвидетели, произошло великое смятение. Виновник зла не утаился, но перед всеми был обнаружен. Злоба и клевета Андрея были обличены, и лживый клеветник перед всеми был посрамлен и уничижен. Святой же Петр не сделал ему никакого зла, но простил и, довольно всех поучив, отпустил с миром собор. Сам же прилагал к трудам труды, умножая во сто данный ему талант и являясь отцом для сирот.

В то время появился некоторый еретик-сеит[4], который проповедовал противное Церкви Христовой и православной вере учение;

---

[1] На другой год после своего посвящения святой митрополит Петр переехал во Владимир, где предшественником его поставлена была кафедра митрополита всея Руси. Вслед за тем он отправился осматривать епархии: так он был в Новгороде, в Брянске и других городах, и областях.

[2] *Тверской епископ Андрей* происходил из дома князей Литовских. Он возымел намерения занять кафедру митрополита. Знатность рода его и неудовольствия некоторых на избранного югом митрополита поддерживали в нем мечту о высшем сане. Впоследствии он, по удалении с кафедры, скончался в построенном им ранее Богородицком монастыре, на реке Шоше (правом притоке Волги), в 1323 году.

[3] Собор созван был в 1310 году или в начале 1311 года. — *Переяславль-Залесский* — ныне уездный город Владимирской губернии.

[4] *Сеитами*, по летописям, постоянно называются учители магометанства, которое в то время так ревностно распространял хан Узбек между татарами, но на-

святитель Божий предал его отлучению, — и злонравный еретик погиб вскоре злою смертию.

После этого угодник Божий Петр прибыл в славный город Москву, которая в то время находилась во владении благоверного великого князя Иоанна Данииловича[1], украшенного всякими добродетелями, милостивого к нищим и духовенству, любившего храмы и прилежавшего к священным книгам. Святитель очень полюбил его и начал жить в том городе больше, чем в иных местах[2]. Советовал он благоверному князю построить в Москве каменную церковь в честь Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, так убеждая его:

— Если ты послушаешь меня, сын мой, и создашь храм Пресвятой Богородице, то и сам прославишься больше князей других и город твой будет прославлен: святители поживут в нем и взыдут руки его на врагов его и Бог в нем прославится, и кости мои здесь положены будут.

Послушав совета святителя, князь начал заботиться о построении церкви[3]. Когда церковь была заложена, ежедневно происхо-

---

звание еретика и отлучение от Церкви, произнесенное святым Петром на означенного сеита, показывает, что это был христианин, сильно извращавший христианское учение, название же сеита дано ему за увлечение некоторыми воззрениями магометанства. По некоторым известиям, сеит был новгородским протоиереем, увлекшимся магометанской страстью к чувственной жизни и проповедовавшим против монашеского девства с такою силою, что многие из монахов оставили монашество и вступили в супружество. Обличение сеита было во время обзора святителем епархий.

[1] Здесь разумеется великий князь Московский *Иоанн I Даниилович Калита*, внук святого Александра Невского, сын святого Даниила, основателя Московского княжества; княжил с 1328-го по 1340 год; назван был Калитой потому, что, отличаясь любовью к нищим, постоянно носил с собой для раздачи им калиту (мешок) с деньгами.

[2] Святитель Петр, просвещенный благодатью, провидел великую будущность Москвы, хотя тогда это был город малолюдный, он видел, что Москва соберет под свою сень раздробленные и истерзанные области России, и решился навсегда остаться в Москве и быть в ней похороненным, вместо Владимира. Таким образом митрополия была перенесена из Владимира в Москву, что послужило к возвышению Москвы и к прочному основанию мира (при тогдашних междоусобиях удельных князей) и величия России.

[3] То есть Успенского собора, впоследствии на месте его построен в княжение великого князя Иоанна III Васильевича существующий в настоящем виде собор, освященный в 1470 году.

дили работы по ее постройке, и сам святитель наблюдал, чтобы дело непрерывно подвигалось вперед.

Незадолго до блаженной кончины святителя Петра князь Иоанн Даниилович видел следующий сон. Ему представилась высокая гора, вершина которой была покрыта снегом, и вот внезапно снег растаял и исчез. Когда князь пересказал святителю поразивший его сон, святой сказал:

— Высокая гора — ты, князь, а снег — я, смиренный, который скоро должен отойти из этой жизни в жизнь вечную.

Провидев, по Божественному откровению, свою близкую кончину, святитель Божий сам своими руками устроил себе гробницу близ жертвенника в созидаемом храме Пресвятой Богородицы. И когда гробница была готова, снова было ему от Бога откровение о кончине. Исполнившись радости, святитель пошел в церковь и совершил Божественную службу, помолившись за всех православных царей и князей, за своего духовного сына — благочестивого князя Иоанна — и за всех благочестивых христиан земли Русской; затем он сотворил поминовение о почивших и причастился святых Тайн. Возвратившись из церкви, он призвал весь притч и, преподав по обычаю наставление, отпустил их. В то время он раздавал много милостыни нищим и убогим, церквам, монастырям и духовенству. Между тем он быстро ослабевал телом. Когда настал день кончины его, святой призвал к себе тысяцкого Вельяминова, управлявшего тогда городом (так как самого князя в то время в городе не было), и сказал ему:

— Вот, чадо, я отхожу от жития этого, сыну же моему возлюбленному, князю Иоанну, и его потомству навек оставляю милость и мир, и благословение Божие.

Затем, сделав и другие распоряжения, святой Петр вручил ему мешок с деньгами для того, чтобы докончить постройку церкви. Преподав всем мир, он начал петь вечерню, и когда молитва была еще на устах его и сам он воздел руки к Богу, душа его отошла ко Господу[1].

Князь, услышав о преставлении святителя, в печали поспешил со всеми боярами в город, весь народ плакал и скорбел о его преставлении. Положив на одре честное тело его, понесли его, по обычаю, к церкви[2].

---

[1] Святой митрополит Петр скончался 21 декабря 1326 года.

[2] Святые мощи митрополита Петра были положены в начатой, но не оконченной им церкви Успения, которая была окончена и освящена уже в следующем

В то время некоторый человек, одержимый неверием, подошел среди православного народа к телу святителя и в мыслях своих стал творить ему поношение, думая:

— Кто этот мертвец, которого провожают сам князь и столько народу и почему воздается ему такая почесть?

Когда он подумал это, тотчас увидал святителя сидящим на одре и благословляющим на обе стороны народ во все время, пока не был принесен к гробнице. Тогда уверовал человек тот в святость угодника Божия и рассказал народу о виденном. Принеся святые мощи Петра во храм, положили их в приготовленной самим им каменной гробнице, где и доныне они почивают, источая различные чудеса с верою притекающим к ним. Некоторый юноша от рождения имел расслабленные и совершенно неподвижные руки, так что не мог их поднести к устам. Он пришел к гробнице этого святителя, молясь со слезами, и тотчас руки его укрепились и стали здоровы. Также одного скорченного святой исцелил и даровал слух глухому. А одному, бывшему много лет слепым, когда он пришел и помолился, внезапно отверз очи. Много и иных благодеяний и доныне чудодейственно источается с верою приходящим к честной раке святителя Петра — в честь и славу в Троице славимому Богу вовеки. Аминь.

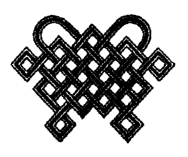
1327 году. При нашествии Тохтамыша татары разорили гробницу святого митрополита Петра, думая найти в ней сокровища, тогда же Успенский собор подвергся опустошительному пожару. В 1471 году, когда сломали старый Успенский собор и стали строить новый, созванный освященный собор решил извлечь из земли мощи святого. Гроб его был найден истребленным от пожара, но святые мощи угодника Божия сохранились целыми и невредимыми. Совершено было перенесение мощей его, в память чего установлено было празднование этого перенесения 24 августа. Мощи первосвятителя Московского почивали открыто, но после нашествия поляков, похитивших драгоценную серебряную раку, положены под спудом и оставались в этом положении до 1812 года. В этом году Наполеон раскрыл гробницу святителя, вероятно, с таким же умыслом, как и Тохтамыш. По удалении французов из Москвы Московский архиепископ Августин торжественно открыл нетленные мощи митрополита Петра, причем они были обносимы вокруг Успенского собора при освящении его 30 августа 1813 года. От святителя Петра осталось два поучения, имеющие форму окружных посланий.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ФЕМИСТОКЛЕЯ

Святой Фемистоклей жил в царствование Декия и был пастухом овец в городе Мирах Ликийских[1]. В то время местный областной правитель Асклипий, по повелению царя, воздвиг гонения на христиан и между прочим искал святого Диоскорида[2], который, скрываясь, бежал в горы. Посланные на поиски за Диоскоридом встретили Фемистоклея, пасшего овец, и спросили его о Диоскориде, но он не открыл им скрывавшегося, сказав:

— Здесь нет никого!

А самого себя предал, назвавшись христианином и перед ними исповедав Христа. Фемистоклей приведен был к Асклипию правителю области. Князь велел бить его, — и был бит святой по чреву до того, что оно прорвалось, потом повесили его на дереве. После того, сняв с дерева, мученика влачили по железу с острыми спицами, так что все тело его было изранено и изрезано. Так предал он дух свой Богу[3].



---

[1] *Ликия* — южная приморская область Малой Азии — входила в состав Памфилийской префектуры. Император Феодосий отделил ее от Памфилии, причем столицей ее сделались Миры. После 395 года Ликия стала областью Византийской империи, с VI века находится во власти мусульман.

[2] Память святого Диоскорида 21 декабря.

[3] Святой Фемистоклей скончался в 251 году.

День двадцать второй

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
АНАСТАСИИ УЗОРЕШИТЕЛЬНИЦЫ, ХРИСОГОНА, учителя ее, ФЕОДОТИИ
и других, с ней пострадавших

Святая Анастасия родилась в знаменитом городе Риме. Она отличалась своим благородством, душевною и телесною красотою, благим нравом и кротостию. Отец ее, по имени Претекстат, был сенатором и исповедовал эллинскую языческую веру. А мать ее, именем Фавста, веровала во Христа. В девическом возрасте Анастасия была поручена своею матерью для обучения одному достойному мужу, известному своею ученостию, а еще более — своим благочестием. Его звали Хрисогоном. Он был христианином, хорошо знал Божественное учение Христа и впоследствии стал мучеником. От этого святого мужа Анастасия научилась не одной только грамоте; она научилась также познавать Того, Кто есть начало всему видимому и невидимому, цель всех сердечных благочестивых желаний, Единый истинный Бог, Создатель и Совершитель всего. И стала она прилежно читать христианские книги, поучаясь в законе Господнем день и ночь и утверждая свое сердце в любви к Богу.

Когда Анастасия закончила свое учение у Хрисогона, ее единогласно стали прославлять, как мудрую и прекрасную деву.

Между тем, отошла от этой жизни блаженная мать Анастасии, Фавста. Отец же святой против ее желания выдал ее за некоего Пом-

плия, происходившего также из сенаторского рода и исповедавшего эллинскую веру, и была Анастасия отведена в дом к жениху верная к неверному, агница Христова к волку. Но Бог, к Которому возносились ее рыдания, перед Которым она молилась день и ночь, сохранил ее. Святая не лишилась своего девства, и нечистый муж не осквернил ее чистого тела. Анастасия притворилась, что у нее постоянная и неисцелимая женская болезнь, и говорила, что не может быть женою своему мужу. Иногда, муж насильно, борьбой, хотел добиться от нее удовлетворения своей похоти, но Анастасия, с невидимою помощию Ангела хранителя, вырывалась из его рук, — и так осталась она непорочной девой.

Часто, сняв свои роскошные одежды и драгоценные украшения и надев тайно нищенское рубище, Анастасия выходила из дому, неведомо для всех, кроме одной рабыни, которая неотлучно сопровождала ее. С этой рабыней Анастасия обходила все темницы, золотом покупая себе у стражи вход в них, посещала страждущих ради Христа, служила им с благоговением и усердием, сколько могла. Она омывала руки и ноги заключенных, очищала их спутанные волосы, полные сора, отирала кровь их, обвязывала их раны чистым полотном, подавала каждому пищу и питье. Потом, достаточно послужив им, она возвращалась домой.

В этих занятиях часто приходилось ей выходить из дому, и не скрылось это от ее мужа. Он узнал, что Анастасия посещает узников, и еще больше разгневался на нее, тем более что и прежде он был раздражен на святую за ее отказ вести с ним супружескую жизнь, и много ей за то досаждал. А о делах Анастасии он узнал от сопровождавшей ее рабыни, эта окаянная женщина рассказала ему все.

Жестоко избив Анастасию, беззаконный муж ее заключил святую в отдельной комнате, приставив к ней стражу, так что она не могла

выйти из комнаты. И скорбела духом святая об узниках за Христа, что не посещает их, не служит им, не снабжает их всем нужным. Особенно же болело сердце Анастасии по учителю ее — святом Хрисогоне, что не видит она его. Уже два года святой Хрисогон, претерпев много различных мук, пребывал в темнице. Находясь на свободе, Анастасия часто приходила к нему. Теперь же, пребывая в заключении и под бдительным надзором, она не могла навещать своего учителя.

Особенно стал притеснять Анастасию ее муж, когда умер отец этой благочестивой жены, Претекстат, и все значительное имение Претекстата перешло по наследству к Анастасии — как к единственной дочери, ибо у него не было больше ни детей, ни родственников. И тогда Помплий, воспользовавшись смертию своего тестя, из ненависти к Анастасии за ее несогласие к его плотским желаниям, замыслил уморить ее, чтобы наследовать все ее имение и жить с другой женою на чужие деньги. Обращаясь со святою, как с пленницею и рабою, он ежедневно истязал и мучил ее. Это известно из письма ее, тайно написанного ею Хрисогону и посланного через одну старицу. Вот это письмо: «Святому исповеднику Христову Хрисогону от Анастасии. Мой отец был идолопоклонник; но мать моя Фавста жила всегда чистою и благочестивою христианскою жизнью. И она сделала меня христианкою с самых младенческих пелен. После ее кончины я приняла на себя тяжкое иго супружества с язычником. Но, по милосердию ко мне Бога, я успешно уклонялась от ложа его, притворяясь больною, и теперь во дни и в ночи объемлю стопы Господа моего Иисуса Христа. Муж же мой с недостойными и скверными идолопоклонниками растрачивает мое наследие, похваляясь богатством моим, как бы своим, а меня — как волшебницу и противницу его языческой веры — он томит в столь тяжком заключении, что мне ничего не остается, как только, предав дух Господу, упасть мертвою. Конечно, я должна радоваться, что, пострадав за Господа, умру, исповедуя Его, но я глубоко скорблю о том, что вижу, как все мои богатства, обещанные Богу, расточаются руками людей нечестивых и богопротивных. Поэтому прошу тебя, человек Божий, помолись прилежно Владыке Христу, чтобы Он мужа моего или оставил живым, если ведает, что тот когда-нибудь уверует, или, если он будет все продолжать пребывать в неверии, то да повелит

ему выйти из среды живых и дать место тем, кто чтит Бога. Лучше ему умереть, чем не исповедовать Сына Божия и препятствовать тем, кто исповедует Его. Призываю Христа во свидетели, что если я буду свободна, то проведу жизнь мою в служении святым и буду прилежно о них заботиться, как я уже и начала делать... Спасайся, муж Божий, и помилуй меня».

На это письмо к святой Анастасии пришел такой ответ: «Хрисогон — Анастасии. К тебе, смущаемой бурею и волнениями мира сего, скоро придет Христос, ходящий по водам, и единым словом Своим утишит вздымающиеся на тебя ветры наветов вражьих. Находясь посреди возмущенного моря, терпеливо ожидай Христа, Который придет к тебе, и неустанно взывай словами пророка: *Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего* (Пс 41, 6). Ожидай от Бога двойного воздаяния. Ибо тебе будет возвращено временное наследство и даровано будет небесное: Господь затем по временам попускает злое и замедляет Свои благодеяния, чтобы мы не воздремали в безопасности. Не смущайся, когда видишь, что беды постигают людей, живущих в благочестии. Господь не отвергает тебя, но испытывает. Знай и то, что не прочна защита, подаваемая рукою человеческой, по слову Писания: *проклят человек, который надеется на человека... Благословен человек, который надеется на Господа* (Иер. 17, 5, 7). Крепко и бодро охраняй себя от всех грехов и ищи утешения от Единого Бога, соблюдая святые заповеди Его. Скоро вернется к тебе мирное время. Как после ночной тьмы воссияет светозарный день и как после жестокой зимы наступает теплая весна, так придут к тебе золотые и ясные дни, и тогда ты подашь всем страждущим ради имени Христова временное утешение, а сама несомненно сподобишься вечного блаженства... Спасайся о Господе и молись обо мне».

Вскоре Анастасии суждено было испытать от безжалостного нечестивого мужа своего новые смертельные притеснения, и она опять написала святому Хрисогону письмо. Вот что было написано в нем: «Исповеднику Христову Хрисогону от Анастасии. Помяни меня и помолись за меня, чтобы Господь, по любви к Которому я терплю муки, о которых расскажет тебе посланная к тебе старица, принял мою душу».

Святой отвечал ей: «Хрисогон — Анастасии. Свету всегда предшествует тьма, и после болезней часто возвращается здоровье, и после смерти обещана нам жизнь. Один и тот же конец для всякого, как для счастливца, так и для страдальца, чтобы скорбящими не овладевало отчаяние, и чтобы в радости люди не предавались тщетному самомнению. Одно море, на котором пускаются в путь челны жизней наших, и с единым Кормчим души наши совершают свое плавание. Корабли одних более крепки и без вреда проходят через волнения, а у других — утлые челны, которые и в затишье близки к потоплению. Близко время гибели тех, которые не думают прийти к спасительному пристанищу. А ты, непорочная служительница Христова, прилепись всею мыслию ко Кресту Христову и приготовь себя к делу Господню, и когда ты послужишь Христу по собственному твоему желанию, то от мучений с торжеством перейдешь в блаженную жизнь ко Христу».

Этим письмом святой Хрисогон пророчествовал о скорой гибели жестокого мужа ее Помплия. И действительно, последний вскоре был отправлен в Персию послом к Персидскому царю. Отправляясь в путь, он должен был плыть по морю, корабль, на котором он плыл, во время внезапной бури пошел ко дну и утонул. Так погиб этот окаянный человек. Святая же Анастасия, сохранив свое девство, как птица избавилась от сети ловца. Вместе со свободой своей она получила и все наследство, оставшееся ей от родителей. И начала она, уже без помехи от кого бы то ни было, обходить заключенных в темницах. Она служила святым страстотерпцам Христовым не одним только имением своим. Наряду с этим она утешала их, своими благоразумными речами возбуждала их к мужественному терпению и к безбоязненной смерти за Христа.

В то время царь Диоклетиан находился в Аквилее[1] и направлял все свои заботы на то, чтобы ни одному христианину не удалось

[1] *Аквилея* — город в Верхней Италии, образовавшийся из римской колонии. Он находился при речке Натисоне, на небольшом расстоянии от Адриатического моря. Вскоре же после возникновения своего Аквилея сделалась большим торговым городом, через который проходили военные дороги на север и в восточные страны, вокруг Адриатического моря. Во времена империи она составляла преддверие Италии, и потому здесь часто собирались войска. Впоследствии город был совершенно разрушен диким варварским народом — гуннами, и часть жителей его бежала в лагуны реки По, где приняла участие в основании Венеции.

Мч. Хрисогон

тайно уйти из его рук. Ему донесли из Рима, что темницы наполнены великим множеством христиан, что они, несмотря на разнообразные мучения, не отрицаются от своего Христа, и что во всем этом их подкрепляет христианский учитель Хрисогон, которому они покорны, во всем следуя его наставлениям. Царь приказал предать всех христиан мукам и смерти, а Хрисогона послать к нему. Он размышлял, что если одолеет его упорство, то легко осилит и прочих христиан.

Когда Хрисогона вели к царю на испытание, издалека следовала за своим учителем и Анастасия.

Увидев святого мужа, царь начал сперва беседовать с ним, с кротостию увещевая его отречься от Христа.

— Прими, Хрисогон, мой добрый совет, присоединись к нашей вере, сделай угодное богам и выбери себе приятное вместо скорбного, полезное вместо неполезного. Знай, что не только ты избавишься от мук и получишь столь желанную свободу, но сверх того сделаешься начальником великого города Рима.

Святой отвечал на это:

— Я познал Единого Бога, и Он для меня дороже всякого света и вожделеннее всякой свободы. Он мне дороже всей жизни, полезнее всех сокровищ. В Него одного верую я сердцем, исповедую Его устами, чту Его душою и перед очами всех преклоняю Ему мои колена. Чтить же многих твоих богов, в которых живут бесы, я не буду; я мыслю о них так же, как и Сократ[1], который говорит о них: «Нужно

[1] *Сократ* — древний греческий мудрец-философ, живший в Афинах в V и начале IV века до Рождества Христова. Отличался возвышенным мировоззрением, значительно опередившим современников. Между прочим, он не веровал во многих языческих богов и был монотеистом, то есть утверждал, что существует только Единый Бог. Ввиду этого Сократ был обвинен в безбожии и за это, а также за то, что он будто бы развращал юношей (что было несправедливо), осужден был на смерть через отравление. В мае 399 года до Рождества Христова Сократ выпил

всячески удаляться от них, потому что они соблазняют людей и суть известные душегубцы». Дары же и честь, которые ты мне предлагаешь, я ценю не больше, чем сон и тень.

Не мог больше слышать царь таких свободных речей Хрисогона и повелел воинам взять его и, заведя в пустынное место, отрубить ему голову. Тело святого было брошено на берегу моря[1], недалеко от жилищ одного пресвитера Зоила, мужа святой жизни, и трех девиц — сестер телом и духом, Агапии, Хионии и Ирины[2]. Этот пресвитер по откровению от Бога узнал о теле святого Хрисогона, взял его вместе с усеченной головой и, вложив в ковчег, скрыл у себя дома[3]. По истечении же тридцати дней явился ему в видении святой Хрисогон и сказал:

— Знай, что в течение предстоящих девяти дней три живущие близ тебя девицы Христовы будут взяты на мучения. Ты же скажи рабе Господней Анастасии, чтобы она заботилась о них, возбуждая их к подвигу мужества, пока они не увенчаются мученическими венцами. Будь и ты в благом уповании, что восприемешь сладкие плоды твоих трудов. Вскоре и ты освободишься от здешней жизни и будешь отведен к Христу с пострадавшими за Него.

Такое же откровение было и святой Анастасии. И вот, вдохновляемая Духом Божиим, она пришла к дому пресвитера, которого никогда не знала, и спрашивала у него, где те девицы, о мученической кончине которых ему было открыто в видении.

Потом, узнав место их обитания, она пошла к ним и провела с ними ночь, беседуя с ними о любви к Богу и о спасении души. И своею речью увещевала их мужественно, до крови, стоять за Христа, Жениха их. У пресвитера же Зоила она увидела мощи святого мученика Христова Хрисогона, своего дорогого учителя, и много

кубок цикуты и скончался, окруженный учениками и почитателями. Из учеников этого философа наиболее известен Платон, который, подобно своему учителю, был тоже монотеистом.

[1] Имеется в виду Адриатическое море, которое представляет собой залив Средиземного и находится между Италией и Балканским полуостровом.

[2] Память святых трех дев сестер: Агапии, Ирины и Хионии — совершается 16 апреля.

[3] Впоследствии честная глава святого Хрисогона была перенесена в Рим, где уже при папе Симмахе (498–514 гг.) существовала церковь во имя мученика и там хранилась глава его. Тело же святого находится в Венеции.

плакала над ними теплыми слезами, поручая себя его молитвам. Затем она возвратилась в Аквилею.

Вскоре после того предсказание святого Хрисогона пресвитеру Зоилу исполнилось. Этот пресвитер, по истечении девяти дней, перешел к Господу, а святые девы Агапия, Хиония и Ирина были взяты и приведены на допрос к царю Диоклетиану. Долго увещевал он их принести жертву идолам, прибегая то к ласковым словам, то к угрозам, но не успел в том и, наконец, заключил их в темницу.

Святая же Анастасия, посещая по обычаю своему заключенных, пришла к тем святым девам и утешала их, возбуждая в них упование на неотступную помощь Христову и надежду на славную победу над врагами Господа.

Между тем царю надо было, по государственным делам, отправиться в Македонию[1], поэтому святые девы были поручены мучителю Дулькицию, который их пытал и мучил, а затем передал их на истязание одному комиту, Сисинию[2]. Последний бросил святых Агапию и Хионию в огонь. Здесь они и предали дух свой Богу, оставив тела свои в огне целыми и неповрежденными. А святую Ирину один из воинов Сисиния ранил стрелою из тугого лука, после чего святая скончалась. Чистые тела их взяла святая Анастасия, обвила белыми плащаницами с ароматами и благоговейно положила на избранном месте, ублажая их страдания.

Потом Анастасия стала переходить из города в город и из страны в страну, святая везде служила христианам, содержимым в узах, доставляла на свои средства узникам пищу и питье, одежду и все необходимое и оказывала больным врачебную помощь. Она была отрадою для всех тяжко испытуемых и изнемогающих телом людей и золотом покупала им облегчение от долговременных тяжких уз. Вот поэтому Анастасия и была названа *Узорешительницею*, так как своим тайным попечением она многим разрешила узы. Одним она принесла облегчение, других, врачуя собственными руками, она вы-

---

[1] *Македонией* называлась страна, находившаяся на севере от Эллады (Греция), между морями Адриатическим и Архипелагом. Теперь здесь находятся две провинции, входящие в состав Европейской Турции: одна — на востоке, носящая древнее название Македонии, другая — на западе, называемая Албанией.

[2] *Комитами* назывались спутники (свита) высшей чиновной особы в провинциях, позднее и спутники императоров.

лечила от неисцелимых ран, иных, бывших полумертвыми, оживила своим уходом, дав им здоровье и силы на ожидавшие их новые мучения. Желая помогать больным и несчастным, она выучилась врачебному искусству и сама лечила раненых. Не гнушалась она на руках своих носить тех, которые не могли владеть ни руками своими, ни ногами, перебитыми или изъязвленными за Христа, — и сама влагала им в уста пищу, поила их, обчищала их гной, обвязывала струпья. И в том только было ее веселье и радость, чтобы послужить Самому Христу в лице тех, кто страждет за исповедание сладчайшего имени Христова. Об этом заботилась она всеми силами, к этому стремилась всеми способами, и, трудясь в этом деле всею душой, она побеждала природную немощь свою, отличаясь великодушием и мужественностию, любовию к Богу и ближним и заботами о святых страдальцах, которые всегда близки к Богу и о которых она говорила вместе с Давидом: *мне же зело че́стни бы́ша дру́зи Твои, Боже* (слав. Пс. 138, 17).

Будучи в Македонии и занимаясь там обычным своим делом, святая Узорешительница Анастасия познакомилась с одною очень молодою вдовою Феодотиею, которая была родом из страны Вифинской, из города Никеи[1]. По смерти мужа она осталась с тремя младенцами-сыновьями и жила в Македонии, проводя дни своего вдовства в усердном исповедании христианства и в благочестивых подвигах. Блаженная Анастасия часто жила у той вдовы, любила ее, как верную рабу Христову, и утешалась сладкою беседой с нею о сладчайшей любви к Богу, из-за которой столько святых положили свои души. С течением времени о Феодотии узнали, что она христианка, и честная вдова была схвачена и приведена к царю на допрос.

Когда она стояла на этом нечестивом судилище, один из окружавших царя, именем Левкадий, прельстился ее красотой, так как она была красива и благолепна. Он просил царя не убивать Феодотию, но дать ее ему, чтобы он мог на ней жениться. Царь согласился, надеясь, что муж скорее обратит ее в идолопоклонство.

Левкадий взял Феодотию с детьми к себе в дом, и чего только ни делал и ни говорил, упрашивая ее, увещевая, лаская и грозя, чтобы она отверглась Христа и стала его женою. Феодотия отвечала ему:

---

[1] *Никея* — город, находившийся недалеко от Вифинии.

— Если ты хлопочешь, чтобы я была твоей женой из-за того, что желаешь моих богатств и имений, — то я добровольно отдаю тебе все, оставь же меня работать Христу, чтобы мне вместо всех богатств наследовать одного Христа. Если же ты желаешь меня из-за влечения к красоте моей и думаешь отвратить меня от моего Христа, то знай, что ты стремишься к невозможному. Ибо легче ты обратишь красоту мою в безобразие и жизнь в смерть, чем отторгнешь от Христа мой ум и вынудишь у меня согласие на брак с тобою.

В то время Левкадию нужно было сопровождать царя, который куда-то отправлялся. И он уехал, оставив Феодотию в своем доме, и долго не возвращался. Феодотия же, несколько облегченная, служила, вместе со святою Анастасиею, узникам, исцеляла больных, погребала мертвых, укрепляла живых к большим подвигам. И вот Диоклетиану снова доносят, что темницы по городам наполнены христианами и что негде помещать других узников. Тогда нечестивый мучитель велел умертвить всех заключенных различными казнями, чтобы темницы, освободившись, могли вместить других христиан. Была назначена для того одна ночь, во время которой великое множество мучеников было призвано к немерцающему Дню — Христу Господу. Одни скончались от меча, других потопила вода, некоторых сожгли огненные печи, а других живыми приняли недра земли: глубокие рвы и ямы были наполнены людьми и засыпаны землею и камнями.

Наутро христолюбивая и блаженная Анастасия, по обычаю своему, пришла в одну из темниц и, не найдя никого из честных страдальцев, наполнила воздух жалостными криками и рыданиями. Когда случившиеся там воины спросили ее, зачем она так рыдает, она отвечала:

— Ищу рабов Бога моего, которые вчера были в этой темнице, а теперь — не знаю, где находятся.

Воины, видя, что она христианка, тотчас взяли ее и отвели к начальнику Иллирийской области Флору[1]. Когда святую привели к игемону, тот спросил ее:

---

[1] *Иллирия* занимала восточное побережье Адриатического моря, ограничиваемое на северо-западе рекой Савой, а на юго-востоке — Дриной. В настоящее время здесь находятся Далмация и Босния с Герцеговиной, а также незначительная часть Албании. Иллирия находилась рядом с Македонией, так что святая Анастасия, благотворя заключенным в темницах по Македонии, могла зайти и в Иллирийские пределы, почему она и была отведена к Иллирийскому игемону.

— Ты христианка?

Святая Анастасия отвечала:

— Воистину я христианка. Что тебе кажется мерзостным, то мне дорого. А имя христианки, которое у вас считается позором, для меня честно и славно.

Тогда игемон стал расспрашивать Анастасию о ее происхождении и, узнав, что она из известного римского рода, с удивлением спросил:

— Что побудило тебя к тому, что ты, оставив Рим, славное отечество твое, пришла сюда?

Святая отвечала ему:

— Не что иное, как только глас Господа моего, призывавшего меня к Себе. Внимая этому гласу, я оставила отечество и друзей, взяла Крест Христа моего и бодро и радостно пошла вслед за Христом.

Игемон сказал на это:

— Где тот Христос, Которого ты исповедуешь?

Анастасия отвечала:

— Нет места, в котором бы не было Христа. Он — на небе, в море и на земле, Он пребывает во всех призывающих и боящихся Его, просвещая их разум и всегда находясь с ними.

Игемон спросил:

— Где же находятся люди, боящиеся твоего Христа, о которых ты говоришь? Скажи нам, чтобы мы узнали их.

Святая отвечала:

— Доселе они были с нами на земле, живя в теле, теперь же, оставив дольний мир, они на небе и с высоты смотрят на нас. Это блаженство доставила им смерть, принятая за Христа. И я желаю быть в их числе и пойти тем же путем, что и они.

Игемон ничего не мог сделать со знатною римлянкою, прежде чем о ней не узнает царь, и потому он, описав все касающееся Анастасии, отправил это в особом донесении Диоклетиану. Диоклетиан знавал родителей Анастасии и мужа ее, равно как и ее самое. Поняв, что она тратит на бедных христиан свое имение, полученное ею от родителей, он приказал привести святую к себе и, увидев ее, стал расспрашивать о ее состоянии, так как больше любил богатство, чем своих богов.

— Где твои богатства, оставшиеся тебе после отца?

Святая мужественно отвечала:

— Если б у меня оставалось еще что-нибудь из сокровищ и имений, которыми бы я могла еще послужить рабам моего Христа, то я не предала бы себя в руки людей, ищущих христианской крови. Но теперь я уже истощила все имущество свое, которое принесла в жертву Христу, и у меня осталось одно лишь мое тело, поэтому я стремлюсь и его принести в дар моему Богу.

Видя, как святая свободно говорит, и провидя ее мужество, царь потерял надежду одолеть ее словами и получить что-нибудь из богатств ее, об истощении которых он только что слышал. Он боялся вступать с нею в дальнейшую беседу, чтоб она не посрамила его своими премудрыми словами, и велел отвести ее к областеначальнику, сказав при этом:

— Не подобает царскому величеству беседовать с безумной женщиной.

Областеначальник ласково спросил святую Анастасию:

— Зачем не хочешь ты принести богам жертвы, как приносил их твой отец, зачем оставила их и почитаешь Христа? Ведь ты не знаешь Его: Он родился среди иудеев и ими же убит, как злодей.

Анастасия отвечала:

— И у меня в доме были боги и богини, золотые, серебряные и медные. Я видела, как они праздно стояли, служа только седалищем для птиц, жилищем для пауков и мух. Поэтому я бросила богов и богинь в огонь, освобождая их от бесчестия, которые им наносили птицы, пауки и мухи. И из огня они вышли у меня монетами золотыми, серебряными и медными. На те деньги я напитала многих голодных, одела нагих, помогла немощным, удовлетворила нуждающихся. И так из тех богов, которые стояли без дела и без пользы, я извлекла пользу для многих.

Услышав такие слова, областеначальник с яростию воскликнул:

— Я и слышать не хочу о твоем безбожном поступке.

Тогда святая с усмешкой ответила:

— Удивляюсь твоему разуму, судия, как ты можешь называть мой поступок — безбожным поступком. Если б в тех бездушных идолах было хоть одно чувство или одна какая-нибудь сила, то что помешало бы им освободиться из рук разрушителей их, или отомстить

разрушителям, или, наконец, кричать и просить помощи от вас? А они даже не знают сами о себе, не знают, что с ними делается.

Прерывая речь святой, судия сказал:

— Божественный царь наш повелел тебе — отложив все лишние разговоры, сделать одно из двух: или согласиться на жертвоприношение богам, или погибнуть злою смертию.

Святая отвечала на это, что умереть за Христа не значит погибнуть, но — войти в жизнь вечную.

Увидев, после долгого разговора, что святая непреклонна, областеначальник доложил об этом царю. Диоклетиан в великом гневе стал раздумывать, что бы сделать со святою Анастасиею. Кто-то из приближенных посоветовал царю передать ее Ульпиану, жрецу Капитолийскому[1], чтобы он уговорил ее отречься от Христа, или принудил муками, или, если она не покорится, казнил бы ее смертью, и если после нее останется какое имущество, взял бы его в Капитолии. Этот совет понравился царю, и он передал святую Анастасию Ульпиану, верховному жрецу всех богов.

Ульпиан с честью привел ее к себе в дом, рассчитывая уловить ее скорее лестью, чем угрозами. После долгих ласковых уговоров он предложил ей на выбор противоположные предметы, заключавшие в себе все великолепие мира и всевозможные орудия мучений, разместив все это друг против друга: с одной стороны — драгоценные камни, а с другой — обоюдоострые ножи; здесь — золотые ложа, украшенные драгоценной хрустальной отделкой, а там — железные раскаленные одры, наполненные горящими углями; здесь — монисты[2],

---

[1] *Капитолий* — центральная крепость Рима, находившаяся на Капитолийском холме, где сосредоточены были высшие правительственные учреждения империи. Здесь находился храм Юпитера Капитолийского, который считался главным святилищем Рима и в котором часто происходили заседания сената, как по религиозным, так и по государственным делам. Храм этот дважды был истребляем и оба раза возобновлялся с большим великолепием. В последний раз он был возобновлен императором Домицианом (в 69 или 70 году по Рождестве Христовом). Верховный жрец при храме Юпитера Капитолийского в языческом Риме пользовался большим почетом и громадным значением в государстве.

[2] *Монисто* — шейное украшение, состоявшее из цепочки или шнура, с монетами в виде ожерелья. Любопытный образец монисты находим в Равенне (в Италии), в церкви святого Виталия, на мозаике, изображающей императрицу Феодору в сопровождении женщин; на всех женщинах надеты монисты, более или менее богатые и состоящие из нескольких рядов украшений.

серьги, разные золотые и жемчужные уборы, а там — оковы, вериги и железные узы. Здесь — светлые зеркала и всевозможные женские наряды, а там — железные гребни и клещи, назначенные для того, чтобы рвать тело. С одной стороны — драгоценные одеяния, с другой — осколки и волосяные рубища, которыми мучители обыкновенно растравляли раны, нанесенные мученикам. К чему поступил так этот коварный и лукавый человек? К чему положил он против предметов роскоши — предметы истязаний и мук, против радующих — скорбные и против мягких — жестокие? Для того, чтобы одними прельстить или другими устрашить невесту Христову. Но она ни на что не обращала внимания: не желала она ничего, что тешит, не боялась и не хотела бежать от предметов скорбных и жестоких, и с бо́льшею охотою смотрела на орудия мучительства, чем на женские уборы. Таким образом, с окаянным случилось то, что говорит пророк: *солга неправда себе* (слав. Пс. 36, 12), — и коварный жрец, не зная, устроил все на свое посрамление и стыд; ибо Анастасия показала тогда еще большее мужество и любовь ко Христу, так что обнаружилась вся суетность коварного умысла языческого жреца и тщетность его лукавства. Когда он сказал святой: «Выбери себе с обеих сторон то, что хочешь», — она, посмотрев на разложенные перед нею предметы роскоши и драгоценности, сказала:

— Все это, диавол, твое и работающих на тебя, с которыми ты и будешь при этом в вечной погибели.

Посмотрев же на вериги и орудия мук, святая Анастасия произнесла:

— Окруженная этими предметами, я стану прекраснее и угоднее вожделенному Жениху моему — Христу. Это я выбираю, а то отвергаю, это люблю ради возлюбленного Господа моего, а то ненавижу.

Тогда жрец, щадя ее и не теряя надежды, что она изменит свое желание, дал ее три дня на размышление. Но мученица, опечалившись, сказала:

— Зачем отлагать? Отчего ты не хочешь мучить меня теперь же? Ничего другого ты от меня не услышишь, как только то, что я говорю теперь: я не принесу жертвы твоим богам, не исполню воли твоей и твоего царя; а принесу жертву хвалы Царю веков, Единому

бессмертному Богу моему, за Которого я полагаю мою душу. Мучения же, которыми ты грозишь, презираю, так как ничего не желаю приобрести, как только одного Христа, в Котором — жизнь вечная.

Жрец спросил ее:

— Неужели и ты избираешь себе смерть, подобную Христовой?

Мученица, услышав о смерти Христовой, исполнилась радости и сказала:

— Аминь, аминь! Да будет так со мною, Христос, Царь мой!

Жрец спросил:

— Что значит это слово — «аминь»?

Святая отвечала:

— Ты недостоин ни понимать, ни произносить это слово[1]. Никто из разумных людей не вливает драгоценное миро в гнилой сосуд.

Тогда Ульпиан приказал отвести святую Анастасию на три дня к знакомым ей женщинам, бывшим когда-то ее соседками и подругами, чтобы они уговорили ее вернуться к отеческим богам. Чего только не делали те лукавые и нечестивые женщины! Каких советов, каких ласковых и приятных для женщин слов не нашептывали они Анастасии, напоминая ей о красоте и сладости мира! Но святая была как глухая, которая не слышит, и как немая, не отверзающая уст своих (см.: Пс.37,14). В те три дня она не приняла ни пищи, ни пития в уста свои, но непрестанно в сердце своем взывала к Жениху своему Христу. Через три дня верховный жрец Ульпиан, видя, что святая Анастасия была тверда в исповедании веры, как столп непоколебимый и гора неподвижная, осудил ее на муки. Но сперва этот окаянный человек, уязвленный ее красотою, желал осквернить чистую голубицу Христову своею нечистотою. Однако, когда этот нечестивец хотел прикоснуться к ней, он вдруг ослеп, страшная боль сжала ему голову, и, как безумный, он вопил и взывал к своим богам, прося помощи. Он приказал нести себя в идольский храм, надеясь получить помощь от тех, кому служил, но, вместо помощи, получил

---

[1] *Аминь* — слово еврейское и значит: истинно, верно, да будет. Это слово часто встречается в священных книгах как Ветхого, так и Нового Завета, и один раз оно прилагается даже к Самому Сыну Божию, Который есть вечная истина (см.: Откр. 3, 14). С древнейших времен слово «аминь» употребляется и в христианском богослужении.

большой вред, и вместо жизни — смерть, ибо он изверг свою злобную душу и переселился к своим богам — в ад. Слух об этом чуде распространился среди многих, а святая мученица Анастасия осталась свободною. Выйдя оттуда, она отправилась к вышеупомянутой духовной сестре своей Феодотии, все еще пребывавшей в доме градоначальника Левкадия, и рассказала ей подробно обо всем, что она претерпела, и о том чуде, которое через нее совершил Бог, показав над ней милость Свою. Вскоре после того возвратился и Левкадий из Вифинии. Он опять принялся за старое и по-прежнему старался, ласковыми и грозными словами убеждая, привлечь Феодотию к двум беззакониям — к своим нечестивым богам и к скверному браку. Наконец, истощив все свои усилия и видя, что ни в чем успеть не может по причине пребывания здесь Анастасии, жестокий Левкадий, воспылал еще большим гневом: он сковал и предал Анастасию суду, а Феодотию с ее детьми послал связанной в Вифинию к анфипату Никитою[1], рассказав ему в письме все, касающееся Феодотии.

Когда блаженная Феодотия была приведена к этому проконсулу, то последний, при допросе, стал грозить ей муками. На это старший сын Феодотии, по имени Евод, малый отрок, сказал проконсулу:

— Мы, судия, не боимся мук, которые дают телу нетление, а душе бессмертие. Боимся же мы Бога, Который может и душу и тело погубить в геенне огненной.

Судия, услышав такие речи, приказал тут же, при матери, бить отрока розгами до крови. Мать, смотря на это, радовалась и укрепляла своего сына Божественными словами, убеждая его мужественно претерпевать всякое страдание. После этого истязания Феодотию отдали одному бесстыдному человеку, по имени Гиртак, чтобы тот осквернил ее. Но едва тот, приблизясь к целомудренной рабе Божией, хотел прикоснуться к ней, как увидел стоящего возле нее светлого юношу, который, грозно на него посмотрев, ударил его в лицо так сильно, что он был окровавлен. Это чудо ясно видел и ан-

[1] *Анфипат* — наименование высшего областного начальника, под властью которого находилось несколько провинций с их правителями, называемыми игемонами.

фипат, но вместо того, чтобы познать Бога, хранящего чистоту целомудренных, он обезумел еще больше, приписывая это чарам волхвования. Он велел разжечь как можно жарче печь и бросить в нее мать с тремя детьми. И святая Феодотия с благословенными плодами чрева своего сделалась жертвою, благоприятною Богу: она скончалась в огне[1].

В это время святая Анастасия содержалась в оковах у иллирийского игемона.

Этот человек был корыстолюбив и, услышав, что Анастасия владеет большим богатством, велел тайно привести ее к себе и сказал:

— Я знаю, что ты богата и имеешь много денег и имений. При этом ты держишься веры христианской, чего и сама не скрываешь. Исполни же заповедь своего Христа, Который повелевает вам презирать все богатства и быть нищими. Уступи мне богатство твое и сделай меня наследником твоего имения. Сделав так, ты получишь двойную выгоду: исполнишь заповедь Христа и, освободившись из наших рук, будешь безбоязненно и невозбранно служить своему Богу.

Премудрая Анастасия благоразумно ответила на это:

— В Евангелии есть слово Господа моего: *продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах* (Мф. 19, 21). Кто будет настолько безумен, чтобы дать тебе, богатому человеку, то, что принадлежит нищим? Кто будет настолько не рассудителен, чтобы дать тебе, утопающему в роскоши и живущему в сладостях и в самоуслаждении, пищу нищих? Если я увижу тебя алчущим и жаждущим, нагим и больным и брошенным в темницу, тогда я сделаю для тебя, как надобно, все повеленное нам Христом: напитаю тебя, напою, одену, посещу, послужу, помогу, подавая тебе все нужное (см.: Мф. 25, 34–45).

Разгневался игемон на эти слова и в ярости повелел заключить святую в мрачную темницу и морить ее тридцать дней голодом. Но она питалась надеждою своею — Христом Господом: Он был ей сладкою пищею и утешением в скорби. Всякую ночь являлась ей святая мученица Феодотия, наполняла радостию ее сердце и укрепляла ее.

---

[1] Местом страданий и мученической кончины святой Феодотии с ее сыновьями был город Никея, в Вифинии.

Анастасия о многом говорила с блаженною, о многом расспрашивала ее. Между прочим, она спросила ее:

— Как ты приходишь ко мне по смерти?

Феодотия объяснила ей, что душам мучеников дарована от Бога особая благодать, чтобы и по своем отшествии от земли они могли приходить, к кому пожелают, беседовать с ними и утешать их.

По истечении тридцати дней игемон, видя, что Анастасия не изнемогла от голода и остается здоровой и светлой лицом, разъярился против стражей, думая, что они доставляли ей пищу. Наконец, он приказал посадить ее в более крепкую темницу, запечатал вход в нее своею печатью и, приставив самую верную стражу, морил святую Анастасию голодом и жаждою еще тридцать дней. И святая мученица за это время день и ночь питалась одними только слезами и усердно молилась Богу. По истечении этих тридцати дней, игемон вывел Анастасию из темницы и, увидев, что она опять не изменилась лицом, осудил ее на смерть вместе с другими приговоренными к казни за различные злодеяния. Всех их определено было потопить в море.

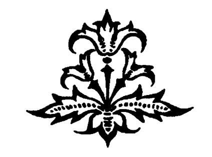
Среди приговоренных был один благочестивый муж, именем Евтихиан, лишенный ради Христа всего своего имения, он осужден был на ту же смерть. И вот их всех посадили на корабль и отплыли с ними в море. Достигнув глубины, воины просверлили несколько отверстий в корабле, а сами пересели в лодку, нарочно для того приготовленную, и поплыли к берегу. И когда корабль уже должен был погрузиться, внезапно находящиеся на нем увидели святую мученицу Феодотию, управляющую парусами и ведущую корабль к берегу, которого он вскоре и достиг. Все осужденные, видя свое спасение от потопления, изумились и, припав к ногам двух христиан — Евтихиана и Анастасии, умоляли просветить их верою Христовою.

Выйдя на берег невредимыми, они приняли учение веры от Евтихиана и Анастасии и крестились. Всех душ, спасшихся от потопления и уверовавших во Христа, было сто двадцать.

Игемон, вскоре узнав об этом, разгневался и издал приказ схватить их и казнить всевозможными казнями, мученицу же Анастасию растянуть между четырьмя столбами и сжечь. Так блаженная Узорешительница совершила страдальческий свой подвиг: разрешилась от

уз плоти и отошла к небесной желанной свободе[1]. Честное же тело ее, неповрежденное огнем, было выпрошено у жены игемона одною благочестивою женою Аполлинариею, которая похоронила его с честью в своем винограднике. Со временем, когда гонение на Церковь прекратилось, она воздвигла над могилою мученицы церковь.

Прошло еще много лет, и честные мощи святой Анастасии прославились. Тогда с великою почестию они были перенесены в царствующий город Константинополь, на защиту и спасение городу, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом, во едином Божестве прославляемого вовеки. Аминь.



[1] Это было около 304 года, 22 декабря.

День двадцать третий

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
НИФОНТА,
епископа Кипрского

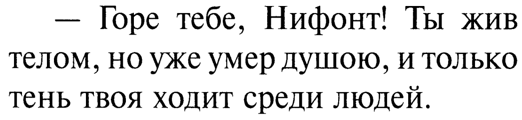
Преподобный Нифонт был родом из Пафлагонской страны, из города Плагиона[1], и был сыном одного знаменитого человека, по имени Агапит. В отроческом возрасте он был поручен воеводе Савватию, присланному из Царьграда в Пафлагонию царем Константином Великим. Воевода же отослал отрока для образования со своим протовестиарием[2] в Царьград к своей жене. И стал учиться отрок у пресвитера Петра, жившего при доме воеводы, и учился прилежно и успешно, так как был способен к учению. В малом возрасте Нифонт был добр, тих, кроток, смиренен и любил ходить в церковь. Придя же в юношеский возраст, он стал понемногу развращаться от дурных товарищей: юноши, если они не воспитаны в страхе Божием, легко поддаются дурному примеру. И если среди взрослых людей добрый легко развращается злым, как сказано: *со строптивыми развратишься* (Пс. 17, 27), чаще это бывает среди юных, которые, естественно, более склонны ко злу, чем к добру, как написано: *помышление сердца человеческого — зло от юности его* (Быт. 8, 21). Так и юный Нифонт начал вести праздную и ленивую

---

[1] В северной части Малой Азии.

[2] *Протовестиарий* — одна из должностей императорского константинопольского двора. Протовестиарий имел главный надзор за царской одеждой (гардеробом).

жизнь, есть без меры и упиваться, научился от бесчинных юношей празднословию и сквернословию, стал ходить на представление скоморохов, потом и на скверные дела и все ночи проводил с товарищами в беззакониях, оскверняясь нечистыми грехами, к тому же стал он и красть, ссориться и драться со всеми, и другим молодым людям был он на соблазн, так как не только сам совершал всякое беззаконие, но и многих других склонял к тому же. Один знакомый Нифонта, по имени Василий, постоянно говорил ему:



— Горе тебе, Нифонт! Ты жив телом, но уже умер душою, и только тень твоя ходит среди людей.

А Нифонт то не обращал внимания на эти слова, то начинал рыдать и плакать о грехах, однако, продолжая следовать дурным привычкам, он утопал в скверных делах, как в море, и, отчаявшись совсем в своем спасении, говорил:

— Я уже погиб и не могу возвратиться к покаянию, — так по крайней мере буду наслаждаться здесь земными сладостями.

И до того ожесточил диавол сердце Нифонта, что он не мог уже совсем молиться: ибо у него как бы камень всегда лежал на сердце. А та госпожа, у которой жил Нифонт, видя такую развратную жизнь его, с сокрушением сердечным говорила:

— Горе мне! Откуда на меня эта напасть?

И много раз наставляла его, ссорилась с ним, бранила и била его, но он оставался неисправим. Об этом повествуется, чтобы показать, сколь велико милосердие Божие, которым Он выводит честное из недостойного и из грешников делает праведников, — и что нет греха, превышающего человеколюбие Божие. Пусть и у нас, грешных, будет пример, чтобы не отчаиваться нам, погруженным во многие беззакония, но исправиться покаянием, подобно Нифонту. Ибо он был

как бы сосудом греха, но впоследствии, через истинное покаяние, стал сосудом Святого Духа, как мы сейчас узнаем из последующего рассказа.

Был у Нифонта один друг, по имени Никодим. Однажды пришел к нему Нифонт, Никодим взглянул на него и ужаснулся, с удивлением смотря ему в лицо. Нифонт спросил его:

— Что ты на меня так смотришь, словно на незнакомого?

Никодим отвечал:

— Поверь мне, брат, я никогда тебя таким не видал, как теперь: у тебя лицо страшное, как у эфиопа.

При этих словах юноша испугался, а вместе с тем и стыдно стало ему, и, закрыв лицо рукою, он ушел опечаленный. По дороге он говорил сам себе:

— Горе мне, грешному! Если в этом мире я черен душою и телом, то что же я буду на суде Божием? Как явлюсь я перед Лицо Божие? Горе мне, несчастному! Где ты теперь, душа моя? Горе мне! Что мне делать? Могу ли я еще покаяться? Есть ли, кто бы наставил меня к покаянию и сказал мне, могу ли я еще спастись? Как скажу я Богу: «Помилуй меня!» — когда я совершил перед Ним столько скверных дел?

И много еще, кроме этого, говорил Нифонт сам себе, наконец пришел домой печальный и усталый, в нем боролись противоположные помыслы. Добрый помысл говорил ему. «Помолись ночью Богу: как Он хочет, так и поступит с тобой». А злой помысл противился этому, говоря: «Если встанешь на молитву, то станешь бесноватым, будешь безумным, и все станут над тобой смеяться».

Бес влагал ему страх в ум и сильно смущал его душу. Он же, несколько укрепившись, сказал сам себе:

— Когда я жил блудно, никакого зла со мной не случалось, неужели же теперь, когда я хочу помолиться Богу, со мной случится какое-нибудь зло? Проклят ты будь, нечистый и пронырливый бес, внушающий мне это!

Ночью Нифонт встал с постели и начал плакать, бить себя в грудь, говоря:

— Как я жил благочестиво и добродетельно в прежние годы, теперь же я умер, люто уязвленный грехами. Но, *Господи, Боже мой! на*

Тебя я уповаю; спаси меня, да не когда диавол похитит как лев душу мою, терзая, когда нет избавляющего (Пс. 7, 2–3).

Когда он стоял на молитве и смотрел на восток, вдруг окружил его густой мрак, приблизился к нему и поверг его в слабость, болезнь и безмерный страх. В ужасе лег Нифонт на свою постель, рыдая и плача о грехах своих. Утром пошел он в церковь, подняв глаза, он посмотрел на икону Пречистой Девы Марии Богородицы и с воплем воскликнул:

— Помилуй меня, заступница христиан, обрадованная чистая! Помоги мне по Твоей великой милости, ибо Ты — упование и надежда кающихся.

При этих словах его образ Богоматери улыбнулся, и лик ее был радостен. Удивился Нифонт, увидав это чудо, он обрадовался и возвеселился сердцем и сказал:

— О глубина человеколюбия Божия! Как велика Твоя милость, Господи, которую Ты показываешь над согрешившими пред Тобой! Для них Ты дал и Пречистую Свою Матерь, чтобы Она была молитвенницей к Твоему величию!

После долгой молитвы, приложившись с любовью к иконе Пречистой Богородицы, он вышел, говоря сам себе:

— Смотри, окаянная душа, как Бог нас любит, а мы сами бежим от Него: вот Он дал нам заступницей Пречистую Свою Матерь, а мы и эту Помощницу отвергаем.

После того в сновидении явился ему диавол, в виде одного отрока, бывшего товарища его в беззакониях, стоял он прискорбно, как бы в глубокой печали; посмотрел на него Нифонт и сказал:

— Что ты так печалишься?

Отвечал диавол:

— Вот уже третий день, как ты ходил к своему другу Никодиму и развратился: об этом я скорблю и не могу перенести, что ты презрел меня.

Тогда сказал Нифонт:

— Почему же тебя так печалит это?

Но диавол отвернулся и не дал ему ответа. Тотчас Нифонт проснулся, он понял, что диавол печалится о его покаянии, поспешно встал он, пошел в церковь и, вперив ум и очи в ту икону Пресвятой

Богородицы, молился, пока опять не увидел Ее улыбающеюся и не ощутил Божественную сладость в своем сердце.

В один день, идя в церковь на молитву, Нифонт увидел какого-то человека, бесчинствующего на дороге, и мысленно осудил его. Придя в храм Божий и, по обыкновению, посмотрев на икону, он вдруг увидел Пречистую Богородицу с гневным и строгим лицом, отворачивающимся от него. Ужаснулся Нифонт и, опустив глаза вниз, сказал себе:

— Горе мне, грешному! Одна радость была у меня — Твой, Владычица, пресвятой образ, теперь и он отвращает лик свой, и за что, не знаю!

Потом, размышляя в себе, он вдруг вспомнил, как осудил грешника, и понял, что за это отвратила от него лик Свой Матерь Господня. Громко рыдая, сказал он:

— Боже, прости меня, грешного: ибо я присвоил себе Твое достоинство и Твою власть и осудил своего ближнего, прежде Твоего суда, но помилуй меня, Владыка, на Тебя надеется душа моя, — с этого времени никогда я не стану осуждать брата своего.

Много и еще говорил Нифонт со слезами и, посмотрев опять на икону, увидел, что она улыбается по-прежнему, и с тех пор он тщательно стал оберегать себя от осуждения. Так бывало всегда: когда случалось согрешить ему в чем-либо, то образ пречистой Богоматери отвращал свой лик, и этим поучался Нифонт и исправлялся.

Однажды, когда Нифонт черпал из колодезя воду бадьей, диавол толкнул его, и он, поскользнувшись обеими ногами, упал в колодезь, летя вниз, ухватился он за бадью и воззвал:

— Владычице, помоги мне!

И тотчас он оказался невредимо стоящим на бревне над колодезем. С этого времени, поняв, что Богородица хранит его, Нифонт стал всегда иметь на устах ее имя. После этого случилось болеть ему — от праздника Воскресения Христова до дня Преполовения, и в болезни этой ничего другого он не говорил, как только:

— Слава Богу моему, слава помощнице моей Пречистой Деве Марии.

В понедельник, перед средой Преполовения, он молился так:

— Господи Боже мой, сподоби меня причаститься святых Твоих Тайн в день Преполовения, ибо сильно желает душа моя насытиться пречистою Твоею плотию.

Потом он уснул, и было ему такое видение: две пресветлые жены шли мимо его постели подобно мироносицам, — одна, в царской багрянице, держала масличную ветку, другая, похожая на нее, шла за ней и несла маленький сосуд с некоей святыней и ветку, омоченную в святом елее, подойдя к постели, они остановились. И сказала Жена в царской багрянице другой:

— Посмотри, Анастасия, чем страдает этот юноша?

Отвечала ей Анастасия[1]:

— Он, Госпожа, страдает от невоздержного языка своего, потому что, когда он был здоров, уста его не закрывались, и теперь Господь наказывает его, чтобы не был он осужден там со всем миром, ибо очень любит его Бог и наказывает его, а ты, Госпожа, если хочешь, помилуй и помоги ему.

Отвечала Жена в царской багрянице:

— Помилую, только веди его туда, куда мы идем.

Анастасия взяла его за руку и повела в храм святых апостолов. Тогда сказала ей Жена в царской багрянице:

— Возьми масла из горящей в алтаре лампады и помажь его с головы до ног.

Та помазала и сказала:

— Вот, смотри, Владычица, я исполнила Твое приказание.

Улыбнулась Жена в царской багрянице и сказала:

— Это знамение милосердия, для которого мы приходили.

И дала Нифонту масличную ветку, которую держала в руке, со следующими словами:

— Смотри и разумей, что ветка эта от благодати Господней, я даю ее тебе, потому что теперь излилась на тебя милость прещедрого Бога, а ты борись теперь с бесами и одолеешь их так же легко, как бы тростник или сено.

Нифонт поклонился в ноги и, пробудившись, понял, что видение это означало благословение Пречистой Богородицы, он тотчас выздоровел и встал с постели, во вторник он подкрепился пищею, а в самый день Преполовения пришел в церковь и с великою радостию причастился Божественных Тайн. Таким образом, с помощью Божией, блаженный Нифонт оставил свою прежнюю греховную

[1] Здесь имеется в виду святая мученица Анастасия Узорешительница, память которой празднуется 22 декабря.

жизнь, удалился от мира и стал иноком. Он стал прилежно подвизаться и усиленно трудиться, умерщвляя свое тело и порабощая его духу, проводя дни свои в слезах и в строгом покаянии. Он старательно сохранял уста свои от празднословия, а еще более — от сквернословия и клеветы, и положил себе за правило сильно ударять себя сорок раз по лицу, если когда-либо по неосторожности случалось ему произнести какое непотребное или бранное слово. Иногда же, положив камень в рот, он долгое время носил его, говоря себе:

— Лучше тебе, беззаконник, есть камни, чем говорить какие-либо злые слова.

Часто, затворившись в своей хижине и раздевшись, он бил себя чем-нибудь по всему телу так сильно, что иногда от ран отпадали куски тела. Так упорно боролся он с невидимым врагом, но тот вел с ним сильную борьбу, причиняя ему всякое зло и желая одолеть его непобедимое мужество. Во время молитвы бес являлся ему — то в виде прыгающей перед ним птицы, то в виде черной собаки, бросающейся на него, чтобы испугать его и прервать его молитву, но он прогонял беса крестным знамением. Когда он чувствовал голод, бес приносил ему разной рыбной и мясной пищи и вкусных кушаний, но блаженный говорил тогда:

— Пища нас не приблизит к Богу (ср.: 1 Кор. 8, 8), — сам ешь, диавол, свою пищу или неси ее туда, где люди свое чрево делают божеством.

Когда святой бодрствовал, диавол наводил на него дремоту и крепкий сон, но блаженный, почувствовав это, брал палку и больно бил себя, говоря:

— Я дал тебе есть и пить, а ты хочешь еще и спать: вот я палкой успокою тебя.

Если он чувствовал когда-нибудь плотское вожделение, то целую неделю не брал в рот хлеба, морил себя голодом и жаждою, пока не умерщвлял в себе плотского вожделения, во время сильной жажды, он наливал себе воды, ставил перед собою и, смотря на нее, говорил:

— Как вкусна эта вода!

Затем, взяв немного воды в рот, он пробовал ее языком и выливал на землю. Бес не вынес такого терпения блаженного и громко закричал:

— Ты победил меня, Нифонт!

Но святой Нифонт, относя победу над бесами Божией силе и помощи, а не своим подвигам и воздержанию, отвечал ему:

— Не я тебя побеждаю, а сила Бога нашего, охраняющего Своих рабов.

Бог попустил прийти на Нифонта искушению, чтобы, испытанный как золото в горниле, он оказался достойным благодати Господней, искушение же то состояло в повреждении его ума, и оно, по диавольскому наваждению, продолжалось четыре года. Стоял однажды Нифонт на молитве с вечера до утра и вдруг услышал страшный шум, несущийся справа налево. Святой ужаснулся и думал, чтó это за шум; и тотчас явился диавол с громким ревом и яростью и навел такой страх на святого, что ум его помрачился; едва придя в себя, он хотел помолиться и осенить себя крестным знамением, как диавол напал на него, со словами:

— Оставь молитву, и тогда я не стану бороться с тобою!

Блаженный же отвечал:

— Ни за что не послушаю тебя, нечистый дух: если Бог повелел тебе погубить меня, с благодарностью принимаю это, если же нет, то скоро с помощью Божией одолею тебя!

Диавол сказал на это:

— Ты заблуждаешься, Нифонт: Бога нет, ибо где Он?

Так постоянно говорил ему бес, развращая и помрачая его ум. Святой же отвечал ему:

— Ты говоришь, диавол, как безумный, ибо: *сказал безумец в сердце своем: «нет Бога»* (Пс. 13, 1).

Он хотел молиться, но не мог: произносил слова, а ум не покорялся ему. Горько печалился святой, помутившись умом, с этих пор он потерял рассудок и страдал, а когда он несколько приходил в себя, опять бес, не переставая, говорил ему: «Нет Бога», — но святой отвечал:

— Если даже я впаду в блуд, если убью, если еще какой грех сделаю, но от Христа моего не отвернусь.

Диавол же опять говорил ему:

— Что ты говоришь: есть ли Христос? Нет Христа: я один всем владею и царствую над всем, кто тебе сказал, что есть Бог или Христос?

— Не прельстишь меня, темная власть! — отвечал святой. — Отойди от меня, враг всякой правды!

Диавол же не отступал и все боролся с ним, помрачая его ум и принуждая сказать: «Нет Бога». Так четыре года боролся святой с бесом и принуждал себя к молитве. Однажды, во время молитвы, усомнившись, есть ли Бог, взглянул он на икону Спасителя и, вздохнув из глубины сердца, простер руки к иконе, со словами:

— Боже, Боже мой, зачем Ты меня оставил? (см.: Пс. 21, 2). Дай мне узнать, что Ты — Бог и что нет иного, кроме Тебя, чтобы мне не преклониться к вражьему совету.

С этими словами он увидал, что лик Христа на иконе светится как солнце, и при этом обонял благоухание несказанное. В ужасе упал он на землю, говоря:

— Прости меня, Владыка, что я искушал Тебя, сомневаясь в Тебе, Боге моем; теперь я верую, что Ты Един Бог и Создатель всей твари.

Лежа на земле, он повернул голову и посмотрел на образ Спаса и увидел чудо: образ Господень двигал глазами и бровями, как бы живой человек. Нифонт воскликнул:

— Благословен Бог мой и благословенно славное имя Его ныне и вовеки, аминь!

С того времени сошла на Нифонта благодать Божия, ибо прошли уже четыре года испытания его; после этого у него всегда было веселое и светлое лицо, так что некоторые недоумевали и говорили:

— Что это значит: столько лет он ходил угрюмый, а теперь радуется и весел?

У святого же явилось мужество против бесов; насмехаясь над ними, он говорил:

— Где те, кто говорит: нет Бога?

И побеждал их постоянною молитвою. Размышляя о своих прежних грехах, он сказал себе:

— Пойдем, грешный Нифонт, в церковь, исповедуем грехи наши Господу, там ожидает нас Отец щедрый.

И пошел он в церковь. Подойдя к церковным дверям, Нифонт поднял руки кверху и с горьким стенанием воскликнул:

— Приими, Господи Иисусе Христе, Боже Мой, меня, умершего душою и умом, приими сквернослова и грешника, оскверненного

душою и телом, и не отврати Лица Твоего, не говори, Владыко: не знаю, кто ты, но вонми гласу моления моего и спаси меня, ибо Ты не хочешь смерти грешников; и я не отступлю от Тебя, пока Ты не услышишь меня и не дашь прощения моим согрешениям.

Во время этой молитвы вдруг послышался сильный шум с неба, и святой, будучи как бы в восторге, увидел лицо светлого Мужа, явившееся в облаке, и были видны протянутые руки, которыми Он обнял блаженного, как некогда отец блудного сына (см.: Лк. 15, 20), и целовал его в шею, говоря:

— Хорошо ты сделал, что пришел сюда, скорбящее чадо Мое! Много Я печалился и тужил о тебе, как горело Мое сердце ожиданием, когда ты обратишься ко Мне, вечером ли, утром ли; теперь Я радуюсь, теперь веселюсь, видя, что ты обратился ко Мне всем сердцем.

Это рассказал впоследствии Нифонт своему ученику и при этом сильно плакал. После этого, когда он молился опять, явился Ангел Божий с чашею, полною мира, которое он возлил на главу его, и наполнилось благоуханием то место; также, когда он бил себя по телу, причиняя себе раны, Ангел сошел и кадил вокруг него, распространяя в том месте благоухание.

Настолько просветились духовные очи у блаженного Нифонта, что он знал тайну сердец человеческих, он беседовал с Ангелами явно, как с друзьями, и явно видел бесов. Однажды на пути из церкви святой Анастасии в свою хижину он увидел у ворот дома одной блудницы Ангела в виде юноши, горько плачущего, и спросил его о причине слез. Тот отвечал:

— Я дан Богом на сохранение одному человеку, который спит теперь в этом доме с блудницею и тем жестоко оскорбляет меня, не могу видеть беззакония, которое он делает, как же мне не плакать, когда я вижу, в какую тьму погрузился образ Божий?!

Блаженный сказал ему:

— Отчего же ты не накажешь его, чтобы он отстал от греха?

— Я не имею возможности, — отвечал Ангел, — приблизиться к нему, так как с тех пор, как он начал грешить, он — раб бесов, и я не имею над ним власти: ибо Бог сотворил человека со свободной волей и показал ему узкий путь и широкий, чтобы он ходил, по какому хочет.

Тогда святой Нифонт сказал своему ученику:

— Ничего нет мерзостнее блудного греха, однако, если блудник покается, то Бог примет его скорее других беззаконников, потому что грех этот является от самой природы, по внушению диавола, а изгоняется эта страсть прилежною молитвою, строгим постом и различным умерщвлением тела.

Видно было святому и то, как бесы ходят в народе и искушают людей, внушая им осуждение, клевету, ссоры и различные скорби. Однажды он увидал одного человека за работой, и вот пришел к нему бес и начал шептать ему на ухо, неподалеку работал другой человек, пришел бес и тому пошептал на ухо, тогда они, оставив работу, начали ссориться. Блаженный же, встав, сказал:

— О бесовский соблазн! Как ты сеешь вражду между людьми!

Однажды напал на него бес тщеславия и говорил:

— Ты теперь начнешь творить знамения, и прославится имя твое по всей земле, потому что ты угодил Богу.

Блаженный же сказал тому бесу:

— Подожди, и я тебе сотворю знамение.

И, найдя камень перед собою, он сказал:

— Тебе говорю, камень, пойди отсюда и перенесись в другое место.

Но камень лежал неподвижно. Тогда святой сказал бесу:

— Вот твой дар, диавол!

И плюнул ему в лицо, потом помолился, и диавол тотчас исчез. В другой раз Нифонт видел одного церковнослужителя, сзади которого шел бес, внушая ему скверные и хульные мысли; человек этот, чувствуя на себе козни бесовские, часто обертывался и плевал на беса. Блаженный сказал лукавому духу:

— Перестань, диавол, смущать рабов Божиих! Какая тебе польза от того, что эта душа пойдет в погибель?

Бес отвечал:

— Нам от этого нет пользы, но у нас есть приказ от царя нашего и князей, властвующих над нами, бороться с людьми. Если же князья узнают, что мы не боремся с людьми, то жестоко бьют нас.

Еще раз видел блаженный одного инока, идущего и шепчущего молитву, а из уст его вылетало огненное пламя и достигало до неба,

с ним шел и Ангел его, с огненным копьем в руках, которым он отгонял бесов от того инока. Накануне праздника Воскресения Христова, вечером в Великую субботу, стоял Нифонт в церкви с народом и увидел Пречистую Богородицу с апостолами и множеством святых, Которая пришла в церковь и с материнской любовью смотрела на присутствовавших людей. Если Она видела кого из них заботящимся о своем спасении, то очень радовалась, а смотря на нерадивых, качала головой и плакала, однако, простерши руки, молилась обо всех Богу, чтобы все получили спасение. Видя это, преподобный несказанно обрадовался, что не оставляет христиан Пречистая Богородица, но постоянно помогает им, и ему самому Она была помощницей и защитницей.

Однажды, когда Нифонт спал, внезапно явился диавол с оружием в руке и бросился на него, с намерением убить его, но, остановленный силою Божиею, он не мог ничего дурного сделать святому и отбежал прочь, скрежеща зубами и говоря:

— О Мария! Ты всегда прогоняешь меня от этого жестокого человека!

Преподобный имел дар своими словами наставлять и утешать скорбящих. Один брат пришел к святому в печали и спросил:

— Что мне делать, отче? Сильно смущают меня злые бесы: ем ли я, пью ли или стою на молитве, — они внушают мне в сердце то ереси, то хулы тяжкие на Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь, и на святые иконы, боюсь я, что сойдет когда-нибудь огонь с неба и сожжет меня живым.

Святой отвечал ему:

— Приими, брат, мой совет. Когда море волнуется, какие оно поднимает волны и разбивает о камни; волны же опять возвращаются в море: так и помыслы злые, посылаемые диаволом, действуют на человеческую душу, и если человек послушает его совета и последует ему, то погибает, как погибли многие, покорившись ему. Если же кто в борьбе с дурными помыслами не уступает, а еще больше мужается и сопротивляется им, презирая беса, то злоба беса возвращается на него самого, человек же тот получает награду от Бога. И ты, чадо, терпи, сопротивляйся бесу молитвою и постом, и он скоро убежит от тебя, берегись клеветы и гнева, они всего более вызывают хулы.

Так, наставив брата, отпустил его с миром. Не был лишен преподобный и дара исцелять недуги. Пришла к нему какая-то женщина с зубной болью и умоляла святого исцелить ее. Он сказал ей:

— Мы — люди грешные и скверные, и не можем тебя исцелить, если Сам Бог не умилосердится над тобою.

И с этими словами Нифонт пошел в церковь, помолился и, взяв масла из лампады перед иконой Пресвятой Богородицы, помазал лицо больной по всей опухоли, — и тотчас боль прекратилась; исцелившись, женщина та ушла, славя Бога. И другую женщину, доставлявшую ему ранее пищу, когда она сделалась больной и была близка уже к смерти, он исцелил молитвою, и она стала здорова. Прозорливыми очами он видел и души человеческие, по исшествии их из тела. Однажды, стоя в церкви святой Анастасии на молитве, он поднял глаза к небу и увидел отверстые небеса и много Ангелов, из которых одни сходили вниз на землю, другие шли вверх, неся на небо человеческие души. И вот, видит он, идут два Ангела вверх, неся какую-то душу. И когда приблизились они к блудному мытарству, вышли мытари-бесы и сказали с гневом:

— Это наша душа, как вы смеете нести ее мимо?

Ангелы отвечали:

— Какой у вас знак на ней, что вы считаете ее своею?

Сказали бесы:

— Она до смерти оскверняла себя грехами, не только естественными, но даже и противоестественными; кроме того, она осуждала ближнего и умерла без покаяния. Что вы на это скажете?

— Мы не верим, — ответили Ангелы, — ни вам, ни отцу вашему диаволу, пока не спросим Ангела хранителя этой души.

Когда же его спросили, тот сказал:

— Правда, много грешила эта душа, но когда заболела, начала плакать и исповедовать грехи свои Богу; и если простил ее Бог, то Он знает почему: Он имеет власть. Слава Его праведному суду!

Тогда Ангелы, посрамив бесов, вошли с душою в небесные ворота.

Потом увидел блаженный, что Ангелы несут еще другую душу, а бесы выбежали к ним и кричат:

— Что вы носите души, не узнав их, как, например, несете и эту — корыстолюбивую, злопамятную, разбой произведшую?

Отвечали Ангелы:

— Мы хорошо знаем, что, хотя она и сделала все это, но плакала и горевала, исповедовала грехи и подавала милостыню; за это простил ее Бог.

Бесы же начали говорить:

— Если уже эта душа достойна милости Божией, то возьмите и берите грешных со всего мира! Чего же мы будем трудиться!

Отвечали на это Ангелы:

— Все грешники, исповедующие свои грехи со смирением и слезами, получат прощение по милости Божией, а кто умирает без покаяния, тех судит Бог.

Так посрамив лукавых духов, Ангелы прошли мимо. Еще увидел святой, как несли душу одного боголюбивого человека, целомудренного и милостивого, любившего всех; бесы, увидев ее издали, скрежетали зубами, а Ангелы Божии выходили ей навстречу из небесных ворот и так приветствовали ту душу:

— Слава Тебе, Христе Боже, что Ты не оставил ее в руках вражиих, но избавил ее от преисподнего ада.

Через некоторое время блаженный Нифонт увидел, как бесы влекли душу в ад; это была душа одного раба, которого господин изнурял голодом и бил; он не стерпел такого мучения, и, по наущению беса, взял веревку и удавился; Ангел же хранитель его шел вдали и горько плакал, а бесы радовались. Плачущему же Ангелу было повелено Богом идти в город Рим и охранять одного новорожденного младенца, которого там в это время крестили. Преподобный видел и еще одну душу, которую несли в воздухе Ангелы, а их встречали полчища бесов; не дошли они и до четвертого мытарства, как бесы отняли из рук святых Ангелов ту душу и с поруганием бросили в бездну. Это была душа одного клирика церкви святого Елевферия; этот клирик постоянно прогневлял Бога блудом, чародейством и разбоем, умер же он внезапно без покаяния, и была радость бесам.

Преподобный построил церковь в Царьграде во имя Пречистой Богородицы, жил при ней и многих неверных обращал ко Христовой вере. Не перенес диавол того, что Нифонт многих отвлек от бесовского соблазна, и пришел к нему со множеством бесов, около тысячи; они ночью напали на святого и хотели мучить; все его жилище было полно бесов. Он же силою крестною запретил им и, с

помощию Божиею и пособием святого Ангела, взял каждого из них по одному, давая им по тысяче ударов, пока они не поклялись ему не подходить даже к тому месту, где произносится имя Нифонта.

Беседуя однажды с братией о пользе душевной, Нифонт вспомнил следующее.

«Был, — рассказывает он, — в этом городе, у одного знатного человека раб, по имени Василий, ремеслом портной, дурного нрава, сквернослов, непокорный и скоморох; он проводил все свое время в играх и в плотских нечистых грехах с прелюбодеями и не слушал наставлений своего господина. Дивным же промыслом милосердного Владыки, он получил спасение таким образом: попущением Божиим за людские грехи случился большой голод, и начали хозяева прогонять от себя своих рабов по недостатку пищи; прогнал и Василия господин его. Ушел Василий и в первый же день продал одежду, чтобы достать себе пищи, потом начал ходить нагим и просить милостыню, а была тогда зима, и он мерз и трясся от стужи. Наконец, он в изнеможении лег на одной улице, через некоторое время у него отгнили пальцы на ногах, а потом и самые ноги. Василий все терпел, считая это наказанием за свои грехи, и ничего не говорил, кроме как: „Слава Богу за все!" Так пролежал он два месяца на улице, без крова, плача и рыдая о грехах. Случайно шел той дорогой один христолюбец, по имени Никифор. Увидев страдальца Василия, он велел своим рабам отнести его в свой дом, где с любовью успокоил его, своими руками постелил ему постель и накормил его. Через две недели, в субботу, больной Василий начал говорить:

— Радостен для меня ваш приход, Ангелы святые, отдохните немного и пойдем.

Они же сказали:

— Нет, иди скорее, ибо тебя зовет Господь.

— Немного подождите, — отвечал Василий, — пока отдам долг, взял я взаймы у одного друга моего десять медниц и до этого времени не отдал, как бы меня не задержал за это на воздухе диавол.

И Ангелы ждали, пока Василий, собрав десять медниц, не послал их тому, кому был должен, и тогда он предал дух свой Богу».

— Вот видите, дети, — закончил свой рассказ Нифонт, — каковы судьбы Божии и как, по Своему желанию, спасает Он грешника.

Пришел однажды блаженный с учеником своим помолиться в церковь, которая примыкала к так называемым палатам Апония, где святитель совершал божественную службу, и вот отверзлись у святого духовные очи, и увидел он огонь, сошедший с неба и покрывший алтарь и архиерея; во время же пения Трисвятого, явились четыре Ангела и пели вместе с певцами. А когда читали апостольское послание, он увидел святого апостола Павла, наблюдающего за чтецом сзади; когда же начали читать Евангелие, то слова, как светильники, поднимались к небу. Во время перенесения даров открылась церковная завеса и раскрылось небо, и ощущалось чудное благоухание, потом стали сходить вниз Ангелы с пением: «Слава Христу Богу!» Они принесли прекрасного отрока, поставили его на дискос[1], а сами окружили престол и служили честным дарам; два же Серафима и два Херувима, паря над его головою, покрывали своими крылами. Когда наступило время освящения даров и совершения страшного таинства, один из светлейших Ангелов приступил и, взяв нож, заколол отрока, кровь он выпустил в святую чашу и, положив отрока на дискосе, сам стал снова с благоговением на свое место. Потом началось причащение Божественных Тайн, и увидел блаженный, что у одних из причащавшихся были лица светлые, как солнце, а у других темные и мрачные, как у эфиопов. Стоявшие тут Ангелы смотрели, как кто приступает, и увенчивали причащавшихся достойно, а от недостойных отворачивались и гнушались ими. По окончании святой службы он увидел, что отрок вдруг опять оказался целым — на руках ангельских и вознесся на небо. Это впоследствии сам преподобный рассказывал своему ученику, который и записал это на пользу многим.

Однажды святой, идя в церковь Пресвятой Богородицы, которую он сам построил, увидел, что по дороге идет эфиоп, очень печаль-

[1] *Дискос* (греческое — блюдо, тарелка) — блюдо, на котором полагается *агнец*, то есть та часть просфоры, которая на литургии, по призывании Святого Духа, претворяется в истинное тело Христово. Во время проскомидии, при изъятии агнца из просфоры и положении его на дискос, вспоминается Рождество Господа, и дискос знаменует собою ясли, в которые был положен младенец Иисус. Поэтому на дискосе иногда изображается младенец Богочеловек, лежащий в яслях. Но, вместе с тем, на проскомидии, при надрезывании агнца на дискосе и по перенесении даров с жертвенника на престол, вспоминается страдание Господа на кресте, Его смерть, положение во гроб, и дискос знаменует Голгофу и гроб Спасителя.

ный, это был князь бесовский, шли за ним и другие бесы. Когда они подошли ближе и услышали церковное пение, то начали меньшие бесы бранить своего князя, говоря:

— Смотри, как имя Иисусово прославляется теми, которых мы когда-то держали в своей власти, — где же наша сила? Ее одолели, и царство наше разрушилось.

Так поносили бесы своего князя, а он сказал им:

— Не печальтесь, не унывайте, я скоро так сделаю, что оставят христиане Иисуса и будут славить нас.

Они отошли немного и встретили тридцать мужей; князь бесовский подошел к одному из них и пошептал ему на ухо, — и тот помутился в уме, начал срамословить, смеяться и петь бесстыдные песни, потом встретили музыканта, который шел и играл. Блаженный увидал, как один эфиоп связывает всех одной веревкой и тащит за музыкантом, и все они пошли с пляской за ним, много народу пристало к ним, и пошли дальше, — и плясали, и пели срамные песни: ибо бесы тащили их, зацепив за сердце. Один же богатый человек, смотревший из своего дома, дал музыканту медную монету, чтобы поплясали перед ним. Когда музыкант положил монету в свой карман, то бесы взяли ее и послали в ад к отцу своему сатане и сказали ему:

— Радуйся, отец наш! Это Алазион, князь наш, прислал тебе жертву, которую принесли наши враги — христиане, дав медных денег за игры.

Взяв ее, сатана обрадовался и сказал:

— Старайтесь, дети, чтобы росла наша жертва, и побеждайте христиан.

И потом опять возвратил монету в карман музыканту. Блаженный же Нифонт, видя это духовными очами, с горечью сказал:

— О горе приносящим через игры жертву бесам!

И наставлял слушателей, чтобы береглись скверных и бесчинных игр, так как они — от диавола. Однажды, после молитвы, святой был в состоянии духовного восторга и увидал обширное поле, одинаковой длины и ширины, и на нем стояло множество эфиопов, разделенных на полки, всех полков было триста шестьдесят пять — по числу тяжких грехов. Один самый темный эфиоп пересчитывал воинов, устраивая полки, будто к битве, и говорил:

— Смотрите на меня и не бойтесь ничего: сила моя будет с вами!

Несколько бесов принесли множество различного оружия и раздали по полкам. Потом диавол дал каждому полку силу волшебства и чары, и пустил их по всей земле на Церковь Христову. Когда блаженный Нифонт смотрел на это, вдруг он услышал голос:

— Обратись, Нифонт, на восток и смотри.

Он обернулся и увидел чистое и прекрасное на вид поле, и на нем еще больше, чем эфиопов, стояло бесчисленное множество, — сотни тысяч, — воинов в белых одеждах, все вооруженные, как на битву. Затем явился муж, светлее солнца, и сказал:

— Так повелевает Господь Саваоф: идите по всей земле, помогайте христианам и охраняйте их жизнь.

Увидев это, преподобный прославил Бога, помогающего Своей церкви.

Преподобный Нифонт приближался уже к старости. Настало время восприять ему святительский сан, который был ему предсказан от Бога в следующем видении. Он увидел какое-то поле, наполненное великим множеством овец, — пастуха же у них не было. Блаженный подумал:

— Что же, неужели эти овцы без пастуха не боятся волка?

Тотчас явился муж святолепный, подобный святому апостолу Павлу, и сказал:

— Что ты стоишь без дела и смотришь на царских овец, почему ты не пасешь их?

Отвечал блаженный Нифонт:

— Разве я буду пасти царских овец? Я незнаком с этим делом и весьма слаб.

А явившийся сказал:

— Царь велел тебе пасти их недолго, а потом, почив, ты получишь великую награду.

И с этими словами дал ему жезл, поручил ему овец и ограду и ушел. Очнувшись, блаженный подумал: «Что это значит?» — и понял, что являвшийся ему муж был святой апостол Павел, овцы — люди, а ограда — Церковь, он очень испугался, как бы не поставили его епископом в царствующем городе[1]. И сказал себе Нифонт: «Так

[1] То есть в Константинополе.

ли я умолил Бога, чтобы ни над кем не властвовать мне? И вот Он хочет мне дать власть! Поступлю, как пророк Иона (см.: Иона 2), и убегу отсюда!» Взяв своего ученика, он вышел из своей кельи и сел на корабль. При тихом ветре, корабль быстро достиг Александрии, где тогда был патриархом Александр[1], правивший Церковию после Петра, пострадавшего за Христа при Диоклетиане. В тот же день пришли жители города Констанции с острова Кипра и просили патриарха Александра поставить им епископа, кого он найдет достойным, ибо преставился их пастырь, по имени Христофор, муж святой и почтенный. Патриарх же сказал им:

— Подождите немного, пока Бог укажет мне такого человека.

И в ту же ночь патриарх увидел святого апостола Павла, который спрашивал его:

— Кого ты поставишь епископом в город Констанцию?

Патриарх отвечал:

— Не знаю: кого Бог изволит.

Явившийся сказал:

— Бог укажет тебе достойного, только будь завтра со всем клиром в церкви и смотри на входящих: и кого увидишь во всем похожего на меня, тому и вручи паству.

Наутро патриарх сидел в церкви и смотрел, кто из входящих будет похож на являвшегося. Нифонт же, ничего не зная об этом, шел в церковь и говорил на пути ученику:

— Чувствую на сердце какую-то и печаль, и радость: не произойдет ли чего с нами!

И с этими словами он вошел в церковь. Увидев его, патриарх сказал своему архидиакону:

— Посмотри, Афанасий, не похож ли этот человек лицом на образ святого апостола Павла?

— Да, отче, — отвечал архидиакон, — действительно так, и достоин пасти Церковь Христову: я вижу, что идет с ним Ангел Божий и беседует, кроме того, и венец из драгоценных камней виден на его голове.

Тогда патриарх подозвал святого, приветствовал его, и они сели. Архидиакон сказал с улыбкой Нифонту:

---

[1] *Святой Александр* был патриархом в Александрии с 312 по 326 год; память его празднуется 29 мая.

— От чего ты бежал, отче, к тому теперь пришел против своего желания.

Когда же блаженный узнал, что с ним будет, то сказал со вздохом:

— Горе мне! Грешен я и недостоин принять такую власть!

Патриарх отвечал:

— О, если б я так недостоин был!

И с этими словами встал, и начал Божественную литургию, и посвятил преподобного Нифонта в степень клирика; потом в течение нескольких дней посвятил его в диакона и пресвитера; после же возвел его и в архиерейский сан — при всеобщей радости о таком пастыре, явленном Богом. По поставлении своем во епископа Нифонт пробыл в Александрии три дня, беседуя с бывшими там святыми мужами. После этого патриарх отпустил Нифонта на его престол, послав с ним для оказания ему чести своего архидиакона и других святых мужей. Они прибыли в кипрский город Констанцию 4 сентября; посланные, вручив ему паству, возвратились в Александрию, славя Бога. Святитель же Божий Нифонт начал прилежно пасти стадо Христово и заботиться о спасении верующих. Он был отец сиротам и вдовам, безвозмездный врач больным и благодетель немощным, при этом сотворил он разные чудеса, которых и переписать всех невозможно за это он очень был любим и почитаем всеми. Неусыпно заботясь о пастве, увидел он однажды большего эфиопа, опиравшегося на жезл, будто в печали, он шел в город и часто отдыхал на пути. Святой понял, что это диавол, и закричал ему.

— Тебе говорю, скверный, зачем и как ты смел прийти сюда? Эфиоп посмотрел на него с гневом, будто хотел его пожрать, и сказал:

— Я услышал, что ты здесь, и пришел сокрушить тебя с твоими овцами.

Святой же сказал ему:

— Немощный! Ты сам сокрушен и меня ли хочешь сокрушить? Я видел, как один подвижник боролся с вами и тридцать ваших бесов изнемогли в борьбе с ним, кто же не посмеется над вашей немощью?!

— Не удивляйся этому, — сказал диавол, — если бы я имел прежнюю силу, мне бы ничего не стоило сокрушить тебя, но с тех пор, как Иисус был распят, я действительно немощен.

Святой отвечал:

— И теперь, если я помолюсь моему Христу, то что с тобой будет, бесстыдный?

— Я знаю, — отвечал диавол, — что ты многое можешь, но не делай мне зла, я уйду из твоего города и больше не стану подходить к нему.

Увидев это, святитель возблагодарил Бога, что Он хранит его и соблюдает паству его от лукавого беса.

После недолгого управления Церковию Христовою святой Нифонт приблизился ко времени своей кончины, которую он предузнал за три дня. Пришел тогда к нему и Великий Афанасий, бывший прежде архидиаконом, а потом, по смерти Александра, занявший престол Александрийской церкви[1]. Ему заблаговременно было возвещено Богом о близкой кончине Нифонта, и он пришел поэтому со всем клиром своим в последний раз проститься с угодником Божиим. Нифонт, увидев Афанасия, спросил его:

— Зачем ты трудился, блаженный отче, приходить ко мне, грешному человеку?

— Я узнал, — отвечал Афанасий, — что ты завтра уходишь в вышний Иерусалим, и пришел побеседовать с тобой, прошу тебя, когда предстанешь перед престолом Божиим, помяни и меня там, чтобы и мне получить милость от Господа.

— И ты, отче, — сказал святой, — когда совершаешь Божественные службы, поминай и мою худость.

В эту же ночь святой Нифонт долго молился о себе и о своей пастве. И явился ему Ангел Господень с утешением и известием, что ему уготован вечный покой. Во время утреннего пения он начал тяжко страдать от телесной болезни, и поэтому сказал своему ученику:

— Чадо, постели мне рогожку на земле.

И когда ученик исполнил его приказание, Нифонт лег на нее совсем больной. С наступлением дня, пришел к нему Афанасий Великий и, сев около него, спросил:

---

[1] *Святой Афанасий Великий* — патриарх Александрийский с 326 года; этот великий святитель был ревностным защитником Православия против еретиков ариан. Святой Афанасий оставил много сочинений, представляющих собой вековечный памятник несокрушимости Православия никакими врагами. Скончался в 373 году. Память его празднуется Церковью 18 января и 2 мая.

— Отче, есть ли какая польза от болезни человеку или нет?

Святой ответил:

— Как золото, когда его жгут на огне, отлагает ржавчину, так и человек, болея, очищается от грехов своих.

Потом, немного помолчав, заплакал, а затем улыбнулся, и просветлело его лицо, и сказал он:

— Приветствую вас, Ангелы святые!

Немного спустя, он сказал:

— Радуйтесь, святые мученики!

И еще больше просветилось его лицо. Через некоторое время он еще сказал:

— Благодать вам, блаженные пророки!

Тогда открылись духовные очи и у Афанасия святого, и увидел он, что блаженного приветствуют все лики святых, каждый отдельно. Потом Нифонт радостно сказал:

— Приветствую вас, священники, преподобные и все святые! — и умолк.

Вскоре он воскликнул:

— Радуйся, Обрадованная, красный мой свет, помощница моя и крепость, прославляю Тебя, Благая, ибо я помню милость и благодать Твою!

После этого он умолк, и просветилось лицо его, как солнце, так что ужаснулись все присутствующие. Ощущалось и ароматное благоухание, а вскоре послышался голос с неба, призывающий его в вечный покой. Так предал он честную и святую душу свою в руце Божии 23 декабря. Плач и горькое рыдание было во всем городе, и погребли святого Нифонта с почестью в великой церкви святых апостолов, славя милосердого к грешникам, дивного во святых, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ ДЕСЯТИ МУЧЕНИКОВ КРИТСКИХ

Декий, царь Римский, назначил на остров Крит[1] правителем соименного себе Декия, который походил на своего царя жестокостью, мучительством и гонениями на христиан. Прибыв на остров Крит, Декий тотчас велел разыскивать всех верующих во Христа и приводить к себе на мучение. И стали приводить к нему христиан, твердых в вере, и, после многих пыток и мук, предавали их различным образом смерти. В это время были взяты и приведены к мучителю десятеро славнейших мужей. Они были родом из разных городов: из Гортинского[2] города — Феодул, Саторнин, Евпор, Геласий и Евникиан; из Киоса — Зотик; из Епиней — Помпий и Агафопус; из Кидонии — Василид; из Ираклии — Еварест[3]; все же одинаково стремились к вечному небесному блаженству. Они предстали перед мучителем, — и каких только слов смело не изрекли они, какого мужества ни показали, каких только мучений не испытали, каких мук ни победили своим терпением? Их били, мучили, влачили по земле, били камнями, насмехались над ними, плевали на них; так в течение тридцати дней терпели они всяческие поругания. Двадцать третьего декабря назначен был суд, и когда сел игемон, привели на последний суд страдальцев, полных доблести и мужества. Игемон же, усердный к мучительству, в безумной ярости желал лютой смертью погубить святых мучеников, а они были готовы терпеть до последнего издыхания. Дыша гневом и убийством, игемон посмотрел на них и сказал:

— Что за безумцы вы, что ни разум, ни время не научило вас тому, что полезно?

---

[1] *Крит* — большой остров Средиземного моря в восточной части его, к югу Эгейского моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря. Первые начала христианства положены были очевидцами события Сошествия Святого Духа на апостолов, ибо при этом были и критяне (см.: Деян. 2, 11); потом христианство было здесь утверждено и распространено апостолом Павлом. — В XVII веке Крит перешел во владение турок.

[2] *Гортина*, или *Гортин*, — в древности значительный город на острове Крит, при реке Лефее (ныне Иеропотамо). Развалины древнего города сохранились и доныне.

[3] *Киос*, *Епинеи*, *Кидония* и *Ираклия* — различные города на острове Крит.

Потом, как будто бы уже устрашив их самим гневом, прибавил:

— Принесите жертву, а если нет, то я больше уже ничего не скажу вам, и вы узнаете, каков Декий, которому вы не хотите повиноваться!

На это мученики отвечали:

— Игемон! Мы и словом, и делом в течение уже долгого времени достаточно показали вам, что ни богам жертвы не принесем, ни вашему повелению не покоримся.

Игемон, прервав их речь, сказал:

— Так вы нисколько не думаете о муках, нечестивцы?

— Мы вовсе не боимся мук, — отвечали святые, — мы даже весьма благодарны тебе, что ты приготовил нам такое духовное торжество, то есть мучение за Христа, и предложил его нам.

Игемон сказал:

— Не так еще будет: вы узнаете силу великих богов, которых вы бесстыдно хулите, не стыдясь многих присутствующих премудрых людей, которые почитают первейшего из богов Дия, а также Геру, Рею и других[1], теперь вы будете подвергнуты таким мукам, что не

---

[1] Древние греки веровали, что раньше почитаемых ими богов в мире владычествовали другие: Крон и прочие титаны — полубоги-полулюди, которым греки приписывали более человеческие свойства. *Крон*, или *Сатурн*, по их верованиям, был младшим титаном, сыном *Урана* (неба) и *Геи* (земли), царствовал на острове Крите и потом присвоил себе владычество над всем миром; сочетавшись браком с сестрой своей Реей, имел от нее нескольких сыновей и дочерей; но так как ему было предсказано от Геи, что он будет свергнут с трона своими детьми, то он проглатывал их тотчас по рождении, за исключением Зевса, спасенного Реей, который впоследствии сверг Крона и заставил его извергнуть проглоченных им детей. *Зевс*, или *Дий*, почитался греками отцом богов и людей, могущественным и грозным властителем неба и всей вселенной, посылающим на землю громы и молнии. *Гера*, по верованию греков, была высшей богиней, супругой и вместе сестрой Зев-

только исчезнет ваше мужество, но и другие, такие же, как и вы — непокорные, если только такие найдутся, бояться будут.

На это твердые душою мужи опять отвечали:

— Не говори нам, игемон, о Дии и матери его Рее! Это нам не новость: знаем, слышали от отцов своих о его происхождении, жизни и нравах. Он был так невоздержен и так нечестив, что прелюбодействовал не только с женщинами, но и с мужчинами, чародейством и волшебной хитростью он изменял свой настоящий вид и принимал иной, все для большего и бóльшего прелюбодеяния, и постоянно осквернял себя постыдными делами. Некоторые, охваченные тою же страстью, подражали его мерзостям — ибо чего легче подражать злу? — они провозгласили его богом, построили храмы, стали приносить ему жертвы, чтобы и богу казалось приятным то, что хотелось им самим, чтобы блуд и невоздержная жизнь не только не считалась ненавистною богу, но, увы! признавалась богоугодною.

Так говорили угодники Божии, игемон же терзался от гнева, будучи побеждаем ими; еще более неистовствовал народ, устремляясь на мучеников, и растерзал бы их руками, если б Декий голосом и мановением руки не прекратил волнение и крик в народе. Водворив молчание, он стал обдумывать, какую бы лютую смерть изобрести мученикам. И тотчас, по приказу игемона, мучители схватили святых на мучение и стали подвергать их разнообразным мукам — одинаковым по жестокости и мучительности. Один из них был повешен, и его строгали железными когтями: вырывались жилы, и куски его тела падали на землю. Других били камнями и острыми кольями по ребрам до костей; у третьих от тяжких ударов оловом разбивались суставы, ломались и раздроблялись кости. Каждого мучили различно. Даже слышать больно о такой лютости мук; как для милосердых нестерпимо смотреть на эти мучения, так и слышать тяжело их подробное перечисление. Но мученики принимали такие муки совершенно спокойно или, правильнее сказать, претерпевали их с ра-

са, похвалявшейся своим высоким достоинством и супружескими правами. Но, кроме того, греческие мифы приписывают Зевсу плотскую связь со многими другими второстепенными богинями и даже с женами человеческими. В таких же грубо чувственных чертах изображаются и другие греческие боги и богини, которым греки усвояли все человеческие свойства, страсти и пороки. Вообще в религии древних греков и римлян все содействовало развитию нечестия, все указывало образцы для преуспеяния в нем.

достию, и стоявшим вокруг казалось, что они не столько страдают от боли, сколько жалеют о недостаточности мучений и желали бы еще бóльших. Все сбежались посмотреть на них как на нечто новое и удивительное — и верные и неверные. Верные, сохраняющие веру втайне, спешили подивиться мужеству страдальцев и через то утвердиться в вере, а неверные — надругаться над терпением святых и, смотря на их страшное мучение, насладиться их муками. При этом они не только не выказывали ни малейшей жалости, но побуждали игемона и мучителей еще к бóльшей жестокости. Побуждаемый ими, игемон отдавал приказания, а мучители исполняли их, глашатай же в это время восклицал:

— Пощадите самих себя, покоритесь начальствующим, принесите жертву богам.

Мученики же среди таких жестоких страданий превосходили своим мужеством и терпением всех: и народ, и глашатая, и мучителей, и самого игемона, и более всего князя их — сатану и всю его силу. Все мученики, как бы согласившись между собою, взывали:

— Мы — христиане, Христова жертва, закланная за Христа; если и десять тысяч раз нужно будет умереть, умрем охотно!

Когда же святые мученики пренебрегли всеми муками, тогда усердный слуга сатаны Декий, отчаявшись в возможности убедить их и принудить принести жертву, произнес над ними смертный приговор. Святых повели на усечение мечом к месту, отстоящему недалеко от города, оно называлось у жителей той страны Алоний. По дороге к нему страдальцы проявили нечто новое и необыкновенное: во все время мучения они были единодушны и единомысленны, под конец же стали спорить только о том, кому из них первому идти под меч и раньше принять венец. Но этот спор прекратил Феодул — один из этих святых мучеников, — говоря, что тот из них будет первым, кто после всех подставит свою главу под меч: если, видя пред собою усекновение и смерть всех остальных друзей своих, не убоится нимало, не проявит никакой скорби, не изменится даже в лице, то он поистине явится славнейшим подвижником и победителем. Все согласились со словами Феодула. Прежде всего они воспели общую песнь к Богу:

— *Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих* (Пс. 123, 6–7) и прочие

стихи этого псалма. Потом, придя на названное место, каждый из них произнес следующую молитву:

— Прости, Господи, рабам Твоим и приими пролитие крови нашей за нас и за наших сродников и друзей, и за все отечество, пусть освободятся от тьмы неведения и светлыми очами узрят христианскую веру, и познают Тебя, истинного Света, Царя Вечного!

После их молитвы стали отсекать им одному за другим святые и победоносные головы, души же их с радостью восходили ко Христу Богу. После их усечения, когда ушли мучители, некоторые из христиан, оставшись на том месте, собрали святые тела мучеников и погребли с честью[1].

По окончании гонения, когда воссияло опять благочестие, блаженный Павел, епископ города Гортины, прибыв в Константинополь, испросил позволения перенести тела святых из места Алония, — в котором они были погребены после усечения мечом, — в Гортину. Возвратившись в Крит и прибыв на место Алоний со множеством христиан, из которых некоторые были при страданиях святых, и очистив лежащую на них землю, он нашел тела их как бы во влаге, сохранившиеся волею Божией — неповрежденными и целыми, и перенес их со славою, в охранение городу и на помощь всем, в ней нуждающимся. Их молитвами да сподобимся и мы стать участниками уготованных им небесных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **ПАВЛА**, епископа Неокесарийского

Святой отец наш Павел, будучи епископом Неокесарийским[2], настолько прославился добродетелями, что дивное имя его

---

[1] Это было в половине II века.

[2] Блаженный Феодорит именует Павла епископом Неокесарии — крепости, лежащей на берегах Евфрата.

стало известно Ликинию[1], царствовавшему тогда в Никомидии. Ликиний, начавший жестокое гонение против христиан, потребовал Павла к себе. И когда посланные представили святого на суд царя, то, прежде всего, старались подействовать на него угрозами и томили голодом, а потом начали бить его. Все это святой мужественно переносил, и все удивлялись его терпению. После того подвергли его еще такой пытке: раскаленный железный круг, испускавший огненные искры, ковач посредством клещей положил святому на ладонь, а другою его ладонью прикрыл этот круг и, стянув скобами обе его руки, держал, пока не остыло железо. От того двигательные мускулы в руках святого свились и омертвели, так что пальцы его уже не могли ни сгибаться, ни разгибаться. Затем преподобного отца связали и отвезли к берегам реки Евфрат и там заключили в темницу.

Когда император Константин Великий, оставив Рим, окончательно воцарился на Востоке и в указе по этому случаю выразил желание, чтобы все его подданные были христианами, тогда всем, кто за имя Христово был в изгнании и заточении, дарована была свобода, и каждый возвращался на свою родину. Тогда же и святой отец наш Павел, тоже отпущенный на свободу, занял свой святительский престол и просиял благочестием, как и прежде, когда был еще отшельником, присутствуя наряду с прочими тремястами восемнадцатью святыми отцами на I Вселенском соборе, бывшем в Никее[2], святой Павел был там одним из тех, которые носили на теле своем язвы[3] Господа Иисуса: из присутствовавших на соборе отцов иные лишены были рук, иные — ушей, иные — носа, другие — глаз, или имели какое-либо другое повреждение на теле; одни за Христа претерпели биение, преломление костей, истерзание суставов, другие перенесли

---

[1] *Ликиний* царствовал с 307 по 324 год в восточной половине Римской империи, сначала — как соправитель императора Галерия, а потом самостоятельно. В то время как Константин Великий стал императором на Западе, Ликиний — язычник — сначала относился почти благосклонно к христианам, но когда Константин решительно объявил себя покровителем христианства, Ликиний сделался яростным гонителем Церкви Христовой, подозревая Константина в намерении завладеть и Востоком, а своих подданных — христиан в сочувствии Константину и желании подчиниться ему.

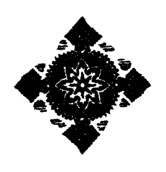
[2] В 325 году.

[3] По примеру апостола Павла, который в послании к Галатам (6, 17) восклицает: «ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем».

огненное опаление и строгание телесных своих членов. Среди них и блаженный Павел являлся доброчестным страдальцем за веру Христову, так как и он имел на себе следы палочных побоев и святые руки его обожженные были сведены и не действовали. Собор составлен был против злочестивого еретика Ария, который Божественным судом тогда был предан проклятию. После собора отцы предстали пред царем. Блаженный царь Константин при этом взял руки блаженного Павла и, облобызав их и прикладывая к глазам своим и другим частям своего тела, возгласил:

— Велика наша радость приветствовать того, кто так пострадал за Христа Бога нашего, и целовать эти сожженные руки, теперь беспомощные.

Возвратился потом блаженный Павел в свой город на святительскую кафедру и, после многих лет управления паствою, с миром отошел ко Господу.



День двадцать четвертый

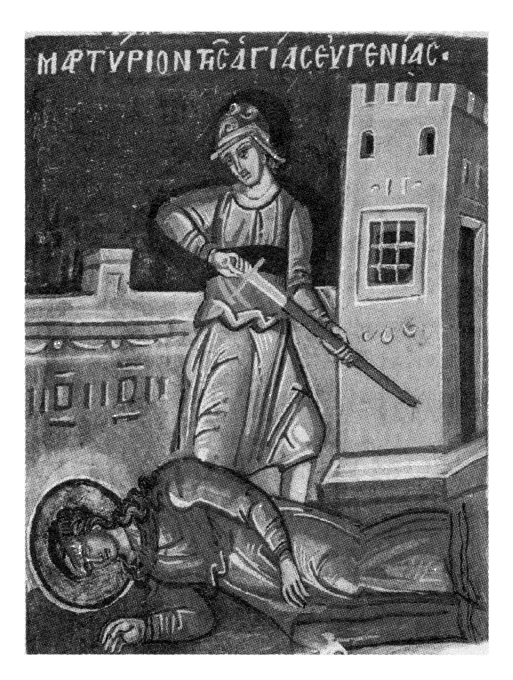
ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ
ЕВГЕНИИ

В седьмой год царствования Римского императора Коммода, наследовавшего престол после отца своего Марка Аврелия[1], был назначен правителем всего Египта некий знаменитый вельможа, по имени Филипп. Получив такое назначение, Филипп переехал со своей женой Клавдией и с детьми из Рима в Александрию. У него было два сына — Авит и Сергий и единственная дочь, Евгения, прекрасная лицом и целомудренная духом, о житии которой и предлагается настоящее повествование.

Филипп управлял Египтом по римским законам и по обычаям предков. Он очень не любил чародеев, волшебников и всячески преследовал их. Также он не любил и евреев, даже до того, что не мог слышать еврейского имени. Милостивее всего он относился к христианам и, хотя изгнал их из Александрии, по царскому повелению, однако позволил им мирно селиться и служить своему Богу в предместьях этого города. Филипп уважал христиан за чистоту их жизни и мудрость. Сам он охотно занимался греческой философией, в которой воспитывал и свою дочь Евгению, желая, чтобы она приобрела хорошие познания в философии. Кроме того, Филипп обучал Евгению свободно и красиво говорить на обоих языках, латинском и греческом. Обладая ясным умом и прилежанием, Евгения легко пре-

---

[1] *Марк Аврелий*, Римский император, царствовал с 161 по 180 год. *Коммод*, сын его, царствовал с 180 по 192 год.



успевала в науках. Что она раз слышала или читала, то уже всегда твердо помнила, храня в своем сердце так, как бы это было вырезано на медной доске. Была она также прекрасна лицом и стройна телом, но еще лучше и прекраснее целомудрием своих мыслей и девственной чистотой. Поэтому один из знатнейших римских сановников, по имени Аквилин, пожелал обручить ее в невесты своему сыну Аквилию. Но когда родители спросили ее, согласна ли она выйти замуж за этого благородного юношу, то Евгения ответила:

— Мужа надо избирать себе лучшего по жизни, а не по происхождению, ибо с ним придется жить, а не с родом его.

Также и другие благородные и богатые юноши желали обручиться с ней, но она отказывала всем, под видом того, что ей не угоден их образ жизни, а на самом деле избегая супружества из любви к девственной чистоте, ибо ее единственное желание и забота заключались в том, чтобы пребывать в девстве.

Так приуготовлялся прекрасный и чистый сосуд к принятию Божественного мира, и вскоре истинная вера последовала за ее добрыми делами, и Евгения чистой приступила к чистому источнику благочестия. Началом ее обращения к Богу послужило следующее событие. Случайно, или, лучше сказать, по Божественному произволению, ей пришлось читать книгу посланий святого апостола Павла. Внимательно читая и уразумевая ее, Евгения узнала о бытии Единого истинного Бога, сотворившего вселенную: и тотчас просветился ум ее, который издавна был предочищен и предуготован к принятию Святого Духа. Сердцем она твердо уверовала во Христа, но не смела открыто исповедать Его устами, боясь гнева родителей.

Когда, по царскому повелению, изгнали из Александрии христиан, учение которых Евгения сильно желала услышать, то она вы-

просила у родителей позволения съездить в одно из своих ближайших поместий — под предлогом отдыха в сельском уединении, на самом же деле для того, чтобы исполнить свое желание. Не подозревая о намерении Евгении, родители отпустили ее в поместье. Проезжая в колеснице со своими евнухами и рабами мимо монастыря, находившегося в одном из христианских поселений, Евгения услышала, как иноки пели за оградой: *Все боги народов — идолы, и Господь небеса сотворил* (Пс. 95, 5). Слыша эти слова и устыдившись отеческого заблуждения, она вздохнула из глубины души и сказала двум своим евнухам, из которых одного звали Протом, а другого — Иакинфом:

— Вы достаточно обучались со мной наукам; мы вместе постигли учение философов: Сократа, Аристотеля и Платона, известные заблуждения стоиков и мнение Эпикура[1], а равным образом прочли и изучили сочинения других софистов и поэтов. Вы, конечно, понимаете, что все это басни, не имеющие за собой ничего, кроме разве обманчивого для многих подобия истины. Не безызвестно нам также, как хвалятся своей премудростью эллины, из кторых одни всячески доказывают, что нет никакого Бога, а другие полагают, что богов много, причем одних богов считают большими, а других — меньшими. Христиане же побеждают всех их одним словом, говоря: *Все боги народов — идолы* (Пс. 95, 5), ибо вера в этих языческих богов есть настоящее безбожие и ведет к погибели. А учение христиан: *Господь же небеса сотворил* (Пс. 95, 5) — открыто признает Единого Бога и дает нам познание о нашем всеобщем Господе. Согласно с этим учит и их апостол Павел, писание которого, доказывающее бытие Единого Бога, я читала вчера и третьего дня. И я верую в слова этого апостола, как очень ясные и достойные доверия, ибо они основывают веру на делах. Апостол в своих посланиях ясно указывает путь ко спасению, и вы, если пожелаете, можете последовать его указанию. Я же не буду больше зваться вашей госпожой, но сестрой и сослужительницей, ибо мы имеем общего Господа и Отца — Бога. Будем же единодушны и единомысленны, как братья, и вместе решим обратиться ко Христу. Я слышала, что христианский епископ Елий[2] построил здесь монастырь, где иноки непрестанно днем и ночью

[1] *Сократ*, *Платон* (ученик его), *Аристотель* (ученик Платона), *Эпикур* — известные греческие философы, жившие в IV веке до Рождества Христова.

[2] Память его празднуется 14 июля.

прославляют песнопениями Бога. Епископ поручил обитель некоему пресвитеру Феодору, о чудесных делах которого рассказывают, что он своей молитвой подает прозрение слепым, изгоняет бесов и врачует всякие болезни одним своим словом. Говорят еще, что в этот монастырь ни в каком случае не позволяют входить женщинам. Поэтому, остригите мне волосы, оденьте в мужскую одежду и ночью отведите меня туда. Мы назначим наше возвращение в город поздно вечером, все рабы пусть идут впереди колесницы, а вы двое позади. Я тихо сойду с колесницы, и мы скроемся тайно от всех, колесница же возвратится домой пустой, а мы пойдем к рабам Божиим.

Такие слова Евгении, равно как и ее намерение, пришлись по сердцу обоим евнухам, и когда настала ночь, они поступили, как было заранее условлено. Поздно вечером на обратном пути в город они тайно спустили Евгению с колесницы, так что никто из рабов этого не заметил, скрывшись, они облекли ее в мужскую одежду, остригли ее девические волосы и направились к монастырю. Не доходя до обители, они увидели приближение блаженного Елия, епископа Илиопольскаго[1]. В Египте был такой обычай, что когда епископ обходил монастыри и церкви, то народ сопровождал его с песнопениями. Так и здесь с епископом Елием, впереди и позади его, шло около десяти тысяч мужей, певших и восклицавших:

— *Путь праведника прям, Ты уравниваешь стезю праведника* (Ис. 26, 7).

Услышав такие слова, Евгения сказала своим друзьям:

— Вникните в смысл этих стихов и заметьте, как все слова их подходят к нам. Когда мы беседовали об истинном Боге, мы слышали пение: *Все боги народов — идолы, Господь небеса сотворил* (Пс. 95, 5). Теперь же, когда мы отправились в путь, которым желаем прийти ко Христу, отвратившись от идолослужения, — вот несколько тысяч человек, встречая нас, единогласно поют: *Путь праведника прям, Ты уравниваешь стезю праведника* (Ис. 26, 7). И мне кажется, что это произошло не случайно, но по Божественному произволению. Посмотрим, куда идет этот народ, и если к той же обители, куда и мы направляемся, то присоединимся к ним и пойдем вместе, как бы их друзья.

Присоединившись к шедшему с пением народу, они по пути спросили одного человека:

---

[1] *Илиополь* — город в Нижнем (Северном) Египте.

— Кто этот старец, который едет на осле посреди окружающего его народа?

И услышали в ответ, что это — епископ Елий, христианин от юности своей, возросший в монастыре. Когда его еще отроком посылали принести огня от соседа, он приносил в поле своей одежды горящие угли, и одежда его не опалялась: так угоден был он Богу еще в детстве.

— Несколько дней тому назад, — продолжал спрошенный, — в здешних местах появился некий волхв, по имени Зарий, прельщающий людей разными хитростями и чарами: он называл обманщиком епископа Елия, о себе же самом говорил, что он добрый наставник, посланный к людям Христом. И вот множество христиан собрались и пришли к отцу нашему, которого вы видите, и сказали: мы слышим, как Зарий утверждает, что он послан Христом, поэтому или приими его в общение с собой, или же, если слова его ложны, отвергни его, и мы последуем за тем из вас, кто выйдет победителем из словесного состязания. Святой епископ Елий согласился на спор с Зарием: он надеялся на Христа, как Зарий — на своих бесов. Был назначен день для спора и приготовлено место посреди Илиополя. Волхв Зарий явился со своими волшебными чарами, епископ же пришел с Богодухновенными глаголами и, благословив народ, сказал: ныне испытаете *духов, от Бога ли они* (1 Ин. 4, 1). Обратившись затем к Зарию, он начал с ним великое словесное состязание. Но волхв был искусен в своем обмане, горд и бесчинен в речи; он старался победить не силою истины, но бесстыдным многословием. Поэтому кроткий и незлобивый епископ не мог его переспорить, и народ скорбел, что Зарий одолевает епископа в состязании. Заметив это, Елий потребовал, чтобы утихло волнение, и сказал народу: «Надлежит нам ныне последовать указанию апостола Павла, которое он дает своему ученику Тимофею: *не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих* (2 Тим. 2, 14). Но чтобы кто-нибудь не подумал, что мы приводим это свидетельство апостола не для выяснения истины, а из боязни, — пусть среди города разожгут костер, и мы оба войдем в пламя, и кто из нас не сгорит, тот и есть истинный посланник Христов». Это предложение пришлось по сердцу всему народу, тотчас же разожгли великий костер. Епископ стал звать волхва в пламя, но тот ответил: войди

первым в огонь, так как ты предложил это испытание. Осенив себя крестным знамением и воздев руки к небу, епископ вошел в середину костра и простоял там около получаса, окруженный великим пламенем, но нимало не опаленный им: огонь не коснулся ни его волос, ни даже одежды. Он звал и Зария войти в огонь, но тот, устрашившись, попытался убежать. Тогда народ схватил его и насильственно бросил в огонь. Волхв тотчас же начал гореть и сгорел бы совсем, если бы святой епископ Елий не избавил его от огня полусожженного, но еще живого. После этого изгнали волхва с бесчестием из пределов Илиополя. А епископа, которого вы видите, куда бы он ни пошел, всюду сопровождает народ с Божественным пением.

Внимая этому повествованию, блаженная Евгения радовалась духом, изумлялась, глубоко вздыхала и, наконец, начала усердно просить беседовавшего с нею мужа (имя его было Евтропий):

— Молю тебя, господин мой, возвести святому епископу о нас, желающих обратиться от идолов ко Христу. Мы братья и с общего согласия решили стать христианами и пребывать совместно в этом монастыре, никогда не разлучаясь друг с другом.

— Умолчите теперь об этом, — ответил им муж, — пока епископ не войдет в монастырь и не отдохнет немного от пути, а когда будет удобное время, я, согласно вашему желанию, возвещу ему о вас.

Когда они приблизились к монастырю, навстречу епископу вышли иноки и воспевали: *мы приняли, Боже, милость Твою посреди людей твоих* (Пс. 47, 10).

Вместе с епископом и народом вошли внутрь монастыря и Евгения, похожая на юношу своим одеянием и короткими волосами, и ее евнухи. Совершив в церкви Божественную службу и подкрепившись немного пищей в десятом часу вечера, как это было в обычае у постников, святой Елий почил от трудов и увидел во сне следующее видение: какие-то мужи носили на руках и, как бога, почитали жертвами и поклонением женское изваяние, подобное одной из эллинских богинь. Тяжело было видеть епископу, как люди прельщаются, впадая в идолопоклонство, и он сказал, обратившись к находившейся среди них богине:

— Подобает ли тебе, созданию Божию, быть почитаемой людьми за Бога и принимать от них поклонение, приличествующее одному Богу?

Услышав эти слова, богиня тотчас же покинула поклонявшихся ей мужей и последовала за епископом, говоря:

— Не покину тебя и не отступлю от тебя, пока ты не приведешь меня к Творцу и Создателю моему и не вручишь меня Ему.

Воспрянув от сна, епископ размышлял об этом видении. И вот вошел к нему Евтропий и сказал:

— Владыка! Три отрока, родных брата, единодушно оставляя идолопоклонство и желая быть причисленными к лику служащих Христу в этом монастыре, вошли сегодня вслед за тобою в обитель и со слезами молили меня возвестить о них твоей святыне.

Епископ в великой радости воскликнул:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, сподобившего меня ныне услышать такую радостную весть!

И повелел тотчас призвать к себе тех трех отроков. Когда они одни вошли и предстали перед епископом, святитель сначала произнес молитву, а затем начал по-отечески и с любовью беседовать с Евгенией, расспрашивая об их именах, происхождении и отечестве. В девическом смущении Евгения смиренно отвечала:

— Родом мы из славного города Рима и отечество наше Рим. Мы братья по плоти. Имя первого из нас — Прот, другой — Иакинф, я же сам зовусь Евгением.

Ласково глядя на нее, епископ Елий сказал:

— Правильно зовешься ты Евгением, Евгения! Имя твое[1] согласуется с духом твоим, ибо ты имеешь благородную, мужественную душу и во всех отношениях являешься мужем. Крепко держи в уме свое решение, побеждай свою женскую природу, и ты возмужаешь и утвердишься о Христе, ради Которого ты, будучи женой, выдаешь себя за мужа, изменяя женский образ и имя из любви к Богу. Я говорю это тебе, не обличая тебя, не порицая твою женскую природу и не желая отвлечь тебя от твоего намерения, но чтобы ты узнала, какое попечение имеет о тебе Бог, Который открыл мне все, относящееся до тебя, не утаив ничего: кто ты, и как придешь ко мне, и кто еще придет с тобой ко мне. Итак, Евгения, постарайся явиться не менее мужественной духом, чем своим видом: ибо и это открыл мне Господь мой, что ты уготовила Ему в себе чистый сосуд, непорочно сохраняя свое девство и отвергая соблазны земной жизни.

[1] *Евгения* в переводе с греческого означает «благородная», «мужественная».

Обратившись затем к Проту и Иакинфу, святитель сказал:

— Вы рабы по имени, но свободны духом, ибо дух ваш не порабощен ничем земным. Поэтому не я, но Сам Господь Иисус Христос говорит вам: *уже не называю вас рабами, но друзьями* (Ин. 15, 15). Блаженны вы ради таковой вашей свободы, но еще блаженнее ради вашего содружества и единения со Христом: ибо вы единодушно согласились взять на себя Его иго и нисколько не воспрепятствовали блаженной Евгении в ее намерении, но вместе с ней горите духом и желанием служить Господу. И когда она покинет эту жизнь, то и вы вместе с ней удостоитесь от Господа тех же венцов и воздаяния, как и она.

Никто не присутствовал при этой беседе Евгении и евнухов с епископом. Евгении Елий повелел оставаться в мужской одежде, ибо никто не знал ее тайны. И она вместе с евнухами не раньше отступила от епископа, пока он не крестил их всех и причислил к лику иночествующих.

Теперь узнаем, что произошло с тех пор, как святая вместе с Протом и Иакинфом тайно от рабов сошла с колесницы и как горевали о ней ее родители.

Колесница пустая продолжала свой путь и уже приближалась к дому, а рабы все шли впереди ее, не подозревая о случившемся. Домашние слуги вышли со светильниками навстречу Евгении. Подойдя к колеснице, они нашли ее пустой и, не видя своей госпожи, были в великом недоумении. Отец ее, мать, братья и все слуги пришли в смущение и повсюду раздались крики, вопли, рыдания и сильный плач. По всему городу начались расспросы, и народ александрийский удивлялся, что сделалось с дочерью правителя. Многочисленные рабы были разосланы повсюду, чтобы отыскать Евгению. Они обошли не только весь город, но и всю страну Египетскую, и никого не забыли расспросить по пути и в домах: купцов, земледельцев и странников, но нигде не могли ничего услышать о той драгоценной жемчужине, которую Десница Вышнего хранила до срока в своей сокровищнице.

Родители днем и ночью плакали о Евгении и неутешно рыдали, часто призывая ее имя, терзая свои лица, посыпая пеплом главу и падая на землю от изнеможения и сердечной скорби.

— Евгения, дщерь наша любезная, — взывали они, — свет наш, куда ты скрылась от наших очей? Утешение наше, где утаилась? Надежда наша, неужели ты погибла?

И родители рыдали о своей дочери, братья плакали о своей сестре, рабы же и рабыни проливали слезы о своей госпоже. Все граждане также сожалели о Евгении и сочувствовали горю правителя, как своего доброго господина и властителя. Затем начали вопрошать волхвов и чародеев и приносить идолам многочисленные жертвы, в надежде, не возвестит ли какой-нибудь из богов о пропавшей девице. Но и от них не могли ничего узнать. Волхвы и чародеи молчали, будучи лживы и несведущи, идолы же — будучи бездушны. Наконец, кто-то из жителей Александрии выдумал басню для утешения правителя, а именно утверждали, что им открыто, будто боги возлюбили красоту Евгении, похитили ее на небеса и сопричислили к себе. Огорченный отец поверил этой басне, немного утешился в печали и с трудом изменил свой плач на радость. Он тотчас же велел вылить из золота идола, похожего на его любимую дочь, поставил его на видном месте в Александрии и начал всенародно почитать Евгению, как новую богиню новыми празднествами и приношением многочисленных жертв. И этим он думал утешить свою печаль. Однако мать Евгении Клавдия и братья, Авит и Сергий, не поверили басне и продолжали непрестанно и неутешно плакать о Евгении.

Тем временем, блаженная дева, скрывшаяся под мужской одеждой и именем и считавшаяся мужчиной по суровому образу жизни, жила в упомянутом монастыре, усердно проходя иноческое послушание и служа Богу. Она так преуспела в Божественном учении, что через два года знала уже наизусть все Священное Писание: миром же душа ее была столь преисполнена, что все почитали ее за одного из Ангелов. Никто не мог узнать о ее женской природе, которую скрывала сила Христова и непорочное девство, а по своей жизни и совершенных мужей она приводила в удивление. Речь ее была смиренна, приветлива, кротка и немногословна, исполнена страха Божия и назидания. Никто не приходил раньше ее к церковной службе и никто не уходил после нее. Всем она была на пользу и назидание: скорбящих утешала, с радующимися радовалась; отдавшихся гневу и ярости укрощала одним словом; на горделивого же так действовал

образ ее смиренного жития, что сразу смирял его гордость и делал кротким.

Спустя немного времени она получила от Бога дар чудотворений. Когда она посещала какого-нибудь больного, то тотчас, уже самим ее пришествием прогонялась болезнь и подавалось больному полное здравие. Два евнуха ее — Прот и Иакинф пребывали с ней неотступно и были подражателями ее жизни, ее верными рабами и друзьями.

Спустя три года по ее обращении к Богу скончался игумен того монастыря, и собравшаяся братия стали единодушно молить блаженную, чтобы она была их игуменом: они не ведали той охраняемой Богом тайны, что их Евгений по природе не муж, а жена. Они видели ее мудрое, непорочное и Богоугодное житие, несравненно превосходящее житие всех постников этого монастыря, и поэтому долго молили и понуждали ее принять начальство над ними. С одной стороны — опасаясь, что ей, как жене, неприлично и противозаконно управлять мужами, с другой же — стыдясь обмануть и отвергнуть усердное моление стольких честных иноков, святая сказала им:

— Молю вас, братия, принесите сюда святое Евангелие.

И когда оно было принесено, она продолжала:

— Подобает христианам о всяком избрании прежде всего вопрошать Самого Господа Христа. Посмотрим, что нам повелит Христос в этом деле и будем повиноваться Его изволению.

Когда в присутствии всей братии развернули Евангелие, то нашли следующие слова: *а кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф. 20, 26–27).

По прочтении этих слов, святая возгласила:

— Вот я повинуюсь повелению Христову и вашей просьбе. Пусть буду я слугой и рабом вашей любви.

И все обрадовались ее согласию. И принял мнимый Евгений, на самом же деле Евгения, игуменство в том монастыре, и стал для всех как бы пленником и рабом, непрестанно трудящимся на всю братию, носящим воду, рубящим дрова, чистящим все келии и с великим усердием служащим всем. Для своего пребывания Евгения выбрала келию вратаря, чтобы превосходством келии не показать себя выше других. Трудясь по монастырским делам, она никогда не пропускала обычного церковного правила, то есть утрени, часов

(а в особенные дни — литургии) и вечерни. И казался ей понапрасну погубленным тот час, в который бы она не воздала хвалы Богу, и она тщательно наблюдала за тем, чтобы и час один не прошел без славословия Божия. В руках у нее была работа, а в устах — непрестанная молитва. И получила она власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их из людей, и дана была благодать ей творить иные чудеса, подробно рассказать о которых недостанет и времени. Но расскажем, как началось гонение на святую, а также и прочее время и конец ее жизни и страданий.

Была в Александрии одна женщина, по имени Меланфия, богатая имуществом, но нищая добрыми делами. Она заболела лихорадкой и страдала ею больше года. Поместье ее находилось вблизи от монастыря, где жила Евгения. Услышав однажды, что инок, по имени Евгений, исцеляет всякие болезни, она поспешно отправилась к нему и молила исцелить ее от недуга. Сжалившись над ней, Евгения помазала ее святым елеем, и она тот час же извергла все, что было внутри ее вредного, причинявшего ей болезнь, и, выздоровев, пешком вернулась в свое поместье. Спустя немного времени она приготовила три сосуда из чистого серебра и, наполнив их деньгами, послала к своему бескорыстному врачу в благодарность за полученное исцеление. Но Евгения не приняла подарка и отослала к ней обратно, сказав:

— Мы изобилуем и преизобилуем всеми благами о Боге нашем. Советую же тебе, возлюбленная Меланфия, раздать все это нищим и нуждающимся.

Увидев свои дары возвращенными, Меланфия очень опечалилась. Придя в монастырь, какими только мольбами она ни молила и какими просьбами ни понуждала Евгению не отказываться от принесенных даров! Наконец, ей с трудом удалось умолить настоятеля Евгения, чтобы он повелел отнести сосуды в церковную сосудохранительницу, где хранились вещи для церковного служения.

С этих пор Меланфия стала часто посещать Евгения и возымела сильную любовь к нему, не зная того, что под мужскою одеждою и именем скрывалась женщина. Видя его столь юным и прекрасным, Меланфия не думала, чтобы такой юноша мог всегда жить в чистоте, свое же исцеление она стала приписывать не святости, а его врачебному искусству. И вот со дня на день она стала разгораться все

бóльшим и бóльшим желанием вступить с ним в плотскую связь и искала только удобного времени и места, чтобы исполнить свое желание. И вот однажды, находясь в своем поместье недалеко от монастыря, Меланфия, распалившись нечистой похотью к юному черноризцу, притворилась больной и послала к нему с просьбой посетить ее наедине и помочь ей, как и в первый раз.

Придя к ней, блаженная Евгения села перед постелью Меланфии, страдавшей не болезнью, но плотским вожделением. Взирая на лицо Евгения, Меланфия была не в силах далее скрывать в себе таившийся и долго разжигавший ее огонь. Она раскрыла свои бесстыдные уста и начала любодейную речь, прельщая его и увлекая ко греху, как некогда увлекала Иосифа египтянка, жена Пентефрия (см.: Быт. 39, 7–20).

— Я объята нестерпимым желанием и любовию к тебе, — говорила она, — и мой дух не может успокоиться, пока ты не согласишься стать господином над всем моим имуществом, а для меня — супругом. Для чего ты напрасно умерщвляешь себя ненужным воздержанием и самовольно губишь в нищете и нужде дни твоей юности, в такой сильной степени изнуряя тело и иссушая красоту лица? Вот громадные имения, вот множество золота и серебра, драгоценных камней и дорогих одежд, великое число рабов и рабынь! Вот, наконец, ты видишь и меня, юную и прекрасную, овдовевшую только в этом году, к тому же бездетную, так что нет наследника моим богатствам. Наследуй им сам и стань моим господином и владыкой.

Все это и еще многое другое говорила Меланфия, прельщая Евгению. Но преподобная Евгения, стыдясь бесстыдства этой блудницы, грозно ответила ей:

— Замолчи, жена, замолчи! И не пытайся повредить мне ядом древнего змия. Я вижу, что ты соделала из себя великое жилище диавола, отступи от слуг Божиих, искусительница, богатства же твои пусть наследуют подобные тебе любострастники; наше же богатство заключается в убожестве со Христом. Что же касается до брака, то да не помыслит даже ум наш когда-нибудь о плотских наслаждениях. О блаженная чистота, не продадим тебя за тленные богатства! О святое девство, не оскверним тебя любодеянием! О Матерь Божия и Дева, на Которую уповаю, не изменю я своим обетам! Один у нас

брак — наша любовь ко Христу, одни у нас богатства — блага, уготованные на небесах, одно наследство — познание истины!

Сказав это, блаженная тотчас же встала и ушла в свой монастырь, Меланфия же, исполнившись невыразимого стыда, а вместе с тем и гнева, отправилась в город и, явившись к правителю, сказала ему:

— Некий христианский юноша, выдающий себя за врача и живущий в монастыре недалеко от моего поместья, пришел ко мне в дом, и я позволила ему войти в мою горницу для врачевания. Но он, считая меня за одну из бесчестных и бесстыдных женщин, начал понуждать меня к дурному делу, сначала льстивыми словами, а затем хотел употребить насилие; и если бы я не закричала и рабыня не поспешила прибежать на мой зов, то этот бесстыдный юноша наверное бы осквернил меня насилием, как варвар пленницу.

Такие слова Меланфии привели правителя в сильный гнев, и он тотчас же послал слуг, чтобы взять не одного только юношу Евгения, называемого врачом, но и всех, живущих с ним, и, заковав их в железные оковы, держать в узах. Но так как одна темница не могла вместить всех иноков, находившихся с Евгенией, то их распределили по разным темницам. Слух об этом событии распространился не только по всей Александрии, но и по окрестным городам, и много оскорблений и поношений вынесли христиане от язычников, ибо все слышавшие рассказ Меланфии верили в истинность слов ее, так как она славилась среди язычников честностью и благородством происхождения.

Назначили день, когда должны были совершиться суд над иноками и казнь их, некоторых из них правитель хотел отдать на съедение зверям, других — сжечь огнем, иных — повесить на дереве, а прочих погубить разными другими мучениями. И вот, когда наступил назначенный день, сошлось множество народа не только из города, но и изо всех его окрестностей. Собралось также весьма много христиан, среди которых было много пресвитеров и несколько епископов: они пришли, чтобы увидеть кончину неповинных рабов Божиих (христиане были уверены в ложности клеветы), взять останки их и предать честному погребению.

Как только пришел правитель Филипп со своими сыновьями Авитом и Сергием и сел на обычном месте, предназначенном для судьи, тотчас же привели на середину позорища блаженную Евгению, тайну которой никто еще не ведал, с ее евнухами и прочими

иноками, закованными в тяжелые железные оковы. Тогда народ громко закричал:

— Пусть погибнут эти нечестивые беззаконники!

Правитель же повелел, чтобы подвели ближе к нему для испытания начальника злых (как они говорили), непорочную агницу Христову, чтобы положили перед ней все орудия мучений и чтобы предстали готовые и грозные палачи.

И стояла святая Евгения на суде перед отцом своим и братьями, неповинная ни в каком зле, скрытая под мужской иноческой одеждой и низко опустив главу, чтобы не быть тотчас же узнанной. Обратившись к ней, правитель грозно спросил:

— Скажи нам, беззаконный христианин, так ли заповедал вам ваш Христос, чтобы вы творили скверные дела и хитростями склоняли честных женщин на исполнение ваших дурных вожделений? Скажи нам, нечестивец, как дерзнул ты войти в дом светлейшей госпожи Меланфии и понуждать ее благороднейшую чистоту к осквернению? Лукаво выдавая себя за врача, ты оказался врагом и насильником. И вот ты примешь достойную казнь за твое бесстыдное и дерзкое намерение, и, будучи злым, погибнешь злою же смертью.

Так с сильным гневом говорил правитель, а блаженная Евгения кротко отвечала ему:

— Господь мой, Иисус Христос, Которому я служу, учит чистоте и обещает вечную жизнь хранящим непорочное девство. Мы можем тотчас же показать, что Меланфия ложно обвиняет нас. Но лучше, чтобы мы сами пострадали и не потеряли плодов нашего терпения, нежели чтобы ей, побежденной и обличенной, пришлось претерпеть какое-либо зло. Впрочем, если ты поклянешься мне именем твоих царей, что не причинишь этой лжесвидетельнице никакого зла, то мы сейчас допросим ее о грехе, в котором она нас неповинно обвиняет, и увидим, что она сама окажется в нем виновной.

После того как правитель поклялся ей и обещал исполнить просимое, Евгения сказала, обратившись к Меланфии:

— Меланфия, самое имя[1] твое свидетельствует о черноте и помрачении! Много различных мучений уготовала ты христианам своей ложной клеветой. Что же, настаивай, чтобы нас терзали, жгли и били!

---

[1] *Меланфия* в переводе с греческого означает «черноцветная».

Но убедись, что не таковы у Христа рабы, какими ты их ложно показываешь. Приведи же ту рабыню, которую ты назвала очевидицей нашего греха, чтобы из ее уст изобличилась ложь и стала явной истина.

Но приведенная рабыня прибавила ложь ко лжи, чтобы угодить своей госпоже, ибо как же она могла сказать что-либо против нее.

— Я знаю, — говорила она, — что этот бесстыдный юноша часто грешит с простыми женщинами, он дерзкий, многократно приставал и ко мне, и, наконец, осмелился посягнуть и на мою госпожу. Войдя в ее спальню в первом часу дня, он сначала беседовал с ней, как врач, заботясь о здоровье, затем начал говорить бесстыдные речи и, наконец, хотел произвести над ней насилие, и, вероятно, совершил бы свое беззаконное дело, если бы я поспешно не созвала других служанок и не избавила нашу госпожу от рук этого блудника.

Судия велел призвать других прислужниц, но и те также свидетельствовали против инока Евгения, помогая своей госпоже. Тогда правитель в сильном гневе воскликнул:

— Что можешь ты возразить им, нечестивец, когда столько свидетелей побеждают тебя и изобличают твое беззаконие?

— Теперь настало время говорить, — ответила святая Евгения, — ибо кончилось время молчания. Настало время свободно исповедать истину, чтобы не торжествовала безмерно возводимая на нас ложь и не ходили среди язычников худые слухи о христианах. Поистине я желала сохранить мою тайну до конца моей жизни и тем обличить на будущем суде Христовом возводимую на нас ложь и доказать мою чистоту перед Тем, из любви к Которому я ее хранила. Чтó до сих пор я тщательно старалась утаить, то теперь мне придется обнаружить для того, чтобы беззаконие не торжествовало над невинностью и языческое нечестие не глумилось над благочестивой и целомудренной христианской жизнью и не насмехалось над нею. Я открою истину не из тщеславия, но для прославления имени Иисуса Христа; ибо такова сила этого святого имени, что и жены, живущие в страхе Божием, сподобляются достоинства мужей, и люди одного пола не могут быть верой выше людей другого пола, как говорит учитель христианский апостол Павел: нет у Бога различия между мужем и женой, *ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 28). Так и я пожелала

ради Христа, в Которого уверовала, Которого всей душой возлюбила и на Которого возложила все мое упование, по жизни и по внешнему виду быть скорее мужем, чем женой, соблюдая свое девство единому чистейшему и нетленному небесному Жениху.

Говоря так, она разодрала сверху свою одежду, обнажила часть своего святого и чистого девического тела, и правитель увидал, что она женщина. Тогда Евгения сказала ему:

— Господин мой, ты — мой отец по плоти, Клавдия же — моя мать, а сидящие с тобою Авит и Сергий — мои братья. Сама же я — дочь твоя Евгения, отрекшаяся от мира и всех его наслаждений из любви ко Христу, вот Прот и Иакинф, мои евнухи, вместе с которыми я приняла учение Христово. И такую благодать явил на мне Христос, что по Своему милосердию сделал меня победительницей всех похотей и страстей, и я непоколебимо верую, что Он и до конца сохранит меня такою же, какая я теперь.

Она еще не успела докончить своей речи, как отец и братья на основании ее слов, а также и по некоторым чертам ее лица (ибо они пристально всматривались в нее) признали, что она действительно Евгения. Тотчас же, в несказанной радости и со слезами, они вскочили со своих мест и бросились к ней, обнимая ее, целуя, плача от радости и веселясь, что внезапно нашли Евгению, без которой и самый свет мира этого перестал быть им приятным. Тотчас же было возвещено и матери ее, Клавдии, что дочь ее Евгения нашлась. Та поспешно пришла и чего только ни делала, увидев свою возлюбленную Евгению, какими ласковыми словами ни осыпала ее, смотря на свою дочь, как бы на воскресшую из мертвых. Видя происшедшее, народ изумлялся и громко взывал:

— Един Христос, Един истинный Бог, Бог христианский!

А множество христиан, пришедших со своими епископами и пресвитерами для погребения тел мучеников, также пели, исполнившись несказанной радости: *Десница Твоя, Господи, прославилась силою; десница твоя, Господи, сразила врага. Кто Бог так великий, как Бог [наш] открывает сокровенное и тайное изобличает, он уловляет мудрецов их же лукавством* (Исх. 15, 6; Пс. 76, 14; Иов. 5, 13).

Затем принесли златотканые одежды с драгоценными украшениями, в которые родители и братья Евгении против ее воли облекли ее, и посадили на высоком месте, чтобы все ее видели и вместе с

ними радовались обретению утраченной. Тотчас же освободили от оков иноков, находившихся в узах вместе с Евгенией, обласкали их и стали почитать как истинных рабов Христовых.

Меланфия же исполнилась великого страха и стыда, и не успела еще она уйти с места суда, как огонь ниспал с неба на ее дом и сжег его до основания со всеми богатствами и сокровищами, так что не осталось и следа от чего-либо. И была великая радость для всех верующих в Александрии и во всем Египте, особенно же, когда крестился и уверовал в Господа нашего Иисуса Христа сам правитель Филипп с женой, с сыновьями и со всем домом, великое множество язычников приняло тогда святое крещение, и мир был возвращен Христовой Церкви.

Вскоре после этих событий правитель Филипп послал царям Северу и Антонину[1] послание, в котором писал, что для царства Римского неполезно изгонять из городов христиан, весьма нужных для общего блага народа. Цари послушались его совета, и во всех египетских городах христиане вернули себе свои места, земли, храмы и достоинства, пользуясь миром, — и христианское благочестие процветало.

Но святыню всегда сопровождает зависть врага, и грех воюет против добродетели. Так и теперь некоторым знатнейшим идолопоклонникам Александрии тяжело было видеть, как со дня на день умножалось число христиан, а число поклоняющихся идолам все более и более сокращалось. Наученные своим отцом сатаною, они отправились к царям с клеветой на правителя Филиппа.

— Целых девять лет, — говорили они, — Филипп хорошо управлял Египетской страной и строго соблюдал царские законы. Но мы не знаем, что с ним теперь сделалось: так он изменился. Он оставил служение богам наших отцов и весь народ влечет за собой к поклонению Тому, Кого (как все утверждают) иудеи казнили в Палестине, распяв на кресте. Нет более уважения и должного повиновения вашим царским законам. Всем нам он предпочел нечестивых христиан, из которых многие, посещая храмы наших богов, осыпают их бесчисленными хулами, называют их деревом, бесчувственными камнями и бездушными идолами.

---

[1] *Римский император Септимий Север* (193–211 гг.) имел соправителем сына своего *Антонина*.

Такими и подобными речами они подвигли на гнев против Филиппа обоих царей, которые и прислали ему следующее послание:

— Божественнейший царь, правивший до нас и знавший твое благочестие и почитание отеческих римских богов, поставил тебя в Александрии не правителем, но как бы царем Египта, и узаконил, чтобы ты до самой смерти своей бессменно владел этой страной и чтобы никто другой не был поставлен на твое место. Эту честь и мы соблюдали неприкосновенно, но только до тех пор, пока ты был другом и служителем богов. Но теперь мы слышим о тебе, что ты и богов оставил, и к нам являешься нерасположенным. Поэтому мы повелеваем, чтобы ты или вернулся к прежнему почитанию римских богов и тогда продолжай по-прежнему наслаждаться почестями и славою, или же, если не перестанешь отвергать богов, тотчас оставь свой сан и откажись от своих имений.

Прочитав царское послание, правитель сказался больным, чтобы успеть продать все свое имущество и раздать его: частью — церквам, частью же — нищим.

Блаженный Филипп обладал даром красноречия и многих знатных эллинов убедил и обратил в христианство своими речами, а малодушных и колеблющихся в вере укрепил и утвердил.

Когда же имение его было распродано и роздано, он снял с себя сан правителя, и тотчас же все александрийские христиане избрали его себе в епископы. Спустя некоторое время прибыл на его место из Рима другой правитель, по имени Терентий, который хотел убить Филиппа, но боялся народа, ибо все были готовы пожертвовать жизнью за своего епископа. Поэтому он нанял тайных убийц, которые, войдя к святому и застав его одного, молящегося Богу, ударили его мечами и, выйдя вон, скрылись. Это тотчас же сделалось известным по всему городу, и всюду распространился великий плач, вопль и смятение. Боясь, как бы народ не понял его коварства, Терентий велел немедленно разыскать убийц и заключил их в темницу, связав тяжелыми оковами, как бы намереваясь предать их жестоким мучениям и казни. Блаженный же епископ Филипп прожил три дня после полученных ран и, скончавшись о Господе мученической кончиной, сподобился и мученического венца. В служении епископом он пробыл год и три месяца. Погребли его внутри города на месте, известном под названием Изиум, в построенной им самим церкви.

Продержав убийц некоторое время в темнице, правитель Терентий отпустил их на свободу, как бы по царскому повелению, и тогда все поняли, что святой епископ убит по его приказанию. По смерти отца святая Евгения собрала вокруг себя христианских дев и продолжала вместе с ними служить Богу, проводя девственную жизнь, мать же ее, Клавдия, построила обширный странноприимный дом и посвятила себя служению странникам и больным. Спустя немалое время, она вернулась в свое отечество Рим, захватив с собою обоих сыновей и блаженную дочь Евгению, и поселилась там в своем поместье. Римское правительство благосклонно приняло Авита и Сергия, и один из них был назначен областеначальником в Карфагене[1], а другой — царским наместником в Африке.

Между тем святая Евгения, живя в Риме, тайно приводила ко Христу и увещевала хранить девство многих дев — дочерей знатных вельмож. В то время в Риме проживала одна юная дева, царского рода, осиротевшая после кончины своих родителей, по имени Василла. Она была поручена до своего совершеннолетия своему дяде Элину и обручена царями одному известному храбростью и благородством юноше, по имени Помпей. Но брак был отложен на несколько лет, ибо Василла осталась по смерти родителей еще очень юной. Часто слыша об имени Христовом и об Евгении, о ее девственной и целомудренной жизни, и о чудесах, творимых силою Христовой, она возгорелась духом, ибо Господь таинственными путами призывал ее к Своему небесному чертогу. У нее было два желания: узнать достоверно о Христе и увидеть Евгению. Но пойти к ней самой и беседовать с ней она не могла как из боязни, чтобы об этом не узнал ее жених, так и по причине бывшего в то время в Риме гонения на христиан. Поэтому Василла послала к Евгении преданного ей слугу с просьбой, чтобы та, хотя письменно, возвестила ей о Христе и научила, как должно веровать в Него.

Святая Евгения сильно обрадовалась такому вестнику. Решив вместе с матерью своею и с евнухами, что письмо не может так научить, как слова, исходящие из уст человека, она велела евнухам приготовиться, желая послать их как бы в дар Василле. Посылая их, Евгения писала:

---

[1] Древний город на севере Африки. Ныне на его месте расположен Тунис.

— Вот я посылаю тебе в дар, возлюбленная сестра Василла, двух верных рабов моих, евнухов Прота и Иакинфа, от юности возросших вместе со мной, и да будут они тебе от меня живым письмом.

Василла с радостью приняла евнухов, по виду рабов, но на деле апостолов Христовых. Беседуя с ней и днем и ночью, они научили ее святой вере, ибо она постоянно со вниманием, радостью и умилением слушала Божественные слова, исходящие из уст их, и всем сердцем уверовала в Единого христианского Бога, Создателя всего. Извещенный об этом папа Римский, блаженный Корнилий[1], тайно пришел к ней и окрестил ее во имя Святой Троицы. Затем и дядя ее Элин уверовал во Христа, так что Василла легко могла видеться с Евгенией и наслаждаться святой и приятной беседой с ней. Каждую ночь Евгения невозбранно приходила к ней в дом, под покровительством ее дяди.

Таким образом святая Евгения и блаженная мать ее Клавдия обратили ко Христу много людей. Все римские христианские вдовицы имели прибежище у Клавдии, а девы — у Евгении, и находили у них покой телу и душе. Каждую субботу вечером святой папа Римский Корнилий посылал в дом Клавдии молитвы и псалмы[2], чтобы они всю ночь молились и славословили Бога, а утром, когда пропоют петухи, он сам приходил к ним, крестил обращающихся ко Христу, совершал Божественную литургию и причащал всех жен Божественных Тайн. И Церковь Божия умножалась и процветала среди гонения, как лилия среди терний. О, сколь много святые девы Евгения и Василла обращали к Богу дев, святая Клавдия — жен, а блаженные евнухи Прот и Иакинф — юношей!

Когда же воцарились нечестивые цари Валериан и Галлиен[3], гонение на христиан усилилось. Цари издали повеление избивать всех учителей христианских, и прежде всего стали разыскивать для убиения святого папу Корнилия.

Встретившись в это время со святой Василлой, святая Евгения сказала ей:

---

[1] *Святой Корнилий*, папа Римский, управлял Церковью с 251 по 252 год.

[2] То есть богослужебные книги, которые в то время были редкостью и имелись не у многих.

[3] *Валериан* — римский император, царствовал с 253 по 260 год. Галлиен, сын его, царствовал с 260 по 268 год.

— Господь открыл мне, что ты скоро примешь мученический венец за свое девство.

— Меня Господь также благоволил известить о тебе, — отвечала Василла, — что ты получишь двойной венец мученический: один — за скорби и напасти, перенесенные тобою в Александрии, другой же — за ту кровь, которую ты прольешь в страданиях за Христа.

Тогда блаженная Евгения воздела руки свои к небу и сказала:

— Господи Иисусе, Сыне Вышнего, ради нашего спасения родившийся от Девы, Пречистой Матери Твоей, приведи всех вверенных мне Тобою дев в нетленном девстве в вечное Царство славы Твоей!

Обратившись затем ко множеству сидевших вместе с нею и с Василлою дев Христовых, блаженная Евгения сказала:

— Настало время собирания винограда, когда грозди обрезаются и затем предлагаются в виде вина на царский стол. И нет ни одного сильного царства или высокого сана, которые бы не украшались кровию этих гроздей. Так и вы, мои ветви и грозди моего сердца, будьте готовы для Господа. Девство приближает к Богу, девство уподобляет нас Ангелам, оно — мать вечной жизни, подруга святыни, безопасный путь на небо, госпожа радости, вождь силы чудотворения, теплота и венец веры, крепость и утверждение любви. Ни о чем не должны мы так стараться, ни о чем так заботиться, как о пребывании в непорочном девстве, но еще славнее умереть за девство. Что такое суетные и обманчивые наслаждения этого мира, которые, появляясь, причиняют временную радость, а исчезая — вечные страдания; приносят кратковременный смех, чтобы поразить вечным плачем; показывают скороувядающие цветы удовольствий, чтобы доставить непреходящие горести; обещают счастливую жизнь в настоящем веке, чтобы в будущем предать вечным мукам. Ради всего этого, о возлюбленнейшие девы, доныне подвизавшиеся со мной девственным подвигом, продолжайте пребывать в любви Господней, как начали. Наступили для вас дни временного плача, чтобы вы могли возвеселиться и возрадоваться в вечности. Я же предаю вас Святому Духу и верую, что Он соблюдет вас чистыми и непорочными. Не старайтесь более увидеть мое плотское лицо, но смотрите духовными очами на мои дела и поступки.

Преподав им такое увещание, Евгения поцеловала каждую из них и утешила плачущих, помолившись затем вместе с Василлой и

поцеловавшись, они разошлись. В тот же день одна из рабынь святой Василлы отправилась к жениху своей госпожи, Помпею, и сказала ему:

— Господин мой, я знаю, что цари обещали тебе в супружество мою госпожу, и ты вот уже более шести лет дожидаешься ее совершеннолетия и не заключаешь брака. Я пришла теперь известить тебя, что тебе уже не придется вступить с ней в брак, ибо дядя и воспитатель ее — христианин, и сама она всей душой обратилась в христианскую веру и теперь гнушается не только тобой, но и всем миром. У нее есть два евнуха, присланных ей Евгенией, и она почитает их, как своих господ, ежедневно целуя у них ноги, как бы у бессмертных богов. Эти евнухи и суть учители христианского волхвования.

Рассказ рабыни привел Помпея в сильнейший гнев, вскочив с места, он тотчас же отправился к Элину, воспитателю Василлы.

— На этих днях, — сказал он ему, — я решил вступить в брак. Поэтому, позволь мне повидаться с девицей, которую непобедимые цари даровали мне в супруги.

Воспитатель сейчас же догадался, что Помпей узнал об их обращении ко Христу, и ответил:

— Пока Василла была мала и неразумна, до тех пор я берег ее и хранил как зеницу ока и воспитывал подобающим образом. Но теперь она уже приходит в совершенный возраст и разум и по знатности своего происхождения хочет быть совершенно свободной и никому не подвластной. Поэтому не в моей власти позволить тебе увидеться с ней: это зависит от ее собственного согласия.

Разгневавшись еще больше, Помпей пришел к жилищу Василлы и начал стучать в двери, повелевая привратницам возвестить о нем Василле.

Но, узнав о его приходе, Василла не впустила его к себе. «Не подобает юноше, — ответила она, — вести беседы наедине с девицей; девице же неприлично даже смотреть на мужское лицо. К тому же я не знаю, с каким умыслом пришел ко мне Помпей».

Удалившись со стыдом, Помпей упросил некоторых вельмож и вместе с ними бросился к ногам царей с жалобой на свою невесту и на Евгению.

— О светлейшие цари, — сказал он, — помогите своим римлянам и изгоните из города веру в нового Бога, проповедуемого Евге-

нией. Издавна наносят вред народу эти люди, именующие себя христианами. Они попирают наши законы, презирают наших богов, как бы суетных идолов, и искажают законы самой природы, не позволяя невесте выходить замуж за обрученного ей жениха. Если не будет браков, то откуда же будут родиться люди, а если они не будут родиться, то над кем же вы будете властвовать? Откуда будут войска и сила римского народа? Кто будет побеждать врагов? Как будет существовать наше отечество и как сложится жизнь человеческая?

Много и другого в этом же роде говорил Помпей, обливаясь слезами. Царь Галлиен со всеми своими вельможами сжалился над ним и тотчас же издал повеление, чтобы дева Василла или согласилась выйти замуж за своего жениха, или же была казнена мечом. Относительно же Евгении повелел, чтобы она принесла жертву богам или погибла в мучениях. Кроме того, царь повелел, чтобы все христиане предавались смерти, — и не одни только христиане, но даже и те, которые бы дерзнули укрывать у себя христиан, также подвергались бы казни.

Когда царское повеление дошло до святой девы Василлы, она громко и бесстрашно ответила:

— Мой жених — Царь царей, Христос, Сын Божий, и, кроме Него, я не хочу знать другого, тленного мужа.

После этих слов ее сейчас же закололи мечом. Взяты были также и два святые евнуха, Прот и Иакинф, и их повлекли к идольскому храму для поклонения скверному богу Дию[1]. Но едва святые успели войти в храм, как идол упал к их ногам и рассыпался в прах и пепел. Правитель города, Никитий, узнав об этом, повелел отсечь им головы, полагая, что они своим чародейством сокрушили бога Дия. Святую же Евгению он вызвал к себе и начал ее расспрашивать о волшебном искусстве. Отвечая ему, святая стала подробно и премудро рассказывать о Едином истинном Боге, самого имени Которого бесы боятся и трепещут, так что падают вместе с идолами. Не обра-

---

[1] Кончина святых Евгении, Клавдии, Василлы, Прота и Иакинфа последовала около 262 года. Гробы Прота и Иакинфа были открыты при папе Дамасе в 366 году, и над ними выстроена была вскоре церковь. В настоящее время мощи Прота почивают в Риме в церкви Иоанна Предтечи у флорентинцев, мощи Иакинфа — в церкви апостола Павла остийской, мощи Евгении — в церкви двенадцати апостолов, мощи Василлы — в церкви Пракседы.

щая внимания на ее слова, правитель приказал отвести ее в храм Дианы для принесения жертвы, но она еще не успела вступить в него, как храм разрушился вместе с идолом. Узнав об этом, царь велел бросить ее в реку Тибр, с привязанным на шею камнем. Но когда это было исполнено, камень тотчас же отвязался, и святая пошла по воде, как по суше. Тогда ее снова схватили и ввергли в сильно разожженную печь, но печь внезапно остыла, нимало не повредив святой, которая вышла из нее совершенно целой. Затем ее бросили в глубокий и мрачный ров и в течение десяти дней морили голодом, но луч Божественной благодати не переставал озарять святую и посылалась ей с неба пища. Во рву явился Евгении Господь наш Иисус Христос и сказал:

— Я — твой Спаситель, Которого ты возлюбила и любишь всей душой и всем сердцем и ради Которого ты терпишь эти страдания. Я облеку тебя великою славою и исполню неизреченною радостью. Да будет знамением для тебя и то, что Я приму тебя в Свои небесные селения в тот самый день, когда Я родился на земле из чистой, девственной утробы.

Неизреченною радостью наполнило сердце святой девы это явление Господне, и она стала радостно ожидать времени своего разлучения с телом. В самый день Рождества Христова был послан к ней в ров палач, который и умертвил ее мечом[1].

Так приняла конец временной жизни и своих земных страданий, начало же жизни вечной и блаженной, святая и преподобная дева Евгения. Блаженная мать ее Клавдия со своими домашними взяла ее святое и честное тело и погребла в родовом поместье, недалеко от Рима, где святая Евгения при жизни погребала тела многих верующих.

Когда однажды ночью мать плакала на ее гробнице, святая Евгения явилась ей со множеством других дев, окруженная великой славой, и сказала:

— Радуйся и веселись, мать моя, что Христос ввел меня в радость святых, отца же моего — в число патриархов: в воскресный день Он примет и тебя в вечное веселие. Заповедуй сыновьям твоим, моим братьям, чтобы они до конца свято соблюдали звание христианское,

[1] По месяцеслову блаженного Иеронима и некоторым другим, святая Евгения пострадала 25 декабря.

принятое в крещении, чтобы они не только телом, но и духом были мне братьями, и чтобы мы, таким образом, принесли весь наш род в благоприятный дар Богу.

Когда святая говорила так своей матери, стали слышны голоса множества святых Ангелов, поющих и славящих Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же и от нас грешных да будет слава и хвала вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
НИКОЛАЯ МОНАХА

Преподобный отец наш Николай был первоначально воеводой при царе греческом Никифоре[1] и имел под своим начальством много воинских полков. Однажды, когда царь Никифор воевал с болгарами, Николай также выступил в поход со своими воинами: к вечеру, он вошел в гостиницу, поужинал вместе с гостинником и, помолившись, лег спать. Но вот во вторую и третью стражу ночную[2] дочь гостинника, возбужденная сатанинским пожеланием на грех, тихо подошла к постели воеводы, разбудила его и стала увлекать на любодеяния грешными речами.

— Отступись от твоего сатанинского неистового вожделения, девица, — сказал ей воевода, — и не желай осквернить свое девство, меня же окаянного низвергнуть в глубину ада!

Немного устыдившись, она отошла, но, спустя недолго, опять приступила к нему, склоняя на грех целомудренного мужа. Воевода ее снова отослал, но она в третий раз пришла к нему, распаляемая от беса блудною похотью. Тогда блаженный воевода сказал ей:

— О окаянная, исполненная всякого бесстыдства и неистовства, раба своих страстей! Не видишь ли, что бесы возмущают тебя, желая растлить твое девство и сделать тебя посмешищем и позором для

[1] Византийский император *Никифор I* царствовал с 802 по 811 год.

[2] В древности для охранения жилищ и городов от нападений врагов и других угрожающих опасностей разделяли на несколько смен сторожей, чтобы правильной сменой стражи предотвратить ее утомление. Поэтому и время считалось по стражам — первая стража, вторая стража и так далее.

всего рода твоего и для всех людей, душу же твою ввергнуть в вечную муку? Не видишь ли также, что я, недостойный, иду на кровопролитную войну с чужим народом? Как же я оскверню свое тело, идя на брань! Нет, Бог мне поможет, и я не осквернюсь!

Это и еще многое другое сказал он бесстыдной девице и со стыдом отослал ее от себя. Когда наступил день, воевода встал и, помолившись, отправился в дальнейший путь. На следующую ночь он во сне увидел себя стоящим в каком-то воздушном месте. Близ него сидел некто Сильный, у Которого правая нога была положена на левую.

— Видишь ли этих воинов с обеих сторон? — спросил Он Николая.

— Да, Господин мой, — ответил тот, — вижу, что греки побивают болгар.

Тогда Муж, явившийся праведному воеводе, сказал ему:

— Взгляни на нас.

Взглянув на Того Сильного, воевода увидел, что Он переложил левую ногу на правую. После этого праведный Николай обернулся к воинам и увидел, что болгары укрепились и беспощадно побивают греческие полки.

Когда же битва прекратилась, то Сильный сказал праведному воеводе:

— Рассмотри тщательно тела убитых и скажи, что увидишь.

Осмотревшись, воевода увидел, что все поле покрыто мертвыми телами, посреди же них одно место, поросшее травой и пустое, такой величины, что на нем можно лечь только одному человеку.

— Господин мой, — сказал он, — все поле покрыто трупами беспощадно убитых греков, кроме одного только места, на котором можно лечь одному человеку.

— Что же ты думаешь об этом? — спросил тогда его Сильный.

Воевода же ответил Ему:

— Я невежда, Господин мой, и человек некнижный, и не понимаю этого.

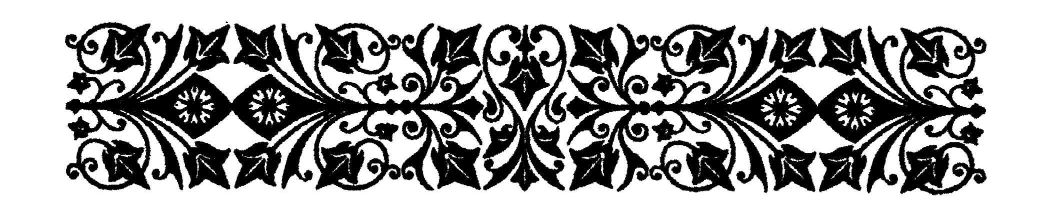
Тогда тот страшный Муж сказал ему:

— Это пустое и поросшее травой место, равное ложу одного человека, было приготовлено для тебя. Ты должен был возлечь на нем, убитый вместе с друзьями твоими, и заполнить его пустоту. Но так как ты в прошедшую ночь мужественно отогнал от себя злокознен-

ного змия, трижды боровшегося с тобою, склоняя тебя на грех и желая умертвить, то вот ты сам освободил себя от смерти: это поросшее травою место оставил пустым, душу же свою спас вместе с телом. Остальное время жизни твоей ты, спасшись от смерти, поработаешь Мне.

Видя и слыша все это, праведный Николай пришел в трепет, воспрянул от сна, объятый страхом и ужасом, и, встав, помолился Богу за своих воинов. Когда же настало сражение и с обеих сторон сражались с великою яростью, то сначала греки были сильнее и одолевали болгар, но затем болгары внезапно воспрянули и начали одолевать греков. Как разъяренные звери, они храбро бросились на греческие полки и погнали греков, беспощадно посекая их. Скоро вся сила греческая пала от мечей болгар, и самому царю Никифору с трудом удалось бежать с малою дружиною.

Тогда предводитель греческих полков, блаженный Николай, увидев исполнение своего сна, вознес благодарение Богу за спасение от смерти и, оставив свой сан, удалился в монастырь, неутешно плача и рыдая о погибших воинах. Приняв святую схиму и усердно послужив Богу в течение долгих лет, он сделался одним из прозорливых и великих отцов. С ними он сподобился и части на небесах со Христом Иисусом Господом нашим, Которому слава вовеки. Аминь.



День двадцать пятый

СКАЗАНИЕ
О РОЖДЕСТВЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО
ИИСУСА ХРИСТА[1]

Рождество Иисуса Христа было так: оно случилось по обручении Преблагословенной Матери Его, Пречистой Девы Марии, с Иосифом, мужем праведным и уже старым (ибо ему было восемьдесят лет). Пречистая Дева дана была ему, по свидетельству святого

[1] В этом сказании изложены разные подробности о Рождестве Христовом, которых нет в Евангельском повествовании. Почти все они заимствованы из так называемых *апокрифических евангелий*. Под этим названием известны сказания о различных обстоятельствах земной жизни Спасителя, особенно о времени Его младенчества и отрочества, которые появились еще в самые первые века христианской Церкви. Одним из этих сказаний представляют не что иное, как письменное изложение тех обстоятельств земной жизни Христовой, которые, хотя и не вошли в Евангельское повествование, однако благоговейно сохранялись путем устных рассказов в среде истинно благочестивых христиан, которым дороги были всякие воспоминания о земной жизни Спасителя. Очень многие из таких рассказов представляли собой описания о лице Христа, Богоматери, Иосифа и других евангельских святых мужей и жен. К этому разряду сказаний следует отнести в особенности «Первоевангелие Иакова» (πρωτοευαγγέλιον τοῦ Ἰακόβου), которое несомненно есть древнейший памятник дошедшей до нас апокрифической литературы из области евангельской истории. Многие святоотеческие свидетельства, которые святитель Димитрий приводит в своем Сказании о Рождестве Христовом, заимствованы святыми отцами и учителями Церкви именно из этого древнейшего «апокрифического евангелия». Но рядом с сочинениями, в которых большая часть сказаний основана была на древнем церковном предании и не заключала в себе ничего неправильного, еще в первые века христианской Церкви появились и другого рода апокрифические сборники сказаний о земной жизни Христа, в которых очень ясно заметна авторская рука

Рождество Господа Иисуса Христа

Григория Нисского[1] и святого Епифания Кипрского[2] под видом супружества, чтобы он хранил Ее девство и заботился о Ней. Еще прежде, чем они стали жить вместе, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого. Иосиф был мнимым мужем Марии, а в действительности хранителем посвященной Богу девической чистоты Ее и очевидцем Ее непорочной жизни. Ибо Господу угодно было утаить от диавола тайну Своего воплощения от Пречистой Девы, и для этого Он покрыл девство Матери Своей супружеством, чтобы враг не знал, что это та Дева, о Которой предрек Исаия: *се, Дева во чреве приимет* (Ис. 7, 14). Об этом свидетельствует святой Афанасий, архиепископ Александрийский[3], в следующих словах: «Иосиф должен

различных еретиков, как, например, гностиков, евионитов и других. К таковым сочинениям следует отнести, например, так называемое «Евангелие Фомы», также «Евангелие детства Спасителя» и некоторые другие. Если в них и повторяются многие сказания, находящиеся в «Первоевангелии Иакова», то рядом с ними встречается много и других, в которых очень ясно заметны следы еретических учений. От такого рода апокрифических сказаний Церковь, конечно, всячески отвращалась и строго их осуждала.

[1] *Святой Григорий Нисский*, брат святого Василия Великого, епископ города Ниссы в Каппадокии, один из знаменитейших отцов Церкви IV века, известный своей ревностной борьбой с арианством и многими сочинениями — богословскими, философскими и проповедническими, из которых самые замечательные следующие: Великое Огласительное слово (λόγος κατηχητικός ὁ μέγας), в котором святой отец представляет образец того, как убеждать иудеев и язычников в истине христианства; разговор *о душе и воскресении* (Περὶ ψυχῆς καὶ ἀναστάσεως) между святым Григорием и его сестрой, преподобной Макриной, по смерти их брата, святого Василия Великого; затем много творений против разных еретиков и немало бесед на Священное Писание и проповедей. Святой Григорий скончался в 394 году. Память его совершается Церковью 10 января.

[2] *Святой Епифаний, епископ Кипрский* (или, вернее, города Саламина на острове Кипр), родом иудей, получивший Священное крещение на шестнадцатом году жизни. Первую половину своего служения Церкви провел он в Скитской пустыне, в строгих подвигах, затем основал в Палестине иноческую обитель, где около тридцати лет был настоятелем. Уже в старости возведен он был на Саламинскую епископскую кафедру, будучи епископом, скончался в 408 году. Главное его сочинение *о ересях*, или собственно, *лекарственный ящичек против восьмидесяти ересей* (Πανάριον ἤτοι κιβώτιον κατά αἱρέσεων ὀγδοήκοντα), в котором он сообщает сведения о разных ересях древних и новых, ему современных. Память его — 12 мая.

[3] *Святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский*, знаменитый поборник Православия против арианской ереси, доблестный исповедник и страдалец за

был послужить таинству, чтобы Дева, как бы имеющая мужа, славилась[1], и чтобы самая истина вещи осталась сокрытою от диавола, чтобы он не знал имеющего совершиться, каким образом Бог благоизволит пребывать с людьми» (слово на Рождество Христово). И святой Василий Великий[2] говорит: «Обручение с Иосифом совершилось для того, чтобы утаить от князя века сего (то есть диавола) воплощение Сына Божия» (слово на Рождество Христово). То же говорит и святой Иоанн Дамаскин[3]: «Иосиф обручается Марии как муж, чтобы диавол, не зная о безмужнем Рождестве Христовом от

истину, который претерпел в течение своего долгого управлении Александрийской Церковью пять изгнаний и, наконец, после многих трудов и гонений, преставился в 373 году. Он много писал в защиту православного учения о Сыне Божием. Известнейшие его сочинения следующие: *Против еллинов*, в котором он опровергает язычество, затем многие творения, направленные к опровержению учения Ария и к защите православного учения о единосущии Сына Божия с Богом-Отцом. Также некоторые истолковательные сочинения, например *Толкование на псалмы*, и некоторые другие творения. Память святого Афанасия Церковь совершает 2 мая и 18 января.

[1] Известно, что у иудеев, до явления Мессии, девство было скорее в поношении, и только супружество почиталось вполне благословенным состоянием.

[2] *Святой Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской*, — один из величайших святителей IV века, удостоившийся, вместе со святым Григорием Богословом и святым Иоанном Златоустом, наименования «вселенского учителя». Получив истинно христианское воспитание в среде своей благочестивой семьи и потом всестороннее научное образование в Кесарии Палестинской и Афинской школах, он начал свое служение Церкви в самое трудное для нее время, когда арианские споры сильно волновали и раздирали ее. После долгого пребывания в Понтийской пустыни, где он проводил самую строгую подвижническую жизнь, принял он пресвитерский сан в 364 году, а в 370 году занял место Кесарийского архиепископа. В этом сане он твердо защищал Православие против арианства и, несмотря на усиленные старания тогдашнего императора Валента, ярого приверженца ариевой ереси, привлечь его на свою сторону, неуклонно стоял на страже православной веры. Из его многочисленных творений особенно известны: *Беседы на шестоднев, Беседы на пророка Исаию, Беседы на псалмы*, многие сочинения против ариан, *Правила монашеские, Литургия*, много слов, писем и молитв и другие. Скончался святой Василий в 379 году. Память его празднуется 1 и 30 января.

[3] *Святой Иоанн Дамаскин*, сначала правитель города Дамаска, а потом инок знаменитой Иерусалимской лавры святого Саввы Освященного, знаменитый защитник Православия против иконоборческой ереси, автор *Точного изложения Православной веры* (первой Догматики), также многих церковных песнопений. Скончался в конце VIII века. Память его празднуется 4 декабря.

Девы, отступил, то есть перестал возбуждать Ирода и подстрекать иудеев к зависти. Ибо диавол с самого того времени, когда Исаия предрек, что *се, Дева во чреве приимет и родит* (Ис. 7, 14), зорко следил за всеми девицами, как бы которая из них не зачала без мужа и не родила, оставаясь девою. Божие смотрение устроило обручение Девы Марии с Иосифом, чтобы от князя тьмы утаилось и девство Пречистой Богородицы, и воплощение Бога Слова». Еще прежде совершения супружеской тайны, Пречистая Дева Мария оказалась имеющею во чреве от Духа Святого, и возрастало святое чрево Ее, вмещающее в себе невместимого Бога. Особенно же обнаружилась Ее беременность тогда, когда, по прошествии Своего трехмесячного пребывания у Елисаветы, Она возвратилась в дом Свой (см.: Лк. 1, 56), и Божественный плод внутри Ее с каждым днем возрастал, а день рождения младенца Христа все более и более приближался. Увидев это, Иосиф был в великом недоумении и печали, ибо он думал, что Она нарушила обет девства. В великом смущении праведный старец говорил: «Как могло это произойти? Я не познал Ее и даже мыслию не согрешил против Нее, а вот Она беременна. Увы, как это случилось? Кто прельстил Ее? И что́ мне делать, не знаю. Обличить ли мне Ее, как законопреступницу, или умолчать ради стыда, который тогда ляжет на Нее и на меня? Если я обличу Ее, то, конечно, Она будет побита камнями по закону Моисееву, и я явлюсь как бы мучителем, предавшим Ее на лютую смерть. Если же я не подвергну Ее обличению, то буду иметь часть с прелюбодеями. Что же мне делать? Недоумеваю. Отпущу я Ее тайно, пусть идет Она, куда хочет. Или я сам уйду от Нее в далекую страну, чтобы глаза мои не видели такого поношения». Размышляя так, праведный Иосиф подошел к Деве Марии и сказал Ей, как об этом свидетельствует святой Софроний, патриарх Иерусалимский[1]: «Мария, что́ дело сие, еже в тебе зрю? За честь срамоту, за веселие скорбь, вместо еже хвалитися, уко-

[1] *Святой Софроний, патриарх Иерусалимский*, сначала простой монах. Он был твердым защитником православной веры против ереси монофелитов, учивших, что во Христе только одна воля. В его патриаршество арабы (сарацины) завладели Иерусалимом, в 637 году, а в 641 году святитель преставился. Из творений его особенно известны: *Соборное* его *послание* против монофелитов, много Слов на разные праздники, объяснения на литургию, каноны (трипеснцы) на дни Великого поста и Цветной Триоди (до Вознесения), стихиры для часов предпразднства Рождества Христова и другое. Память его совершается 11 марта.

ризну ми принесла еси: от иерей из церкве яко непорочну Тя приях, и что видимое?»[1]. И святой Афанасий Александрийский о том же повествует так: «Иосиф, видя, что Дева Мария имеет во чреве, но не ведая, какое великое сокровище внутри Ее, в смущении так вопрошал Ее: „Что случилось с Тобою, Мария? Не Ты ли чистая Дева, воспитанная в священных притворах храма? Не Ты ли Мария, не хотевшая взирать на лица мужей? Не Ты ли Мария, Которую священники не могли уговорить вступить в брак? Не ты ли Мария, обещавшая сохранить розу девства неувядаемою? Где чертог Твоего целомудрия? Где горница, охранявшая Твою девственную чистоту? Где Твое стыдливое лицо? Я стыжусь, а ты чувствуешь дерзновение, поскольку я утаиваю грех Твой“». Когда Иосиф все это говорил к Ней, то, о, как стыдилась нескверная Агница, непорочная голубица, целомудренная Дева, краснея лицом от таких слов Иосифовых! Не смела Она открыть ему о благовестии, которое принес Ей Архангел, и о пророчестве, которое изрекла о Ней Елисавета, — не смела Она сделать этого потому, что боялась показаться тщеславною и любящею похвалу. Об этом свидетельствует и вышеупомянутый святой Афанасий, который влагает в уста Ее такие слова к Иосифу: «Если Я буду Сама о себе повествовать тебе, то покажусь тебе тщеславною. Потерпи немного, Иосиф, и пастыри откроют тебе обо Мне». Одно только и говорила Дева Мария Иосифу в ответ на его недоумение: «Жив Господь, хранящий Меня доныне в непорочном девстве, ибо Я не познала греха, никто не прикоснулся Меня, а то, чтó во Мне, от Божия хотения и по Божию действию». Иосиф же, как человек, думал по-человечески и подозревал, что Ее зачатие произошло от греха. Но, будучи праведным, он не хотел обличить Ее, а захотел тайно отпустить Ее, или (как написано в сирском переводе) он задумал тайно оставить Ее, то есть уйти от Нее куда-нибудь далеко. Когда же он это помыслил, вот Ангел Господень во сне явился ему, говоря «Иосиф, сын Давидов, не бойся принять Марию, жену твою». Ангел потому называет Деву женою Иосифа, чтобы опровергнуть мысль его о прелюбодеянии (ибо Иосиф думал, что Мария зачала от прелюбодеяния). Ангел как бы так говорил Иосифу: «Обрученная тебе жена, а не принадлежащая иному мужу». Об этом блаженный

---

[1] Из службы навечерия Рождества Христова (Рождественского сочельника) тропарь на первом часе.

Феофилакт[1] говорит так: «Ангел называет Марию женою Иосифа, показывая этим, что обрученная ему не осквернилась с иным. А также и потому, чтобы вместе с девством было почтено и законное супружество». Так рассуждает и святой Василий Великий: «Ангел назвал Марию и Девою, и обрученною мужу, чтобы и девство почтить, и брак не укорить. Девство было избрано как необходимое для святого рождения, а обручение, которое есть начало брака, было совершено по закону для того, чтобы не подумал кто, что рождение произошло от беззакония, а также и для того, чтобы Иосиф был всегдашним свидетелем Марииной чистоты, чтобы Она не подверглась нареканиям за то, что будто бы осквернила девство. Она имела (в лице Иосифа) Себе обручника, который был свидетелем и хранителем Ее жизни» (слово на Рождество Христово). Ангел говорит Иосифу: «Не бойся принять Марию — жену твою». Эти слова означают: «Прими жену свою по обручению, и деву по Ее обету, данному Богу (так объясняют святой Григорий Нисский и блаженный Иероним)[2], ибо Она есть первая в Израильском народе дева, которая обещала Богу соблюсти Свое девство неоскверненным до самой кончины. Не бойся, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына, и наречешь имя Ему, — наречешь имя как отец, хотя ты и не участвовал в Его рождении, потому что отцам обычно давать имена своим детям, как и Авраам назвал сына своего Исааком (см.: Быт. 21, 2). Так и ты, хотя ты и не природный, но только мнимый отец Младенца, по-отцовски послужишь Ему, нарекши Ему имя». Блаженный Феофилакт так говорит Иосифу, от лица Ангела: «Хотя ты и не имел никакого участия в рождении Младенца, но я хочу дать тебе этот сан (отеческий), чтобы ты нарек Ему и имя, ты назовешь Ему имя, хотя Он и не есть твое рождение, через это ты сделаешь Ему то, что свойственно отцу. Какое же имя? Иисус, что значит Спаситель, ибо Он спасет людей Своих от грехов их». Иосиф, встав ото сна, сделал так, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену

---

[1] *Блаженный Феофилакт, архиепископ города Охриды в Болгарии,* — известный своим толкованием на Четвероевангелие, в котором он следует во многом святому Иоанну Златоусту. Скончался около 1085 года.

[2] *Блаженный Иероним* — знаменитый вифлеемский подвижник конца IV и первой четверти V века, известный своими учеными занятиями Священным Писанием, также многочисленными письмами и толкованиями на разные книги Священного Писания. Скончался в 420 году.

свою, обрученную ему, Которая была непорочною Девою, посвященною Господу через обет девства, и Материею Владыки, зачавшею Спасителя мира от Духа Святого. Он принял Ее, как обручницу свою, с любовью воздавая Ей великую честь, как Господней Деве, и служа Ей с благоговением и страхом, как Матери Спасителя. *И не зна́яше Ея, до́ндеже роди́* (доколе) *роди́* (слав. Мф. 1, 25), то есть (по изъяснению Феофилакта) никогда не познавал Ее, как жену. Ибо как мог он, будучи праведен, познать Ее, Которая дана ему была из храма Господня не для брака, а для хранения Ее девства под видом брака? Как мог он прикоснуться к девице Господней, Которая обещала Богу вечное девство? Как мог он коснуться Пренепорочной Матери Господа Своего и Создателя? А то, что Евангелие говорит: *доколе родила*, — это составляет обычное выражение Писания, которое употребляет слово *доколе* в смысле нескончаемого времени. Ибо и Давид говорит: *сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих* (Пс. 109, 1)[1]. Здесь не та мысль, что Господь-Сын только дотоле будет сидеть одесную Господа-Отца, доколе Он не положит врагов Его к подножию ног Его; но та, что и после того, как враги Его будут покорены под ноги Его, Господь Сын еще преславнее сидеть будет, как Победитель, в бесконечные века. Подобно этому пишется о святом Иосифе: *И не зна́яше Ея, до́ндеже роди́* (Мф. 1, 25) — не в том смысле, будто бы потом он должен был познать Ее, как думали некоторые еретики[2], каковое учение чуждо Православной Церкви; но в том смысле, что по рождении такого Сына, Который был Богом воплощенным, и после столь великих чудес, совершившихся во время рождества Его, которых Иосиф был самовидцем, благочестивый этот старец не только не смел коснуться Ее, но и глубоко почитал Ее, как раб госпожу свою, служа Ей, как Матери Божией, со страхом и трепетом. О том слове *доколе* святой Феофилакт беседует так: «Писание обычно так говорит, как и о потопе оно

---

[1] Этот псалом есть один из пророческих, или мессианских, псалмов, так как в нем говорится о торжестве Мессии-Христа над Своими врагами и о прославлении Его святого человечества.

[2] Еретики, отрицавшие приснодевство Пресвятой Девы Богородицы, были следующие: во-первых, так называемые *антидиномарианиты* в Аравии, в IV веке, против которых писал святой Епифаний Кипрский; затем, в конце IV века, *Гельвидий*, монах *Иовиниан* и епископ Сардикийский *Боноз*. Против Гельвидия и Иовиниана писал блаженный Иероним.

говорит, что ворон не возвратился в ковчег, *до́ндеже* (доколе) *изся́че вода от земли* (слав. Быт. 8, 7), а ворон и потом не возвратился. И Христос говорит: *и се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20). А разве по скончании века Он не будет с нами? Напротив, тогда еще более, в бесконечные веки, будет Он с нами. Так и здесь говорится: *доколе родила*, то есть что Иосиф не познавал Пресвятую Деву ни до рождения, ни после рождения Христа, подобно тому, как и Господь и в продолжение века, и по скончании века будет с нами неотступно. Да и как мог Иосиф коснуться Пречистой Девы, после того, как узнал о неизреченном рождении от Нее Спасителя?»

Непорочное девство Пречистой Богородицы и по рождестве Спасителя ясно открывается и из того, что когда Иосиф начал сомневаться относительно беременной Девицы и даже помышлял, не лишена ли Она насильственно девства, — тогда явился ему Ангел и назвал Марию его женою: не бойся, сказал он, прими Марию, жену твою, и этим опроверг его мнение о прелюбодеянии (как об этом и выше было сказано). Когда же тот же Ангел явился Иосифу уже после Рождества Христова в Вифлееме и в Египте, когда этот праведный старец уже получил откровение о чистоте Марииной и Богомладенце, рождаемом от Духа Святого, — тогда Ангел не называет уже Пречистую Деву Марию его женою, но только Материю Рожденного, ибо так пишется в Евангелии: *когда же* волхвы *отошли, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его* (а не жену твою) *и беги в Египет* (Мф. 2, 13). И снова в Египте говорит Ангел Иосифу: *встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву* (Мф. 2, 20), явно показывая этим, что не на брак направлял он Иосифа, а на служение Младенцу и Матери его. Итак, Иосиф не только не познавал Марию как жену свою до тех пор, когда Она родила Сына своего первенца, но и после рождения Богомладенца. Она осталась нетленною Девою, как о том согласно свидетельствуют все великие учители церковные.

Повествуется и то[1], что в то время, когда Пресвятая Дева Мария уже имела во чреве, один из книжников, по имени Аннин (уже по-

---

[1] Этот рассказ содержится в *апокрифическом евангелии Иакова* (так называемом «Первоевангелии Иакова»), в главах 15 и 16. Он же повторяется и во многих других апокрифических сочинениях, например в «*Истории рождения Марии и детства Спасителя*», хотя с некоторыми вариантами.

сле явления Ангела Иосифу), придя в дом их и увидев беременную Девицу, поспешно пошел к первосвященнику и ко всему синедриону и сказал им: «Тот Иосиф плотник, которого вы называли праведным, совершил беззаконие: он тайно растлил и осквернил Деву, Которая дана была ему из храма Господня на хранение, и вот Она теперь имеет во чреве». Посланные первосвященником слуги пошли в дом Иосифов и нашли Марию беременною, как сказал им тот книжник. Взяли они Ее вместе с Иосифом и повели к первосвященнику и ко всему синедриону. Первосвященник же сказал Деве Марии: «Забыла Господа Бога Ты, воспитанная во Святом Святых, получавшая пищу из рук ангельских и слышавшая пение ангельское! Что это Ты сделала?» Она же с плачем говорила: «Жив Господь Бог мой, Я чиста и мужа не знаю». Затем сказал первосвященник и Иосифу: «Что это ты сделал?» Он ответил: «Жив Господь Бог мой, я чист от Нее». Первосвященник же сказал ему. «Так как ты не подклонил главы своей под крепкую руку Божию, чтобы благословенно было потомство твое и втайне от сынов Израилевых смесился ты с Девою, посвященною в дар Господу, поэтому вы должны с Нею выпить воду обличения[1], чтобы Господь обнаружил грех ваш пред всеми».

А Богом через Моисея был установлен такой суд, как об этом пишется в четвертой книге Моисеевой (Числа), в главе пятой: если какой-нибудь мужчина или какая-нибудь женщина будут заподозрены в прелюбодеянии и не откроют о себе истины, то таковым подавалась во храме Господнем вода клятвенная при особых священных действиях и при особом чине. И судом Божиим совершалось,

---

[1] Здесь разумеется известный обряд, который, по закону Моисееву (см.: Чис. 5), совершался в случае подозрения супругом своей жены в прелюбодеянии. Подозреваемое лицо приводилось к священнику, который, после жертвоприношения, брал священной воды в глиняный сосуд, положив в нее пыль с полу скинии или храма (когда он заменил скинию), обнажал голову жены и затем, положив в ее руки хлебное приношение, и, сам в своей руке держа воду, произносил на нее торжественное заклинание такого рода, что в случае ее невинности эта вода не будет для нее наказанием, но в случае виновности будет таким для нее проклятием, от которого ее бедра иссохнут и чрево ее вспухнет. После некоторых других обрядов священник давал жене пить эту воду. Замечательно, что, по сказанию апокрифического евангелия, первосвященник сам (а не священник) совершил этот обряд, притом не только над Девой Марией, но и над Иосифом.

после пития того, некоторое обличительное знамение над совершившим прелюбодеяние, каковое знамение обнаруживало совершенное беззаконие. Этою именно водою первосвященник с подобающим чином напоил сначала Иосифа, а потом Марию, и не совершилось над Нею никакого обличительного знамения, так что народ дивился тому, что грех их не обнаружился. Тогда первосвященник сказал им:

— Если Господь Бог не явил вашего греха, то идите с миром.

И отпустил их. Иосиф же, взяв Деву Марию, вошел в дом свой, радуясь и славя Бога Израилева.

После того вышло повеление от кесаря Августа[1] сделать перепись по всей земле, и все шли записываться каждый в свой город. Пошел и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеемом, потому что он происходил из дома и рода Давидова, — записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Вифлеем — маленький город, недалеко от Иерусалима, по направлению к югу, лежит при дороге, которая ведет в горнюю страну, к Хеврону, священническому городу, где находился дом Захарии и где Пречистая Дева, после архангельского благовестия, посетила и приветствовала Елисавету, матерь Предтечи. Таким образом Вифлеем лежит на середине пути между Иерусалимом и Хевроном, а от Назарета, галилейского города, он на расстоянии дней трех пути или немного более. Называется же Вифлеем городом Давидовым потому, что в нем родился Давид и был в нем же помазан на царство; там же умерла Рахиль, и гроб Иессея, отца Давидова, указывается там же (см.: Быт. 35, 19). Прежнее название Вифлеема было Евфрафа, но Иаков, когда пас там свои стада, назвал это место домом хлеба (Вифлеемом), провидя духом и предвозвещая, что в том месте должен был родиться хлеб, сошедший с небес (см.: Ин. 6, 51), Христос Господь. А около Вифлеема, к востоку, против колодца Давидова, около которого он однажды сильно возжаждал и ска-

[1] *Август*, первый Римский император (15 год до Рождества Христова — 14 год по Рождестве Христовом). Полное его имя было: Каий-Юлий-Цезарь-Октавиан-Август. Он был сын Октавия и Акции, дочери Юлия, сестры Юлия Цезаря. Битва при Акциуме, в которой он победил Марка-Антония, сделала его единовластным правителем обширнейшей Римской империи. В его царствование произведена была по всей империи та перепись, о которой говорится в евангельской истории (см.: Лк. 2, 1) и которая побудила святого Иосифа и Пресвятую Деву Марию идти в Вифлеем.

зал: *кто напоит меня водою из колодезя Вифлеемского, что у ворот?* (2 Цар. 23, 15) — находится пещера в каменной горе, на которой расположен город Вифлеем. Недалеко от этой пещеры находилось поле, принадлежавшее Саломии, которая также была жительницею Вифлеема и приходилась родственницею, как Деве Марии, так и Иосифу. И когда Иосиф приближался к городу, неведавшей брака Чистой Невесте пришло время родить, и он стал искать дом для ночлега, где Родящая могла бы найти удобное для Себя место, чтобы произвести на свет благословенный Плод Своего чрева. Но не нашел он для себя пристанища, по причине множества народа, пришедшего записываться, который не только переполнил общую гостиницу, но и весь город. Поэтому Иосиф и удалился в названную пещеру, потому что не было им места в гостинице, а день уже склонялся к вечеру. А та пещера служила пристанищем для скота, и в ней-то Пречистая и Преблагословенная Дева в полночный час усердно молилась Богу и, вся пребывая в богомыслии и горя желанием и любовию к Нему, родила без болезни Господа нашего Иисуса Христа, 25 декабря[1]. Так и подобало родить безболезненно Той, Которая зачала без супружеской сладости: «Не познала, — сказала Она, — сладости, брака была не причастна»[2]. А поскольку Она зачала в чистоте, то и родила Она без болезни, как об этом говорит святой Григорий Нисский: «Дева зачала, Дева носила в утробе, Дева родила, Дева осталась девою; еще не было на земле чуда, подобного сему» (слово на Рождество Христово). И святой Дамаскин говорит: «О чудесе новаго всех древних чудес: кто бо позна́ Матерь без мужа ро́ждшую?»[3]. Без мужа родила Пресвятая Дева Христа подобно тому,

---

[1] Предание, что Рождество Христово произошло именно 25 декабря, весьма древнее. Еще в апостольских постановлениях (кн. V, гл. 12) говорится: «Храните, братия, дни праздничные, и во-первых, день Рождества Христова, которое да празднуется вами, в двадцать пятый день десятого месяца (decembri)». И Климент Александрийский во II веке указывает на 25 декабря как на день Рождества Христова. Впрочем, в первые три века, когда гонения стесняли свободу христианского богослужения, в некоторых местах Востока праздник Рождества Христова соединялся с праздником Богоявления, в январе. Эта практика продолжается у армян и доселе.

[2] Стихира вторая Благовещения Пресвятой Богородицы, на «Господи, воззвах».

[3] Стихира на стиховне, глас второй.

как Адам произвел без жены Еву, о чем Златоуст святой[1] говорит так: «Как Адам без жены произвел жену, так и здесь Дева без мужа родила Мужа, воздавая через это долг мужам за Еву. Адам остался целым по извлечении из тела его ребра, и Дева пребыла нетленною по рождении Младенца» (слово на Рождество Христово). И исполнилось то, что́ как бы в тени прообразовано было в неопалимой купине и в Чермном море: «якоже купина не сгараше опаляема» (воспевает Церковь), «тако Дева родила еси, и Дева пребыла еси»[2]. И в другом месте: «море по прошествии Изра́илеве пребысть непроходно; непорочная по рождестве Еммануилеве пребысть нетленна»[3]. Так, без повреждения Своего девства, Приснодева Мария родила воплощенного Бога. И совершилось это рождение без обычной помощи и службы бабки (повивальной), как о том свидетельствует святой Афанасий Александрийский, когда, беседуя о следующих словах евангельских: *и родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли* (Лк. 2, 7), — говорит так: «Посмотри на таинственное рождение Девы: Сама родила Она, и Сама спеленала Младенца. У мирских женщин одна рождает, а другая пеленает, а у Пресвятой Девы не так. Сама родила Она, и Сама спеленала, Сама будучи безболезненною материю и необученною бабкою, не попустила Она никому коснуться нечистыми руками Пречистого Рождества: Сама Она послужила Рожденному от Нее, и спеленала Его, и положила в ясли». Так же говорит святой Киприан[4]: «В рождестве и после

---

[1] *Святой Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский*, знаменитый отец Церкви конца IV и начала V века, прославившийся особенно своими многочисленными проповедническими трудами. За свое необыкновенное красноречие он и получил имя *Златоуста*. Сначала (и большую часть своей жизни) провел он в сане пресвитера в Антиохии, а в самом конце IV века занял кафедру Константинопольского архиепископа. За этот последний период своей жизни он претерпел много гонений со стороны императрицы Евдоксии, супруги императора Аркадия, и кончил жизнь в ссылке, в Армении (в 407 г.). Память его празднуется 13 ноября и 30 января. Ему принадлежит литургия, совершающаяся в Православной Церкви большую часть года.

[2] Догматик второго гласа.

[3] Догматик пятого гласа.

[4] *Святой Киприан, епископ Карфагенский*, до своего обращения ко Христу учитель красноречия. Его обратил в христианство пресвитер Цецилий. С 248 года святой Киприан занял епископскую Карфагенскую кафедру, пережил сильное гонение Декия, а в гонение Валериана пострадал мученически за Христа, в 258 году.

рождества Дева Божественною силою осталась девою, — Она, Которая родила безболезненно и не нуждалась ни в каких услугах со стороны бабки, но Сама была и родительницей, и рождению служительницей, и поэтому воздает Младенцу Своему благоговейное попечение: осязает Его, обнимает, лобызает, подает сосец, и все это совершает радостно, без всякой болезни, без всякой немощи природы, обычной при рождении». Итак, Сама Она Своими девическими руками послужила нетленному Своему Рождеству (Божественному Младенцу), ожидая старицы Саломии, сродницы Своей, которую пошел звать Иосиф для услужения Пресвятой Деве. Но Саломия пришла, когда совершилось уже дело, ибо Та, Которая родила, Она же и служила, нося Младенца, повивая Его и полагая в ясли.

Святой священномученик Зинон епископ[1] передает еще, что бабка, когда пришла, не верила, что рождество было девственное и безболезненное, и старалась, с помощью обычных приемов повивальных бабок узнать, истинно ли сохранилось девство. Но тотчас поразила ее казнь за дерзновенное дело ее, ибо рука ее, осмелившаяся совершить то испытание, внезапно сильно воспалилась огненною болезнию и высохла. Когда же болящая приложила свою руку к Божественному Младенцу, она тотчас исцелилась и стала так же здорова, как была раньше. Тогда Саломия уверовала, что Матерь есть Дева, а Младенец — Бог[2].

После этого непорочная Родительница и необычная Служительница Своему новорожденному Младенцу, спеленав сладчайшее Чадо Свое льняными, белыми, чистыми, тонкими пеленами, заблаговременно приготовленными для этого и из Назарета принесенными, и, положив Его в яслях, находившихся в той же пещере, поклонилась Ему, как Богу и Создателю Своему, о чем вспоминает блажен-

---

От него осталось много сочинений, касающихся церковного управления и разных современных ему церковных вопросов. Есть среди его творений и много писем и отдельных трактатов, в которых он объясняет и некоторые места Священного Писания. Память его — 31 августа.

[1] *Святой Зинон*, епископ Веронский, исповедник и чудотворец, скончался в 380 году. Память его совершается 12 апреля. После него осталось шестнадцать пространных и семь кратких наставлений, заключающих в себе пастырские наставления о всех главных предметах, нужных для христианина, с применением к нуждам тогдашнего времени.

[2] Это сказание взято из «Первоевангелия Иакова».

ный Иосиф, творец канонов[1], когда обращается к Пречистой Деве с такими словами: «Воплощеннаго, Отроковице, и обложеннаго человеческим подобием, держащи руками и покланяющися и лобызающи матерски: чадо, глаголала еси, сладчайшее, како Тя сице держу, держащаго рукою всю тварь?»[2]. Достоверно, что Богоотроковица поклонилась до земли Рожденному от Нее, лежащему в яслях, и их с удивлением окружали невидимо ангельские чины. А к яслям были привязаны вол и осел, чтобы исполнилось Писание: *вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего* (Ис. 1, 3). А эти вол и осел приведены были Иосифом из Назарета. Осел приведен был ради беременной Девы, чтобы везти Ее на себе во время пути, а вола привел Иосиф для того, чтобы продать его и отдать должную дань, взимавшуюся по повелению кесаря, а также и для себя купить все нужное. Оба эти бессловесные животные, стоя у яслей, своим дыханием согревали Младенца, по случаю тогдашнего зимнего времени, и таким образом служили своему Владыке и Творцу[3]. Иосиф же поклонился и Родившемуся, и Родившей, ибо тогда познал он, что Рожденное от Нее — от Духа Святого, как об этом говорит и святой Афанасий: «Воистину не знал Ее Иосиф, пока не родила Она Сына Своего первенца; до тех пор, пока Дева носила Зачатое от Нее, не знал Ее Иосиф, не ведал он, что в Ней, не ведал он, что в Ней совершается. Когда же родила Она, тогда познал он — тогда познал Иосиф о Деве, какая была Ее сила, и кем Она сподобилась стать. Тогда познал он, увидев Деву, сосцами питающую и в то же время хранящую нетленный цвет девства. Тогда познал он, когда Дева родила, но не испытала того, что свойственно родильницам. Тогда познал он, что камень несекомый давал сосец духовному Камню[4]. Тогда познал

[1] *Преподобный Иосиф Песнописец*, творец канонов, родом из Сицилии, а затем подвижник одной Солунской обители. Во время иконоборческого гонения при императоре Льве Армянине много пострадал за Православие. При другом иконоборческом императоре, Феофиле, сослан был в Херсонес, откуда возвращен был императрицей Феодорой. Скончался в 883 году. Память его празднуется 4 апреля. Он написал много песнопений, особенно много канонов (около 48).

[2] Служба предпразднства Рождества Христова 23 декабря, трипеснец на вечерни, песнь девятая.

[3] Это сказание также извлечено из апокрифических евангелий. Например, его можно найти в «*Истории детства Спасителя*».

[4] В этих словах, очевидно, имеются в виду *два* места Священного Писания: Дан. 2, 34 (где святой пророк Даниил объясняет царю Навуходоносору его сон об

Иосиф, что о Ней писал Исаия: „Се, Дева во чреве приимет“». Эти слова святого Афанасия удостоверяют, что в то время познал Иосиф силу таинства и, познав, поклонился со страхом и радостью, благодаря воплощенного Бога, сподобившего его быть самовидцем и служителем этой тайны. — Относительно же времени рождества Христова многие достоверные писатели говорят, что это была полночь, следовавшая по субботе и предшествовавшая дню недельному, и это известие согласуется с VI Вселенским собором[1], который так объясняет празднование дня недельного (воскресного): «Ибо в тот день Бог сотворил свет; в тот же день Господь благоволил родиться; в тот же день принял Он крещение во Иордане от Иоанна; в тот же день Сам премилостивый Искупитель рода человеческого, нашего ради спасения, из мертвых воскрес; в тот же день Он излиял Святого Духа на учеников Своих». Ибо как, по достоверному же известию, Он зачат был в девической утробе во время Благовещения в пятницу и в пятницу же пострадал, — так в день недельный Он родился и в день недельный же воскрес. И прилично было Христу родиться в день недельный, в который Бог сказал: *да будет свет* (Быт. 1, 3), и в который *был свет* (Быт. 1, 3); в тот же день подобало, чтобы и Сам Он, Свет присносущный, воссиял миру. А то что Христос имел родиться ночью и в известный ее час, об этом пророчески предречено в книге Премудрости Соломоновой, где говорится так: *Ибо, когда все окружало тихое безмолвие, и ночь в своем течении достигла середины, сошло с небес от царственных престолов на средину погибельной земли всемогущее слово Твое, как грозный воин* (Прем. 18, 14–15)[2]. Со-

---

истукане и где в *несекомой горе*, от которой оторвался камень без рук, прообразована была Пресвятая Дева и сверхъестественное рождение от Нее Христа), а также 1 Кор. 10, 4 (где апостол Павел называет Христа *духовным Камнем*).

[1] *VI Вселенский собор* созван был в 680 году, в царствование императора Константина Погоната, против ереси *монофелитов*, учивших об одной воле в воплощенном Христе Спасителе, и осудивший эту ересь. Собор происходил в Константинополе.

[2] Это место из книги Премудрости Соломоновой (см.: Прем. 18, 14–15) имеет в виду, собственно, ту ночь, когда всемогущим действием Божиим поражены были первенцы египетские, а первенцы еврейские были пощажены Ангеломистребителем. Святитель Димитрий приводит это место как пророчество о благодатной ночи Рождества Христова, — вероятно, на том основании, что, подобно тому, как та ночь (египетская) была спасительна для народа Божия, так эта ночь (вифлеемская) принесла спасение *всем* людям, ибо слова Писания, кроме кон-

вершились и великие чудеса во вселенной во время Рождества Христова. Так, в тот самый час, в который Господь наш сшел через девические врата, запечатленные чистотою, внезапно в той пещере истек из камня источник воды, а в Риме вышел из земли источник елея и потек в реку Тибр. Храм идольский, именуемый вечным, разрушился; идолы сокрушились, и на небе явилось там же три солнца. А в Испании в ту же ночь явилось облако светлее солнца, в Иудейской стране виноградники энгаддские расцвели, несмотря на зимнее время[1]. Особенно же чудесно было то, что описано в Евангелии, когда Ангелы сошли с небес с песнопением и ясно предстали перед людьми. Случилось это так. Против той пещеры, в которой родился Христос, по свидетельству блаженного Иеронима, находилась очень высокая башня, называемая Адер, в которой жили пастухи стад. Там в ту ночь трое из них случайно бодрствовали и стерегли свое стадо, и вот верховный среди сил небесных Ангел (которым, по мнению святого Киприана, был святой благовестник Гавриил) явился им в великом сиянии, блистая небесною славою, которою он и их осиявал; увидев его, они очень испугались. Но явившийся Ангел, повелев им оставить страх и не бояться, благовестил им о радости, наступившей для всего мира через рождество Спасителя. При этом он указал им и признак истинности своего благовестия: найдете, сказал он, Младенца в пеленах, лежащего в яслях. В то время, как Ангел говорил им это, внезапно услышалось на воздухе пение множества небесных воинств, прославлявших Бога и воспевавших: *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лк. 2, 12–14); после этого ангельского явления и пения сил небесных пастухи, посоветовавшись друг с другом, пошли поспешно в Вифлеем, чтобы посмотреть, истинны ли слова Ангела, и они пошли и увидели Пречистую Деву Марию Богородицу и святого Иосифа, Ее обручника, а также Младенца спеленатого, лежащего в яслях. И уверовав несомненно, что это есть Христос Господь, ожидаемый Мессия, пришедший спасти род человеческий, они поклонились Ему и рассказали

кретного исторического смысла часто имеют и другие смыслы — духовные или прообразовательные.

[1] Вероятно, эти сказания заимствованы были святым Димитрием Ростовским из некоторых западных сказаний о Рождестве Христовом, из которых некоторые перешли и в наши древнерусские рукописные и печатные сборники.

все, что видели и слышали и что сказано было им от Ангела о Сем Младенце. И все слышавшие (Иосиф, Саломия и те, которые в то время пришли туда) дивились словам пастухов, в особенности же Пречистая Дева Матерь, безболезненно родившая, соблюдала все эти слова, слагая их в сердце Своем. И пастухи воротились, славя и хваля Бога. Так совершилось Рождество Иисуса Христа, Господа нашего, Которому и от нас грешных да будет честь и слава, поклонение, благодарение, со безначальным Его Отцом и со Присносущным Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО
НА
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Небесный благовестник указывает вифлеемским пастухам такое знамение пришествия в мир Спасителя: Младенца, повитого пеленами и положенного в яслях. Ибо говорит он им так: *ныне родился вам Спаситель, и вот вам знак* (слав. *зна́мение*): *найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях* (Лк. 2, 11–12). Может быть, кто-нибудь помыслит, что не великое это знамение — увидеть спеленатого младенца, ибо всякому новорожденному младенцу обычно быть повитым. То было бы великим знамением, если бы Ангел, во свидетельство и для ясного удостоверения Рождества Христова, показал нечто необычное, как, например, волхвам звезду на Востоке, или как сивилла[1] показала Августу в солнце девицу, державшую на руках младенца. Но если кто захочет духовным оком присмотреться к таинствам, совершающимся в том повитом Младенце, тот увидит и познает, что знамение, указанное Ангелом пастухам: Младенец повитый, лежащий в яслях, — есть великое знамение. Ибо этот Младенец есть Тот, Рождество Которого открыло миру свет боговедения, яснее звезд и солнца, и пелены Его — шире облаков, ясли Его —

[1] *Сивиллы* — это были прорицательницы у язычников. Некоторым из них, например сивилле кумейской, сивилле эритрейской и другим, древними христианскими писателями приписывались предсказания и о Спасителе, и вообще о временах Нового Завета.

пространнее небес, ибо в них лежал невместимый Христос Бог. Итак, обратим свои мысленные взоры на младенчество Христово. Ибо Тот, Кто веки сотворил и от вечности уготовал нам спасение, Сей, как младенец, явился на земле, чтобы обновить ветхость нашей природы: *найдете*, сказал Ангел, *Младенца*.

Может быть, кто-нибудь мог быть того мнения, что Христос должен был прийти в мир не как младенец, но как исполин, по пророчеству Давида, который так предсказал о пришествии Мессии: *как Жених исходит из чертога своего* (то есть от утробы Пречистой Девы), *радуется, как исполин, пробежать поприще* (Пс. 18, 6)[1]. Поэтому, может быть, и Ангел говорит: *найдете Младенца*, а не исполина. Но если мы поразмыслим о младенчестве Христовом, то найдем иную причину таковых слов Ангела. Как Рождество Христово было не похоже на обычное рождение человеческое, но было необычайно и сверхъестественно, так и младенчество Его необычное и непохожее на младенчество прочих младенцев. Все новорожденные младенцы немощны и несмысленны; они не имеют в себе силы и ничего не умеют делать до тех пор, пока, после долгого времени их возрастания, у них начнут проявляться и с ними возрастать сила и разум. А этот новорожденный Младенец, Господь наш Иисус Христос, рождается и с силою, и с разумом. Поэтому и Ангел указывает на такого Младенца, Который рождается и с непобедимою силою, и с неизреченною мудростию, как на чудо, единственное в своем роде и никогда еще не виданное в мире. Что касается непобедимой Его крепости и силы, то о ней в нынешний праздник не умолчала Церковь, когда воспевает вместе с пророком Исаиею: *Бог крепкий, Властелин, Князь мира* (Ис. 9, 6). Где-то говорится, что лев познается по когтям. Лев от колена Иудова Христос, с младых ногтей (то есть с младенчества Своего) открывается, как *Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани* (Пс. 23, 8). Обратим внимание на то, сколь велика крепость и сила новорожденного Младенца. Как только стала распространяться весть о Его Рождестве, *Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним* (Мф. 2, 3). Еще не говорит Младенец, а уже устрашает тех, которые *нарекли имена свои на земле*; еще Он в пеле-

---

[1] Буквально это место из Пс. 18, 6 относится к солнцу, которое псалмопевец сравнивает с женихом и исполином, выходящим из своего чертога. Отцы Церкви видели здесь пророческое указание на явление в мир Мессии-Христа.

нах, а уже наполнил ужасом мучителей; еще Он в яслях, а уже потряс сидящего на царском престоле.

Один из искуснейших врачей передает, что тем, которые имеют быть в мире великими, именитыми и славными, или же царями и храбрыми воинами, — тем, по его словам, свойственно с младых ногтей (то есть младенчества) предуказывать свое будущее могущество и свои будущие деяния. При этом этот же врач говорит, что еще не родился Перикл[1], а уже устрашил греков сновидениями; еще не родился Александр[2], а уже всеми назывался сыном Юпитера[3] и властелином царства. И в другом месте повествуется, что муравьи приносили пшеничные зерна и полагали их в уста Миду, царю Фригийскому[4], когда еще он был младенцем, во время его сна, предуказывая этим на его будущие бесчисленные богатства. Так и наш Царь и Владыка, новорожденный ныне Младенец, являет еще в детстве Своем ясные указания на Свои будущие силы и деяния. На те будущие богатства, которые уготованы любящим Его, указывает то знамение, что, по Его устроению, Ему из отдаленнейших стран приносятся золото, ливан и смирна. Будущую Его победу над смертию и диаволом и торжество Его над всем адом предызображает то, что Он потрясает и смущает Ирода и весь Иерусалим. Та власть Его над видимым и невидимым миром, которая дарована будет Его человечеству и о которой Он в свое время скажет: *дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18), предызображается тем, что, по Его воле, Рождеству Его служат Ангелы и пастухи, а восточные цари поклоняются, по пророчеству Давидову: *и поклонятся Ему все царства земные* (Пс. 71, 11). Ибо вот уже исполнилось это пророчество, когда Он, как Царь царствующих, был почтен со стороны трех земных царей поклонением и дарами. Предстоятель церкви Иппонской, блаженный Августин[5] прекрасно говорит об этом так: «Таковы знамения

[1] *Перикл* — известный государственный муж древних Афин, живший в V веке до Рождества Христова.

[2] То есть знаменитый *Александр Македонский*, славный завоеватель почти всего Востока, живший в IV веке до Рождества Христова.

[3] *Юпитер*, или *Зевс*, — главное божество древних греков и римлян (*Юпитер* — римское его наименование; *Зевс* или *Зевес* — греческое).

[4] *Мид*, или *Мидас*, — полумифический Фригийский царь, о котором сохранилось много легендарных рассказов.

[5] *Блаженный Августин*, епископ города Иппона, в Северной Африке, — знаменитый отец Западной Церкви, оставивший много сочинений по догматическим

Рождества Твоего, Господи Иисусе: прежде чем морские волны сгладятся под ногами Твоими, когда Ты ходить будешь по морю; прежде чем умолкнут ветры повелением Твоим; прежде чем мертвые словом Твоим восстанут; прежде чем солнце в минуту смерти Твоей померкнет, и земля, при воскресении Твоем из гроба, потрясется, и небо при вознесении Твоем отверзется; прежде чем все это и иное чудесное Ты совершишь, — прежде этого Ты еще носишься Материнскими руками и в то же время открываешься, как Господь всего мира». Таковы крепость и сила новорожденного Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, что еще в детстве Своем Он ясно открывается как всемогущий Владыка: *Бог крепкий, Властелин* (Ис. 9, 6). Поистине *сила* Божия *в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Ибо в малых и немощных членах младенческих видим мы великую силу Иисуса Христа, на которую указывает Церковь, когда уподобляет родившегося Господа агнцу и когда называет Его Агнцем, прославляя Его в неседальном молении о поклонении пастырей такими словами: «Видят сего, яко Агнца непорочна, во чреве Мариине упасшася, Юже поюще реша: радуйся, Агнца и Пастыря Мати»[1]. Здесь родившийся от Девы Христос и уподоблен агнцу, и наречен Агнцем. Но какая в агнце крепость, какая сила? Сила воистину неодоленная, чтó мы видим из следующего. Некогда Иоанн Богослов узрел в откровении своем различных зверей и змей, которые выходили из различных мест, — из моря, из бездны и из пустыни, с многими страшными головами и открытыми устами, полными смертоносного яда, — и которых самый вид был весьма ужасен. Все они восстают против одного Агнца, как говорит Писание: *они будут вести брань с Агнцем* (Откр. 17, 14). Может быть, взирая на эту борьбу тех змей и зверей с Агнцем, кто-нибудь подумает, что один даже из слабейших зверей тотчас возьмет и растерзает Агнца, так что большим зверям не с кем будет уже и бороться. Но посмотри на силу Агнца: Он так крепко вооружился против них, что вся та сила звериная внезапно, по Его действию, падает и уходит в землю, как написано: *Агнец победит их, ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей* (Откр. 17, 14). О, во-

---

вопросам, а также и немало толкований разных книг и отдельных мест Священного Писания. Скончался в 430 году.

[1] Акафист Пресвятой Богородице, икос четвертый.

истину это — великая сила Агнца! Этот Агнец знаменует Сына Божия; а змеи и звери означают бесов и их слуг. Здесь вещь, достойная размышления: почему Ангел, показав под этими образами борьбу Сына Божия с Его врагами, не назвал Его настоящим Его именем, принесенным с неба во время благовещения Пречистой Деве и данным при обрезании? Почему не сказал: «Сии с Иисусом Христом будут вести борьбу», а сказал: «Сии с Агнцем будут вести борьбу»? Воистину потому, что Он уже в Рождестве Своем, не ожидая наречения Себе имени, низлагает врагов Своих. Еще как агнец покоится Он на сене, а уже ломает мысленных змей и зверей, как тростник, сокрушает их, как глиняные сосуды. Хорошо пишется в пророчестве: *нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз, ибо прежде нежели дитя будет уметь выговорить: отец мой, мать моя, — богатства Дамаска и добычи Самарийские понесут перед царем Ассирийским* (Ис. 8, 3–4)[1]. Не ждет Этот новорожденный Агнец того времени, когда Он станет львом и сказано будет о Нем: этот победитель есть лев из колена Иудина (см.: Откр. 5, 5). Не выжидает Этот Младенец того времени, когда Он возрастет силою, как исполин. Не ждет Это Дитя того времени, когда юные члены Его получат силу как у Сампсона[2]. Но, прежде чем начинает Оно сосать сосцы Матери Своей, побеждает Оно врагов Своих. Прежде чем возможет Оно произносить устами имя Свое или имя Своей Пречистой Матери, истребляет из книги жизни имена недостойных. Прежде чем Этот Младенец начнет приобретать, по мере возрастания Своего, мужескую силу, Он низлагает с престолов сильных: *Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей* (Откр. 17, 14). Такова крепость нашего Агнца, такова непобедимая сила Божественного Младенца, с которою Он рождается!

---

[1] Здесь излагается повеление, данное Господом пророку Исаии, чтобы он дал своему сыну имя «Скоро плени́, напрасно (внезапно) испрове́рзи» (слав., на часах в сочельник). Такое имя должно было послужить для современников пророка знамением скорой победы иудейского народа над Сирийским и Израильским царством. Некоторые толкователи видят в этом таинственном наречении имени сыну пророка как бы прообраз славы и могущества Мессии. В этом смысле его и приводит в данном месте святитель Димитрий.

[2] *Сампсон*, один из судей израильских, известный своей необычайной силой. История Сампсона изложена в Суд. 13, 14, 15 и 16.

Рождается же Он вместе и с разумом, ибо Тот, Кто имеет в младенчестве Своем крепость и силу, Тот имеет вместе и разум. *Велик Господь наш и велика крепость [Его], и разум Его неизмерим* (Пс. 146, 5). Есть ли какой младенец, к которому прилично было бы приложить следующие слова: *сведущ более старцев* (Пс. 118, 100)? Только к Божественному Младенцу приложимы эти слова. Обыкновенные младенцы при своем рождении ничего не понимают до времени своего возрастания, да и при возрастании им нужно бывает учение, для того, чтобы они могли понимать. Этот же Божественный Младенец, как и до Рождества Своего был самою премудростию, так и в Рождестве Своем есть *глубина премудрости и ве́дения Божия* (Рим. 11, 33). По младенчеству Он подчинен условиям времени, а премудростию Он предвечен. Рождается нам и Младенец, и Ветхий де́ньми (днями)[1], Дитя, и (вместе) Отец, как о том говорит ныне в Рождество Его Исаия пророк: *Отец будущего века* (Ис. 9, 6). Это наименование «Отец» приличествует не детям, но мужам, и никто еще не называл когда-нибудь младенца, питающегося млеком матери, отцом. Тем не менее пророк, не обинуясь, называет родившегося Христа отцом. Почему же? Чтобы показать, что в том обо́женном Младенце тот же разум, та же премудрость, как и в Отце ветходневном. Как какой-нибудь премудрейший отец по отношению к своим детям, так и этот небесный Младенец, родившийся от Пречистой Богородицы, поступает с нами. И вот по какому знамению удостоверяемся мы в том, что для нас родился ныне Спаситель: поскольку Он в младенчестве Своем является для нас отцом. Каким же образом бывает Он для нас отцом? Послушаем, как это бывает: рождаясь Сам, Он в то же время и нас возрождает от смерти к жизни не иначе, как евангельский отец блудного сына, бывшего ранее мертвым и потом ожившего. Тот отец, чтобы возродить мертвого сына своего к жизни, пал на шею ему и облобызал его. Это отеческое лобзание было знаком для сына, что прощены его грехи, которые были причиною его духовной смерти, ибо через грех приходит смерть; а после того, как грехи, эти

---

[1] Под образом Ветхого деньми, то есть глубокого старца, видел Бога пророк Даниил (см.: Дан. 7, 9–13) Старость была символом *вечности Божией*. В данном месте святитель Димитрий, именуя Богомладенца *ветхим деньми*, хочет указать на Его предвечное существование как Бога.

причины смерти, были отняты от грешника через прощение, тотчас же мертвый ожил. Ибо подобно тому, как по прошествии ночи бывает день, так и после удаления от человека мрачной греховной смерти начинает сиять благодать Божия, которая есть жизнь для души. Воистину это верно, что Христос Спаситель наш облобызал нас в Рождестве Своем, нас, умерших грехами, возродил к жизни благодатию Своей, и через это Он является для нас премудрым отцом в Своем младенчестве. А чтобы уразуметь, что Христос Спаситель наш облобызал нас в Рождестве Своем, обратим внимание на то, как в книге Песнь песней некое боголюбивое лицо так пламенно выражает желание соединения с Богом: *Да лобзает он меня лобзанием уст своих!* (Песн. 1, 1)[1]. Хотим ли мы узнать, кто это желает Божия лобзания? Послушаем святого Амвросия[2], который говорит, что наша природа, наша плоть, она-то и желает достигнуть через воплощение Сына Божия Божией любви и близости к Богу, чтобы ей можно было зреть Его как бы лицом к лицу и лобызать Его как бы устами к устам лобзанием святым. Этот учитель говорит об этом так: «Будем понимать, что (то боголюбивое лицо в книге Песнь песней) это та плоть, которая в лице Адама была омочена ядом змия и сгнивала смрадом преступления. Она, узнав по многим пророчествам, что придет Бог, Который, упразднив лесть змиину, излиет благодать Святого Духа, — молится, говоря так: „Да лобзает он меня лобзанием уст своих!“» И Златоуст святой так говорит от лица Церкви, собранной из язычников: «Я, Церковь из язычников, не столько хочу, чтобы Он говорил со мною через Моисея, Исаию, Иеремию и через других пророков, сколько хочу того, чтобы Он Сам собеседо-

---

[1] Приведенный текст взят из Песн. 1, 1, в которой невеста, пламенно желающая получить лобзание жениха своего, изображает род человеческий, пламенно желающий скорее узреть Спасителя и получить от Него спасение.

[2] *Святой Амвросий, епископ Медиоланский*, который имел, можно сказать, такое же значение для западной половины Вселенской Церкви, какое святой Василий Великий для восточной; потому что и святой Амвросий, подобно святому Василию, особенно прославился как ревностный поборник и защитник Православия против арианства. Много он оставил и писаний, в которых частью объясняет слово Божие, частью излагает учение веры, частью поучает христианским добродетелям. — Скончался святой Амвросий в 397 году. Память его празднуется 7 декабря.

вал со мною. Итак, пусть Сам Он явится, и я буду говорить с Ним устами к устам. Пусть Он придет и облобызает меня лобзанием уст Своих. Слышу я Иеремию, говорящего о Нем так: *глубоко сердце* (человека) *паче всех, и кто познáет его?* (слав. Иер. 17, 9)[1]. Я желаю Самого Его, чтобы Он явился и облобызал меня лобзанием уст Своих. Слышу я Амоса, вещающего о Нем так: *се Муж стоял на ограде адамантовой, и в руце у Него был адамант* (Ам. 7, 7)[2]. Но я ищу Его Самого, чтобы Он пришел и облобызал меня лобзанием уст Своих». Из этих слов святых учителей ясно открывается, что лобзание Божие с нашею природою есть воплощение Сына Божия. Ибо подобно тому, как в лобзании уста прилагаются к устам, так и в воплощении Спасителя природа Божия приложилась к природе человеческой и соединилась с нею. Так, в Рождестве Своем, Христос Спаситель наш, как отец, облобызал нас, о чем предрек Давид, когда сказал: *правда и мир облобызаются* (Пс. 84, 11), в каковом месте толкователь Евфимий (Зигабен)[3] под *правдою* разумеет природу Божию, ибо один Бог есть праведный Судия, а под *миром* — человеческую природу во Христе, по причине присущей этой природе истинной кротости. Об этих двух естествах потому говорится, что они взаимно облобызались, что они имеют во Христе тесное соединение, согласие и соизволение.

Истинно же и то, что через это лобзание Христос Спаситель наш возродил нас в Рождестве Своем из смерти греховной к жизни Божественной благодати. В четвертой Книге Царств (см.: 4 Цар. 4, 28–30, 34–35) читается следующее. Когда жена Соманитянка просила пророка Елиссея, пребывавшего на горе Кармил, чтобы он, войдя в дом ее, воскресил ее умершего сына, то пророк не отправился тотчас сам, а послал сначала слугу своего Гиезия с своим жезлом, чтобы он положил этот жезл на лицо отрока, но умерший не издавал голоса и

[1] Здесь указанное пророчество Иеремии берется как изображение непостижимости воплощения Сына Божия.

[2] В пророчестве Амоса, приведенном здесь, святой отец видит предсказание о Божественном могуществе Мессии.

[3] *Евфимий Зигабен* (или Зигаден) — константинопольский инок первой половины XII века, известный догматист и истолкователь Священного Писания. В своих толкованиях он не самостоятельный писатель, но только собиратель прежних святоотеческих толкований.

не внимал Гиезию. Когда же сам пророк пришел к умершему, он приложил свои уста к его устам и дунул на него, — и вот отрок открыл глаза свои. Обрати внимание на то, как мертвому отроку дарована жизнь через приложение уст пророка к его устам, как это бывает при лобзании. Поистине там было лобзание, когда уста прилагались к устам отрока и через лобзание этих уст воскрес мертвый. Это было прообразованием Христова воплощения. Смерть, войдя через грех в мир, похитила первого отрока Адама, едва начавшего жить. Женщина, природа человеческая, с умилением взывает к Богу: *Господи! Приклони небеса Твои и сойди* (Пс. 143, 5); *воссияй лице Твое и спасемся* (Пс. 79, 4). Господь Бог не тотчас Сам приходит, но, подобно тому, как Елиссей послал слугу своего, так и Господь посылает сначала рабов Своих — пророков с жезлом закона, чтобы они возлагали этот жезл на отрока, на род Адамов; но этот отрок еще не ожил, люди еще пребывали во тьме и тени смертной (ср.: Лк. 1, 79). Когда же Сам Господь пришел в воплощении Своем и, как сказано, приложил уста Божества Своего к устам человечества, и облобызал нас лобзанием уст Своих, то отрок тотчас восстал, мертвый воскрес «Адам воззва́ся, Ева свободи́ся, и мы ожи́хом»[1], — от смерти возродились мы к жизни в Рождестве Христовом. Это подобно такой старинной повести. Один добрый друг, видя, что любимый его друг ранен отравленным мечом врага, прилежно заботится о том, как бы исцелить его от смертной раны. Но вот врачи говорят ему, что та рана неисцельна, ибо меч, напоенный ядом, не только уязвил плоть и произвел большую рану, но тем ядом повредил все тело, так что смерть во всяком случае ожидает друга его, разве только кто-нибудь искупит его своим здоровьем таким способом: пусть приложит свои уста к его ране и высосет из нее тот яд. «Тогда бы друг твой, — говорят врачи, — легко получил исцеление, но зато высосавший яд во всяком случае умер бы». Услышав это, истинный друголюбец, несмотря на то что и собственная его жизнь была ему не горька, тем не менее, любя своего друга больше, чем самого себя, и предпочитая его здоровье своей собственной жизни, — уврачевал друга тем вышеуказанным образом — через приложение своих уст к его ране высосал яд, и своей смертью даровал приятелю своему здоровье. По-

[1] Воскресный Богородичен пред великим славословием.

добно этому и Господь Бог наш сделал с нами, уязвленными ядоносным мечом греха адского ратника. Никто не мог нас исцелить от раны и избавить от смерти без того, чтобы сначала не отнять от нас смертный вред. Не обреталось столь совершенного врача, доколе Сам Он — Вышний, Сидящий на Херувимах, совершенный Врач и Творец душ и телес, приложил уста Свои, то есть Сына Своего; ибо как Дух Святой называется в Писании Отчим перстом: *Я перстом Божиим*, говорит Господь, *изгоняю бесов* (Лк. 11, 20), — так Бог Сын именуется Отчими устами, как написано: *духом уст Его — все воинство их* (Пс. 32, 6). Итак, говорю, Господь Бог приложил уста Свои, то есть Своего возлюбленного Сына, из любви к роду человеческому, к ране естества нашего: так возлюбил Бог мир, что и сына Своего Единородного отдал (см.: Ин. 3, 16). Какие же уста разумею я? Бог Сын, соединившись с уязвленным естеством нашим, взял на Себя тот греховный яд: взявший грехи мира, Он грехи наши понес и исцелил нас, положив за нас Свое здравие. Через это Он возродил нас к благодатной жизни через Свое лобзание, то есть через воплощение, и, таким образом, в Своем младенчестве показал Себя, как наш Спаситель, премудрый Отец наш, искусный Врач и прелюбезный Друг. Посмотри же на младенчество Христово, как Христос рождается: и с непобедимою силою, и с непостижимою премудростию. И справедливо Ангел указывает пастухам, как на знамение пришествия в мир Спасителя, Младенца, — Младенца же необычайного и не подобного по Своему рождению другим младенцам: Младенца крепкого и разумного, Дитя сильное и премудрое. Вот вам знамение: найдете Младенца, и Младенца повитого, ибо и пелены Младенца Того полны таинств. Святой Амвросий говорит: «Христос повивается пеленами, чтобы ты разрешился от смертных рубищ. В том и заключается таинство пелен Христовых, чтобы мы совлеклись грубых рубищ тления, в которые облекла нас смерть». Вникнем внимательно в слова Амвросиевы. Почему не сказал он «*одного* рубища», но «*рубищ* ты разрешился»? Полагаю, что он разумеет здесь Адамовы рубища, ибо Адам, после своего грехопадения, имел два рубища: лиственное и кожаное. Лиственное — в раю, которое Адам и Ева сами себе сделали: *сшили листья смоковные и сделали себе опоясания* (Быт. 3, 7). А кожаное рубище — вне рая, когда Бог сделал Адаму и жене его *одежды кожаные*

и облек их в эти одежды (см.: Быт 3, 21). Оба эти рубища были смертны, ибо и те листья были от дерева, привнесшего человеку смерть; поскольку некоторые из учителей Церкви полагают, что то дерево, от которого запрещено было Адаму вкушать плоды, была смоковница. И кожа была от зверя убитого. Лиственное рубище означало Адамово преслушание, через которое он отпал от Бога, как лист от дерева, а кожаное было знамением плотолюбия, или бессловесной похоти. Христос же, новый Адам, повит был пеленами, чтобы разрешить человека от того и другого рубища, именно: от преслушания и от бессловесных вожделений, ибо Его святые пелены таинственно изображают собою и послушание, и чистоту. Как они изображают послушание, изъясняет вышеупомянутый учитель Церкви, святой Амвросий.

«Посмотри на таинство, — говорит он, — из девической утробы вышел и раб и (вместе) Господь: раб, чтобы работать, ибо кто препоясуется пеленами, тот препоясуется для услужения; Господь же — чтобы владычествовать. Хорошо то служение, которое приобрело Ему имя, которое выше всякого имени, ибо что для иных является бесчестием, то для Христа есть слава». Обратим внимание на эти слова: «Кто препоясуется пеленами, тот препоясуется для услужения». Итак, в пеленах выражено послушание Христово, поскольку делающий и служащий есть послушник. А послушнику прилично себя препоясывать, согласно повелению некоего господина в Евангелии: *приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне* (Лк. 17, 8). И Господь наш взял на Себя чин послушника, ибо говорит о Себе: не пришел, чтобы послужили Мне, но Я да послужу им (ср.: Мф. 20, 28; Мк. 10, 45); препоясуется Он пеленами, чтобы послужить нам, согласно слову Евангельскому: *истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им* (Лк. 12, 37). А тем Своим послушничьим служением исцеляет Он непослушание Адамово. Ветхий Адам был непослушен, а новый — *послушен даже до смерти* (Флп. 2, 8). Таким образом пеленами Христова послушания разрешается рубище Адамова непослушания. А что́ касается чистоты, то мы и ее увидим таинственно изображенною в пеленах Господних, если поразмыслим, почему ветхий Адам был покрыт кожаною одеждою, а новый Адам льняными (как это достоверно известно) пеленами, еще прежде Пречистою Богородицею для того приготовленными.

Часто так случается среди людей, что внешняя одежда соответствует внутренней мысли и нраву человека, так что через внешнее одеяние явно обнаруживается *внутренний сердца человек* (см.:1 Пет. 3, 4; 2 Кор. 4, 16). Гордый Ирод[1] в названный в книге Деяний апостольских день *облекся в одежду царскую*, и эта одежда разве не соответствовала его внутреннему высокоумию? Поистине соответствовала, как о том говорит Писание: *сел на возвышенном месте* (перед народом с гордостью) *и говорил* (Деян. 12, 21). Через гордое внешнее одеяние явно обнаруживалась внутренняя гордость. Смиренная и богобоязненная царица Есфирь[2] некогда в нужное для этого время оделась также в принадлежности царского достоинства, но не от гордости, а по случаю опасности, угрожавшей еврейскому народу: *по трие́х днех, егда́ преста́ молитися, совлече́ся из риз прискорбных и облече́ся в ризы славы своея́* (слав. Есф. 5, 1). Эти последние одежды ее не соответствовали ли ее светлой душе и ее доброму и чистому намерению? Конечно, соответствовали, как говорит Писание: *и сделавшись великолепною, призывая всевидца Бога и Спасителя* (Есф. 5, 1), так что внешняя ее красота соответствовала ее внутренней, душевной красоте. Вспомним и Адама. Когда он в раю согрешил, то сделался из человека как бы диким зверем: зверем, ибо он похитил запрещенный плод; диким же потому, что он тогда начал бегать и укрываться, как зверь в пустыне. Такому его звериному расположению должна была соответствовать и звериная, кожаная одежда, чтобы внутренний нрав и внешняя одежда соответствовали друг другу. Так же понимает это святой Григорий Нисский (в житии Моисея), который так говорит об этом: «Пусть употребляют кожи звериные те, которые внутри, звериным своим нравом, обезобразили душу». Пойми, почему ветхий Адам был в рубище и по-

---

[1] То есть *Ирод Агриппа*, который получил от Римского императора Калигулы в управление Иудею. Он для того, чтобы понравиться иудеям, воздвиг гонение на христиан и казнил святого апостола Иакова Зеведеева, а апостола Петра заключил в темницу, откуда святой апостол был чудесно избавлен Ангелом. Смерть Ирода Агриппы произошла вскоре после того, как он явился в Кесарии всенародно, на площади, в царской одежде, и когда льстецы стали называть его богом (см.: Деян. 12, 21–23),

[2] *Есфирь*, благочестивая иудеянка, сделавшаяся супругой царя персидского Ассуира (вероятно, Артаксеркса Лонгимана) и спасшая свой народ от избиения, которое задумал против этого народа злой вельможа Аман. Это описано в книге *Есфирь*.

чему новый Адам, Христос, повивается льняными пеленами. Лен, по свидетельству Григория и Исидора[1], является в Священном Писании образом чистоты, — почему в Ветхом Завете и священнические одежды были сделаны из льна, в знак непорочного и чистого служения священников. С этим согласен и блаженный Иероним, который, в послании к Фабиоле[2], говорит так: «Когда мы, приготовляясь к облечению себя во Христа, отлагаем кожаные одежды, тогда надеваем на себя одежду льняную, не имеющую в себе никакой скверны, но во всем чистую». Льняная одежда назначена как знак чистоты, но, о, как чист Христос Спаситель наш! *Неповинен руками и сердцем чист, греха не сотворит, и лесть не обретается в устах Его* (Пс. 23, 4; Пс. 31, 2). Он так чист, что самые чистые и светлые звезды угасают пред Его чистотою, согласно Писанию: *звезды нечисты есть перед Ним* (Иов 25, 5). А такому пречистому Младенцу, от Пречистой Девы рожденному, не кожаная, звериная, одежда была прилична, но чистый лен и белые пелены, для того, чтобы было взаимное соответствие между чистотой внутренней и внешней. Но здесь еще не конец значению пелен. Почему Адам одевается в звериную кожу, а Христос — в льняные пелены? Кожа имеет такое тесное соединение с телом, как ничто другое. И потому кожа так крепко облекает тело, что можно только с большим усилием отодрать ее от тела, а лен не знает никакой плоти, он сам собою существует и не имеет такого соединения с плотию. Вот в этом-то и заключается последнее основание для того, почему Адам облечен был в кожи, а Христос — в лен. Плотянен был Адам: он до того любил *плоть от плоти своей* (то есть Еву), что не хотел ее оставить даже и в злейшем случае, — в прогневании Бога, — но вместе с ней, кожа с плотью, прогневал своего Создателя, поэтому Господь и облек его в плотское, кожаное рубище, как о *плотском помышляющего* (Рим. 8, 5). А Христос, хотя и явился носящим плоть, но был все-таки превыше всякой плоти, будучи Сам Источником чистоты. Поэтому Он и повит был льняными пеленами, не имеющими никакого соединения с плотию, и через это разрешил кожаное рубище плотолюбия и бессловес-

---

[1] *Преподобный Исидор Пелусиот* — подвижник египетский V века, автор двухсот писем, в которых объясняет многие места Священного Писания. Память его празднуется 4 февраля.

[2] *Фабиола* — знатная римлянка, ученица блаженного Иеронима, с которой он вел переписку.

ной похоти. Посмотри на таинство пелен Христовых: эти пелены суть пластыри на наши греховные язвы; они отирают слезы от очей наших, они неразлучно связывают нас для ближайшего соединения с Богом и в совершенную к Нему любовь. Еще и ясли, в которых возлежал повитый Младенец, не лишены таинственного значения. Послушаем, что говорит об этом блаженный Феодорит[1]. «Посмотри, — говорит он, — на убогое пребывание Того, Кто обогащает небо; посмотри на ясли седящего на Херувимах; посмотри на Его земную нищету, размышляя о Его небесном богатстве. Обнищал Бог, богатый в милости, чтобы мы обогатились Его нищетою, и для того положен был в ясли Царь небесный, чтобы мы научились Его самовольной нищете и смирению». А святой Киприан говорит: «Для того полагается Он в ясли, чтобы мы, изменив скотское житие, питались не сеном (греховных сластей), но небесным хлебом». И еще говорит Феодорит: «В яслях полагается слово Божие, чтобы и словесные, и бессловесные (то есть праведные и грешные) свободно и невозбранно причащались спасительной пищи».

Таково таинство яслей Господних, и таково очевидное знамение пришествия в мир Спасителя, указанное Ангелом пастырям: младенец повитый, лежащий в яслях. И поистине это великое знамение, ибо оно полно великих таинств, как мы уже слышали.

Итак, да будет родившемуся нас ради Божественному Тому Младенцу честь, благодарения и поклонения от всей твари, и родившей Его Пречистой и Преблагословенной Деве Марии слава и похвала от всех родов вовеки. Аминь.

СКАЗАНИЕ
О ПОКЛОНЕНИИ ВОЛХВОВ

Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода... се волхвы с востока пришли (Мф. 2, 1), — не из какой-нибудь одной восточной страны, но от разных стран, как это видно из писаний свя-

[1] *Блаженный Феодорит*, епископ Кирский в Сирии, известный особенно своими толкованиями на Священное Писание. Он жил в V веке.

тых отцов, различно говорящих об этом. Иные из них того мнения, что волхвы были из Персии[1]; так думают святой Златоуст, святой Кирилл Александрийский[2], Феофилакт и прочие, — на том основании, что особенно в той стране процветало искусство звездочетцев[3] и никто не мог там стать царем, если предварительно не изучит этого искусства. Другие же полагают, что волхвы были из Аравии[4]; такого мнения держатся: святой мученик Иустин[5], святой Киприан, святой Епифаний, — на том основании, что эта страна весьма богата была золотом, ливаном и смирною[6]. А некоторые думают, что волхвы пришли из Эфиопии[7]; потому что оттуда пришла некогда царица Савская, то есть эфиопская, в Иерусалим, чтобы послушать премудрости Соломона (см.: 3 Цар. 10, 1–13), что, по объяснению блаженного Иеронима, прообразовало настоящее событие, именно: пришествия волхвов к духовному Соломону — Христу, Который есть Божия премудрость (блаженный Иероним, толкование на пророка Исаию). И Давид говорит: *Эфиопия прострет руки свои к Богу* (Пс. 67, 32).

---

[1] *Персия* — страна, лежащая между Аравией, Малой Азией — с одной стороны и Индией и Туркестаном — с другой.

[2] *Святой Кирилл, Александрийский архиепископ*, — ревностный защитник Православия против несторианской ереси, которая учила, что Христос, родившийся от Пресвятой Девы, был простым человеком, с которым Божество соединилось только впоследствии. Святой Кирилл ревностно боролся с этим лжеучением. Среди его творений есть много толкований книг Священного Писания. Скончался он в 444 году. Память его празднуется Церковью 9 июня и 18 января.

[3] Это искусство состояло в том, что по движениям звезд и других небесных светил и по их такому или иному положению определялась судьба людей, а также делались предсказания о будущих событиях.

[4] *Аравия* — обширная страна на юго-западе Азии, занимающая полуостров к югу от Сирии и Палестины.

[5] *Святой мученик Иустин Философ*, прежде язычник, а потом обратившийся в христианство и соединивший занятие философией с званием христианина. Из его сочинений особенно замечательны *две защитительные речи (или апологии)*, поданные им императорам Антонину Пию и Марку Аврелию в пользу христиан; также *беседа с Трифоном иудеем*. Святой Иустин пострадал мученически в гонение Марка Аврелия. Память его празднуется Церковью 1 июня.

[6] *Ливан* (ладан) — род благовонной смолы, употреблявшейся при богослужении, для воскурения. *Смирна* — благовонное вещество из царства растительного (сок из коры *мирры*), употреблявшееся при погребении умерших и предохранявшее тело умершего от тления.

[7] *Эфиопия* — страна в Африке, у берегов Красного моря, нынешняя Абиссиния.

Впрочем, все названные страны — восточные и смежные одна с другою, изобиловали золотом, ливаном и ароматами, во всех них распространено было занятие волшебством и звездочетством; притом мудрецам в этих странах не безызвестно было пророчество Валаамово[1] об имевшей воссиять звезде, каковое пророчество передавалось у них из рода в род, частью устно, частью письменно. Можно думать, самое верное то, что один из волхвов был из Персии, другой — из Аравии, а третий — из Эфиопии, потому что на их происхождение из различных стран есть указание в пророчестве Давида, где сказано: *Цари Фарсиса и островов поднесут ему дань; цари Аравии и Савы принесут дары* (Пс. 71, 10). Это предрек Давид о волхвах,

---

[1] *Валаам* — пророк, которого призвал из Месопотамии Моавитский царь Валак, чтобы он проклял евреев, но который, по внезапному действию Духа Божия, изрек еврейскому народу благословение и при этом предрек явление Мессии (пророчество Валаама о звезде от Иакова). См. Чис. 22, 23 и 24.

имевших прийти ко Христу с дарами, как предполагают толкователи Божественного Писания. Слова Давидовы: «цари Фарсиса» — означают: «заморские», ибо «фарсис» означает «море»; итак, разумей здесь Персию, как находящуюся за морем[1]. «Цари Аравии» явно указывает на Аравию. А на Эфиопию указывает Давид, когда говорит: «и Савы дары приведут», ибо Сава — это город, который есть столица всей Эфиопии. Итак, те три волхва были из Персии, Аравии и Эфиопии. Волхвами же называются они не в смысле людей, занимавшихся бесовскими волхвованиями и зловредными чарами, а потому, что у аравитян, сирийцев, персов, эфиоплян и у других восточных народов был обычай называть волхвами своих мудрецов и звездочетцев. И эти волхвы были не из числа волшебников и чародеев, но из числа мудрейших звездочетцев и философов[2]. Называются они и царями не в смысле могущественных царей, властителей многих стран, но как получившие от них каждый свой город или определенное княжество. Ибо Священное Писание имеет обыкновение называть властителей отдельных городов царями, как это видно из Бытия, глава 14. А из каких именно городов были те цари, об этом нет достоверного известия; только то известно, что — из стран восточных и что их было трое, по числу трех принесенных ими даров: золота, ливана и смирны. Хотя каждый из них шел из своей страны, тем не менее, водимые одною звездою, они, по смотрению Божию, сошлись во время своего путешествия воедино и, узнав намерение друг у друга, шли вместе, следуя звезде, о которой некогда предрек весьма славный звездочетец Валаам, сказав: *Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля* (Чис. 24, 17). Что же это была за звезда? Златоуст и Феофилакт утверждают, что она не была из числа небесных или видимых светил, но что это была некоторая Божественная и ангельская сила, явившаяся вместо звезды. Ибо все звезды с самого сотворения мира имеют свое бытие, а эта звезда явилась в конце веков, при воплощении Бога Слова. Все звезды

---

[1] Не совсем точно, что Персия находится от Палестины за морем, потому что *Персидский залив* отделяет Персию только от Аравии.

[2] *Философы* — люди, занимавшиеся исследованием вопросов о происхождении мира и человека, также вопросом о добродетели, о конечной цели всего существующего, о смысле человеческой жизни и о многом другом.

имеют свое место на небе, а эта звезда видима была на воздухе; все звезды, обыкновенно, совершают свое течение с востока на запад, а эта звезда необычно двигалась с востока к югу, по направлению к Иерусалиму; все звезды сияют только ночью, а эта звезда и днем сияла подобно солнцу, несравненно превосходя небесные звезды и сиянием, и величием; все звезды с прочими светилами, с солнцем, с луною и со всем кругом небесных тел, имеют свое постоянное движение и течение, а эта звезда иногда шла, иногда же останавливалась, как и Феофилакт говорит: «Когда шли волхвы, тогда шла и звезда, а когда они отдыхали, то и она стояла». О времени же явления звезды той различные толкователи различно мыслят: одни говорят, что она явилась в самую ночь и в самый час рождества Спасителя от Девы, но это мнение невероятно; ибо если бы звезда явилась в то время, то как могли бы волхвы издалека дойти до Иерусалима в короткий срок? Иосиф, по прошествии сорока дней после рождения Богомладенца и по исполнении законного очищения в храме, тотчас, не медля в своем доме в Назарете, взяв только необходимое для путешествия, поспешно направился к Египту. Хотя некоторые и говорят, что те волхвы взяли быстрых коней и, совершая поспешно свой путь, доехали до Вифлеема в тринадцатый день по Рождестве Христовом, однако это невероятно. Ведь они были царями, а не скороходами, и шли с дарами и со многими слугами, что́ приличествовало царскому сану и чести, а также с животными и вещами, нужными для путешествия; поэтому как возможно было дойти до города Вифлеема из Персии, Аравии и Эфиопии в тринадцать дней? Притом они удержаны были некоторое время в Иерусалиме Иродом до тех пор, пока — после того, как были собраны и спрошены первосвященники и книжники, — не выяснилось, что Христос должен родиться в Вифлееме иудейском. Другие же толкователи, к которым принадлежит и святой Епифаний, говорят, — что звезда явилась в час Рождества Христова, но что волхвы пришли на поклонение по прошествии двух лет и нашли Младенца Христа уже двухлетним. Это мнение основано на том, что Ирод приказал убивать младенцев от двух лет и ниже — по времени, о котором он тщательно узнал от волхвов. Но такое мнение святой Феофилакт называет явно неверным, ибо существует верное всей Церкви понимание, по которому

те волхвы поклонились Христу в Вифлееме, когда Христос находился еще в пещере, а по прошествии двух лет Христос не только не был в Вифлееме, но даже и не в Палестине, но в Египте. Ибо, как сказано, по свидетельству святого Луки, после очищения в сороковой день во храме, где старец Симеон сретил Господа, и после того, как совершилось все по закону Господню, святой Иосиф и Пречистая Дева Мария с Младенцем тотчас возвратились в Галилею, а не в Иудею, возвратились в свой город Назарет, а не в Вифлеем; и уже из Назарета, по повелению Ангела, направились в Египет. Как же могли волхвы, по прошествии двух лет, найти Христа в Вифлееме? А Никифор, древний греческий историк[1], передает, что звезда явилась на Востоке за два года до Рождества, и что два года волхвы ехали до Иерусалима, так что доехали в самый час Рождества. По-видимому, и этот историк согласен с тем, что́ пишется в Евангелии об избиении младенцев от двух лет и ниже, но и его мнение недостоверно. Ибо какая была бы нужда тем волхвам в двухлетнем путешествии из восточных стран, откуда можно дойти до Иерусалима в два или три месяца? Если даже они и медленно, и продолжительное время путешествовали, как цари, тем не менее невероятно, чтобы они провели в пути более шести или семи месяцев, потому что восточные страны, как Персия, Аравия и Эфиопия, не так далеки от Иерусалима, чтобы между ними и этим городом мог быть путь двухлетний. Какое же мнение о времени явления звезды есть достоверное? Думаю, что мнение святого Иоанна Златоуста и Феофилакта. Эти учители говорят так: «Звезда явилась волхвам прежде Рождества Христова. Так как им предстояло много времени провести в путешествии, то поэтому звезда явилась им задолго до Рождества Спасителя, чтобы они могли, достигнув Вифлеема, поклониться Христу, находящемуся еще в пеленах». Обратим внимание на то, что эти учители церкви не назначают той звезде двухлетнего времени, но только говорят, что «прежде многого времени», как бы говоря: «за несколько месяцев». На основании такого толкования Златоуста и Феофилакта, по которому звезда явилась до времени Рождества Христова, подобает разуметь так, что в самый тот день и час, в которые, благовеще-

---

[1] *Никифор Каллист*, греческий историк XIV века, оставивший нам «Историю Церкви».

нием Архангеловым и Святого Духа наитием, слово сделалось плотию, зачавшись в пренепорочной утробе девической, за девять месяцев перед Рождеством, звезда явилась на востоке. Понимая так, мы не отступим от свидетельства вышеупомянутых учителей и в то же время отвергнем невероятное замедление волхвов на пути в течение двух лет, о двухлетнем же возрасте убиенных младенцев будет сказано дальше, в день их памяти. Итак, за девять месяцев, как мы сейчас сказали, до Рождества Христова, во время Благовещения, волхвы увидали звезду на востоке и сначала в удивлении и в недоумении размышляли о том, чтобы это могла быть за звезда? Не есть ли она какой-нибудь метеор[1], блистающий в воздухе и возвещающий какие-либо несчастия, как это предвозвещают и кометы[2]. Да и на самом деле та звезда предвозвещала в тех странах несчастия для душегубца-врага, именно: падение идолов, изгнание бесов, света же святой веры яркое сияние. Потом, поняв, что эта звезда не случайная, но имеющая Божественную природу и Божественное подобие, волхвы вспомнили древнее пророчество Валаамово, а также вразумились и тем, что предсказала индийская сивилла Эритрея[3] о той же звезде; особенно же, как разумеет святой Лев, папа Римский[4], будучи тайно научены Самим Богом, что настало время рождения Господа и Царя всей вселенной, имеющего родиться в потомстве Израиля, как и Валаам предрек: *Восстанет человек* (слав. Чис. 24, 17), —

---

[1] *Метеоры* — по новейшему мнению, части какой-либо рассыпавшейся планеты, иногда падающие на земную поверхность.

[2] *Комета* — светило небесное, не имеющее правильного движения по небосклону, но появляющееся после долгих периодов. По древним представлениям, кометы в разные времена предвещали различные бедствия и несчастья.

[3] *Сивилла Эритрейская*, то есть из города *Эритреи*, который находился, вероятно, на берегу Красного моря, в Эфиопии, нынешней Абиссинии. Здесь Сивилла Эритрейская неточно названа индийской. — Впрочем, были и еще три Эритреи: одна — в Греции, в Беотии, другая — в Малой Азии, третья — в Этолии.

[4] *Святой Лев, папа Римский*, один из великих святителей и защитников Православия, живший в V веке и прославившийся особенно своей ревностной борьбой против ереси Евтихия, учившего, что во Христе только одно естество. Святой Лев оставил нам много слов на разные места Священного Писания, а также слова догматические с наложением православного учения о двух естествах во Христе; такого же содержания и его послания. Память святого Льва празднуется Церковью 18 февраля.

и что это есть Его звезда, издавна предвозвещенная. Поверив, несомненно, что это именно так, и, вполне снарядившись в путь, отправились они из своих стран и, как уже было сказано, во время путешествия сошлись вместе и в единомыслии совершали путь. А между тем истекал девятимесячный срок со времени явления звезды, и приближался час Рождества Христова. И они приближались к пределам Палестинским и, наконец, достигли и столицы Иудеи — Иерусалима, в самый день Рождества Христова. Когда же они подходили к Иерусалиму, звезда, которая вела их, вдруг скрылась из глаз, потому что, если бы та же звезда засияла и в Иерусалиме, народ во всяком случае увидел бы ее и вместе с нею пошел бы за волхвами ко Христу. Тогда бы и Ирод, и завистливые иудейские начальники синагоги узнали, где находится рожденный Христос, и по зависти убили бы Его преждевременно. Но Божие смотрение, которое лучше устраивает наше спасение, повелело звезде скрыться, частию для того, чтобы ищущие души Младенца не узнали места пещеры, частию же потому, что глаза злонравного иудейского народа были недостойны увидеть ту пречудную звезду, а частью, чтобы испытать их веру, — поверят ли они словам тех волхвов, которые возвещали пришествие Мессии, и захотят ли познать Христа, Спасителя мира? Если не захотят, то пусть это будет им на бóльшее осуждение. Так рассуждает об этом блаженный Феофилакт. «Для чего, — говорит он, — пришли волхвы? На осуждение иудеям, ибо если волхвы, будучи язычниками, поверили, то какой ответ могут воздать иудеи? Волхвы из столь далеких стран пришли поклониться Христу, а иудеи, имея Его у себя, гнали Его».

Волхвы, войдя в столичный город Иерусалим, спрашивали о новорожденном Царе: *Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему* (Мф. 2, 2). И тотчас эта весть удивила народ и смутила царя Ирода и всех иерусалимских начальников. Царь, собрав всех первосвященников и книжников, спрашивал их:

— Где должен родиться Христос?

Он стал бояться, как бы у него не отнято было царство, и размышлял о том, как бы убить новорожденного Царя. Узнав, что Хри-

стос должен родиться в Вифлееме, он призвал волхвов и выпытал у них о времени явления звезды. Затем, скрывая неправедную мысль и злое намерение, сказал лукаво:

— *Пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему* (Мф. 2, 8).

Когда волхвы ушли из Иерусалима, тотчас явилась звезда, водившая их, и пошла перед ними, и они очень обрадовались вторичному ее появлению. И шла она перед ними, пока не довела их до Вифлеема, до пещеры, и не остановилась над тем местом, где находился Младенец. Над тем жилищем, где находился Младенец, остановилась звезда, то есть она сошла с высоты вниз и приблизилась к земле. Иначе нельзя было бы узнать, над каким местом она стоит, если бы она не сошла ниже. Так рассуждает и блаженный Феофилакт, следуя святому Златоусту. «Это было необычайное знамение, — говорит он, — потому что звезда сошла с высоты и, спустившись к земле, показала волхвам место. Ибо если бы она находилась на высоте, то как могли бы они узнать определенное место, где находился Христос? Потому что каждая звезда господствует над многими местами. Как и ты часто видишь луну наверху своего дома, так и мне кажется, что она находится над моим домом, и всем кажется подобное, именно: будто только над ними стоит луна или какая-нибудь звезда. Подобным образом и та звезда не могла бы явно указать на Христа, если бы не сошла вниз и не остановилась над главою Младенца». И по этому чуду видно, что та звезда не была из числа звезд, находящихся на тверди небесной, но была особой силой Божией. Итак, волхвы нашли Того, Кого искали, когда вошли в дом, как говорит Евангелие. На этом основании многие полагают, что они нашли Христа не в пещере, но в одном из домов города, так как Евангелие упоминает не пещеру, но дом. Когда множество народа, говорят, пришедшего для переписи, разошлось, то сделались свободными и общая гостиница, и другие дома вифлеемских граждан, тогда и Матерь с Младенцем переведена была из пещеры в один из домов. Но святой мученик Иустин, Златоуст, Григорий Нисский и Иероним говорят, что Господь оставался в пещере, где родился, до самого времени очищения, которое бывало в сороковой день, и что там нашли Его и волхвы. И так случилось для

того, чтобы земные цари узнали, что Царство новорожденного Царя в нищете, в смирении и в презрении мирской славы, а не в богатствах, тщеславии и палатах. Цель этого была также и та, чтобы при этом могла сильнее проявиться их вера, в силу которой они не раскаялись и не возроптали, когда нашли Того, ради Которого совершили такой продолжительный путь и Которого надеялись найти в царских палатах, — в такой нищете.

Найдя Господа в пещере, волхвы упав на колени, поклонились Ему, то есть не простым поклонением, но подобающим Богу, не только как человеку, но и как Богу, потому что, как говорят святой Ириней[1] и папа Лев: «Те волхвы таинственно просвещенные благодатью Господнею, увидев Младенца, познали и уверовали, что Он — Бог, и поэтому поклонились Ему не только как Царю, но и как Богу, — поклонением приличествующим Богу. Поэтому и написано: ***пав, поклонились Ему и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары*** (Мф. 2, 11), исполняя повеленное: ***пусть не являются пред лице мое с пустыми руками*** (Исх. 23, 15). Какие же дары? Золото, ливан и смирну, золото — как Царю, ливан — как Богу, смирну — как смертному человеку (блаженный Феофилакт). Ибо смирною иудеи помазывали тело умершего, желая сохранить его целым. Таким образом три царя почтили Единого от Троицы тремя дарами, и этими дарами исповедали в Нем два естества. Об этом святой Лев говорит так: «Они приносят ливан — Богу, смирну — человеку, золото — Царю, правильно почитая Божие и человеческое естество в единстве, сердцем они в это веруют, а дарами исповедуют».

Получив весть во сне от Ангела, явившегося им, чтобы они не возвратились к Ироду, злоумышляющему и намеревающемуся убить новорожденного Царя, волхвы иным путем возвратились каждый в свою страну и там сделались учителями и проповедниками Христовыми, по достоверному свидетельству Никифора. Ибо, проповедуя пришествие в мир Христа, Сына Божия, они научали людей веро-

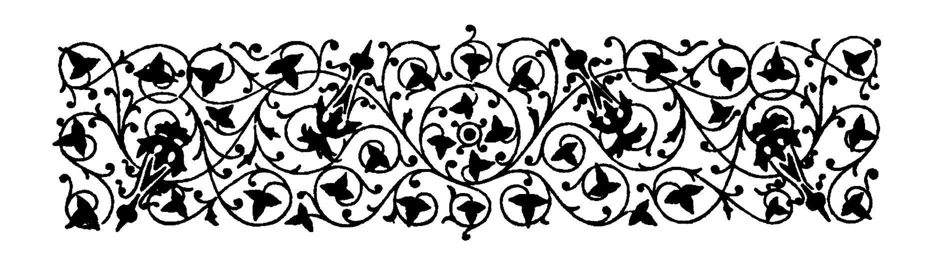
---

[1] *Святой Ириней, епископ Лионский*, в Галлии, — священномученик, пострадавший в гонение Септимия Севера, в 202 году. Он был учеником святого Поликарпа Смирнского (ученика святого апостола Иоанна Богослова). Главное сочинение святого Иринея — *Против ересей*, или, вернее, *Обличение лжеименного знания.* — Память святого Иринея празднуется Церковью 23 августа.

вать в Него, как и сами они веровали, и несомненно, что они по смерти сподобились быть причтенными к лику святых. А имена их такие: первый — Мелхиор, старый и седой, с длинными волосами и бородой; он принес золото Царю и Владыке. Второй — Гаспар, молодой и без бороды с лицом румяным; он принес ливан вочеловечившемуся Богу. Третий — Валтасар, смуглый лицом, с длинною бородою, он принес смирну смертному Сыну Человеческому. Их тела, после многих лет, перенесены были сначала в Константинополь, затем — в Медиолан[1], потом — в Кельн[2], в честь воплощенного Христа Бога, Которому с Родившею Его да будет от нас слава вовеки. Аминь.

[1] *Медиолан*, нынешний *Милан*, город в Северной Италии, столица древней Лигурии.

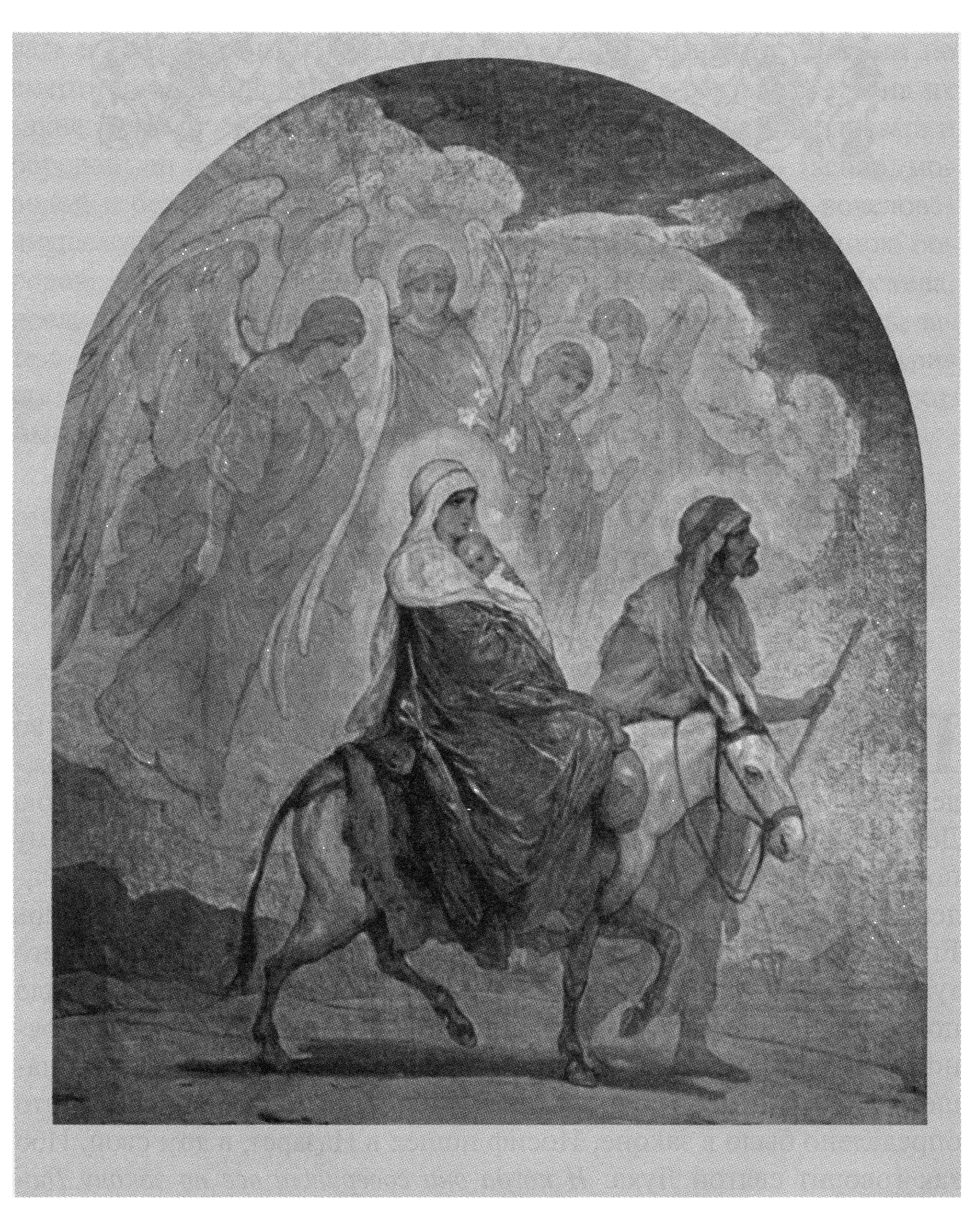
[2] *Кельн* (*Колония Агриппина*), древний город на Рейне, в Германии, знаменитый своим величественным собором, в котором, по благочестивому верованию западных христиан, покоятся части мощей святых трех волхвов. Святитель Димитрий также считает Кельн обладателем этой святыни.



День двадцать шестой

СКАЗАНИЕ О БЕГСТВЕ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ БОГОРОДИЦЫ С БОГОМЛАДЕНЦЕМ в Египет

После того, как волхвы ушли из Вифлеема, Ангел Господень во сне явился Иосифу, повелевая ему, чтобы он вместе с новорожденным Младенцем Иисусом Христом и Материю Его, Пречистою Девою Мариею, бежал в Египет и оставался там до тех пор, пока ему повелено будет оттуда возвратиться, так как Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Иосиф, встав, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет. Но сначала, прежде отшествия своего туда, он исполнил в храме Соломоновом все, что определено было по закону Господню, ибо дни очищения Пречистой и Пренепорочной Богоматери уже наступили, и в том храме сретили Господа нашего старец Симеон и Анна пророчица. Потом, исполнив все, что определено было в законе, Иосиф пошел в Назарет, в дом свой. Ибо так говорит святой Лука: *И когда они совершили все по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет* (Лк. 2, 39). Отсюда явно, что они не тотчас направились из Вифлеема к Египту, но сначала пошли в храм Господень, затем в Назарет и, наконец, в Египет. О том свидетельствует и святой Феофилакт в толковании на евангелиста Матфея, когда пишет так: «*Вопрос:* Как это говорит евангелист Лука, что Господь удалился в Назарет по прошествии со-



Бегство в Египет

рока дней по рождении Своем и после сретения Своего старцем Симеоном, а здесь святой Матфей говорит, что он пришел в Назарет уже по возвращении из Египта? *Ответ:* Знай, что евангелист Лука упоминает о том, о чем умолчал Евангелист Матфей, именно — что Господь (говорит Лука) по рождестве Своем пошел в Назарет. А Матфей говорит о том, что случилось уже после того, именно: как наш Господь бежал в Египет и как, по возвращении оттуда, снова пошел в Назарет. Вообще евангелисты не противоречат друг другу, но только Лука говорит об удалении Христа *из Вифлеема* в Назарет, а Матфей повествует о Его возвращении в Назарет *из Египта*». Итак, по выходе из храма Господня святые путники сначала отправились в Назарет и немедленно сделали распоряжение относительно своего дома, а затем, захватив все нужное для путешествия, поспешно, ночью (чтобы ближайшие соседи не узнали этого) направились по дороге к Египту. При этом они взяли с собою, для услужения, и Иакова, старшего сына Иосифова, названного впоследствии братом Господним, что видно из церковного песнопения на 23 октября, где поется так: «брат показался еси, ученик, и самовидец Божественных тайн, бегаяй с ним, и во Египте быв со Иосифом»[1]. Отсюда явно, что и Иаков сопутствовал святому семейству на пути в Египет, служа ему во время путешествия. А бежал Господь в Египет частию для того, чтобы показать, что Он есть истинный человек воплощенный, а не дух и привидение (на что указывает святой Ефрем, в слове на Преображение, когда говорит: «Если бы Он не был плотию, то тогда с Кем же бежал Иосиф в Египет?»); а частию для того, чтобы научить нас бежать гнева и ярости человеческой, а не с гордостию противиться им. Так объясняет и Златоуст. «В своем бегстве, — говорил он, — Господь научает нас давать место ярости, то есть бегать человеческой ярости. И если Всемогущий бежит, то мы, гордые, научаемся этим не подвергать себя опасности». Цель бегства Господня в Египет и та, чтобы очистить Египет от идолов и, как говорит святой папа Лев, чтобы не без этой страны, в которой в первый раз через заклание агнца были прообразованы спасительное знамение креста и Пасха Господня, — уготовалось таинство святейшей жертвы. Также и чтобы исполнилось следующее пророчество Исаиино: *Господь*

[1] На стиховне стихира 2-я.

восседит на облаке легком и грядет в Египте. И потрясутся от лица Его идолы египетские (Ис. 19, 1). В этом месте под облаком святой Амвросий разумеет Пречистую Деву, Которая принесла на руках Своих Господа в Египет, и пали идолы египетских богов. То облако, Пречистая Дева, — легко, ибо Она не отягощена никаким бременем какого-либо греха или плотского вожделения и познания супружества.

Передается и то, что когда праведный Иосиф, Пречистая Дева и Богомладенец шли в Египет, в одном пустынном месте напали на них разбойники и хотели отнять у них осла, на котором они везли то немногое, что необходимо было им в дорогу, и на котором иногда и сами ездили. Один же из тех разбойников, увидев Младенца необычайной красоты и удивившись такой красоте, сказал:

— Если бы Бог принял на Себя человеческое тело, то не мог бы быть красивее этого Младенца.

Сказав это, он запретил своим товарищам, прочим разбойникам, и не дал им ничем обидеть этих путников. Тогда Пречистая Богородица сказала тому разбойнику:

— Знай, что Этот Младенец воздаст тебе щедрым воздаянием за то, что ты охранил Его.

Этот разбойник был тот самый, который впоследствии, при распятии Христа, был повешен на кресте по правую сторону и которому Господь сказал: *Ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43). И исполнилось пророческое предсказание Божией Матери, что «воздаст тебе Этот Младенец».

Когда они вошли в Египетскую страну и находились в пределах Фиваиды, приблизились они к городу Ермополю[1]. Близ входа в этот город росло очень красивое дерево, называвшееся *персея*, которое тамошние жители, по своему идолопоклонническому обычаю, почитали как бога, из-за его высоты и величественной красоты, поклоняясь ему и принося ему жертвы, ибо в том дереве жил и бес, почитаемый ими. Когда Пречистая Богоматерь с Божественным Младенцем приблизилась к тому дереву, тотчас оно сильно потряс-

---

[1] *Фиваида* — область знаменитого в древности египетского города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь Верхний (Южный) Египет. *Ермополь* — один из значительных городов древнего Египта, служивший видным религиозным центром язычества.

лось, ибо бес, убоявшись пришествия Иисусова, бежал. А дерево приклонило свою верхушку до самой земли, воздавая подобающее поклонение своему Создателю и Его Родительнице, Пречистой Деве, кроме того, оно оградило их тенью своих многолиственных ветвей от солнечного зноя и тем дало возможность утомленным святейшим путникам отдохнуть. И в таком наклоненном виде осталось то дерево в очевидное знамение пришествия Господа в Египет. После того, как под этим деревом Господь с Своею Материю и Иосифом отдыхали, это дерево получило целебную силу, ибо от его ветвей исцелялись всякие болезни. Затем святые путники прежде всего вошли в тот город — и идольский храм, находившийся в нем, и тотчас все идолы пали. Об этом храме упоминает Палладий в Лавсаике[1]. «Мы видели, — говорит он, — там (в Ермополе) идольский храм, в котором во время пришествия Спасителя упали все идолы ниц на землю. Также и в одном селении, называемом Сирен, упало триста шестьдесят пять идолов в одном храме, в то время как туда вошел Христос с Пречистою Материю»[2]. Да и во всем Египте во время пришествия Господня сокрушились идолы, и бесы бежали из них, и исполнилось в этом событии то, что предрек святой пророк Иеремия, находясь в Египте, когда сказал: «Все идолы должны будут упасть, и все изображения богов сокрушиться тогда, когда придет сюда Дева Матерь с Младенцем, рожденным в яслях». Со времени этого Иеремиина

---

[1] *Палладий Еленопольский* (368–430 гг.) был уроженец Галатии; в 388 году прибыл в Александрию, оттуда потом удалился в близлежащую пустыню для подвигов безмолвия, а потом переселился в Вифлеем; в 399 году избран в епископа Еленопольского, в Вифинии, в Малой Азии. После того император Аркадий сослал его, как сторонника святого Иоанна Златоуста, в Верхний Египет, откуда в 408 году он перемещен в Антиною, а в 412 году возвращен на свою кафедру, в Еленополь. По просьбе Каппадокийского префекта Лавса, в 420 году он составил собрание жизнеописаний святых подвижников и сказаний о них, которое в честь его назвал «Лавсаиком». — Память Палладия Еленопольского в субботу Сырную.

[2] Все подробности о путешествии Пресвятой Девы с Богомладенцем Иисусом и с праведным Иосифом в Египет и о пребывании их там так же, как и многие подробности о рождестве Христовом, заимствованы из апокрифических Евангелий, в особенности из так называемого «Евангелия детства Спасителя», также и из апокрифического сочинения, известного под заглавием: «История рождения Марии и детства Спасителя». — Предание о падении идолов египетских при въезде ее семейства в Египет упоминается и в акафисте Спасителю, где говорится: *идоли бо, Спасе наш, не терпяще Твоея крепости, падоша* (икос шестой).

пророчества у египтян существовал обычай изображать Деву, покоящуюся на постели, а близ Нее Младенца, лежащего в яслях и повитого пеленами, и поклоняться этому изображению. Когда однажды царь Птоломей спросил египетских жрецов, для чего они это делают, те ответили: «Это — тайна, возвещенная древнейшим предкам нашим одним святым пророком, и мы ждем исполнения того пророчества и раскрытия этой тайны».

После этого святые путешественники повернули немного в сторону от города Ермополя и, ища места для остановки, вошли в селение, называвшееся Натарея, лежащее недалеко от Илиополя[1]. Иосиф близ этого селения оставил Пречистую Деву Марию со Христом Господом, а сам пошел в селение ради приобретения потребного. А то смоковничное дерево, приютившее святых странников под собою, раздвоилось сверху донизу и опустило свой верх, образуя как бы сень или шатер над их главою; а внизу, у своего корня, оно образовало в той расселине как бы углубление, удобное для пребывания, и там Пречистая Дева с Младенцем легла и отдохнула от путешествия. То место и до этого времени в большом почитании не только у христиан, но и у сарацинов, которые и до сих пор (как это рассказывается достоверными очевидцами) возжигают светильник с елеем в расселине дерева в честь почивавшей там Девы с Младенцем. Иосифу и Пресвятой Богородице захотелось остаться в том селении, и, найдя для себя недалеко от того дерева хижину, они начали в ней жить. Совершилось и другое чудо силою Божественного Младенца, ибо там же, близ их местопребывания и близ того чудесного дерева, явился внезапно источник живой воды, из которого Пречистая Дева черпала для своей потребы и в котором устраивала купанье для Своего Младенца. Существует тот источник и доныне, имея очень холодную и здоровую воду. А что еще удивительнее, что во всей земле Египетской это единственный источник живой воды, и он славится в том селении. Этим кончается повествование о пребывании Пречистой Богоматери со Христом в Египте, где они пробыли несколько лет. Но точного известия о том, сколько лет провел Господь в Египте, — нет. Святой Епифаний говорит, что — два года, а Никифор — три года, а Георгий Кедрин — пять лет; иные же, как

---

[1] *Илиополь* — город в Нижнем (Северном) Египте.

Аммоний Александрийский, думают, что семь лет. Во всяком случае, то несомненно, что до кончины Иродовой, как и Евангелие говорит: *И там был до смерти Ирода* (Мф. 2, 15).

После же убиения вифлеемских младенцев и после того, как окаянный Ирод погиб злою смертию, Ангел Господень опять явился во сне Иосифу, повелевая ему возвратиться из страны Египетской в землю Израилеву, *ибо* (сказал он) *умерли искавшие души младенца*. Иосиф встал, взял Младенца и Матерь Его и пошел в Иудею, которая составляла лучшую и большую часть земли Израильской. Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, он убоялся идти туда. Ибо Ирод оставил после себя трех сыновей: первого — Архелая, другого — Ирода Антипу, а третьего, самого младшего, — Филиппа. Все они, по смерти отца своего, отправились в Рим, к кесарю, из-за соперничества, так как каждый из них хотел получить царство отца. Кесарь, не давая ни одному из них царской чести, разделил царство на четыре части, назвав их тетрархиями. Старшему брату Архелаю он дал Иудею, Ироду Антипе дал Галилею, а младшему брату Филиппу — Трахонитскую страну; Авилинию же дал он Лисанию, младшему сыну Лисания старшего, некогда друга Иродова, а потом убитого им по зависти. Отпуская всех их из Рима, кесарь обещал Архелаю и царскую честь, если только он обнаружит хорошее и заботливое управление своею частию. Но Архелай нисколько не лучше был жестокого отца своего, мучая и убивая многих, ибо, придя в Иерусалим, он тотчас напрасно убил три тысячи народа, и многих граждан велел мучить в день праздника, среди храма, перед всем собранием иудеев. По причине такой своей жестокости, он по доносу был, по прошествии нескольких лет, лишен власти и сослан в заточение. Иосиф, при своем возвращении, услышал, что царствует этот злой Архелай, хотя и без царского титула, и убоялся идти в Иудею; получив же извещение во сне от того Ангела, который уже прежде являлся ему, ушел в пределы Галилейские, во владение Ирода Антипы, брата Архелая, ибо этот Ирод с большей кротостью правил народом, чем брат его; и поселился Иосиф в городе Назарете, в своем доме, где они и прежде жили, чтобы исполнилось предсказанное о Христе Господе пророками, что Он назовется Назореем. Ему слава вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ
ПРАВЕДНОГО ЦАРЯ
ДАВИДА[1]

Святой царь и пророк Давид происходил из колена Иудина. Отец его Иессей был одним из старейшин города Вифлеема и имел восемь сыновей, из которых Давид был младшим. Когда Давид достиг отроческого возраста, отец поручил ему пасти свои стада. Уединенно жил отрок среди стад, оберегая родительское достояние; когда приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то Давид гнался за ними и отнимал добычу; когда зверь бросался на него, то Давид брал его за космы, поражал и умерщвлял. Господь хранил отрока, ибо он был благочестив и не любил праздности; он устроил себе музыкальный инструмент со струнами и в часы досуга упражнялся в пении и игре на этом инструменте. Данную от Бога способность к этому искусству Давид обратил на службу Богу, на прославление Его святого имени; непрестанно пребывая в богомыслии, отрок, ударяя в струны, воспевал премудрость и благость Отца небесного, являемые во всем создании Божием и в жизни человеческой.

В то время царем Израильским был Саул. Некоторыми своими поступками он обнаружил непокорность повелениям Господним и показал, что свои собственные силы и желания он ставил выше воли и милости Царя царствующих. Тогда Господь повелел пророку Самуилу объявить Саулу:

---

[1] Память праведных Давида царя, Иосифа обручника и Иакова, брата Божия, совершается в неделю по Рождестве Христовом, которая поэтому и называется *неделею Богоотец*. Если эта неделя случается 1 января, то есть по отдании Рождества Христова, то служба упомянутым святым отправляется 26 декабря.

— За то, что ты отверг слово Господне, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем.

Вскоре после того Господь послал Самуила к Иессею вифлеемлянину, — ибо «между сыновьями его Я усмотрел себе царя», — сказал Господь. Прибыв в Вифлеем, пророк приказал старейшинам города приготовиться, чтобы принести жертву Богу Израилеву, пригласив к этому и Иессея с сыновьями. Когда пришли дети Иессея, Самуил, увидав старшего из них Елиана, подумал, что он — избранник Божий, но Господь сказал пророку:

— Не смотри на вид его и на высоту роста его, Я отринул его. Я смотрю не так, как смотрит человек: ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце.

И ни об одном из бывших с Иессеем семи сыновей Самуил не получил откровения, тогда он спросил Иессея, все ли дети его здесь. Старец ответил, что есть еще один сын, который пасет овец; пророк приказал послать за отроком. Когда пришел Давид, Господь сказал Самуилу:

— Встань, помажь его, ибо это он.

Пророк взял принесенный им с собою рог с елеем и помазал Давида среди его братьев. И почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после. Затем Самуил ушел из Вифлеема, а отрок возвратился к прежнему своему делу.

А от Саула отступил Дух Господень, и он впал в болезнь беснования, мучительны были припадки этой болезни, и Саул постоянно находился в раздраженном состоянии, томимый мрачными думами. Тогда царедворцы посоветовали своему государю пригласить человека, хорошо играющего на гуслях, чтобы тот своею игрою успокаивал царя во время припадков болезни. Саул согласился, и тогда один из придворных указал на Давида. По приказанию царя, восемнадцатилетний юноша-пастух был призван к царскому дворцу; когда Саул болезненно мучился, Давид играл на своих гуслях, благоугождая Богу, и отраднее и лучше становилось Саулу, и злой дух отступал от него. Давид очень понравился царю и сделался его оруженосцем; но служба его при дворе не была беспрерывной, и он имел возможность надолго уходить в свой родной город и продолжал заниматься своим пастушеским делом.

Вскоре произошло нашествие филистимлян[1] на землю Израильскую. Вступив в пределы колена Иудина, они расположились лагерем между Сокхофом и Азеком в Ефес-Даммиме[2]. Саул с израильским войском остановился верстах в двух южнее; между обоими лагерями находилась обширная долина. Филистимляне задумали покончить войну обычным в древности поединком, и из их стана выступил великан Голиаф, уроженец Гефа, из рода Энаков[3]. Он был ростом шести локтей и одной пяди[4], то есть четырех аршин и четырнадцати вершков; на нем было полное воинское вооружение из меди: чешуйчатая броня, весом пять тысяч сиклей[5], шлем, наколенники и щит; в руках он нес железное копье весом шестьдесят сиклей. Обращаясь к войску израильскому, Голиаф восклицал:

— Выберите из себя человека, и пусть сойдет ко мне; если он убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его, то вы будете нашими рабами и будете служить нам.

Грозный вид великана устрашал сынов израилевых, и никто из них не решался вступить в единоборство с Голиафом, который с каждым днем делался высокомернее и, выступая в течение сорока дней, поносил израильтян.

---

[1] *Филистимляне* — потомки Месраима, сына Хамова; народ этот, родственный египтянам, жил в юго-западной части Палестины, по берегу Средиземного моря в долине Сефельской.

[2] *Сокхоф*, ныне *Шувейке*, — город в холмистой местности, верстах в двадцати четырех к юго-западу от Иерусалима. *Азек*, теперешний Дэир-Эл-Азбек, верстах в тринадцати севернее Сокхофа. Ефес Даммим (предел крови) был на месте нынешнего Беид-Фазеб (дом кровопролития) — верстах в двух южнее Азека.

[3] Сынов Энака еврейские соглядатаи назвали исполинами (см.: Чис. 13, 34); о проживании их в Гефе (см.: Нав. 11, 22).

[4] Еврейские меры длины: локоть равен двенадцати, а пядень — шести вершкам. Русский *аршин* равен 71,1 см, *вершок* — 4,4 см.

[5] *Еврейский* золотой *сикль* весил 3,77 злотника (16,37 гр), серебряный — 3,35 злотника (14,55 гр).

Братья Давида находились тогда в числе воинов, выступивших против филистимлян; однажды Иессей послал младшего своего сына к войску, чтобы проведать братьев и отнести им немного хлебных запасов. Юноша пришел к войсковому обозу, когда войско выведено было в строй и с криком готовилось к сражению, Давид поспешил к рядам израильского войска, чтобы повидаться с братьями. Пока он с ними разговаривал, из филистимского строя вышел Голиаф и стал говорить свои гордые речи; при виде великана израильтяне разбежались в страхе, в рядах их говорили:

— Если бы кто убил Голиафа, одарил бы того царь великим богатством, и дочь свою выдал бы за него, и дом отца его сделал бы свободным в Израиле.

Глубоко возмутился юный сын Иессея высокомерием филистимского великана.

— Как смеет этот необрезанный филистимлянин поносить так воинство Бога Живого, — с негодованием говорил Давид израильским воинам.

Слова юноши дошли до царя, и тот призвал его к себе. Могучею верою в помощь Божию дышали речи Давида, когда он просил Саула разрешить ему сразиться с Голиафом, так что царь, наконец, сказал:

— Иди, и да будет Господь с тобой.

Давид отказался от воинского вооружения, в которое был облечен по приказанию Саула, ибо не привык к нему. Он взял свой пастушеский посох, пращу и сумку, в которую положил пять набранных в ручье гладких камней, и в таком снаряжении пошел навстречу Голиафу.

На издевательство и брань филистимского великана Давид отвечал:

— Ты идешь против меня с мечом, копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств израильских, которые ты поносил. Ныне предаст тебя Господь в руку мою, и я убью тебя, и сниму главу твою и отдам труп твой и трупы войска филистимского птицам небесным и зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог во Израиле. И узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь.

И надежда на помощь Божию не посрамила юношу: камень, метко пущенный из пращи Давида, ударил великана в лоб с такой силой,

что Голиаф упал на землю; тогда Давид подбежал к нему и его же собственным мечом отсек ему голову. Пораженные подвигом Давида, филистимляне обратились в бегство, а израильское войско, овладев их лагерем, победоносно преследовало врагов до пределов их страны.

Держа в руках голову убитого великана, Давид предстал перед Саулом. Обрадованный царь оставил юношу при себе и, к общему удовольствию всего народа, возвел его в звание военачальника. Когда победители возвратились домой, по дороге во всех городах израилевых им устраивали торжественные встречи, и женщины плясали, играя на тимпанах и кимвалах, при пении победной песни с припевом:

— Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч.

Такое выражение любви народной к Давиду было неприятно царю; Саул узнал от пророка, что Господь отверг от него царство и отдал другому, в Давиде стал видеть царь своего преемника и начал подозрительно относиться к юноше. Тяжкий недуг, мучивший Саула, благодаря этому усиливался, и царь временами приходил в бешенство; дважды во время этих припадков он бросал копьем в Давида, который играл на гуслях, чтобы успокоить царя, но юноша, хранимый Духом Божиим, избег смерти, после этого Саул стал бояться Давида и удалил его от себя, поставив его тысяченачальником. В этой должности Давид во всех делах поступал благоразумно, чем и заслужил еще большую любовь народа, к великому неудовольствию Саула, который стал искать его смерти.

Сначала царь действовал с коварством, посылая Давида в опасные походы против филистимлян. «Пусть не моя рука будет на нем, а рука филистимлян будет на нем», — злоумышлял Саул. Посылая Давида на войну, царь обещал ему руку старшей своей дочери Меровы, которую, однако, отдал за другого, а Давиду предложил вступить в брак с другой дочерью — с Мелхолою, поставив условием, чтобы Давид совершил другой еще более опасный поход.

— Разве легко быть зятем царя, а я человек бедный и незначительный, — смиренно отвечал юный воевода на столь лестные предложения.

Господь хранил Своего избранника, и он возвращался каждый раз с победою, так что имя его прославилось, и Саул вынужден был выдать за него Мелхолу, которая любила Давида. После того зависть

Саула еще более усилилась; он сделался врагом Давида на всю жизнь и стал прямо высказывать намерение убить зятя.

Один из сыновей Саула, доблестный Ионафан, еще со времени победы над Голиафом, полюбил Давида, как свою душу, тесная дружба соединяла обоих юношей. Зная злое намерение отца, Ионафан говорил Саулу:

— Да не грешит царь против раба своего Давида, ибо он ничем не согрешил против тебя, и дела его весьма полезны для тебя; он подвергал опасности жизнь свою, чтобы поразить филистимлянина, и Господь соделал великое спасение всему Израилю, ты видел это и радовался, для чего же ты хочешь согрешить против невинной крови и умертвить Давида без причины?

Царь поклялся, что не убьет Давида, и между царем и его зятем установились добрые отношения, но ненадолго; вскоре началась война с филистимлянами, в которой Давид одержал решительную победу. Тогда Саул в припадке бешенства еще раз покушался пригвоздить к стене копьем Давида, каравшего перед ним на гуслях. Давид успел убежать и скрылся в своем доме. Царь послал воинов окружить дом, чтобы схватить Давида, когда тот выйдет, и предать смерти. Безвыходно было положение Давида, но он не отчаялся, а искал утешения и помощи в молитве, изображение которой находится в 58-м вдохновенном его псалме.

— Избавь меня от врагов моих, Боже мой, — восклицал Давид, — защити меня от восстающих на меня. Ибо вот они подстерегают душу мою, собираются на меня сильные не за преступление мое и не за грех мой, Господи, без вины моей сбегаются и вооружаются. Подвигнись на помощь мне и воззри. Сила у них, но я к Тебе прибегаю, ибо заступник мой Бог.

Так взывал Давид, и Господь спас его от неминуемой гибели рукою любящей супруги, которая спустила мужа по веревке из окна.

С этого времени начались странствования Давида. Царь преследовал своего зятя, *как куропатку по горам* (1 Цар. 26, 20). Давид не находил себе пристанища ни в поселениях израильских, ни в городах соседей филистимлян, помнивших прежние его победы. Тщетно пытался Ионафан умилостивить царя, который даже жену Давида отдал замуж за другого. Первосвященник Ахимелех со всем своим родом был казнен Саулом, который заподозрил его в сочувствии

зятю[1]. Давид успел, впрочем, укрыть от царского гнева своих родителей, поместив их у царя Моавитского[2]. По откровению Божию, данному через пророка Гада, Давид пришел в пределы колена Иудина и здесь скрывался от царя в гористых и пустынных местностях к югу от Вифлеема; около него стали собираться все недовольные Саулом, так что вскоре Давид стал уже во главе отряда до четырехсот человек, людей мужественных и воинственных. С этим отрядом Давид, сам гонимый царем, успевал, однако, служить родному народу; он изгнал филистимлян из захваченного ими города Кеиля, находившегося в горах иудейских, и оберегал пасущиеся в этих горах стада от набегов хищников пустыни.

Давид вручил свою жизнь в волю Божию, и Господь хранил Своего помазанника; так, когда Давид находился в Кеиле и Саул намеревался схватить его там, Господь открыл Давиду, что жители города выдадут его царю, почему Давид со своим отрядом оставил этот город и *они ходили, где могли* (1 Цар. 23, 13). Найдя себе убежище в гористых, лишенных всякой растительности, пустынях Зиф и Маон, на западном берегу Мертвого моря, Давид едва не был окружен царским войском, но в это время Саул получил известие о набеге филистимлян и должен был на время прекратить преследование. Отразив неприятелей, царь вернулся с войском из пустыни, чтобы поймать Давида. Разыскивая беглецов в этой дикой местности, изобилующей ущельями и пещерами, Саул однажды зашел в одну из пещер, где в это время скрывался Давид с некоторыми из своих приверженцев. Не заметив врагов, притаившихся в темноте, Саул снял свою мантию, между тем окружавшие Давида узнали царя и стали говорить своему предводителю:

— Ныне день, о котором говорил тебе Господь: вот Я предам врага твоего в руки твои, и сделаешь с ним, что тебе угодно.

Давид отвечал:

— Да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо он — помазанник Господень.

---

[1] Ахимелех, когда Давид, во время своих странствований, пришел к нему, дал ему священных хлебов и меч Голиафа. До Саула достигло известие об этом, почему он и заподозрил первосвященника в сочувствии Давиду.

[2] *Моавитяне* были потомки Моава, сына Лотова; они жили к востоку от Мертвого моря.

Он осторожно отрезал край мантии Саула и, когда царь, выйдя из пещеры, удалился на некоторое расстояние, кликнул его. Саул оглянулся, а Давид, поклонившись ему до земли, стал убеждать царя не верить злым наветам.

— Отец мой, — говорил юноша, — посмотри на край одежды твоей в руке моей; я отрезал край одежды твоей, а тебя не убил. Узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя, а ты ищешь души моей, чтобы отнять ее. Да рассудит Господь между мною и тобою, и да отмстит тебе Господь за меня, но рука моя не будет на тебе. Господь рассмотрит и разберет дело мое, и спасет меня от руки твоей.

Саул был глубоко растроган великодушием гонимого им человека и со слезами сознавался в своей неправоте, после того царь возвратился в свою столицу, а Давид продолжал странствовать в пустыне.

Недолго помнил Саул о благородном поступке Давида. Собственная подозрительность вместе с усилением Давида, число сочувствующих которому все увеличивалось, — побудили царя возобновить преследование, и с трехтысячным отрядом Саул опять выступил в пустыню. Давид внимательно следил за действиями царя и, когда тот расположился станом на одной из возвышенностей, Давид укрепился на горе, откуда виден был царский стан. Чтобы точнее узнать силы Саула, Давид с одним из своих последователей, Авессою, ночью проник в стан царя, беспечность царских воевод была так велика, что даже у царского шатра не было стражи, и Давид со своим спутником вошли туда. Саул спал крепким сном, у его изголовья стояло воткнутое в землю копье. Авесса вызвался поразить Саула этим копьем насмерть, но Давид сказал:

— Жив Господь! Пусть поразит его Господь, или приидет день его и он умрет, или пойдет на войну и погибнет, меня же да не попустит Господь поднять руку на помазанника Господня!

Он взял находившиеся в шатре копье и чашу с водой, чтобы показать Саулу, что жизнь царя опять была в его руках, и, никем незамеченный, ушел из стана. Взойдя в свой лагерь, Давид громким голосом стал упрекать царских воевод за то, что они плохо охраняют государя. Саул услышал голос Давида и вступил с ним издали в беседу.

Царь говорил:

— Согрешил я, возвратись, сын мой Давид, ибо я не буду делать тебе зла, потому что душа моя была дорога ныне в глазах твоих, безумно поступал я и очень много погрешал.

Давид отвечал:

— Вот копье царя, пусть один из отроков приидет и возьмет его. И да воздаст Господь каждому по правде его и по истине его, так как Господь предавал царя в руки мои, но я не хотел поднять руки моей на помазанника Господа. И пусть как драгоценна была жизнь твоя в глазах моих, так ценится моя жизнь в очах Господа, и да покроет Он меня и да избавит от всякой беды.

На прощанье Саул благословил Давида именем Господним, и с тех пор они более не виделись.

Давид имел много оснований не доверять благим намерениям и обещаниям Саула и потому счел более безопасным для себя оставить пределы Израильского царства и переселиться в землю филистимлян. На южной ее границе находился город Секелаг, который и был отведен филистимским царем для жительства Давида с его приверженцами, числом до шестисот человек. Отсюда Давид делал походы против жителей пустыни, исконных врагов израильского народа. Между тем царь филистимский предпринял грозное нашествие на землю израильскую и потребовал, чтобы в нем принимал участие и Давид со своим отрядом. Невыразимо тяжело было исполнить это Давиду, любившему родной свой народ, но и здесь не оставила его помощь Божия, на которую он всегда крепко уповал: князья филистимские заподозрили, что он, как еврей, не может быть верным союзником врагов своего отечества, и настояли, чтобы Давид возвратился в Секелаг. На обратном пути он узнал, что город его разорен амалекитянами[1], которые захватили семейства и имущества, как его, так и его приверженцев, и увели в пустыню. В самом отряде Давида поднялось возмущение; в горькой скорби о своих сыновьях и дочерях, захваченных неприятелем, спутники Давида хотели побить его камнями. Но Давид укрепился надеждою на Господа Бога своего, погнался за хищниками и отбил всю их добычу.

---

[1] *Амалекитяне* — потомки Исава, этот народ населял земли между страной филистимской и Египтом.

Происходившая тем временем война между филистимлянами и израильтянами кончилась поражением последних при горах Гелвуйских[1]; в битве этой пал Саул и сын его Ионафан. Весть об их кончине принес Давиду амалекитянин, который рассказал при этом, что по просьбе Саула он убил его, когда того преследовали филистимляне. При таком рассказе Давид воскликнул:

— Как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня?

И приказал казнить вестника. Искреннюю и глубокую скорбь о преследовавшем его Сауле и дорогом своем друге Ионафане Давид излил во вдохновенной песне.

— Горы Гелвуйские, — восклицает псалмопевец, — да не сойдет ни роса, ни дождь на вас и да не будет на вас полей с плодами, ибо там повержен щит сильных, щит Саула, как бы не был он помазан елеем. Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и по смерти своей, быстрее орлов и сильнее львов они были. Скорблю о тебе, брат мой Ионафан, ты был очень дорог для меня, любовь твоя для меня была превыше любви женской.

Оплакав Саула и Ионафана, Давид, по откровению Божию, перешел в пределы колена Иудина и поселился со всеми своими спутниками в Хевроне[2]. Здесь Давид был помазан елеем и провозглашен царем южной страны Израильского государства[3], тогда как над остальной его частью воцарился сын Саула Иевосфей, которого возвел на царство военачальник Авенир. Около двух лет продолжалось разделение царства, но, по слову Божию, изреченному через пророка Самуила, власть над Израилем не могла оставаться в доме Саула. Иевосфей был убит двумя изменниками из числа собственных телохранителей, убийцы принесли его голову к Давиду и рассчитывали получить награду. Но Давид, оплакав смерть своего соперника, воскликнул:

— Жив Господь, избавивший душу мою от всякой скорби! Если того, кто принес мне известие, что умер Саул, и кто считал себя ра-

---

[1] Горы эти с юга огибают долину Эздрелонскую, которая разделяет Галилею от Самарии.

[2] *Хеврон* — один из древнейших городов Палестины: он расположен верстах в двадцати к югу от Вифлеема; в нем находятся гробницы праотцов — Авраама, Исаака и Иакова с их семействами (кроме Рахили, погребенной в Вифлееме).

[3] Это было около 1055 года до Рождества Христова.

достным вестником, я схватил и убил в Секелаге, вместо того, чтобы дать ему награду, то теперь, когда негодные люди убили человека невинного в его доме, на его постели, неужели я не взыщу крови от руки вашей и не истреблю вас от земли!

И убийцы были казнены. После того в Хевроне собрались представители всех колен израильских, и Давид, при общем ликовании народа, был помазан в цари всего Израиля.

Первым делом Давида было устройство новой столицы государства, с сею целью он избрал сильную крепость, находившуюся на рубеже колен Иудина и Вениаминова и бывшую во власти хананейского племени иевуссеев; когда последние отказались уступить ее Давиду добровольно, полководец его Иоав взял крепость приступом, Давид назвал эту крепость Иерусалимом, то есть городом мира, и построил здесь свой новый дворец; новая столица вскоре процвела пышно и богато и впоследствии сделалась знаменитейшим городом в свете, как место важнейших событий в деле спасения рода человеческого. Чтобы освятить свою столицу и самому быть в непосредственной близости к месту пребывания славы Господней, Давид устроил в Иерусалиме скинию, во всем подобную той, которую Моисей соорудил, по повелению Божию, в пустыне и которая находилась во времена Давида в Гаваоне[1]. Сюда перенес он главную святыню народа Божия Ковчег Завета из Кариаф-Иарима[2]. Перенесение святыни происходило с великой торжественностию. В шествии участвовало до семидесяти тысяч израильтян. Первоначально Ковчег везли на колеснице, но так как Господь поразил смертью одного израильтянина, дерзнувшего коснуться Ковчега, чтобы поддержать его, когда колесница покачнулась, то в течение остального пути Ковчег несли на руках члены священнического колена Левиина. Когда несшие Ковчег проходили по шести шагов, приносились жертвы Господу из тельца и овцы. Шествие следовало при пении псалмов, при громких звуках труб и других музыкальных орудий и радостных кликах народа. Сам царь в благоговейном ликовании плясал перед Ковчегом Господним, отложив царское свое одеяние и оставаясь в священнической льняной одежде. Когда Ковчег поставлен был на своем месте в скинии, Давид принес Господу всесожже-

---

[1] Ныне деревня Эль-Джиб, в двух часах пути от Иерусалима на север.

[2] *Кариаф-Иарим* — хананский город вблизи Гаваона.

ние и жертвы мирные и благословил народ именем Господа Саваофа. Жена его Мелхола, возвращенная к себе Давидом по смерти Саула, укоряла царя за его повеление при перенесении ковчега, видя в том унижение царского достоинства даже в глазах женщин. Но Давид отвечал:

— Перед Господом играть и плясать буду, и я еще больше уничижусь и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих и пред служанками, о которых ты говоришь, я буду славен.

Как при древней скинии в Гаваоне, так и при Ковчеге Божием, «на котором нарицается имя Господа Саваофа, сидящего на Херувимах», Давид учредил порядок богослужения, согласно с законом, данным через Моисея. С этою целию он разделил назначенных к служению Божию потомков Левия на чреды, распределив между ними обязанности служения. Избраны были знаменитейшие музыканты и певцы, которые должны были образовать правильные хоры и составлять песнопения для богослужений, а также прославлять Бога, «играя на трубах, кимвалах и разных музыкальных орудиях». Такими лицами были Еман, Асаф и Ефан, а во главе них стоял сам Давид, в годы испытаний, с особым рассуждением вникавший в пути промысла и постоянно изливавший свои благочестивые чувствования во вдохновенных псалмах.

В этих священных песнях Давид изображал тяжесть и глубину незаслуженных страданий гонения, псалмами же он успокаивал себя в страхе, облегчал скорбь свою, утишая справедливые порывы гнева и негодования на человеческую неправду; в них же изливал пред Богом глубокую скорбь свою и просил Его помощи: песнопениями же Давид окрылял дух свой к безропотному перенесению страданий, укреплял себя в уповании на Бога помощника и воссылал Ему хвалу и благодарность за непрестанное Его попечение и охранение среди опасностей. При этом нередко от изображения собственных страданий с надеждой избавления, гонимый псалмопевец в пророческом духе переносился в песнопениях своих в отдаленное будущее и созерцал Страдальца-Христа; в невинных Его страданиях пророк-псалмопевец провидел всемирную победу над злом и открытие нового царства правды (см.: Пс. 33, 51, 53, 55, 56, 58, 14). Когда Давид сделался царем всего Израиля, — свой высокий дар песнопения он употреблял для воспитания в своем народе духа веры и благочестия

(см.: Пс. 1, 11, 13, 14, 18, 23, 28, 35, 63, 103, 104, 121, 144), любви к отечеству (см.: Пс. 132), мужества (см.: Пс. 9, 19, 20, 32 и др.), справедливости (см.: Пс. 14, 36 и др.) и других добродетелей. Все важнейшие события в царствование Давида сопровождались песненными излияниями благочестивой души государя-псалмопевца. По свидетельству премудрого сына Сирахова, Давид *после каждого дела своего приносил благодарение Святому Всевышнему словом хвалы; от всего сердца он воспевал и любил Создателя своего. И поставил пред жертвенником песнопевцев, чтобы голосом их услаждать песнопение. Он дал праздникам благолепие и с точностью определил времена, чтобы они хвалили святое имя Его и с раннего утра оглашали святилище* (Сир. 47, 9–12).

Ревнуя о прославлении имени Господня, Давид сказал пророку Нафану:

— Вот, я живу в доме кедровом, а Ковчег Божий находится под шатром.

Пророк одобрил намерение царя построить постоянный храм Господень, но в ту же ночь получил откровение от Господа, которое и передал Давиду. Господь сказал Давиду через пророка:

— Когда исполнятся дни твои и ты почиешь со отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном, и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и уздами сынов человеческих, но милости Моей не отниму от него, как Я отнимал от Саула, которого Я отверг пред лицом твоим. И будет непоколебим дом твой и царство твое навеки пред лицом Моим, и престол твой устоит навеки.

Это высокое обетование, бывшее важнейшим доказательством особенного благоволения Божия к Давиду и роду его, прояснило и возвысило пророчественный взор царя на будущую судьбу его царства. Пророк-псалмопевец находит в этом обетовании неисчерпаемый источник песнопений о грядущем вечном царстве сына Давидова, Христа Спасителя мира, Которого исповедует предвечным Сыном Божиим, называя себя рабом Его, в своих победах над окружающими народами Давид видит поражение врагов Христа и всемирное распространение Его владычества, возвещая в торжественных песнопениях будущую славу Царства Христова.

И царствовал Давид над всем Израилем, и творил суд и правду всему народу своему. Устанавливая внутренний порядок в царстве Израильском, потрясенный в последние годы Саула, Давид главнейшим образом заботился об угождении Богу, небесному Царю Израиля, представителем Которого он был, и о пользе народной. Целью всей его жизни было лишь исполнять данный Богом закон и сделать его обязательным для всех своих подданных. Благодаря такому правлению Давида, столица его, Иерусалим, в течение долгих лет после него была «верной столицей, исполненной правосудия». Полное послушание Давида Божественной воле увенчалось славными его победами над иноплеменниками; при нем царство Израильское достигло тех пределов, которые обетованы были потомству Авраама, при заключении завета. Благодаря победам Давида, его владычество простиралось от Чермного моря до реки Евфрата, на юге доходило до Аравийской пустыни, а на севере захватывало Сирию, с запада кончаясь у Средиземного моря. Израиль был в то время могущественным государством, имевшим под своей властью множество народов — данников, богатым внутри и от военной добычи, и вследствие полной безопасности подданных царя еврейского и их имущества. При таких явных проявлениях милости Божией, Давиду оставалось только смиренно благодарить Бога и творить добро во славу Его святого имени. Но присущие человеку слабости и немощи не были чужды и Давиду; окруженный земной славой и великолепием, он допустил проявление этих слабостей, последствия чего для него оказались очень тяжелыми.

Подобно другим государям Востока, Давид имел несколько жен и наложниц, связанная с этим роскошь и пышность царского двора имели изнеживающее и расслабляющее влияние на нравственную природу Давида. Поэтому, когда однажды, гуляя на кровле своего дворца, он увидал на соседнем дворе купающуюся красивую женщину, то не захотел подавить в себе преступной страсти, а приказал привести женщину к себе. Женщина эта, по имени Вирсавия, была женою одного из военачальников Давида — Урии, бывшего в то время в походе, и сделалась от царя беременною. Узнав об этом, Давид сначала пытался скрыть свой грех от мужа, для чего и призвал его к жене в Иерусалим, но когда это не удалось, приказал своему главнокомандующему поставить Урию во время сражения в наибо-

лее опасное место. Урия был убит в сражении, а Вирсавия сделалась женою Давида и родила ему сына. И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа. Для обличения царя пришел к нему пророк Нафан, который сказал Давиду именем Господним:

— Зачем ты пренебрег слово Господа, сделал злое пред очами Его? И так не отступит меч от дома твоего вовеки за то, что ты пренебрег Меня и взял жену Урии.

Вместе с тем пророк предсказал скорую смерть ребенка, родившегося от Вирсавии. Дитя действительно заболело, семь дней молился Давид о ребенке в полном уединении без пищи и без сна. Когда дитя скончалось, Давид смиренно покорился воле Божией, покорность эта была столь же совершенна, как искренно и глубоко было его раскаяние в соделанном грехе, сокрушение его сердца выразилось в пламенном покаянном псалме, который навсегда стал покаянной молитвой всякого кающегося грешника (см.: Пс. 50).

Суд Божий за совершенное преступление вскоре сказался в семействе Давида целым рядом гнусных и кровавых событий. Между двумя любимыми сыновьями Давида от разных жен, красавцами Амвоном и Авессаломом, возгорелась смертельная вражда за то, что Амнон оскорбил сестру Авессалома — Фамарь, а брат отмстил за это бесчестие Амнону, изменнически убив его во время пира, и бежал из страны. Горько оплакивал царь потерю детей — любимцев и только через несколько лет дозволил Авессалому возвратиться к царскому дворцу. За эту высокую милость преступный сын отплатил отцу черной неблагодарностью. Он возбудил восстание против престарелого уже Давида; благодаря своей угодливости и льстивому участью к нуждам простого народа, Авессалом сумел собрать около себя множество приверженцев и провозгласил себя царем в Хевроне, составился сильный заговор, и народ стекался и умножался около Авессалома.

Услышав об этом, Давид с небольшим числом приближенных решил удалиться для безопасности в страну Заиорданскую, первосвященник хотел сопровождать царя с Ковчегом Завета.

Но Давид сказал первосвященнику:

— Возврати Ковчег Божий в город, и пусть он стоит на своем месте. Если я обрету милость пред очами Господа, то Он возвратит

меня и даст мне видеть Его и жилище Его. А если Он скажет так: «Нет моего благоволения к тебе», то вот я: пусть творит со мною, что Ему благоугодно.

Перейдя Кедрский поток[1], Давид пошел на гору Елеонскую, шел и плакал, голова его была покрыта; он шел босой, и все люди, бывшие с ним, покрыли каждый голову свою, шли и плакали. Лучшие из народа сочувствовали горькому положению старца-царя, но нашлись и такие, которые воспользовались случаем безнаказанно оскорбить страдальца. Так некто Семей из рода Саулова дерзко ругался над царем, бросая в него камнями и грязью; возмущенные этим, спутники Давида просили дозволения казнить дерзкого, но страдалец сказал:

— Оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему. Может быть, Господь призрит на уничижение мое и воздаст мне благостью за теперешнее его злословие.

То же упование на милосердие Божие сказалось и в умилительных песнопениях (см.: Пс. 6, 31, 37, 38, 142), в которых в то тяжелое время изливал перед Господом свою душу старец Давид, оскорбленный в чувствах отца и государя.

И извел Господь раба Своего из воздвигшейся на него напасти. За Иорданом собралось вокруг законного царя сильное войско, начальствование над которым Давид вручил испытанным полководцам Иоаву, Авессе и Еффею. По совету их сам оставшись в тылу своего войска, Давид просил военачальников пощадить жизнь своего сына. Эта его просьба не была, однако, исполнена: когда войско Авессалома было разбито, сам он искал спасения в бегстве; во время стремительной скачки лесом Авессалом запутался пышными своими волосами в ветвях дуба и повис на нем; здесь настиг его Иоав и застрелил его, изувеченное тело мятежного царевича было брошено в яму, которая завалена была огромной кучей камней — во исполнение предписания закона Моисеева, чтобы непокорные дети побивались камнями. Узнав об этом, несчастный отец не вспомнил зла, причиненного ему сыном, он пошел в горницу и плакал и, когда шел, говорил так:

---

[1] Поток этот протекал с восточной стороны Иерусалима.

— Сын мой Авессалом, сын мой, сын мой Авессалом! О кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!

Испытал Давид сердечные огорчения и от народных бедствий, которыми посещал Бог землю Израильскую; это были трехлетний голод и трехдневная моровая язва. Со смирением и покорностию воле Господней принимал Давид эти испытания, умилостивляя правду Божию молитвами и всесожжениями за грехи свои и своего народа.

Последние годы своего царствования, протекшие в ненарушимом мире, Давид провел в приготовлениях к тому великому делу, которое, по воле Божией, должен был исполнить его преемник — именно: к сооружению храма Господня. Разработаны были чертежи всех построек священного здания и изготовлены рисунки всех принадлежностей богослужения, собраны были все материалы, потребные для полного устройства храма, равно и мастера всякого рода. Все это Давид еще при жизни передал в присутствии народных старейшин сыну своему Соломону, который, по слову Господню, должен был наследовать престол; при этом старейшины принесли богатые пожертвования и от себя, народ радовался их усердию. Царь во вдохновенной молитве посвятил Господу как те сокровища, которые сам скопил на сооружение храма, так и доброхотные приношения своих подданных на это великое дело.

— Кто я, — взывает Давид, — и кто народ мой, чтобы мы имели возможность так жертвовать! Но от Тебя все и от руки Твоей полученное мы отдали Тебе. Знаю, Боже мой, что Ты испытуешь сердце и любишь чистосердечие, я от чистого сердца пожертвовал все это и ныне вижу, что и народ Твой, здесь находящийся, с радостью жертвует Тебе. Господи, Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцов наших! Сохрани в век это расположение мыслей сердца народа Твоего и направь сердце их к Тебе. Соломону же, сыну моему, дай сердце правое, чтобы соблюдать заповеди Твои, откровения Твои и уставы Твои, и исполнить все это и построить здание, для которого я сделал приготовление.

Вскоре после того Давид поставил Соломона царем, и он был помазан на царство первосвященником Садоком, весь народ ликовал, и поздравляли Давида все его слуги, а старец царь, удрученный немощью, поклонился на ложе своем и сказал:

— Благословен Господь Бог Израилев, Который сегодня дал от семени моего сидящего на престоле моем, и очи мои видят это.

И возвеличил Господь Соломона пред очами всего Израиля, и даровал ему славу царства, какой не имел прежде него ни один царь у Израиля.

И Давид, сын Иессеев, царствовал над всем Израилем, времени царствования его было сорок лет: в Хевроне царствовал он семь лет и в Иерусалиме тридцать три года. И умер в доброй старости, насыщенный жизнью, богатством и славой, и воцарился Соломон, сын его, вместо него.

Святой апостол Петр именует царя Давида пророком (см.: Деян. 2, 30). Святой же Афанасий Александрийский в толковании на двадцатый псалом учит: «Царь Давид возвеличен уже тем, что от семени его родилось спасение миру. Ибо душевно желал он этого и об этом молился. Поэтому и дано ему это, как некий венец чистого золота (см.: Пс. 20, 4), прославляющий главу. Ибо во всех народах прославляется Давид вместе с Господом и Сыном своим по плоти. Даже не только венцом было для него спасение это, но и желанием, и долгоденствием, и славой, и велелепием и веселием, и радостью и надеждой, и незыблемой милостью». В толковании на слова псалма пятидесятого: *Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся* (Пс. 50, 15), святой Иоанн Златоуст влагает в уста псалмопевца следующее исповедание Господу:

«Ты удостоил меня такой чести, что открыл мне Сына Своего и соделал Его ве́домым для меня, я познал, что Ты имеешь Сына, принявшего естество человеческое, узнал, что Ты имеешь Сопрестольного Тебе, и я возвестил вселенной крест, погребение, нисшествие во ад, воскресение Его, сказал о суде Его, сказал о спасении язычников, сказал об избрании апостолов, сказал об отвержении иудеев, сказал о призвании Церкви, сказал о лике дев, сказал о сидении Его одесную Тебя». — «Так, Давид, — продолжает святой отец, — ты возвестил пророчества обо всем: для чего же взываешь: *Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня* (Пс. 50, 12)? Ты — царь, ты одет в диадему, ты облечен порфирой. Но, — говорит он, — все это трава, тень и сновидение, я ищу другой красоты, даруй мне Духа Святого, чтобы Ты опять беседовал со мною и я беседовал с Тобою, Дух отступил от меня, как отлетает голубь при виде грязи,

я хочу возвратить Его, тогда приду и явлюсь пред лицом Твоим; а теперь не могу выносить этого, потеряв дерзновение пред Тобой. Видишь, как Давид исповедуется пред Богом. Смотри же, сколь великое зло — грех. Прелюбодеяние, убийство, преступление закона, нарушение заповедей Господних. Говорю это не для того, чтобы осудить пророка, но чтобы показать скорое его раскаяние. Скоро совершен грех, еще скорее — раскаяние. Согрешив с женою Урии, он был поражен этим грехом и, приступив к написанию псалма, воскликнул:

— *Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей* (Пс. 50).

И полным раскаянием он получил полное отпущение греха».

И в чертах характера праведника царя-пророка, и в обстоятельствах его жизни, исполненной испытаний, богомудрые отцы видят указание на Сына Давидова по плоти — на Господа нашего Иисуса Христа и на Его земную жизнь. Святой Златоуст, рассуждая о скромности, смиренномудрии и кротости Давида, учит: «И кроткий Давид поразил Голиафа, прогнал войско и одержал победу. Вообще кроткому свойственно прощать обиды, нанесенные ему, и отмщать за обиды, нанесенные другим. Так и поступал Христос». Святой Афанасий Александрийский в толкованиях на Пс. 51, 56 и 58 свидетельствует, что псалмы эти, изображая бедствия Давида от Саула, предуказали Господа нашего Иисуса Христа, благодеющего неблагодарным израильтянам (которых представляет Саул) и преследуемого их наветами, предуказали лицо Иуды и благовестили о призывании всех язычников после того, как Израиль за злочестие отринут будет от водительства Божия. Соответственно этому Господь наш Иисус Христос у пророков часто изображается под именем Давида, христиане называются семенем Давида; господство Христа Спасителя — ключом Давида; престол Его — престолом Давида; Церковь Христова именуется домом Давида.

Боговдохновенные повествования Давида впоследствии собраны были в одну книгу Псалмов, или Псалтирь; святой Афанасий Александрийский свидетельствует, что совершил это некто из пророков. Блаженный Феодорит в своем толковании на псалмы учит: «Иные говорят, что не все псалмы принадлежат Давиду, но есть написанные и иными. Почему, так разумея и надписания, одни псалмы при-

писали Идифуму, другие — Эфаму, иные же — сынам Кореовым, и еще — иные Асафу, познав из книги Паралипоменон, что и они были пророки. Я ничего об этом не утверждаю. Ибо увеличится ли для меня польза от того, что все ли псалмы Давидовы, или отчасти принадлежат и упомянутым перед этим, когда очевидно, что все они написаны по действию Божественного Духа? Знаем, что и Божественного Давида пророка, и тех книга Паралипоменон именует пророками. Пророку же свойственно предоставлять язык свой в орудие благодати Духа, по изреченному в псалмах: *язык мой трость книжника скоропи́сца* (слав. Пс. 44, 2). Впрочем, пусть превозмогает приговор большинства, а большая часть писателей утверждали, что псалмы принадлежат Давиду».

Святой Василий Великий так изображает высокое значение книги Псалмов для христианской жизни: «*Все Писание богодухновенно и полезно для научения* (2 Тим. 3, 16), для того написано Духом Святым, чтобы в нем, как в общей врачебнице душ, все мы — человеки — находили врачевство — каждый от собственного своего недуга. Ибо сказано: *исцеление утолит грехи великие* (слав. Еккл. 10, 4). Но иному учат пророки, иному — бытописатели; в одном — наставляет закон, а в другом — предложенное в виде приточного увещания; книга же Псалмов объемлет в себе полезное из всех книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрых учений и тщательно отыскивает, что каждому на пользу. Она врачует и застарелые раны души, и недавно уязвленному подает скорое исцеление, и болезненное восстановляет, и неповрежденное поддерживает, вообще же, сколько можно, истребляет страсти, которые в жизни человеческой под разными видами господствуют над душами. И причем производит она в человеке какое-то тихое услаждение и удовольствие, которое делает рассудок целомудренным. Псалом — тишина душе, раздаятель мира, он утишает мятежные и волнующиеся помыслы; он смягчает раздражительность души и уцеломудривает невоздержность. Псалом — посредник дружбы, единение между далекими, примирение враждующих. Ибо кто может почитать еще врагами того, с кем возносил единый глас к Богу? Поэтому псалмопение доставляет нам одно из

величайших благ — любовь, изобретя совокупное пение вместо узла к единению и сводя людей в единый согласный лик. Псалом — убежище от демонов, вступление под защиту Ангелов, оружие в ночных страхованиях, успокоение от дневных трудов, безопасность для младенцев, украшение в цветущем возрасте, утешение старцам, самое приличное убранство для жен. Псалом населяет пустыни, уцеломудривает торжища. Для нововступающих это — начатки учения, для преуспевающих — приращение ведения, для совершенных — утверждение: это — глас церкви. Это — мудрое изобретение учителя, устраивающего, чтобы мы пели и вместе учились полезному. К учениям примешивается приятность сладкопения, чтобы, вместе с приятным и усладительным для скуки, принимали мы неприметным образом и то, что есть полезного в слове. Ибо с принуждением выучиваемое не остается в нас надолго, а что с вдохновением и приятностью принято, то в душах укореняется тверже». «В псалмах достойно еще удивления и следующее, — учит святой Афанасий Александрийский. — В других книгах, что говорят святые, и о чем они говорят, — то читающие относят к тем именно, о ком это написано, да и слушающие отличают себя от описываемых лиц, о которых идет речь, и если удивляются и соревнуют повествуемым деяниям, то все это оказывается подражанием. Но кто берет в руки книгу Псалмов, тот если пророчество о Спасителе проходит и с обычным удивлением и благоговением, как и в других писаниях, то прочие псалмы читает уже, как собственные слова свои, да и слушающий, как будто сам от себя произнося это, приходит в умиление и все речения песнопений делаются ему близкими, как бы действительно его собственные».

«Богоотца вси восхвалим Давида царя, из него бо про́йде жезл Дева, и из Нея возсия цвет Христос, и Адама со Евою от тли воззва́, яко благоутробен» (стихира дня, на «Господи, воззвах»).

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ИОСИФА,
обручника Пресвятой Девы Богородицы

Святой Иосиф был царского рода, из дома Давидова и Соломона, внук Матфатов, правнук Елиезеров, сын Иакова по природе, а Илиин по закону ужичества[1]. Ибо его дед Матфат, по рождении отца его Иакова, умер. Жену же Матфатову, мать Иакова, взял за себя в замужество Мелхий, от колена Нафана, сына Давидова, и родил Илия. А Илий женился и умер бездетным, а после него Иаков, который был его братом от одной матери, но не от одного отца, взял за себя жену его, потому что закон предписывал, что, если кто умрет, не имея детей, то пусть брат его возьмет за себя жену его и воскресит потомство своего брата. По этому-то закону Иаков взял за себя жену братнюю и родил этого святого Иосифа обручника, и был Иосиф, как уже сказано, сыном обоих: по природе — Иакова, а по закону — Илия.

Вот почему святой евангелист Лука, излагая родословие Христа, назвал отцом Иосифовым Илия, говоря о Христе так: *был, как думали,*

---

[1] *Закон ужичества*, или *левират*, состоял в том, что, если муж умирал, не оставив детей, то брат, переживший его, по древнему обычаю (см.: Быт. 38, 8 и далее), должен был, как *деверь* (jabam, levir), вступить в брак с овдовевшей женой брата (снохой). Этот закон изложен у Моисея во Второзаконии (см.: Втор. 25, 5–10). Интересно здесь отметить, что левират существует и у многих народов Востока, например у персов, индийцев, афганцев, друзов, у большей части кавказских племен и других. По закону левирата, дети от левиратского брака считались детьми того лица, чью вдову взял, по этому закону, деверь себе в замужество; это и значило «восстановить семя брата своего».

Сын Иосифов, Илиев, Матфатов (Лк. 3, 23–24), называя Илия вместо Иакова. — Об этом святом Иосифе существуют различные мнения у западных и у восточных христиан. Западные говорят, что он до самой кончины своей был девственником, совершенно не вступая в брак, а восточные утверждают, что он имел жену и родил детей. Так, Никифор, древний греческий историк, следуя святому Ипполиту, передает, что он женился на Саломии; но не думай (прибавляет он), что это та Саломия, которая находилась в Вифлееме и была нареченною бабкою Господа; это была иная Саломия. Ибо та была родственница Елисаветы и Пресвятой Богородицы, а это была дочь Аггея, брата Захария, отца Предтечи; Аггей же и Захария были сыновьями священника Варахии. Имея в супружестве эту Саломию, дочь Аггея, святой Иосиф родил четырех сыновей: Иакова, Симона, Иуду, Иосию, и двух дочерей Есфирь и Фамарь, или, как говорят другие, — Марфу; а синаксарь недели святых мироносиц присовокупляет еще и третью дочь именем Саломию, которая была замужем за Зеведеем. А Георгий Кедрин, упомянув о двух дочерях Иосифа, говорит, что одна из них, Мария, была выдана замуж за Клеопу, брата Иосифа, уже после возвращения Иосифа из Египта, но та Мария, как кажется то же лицо, что и Марфа, или Фамарь[1]. Какая бы она ни была дочь, и сколько бы у Иосифа ни было дочерей, — во всяком случае несомненно то, что Иосиф был женат и имел сыновей и дочерей. По кончине же своей жены Саломии святой Иосиф жил во вдовстве довольно времени, проводя дни свои в чистоте. Во святом Евангелии его святая и непорочная жизнь засвидетельствована следующими, хотя и краткими, но весьма похвальными словами: *Иосиф же, муж Ее, будучи праведен* (Мф. 1, 19). И что может быть больше такого свидетельства? Он был столь праведен, что своею святостью превзошел прочих праведных праотцов и патриархов. Ибо кто был достоин стать обручником и мнимым мужем Пречистой Девы, Матери Божией? И кому дана была таковая честь — сделаться нареченным отцом Христовым? Поистине Господь обрел этого мужа по сердцу Сво-

---

[1] Здесь кстати будет заметить, что в грузинских святцах, в числе святых жен-мироносиц, почитается и святая Фамарь (под именем *Тамары*). Очевидно, предание, сохраняемое Грузинской Церковью, сходно с тем известием, по которому Фамарь могла быть и дочерью Иосифа, и впоследствии мироносицей, вместе с сестрой своей, Саломией (другой дочерью праведного старца).

ему, которому Он открыл *безвестные и тайные премудрости Своей* (Пс. 50, 8), соделав его служителем таинства нашего спасения. Поистине он был достоин таковой чести и такого служения, ради совершенной по добродетелям жизни своей. Когда он был уже стар, лет восьмидесяти, обручена была ему Пречистая Дева Мария и дана была ему для хранения Своего девства (а не для плотского, действительного супружества). И он со всяким благоговением и страхом служил Ей как Матери Божией, а своей и всего мира Госпоже и Владычице (уверившись в этом от Ангела, который являлся ему во сне), также и рожденному от Нее Богомладенцу — и во время бегства в Египет, и по возвращении оттуда, и во время пребывания в Назарете, добывая Им пропитание от трудов рук своих, ибо он был плотником и человеком бедным, хотя и царского рода. Ибо Господь восхотел родиться в нищете, заимствовав от царского рода только плоть, но не царскую славу, богатство и владычество. Поэтому Он благоизволил иметь нищею и Свою Пречистую Матерь, нищим и мнимого отца Своего, подавая образ смирения. Прожив всего сто десять лет[1], святой Иосиф мирно скончался и отошел к отцам своим, находившимся в шеоле[2], неся туда радостную и верную весть о том, что пришел желанный Мессия, имеющий освободить и спасти род человеческий, — Христос Господь, Которому слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ЕВФИМИЯ, епископа Сардийского

Святой Евфимий жил в царствование Константина и Ирины[3] и так прославился своим благочестием, что сиял, как лучезарная

[1] Это предание о стодесятилетнем возрасте праведного Иосифа сходно с известием, что он преставился в сто одиннадцать лет, о чем мы находим упоминание в апокрифической «Истории плотника Иосифа».

[2] *Шеол* — ад, жилище мертвых.

[3] *Константин* и *Ирина* царствовали: первый — с 780 по 797 год, вторая — с 797 по 802 год.

звезда, иноческим житием своим в христовой Церкви. За это он удостоен был епископского сана[1] и присутствовал на II Никейском — VII Вселенском соборе[2], на котором безбоязненно с ревностию боролся против еретиков и посрамил их, был посылаем он так же царями еще с разными государственными поручениями в местности, где господствовали крамолы и мятежи. Когда же воцарился Никифор[3], святой Евфимий, вместе с другими православными епископами, был сослан в западную Паталарею[4], как будто за насильственное пострижение одной девицы[5], и с того времени до самой своей страдальческой кончины уже не возвращался в свою епископию и не управлял ею. Через двадцать девять лет, когда императорский престол в Греческом государстве занял зверонравный Лев[6], святой вызван был из заточения[7], представлен к царю и подвергся от него допросу об иконопочитании: по обычаю своему, он дерзновенно обличал еретическое нечестие и произнес мучителю отлучение от церкви. Царь сильно разгневался на исповедника и сослал его опять в заточение в город Асс[8]. Вслед за тем император Лев свержен был с престола и погиб от меча, ему наследовал император Михаил, который назывался Косноязычным. При этом царе, преподобный был вызван из Асса и принуждаем отказаться от иконопочитания: но он безбоязненно во всеуслышание произнес такое изречение:

---

[1] *Святой Евфимий* был епископом Сардийским (в Мизии, в Малой Азии).

[2] Собор этот против иконоборцев был в 787 году.

[3] *Никифор* царствовал с 802 по 811 год.

[4] *Паталарея* — остров между Сицилией и Тунисом, ближе к Африке.

[5] На самом же деле за обличение беззаконного царя, который возвел гонение на всех тех, которые, вместе с студийскими монахами, не хотели иметь общения с отлученным, но императором Никифором восстановленным экономом Иосифом — за совершение брака императора Константина VI с Феодотией при жизни первой его супруги.

[6] *Лев V Армянин иконоборец* — император Византийский, царствовал с 813 по 820 год.

[7] Святой Евфимий, столп Церкви, находясь и в ссылке, по свидетельству преподобного Феодора Студита, «был светильником, просвещающим многих и приводящим к Богу медоточивым учением своим», и, таким образом, причинял беспокойство еретику-царю. Вызванный из заточения к допросу в 815 году, святой Евфимий, вместе с патриархом Никифором и другими православными епископами, ревностно обличал царя за иконоборство.

[8] *Асс* — укрепленный город в Мизии же при Адрамитском заливе.

— Кто не поклоняется образу Господа нашего Иисуса Христа, по человечеству, того анафематствуем.

За это он был подвергнут сначала биению, а потом — ссылке в Крит[1], где и заключен был в мрачную темницу и, сверх того, еще подвергся жестокой пытке: его растянули на четырех столбах и били воловьими жилами, так что тело его покрылось множеством ран и распухло. Прожив немного после того, святой исповедник с миром предал дух свой Богу[2].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ЕВАРЕСТА

Святой Еварест, родом из Малой Азии, Галатийской епархии, имел родителей знатных но имена их неизвестны. Императором в Византийском царстве тогда был Лев, жестокий гонитель иконопочитания, который погиб от меча, восприяв таким образом достойную, как богопротивник, кончину. Преемником его был Михаил[3], который, также с подозрительною неприязнию относился к Православию.

Еварест отрок, приходя в совершенный возраст, получил достаточное образование и был по-апостольски для всех всем (см.: 1 Кор. 9, 22): родителям благопокорен, к товарищам и соседям доброрасположен, чужим и своим достолюбезен, всегда и во всем правдив и ко всем предупредителен своею любовью. С отрочества, таким образом, Еварест возгорел желанием жить по Божественным заповедям и — возлюбил иночество. Между тем отец его отправился по своим делам в

---

[1] По иным известиям, святой Евфимий заточен был в Акрите на Черном море.

[2] Скончался святой Евфимий около 840 года, при сыне Михаила II Косноязычного Феофиле. Мощи святого исповедника Евфимия, по свидетельству Никодима, находятся в Анхиале, городе во Фракии, на берегу Черного моря, и источают многие чудеса.

[3] *Император Михаил II Косноязычный*, вступив на престол в 820 году, вызволил из заточения патриарха Никифора, преподобного Феодора Студита и других православных, пострадавших за иконопочитание при Льве Армянине, но он не восстановил иконопочитания, дозволив только частое почитание икон в домах.

Константинополь, пошел туда же вместе с ним и Еварест. Там он был принят неким родственником своим, патрицием Вриеннием, достигшим почетного общественного положения. Через несколько дней после того царице Феодоре нужно было отправить посольство к болгарам[1]; послом назначен был вышеупомянутый патриций Вриенний. Он взял с собою и честного Евареста. Когда они дошли до некоего места, называемого Скупель[2], то остановились и прожили там некоторое время. Здесь блаженный Еварест, по особому некоему обстоятельству, устроением Божиим, получил сан пресвитера, а затем, проводя подвижническую жизнь, воспринял он и то, к чему всегда с любовью стремилась душа его, — постригся в монашество, возложив на себя, таким образом, столь вожделенное ему ярмо Господне. Случилось ему в это время приобрести книгу приснопамятного Ефрема[3]; прочитав ее и увлекаясь предлагаемым в ней назиданием, Еварест стал ревностным исполнителем благочестивых наставлений Ефрема, а такое его душевное настроение и добродетельная жизнь привели к тому, что ему вручили охранительные для путешествия письма и с молитвою отправили его в Студийскую обитель[4]. Прибыв в эту обитель, он был принят в нее и всецело посвятил себя иноческим подвигам и, усмотрев одного из братии особенно высоко стоящего в духовной жизни, сблизился с ним и прилагал труды к

---

[1] *Болгары* разгромили, около 817 года, город Адрианополь; захватили в плен архиепископа Мануила (память его и пострадавших с ним триста семидесяти семи мучеников празднуется 22 января), потом они вынуждены были заключить мир с греками и даже дать заложников, в числе которых была сестра болгарского князя Бориса. Она получила тогда в Константинополе христианское воспитание и была крещена с именем Феодоры. После 850 года она возвратилась в Болгарию и располагала своего брата к христианству. Благодаря ее, между прочим, влиянию князь Борис принял христианство, был крещен в 864 году и назван Михаилом.

[2] *Скупель — Скопла* — местность в Албании, на Балканском полуострове.

[3] Преподобного Ефрема Сирина, диакона Едесской церкви († 373 г.). Память его празднуется 28 января.

[4] *Студийский монастырь* в Константинополе основан при императоре Льве Великом в половине V века; при императоре Константине Копрониме во второй половине VIII столетия много пострадал от иконоборцев, наибольшей славы достиг при преподобном Феодоре Студите, стоявшем во главе православных в борьбе с иконоборцами — в начале IX века. Турки уничтожили монастырь и церковь обратили в мечеть.

трудам, соревнуя этому брату в восхождении к совершенству, хотя другие и не примечали того. Пища его состояла из малого куска хлеба, притом сухого, вареную же пищу Еварест принимал только один раз в неделю. О других же его подвигах и трудах невозможно и пересказать, довольно упомянуть, что на плечах своих по нагому телу он носил тяжелые железные вериги и чресла его были опоясаны. И всех он превзошел тогда добродетельной жизнию своею и, прожив так богоугодно семьдесят пять лет, предал дух свой Господу[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
КОНСТАНТИНА СИНАДСКОГО

Преподобный Константин родился в городе Синаде[2] и был по происхождению иудей. Будучи еще малолетним, он однажды, сопровождая свою мать, увидел христианина, зевнувшего и сотворившего крестное знамение на своих устах. По подражанию, и он стал делать подобное. Между тем такое наружное уподобление расположило его со вниманием относиться и ко внутреннему содержанию христианской веры. Душою он ощущал теплоту благодати Божией, и лицо его просветлело; озаряемый свыше таинственным наставлением, он в продолжение многих дней даже как бы забывал о телесной пище, не ощущая голода. Это было соблазном для окружающих его (см.: 1 Кор. 1, 23): одна девица еврейка однажды дерзко поглумилась над ним, но была за то им сначала умерщвлена знамением честного креста, а потом оживлена. Внимая, таким образом, чистым, верующим сердцем гласу Господа (см.: Евр. 4, 7), он оставил своих родных и, как бы по указанию Божественного облака (см.: Исх. 13, 21)[3], дошел до места, называемого «душевное спасение»,

---

[1] Преподобный Еварест скончался около 825 года. Погребен он был в Кокковийском монастыре.

[2] *Синад*, или *Синнады*, — город на севере Фригии, близ горной цепи, где находились знаменитые Синнадские мраморные ломки. Ныне — развалины близ Ескикара — Гассаф.

[3] Место, до которого дошел преподобный, была гора *Сина* в Сирии, где подвизались святые отшельники уже в III веке.

где проживали тогда великие мужи, сиявшие добродетелями и подвигами иноческими. Представившись настоятелю этих иноков, он рассказал ему о себе все подробно: тот велел принести крест и приказал ему облобызать его. Блаженный с радостью начал лобызать святой крест и положил его себе на голову, на которой тотчас отпечатлелось знамение всечестного оружия, неизгладимо сохранившееся и впоследствии, даже до самой его смерти. После того сподобился он святого крещения и наречен был Константином. После крещения он удалился в одно близлежащее место и там ревностно посвятил себя подвигам духовной жизни; при желании принять иноческий чин он, еще до пострижения, всех превосходил уже строгим благочестием, устрояя свою жизнь по примеру и наставлениям святого апостола Павла. Когда же Константин произносил иноческие обеты Богу, место, где это происходило, наполнилось благоуханием, и сами собою отверзлись перед ним церковные двери. При своей душевной чистоте он удостоился еще особенного дара: он был прозорливцем, ибо перед ним открыты были даже помыслы каждого брата. Из этой обители предпринял он путешествие к Олимпу[1], приходил затем в Атталию[2], перейдя дивным образом быструю реку, посетил Миры Ликийские и многие другие места и опять пришел к Олимпу. Здесь Константин сорок дней провел без пищи, будучи закопанным в землю до чресл. Потом против воли своей он принял священный сан и, не оставляя подвижнических трудов, странствовал еще в Атрою[3]. За восемь месяцев предсказал он о своей кончине и, согласно этому предсказанию, мирно преставился ко Господу[4].

[1] *Олимп* — гора в Малой Азии, в окрестностях которой находились славные в то время монастыри, в которых подвизались великие подвижники, например Иоанникий Великий и так далее.

[2] *Атталия* — прибрежный город Памфилии, основанный за полтора века до Рождества Христова Атталом II Филадельфом и названный по его имени.

[3] *Атроя* — город, отстоящий недалеко от Олимпа.

[4] Преподобный Константин жил и подвизался в VIII веке.

День двадцать седьмой

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО ПЕРВОМУЧЕНИКА И АРХИДИАКОНА СТЕФАНА

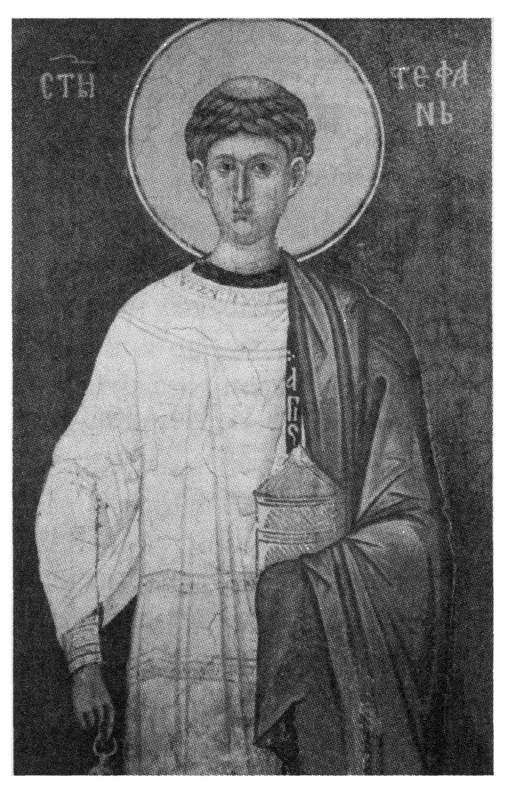
Когда Господь наш Иисус Христос, по совершении таинства спасения нашего, вознесся на небо и от Отца ниспослал на апостолов Духа Святого, в виде огненных языков (см.: Деян. 2, 1–4), и первенствующая Церковь (Иерусалимская) начала умножаться, возникло в ней вскоре неудовольствие между христианами из эллинов[1] и евреев. Здесь разумеются не те эллины, которые поклонялись идолам и которых Священное Писание обыкновенно называло язычниками. Язычникам в то время еще не был открыт доступ к вере во Христа и не проповедовалось им слово спасения; даже по убиении архидиакона Стефана еще не скоро стали допускать язычников в собрание верных. Первым из язычников христианином был Корнилий сотник (см.: Деян. 10), но едва крестил его святой Петр, вознегодовали христиане из обрезанных иудеев на то, что Петр ходил к необрезанным, и роптали на него до тех пор, пока он не рассказал им о видении, бывшем ему, — о плащанице, спущенной с неба (см.: Деян. 11, 5–18). Тогда они успокоились и прославили Бога, говоря:

— Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь.

Итак, при жизни святого Стефана роптали на евреев эллины не из числа язычников, а бывшие также из евреев и хранившие тот же закон, данный Моисеем, но рассеявшиеся по разным странам

---

[1] *Эллинами* назывались иудеи, жившие в разных странах языческого мира и говорившие на очень распространенном эллинском (греческом) языке, на праздник они приходили в Иерусалим и подолгу жили в нем.



(как и святой апостол Иаков в своем послании пишет: *двенадцати коленам, находящимся в рассеянии, — радоваться* (Иак. 1, 1)), и усвоившие эллинский язык (но не веру и нравы), поэтому их и называли эллинами те, которые жили в Иерусалиме. Подобным образом и Златоуст выражается: «Эллинами, о коих говорится в книге Деяний апостольских, я полагаю, назывались говорящие по-эллински, потому только, что они по-гречески говорили, будучи евреями». Между такими-то эллинами-христианами и возник ропот на христиан из евреев иерусалимских, ропот за то, что вдовы эллинов были пренебрегаемы при ежедневном назначении служений: или им назначалась низшая работа, или им давалась меньшая и худшая доля пищи и одежды.

При таком положении дел святые двенадцать апостолов созвали всех бывших тогда верующих и сказали им:

— Нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек, исполненных Святого Духа и мудрости, их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова (Деян. 6, 2–4).

Это предложение святых апостолов было одобрено всем собранием верных, которые немедленно избрали: Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святого, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая, уроженца антиохийского.

Самые имена этих избранников показывают, что они были родом не из тех евреев, которые жили в Иерусалиме, но из тех, которые проживали в эллинских странах, ибо имена их — не еврейские, а эллинские. Из них Стефан приходился родственником Савлу, впослед-

ствии призванному Господом с именем Павла к вере и апостольскому служению, Павел же был родом из города Тарса, в Киликии[1]. Эти семь мужей потому избраны были из эллинов для служения бедным вдовам, чтобы эллины, до сих пор скорбевшие о пренебрежении своих вдовиц, успокоились наконец и перестали жаловаться и роптать.

Все эти избранники были приведены к апостолам, и те помолились, возложили на них руки и посвятили их в диаконы (служители).

Первым между ними был Стефан, исполненный веры и силы, и потому назывался архидиаконом. По благодати Божией, он творил много знамений и чудес среди верных: а если о чудесах его не упоминается в Священном Писании, это нисколько неудивительно, ибо и о делах Самого Христа Господа сказано: *Если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг* (Ин. 21, 25). Впрочем, с полным основанием можно сказать, что святой Стефан, подобно старейшим апостолам, возлагал руки на больных, и они становились здоровыми. Кроме этого, он был муж сильный словом и делом, верных утверждал в вере, неверных же иудеев обличал, доказывая им от закона и пророков, что они несправедливо, по зависти, убили Сына Божия, Мессию, ожидаемого столько веков. И когда между иудеями, и фарисеями, и саддукеями, и греческими евреями разгорелся однажды спор о Господе нашем Иисусе Христе, и одни говорили, что Он — пророк, другие же — что Он льстец, а иные — что Он — Сын Божий, святой Стефан, взойдя на возвышение, стал благовествовать всем о Христе Господе, говоря:

— Мужие братие! Зачем усиливается между вами раздражение, и весь Иерусалим разделяется на партии? Блажен тот из вас, кто уверовал в Господа нашего Иисуса Христа, ибо Он, для того, чтобы освободить нас от грехов наших, сошел с небес и родился от Пресвятой и Пречистой Девы, избранной прежде создания мира, Он принял на Себя и понес наши немощи и недуги, слепым даровал зрение, прокаженных очищал, бесов изгонял.

---

[1] *Киликия* — приморская область на юго-востоке Малой Азии. *Тарс* — главный город Киликии и поныне цветущий город.

Они же, услышав слова его, стали спорить с ним, усиливались опровергать его и хулить проповедуемого им Господа, как написано об этом в книге Деяний апостольских:

Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев, Александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор со Стефаном (Деян. 9, 9).

Ибо евреи, жившие между греками в разных отдаленных странах, имели особые свои синагоги в Иерусалиме. И таким образом, кроме первенствующей архисинагоги еврейской, в Иерусалиме много было синагог разных пришельцев, или евреев, живших в различных странах, и от каждой страны евреи исключительно в свою синагогу в Иерусалиме посылали детей учиться закону Божию. Да и сами они, ежегодно приходя на поклонение ко храму Соломонову, проживали при своих синагогах, и собирались в них, и учились в них, как это видно из второй главы книги Деяний апостольских: «В Иерусалиме находились иудеи, люди набожные из всякого народа под небесами, парфяне, мидяне и еламиты» и прочие (см.: Деян. 2, 5–9), то есть евреи, жившие в Парфии, в Мидии, в Еламе[1], и в прочих там указанных странах, пришедшие теперь на праздник в Иерусалим. Соответственно этому были в Иерусалиме синагоги Киликийская, Александрийская, Киринейская[2]. О Либертинской[3] же рассказывают, что в ней было особенное племя евреев, ведущее свой род от тех, которые некогда были пленены Помпеем римским[4], потом отпущены на свободу, и поэтому назывались «либеры», что значит — свободные. Точ-

[1] Все это — провинции прежних могущественных царств, впоследствии подчиненных Римской империи; они лежали между Каспийским морем и Персидским заливом. *Парфия* — большая страна к юго-востоку от Каспийского моря. *Мидия* — западная часть Ирана, к югу от Каспийского моря. *Елам* — страна, лежавшая за Месопотамией, по ту сторону Тигра и вдоль этой реки к югу до Персидского залива.

[2] *Киринея* — область верхней Ливии, по северному берегу Африки, к западу от Египта.

[3] *Либертинцы* (с латинского — свободные, или вольноотпущенники) — иудеи, побежденные римлянами во время войн их с ними, особенно при Помпее, лет за шестьдесят до Рождества Христова.

[4] *Помпей* — знаменитый римский полководец и завоеватель, впоследствии, по уничтожении в Риме республики, в качестве одного из триумвиров самовластно управлявший третьей частью государства.

но так же и святой Златоуст говорит: «Либертинами назывались те, коим была дарована свобода римлянами. И так как в Иерусалиме жили пришельцы из разных стран, то они и синагоги свои в нем имели, где слушали чтение закона и молились».

Эти-то собрания в синагогах — либертинской, киринейской и других, споря со Стефаном, не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил, и святой Стефан в то время словом истины одолел три части света — Европу, Азию и Африку, одолел Европу в лице либертин, пришедших из Рима, находящегося в Европе, одолел Азию в лице киликиян, уроженцев Азии, одолел Африку в лице киринейцев и александрийцев, происходивших из Африки.

Они же, не имея силы сказать что-либо против проповедуемой Стефаном истины, светлейшей солнца, воспламенились на него гневом и, полные зависти, подучили некоторых из своих единомышленников, привыкших говорить ложь, объявить главной архисинагоге еврейской, будто они слышали, как Стефан говорил хульные речи против Моисея и Бога. Возмутив, таким образом, народ, и старейшин, и книжников, они напали на святого Стефана, схватили и привели его в синагогу к первосвященникам и великому множеству законоучителей; тут же представили и ложных свидетелей, которые утверждали:

— Этот человек не перестает говорить хульные речи на святое место это и на закон, и мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место это и переменит обычаи, которые установил нам Моисей.

Святой же Стефан стоял невозмутимо среди этого убийственного собрания, как Ангел Божий, сияя светом Божественной благодати, как некогда Моисей: ибо преобразился внешний вид лица его, и все, бывшие в собрании, смотря на него, видели лицо его, как лицо Ангела.

Первосвященник спросил его:

— Справедливо ли то, что говорят о тебе свидетели?

Святой, раскрыв уста свои, произнес длинную речь. Он начал от Авраама, который первый получил обетование о пришествии Мессии, и затем рассказал всю историю до Моисея, вспоминая о нем с полным благоговением и уважением, и этим ясно показывал и возражал против лжесвидетелей, что сам он вовсе не хулитель ни Мои-

сея, ни закона Божия, данного через Моисея, и еще яснее доказывал, что именно отцы их были хулителями.

— Не восхотели, — говорил он, — отцы наши быть послушными ему, но отринули Его и обратились сердцами своими к Египту (см.: Деян. 7, 39).

Потом возражая на другую клевету, будто бы он произносил хулу на место святое, сказал:

— Соломон построил Ему храм (см.: Деян. 7, 47).

Этими словами он как бы хотел сказать: «Я чту место святое, по Божиему благоволению мудро устроенное царем Соломоном и освященное славою Господнею, явленною облаком, я почитаю храм, во славу Божию созданный людьми, но при этом и то исповедую, что Бог более любит пребывать в невещественных, нерукотворенных храмах, то есть в душах человеческих чистых».

— Всевышний не в рукотворенных храмах живет, — говорил он, — как говорит Бог через пророка: *небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня,* говорит Господь, *и где место покоя Моего! Ибо все это соделала рука Моя* (Ис. 66, 1–2).

Наконец, исполнившись Божественной ревности, как некогда Илия, святой Стефан обратился с обличительной речью против всего собрания:

— Жестоковыйные люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому: как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника (обетованного Мессии), Которого предателями и убийцами сделались ныне вы (см.: Деян. 7, 51).

Эти слова святого возбудили в первосвященнике и книжниках невыразимую ярость, и все они, слушая это, рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами своими.

Но Стефан не обращал внимания на их гнев, ибо был исполнен Духа Святого, Который и делал его мужественным и боговдохновенным. Взглянув на небо, он увидел славу Божию. До сих пор он проникнут был лишь желанием узреть ее и с полной верою твердо надеялся достигнуть этого, а теперь, еще до кончины своей, стал созерцать ее и, как близкий к смерти, встречал ее, как начало

блаженства; он увидел и Самого Христа Иисуса, Владыку и Господа своего, стоящего в небе и как бы ожидающего к Себе прихода его, когда, наконец, разрешившись от тела, скорее дойдет к Нему, и там, где Он, Сам Господь, там и слуга Его будет[1].

И то, что он видел, то объявил всем, воскликнув громким голосом:

— Вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога (см.: Деян. 7, 56).

Он не скрыл этого видения, как обыкновенно делали святые мужи, которые, конечно, по смирению своему, не открывали явлений, посылаемых им от Бога, но всем объявил преславное откровение для того, чтобы верные утвердились в вере, а неверные были посрамлены. И для того еще он сделал это, чтобы и будущих после его мучеников уверить, что страдающим за Христа нет препятствия к восхождению на небо и какого-либо испытания, но открыт прямой, свободный путь, небо отверзто, воздаяние готово, сам подвигоположник, стоя, ждет, Господня слава сама сретает мученика во вратах небесных. И поэтому святой первомученик поведал в слух всех, что он видит, как бы призывая этим и других после себя к тому же венцу мученическому.

Но завистливые иудеи, привыкшие убивать пророков и восставшие на Самого Господа, исполнителя закона и пророков, не стерпели слов истины, будучи сами лживы, и не захотели слушать откровения святого Стефана, но подняли громкий крик, стали затыкать свои уши и, единодушно устремясь к нему, возложили на него свои убийственные руки, вывели из города, как прежде Господа Иисуса, благоизволившего пострадать вне стен, и камением побивали благого и верного раба Господня. А чтобы легче было бросать камни на святого, лжесвидетели и убийцы сняли с себя верхние одежды и сложили их при ногах одного юноши, по имени Савла, который хотя был единоплеменником и родственником убиваемого, но более других раздражен был против него, из слепой ревности к Ветхому Закону. *Савл* — говорится в Деяниях — *одобрял убиение* его (Деян. 8, 1). И святой Иоанн Златоуст говорит об этом так: «Скорбел Савл, что у него не было много рук, чтобы всеми ими

[1] По слову Спасителя. См. Ин. 12, 26.

можно было поражать Стефана, и доволен был лишь тем, что мученика побивали многие руки лжесвидетелей, которых одежды он сторожил».

В то самое время, когда святого Стефана убивали в долине Иосафатовой (которая лежит между Иерусалимом и Елеоном, при Кедрском потоке, имевшем множество камней по берегам), вдали, на некотором возвышении, взирая с горы, стояла Пречистая Дева со святым Иоанном Богословом и прилежно молилась о Стефане ко Господу и Сыну Своему, да укрепит его в терпении и примет душу его в руки Свои. О как сладостна, хотя и от жестоких ударов камнями, была смерть святого первомученика, когда с высоты небесной Сладчайший Иисус, а с горы земной Сладчайшая Матерь с возлюбленным учеником взирали на его подвиг! И святой Стефан, под частым каменным дождем, падающим на него, весь обагряясь кровью, ослабевая силами и разрешаясь от уз плоти, скорбел сердцем не о себе, а о тех, которые убивали его, и прилежнее о них, чем о себе, молился перед смертию: ибо о себе, стоя прямо, говорил:

— Господи Иисусе, приими дух мой (см.: Деян. 7, 59).

Потом, преклонив колена, молился о своих убийцах, восклицая:

— Господи, не вмени им греха этого (см.: Деян. 7, 60).

С этими словами святой предал Христу свою чистую душу. Так скончался добрый подвижник, так увенчался, как бы багряными цветами, окровавленными камнями первый мученик и вошел в отверстое, виденное им, небо к Господу и Царю славы, соцарствовать с Ним в бесконечном царстве.

Архидиаконом он рукоположен был святыми апостолами вскоре после Пятидесятницы и пострадал в том же, по Вознесении Господнем, году, 27 декабря, имея от роду немного более тридцати лет. Лицом он был прекрасен, но еще прекраснее душою.

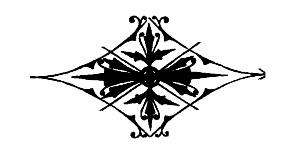
Тело же его святое было повержено на съедение зверям и птицам и лежало день и ночь непогребенным. И только на другую ночь Гамалиил[1], известный в Иерусалиме еврейский законоучитель (кото-

---

[1] *Гамалиил* — знаменитый законоучитель еврейский, занимавший высокое место в Иерусалимском синедрионе, уважаемый всем народом, так что его называли «славою закона». Предание говорит, что он, вместе с сыном Авивом, крещен был апостолами Петром и Иоанном.

рый и сам потом уверовал во Христа с сыном своим Авивом), послал честных и верных людей и, тайно взяв тело святого, отнес в свое имение, отстоявшее от Иерусалима на двадцать стадий[1], называемое Кафаргамала, и с честию похоронил там, сотворив над ним плач великий. «И кто бы не плакал, — говорит Златоуст, — смотря на того кроткого агнца, побиенного камнями и лежащего мертвым!»

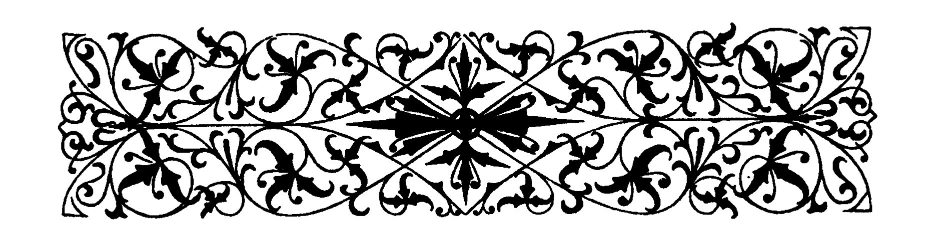
Через много лет после того благочестивая царица греческая Евдокия, супруга Феодосия Младшего[2], прибыв в Иерусалим, на том месте, где святой первомученик Стефан был убит и земля обагрилась его честною кровию, создала прекрасную церковь во имя его[3], в честь же Христу Богу, Ему же слава вовеки. Аминь.



[1] Около трех с половиной верст.

[2] *Феодосий II*, или *Младший*, царствовал с 408 по 450 год.

[3] Церковь освящена в 460 году; она была так обширна, что в ней помещалось до десяти тысяч человек.



ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА И ИСПОВЕДНИКА
ФЕОДОРА
И БРАТА ЕГО ПРЕПОДОБНОГО
ФЕОФАНА
Начерта́нных

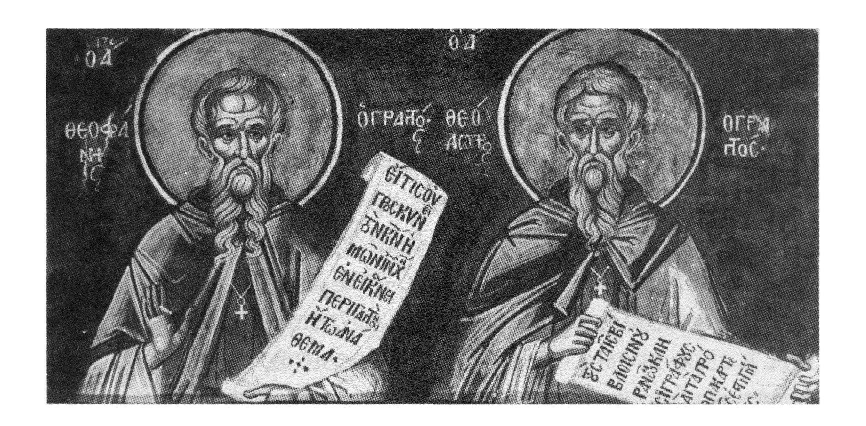
Среди мучеников, пострадавших за Христа, одни подвизались за христианскую веру, противостоя защищавшим свое идолопоклонническое заблуждение язычникам другие же, подвизаясь за правую веру против христиан же, но только неправославно веровавших, понесли не меньше трудов, чем первые, за что и получили равные с ними венцы. В ряду последних находится дивный и великий Феодор.

Феодора возрастила Палестина, данная Богом в наследие Аврааму и справедливо называемая землей Обетованной, так как не только из нее вышел весь лик пророков и патриархов, но и Сам Христос по плоти произошел из нее же, а также и весь собор Богоугодных апостолов. Та же страна явила миру и этот светильник веры и столп благочестия — святого Феодора, ибо его благородные родители[1], все состояние и богатство которых заключалось в том, что они именовались христианами, жили во святом граде Иерусалиме.

Святой Феодор еще в юности приобрел великую мудрость, и в отроческие лета он обладал уже не отроческим умом: вместо того,

---

[1] Отцом преподобного был пресвитер Иона, скончавшийся в монастыре святого Саввы Освященного, память которого празднуется 5 декабря. Память пресвитера Ионы совершается 22 сентября.



чтобы заниматься детскими играми или увлекаться зрелищами, он постоянно пребывал в храмах Божиих, и не было для него ничего приятнее, как взирать на дела благие и честные и поучаться им. Вместе с тем он обнаруживал также беспрекословное повиновение своим родителям. Одним словом, преподобный, подобно плодоносному саду, с самого начала своей жизни показал, каков он будет впоследствии.

Когда он подрос, родители отдали его в монастырь святого Саввы[1] одному ученому и добродетельному пресвитеру, чтобы он изучил Божественные книги Священного Писания, а вместе с этим обучился и страху Божию. У Феодора был брат, по имени Феофан, моложе его по возрасту, но равный ему по добродетели. Он вместе со старшим братом находился в обучении у одного и того же пресвитера. Обладая острым умом, Феодор в короткий срок прошел всю преподанную ему книжную мудрость. Не довольствуясь этим, но стремясь к приобретению более высоких познаний, он вышел из обители и, найдя одного преклонных лет человека, преисполненного мудрости, упросил его, чтобы тот взял его к себе в ученики. От этого человека святой Феодор не только вполне усвоил всю внешнюю мудрость[2], но и внутренний научился. Он научился от старца

[1] Разумеется тот же самый монастырь Саввы Освященного, где впоследствии скончался отец святого Феодора.

[2] *Внешняя мудрость* — то же, что мудрость мирская, которая называлась так в отличие от религиозного знания, именуемого мудростью духовной, *внутренней*.

презирать мир и все мирское и, овладев в совершенстве обеими науками — мирской и духовной, — снова вернулся в обитель святого Саввы.

Сделавшись иноком и творя угодные Богу дела, Феодор многих превзошел своей жизнью. Кто был там более кроток, чем он? Кто незлобивее его? Кто воздержнее? Кто лучше его знал время, когда надо было молчать, или сказать что-нибудь, или исполнить какое-либо дело, так чтобы ни нарушить свое безмолвие, ни потерять случай сказать в свое время что-нибудь полезное, ни пропустить какую-либо монастырскую работу? Кто в такой степени умертвил свое тело, обуздал язык и глаза и отразил нападение помыслов, в какой сделал все это Феодор? За такие его добродетели, по Божию смотрению и по желанию всей братии обители, Иерусалимский святитель посвятил его в сан пресвитера. Таким образом обитель святого Саввы имела его у себя как добрую пчелу, прилежно собирающую мед добродетелей. О Феодоре надо еще сказать, что он уподобился пророку Иеремии, которому сказано: *Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя* (Иер. 1, 5). Ибо когда он еще отроком жил в лавре[1] и обучался грамоте у вышепомянутого пресвитера, то этот боговдохновенный муж пророчествовал о нем, что этот прекрасный юноша завершит свою земную подвижническую жизнь мученической кончиной ради Христа. Это и сбылось впоследствии, как покажет дальнейшее повествование.

В то время снова вспыхнула иконоборческая ересь, искорененная из Церкви после Льва Исаврянина[2], Константина Копронима[3] и его сына Льва[4] и преданная проклятию VII Вселенским собором[5], созванным благочестивой царицей Ириной и ее сыном Константи-

---

[1] Лавра, или монастырь, святого Саввы.

[2] *Император Лев Исаврянин* (717–741 гг.) был первым иконоборцем, издавшим повеление выбрасывать святые иконы из церквей и уничтожать их.

[3] *Император Константин Копроним* (741–775 гг.) сильно поддерживал иконоборческую ересь. Он созвал в Константинополе собор, названный им Вселенским, на котором отвергнуто было иконопочитание.

[4] *Император Лев*, по прозванию *Хозар*, царствовал с 775 по 780 год. Он поддерживал иконоборчество, но слабо.

[5] *VII Вселенский собор* был созван в Никее в 787 году. Он утвердил иконопочитание, а собор, бывший при Константине Копрониме, признал еретическим.

ном[1]. Вновь восстановил эту ересь злочестивый царь Лев Армянин[2], о первоначальной жизни которого здесь уместно будет сказать несколько слов. В царствование Никифора[3] он был сперва начальником армянской гвардии, а потом знатным сановником и предводителем восточной армии. Затем он хитростью взошел на престол, свергнув доброго и благочестивого царя Михаила, по прозвищу Рангава[4], которого он заставил постричься в иночество; при этом он оскопил его сыновей Игнатия и Феофилакта и отослал Михаила с женой и детьми в заточение.

Когда святейший патриарх Никифор[5] венчал Льва Армянина в соборной церкви на царство и возлагал на голову его венец, то почувствовал в руках своих боль, как от терния, как будто венец в руках святителя стал терновым, причинявшим болезненные уколы, и понял тогда святейший патриарх, что это ясное знамение тех великих скорбей и бедствий, которые нанесет впоследствии Христовой Церкви этот царь.

Вначале лукавый царь скрывал таившуюся в нем ересь и казался как бы благочестивым, пока не укрепился на престоле. Но после великой войны с болгарами, в которой он явился славным победителем, он, наконец, извергнул таящийся в нем яд злобы, открыто показав себя иконоборцем. Началось это так: вернувшись с войны, царь вспомнил об одном затворнике, некогда предсказавшем ему, что он будет царем, что и сбылось. Задумав отблагодарить его за это пророчество, царь послал ему с одним верным слугой разные дары: золотые и серебряные сосуды, различные кушанья и индийские ароматы[6]. Но царский посланник не застал уже этого инока,

---

[1] *Святая царица Ирина*, супруга Льва Хозара, сначала, по смерти мужа, управляла империей за малолетством сына своего, *императора Константина Порфирородного* (780–792 гг.), от его имени, а потом от своего (797–802 гг.).

[2] *Император Лев Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

[3] *Император Никифор I* царствовал с 802 по 811 год.

[4] *Император Михаил I Рангав* царствовал с 811 по 813 год.

[5] *Святой патриарх Никифор* управлял Константинопольской Церковью с 806 по 815 год; скончался в 828 году в заточении; память его празднуется 13 марта и 2 июня.

[6] *Индийские ароматы* — ароматы, привезенные из Индии. Индия — страна, находившаяся на большом южном полуострове Восточной Азии, издавна славилась своими благовонными растениями.

так как тот скончался, а вместо него в том же затворе жил ученик его Савватий. Посланник царский стал уговаривать его принять царские дары, присланные его учителю, и помолиться о царе. Но Савватий отверг дары, а вместе с ними и принесшего их, и назвал царя недостойным царского престола за то, что он почитает иконы и повинуется догматам, установленным прежней царицей Ириной и бывшим патриархом Тарасием[1]. При этом окаянный злословил на Ирину и Тарасия, называя первую рысью, а второго — народным возмутителем, царю же Льву он угрожал скорым лишением царства и жизни, если он в непродолжительном времени не отвергнет икон, как идолов.

Возвратившись к царю, посланник рассказал ему все слышанное от черноризца и передал еще письменное послание от этого о том же. В недоумении царь призвал одного из вернейших своих советников, по имени Феодот, сына Мелиссийского патриция Михаила[2], по прозвищу Касситер, и наедине советовался с ним, что делать. Феодот уже давно был заражен иконоборческой ересью и только выжидал удобного случая, чтобы открыто исповедать свое нечестие. Он дал царю следующий совет.

— В Дагистинском монастыре, — сказал он, — живет один святой инок, чудотворец и прозорливец: надо с ним побеседовать и поступить так, как он посоветует.

Когда царь согласился с ним, Феодот тайно поспешил в Дагистинский монастырь к намеченному им черноризцу, который был еретиком. Придя к нему, он сказал:

— В наступающую ночь царь придет к тебе в худой одежде, чтобы побеседовать о вере и других предметах и получить от тебя разумный совет. Ты же убеди его принять отвергнутые догматы прежнего царя Льва Исаврянина и выбросить из Божиих храмов идолы (так окаянный называл святые иконы). Затем постарайся устрашить его, что если он этого не сделает, то в скором времени, вместе с жизнью, ли-

---

[1] *Святой патриарх Тарасий* управлял Константинопольской Церковью с 784 по 806 год. При нем был созван VII Вселенский собор, утвердивший иконопочитание.

[2] *Мелисса* — город во Фригии, которая обнимала всю среднюю часть западной половины Малоазийского полуострова.

шится и царства, если же он пообещает исполнить это, то пророчески предреки ему долгую жизнь и благополучное царствование.

Таким образом, еретик Феодот с еретиком же иноком сговорились привлечь к своему нечестью царя, имевшего удобопреклонное к их замыслу сердце. Ничего не зная о лукавстве Феодота, царь ночью встал и в худой одежде (чтобы не быть узнанным) пошел к этому ложному чудотворцу и лживому пророку. Проводником его был все тот же Феодот. Когда они пришли к помянутому черноризцу и беседа уже началась, черноризец, стоя около царя и как бы по Божественному откровению узнав об его царском сане, с удивлением произнес:

— Нехорошо поступил ты, царь, скрывая перед нами под худыми одеждами свое царское достоинство. Но хотя ты и поступил так, однако благодать Духа Божия не позволила нам долго оставаться в неведении и открыла, что ты царь, а не простой человек.

Царь пришел в ужас от этих слов и, убедившись в святости и прозорливости черноризца, поверил его пророческому дару и способности чудотворения. Он легко склонился к тому, что тот приказывал, нисколько не сомневаясь во всем, что пророчествовали его уста, и принимая гибельный для души и полный змеиного яда совет еретика, как здравый и душеполезный. Немедленно же он обещался исполнить все советы черноризца, наученного подобным ему еретиком Феодотом, и ушел полный злого намерения воздвигнуть гонение на святые иконы. И вот, подобно сильной буре, нечестивый царь начал возмущать покой Церкви Христовой. Святейшего патриарха Никифора, не потворствовавшего его нечестивому намерению, он сослал в заточение в Проконнис[1]; точно так же изгнал он и заключил в отдаленных странах Феофана, настоятеля обители, известной под названием Великого Села[2], а также Феодора Студита[3] и

[1] *Проконнис* — остров на Мраморном море, ныне Мармара; служил местом ссылки для многих исповедников во время иконоборческих смут.

[2] Разумеется *святой Феофан*, сын константинопольского вельможи, постригшийся в иночество по смерти императора Льва Хозара, при котором он занимал высокое положение. Память его совершается 12 марта. Обитель «Великое село» находилась недалеко от Константинополя в лесистых горах Сигрианских, на берегу реки Риндака.

[3] *Феодор Студит* — настоятель знаменитого Студийского монастыря. Память его празднуется 11 ноября.

многих других великих и Боговдохновенных отцов, сильно сопротивлявшихся ему. На патриарший же престол он возвел в самый день Воскресения Христова вышепомянутого еретика Феодота Милиссийского, по прозвищу Касситера. И был он, как *мерзость запустения, стоящая на месте святом* (Мф. 24, 15; ср.: Дан. 9, 27).

Тогда Бог, в праведном гневе Своем на нечестие царя, не замедлил наказать его своим судом и попустил внезапное нашествие иноплеменников. То были обитавшие в восточных пустынях аравитяне; собрав всю свою силу, они вторглись в греческие области, опустошая земли, нападая на палестинские монастыри и, между другими, на обитель святого Саввы, где иночествовал блаженный Феодор со своим братом Феофаном. Святейший патриарх святого града Иерусалима понял, что это казнь за грехи и следствие гнева Божия за бесчестие и отвержение святых икон. Побуждаемый ревностию по Православию, он начал искать, каким бы образом погасить это пламя и обличить зло, творимое нарушителями отеческих преданий, вводящими новшества. После некоторых поисков он нашел подходящего для этого дела человека в лице преподобного Феодора, известного своей праведной жизнью и мудростью, дышавшего Божественной ревностью и с непоколебимым мужеством стоявшего на страже Православия. Оградив его молитвой и утвердив надеждой на Христа, патриарх послал его в царствующий град для обличения беззакония.

Блаженный Феодор, как послушный сын, не отказался от исполнения приказания. Готовый немедленно понести за правую веру не только многочисленные труды, но и принять страдание и даже душу свою положить за честь святых икон, он с радостию повиновался. Взяв с собою своего брата Феофана, Феодор отправился в путь и скоро достиг царской столицы. Здесь он прежде всего бесстрашно обличил в ереси наемника, который не был пастырем, то есть Феодота Милиссийского, лжепатриарха Константинопольского. Преподобный открыто укорял его в том, что он развращает тех, кем и управляет, губит словесных овец стада Христова, питаемых вредной пищей еретического учения, и разоряет Церковь правоверия, созидая капище зловерия. Представ затем перед самим царем и имея в устах Божественное слово, подобное острому мечу, Феодор начал устрашать царя, ясно доказывая ему, что он не только губит свою

душу, но и людей Божиих влечет за собою в погибель, развращая их посредством обмана. В то же время он умолял его снова вернуться к благочестию, оставив злочестивое мудрование.

— Может быть, — сказал он, — ты умилостивишь таким образом Господа и не испиешь всю чашу гнева Божия, тяготеющего над тобой.

Удивившись свободной речи мужа, убедительности его слов, кротости нрава и его бесстрашному дерзновению, царь кротко принял обличение. Призвав его вторично, царь начал дружески беседовать с ним, спросил, кто он, откуда пришел и чего хочет достигнуть своей дерзновенной речью. Сообщив царю о своем отечестве и прибытии из Палестины, святой рассказал также и о причине своего прихода, а именно, что нарочно пришел к нему, чтобы открыто вступиться за Божию честь, видя, как бесчестят Царя небесного в Его иконах и оскорбляют Его в лице неправедно гонимых служителей Его.

— Не подобает, — говорил он, — бояться земного царя больше небесного; наш долг обличать царей, если они прогневляют Бога.

Затем преподобный стал излагать догматы святой веры и учить воздаянию Божественным иконам должного поклонения. Приведя много мест из Священного Писания, он прибавил, что почитание святых икон есть знак нашей любви и стремления ко Христу, а также свидетельство нашей веры и нашего исповедания Его воплощения. Царь долго спорил с ним, много возражал ему от своего зловерия, но безуспешно, так как слова Божественного мужа были тверды, как адамант, а вера его непоколебима, как твердая стена. После долгого спора Феодор победил царя в словопрении и доказал ему несправедливость его воззрений. Что же тогда сделал лукавый царь? Он задумал лестью поколебать непоколебимого, пытаясь просьбами, и дарами, и обещанием почестей склонить Феодора к единомыслию с собой, но не имел успеха. После многих увещаний со стороны царя святой смело и безбоязненно сказал ему:

— Ты забыл свои обеты, царь, данные тобою Богу, когда архиерей возлагал венец на твою главу. Пощади свою душу, верни Церкви украшение ее, не воздвигай брань на Бога, Судию праведного и крепкого!

Тогда царь переменил коварную кротость на свою природную и свойственную его имени звериную ярость. Он приказал долго и сильно бить исповедника Христова Феодора и его брата Феофана и затем сослал их в заточение к морскому устью, запретив кому бы то ни было подавать им пищу, питье и одежду, чтобы, как говорил нечестивый царь, «злые погибли злою смертью».

Но когда святые страдали за Христовы иконы, томимые хладом, гладом и жаждою, «Бог отмщений Господь» не замедлил воздать беззаконному Своим праведным судом. В скором времени имеющий общие со зверями имя и жестокость погиб общей с ними смертью, ибо его закололи, как зверя. Гибель эта была предзнаменована в особом откровении, которое получила мать царя незадолго до смерти своего нечестивого сына. Уже много лет она была вдовой и проводила воздержную жизнь. Однажды во сне она имела следующее видение: ей казалось, что она шла во Влахернскую церковь Пречистой Девы Богородицы[1] и, входя в дверь, встретила некую пресветлую Деву, окруженную множеством мужей в белых ризах, между тем как церковь была залита потоками крови. Дева велела одному из мужей, облеченных в белые ризы, почерпнуть и наполнить кровью глиняный сосуд и отдать его матери нечестивого царя, чтобы та выпила. Видя это, мать царя с ужасом сказала:

— Я уже много лет не ем мяса по причине моего вдовства и не беру в уста чего-либо кровавого. Как же я буду пить эту кровь?

Тогда пресветлая Дева с гневом спросила ее:

— Зачем же сын твой не перестает исполняться крови и этим прогневлят Меня и Моего Божественного Сына?

Здесь сон прервался, и мать царя тотчас же проснулась в страхе и трепете. С этих пор она стала непрестанно и со слезами увещевать своего царственного сына, чтобы он перестал низвергать святые иконы и проливать из-за них христианскую кровь. Но второй

[1] *Влахерны* — местность в Константинополе на западной стороне города. Во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями. Особенно известны были Влахерны по Богородичной Церкви, построенной императором Львом I Великим (457–474 гг.), при котором в эту церковь в 474 году были положены честные ризы Пресвятой Богородицы, перенесенные из Палестины. Здесь же, вместе с одеждой Богородицы, хранились в златокованом ковчеге головной покров Ее (омофор) и часть пояса.

Иуда, послушный раб ереси и лукавый обманщик, остался неисправимым.

Вскоре после того было и второе видение, на этот раз самому царю, за шесть дней до его мучительной кончины. Ему явился в видении святейший Тарасий, давно уже скончавшийся и бывший патриархом в царствование Ирины и Константина. С великим гневом Тарасий повелевал в видении некоему мужу, по имени Михаилу, ударить царя мечом. Исполняя повеление, Михаил нанес царю сильный удар мечом и пронзил его. Царь видел все это сам и проснулся в великом трепете, недоумевая, что это должно означать. Думая, что в монастыре святого Тарасия живет какой-то Михаил, замышляющий убить его, он тотчас же послал за монахами и, разведывая о Михаиле, приказал держать их в оковах, пока они не представят ему находящегося среди них Михаила.

В Константинополе в это время проживал некий воевода, по имени Михаил, а по прозвищу Травлей, или Валвос[1], родом из Амореи[2]. Прежде он сам много помогал Льву в достижении царского престола, был верен ему и любим им, так что Лев даже стал восприемником его сына. Но, впоследствии, разгневавшись на царя по какой-то причине, Михаил переменил свою дружбу на вражду и, пируя со своими друзьями, часто в пьяном виде, по неосторожности, злословил царя. Видя, что Михаил враждебно относится к царю, некоторые из тайных врагов последнего присоединились к нему, и число их было немало; они совещались убить царя, а Михаила возвести на царство. Будучи невоздержан на язык, Михаил не скрыл этого, но где-то похвалился, что будет царем. Это слово дошло до царя, и он немедленно схватил Михаила и осудил его на сожжение живым. Связанного Михаила уже вели в банную печь, и царь смотрел, желая сам увидеть его кончину. Это было 24 декабря, в канун Рождества Христова. Жена царя, Феодосия, узнав об этом, поспешно вышла из своих палат и стала с гневом укорять царя и даже называть его богопротивным за то, что он не почитает даже святого дня, когда ему

---

[1] Наименование: *Травлий* — латинское, а *Валвос (Балба)* — греческое. По-русски то и другое значит: *Косноязычный*. Этот Михаил сделался впоследствии императором и царствовал с 820 по 829 год.

[2] *Аморея* — город в малоазийской провинции Фригии.

предстоит причаститься Божественных Тайн. Царь послушался ее и велел вернуть Михаила, отлагая его сожжение до другого времени, а затем, обернувшись к царице, сказал:

— Я поступил, как ты повелела, жена, и сегодня послушался твоего гневного увещания, но и сама ты, и дети наши увидите, что будет после.

Этими словами беззаконный царь невольно изрек о себе пророчество, потому что близка была его кончина.

Сторожить закованного Михаила царь поручил одному из дворцовых стражников, по имени Папий, а сам взял к себе ключи от оков узника и всю эту ночь провел без сна и в печали, — это скорбел дух его, не ведая, что делать. Встав, царь пошел взглянуть на узника, — что тот делает: плачет ли и сетует ли, как то обыкновенно бывает у осужденных на смерть? Открыв тихонько тайную дверь в комнату Папия, он увидел нечто совершенно неожиданное для себя, именно Михаила, которого он надеялся найти сетующим и скорбящим, он увидел в глубоком сне, почивающим на высоком и украшенном ложе Папия, а самого Папия — дремлющим на голой земле. Царь пришел в ужас, видя осужденного узника в таком почете и спокойствии, и удалился в гневе, грозясь погубить не только Михаила, но и Папия. Это слышал один отрок, находившийся в той же комнате. Узнав царя, он разбудил Михаила и Папия и рассказал им, что приходил царь и грозился погубить их обоих. Все были в страхе. Тогда Михаил, без всякого препятствия со стороны Папия, послал к своим единомышленникам некоего Феоктиста с повелением сказать им:

— Если вы теперь же без промедления не приведете в исполнение того, о чем мы совещались, то завтра я расскажу о вас царю и обличу каждого поодиночке, чтобы не один я погиб злою смертью, но и вы все умерли вместе со мною.

Соучастники в заговоре испугались такой угрозы и, собравшись, стали обдумывать, как бы им избавить и себя, и Михаила от угрожающей беды и смерти. Дело было в полночь, и в церквях начиналось обычное всенощное бдение под Рождество Христово. Посоветовавшись, они спрятали оружие под одеждой и пошли к так называемым слоновым дверям, ведшим в царский дворец. Смешавшись

там с царскими певчими, входившими через эти двери во дворцовую церковь, они вместе с ними вошли в церковь, как бы на бдение. Царь также пришел в церковь и, стоя на правом клиросе, как он обыкновенно делал, сам начинал церковное пение, обладая очень громким голосом.

Уже пели канон и приближалась седьмая песнь, когда заговорщики тихо стали говорить друг другу:

— Что мы здесь стоим и ничего не делаем? Скоро кончится пение. Чего же мы ждем?

В это самое время царь громко запел 7-й ирмос второго канона на праздник Рождества Христова. И вот один из заговорщиков, вынув меч из-под одежды, бросился на царя, но ошибся: вместо царя он ударил регента правого клироса, потому ли, что он ростом походил на царя, или же потому, что вследствие стужи он имел, так же как и царь, покрытую голову; когда регент обнажил голову, то ошибка обнаружилась. Сам же царь, увидев их замысел, побежал в алтарь и, схватив крест, стал им защищаться в дверях, отражая удары заговорщиков. Но вот подошел какой-то страшный воин громадного роста. Увидав этого воина, царь начал заклинать его Божиим алтарем не причинять ему зла.

— Теперь время не заклинаний, но убийства, — ответил тот и нанес Льву Армянину своим оружием сильный удар, жестоко поразив его и отрубив руку вместе с концом креста. Тогда и остальные воины начали рубить царя по всему телу. Упав на пол, Лев лежал в луже своей крови и еще продолжал дышать. Видя, что он еще дышит, один из воинов отсек ему голову.

Так, закланный как зверь, беззаконный царь на рассвете дня в жестоких мучениях испустил свой дух. Убит он был на том самом месте, где впервые дерзнул бросить на землю, оплевать и растоптать ногами образ Спасителя. Процарствовал Лев Армянин семь лет и пять месяцев, но своею жестокостию сравнялся с великими древними гонителями Церкви. По совершении убийства, тело его было выброшено на площадь города и весь день пролежало неубранным. И не было никого, кто бы пожалел о его смерти, но весь город радовался.

Рассказывают еще, что в тот самый час, когда был убит этот окаянный хулитель икон, был слышен с неба радостный глас, возве-

щавший многим смерть злочестивого царя. Некоторые мореплаватели, слышавшие этот глас, записали час и потом узнали, что в это время действительно погиб звероименный и зверонравный кровопийца. Детям же его было сделано в двойной степени то, что он сам причинил детям своего предшественника, царя Михаила Рангава: как было уже сказано выше, он оскопил двух сыновей Михаила, точно так же были оскоплены и его четыре сына: Василий, названный Константином и предназначенный к царствованию, Савватий, Григорий и Феодосий. Последний не вынес болезни, следующей за оскоплением, умер и был погребен вместе с отцом, а Василий, названный Константином, онемел от той же болезни. Все они были заточены вместе с их матерью.

После убиения Льва воины отправились к Михаилу и посадили его на царский престол с оковами на ногах (ибо ключ от оков, как было сказано, хранился у самого царя Льва).

Затем, когда уже наступил день, они разбили оковы и отвели его в собор. Таким образом Михаил Травлей венчался на царство в самый день Рождества Христова.

Вскоре после воцарения Михаила все Христовы исповедники были освобождены из заточения и невозбранно вернулись каждый к себе. Хотя новый царь Михаил не был православным и был приверженцем той же иконоборческой ереси, однако он не преследовал православных, предоставляя каждому свободу веровать по-своему. Он был человек, несведущий в слове Божием, и не занимался книжным чтением, но был весь погружен в мирскую суету и житейские попечения.

Блаженный Феодор со своим братом Феофаном вернулись, однако, не в свое отечество — Палестину, но в Царьград — удел, доставшийся им для проповеди, и начали открыто проповедовать благочестие, многих отвращая от иконоборческой ереси и наставляя в истинной вере.

Жил в то время в Царьграде некий муж, по имени Иоанн[1], который держался той же ереси, что и царь, и пользовался у него большим влиянием. Носся иноческую одежду и лицемерно показывая

---

[1] Здесь разумеется *Иоанн Грамматик*, воспитатель царя Феофила, впоследствии с 832 по 842 год патриарх Константинопольский; умер в заточении.

себя образцом добродетелей, он обманул не только царя, но и многих членов верховного правительства, так что те его слушали и во всем следовали его лукавым советам. Он взошел на патриарший престол, наследуя еретику Феодоту, будучи и сам таким же еретиком. Не желая видеть на свободе Феодора и Феофана, этих двух светильников Православия, просвещающих весь царственный город, он заключил их в темницу; потом призвав их к себе для собеседования, долго спорил с ними, но, не будучи в состоянии победить их, изгнал их из города, выхлопотав на это особый царский приказ (так как он был учителем и первым советником царя). Этим приказом святые Феодор и Феофан были сосланы в заточение в страну, известную под названием Сосфений[1]. Но для преподобных исповедников чужая страна стала ради Христа как бы отечеством, ибо они всюду готовы были пострадать за Христовы иконы.

Вскоре после этого царь Михаил скончался, оставив по себе на престоле сына Феофила[2], усерднее других приверженного к иконоборческой ереси и снова воздвигшего гонение на Церковь. Снова начали выбрасывать и предавать поруганию святые иконы, снова начали готовить для православных истязания, темницы и судилища, снова возобновились всякого рода неправедные мучительства. Многие, устрашившись мук, повиновались, хотя впоследствии и покаялись. В это время постигли новые страдания и Феодора. Царю стало известно, что он непоколебим в своем исповедании и непреодолим в своем слове, и как сам чтит иконы, так учит поступать и других[3]. Тотчас же нечестивый царь приказал взять преподобного Феодора на суд, и вот, по царскому повелению, привели блаженного, вместе с братом его Феофаном и другими православными, к городскому епарху на истязание. Когда, после долгого словесного спора, ласкательств и угроз правителя, Феодор не склонился на его убеждения, то блаженного обнажили и в течение долгого времени сильно били толстыми плетьми. Когда же мучители перестали его бить, он

---

[1] *Сосфений* — местность в окрестностях Константинополя.

[2] *Император Феофил* царствовал с 829 по 842 год.

[3] Памятниками этой просветительской деятельности святая Феодора являются поучения, оставшиеся от него. Ему же приписывается «Размышление о почитании икон» и книга «О православной вере».

стал посреди судилища нагой и окровавленный, украшенный перед Ангелами и людьми полученными за Христа ранами. Епарху показалось неприличным это зрелище, но святой сказал:

— Я — борец и вышел бороться к врагам за иконы Господа моего, борцы же выходят на борьбу обыкновенно нагими. Если я увижу изнемогающим кого-нибудь из верных, терпящих теперь от вас раны, то тотчас же, вместо него, подставлю под удары свое тело. И этим пополню недостаток его терпения. Вот для чего стою я нагим!

О сильный муж! О свободная речь! О усердие к Богу! После того Феодор с братом снова были посланы в заточение в Афусию[1]. Кто расскажет злострадания, вынесенные ими на пути и в указанном месте: оковы, бури, голод, солнечный зной, ночной мороз, клеветы, ежедневное умирание и восстания? Кто подробно сочтет новые раны, удары, заушения? Достаточно сказать, что ради Христа они с радостью терпели все эти мучения, вместе с долгим изгнанием.

Прошло два года, и их снова, по царскому приказу, привели в Константинополь и представили на испытание самому царю: ибо очень хотелось ему склонить их в свое зловерие. Что они претерпели в это время, явствует из написанного ими впоследствии послания к Иоанну, епископу Кизическому[2]. В этом послании они сами повествуют о себе следующее: «Когда нас привели в царский дворец и мы входили в дверь, то царь показался нам очень страшным и дышащим яростью. Множество придворных отовсюду окружили нас, и мы издали поклонились царю. Он же свирепым голосом и злым словом велел нам подойти ближе к себе и спросил:

— В какой стране вы родились?

Когда мы ответили: „В Моавитской стране“[3], — он снова спросил:

— Зачем же вы пришли сюда?

И прежде чем мы успели ответить, он приказал бить нас по лицу. И долго заушали нас тяжкими ударами, так что мы едва не упали на пол, и если бы я не схватился за одежду бившего меня (говорит Фео-

---

[1] *Афусия*, иначе *Офиусса*, — остров близ Царьграда.

[2] *Кизик* — город в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[3] *Моавитская страна* находилась в Палестине, на восточном берегу Мертвого моря. Границами ее были: на запад — Мертвое море, на север — колено Рувимово, на восток — Аравийская пустыня, на юг — Идумея.

дор), то упал бы к подножию царского престола, но держась за одежду, я неподвижно принимал удары. Когда нас перестали бить, царь снова спросил:

— Зачем вы сюда пришли?

Мы молчали и смотрели вниз, так как не пришли еще в себя от страданий, причиненных ударами. Тогда царь яростно обратился к близстоявшему правителю и, пылая великим гневом и непристойно бранясь, сказал:

— Возьми их отсюда и, заклеймив их лица, отдай двум сарацинам[1], чтобы те отвели их в свою землю.

Невдалеке стоял какой-то стихотворец, державший в руках хартию с написанными относительно нас готовыми стихами. Царь велел ему прочесть их и прибавил:

— Если стихи плохи, то не смущайся этим.

А тот ответил:

— Достаточно и таких стихов для их поругания.

Кто-то из присутствовавших еще заметил:

— Они, владыка, даже недостойны лучших.

Затем были прочтены следующие стихи[2]:

Так как все любят посещать град,
Где пречистые ноги Бога Слова стояли
Для восстановления вселенной, —
Явились во всечестном месте

---

[1] Так назывались у христианских писателей все мусульмане, в особенности же — аравитяне.

[2] Святитель Димитрий Ростовский так переложил эти стихи:

Всем приходящим ко оному граду,
Идеже нозе Божии стояху,
Подавающе ми́рови отраду.
Тамо и сии себе показа́ху,
Заблуждения злейшии сосуды.
И егда была многим грехом вда́ни,
Неверни суще непотребни уды,
Яко злодее оттуду изгна́ни.
Они же, к царску зде граду приставше,
Не престаша зло творити повсюду.
Тем зна́меньми им лица начертавше,
Прогнаша паки злых зле и отсюду.

И эти лукавые и нечистые сосуды.
Совершив там много постыдного,
По неверию и злочестию,
Они прогнаны оттуда, как отступники;

Но, и прибежав в царствующий град,
И тут не оставили своего неистового буйства.
Поэтому заклейменные, как злодеи, на лицах
Осуждаются и снова изгоняются.

Выслушав чтение стихов, царь повелел отвести нас под стражу (так говорили о себе святые). Когда мы вышли, кто-то догнал нас и, повелев вернуться, поспешно доставил нас обратно к царю.

Увидев нас, царь сказал:

— Мне кажется, что, уходя, вы говорили про себя: мы надругались над царем. Но сначала я сам надругаюсь над вами и тогда отпущу вас.

Сказав это, он велел нас раздеть. После того, как нас обоих раздели, первого начали бить меня (говорит Феодор), причем сам царь помогал истязателям и непрестанно кричал:

— Бей сильнее!

И били меня по плечам и по груди без всякой пощады и милости. Пока меня били, я громко восклицал:

— Мы ни в чем не согрешили против тебя, царь!

А также:

— Господи, помилуй! Пресвятая Богородица, приииди к нам на помощь!

Затем стали бить моего брата, который взывал подобным же образом:

— Пресвятая Богородица, бежавшая с Сыном Своим в Египет, призри на мои мучения! Господи, Господи, избавляющий слабого от рук сильнейших, не отыми помощи Твоей от нас!

Вволю надругавшись над нами, царь снова велел отвести нас под стражу».

Все это написали о себе к епископу Кизическому сами доблестные страдальцы.

Спустя четыре дня их снова привели к епарху, который ласково сказал им:

— Только раз причаститесь святых Тайн вместе с нами, и я отпущу вас идти, куда захотите.

Но блаженный Феодор ответил ему:

— Твое предложение, епарх, похоже на то, как если бы кто-нибудь сказал мне: об одном молю тебя, позволь только отсечь тебе голову, а затем можешь идти куда хочешь. Знай, что отвратить нас от правоверия так же трудно, как переставить небо и землю так, чтобы земля стала наверху, а небо — внизу.

Тогда епарх приказал заклеймить им лица начертанием на них вышеуказанных стихов. Недавно полученные страдальцами раны еще не зажили и причиняли им страшную боль. Несмотря на это, их растянули на досках лицами кверху и начали колоть им лица нарочно приготовленными орудиями, выбивая на них вышеприведенные стихи. Весь день мучили их этим начертанием, и, только когда зашло солнце и наступили сумерки, мучители прекратили истязания. Уходя от епарха, начертанные страдальцы сказали:

— Знайте все, находящиеся здесь, что стоящий на страже рая Херувим отступит при нашем приходе, увидев на наших лицах эти начертания, и опустит свое пламенное оружие, открывая нам свободный доступ в рай. Ибо еще от века не было этого нового мучения, причиненного нам ныне. И во всяком случае эти начертания будут и на лике Христовом, и на вас падет вина в этом, ибо Он говорит: *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40).

После этого нового и бесчеловечного мучения, понесенного за святые иконы, когда кровь еще не перестала струиться, святых заключили в темницу, а затем, по повелению вышеупомянутого Иоанна, бывшего в то время патриархом, — снова сослали в заточение в Апамею Вифинскую[1]. При этом был отдан приказ, чтобы, когда они там умрут, не сподоблять их тела погребения, но выбросить далеко за город, как трупы животных. По пути на место заточения святых исповедников случилось им пройти мимо того

[1] *Апамея Вифинская* так называлась в отличие от *Апамеи Сирской*. Вифиния — северо-западная область Малой Азии.

острова, где жил в то время, также в заточении за святые иконы, святой Мефодий[1], впоследствии патриарх Цареградский[2]. Он был там заточен в гробе (пещере) с двумя разбойниками и получал пищу от некоего рыбака. Случайно встретившись по дороге с этим рыбаком, святые разузнали от него все о святом Мефодии. Не имея возможности увидеться с ним, по жестокости сопровождавших их воинов, они написали к нему, при помощи того же рыбака, такими стихами:

Живому мертвецу и мертвому животворцу,
Живущему на земле и попирающему землю,
Пишут начертанные узники — узнику[3].

Святой Мефодий утешился духом, прочтя эти стихи, а узнав еще о преподобных страстотерпцах из рассказа рыбака, он воздал благодарение Богу, укрепившему их на такой подвиг, и написал им стихами же следующее:

Вписанных в книги небесные,
Двух, запечатленных по лицу,
Тех, кто погребен раньше смерти,
Приветствует соузник живопогребенный[4].

Ведомые воинами, преподобные достигли Апамеи, неся на челах достоверные знамения своей благочестной веры во Христа, там они были заключены в темницу. Будучи уже преклонного возраста, преподобный Феодор изнемог здесь от многочисленных ран и перенесенных трудов. В день памяти святого первомученика Сте-

---

[1] Память святого Мефодия совершается 14 июня.

[2] С 842 по 846 год.

[3] Переложения святителя Димитрия:

К жи́ву, мертву же, во гробе седящу,
К зе́мну, горняя обходящу стра́ны,
Окова́ннии — ко узы носящу
Пишут, имуще лица начерта́ны.

[4] Вписанных горе́ в книгу незабвенну,
От нихже двойствен в челех начерта́нный.
Тех свя́знев, иже имать погребе́ну
Жизнь прежде смерти, целует связа́нный.

фана[1] он почил о Господе и отошел в вечное успокоение, оставив самое многострадальное тело в оковах за Христа подъятых. Преподобный Феофан, его брат по плоти и по духу, оплакав свое разлучение с братом и пропев надгробные песнопения над ним, положил его в деревянный гроб. Рассказывают, что один великий по своим добродетелям старец случайно был в Апамее во время преставления преподобного Феодора и услышал ангельское пение, с высоты возвещавшее о торжественном восшествии души мученика, вместе с Ангелами, на небо.

По смерти царя Феофила Церкви был дарован мир. Благочестивая царица Феодора с своим сыном Михаилом[2] возвратила из заточения всех святых отцов и воздала им честь и хвалу. Тогда освободили от темничного заключения и святого Феофана. Он вместе с прочими пришел в Царьград, неся на своем челе знамения своей победы над зловерием, и был почитаем среди святых отцов, как Херувим среди Ангелов. В первую неделю святой Четыредесятницы были с великим торжеством внесены в церковь святые иконы[3]. На это торжество блаженный Феофан написал и воспел прекрасный канон[4].

Затем он был поставлен в митрополиты города Никеи и рукоположен святым патриархом Мефодием, тем самым, который был раньше заключен в пещере. Таким-то образом воссиял свет Православия, и благодатию Христовою совершенно была прогнана тьма иконоборческой ереси, в течение ста двадцати лет смущавшая и помрачавшая Божию Церковь.

Вскоре после того были перенесены из Апамеи в Халкидон[5] мощи

---

[1] Память первомученика Стефана совершается 27 декабря, когда совершается память и святого Феодора Начертанного.

[2] *Император Михаил III* (с 842 по 867 год) вступил на престол четырех лет, а потому государством до 855 года управляла мать его, святая царица Феодора.

[3] Это было 19 февраля 842 года. День этот был назван днем Торжества Православия, и его положено было праздновать ежегодно в первое воскресенье Великого поста.

[4] Феофан оставил после себя много сочинений в защиту Православия, в особенности известен как писатель канонов, число которых достигает до ста сорока восьми. Лучшие каноны его — канон на неделю Православия, все каноны апостолам и об усопших. Кроме того, святой Феофан писал и стихиры на некоторые дни.

[5] *Халкидон* — находился против Константинополя, на малоазийском берегу Босфора.

исповедника Христова, преподобного Феодора[1], причем от них подавалось много исцелений во славу Христа Бога, со Отцом и Духом славимого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ФЕОДОРА,
архиепископа Константинопольского

Святой Феодор был родом из Константинополя, где и получил воспитание. Когда он достиг зрелого возраста, то сначала, за свое великое благочестие, был посвящен в сан пресвитера Великой церкви[2]; потом он был сделан синкеллом[3] и скевофилаксом[4]. По кончине святейшего патриарха Константинопольского он понуждаем был всеми боярами, самим царем, особенно же освященным собором принять в свои руки управление Церковью и был возведен в сан Константинопольского патриарха[5]. Спустя некоторое время, по злым наветам врагов своих, он был низложен с патриаршего престола, но потом истина восторжествовала, и святой Феодор снова был возведен на патриарший престол[6]. Добре управив Церковь Божию, он через два с лишком года с миром отошел ко Господу[7].

---

[1] Это было еще при жизни брата его Феофана, который написал святому Феодору канон с акростихом: твои, брат, истинные сплетаю хвалы.

[2] То есть собора святой Софии.

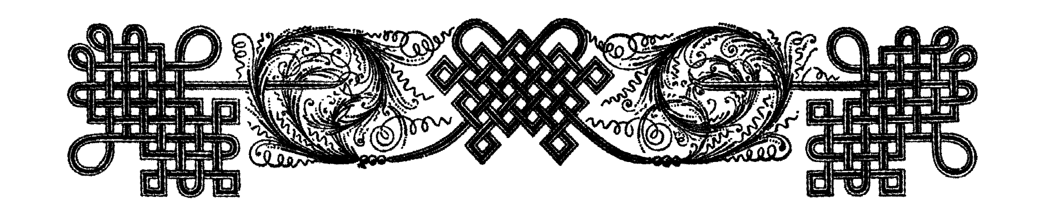
[3] *Синкелл* — член патриаршего совета, заведовавшего делами церковного управления. Синкеллы исполняли разные поручения патриархов, были непосредственными свидетелями их жизни, находившимися постоянно при них, и после смерти нередко их преемниками.

[4] *Скевофилакс* — сосудохранитель, ризничий.

[5] Это было в 676 году.

[6] Святой Феодор был низвержен с патриаршего престола в 678 году и восстановлен в 683 году.

[7] Святой Феодор скончался около 686 года.



День двадцать восьмой

СТРАДАНИЕ ДВАДЦАТИ ТЫСЯЧ МУЧЕНИКОВ,

в Никомидии сожженных

Во второй год царствования императора Максимиана[1], когда уже готовилось жестокое гонение на христиан, святая вера Христова благоустроялась и процветала, и богоносные пастыри и учители Церкви открыто исповедовали православные догматы. В числе их был тогда и святой Кирилл, славный епископ Никомидийской[2] церкви, украшенный праведною жизнью и даром слова. Распространяясь, благодаря его проповеди, христианская вера стала уже достигать и до царских палат. Многие из ближайших слуг царских начинали отвращаться от идолов и обращаться ко Христу. Узнав об этом, Максимиан задумал немедленно воздвигнуть гонения на Церковь Христову, но ему в это время предстояла война с варварами; поэтому он решил сначала ополчиться на внешних врагов и победить их, а затем объявить и внутреннюю войну — не врагам, но своим же подданным и верным помощникам, христианам укрепляющим отечество своими молитвами и правой верой. Когда покинул он Никомидию, отправившись на войну с эфиопами, то свет святой веры воссиял еще ярче, просвещая неверных; воинство же Христово тем временем возрастало в числе и готовилось к предстоящему подвигу.

---

[1] *Максимиан II Галерий* — зять и соправитель Римского императора Диоклетиана, впоследствии его преемник (с 305 по 311 год).

[2] *Никомидия* — цветущий город Малой Азии на берегу Мраморного моря, столица восточной половины Римской империи при Диоклетиане и его преемниках.

Была в то время в Никомидии одна прекрасная дева, воспитанная в царских чертогах, по имени Домна. Царь вручил ее своим скверным богам, повел хранить девство, и сделал ее при своем дворце главной идольской жрицей.

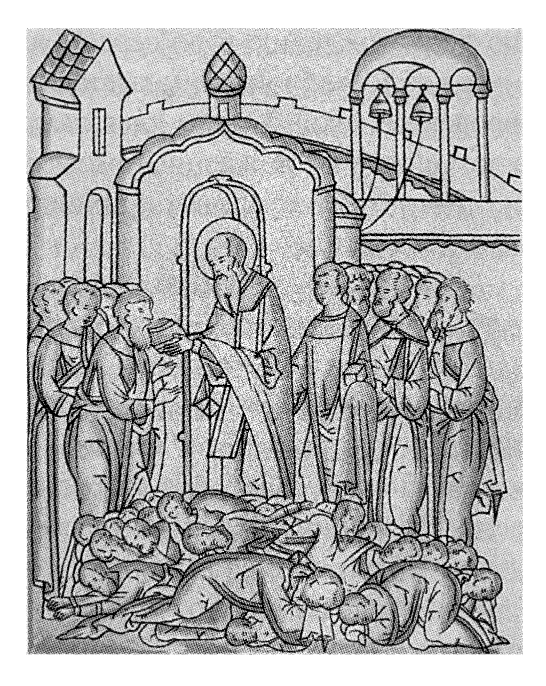
Божиим промышлением, попала в ее руки книга Новозаветных писаний, читая которую дева начала просвещаться душой. Она обрадовалась, что обрела такое духовное сокровище, удивлялась великой вере христиан во Единого Бога и скорбела душой, что до сих пор находилась во тьме неведения и заблуждения. Усердно желая более совершенно ознакомиться с христианской верой и приобщиться ей, она, нимало не медля, призвала одну деву христианку, дочь знатного вельможи, и, получив от нее наставление, отправилась ночью тайно от всех к святому епископу Кириллу. Достаточно наставив девицу в Божественном Писании и осенив крестным знамением, епископ огласил[1] ее и поручил одному святому диакону, по имени Агапию, чтобы, под его руководством, она приготовила себя постом и молитвами к святому крещению. Домна все повелеваемое ей совершала втайне, так что никто об этом не знал, кроме одного ее евнуха[2], кротостью нрава подобного ей, по имени Индиса, который вместе с нею обратился к святой вере и также готовился к принятию крещения. Когда пришел к концу назначенный епископом срок, Домна и Индис были крещены. Таким образом дева, которой было не больше четырнадцати лет, вскоре после первого рождения — плотского родилась вторым рождением — духовным.

Вернувшись во дворец, она с этих пор ничем больше не занималась, кроме молитвы, поста и чтения Божественного Писания. Однажды, читая Деяния апостольские, дошла она до следующего места: *все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов* (Деян. 4, 34–35). Святая Домна решила поступить так же. Собрав все свое имущество, золото

---

[1] *Оглашением* называлось предварительное испытание готовившихся к принятию священного крещения и обучение их истинам веры. Оно длилось от сорока дней до трех лет, иногда же, по обстоятельствам, сокращалось до нескольких дней.

[2] *Евнух* собственно значит — скопец. В древности был обычай окружать знатных женщин услугами евнухов, которые при царском дворе занимали выдающееся положение.



и серебро, жемчуг и драгоценные камни, дорогие одеяния и все девическое убранство, она тайно отнесла это к своему духовному отцу, святому Кириллу. Положив все к его ногам, как бы к ногам апостольским, она умоляла его вырученные за все это деньги раздать собственными руками нуждающимся, что и было исполнено. Вскоре после этого святой Кирилл преставился и отошел к Богу. Глубоко храня в своем сердце все его наставления, Домна днем и ночью старалась угождать Богу, усердно служа Ему со своим единомышленником и духовным собратом, евнухом Индисом, вместе с которым она возродилась водою и Духом[1]. Поучаясь в законе Господнем, они ежедневно постились вплоть до самого вечера; вкушаемая же поздним вечером трапеза их состояла из черствого хлеба и воды; а пища, назначенная царем и ежедневно подаваемая им, насыщала голодных, ибо они тайно раздавали все нищим. Проводя такую Богоугодную жизнь, они, подобно граду, стоящему на верху горы (см.: Мф. 5, 14), не могли утаиться, хотя всячески и тщательно укрывались. Благочестие их обнаружилось подобно светильнику, открытому из-под спуда (см.: Мф. 5, 15), и сокровищу, обретенному в поле (см.: Мф. 13, 14). Так было угодно Богу, чтобы эта святая двоица стала примером для верных и посрамлением для неверных.

О ежедневном посте Домны и Индиса проведал начальник евнухов, управлявший всем дворцом и заведовавший царским столом. Вместо того, чтобы изумиться такой строгости их жизни, он прибегнул к мучениям и долго бил их, вынуждая их признаться, на что употребляется выдаваемая им пища; но они скрывали свою добродетель и не хотели сознаться в ней. Тогда подошел один евнух, перс

[1] Согласно евангельскому выражению (см.: Мф. 3, 5).

по происхождению и по вере, и начал рассказывать начальнику евнухов об их добродетели, выставляя ее как бы некое злодеяние и сопровождая свой рассказ клеветами и оскорблениями. Он говорил о кроткой и чистой жизни Домны и Индиса, о воздержании от пищи и о том, что они раздают приносимую им пищу убогим христианам, противникам царя.

— Если хочешь узнать истину, — сказал он в заключение, — то открой их хранилища, и ты увидишь, что мои слова неложны.

Тогда начальник евнухов, бывший в то же время и управляющим царским дворцом, взяв ключи, пошел осматривать их жилища и хранилища; открыв их, он ничего не нашел, кроме честного Креста, книги Нового Завета, двух тростниковых подстилок, лежавших на земле, глиняной кадильницы, свечи и небольшого деревянного сосуда с Пречистыми Тайнами[1].

— Но где же золото, — спросил он их тогда, — где драгоценные одежды и прочие дорогие вещи и украшения?

Не получив ответа, он снова подверг Домну и Индиса мучениям, но безуспешно. Тогда он велел отвести их в другое место и держать в заточении, пока он не скажет о них царю. Когда святую деву выводили из ее жилища для заключения, она тайно взяла книгу Новозаветных Писаний и скрыла ее в своей одежде: книга была мала, и ее легко было спрятать; а Индис взял таким же образом небольшой сосудец с Божественными Тайнами. Их обоих заперли и долгое время морили голодом и жаждой: так решил их неправедный мучитель, чтобы питавшие голодных сами умерли голодной смертью. От долгого пребывания без пищи юная дева впала в телесную болезнь; но Пекущийся о птицах и о зверях, Отверзающий руку Свою и Насыщающий всякое животное по благоволению (см.: Пс. 144, 16), Бог Промыслитель не презрел Своих рабов, ослабевших от долгого голода: в одну ночь Он послал им Ангелов Своих, которые осияли их во тьме небесным светом, предложили им чудную трапезу — небесную пищу и необычайное питие и удалились. Домна же и Индис укрепились, вкусив предложенного им, и забыли пережитые зло-

[1] У христиан первых веков был обычай причащаться ежедневно святых Тайн; но так как не было возможности служить литургию ежедневно, то святые Тайны выдавались верующим на дом.

страдания. Утешенные явлением Ангелов и насыщенные ангельской пищей, они просветились лицами и, как бы сидя в чертогах радости, запели: *Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои...* (Пс. 62, 6).

Вскоре после этого пришел и начальник евнухов посмотреть, побеждены ли они голодом, ибо он полагал этим способом заставить их повиноваться себе. Но, увидя их радостными, светлыми лицом и веселящимися духом, он переменил свое гневное и жестокое обращение, которым не был в состоянии ничего достигнуть, на притворную кротость; он велел им поселиться по-прежнему в их первом жилище и в изобилии снабдил всем нужным — пищей и одеждой, золотом и серебром, и девическими уборами, отпуская всего не меньше, чем как делал это прежде. Но святая Домна снова тайно раздавала все нищим, и не только пищу, но и драгоценные одеяния. Видя же множество нищих, стекающихся к ней, как к своей питательнице, она взяла свой пояс, украшенный драгоценными камнями и жемчугом, и все прочее убранство и отослала к диакону Алимпию с просьбой продать все это и употребить вырученные деньги на прокормление нищих. Размышляя затем, каким бы способом избегнуть жительства с грешниками и пребывания во дворце, исполненном идольского нечестия, святая Домна вспомнила о богоотце Давиде, бежавшем от лица Саула и притворившемся безумным пред Анхусом, царем Гефским (см.: 1 Цар. 21, 13). Притворившись тоже безумной, она стала падать, источать слюну, трястись и кричать. Узнав об этом, управлявший царским дворцом начальник евнухов опечалился, недоумевая, как бы ее вылечить. Услышав, что христиане исцеляют такие болезни, он призвал епископа христианского, святого Анфима[1], преемника святого Кирилла, и вручил ему деву, чтобы тот исцелил ее до возвращения царя с войны, евнуха же Индиса он приставил к ней, чтобы прислуживать.

Постигнув духом намерения Домны, епископ охотно принял ее и отослал в один девический монастырь. Домна же несказанно радовалась и веселилась, что избавилась от пребывания с нечестивыми и сподобилась жить с христианами.

[1] Память священномученика Анфима, епископа Никомидийского, празднуется Церковью 3 сентября.

Спустя некоторое время Максимиан с торжеством возвратился с войны. Приписывая свою победу над врагами не Всевышнему Богу, сильному в бранях, а своим бездушным идолам, он захотел отблагодарить их непотребными жертвами, а вместе с тем начать гонения на христиан. Приготовив посреди города место для зрелища, он вынес туда из своего дворца золотых и серебряных идолов, поставил их на царских престолах и, увенчав цветами, стал приносить им в жертву тучных волов. Жрецам же царь приказал окроплять стоящий кругом народ жертвенной кровью. И тотчас же находившиеся в числе зрителей христиане начали выходить из толпы, чтобы не оскверниться окроплением идоложертвенною кровью. Увидев это, царь начал громко говорить, обратясь к народу:

— Куда вы уходите, о люди, предпочитающие тьму свету и неверящие в бытие этих богов, которыми держится вселенная? Разве вы не видите настоящих торжеств и побед? Разве вы не видите, сколь много благ прилагается к прежним благам, как все содержится в покое, как ежедневно прибывают новые блага, и мы теперь обладаем такими, которыми раньше не владели? Разве не видите, как растет наша слава, расширяется царство, покоряются одни города, другие же будут покорены нами? Разве не видите, как порабощаются нами царства других народов и как все делается согласно нашему желанию? Чьим же промышлением все это совершается, как не промышлением тех богов, которым мы служим? Да убедят вас в этом благоприятность погоды, умеренные дожди и даруемое богами изобилие плодов.

Так говорил беззаконный царь, выдавая небылицу за быль, и намеревался еще сказать многое другое, но Господь, Которого *судьбы́ истинны, оправда́ни вкупе* (слав. Пс. 18, 10), не попустил больше лжи хвастаться и возноситься над истиной: внезапно, среди ясного дня и при сиянии полуденного солнца, раздался грохот страшных громов, небо омрачилось темными тучами, пролился сильный дождь с великим ветром и бурей, молниями и градом. Таким образом ясно обнаружился гнев Божий на нечестивых: иные, испугавшись громов, падали как мертвые, другие, бросившись бежать, давили друг друга, и многие лишились в толпе жизни, растоптанные ногами; сам же царь, объятый страхом и ужасом, со стыдом бежал во дворец. Так прекратилось зрелище и нарушился богоненавистный праздник с его скверн-

ными жертвами. Реки переполнились водой от великого дождя и потопили нивы, уничтожив весь труд земледельцев, так как было время жатвы. Все же это произошло для того, чтобы нечестивые познали крепкую руку Единого Бога, сущего на небесах. Но не уразумел этого ослепленный злобою жестокосердый царь: вместо того, чтобы познать силу истинного Бога, он впал еще в большее безумие, воздвигая брань против Страшного и Лишающего жизни царей (см.: Пс. 75, 13).

Вскоре после этого, не находя Домны и Индиса среди жрецов-служителей его двенадцати главнейших ложных богов, стоявших во дворце, царь спросил, где они. Услышав, будто Домна лишилась рассудка и находится у людей, умеющих лечить эту болезнь, а Индис приставлен к ней, чтобы ее оберегать и служить ей, Максимиан сильно разгневался на начальника евнухов, освободившего их от службы богам, лишил его сана и наказал самым позорным бесчестием, приставив его ходить за верблюдами в Клавдиополе[1]. Призвав затем Индиса, царь вернул его к прежней обязанности: служить богам, стоявшим в царском дворце. И не знал он, что Индис продолжал служить только Единому истинному Богу, в Которого веровал. Тем временем Максимиан начал открыто преследовать Церковь Христову, разоряя святые храмы и сооружая идольские капища. Начальниками во всех областях империи он назначил людей жестоких, обязанных без пощады мучить христиан. Сам царь был главным и первым по жестокости мучителем; он убивал и истреблял христиан и проливал неповинную кровь, как бы воду. Иногда он пытался обмануть их лукавыми словами, чтобы потом предать мучениям и смерти неподчинившихся его коварному обману. Отыскивая скрывавшегося в некоем месте святейшего епископа Анфима и не находя его, Максимиан однажды сам вошел в христианскую церковь со множеством вооруженных воинов, как волк в стадо. Обратившись к народу, он пытался то ласками, то угрозами привлечь всех к своему заблуждению. Наконец он сказал:

— Отступите от вашей суетной веры; если же не отступите, то казнь не замедлит постигнуть вас. Видите этот храм, в котором вы собрались: вскоре я сожгу его вместе с вами.

Христианский пресвитер — святой Гликерий мужественно противостал ему и постыдил беззаконника бесстрашными словами.

---

[1] *Клавдиополь* — один из городов Малоазийской области Киликии.

— Обещанные тобою дары, — сказал он, — не привлекают нас, царь; угроз же твоих мы не боимся. Все, что ни есть в мире, мы почитаем как бы за сон, а казнью и потерей для себя считаем то, что не претерпеваем за Христа жесточайших мучений. Ты хвалишься победой над варварами, но терпишь поражения даже от христианских жен и детей, ибо явно непреодолима сила нашего Христа. Кто не помнит недавних громов и молний, необычайного грома и дождя? Многие из вас внезапно умерли, и плоды земные погибли от неожиданного наводнения. Это было явным знамением гнева Божия, возбужденного тем, что ты все приписал своим ложным богам, а не Богу истинному. Не боимся мы твоих гонений: Царь всяческих даровал нам свыше оружие, которым мы также вооружаемся и защищаемся, как ныне ты своими оруженосцами. Противостоя тебе, мы твердо надеемся одержать чудесную победу, ибо, будучи побиваемы, мы одолеваем, а падая — побеждаем.

Хотя царь и сильно гневался в сердце своем, слыша эти слова, однако вышел из церкви, не причинив никому никакого зла. А благочестивый народ, находившийся в церкви, прославлял блаженного Гликерия за такое бесстрашие. Однако, будучи не в состоянии долго сдерживать свою ярость, царь вскоре повелел схватить Гликерия, представить на свой неправедный суд и без всякого допроса подвергнуть жестокому биению. И били мученика до тех пор, пока мучители сами не изнемогли. Когда же его били, то глашатай возглашал:

— Меньше говори, Гликерий; не будь горд, ни мятежлив, ни бесчинен, почитай царя и римские законы.

Мученик же, будучи сильнее своих мучителей, взывал к своему небесному Царю: «Господи Иисусе Христе! Как Ты укреплял меня говорить о Тебе, так укрепи и пострадать за Тебя, чтобы этими страданиями сделаться мне достойным большего воздаяния».

Как разгорается огонь, так от этих слов еще сильнее разгорелась ярость мучителя Максимиана. Он сам присутствовал при мучении для того, чтобы палачи наносили телу мученика более жестокие удары и раны, пока земля не напиталась его кровью и не стали видны кости, обнажившиеся от мяса, не были раздроблены все члены мученика, и только язык еще продолжал свободно вещать:

— Я — христианин, раб Христа, Единого истинного Бога; един Он — Господь мой, един Он — Царь мой!

Не будучи в состоянии долее слышать такие слова Гликерия, мучитель велел сжечь его за городом. И был он благовонной жертвой Богу и всесожжением благоприятным.

Вскоре снова настал богомерзкий языческий праздник. Повели жертвенных животных к стоявшему во дворце капищу двенадцати главных богов. Глядя на жрецов, шедших в белых одеждах, и не видя среди них Индиса, царь спросил, где он. Индис же оделся во вретище и затворился в своей горнице, сетуя и плача о погибели нечестивых. Об этом возвестили царю. Немедленно вызвав к себе Индиса и видя его в одеждах скорби и плача, царь понял, в чем дело, и, не спрашивая о его вере и жизни его, велел наложить ему на руки, на ноги и на шею оковы и ввергнуть в темницу. Затем он начал снова спрашивать о Домне, забыв сказанное ему раньше, и в гневе, как бы пьяный, часто повторял:

— Где же Домна? Где жрица Дианы и Минервы?

Ему вновь ответили, что она лишилась рассудка и что поэтому начальник евнухов выслал ее из дворца. Вспомнив тогда о начальнике евнухов, царь повелел обезглавить его и искать всюду Домну. Это царское повеление стало известно и в монастыре, где пребывала Домна. Видя, что невозможно скрыть ее, игумения монастыря, Агафия, остригла ее по-мужски и одела в мужскую одежду. Оградив ее затем слезной молитвой, она выпустила Домну из своей святой обители, чтобы дева скрывалась в мужском образе посреди мужей и не могла бы быть узнана. Искавшие Домну нигде не могли найти ее. Это привело царя в еще сильнейший гнев; он повелел разорить все монастыри, дев же обесчестить и осквернить насилием. И тотчас же по всему городу начали твориться такие бедствия и разорения, как будто он находился в плену у варваров. Те из дев, которые были крепче телом, бежали в горы и пустыни, скрываясь в пещерах и пропастях земных, предпочитая жить со зверями и быть растерзанными ими, нежели с беззаконниками и попасть в руки гнусных людей. Те же из дев, которым не удалось бежать, были схвачены и одни повлечены на суд и мучения, другие же в народные блудилища — на осквернение. Но сила Христова укрепляла их всех и сохраняла не посрамленными и непоруганными. В числе их была одна, по имени Феофила, особенно выделявшаяся и сиявшая посреди дев, как бы луна среди звезд, красотою и привлекательностью, благородством и

чистотой жизни. Когда бесстыдные воины насильно влекли ее в блудилище, она воздела очи и руки к небу и со слезами взывала:

— О Иисусе мой, любовь моя, свет мой, дыхание мое, хранитель девства моего и жизни моей, воззри на невесту Твою! Призри на меня, Жених мой невидимый, и поспеши мне на помощь, да не нарушится обет девства моего, завещанного Тебе, ибо уже нет больше времени даже для молитвы! Не предай зверям душу, исповедующую имя Твое, да не растерзают волки Твою овцу. Сохрани Твою невесту, о Жених мой! Соблюди мое девство, о источник чистоты, да прославится имя Твое, славимое Ангелами.

Так она молилась, и Бог уже готовил исполнения ее молитвы. Когда ввели ее в нечистое жилище блудниц, вошел к ней один из воинов, полный нечистого желания, чтобы осквернить непорочную невесту Христову; и вот, едва он приблизился к ней, как тотчас же упал на землю мертвым и лежал у ног ее, испустив дух. Другие воины тем временем стояли снаружи и ожидали его выхода, сердясь, что он так долго медлит, и желая сами войти туда же. Наконец, один из них, распаленный греховным желанием, не вытерпев, вошел и пришел в ужас, увидев друга своего мертвым. Когда же узрел он еще и неприступный свет, осиявавший святую деву, то тотчас же лишился зрения и, ослепнув, стал ощупывать руками стену, чтобы выйти наружу, но не мог. Той же участи подверглись и многие другие, бесстыдно и с нечистым желанием входившие к деве. Это стало известно стоявшим снаружи, и они пришли все вместе не ради похоти, но чтобы посмотреть, что случилось, и увидели деву чинно сидящей и читающей небольшую книгу: это было Евангелие, которое она хранила у себя; рядом стоял прекрасный юноша, сиявший несказанным светом, и взирал молниеносными очами. Увидев юношу, нечестивые тотчас же в великом ужасе бросились бежать; другие же взывали:

— Кто подобен Богу христианскому?

Когда настала ночь, светоносный юноша вывел оттуда деву, довел до великой церкви и, поставив ее на паперти, сказал:

— Мир тебе.

Затем он удалился, оставив святую деву Феофилу, объятую страхом и радостию: страхом, потому что покинул ее заступник, радостию же, так как благополучно избегла рук беззаконников. Подойдя

к дверям церкви, она стала стучать, чтобы ей отперли, ибо собравшиеся внутри для совершения всенощного моления Богу христиане заперли двери из страха перед нечестивыми язычниками. Один из диаконов спросил изнутри, кто это стучит; услышав и признав голос Феофилы, он возвестил об этом предстоявшему в церкви народу. Когда отперли дверь, то весь народ устремился к святой деве: всем были известны, как знатность ее происхождения, так и святость жизни. О, сколь радостно и с какими слезами восхвалили все Бога, когда узнали, как она спаслась от насилия нечестивых и какую милость сотворил с ней Господь, крепкою рукою сохранив нетленным ее девство! Ибо она не скрыла преславных чудес Божиих, которые подобает не скрывать, но возвещать. Святая же дева, пав ниц, омочила помост церковный слезами радости, и все принесли Владыке Христу общее благодарение.

В это время были обвинены перед царем в принадлежности к христианской вере некоторые из знатнейших вельмож и главных слуг царского двора. В числе их находился некто Дорофей, прославившийся своею военной славой и гражданскими заслугами, носивший титул наместника Италии; вместе с ним находились также Мардоний и Мигдоний и другие сановники, славные своими заслугами, но еще более славные верой и благочестием. Когда их привели для допроса, царь первоначально стал жестоко укорять их, а затем велел долго и беспощадно бить и, заключив в оковы, бросить в темницу. Не проходило дня без того, чтобы христиан не схватывали, не мучили и не предавали различным казням. Но вот наступил праздник Рождества Христова[1], и Новорожденному должна была быть принесена изобильная жертва. Все верные собрались в церковь. Тогда нечестивые слуги нечестивого Максимиана, придя к нему, сказали:

— Царь! Сегодня великий праздник у христиан, они выдумывают басню, будто это день рождения их Бога, и все собрались в церковь, чтобы отпраздновать это событие. Поэтому, сделай так, чтобы улов не выскользнул из сети: прикажи воинам занять вход в их церковь, и пусть перед церковными вратами будет поставлен жертвенник нашим богам; глашатаи же пусть повелят им тотчас же выйти из церкви и немедленно принести жертвы богам. Если они не послушаются, то ты поступишь с ними, как будет угодно твоей цар-

[1] Это было в 303 году по Рождестве Христовом.

ской воле. Но если соизволишь последовать нашему совету, то повели, чтобы воины обступили церковь кругом, подожгли ее и погубили всех до единого христиан, не покоряющихся тебе. Истребив, таким образом, сразу всех опасных и вредных для твоего царства людей, ты на будущее время будешь без забот.

Не кончили еще они своей речи, как Максимиан, перебив их, воскликнул:

— Клянусь великими богами, что я давно уже сам замышлял сделать это, и не знаю, что мне до сих пор помешало исполнить задуманное! Великая благодарность подобает вам ныне, о боги, ибо это вы устроили так, что и слугам моим вовремя пришел на ум тот же полезный для царства нашего замысел.

И он тотчас же приказал главным из своих телохранителей отправиться со множеством воинства, обложить христианскую церковь пенькою, древесными стружками и другими легковоспламеняющимися вещами и тщательно охранять с обнаженным оружием все выходы из нее, чтобы ни один христианин не избегнул их рук. Когда все это было исполнено, в церковь вошел глашатай, посланный царем, и, став посредине, громко возгласил:

— Мужи, собравшиеся здесь! Владыка вселенной Максимиан, пославший меня вам, предлагает вам выбрать одно из двух: или, выйдя из церкви, немедленно принесите жертву богам — и вы останетесь живы; жертвенник для этого уже приготовлен перед дверьми; или же, если не послушаетесь, погибнете здесь все вместе злою смертью: огонь уже готов и церковь кругом обложена хворостом. Поэтому, выбирайте скорее, что хотите.

Сказав это, он умолк. Тогда стоявший у алтаря архидиакон, сердце которого было возжжено огнем Божественной благодати, сказал, обратившись к народу:

— О возлюбленные и единомысленные братия! Неужели вы не ведаете, что сотворили в Вавилоне три отрока[1], непоколебимому мужеству в истинной вере и крепости которых мы несказанно удивлялись, когда несколько дней тому назад праздновали их память? Как и сами они воспели песнь и всю созданную природу призывали к восхвалению Господа всех, как бы не посреди огня находясь, но водя

[1] То есть Анания, Азария и Мисаил (книга пророка Даниила, гл. 3), память которых совершается 17 декабря.

лики среди нежных цветов? И мы не только величали их, но и желали стать соучастниками их венцов. Уподобимся же и мы тем трем отрокам, так как и само время нынешнее призывает нас к этому: ибо и царь Максимиан подобен Навуходоносору; хотя они и отличаются именами, но очень схожи и согласны между собой по своему мучительству и безбожию. Не стыдно ли было бы нам, когда те, будучи отроками, и притом только в числе трех, и не имея еще ни одного примера великодушного подвига за истинную веру, так славно подвизались; мы же гораздо многочисленнее их, и даже воистину как бы бесчисленны; многие из нас уже в преклонных летах, и мы имеем перед собою столь много примеров мужественных страданий за Христа: итак, не стыдно ли было бы нам, находясь в таком числе и возрасте, показать себя привязанными к кратковременной жизни, боязливыми и малодушными и не воспользоваться как бы великим преимуществом, нынешним временем, призывающим нас к подвигу, — не презреть временной жизни ради Бога, создавшего нас и предавшего на смерть душу Свою за нас, и не дать нашей смертью свидетельства нашей крепкой и непоколебимой веры?! И воистину, это был бы безмерный позор. Я говорю это на тот случай, если бы за нашим страданием не последовало никакого воздаяния. Но ничтожны страдания века сего по сравнению с положенным нам воздаянием за гробом: вечная и безболезненная жизнь назначена нам взамен здешней бедственной и краткой, непреходящая слава за презрения славы скороувядающей, неотъемлемые богатства и никогда не прелагающееся в печаль веселие. Неужели же мы еще захотим здешней жизни? Не постараемся ли мы лучше, пользуясь благоприятным временем, достигнуть скорее той вечной жизни, умерев за Христа? Воззрите, о братья, на алтарь Господень и уразумейте, что истинный Господь наш и Бог принесен на нем ныне в жертву за нас. Не положим ли и мы за Него наши души на этом святом месте? И не принесем ли мы Ему их во всесожжение, как бы некую жертву?

Так говорил святой архидиакон, и все возгорелись желанием умереть за Христа и единогласно воскликнули:

— Мы — христиане, мы — христиане, царь, и не почитаем твоих ложных богов!

Об этом было возвещено Максимиану, который повелел тогда сжечь церковь со всеми находившимися там христианами. Тем вре-

менем верные собрали в церкви всех бывших среди них оглашенных и разделили на четыре части, чтобы скорее успеть совершить над ними святое крещение. По совершении крещения и миропомазания все были причащены святых Тайн. В то время, как это происходило, воины зажгли по повелению нечестивого царя хворост и паклю вокруг церкви; стены ее скоро загорелись, и окружившее ее со всех сторон великое пламя поднималось к небу и, проникая внутрь, быстро поедало все. Сожигаемые христиане громко взывали к Богу, воспевая песнь трех отроков и призывая всякую тварь к песнопению. И не успели еще они окончить свои песнопения, как предали свои святые души в руки Господа, в жертву, благоприятную непорочному Агнцу, закланному за мир. Число сгоревших достигало двадцати тысяч человек. Так перешло славное ополчение святых мучеников из Церкви воинствующей в Церковь торжествующую праздновать нескончаемый праздник радования. По прошествии пяти дней огонь еще продолжал поедать останки храма и курился дым; но от сожженных тел не только не было смрада, но и дым был какой-то необычайный, благовонный; великое благоухание, исходившее от пожарища, разливалось по воздуху, и видно было золотистое сияние, какое бывает и по восходе солнца на востоке. Максимиан же, полагая, что он уже погубил и истребил всех христиан, какие только были в городе, занялся играми, конскими ристалищами и разными зрелищами.

Около того места, где происходили зрелища, было в Никомидии великое капище языческой богини Цереры[1]. Однажды придя к ее капищу со всем своим воинством и с народом, царь Максимиан приносил жертвы богине. Тогда один из воинов, по имени Зинон, по сану полководец, подвигнутый ревностью к истинной вере и не терпя зрелища такого нечестия, стал на высоком месте и воскликнул, обращаясь к царю:

— Заблуждаешься ты, царь, принося жертвы бесчувственным камням и немому дереву. Это подлинно обман бесов, ведущий к погибели своих поклонников. Рассуди, о Максимиан, и, обратив к небу твои телесные очи вместе с духовными, познай Создателя из Его видимого создания. Через тварь познай, каков ее Творец, и научись благочестно почитать Бога, благоволящего не к крови и жертвен-

[1] *Церера*, или *Деметра*, — греко-римская богиня земледелия и плодородия. Очень распространенные празднества в честь ее отличались безнравственностью.

ному дыму бессловесных животных, но к непорочным душам человеческим и чистым сердцам!

Услышав это, Максимиан велел сокрушить Зинону камнями уста и разбить лицо и зубы, а затем еле живого вывести за город и умертвить мечом. Так увенчался святой мученик Зинон венцом мученическим.

Тем временем святой Дорофей сидел в оковах вместе с Индисом и прочей дружиной. Блаженный епископ Анфим посещал их из места своего убежища частыми посланиями, укреплял их, увещевал быть твердыми в вере и возбуждал к подвигу. Однажды нечестивые схватили и привели к царю диакона Феофила, шедшего к мученикам с посланием от Анфима. Прочтя послание епископа, царь пришел в ярость, ибо там было написано не то, что ему угодно, но что полезно святым. Он велел немедленно привести к себе Дорофея с его дружиной; гневно взглянув на них и укорив их, он дал им прочитать послания Анфима. Они же, увидев диакона, возрадовались душой и издалека приветствовали его светлыми взорами и радостными лицами, читаемые же слова святителя слагали в сердцах своих. Гневно взглянув на диакона, царь грозно сказал ему:

— Скажи мне, окаянный, кто дал тебе это письмо и где он скрывается?

Диакон сотворил сначала в сердце молитву к Богу и затем бесстрашно ответил:

— Послание это дал мне пастырь, который, находясь ныне вдали от своего стада, увещевает его и побуждает к благочестию. В особенности же теперь, когда он узнал о нашествии волков и других зверей, он громко повелевает и возвещает своим овцам, что им надлежит делать. Слова же, возвещаемые им, не суть его, но заимствованы им у Верховного и Первого нашего Пастыря, сказавшего: *не бойтесь убивающих тело, душú же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Вот я уже возвестил тебе, кто мне дал это послание, а где находится пославший его, этого я не скажу: было бы явным безумием, если бы я, получивший от своего пастыря столько добра, стал его предателем; он скоро и без нас обнаружится, ибо не может укрыться на вершине горы город (см.: Мф. 5, 14), как возвещено это Божественным гласом.

Не будучи в состоянии дольше слышать смелую речь диакона, царь повелел тотчас же отрезать его честный язык, а затем умертвить его за городом камнями и стрелами. Потом он посредством различных мучений предал смерти и остальных святых мучеников: Дорофею отсекли голову, Мардония сожгли огнем, Мигдония живого засыпали в яме землей, Горгония же, Индиса и Петра бросили в море, привязав им к шее жерновные камни. Так совершили свой подвиг и отошли ко Господу Богу одним путем, хотя и различными смертями доблестные мученики Христовы.

Тем временем святая Домна скрывалась в пещере на одной горе, питаясь растениями, росшими вокруг пещеры. Слыша о смерти святых мучеников, она радовалась духом, что они перешли из юдоли здешней горестной жизни в желанный край вечного веселия. Особенно же радовалась она об Индисе, своем духовном единомысленном брате и сообщнике ее духовного рождения в крещении. Готовя себя к подвигу и прося помощи свыше, она скорбела о себе, что из них всех она одна еще не отошла ко Господу тем же путем мученичества. Затем она сошла с горы и вошла в город в той самой мужской одежде, в которую ее облекла ее духовная мать Агафия. Не находя блаженной Агафии, которую она пришла искать, Домна поняла, что она сгорела в церкви вместе со множеством других дев, и горько заплакала; она не жалела о ее смерти, но скорбела, что не сподобилась сама умереть вместе с нею за Христа. И стоя на месте сожженной церкви, Домна плакала и рыдала, омочая пепел своими слезами. Когда наступила ночь, она пошла на морской берег, где был потоплен Индис с прочими мучениками. И вот рыбаки, стоявшие там и готовившие сети для ловли, увидев святую деву и приняв ее по мужской одежде за мужа, сказали ей:

— Приди и помоги нам, юноша; если мы что-нибудь поймаем, то и тебе уделим часть.

Она охотно пришла к ним на помощь. Когда забросили сети для ловли и вытаскивали их затем на берег, то ощутили в неводе такую тяжесть, что с трудом могли выволочь его на землю. Ночь была лунная, и они увидели множество рыбы, а посреди улова — тела трех мучеников, Горгония, Индиса и Петра. Рыбаки пришли в великий ужас и, быстро собрав сети и улов, а тела положив на землю, поспешили сесть в ладью, чтобы отплыть на другой берег. Они звали с со-

бою и мнимого юношу, но тот не захотел ехать с ними. Тогда они дали ему за труд часть пойманной рыбы и немного хлеба и отплыли оттуда. Святая же дева Домна подошла к телам мучеников и, узнав каждого, в особенности же возлюбленного Индиса, стала с несказанной радостью обнимать и целовать их и проливать над ними обильные горячие слезы. Поднявшись, она увидела на море корабль, пристававший к берегу и шедший на одних веслах при опущенных парусах. Отойдя от тел святых мучеников, Домна приблизилась к кораблю и, обратившись к корабельщикам, показала им свою рыбу. Полагая, что рыба продается, и желая ее купить, капитан корабля спросил о цене, но Домна ответила ему, чтобы он взял даром. Тогда он в недоумении сказал:

— Именем Христовым, скажи поистине, почем ты продаешь рыбу?

Услышав имя Христово, святая Домна поняла, что на корабле христиане, и поведала им о телах святых мучеников, обо всех мучениях, которым они были подвергнуты, и об их именах. Тогда капитан корабля тотчас же вынес со своими друзьями чистые полотна и ароматы и, завернув тела святых, отнес их к городской стене, где у ворот, недалеко от реки, принял конец жития своего святой Дорофей. Там они благоговейно погребли тела мучеников. Узнав, что Домна одной с ними веры, и принимая ее к тому же за юношу, капитан корабля стал умолять ее вместе с ним взойти на корабль.

— Пребудем неразлучно вместе до конца нашей жизни, — говорил он.

Но она, не соглашаясь, велела ему продолжать свой путь.

— Я останусь здесь, — сказала она, — ибо уже близок конец моей жизни, и я не хочу, чтобы тело мое разлучилось от тел святых, с которыми при жизни я была соединена духом и верой.

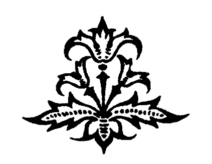
Тогда капитан дал ей достаточное количество золота — не для какой-нибудь телесной потребности, так как в этом она не нуждалась, но на ароматы и фимиам для почтения гробниц святых — и отправился в путь свой. Святая же Домна день и ночь пребывала при гробах мучеников, кадя им и молясь со слезами.

Но не было возможно, чтобы дело света утаилось перед ходящими во тьме или чтобы желание мученичества святой Домны осталось не исполненным, ибо ее святость и благочестие изобличали ее.

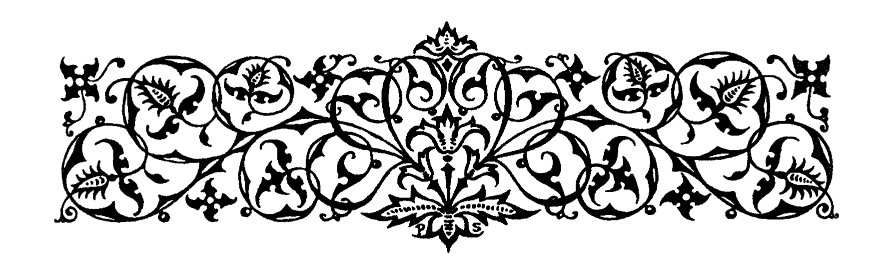
Царю было возвещено, что какой-то юноша обходит христианские гробницы и кадит им. Царь рассмеялся и сказал:

— Подобает и ему погибнуть одинаковой с ними смертью, чтобы он на опыте узнал, как напрасно воздается такая честь людям, ничего уже больше не значащим по смерти.

Сказав это, он немедленно послал отсечь ей голову. И умертвили мечом святую Домну в то время, как она молилась при гробницах святых мучеников. Честное тело ее нечестивые сожгли огнем. В это же время был убит мечом после долгих мучений и святой мученик Евфимий. Так украсилась Никомидия своими мучениками, как звездами, пополняя число двадцати тысяч чудным Гликерием, блаженнейшим Зиноном и Феофилом; к ним присоединились также Дорофей с Мардонием и Мигдонием, Индис с Горгонием[1] и Петром и три святые девы — Агафия, Феофила и прекрасная Домна; завершением же всего лика был Евфимий, во славу Христа, истинного Бога, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.



[1] Мощи святого мученика Горгония впоследствии перенесены были в Рим.



День двадцать девятый

ПАМЯТЬ
ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТЫСЯЧ МЛАДЕНЦЕВ,
от Ирода в Вифлееме избиенных

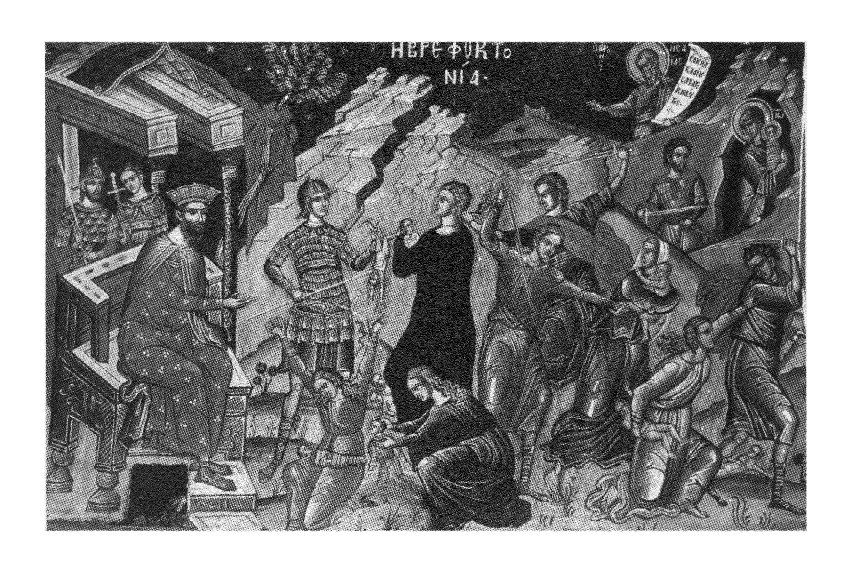
Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался (Мф. 2, 16). На кого же он разгневался? С одной стороны, на волхвов, которые обманули его, с другой же — на новорожденного Царя Иудейского. На волхвов он гневался за то, что они не возвратились к нему и не возвестили о Младенце; на Христа же гневался из боязни, как бы Он не отнял у него царство; ибо, не зная, что *царство* Христово *не от мира сего* (Ин. 18, 36), Ирод полагал, что Христос будет владеть земным царством. Что же сделал окаянный Ирод, не будучи в состоянии ни отомстить волхвам, ибо они уже ушли, ни убить Христа, ибо Его нельзя было найти? Он излил свой гнев на неповинных младенцев. Как лютый зверь, когда бывает ранен, часто не смотрит на того, кто его ранил, но бросается прямо на то, что у него перед глазами, и в ярости терзает это, как бы самого виновника своей раны; так и Ирод, мучимый гневом и не находя виновников своего гнева, обратил свою ярость на младенцев, ни в чем не повинных пред ним. Он послал вооруженных, как бы на войну, воинов, чтобы *избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов* (Мф. 2, 16). Ирод помнил указанное волхвами время появления звезды, которая, согласно толкованию святого Златоуста и святого Феофилакта, появилась еще до Рождества Христова. Но за сколько именно времени? Если она явилась в самый час Благовещения, то от Благовещения Пресвятой

Богородицы до Рождества Христова прошло девять месяцев. Но волхвы пришли в Иерусалим в самый день Рождества и поклонились Христу в Вифлееме и иным путем отошли в страну свою: поэтому Ирод не тотчас же узнал, что осмеян ими, но полагал сначала, что они, не найдя искомого Младенца и устыдившись своей ошибки, не посмели явиться к нему и тайно, со стыдом, вернулись к себе. Затем, спустя сорок дней, совершилось во храме Соломоновом славное событие: старец Симеон и Анна пророчица[1] встретили здесь Божественного Младенца, принесенного Богоматерью в день очищения[2], и засвидетельствовали о Христе и много явно благовествовали о Нем народу. Слух обо всем, что произошло во храме во время Сретения Господня, распространился по всему Иерусалиму и достиг до царя. Тогда Ирод понял, что это и есть воистину искомый Младенец и что справедливо было сказанное волхвами о новорожденном Царе, Которого они нашли в Вифлееме, но не возвратились к Ироду, презрев его власть. Беззаконный Ирод разъярился необычайно. Он тотчас же стал пытаться найти Младенца с помощью коварства и тайных ухищрений, но не мог, ибо Иосиф бежал с Ним в Египет тотчас же после бывшего ему видения. Старания Ирода найти Христа продолжались в течение года. После этого ему по какой-то причине понадобилось отправиться в Рим к Кесарю, и Ирод был в великом смущении, что еще не нашел искомого Младенца, ибо боялся, как бы в его отсутствие не нашелся и не прославился в народе новый царь и не отнял бы у него Иудейское царство. Поэтому он тотчас же решил в уме своем избить всех детей вифлеемских, чтобы погубить, таким образом, вместе с ними и родившегося Царя. И совершилось это беззаконное детоубийство в первый год по Рождестве Христовом, 29 декабря; в этот день и принято Церковью праздновать память избиенных младенцев. От времени же появления звезды прошло тогда один год и девять месяцев. А то, что Ирод избил младенцев от двух лет и ниже, это он сделал из боязни и для большей

---

[1] Память их празднуется Церковью 3 февраля.

[2] По закону Моисееву (см.: Лев. 12), женщина — через сорок дней после рождения младенца, если младенец был мужского пола, и через шестьдесят, если младенец был женского пола — должна была прийти в храм к священнику и принести в жертву Богу агнца однолетнего или двух голубей. Этот обряд назывался *очищением*.



безопасности. Так святой Златоуст говорит: «Не дивись, что Ирод повелел избивать младенцев от двух лет и ниже: ярость и боязнь сошлись в мучителе; поэтому Ирод стал весьма осторожен и от великой боязни обрек на убиения и более старший возраст». Согласно с этим, говорит и Евфимий[1]: «Ирод полагал, что звезда не тотчас же появилась волхвам, но что Младенец родился задолго до ее появления. Для большей безопасности он и повелел предварить время на два года».

Побивались младенцы различно: одних убивали мечом, других разбивали о камни и стены, иных бросали оземь и попирали ногами, душили руками, разрывали и раздирали на части, пронзали, разрубали пополам. Горько рыдали матери: великий вопль их доходил до небес; они рвали на себе волосы и одежду и терзали себя, так что исполнились слова пророка Иеремии: *Глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет* (Иер. 31, 15; Мф. 2, 18). Рамой назывался город, стоявший на холме, в пределах колена Вениаминова. Рахилью же некоторые именовали Вифлеем, ибо в нем была погребена Рахиль, супруга патриарха Иакова, мать Вениамина. От гробницы ее и Вифлеем получил наименование Рахили. Итак, когда в Рахили, то есть в

[1] *Евфимий Зигабен* — византийский богослов XII века; написал историю ересей и толкования на Четвероевангелие, Псалмы и книгу Песнь песней.

Вифлееме, избивали младенцев, то в городе Раме, как отстоявшем не очень далеко от Вифлеема, были слышны плач, рыдания и великий вопль матерей, плакавших о своих убитых чадах. Плач этот отчасти описывают два святые Иоанна: Златоуст и Дамаскин. Первый из них повествует следующее.

«Видя это, матери спрашивали убийц:

— За что вы убиваете наших детей? Какую обиду причинили они царю или вам?

И не было никого, кто бы ответил, почему совершается это напрасное убийство, не было никого, кто бы утешил их в этом великом горе. Они же с воплями взывали к воинам:

— Пощадите нас, пощадите! Разве у вас у самих нет матерей? Разве вы не ведаете любви материнской? Разве у вас нет жен? Разве не были вы любимы вашими матерями? Неужели вы не страшитесь, что и с вашими детьми случится то же? Сжальтесь над нами! Не лишайте нас детей наших, но избейте сначала нас самих, ибо мы не в силах перенести смерть наших детей! Пронзайте нас самих! Если наши дети причинили вам какое-либо зло, то пусть и мы умрем вместе с ними!

Так вопили они в сердечной тоске и, обезумев от печали, забыв стыд, раздирали на себе одежды, от скорби били себя в грудь, терзали себе лица, рвали волосы и призывали небеса во свидетели, взывая к Богу:

— О Владыка наш, Господи! Что значит эта великая жестокость царя? Он восстает на Твое творение: Ты создал, а он убивает; Ты дал нам детей, а он отнимает их у нас! Зачем родили мы на свет мальчиков, если наши младенцы должны подвергаться столь жестокой смерти?»

Святой Иоанн Дамаскин повествует об этом плаче так:

«Матери, претерпевшие страдания при рождении своих детей, сидели при трупах убитых младенцев, с распущенными волосами, воздевая руки к небу, они рвали на себе волосы, посыпали волосы пылью, призывали небеса во свидетели и, обливаясь слезами, так говорили к отсутствующему Ироду, как бы к присутствующему:

— Что значит это повеление твое, царь, направленное против нас? Разве ты не отец своих детей? Разве ты не знаешь, как велика любовь родителей к детям? Звезда ли оскорбила тебя? Но почему ты

тогда не направляешь свои стрелы в небо, а иссушаешь молоко в наших сосцах? Волхвы ли причинили тебе зло? Но тогда почему же ты не воюешь с Персией, а лишаешь детей Вифлеем? Если родился новый царь и ты узнал о нем из книг, то схвати Гавриила и посади его в темницу».

Вскоре по избиении святых младенцев, число которых было четырнадцать тысяч, казнь Божия постигла и самого убийцу, царя Ирода. Жесток был конец его жизни, как повествует о том святой Феофилакт: одержимый горячкою и болезнью внутренностей, опухолью ног, заграждением ноздрей, трясением всего тела и распадением всех членов, лукавый царь, съедаемый червями, в страшных мучениях испустил дух. Повествуется также, что ему недостаточно было избить вифлеемских младенцев, но еще при самой кончине своей он предал смерти множество знатнейших и славнейших граждан Иерусалима: так он казнил Гиркана, первосвященника Иудейского, а также всех тех первосвященников и книжников народных, которых раньше спрашивал: «Где до́лжно родиться Христу?» — и которые ответили ему: «В Вифлееме иудейском».

Всех он впоследствии умертвил мечом. И это было для них праведным судом Божиим, так что все они вместе с Иродом скончались в жестоких мучениях, как возвестил о том Ангел Иосифу в Египте:

— Умерли искавшие души Младенца.

Очевидно, искал не один Ирод, но все советники его, первосвященники и книжники. Поэтому и умер не один Ирод, но и все, искавшие вместе с ним души Младенца. Тот был умерщвлен самим Богом, а эти были избиты Иродом. Кому они сочувствовали, от того и приняли жестокую кончину. А что все они искали убить Христа и были единодушны с Иродом, это явствует вот откуда: когда скончался праведный старец Симеон Богоприимец, свидетельствовавший о Христе в храме и перед всем народом, то они за это не сподобили его достойного погребения, которое бы приличествовало столь святому мужу, премудрому учителю, прозорливому пророку и уважаемому всеми старцу. Также предали они смерти и святого пророка Захарию за то, что он поставил на месте девиц, где не подобало стоять замужним женщинам, Пречистую Деву, вошедшую с Младенцем во храм для очищения. Об этом упоминают Григорий Нисский, Кирилл Александрийский и Андрей Критский.

Когда увидели это книжники и фарисеи, то пришли в негодование; Захария же противостал им, удостоверяя, что эта Матерь и по рождестве осталась чистой Девой. Они не поверили ему, и тогда святой сказал, что природа человеческая вместе со всяким созданием подчинена своему Создателю и что в Его всесильной воле устраивать тварь Свою по Своему произволению и сделать так, чтобы Дева родила и по рождестве пребыла Девою же.

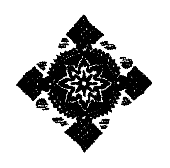
— Поэтому, — говорил он, — и эту Матерь я допустил на место девиц, как истинную Деву.

Книжники гневались в сердцах своих на Захарию, как на явного законопреступника, и, снедаемые завистью, гневались как на то, что Матерь Младенца была поставлена на месте девиц, так и на то, что возглашались такие свидетельства о Младенце. Они не утаили своих чувств перед Иродом, но выказали ему их, и немедленно начали искать Младенца, но не нашли Его, потому что Иосиф тем временем бежал с Марией в Египет. С тех пор книжники стали сильно гневаться на святого Захарию, а вместе с ним, и на старца Симеона. Симеон вскоре скончался, и они не сподобили его достойного погребения. Захария же впоследствии, по их просьбам, был осужден Иродом на смерть. Во время избиения вифлеемских младенцев был убит святой Захария между церковью и алтарем за то, что не отдал на убиение сына своего Иоанна. Так отмстили ему книжники и фарисеи за его свидетельство о Пречистой Деве и за то, что поставил Ее во храме на месте девиц. Вскоре и сами они приняли заслуженную казнь от руки своего же царя Ирода. Какой мерой они мерили, такой и было им отмерено. Отдельно от них были также усечены Иродом семьдесят мудрейших мужей, собрание которых называлось Синедрионом[1]. Одного только из них он оставил в живых, но и того повелел ослепить. Были в то время в Иерусалиме два премудрых, знаменитых и любимых всеми учителя: Иуда, называемый Аврифеем, и Матфей Гаргулофи; их он велел сжечь живыми вместе с некоторыми их друзьями; но еще раньше этого Ирод свирепо восстал на свой собственный дом: казнил своего брата Ферора, сестру Саломию и мужа ее, происходившего из колена Давидова, свою жену

---

[1] *Синедрион* — верховное судилище иудейское, заведовавшее также и государственными делами; оно состояло из семидесяти — семидесяти двух членов и собиралось под главенством первосвященника.

Мариамну — тоже из колена Давидова[1], рожденного от нее сына своего Антипатра, затем еще двух сыновей — Аристовула и Александра и много других предал он неповинно смерти. Наконец, находясь уже при смерти, Ирод завещал вернейшим из своих воинов относительно прочих славных мужей иудейских, которых еще не мало осталось у него содержимых в оковах, — чтобы, когда он испустит дух, воины немедленно убили всех этих узников: да не возрадуются иудеи о его смерти, но скорее да восплачутся при виде стольких мужей своих убитыми[2]. Так погиб злой злою же смертью, погубив многих вместе с собою. Он вселился во аде, вместе со своими единомышленниками. Святые же младенцы, за Христа избиенные, водворились с Ангелами на небесах, ибо таковых детей воистину есть Царство небесное (см.: Лк. 18, 16) о Христе, Господе нашем, Которому слава вовеки. Аминь.



---

[1] Ироду были известны пророчества о рождении Мессии из семени Давидова. Поэтому он и старался истребить все современное ему потомство Давида, не щадя даже своих родственников.

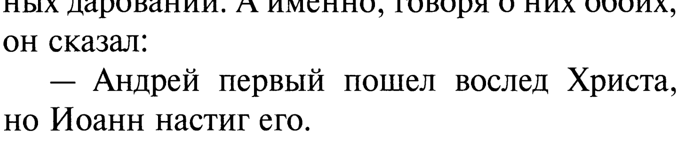
[2] Повеление это, к счастью, не было исполнено.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАРКЕЛЛА,
игумена обители Неусыпающих

Преподобный Маркелл был родом из сирского города Апамеи и происходил из славного и богатого христианского семейства. В юных летах лишившись родителей, он пошел в великую Антиохию, чтобы обучиться там различным наукам, которыми он в скором времени вполне овладел и тогда возгорелся желанием приобретения также и внутренней, духовной мудрости. Для этого Маркелл решил отправиться в Ефес, где, как он слышал, было множество мужей, совершенных в добродетели. Выйдя из Антиохии, он прежде всего роздал нищим все богатое отцовское наследие, которым владел в Апамее, и, презрев, таким образом, все мирское, вскоре достиг Ефеса. Поселившись здесь у одного благочестивого человека, он начал подвизаться в добродетели под руководством некоего Промота, достигшего высшего духовного совершенства. И блаженный Маркелл получал великую духовную пользу, взирая на добродетельное житие его и других святых мужей Ефесских.

Как бы сплетая себе венец из различных цветов, он поучался различным добродетелям, имея перед собой различные образы Богоугодного жития. Живя в добровольной нищете, он трудом рук своих приобретал потребное для тела. Умея красиво писать, он все ночи проводил в молитве, а дни — в переписывании книг; эти книги он продавал по справедливой цене и часть денег употреблял на свои нужды, а остальное раздавал нищим. Таково было начало его добродетельного жития. Услышав затем, что в Византии живет некий авва

Александр[1], премудрый и великий в деле и слове, способный многих привести ко спасению, Маркелл покинул Ефес и поспешил к нему. В то время святой Александр пребывал с братиею своею при церкви святого Мины[2]; впоследствии же он построил на морском берегу знаменитый монастырь, в котором ввел новый устав, повелевавший днем и ночью славить Бога непрестанным псалмопением: братия пели в церкви, сменяясь по часам. Придя в Византию, Маркелл познакомился с одним иноком этой обители, по имени Иаковом, который и привел его к авве Александру. Авва, провидя в нем благодать Божию, облек его в иноческий чин и предсказал о Маркелле и Иакове, что они сподобятся многих Божественных дарований. А именно, говоря о них обоих, он сказал:



— Андрей первый пошел вослед Христа, но Иоанн настиг его.

Андреем он назвал Иакова, а Иоанном — Маркелла, ибо видел, что оба одинаково горели духом к Богу, и, если Иаков, подобно апостолу Андрею, первый взял на себя иго Христово, то Маркелл, подобно апостолу Иоанну, превзошел его многими дарованиями. А Маркелл был воистину подобен святому Иоанну — девственнику и Богослову — своим непорочным девством и богодухновенной премудростию. Подвизаясь достаточное время в этой обители, Маркелл стяжал дар прозорливости и, провидя скорую кончину своего учителя, аввы Александра, а также и то, что по преставлении аввы честь настоятельства будет предложена ему, Маркелл тайно вышел из монастыря: будучи еще юным, он не захотел властвовать над старыми и иметь подначальных себе, предпочитая сам находиться под началом. Он начал обходить окрестные страны, посещая подвизающихся различным образом отцов и от каждого из них получая

---

[1] Память его —23 февраля. *Авва* — с еврейского языка значит отец; так называли на Востоке наставников иночества.

[2] Память святого мученика Мины — 11 ноября.

для себя особую пользу. Тем временем святой Александр отошел ко Господу. Вся братия единодушно желала иметь на его месте Маркелла и скорбела, не находя его нигде. Не найдя Маркелла, поставили начальником обители некоего Иоанна, мужа преклонных лет и благоразумного. Узнав об этом избрании, святой Маркелл немедленно возвратился в свою обитель, и вся братия радовалась его возвращению. Авва Иоанн весьма любил его, ибо он был ему весьма полезен, как бы правая рука его. Спустя некоторое время авва Иоанн перенес монастырь в другое, более уединенное место, в Вифинии[1], против города Сосфения[2], называвшееся Иринеум, что значит «мирное», ибо это место, удаленное от народной молвы и шума, было воистину мирным прибежищем для иноков. В перенесенном монастыре неизменно сохранился так же и его прежний устав, данный преподобным Александром и повелевавший братии посменно днем и ночью, славословить в церкви Бога: ради этого устава монастырь и носил название «обители неусыпающих». Вся постройка на новом месте и заботы о монастыре были поручены Маркеллу — как человеку верному и благоискусному во всяком деле. Ему же вскоре надлежало принять и самое начальство над монастырем, что́ и сам он провидел своими прозорливыми очами и о чем также было открыто Богом некоторым из братии. Игумен одного ближнего монастыря — Македоний (не тот Македоний, который был духоборцем[3], а другой: тот был из числа отверженных, а этот из числа преподобных), муж прозорливый, предсказал преподобному Маркеллу, что тот не только будет пастырем словесного стада, но что и самое имя его прославится по всей земле ради добродетельного жития его и святости.

— Много эллинов и варваров, — говорил он, — наученных им, оставят отеческое заблуждение и обратятся к Богу, и Бог будет прославляем через него.

Преподобный же Маркелл был столь смиренным, что не гнушался сам пасти монастырских ослов, и братии едва удалось умо-

---

[1] *Вифиния* — область Малой Азии, лежащая на берегу Черного и Мраморного моря, с главным городом Никомидией.

[2] *Сосфений* — городок, расположенный в окрестности Царьграда.

[3] Еретик *Македоний* не признавал Духа Святого Богом, а считал его тварью, не имеющей участия в Божестве и славе Отца и Сына. Ересь Македония осуждена на II Вселенском соборе в 381 году.

лить его, достойного стать пастырем словесного стада, — перестать пасти бессловесных.

В скором времени авва Иоанн отошел ко Господу и блаженный Маркелл был поставлен игуменом обители Неусыпающих. И был он весьма милостив к нищим, ежедневно питая множество алчущих. И Бог споспешествовал его доброму служению: как Он некогда умножил пять хлебов и две рыбы для пропитания пяти тысяч человек (см.: Мф. 14, 18–21), так и в обители Маркелла малое количество пищи невидимо и чудесно умножалось, так что хватало не только для братии, но и на ежедневное пропитание множества нищих и странников, как о том будет рассказано далее.

Словесное стадо Маркелла увеличивалось, и братия ежедневно прибывали в числе. Для столь большого числа духовных мужей, собравшихся к Маркеллу, ради его добродетелей, потребовалась более пространная ограда, более обширный храм для молитвы, большие запасы пищи и другие необходимые для жизни человеческой потребности; Маркелл же в то время истощил все на пропитание нищих. Но Бог, на Которого преподобный возложил все свое упование, не оставил рабов Своих, и следующим образом доставил все необходимое.

Был некий муж, по имени Фаретрий, обладавший большим богатством. Возлюбив благочестивую жизнь, он пришел к преподобному Маркеллу, приведя с собою и двух сыновей своих, еще малых отроков, и изъявил желание стать иноком. Он даровал обители все свои богатства и вскоре был облечен в иноческий чин вместе с обоими сыновьями. На пожертвованное им имение была прежде всего выстроена новая, каменная церковь, прекрасная и обширная, затем была перестроена вся ограда монастырская и воздвигнуто множество новых келий, а ветхие келии были обновлены. Кроме того, была устроена больница, а также странноприимный дом, и было закончено постройкой все необходимое. Пища, одежда и прочие потребности были приобретены для монастыря также на средства, пожертвованные Фаретрием. Так Бог Промыслитель ищущим *прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложил* (см.: Мф. 6, 33).

И слава о преподобном Маркелле и об установленном в его обители непрестанном славословии распространялась повсюду; многие

соревновали этому уставу, и вводили его в своих монастырях, испрашивая себе наставников у преподобного. И как реки истекали из Эдема[1], так из обители Маркелла расходились по всем монастырям, расположенным в разных странах и городах, уставы и обычаи иноческого жития и непрестанного церковного пения. Во всяком монастыре игуменами были иноки из обители Маркелла и везде соблюдался чин обители Неусыпающих, ибо Маркелл был чиноначальником, архимандритом, законодавцем и управителем всех монастырей, какие только были в той стране. И многие из греков и варваров обратились к истинному Богу по наставлениям Маркелла согласно пророчеству упомянутого выше прозорливого Македония. Так лики земных Ангелов, день и ночь славословящих Бога, все более и более умножались.

Надлежит теперь поведать и о чудесах преподобного Маркелла.

Некие три епископа были взяты в плен варварами; освободившись из плена, они возвращались домой, но так как путь их пролегал мимо обители преподобного Маркелла, то они свернули с дороги и зашли к нему. Он с любовью принял и упокоил их, и когда они собрались в обратный путь, то пожелал дать им что-либо на дорогу — как людям весьма бедным. Призвав эконома, по имени Иулиана, преподобный спросил, сколько у него в хранилище денег.

— Десять сребреников[2], — отвечал тот.

Тогда Маркелл повелел отдать все деньги тем трем епископам, но эконом пошел и дал каждому только по одному сребренику, а прочие удержал на нужды монастыря. Духом провидя это, святой призвал эконома и велел ему непременно отдать епископам и прочие сребреники. Тогда эконом дал им еще по два и, истратив таким образом девять, все-таки удержал десятый; и это он сделал ради нищих, ежедневно приходивших в монастырь. После этого один благочестивый человек, побуждаемый духом, пришел к преподобному и дал ему на нужды монастыря девяносто талантов[3] золота. Тогда преподобный Маркелл призвал эконома Иулиана и с гневом начал обличать его скупость:

---

[1] То есть из рая первых людей. Из него вытекали четыре реки: Фисон, Гихон, Тигр и Евфрат (см.: Быт. 2, 10–14).

[2] *Один сребреник* (серебряный динарий) равнялся двадцати двум копейкам.

[3] *Талант* составлял приблизительно тысяча пятьсот рублей.

— Вот Бог хотел нам послать рукою этого благочестивого человека сто талантов, но так как ты удержал один сребреник, преслушав мое повеление, то наш общий Промыслитель, хотевший воздать нам сторицею, лишил нас десяти талантов.

Пристыженный эконом упал к его ногам, прося прощения.

Преподобный обладал также благодатию подавать исцеления болящим: он исцелил одним прикосновением монаха Елпидия, имевшего во рту болезненную опухоль. Также уврачевал он своим прикосновением монаха Стефана, страдавшего сильною желудочною болезнию, так что никакое лечение не помогало ему и он уже отчаялся в своей жизни: святой исцелил его, дотронувшись до чрева и хребта его. Когда разболелся вышеупомянутый эконом Иулиан и уже был близок к смерти, преподобный подал ему двойное врачевство — душевное и телесное: он сперва научил его не преступать повелений игумена и не уповать на временное богатство, а полагаться на Бога, равно о всех заботящегося, и, таким образом, исправив его душу, он исцелил его и от телесной болезни.

Надлежит поведать и о еще более чудесном событии. Один еврей страдал неизлечимою болезнью: он имел на теле своем смрадные язвы. Когда оказалось тщетным уже все искусство врачей и больной отчаялся в излечении, тогда он прибег к преподобному Маркеллу, этому скорому и бескорыстному целителю, как к своей последней надежде. Преподобный спросил еврея о вере, и когда узнал о его злочестии, то сказал, что ему невозможно получить исцеление, если он раньше не отступит от своего нечестия и не примет христианской веры. Еврей обещался, что тотчас же обратится ко Христу, как только получит исцеление. Преклонившись к его мольбе, старец исцелил своей молитвой болящего, и исцеленный немедленно принял веру христианскую. Но не прошло еще и четырех дней, как еврей снова вернулся к своему нечестию. Возвратилась к нему также и его прежняя болезнь: как за верой последовало исцеление, так и за отступничеством его — прежняя болезнь. Принужденный, хотя и против воли, снова прибегнуть к святому, он опять отрекся от своего нечестия, присоединился к благочестию и преклонял на милость незлобивого отца. Получив исцеления в другой раз, он, по истечении немногих дней, вновь как *свинья* пошел *валяться в грязи* (2 Пет. 2, 22), — и опять постигла его еще более жестокая болезнь.

Что же сделал нечестивец? Он снова бесстыдно прибегает к святому. И так повторялось несколько раз. Наконец, преподобный сказал ему:

— Знай, человече, что не меня ты обманываешь, а Христа, ибо не я исцеляю тебя, но Христос, и ты не можешь утаить перед Его всевидящим оком нечестия твоего сердца, почитая Его устами, а сердцем далеко отстоя от Него (см.: Мф. 15, 8), — на словах исповедуя благочестие, а на деле уклоняясь к своему прежнему злочестию. Без всякого лукавства обратись всем сердцем ко Христу, и ты тотчас же исцелишься, и не только телом, но и душою.

Но нечестивый и несмысленный еврей ответил святому:

— Чтобы мне ни пришлось терпеть, никогда не оставлю веру отцов.

Услышав эти слова, преподобный молча ушел от него, а еврей, немного отойдя от обители, внезапно упал и стал мертв телом и душой. Узнав об этом, святой отец заплакал и сказал: *Не искушайте Господа, Бога вашего* (Втор. 6, 16).

Но продолжим наше повествование об исцелении верных. Один человек, по имени Кир, ставший впоследствии великим в иноческом житии и многим послуживший на пользу и укрепление, прежде принятия иночества, обладал большою телесною силою и искусством в борьбе. Неожиданно, попущением Божиим, диавол поразил его с ног до головы гнойной болезнью, как некогда Иова, и сгнила на нем не только вся кожа, но и плоть и жилы, так что видны были одни обнаженные кости. Как велики были страдания этого человека — нельзя даже и описать. И невозможно было ему излечиться никакими врачевствами человеческими, но только Божественными, подателем которых и был святой Маркелл. Когда больной припал к нему, со слезами моля об исцелении, блаженный тотчас же воздел к небу руки и по обычаю сотворил усердную молитву о болящем. Прикоснувшись затем рукой к его язвам, он сказал:

— О добрый человек! Не подобает этим страданиям одолеть тебя, и не приличествует борющемуся с невидимыми врагами иметь попечения о теле. Уповай, и если изберешь Вышнего прибежищем твоим (см.: Пс. 90, 9), то удалится эта язва из храмины тела твоего.

Так говорил святой, и болезнь немедленно оставила того человека. Язвы стали покрываться плотью видимо для всех, — подобно

тому, как описывается это в пророчестве Иезекииля (см.: Иез. 38, 8), жилы исправлялись, суставы укреплялись и покрывались кожею: и Кир, сверх всякого ожидания, быстро выздоровел. И подавал угодник Божий по благодати, данной ему от Бога, чудесные исцеления не только тем, до коих прикасался своими руками, но даже и далеко отстоявшим от него.

Супруге некоего диакона Евгения настало время родов, но она не могла родить, — и ни врачи, ни повивальные бабки не могли оказать ей помощи. Уже все отчаялись в ее жизни, и она лежала без сознания. Тогда муж ее, диакон Евгений, припал к стопам преподобного и со слезами стал умолять его о помощи. Преподобный помолился и, благословив хлеб, дал его диакону, чтобы тот поскорее положил на грудь болящей. И как только это было исполнено, жена родила младенца и освободилась от страдания.

Придя в себя, она стала спрашивать:

— Где инок, разрешивший мои страдания? Где освободивший меня от смерти?

На вопрос же, кто тот инок, о котором она говорит, и каков он лицом, женщина описала внешний облик явившегося ей инока, и все узнали, что это был преподобный Маркелл, который явился ей и избавил ее от смерти.

Этот блаженный отец достиг такого совершенства в иноческой жизни, что ради непорочности и святости его Ангелы сожительствовали ему. Игумен одного монастыря, расположенного при реке Евфрате[1], Сергий, много слышав о преподобном, пришел, чтобы увидать его, и увидел несравненно больше того, чем ему рассказывали о Маркелле. Однажды они стояли вместе на молитве и Сергий увидел, что, когда преподобный Маркелл преклонял колена, то два светлых Ангела поддерживали его с обеих сторон и поднимали с земли, лицо же его, во время молитвы, становилось светло, как молния. Увидев это, Сергий затрепетал от страха, и душа его едва не покинула тело от ужаса.

И другим великим отцам Бог также давал откровения об угоднике Своем Маркелле. Елиссей, игумен Десского монастыря, желал увидеть святого и узнать о его житии; когда он молился об этом Богу, то Господь явил ему в видении Маркелла таким, каков он был по

[1] Большая река, впадающая в Персидский залив, истоки ее находятся в горах Армении.

своему внешнему виду, и открыл ему высоту его добродетелей. Об этом Елиссей впоследствии рассказал ученику святого Маркелла — Петру, случайно находившемуся у него.

Гавдиолу, игумену монастыря, расположенного в городе Помпее, при море Евксинском[1], было открыто, что Маркеллу дана от Бога благодать, равная с законодавцем Моисеем. Гавдиол засвидетельствовал об этом Фалассию, ученику Маркелла. Поистине преподобный обладал даром пророчества, ибо чтó он кому-нибудь прорекал, то всегда и сбывалось. Однажды пришел к нему один епископ, очень скупой. Блаженный попросил у него взаймы два златника[2] для раздачи нищим, но епископ отказал ему и не дал, сказав что не имеет сам. Тогда преподобный пророчески сказал ему:

— Вскоре не будешь ты иметь даже и собственного тела своего, которое будет принято могилою, золото же твое достанется монастырской братии.

Так и случилось. Не прошло и двух дней, как епископ умер, а имущество его было отдано в обитель преподобного, согласно его пророчеству. Преподобный провидел далеко отстоящее, как бы находящееся вблизи. Однажды ученики его плыли по Евксинскому морю в кораблях ради какой-то монастырской нужды. Была великая буря, море волновалось, и они уже отчаивались в своей жизни; в это время преподобный явился им и спас их, благополучно приведя к пристани. Когда они были в городе Анкире[3], один из них, по имени Павел, сильно разболелся, и иноки, бывшие с ним, уже помышляли оставить его там. Тогда больной, вздохнув из глубины сердечной, со слезами воскликнул:

— Отче Маркелл, где же твои молитвы? Ты вручил меня Богу, а я вот погибаю, и что всего прискорбнее, погибаю вне твоего стада и вдали от моих братий!

Так со слезами говорил больной в городе Анкире, и преподобный в обители услышал его плач и болезнования и сказал ученику своему

---

[1] Теперь — Черное море. Раньше оно называлось Аксинским, то есть «Неблагополучным», по причине бурь; когда же берега его стали понемногу заселяться греками, то они прозвали его Евксинским, то есть «гостеприимным».

[2] *Златник* (золотой динарий) равняется двадцати пяти сребреникам, то есть около пяти рублей пятидесяти копеек.

[3] *Анкира*, ныне *Ангора*, — древний город Малоазийской области Галатии.

Кесарию, что один из посланных на службу братий обретается в скорби и болезни. Встав, он помолился о нем, и Павел тотчас выздоровел. Кесарий же заметил время, и когда братия вернулись, то оказалось, что Павел выздоровел в Анкире в тот самый час, когда святой отец, провидя его болезнь, молился о нем.

Однажды Бог наказал землю великим голодом. Начальник житницы монастырской, по имени Малх, пришел к преподобному и известил, что жито уже приходит к концу и хлеба едва хватит на десять дней.

— Ступай, — ответил ему святой, — и исполняй свое послушание, ни о чем не заботясь.

Полагая, что авва надеется, что откуда-нибудь издалека будет доставлен в изобилии хлеб, Малх, по обычаю, продолжал раздавать из житницы хлеб не только на потребности братии, но и убогим. Прошло пять дней, в житнице уже совсем мало оставалось хлеба, и Малх снова пришел к авве, извещая об оскудении жита. Но авва опять, как и в первый раз, отослал его к своему делу, повелевая ему не заботиться об этом. Спустя два дня в житнице ничего больше не осталось, и Малх в смущении вернулся к авве. Преподобный, встав, пошел к житнице и велел Малху отпереть ее.

Малх же с клятвою уверял, что не осталось и одного зерна и незачем отпирать, однако отпер. И вот он увидел житницу, полную всякого жита, и пришел в ужас; преподобный же укорил его за неверие. И с того времени житница не оскудевала, пока не минул голод: сколько заведующий ею потреблял в один день, настолько же она оказывалась наполненной на следующий. И таким образом преподобный прокормил во время голода не только братию, но и великое множество нищих и убогих, странников и пришельцев. Дивны все эти дела Господни, совершенные угодником Его Маркеллом, но далее следуют еще более чудесные события.

Некто Павел, — не тот, о котором было говорено выше, но другой, монах иной обители, — страдая тяжкою болезнью, послал к святому с мольбою, чтобы тот пришел к нему. Дойдя до обители Маркелла, посланный застал его беседующим о догматах церковных с епископом Халкидонским[1], и святому нельзя было отправиться к больному пре-

---

[1] *Халкидон* — город Малой Азии на берегу Мраморного моря, прославивший-ся как место IV Вселенского собора.

жде, чем он не кончит свою беседу с епископом о делах церковных. Тем временем больной скончался, и когда преподобный пришел, то уже все обряды над усопшим были совершены и его выносили для погребения. Обладая великою верою, святой отец возвел к небу свои телесные и духовные очи, усердно помолился Богу в тайной клети сердца своего, как он имел обычай делать, и положил руку свою на умершего. Некоторые из присутствовавших мысленно насмехались, говоря:

— Что это этот старец не верит смерти лежащего брата и испытывает рукою?

Когда они так думали, а святой касался усопшего своею рукою, последний внезапно ожил, поднялся, сел на одре и начал говорить. Все пришли в ужас и трепет от этого страшного чуда, преподобный же запретил присутствовавшим говорить об этом; но величие Божие и столь высокие дарования Его в преподобном не могли утаиться.

Подобает нам сказать также о силе и власти, какую преподобный Маркелл имел над бесами. Подобно праху, возметаемому великим ветром, изгонялись бесы из людей его молитвами. Однажды приведены были к нему четыре бесноватых, жестоко мучимых бесами, которые возопили к святому:

— Повели нам выйти, ибо ты имеешь власть над нами!

Но святой молчал и даже не смотрел на них, а только про себя молился Богу:

— Господи, помилуй Твое создание!

Он хорошо знал коварство бесов, хотевших вовлечь его в высокоумие своими лукавыми словами. И пока святой безмолвствовал, бесы вышли, побежденные его смирением.

Но кто будет в состоянии подробно поведать о чудесах преподобного отца нашего? Кто измерит Божию благодать, почивавшую на нем? Кто выразит словом его великую веру, которою мог он творить подобные дела? Недостанет времени для повествования о всем. Вот одно из его бесчисленных чудес, достаточное для пользы нашей и для прославления дивного во святых Своих Бога. Однажды в Византии произошел великий пожар, и весь город был объят пламенем, казнимый Богом за грехи своих жителей. Не было никакой возможности угасить неукротимую силу огня, поедавшего все сильным вихрем и обращавшего все в пепел. Уже не было надежды, чтобы хотя один дом уцелел от пожара, ибо весь город был кругом объят пламе-

нем. Узнав об этом, преподобный Маркелл стал на молитву, воздев руки к небу и проливая слезы из очей. И вот огонь немедленно остановился и не пошел дальше, и половина города спаслась: ибо вся огненная сила внезапно угасилась, как бы великим дождем, каплями слез преподобного.

После того случилось еще следующее. Один вельможа, по имени Ардавурий, сын Аспара, жестокий нравом и арианин по вере, разгневался на одного из своих подчиненных, именем Иоанна, и хотел убить его. Не имея места, где скрыться, Иоанн бежал в обитель преподобного Маркелла. Ардавурий узнал об этом и послал рабов, чтобы взять его оттуда, но преподобный не выдал его. Вельможа снова послал рабов к Маркеллу с просьбой, а вместе и с угрозой немедленно отдать Иоанна, но преподобный и этих отпустил ни с чем. Тогда разгневанный Ардавурий послал вооруженных воинов, чтобы они силою извлекли Иоанна из монастыря и убили мечом тех, кто станет сопротивляться. И вот, когда воины с обнаженным оружием обступили кругом обители и намеревались овладеть оградой, братия пришли к святому и с плачем умоляли его выдать Иоанна воинам, чтобы из-за него и они не погибли неповинно. Но преподобный не послушал братии (ибо был весьма милосерд и не хотел выдать на смерть человека неповинного) и обратился к оружию духовному — к силе честного Креста, оградившись которым он сам вышел навстречу воинам. И тотчас же великий страх напал на всех воинов: они узрели Крест, сиявший как солнце, а вокруг него великое пламя, молнии и громы. Побросав оружие, они в ужасе бежали к пославшему их. Услышав об этом, Ардавурий и сам пришел в ужас и, укротив свой гнев, простил Иоанна.

Так как здесь было упомянуто об Ардавурии и об отце его Аспаре, то не лишним будет поведать и об их кончине, о которой было открыто преподобному. Аспар, происходивший из готского[1] племени, был первым после царя по знатности и по могуществу и начальствовал надо всем греческим воинством. У него было два сына: старший Ардавурий и младший Патрикий. Он во многом старался противо-

---

[1] *Готфы*, или *готы*, — германское племя, жившее первоначально к юго-востоку от Балтийского моря. Впоследствии они разделились на восточных и западных и расселились почти по всей Европе. Готы приняли Христову веру, но в искаженном виде — от ариан.

действовать царю и со всем своим домом тайно враждовал против царского рода; Аспар причинял много зла Церкви христовой тем, что помогал арианам. Благочестивый же и христолюбивый царь Лев[1], названный Великим, был кроток и богобоязнен и терпел это до времени — отчасти по незлобию, отчасти же потому, что вся сила греческого воинства, среди которого было тогда множество ариан, было привержено к дому Аспара и повиновалось ему. Когда этому злочестивому дому суждено было погибнуть, преподобный Маркелл имел о нем во сне следующее видение: лев боролся со змием, который, будучи безмерной величины, бил его хвостом и одолевал. Побеждаемый лев скорбел и тщетно обходил вокруг змия, не будучи в состоянии причинить ему какой-либо вред. Затем оба — и лев, и змий — легли отдохнуть, утомленные борьбой. Спустя немного времени лев отдохнул и, собравшись с силами, внезапно, как бы пробудившись от сна, устремился на змия с великою яростию и победил его, ударив о землю. Узрев это в видении, авва Маркелл предрек, что Аспар погибнет от царя со всем своим домом, ибо виденный лев прообразовал царя Льва, великий же змий — Аспара, который был воистину змием, уязвляющим Православие и наносящим ему вред своим арианским злочестием. В скором времени видение и предсказание святого сбылись. Благочестивый царь Лев пожелал своей милостью и благостью примирить с собой Аспара и сыновей его, и из врагов сделать их себе друзьями, а также старался привести их к благочестию. Поэтому он обручил дочь свою Ариадну младшему сыну Аспара Патрикию, которого и хотел оставить по себе царем, ибо не имел сына и намеревался возвести на престол своего зятя. Но тогда в благочестивом народе поднялся ропот: все устрашились, что Церковь Христова будет до конца унижена наветами и злобою ариан, ибо зять царя был арианином. Все православные, собравшись вместе с епископами и священниками и взяв с собою святого старца Маркелла, пошли к царю на ипподром[2] и сказали ему, чтобы он не возводил на царский престол еретика, но чтобы зять царя или отрекся от арианской ереси, или же, если хочет непременно пребывать в ней, не принимал царского достоинства.

---

[1] Царствовал с 457 по 474 год.

[2] *Ипподром* — место, где происходят конские состязания; оно служило также для всех многолюдных собраний.

Успокаивая народ, царь Лев всячески обещал привести зятя к Православию. И хотя зять, хотя и из лукавства, присоединился к истинной вере, однако ропот в народе не умолкал. В это время обнаружились козни Аспара и злоба его, — открылось, что он не только стремился к царскому венцу, но и искал вместе со своими сыновьями главы царя и намеревался убить его. Тогда весь народ восстал против дома Аспарова, не вынося его коварства, и всячески пытался погубить его, но Аспар, убоявшись, бежал с сыновьями своими в Халкидон и заперся в церкви мученицы Евфимии[1], причем множество воинов стояло вокруг церкви и охраняло его безопасность. Но после примирительных речей царя он вышел оттуда и возвратился снова в Царьград. Вскоре затем и сам Аспар, и сын его Ардавурий были убиты Зиноном по приказу царя; зять же царев, Патрикий, был сослан в заточение, а обрученная ему царевна Ариадна была выдана замуж за Зинона[2], приявшего, впоследствии, по смерти царя Льва и Греческое царство. Так погиб нечестивый род Аспаров, побежденный Львом — по пророчеству святого.

Но возвратимся опять к преподобному Маркеллу. Когда народ со святителями и с пресвитерами, а также и с преподобным Маркеллом шел к царю Льву на ипподром, то многие из верующих удостоились видеть, как Ангел Божий, в образе прекрасного юноши, облеченного в белую одежду и препоясанного золотым поясом, сопровождал святого Маркелла и поддерживал его под руку; видели же это во все то время, когда он шел с народом и когда возвращался назад, вплоть до дверей своего жилища. Доведя его до дверей, Ангел стал невидим. Отсюда явствует, сколь любим был Богом блаженный отец наш Маркелл, ибо Он посылал Ангелов Своих для служения Маркеллу, чтобы водить и охранять его в пути. И сбывались на нем слова Писания: *Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих* (Пс. 90, 11).

Шестьдесят лет прожив в иноческом подвиге, преподобный Маркелл приблизился наконец к блаженной кончине своей. И сравнялся он с пророками — прозорливостью, с патриархами — верою и несомненным упованием на Бога, с мучениками — повседневным умерщвлением тела; он уподоблялся Боговидением пророку Моисею, ко-

---

[1] Память ее — 16 сентября.

[2] *Зинон* царствовал с 474 по 476 год.

торому был равен и благодатию, кротостию — Давиду, ревностью в вере — апостолу Петру, девством и Богословием — Иоанну, благодатию же исцелений — всем апостолам, ибо он был для всех источником исцелений и рекою чудесных благотворений. Когда преподобный лежал на одре болезни, множество иноков со слезами окружали его. В числе их был некто, именем Лукиан, знатного происхождения, презревший все мирское, вступивший на путь иночества и более иных преуспевший в добродетельном житии; плача сильнее других, он молил святого, чтобы тот не оставлял его без своего руководства, как без кормчего, бедствовать в море здешней жизни, посреди волн искушений, но взял бы его с собою. Воззрев на него, преподобный сказал:

— Дерзай, чадо, ибо вскоре после моего отшествия и ты пойдешь вслед за мною.

Из окрестных монастырей собрались игумены и братия, а из царского града пришли святители и вельможи посетить болящего и дать ему последнее целование. Преподобный же подавал каждому надлежащее наставление и много беседовал с ними о пользе души и о вечной жизни. Затем он велел им на время отойти от себя, как бы показывая этим, что желает немного уснуть. Когда же все отошли, он уснул блаженным и вечнопокойным сном, предав в руки Божии свою святую душу[1]. Погребли его в церкви, построенной им же самим. Блаженный же Лукиан неотступно плакал на его гробе, и вот в пятый день явился ему в видении преподобный и сказал:

— Что ты скорбишь? Разве не веришь, что я умолил о тебе Бога и ты немедленно же будешь со мною?

На третий день после этого видения Лукиан почил о Господе, пережив своего отца и наставника на восемь дней. Так, и по преставлении своем, исполнил преподобный Маркелл свое пророчество, скоро взяв к себе, согласно обещанию, любимого ученика своего Лукиана, и предстал со святыми, с которыми сравнялся добродетельною жизнию, Святейшему всех святых Владыке своему, в вечной радости и веселии, которых и мы да сподобимся его молитвами, благодатию же Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки. Аминь.

---

[1] Преподобный Маркелл скончался около 486 года.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ
МАРКА ПЕЩЕРНИКА и ФЕОФИЛА ПЛАЧЛИВОГО

О времени, когда подвизался блаженный Марк, лучше всего свидетельствует то событие, что при нем были перенесены из пещеры во святую великую церковь честные мощи преподобного отца нашего Феодосия[1]. По принятии святого ангельского образа блаженный Марк поселился в пещере и жил в ней, занимаясь тем, что выкапывал руками своими много помещений, не только для упражнения в молитве[2], но и для погребения усопших братий, причем вырытую землю выносил на своих плечах. Так трудился он непрестанно в этом богоугодном деле, ожидая великой награды на небесах, но не желая получать ее на земле; ибо когда кто-нибудь принуждал его взять какую-либо вещь за его труд, то он тотчас же отдавал полученное бедным. Кроме того, блаженный опоясался железным поясом, который и носил в течение всей своей жизни, день и ночь проводя в молитве. Вместе с непрестанной молитвой блаженный Марк соединял и строгий пост; так как и Сам Господь сочетал пост с молитвой[3]; поэтому преподобный даже воду пил умеренно из медного креста, который внутри был пустым, измеряя ее этой праведной мерой. Таким образом он окончательно победил исконного врага рода человеческого «похотствующего на дух»[4], умертвил плоть свою — и не только заключением, но и трудом и оковами, воздержанием от сна и голодом, не только безмолвием в темной пещере, но и копанием земли, и железным опоясанием, бдением и постом. Пребывая в ангельском образе, святой и на деле явил себя как бы бесплотным, так что не боялся смерти, а скорее смерть боялась его гласа, как трубы архангельской, ибо преподоб-

[1] Это было в 1091 году, когда мощи преподобного Феодосия были перенесены из пещеры в церковь Успения Богородицы. Православная Церковь празднует это событие 14 августа.

[2] У иноков Печерского монастыря был обычай удаляться в пещеры для уединенной молитвы. Для этого вырывали в стенах пещер углубления, которые и доселе можно видеть в пещерах.

[3] Как это можно видеть из слов Господа Иисуса Христа об изгнании бесов: *сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21).

[4] То есть всегда желающего противного духу (см.: Гал. 5, 17).

ный отец наш Марк получил от Господа такую силу чудотворения, что и мертвые слушались его повеления, как это и было засвидетельствовано многочисленными чудесами.

Однажды, когда он по обычаю рыл могилу, то изнемог после долгого труда и оставил ее тесной и недостаточно расширенной. Случилось же так, что один инок, болевший перед тем, умер и не было для погребения его другого места, кроме того, которое вырыл Марк. Мертвого принесли в пещеру и с трудом могли уложить в тесную могилу. Тогда братия стали роптать на Марка, что из-за тесноты могилы они не могли как до́лжно положить покойного и возлить на него елей. Пещерник же со смирением кланялся им и говорил:

— Простите меня, отцы, по немощи моей не докончил я могилы.

Но они еще сильнее продолжали упрекать и укорять его. Тогда блаженный сказал мертвому:

— Брат, так как место тесно, то сам подвинься и, приняв елей, возлей на себя.

Мертвый тотчас протянул руку и, немного приподнявшись, принял елей, возлил его крестообразно на лицо и грудь себе и снова возвратил сосуд, а сам, на глазах у всех, возлег, оправил себя и почил.

При виде такого поразительного чуда, всех объял сильный страх и трепет.

В другой раз случилось, что один брат скончался после долгой болезни. Один из его друзей обтер его по обычаю губкою, а потом пошел в пещеру, желая видеть место, где будет положено тело его любимого друга, и спросил об этом блаженного пещерника Марка.

Блаженный же ответил ему:

— Пойди, скажи брату, чтобы он подождал до утра следующего дня, пока я выкопаю для него могилу, и тогда он отойдет в покой вечной жизни.

— Отче, — ответил пещернику брат, — я уже обтер губкою его мертвое тело; кому же ты велишь мне сказать это?

— Ты видишь, что место еще не готово, — снова сказал ему Марк, — и я говорю тебе: пойди скажи умершему: «Так говорит тебе грешный Марк: брат, побудь здесь еще этот день, пока я приготовлю для тебя могилу, и тогда возвещу тебе, и завтра ты отойдешь к желанному тобой Христу».

Брат повиновался и, придя в монастырь, застал всю братию совершающей обычное пение над умершим. Тогда он сказал умершему:

— Брат! Марк говорит, что могила еще не готова для тебя; подожди поэтому здесь до завтра.

Едва он произнес эти слова к удивлению всех, как мертвый немедленно открыл глаза, и душа его вернулась в него. И пробыл он тот день и следующую ночь живым, не говоря ни с кем ни слова, но только взирая открытыми глазами. А утром тот же брат снова пошел в пещеру узнать, приготовлено ли место. Святой Марк сказал ему:

— Пойди скажи ожившему: говорит тебе Марк: «Оставь эту временную жизнь и перейди в вечную; отдай дух твой Богу, тело же твое пусть будет положено здесь в пещере со святыми отцами. Ибо вот уже могила готова для тебя».

Брат, вернувшись, передал все это ожившему; тот немедленно смежил свои очи, предал дух свой в руки Божии и был с честию положен в пещере в приготовленной могиле. И все изумлялись этому преславному чуду — как мертвый ожил по слову блаженного и снова умер по его же слову — и усердно прославили Бога.

В другой раз случилось следующее. Были в том же Печерском монастыре два брата, Иоанн и Феофил, имевшие друг к другу самую сердечную любовь; от дней юности своей они были во всем единомысленны и с одинаковой ревностию служили Богу. Они упросили блаженного Марка вырыть общую могилу для погребения их, когда повелит им Господь умереть. Спустя долгое время старший брат Феофил отлучился куда-то по нуждам монастыря, а младший Иоанн, угодив Богу, заболел, умер и был положен в пещере в приготовленном месте. Через несколько дней Феофил возвратился и, узнав о смерти брата, сильно скорбел. Взяв с собой некоторых из братий, он пошел в пещеру, желая увидать, на каком месте положен усопший. Увидав же, что он положен в их общей могиле на верхнем месте, Феофил пришел в негодование и стал сильно роптать на Марка, говоря:

— Зачем ты положил брата на моем месте, ибо я старше его!

Смиренный же пещерник кланялся ему и говорил:

— Прости меня, брат, я согрешил.

Затем, обратившись к умершему, сказал:

— Брат, встань и уступи это место твоему старшему брату, сам же ляг на нижнем.

И тотчас по слову блаженного мертвый встал и лег на нижнем месте. Все пришедшие с Феофилом видели это чудо и пришли в сильный страх и ужас. Брат же, роптавший на блаженного Марка, упал к ногам его, прося прощения:

— Согрешил я, отче, заставив брата сдвинуться с места, — говорил он, — молю тебя: повели ему снова лечь на прежнем месте.

Но блаженный ответил ему:

— Сам Господь устроил так, что тело этого умершего показало, какую любовь он и по смерти сохранил к тебе, подчиняясь твоему старшинству и удаляясь из верхней части приготовленной для вас обоих общей могилы. Господь устроил так, чтобы прекратить вражду, возникшую между нами из-за твоего ропота, и чтобы ты не имел злобы и вражды ко мне. Воскрешать же мертвых — дело Божие; а я человек грешный и поэтому не могу сказать этому умершему: восстань и ляг снова на верхнем месте. Повели ему ты: не послушает ли он тебя? Знай также и то, что надлежало тебе уже больше не выйти из пещеры, чтобы немедленно наследовать свое старшинство и сейчас же быть положенным здесь. Но так как ты еще не готов для исхода, то пойди, позаботься о спасении твоей души и, спустя несколько дней, будешь принесен сюда.

Услышав это, Феофил стал сильно скорбеть, полагая, что тут же упадет и умрет, и даже не надеялся дойти до монастыря. С трудом придя в себя, он вернулся в свою келию и предался неутешному плачу. Он роздал все свои вещи, оставив себе только рубашку и мантию. Каждый день ожидал он смертного часа, и никто не мог удержать его от горького плача; хотевшие же утешить повергали его в еще большие рыдания. И никогда не могли принудить его отведать вкусной пищи: слезы его день и ночь служили ему хлебом (см.: Пс. 41, 4). Когда наступал день, он омывал лицо свое слезами и говорил:

— Не знаю, доживу ли до вечера.

Когда же наступала ночь, он снова омрачал слезами свет очей своих, говоря:

— Кто знает, доживу ли до утра! Многие, восстав утром от сна, не достигли вечера или другого сна, кроме смерти; и многие, уснув, не

вставали со своего ложа. Как же могу надеяться остаться в живых я, получивший извещение, что мне скоро предстоит скончаться?

И непрестанно плача и постясь, он молился, да подаст ему Господь, по неизмеримой щедрости Своей, время покаяния. Поступая так в течение многих лет, он в такой степени изнурил свою плоть, что можно было сосчитать его кости, и от многих слез лишился зрения.

Преподобный же отец наш Марк, провидев час отшествия своего ко Господу, призвал Феофила и сказал ему:

— Прости мне, брат, что я причинил тебе такую тяжкую печаль, и моли Бога о мне, ибо вот я уже ухожу из этого мира. Если же буду иметь дерзновение, не забуду молить о тебе Господа, чтобы Он сподобил нас обоих узреть Его пресвятое Лицо, увидеть там друг друга и пребывать вместе с преподобными отцами нашими, Антонием и Феодосием Печерскими.

Феофил же со слезами ответил ему:

— Зачем ты покидаешь меня, отче? Или возьми меня с собою, или подай мне здесь прозрение. Знаю, что по грехам моим я пал бы мертвым в пещере перед тобою, когда ты воскресил умершего брата моего; но, ради святых молитв твоих, Господь пощадил меня, ожидая моего покаяния. И ныне ты можешь даровать мне то, о чем молю тебя: чтобы мне или отойти с тобою ко Господу, или прозреть.

— Не скорби, брат, — ответил ему преподобный Марк, — что ты ослеп телесными очами Господа ради, ибо духовными очами ты прозрел и имеешь истинный разум, и я считаю за благо быть виновником твоего ослепления: я предрек тебе смерть, желая полезного для души твоей, и желая привести в смирение твое плотское высокоумие, ибо *сердца сокрушенного и смиренного* (а не хвалящегося старшинством) Бог не презрит (см.: Пс. 50, 19). Поэтому нет тебе нужды видеть этот кратковременный свет, но проси у Господа, чтобы узреть тебе славу Его в присносущном свете. И не желай смерти: она наступит, хотя бы и против твоего желания. Но да будет тебе это знамением твоего отшествия: за три дня до твоей кончины исцелится твоя слепота, и ты зрячим отойдешь ко Господу и узришь там нескончаемый свет и неизреченную славу.

Оставив такое пророчество о кончине Феофила, преподобный отец наш Марк и сам окончил о Господе свою временную жизнь на земле и перешел в жизнь вечную на небесах, с Самим Первоначальником воскресения[1] Иисусом и со всеми святыми пророками, как повелевавший мертвыми и пророчествовавший. Чудотворные мощи его положены в пещере, где он сам ископал себе могилу, и подают неоскудевающие исцеления всем с верою притекающим к его честной раке; тут же лежат и железные вериги, которые носил на себе преподобный, и медный крест, из которого он пил воду и который он столь освятил своими устами, что сообщил ему чудотворную силу. Ибо кто только с верою и постясь приходит и пьет святую воду из этого честного креста, — все получают чудесное исцеление, вернее, чем от каких-либо врачебных вод.

Блаженный же Феофил удвоил свои рыдания, горько плача и о разлуке с отцом и наставником своим, преподобным Марком, и о своей кончине, которую ожидал каждый день. Вспоминая пророчество пещерника, он проливал источники слез, но они у него от этого только умножались. Был у блаженного Феофила такой обычай: когда он упражнялся в молитве и у него текли обильные слезы, то он подставлял сосуд, над которым и плакал, и за много лет он наполнил его слезами доверху. Вскоре снова вернулось к нему зрение, согласно обещанию преподобного Марка. Тогда Феофил уразумел, что близка его кончина. Поэтому он начал усердно молиться Богу, чтобы угодны были Ему его слезы, и, воздевая руки к небу, говорил так:

— Владыка человеколюбец, Господи Иисусе Христе, Боже мой! Не хотящий смерти грешников, но ожидающий обращения их, ведающий немощи наши, Царь пресвятой, Утешитель благой, здравие болящих, спасение грешных, укрепление изнемогающих, восстание падающих, молюся Тебе в час сей! Удиви на мне недостойном милость Твою, приими излияние горьких слез моих! Излей на меня неисчерпаемую пучину благоутробия Твоего и соделай так, чтобы не подвергнуться мне искушению в воздушных мытарствах[2] и не под-

---

[1] То есть положившим начало воскресения, первым воскресшим.

[2] *Мытарство* собственно значит: мытница, где собирались пошлины; отсюда, далее, — место лихоимства, притеснений. В духовном смысле под именем мы-

пасть под власть князя тьмы, ради молитв великих угодников Твоих, преподобных отцов наших, Антония и Феодосия Печерских, и всех святых, от века Тебе благоугодивших.

Когда произнес блаженный Феофил эту молитву, Ангел Господень предстал ему во образе прекрасного юноши и сказал:

— Хорошо молишься ты, Феофил, но зачем превозносишься количеством собранных тобою слез?

И Ангел показал ему свой сосуд, гораздо бóльший сосуда Феофила, исполненный благоухания, как бы от многоценного мира.

— Вот слезы твои, — сказал при этом Ангел, — которые ты излил от сердца в молитвах к Богу и отер рукой, или полотенцем, или одеждой или же которые упали из глаз твоих на землю. Я собрал их все в этот сосуд и сохранил по повелению Владыки и Творца моего. И ныне я послан возвестить тебе радость, чтобы ты с веселием отошел к Сказавшему: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5, 4).

Произнеся это и оставив на месте сосуд, Ангел стал невидим. Блаженный же Феофил, призвав игумена, рассказал ему о явлении Ангела и о словах Его, а также показал и оба сосуда, наполненные слезами: один — свой, а другой — ангельский, издававший благоухание лучшее всех ароматов, и просил по преставлении своем излить их на его тело. На третий день по прозрении он отошел ко Господу для созерцания Пресвятой Троицы. Честное тело его положили в пещере, рядом с любимым им братом, блаженным Иоанном, близ преподобного Марка. И помазали его из сосуда ангельского, отчего вся пещера наполнилась благоуханием. Потом возлили на него и другой сосуд слезный, чтобы сеявший на земле со слезами пожал на небе с радостию (см.: Пс. 125, 5). Эту радость он и получил ходатайством преподобного наставника своего Марка пещерника и чудотворца, благодатию же Бога всякие утехи, Которому, в Троице восхваляемому, подобает всякая слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

тарств разумеются истязания души по исходе из тела, прежде суда Божия над ней, производимые в воздушном пространстве злыми духами.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ФАДДЕЯ ИСПОВЕДНИКА[1]

Преподобный Фаддей жил во время господства иконоборческой ереси. Когда он, вместе с другими, был схвачен и приведен на суд, то злочестивые иконоборцы хотели принудить его попрать ногами святую икону, но не могли этого сделать. Поэтому они поступили так: положили на землю икону Спасителя, а святого Фаддея насильно поставили на нее, и хотя он весьма сильно упирался, однако против воли вынужден был наступить на святую икону, будучи поставлен на нее сильными мужами. Тогда мучитель сказал ему:

— Вот, ты попираешь икону Христа своего, зачем же более противишься нам? Теперь уже надлежит тебе стать единомышленным с нами.

Но исповедник Христов ответил ему:

— Проклятый и злочестивый и исполненный всякой нечистоты! Не по своей воле сделал я это: да не будет этого, но принужден был насильно твоим коварством и неправедным судом. Я же поклоняюсь иконе Христа Бога моего, и целую ее и желаю с радостью умереть за нее.

Посрамленный этими словами, нечестивый мучитель повелел бить святого палицами, пока он не умрет. И когда решили, что он уже умер, то за ноги извлекли его из города. Влачимый, как мертвый, по торжищу и по грязи, святой Фаддей был брошен под городскою стеною. Некто из благочестивых христиан нашел его там и омыл, еще дышавшего, от грязи. После этого святой Фаддей прожил еще три дня и предал дух свой Богу[2].

[1] *Исповедниками* называются те лица, которые во время гонений за веру открыто исповедали себя христианами и претерпели мучения, но остались в живых. Они пользовались особым уважением среди христиан: так, им было предоставлено право ходатайства о воссоединении с Церковью падших и отрекшихся.

[2] Преподобный Фаддей Исповедник скончался в 818 году.

День тридцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
АНИСИИ ДЕВИЦЫ

В царствование нечестивого императора Максимиана[1] жила в славном городе Солуни[2] одна отроковица, по имени Анисия, дочь богатых христианских родителей, воспитывавших ее в страхе Божием, так что добродетелями она возрастала скорее, нежели летами, ибо родители вскармливали ее более истинами веры и благочестия, нежели молоком. Когда миновали ее младенческие годы и Анисия выросла прекрасною отроковицею, родители тщательно обучили ее всей книжной премудрости. Одаренная разумом, Анисия быстро и легко усвоила все и являла на деле достойные плоды учения. Исполненная Духа Божия, она обладала воистину ангельским нравом, лицо же ее светилось несравненной красотой. В это время она редко выходила из дому и, скрывая в горнице свою юную красоту, часто с прискорбием говорила себе:

— О обманчивая жизнь юности, погубляющая одних и погубляемая другими! Хороша старость, но увы мне! Скорбью исполняет меня долгота времени, ибо долгие годы придется дожидаться ее, долгие годы отделяют меня от неба!

---

[1] *Император Максимиан* царствовал с 284 по 305 год.

[2] *Солунь*, или *Фессалоника*, — весьма значительный, древний город Македонии, лежавший в глубине большого Солунского, или Фермейского, залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый и мануфактурный город в Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

И Анисия никогда не переставала призывать на помощь Христа, преклоняя колена и проливая на землю обильные слезы. Когда родители ее отошли ко Господу и она сделалась наследницей отцовского имущества, то стала размышлять, чтобы ей сделать со своим богатством. Ибо родителями ее были собраны великие сокровища серебра и золота, обширные имения, громадные стада, бесчисленное множество рабов и рабынь, многоценные шелковые и златотканые одежды, золотая утварь, украшенная жемчугом и драгоценными камнями и сияющая великолепием. Увидев все это, святая Анисия сказала:

— Как спастись посреди стольких богатств земных? Как наступить на главу древнего змия — диавола и преодолеть его силу? Но я знаю, что сделать: я употреблю против змия змеиную же хитрость. Как сам он ежегодно обновляется, совлекая с себя свою ветхую кожу, так и я избавлюсь от своих богатств. Ибо они наносят сильный вред употребляющим их во зло и поражают неисцелимым ядом всех собирающих их, скупых же и немилостивых связывают своими оковами и сетями. Стяжание поместий приучает к гневу и накопляет богатства обманом и неправедной мерой, многоценные одежды научают тщеславной поступи и вовлекают в грех; золотые цепи и ожерелья заставляют горделиво поднимать голову, ибо желают, чтобы люди их видели и восхваляли. Вот как я с ними поступлю: буду их естественною госпожою, прежде чем они получат неестественное господство надо мною. Стану воистину госпожою их и расточу их во благо, уклоняясь вместе с тем и от порождаемых ими искушений. Я найду для них крепкую охрану: вложу их, как в сокровищницу, в дома вдовиц, сирот и нищих. И верен поручитель мой, Господь, Который воздаст мне не вдвойне только, но сторицею и соделает меня участницей вечной жизни. Раздам все, чтобы все получить в целости, умноженное во стократ, и, раздав, возьму крест Христов. Ибо тогда мне легко будет последовать Христу, оставив на земле земное, чтобы пожить с Ангелами на небесах. Лучше избежать жизни пагубной и нечистой и возжелать жизни непрехо-

дящей и подвигов духовных. Переменю временное на вечное: почту нетленный брак, пребуду в целомудрии и сохраню для Создателя чистым свое тело. Ныне надобно творить куплю, пока есть торжище. Гонения и преследования пусть исходатайствуют мне награду на небесах. Мучители и муки пусть откроют мне доступ к райским утехам, раны же и темница пусть введут меня в чертог Христов; ибо не одни только мужи получают воздаяния, но и жены сподобляются венцов.

Так говорила она в себе и молилась со слезами:

— Господи, Иисусе Христе! Свет мой! Источник бессмертия! Корень нетления, неизреченно зачатый в девственной утробе и по рождестве сохранивший нетленной Пречистую Твою Матерь! Благой Господи, соделай, чтобы и я вошла в лик девственниц и не была отлучена от чертога Твоего! Включи меня в число мудрых дев (см.: Мф. 25, 1–12) и сподоби встретить Тебя с неугасимым светильником, да буду причастницей славы Твоей, непорочно совершив свой подвиг!

Помолившись так, святая Анисия тотчас же продала все свое имущество, и притом не по той цене, какую оно стоило, и не так, как бывает обыкновенно при рыночных продажах и куплях. Ибо она говорила покупщику:

— Знай, что продаваемые вещи принадлежат нищим и убогим. Поэтому назначь справедливую цену, чтобы получить вместе также и некое воздаяние, ибо праведен Господь и любит правду и воздает по правде.

Когда было продано все имущество, она стала раздавать вырученные деньги нищим и страждущим в заключении. Входя сама во все темницы, святая не только подавала все нужное, но и служила собственноручно узникам, в особенности тем, которые после многих мучений и ран не могли послужить себе сами. Таковых она лечила, помазуя мазями и перевязывая их раны, утешала скорбевших, посещала лежавших на одре болезни и помогала им от своих богатств; обходила площади и улицы и щедрою рукою подавала обильную помощь всем нищим и больным, лежащим на гноище, каких только находила. При этом она говорила себе:

— Не буду я искать утех и наслаждений в богатствах, которые в день суда не сравняются даже с каплей воды.

Когда же Анисия истратила все до последней монеты, ничего не оставив для себя, то она затворилась в некоей горнице и собственноручным трудом стала добывать необходимую для тела пищу, в поте лица своего вкушая хлеб свой, следуя словам апостола: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3, 10), ибо христианам подобает питаться от труда рук своих. Подвизаясь в молитвах и посте, Анисия жила подобно бесплотной. Привыкнув к подвигам и суровой жизни, она дни проводила в трудах и чтении Божественных книг, а ночи — в псалмопении и молитвах. Ложем ей служила земля, вместо мягкой постели у нее была единственная тростниковая подстилка, вместо теплых одеял — худые рубища; спала она очень мало, ибо говорила себе:

— Не безопасно мне спать, когда враг мой бодрствует.

При этом святая проливала обильные слезы, и воздыхания ее были многочисленнее слов, исходивших из ее уст. В такой степени объята была она Божественной любовью, что когда преклоняла колена на молитву, то ей казалось, что она припадает к ногам Спасителя и лобызает их и волосами своими отирает прах с ног Господних[1]. Эта мысль порождала в ней источники слез, подобно тому, как некогда плакала та, которая слезами омыла ноги Владыки и власами главы своей отерла их (см.: Лк. 7, 36–50); и было у нее непрестанное желание освободиться от уз тела и жить со Христом. И она, молясь, ударяла себя в грудь и говорила:

— Всемогущий Господи, Боже, Отче Единородного Сына Твоего Иисуса Христа, Господа и Бога и Спасителя нашего, сидящий на престоле славы Твоей! Ты, Которому служат тысячи тысяч Архангелов и Которому предстоят тьмы тем[2] повинующихся повелению Его Престолов, Господств, Начал и Властей, которого хвалят Херувимы и непрестанно славословят Серафимы[3], вопия Трисвятую песнь! Ты, погрузивший в адские бездны возмутившихся против Тебя духов и связавший нерушимыми оковами лишившегося Твоей благодати змия, низвергший престол его на землю, лишивший его небесного служения, и блаженной жизни и позором креста поправший

---

[1] Служба святой Анисии, вторая стихира на «Господи, воззвах».

[2] *Тьма* — десять тысяч.

[3] *Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы* и *Ангелы* — чины ангельские, которых святая Церковь насчитывает всего девять.

его гордыню! Ты, пославший нам из непорочных недр Твоих Бога слова, предвечного Спасителя душ наших, рожденного от Духа Свята и Марии Девы, и Им взыскавший погибшее, утвердивший немощное, и исцеливший сокрушенное! Тебя призываю всем сердцем моим, смиренная и грешная раба Твоя. Ты, ведающий помышления каждого человека, возжегший в сердце моем горячую любовь к Тебе, прииди и спаси меня, недостойную рабу Твою, ибо Тебя желаю, Тебя ищу и к Тебе прилепляюсь всей крепостью моею. Господи Боже Сыне, приими молитву мою, приносимую Тебе сердцем сокрушенным и духом смиренным. Не презри меня, о Иисусе Христе, за которую был Ты пригвожден ко кресту, ударяем по ланитам и за которую испил желчь с уксусом, вкусил горькую смерть, в третий же день воскрес из мертвых и вознесся на небеса и седишь одесную Отца: не посрами меня и не отринь меня из числа рабынь Твоих, но сподоби меня христианской кончины, по образу святого Креста Твоего! Соделай меня участницей страданий Твоих, да буду достойна явиться пред лицо Твое. Соблюди меня верной Тебе! *Пригвозди страху Твоему плоти моя, от суде́б бо Твоих убоя́хся* (слав. Пс. 118, 120), *отврати очи мои, чтобы не видеть суеты* (Пс. 118, 37), но *открой* их, молю Тебя, *и увижу чудеса закона Твоего* (Пс. 118, 18). Тебе предана я от чрева матери моей, Ты Господь мой! *ибо отец мой и мать моя оставили меня* (Пс. 26, 10), Ты же, Господи, воспринял меня. Правыми соделай пути мои, да не исполнится стыда раба Твоя, но *покажи на мне знамение во благо* (Пс. 85, 17) и исполни прошение мое, ибо *пред Тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от Тебя* (Пс. 37, 10). И снова молюсь Тебе, Боже Отче, помоги мне, да не обрящется греха на мне, рабе Твоей; ибо Тебе приношу себя в жертву. Прими же меня, как всесожжения овец и тельцов, и как тьмы тучных агнцев, да будет жертва моя пред Тобою. И сподоби меня последовать Агнцу Твоему непорочному, Иисусу Христу, с Которым да будет Тебе, со Святым Духом, слава, честь и сила во веки веков, аминь.

Помолившись так, святая Анисия встала и осенила себя крестным знамением. Все это видя лукавый враг рода человеческого, не мог вынести ее ангельской и небесной жизни. Он узрел ее уже пребывающей духом на небесах и всем сердцем желающей пострадать за Христа и скрежетал зубами своими на нее и покушался по-

колебать и опрокинуть ее горницу; но, видя ее повсюду огражденной крестным знамением, он отбегал, как бы гонимый невидимыми ударами. Однако иногда ему удавалось внушить святой леность и уныние, но она немедленно сокрушала его коварство, ограждаясь, как стеной, непрестанной молитвой. И враг истины скорбел и говорил себе:

— Увы мне окаянному! Ангелов совлек я за собою с небес, многих сильных покорил я, а ныне юноши и отроковицы смеются надо мною. Они любят смерть больше жизни и, увенчанные ею, текут к небесам и оставляют мне мир этот пустым. Утешала меня кровь убиваемых мучеников, но их вера и подвиги и проповедь их изменили целые города и народы. Храмы мои разрушаются, прорицалища умолкают, жертвенники ниспровергаются, жрецы, веселившиеся раньше, приходят в уныние. На погибель мою, всюду водружается крест и царство мое приходит в упадок, ибо радостные в муках страшны в гробах: они жгут меня, бьют и прогоняют отовсюду; а то, что было мною изобретено против них, обратилось на еще горшую беду мою. Но я знаю, что сделать с ними: я нашел одну новую хитрость.

И тотчас же враг выдумывает следующее: желая похоронить в пыли забвения славу святых мучеников, чтобы не помнили о них последующие поколения, сделать безвестными их подвиги и лишить описания, завистник устроил так, чтобы христиане избивались повсюду без суда и испытания, уже не царями и военачальниками, но самыми простыми и последними людьми. Всезлобный враг не разумел, что Бог требует не слов, а только доброго произволения.

Погубив великое множество христиан, Максимиан, по диавольскому наущению, притворился как бы изнемогшим. Вдоволь насытившись кровью неповинных, он уподобился кровожадному зверю, который, когда уже пресытится мясом и более не хочет есть, то кажется как бы кротким и пренебрегает мимоходящими животными, — так и этот нечестивый мучитель, получив отвращения к убийству, притворился кротким. Он говорил:

— Недостойны христиане того, чтобы их умерщвлять перед царскими очами. Какая нужда испытывать и судить их и записывать их слова и деяния? Ибо эти записи будут читаться и передаваться из рода в род теми, которые исповедуют ту же христианскую веру, и

память их будет праздноваться затем вовеки. Почему же мне не повелеть, чтобы их заклали, как животных, без допроса и записей — так чтобы и смерть их была безвестной, и память о них погибла в молчании?

Приняв такое решение, нечестивый царь тотчас же издал повсюду повеление, чтобы всякий желающий мог убивать христиан без боязни, не опасаясь ни суда, ни казни за убийство. И стали избивать христиан без числа ежедневно и во всех странах и городах и селах, на площадях и дорогах. Всякий встречавший верующего, как только узнавал, что он христианин, тотчас же, не говоря ни слова, ударял его чем-либо или пронзал ножом и разрубал мечом или другим каким-либо случившимся орудием, камнем или палкой, и убивал, как зверя, так что исполнились слова Писания: *за Тебя умерщвлят нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание* (Пс. 43, 23).

В это жестокое для христиан время святая Анисия, горящая в сердце желанием умереть за Христа, вышла однажды из своей горницы, побуждаемая духом, и намеревалась идти ко храму Господню. Входя в так называемые Касантриотийские ворота, она услышала шум в народе. Нечестивые праздновали в этот день праздник солнца и приносили свои нечистые жертвы. И вот, один из царских воинов, шедший навстречу, увидев прекрасную деву, святую Анисию, остановил ее, наущаемый самим диаволом, и сказал:

— Остановись, девица, и скажи мне, куда ты идешь?

Видя его бесстыдство и дерзость и полагая, что это вражие искушение, она на глазах его оградила себя крестным знамением. Но воин не устыдился целомудренного молчания девы, а почитая его за бесчестие для себя и выражение презрения, подобно зверю, схватил ее, как волк хватает овцу, ибо воистину он был лютее зверя, и грозным голосом спросил ее: кто она и откуда идет? Желая освободиться от его рук и дерзких, устремленных на нее взглядов, агница Христова попыталась избавиться от него кротким ответом и сказала:

— Я — раба Христова и иду в церковь.

Но бесстыдный воин, побуждаемый бывшим в нем бесом, возразил ей:

— Не пущу тебя, но поведу тебя в то место, где приносят жертвы богам нашим, ибо сегодня мы почитаем празднеством солнце.

Говоря это, он пытался насильно снять покров, бывший на голове ее, желая совершенно открыть ее лицо, но она мужественно сопротивлялась ему и не позволяла открыть себе главу, но плюнула ему в лицо и произнесла:

— Да запретит тебе, диавол, Господь мой Иисус Христос!

Тогда воин, не вынося имени Христова, обнажил бывший при нем меч и, ударив ее в бок, пронзил насквозь. Святая дева упала на землю и вместе с излившеюся кровью предала свою святую душу в руки Христа Бога своего, Которого любила и умереть за Которого усердно желала во все дни своей жизни. Видевшие это прохожие обступили ее уже мертвую и лежавшую в крови, и одни оплакивали ее юные лета и жестокую кончину, другие же роптали на безбожного царя, издавшего такой суровый закон, чтобы губить невинных людей. Некоторые из верующих взяли ее честные мощи и, с честью убрав их, погребли в двух верстах от врат Касантриотийских, с левой стороны от народного пути. Впоследствии над местом погребения Анисии был выстроен молитвенный дом. Произошло это в те времена, когда на земле владычествовал Максимиан, над верующими же царствовал в бесконечные веки Господь наш Иисус Христос, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ФИЛЕТЕРА

Однажды, когда Диоклетиан прибыл в Никомидию, ему было сообщено об одном христианине. Царь тотчас же послал за ним, приказав привести его к себе, и при виде его пришел в изумление: святой был высок ростом и весьма красив. Потому Диоклетиан назвал его богом, а не человеком. И сказал ему царь:

— Скажи нам — откуда ты? И как тебе имя? И какого ты происхождения?

Святой ответил:

— Я родился и воспитывался здесь, в Никомидии, сын епарха, по вере христианин и живу с христианами.

Подозвав его к себе поближе, царь хотел сначала подействовать на него ласковою речью, произнося в то же время хулы на Господа нашего Иисуса Христа. — Святой отступил от богохульника и, возведя очи свои к небу, сказал:

— Да заградятся уста того, кто дерзает хулить Христа моего, пусть то будет царь или кто иной.

И тотчас произошло землетрясение и послышался страшный гром, так что царь и окружающие его затрепетали. После того Филетер брошен был в раскаленную печь. Но святой помолился, — и печь рассыпалась, огонь погас, и он вышел невредимым. Царь же под влиянием только что совершившегося чуда, а также по вниманию к его красоте и знатности рода, даровал ему свободу идти куда хочет.

Впоследствии, когда в Никомидии царствовал Максимиан[1], святой опять оговорен был пред царем: и опять, представ царю, он исповедал Христа Бога нашего, Творца всего мира и Промыслителя. За это прежде всего начали бить его палками: мучители исполнители казни в своем усердии доходили при этом до совершенного изнеможения, так что сами падали на землю едва живыми, а святой, казалось, не ощущал никакой боли, как будто страдал не он, а кто-то другой: так укреплял его Христос. Потом он был повешен и подвергнут строганию; затем бросили его на растерзание зверям, но звери только валялись у ног святого; насильно ввели его в капище, чтобы там заставить поклониться идолам, но мученик вознес молитву к Богу, и идолы распались и ниспроверглись на землю. Тогда царь дал повеление умертвить святого мечом, но у слуги, который схватил его, рука тотчас иссохла; такая же участь постигла и другого исполнителя царского приказа: как только занес он руку с мечом над головою святого, чтобы отсечь ее, рука его отнялась. После того мученик посажен был в темницу и закован в цепи. И так как он не обнаруживал ни малейшей склонности к покорности, то царь осудил его на изгнание в Проконнис[2], куда он, связанный, и был отправлен. На пути он совершил немало чудес: изгонял бесов, очищал прокаженных и врачевал всякие иные болезни; одним своим словом ниспроверг идолов; прикоснулся к идольскому великолепно построенному

---

[1] *Максимиан II Галерий*, зять и преемник императора Диоклетиана, царствовал в восточной половине Римской империи с 305 по 311 год.

[2] *Проконнис* — остров на Мраморном море, ныне Мармара.

капищу, и оно распалось до основания. Все эти чудесные знамения и особенно последнее — разрушение капища — многих расположили к вере во Христа, в том числе и шестерых воинов с их начальником, которым велено было отвести святого в ссылку.

Когда мученик и сопровождавшая его стража дошли до Сигрианских стран[1], где святой также совершил много чудес, окружавшие его сказали, что здесь вблизи находится некоторый человек, по имени Еввиот[2], христианин, который претерпел многие и жестокие страдания за Христа от князя, но остался невредим и творит великие чудеса. Слыша об этом, святой Филетер решился зайти и повидаться с Еввиотом. В это время блаженному Еввиоту явился Ангел Господень и сказал:

— Выйди из кельи своей и иди на некое место в сретение Филетера, сострадальца твоего.

Отшельник тотчас же вышел из кельи и начал сходить с горы, на которой обитал. Между тем Филетер, по указанию одного поселянина, направляя путь свой навстречу Еввиоту, начал восходить на Сигрианскую гору вместе с начальником и шестью воинами, уверовавшими и крестившимися, и желавшими не разлучаться с ним. Пройдя немного, они встретили блаженного Еввиота, сходящего к ним, и, приветствуя друг друга, исполнились взаимной радости. Веселясь духовно, взошли все они на гору в жилище святого Еввиота и пробыли там вместе семь дней. И уснул блаженный Филетер сном, которого желал с любовию: преставился к любимому им и возлюбившему его Христу Богу, предав в руки Его дух свой[3]. Блаженный Еввиот похоронил его в месте своего обитания. По прошествии одиннадцати дней скончались и начальник конвоя и шесть воинов, сопровождавшие святого, и все они погребены были близ мощей святого мученика.

---

[1] *Сигрианская страна* — гористая местность около Кизика, в Малой Азии.

[2] Память святого мученика Еввиота — 18 декабря.

[3] Кончина святого мученика Филетера последовала в 311 году.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ЗОТИКА СИРОТОПИТАТЕЛЯ

Преподобный Зотик происходит из знатного и славного рода и родился в городе Риме. С молодых лет он изучил всякую премудрость мирскую и духовную, вследствие чего его приблизил к себе первый христианский император Константин Великий[1]. Когда этот благочестивый государь перенес столицу империи из Рима в Константинополь[2], то блаженный Зотик, вместе с другими приближенными царя, переселился в этот город и здесь был почтен магистрианским саном[3]. Но вскоре, отвергшись мирской чести и суеты, он принял священство. Как Авраам свою кущу, так святой Зотик свой дом открыл для принятия и питания нищих; принимал в странноприимницу лишенных крова, странников и болящих, был истинным отцом для вдовиц, немощных и сирых.

В то время усилилась в городе болезнь — проказа, которая всегда свирепствовала на Востоке. Чтобы прекратить распространение болезни, издан был приказ бросать в море всякого прокаженного. Милосердный Зотик, распаляясь Божественною любовию, отправился к царю и сказал ему:

— О царь! Дай мне, рабу твоему, как можно больше золота, чтобы я мог купить тебе драгоценных жемчугов, блестящих камней для украшений твоих, так как я очень опытен в этих делах.

[1] Император Константин Великий царствовал с 306 по 337 год.

[2] Это было в 330 году, когда последовало торжественное освящение города, который получил название «Нового Рима» вместо прежнего — Византии. Впрочем, это название редко прилагалось к Византии, которая по имени Константина Великого преимущественно называлась Константинополем, то есть городом Константина.

[3] *Магистр* — собственно учитель; но при Византийских императорах это имя означало одну из высших придворных должностей, нечто вроде нынешнего министра Двора.

Царь, любя Зотика, повелел исполнить его просьбу, и этот боголюбезный служитель добра, взяв золото, вышел из царского дворца с веселием и радостию. Для золота он нашел наилучшее употребление: у воинов, которым было поручено епархом брать прокаженных и бросать их в море, святой Зотик посредством золота выкупал несчастных и брал их на свое попечение. Около Константинополя, на противоположном берегу Босфора, на одной горе он построил больницы для прокаженных и там их успокаивал. Так он на прокаженных и больных истратил все золото, данное ему Великим Константином.

Между тем этот благочестивый царь умер, и на царский престол вступил сын его, Констанций[1], который не подражал благочестию отца: он впал в ариеву ересь и преследовал православных. Святому Зотику также суждено было претерпеть страдания от него. По наговору от злобных людей, которые рассказали ему, как Зотик брал у отца его золото для покупки драгоценных камней, — царь призвал Зотика и спросил его:

— Приготовил ли ты жемчуги и другие драгоценные камни для уборов наших, на покупку которых ты взял у державного отца нашего столько золота?

Зотик ответил:

— Приготовь, царь, корабль, и я покажу тебе такое богатство, какого раньше ты не имел.

Потом, переправившись вместе с царем на другой берег, он повел его к больницам и, показывая прокаженных и больных, сказал:

— Вот, царь, прекрасные камни и блестящий жемчуг, которые я добыл для спасения твоего с немалым трудом и дорогой ценой.

Царь разгневался на святого и повелел привязать его к диким мулам и гнать их через поля и дороги. Влекомый мулами по камням, преподобный испытывал тяжкие мучения: все члены его были растерзаны острыми камнями; когда же затем мулы быстро совлекли его с горы, самые кости его сокрушились, и он предал душу свою в руки Господа[2]. А на том месте, где он скончался, истек источник чистой и сладкой воды, и этою водою исцелялись всякие болезни в прославление угодника Божия, во славу и честь Единого в Троице Бога, всеми славимого и поклоняемого вовеки. Аминь.

---

[1] Император Констанций царствовал с 337 по 361 год.

[2] Это было около половины IV века.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ ФЕОДОРЫ КЕСАРИЙСКОЙ

Преподобная Феодора подвизалась в Кесарийской обители святой Анны; жила она в царствование Льва Исаврянина и сына его Константина Копронима[1] и происходила из знатного и славного рода; отец ее, по имени Феофил, имел высокое звание патриция, мать ее называлась Феодорою. Эта последняя, будучи в продолжение многих лет неплодною, сокрушалась и прилежно молилась Богу, особенно же она обращалась с слезной мольбой к Пресвятой Богородице и получила дар, уподобивший ее праведной Анне, матери Богородицы: неплодство Феодоры разрешилось, она зачала и родила дочь. Когда дочь возросла, то мать привела ее в церковь святой Анны, как посвященную Богу от рождения. Отроковица Феодора принята была в монастырь, где и стала жить под добрым руководством благочестивой игумении и была научена Божественным книгам. Между тем богобоязненная, добродетельная жизнь юной инокини нестерпима была для вселукавого беса, который видел в том свое посрамление. И вот внушил он императору Льву иконоборцу мысль выдать замуж непорочную агницу за одного из своих придворных чиновников. Она насильно была взята и, с мучительною скорбью отторгнутая от сестер обители, привезена в Константинополь. Здесь уже все было приготовлено для ее брака; по воле царской, уготован был и брачный чертог. Но конец этого лукавого замысла был неожиданно такой: Бог, наказавший некогда египтянина, обуреваемого похотливым вожделением на Сарру (см.: Быт. 12, 10–20), и низложивший силу Тиридата, покушавшегося на целомудрие Рипсимии[2], спас чудесным образом и Феодору от осквернения через на-

---

[1] *Лев III Исаврянин* царствовал с 717 по 741 год; ему наследовал сын его *Константин V Копроним* (741–775 гг.); эти императоры были первыми иконоборцами.

[2] *Тиридат*, царь Армянский, был в дружбе с императором Римским Диоклетианом; последний избрал было Рипсимию-христианку себе в жены, но она убежала и скрылась в одном из монастырей Армении. Диоклетиан просил Тиридата найти ее и прислать к нему, или же, если пожелает, взять ее себе в жены. Узнав об удивительной красоте Рипсимии, Тиридат воспламенился страстным желанием

сильственный брак. Во время брачного пиршества на столицу сделали нападение скифы[1]; жених тотчас послан был против неприятелей и в первой же схватке погиб. Между тем, среди всеобщего смятения, непорочная агница Христова Феодора, пользуясь представившейся свободой, незаметно для присутствовавших на брачном пиру скрылась и, взяв с собою золото, серебро, драгоценности и одежды, украшенные дорогими камнями, пошла на берег моря, села в корабль и возвратилась в свою обитель, радуясь и за все благодаря Бога. Когда же потом один из царских чиновников, узнав о скрывшейся Феодоре, прибыл в монастырь и нашел ее уже принявшею пострижение и одетою в рубище, то оставил ее, по устроению Промыслителя Бога, в покое. Освободившись таким образом окончательно от своих преследователей, преподобная Феодора подвигами воздержания настолько изнурила свою плоть, что видимы были кости ее через телесные покровы. Пищу ее составлял лишь один небольшой кусок хлеба, и то только в два или три дня. Единственная одежда ее была из грубой шерсти; постель ее была настлана острыми камнями, прикрытыми суровым рубищем: так она соблюдала бдение и во время невольного, тяжелого сна, а часто она проводила и целые ночи без сна. Не довольствуясь этими подвигами, она обложила тело свое железными веригами и настолько изнурила все суставы и телесные члены, что от костей ее исходил смрадный запах. И так в продолжение многих лет процветая всякими добродетелями, перешла она в нестареющую и блаженную жизнь[2].

овладеть ей и послал за ней; но посланные — с богатыми подарками — были поражены громом и возвратились в страшном ужасе. Разгневанный царь отправил целый воинский отряд; Рипсимия была приведена к царю и введена в его опочивальню. Царь пытался сделать над ней насилие, но — победитель готов и персов — оказался не в силах одолеть деву — невесту Христову.

[1] *Скифией* называлась страна, лежащая на северо-востоке и Византии, и побережья Понта (Черного моря).

[2] Кончина преподобной Феодоры последовала во второй половине VIII века.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ ФЕОДОРЫ ЦАРЕГРАДСКОЙ

Преподобная Феодора была родом гречанка, имела большое богатство и жила сначала в христианском супружестве. По смерти мужа она, по заповеди Господней, взяла крест свой и приняла монашеский чин, чтобы следовать за Христом (см.: Мк. 8, 34; Мф. 16, 24). Это было в царствование Романа[1] при жизни преподобного Василия Нового[2], который проживал в доме Феодоры, в нарочито для него устроенной моленной келии, и под руководством которого она проводила благочестивую жизнь. Дожив так до старости, она преставилась 30 декабря. И когда душа преподобной Феодоры, по разлучении от тела, несена была святыми Ангелами, она видела, что преподобный Василий дал им, на помощь ее душе, как бы некий капитал для выкупа, достав из своей пазухи ковчежец.

У того Василия был ученик, по имени Григорий, который молитвенно спрашивал Василия:

— Где пребывает Феодора?

И вот однажды, когда Григорий спал, к нему явился светлого вида юноша и сказал:

— Иди скорее, тебя зовет преподобный Василий, чтобы показать тебе Феодору.

Григорий тотчас восхищен был к вратам рая, потом введен был в места святые, и там увидел он преподобного Василия и Феодору, и все они вместе возрадовались. И спросил Григорий:

— Госпожа Феодора! Как ты претерпела страшный час смерти и как избавилась от лукавых духов?

Она же рассказала по порядку:

— Когда я душою своею разлучилась от тела, то увидела страшных эфиопов, которые показывали мне свиток с начертанием всех моих первых дел и взвизгивали, как свиньи, скрежеща на меня зубами. Потом взяли меня Ангелы и понесли по мытарствам. Первое мытарство было — лживость; второе — клевета; третье — зависть;

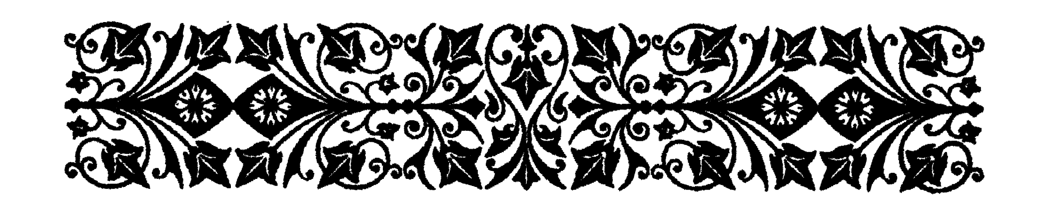
---

[1] *Император Роман I Лакапен* царствовал в Византии с 919 по 944 год.

[2] *Преподобный Василий Новый* пятьдесят лет подвизался в Константинополе и умер около половины X столетия. Память его — 26 марта.

четвертое — ложная обидчивость по самолюбию; пятое — гнев с яростию; шестое — гордость; седьмое — брань и срамословие; восьмое — лихоимство и лесть; девятое — тщеславие; десятое — сребролюбие; одиннадцатое — пьянство; двенадцатое — злопамятование; тринадцатое — чародейство; четырнадцатое — волхвование и употребление талисманов; пятнадцатое — чревоугодие и идолослужение; шестнадцатое — прелюбодеяние; семнадцатое — убийство; восемнадцатое — воровство; девятнадцатое — блудодеяние; двадцатое — немилосердие. И если в каком-либо мытарстве для моего оправдания показание только моих добрых дел было недостаточно, то Ангелы прибавляли к моим добрым делам от дара преподобного Василия. Так я и прошла беспрепятственно все мытарства и была введена в это блаженное место. Если же душа будет грешна, то предается тем эфиопам, а они, терзая, сведут ее в муки.

И тотчас Григорий проснулся и рассказал нам, что́ он видел и что́ слышал в сонном видении. Мы же, слышав то, удивлялись и благодарили великого Бога и Спаса нашего, сподобившего Феодору Своего достояния в небесных обителях.



День тридцать первый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
МЕЛАНИИ РИМЛЯНЫНИ

Как добрые плоды рождаются на добром дереве, так и святая отрасль прозябает от святого корня. Это мы видим на примере преподобной Мелании, которая произошла от благочестивых христианских родителей. Отец и дед ее были в числе высших сенаторов. Придя в возраст, Мелания горячо желала сохранить непорочным свое девство и часто всеми силами умоляла о том родителей. Но так как она была у них единственною дочерью и не было другого наследника бесчисленных их имений и богатств, то, поэтому, когда святой исполнилось четырнадцать лет, они отдали ее, против ее воли, в замужество человеку, равному ей знатностью, именем Апиниану, когогому шел семнадцатый год. Когда брак был заключен, Мелания не рассталась со своею мыслию и желанием — хранить если уже не девство, то чистоту, и всячески склоняла супруга своего к воздержанию, часто увещевая его и говоря со слезами:

— Как бы счастливы были мы, если бы вместе прожили в чистоте, в юности нашей работая Богу без плотского сопряжения, — чего я всегда желала и желаю! Тогда мы проводили бы с тобою прекрасную богоугодную жизнь. Если же твоя страсть, столь свойственная юности, одолевает тебя и препятствует тебе исполнить мою просьбу, так что ты не можешь победить плотских желаний, — то оставь меня и не будь препятствием моему желанию. В выкуп за себя я предоставляю тебе все мои богатства, рабов и рабынь, сокровища, золото и серебро и другое бесчисленное имущество. Владей

всем этим, только дозволь мне быть свободной от плотского соединения.

Выслушав такие слова, Апиниан не отказал ей в исполнении ее желания совершенно, но не дал ей и полного согласия, а только ласково сказал:

— Этого не может быть до тех пор, пока у нас не будет наследника нашим имениям. Когда же у нас родится такой наследник, тогда и я не отстану от твоего доброго намерения, ибо нехорошо, если жена опережает мужа в добром деле и стремлении к Богу. Подождем, пока Бог не даст нам плода нашего супружества, и тогда согласно приступим к жизни, к какой ты стремишься.

Мелания согласилась с этим намерением мужа, и вот Бог послал им дочь. По рождении ее Мелания дала за нее обет девства, как бы платя свой долг: она желала, чтоб дочь ее соблюла то, чего сама она не могла соблюсти, выданная против воли замуж.

Потом, готовясь к иной жизни, она стала приучать себя к воздержанию и умерщвлению тела: постилась, лишила себя всякого угождения плоти, не хотела носить красивых одежд и драгоценных женских украшений, не ходила в баню. А когда муж или родители убеждали ее пойти в баню, то она не обнажала своего тела и выходила оттуда, омыв только лицо, причем запрещала рабыням говорить кому-нибудь о том и делала им подарки, чтобы они молчали. При этом она потребовала от мужа исполнения его обещания.

— У нас уже есть, — говорила она, — наследница нашему состоянию. Будем же обходиться без брачных отношений, как ты обещался.

Но он не послушал жены.

Мелания, видя его несогласие, замыслила тайно бежать в неведомую страну, оставив отца, мать, мужа, ребенка и все богатство: так сильно она была охвачена стремлением к Богу и желанием жить

в чистоте. Она сделала бы это немедленно, если б ее не удержали советы некоторых благоразумных людей, которые напомнили ей следующее апостольское слово: *вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем*, и еще: *почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?* (1 Кор. 7, 10, 16). Итак, удержанная мыслию о спасении мужа, она отказалась от своей мысли о бегстве. Однако ей тяжело было исполнять супружеский долг. Она тайно носила на теле жесткую власяницу, и лишь когда знала, что останется с мужем наедине, тогда снимала ее, чтобы муж не узнал о такой ее жизни. Но как-то узнала об этом сестра ее отца и стала смеяться над этою власяною одеждой, досаждая и понося из-за нее святую. Мелания со слезами умоляла ее никому не рассказывать о том, что она узнала.

Вскоре после того Мелания зачала во второй раз, и уже приближалось ей время родить. Наступила память святого мученика Лаврентия[1]. Всю ночь святая провела без сна, молясь с коленопреклонением и воспевая псалмы. При этом она старалась осилить естественную родовую боль. Настало утро, но она не прекратила свою многотрудную молитву. Жестокие боли роженицы усиливались до крайней степени, но она все еще преклоняла на молитву колени и, наконец, изнемогла от всенощного молитвенного труда и от естественной болезни. Тогда она в тяжких муках родила младенца мужеского пола. Приняв святое крещение, младенец тотчас отошел от этого мира к небесному отечеству. После этих родов Мелания сильно заболела и была близка к смерти. Муж ее, стоя у ее кровати, сам остался едва жив от тоски по ней и сожаления. В своем горе он поспешил в церковь, где с рыданием молился Богу, прося у Него исцеления дорогой супруги. Мелания же, видя, что время благоприятно для того, чтобы склонить мужа к своему намерению, послала сказать ему, когда он находился еще в церкви:

— Если хочешь, чтобы я и ты были живы, дай обещание перед Богом, что ты больше ко мне не прикоснешься, и будем мы до конца нашей жизни оба жить в чистоте.

---

[1] Святой мученик Лаврентий, архидиакон Римской Церкви, претерпел мученическую кончину в 258 году, будучи распростерт на железной решетке. Память его — 10 августа.

Муж Мелании, любя ее невыразимо и ставя здоровье ее выше своего, повиновался ее воле и дал обет пред Богом жить с нею в чистоте. Когда посланный вернулся и рассказал это Мелании, она обрадовалась, и ей стало легче. Телесная болезнь ее уступила место духовной радости, и Мелания прославляла Вышнего, Который помог ей, исполнив через болезнь самое заветное желание ее сердца.

Когда Мелания встала от одра болезни, ее дочь, прекрасная отрасль девства, обещанная Богу, отошла к Нему. Смерть ее еще больше склонила Апиниана к хранению чистоты, тем более что Мелания не переставала убеждать его к этому.

— Видишь, — говорила она, когда скончалась их дочь, — как Сам Бог призывает нас к чистой жизни? Если бы Ему угодно было продолжение нашего плотского супружества, Он не взял бы у нас наших детей.

И так Апиниан и Мелания, после плотского естественного супружества, вступили в супружество вышеестественное, духовное, и побуждали друг друга к добродетели, упражняясь в посте, молитве, трудах, умерщвлении плоти. Они согласились все имения отдать в лице нищих Христу, самим же совсем отречься от мира и стать иноками. Но родители Мелании никак не хотели допустить этого. И вот однажды ночью, когда Апиниан и Мелания много о том скорбели и совещались друг с другом, как бы избавиться им от хитросплетенных сетей мира, внезапно осенила их свыше Божественная благодать. Они ощутили великое благоухание, сходящее с неба, какого не может постигнуть ум и описать язык, и исполнились такой духовной отрады, что забыли всю свою скорбь. С тех пор святыми овладела еще бóльшая жажда духовных благ: мир и все, что в мире, опротивели им, и они решили, бросив все, бежать куда-нибудь и стать иноками. Но Божий промысл уготовил им иной путь к достижению желаемого.

Вскоре умер отец Мелании, и Апиниан с Меланиею стали свободными в своих действиях. Но так как у них было много богатств, которые они обещались посвятить Христу, то они не тотчас расстались с миром и отечеством своим. На то время, пока они не раздадут всего бедным, они избрали для себя местожительством одно свое имение в пригороде Рима и жили, строго храня чистоту. В то время, как эта блаженная чета избрала себе такую богоугодную жизнь, Апиниану начинался двадцать четвертый год, Мелании же заканчивался

двадцатый[1]. Поистине великое чудо, что в те годы, в которые юность горит обыкновенно огнем плотских страстей, — эта святая чета, ведя жизнь выше плотского естества, оставалась неопаляемой, подобно отрокам в печи вавилонской.

Все это произошло при руководстве Мелании. Она, как мудрая раба Господня, строго наблюдала и за собой, и за мужем, так что была для своего мужа учительницею, наставницею, руководительницею на пути Господнем. Проводя такую дивную жизнь, они продавали свои имения и беспрепятственно оказывали помощь нуждающимся.

В это время Бог послал им одно испытание. Брат Апиниана, именем Север, видя такую жизнь блаженной четы, стал считать Апиниана и Меланию ни во что, и отнимать у них некоторые имения. Когда же увидел, что они не сопротивляются ему и не заботятся об отнятом имуществе, стал помышлять о большем, присвояя себе все. Апиниан и Мелания, по своему незлобию, терпели это, возложив упование на Бога. Печалило их только одно: видя, как имения, предназначенные ими Христу, идут в руки завистливому человеку, они скорбели о том, что расхищается достояние нищих. Но Господь, Который защищает рабов Своих и избавляет их из рук обидящих их, восставил против Севера благочестивую царицу Верину[2]. Она слышала о богоугодной жизни Апиниана и Мелании и, узнав, что Север отнимает у них имения, призвала их к себе и приняла их с почетом. Когда благочестивые супруги предстали пред царицей в убогой одежде и со смиренным видом, — то царица много дивилась их убожеству и смирению; потом, обняв Меланию, она сказала ей: «Блаженна ты, избравшая себе такую жизнь!» При этом царица обещала отомстить за них Северу. Но Мелания и Апиниан просили ее не прибегать к мести, а только усовестить Севера, чтобы он не делал им больше обид.

— Нам, — сказали они, — лучше терпеть обиды, чем обижать кого-нибудь, ибо Божественное Писание повелевает тому, кого ударили в ланиту, подставить обидчику и другую (см.: Мф. 5, 39). Мы благодарим тебя, владычица, за то, что ты хочешь милостиво защи-

---

[1] Эта перемена в жизни Мелании произошла в 401 году.

[2] *Верина* — супруга императора Гонория, управлявшего западной половиной Римской империи с 395 по 423 год.

тить нас, но не просим мстить Северу. Наоборот, просим, чтобы ему не было из-за нас сделано никакого зла. С нас довольно, если отныне он перестанет дурно поступать с нами и отнимать то, что принадлежит не нам, а Христу и рабам Христовым, сиротам и вдовицам, нищим и убогим.

Еще просили они царицу, чтобы им можно было свободно, без всяких препятствий, продать их большие имения, которые представляли собою города и селения, находившиеся не только в Италии, в области Римской, но и в Сицилии[1], в Испании, Галлии и Британии. Так богаты были родители Мелании, что, кроме царя, не было никого богаче их. Царица исполнила просьбу Апиниана и Мелании, и им дана была свобода невозбранно продавать все свои имения, где бы они ни находились. У Мелании было желание дать царской сестре некоторые многоценные дары, но та не захотела взять ничего из предлагаемого, считая за святотатство взять что-либо из вещей, дарованных Христу. Наконец, Апиниан и Мелания возвратились с великою честью из царских палат к месту своего пребывания.

О размерах принадлежавшего им богатства, которое они отдали Христу, можно судить из того, что в то время никто не мог купить их дома в Риме за соответствующую цену. Только впоследствии, когда дом был подожжен варварами и значительно попорчен пожаром, он был продан за цену, меньшую своей стоимости, и вырученные от продажи его деньги были розданы убогим. Таким образом, можно положительно сказать, что Апиниан и Мелания выказали большее усердие к Богу, чем Иов. Ибо он благодарил Бога, когда лишился богатства помимо своей воли, а эти добровольно отказались от таких богатств, стремясь к нищете. Сначала такая жизнь была для них полна скорбей и казалась весьма трудною, но потом стала легка и полна всяких утешений: ибо *иго* Христово *благо* и *бремя легко* (Мф. 11, 30).

Диавол покушался искусить благочестивых супругов корыстолюбием. Однажды, когда принесено было им множество золота за проданные имения, он стал влагать им в душу какую-то страсть к золоту. Но Мелания, уразумев козни древнего змия, тотчас стерла его

[1] *Сицилия* — большой остров на Средиземном море близ юго-западной оконечности Апеннинского полуострова (Италия).

главу, вменяя золото за прах и неудержимо тратя его на убогих. Блаженная рассказывала о себе следующее:

— Было у меня одно имение с домом на высоком прекрасном месте; оно было лучше всех наших имений. С одной стороны от него — расстилалось море, и с горы было видно, как плывут корабли, как рыбаки ловят рыб. С другой — подымались высокие деревья, виднелись засеянные поля, сады и богатые виноградники; в одном месте были устроены роскошные купальни, в другом — водные источники; там слышалось пение различных птиц, здесь находились всякого рода звери в огражденных для них местах, и охота за ними была успешна. И враг внушил мне мысль поберечь это имение ради его красоты и не продавать его, но сохранить для себя, чтобы жить в нем. Но, Божиею благодатию, я почувствовала, что это козни врага, и, обратив мой ум к горним селениям, я немедленно продала то имение и вырученные деньги отдала Христу моему.

После продажи благочестивыми супругами их италийских имений, подаяния их потекли, подобно многоводным рекам, во все концы земли. Они рассылали много милостыни в Месопотамию, Финикию, Сирию, Египет и Палестину — церквам и монастырям мужским и женским, странноприимным домам и больницам, сиротам и вдовам, находящимся в оковах и в темницах, а также и на выкуп пленных. И Запад, и Восток наполнены были щедротами, шедшими из их рук. Иногда они покупали целые острова, в тихих и малолюдных местах и, построив там монастыри, отдавали их на содержание духовного чина. Повсюду украшали они святые церкви золотом и серебром, священническими златоткаными ризами и не щадили денег на церковное благолепие. Потом, оставив малую часть своих земель в Италии непроданною, они, вместе с матерью Мелании, которая была еще жива, сели на корабль и отплыли в Сицилию, отчасти, чтобы самим продать тамошние свои имения, отчасти же, чтобы посетить блаженного епископа Павлина, своего отца духовного.

Вскоре после их отъезда на Рим напали варвары[1] и опустошили мечом и огнем все окрестности города и всю Италийскую землю. Хорошо сделали святые, что успели, с помощью Божиею, продать

[1] Разумеются *готфы*, народ германского племени, которые осаждали Рим в 408, 409 и 410 годах и, наконец, разграбили его.

свои имения раньше этого бедствия. Ибо то, чему предстояло погибнуть даром, без всякого воздаяния от Бога, то превратилось для них в стократное воздаяние в вечной жизни. К тому же они сохранили целым и свое временное здравие, покидая Италию, как Лот — Содом[1], прежде лютого разорения ее варварами. Побывав в Сицилии и по дороге туда повидавшись со святым Павлином, епископом Ноланским[2], они устроили дела касательно бывших там имений и отплыли к Ливии и Карфагену[3].

Когда они плыли по морю, поднялась сильная буря и великое волнение, которые продолжались много дней. Пресная вода в корабле уже оскудевала, между тем гребцов и слуг было множество, и все они терпели сильную жажду. Святая Мелания, поняв, что Господь не благословляет избранный ими путь в Ливию, приказала повернуть паруса вслед ветру, полагаясь на Бога, что Он направит корабль, куда захочет. Подхваченные ветром, они пристали к одному острову. Незадолго до их прибытия, варвары, внезапно напав на этот остров, завладели им и увели с собою великое множество мужчин и женщин, а оставшимся жителям послали сказать, чтобы они, если хотят, скорее выкупили пленных: иначе все пленные будут обезглавлены. Население острова находилось в сильной печали, так как, по скудости средств, немногие могли заплатить выкуп. В то время пристал к острову корабль, на котором плыли Мелания и Апиниан. Епископ того острова, услышав, что к ним пристал корабль из Рима, пришел просить помощи на выкуп пленных и получил больше, чем ожидал. Сжалившись над ними, Мелания и Апиниан дали столько золота, сколько требовалось на выкуп всех пленных. Когда они отчалили от этого острова, подул ветер тихий и благоприятный, и вскоре они достигли Карфагена. Выйдя там из корабля, они творили свои обильные дела милосердия, благотворя церквам и монастырям, облегчая положение нищих и больных.

---

[1] *Лот* — племянник родоначальника евреев — Авраама. Отделившись от дяди, он поселился со своим семейством в Содоме — городе, находившемся в долине, на месте которой образовалось Мертвое море. Когда содомляне своими грехами прогневали Бога и Бог осудил Содом на уничтожение, то Лот, предуведомленный о том Ангелом, вместе с женой и дочерьми, бежал из Содома.

[2] Город *Нола* находился на юге Италии, в Кампании. *Святой Павлин* был епископом в Ноле с 409 по 431 год. Память его — 23 января.

[3] На севере Африки, почти против Италии.

Творя такие добрые дела, они поселились в одном городе, находящемся недалеко от Карфагена, который назывался Тагаста. Епископом Тагасты был Алипий, друг блаженного Августина[1], муж искусный в слове и учении, мудро наставлявший всех, приходивших к нему. Полюбив этого доброго пастыря, Апиниан и святая Мелания богато украсили его церковь и купили для нее много угодий; кроме того, они создали там два монастыря: один мужской — на восемьдесят иноков, другой женский — на сто тридцать инокинь, и обеспечили эти монастыри землею и всем нужным. Святая Мелания стала приучать себя постепенно к посту все более и более строгому, сначала вкушала через день, потом через два, наконец, оставалась без пищи всю неделю, кроме субботы и воскресенья. Иногда она занималась переписыванием книг, так как она писала очень красиво и без ошибок, иногда изготовляла одежды для нищих. Переписанные книги она посылала на продажу, а вырученные этим трудом деньги раздавала нищим. Усердно занималась она и чтением Священного Писания. Когда руки ее уставали от работы или от письма, то она упражнялась в чтении и как бы задавала работу очам своим. Если же и глаза ее уставали от долгого чтения, ей помогал слух, потому что она приказывала другим читать, а сама слушала. У нее был обычай ежегодно трижды прочитывать Ветхий и Новый Завет; а наиболее важные места она удерживала у себя в памяти и постоянно имела на устах. Спала она ночью едва два часа, и то не на постели, а на земле, на худой рогоже. Она говорила, что всегда нужно бодрствовать, потому что не знаем, в какой час придет вор. К такому подвижническому образу жизни она приучила и прислуживавших ей девиц; но немало и юношей склонила она жить в чистоте и хранить девство. Много душ неверных приобрела она для Христа и привела к Богу.

После семилетней жизни в Карфагене Мелания пожелала видеть святые места, находящиеся в Иерусалиме. Сев на корабль с матерью и с Апинианом, который прежде был мужем ее, а теперь уже духовным братом и спостником, она поплыла вместе с ними по морю. Корабль, на котором они плыли, при благоприятном ветре благополучно пристал к Александрии. Здесь они приветствовали святого Кирилла, архиепископа Александрийского. Насладившись общением с ним, они отправились опять по морю и достигли свя-

---

[1] Алипий избран был на епископскую кафедру в Тагасте в 391 году.

того града Иерусалима. Прибыв сюда, они с великим умилением и невыразимою отрадою на сердце обходили святые места, которые освятил святейшими стопами Своими Господь наш и Пречистая Богоматерь. У гроба Господня блаженная Мелания всякую ночь оставалась с вечера для молитвы. Там воссылала она ко Христу Господу теплые моления, плача, припадая ко гробу Господню, обнимая его и лобызая.

Во время пребывания Мелании и Апиниана во Иерусалиме один верный друг их продал оставшиеся италийские имения их и прислал деньги к ним в Иерусалим.

Побывав в Иерусалиме, они пожелали еще отправиться в Египет, чтобы видеть там пустынных отцов и послужить им от своего имения. Они отправились по морю в путь, а мать свою, которая была очень стара и утомлена, оставили во святом граде. При этом ей было поручено построить для их жительства дом на Елеонской горе.

В Египте Мелания с своим духовным братом Апинианом, посещали пустынных отцов и получали для души великую пользу от их боговдохновенных речей. В то же время они оказали там великие щедроты нуждающимся. Но при этом они немало встретили таких нестяжательных отцов, которые не пожелали взять предлагаемой им милостыни и бежали от золота, как от жала змеи. В числе таких был один — именем Ефестион, который, на мольбы их принять несколько золотых монет, отказался от этого. Обходя келию его и рассматривая имущество пустынника, Мелания нашла только рогожу и водонос, немного сухого хлеба и короб, в котором была соль. Она потихоньку положила золото в этот короб и покрыла солью. Когда они вышли от пустынника, от старца не утаился этот поступок Мелании. Он, найдя золото, побежал за ними, громко восклицая, чтобы они остановились и подождали его. Когда они остановились, старец показал им золото, которое держал в своей руке, и сказал:

— Не нужно мне этого: не знаю, на что его употребить; возьмите свое добро назад.

Те отвечали:

— Если оно не нужно тебе, отдай другим.

Но старец возразил:

— Кому здесь нужно это и на что? Вы видите, что место здесь пустое.

Те все не хотели взять от старца назад своего золота, и тогда он бросил его в реку и возвратился в келию.

После того путники прибыли снова в Александрию, затем в Нитрию[1], всюду обходя жилища пустынников, подобно пчелам, летающим по различным цветам и собирающим с них. Затем они вернулись в Иерусалим, обогатившись многополезными назиданиями, полученными от святых пустынников. И, как надеялись, нашли уже готовым дом для себя у Елеонской горы. Там они и поселились.

Мелания затворилась в тесной келии, положив такой завет, чтобы ни ей никого не видать, ни ее чтоб никто не видел. Только раз в неделю ее посещали мать ее и духовный брат Апиниан. В таком затворе она провела четырнадцать лет. В это время преставилась мать Мелании, исполненная добрых дел и благого упования. Святая, сотворив должное поминовение по почившей матери, снова затворилась в еще более тесной и очень темной комнате и провела в ней один год. Повсюду прошла о ней слава, многие стали приходить к ней ради духовной пользы. Тогда Мелания вышла из затвора, чтобы послужить спасению других. Она устроила монастырь, собрав свыше девяноста девиц. К ней собралось много и явных грешниц, и, наставляемые ею на путь покаяния, они начали вести богоугодную жизнь. Для своего монастыря Мелания избрала игумению, сама же стала служить всем, как раба, и заботилась о всех, как мать. Она поучала сестер разным добродетелям, во-первых — чистоте, потом — любви, без которой не может быть совершенною ни одна добродетель, затем — смирению, послушанию, терпению и незлобию. В назидание она рассказала им следующую повесть. «К одному великому старцу как-то пришел некий юноша, желая быть его учеником. А старец, показывая с самого начала, каким должен быть ученик, велел ему взять жезл и крепко бить столп, стоящий у ворот, наскакивая на него и ударяя его ногами. Ученик, повинуясь старцу, ударял бездушный столп, сколько было у него сил. Старец спросил юношу:

— Оказывал ли тебе этот столп, который ты ударял, сопротивление и оскорбился ли? Побежал ли он с своего места или бросился на тебя?

---

[1] *Нитрия* — гора к югу от Александрии, на запад от реки Нила, близ Ливийской пустыни. Название горы получилось от нитры, или селитры, в озерах, примыкавших к горе.

Юноша отвечал:

— Нет!

Старец сказал тогда:

— Бей же его крепче, сопровождай удары самыми жестокими словами: досаждай, укоряй, обесчещивай, поноси и всячески злословь его.

Когда юноша и это сделал, старец спросил:

— Разгневался ли на тебя поносимый столп, сказал ли что-нибудь против тебя? Пороптал ли или укорил тебя?

Юноша отвечал:

— Нет, отче! Да и как может разгневаться столп нечувствующий и бездушный?

Старец опять сказал:

— Если ты можешь быть таким, как этот столп, не гневаясь на тех, кто бьет тебя, не бегая от ударов, не прекословя тем, кто приказывает тебе, не возражая укорами на укоры, если ты среди всяких скорбей останешься постоянно непоколебимым, как столп, то приходи, будь нашим учеником. Иначе же не приближайся и к нашим дверям».

Такою повестью блаженная поучала сестер терпению и незлобию, и они назидались этим примером, который был им на пользу. Поучая и наставляя сестер созданного ею монастыря, святая Мелания в то же время соорудила в том монастыре благолепную церковь и постаралась, чтобы церковь была освящена святыми мощами пророка Захарии, первомученика Стефана и сорока мучеников.

После этих событий ее духовный брат, бывший прежде супругом по плоти, блаженный Апиниан, угодив Господу Богу, отошел к Нему уже в иноческом чине. Мелания с честью погребла его и потом сама стала готовиться к исходу, ожидая скорой кончины. Но промысл Божий продлил ее жизнь для спасения других. По смерти Апиниана Мелания создала еще мужской монастырь и истратила на это уже последнее свое имущество, отдав все во славу Божию. Таким образом та, которая духом давно уже стяжала нищету, стала нищею телесно.

В то время пришло к Мелании послание из Царьграда, от дяди ее Волусиана Римлянина. Этот Волусиан, получивший тогда должность римского анфипата[1], с особым поручением от западного императора

---

[1] *Анфипат* — начальник области, в состав которой входило несколько провинций.

был отправлен в Византию. Прибыв на Восток, он пожелал увидаться со своей племянницею преподобною Меланиею. Поэтому он нарочно послал к ней в Иерусалим, прося ее приехать к нему в Византию и повидаться с ним. Сперва Мелания не хотела отправляться к дяде, так как он придерживался эллинского многобожия; но потом, по совету духовных отцов, она поехала к нему, побуждаемая надеждою обратить его к Богу. По пути, во всех городах, где останавливалась святая, всюду воздавалась ей великая честь, ибо Бог прославляет прославляющих Его. Ее встречали архиереи и священники, старейшины городские и народ, и все принимали ее с любовью, как бы пришелицу с неба, потому что всему миру сиял свет ее добродетелей и святой жизни. В самой же столице она также была принята с великою честью, царем Феодосием Младшим, царицею его Евдокиею и патриархом Проклом. Дядю своего Волусиана она застала больным. Увидев ее, дядя много удивлялся ее иноческому одеянию и умерщвлению плоти, ибо лицо ее иссохло от долгих постов и трудов и прежняя красота ее увяла. И воскликнул Волусиан:

— Какою стала ты, возлюбленная Мелания!

Но к чему долго рассказывать? Отчасти личность Мелании, отчасти святой Прокл[1], больше же всего Боговдохновенная беседа благочестивой рабы Христовой и полезные ее увещевания сделали вскоре то, что дядя ее отверг эллинское нечестие и принял святое крещение. Сподобившись святых Тайн, он через немного дней после того предал дух свой Богу и был погребен руками святой Мелании.

Во время своего довольно продолжительного пребывания в Византии, Мелания обратила к правой вере многих из ереси Нестория, которая тогда сильно смущала Церковь, а также сохранила от отпадений многих православных, ибо Господь даровал ей такую благодать, что не могли ее никак одолеть еретические хитросплетенные речи несториан. Преподобная прекрасно знала Писание, употребив все годы своей жизни на его чтение и исполняясь благодати Святого Духа. С утра до вечера с нею беседовали различные люди и вопрошали ее о Православии, а она давала премудрые ответы, так что вся столица дивилась ее премудрости. Потом блаженная снова возвратилась в Иерусалим и, приближаясь к кончине своей, приготовлялась к доброму исходу.

---

[1] *Святой Прокл* — патриарх Константинопольский с 434 по 447 год.

Ей был дан дар исцелений, и она исцеляла многие болезни. Из этих исцелений, совершенных ею, расскажем о некоторых, в доказательство вселившейся в нее Божией благодати.

Царица Евдокия[1], нарекшая преподобную Меланию своею духовною матерью, прибыла в Иерусалим, отчасти — чтобы поклониться святым местам, отчасти — чтобы посетить свою духовную мать.

По дороге она вывихнула ногу и сильно страдала, так что не могла ступить. Когда же святая Мелания только коснулась ее ноги, — нога стала здоровою.

Одна молодая женщина была мучима бесом, который так заключил ей уста, что их нельзя было открыть, она не могла выговорить ни слова, ни вкусить пищи, и ее ждала смерть — скорее от долгого лишения пищи, чем от мучений беса. Эту женщину преподобная Мелания исцелила молитвою, помазав ее святым елеем. Бес вышел из нее, и ее уста открылись, чтобы славословить и благодарить Бога, и, вкусив пищи, она стала здоровой.

Другая женщина была беременной, и настало время родить ей; но не могла она сделать этого, так как ребенок умер у нее в утробе. Терзаемая страшными болями, она была при смерти. Но святая Мелания помогла этой женщине своими молитвами. Как только на грудь больной женщины был наложен пояс, она разрешилась от бремени: из нее вышел мертвый плод, ей стало легче, и она стала говорить, тогда как раньше не могла произнести ни одного слова.

Провидя свое отшествие к Богу, преподобная обошла святые места во Иерусалиме и в окрестностях, в Вифлееме и Галилее. Когда наступил праздник Рождества Христова, она была на всенощном бдении в вертепе, где родился Христос, и там сказала одной из сестер, своей родственнице, которая была при ней неотступно, что уже в последний раз она справляет с ними праздник Рождества Христова. Родственница святой, услышав такие слова, горько заплакала. Потом на день святого первомученика Стефана Мелания была на всенощном бдении в храме его, находящемся в построенной ею обители. Читая сестрам об убиении святого первомученика, она прибавила к этому от себя, что читает им уже в последний раз. Великий плач поднялся тогда о ней между сестрами: они поняли, что святая

---

[1] *Императрица Евдокия* — супруга восточного императора Феодосия II, царствовавшего с 408 по 450 год.

вскоре покинет этот мир. Мелания же, по своему обычаю, долго утешала их Боговдохновенными речами своими и поучала добродетелям. Потом она вышла в церковь и стала молиться:

— Господи Боже мой, Которого я избрала и возлюбила от начала, Которого я предпочла плотскому мужу, богатствам, славе и сластям мирским, Которому от рождения моего вручила я тело и душу мою, ради Которого я предавалась воздержанию, так что и кости прилипли к плоти моей, — Который руководил десницей Моей и наставлял меня внушением Твоим, — и ныне Ты услышь молитвенный вопль мой. И пусть эти слезы мои подвигнут потоки милосердия Твоего ко мне. Очисти греховные скверны мои вольные и невольные. Уготовь мне путь к Себе без всякого смущения и препятствия, чтобы воздушные злые бесы не удержали меня. Ты знаешь, Бессмертный, смертное естество наше. Ты знаешь, Человеколюбец, что нет человека без скверны; нет такого, на котором враг не мог бы найти какой-нибудь вины, хотя бы он жил и один день. Но Ты, Владыка, презрев все мои грехи, соделай меня чистою на суде Твоем.

Так молилась святая Мелания и, еще не окончив молитвы, начала испытывать телесную боль. Но, хотя она и изнемогала от болезни, все же не прекращала своего труда, ходила на обычное церковное богослужение и с утра наставляла сестер поучениями. Потом она причастилась Пречистых и Божественных Тайн из рук епископа Елевферопольского[1], пришедшего с клиром посетить ее, и стала ожидать наступления смерти. При этом она утешала родственницу свою, горько оплакивавшую разлуку со святою, а также и всех сестер и, простившись со всеми последним целованием, сказала следующие слова:

— Как Богу было угодно — так и сбылось.

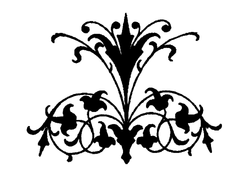
С этими словами она, лежа на простом одре, предала дух свой в руки Божии, крепко смежив очи и сложив руки на груди крестообразно[2].

---

[1] *Елевферополь* — город в южной Палестине, на дороге между Иерусалимом и Газою. В настоящее время здесь расположено селение, лежащее при выходе из равнины Сефельской в Нагорную землю Иудину. Недалеко от этого селения лежат развалины древнего Елевферополя.

[2] Это было 31 декабря 439 года.

На погребение ее собрались иноки и инокини из всех монастырей, находившихся вокруг святого города, и всю ночь пели над нею псалмы, потом с честью похоронили ее. Святая же ее душа отошла ко Господу Богу, Которого она возлюбила и Которому усердно работала все дни жизни своей. И теперь, со всеми святыми, приобщаясь славы Его, она и о нас грешных молит там Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога. Ему слава вовеки. Аминь.



АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.